

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919782 2

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

1861

ИЗДАНІЕ

СОДЕРЖАНІЕ:

I.—О СУДЬБѢ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ КЛАС- СОВЪ ВЪ ДРЕВНЕМЪ РИМѢ	П. М. ЛЕОНТЬЕВА.
II.—РАЗКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII СТОЛѢТІЯ	С. М. СОЛОВЬЕВА.
III.—ЛОМОНОСОВЪ, СТУДЕНТЪ МАРБУРГ- СКАГО УНИВЕРСИТЕТА.	М. И. СУХОМЛИНОВА.
IV.—ЧУЖОЕ ИМЯ, романъ въ 3-хъ частяхъ, часть I-я.	Н. Д. АХШАРУМОВА.
V.—РОБЕРТЪ ШУМАНЪ.	Н. Ф. ХРИСТИАНОВИЧА.
VI.—ЛИХОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, разказъ.	МАРКО ВОВЧКА.
VII.—ДНЕВНИКЪ КАМЕРЪ-ЮНКЕРА БЕРХ- ГОЛЬЦА.	М. Н. ЛЮБИНОВА.
VIII.—МОТИВЫ ИЗЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ НЫ- НѢШНИХЪ ГРЕКОВЪ	А. Н. МАЙКОВА.
IX.—НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВМѢСТО СОВРЕМЕН- НОЙ ЛЕТОПИСИ.	

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Френлейскій приходъ. Романъ Троллопа. Переводъ съ англійскаго.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

3202

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

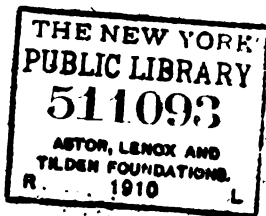
ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 10-го января 1861 года.

Ценсоръ *А. Петровъ.*

О СУДЬБѢ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ КЛАССОВЪ ВЪ ДРЕВНЕМЪ РИМѢ

Предлагаемый здѣсь опытъ составляетъ содержаніе рѣчи, произнесенной мною въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 12-го января сего года. Я предпослалъ изложенію историческаго вопроса о судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ нѣсколько вступительныхъ словъ, которыя считаю не лишнимъ привести здѣсь вполнѣ, потому что они касаются вопроса о значеніи классической древности для нашего образованія, вопроса, возбуждающаго теперь въ нашей литературѣ много смутныхъ толковъ. Вотъ эти вступительныя слова :

«Сегодня сто шесть лѣтъ тому, какъ дочь преобразователя, неразрывно связавшаго судьбы русскаго народа съ судьбами образованнаго человечества, основала у насъ на Руси первый пріютъ гуманизирующей университетской науки. Торжественное засѣданіе университетскаго совѣта, которое вы, Мм. Гг., нынѣ почтили своимъ присутвіемъ, воспоминаетъ тотъ незабвенный день, когда первая въ Россіи кормилица общечеловѣческой мысли, наша *Alma Mater*, университетъ Московскій, былъ учрежденъ по волѣ императрицы Елисаветы Петровны и по совѣту просвѣщенныхъ, доброжелательныхъ патріотовъ, которые уже тогда отчасти сознавали, отчасти инстинктивно чувствовали великое значеніе науки, и которымъ будетъ за то вѣчная слава, возрастающая изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ то время, когда уровень русскаго образованія стоялъ еще очень низко, и грубость нравовъ доходила до степени едва вѣроятной намъ, эти люди искали отечеству, горячо любимому, залоговъ величія не въ грубой вещественной силѣ. Когда, при маломъ знакомствѣ съ природой науки, было извинительно сомнѣваться въ непреложной истинѣ, что въ христіанскомъ об-

ществѣ свободно-познаваемое добро не можетъ не торжествовать надъ свободно-познаваемымъ зломъ, они имѣли нравственную силу смотрѣть на будущее развитіе знанія въ Россіи безъ недовѣрія къ естественному теченію жизни, и совѣтъ, поданный ими монархинѣ съ гражданской доблестью истинныхъ вѣрноподанныхъ, сдѣлался для Россіи плодотворнымъ сѣменемъ новаго умственного развитія, которое не посрамитъ ихъ памяти. Но то были, Мм. Г., лишь первыя слабыя насажденія гуманизма, поражавшія неопредѣленное, туманное стремленіе къ иноземной наукѣ и не имѣвшія прочной домашней основы. Воздавая должную честь основателямъ Московскаго университета, мы погрѣшили бы противъ своего времени, еслибы не помянули живымъ словомъ благодарности и тѣхъ людей, которымъ Московскій университетъ обязанъ своимъ позднѣйшимъ болѣе полнымъ устройствомъ. На насъ лежитъ долгъ, Мм. Г., помянуть при нашемъ соединенномъ университетскомъ торжествѣ имя министра, который еще на нашей памяти управлялъ вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія, имя графа Сергія Семеновича Уварова. Содѣйствуя разработкѣ источниковъ русской исторіи и возвышая преподаваніе древнихъ языковъ въ гимназіяхъ и университетахъ, онъ руководился вѣрнымъ убѣжденіемъ что лишь на этомъ пути мы придемъ къ само-бытному гуманизму. Въ послѣднее десятилѣтіе его министерства реальное направленіе получило въ Германіи нѣкоторую популярность, какъ естественная реакція противъ школьнаго характера тамошней науки. Это реальное направленіе, возставшее противъ гуманизма во имя матеріальнаго благосостоянія массъ, не успѣло еще тогда оказаться несостоятельнымъ, какъ оно оказалось въ послѣдствіи, но графъ Уваровъ не увлекся этимъ направленіемъ; онъ сохранилъ русскія гимназіи какъ отъ наплыва постороннихъ предметовъ, ослабляющихъ преподаваніе и развѣдкающихъ умы юношей, такъ и отъ факультетскаго раздѣленія, противорѣчащаго коренному назначенію гимназіи—давать своимъ питомцамъ общечеловѣческое образованіе. Оканчивая поприще своей жизни въ здѣшней столицѣ, уже полуразрушенный тяжкою болѣзнію, онъ любилъ бесѣдовать о своей административной политикѣ, о краткости своихъ уставовъ, дававшей учебнымъ заведеніямъ возможность развиваться индивидуально, о своемъ всегдашнемъ желаніи предоставлять самостоятельность корпораціямъ учителей и профессоровъ, и вообще децентрализовать управленіе

(что повело между прочимъ къ учрежденію почетныхъ попечителей и смотрителей), наконецъ о своей неуклонной вѣрности истинному понятію гуманизма. Московскій учебный округъ былъ такъ счастливъ, что наиболѣе существенныя педагогическія стороны классическаго направленія развивались въ немъ успѣшнѣе чѣмъ въ другихъ частяхъ Россіи, благодаря двѣнадцатилѣтней неусыпной, строго-последовательной дѣятельности и рѣдкимъ сердечнымъ качествамъ именитаго лица, которое еще служить отечеству, и котораго скромность да не оскорбится публичнымъ словомъ его питомца, всегда находившаго въ немъ самое теплое участіе и къ себѣ лично и къ своему дѣлу, до сихъ поръ еще, несмотря на вѣковое существованіе Московскаго университета, мало популярному въ Россіи и легко страдающему отъ малѣйшихъ препятствій. Будемъ надѣяться, Мм. Гг., что трудное дѣло воспитанія будущихъ поколѣній вскорѣ возвратится у насъ на вѣрный путь, и не забудемъ, что при просвѣщенномъ, открытомъ образѣ дѣйствій нынѣшняго управленія, извѣстная доля ответственности за успѣхъ приготовляемыхъ нынѣ мѣръ лежитъ на самомъ русскомъ обществѣ, и въ особенности на руководителяхъ русскаго общественнаго мнѣнія. Русская литература несетъ нынѣ обязанность серьезно и пристально вникнуть въ этотъ великій вопросъ о гуманизмѣ, отъ котораго всего болѣе зависитъ будущее Россіи. Тѣ люди, которымъ благоприятныя обстоятельства дозволили получить классическое образованіе, должны соединенными силами бороться противъ незнанія, легкомыслія и апатіи, противъ фальшивой филантропіи, которая есть первый врагъ филантропіи истинной, наконецъ противъ этой робости, унывающей передъ обширностію и глубиной современнаго европейскаго образованія, противъ всѣхъ этихъ легко объяснимыхъ слабостей и незрѣлыхъ стремленій, вступающихъ между собою въ союзъ для перестройки учебной части по дѣтскимъ планамъ, осуществленіе которыхъ вело бы только къ тому, чтобы русскій народъ всегда оставался далеко позади образованныхъ народовъ Европы.

«Многіе указываютъ на несомнѣнное превосходство новой христіанской цивилизаціи надъ цивилизаціей Грековъ и Римлянъ, и выводятъ заключеніе, что намъ нечего учиться у древнихъ гуманности, которой они не имѣли, а надобно сосредоточить всѣ усилія на знакомствѣ съ новою исторіей и современнымъ,

дѣйствительно гуманнымъ бытомъ образованныхъ народовъ Европы. Мм. Гг., съ обѣими частями этого заключенія можно соглашаться, и тѣмъ не менѣе считать необходимымъ для гуманизма изученіе древности. Древность изучается не за тѣмъ, чтобъ у ней учиться, а преимущественно за тѣмъ, чтобы познавать ее. Отчасти можно даже сказать, что изученіе ея высоко цѣнится именно вслѣдствіе невозможности относиться къ ней ученически или рабски подражать ей. Миръ древности есть миръ отдаленный отъ насъ, отжившій и замкнутый. Между тѣмъ какъ сужденія наши о современныхъ намъ народахъ, еще не сказавшихъ своего послѣднаго слова, по необходимости условливаются нашими надеждами на то, что они имѣютъ совершить въ будущемъ, древность можетъ быть для насъ предметомъ чистаго знанія. Съ другой стороны, классическая древность есть великая эпоха исторіи, долженствовавшая непосредственно предшествовать явленію христіанства и послужить главнымъ орудіемъ для его распространенія. Въ жизни человѣчества она была приготовленіемъ его къ новой христіанской исторіи и имѣетъ то же самое педагогическое значеніе въ системѣ ново-европейскаго образованія. Понятіе гуманизма, неизвѣстное не только въ древности, но и въ средніе вѣка,—это понятіе, имѣющее опредѣленный историческій смыслъ и отнюдь не тождественное съ ходячимъ и довольно безцвѣтнымъ понятіемъ гуманности, это понятіе человѣчественнаго образованія, состоящаго въ усвоеніи преданій рода человѣческаго и дѣлающаго насъ сильными цѣлымъ прошедшимъ исторіи человѣчества,—это понятіе, особенно дорогое для народовъ юныхъ, появилось, какъ всѣмъ извѣстно, въ эпоху такъ-называемаго возрожденія наукъ вслѣдствіе распространившагося знакомства съ классическою древностію.

«Да будетъ позволено мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе, хотя оно и не можетъ быть высказано въ популярной формѣ. Миръ классической древности, закончившій собою древнюю языческую исторію, представляетъ намъ высшую степень, которой могло достигнуть естественное развитіе языческаго человѣчества, ту степень, на которой, вслѣдствіе возстановившагося равновѣсія основныхъ началъ человѣческой природы, должно было проявиться, какъ бы въ подобіи и прообразованіи, все то, что только можетъ принести съ собою дальнѣйшая исторія человѣчества. Уже Аристотель, жившій въ то время,

когда Греція оканчивала циклъ своего самобытнаго образованія, могъ сказать, разсуждая о политикѣ, что почти все найдено людьми, *πάντα σχεδὸν εὑρηται*, но что одного люди не знаютъ, ибо многое изъ найденнаго еще не собрано, а другіе не пользуются, хотя и знаютъ. Мы должны подтвердить это замѣчаніе теперь, черезъ двѣ тысячи лѣтъ, особенно если отнесемъ его ко всей классической древности. Оно имѣетъ силу относительно всѣхъ областей естественной дѣятельности человѣка. Въ умственной жизни древнихъ народовъ, точно такъ же, какъ и въ ихъ жизни политической, мы можемъ встрѣтиться со всѣми возможными направленіями человѣческой мысли и воли, и, что особенно важно, мы можемъ ознакомиться съ ними въ ихъ элементарной, типической формѣ, облегчающей изученіе. Не даромъ древнія философскія системы считаются азбукой для философа, а древнее искусство—лучшею школою для художника и критика. Не даромъ высшіе классы англійскаго общества приготавливаются къ политическому поприщу на тщательномъ изученіи древнихъ въ суровыхъ филологическихъ школахъ Итона, Оксфорда и Кембриджа. Простота и ясность явленій древней жизни, ихъ яркая типичность, преобладаніе во всемъ этихъ *genres tranchés*, которыхъ Наполеонъ, въ разговорѣ съ Гете, требовалъ отъ новой литературы, дѣлаютъ древность драгоценною школою для практическаго политика, нуждающагося въ путеводномъ свѣтѣ общихъ понятій, дабы не заблудиться среди многообразнаго сплетенія и взаимнодѣйствія интересовъ дѣйствительности. Не менѣе драгоценною школою служить изученіе древности и для теоретика-публициста, который, изучая законы человѣческаго общества, обязанъ, по выраженію Аристотеля, *καὶ τῶ λόγῳ θεωρεῖσθαι, καὶ ἐκ τῶν γινομένων καταμαθεῖν*,—и разумомъ усматривать и изъ событій познавать. Полибій, основываясь на своемъ знакомствѣ съ исторіей Греціи, предсказалъ Риму дальнѣйшія судьбы его, и эти предсказанія сбылись на дѣлѣ. Нибуръ, въ 1830 году, глубоко потрясенный извѣстіемъ объ іюльской революціи, ускорившей, какъ говорятъ, смерть его, предусматривалъ мрачное будущее Франціи, и республику 1848 года, и послѣдовавшую за ней диктатуру. Близорукіе люди порицали его за это какъ обскуранта, но мы знаемъ, что опасенія этого великаго историка-публициста были оправданы событіями.

«Изучая новую исторію, таинственную въ глубинѣ ея сокровеннаго смысла, историкъ не можетъ обозрѣвать начальныя

причины и окончательныя слѣдствія событій въ полной винословной связи. Не только исторія новыхъ европейскихъ государствъ, еще продолжающаяся, но даже исторія средневѣковыхъ городовыхъ республикъ, давно отжившихъ свой политическій вѣкъ, не поддается такому разсмотрѣнію. Макиавель, такъ логически съ своей точки зрѣнія рассуждающій о римской исторіи, оставилъ намъ исторію своего роднаго города, въ высшей степени замѣчательную по ясности изложенія и широтѣ взглядовъ. Читая его *Флорентинскую Исторію*, *Le Istorie Fiorentine*, мы отчетливо понимаемъ логику событій, по сколько она обуславливается внутренними дѣлами Флоренціи. Мы ясно видимъ, что этотъ городъ, въ политическомъ отношеніи, достигаетъ кульминаціоннаго пункта къ концу XIII столѣтія, когда зрѣютъ геніяльныя силы Данта и Джотто, и строятся церкви, которыми гордится еще Флоренція, когда постановка образа Богоматери, работы Чимабуэ, въ церкви Santa Maria Novella, привѣтствуется какъ великое событіе, и архитекторъ Андрей дель-Чіоне получаетъ порученіе соорудить такой соборъ, который, по огромности и искусству, превзошелъ бы все, что тогда было въ этомъ родѣ на свѣтѣ. Мы видимъ, чѣмъ было подготовлено это время; понимаемъ, какое значеніе въ флорентинской жизни имѣла полноправность всѣхъ гражданъ, столь бережно охраняемая закономъ 1289 года противъ всего того, что имѣетъ хотя отдаленное сходство съ крѣпостною зависимостію. Мы узнаемъ, что именно во время процвѣтанія Флоренціи силы знати и цеховъ находились въ равновѣсіи, и что Флоренція начинаетъ клониться къ упадку съ самаго того 1294 года, когда цехи отнимаютъ у знати законное участіе въ управленіи городомъ. Мы видимъ далѣе, какъ на заднемъ планѣ за цехами возникаетъ мрачная фигура черни, какъ, послѣ побѣды народа надъ знатью, начинается борьба между горизонтальными слоями народа, между народомъ высшимъ, среднимъ и низшимъ, и какъ наконецъ низшій народъ, опираясь на свою численность, достигаетъ преобладанія и доводитъ Флоренцію до диктатуры. Этотъ ходъ событій представляется намъ въ совершенной ясности, но мы не находимъ достаточныхъ данныхъ, чтобы произнести сужденіе о доблестяхъ и ошибкахъ флорентинской знати, о причинахъ могущества цеховъ передъ знатью и ихъ слабости передъ чернью, и наконецъ о томъ историческомъ значеніи, которое имѣетъ диктатура фамиліи Медичи въ исторіи Флоренціи и Италіи. Въ

древнемъ Римѣ эпоха процвѣтанія была приготовлена борьбой двухъ сословій, и начинается со времени уравниня правъ; во Флоренціи мы никакъ не можемъ приписать пробужденіе народныхъ силъ одной борьбѣ цеховъ со знатью. Согласно съ общимъ характеромъ новой исторіи гдѣ все происходитъ подъ вліяніемъ великихъ всемірно-историческихъ движеній, мы должны отнести во Флоренціи весьма многое къ борьбѣ Гвельфовъ и Гибеллиновъ и къ тому обстоятельству, что въ этомъ городѣ съ давнихъ поръ одержала верхъ партія папъ, тогда покровительствовавшихъ городской свободѣ. Но на борьбу Гвельфовъ и Гибеллиновъ невозможно смотрѣть съ узкой флорентинской точки зрѣнія; на нее нельзя даже смотрѣть съ точки зрѣнія чисто-политической, и мы должны сознаться, что Гибеллина Данта еще не разсудила съ папами исторія.

«Я увлекся, Мм. Гг., темой о гуманизмѣ. Извиненіемъ мнѣ за послужить, что вслѣдствіе pripravляющейся реформы училищъ, эта тема имѣетъ нынѣ для Россіи не только тотъ общій интересъ, котораго она никогда не потеряетъ, и который долженъ постоянно возрастать, но и интересъ минуты. Имѣя счастье преподавать въ Московскомъ университетѣ именно тотъ предметъ, который считается главнымъ орудіемъ гуманизма, а въ Англии, вѣрно хранящей преданіе, до сихъ поръ даже обозначается его именемъ (1), я не могъ не коснуться этой темы, хотя и не ее избралъ я для моего слова, которымъ буду привѣтствовать благосклонныхъ посѣтителей нашего академическаго торжества. Когда дошедшею до меня очередью я былъ призванъ, въ новонаступившій многознаменательный для Россіи 1861 годъ, къ почетной обязанности обратиться къ вамъ, Мм. Гг., съ университетскою рѣчью, я не могъ колебаться въ выборѣ предмета. Скромный и трезвый университетскій праздникъ приглашаетъ своихъ посѣтителей не къ торжеству, расточающему драгоценныя средства образованія юныхъ поколѣній на пышное пиршество и роскошныя яства. Существенную часть его составляетъ ученая рѣчь, и это обязываетъ очереднаго университетскаго оратора искать въ области своей науки такой темы, которая находится въ ближайшей связи съ текущими задачами общественной жизни. Какъ представитель на этотъ разъ университетской корпораціи, благодаря васъ за честь, которую вы

(1) Въ Англии латинская словесность на университетскомъ официальномъ языкѣ называется *humanity*.

соблаговоляли оказать намъ своимъ присутвіемъ на нашемъ академическомъ актѣ, я счелъ долгомъ избрать для настоящей праздничной бесѣды предметъ соприкосновенный съ вопросомъ, занимающимъ теперь всѣхъ и cadaго въ Россіи.

«Реформа крестьянскаго быта, готовая нынѣ стать дѣйствительностію, будущая вѣчная слава царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, первое событіе имѣющей открыться вслѣдъ за симъ совершенно-новой русской исторіи, событіе великое, которое, какъ позволительно надѣяться, своими послѣдствіями выведетъ на историческое поприще сознательнаго труда сорокъ милліоновъ людей, и пробудитъ всѣ классы нашего общества къ оживленной дѣятельности, достойной принять благословеніе Промысла, — эта великая реформа составляетъ нынѣ предметъ разнообразныхъ заботъ, затрогивающихъ сердце и душу cadaго Русскаго. Университетская наука не можетъ оставаться чуждою этимъ заботамъ. Не призванная къ практическому участию въ дѣлѣ жизни, привыкшая сосредоточиваться на изученіи постоянныхъ и общихъ законовъ, которые не зависятъ отъ случайныхъ частныхъ условій, мѣстныхъ и временныхъ, дающихъ колоритъ политическимъ мѣрамъ и не рѣдко требующихъ отъ практической дѣятельности спѣшнаго выбора между многими возможными рѣшеніями, наука имѣетъ однакожъ несомнѣнное призваніе служить разъясненію понятій, руководящихъ практическими дѣйствіями людей. Какъ ни слабы насажденія науки въ Россіи, до сихъ поръ, за немногими исключениями, все еще остающіяся искусственными и зависящія отъ разныхъ случайныхъ вліяній на погоду и почву, однакожъ и у насъ въ Россіи разрѣшеніе крестьянскаго вопроса отчасти уже вызвало, отчасти готово вызвать рядъ изученій, имѣющихъ своимъ предметомъ судьбу земледѣльческихъ классовъ. Къ этимъ опытамъ, предпринимаемымъ въ духѣ истинной науки, не имѣющимъ доктринерскаго притязанія подчинять текущую жизнь теоретическимъ увлеченіямъ, но не отказывающимся служить практической политикѣ установленіемъ точекъ зрѣнія, да присоединится и мое сегодняшнее слово *о судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ.*»

Поводъ, побудившій меня избрать эту тему, имѣлъ вліяніе и на самое развитіе ея. Я не могъ не имѣть въ виду преимущественно той стороны историческаго вопроса, которая представляетъ для насъ интересъ современный; сторона эта тѣмъ болѣе привлекала къ себѣ вниманіе, что начатая нами въ на-

шемъ журналѣ разработка русскаго современнаго вопроса, внезапно прекратившись, оставила такъ много недосказаннаго, и прерванныя мысли сами напрашивались на языкъ. Предлагаемую статью я раздѣляю, для удобства читателей, на три главы и дополняю изложеніе рѣчи нѣкоторыми поясненіями и фактическими подробностями.

I.

Сами Римляне говорили, что они сильны двумя вещами: оружіемъ и полеводствомъ. *Nos armis et arvis*. Оружіемъ они покорили міръ, а оружіе ихъ ковано земледѣіемъ. Они любили прославлять эту связь войны съ плугомъ. Богъ Марсъ былъ у нихъ и воетель и пахарь вмѣстѣ. *Ex agricolis et viri fortissimi et milites strenuissimi gignuntur* (1), говорилъ цензоръ Катонъ, этотъ типическій представитель стариннаго римскаго образа мыслей.

Salve, magna parens frugum, Saturnia tellus,
Magna virum (2),

привѣтствуетъ Италію Вергилій, пѣвецъ земледѣлія, прославившій потомъ Энея и мечъ его, *arma virumque*. Римскія похвалы земледѣлію не ограничиваются впрочемъ тѣмъ, что оно дѣлаетъ человѣка способнымъ къ военной службѣ. По римскимъ понятіямъ, оно наилучшимъ образомъ prepares человѣка къ обязанностямъ политическимъ; оно воспитываетъ добрыхъ, благонамѣренныхъ гражданъ, *minime male cogitantes*, какъ выразился тотъ же старій Катонъ; это промыселъ благочестивый, надежный и наименѣе подающій поводъ къ зависти, *maximeque pius questus, stabilissimusque minimeque invidiosus*. Дѣйствительно земледѣльческій промыселъ, находящійся въ большей зависимости отъ стихій и силъ природы, нежели городская промышленность, приучаетъ человѣка уступать необходимости, а слѣдовательно можетъ развивать въ немъ способность къ повиновенію, а работа въ полѣ, закаляющая физическія силы человѣка, дѣлаетъ его способнымъ переносить тревоги и лишенія

(1) Изъ земледѣльцевъ выходятъ и самые храбрые мужи и самые ревностные воины.

(2) Привѣтъ тебѣ, великая родительница плодовъ, земля Сатурнова, великая родительница мужей.

военной жизни. Но съ другой стороны земледѣльческой промыселъ, именно тѣмъ и отличается отъ другихъ низшихъ промысловъ, каковы охота, рыболовство и т. п., что не подчиняется зависимости отъ случая, а самъ направляетъ силы природы и заставляетъ ихъ дѣйствовать подъ своимъ руководствомъ. Поэтому земледѣліе должно развивать въ человѣкѣ извѣстную степень самостоятельности. Оно только даетъ этой самостоятельности другое настроеніе нежели городская жизнь, потому что оно пріучаетъ человѣка чувствовать свою связь съ общою космическою жизнію естества. Оно располагаетъ человѣка встрѣчать съ трезвымъ недоувѣріемъ все одностороннее и отвлеченное. Оно воспитываетъ въ человѣкѣ искусство прировняться къ дѣйствительности и примиряться съ существующимъ порядкомъ вещей, не отказываясь отъ вліянія на него, но всегда соразмѣряя свои дѣйствія съ своими силами. Скромная твердость, составляющая главную отличительную черту римскихъ плебеевъ, ту черту, которой они обязаны законностию и успѣхомъ своей неутомимой и въ то же время умѣренной вѣковой борьбы съ патриціями, эта скромная твердость, поистинѣ заслуживающая удивленія, состоитъ, по всему вѣроятію, въ связи съ ихъ земледѣльческимъ занятіемъ. «Весьма естественно, говоритъ Нибуръ, что работа здоровая тѣлу и упражняющая силы, производимая не въ заперти, а среди широкой жизни природы, подъ солнечнымъ свѣтомъ или грозными тучами, сохраняетъ и душу человѣка въ наилучшемъ состояніи; что она воспитываетъ въ человѣкѣ серіозность и степенность, внимательную наблюдательность и правильное сужденіе. Свободный земледѣлецъ, самъ обрабатывающій и пожинающій свое поле, пользуется—сообразно теченію годаи природѣ своихъ занятій—благодѣяніями досуга, безъ котораго невозможно сохранить тѣло и душу въ неиспорченномъ здравіи. Городской работникъ едва-едва отдыхаетъ въ праздникъ, но и то не посредствомъ успокоенія. Онъ во многомъ зависитъ отъ другихъ людей, которые могутъ лишить его всей прибыли. Онъ или самъ носитъ въ себѣ зависть къ соремесленникамъ или испытываетъ на себѣ ея злобу, и каждое ремесло въ свою очередь враждуетъ съ другими. У городского промышленника нѣтъ спокойной самоувѣренности, которую даетъ твердая собственность. Мысли земледѣльца наглядны и жизненны, ибо ихъ кругъ ограниченъ; горожанъ запутываютъ смутныя понятія и частое злоупотребленіе разговоромъ.» Города, по замѣчанію г. Ток-

кера (1), расширяютъ поприще для добродѣтели и порока; они облегчаютъ нововведенія, хорошія и дурныя. Любовь къ свободѣ въ селахъ крѣпче и тверже, въ городахъ проникательнѣе и ревнивѣе и подвергается бѣльшимъ опасностямъ отъ любостыжанія и честолюбія. Общественная жизнь течетъ въ городахъ быстрѣе. Неимовѣрно-быстрое развитіе греческихъ республикъ объясняется тѣмъ, что онѣ имѣли преимущественно городской характеръ, но этимъ же объясняется и скоротечность ихъ исторіи. Греки пренебрегали земледѣліемъ; съ помощію рабства, а отчасти и подчиненія свободныхъ людей, подобнаго крѣпости (періаки, гелоты въ Лакедемонѣ), они могли обезпечить себѣ полный досугъ и, живя въ городахъ, не заниматься даже городскими ремеслами. Вся ихъ жизнь была посвящена политикѣ и высшимъ интересамъ человѣческой природы, искусству, философіи, религіознымъ празднествамъ и мистеріямъ. Но хотя Грекъ занимался круглый годъ публичными дѣлами, и почти не сходилъ съ городской площади, законодательство было у Грековъ въ меньшей степени народнымъ дѣломъ, чѣмъ въ Римѣ, гдѣ граждане, по крайней мѣрѣ въ лучшія времена республики, проводили бѣльшую часть времени за сельскими работами и только по временамъ сходились на римскомъ форумѣ или на Марсовомъ полѣ для рѣшенія политическихъ дѣлъ. Лишь въ Римѣ встрѣчаемъ мы тотъ консервативный характеръ историческаго движенія, которому оно обязано тѣмъ, что трудъ вчерашняго дня не пропадаетъ для дня завтрашняго, и народный бытъ создается совокупными усиліями дѣлаго ряда поколѣній. «Государственное устройство наше, говоритъ Катонъ, оттого превосходнѣе устройства другихъ государствъ, что въ тѣхъ законы установлены болышею частію отдѣльными лицами: въ Критѣ Минномъ, въ Спартѣ Ликургомъ, въ Афинахъ, гдѣ часто все измѣнялось, то Тесеемъ, то Дракономъ, то Солономъ, то Клисеевомъ и многими другими, пока наконецъ безжизненное и бездыханное государство возстановилъ ученый мужъ Димитрій Фалерійскій: а наша республика устроена умомъ не одного человѣка, а многихъ, и не въ продолженіи жизни одного человѣка, а въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній и вѣковъ. Нѣтъ и не было такого ума, отъ котораго бы ничего не укрывалось, и опять всѣ умы, собранные вмѣстѣ, не

---

(1) Tucker, *Progress of the United States* p. 127.

могутъ въ одно какое-нибудь время провидѣть и охватить все безъ долговременнаго опыта, и потому не одному времени и не одному человѣку принадлежить устройство государства (1)». Продолжительный, постепенный ростъ римскаго государственнаго и гражданскаго закона, его неразрывная связь съ народнымъ обычаемъ, его независимость отъ лицъ и въ то же время его способность развиваться въ живомъ сознаніи людей, хранившихъ и исполнявшихъ его, всѣ эти свойства, сближающія Римъ съ еовременною Англіей, гдѣ государственная конституція также слагалась вѣками, гдѣ такъ-называемое *общее право, common law*, твердо хранится не въ мертвыхъ кодексахъ отвлеченнаго законодательства, а «въ груди королевскихъ судей Вестминстера», эти свойства, говорю, загадочная для поверхностнаго взгляда, находятъ себѣ разгадку въ римскомъ земледѣльческомъ бытѣ, въ консервативномъ настроеніи, которое составляетъ по всюду отличительную черту людей, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, и въ томъ ихъ свойствѣ, что они, по мѣткому и глубокому замѣчанію Риля, всегда имѣютъ болѣе уваженія къ обычаю и лицу нежели къ отвлеченному закону. Плиній Старшій, въ то позднее время, въ которое онъ жилъ, взиралъ съ удивленіемъ на римскую старину, когда руками самихъ полководцевъ обрабатывались поля, и земля радовалась подъ плугомъ, украшеннымъ лаврами, и подъ триумфаторомъ ведущимъ плугъ. «Сбьющимъ нашли Серана нововозложенныя почести, откуда и произошло его прозвище; пашущему свои четыре югера (осьминника) на холмѣ Ватиканскомъ Цивцинату принесъ вѣстникъ диктатуру и притомъ, какъ разказываютъ, когда онъ былъ нагъ, и пыль наполняла ротъ его. А теперь то же самое дѣло исполняютъ скованныя ноги, осужденныя руки, клейменыя лица (2)». Многія имена старинныхъ римскихъ семей были заимствованы отъ земледѣлія. Кромѣ сыятелей Серановъ, въ Римѣ были Пизоны мельники, Столоны садовники, Фабіи разводители бобовъ и Лентулы — чечевицы, не говоря уже о Порціяхъ, Овиніяхъ, Каприліяхъ. Азеліяхъ, Таврахъ, Бубулькахъ, Витулахъ и Верресахъ, получившихъ свои прозванія отъ свиней, овецъ, козловъ, ословъ, быковъ и т. д. Когда старики наши, говорилъ Катонъ, хотѣли

(1) По переводу К. К. Зедергольма въ его диссертациі: *Катонъ Старшій*.

(2) *Nat. Hist.* VIII princ.

кого-нибудь похвалить, они называли его добрымъ земледѣльцемъ и добрымъ селяниномъ, *bonum agricolam bonumque colu-
mum*.

Позднія римскія похвалы земледѣлю, превозносящія его надъ всѣми другими промыслами, безспорно отзываются мечтательными желаніями воротить старину, желаніями, переносившими свои идеалы въ прошедшее, послѣ того какъ для настоящаго и будущаго закрылись всѣ просвѣты въ мірѣ идеаловъ. Но римскій національный взглядъ на земледѣліе остается памятникомъ времени еще здороваго; политическое значеніе земледѣльческаго промысла, сейчасъ указанное мною, не есть выдумка мечтателей и утопистовъ. Въ самой древности оно имѣетъ за себя авторитетъ мыслителя, котораго слава состоитъ въ томъ, что его мысль осталась свободною отъ всего утопическаго, и котораго мнѣніе въ этомъ дѣлѣ имѣетъ тѣмъ большій авторитетъ, что оно составилось на основаніи наблюденія не римской, а греческой жизни. Аристотель, изучившій и описавшій слишкомъ сто пятьдесятъ политическихъ устройствъ разныхъ государствъ въ большомъ сочиненіи, называвшемся *Politicis* и для насъ, къ сожалѣнію, уже не существующемъ, не можетъ быть причисленъ ни къ мечтательнымъ реставраторамъ старины, ни къ поборникамъ сельской землевладѣльческой аристократіи. Ксенофонтъ, предпочитавшій Спарту Аѣнамъ, руководился своимъ мечтательнымъ идеаломъ, своимъ недоверіемъ къ свободѣ и жизни, когда видѣлъ своего идеальнаго человека, своего *καλὸς κἀγαθὸς*, въ земледѣльцѣ (1). Но если Аристотель говоритъ намъ, что, по его мнѣнію, лучший въ политическомъ отношеніи народъ есть народъ земледѣльческій, *βέλτιστος δῆμος ὁ γεωργικὸς* (2), то въ этихъ словахъ нельзя не признать голоса самой жизни. Римская исторія, сравненная съ исторіей греческою, вполне подтверждаетъ это сужденіе греческаго политика, хотя она отнюдь не подтверждаетъ мнѣнія тѣхъ позднѣйшихъ римскихъ мечтателей и идиллистовъ, которые считали земледѣліе единственнымъ промысломъ, достойнымъ человека свободнаго, и единственнымъ занятіемъ древнихъ Римлянъ. Исторія показываетъ намъ, что само земледѣліе не можетъ стать промысломъ, если вокругъ него не развиваются другіе промыслы. Раздѣленіе занятій, накопленіе капиталовъ и ихъ

(1) Oekon. 5, 6, 11.

(2) Politic. IV, 2.

подвижность, все это скорѣе и легче развивается въ городскихъ промыслахъ нежели въ земледѣліи. Народъ, исключительно занимающійся земледѣліемъ и удерживаемый при этомъ занятіи, какъ желалъ Ксенофонтъ, искусственными мѣрами, не можетъ уйти далеко ни въ экономическомъ, ни въ политическомъ отношеніи. Смирность земледѣльца легко превратится въ рабскую робость, довольство малымъ—въ слѣпую и лѣнливую привязанность къ старинѣ. Земледѣліе будетъ не промысломъ, а обычаемъ. Расточительность въ хорошіе годы, нищета и голодная смерть въ дурные, будутъ обычнымъ явленіемъ народнаго быта. Благосостояніе и богатство, которыя, по мнѣнію Ксенофонта, будто бы даются однимъ земледѣліемъ, будутъ напротивъ недосыгаемы. Римъ достигъ благоустройства и благосостоянія именно потому, что не жилъ такою скудною, одностороннею жизнью. Мы имѣемъ положительныя данныя, убѣждающія насъ въ томъ, что Римляне никогда, ни даже въ самое древнее время, не были народомъ исключительно-земледѣльческимъ.

Сказаніе объ основаніи города Рима изображаетъ спутниковъ Ромула пастухами. Теперь чуть не всякій считаетъ долгомъ улыбнуться очевидной будто бы несообразности этого сказанія. Но помимо того, что могли присочинить къ римской мифической исторіи позднѣйшіе сказочники разнаго рода, латинскіе и греческіе, мы имѣемъ передъ собой въ этомъ сказаніи римскій народный взглядъ на связь основанія Рима съ пастушескимъ бытомъ и скотоводствомъ. Въ представленіи Римлянъ, основаніе города соединялось съ праздникомъ пастушеской богини Палесы. На пастушескій же бытъ указываютъ многія черты совершавшагося на Палатинскомъ холмѣ стариннаго національнаго праздника Луперкалій, того праздника, который наиболѣе носилъ на себѣ печать древнѣйшаго быта, и, что замѣчательно, долѣе всѣхъ языческихъ праздниковъ держался въ христіанскомъ Римѣ. На древнѣйшихъ римскихъ монетахъ, этихъ большихъ четырехугольных *aes grave*, которые принадлежатъ къ драгоцѣннѣйшимъ экземплярамъ такъ-называемаго *aes grave*, мы находимъ изображеніе быка. Мы знаемъ наконецъ, что самая почва ближайшихъ окрестностей Рима, по крайней мѣрѣ въ своемъ естественномъ состояніи, болѣе благопріятствуетъ пастуху, чѣмъ земледѣльцу. Римъ, вмѣстѣ съ Мадридомъ, составляетъ единственный примѣръ столицы, не окруженной огородами и садами. Между тѣмъ какъ малая

покатость почвы затрудняетъ здѣсь стокъ водъ, столь нужный для земледѣльца, а частые разливы препятствуютъ разграниченію и правильному воздѣлыванію полей, близость моря приносить влагу, усиливающую растительность, и дѣлаетъ дуга между Римомъ и морскимъ берегомъ превосходными пастбищами. Лишь вслѣдствіе значительнаго размноженія жителей, лишь послѣ того какъ человекъ нашелъ здѣсь поводъ и возможность положить много труда на землю, эти естественныя пастбища могли превратиться въ пахатныя поля или сады и огороды, чѣмъ они дѣйствительно были въ эпоху экономическаго процвѣтанія древняго Рима. Но какъ только начинало здѣсь рѣдѣть населеніе, тотчасъ же нивы и гряды опять замѣнились пастбищами. Нынѣ у самыхъ стѣнъ вѣчнаго города пасутся стада буйволовъ,—и кому неизвѣстна фигура этого любимца художниковъ, римскаго пастуха-копьеносца, гоняющагося за своимъ стадомъ на борзомъ конѣ, эта гордая и вмѣстѣ граціозная фигура, ярко рисующаяся на тускломъ фонѣ пустыни, прерываемой лишь развалинами древнихъ водопроводовъ, гробницъ и виллъ?

Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что пастухи, которыми преданіе окружаетъ Ромула, были пастухи осѣдлые, а отнюдь не кочевники. Древнѣйшій извѣстный намъ бытъ Рима не имѣетъ ничего общаго съ бытомъ номадовъ. Несомнѣнныя данныя, заключающіяся въ языкѣ, свидѣтельствуютъ, что греко-италийское племя было знакомо съ земледѣліемъ еще въ древней родинѣ своей, гдѣ оно жило нераздѣльно съ Славянами, Германцами и азіатскими Аріями, имѣя одинъ съ ними языкъ. Исторія застаётъ и Грецію и Италію на высокой степени цивилизаціи. Во время Гомера въ Пелопоннесѣ можно было ѣздить на колесахъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ теперь едва можно прохзать верхомъ. Въ Италіи еще до основанія Рима совершены были инженерныя работы, приводящія и теперь въ удивленіе. Какъ ни пустыня нынѣшняя Римская Кампанья, но нужно ли говорить, что это не аравійская пустыня и даже не наша юговосточная степь? Римская Кампанья очень оригинальна, но если сравнивать ее съ чѣмъ-нибудь, то всего скорѣе можно сравнить съ морскимъ побережьемъ Голландіи, которое, подобно ей, сдѣлалось мѣстомъ ранняго развитія цивилизаціи. Въ Голландіи, гдѣ до сихъ поръ ббольшая часть почвы посвящена скотоводству, весь бытъ сложился подъ вліяніемъ этого національнаго голландскаго промысла. Если въ Римской Кампаньѣ

пастухи сдѣлались фаворитами художниковъ за свою аристократическую осанку и граціозныя позы, то въ Голландіи искусство плѣнилось самымъ промысломъ скотоводства, и кистью Поттера въ безсмертныхъ чертахъ изобразило его поэзію. И замѣчательно: какъ въ новой Голландіи, такъ и въ древнемъ Римѣ, мы находимъ, на ряду съ скотоводствомъ, раннее развитіе мореплаванія и торговли. Немаловажная услуга, оказанная римской исторіи новѣйшимъ повѣствователемъ судебъ ея, г. Моммсенемъ, одна изъ многихъ услугъ, которыя оказала римской исторіи этотъ даровитый ученый, заключается въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе на значеніе, которое уже съ самой первой поры своего существованія имѣлъ Римъ, какъ главное торжище средней Италіи, какъ центръ сухопутной и морской торговли этихъ странъ. Былъ встрѣчается лишь на древнѣйшихъ монетахъ-фунтовникахъ: обыкновенное изображеніе на римской мѣдной монетѣ, изображеніе, которое можно назвать гербомъ города Рима, есть галера. Древнѣйшая колонія гражданъ, то-есть предмѣстіе Рима, была Остія, лежавшая при устьѣ Тибра, за двадцать верстъ отъ города, тогда какъ въ другія стороны граница римской территоріи едва отдалялась на семь верстъ отъ городскихъ стѣнъ. Первый морской трактатъ Рима съ Каррагеномъ былъ заключенъ за пять съ половиной вѣковъ до Р. Хр., и первымъ дѣломъ республики, по изгнаніи царей, было пониженіе портовыхъ пошлинъ. Мы даже положительно знаемъ, что морская торговля Рима имѣла активный характеръ, то-есть производилась на національныхъ судахъ. Не столько иностранные купцы посѣщали Римлянъ, сколько сами Римляне отправлялись въ чужія земли. Особенно дѣятельны были сношенія Рима съ Сициліей, которая приняла въ свое мѣстное греческое нарѣчіе много торговыхъ выраженій изъ латинскаго языка. Исторія отвлекла потомъ Римлянъ, или по крайней мѣрѣ Римское государство, отъ морскаго дѣла. Лишь во время этрусской войны былъ учрежденъ санъ дуумвировъ для флота, и слѣдовательно, по всему вѣроятію, лишь въ это время положено основаніе военному флоту. Въ первую пуническую войну потребовались еще большія усилія, чтобъ онъ могъ равняться съ флотомъ каррагенскимъ. Но не надобно упускать изъ виду, что въ это время каррагенскій флотъ былъ первый въ мірѣ, и что быстрое изготовленіе и вооруженіе Римлянами, въ 60 дней, 130 центеръ, то-есть пятидечныхъ галеръ, было бы невозможно, еслибы Римляне были новички въ морскомъ дѣлѣ.

Разказы о томъ, что пентера была тогда для Римлянъ чуть не невѣдалью, разказы, придающіе характеръ чуда построению римскаго военнаго флота, побѣдившаго Картегенянъ, отзываются болѣе эпопеей нежели исторіей. Какъ Аѳиняне въ древности, какъ Голландцы и Англичане въ новое время, Римляне также могутъ свидѣтельствовать о той симпатической связи между морскимъ дѣломъ и политической свободой, которую замѣчаютъ наблюдатели физиологическихъ законовъ человеческого общества. Шкиперскій промыселъ превосходитъ подвижностію всѣ другіе; онъ требуетъ самостоятельности, находчивости, ловкости, и развиваетъ въ человѣкѣ эти качества, а качества эти возможны лишь въ человѣкѣ свободномъ и должны сами развивать способность къ свободѣ. У древнихъ господствовалъ взглядъ, что занятіе матроса есть демократическое занятіе, что развитіе морскихъ силъ совпадаетъ съ развитіемъ демократическаго элемента въ политическомъ устройствѣ. Конница, говорили они, есть аристократическое войско, а демократія любитъ флотъ. И дѣйствительно, такія страны, какъ западныя окрестности Рима, страны приморскія, болотистыя, часто наводняемыя, перерѣзанныя рукавами рѣкъ, водосточными каналами и водоотводными плотинами, представляютъ много удобствъ и обезпеченій для успѣховъ демократіи. Въ средніе вѣка такимъ странамъ легко удавалось охранить отъ притязаній бароновъ крестьянскую свободу и старинную сельскую общину, и—что составляетъ отличіе такихъ странъ, напримеръ, отъ странъ нагорныхъ, гдѣ тоже бароны не строили своихъ замковъ,—въ приморскихъ странахъ быстро развивалось разнообразіе промысловъ, скоро накоплялось богатство, рано устанавливался городской бытъ, крестьянская свобода переходила въ гражданскую свободу, и самое сельское хозяйство получало характеръ подгороднаго промысла. Въ Римѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ явленіемъ. На ряду съ скотоводствомъ и земледѣіемъ, Римъ издавна зналъ мореплаваніе, торговлю, гражданственность. Пастушескій и земледѣльческій народъ строить большой городъ, окружаетъ его стѣнами и валомъ, когда у ближайшихъ сосѣдей и соплеменниковъ Рима, Латиновъ, были лишь маленькіе укрѣпленные городки, гдѣ они собирались ради праздничнаго дня, или въ случаѣ непріятельскаго нападенія, а сами жили въ полѣ, вокругъ этихъ *вышгородовъ*. Въ Римѣ, напротивъ, пастухи и крестьяне имѣли свои дома внутри города; они тѣснились на семи

холмахъ, среди городской ограды; они всё были *гражданами* и противопоставляли себя *крестьянамъ* сосѣднихъ странъ. Ремесленные цехи, *collegia*, были однимъ изъ древнѣйшихъ римскихъ учреждений. Приписывая Ромулу, первому царю, устройство земледѣлія, народное сказаніе считало Нуму Помпилія, втораго царя, учредителемъ цеховъ. Какъ разнообразны были ремесленные промыслы древнѣйшаго Рима, можно судить по тому, что въ числѣ первоначально учрежденныхъ цеховъ упоминается цехъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ.

Страсть къ искусственнымъ мѣрамъ побудила многихъ законодателей новаго времени заботиться о поддержаніи крестьянства и земледѣльческаго промысла посредствомъ законовъ объ осѣдлости, задерживающихъ крестьянина въ деревнѣ, и законовъ о правѣ торговли, задерживающихъ деревенскаго жителя при занятіяхъ земледѣліемъ, а иногда запрещающихъ даже и горожанамъ повседневную торговлю въ селахъ только потому, что на административномъ языкѣ они называются селами, а не городами. Подобными мѣрами законодательство старается обезпечить руки для земледѣлія,—заботливость, которая не мѣшаетъ ему въ то же время отвлекать отъ земледѣлія и разумніе, и капиталъ, и руки, покровительствуя городскимъ промысламъ посредствомъ тарифа и другихъ поощреній. Но какъ противорѣчатъ уроки исторіи этимъ искусственнымъ мѣрамъ, муштрующимъ жизнь! Эти мѣры стараются разъединять земледѣліе съ городскимъ промыслами, а именно сближеніе-то ихъ и составляетъ ту цѣль, для достиженія которой исторія не жалѣетъ усилій. Тѣсный союзъ между сельскимъ и городскимъ промыслами,—близкое сосѣдство фабрики и фермы, какъ выражается г. Карей, особенно разившій эту мысль, впрочемъ среди множества парадоксовъ,—этотъ неоспоримый идеаль экономическаго быта, достижимый въ наше время по большей части уже посредствомъ одного законодательнаго уравненія деревни и города, на первыхъ порахъ своего осуществленія нуждался не только въ отсутствіи искусственнаго противодѣйствія со стороны законодательства, но и въ особенномъ стеченіи исключительныхъ обстоятельствъ. Соціальныя явленія, возникающія теперь сами собой изъ естественнаго развитія жизни, имѣли надобность въ совокупномъ дѣйствіи многихъ чрезвычайныхъ условій, дабы возникнуть впервые. Во времена первыхъ опытовъ своихъ на поприщѣ гражданственности человекъ едва могъ пробиться къ тому,

чего мы, въ нашемъ ослѣпленіи, готовы теперь избѣгать. Нельзя не удивляться разнообразію средствъ, которыми пользовалась исторія для достиженія своихъ цѣлей. Первыхъ обитателей Рима побудилъ, на примѣръ, сесть въ городъ климатическій недостатокъ ихъ страны. Окрестности Рима, особенно западныя, страдаютъ злокачественностію воздуха; *malaria, aria cattiva*, причиняетъ тамъ перемежающіяся лихорадки, а на холмахъ воздухъ здоровѣе. Это не позволило Римлянамъ жить въ отдѣльныхъ деревняхъ, по латинскому обычаю, и такъ-сказать наложило на нихъ необходимость городской жизни. Лихорадочный воздухъ Римской Кампаньи сослужилъ такимъ образомъ историческую службу. Онъ принудилъ Римлянъ къ гражданственности въ то раннее время, когда гражданственность не могла еще возникнуть сама собою. Такъ наша продолжительная зима принуждаетъ русскихъ крестьянъ заниматься городскими промыслами и сдружаетъ городъ съ деревней.

Впрочемъ, скотоводство, мореплаваніе, торговля, разныя городскія ремесла были только придатки къ коренному римскому занятію—земледѣлію. Населеніе въ Римѣ было по преимуществу латинское; оно говорило по-латыни и считало себя эмиграціей изъ Лаціума, а Лаціумъ былъ страна земледѣльческая. Несмотря на свой оригинальный гражданскій характеръ, отдѣлявшій его отъ соплеменныхъ и сосѣднихъ ему латинскихъ поселеній, Римъ не былъ похожъ ни на Аѳины, ни на Коринѣ. Римъ никогда не состоялъ изъ однихъ матросовъ, ремесленниковъ и купцовъ. Римляне смотрѣли даже неуважительно на торговлю, особенно мелочную, и любили противопоставлять себя, народъ земледѣльскій, Карфагенянамъ, народу купцовъ. Мѣстнымъ условіямъ Римъ обязанъ тѣмъ, что земледѣліе не было въ немъ исключительнымъ занятіемъ, но, съ другой стороны, они и не препятствовали земледѣлію стать въ Римѣ занятіемъ главнымъ, преобладающимъ, опредѣляющимъ собою весь бытъ. Римскіе купцы и промышленники по большей части были и оставались земледѣльцами. Въ Римѣ земледѣліе соединялось съ другими промыслами, и, благодаря тому, приносило добрые плоды, которыхъ оно не приноситъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ законодательство искусственно разграничиваетъ классъ земледѣльскій съ классами торговыми и промышленными и старается сдѣлать изъ нихъ особенныя сословія. Характеристическую черту римской экономической жизни составляетъ свободное сочетаніе разныхъ промысловъ, подъ предводительствомъ земледѣлія, не на-

вязаннымъ силою и не подавлявшимъ другихъ промысловъ, а естественно образовавшимся вслѣдствіе мѣстныхъ и историческихъ условій, въ которыя было поставлено Римское государство. Такъ, въ политическомъ устройствѣ Рима почти во все продолженіе республиканской исторіи преобладалъ элементъ аристократическій, но онъ не подавлялъ собой другихъ элементовъ. Римъ не былъ государствомъ своевольныхъ пановъ и загнанныхъ холоповъ. Правительственная власть была въ Римѣ довольно сильна, чтобъ ограничивать своеволие, а низшіе классы общества, за исключеніемъ рабовъ, которые, по языческимъ понятіямъ, не принадлежатъ къ обществу, пользовались съ самыхъ давнихъ временъ извѣстною степенью самостоятельности, давшею имъ возможность пріобрѣсти въ послѣдствіи полноправность. Почти съ незапамятной поры, именно съ законодательства Сервія Туллія, подати и тяжкая повинность военной службы лежали на всѣхъ осѣдлыхъ (*assidui*) свободныхъ людяхъ и соразмѣрялись съ ихъ имуществомъ. Не имѣвшіе осѣдлости назывались пролетаріями (то-есть людьми, чьихъ средства заключаются въ ихъ потомствѣ, *proles*) и были освобождены отъ всякихъ тягостей. Государство сдѣлало въ первый годъ республики добываніе соли своею монополіей, но не для того чтобы возвысить, а для того чтобы понизить цѣну на этотъ предметъ продовольствія, равно необходимый для богатаго и бѣднаго человѣка. Цицеронъ имѣлъ полное право сказать, а Макиавель повторить (не зная, впрочемъ, того сочиненія, гдѣ Цицеронъ развивалъ эту мысль — оно найдено въ послѣдствіи), что римское государственное устройство было издавна смѣшанное. Оно дѣйствительно заключало въ себѣ, въ гармоническомъ соединеніи, элементы монархіи, аристократіи и демократіи; оно придавало рожденію и возрасту политическое значеніе, но признавало его всего болѣе за имуществомъ, и по коренному своему характеру издавна клонилось къ равноправности гражданъ. Римская жизнь всегда чуждалась той односложности въ государственномъ устройствѣ, которую такъ высоко ставятъ въ наше время Французы, но о которой еще Аристотель прекрасно сказалъ, что стремиться къ ней все то же, что предпочитать унисонное пѣніе гармоническому или маршированію танцу.

Древнѣйшія поземельныя отношенія также характеризуются въ Римѣ сложнымъ разнообразіемъ. Когда Римляне выводили колоніи, они раздавали колонистамъ въ собственность лишь

небольшіе участки—въ старое время, какъ говорятъ, по 2 югера, то-есть, приблизительно, по полудесятинѣ нашей казенной мѣры, а остальную землю дѣлили общественнымъ полемъ, на которомъ всѣ могли пасты свой скотъ, и которое всѣ могли распахать по мѣрѣ своихъ средствъ и трудолюбія; распаханная земля оставалась во владѣніи того, кто ее занялъ, и его наследниковъ; она могла свободно переходить отъ одного лица къ другому, но общество удерживало на нее право собственности. Такъ Римляне избѣгали экономическихъ неудобствъ раздѣленія всей земли поровну между всѣми поселенцами, — неудобствъ, очень хорошо знакомыхъ намъ и состоящихъ въ томъ, что трудъ челоука искусственно обращается и на добрую и на худую землю, что хозяиномъ становится всякій, и способный и не способный хозяйничать, что размѣры участковъ опредѣляются случайнымъ соотношеніемъ между количествомъ земли и числомъ поселенцевъ, а не экономическими потребностями, и что вслѣдствіе дробности участковъ большія предприятия и улучшения хозяйства становятся невозможными. Надобно еще замѣтить, что тѣ мелкіе участки, которые раздавались въ собственность всѣмъ колонистамъ въ силу признанія равноправности ихъ, были отчуждаемы; въ равномѣрности надѣла Римляне, этотъ народъ, по преимуществу отличавшійся ясностью юридическихъ понятій, видѣли право, а не поводъ къ стѣсненію свободы. Каждый крестьянинъ-колонистъ могъ богаты, расширять и округлять свой участокъ, какъ захватомъ въ общественномъ полѣ, такъ и покупкой участковъ, или розданныхъ въ собственность, или уже взятыхъ во владѣніе. Размѣры участковъ и хозяйствъ могли устанавливаться не на основаніи отвлеченной законодательной системы, а на основаніи потребностей и обстоятельствъ жизни.

Основаніе Рима позднѣйшіе Римляне представляли себѣ въ видѣ обычнаго выведенія колоніи. Поэтому разказывалось, что самъ Ромулъ опахалъ назначенное для города мѣсто плугомъ, и что онъ же надѣлилъ каждого самостоятельнаго гражданина двумя югерами земли (1). Каждый гражданинъ (конечно, не

(1) Двухъ-югерный надѣлъ нѣкоторые приписываютъ не Ромулу, а Нумѣ; въ этомъ можно видѣть выраженіе мнѣнія, что первоначально,—при Ромулѣ, какъ говорится на языкѣ преданія,—надѣла вовсе не было, а всѣ владѣли землей сообща. Постановка межевыхъ знаковъ тоже приписывается не Ромулу, а Нумѣ. Югеръ, jugerum, имѣлъ 240 × 120 футовъ, и слѣдовательно почти равнялся нашему осьминнику тридцатной мѣры.

душа, потому что въ Римѣ не было душеваго счета, а каждый *sui juris*, то-есть, каждый глава семейства) получилъ участокъ, не многимъ меньшій нашей казенной полудесятины. Сто участковъ составляли сотню, *centuria*, соответствовавшую политическому соединенію гражданъ въ куріи. Такъ какъ куріи несомнѣнно обнимали собой только патриціевъ, то-есть коренныхъ горожанъ Рима, то и весь этотъ надѣлъ слѣдуетъ относить лишь къ патриціямъ. Курій всего было тридцать, стало-быть и сотенъ было тоже тридцать. Такимъ образомъ, по понятіямъ позднѣйшихъ Римлянъ, въ первоначальный надѣлъ пошло 6.000 югеровъ или не болѣе 1.500 нашихъ казенныхъ десятинъ. Г. Моимсенъ совершенно правъ, говоря, что это были, очевидно, скорѣе усадьбы чѣмъ поля. Есть нѣкоторое основаніе думать, что эти усадьбы не считались полною отчуждаемою собственностію. Частная собственность является какъ плодъ значительныхъ успѣховъ цивилизаціи; она установилась сперва лишь для движимости; древній римскій символическій способъ продажи *per aes et libram* могъ образоваться только для движимыхъ вещей; когда продавалась земля, надобно было положить на вѣсы горсть продаваемой земли, надобно было, чтобы земля, представляемая этою горстью, получила по крайней мѣрѣ символическій видъ движимой собственности. Старинное юридическое выраженіе *mancipium*, означающее предметъ строгаго права собственности, могло первоначально относиться только къ тому, что можетъ быть взято рукой, *quod manu capere potest*. Но ромуловскіе участки носили, по преданію, названіе *hereditium*, которое указываетъ только на наследственность, а по мнѣнію Варрона, они были даны именно съ тѣмъ, чтобы владѣльцы передавали ихъ своимъ наследникамъ (1). Они не имѣли рѣзко опредѣленныхъ границъ, необходимыхъ для римской полной собственности. Они опредѣлялись тѣмъ, что каждый изъ нихъ былъ сотою частью сотни. Только сотня разсматривалась какъ независимое и неизмѣняемое цѣлое. Хотя участки внутри сотни не подвергались періодическимъ передѣламъ, но если рѣка увлекала съ собою часть земли какого-нибудь участка, или если землетрясеніе причиняло ему вредъ, то въ старину всѣ граждане сотни должны были нести потерю, и слѣдовательно производили передѣлъ участковъ этой сотни (2). Все это показываетъ,

(1) Varro de re rust. I, 10, 2.

(2) Объ этомъ застрахованіи участковъ см. Niebuhr. *Röm. Gesch.* II, not. 334.

что древніе ромуловскіе участки не были предметомъ полной личной собственности патриціевъ.

Земля, не вошедшая въ эти наслѣдственные участки, должна была считаться общественною или, что въ Римѣ одно и то же, государственною, то-есть составлять часть имущества народа, *publicum*. Римское государство само не хозяйничало; оно предоставляло свое имущество частнымъ людямъ и довольствовалось тѣмъ, что получало съ нихъ доходъ. Притомъ оно дѣлало различіе между имуществами разнаго рода, приносившими ему доходъ. Съ тѣхъ изъ нихъ, которыя, по своей природѣ, могутъ быть доступны не многимъ, оно старалось получать сколько можно больше дохода: сюда относятся рудники, соляныя копи, каменоломни. Съ имуществомъ же, къ пользованію которыми можно было допустить многихъ частныхъ людей, государство брало небольшую часть дохода, предоставляя остальное частному лицу, занимавшемуся хозяйствомъ. Въ этомъ случаѣ, замѣчаетъ Нибуръ, Римское государство являлось столь же умѣреннымъ, какъ богъ, довольствовавшіеся худшею частію жертвеннаго животнаго. Съ государственнаго поля, *ager publicus*, которое обрабатывалось земледѣльцами, Римское государство взиало только десятину хлѣбнаго урожая и пятину сбора фруктовыхъ деревьевъ и виноградниковъ. На государственныхъ пастбищахъ пасся скотъ гражданъ за плату тоже весьма умѣренную, *scriptura*. Такимъ образомъ всѣ пахатныя государственныя земли находились во владѣніи частныхъ лицъ на условіяхъ, очень выгодныхъ для частной предприимчивости. Владѣльцы могли отчуждать ихъ, получать и передавать по наслѣдству, но никакая давность не могла превратить право ихъ въ собственность. Собственникомъ оставалось государство, несмотря на вѣковую давность владѣнія. Владѣлецъ имѣлъ только право пользованія, *usus*; въ этомъ правѣ онъ защищался отъ всякаго третьяго лица, но не отъ государства. Такое владѣніе, самостоятельное и твердое противъ всѣхъ, кромѣ Римскаго государства, называлось *possessio* (*pot-sessio*),—слово родственное съ нашимъ словомъ *го-подимъ* и санскритскимъ *пати* и гораздо древнѣйшее латинскаго слова *dominium*, которымъ обозначалась собственность, институтъ несомнѣнно болѣе поздній.

У насъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній о томъ, какъ въ древнѣйшее время обрабатывались эти владѣнія на государственномъ полѣ, но мы можемъ заключать по нѣкоторымъ даннымъ, что они были многоземельны, и что въ нихъ долго господствовала

трехпольная система, удержавшаяся въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи даже въ послѣднія времена Римской республики, когда вокругъ Рима не знали другаго хозяйства кромѣ плодоперемѣннаго и огородническаго. Старинная римская поговорка гласила, что поле надобно воздѣлывать плохимъ добромъ, *malis bonis*; римскіе старики утверждали, что тщательно воздѣлывать поле крайне невыгодно, *nihil minus expedire quam agrum optime colere* (1). Все это указываетъ на условія сельскаго хозяйства, подобныя нашимъ, то-есть на многоземеліе. Трудъ и капиталъ было невыгодно влагать въ почву; приходилось воздѣлывать какъ можно больше земли, не заботясь о хорошемъ воздѣлываніи. Съ этимъ согласно, что въ древнѣйшемъ Римѣ встрѣчается и нѣчто подобное крѣпостному состоянію. Слово *кlientъ* безъ всякаго сомнѣнія происходитъ отъ санскритскаго *сру*, слыть, слышать, и тождественно съ нашимъ словомъ *слуга*, а слово *патронъ*, соотвѣтствующее женскому *матрона*, барыня, первоначально должно было значить *баринъ*. Діонисій Галикарнасскій имѣлъ полное право сравнивать римскихъ *кlientовъ* съ ессальскими пенестами, то-есть крѣпостными. Но дѣлая это сравненіе, Діонисій считаетъ нужнымъ замѣтить, что въ Римѣ связь патрона съ *кlientомъ* носила человѣколюбивый и гражданскій характеръ, *φιλανθρωπίους καὶ πολιτικὰς τὰς συγγίνας* (2). Римляне не достигли бы политическаго величія, еслибъ у нихъ одна малочисленная часть народа жила на счетъ другой многочисленнѣйшей части. Примѣръ Фессаліи, Этруріи, Луканіи убѣждаетъ насъ въ этомъ. Этрурія была покорена Римлянами съ неизмѣрною быстротой, и единственный этрусскій городъ, который сопротивлялся Римлянамъ въ продолженіи тридцати лѣтъ, Вольсинія, обязанъ этимъ тому, что онъ уничтожилъ у себя *кlientство*. Точно такъ мы видимъ, что Самниты борются съ Римлянами семьдесятъ лѣтъ, а Луканы очень короткое время: у Самнитовъ не было крѣпостнаго состоянія, а Луканы обратили покоренныхъ ими туземцевъ въ крѣпостныхъ. Крѣпостныя отношенія, искони мягкія, исчезли въ Римѣ незамѣтно, подобно тому, какъ незамѣтно исчезли они въ Англій. Этому должно было сильно содѣйствовать развитіе городской жизни и городскихъ промысловъ, о-бокъ съ которыми крѣпостныя отношенія становятся невыгодными и

(1) Plin. *Nat. Hist.* XVIII, 7, 8.

(2) Arch. II, 9, 10.

въ сельскомъ хозяйствѣ. Облегчало такой ходъ дѣлъ и то обстоятельство, что въ кліенты поступали многіе иностранцы, переселившіеся въ Римъ для занятій ремеслами и торговлей. Этимъ иностраннымъ переселенцамъ патроны принуждены были, разумеется, предоставлять большую свободу, ибо иначе никто не пошелъ бы въ кліенты. Съ теченіемъ времени эта свобода естественно должна была перейти и на туземныхъ кліентовъ-земледѣльцевъ. Впрочемъ, у насъ нѣтъ данныхъ относительно происхожденія кліентовъ въ Римѣ. Мы не знаемъ, вошли ли въ число кліентовъ первоначальные обитатели окрестностей Рима, покоренные основателями города, или всѣ кліенты состояли изъ тѣхъ безземельныхъ людей, не бывшихъ коренными гражданами, которымъ, какъ намъ извѣстно, патриціи раздавали участки своихъ земель—безъ сомнѣнія на общественномъ полѣ—наравнѣ съ своими дѣтьми (1). Во всякомъ случаѣ освобожденіе кліентовъ было личное. Они не могли сдѣлаться собственниками тѣхъ участковъ, на которые и патриціи, ихъ патроны, не имѣли права собственности. Но замѣчательно то, что, освободившись отъ прежнихъ повинностей, кліенты остались въ нравственныхъ связяхъ съ своими патронами. Патроны были обязаны защищать ихъ и причислять ихъ къ своимъ родственникамъ; кліенты обязаны были помогать патронамъ въ случаѣ несчастія, выкупать ихъ изъ плѣна, дѣлать между собой складчину на приданое дочери патрона, на помощь ему при уплатѣ штрафа и т. п. Сохраненіе этой связи, послѣ того какъ тягостныя стороны кліентства уже не существовали болѣе, должно было придавать силу римской аристократіи и содѣйствовать единодушію между людьми высшихъ и низшихъ классовъ.

Діонисій Галикарнасскій, писавшій во время Августа о древнѣйшей римской исторіи, принималъ кліентовъ за плебеевъ и предполагалъ, что всѣ плебеи были кліентами патриціевъ. Это мнѣніе, подтверждаемое и Цицерономъ, было господствующимъ мнѣніемъ до Нибура. Политическій смыслъ этого гениальнаго изслѣдователя римской древности освободилъ науку отъ давняго заблужденія. Плебеи, такъ упорно боровшіеся съ патриціями за уравненіе правъ, не могли быть кліентами патриціевъ уже потому, что кліенты и патриціи были взаимно свя-

---

(1) Fest.

заны такими неразрывными, нравственными и даже экономическими, религіей освященными узами, при которыхъ невозможно и мысль о какой-нибудь борьбѣ. Мы не знаемъ, какимъ образомъ возникъ въ Римѣ классъ людей, получившій политическое имя плебеевъ, людей, которые не считались полными римскими гражданами, какъ патриціи, но въ гражданскомъ отношеніи были вполнѣ самостоятельны и обходились безъ опеки патроновъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ плебеевъ было много богатыхъ и знатныхъ людей иногороднаго происхожденія. Въ римскихъ плебейхъ никакъ нельзя видѣть черни: нѣтъ ничего фальшиваго этого взгляда, блистательно опровергнутаго Нибуромъ. Нибуръ замѣчаетъ даже, что плебеевъ нельзя сравнивать съ третьимъ состояніемъ, *tiers-état* государствъ западной Европы. Онъ находитъ болѣе аналогіи съ плебеями въ зависимыхъ пригородахъ новыхъ республикъ, напримѣръ Венеціи, гдѣ также аристократія господствовавшая города не признавала аристократіи подчиненныхъ областей, хотя и не могла отказывать ей въ уваженіи.

Въ Римѣ между плебеями были люди не менѣе родовитые и не менѣе богатые чѣмъ патриціи, только ихъ роды не признавались государствомъ. «О справедливости ихъ требованій, говоритъ Нибуръ, должно судить по требованіямъ ирландскихъ католиковъ, которые всѣ—высшая аристократія, среднее сословіе и народъ,—находятся, подъ лицемѣрнымъ предлогомъ, въ равномъ униженіи и борются съ такимъ же постоянствомъ за справедливое уравниеніе правъ, какъ римскіе плебеи, и, какъ они, могутъ быть увѣрены, что рано или поздно получатъ свое право.» Вскорѣ послѣ того какъ эти слова были написаны, эманципація католиковъ совершилась въ Англіи и, что замѣчательно, была совершена не вигами, а торіями, такъ долго противившимися ей. Римскіе плебеи отличались отъ патриціевъ только тѣмъ, что были приняты сравнительно позже въ союзъ государства. Слѣдствіемъ этого главнаго различія было, далѣе, то, что патриціи имѣли исключительное право на пользованіе общественнымъ полемъ, и что плебеи, даже послѣ того какъ стали гражданами, послѣ того какъ получили право голоса въ народномъ собраніи и приняли на себя всѣ тягости податей и военной службы, все еще не могли достигать ни высшихъ политическихъ почестей, ни религіозныхъ должностей.

Что касается экономическаго быта плебеевъ, то многіе изъ нихъ, по всему вѣроятію, исключительно занимались город-

скими промыслами и торговлей, но исторія борьбы плебеевъ съ патриціями показываетъ, что большинство плебеевъ должно было состоять изъ людей, занимавшихся земледѣліемъ. Въ этомъ удостовѣряетъ не только характеръ борьбы, умѣренной и въ то же время упорной,—совершенно въ духѣ класса земледѣльческаго,—но и самый предметъ ея: плебеи боролись съ патриціями не только за уравниваніе политическихъ правъ, не только за разныя облегченія по уплатѣ долговъ, но и за такъ-называемые аграрные законы.

Что такое значить это знаменитое выраженіе *аграрные законы*, *leges agrariae*? Менѣе ста лѣтъ тому назадъ ученѣйшіе люди Европы имѣли самое превратное понятіе о смыслѣ аграрныхъ законовъ. Лишь въ тотъ годъ, который ознаменованъ страшнымъ разгаромъ французской революціи, лишь въ этотъ кровавый 1793 годъ, грозившій поставить все вверхъ дномъ въ Европѣ, вышла брошюра геттингенскаго профессора Гейне, убѣдительно показавшая (1), что аграрные законы, этотъ великій образецъ для всѣхъ насильственныхъ реорганизаторовъ человѣческаго общества, относились совсѣмъ не къ частной собственности, какъ думали прежде, а къ общественному полю, *ager publicus*. Гейне возстановилъ такимъ образомъ тотъ великій фактъ, что сила римскаго права именно заключается въ точномъ опредѣленіи и полномъ признаніи собственности,—фактъ, который былъ очевиденъ для всякаго въ цѣломъ ходѣ римской исторіи, но которому противорѣчили, повидимому, аграрные законы. Гейне оставилъ впрочемъ необъясненными подробности дѣла. Окончательнымъ разрѣшеніемъ вопроса объ аграрныхъ законахъ наука обязана Нибуру.

Это былъ тотъ вопросъ, съ котораго Нибуръ началъ свои изслѣдованія надъ римскою исторіей и древнѣстями, и котораго счастливое рѣшеніе завлекло его на это поприще, потомъ прославленное имъ и привлекшее къ себѣ столько любителей съ его легкой руки. Поводомъ къ изслѣдованію этого вопроса, какъ разказывалъ самъ Нибуръ въ своихъ боннскихъ лекціяхъ (2), были измѣненія поземельныхъ отношеній, случив-

(1) *Ормс.* IV, 350 и сл.

(2) Лекція, которая читалъ Нибуръ въ Боннскомъ университетѣ о римской исторіи, изданы въ первый разъ однимъ изъ его слушателей, г. Шмицемъ, на англійскомъ языкѣ и переведены на нѣмецкій г. Цейсомъ. Потому онѣ вышли, по распоряженію сына Нибурова, подъ редакціей

шіяся, во время его юности, въ Голштиніи, вследствие уничтоженія крѣпостнаго состоянія. У крестьянъ были взяты ихъ земли, и имъ отведены новыя. Это казалось юношѣ Нибуру вопіющею несправедливостію, и онъ принялся за изслѣдованіе аналогическихъ явленій въ исторіи другихъ народовъ, въ томъ числѣ и древнихъ Римлянъ. Здѣсь ему нельзя было не согласиться съ Гейне, что аграрные законы относились не къ частной собственности, а къ публичному полю, но тѣмъ не менѣе вопросъ о публичномъ или государственномъ полѣ представлялся въ совершенномъ хаосѣ. Передъ глазами было ясное свидѣтельство Аппіана, что съ владѣльцевъ публичнаго поля взимался опредѣленный оброкъ, и въ то же время не менѣе ясное свидѣтельство Плутарха, что публичное поле отдавалось вънаймы тому, кто дастъ больше, причѣмъ богатые вытѣсняли бѣдныхъ. Желая выпутаться изъ этого лабиринта, Нибуръ прибѣгалъ къ величайшему въ тогдашнее время филологу, Фридриху-Августу Вольфу, но не получилъ отъ него никакой помощи. Нибуръ былъ наведенъ на правильное пониманіе римскаго учрежденія лишь случайно, знакомствомъ съ поземельными отношеніями въ Индіи. Тамъ раджа считается единственнымъ собственникомъ всей почвы, и какъ скоро ему вздумается, можетъ взять у крестьянина всѣ его поля. Несмотря на то, крестьянинъ имѣетъ право передавать свою землю по наслѣдству и отчуждать ее; за пользованіе ею онъ вноситъ опредѣленную часть урожая натурой, и эту-то часть урожая раджа отдаетъ на откупъ или продаетъ земиндарамъ, то-есть по-русски *земледержцамъ*, держащимъ землю на откупѣ, хотя ею владѣютъ не они, а крестьяне. Это индійское устройство совершенно сходно съ римскимъ. Съ римскаго государственнаго поля владѣльцы платили опредѣленный оброкъ (десятину хлѣбнаго урожая и пятину плодовъ), но этотъ оброкъ, принадлежавшій государству и называвшійся *fructus*, не собирался непосредственно самимъ государствомъ, а отдавался на откупъ или, какъ собственно говорилось, продавался тому, кто давалъ больше. Цензоры *vendebant fructum agri publici*, по первоначальной терминологіи, то-есть продавали оброкъ, или, какъ стали говорить въ

г. Излера, новымъ изданіемъ, состоящимъ изъ трехъ томовъ: *Vorträge über römische Geschichte, an der Universität zu Bonn gehalten von B. G. Niebuhr*. Berlin. 1846—48. Русскую публику извѣщалъ объ этомъ изданіи Т. Н. Грановскій въ *Современникъ* 1847, № 9.

послѣдствіи, locabant agrum fruendum, отдавали государственное поле внаймы для пользованія откупщикамъ, такъ называемымъ *клубниками*, которые пользовались не самымъ полемъ, а лишь оброкомъ съ него, и въ свою очередь вносили въ казну такъ-называемый *vectigal*, то-есть условленную сумму денегъ или условленное количество продуктовъ. Позднѣйшимъ не-точнымъ выраженіемъ: locabant, и объясняется свидѣтельство Плутарха объ отдачѣ государственныхъ земель внаймы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ не земли отдавались внаймы, а слѣдовавшій съ нихъ въ пользу государства оброкъ отдавался на откупъ, и притомъ, какъ само собою разумѣется, тому, кто давалъ больше. Всѣ эти операціи нисколько не касались владѣнія; онѣ состояли лишь въ сборѣ оброка. Откупщики смѣнялись каждыя пять лѣтъ; владѣльцы оставались одни и тѣ же. Но право владѣть за этотъ оброкъ государственными землями не считалось неотъемлемымъ правомъ владѣльца. Государство могло, когда находило нужнымъ, давать своимъ землямъ другое назначеніе. Цѣль аграрныхъ законовъ состояла въ томъ, чтобы производить изъ этихъ земель надѣлы немущимъ гражданамъ, назначая на этотъ предметъ извѣстную часть общественнаго поля, которая вслѣдствіе того и отбиралась у владѣльцевъ.

Между владѣніемъ, которое аграрные законы ограничивали, и надѣломъ, который они устанавливали, было рѣзкое юридическое различіе. Во владѣніе государственныхъ земли поступали посредствомъ простаго занятія, *occupatio*; какъ само собою разумѣется, это право *занимать* государственныхъ земли не могло первоначально принадлежать плебеймъ, пришлымъ людямъ; имъ пользовались только одни коренные граждане, патриціи. Каждый патрицій могъ занять столько государственной земли, сколько ему было сподручно. Древніе писатели не сообщаютъ намъ, какъ поступали Римляне для устранения споровъ между патриціями, въ случаѣ одновременнаго желанія многихъ занять одну и ту же землю. Цензоры смотрѣли только за тѣмъ, чтобы владѣльцы не занимали большаго пространства, нежели сколько они могли обработать; кто не пахалъ всей земли, которою владѣлъ, того ожидало ценсорское порицаніе. Древніе вовсе не упоминаютъ о законахъ относительно разверстки земель при *оккупации*; можно полагать, что до разверстки дѣло доходило рѣдко, и что большаго избытка въ охотникахъ на *оккупацию* государственныхъ земель не было. Государственные поля увеличивались землями:

побѣжденныхъ сосѣдей, по большей части раззоренными и требовавшими много труда и капитала, а въ древнѣйшія времена Рима въ трудѣ и капиталѣ былъ большой недостатокъ. Къ тому же эти земли лежали на границѣ и были подвержены нападеніямъ непріятелей. Тѣмъ не менѣе однакожь право занимать эти земли должно было служить къ обогащенію патриціевъ, и только этимъ можно объяснить постоянное денежное превосходство патриціевъ надъ плебеями въ первыя времена республики. Патриціи являются богачами, кредиторами; плебеи — бѣдняками и должниками патриціевъ. Но уже со времени Сервіева законодательства, вѣроятно, почти вся пѣхота и большая половина конницы состояла изъ плебеевъ. Они принимали такимъ образомъ дѣятельное участіе въ завоеваніи земель, и исключать ихъ изъ выгодъ, доставляемыхъ завоеваніемъ, было несправедливо. Поэтому римское преданіе говоритъ, что тотъ самый Сервій Туллій, который распредѣлилъ подати и военныя повинности соразмѣрно имуществу каждаго гражданина, независимо отъ того, патриціи ли онъ былъ или плебей, — что этотъ царь Сервій допустилъ плебеевъ и къ участію въ выгодахъ, которыя доставляло государственное поле. За патриціями осталось исключительное право занимать государственныя земли для пользованія за оброкъ, но часть государственныхъ земель была раздана плебеямъ, и притомъ раздана не во владѣніе, а въ полную собственность. Такую же наръзку сдѣлали и патриціи, по изгнаніи царей, чтобъ имѣть силу сопротивляться Тарквиніямъ и весьма значительной партіи роялистовъ, имѣвшей приверженцевъ и въ Римѣ, и у сосѣдей, и опиравшейся на могущественную въ то время Этрурію. Такимъ образомъ нововведеніе царя Сервія, друга и благодѣтеля плебеевъ, было признано самими патриціями и получило значеніе обычая, на который плебеи могли потомъ сослаться.

Раздача государственныхъ земель плебеямъ производилась мелкими участками, по семи югеровъ, то-есть почти по $1\frac{3}{4}$ нашей казенной десятины, въ каждомъ. Въ юридической терминологіи она называлась *assignatio*, ассигновкой, и дѣлала плебея полнымъ собственникомъ участка, *dominus*. Это первый источникъ и первый видъ римской поземельной полной собственности, засвидѣтельствованный исторически.

Таковы были древнѣйшія поземельныя отношенія въ Римѣ. *Heredium* есть принадлежность коренныхъ гражданъ и патри-

цѣвъ, и представляется намъ съ характеромъ собственности неполной, наследственной и, по всему вѣроятію, неотчуждаемой; если законъ и не выражалъ запрещенія продавать эти наследственные усадьбы, то въ отдаленныя времена неотчуждаемость усадебъ должна была основываться на невозможности найти покупателя. Второй видъ отношенія челоуѣка къ землѣ заключался во владѣніи государственными землями, *res publicae*; онъ былъ принадлежностію сословія патриціевъ. Наконецъ третій видъ, *dominium*, былъ полная, свободная, отчуждаемая собственность, и составлялъ принадлежность плебеевъ, которые и въ поземельныхъ отношеніяхъ, какъ и во всемъ другомъ, внесли съ собою въ Римское государство, новый элементъ,—элементъ прогресса и свободы. Существованіе рядомъ этихъ трехъ видовъ владѣльческаго отношенія къ землѣ есть важный фактъ, стоящій въ связи съ общимъ характеромъ Римскаго государства, которое, какъ я сейчасъ замѣтилъ, отличалось сложнымъ сочетаніемъ разнообразныхъ элементовъ.

Очень поучительно всмотрѣться въ распредѣленіе этихъ трехъ видовъ владѣнія между разными классами общества, а для изощренія глаза можно прибѣгнуть къ лучшему средству въ этомъ случаѣ,—къ сравненію съ тѣмъ, что намъ коротко знакомо. Наши русскія государственныя пахатныя земли находятся также, за исключеніемъ немногихъ оброчныхъ статей, во владѣніи частныхъ лицъ,—крестьянъ, получившихъ вслѣдствіе того въ недавнее время названіе государственныхъ,—и также не могутъ перейти въ собственность этихъ владѣльцевъ никакою давностію. Но различіе русскихъ государственныхъ пахатныхъ земель отъ римскихъ состоитъ, кромѣ способа сбиранія оброка, во первыхъ въ величинѣ оброка, далеко превосходящаго у насъ римскую десятину, нерѣдко превосходящаго даже и ренту; во вторыхъ въ неотчуждаемости владѣнія русскими государственными землями; третьихъ, въ томъ, что русскія государственныя земли находятся во владѣніи мелкихъ земледѣльцевъ, крестьянъ, а въ собственность жалуются въ большихъ участкахъ дворянамъ, тогда какъ въ Римѣ государственныя земли были во владѣніи патриціевъ, а если жаловались въ собственность, то жаловались плебеямъ въ мелкихъ участкахъ. Такимъ образомъ Русское государство удерживаетъ за собою право собственности въ мелкихъ, крестьянскихъ помѣстьяхъ; Римское государство строго удерживало его за собою въ большихъ патриціанскихъ владѣніяхъ и охотно поступалось имъ въ пользу

мелкихъ крестьянъ изъ плебеевъ. Далѣе, Русское государство уступаетъ свои земли во владѣніе по большей части не отдѣльному лицу, а міру, и даже устанавливаетъ передѣлъ участковъ въ періодическіе сроки (при ревизіи); Римское государство имѣло дѣло только съ частными лицами и, произведши ассигновку, то-есть наръзку земель, отказывалось отъ всякой опеки надъ новымъ крестьяниномъ-землевладѣльцемъ. Въ Россіи все несмѣтное множество мелкихъ крестьянскихъ владѣній на государственныхъ земляхъ потрясается передѣлами по шести разъ въ теченіи одного столѣтія. Въ Римѣ аграрные законы потрясали, правда, владѣніе, но относились только къ крупнымъ патриціанскимъ помѣстьямъ, и притомъ, несмотря на длинный рядъ аграрныхъ законовъ, всеобщее измѣненіе границъ во владѣніяхъ на государственномъ полѣ происходило только два раза во всей римской исторіи, именно вслѣдствіе Лициніева законодательства и законодательства Гракховъ. Длинный рядъ римскихъ аграрныхъ законовъ относится къ новозавоеваннымъ землямъ, которыя еще не бывали заняты римскими гражданами, къ тѣмъ землямъ, которымъ, въ экономическомъ отношеніи, у насъ совершенно соответствуютъ обширныя пустопорожнія земли, принадлежащія Россійской Имперіи.

Повидимому трудно объяснить себѣ, что Римское государство, раздававшее земли крестьянамъ и имѣвшее при томъ въ виду усиленіе крестьянскаго сословія, не принимало никакихъ мѣръ, чтобъ упрочить за крестьянами розданныя имъ земли и сдѣлать свое благодѣяніе по возможности долговѣчнымъ. Зачѣмъ было терять доходъ съ государственныхъ земель, и дарить ихъ крестьянамъ, когда имъ предоставлялось право тотчасъ же продать участки и разомъ уничтожить всѣ плоды законодательной заботы? Дѣло въ томъ, что Римляне вѣрно выдерживали коренныя основанія права, и ясно понимали, что юридическіе интересы не могутъ быть въ противорѣчій съ экономическими интересами. Въ самомъ дѣлѣ, для благосостоянія крестьянства нужно, чтобы крестьянскіе участки давали своимъ владѣльцамъ не обезпеченіе продовольствія, которое, въ странѣ, пользующейся благосостояніемъ, легко можетъ быть снискано трудомъ, а возможность затрачивать на свою землю все свободное отъ другихъ занятій время. Самый выгодный для крестьянина участокъ тотъ, который беретъ все свободное время крестьянскаго семейства. Но это условіе крайне разнообразится въ каждой мѣстности и

подлежитъ непрерывнымъ измѣненіямъ, смотря по тому, какъ измѣняется характеръ сельскаго хозяйства. Размѣры участка, которые можно считать самыми выгодными для крестьянина, зависятъ отъ свойства почвы, отъ постороннихъ выгодныхъ занятій, наконецъ отъ системы хозяйства; чѣмъ болѣе земля требуетъ удобрения, чѣмъ болѣе входитъ въ обычай плодоперемѣнная система, замѣняя собой трехпольную, чѣмъ болѣе, вслѣдъ за тѣмъ, становится выгоднымъ обрабатывать землю по-огороднически, тѣмъ болѣе сокращаются эти размѣры; но съ другой стороны, всякое улучшение въ средствахъ обработки, всякое механическое нововведеніе, и вообще всякое сокращеніе человѣческаго труда, а равно и всякій успѣхъ въ раздѣленіи занятій, побуждающій земледѣльца ограничиваться однимъ сельско-хозяйственнымъ промысломъ, должны производить обратное дѣйствіе и расширять размѣры наиболее выгоднаго крестьянскаго участка. Никакое законодательство не можетъ собрать всѣхъ данныхъ для опредѣленія этихъ размѣровъ въ каждой мѣстности и въ каждый моментъ времени. Предписывая размѣръ неотчуждаемаго участка, оно непременно уклонится отъ дѣйствительной потребности. Если размѣръ, имъ опредѣленный, будетъ меньше размѣра наиболее выгоднаго, то слѣдствіемъ будетъ потеря крестьянскаго времени, и праздность, навязанная крестьянину, приучитъ его къ лѣни; крестьянство будетъ въ накладѣ, потому что отстанетъ отъ другихъ классовъ общества. Если размѣръ, опредѣленный законодательствомъ, будетъ больше размѣра наиболее выгоднаго, то слѣдствіемъ будетъ потеря производительныхъ силъ земли, застой земледѣлія и замедленіе успѣховъ народнаго благосостоянія, а это будетъ наиболее чувствительно людямъ недостаточнымъ, слѣдовательно тѣмъ самымъ крестьянамъ, о которыхъ законодательство заботилось, устанавливая неотчуждаемость крестьянскихъ участковъ. Единственное средство противъ всѣхъ этихъ золъ заключается въ свободной отчуждаемости крестьянскихъ участковъ, и потому нечего удивляться, что римское законодательство не отступило отъ начала юридической свободы изъ опасенія, что плебеи распродадутъ участки, только что assigned имъ въ полную собственность. Государству полезно благоденствующее крестьянство, а не крестьянство *à tout prix*, то-есть хотя бы нищенствующее, лѣнивое и унылое.

Плебеи дѣйствительно распродали потомъ свои участки, и Риму пришлось бороться съ пролетаріатомъ, который сдѣлался

его яввой и подь-конецъ продалъ политическую свободу Рима за пшеничную муку и зрѣлища въ театрахъ и циркахъ. Всѣ новѣйшія теоріи касательно пролетаріата, всѣ опасенія, вызываемыя теперь этимъ страшнымъ призракомъ и побуждающія къ мѣрамъ, которыя имѣють цѣлю отгонять этотъ призракъ отъ современнаго общества, но нерѣдко вызываютъ его сами и искусственно вводятъ въ среду охраняемаго ими общества, всѣ эти слишкомъ предусмотрительныя заботы, основанныя на недовѣрїи къ жизни и къ разумности ея естественныхъ законовъ, болѣе или менѣе примыкають къ тому явленію римской исторіи, которое обозначается именемъ пролетаріата. Но если римская исторія должна служить авторитетомъ и урокомъ для насъ, то надобно брать ее въ цѣломъ, а не позволительно вырывать изъ нея нѣсколько страницъ, дѣлать на основаніи этихъ страницъ свои выводы и потомъ называть эти выводы выводами изъ всей римской исторіи. Въ Римѣ дѣйствительно былъ пролетаріатъ; Римская республика дѣйствительно погибла отъ него, но о причинахъ этого явленія должно судить въ общей связи римской исторіи. Если же мы послѣдуемъ этому правилу, то едва ли во всей исторіи человѣчества найдется фактъ, менѣе подлежащій сомнѣнію и спору, нежели происхожденіе римскаго пролетаріата. Не отъ экономической, или гражданской, или политической свободы произошелъ римскій пролетаріатъ; онъ произошелъ безспорно и исключительно отъ безконечныхъ войнъ, которыя были бичомъ Римскаго государства. *Nos armis et arvis*: въ этомъ роковомъ сочетаніи плуга съ мечомъ и солдатскаго занятія съ земледѣльческимъ заключается разгадка не только величія Рима, но и порчи сельскихъ нравовъ, упадка земледѣлія и размноженія людей безземельныхъ, составившихъ изъ себя городскую чернь. Война доставляла, правда, и средства для устраненія пролетаріата. Побѣды расширяли государственное поле и давали возможность поддерживать крестьянство частою нарѣзкой новыхъ участковъ. Римское государство пользовалось этою возможностью и отдаляло отъ себя свою послѣднюю судьбу: долготіе Римской республики было бы невозможно безъ государственныхъ земель и аграрныхъ законовъ. Но и аграрные законы не спасли государства, потому что были только палліативными мѣрами.

II.

Когда были изгнаны Тарквиніи, и патриціи отбросили царскую власть, тогда имъ надобно было привлечь къ себѣ плебеевъ; они выбрали слишкомъ полтораста самыхъ знатныхъ и самыхъ богатыхъ плебейскихъ фамилій, и предложили ихъ членамъ сенаторское достоинство. Такимъ образомъ лучшая, самая вліятельная часть плебейскаго сословія была отдѣлена отъ него и, вслѣдствіе своего новаго политическаго положенія, должна была присоединиться къ патриціямъ, съ которыми отнынѣ связывали ее общіе правительственные интересы. Что за тѣмъ осталось въ средѣ плебейскаго сословія, имѣло второстепенное экономическое положеніе; это были отчасти ремесленники, но преимущественно это было крестьяне. Дабы удовлетворить эту часть населенія, новое правительство установило продажу хлѣба бѣднымъ гражданамъ по уменьшенной таксѣ—нѣчто въ родѣ закона о бѣдныхъ, — понизило таможенные пошлины и цѣну на соль, а равно назначило высшій предѣлъ имущественныхъ штрафовъ, приведя его, по остроумной догадкѣ г. Моммсена, въ соответствие съ имуществомъ штрафуемаго гражданина (съ богатаго 30 быковъ, съ бѣднаго двѣ овцы); но кромѣ того оно сочло нужнымъ произвести изъ государственнаго поля надѣлъ, въ который поступилъ и царскій удѣлъ Тарквиніевъ. Это было первымъ дѣломъ республики, первую сдѣлкой между патриціями и плебеями, благодаря которой, они не вступили тогда въ борьбу, подобную войнѣ вандейской. Но тѣмъ не менѣе скоро оказалось, что плебеи, вслѣдствіе изгнанія царей, лишились той естественной защиты, которую слабые всегда находятъ въ монархической власти, сознающей свое положеніе въ обществѣ. Патриціи, которые въ это время составляли замкнутое сословіе, не могли не воспользоваться превосходствомъ своихъ средствъ, тѣмъ болѣе, что знатнѣйшіе изъ плебеевъ засѣдали въ сенатѣ и стояли на сторонѣ патриціевъ. Плебеямъ пришлось брать съ бою каждый шагъ впередъ къ уравниванію правъ и къ уничтоженію сословныхъ различій между гражданами, а они остались безъ предводителей, вслѣдствіе легкаго манерва патриціевъ. Невыгодное въ политическомъ отношеніи положеніе плебеевъ было еще хуже въ отно-

шеніи экономическомъ. Войны, бывшія непосредственнымъ слѣдствіемъ изгнанія царей, раззорили окрестности Рима; этрусскій царь Порсенна взялъ даже самый городъ Римъ, — фактъ, скрытый анналистами, стыдившимися признаться въ немъ, но случайно упомянутый Тацитомъ и воцѣлованный критикою Боффера и Нибура. Всѣ эти опустошенія тяжело ложили на крестьянъ-плебеевъ и ввели большую часть изъ нихъ въ долги. Между тѣмъ налоги и рекрутская повинность распредѣлялись по цензу, а въ цензъ входила только полная собственность, слѣдовательно только *dominium*, а не *possessio*, и долги не вычитались изъ имущества, подлежащаго цензу, *sensui censendo*. Но этого мало. Римскій законъ, какъ законъ англійскій и какъ законъ всякаго народа, серьезно смотрящаго на жизнь, былъ очень строгъ къ заемщикамъ. Закладныя дѣлались въ Римѣ по правилу англійской *mortgage*, то-есть заложенное имущество считалось по закону собственностью заимодавца, который обязывался передать заемщику свое право собственности на залогъ по уплатѣ долга въ назначенный срокъ. Такое обязательство называлось *fiducia*, и обезпечивало заемщика только при точномъ соблюденіи срока. Поэтому заемщики чаще прибѣгали къ личному кредиту, который тоже существовалъ въ Римѣ, но котораго форма была еще строже. За долгъ отвѣчало тѣло заемщика, и законъ серьезно пояснял, что кредиторы могутъ разрубить на части тѣло заемщика, и что притомъ не считается за злой умыселъ, если кто-нибудь отрубитъ часть, несоразмѣрную его претензіи: *in partes secato, si plus minusve secuerit se fraude esto*. Когда кредиторъ былъ одинъ, заемщикъ поступалъ къ нему вмѣсто раба, долженъ былъ работать на него, или могъ содержаться въ домашней тюрьмѣ кредитера до уплаты долга. Очень замѣчательно, что эта неумолимая защита собственности не была предметомъ жалобъ со стороны плебеевъ. Ихъ требованія съ перваго раза перешли съ почвы гражданскаго права на почву политической борьбы. Причиной задолжанія были политическія обстоятельства; въ области политическихъ же мѣръ плебеи искали себѣ спасенія отъ бѣды. Въ этой политической области къ законнымъ причинамъ плебейскихъ жалобъ присоединялось еще многое другое. Что патриціанское владѣніе на государственныхъ земляхъ не входило въ цензъ, это было справедливо: государственныя земли какъ бы отдавались внаймы патриціямъ. Но оброкъ, платимый государству, былъ сравнительно ничтоженъ, ибо воль-

ные стѣмщики частныхъ земель были, вѣроятно, въ тѣ времена скорѣе полонниками, нежели десятинниками. Поэтому нельзя не полагать, что патриціанское владѣніе было вообще обложено гораздо меньшими податями, чѣмъ земля плебеевъ. Къ тому же патриціанскіе чиновники смотрѣли нерадиво за взносомъ десятины, *vestigal*; эта повинность часто вовсе не вѣнялась, и всѣ издержки войны были несены деньгами, которые, по римскому обычаю, собирались со всѣхъ гражданъ соразмѣрно ихъ имуществу, по раскладкѣ. Государственные доходы состояли въ Римѣ, какъ и въ нынѣшней Англіи, преимущественно изъ косвенныхъ налоговъ. Прямыхъ налоговъ вовсе не было. Но когда въ казнѣ не доставало денегъ, дѣлалась раскладка, и съ гражданъ взыскивались деньги, называвшіяся *трибутомъ*. На эти деньги смотрѣли какъ на принудительный заемъ, и казна возвращала ихъ по мѣрѣ возможности; но такъ какъ при раскладкѣ не обращалось вниманія на владѣніе государственными землями, то патриціи находили для себя болѣе выгоднымъ собирать по раскладкѣ всѣ деньги, нужныя казнѣ, нежели строго наблюдать за поступленіемъ оброка съ государственныхъ земель. Такимъ образомъ патриціи, владѣя временною ответственностью государства, не платили ни раскладки, ни оброка, тогда какъ плебеи платили трибутъ съ земель, принадлежавшихъ имъ въ полную собственность, и этотъ трибутъ становился почти постоянною податю. Сверхъ того война не равнымъ образомъ вредила обоимъ сословіямъ. Поля патриціевъ обрабатывались болѣею частію кліентами, — работъ тогда было еще очень мало, — а большинство кліентовъ были пеннушіе граждане, освобожденные и отъ гражданскихъ правъ, и отъ обязанностей; они не допускались къ военной службѣ, и слѣдовательно ничто не отрывало ихъ отъ полевыхъ работъ. Вся тягость войны — а войны бывали почти каждый годъ — падала такимъ образомъ на плебеевъ, которые и вносили деньги, требовавшіяся для веденія войнъ, и сами служили въ рядахъ римскаго воителя, отвлекаемые отъ обработки полей, оставшихся неубранными. Все это не могло не повести къ катастрофѣ, которая и случилась въ 264 году города (493 до Р.Х.). Впрочемъ и тутъ обнаружилась характеристическая умѣренность плебеевъ. Они не рѣшились на возмущеніе, не бросились на богатыхъ, чтобы разграбить ихъ имущество, они избрали тотъ образъ дѣйствія, на который у нихъ было полное право: не хотѣли болѣе жить въ городѣ, гдѣ ихъ такъ притѣ-

сняли, и укрѣпились на ближней горѣ, которая лежала въ самой плодородной части окрестностей Рима, и которую послѣ прозвали Священной, Mons Sacro, вслѣдствіе сдѣлки патриціевъ съ плебеями, освященной торжественными клятвами.

Результатомъ этой знаменитой *сецессіи* было, что патриціи, не желая лишать свой городъ значительнаго народонаселенія, принуждены были согласиться на разныя уступки. Первымъ дѣломъ было учрежденіе новаго политическаго сана, плебейскихъ трибуновъ. Это было политическое право, уступка политическому требованію, тѣмъ болѣе замѣчательному, что плебеи предъявили его въ такую минуту, когда они всего болѣе нуждались по-видимому не въ политическихъ правахъ, а въ улучшеніи своего матеріальнаго положенія. Но во все продолженіе борьбы съ патриціями, плебеи никогда не упускали изъ виду, что дѣло должно начинать съ начала, и что равноправность предшествуетъ матеріальнымъ обезпеченіямъ, потому что составляетъ обезпеченіе всѣхъ этихъ обезпеченій. При своей *сецессіи* плебеи показали политическій тактъ не только тѣмъ, что не упустили изъ виду политической стороны своего положенія, но еще болѣе самымъ выборомъ того политическаго права, которое они сдѣлали предметомъ своихъ настояній: новоучрежденный послѣ плебейской *сецессіи* санъ плебейскихъ трибуновъ игралъ въ римской политической практикѣ отчасти ту самую роль, какую нынѣ, при книгопечатаніи, играетъ гласность; трибуны были очами плебеевъ. Плебеи добивались того, что имъ прежде всего было нужно, и удержались отъ торопливости, хватающейся за отдаленный конецъ, когда ближайшаго конца еще нѣтъ въ рукахъ. Согласившись на учрежденіе плебейскаго трибуната, патриціи принуждены были согласиться и на другую мѣру, касавшуюся по-видимому гражданскихъ отношеній, но въ сущности имѣвшую политическое значеніе. Такъ какъ долги плебеевъ происходили отъ политическихъ причинъ, и такъ какъ кредиторами плебеевъ были только патриціи и богатые плебеи, принятые въ число сенаторовъ, то патриціи принуждены были согласиться на всеобщее банкротство, которое имѣло цѣлю оставить каждаго плебея во владѣніи его наследственнымъ участкомъ, но котораго условія намъ неизвѣстны.

Объ общественномъ полѣ не было ни слова въ договорѣ, заключенномъ на Священной горѣ. Но оно стало предметомъ требованій черезъ семь лѣтъ, вѣроятно по поводу при-

соединенія поля Герниковъ, ближайшихъ сосѣдей Рима, можетъ быть и вслѣдствіе бывшаго не задолго передъ тѣмъ голода. Во главѣ движенія сталъ самъ консулъ Спурий Кассій, изъ сословія патриціевъ, и предложилъ аграрный законъ, первый въ исторіи Римской республики. Что его къ тому побудило, намъ неизвѣстно. Мы знаемъ только, что его предложеніе было, хотя и съ ограниченіями, принято сенатомъ, и что, несмотря на то, онъ былъ, по истеченіи должностнаго года, обвиненъ квесторами въ искательствѣ царской власти, и, при молчаливомъ согласіи народа (то-есть патриціанскихъ курій), казненъ за государственную измѣну (*perduellio*). Его законъ требовалъ, чтобъ извѣстная часть общественнаго поля была ассигнована плебеямъ. Но сенатъ прибавилъ, что исполнителями закона будутъ консулы слѣдующаго года и десять старѣйшихъ изъ старыхъ консуловъ. Этимъ сила закона была уничтожена, и онъ вовсе не былъ исполненъ. Впрочемъ уже и то было важно, что законъ былъ принятъ, и мы видимъ въ слѣдующія десять лѣтъ ежегодные протесты противъ неисполненія Кассіева закона, подаваемые трибунами. Нѣкоторые изъ трибуновъ этого времени (*Sp. Licinius, Ti. Pontificius*) пытались даже отказать въ воинскомъ наборѣ, но были останавливаемы большинствомъ своихъ сотоварищей трибуновъ, такъ какъ знатнѣйшіе плебеи, засѣдавшіе въ сенатѣ, держались заодно съ патриціями. Пока хитрость помогала, патриціи дѣйствовали хитростію, по правилу: *divide et impera*, «ссорь и властвуй»; но не устыдились тайнаго убійства, когда трибуны Генуцій хотѣлъ подвергнуть консуловъ Фурія и Манлія судебной отвѣтственности передъ народомъ за неисполненіе аграрнаго закона. Генуцій въ день суда былъ найденъ въ постели зарѣзаннымъ...

Неисполненіе закона Спурія Кассія, принятаго сенатомъ и народомъ, показало, что у плебеевъ было слишкомъ мало политическаго значенія, чтобы настоять на своемъ законномъ правѣ. Они сами хорошо поняли это, и потому мы видимъ, что во всю первую половину IV вѣка (отъ основанія Рима) они съ удивительнымъ политическимъ смысломъ устремляютъ всѣ свои усилія на приобрѣтеніе политическихъ правъ, опустивъ на время изъ виду общія мѣры улучшенія своего матеріальнаго быта. Первымъ важнымъ правомъ, полученнымъ ими послѣ учрежденія трибуната, было то право, которое теперь называется правомъ петицій и внесенія законодательныхъ биллей (право

законодательной инициативы). Затѣмъ послѣдовали другія права, упрочивавшія связь плебеевъ съ государствомъ и примирившія ихъ съ патриціями. Отношенія между двумя сословіями понемногу принимали болѣе и болѣе честный характеръ. Подробности исторіи этого времени показываютъ, гдѣ черезъ пятьдесятъ послѣ сецессіи, уже извѣстную степень взаимнаго доверія обонхъ сословій. Послѣ счастливыхъ войнъ, патриціи стали удѣлять плебеймъ часть завоеванныхъ полей. Матеріальный бытъ плебеевъ улучшался; въ сельскомъ хозяйствѣ должны были также произойти разныя измѣненія къ лучшему. Римляне сѣяли прежде только полбу; со времени децемвировъ вошло въ употребленіе сѣять пшеницу, этотъ хлѣбъ народовъ цивилизованныхъ, какъ говорятъ экономисты. Съ другой стороны должно было прекратиться внутреннее разединеніе плебейскаго сословія. Послѣ изгнанія царей, разчленивые патриціи произвели распаденіе этого сословія на двѣ части: на плебейскую аристократію, которую патриціи заинтересовали въ свою пользу, и на плебейское крестьянство, оставшееся безъ предводителей и даже безъ представителей. Но крестьяне не могутъ быть политически сильны безъ содѣйствія со стороны сельской аристократіи, равно какъ сельская аристократія не можетъ имѣть прочнаго самостоятельнаго значенія, если не опирается на крестьянство. Когда вымерли плебейскіе сенаторы, пожалованные (*conscripti*, откуда и выраженіе: *patres conscripti*, то-есть *patres*, патриціи, *et conscripti*, вновь набранные) въ годъ изгнанія царей, плебейская аристократія принуждена была соединиться съ плебейскимъ крестьянствомъ, чтобы дѣйствовать сообща. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ плебейскомъ сословіи, установилось согласіе помѣщиковъ и крестьянъ. Плебеи стали способны къ совокупному дѣйствию для установленія такого же согласія въ цѣломъ гражданствѣ, то-есть между патриціями и плебеями.

Но пока дѣла принимали такой благопріятный оборотъ, Риму суждено было выдержать суровую грозу. Центральная Италия подверглась нападенію Галловъ, этого оригинальнаго племени, прославившагося въ древности тѣмъ, что оно все разрушало и ничего не создало. Принадлежа къ нашей индоевропейской расѣ, Галлы рѣзко отличаются отъ всѣхъ другихъ Индо-Европейцевъ отрицательнымъ и суетнымъ характеромъ своихъ историческихъ дѣйствій, а равно поразитель-

ными контрастами своего быта. Не расположенные къ земледѣлю, Галлы занимались преимущественно скотоводствомъ, но въ то же время очень любили городскую жизнь. Ихъ страсть поговорить, и поговорить остроумно, подмѣчена еще Старшимъ Катономъ, на ряду съ ихъ храбростію (*pleraque Gallia duas res industriosissime sequitur: rem militarem et argute loqui*), но ихъ храбрость была дѣломъ вспышки, а не постояннаго, ни передъ чѣмъ не склоняющагося мужества, и потому оставалась безъ положительныхъ историческихъ результатовъ. Впрочемъ исторія употребляетъ въ дѣло разныя орудія, и нашествіе Галловъ на Италію, раззорившее Римлянъ, послужило толчкомъ къ новому и быстрѣйшему ходу римскихъ политическихъ дѣлъ.

Когда Бреннъ, по полученіи съ Рима 1000 фунтовъ золота контрибуціи, удалился, матеріальное состояніе земледѣльческаго класса было самое жалкое. Иждержки на обѣмненіе полей, на покупку нужнѣйшаго скота, на постройку пристанища, хотя и самообдѣннѣйшаго, опять вовлекли большинство плебейскихъ земледѣльцевъ въ долги, а невозможность выплатить сполна и въ срокъ проценты заставляла прилагать недоимку къ капиталу и тѣмъ еще болѣе увеличивать обязательство. Между тѣмъ лицемѣрное благочестіе побудило патриціевъ тотчасъ же приняться за возстановленіе храмовъ и возвращеніе занятыхъ церковныхъ суммъ, а это повело къ раскладкамъ, которыхъ тягость ложилась на гражданъ тѣмъ не равномернѣе, что новый цензъ представлялъ огромныя трудности по причинѣ потери старыхъ кадастровъ, и что вслѣдствіе того налоги собирались по цензу, составленному еще до нашествія Галловъ. Несмотря на многіе законы и на всѣ трибунскія требованія, восемь лѣтъ послѣ катастрофы еще не было ценза, и въ этомъ, конечно, нельзя не видѣть, вмѣстѣ съ Нибуромъ, продѣлокъ олигархической партіи, хотѣвшей пользоваться землями своихъ должниковъ, не платя трибута.

Въ самомъ дѣлѣ, заимодавцы владѣли и землями и личностію несостоятельныхъ должниковъ, которые по строгому праву работали въ ихъ домахъ, какъ временные рабы. Толпами, говорятъ Ливій, отводили ихъ безжалостно въ дома заимодавцевъ, заключенными въ оковы, къ тяжелымъ работамъ или тюремному заключенію, и между отводимыми бывали часто люди, которые не разъ подвергали за отечество свою жизнь опасности, и которые дошли до нищенства именно вслѣдствіе того, что защищали отечество. Одного изъ такихъ

старыхъ воиновъ узналъ въ подобной толпѣ Маркъ Манлій Капитолинъ, тотъ самый, которому Римъ обязанъ спасеніемъ Капитолія отъ Галловъ. Манлій немедленно выкупилъ несчастнаго и поклялся растроганному народу, что пока хотя одинъ фунтъ мѣди у него останется, онъ не позволитъ, чтобы какой-либо Квиритъ былъ отведенъ за долги въ рабство. Какъ онъ исполнилъ это свое обѣщаніе, видно изъ того, что, будучи въ послѣдствіи обвиненъ, онъ могъ призвать въ свидѣтели 400 гражданъ, спасенныхъ имъ изъ тюрьмы кредиторовъ. Онъ сталъ теперь во главѣ плебеевъ. Его цѣлю было выхлопотать отпущеніе долговъ (всеобщее банкротство) и продажу части общественнаго поля. Средства, имъ принятая, были сначала умѣренны и законны. Но потомъ, по мѣрѣ того какъ неудачи раздражали его самолюбіе, онъ переходилъ къ средствамъ болѣе и болѣе насильственнымъ и окончилъ свое поприще вооруженнымъ нападеніемъ на Капитолій. Онъ былъ приговоренъ къ смерти и казненъ какъ государственный измѣнникъ. Домъ его сравненъ съ основаніемъ. Родичи заказали своимъ потомкамъ принимать имя Марка, которое носилъ осужденный. Народъ былъ недвижимъ и молчалъ отъ страха. Чтобы сколько-нибудь удовлетворить плебеевъ, сенатъ, опредѣлилъ ассигновать имъ Понтинскую область. Это впрочемъ помогло весьма мало; плебеи все болѣе и болѣе раззорялись; бѣдствіе не уменьшалось, а возрастало. Но такъ какъ человекъ ко всему наконецъ привыкаетъ, то и теперь тщетность усилій и возрастающая нищета привели къ апатіи, въ которую, по свидѣтельству Ливія, впало тогда все плебейское сословіе. Никто не искалъ должностей, никто не прибѣгалъ къ трибунской власти, и трибуны не дѣлали изъ нея никакого употребленія. Ливій говоритъ, что отъ этой апатіи не были свободны и самыя знатныя изъ плебеевъ, *etiam principes plebis*.

Если мы спросимъ себя о возможныхъ слѣдствіяхъ этого состоянія, то отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію: для плебеевъ — потеря политическихъ правъ, которыхъ они добились было въѣковыми усиліями, потеря улучшеннаго экономическаго положенія и упадокъ земледѣлія; для патриціевъ — укрѣпленіе олигархической власти на развалинахъ конституціи, которая была уже почти выработана, и одностороннее управленіе государствомъ. Но внутренняя сила, которою оживляются сами по себѣ мертвыя государственныя формы, исчезла бы и на этой

сторонѣ. Политическая жизнь, какъ и всякая жизнь, подчинена закону полярности. Патриціи безъ плебеевъ не произвели бы Фабіевъ, Камилла, Валерія Корва. Не сдерживаемые патриціями, плебеи не дали бы Риму мужей, подобныхъ Публилію, Лицинію, Деціямъ. Одностороннее господство одного сословія надъ другимъ не позволило бы Риму развить свое государственное устройство и возвыситься надъ прочими городами Лаціума и Италіи. Чтобы выработать государство, два сословія должны были состязаться, не подавляя и не угнетая другъ друга. Ихъ прекрасное равновѣсіе (*τὸ ἴσον, τὸ ἀντικεικονόζος* Аристотеля), бывшее плодомъ этой борьбы, составляло для Рима особенное счастье, въ которомъ исторія многимъ другимъ народамъ отказала вовсе. Оно было первою причиною процвѣтанія вѣчнаго города и его всемірно-историческаго значенія.

Галльское нашествіе могло остановить Римъ на пути къ этому счастливому равновѣсію. Та сила, которая была назначена охранять и сдерживать, — не имѣя болѣе предмета, который былъ бы сдерживаемъ, — сама выродилась бы и стала бы, вмѣсто силы, стерегущей законъ и обычай, силой, ихъ нарушающею. Извѣстна истина, что измѣненная мѣра измѣняетъ и качество вещи. Черезъ мѣру сильное консервативное начало становится разрушительнымъ. Ужасы, пронеходившіе въ олигархіяхъ, — такъ называли древніе ту форму правленія, гдѣ народъ игралъ въ отношенія къ аристократамъ только пассивную роль, — эти ужасы заставляютъ содрогаться. А они были въ порядкѣ вещей тамъ, гдѣ было открытымъ правиломъ всевозможное угнетеніе и истощеніе народа, огромные налоги, имѣющіе цѣлью не удовлетвореніе потребностямъ государства, а обогащеніе олигарховъ, наконецъ ненависть къ народу по извѣстному тацитовскому замѣчанію, что люди ненавидятъ того, кого обидѣли. По свидѣтельству Аристотеля, въ нѣкоторыхъ греческихъ олигархіяхъ существовала присяга: «зложелательствовать народу и всегда имѣть въ виду его вредъ.» «Это считаютъ невозможнымъ, говоритъ Нибуръ, тѣ, которые знакомы только съ кроткими и доброжелательными отношеніями въ новыхъ монархіяхъ; въ республикахъ видны даже до нынѣшняго дня слѣды этого страшнаго духа: благодаря ему, въ Фрейбургѣ, еще тому нѣтъ 50 лѣтъ, наказаны, какъ измѣнники, честные члены правленія, соѣтовавшіе возвратить гражданамъ и поселянамъ отнятыя у нихъ права; тотъ же духъ лишилъ новыхъ поселянъ въ Швицѣ правъ состоянія и въ Сѣверной Америкѣ дѣлаетъ обученіе цвѣтныхъ

уголовнымъ преступленіемъ: это тотъ же самый духъ ада, который внушилъ Спартанцамъ жестокости противъ гелотовъ и подданныхъ, Флоренціи—тѣ, которыя опустошили Пизу.»

Такой-то образъ правленія угрожалъ Риму послѣ галльскаго нашествія. Всеобщее задолжаніе и бѣдственное хозяйственное положеніе плебеевъ произвели то политическое усыпленіе, тотъ индифферентизмъ, который изображенъ Ливіемъ. Хозяйственный упадокъ велъ къ политическому; но съ другой стороны, еслибы политическій кризисъ окончился въ пользу олигархіи, то матеріальное положеніе плебеевъ, уже и такъ плачевное, сдѣлалось бы еще хуже, и еще болѣе упало бы земледѣіе. По недостатку извѣстій и аналогій, мы впрочемъ не можемъ съ такою же ясностію представить себѣ опасность, угрожавшую римскому земледѣльческому классу въ хозяйственномъ отношеніи, съ какою представляются намъ возможныя послѣдствія кризиса въ отношеніи политическомъ.

Ливій (VI, 36) заставляетъ говорить Лицинія, что одинъ патрицій завладѣвалъ въ то время участками трехъ сотъ плебеевъ. Это было скопленіе поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, вызванное не естественнымъ ходомъ экономическихъ отношеній, а исключительными политическими обстоятельствами. Тутъ нельзя было ожидать врачеванія отъ самой жизни; силу политическихъ обстоятельствъ надобно было уравнивать мѣрами также политическими. Еслибы законодательство не приняло никакихъ мѣръ, то естественное теченіе экономической жизни оказалось бы безсильнымъ противъ явленій, не ему обязанныхъ своимъ происхожденіемъ. Экономическая свобода имѣетъ силу возстановлять равновѣсіе и гармонію во всемъ томъ, что происходитъ изъ нея; во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она одна дѣйствуетъ, она не нуждается въ пособіи искусственныхъ законодательныхъ мѣръ; но когда данное состояніе общества сложилось подъ вліяніемъ многихъ обстоятельствъ, дѣйствовавшихъ помимо экономической свободы и даже стѣснявшихъ ее, то не слѣдуетъ ни обвинять экономическую свободу въ ходѣ дѣла, ни ожидать отъ нея одной достаточнаго противодѣйствія ему. Современная Англія представляетъ намъ примѣръ скопленія поземельной собственности, вызываемаго самимъ экономическимъ бытомъ; законы, которымъ не рѣдко приписываютъ это скопленіе, дѣйствовали тамъ и прежде, и притомъ дѣйствовали прежде съ болѣею силой, а между тѣмъ поземельная собственность была гораздо болѣе раз-

дроблена чѣмъ теперь. Только въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ число мелкихъ участковъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, этихъ старинныхъ *фрименовъ* и *йоменовъ*, стало уменьшаться съ поразительною быстротою. Причина этого явленія заключается въ томъ, что земля, какъ предметъ собственности, приноситъ въ Англии гораздо менѣе процентовъ на капиталъ, нежели земледѣіе, какъ промыселъ. Землевладѣльцы довольствуются умереннымъ доходомъ отъ 2% до 3%, фермеры получаютъ около 10%. Естественно, что мелкіе землевладѣльцы находятъ для себя очень выгоднымъ продавать свои земли и становиться фермерами, чтобы получать съ своихъ капиталовъ не 2% и не 3%, а 10%. Но въ Римѣ, въ эпоху Лицінія и Секстія, было совсѣмъ не то. Плебеи продавали свои участки не потому, чтобы хотѣли употребить выручку на какой-нибудь промыселъ. Всего менѣе могли они сдѣлаться кредиторами. Они продавали землю для уплаты долга, накопившагося на нихъ безъ ихъ вины, вслѣдствіе политическихъ событій. Даже самое нашествіе Галловъ было только поводомъ къ ихъ раззоренію, а главныя причины раззоренія были чисто-политическія, внутреннія. Опытъ показываетъ, что крестьяне скорѣе оправляются отъ войны нежели помѣщики; такъ напримѣръ, югозападная Германія легче перенесла эпоху наполеоновскихъ войнъ нежели сѣверовосточная. Почему же въ Римѣ пострадали отъ нашествія Галловъ преимущественно плебеи, а не патриціи? Очевидно, что внутреннія причины вели плебеевъ къ раззоренію, и что слѣдовательно плебеи, и въ экономическомъ отношеніи, нуждались въ помощи со стороны законодательства. Еслибы дѣла были предоставлены естественному теченію, то въ Римѣ развилось бы не фермерство, а кліентство, если не юридическое кліентство, то по крайней мѣрѣ фактическое; вольный рабочій былъ бы поставленъ фактически въ положеніе крѣпостнаго, и классъ сельскихъ жителей распался бы на два класса, раздѣленные цѣлою бездною, — на классъ господъ и на классъ холоповъ; промежуточные степени, служащія незамѣтнымъ переходомъ между общественнымъ положеніемъ богатаго землевладѣльца и немущаго поденщика, эти среднія степени, вносящія единство въ классъ сельскихъ жителей, сближающія ихъ между собой, развивающія между ними общность интересовъ и политическое единomyсліе, исчезли бы; исчезли бы эти «средніе люди», какъ называли ихъ въ древности, люди, которые однимъ своимъ существованіемъ уже примиряють враждебные элементы и сбли-

жають крайности, политическія и соціальныя,—эти люди, которыхъ политическое значеніе превосходно выставляетъ на видъ Аристотель, и о которыхъ говорилъ Фокиллідъ :

Πολλά μέσοισιν ἄριστα; μέσος δέλω ἐν πόλει εἶναι (1).

Если есть степени общественнаго быта, на которыхъ крупныя помѣстья, раздаваемые въ аренду, по англійскому обычаю, вполнѣ обезпечивають наилучшее употребленіе земли для сельско-хозяйственнаго производства, то безспорно есть и такія степени, на которыхъ крестьянство составляетъ наибольше удобную форму хозяйства, и на которыхъ законодательство обязано покровительствовать крестьянскому землевладѣнію въ тѣхъ случаяхъ, когда окажется, что ему противодѣйствуютъ или прежде противодѣйствовали какія-нибудь законодательныя мѣры и вообще какія-нибудь обстоятельства, лежація внѣ предѣловъ естественнаго развитія экономической жизни. Въ этихъ случаяхъ поддержка крестьянскаго землевладѣнія есть въ сущности противодѣйствіе мѣрамъ и силамъ, извнѣ дѣйствующимъ на экономическій бытъ страны, не что иное какъ средство возстановить естественное теченіе жизни, а отнюдь не законодательное вмѣшательство, передѣлывающее жизнь искусственно и произвольно. Въ этихъ случаяхъ поддержка крестьянскаго землевладѣнія нейтрализуетъ противоестественное дѣйствіе тѣхъ постороннихъ силъ, возвращаетъ экономической жизни свободу и должна вести къ экономическому и политическому успѣху. Римскіе кліенты, какъ мы видѣли, не могли получить землю, когда освободились отъ крѣпостной зависимости. Но большинство ихъ и по освобожденіи оставалось при земледѣльческихъ занятіяхъ, и экономической потребностію тогдашняго земледѣлія было крестьянское хозяйство. Тогда трудъ значилъ все, или почти все, и капиталовъ было очень мало. Хозяйства помѣщичьяго, такого, какое описываетъ намъ, напримѣръ, Катонъ во время между второю и третьею пуническими войнами, Римляне тогда еще не знали. Крестьянинъ могъ извлекать изъ земли больше выгодъ нежели помѣщикъ. На этомъ была основана экономическая необходимость надѣловъ, которые и происходили время отъ времени въ силу аграрныхъ законовъ, на-

(1) Много наилучшаго выпало на долю среднихъ; среднимъ хочу быть и я въ моемъ городѣ.

чиная съ древнѣйшаго аграрнаго закона, приписываемаго царю Сервію. Но эти надѣлы производились въ малыхъ размѣрахъ и были недостаточны для того чтобы поддержать крестьянство. Теперь наступила необходимость произвести новый надѣлъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, чтобы поправить положеніе дѣлъ.

Мы имѣемъ полное право сказать, что послѣ галльскаго нашествія Римъ находился въ рѣшительномъ моментѣ своей исторіи. Онъ могъ превратиться въ олигархію. Крестьянство, которое, какъ показали послѣдствія, было естественною потребностію Рима и въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніи, могло погибнуть. Патриціи могли завладѣть всею землею и всѣми политическими правами, и римская исторія окончилась бы безславно. Но Риму былъ данъ счастливый геній. «Перевороты, вынужденные широко распространившеюся нищетою, разрушали, говоритъ Нибуръ, основы прочнаго государственнаго устройства и вели почти всегда, черезъ страшныя раззоренія, къ деспотизму: высочайшая слава римскаго народа, въ чемъ никакой другой не можетъ съ нимъ равняться, состоитъ въ томъ, что изъ подобнаго раздраженія два раза происходила высшая и сильнѣйшая законная свобода. Чтò въ другихъ мѣстахъ несло пагубу свободѣ, цѣлило въ Римѣ болѣзнь республики.»

... Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куеть булатъ.

Среди глубочайшаго упадка явились между плебеями два мужа, которыхъ подвигъ трудно теперь оцѣнить по достоинству. Гай Липиній Столонъ и Люцій Секстія Латеранъ, оба плебеи и соединенные между собою союзомъ дружбы, имѣли мужество взяться за восстановление своего сословія и за спасеніе общаго отечества въ самое критическое время римской исторіи. Ихъ дѣятельность передана намъ въ прекрасномъ, хотя и риторическомъ разказѣ Ливія въ концѣ VI книги, но передана далеко не такъ подробно, какъ бы мы желали, вѣроятно потому, что лѣтописи тогда составлялись еще патриціями. Впрочемъ политическій характеръ этихъ двухъ мужей виденъ уже изъ того, чтò мы о нихъ знаемъ. Липиній и Секстія не оторвались отъ прошедшаго; напротивъ употребили его элементы для возведенія новаго зданія плебейской политической и экономической свободы. Они умѣли удержаться отъ неумѣренныхъ надеждъ на будущее и отъ той злососчивости, которая иногда

происходить отъ твердаго убѣжденія въ справедливости своего дѣла. Имъ не только не пришло въ голову исключить патриціевъ изъ управленія государствомъ (какъ это сдѣлали Флорентинцы въ 1294 году), они даже не искали совершеннаго уравненія правъ, довольствуясь приближеніемъ къ этой цѣли. При выборѣ средствъ, они обнаружили такую же умѣренность; они не возбуждали страстей, не вызывали къ междоусобной враждѣ и противозаконнымъ дѣйствіямъ, и избѣжали революціонныхъ уклоненій отъ права. Уваженіе къ прошедшему своего государства, горячая любовь къ своему сословію, но не на счетъ уваженія къ законности или любви къ общему отечеству, ясно обдуманнѣйшій планъ и непоколебимая твердость въ приведеніи его въ исполненіе, безъ торгашества и уступокъ во время трудное, безъ заносчивыхъ требованій, когда была близка побѣда,—вотъ черты, которыя ясно просвѣчиваютъ во всѣхъ разказахъ о дѣятельности Лицинія и Секстія. «Переворотъ, говоритъ Нибуръ, который въ греческихъ республикахъ или во Флоренціи, предпринятый силою, былъ бы оконченъ удачно или неудачно въ нѣсколько мѣсяцевъ и запечатлѣнъ опалами и кровью, совершился въ теченіи пяти (1) лѣтъ непрерывной мужественной борьбы и не нарушилъ мира ни одному гражданину.»

Законъ, предлагаемый плебейскимъ трибуномъ, назывался въ Римѣ *розацией*; это была первоначальная форма, въ которой явилось на свѣтъ законодательство двухъ мужественныхъ трибуновъ, получившее имя перваго изъ нихъ, Лицинія. Лициніевы рогаціи имѣли обширное политическое значеніе; ихъ цѣлю было вообще вести къ уравненію правъ плебеевъ съ правами патриціевъ; по мудрому преданію римской исторіи, улучшеніе матеріальнаго быта плебеевъ и на этотъ разъ уступило первенство политическимъ обезпеченіямъ. Доступъ плебеевъ къ консульству и нѣкоторымъ другимъ патриціанскимъ степенямъ сдѣлался главнымъ предметомъ требованій, и лишь въ соединеніи съ этимъ требованіемъ было предположено настаивать на облегченіи должниковъ и на новомъ надѣлѣ государственными землями. О долгахъ Римляне имѣли оригинальныя понятія. Римскій законъ вполне обезпечивалъ займодавца относительно ссуженнаго капитала, но проценты считались въ Римѣ, какъ и у мно-

(1) Это число оказывается вслѣдствіе хронологическихъ изслѣдованій Нибура, еще болѣе подтвердившихся въ послѣдствіи астрономическимъ вычисленіемъ затмѣній. Титъ Ливій говоритъ о десятилѣтней борьбѣ.

гихъ земледѣльческихъ народовъ, дѣломъ противозаконнымъ. Нашъ крестьянинъ увѣренъ, что брать проценты — смертный грѣхъ; Римлянинъ говорилъ, что ростовщикъ хуже убійцы. По старинному римскому закону, украденная вещь взыскивалась вдвое, а проценты — вчетверо. Этою оригинальностью римскаго взгляда слѣдуетъ объяснять предложеніе Лицинія, чтобы всѣ уплаченные проценты были вычтены изъ капитала, и чтобы остальная за тѣмъ сумма была уплачена займодавцу въ три годовые срока. Аграрный законъ Лицинія отличался отъ предшествовавшихъ ему аграрныхъ законовъ тѣмъ, что относился ко всѣмъ государственнымъ землямъ, а не къ одной какой-нибудь части ихъ. Нибуръ реставрировалъ этотъ законъ слѣдующимъ образомъ:

«Границы римскаго общественнаго поля должны быть изслѣдованы и опредѣлены. Тѣ его части, которыя по злоупотребленію находятся въ собственности частныхъ лицъ, должны быть возвращены республикѣ; тѣ, которыхъ собственность подлежитъ сомнѣнію, должны быть проданы, чтобы судъ рѣшилъ тяжбу между частными лицами.

«Каждое владѣніе, которое не переступаетъ границы, настоящимъ закономъ опредѣленной, если оно не приобрѣтено ни насиліемъ (vi), ни обманомъ (clam), ни временною добровольною уступкою (precario), должно быть защищаемо противъ третьихъ лицъ.

«Каждый римскій гражданинъ имѣетъ право завладѣвать на свою долю общественнымъ полемъ, вновь приобрѣтаемымъ, если оно не остается во владѣніи старыхъ помѣщиковъ и не ассигнуется въ собственность плебеямъ, или не предназначается для основанія на немъ колоній, но съ условіемъ, чтобы границы, этимъ закономъ постановляемыя, не были преступаемы.

«Никто не можетъ владѣть на общественномъ полѣ болѣе какъ 500 югеровъ и пасты на общественныхъ пастыбищахъ болѣе ста головъ крупнаго и 500 штукъ мелкаго скота; кто преступитъ это постановленіе, о томъ должны эдилы представлять народу для взысканія съ него денежной пени и отобранія излишнихъ земель. Такимъ же образомъ должно быть поступлено съ распространяющими свои стада въ претивность настоящему закону.

«Владѣльцы общественнаго поля повинны республикѣ съ пахатной земли десятою мѣркой, съ садовъ и виноградниковъ пятою частію плодовъ. Со скота, пасомага на общественныхъ пастыбищахъ, платятся опредѣленные пастушныя деньги.

«Годовой доходъ, приходящійся римскому народу съ общественнаго поля (*vestigal*), отдають на откупъ цензоры, каждый разъ на пять лѣтъ; тому, кто дастъ больше.

«Откупщики должны представить республикѣ залоговъ въ исполненіи своихъ обязательствъ. При непредвидимыхъ несчастныхъ обстоятельствахъ сенатъ можетъ простить имъ часть должной суммы. Доходъ съ откуповъ долженъ быть употребляемъ на жалованье арміи.

«Откупщики должны условиться съ владѣльцами о додѣ, которую они имѣютъ право, именемъ государства, отъ нихъ требовать.

«Воспрещается выгонять скотъ на общественныя пастбища прежде чѣмъ онъ будетъ вписанъ у откупщиковъ и оплаченъ пастушными (вписными, *scriptura*) деньгами. Все, что не платило повинности, подлежитъ отобранію въ пользу республики.

«Владѣльцы общественнаго поля обязаны, въ извѣстной соразмѣрности съ пространствомъ своихъ земель, употреблять въ полевыхъ работахъ свободныхъ людей.»

Эти законы должны были имѣть силу на все будущее время. Къ нимъ были присоединены нѣкоторыя временныя распоряженія, которыя Нибуръ возстановилъ слѣдующимъ образомъ:

«Все то, что находится во владѣніи отдѣльныхъ лицъ свыше 500 югеровъ, должно быть отобрано у владѣльцевъ и ассигновано плебеямъ въ полную собственность, въ семи-югерныхъ участкахъ.

«Для приведенія этого закона въ исполненіе будутъ избраны триумвиры.

«Это соглашеніе двухъ сословій должно быть утверждено обоюдною присягой.»

Таковы были законы, предложенные Лициніемъ. Какъ слабы были плебеи, когда эти рогаціи были обнародованы, видно изъ того, что въ коллегіи трибуновъ, которая имѣла обязанностію защищать интересы плебеевъ, патриціи имѣли въ свою пользу большинство восьми голосовъ противъ двухъ, то есть изъ десяти трибуновъ, кромѣ самихъ рогаторовъ, всѣ были противъ той рогаціи, которая имѣла цѣлю возстановить сословіе плебеевъ. Но государственное устройство Рима давало трибуну средства для продолжительной законной борьбы. Когда коллегія трибуновъ произнесла свое *veto* противъ рогаціи Лицинія, онъ не упалъ духомъ. Нѣсколько разъ созывавши трибы, и каждый разъ тщетно, такъ какъ остальные трибуны не позво-

ляли ни читать рогацій, ни совѣщаться о нихъ, Лициній сказалъ наконецъ противной партіи: «Хорошо, если угодно, чтобы могущество трибунскаго *velo* было столь велико, мы тѣмъ же самымъ оружіемъ защитимъ плебеевъ.» Когда пришло время избранія высшихъ государственныхъ сановниковъ, Лициній и Секстій его воспретили. Противъ этого средствъ не было: коллегія трибуновъ имѣла право *velo* противъ дѣйствій трибуновъ, а не противъ ихъ *velo*. Такимъ образомъ государство въ этомъ году должно было управляться такъ-называемыми *междуцарями*, *interreges*. Этотъ образъ дѣйствій произвелъ такое впечатлѣніе на современниковъ и потомковъ, что молва преувеличила его размѣры. Ливій, слѣдуя источникамъ, изъ которыхъ онъ заимствовалъ свой разказъ, утверждаетъ, что и на другой годъ большинство въ коллегіи было опять предано патриціямъ; Лициній и Секстій, выбранные вторично, были принуждены опять остановить избраніе сановниковъ и, пять разъ избираемые въ трибуны, повторяли эту мѣру пять разъ, пока ихъ партія наконецъ не возрасла и не была въ состояніи замѣстить половину членовъ коллегіи людьми благосклонными къ предлагаемымъ нововведеніямъ. Пока Лициній и Секстій такимъ образомъ воспитывали плебеевъ, государство находилось, говоритъ Ливій, въ такъ-называемомъ безначаліи, *solitudo magistratuum*, (греческіе источники говорили: *ἀναρχία*) но во время внѣшней опасности агитаторы приостанавливали свою оппозиціонную дѣятельность, и плебеи шли послушно подъ знамена государственныхъ: жители Велитръ, осмѣлившіеся сдѣлать нападеніе на римское поле, были разбиты на голову. Въ этомъ разказѣ есть неточность; астрономическія вычисленія затмѣній, упоминаемыхъ въ римскихъ лѣтописяхъ, удостовѣряютъ, что эпоха *безначалія* никакъ не могла продолжаться пять лѣтъ. Оппозиція противъ агитаторовъ скорѣе ослабѣла въ трибунской коллегіи, чѣмъ какъ изображаетъ Ливій. Впрочемъ, какъ бы то ни было, Лицинію и Секстію приходилось вначалѣ бороться не съ одними патриціями, но и съ высшимъ классомъ плебейскаго сословія. А когда агитаторамъ удалось превозмочь плебейскую оппозицію, патриціи удвоили усилія. Въ этой борьбѣ ни одно средство не должно было остаться не испытаннымъ. Патриціи, говоритъ Ливій, прибѣгли къ двумъ послѣднимъ пристанищамъ: къ сану высочайшему и къ величайшему мужу. Сенатъ избралъ Марка Фурія Камилла въ диктаторы. Камиллъ угрожалъ военною службой всѣмъ

«ювѣйшимъ» гражданамъ. Трибуны объявили тогда, что они хотятъ остаться въ границахъ закона, и не нарушать должнаго диктатору повиновенія, но тотчасъ же по сложеніи имъ съ себя высокаго сана (а это должно было послѣдовать черезъ шесть мѣсяцевъ) позовутъ его на судъ и предложатъ приговорить его, за противозаконныя дѣйствія, къ штрафу въ полмилліона ассовъ. Этой угрозы было достаточно; Камиллъ удалился отъ должности, подъ предлогомъ упущенія въ обрядѣ, будто бы случившагося при его избраніи. Его умѣренный преемникъ въ диктатурѣ, Манлій Капитолинъ, такъ мало могъ противиться возраставшему потоку, что выбралъ въ свои помощники (въ такъ-называемые магистры всадниковъ) Лицинія Кальва, плебея. Сенатъ видѣлъ невозможность дальнѣйшаго сопротивленія и рѣшительную необходимость какой-нибудь уступки. Чтобы по крайней мѣрѣ сколько-нибудь выиграть, онъ задумалъ захватить все движеніе въ свои руки. Сенатъ соглашался на всѣ экономическія уступки, на всѣ мѣры касательно долговъ и раздѣла поля, но съ тѣмъ чтобы плебеи отказались отъ политическихъ домогательствъ. Такимъ образомъ, опасность, отвращенная съ одной стороны, грозила новымъ законамъ съ другой, и можетъ-быть еще болѣе. Можно представить себѣ, въ какомъ искушеніи были страдающіе плебеи. Многіе изъ нихъ едва ли вѣрили въ возможность получить всѣ требуемыя уступки, но и тѣ, которые вѣрили, не могли не видѣть, что до принатія всѣхъ рогацій пройдетъ еще довольно времени, а чего не дастъ неимущій, чтобы достигнуть благосостоянія хотя однимъ годомъ прежде? Еслибы рѣшеніе вопроса вполнѣ зависѣло отъ народа, нельзя сомнѣваться, что предложеніе сената было бы принято; но римское государственное устройство защищало республику отъ мгновенныхъ порывовъ толпы. Рогаторы, увидѣвъ опасность съ этой стороны, тотчасъ же взяли свои рогаціи назадъ, соединили ихъ въ одну, и въ такомъ видѣ, *per satiram*, представили народному собранію. Тогда надобно было или все отвергнуть или принять все: возможность торгашества была устранена. Алчная толпа досадовала на отсрочку своего блаженства. Аппій Клавдій, самый задорный изъ консерваторовъ, произносилъ грозныя рѣчи. Но трибуны были непоколебимы: «кто не ѣлъ, тому и пить не придется», говорили они народу, намекая, что экономическое благосостояніе невозможно безъ политическихъ обезпеченій. «Консульство есть цитадель свободы, ахъ libertatis», твердили они

плебеямъ. Тогда Галлы опять стали угрожать городу. Патриціи выбрали въ диктаторы старца Камилла. Раздраженіе между плебеями было такъ велико, что, какъ разказываютъ, они не хотѣли повиноваться диктатору и угрожали повтореніемъ сессіи 261 года. Плутархъ говоритъ даже, что трибуны хотѣли арестовать диктатора. Во всякомъ случаѣ Камиллъ скоропонялъ, что бороться уже не время. Патриціи, слѣдуя его совѣту, прекратили сопротивленіе. Рогоціи прошли въ трибахъ, и плебисцитъ былъ принятъ сенатомъ. Люцій Секстій избранъ въ консулы со стороны плебеевъ. Патриціи и тутъ попытались было воспользоваться правомъ утвержденія консула, которое по прежнему оставалось за патриціанскимъ собраніемъ курій. Но съдовласый Камиллъ самъ воспротивился новымъ раздорамъ и далъ обѣтъ построить жертвенникъ богинѣ Согласія. Согласіе заступило мѣсто въковой борьбы двухъ сословій.

Главный шагъ былъ сдѣланъ; остальные послѣдовали за нимъ безъ затрудненій. Съ небольшимъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ Лициніева законодательства, исчезли всѣ различія въ правахъ патриціевъ и плебеевъ, и римскіе граждане уже не раздѣлялись на сословія. Правительственный классъ составился изъ людей, отправлявшихъ высшія государственныя должности, и изъ ихъ потомковъ; классъ этотъ управлялъ государственными дѣлами и пользовался высокимъ почетомъ, но не имѣлъ никакихъ исключительныхъ правъ. Люди, принадлежавшіе къ этому классу, назывались *знатными*, *nobiles*; все преимущество ихъ передъ простыми гражданами состояло въ томъ, что знатныхъ всѣ знали, что на нихъ были обращены глаза всѣхъ; но когда простому человѣку удавалось сдѣлаться извѣстнымъ народу какимъ-нибудь подвигомъ, онъ могъ безпрепятственно достигнуть высшихъ степеней и ввести себя и свое потомство въ среду знати. Богатство не требовалось; самый бѣдный, но достойный человѣкъ могъ занять мѣсто между знатью, въ силу своихъ достоинствъ. Римская знать этого времени состояла изъ достойнѣйшихъ людей государства; ея правленіе было истинною аристократіей, то-есть правленіемъ лучшихъ; ея политика, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, не могла не имѣть тѣхъ блистательныхъ успѣховъ, которые она имѣла и которые поставили Римъ вышеоко надъ всѣми другими народами и государствами, приходившими въ столкновеніе съ Римомъ.

Уравненіе правъ, уничтоженіе сословныхъ различій между гражданами, вотъ основа, на которой римская знать воздвигла

великое зданіе своего могущественнаго государства. Все это явилось тогда впервые въ исторіи человѣчества, все это еще теперь блеститъ свѣжестью перваго явленія. Мы стоимъ далеко отъ этихъ временъ и легко можемъ вникнуть въ причины событій. Уравненіе правъ было слѣдствіемъ многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, и между ними должно поставить на первомъ мѣстѣ оригинальный составъ плебейскаго сословія. Будь всѣ плебен только крестьяне и ремесленники, тогда они едва ли достигли бы равноправности. Простые люди, полагающіе свои силы на трудъ насущный, не могутъ успѣшно заниматься общественными дѣлами. Какъ бы ни было сильно и даровито крестьянство, но уедините его отъ высшихъ классовъ, пользующихся большимъ достаткомъ, образованіемъ и досугомъ, и вы непременно увидите, что крестьянство окажется неспособнымъ къ самоуправленію. Римскіе плебеи были обязаны своими успѣхами на политическомъ поприщѣ тому обстоятельству, что, вслѣдствіе особенности своего происхожденія, состояли не изъ однихъ простыхъ людей, а считали въ своей средѣ много людей богатыхъ и знатныхъ, которые могли предводительствовать ими и были, такъ-сказать, правительственнымъ классомъ плебейскаго сословія. Изъ этихъ знатныхъ и богатыхъ плебеевъ были выбраны сенаторы, которыми былъ дополненъ сенатъ въ первый годъ республики. Изъ этихъ же знатныхъ и богатыхъ плебеевъ выходили потомъ плебейскіе трибуны и вообще люди, отстаивавшіе интересы сословія и управлявшіе его дѣлами. Римскіе крестьяне хорошо вели свои дѣла, и наконецъ достигли политической и гражданской полноправности лишь благодаря тому, что имѣли этихъ людей въ своей главѣ. Первоначальное образованіе плебейскаго сословія было очень оригинально и, повидимому, совершенно случайно, но въ сущности оно было необходимымъ орудіемъ исторіи. Именно такая комбинація была нужна, чтобъ облегчить исполненіе великаго событія, впервые совершавшагося въ исторіи человѣчества,—пріобрѣтенія полноправности крестьянами.

Экономическое благосостояніе римскихъ крестьянъ также нуждалось въ средствѣ очень оригинальномъ и повидимому случайномъ. Еслибы Римъ не имѣлъ государственнаго поля, еслибы въ Римѣ не были возможны аграрные законы, нельзя сомнѣваться, что римское крестьянство не могло бы оправляться послѣ войнъ, которыя Риму такъ часто приходилось вести съ своими сосѣдами, во исполненіе своего историче-

скаго призванія. Быть соединителемъ сначала Италіи, потомъ вселенной (это русское слово есть переводъ греческаго *οἰκουμένης*, соотвѣтствующаго латинскому *orbis terrarum*), быть собирателемъ земель и народовъ, имѣвшихъ участвовать въ дальнѣйшей исторіи человѣчества,—таково было назначеніе Рима, и ради этого назначенія Римъ долженъ былъ вести непрерывныя войны. Но войны разоряли римское крестьянство, а такъ какъ военное могущество Рима было основано на крестьянствѣ, то Римъ не могъ бы исполнить свое историческое призваніе, если бы не существовалъ въ Римѣ институтъ государственнаго поля, который служилъ постояннымъ средствомъ для возстановленія крестьянскаго сословія. Войны разоряли крестьянъ, но въ то же время онѣ расширяли государственное поле и давали средства къ устраненію тѣхъ своихъ послѣдствій, которыя были вредны крестьянству. Исторія пользовалась оригинальнымъ институтомъ государственнаго поля, дабы уравнивать пагубныя послѣдствія войнъ и поддерживать силу Римской республики, пока эта сила служила орудіемъ исторіи.

Большою оригинальностью отличается и самый способъ наѣзда. Сочащаясь съ старымъ преданіемъ, Лициніево законодательство предписывало наѣзку крестьянскихъ земель не иначе какъ семи-югерными участками, то-есть приблизительно по $1\frac{3}{4}$ казенной десятины на плебейское семейство. Участки эти были крайне малы; они далеко не доходили до той мѣры, которая, какъ показалъ г. Моммсенъ (1), считалась въ это время, и даже нѣсколько послѣ, необходимою мѣрой хорошаго крестьянскаго участка. Обыкновенный крестьянскій участокъ въ Римѣ, былъ, по всему вѣроятію, не меньше 20 югеровъ, то-есть приблизительно 5 казенныхъ десятинъ. Такой участокъ, считался удовлетворительнымъ для крестьянскаго семейства и выгоднымъ для обработки. Почему же, спрашивается, Лициніево законодательство уклонилось отъ этой мѣры? На чемъ основано предпочтеніе старинной мѣры—семи югеровъ? На чемъ основано, наконецъ, и то, что въ старину, когда размѣры выгоднаго крестьянскаго участка были, конечно, еще больше, римское законодательство выбрало семи-югерный размѣръ крестьянскаго участка? Отвѣчать на этотъ вопросъ, если не ошибаюсь, слѣдуетъ такъ: Раздавая землю каждому желающему, Римляне должны были знать, что не всякій способенъ хозяй-

(1) Mommsen *Röm. Geschichte*. S. I и 86 (2-te Ausg.).

ничать и не всякій останется хозяиномъ. По тогдашнему состоянію земледѣльческаго промысла, приходилось, вѣроятно, на cadaго сельскаго хозяина приблизительно по два работника, не имѣвшихъ своего хозяйства. Поэтому надобно было дать тремъ плебеямъ столько земли, сколько нужно одному хозяину. Такъ какъ участки были свободно отчуждаемы, то люди, не способные сами вести хозяйство, должны были въ скоромъ времени продать свои участки тѣмъ собратамъ своимъ, которые лучше ихъ хозяйничали. Такимъ образомъ надѣлы переходили въ руки людей, показывавшихъ на опытѣ свою способность къ крестьянскому званію, и свободная отчуждаемость участковъ обезпечивала наилучшій составъ крестьянства. Противъ чрезмѣрнаго раздробленія крестьянскихъ участковъ при переходѣ ихъ по наследству, тоже не было принято никакихъ искусственныхъ мѣръ; но въ этомъ отношеніи крайности были устраняемы свободой духовныхъ завѣщаній: каждый домохозяинъ могъ еще при своей жизни распределить свой участокъ между своими наследниками такъ, чтобы цѣнность его не уменьшалась отъ дробленія. Вообще законодательство лучшей поры римской исторіи не полагало искусственныхъ предѣловъ ни скопленію, ни раздробленію крестьянскихъ участковъ, и только давало крестьянамъ возможность устранять, посредствомъ духовныхъ завѣщаній, тѣ нераціональныя дробленія участковъ, которыя были бы неизбежны, еслибы наследованіе по закону имѣло перевѣсъ надъ наследованіемъ по завѣщанію. При всѣхъ этихъ условіяхъ и при всей этой обстановкѣ, малый размѣръ участковъ, опредѣленный Лициніевымъ законодательствомъ, вполне объясняется и оправдывается.

Еслибы Лициній рѣшился отступить отъ коренныхъ основаній римской юридической и экономической свободы и сдѣлалъ неотчуждаемыми участки, розданные плебеямъ въ силу его законодательства, тогда, нѣтъ сомнѣнія, онъ увеличилъ бы размѣры участковъ, но тогда, тоже нѣтъ сомнѣнія, римское земледѣліе не могло бы развиваться съ такимъ успѣхомъ, какъ оно дѣйствительно развивалось послѣ законовъ Лицинія. Неотчуждаемые участки оставались бы въ рукахъ неспособныхъ хозяевъ; сельское хозяйство шло бы на этихъ участкахъ дурно, а такъ какъ они составляли бы большинство, то примѣръ плохаго хозяйничанья дѣйствовалъ бы заразительно. Кромѣ того, всѣ участки были бы тогда равны между собою; съ одной стороны размѣры ихъ не соответствовали бы экономическимъ потребностямъ; съ

другой стороны, равенство участков вело бы къ равенству между крестьянами, и они непременно составили бы сначала фактически, а потомъ и юридически, особенный классъ людей, рѣзко отличающійся отъ помѣщичьяго класса и отдѣленный отъ него огромною бездною. Среднихъ людей не было бы между сельскими жителями; помѣщики и крестьяне чуждались бы одинъ другихъ, и это отозвалось бы на политическихъ дѣлахъ. Наконецъ, неотчуждаемость участковъ сдѣлала бы невозможнымъ переходъ отъ трехпольной къ плодоперемѣнной системѣ, совершившійся, по всему вѣроятію, вскорѣ послѣ Лициніева законодательства, и связала бы крестьянъ по рукамъ и по ногамъ, лишивъ ихъ кредита, этой крайней потребности улучшеннѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ методовъ. Дѣло кредита имѣло въ Римѣ обширные размѣры. Платежи рѣдко производились наличными деньгами; обыкновенно они списывались со счета по банкирскимъ книгамъ. Банкиры принимали и выдавали деньгамъ за своихъ вѣрителей. Такое широкое развитіе кредитной части было бы бесполезно для крестьянъ, еслибы они были лишены права продавать, а слѣдовательно и закладывать свои участки.

Тиберій Гракхъ, поднявшій аграрный вопросъ почти черезъ два стъ половиною вѣка послѣ Лицинія, въ то время, когда происходилъ уже процессъ разложенія въ римскомъ государственномъ устройствѣ, и уже мало можно было надѣяться на свободу, считалъ необходимымъ постановить, чтобы крестьянскіе участки не были отчуждаемы, и чтобы размѣръ ихъ былъ увеличенъ до 30 югеровъ. Этими онъ думалъ обезпечить бытъ римскихъ крестьянъ противъ всякихъ случайностей и навсегда предотвратить образованіе пролетаріата. Но еслибы подобныя мѣры могли достигать своей цѣли, то успѣхъ въ политикѣ доставался бы очень дешево. Что можетъ быть легче, какъ издать законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ участковъ? Дѣло это не хитрое, не требующее отъ законодателя ничего особеннаго, никакой геніальности. Не такими мѣрами двигаются впередъ политическія дѣла, и не отъ недостатка въ такихъ мѣрахъ раззорились римскіе крестьяне. Отсутствие стѣсненій гражданской свободы не было причиной упадка римскихъ земледѣльческихъ классовъ, вызвавшаго законодательство Гракховъ. Причины эти, напротивъ, заключались въ томъ, что Римъ не могъ дать надлежащаго простора началу свободы. Устраненіе сословныхъ различій въ Римѣ было великое дѣло, одинъ изъ триумфовъ исторіи человѣчества, но оно простиралось

только на собственно-такъ-называемыхъ римскихъ гражданъ. Начало свободы гражданской и экономической было осуществлено Римлянами въ значительной степени; ему обязано своимъ всемірнымъ значеніемъ римское право; но это начало имѣло въ Римѣ ревнивый, языческій характеръ: признавалась свобода гражданина, и именно римскаго гражданина, а не свобода личности, составляющая основаніе гражданской свободы. Поэтому свобода римскаго гражданина являлась какъ что-то формальное и внѣшнее, лишенное содержанія и внутренней силы. Наряду съ гражданами, пользовавшимися равенствомъ правъ, мы находимъ въ Римѣ цѣлое сословіе, не называвшееся даже сословіемъ,—сословіе рабовъ, состоявшее изъ оброда людей, которые считались не за людей, а за вещи. Съ другой стороны, наряду съ равноправными гражданами державнаго города, были членами Римскаго государства жители разныхъ союзныхъ и подчиненныхъ городовъ, не допускавшіеся къ полноправности и не пользовавшіеся благодѣяніями свободы, которую Римляне ревниво берегли лишь для себя. Римляне ставили свой городъ выше всего, и думали только о его величіи и славѣ. Они гордились званіемъ римскаго гражданина и съ удовольствіемъ взирали на свое исключительное положеніе среди языковъ вселенной. Они радовались тому, что они одни были причастниками даровъ свободы, и восклицали всѣмъ другимъ людямъ, которые не были римскими гражданами: *procul, profani!* Это исключительное положеніе римскаго гражданина, лишавшее свободы всѣхъ другихъ людей, отозвалось потомъ на самихъ Римлянахъ и подкопало ихъ собственную свободу.

Рабы уже издавна тревожили Римское государство своими заговорами. Поджоги, это преступленіе, вездѣ находящееся въ связи съ рабствомъ, нерѣдко опустошали Римъ. Почти каждый заговоръ рабовъ имѣлъ цѣлю сжечь Капитолій. Въ самыя первыя времена республики, чуть не каждый годъ, бывали открываемы такіе заговоры, и каждый разъ виновные рабы бывали распинаемы. Но въ то время рабовъ было еще мало; большая часть производительнаго труда лежала еще на гражданахъ; когда же, вслѣдствіе войнъ, число рабовъ размножилось, они сдѣлались опасны Риму уже не одними поджогами. *Красный плутъ* былъ рѣже выпускаемъ на сцену, за то чаще стали происходить серіозныя возстанія. Еще вреднѣе было, что рабскій трудъ вступалъ въ конкуренцію съ трудомъ свобод-

ныхъ людей и понижалъ заработки гражданъ. Въ Лициніевомъ законодательствѣ было постановлено, что каждый римскій помѣщикъ обязанъ держать известное число свободныхъ работниковъ, въ соразмѣрности съ числомъ своихъ рабовъ. Уже тогда, слѣдовательно, оказывалось необходимымъ ограждать искусственно законодательно мѣрой свободный трудъ отъ конкуренціи труда невольничьяго. Въ послѣдствіи, дѣла приняли худшій оборотъ. Римляне отличались отъ другихъ народовъ древности тѣмъ, что пользовались рабствомъ менѣе чѣмъ другіе. Въ первыя времена римской исторіи число рабовъ въ Римѣ было очень ограничено. Пока Римляне вели войны въ Италіи, до тѣхъ поръ они воздерживались отъ всеобщаго языческаго обычая обращать покоренныхъ въ рабство. Побѣжденнымъ народамъ они оставляли свободу, и только брали у нихъ часть земли для вывода своихъ колоній. Этимъ объясняется, что въ Римѣ могло сложиться крестьянство изъ свободныхъ людей. Но когда театръ римскихъ военныхъ дѣйствій расширился за предѣлы Италіи, Римляне отступили отъ своего прежняго обычая. Завоевавъ Сицилію, они ознакомились съ тамошними карагенскими плантаціями. Пуническія войны еще болѣе содѣйствовали знакомству съ искусствомъ употреблять рабовъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Сочиненіе Карагенянина Магона о земледѣліи было переведено на латинскій языкъ по распоряженію сената, и надобно полагать, что многіе изъ римскихъ помѣщиковъ стали руководствоваться этимъ сочиненіемъ. Плантаторское хозяйство стало распространяться въ Римѣ, и стало стѣснять свободный трудъ. Римское крестьянство должно было сильно страдать отъ того. Между тѣмъ счастливыя войны внѣ Италіи снабжали Римъ цѣлыми полчищами рабовъ, происходившихъ изъ разныхъ частей свѣта. Скоро почти все промыслы перешли въ руки рабовъ; даже шкиперами на римскихъ корабляхъ и конторщиками у римскихъ банкировъ были рабы. Отвсюду вытѣсняли они гражданъ, и уже не было возможности думать о точномъ исполненіи Лициніева закона, ограничивавшаго число невольниковъ, употреблявшихся въ сельскихъ работахъ. Сельскіе продукты, производимые рабскимъ трудомъ, продавались дешево. Крестьянинъ получалъ отъ своего труда все меньше и меньше дохода. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ разоренія римскаго крестьянства. Отчужденность крестьянскихъ участковъ опиралась на начало экономической свободы, но вокругъ господствовалъ рабскій трудъ

и, слѣдовательно, господствовало отрицаніе свободы. Мудрено ли, что при такой обстановкѣ крестьяне принуждены были распродать свои участки?

Свобода есть величайшее благо, говорили Римляне, но приберегали свободу только для себя. Не только на рабовъ, но и на всѣхъ иностранцевъ смотрѣли они надменно. Они стоятъ, правда, и въ этомъ отношеніи выше другихъ народовъ древности. Нигдѣ въ древности не обращались съ иностранцами такъ либерально, какъ въ древнемъ Римѣ. Но все-таки Римляне были далеки отъ мысли признавать за своими провинціями право на политическую самостоятельность. Когда они обладали вселенною, они ревниво охраняли свои городскія учрежденія и всего больше хлопотали о томъ, чтобы городъ Римъ не сдѣлался простою столицей Римскаго государства, а по прежнему заключалъ въ себѣ все государство. Вся Италия, всѣ провинціи должны были служить Риму. Одинъ Римъ былъ цѣлюю; на все остальное смотрѣли какъ на средство. Этою гордостью объясняется то удивительное явленіе, что Римляне, при всей своей способности къ политическимъ дѣламъ, не дошли до представительной системы правленія. Римляне не хотѣли, и не могли хотѣть ничего подобнаго. Они не хотѣли знать о Римскомъ государствѣ; имъ былъ дорогъ городъ Римъ, и потому они оставляли въ силѣ свое старинное городское устройство, несмотря на разительное противорѣчіе, состоявшее въ томъ, что Римское государство, сдѣлавшись всемірною имперіей, управлялось такъ, какъ будто оно было не что иное, какъ городъ. Это странное противорѣчіе не было устранено Римлянами именно потому, что, по ихъ мнѣнію, городъ Римъ долженъ былъ поглатить вселенную. Поэтому-то провинціи встрѣтили съ большимъ сочувствіемъ императорскую власть, которая была къ нимъ справедливѣе чѣмъ республиканское правительство. Поддерживая императоровъ, провинціи отомстили Риму за тѣ стѣсненія, которыя онѣ испытали въ эпоху республиканскаго управленія.

Отсутствіе представительнаго начала имѣло для римскаго гражданства своимъ слѣдствіемъ то, что плебеи, получавшіе землю вдалекѣ отъ Рима, фактически лишались всякаго участія въ политическихъ дѣлахъ. На управленіе государствомъ имѣли вліяніе только тѣ граждане, которые жили въ Римѣ и могли посѣщать народныя собранія. Крестьянство оставалось въ сторонѣ и вовсе не имѣло представителей, потому что

плебейскіе трибуны должны были соображаться съ желаніями своихъ избирателей, а не такихъ гражданъ, которые не могли оказать имъ никакой поддержки ни при выборахъ, ни при подачѣ голосовъ о законахъ. Объ интересахъ крестьянства могла заботиться только аристократія, и она заботилась о нихъ, пока дѣйствовала въ общемъ интересѣ республики. Но римская аристократія не долго сохраняла хорошій духъ. Чѣмъ обширнѣе становились предѣлы Римскаго государства, тѣмъ больше значенія прибрѣтала администрація, находившаяся въ рукахъ знати, и тѣмъ ничтожнѣе становились съ каждымъ годомъ народныя собранія. Большинство гражданъ не имѣло уже никакого понятія о политическихъ вопросахъ, подлежавшихъ рѣшенію. Что могли говорить комиціи, кромѣ случайнаго да или случайнаго *нѣтъ*, на предложенія знати или плебейскихъ трибуновъ, относительно сложныхъ вопросовъ управленія вселенною? Устройство римскихъ народныхъ собраній, которое было хорошо для города Рима, сдѣлалось верхомъ нелѣпости, когда Риму пришлось управлять цѣлымъ свѣтомъ. Самое дикое демократическое собраніе нашего времени должно показаться аристократическимъ въ сравненіи съ римскими народными собраніями; даже при всеобщей подачѣ голосовъ, законодательныя собранія нашего времени состоятъ все-таки изъ выборныхъ, слѣдовательно изъ лучшихъ людей, тогда какъ въ римскихъ комиціяхъ подавалъ голоса весь народъ. При такомъ устройствѣ народныхъ собраній, знать не могла не захватить всей власти въ свои руки, а вмѣстѣ съ тѣмъ ей естественно было стараться о томъ, чтобы замкнуться и стать отдѣльнымъ сословіемъ. Мы видимъ дѣйствительно, что послѣ того, какъ Римъ достигъ своего кульминаціоннаго пункта, равноправность гражданъ начинаетъ становиться пустымъ словомъ, а на дѣлѣ все клонится къ распаденію гражданства на отдѣльныя сословія. Знать, имѣвшая въ сенатѣ свое средоточіе, обособляется; вслѣдъ за ней отдѣляются капиталисты и образуютъ отдѣльное сословіе всадниковъ; остающаяся за тѣмъ масса гражданъ, посѣщающихъ народныя собранія, является съ характеромъ черни. Промежуточные ступени между классами римскаго общества исчезаютъ; народъ распадается на противоположныя и враждебныя элементы, которые, по выраженію Саллюстія, терзаютъ республику, находящуюся между ними.

Римское крестьянство, теряя политическія обезпеченія вслѣдствіе такого хода дѣлъ, теряя заработки вслѣдствіе конкур-

ремціи невольничьяго труда, лишаясь сбыта своихъ продуктовъ вслѣдствіе конкуренціи хлѣба, привозившагося изъ провинцій, въ то же время терпитъ отъ постоянныхъ войнъ, отрывающихъ его отъ земледѣльческихъ занятій. Могло ли устоять какое бы то ни было крестьянство противъ стеченія столькихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ? Можно ли удивляться тому, что римскіе крестьяне распродавали свои участки и толпами стекались въ Римъ, чтобы пользоваться политическими правами и извлекать выгоду для себя изъ громаднхъ богатствъ, приливавшихъ въ царственный городъ со всѣхъ концовъ земли?

III.

На высотѣ своего могущества и благосостоянія стоялъ Римъ въ концѣ первой пунической войны. Эпоха пуническихъ войнъ есть уже начало упадка. Вскорѣ послѣ Регулова похода въ Африку, цензъ показывалъ въ Римѣ 298.000 гражданъ, способныхъ носить оружіе. Черезъ тридцать лѣтъ, передъ началомъ Аннибаловой войны, считалось 270.000 человекъ, способныхъ носить оружіе, а еще черезъ двадцать лѣтъ — лишь 214.000. Благосостояніе низшихъ классовъ уменьшалось; есть извѣстія, что потребление мяса и молока начало сокращаться послѣ пуническихъ войнъ. На старину смотрѣли уже какъ на эпоху благоденствія. Прежде цензоры, въ заключительной молитвѣ по совершеніи своего великаго очистительнаго жертвоприношенія (люстра), просили боговъ о *возвеличеніи* Римскаго государства. Сципіонъ Эмилианъ первый сталъ молиться о *сохраненіи* Рима. Другіе, какъ напримѣръ Катонъ Старшій, желали не только сохранять, но и возстановлять старину.

Говоря о судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ, нельзя не остановиться на типическомъ лицѣ перваго изъ римскихъ авторовъ, писавшихъ о сельскомъ хозяйствѣ. Маркъ Порцій Катонъ Прискъ — таково полное имя Катона, обыкновенно обозначаемаго эпитетомъ Старшаго (Мажор), въ противоположность Младшему, или Утическому, — былъ безспорно замѣчательнѣйшій человекъ своего времени. Первый римскій писатель о сельскомъ хозяйствѣ, онъ былъ вообще первымъ латинскимъ прозаикомъ, отцомъ латинской прозы. На политическомъ поприщѣ онъ былъ истымъ Римляниномъ. Замѣчая

морчу, нравовъ и наплывъ греческихъ и азійскихъ обычаевъ, Катонъ предчувствовалъ близкій конецъ прожитаго Римомъ славнаго здороваго времени. Онъ самъ велъ строгую жизнь старыхъ Римлянъ; будучи консуломъ, пилъ и ѣлъ одно съ рабами, не носилъ никогда платья, которое стоило бы дороже ста драхмъ (около 20 др. сер.); употреблялъ большую часть своего времени для общественнаго блага и не искалъ за то никакого вознагражденія, даже не принималъ денегъ за трудъ адвокатства. Онъ говорилъ, что замѣчательные люди должны давать отчетъ не только въ своихъ дѣлахъ, но и въ своемъ бездѣйствіи; что надобно все дѣлать для общей пользы, и что даже искать себѣ похвалы слѣдуетъ только тогда, когда это полезно отечеству. Прилежно изучая греческую литературу, онъ въ глубинѣ души презиралъ греческую вѣтреность и говаривалъ, что у Грека слова идутъ съ губъ, тогда какъ у Римлянъ изъ сердца (Катоново правило было: *rem tēne, verba sequuntur*). На науку и литературу онъ смотрѣлъ какъ на средство для государственныхъ цѣлей, и не давалъ имъ никакой самостоятельной цѣны. Какъ государственный человекъ, онъ былъ истинный слуга отечества, честный, безкорыстный, даже алчный въ публичномъ интересѣ. Любовь къ отечеству была для него все, а отечествомъ онъ считалъ только городъ Римъ. Управляя провинціями, онъ мало заботился о благѣ провинцій; его единственною цѣлю было обогащеніе римскаго казначейства. Это былъ типъ такого патріота, какіе возможны только въ языческомъ обществѣ. Для него не было на свѣтѣ ничего выше идеи государства.

Во внутренней политикѣ направленіе Катоново отличалось антипатіей къ капиталистамъ, сочувствіемъ къ мелкимъ землевладѣльцамъ, между тѣмъ какъ партія Сципіона Великаго, кажется, заботилась объ образованіи класса зажиточныхъ крестьянъ. Крестьянство было, возобновляемо въ это время выводомъ колоній. Это была эмиграція, организованная правительствомъ и служившая не только къ уменьшенію числа гражданъ-пролетаріевъ, но и къ утвержденію римскаго владычества: римская колонія среди завоеванной земли была какъ бы римскимъ аванпостомъ. Земледѣльческій интересъ являлся здѣсь въ связи съ военнымъ интересомъ, въ этой обычной для Рима связи, которая видна повсюду въ римской исторіи и повсюду оправдываетъ пословицу: *Nos armis et arvis*. Колоніальная политика Сципіона клонилась къ тому, чтобы давать колонистамъ все

богѣ и богѣ крупныя участки. Въ 554 году по ходатайству Сципіона, было опредѣлено, чтобы за каждый годъ службы въ Испаніи или Африкѣ было дано ветеранамъ изъ новопріобрѣтенныхъ государственныхъ земель по два югера, такъ что, кто сдѣлалъ съ Сципіономъ всѣ кампаніи, получалъ 20 югеровъ. То же самое направленіе мы видимъ при выводѣ латинскихъ колоній до 563 года. Такъ въ *Castrum Feren-tinum* (въ 559 году) каждый изъ 300 всадниковъ получилъ по 40, каждый изъ 3000 пѣшихъ по 20 югеровъ; въ *Vibo Valentia* (въ 560 г.) получили пѣшіе по 15, конные по 30, въ *Volturna* (въ 563 г.) пѣшіе по 50, конные по 70 югеровъ. Кромѣ того замѣчательно, что въ число колонистовъ Сципіонъ принималъ не однихъ только римскихъ гражданъ, но и такъ-называемыхъ Латинъ, то-есть римскихъ подданныхъ, не пользовавшихся полноправностію. 565-й годъ былъ годомъ паденія сципіоновской партіи; послѣ того видимъ измѣненіе въ колоніальной политикѣ: съ 568 года выводится много колоній, но участки не восходятъ выше 10 югеровъ, и упоминанія о всадникахъ не встрѣчается. Нововыводимыя колоніи уже не латинскія, а гражданскія. Это измѣненіе было, конечно, дѣломъ партіи Катона.

Цензура Катона была грозю капиталистамъ. Откупа пошлинъ были сданы за необыкновенно-высокую цѣну, нѣкоторые предметы роскоши объявлены повинными трибуту въ тридцать разъ большому, нежели прочія статьи имущества римскаго гражданина. Въ число этихъ предметовъ входили мебель, женскіе наряды, посуда, экипажъ, стбящій болѣе 15.000 ассовъ (около 375 руб. сер.), рабы и рабыни моложе 20 лѣтъ и цѣною болѣе 10.000 ассовъ (около 250 руб. сер.). Вооружаясь противъ богачей, Катонъ возставалъ и противъ тѣхъ мѣръ Сципіоновой партіи, которыя имѣли цѣлю снискать расположеніе черни. Катонъ сильно порицалъ продажу привознаго хлѣба по дешевой цѣнѣ.

Изъ Катонова сочиненія о сельскомъ хозяйствѣ мы знакомимся съ тогдашнимъ положеніемъ и устройствомъ земледѣльческаго промысла. Катонъ говоритъ преимущественно о помѣщичьемъ хозяйствѣ. Онъ описываетъ имѣніе, состоящее изъ 240 югеровъ, и называетъ его масличною плантаціей, хотя въ немъ занимались и хлѣбопашествомъ. Но хлѣбопашество уже не было главнымъ занятіемъ, и доходъ получался преимущественно съ оливковыхъ деревьевъ. Для обработки этой план-

такимъ Катонъ считаетъ нужными раба-прикащика, рабу-прикащицу и 11 рабовъ, при чемъ на время уборки въ ноябрѣ мѣсяцѣ нужно нанимать слишкомъ 50 человекъ свободныхъ рабочихъ. На 100 югеровъ виноградника Катонъ совѣтуетъ держать прикащика съ прикащицей и сверхъ того 8 рабовъ. Пахатная земля убирается посредствомъ наемныхъ уборщиковъ, *politores*. Они получаютъ, смотря по добротѣ почвы, девятую, восьмую, седьмую или шестую плетенку пшеницы, если раздѣлъ дѣлается плетенками (*corbes*), то-есть немолочнымъ хлѣбомъ; если же раздѣлъ дѣлается зерномъ, то пятую мѣрку, какъ пшеницы, такъ и ячменя и бобовъ. Значеніе слова *уборщикъ* двусмысленно: его можно принимать за жнеца и вообще за сельскаго работника. Во всякомъ случаѣ, насъ поражаетъ ничтожность вознагражденія, которое получали вольные работники, равно какъ и легкость, съ которою можно было найти вольныхъ рабочихъ въ самое нужное время. Ни того, ни другаго не могло бы быть, еслибы въ то время не было очень много поселенъ или вовсе безземельныхъ, или владѣвшихъ такимъ незначительнымъ участкомъ, что за обработкой его у нихъ оставалось много свободного времени, и еслибы у свободныхъ земледѣльцевъ не было страшныхъ соперниковъ въ рабахъ.

Плутархъ разказываетъ, что Тиберій Гракхъ, отправляясь квесторомъ въ Нуманцію, проѣздомъ черезъ Этрурію былъ пораженъ пустынною страной и тѣмъ, что всѣ земледѣльцы и всѣ пастухи были рабы-варвары. Такъ какъ необыкновенно усилившійся привозъ рабовъ былъ бы невозможенъ, еслибы не было значительнаго спроса на нихъ, а спрашивать рабовъ могли только помѣщики, то Тиберій Гракхъ пришелъ къ убѣжденію, что необходимо ограничить число крупныхъ помѣстievъ, — убѣжденію, естественному въ человекѣ, который, принадлежа къ цивилизаціи, основанной на рабствѣ, не могъ и подумать объ искорененіи самаго рабства. Тиберій Гракхъ былъ человекъ горячій, пламенно преданный дѣлу публичной пользы. Онъ взялся съ жаромъ за свою мысль, явился соискателемъ при выборахъ въ плебейскіе трибуны, и какъ только былъ избранъ, предложилъ свой знаменитый аграрный законъ. Увеличить число самостоятельныхъ земледѣльцевъ, думалъ онъ, значитъ ограничить число рабовъ и принести великую пользу государству, которому рабы вредили и тѣмъ, что отнимали работу и кусокъ хлѣба у гражданъ, и тѣмъ, что, отпускаемые на

волю, умножали толпу городской черни, и наконецъ тѣмъ еще, что стали серьезно угрожать общественному порядку. Въ Сициліи произошло огромное возстаніе рабовъ, которые выбрали одного изъ рабовъ въ цари себѣ и долго сопротивлялись римскимъ легіонамъ. Это возстаніе отозвалось во многихъ мѣстахъ по берегамъ Средиземнаго моря. Въ Римѣ, въ Минтурнахъ, Синуэссѣ, въ Аттікѣ, на островѣ Делосѣ были открыты заговоры рабовъ. Опасность была съ этой стороны очень серьезная. Тиберію Гракху и многимъ другимъ кромѣ него было ясно, что нужны рѣшительныя мѣры для возстановленія свободного крестьянства, что палліативное лѣченіе посредствомъ ценсорскихъ мѣръ и вывода колоній, бывшее въ ходу доселѣ, совершенно недостаточно, и что необходимо прибѣгнуть къ законодательнымъ мѣрамъ. Къ тому же, вся свободная земля въ Италіи была уже занята колоніями, а выселять гражданъ за предѣлы Италіи считалось несогласнымъ съ римскими взглядами. Такимъ образомъ колоніальная политика прекратилась сама собой, и противъ пролетаріата оставалось одно средство—аграрные законы.

О тогдашнемъ хозяйственномъ положеніи земледѣльческаго класса мы находимъ замѣчательное извѣстіе у Аппіана (*Rωμαϊκῆν ἐμφυλίων*, 1, 7). «Богатые, говоритъ онъ, занявъ (то-есть оккупировавъ, *καταλαβόντες*) большую часть не розданной земли (*ἀνεμίτου*, то-есть не ассигнованной) и ожидая отъ давности, что у нихъ не отнимутъ ихъ полей, скупали находившіяся въ сосѣдствѣ мелкопомѣстные участки, частію съ согласія владѣльцевъ, частію съ помощію насилія. Такимъ образомъ они стали засѣвать цѣлые округа и употребляли къ тому рабовъ, такъ какъ свободные были бы отвлекаемы отъ земледѣлія призываніемъ въ войско. Сверхъ того обладаніе рабами приносило выгоду еще въ томъ отношеніи, что рабы, вслѣдствіе свободы отъ военной службы, могли безпрепятственно размножаться. Такимъ образомъ сильные страшно богатыли, и поколѣніе рабовъ въ деревняхъ возрастало. Народонаселеніе же Италіи страдало безлюдностью, истощаемое бѣдностью, податями и военною службой. Но и въ мирное время оно оставалось безъ дѣла, такъ какъ всею землей владѣли богатые и употребляли на ея обработку рабовъ, а не свободныхъ.»

10-го декабря 620 года отъ основанія Рима (134 до Р. X.) вступилъ Тиберій Гракхъ въ должность трибуна. Увѣрившись въ сочувствіи лучшихъ людей своего времени, которые почти

всѣ были его родственники, онъ предложилъ законъ, бывший въ сущности лишь восстановленіемъ закона Лициніева, съ измѣненіями, носящими характеръ Гракхова времени, когда уже утрачивалась способность къ свободѣ. Всѣ оккупированныя части государственнаго поля должны были поступить обратно въ казну, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что каждый прежній владѣлецъ могъ удержать за собою по 500 югеровъ и, кромѣ того, на каждаго изъ своихъ сыновей еще по 250 югеровъ, въ общемъ итогъ впрочемъ не болѣе 1.000 югеровъ. Поступившая въ казну земля должна была идти въ надѣлъ гражданамъ и италійскимъ союзникамъ въ участкахъ, по 30 югеровъ въ каждомъ, и раздаваться не въ полную собственность, какъ прежде, а въ потомственное неотчуждаемое владѣніе, съ тѣмъ, чтобы владѣлецъ былъ обязанъ обрабатывать землю для полеводства и платить государству умеренный оброкъ. Для приведенія закона въ исполненіе назначалась постоянная коммиссія изъ трехъ членовъ.

Когда этотъ законъ былъ предложенъ, аристократія была внѣ себя отъ ярости. Въ продолженіи двухъ сотъ пятидесяти лѣтъ никто не касался помѣстій на государственномъ полѣ. Эти помѣстья переходили изъ рукъ въ руки почти какъ собственность; ихъ покупали и продавали; въ нихъ затрачивали капиталы, потому что сельское хозяйство того времени было очень интенсивно и требовало значительныхъ капиталовъ. Право собственности на эти земли несомнѣнно принадлежало государству, но всѣ знали, что распоряжается государственною собственностію одинъ сенатъ, и что сенатъ, самъ заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, никогда не рѣшится допустить, чтобы государство воспользовалось этимъ правомъ. Поэтому всѣ были увѣрены въ неприкосновенности помѣстьевъ и считали ихъ за неотъемлемую собственность помѣщиковъ. А теперь вдругъ заявлены были притязанія на эти владѣнія, и заявлены не передъ сенатомъ, который въ продолженіи цѣлаго столѣтія полноправно распоряжался всею собственностію государства, а передъ народнымъ собраніемъ. Многіе, быть можетъ, въ душѣ соглашались съ Гракхомъ, что, послѣ того какъ Римляне перестали выводить колоніи, государственное поле сдѣлалось единственнымъ средствомъ для восстановленія крестьянства. Но государственный интересъ приходилъ здѣсь въ столкновеніе съ имущественными интересами аристократіи, и потому не удивительно, что большинство въ сенатѣ было расположено давать болѣе вѣса возраженіямъ противъ закона, пред-

доженнаго Гракомъ, нежели доводамъ, говорившимъ въ его пользу. Знатные начали свою борьбу тѣмъ, что прибѣгли къ старому средству, къ разногласію въ коллегіи трибуновъ. Товарищъ Тиберія Гракха, Маркъ Октавій, челоуѣкъ, который былъ дѣйствительно убѣжденъ въ несвоевременности предложеннаго закона, въ его несправедливости и вредныхъ послѣдствіяхъ, произнесъ свое *velo*, какъ только дѣло дошло до подачи голосовъ. Гракхъ въ свою очередь приостановилъ всѣ государственныя дѣла и наложилъ свою печать на государственную казну. Аристократія не препятствовала и спокойно ожидала окончанія года. Гракхъ вторично приступилъ къ сбору голосовъ о своемъ законѣ, но вторично былъ остановленъ своимъ товарищемъ. Сенатъ, который привыкъ въ это время безраздѣльно управлять государствомъ, и дѣйствительно былъ единственнымъ учрежденіемъ, способнымъ къ тому, предложилъ Гракху перенести дѣло изъ народнаго собранія въ сенатъ. Гракхъ послѣдовалъ вызову, но скоро оказалось, что предложеніе сената клонилось только къ тому, чтобы дать Гракху возможность отстать отъ дѣла, сохранивъ приличіе. Гракхъ не пошелъ на такую сдѣлку. Совѣщанія въ сенатѣ кончились ничѣмъ; приходилось отложить рѣшеніе дѣла до будущаго года, по примѣру Лицинія и Секстія. Но времена были другія. Одному и тому же челоуѣку нельзя было занимать два года сряду одну и ту же должность. Къ тому же Тиберій, вѣроятно, сомнѣвался въ результатѣ будущихъ выборовъ, и не былъ увѣренъ, что народъ не выберетъ опять челоуѣка, подобнаго Октавію. Наконецъ Тиберія мучило нетерпѣливое желаніе какъ можно скорѣе помочь бѣдственному положенію дѣлъ. Какъ бы то ни было, но Тиберій Гракхъ счелъ для себя невозможнымъ идти законнымъ путемъ и рѣшился на своевольное нарушеніе конституціи. Онъ объявилъ народу, что не можетъ оставаться трибуномъ вмѣстѣ съ Октавіемъ, что народъ долженъ подать голосъ, кому изъ нихъ выйдти изъ должности. Это было противно всѣмъ законамъ, ниспровергало самую сущность трибунской власти и вообще римской государственной службы, основанной на несмѣняемости въ продолженіи должностнаго года. Трибы отвѣтили однакоже отрицательно на вопросъ Гракха, можетъ ли оставаться трибуномъ тотъ, кто дѣйствуетъ вопреки интересамъ народа. Гракхъ приказалъ тогда своему сторожу свести Октавія съ скамьи трибуновъ и вслѣдъ за тѣмъ предложилъ свой законъ. Трибы приняли его съ энтузіазмомъ, и въ тотъ

же день были выбраны члены исполнительной комиссіи. Выборъ палъ на Тиберія Гракха, на брата его Гая, двадцатилѣтняго юношу, и на его тестя Аппія Клавдія. Аристократія подчинилась закону, но явно угрожала мщениемъ его виновнику. Судьба влекла Тиберія отъ одного нарушенія закона къ другому. Мягкій по природѣ, отличавшійся вѣжливостію обращенія и кроткою задумчивостію взгляда, не способный ни къ чему рѣзкому и крутому, Тиберій поневолѣ становился революціонеромъ. Впервые Римлянамъ представилось зрѣлище гражданина, ходящаго по городу въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячъ человекъ охранительной стражи. Тиберій Гракхъ иначе не выходилъ на улицу. Чтобъ обезопасить себя отъ своихъ враговъ, онъ сталъ предлагать популярныя законы, клонившіяся только къ тому, чтобы понравиться народу. Надѣясь господствовать въ народномъ собраніи, онъ побуждалъ самодержавный народъ виѣшиваться въ дѣла, подлежащія лишь рѣшенію сената. Когда наступили выборы въ должность трибуновъ на будущій годъ, онъ противозаконно помѣстилъ себя въ число кандидатовъ. Трибы начали было подавать голоса въ его пользу, но между трибунами, товарищами Гракха, возникъ споръ о томъ, кому изъ нихъ предсѣдательствовать въ народномъ собраніи. Дѣло затянулось, и отчасти вслѣдствіе того, отчасти вслѣдствіе противодѣйствія со стороны партіи знатныхъ, пришлось отложить выборы до слѣдующаго дня. Тиберій смотрѣлъ на свой вторичный выборъ какъ на единственное средство спастись отъ мщенія своихъ враговъ. Должность члена комиссіи, которая оставалась бы за нимъ, не облакала его неприкосновенностію трибунскаго званія. Онъ считалъ себя погибшимъ, если не будетъ выбранъ вторично въ трибуны. Надѣвъ траурную одежду, онъ просилъ народъ пожалѣть его малолѣтняго сына. На случай сопротивленія со стороны аристократіи, онъ принялъ мѣры, чтобъ аристократическая партія была удалена силой изъ народнаго собранія. На утро народъ собрался съ предчувствіемъ, что будетъ пролита кровь. Тиберій былъ тяжело вооруженъ. Сенатъ собрался въ полномъ составѣ по близости, въ храмѣ Вѣрности; отъ консула Сцеволы требовали, чтобъ онъ повелѣлъ немедленно казнить мятежника. Между тѣмъ въ народномъ собраніи произошелъ шумъ. оттого что сломалось нѣсколько скамеекъ, которыя обыкновенно ставились на площади во время народныхъ собраній. Этотъ шумъ былъ принятъ за возмущеніе, и Сципіонъ Назика, одинъ изъ старшихъ сенаторовъ,

пригласилъ желающихъ слѣдовать за нимъ вооружиться. Народъ обомлѣлъ, когда увидѣлъ сенаторовъ, идущихъ въ народное собраніе, со стульями и веревками въ рукахъ. Санъ сенатора былъ еще окруженъ обаяніемъ, и народъ почтительно разступался. Тиберій указалъ народу на свою голову, чтобы дать понять, что его голова въ опасности. Это было истолковано какъ требованіе царской діадемы. Многие увѣряли даже, что Тиберій надѣлъ на себя діадему,—наглая ложь, опиравшаяся впрочемъ на то, что Тиберій дѣйствительно пытался одинъ управлять государствомъ. Выборы происходили лѣтомъ; крестьянъ не было въ народномъ собраніи. Чернь, мало интересовавшаяся аграрнымъ закономъ и не имѣвшая ни малѣйшаго желанія промѣнять городскую жизнь на сельскую, показала совершенное равнодушіе къ Тиберію. Онъ принужденъ былъ бѣжать, но споткнулся у подошвы Капитолія. Два римскіе гражданина оспаривали потомъ другъ у друга честь, кто первый нанесъ Тиберію смертельный ударъ въ високъ...

До трехъ сотъ человекъ было убито въ этотъ день безъ суда, а на другой день начались уголовныя преслѣдованія законнымъ порядкомъ. Впрочемъ аристократія не коснулась аграрнаго закона, и онъ приводился въ исполненіе. Мѣсто Тиберія въ комиссіи занялъ Публій Крассъ Муціанъ, тесть Гая Гракха, а послѣ того какъ Муціанъ и Аппій умерли, членами комиссіи были: Гай Гракхъ, Маркъ Фульвій Флаккъ и Гай Папирій Карбонъ. Они работали дѣятельно и значительно увеличили число крестьянъ-землевладѣльцевъ. Цензы показываютъ увеличеніе числа гражданъ, начиная съ конца второй пунической войны и во все то время, пока выводились колоніи. Въ 595 году число гражданъ дошло до 328.000, но за тѣмъ мы видимъ уже уменьшеніе. Цензы 600, 607 и 623 годовъ представляютъ понижающіяся цифры: 324.000, 322.000, 319.000. Лучшимъ свидѣтельствомъ объ успѣшности дѣйствій аграрной комиссіи служить то, что по цензу 629 года оказывается вдругъ 395.000 гражданъ, способныхъ носить оружіе. Но ревность комиссіи зашла слишкомъ далеко; комиссіа коснулась земель, принадлежавшихъ разнымъ городамъ Италіи, въ силу опредѣленія сената или народнаго собранія. Союзники явились съ жалобой и просили Сципіона Эмилиана о заступничествѣ. По его убѣжденію, народное собраніе отняло у комиссіи право рѣшенія юридическихъ вопросовъ о томъ, какія земли подлежатъ отобранію, какія нѣтъ. Это право было предоставлено консуламъ, и комиссіа дозволено только

раздавать тѣ земли, которыя укажутъ ей консулы. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, Сципіонъ, первый сановникъ и первый полководецъ Рима, былъ найденъ въ постелѣ убитымъ...

Гай Гракхъ, по всему вѣроятію, не былъ причастенъ этому убійству, но итальянская *вендетта* вступала въ свои права и покоряла себѣ благородную душу этого чрезвычайно-даровитаго юноши. Понятія того времени находятъ себѣ яркое выраженіе въ словахъ письма къ нему его матери, знаменитой Корнелии, сестры Сципіона Великаго, внушавшей своему сыну умѣренность и воздерживавшей его отъ страстныхъ порывовъ къ мщенію за смерть брата. «И по моему мнѣнію также,—писала къ своему сыну эта высоко-образованная Римлянка, слышавшая за образецъ истинной римской матроны,—не можетъ быть ничего прекраснѣе и величественнѣе, какъ отплатить своему врагу, если только это возможно безъ вреда для отечества. Если же это невозможно, то пусть враги наши благоденствуютъ. Это въ тысячу разъ лучше чѣмъ губить отечество.» Гай Гракхъ не хотѣлъ, конечно, губить отечество, но онъ поставилъ себѣ задачей погубить римскую аристократію и пользовался всѣми средствами, которыя вели къ этой цѣли. Въ оправданіе его должно сказать, что въ это время аристократія въ самомъ дѣлѣ поступала отвратительно. Польза республики стояла для нея на самомъ отдаленномъ планѣ; интересъ власти былъ главнымъ побужденіемъ ея дѣйствій, а власть дѣлила она между своими членами по-товарищески. Чтобы разомъ нанести ей нѣсколько самыхъ тяжкихъ ударовъ, Гай Гракхъ зорко воспользовался всѣми враждебными ей элементами, которые онъ нашелъ въ Римскомъ государствѣ. Онъ раздувалъ пламя междоусобной вражды, вооружалъ противъ аристократіи съ одной стороны чернь, съ другой стороны—капиталистовъ. Полагая, вѣроятно, что все будетъ лучше аристократіи, чѣмъ бы ни заняло ея мѣсто, онъ потворствовалъ слабостямъ и капиталистовъ и черни. Чтобы привязать ихъ къ себѣ, онъ увеличивалъ ихъ права, предоставлялъ имъ возможность употреблять въ свою пользу новые законы его и не задумываясь жертвовалъ ихъ прихотямъ интересами государства. Это была натура страстная, гнѣвная, демоническая, но въ то же время обаятельная, вселявшая восторженную преданность себѣ въ друзьяхъ своихъ.

Законодательство Гая Гракха обнимало всѣ отрасли государственнаго управленія. Многія черты этого законодательства

весьма замѣчательны. Такова, напримѣръ, мысль выводить колоніи гражданъ за предѣлы Италіи (Гракъхъ предположилъ вывести колоссальную колонію въ Кареагенъ) и расширять права такъ-называемыхъ италійскихъ союзниковъ, то-есть подданныхъ Рима. Но эти благія начинанія не имѣли успѣха; удавались только мѣры, вредныя государству. На судьбу римскаго крестьянства и италійскаго земледѣлія всего болѣе имѣлъ вліянія такъ-называемый *хлѣбный законъ* Гаю Гракху, то-есть законъ о дешевой продажѣ пшеницы всѣмъ римскимъ гражданамъ, жившимъ въ Римѣ. Побужденіемъ къ изданію этого закона было для Гаю желаніе привязать къ себѣ городскую чернь, чтобъ она не выдала и его, какъ выдала его брата. Нибуръ, увлекавшійся своимъ сочувствіемъ къ Гаю Гракху, старается, въ своихъ лекціяхъ, оправдать этотъ законъ. «Мысль о достоинствѣ свободнаго государства, говоритъ онъ, бываетъ причиною многихъ мѣръ: такъ напримѣръ она была побужденіемъ къ установленію англійскаго налога въ пользу бѣдныхъ. Для грубаго народа эта мысль не имѣетъ значенія, но свободный и гордый народъ считаетъ своею обязанностію имѣть попеченіе о тѣхъ членахъ государства, которые сами не въ состояніи о себѣ заботиться. Число нищихъ, вѣроятно, было неизмѣримо въ Римѣ; многіе изъ нихъ состояли внѣ трибъ, другіе принадлежали къ городскимъ трибамъ; но всѣ происходили отъ свободныхъ родителей. Можно ли было допустить ихъ до голодной смерти? Оба Гракху имѣли намѣреніе обратить ихъ, сколько было можно, въ рачительныхъ земледѣльцевъ; но этого нельзя было привести въ исполненіе относительно всѣхъ ихъ, потому что многіе не имѣли охоты взять себѣ участокъ общественнаго поля. Ежели въ наше время часть доходовъ большихъ городовъ была бы особенно берегаема съ тою цѣлю, чтобы потворствовать бѣднымъ, это заслуживало бы порицанія; но Гаю Гракхъ не имѣлъ намѣренія раздавать хлѣбъ безвозмездно; онъ уступалъ его по умѣренной цѣнѣ, такъ что бѣдные при умѣренной работѣ могли содержать себя и своихъ дѣтей.»

Такъ говоритъ Нибуръ. Онъ правъ, когда утверждаетъ, что Гаю не хотѣлъ быть демагогомъ. Гаю былъ истинный патриотъ, человекъ, далекій отъ всякаго эгоизма; онъ желалъ блага Риму. Но время было дурное; время было революціонное. Раздражительная запальчивость заражала воздухъ и почти безсознательно влекла людей къ признанію возмутительнаго правила,

что цѣль освящаетъ средства. Нибуръ любитъ Гракха и желаетъ очистить его отъ всѣхъ упрековъ. Нельзя не видѣть въ Гракхѣ высокаго благородства, нельзя не признавать его гениальности, и нельзя не одобрить многихъ мѣръ его, которыми удивлялся Цицеронъ, человѣкъ почти противоположнаго образа мыслей; но хлѣбный законъ не удастся очистить отъ упрековъ и порицанія сравненіемъ съ англійскими законами о бѣдныхъ, тѣмъ болѣе что тѣ законы, о которыхъ говорилъ Нибуръ, были въ послѣдствіи найдены неудобными и замѣнены другими. Главныя основанія, которыя могутъ быть приведены противъ всѣхъ хлѣбныхъ законовъ, а слѣдовательно и противъ Гракхова, соединилъ Цицеронъ въ неподобной рѣчи за Секстія, въ слѣдующихъ словахъ: «Они отучаютъ народъ отъ прилежанія, приучаютъ къ бездѣйствію и истощаютъ казну.» Къ этому можно присоединить еще третье обстоятельство перво-классной важности: подрывъ земледѣлія. Безденежная раздача хлѣба, которая скоро послѣдовала за Гракховою продажей по умѣреннымъ цѣнамъ, привлекала въ Римъ все больше и больше людей, которые прежде снискивали себѣ пропитаніе честнымъ трудомъ земледѣльца, вслѣдствіе чего свободное населеніе деревень и колоній убывало. Съ другой стороны, цѣны на хлѣбъ зависѣли отъ большей или меньшей ежегодной раздачи, то-есть отъ большей или меньшей ревности демагоговъ, а это вредно дѣйствовало на сельскохозяйственный промыселъ. Мы знаемъ изъ нѣсколькихъ оставшихся намъ по этому предмету мѣстъ изъ древнихъ авторовъ, что въ Римѣ было ужасное колебаніе цѣнъ на хлѣбъ. И могло ли быть иначе, когда раздаваемый хлѣбъ не былъ скупаемъ въ Римѣ отъ римскихъ земледѣльцевъ, а привозился изъ Сициліи, Африки и Сардиніи, гдѣ собирался какъ подать? Государство вступало въ конкуренцію съ сельскими производителями, и притомъ въ конкуренцію, которую тѣ не могли вынести, потому что государству хлѣбъ ничего не стоилъ. Это повело къ тому, что земледѣльцы принуждены были наконецъ оставить тѣ отрасли сельской промышленности, въ которыхъ они встрѣчали такую сильную искусственную конкуренцію, и обратились на производство предметовъ, которые не могли быть привезены изъ отдаленныхъ странъ. Въ этомъ отношеніи очень замѣчательно свидѣтельство Варрона, человѣка, который былъ вполне знакомъ съ состояніемъ современнаго ему римскаго земледѣлія (*De re rust.* II. Prooem. 3, 4), свидѣтельство, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предъ и

занимались хлѣбопашествомъ, потомуки, вслѣдствіе своей алчности, вопреки законамъ, развели луга. Луга давали болѣе дохода чѣмъ пахатная земля. Увеличеніе луговъ имѣло, по всему вѣроятію, вліаніе на характеръ атмосферы въ лѣтніе мѣсяцы, потому что лѣтомъ неспаханная земля даетъ гораздо болѣе злокачественныхъ испареній чѣмъ вспаханная. Г. Дюро де-ла-Малль, который въ своей *Economie politique des Romains* особенно разработалъ вопросъ о причинахъ злокачественности воздуха во многихъ мѣстахъ Италіи, пришелъ къ тому заключенію, что одною изъ главныхъ причинъ злокачественности воздуха было распространеніе луговъ. Но этого мало. Чѣмъ болѣе мы всматриваемся въ этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе находимъ предметовъ, стоящихъ съ нимъ въ ближайшей или отдаленной связи, и тѣмъ менѣе чувствуемъ себя въ состояніи сказать хотя одно слово въ защиту этой злополучной мѣры. Очень интересно сравнить римскую раздачу хлѣба съ раздачею денежныхъ вспоможеній рабочимъ въ Англіи до преобразования законовъ о бѣдныхъ; какъ тутъ, такъ и тамъ, низшій классъ выигрывалъ только повидимому. Въ Англіи фабрикантъ уменьшалъ заработную плату; многіе Римляне отпускали на волю рабовъ, чтобы пользоваться безвозмездною раздачею хлѣба, а это еще болѣе усиливало пролетаріатъ. Наконецъ, такъ какъ безвозмездная или полувозмездная раздача хлѣба производилась только въ Римѣ, и потому всѣ граждане стремились въ этотъ городъ и продавали свои поля, то сдѣлалось еще легче скупать мелкія помѣстья, и крупныя помѣстья становились еще крупнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ должно было увеличиваться и число рабовъ, употреблявшихся въ этихъ помѣстьяхъ для полевыхъ работъ.

Извѣстно, какъ сенатъ отомстилъ Гаю Гракху. Плебейскій трибунъ Маркъ Ливій Друзъ предложилъ, съ согласія сената: отменить оброкъ, который обязаны были платить государству владѣльцы участковъ, рожденных по Гракхову закону; признать эти участки свободною, отчуждаемою собственностію; основать 12 новыхъ колоній, но не внѣ предѣловъ Италіи, какъ предлагалъ Гай Гракхъ, а внутри Италіи, что было гораздо пріятнѣе будущимъ колонистамъ, но было невозможно, потому что свободныхъ земель въ Италіи не было. Толпа приняла предложенія Ливія съ энтузіазмомъ, а Гай Гракхъ не былъ выбранъ въ трибуны на слѣдующій годъ. Консульскіе выборы были также враждебны Гаю Гракху. 1-го января 633

года Опимій вступилъ въ должность консула. Драка, случившаяся при жертвоприношеніи, которое совершалъ консуль, была признана за мятежъ. Консуль велѣлъ критскимъ стрѣлькамъ занять Капитолій. Вся аристократія вооружилась и расположилась стратегически на форумѣ и около сенатскаго зданія. Партія Гракха также готовилась къ улчичному бою, хотя Гай не принималъ участія въ этихъ приготовленіяхъ. Безоружный, пришелъ онъ утромъ слѣдующаго дня на Авентинъ, холмъ плебейскій. Товарищъ его Флаккъ укрѣпился въ храмѣ Діаны на Авентинскомъ холмѣ. Накаунтъ, среди смятенія, успокоивая народъ, Гай нечаянно перебилъ рѣчь одного трибуна, говорившаго къ народу. Теперь сенатъ потребовалъ Гаю къ отвѣту за оскорбленіе трибунскаго сана. Флаккъ убѣдилъ Гракха не повиноваться, и сенатъ приказалъ атаковать и взять штурмомъ Авентинскій холмъ и храмъ Діаны. Консуль Опимій объявилъ, что кто принесетъ голову Гаю Гракху или Флакка, получить вѣсь ея золотомъ. Была объявлена также амнистія вѣсьмъ тѣмъ приверженцамъ Гракха, которые сойдутъ съ Авентина, прежде нежели начнется штурмъ. Авентинъ былъ взятъ безъ труда. Друзья Гракха почти силой заставили его бѣжать на правый берегъ Тибра, но сходя съ Авентина, онъ вывихнулъ себѣ ногу. Чтобъ облегчить ему бѣгство, двое изъ его приверженцевъ, Помпоній и Леторій, отдали себя на вѣрную смерть. Они бросились на встрѣчу преслѣдовавшимъ его и были изрублены. Гай успѣлъ перебраться на правый берегъ. Ему сопутствовалъ его рабъ Эвноръ. Въ роцѣ Фуррицы найдены были обезглавленные трупы обоихъ...

Преслѣдованія сообщниковъ Гаю были произведены съ усиленнымъ ожесточеніемъ. Послѣ смерти Тиберія было побито около 300 человекъ. Теперь около трехъ тысячъ человекъ было повѣшено. За то аристократія полагала, что наконецъ водворится миръ въ республикѣ. Скромный жертвенникъ богини Согласія, воздвигнутый Камилломъ, и другія часовенки той же богини, поставленныя въ разныя времена римской исторіи, были сломаны, и консуль Опимій, по опредѣленію сената, соорудилъ на ихъ мѣстѣ великолѣпный храмъ богини Согласія на счетъ конфискованнаго имущества государственныхъ измѣнниковъ.

Таковъ былъ конецъ Гаю Гракху. Изъ судьбы его оказалось, что для успѣшной борьбы съ тогдашнею римскою аристократіею надобно опираться не на чернь или капиталистовъ, а на войско и на провинціи. Римскіе полководцы

скоро воспользовались кровавымъ урокомъ. Будущность Рима была отнынѣ въ рукахъ войска, и отчасти въ рукахъ провинцій. Аграрные законы много разъ предлагались и принимались послѣ Гракховъ, но я не буду утомлять вниманіе читателей исчисленіемъ ихъ. Они уже не могли возстановить римское крестьянство. Законы Марка Ливія Друза, по скольку они относились къ колонизаціи, не были исполнены. Чтобы вывести 12 колоній въ разныя части Италіи, для этого нужно было бы отобрать значительную часть государственнаго поля у владѣльцевъ. Но черезъ два года по смерти Гая Гракха состоялся законъ плебейскаго трибуна Спурія Торія (законъ этотъ сохранился до нашего времени въ оригиналѣ), превратившій владѣнія на государственныхъ земляхъ въ полную собственность. Послѣ того уже не могло быть настоящихъ аграрныхъ законовъ относительно италіанскихъ земель; я не считаю нужнымъ говорить ни о законѣ Рулла, который былъ блистательно раскритикованъ Цицерономъ въ рѣчахъ, еще теперь читаемыхъ нами, ни о законѣ Юлія Цезаря, который по вопросу о неотчуждаемости избралъ средній путь, ограничивъ ее двадцатью годами послѣ раздачи, и перейду къ тѣмъ даннымъ относительно дальнѣйшей судьбы римскихъ земледѣльческихъ классовъ, которыя мы находимъ въ сочиненіяхъ Варрона и Колумеллы о сельскомъ хозяйствѣ.

«Поля, говоритъ Варронъ (1), обрабатываются или рабами или свободными, или и тѣми и другими. Свободными, когда они или сами обрабатываютъ землю, какъ многіе бѣдняки съ своимъ семействомъ, или работаютъ по найму, исполняя свободнымъ трудомъ, по условію, большія работы, напримѣръ, сборъ винограда, сѣнокосы; сюда же, кромѣ того, относятся такъ-называемые задолжавшіе, которыхъ еще теперь много въ Азій, Египтѣ и Иллирикѣ. Объ нихъ обо всѣхъ я говорю слѣдующее: неудобныя мѣста полезнѣе обрабатывать наймомъ, нежели рабами, а въ здоровыхъ мѣстахъ исполнять наймомъ трудныя дѣла, какъ напримѣръ, сборъ винограда или жатву.» Итакъ вотъ каково было тогда положеніе свободныхъ земледѣльцевъ въ Италіи!

(1) Маркъ Теренцій Варронъ, знаменитый полигисторъ, ученѣйшій изъ Римлянъ (р. 638, ск. 727), написалъ на 87 году своей жизни сочиненіе о сельскомъ хозяйствѣ, *de re rustica*, въ 3-хъ книгахъ, изъ которыхъ первая говоритъ о земледѣліи, вторая о скотоводствѣ на пастбищахъ, третья о скотоводствѣ на скотномъ дворѣ.

Всѣхъ самостоятельныхъ крестьянъ Варронъ обозначаетъ общиѣмъ именемъ или бѣдняковъ или задолжавшихъ, а безземельныхъ работниковъ совѣтуетъ онъ употреблять на такія занятія, которыя истощили бы раба! Конкуренція рабскаго труда понижала ихъ заработную плату и даже до такой степени лишала ихъ возможности находить заработки, что они принуждены были брать на себя самыя тяжкія и нездоровыя работы, лишь бы что-нибудь выработать. Какая же будущность могла предстоять этимъ несчастнымъ? Интересно сравнить приведенное сейчасъ мѣсто Варрона съ тѣмъ, что писалъ черезъ полвѣка (при императорѣ Клавдіи) Колумелла, самый основательный изъ латинскихъ писателей о сельскомъ хозяйствѣ. Въ 7-й главѣ первой книги своего агрономическаго сочиненія онъ говоритъ: «Сельскіе люди бываютъ или поселяне (*coloni*), или рабы, скотские и нескотские.» О наемныхъ работникахъ уже ни слова; по всему вѣроятію, они совсѣмъ исчезли въ тѣ пятьдесятъ лѣтъ которыя отдѣляютъ Колумеллу отъ Варрона. И можно ли удивляться тому, зная, въ какомъ положеніи они находились во время Варрона? Что касается до поселянъ, или такъ-называемыхъ *колонатовъ*, то всѣ они сидѣли на чужой землѣ, за повинность, и были уже довольно похожи на крѣпостныхъ. Колумелла совѣтуетъ помѣщику мягко обращаться съ ними, быть доступну имъ, строго требовать, чтобы они хорошо хозяйничали и прилежно работали, и не ограничиваться лишь однимъ строгимъ высканіемъ поборовъ. «Когда поле, говоритъ онъ, прилежно обрабатывается, оно по большей части вознаграждаетъ за трудъ, и не вводитъ въ убытокъ, а потому поселянинъ не посмѣетъ просить скидки. Но и господинъ не долженъ строго держаться своего права въ каждомъ дѣлѣ, которымъ онъ обязалъ крестьянина: напримѣръ, въ срокѣ платежа оброка, въ требованіи дровъ и т. п. Никакъ не слѣдуетъ высканывать все, что только позволено по условію. Отцы наши говорили, что самое строгое право все равно, что самая строгая казнь.» Это человеколюбіе, въ обществѣ, терпѣвшемъ рабство, едва ли можетъ быть объяснено однимъ смягченіемъ нравовъ; по всему вѣроятію, оно имѣетъ экономическое основаніе. Земледѣліе стояло тогда на высокой степени въ техническомъ отношеніи; грубая обработка была невыгодна; она не давала прибылей, соответственныхъ высокимъ цѣнамъ на землю. Надобно было поддерживать улучшенные способы воздѣлыванія земли. Искусственные луга, обширное скотоводство, сильное удобреніе были

необходимостію. Колумелла очень много говоритъ о травостѣяннѣ, о тщательномъ уходѣ за разными травами, особенно за травой, называвшеюся *medica*; онъ излагаетъ подробно теорію удобреній, и мы узнаемъ отъ него, что однимъ изъ самыхъ употребительныхъ видовъ удобренія былъ птичій пометъ, а птичій пометъ не привозился тогда изъ Америки, какъ теперь *знаю*: его собирали въ Италіи. Онъ былъ предметомъ торговли, и даже различался по сортамъ птицъ. Всего дороже цѣнился пометъ голубиный, потомъ куриный. Уже одна эта черта показываетъ, на какой высокой степени стояло земледѣліе того времени, какъ промыселъ. Нѣтъ сомнѣнія, что невольничій трудъ не былъ годенъ для всѣхъ отраслей такого сложнаго промысла, а потому, когда исчезъ классъ поденщиковъ и вообще вольныхъ рабочихъ, приходилось дорожить вольными съемщиками, которые работали сами на своемъ участкѣ и съ помощію своихъ рабовъ могли воздѣлывать его по правиламъ агрономическаго искусства. Невольничій трудъ требуетъ непосредственнаго надзора. Еще Варронъ замѣчалъ, что невольники работаютъ лучше, когда впереди ихъ работаетъ самъ господинъ. Въ большихъ имѣніяхъ должна была оказаться неудовлетворительность рабскаго труда; лучшія изъ нихъ еще приносили хорошій доходъ и при рабскомъ трудѣ, но все чаще и чаще должны были встрѣчаться такія имѣнія, которыя приходилось разбивать на участки и раздавать вольнымъ поселанамъ, или колонамъ. Число такихъ вольныхъ съемщиковъ, надобно полагать, очень размножилось. Колумелла упоминаетъ о такихъ колонахъ, которые сами не работали и даже не жили на своемъ участкѣ. «Хуже всего, говоритъ Колумелла, колонъ, живущій въ городѣ и обрабатывающій свой участокъ рабами. Поэтому надобно дорожить колонами сельскими и постоянными, ежели нельзя или невыгодно самому обрабатывать; невыгодна же бываетъ обработка земли подъ собственнымъ надзоромъ только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя опустошены злымъ климатомъ или неплодоносіемъ почвы. Но когда мѣсто умѣренно-здорово и умѣренно-добротно, всегда собственное хозяйство и даже хозяйство, находящееся подъ надзоромъ раба-прикащика, приноситъ больше чѣмъ отдача земли колонамъ, если только прикащикъ не чрезвычайно небреженъ и не грабитель.»

Едва ли можно сомнѣваться, что Колумелловы колонны то же самое, что Варроновы бѣдняки, сами обрабатывающіе свой участокъ. Варронъ только упоминаетъ о нихъ; Колумелла

передаетъ уже главные черты ихъ быта. Это были свободные граждане, бравшіе на время извѣстный участокъ земли за условленные повинности. При Колумеллѣ ихъ положеніе было плохое; имъ доставались самыя дурныя земли, подобно тому какъ во время Варрона вольнонаемнымъ рабочимъ доставались самыя трудныя и изнурительныя работы. Но такъ какъ число колонновъ, безъ всякаго сомнѣнія, возрасло со времени Варрона, то очень можетъ быть, что въ ихъ среду вступили тѣ свободные безземельные сельскіе жители, которые при Варронѣ нанимались въ работники для тяжелыхъ работъ.

Въ концѣ третьей главы той же первой книги, Колумелла говоритъ объ объемѣ имѣній и даетъ слѣдующій совѣтъ: «Мѣра должна быть сохраняема какъ во всѣхъ вещахъ, такъ и въ приобрѣтеніи имѣній. Надобно набирать столько, сколько нужно, чтобы владѣть, а не отягощаться набраннымъ, и не слѣдуетъ отнимать участки у другихъ, по обычаю сильныхъ, которые завладѣваютъ областями цѣлыхъ народовъ, и не въ состояніи даже объѣхать на лошадахъ свои владѣнія, а предоставляютъ ихъ скоту на попаніе и дикимъ животнымъ на жилище, или занимаютъ гражданами, вступившими въ кабалу (*pehu civium*) и скованными рабами.» Эти кабальные были должники, отработывавшіе свой долгъ. Подъ влияніемъ общаго хода дѣлъ, они должны были по времени тоже превратиться въ колонновъ. Крупныя помѣстья, искоренивъ крестьянство, владѣвшее землей, повели сами къ образованію безземельнаго крестьянства, состоявшаго изъ сѣемщиковъ, но положеніе сѣемщиковъ было все-таки плохое, вслѣдствіе конкуренціи рабскаго труда.

Плиній, современникъ Колумеллы (онъ родился, вѣроятно, въ 23 г. по Р. Х. и умеръ въ изверженіе Везувія, въ 79 г.), въ своей большой энциклопедіи, *Naturalis Historia*, XVIII, 7. 3, высказывается еще сильнѣе чѣмъ Колумелла противъ крупныхъ помѣстьевъ: «Предки наши полагали нужнымъ сохранять мѣру въ объемѣ поля; они думали, что выгоднѣе меньше засѣвать, но лучше пахать, — мнѣніе, которое, я вижу, раздѣлялъ и Вергилій. И ежели по правдѣ сознаться, такъ большія помѣстья поубили Италію (*latifundia perdidere Italiam*), а теперь они губятъ уже и провинціи. Шесть господъ владѣли половиной Африки (1), когда ихъ велѣлъ умертвить императоръ Неронъ.» Какъ и Колу-

(1) Такъ называлась провинція, почти соответствующая теперешнему Тунису.

мелла, Плиніи упоминаетъ о незаконномъ происхожденіи этихъ огромныхъ владѣній, говоритъ о частыхъ захватахъ, которымъ подвергались сосѣди сильныхъ людей, и даетъ намъ знать, что рѣдкій сильный человекъ не тѣснялъ своихъ мелкихъ сосѣдей. «Не слѣдуетъ отнимать, говоритъ онъ; у Кнея Помпея того величія, что онъ никогда не покупалъ сосѣднихъ имѣній!»

Итакъ, вотъ какія *латифундіи* погубили Италію! Эти крупныя помѣстья возникли не изъ естественнаго теченія экономической жизни, а изъ насилія. Даже при рабскомъ трудѣ, вытѣснявшемъ собою вольный трудъ, эти латифундіи не могли бы достигнуть такихъ огромныхъ размѣровъ, еслибы не пришло имъ на помощь насиліе. Поэтому первымъ раціональнымъ средствомъ противъ скопленія поземельной собственности въ немногихъ рукахъ была бы сильная юстиція и удовлетворительная полиція, но ни того, ни другаго уже не было въ императорскомъ Римѣ. Крупныя помѣстья были вредны Римской имперіи, потому что они возникали не естественно, не вслѣдствіе экономической свободы, а вслѣдствіе нарушенія свободы и права. Понятно, что они должны были вести къ раззоренію земледѣльческихъ классовъ римскаго народа и къ упадку земледѣлія. Понятно, что жалобы, на недостатокъ хлѣба въ Римѣ слышатся все чаще и чаще. Уже Августъ видѣлъ, что тотъ, въ чьихъ рукахъ Египетъ, можетъ уморить Италію съ голоду; поэтому онъ отнялъ у сената управление Египтомъ и сдѣлалъ его императорскою провинціей. Хлѣбъ привозился оттуда въ Римъ, частію на счетъ императора, частію хлѣбными торговцами для свободной продажи. Но когда хлѣбопашество въ Италіи было убито, то египетскаго хлѣба уже не доставало, чтобы держать цѣну на умѣренной высотѣ. Въ 32-мъ году нашей эры дороговизна дошла до того, что въ продолженіе многихъ дней народъ въ театрѣ громогласно преслѣдовалъ Тиберія угрозами и ропотомъ. Раздраженный Тиберій упрекалъ сенатъ въ недѣятельности, указывая на то, что въ его правленіе привозится на его счетъ болѣе хлѣба нежели при Августѣ. Тиберій помогалъ также хлѣбнымъ торговцамъ, прибавляя имъ по два сестерція на модій изъ собственной казны. О Клавдіи разказываетъ Светоній, что онъ постоянно заботился о народномъ продовольствіи. Онъ повровительствовалъ ввозу хлѣба и освободилъ хлѣбныхъ торговцевъ отъ государственныхъ тягостей. И несмотря на то, или, лучше, именно вслѣдствіе того, въ 51 году нужда въ хлѣбѣ была такъ

велика, что народъ осаждалъ Клавдія на его трибуналѣ, и императоръ былъ спасенъ отъ толпы только отрядомъ солдатъ. Тацитъ прибавляетъ по этому поводу: «Прежде изъ Италіи перевозились легіонамъ провіантъ въ отдаленныя провинціи; нѣтъ и теперь недостатка въ плодоносіи; но мы обратили наши взоры на Африку и Египеть, и жизнь народа римскаго ввѣрена кораблямъ и случаю.» Неронъ хвастался тѣмъ, что велѣлъ бросить въ Тибръ хлѣбъ, который немного попортился, чтобы показать, какъ у него много средствъ продовольствія. Но это былъ хлѣбъ привозный и шелъ на даровую раздачу; это была премія тѣмъ, которые покидали свои поля и приходили въ Римъ жить милостью императоровъ. Количество раздаваемого хлѣба все болѣе и болѣе увеличивалось; при Северѣ оно наконецъ достигло до ежедневной выдачи 75.000 модіевъ или болѣе 310 четвертей. Свободные люди стекались все болѣе и болѣе въ Римъ, гдѣ для нихъ былъ рай, потому что въ Римѣ можно было даромъ ѣсть хлѣбъ, смотреть великолѣпныя зрѣлища въ циркахъ и наслаждаться за дешевую цѣну всѣми удобствами и всею роскошью многочисленныхъ термъ, на постройку которыхъ императоры тратили громадныя суммы.

По мѣрѣ того какъ земледѣліе падало, падала и поземельная рента. Положеніе сѣверной Италіи было и въ томъ и въ другомъ отношеніи благоприятнѣе чѣмъ положеніе средней и южной Италіи, но и въ равнинѣ По земля сильно дешеvila. Плиній Младшій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ другу, Кальвізію Руфу (III, 19), совѣтуясь съ нимъ на счетъ покупки одного имѣнія, говоритъ, что оно недавно еще стоило пять милліоновъ сестерцій, а продается за три, «по причинѣ бѣдности колонновъ, и вообще потому, что наступили тяжелыя времена.» Плиній сообщаетъ по этому поводу нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о сельскомъ бытѣ по сосѣдству съ его помѣстьемъ въ Цизальпинской Галліи. Рабовъ тамъ вовсе не было. Помѣщики раздавали землю колоннамъ, но на колонахъ накоплялось много недоимокъ. Условія, которыя были заключаемы съ колонами, позволяли помѣщику, въ случаѣ недоимки, продавать имущество колона, служившее обезпеченіемъ (*pignus*) въ платежѣ условленнаго оброка. Въ томъ имѣніи, которое Плиній имѣлъ въ виду купить, помѣщикъ воспользовался этимъ правомъ. Недоимка временно уменьшилась, но за то колонны раззорились, а отъ ихъ раззоренія недоимка стала возрастать снова

и еще въ большемъ размѣрѣ. Если купить имѣніе, то надобно обзавестись хорошими крестьянами, говоритъ Плиній.

Это свидѣтельство Плинія относится къ Цизальпинской Галліи, которая составляла выгодное исключеніе изъ общаго хода дѣлъ. Въ другихъ частяхъ Италіи дѣла были гораздо хуже. Сельскіе жители не только бѣднѣли, но и вовсе исчезали, такъ сказать таяли. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ этого времени заключается въ уменьшеніи италіанскаго народонаселенія: какъ будто, когда римскій народъ совершилъ свое назначеніе, въ немъ исчезла и физическая сила размноженія, подобно тому, какъ она исчезаетъ теперь въ турецкомъ народѣ. Холостая жизнь предпочиталась семейной; императоры тщетно давали особенныя права тѣмъ, у кого было трое дѣтей. Заботы о воспитаніи были слишкомъ тяжки для тогдашняго нравственнаго безсилія; всякій старался найти взрослога человѣка, чтобы усыновить его, подобно тому, какъ охотнѣе покупали взрослыхъ рабовъ и взрослый скотъ, нежели выкармливали ихъ дома. Даже и классу рабовъ насильственно навязали холостую жизнь: господа запрещали своимъ рабамъ заключать между собою браки; рабъ, выкормленный дома, обходился дороже, нежели купленный въ возрастѣ мужа. Такъ народонаселеніе Италіи губило само себя! Уже Ливій говоритъ о своемъ времени, что еслибы не рабы, Италія была бы пустыней. При императорахъ недостатокъ народонаселенія сдѣлался еще чувствительнѣе, и во второмъ вѣкѣ по Р. Х. уже много плодородныхъ полей лежало въ запустѣніи.

Земледѣліе было промысломъ, на которомъ Римъ и Италія воспитались. Когда всѣ сферы жизни приближались къ своему окончательному разложенію, тогда соединились какъ будто бы всѣ возможныя обстоятельства, чтобъ ускорить упадокъ и земледѣлія. Колонами дорожили помѣщики; давали имъ разныя льготы; заманивали ихъ разными уступками. Но все это не шло въ прокъ колонамъ, потому что съ каждымъ годомъ мѣнялись цѣны на продукты земледѣлія. Римъ расточалъ громадныя капиталы; онъ жилъ сначала на счетъ провинцій, но когда и провинціи были истощены, почувствовался страшный недостатокъ капиталовъ, а отъ того, какъ всегда бываетъ, всего болѣе пострадала плата за трудъ и землевладѣльческая рента. Колонъ не былъ въ состояніи платить оброкъ, потому что постоянно ошибался въ расчетѣ. Условія повидимому выгодныя, заключенныя имъ съ землевладѣльцемъ, на другой уже годъ

оказывались раззорительными для колона; колонны бѣднѣли, и недоимки, *religua*, все болѣе и болѣе нарастали на нихъ. Крестьяне поступали въ кабалу къ господамъ своимъ, но господа получали съ этихъ кабальныхъ меньше, чѣмъ сколько получалось прежде съ свободныхъ предковъ этихъ кабальныхъ людей. Стѣсненіе свободы сельскихъ жителей съ одной стороны, и невольное уменьшеніе поборовъ, получаемыхъ помѣщиками,— вотъ характеристическая черта этой эпохи упадка.

Имя *колонъ* у Катона, Варрона, Колумеллы означаетъ еще свободнаго крестьянина; въ кодексахъ оно уже означаетъ крѣпостнаго крестьянина. Всѣ люди, носившіе во время кодексовъ имя *колоновъ*, были крѣпки землѣ. Прежняя арендная плата превратилась въ оброкъ, сначала въ оброкъ денежный, потомъ въ оброкъ, платимый натурой; этотъ оброкъ сдѣлался обязательенъ для колона; вольнаго уговора между нимъ и помѣщикомъ уже не было, но этотъ обязательный оброкъ былъ ничтоженъ въ сравненіи съ прежнею арендною платой и почти никогда не вносился безнедоимочно. Помѣщики до того нищали, что бросали свои имѣнія, не будучи въ состояніи платить податей. Тогда, въ видахъ финансовыхъ, законодательство начало стараться о прикрѣпленіи самихъ помѣщиковъ къ землѣ; оно преслѣдовало бѣглыхъ помѣщиковъ, какъ преслѣдовало бѣглыхъ *колоновъ*; оно старалось подчинить богатыхъ *декуріоновъ* круговой отвѣтственности за взносъ податей. Но такъ какъ на свѣтѣ нѣтъ худа безъ добра, то и это время ознаменовано важнымъ улучшеніемъ. Когда рента не покрывала податей, лежавшихъ на землѣ, и цѣна труда понизилась до крайней степени, тогда стало невыгодно употреблять въ сельскомъ хозяйствѣ трудъ рабовъ, и собственный интересъ побуждалъ рабовладѣльцевъ раздавать рабамъ землю, отпускать ихъ на волю и дѣлать *колонами*. Число *колоновъ* возрастало съ непомерною быстротой; число рабовъ уменьшалось. Если съ одной стороны крѣпостное состояніе поглащало свободныхъ людей въ ущербъ свободѣ, то съ другой стороны оно поглащало въ себя и рабовъ. Свободнымъ людямъ становилось хуже, рабамъ—лучше. Исторія вела къ уравнию сельскихъ жителей. Она унизила свободныхъ крестьянъ, чтобы уравнять съ ними рабовъ и чтобы потомъ возвысить и тѣхъ и другихъ общимъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости.

Историческихъ подробностей относительно того, какъ образовался *колонатъ*, мы не имѣемъ. Варроновы задолжавшіе,

Кодумелловы кабальные, Плавниевы недоимочные крестьяне фактически были уже прикрѣплены къ землѣ. Очень вѣроятно, что установленію крѣпости содѣйствовало переселеніе варваровъ въ Италію, — мѣра, которую часто принимали императоры, дабы противодѣйствовать запустѣнію страны. Первый примѣръ прикрѣпленія къ землѣ представляетъ намъ еще исторія республики, именно въ такъ-называемыхъ Корнелиевыхъ и Бебиевыхъ Лигурахъ, переселенныхъ въ числѣ 40.000 на римскія государственныя земли въ Самніумъ еще въ 572 году, въ годъ консульства Корнелия и Бебія (оттуда ихъ имя). Эти Лигуры получили государственныя земли, очевидно, не на томъ правѣ, на которомъ ихъ получали по аграрнымъ законамъ римскіе граждане, то-есть не въ полную собственность и не въ безоброчное владѣніе. Мѣра эта имѣла безъ всякаго сомнѣнія цѣлю усилить земледѣіе въ средней Италіи, а для этого было необходимо прикрѣпить новопереселенныхъ Лигуровъ къ землѣ, иначе они бы возвратились въ свою Лигурію. Императоры переселили много варваровъ на томъ же основаніи. Очень вѣроятно, что юридическое прикрѣпленіе подобныхъ переселенцевъ встрѣтилось съ фактическимъ прикрѣпленіемъ прежнихъ свободныхъ поселенцевъ, которое было послѣдствіемъ ихъ задолжанія. Какъ въ древнія времена, когда приготовлялась эпоха процвѣтанія Рима, переселеніе иностранцевъ, становившихся кліентами, вело къ смягченію и отмѣнѣ кліентства, такъ теперь, когда дѣла клонятся къ упадку, иноземные переселенцы дѣлаются орудіемъ для явленія противоположнаго, — установленія и распространенія крѣпости.

Впрочемъ, подобные факты только объясняютъ, какимъ образомъ крѣпостное состояніе могло произойти на извѣстныхъ пунктахъ, а не то, какимъ образомъ оно распространилось на всю Римскую имперію. Мы находимъ въ кодексахъ нѣсколько указашій на то. Такъ напримѣръ крѣпость была распространена на Палестину, не знавшую ея прежде, совершенно яснымъ указомъ императоровъ Валентиніана, Θεодосія и Аркадія (Дивегію, Pf. P. Cod. L. XI. Tit. LI. 4). Очень можетъ быть, что и другія страны подпали крѣпостному праву въ силу такихъ же законодательныхъ мѣръ, распространявшихъ крѣпость для облегченія администраціи.

Что касается до личнаго состоянія колонновъ, то прежде всего надобно замѣтить, что колонны были свободные люди и строго отличались отъ рабовъ. Между колоннами находились люди,

принадлежавшіе ко всѣмъ тремъ классамъ свободнаго народонаселенія Италіи во времена императоровъ, не только Пергрины и Латины, но и полноправные римскіе граждане. Въ политическомъ смыслѣ они стояли выше вольноотпущенныхъ, *libertini*, и не переставали считаться благородными, *ingenii*. Поэтому они имѣютъ право брака, котораго рабы лишены. Впрочемъ, съ другой стороны, какъ рабы почвы, *servi terræ*, они во многомъ стояли почти на одной степени съ рабами. Они подлежали тѣлесному наказанію безъ судебного приговора. Указъ Юстиніана префекту преторія Іоанну (Cod. L. XI. Tit. XLVIII. L. 24. c. 1) опредѣлялъ, что дѣти отъ брака колона съ свободою женщиною должны слѣдовать утробѣ, слѣдовательно быть свободны, но что господинъ колона можетъ умѣренно наказать его за такую связь или самъ или черезъ земское начальство (*sive per se sive per præsidem provinciae talem hominem moderata corrigere castigatione*).

Отношеніе колона къ почвѣ заключалось въ неразрывной связи, которая не могла быть нарушена ни самимъ колономъ, ни его господиномъ. Колонъ, удалявшійся съ своей почвы, назывался *colonus fugitivus*, бѣглый крѣпостной, и наказывался подобно рабу, *in servilem conditionem*. Отъ виндикаціи господина не могла защитить колона никакая между тѣмъ приобрѣтенная государственная должность, ни даже званіе солдата. Священническій санъ и монашеское званіе были доступны колону по указу Юстиніана (Nov. 123, c. 17.) и безъ согласія на то господина, но не освобождали отъ несенія повинностей. Колонъ могъ освободиться отъ крѣпости землѣ только чрезъ полученіе епископскаго сана. Но съ другой стороны, и господинъ не имѣлъ возможности нарушить эту крѣпость землѣ. *Безъ земли восточникъ не можетъ продать колона ни въ какомъ случаѣ*. Подобная продажа была недействительна, и продавшій или его наследники имѣли всегда право виндикаціи противъ купившаго. То же самое имѣло мѣсто и въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь съ цѣлю обойти законъ, продавалъ незначительную часть земли, и при ней отчислялъ больше колоновъ, нежели сколько слѣдовало бы отчислить по соразмѣрности съ прежнимъ отношеніемъ числа колонновъ къ пространству помѣстья. *Разнымъ образомъ господину нельзя было продать землю и удержатъ колоновъ*, хотя переселять ихъ изъ одного имѣнія въ другое было позволено. Даже вовсе не упоминается о правѣ господина отпустить колона на волю. При этихъ постановленіяхъ, государство

имѣло, правда, въ виду фискальный интересъ, но были и другія постановленія, внушаемыя заботой о благѣ колонновъ. Такъ на-примѣръ, при раздѣлѣ имѣнія супруги и родственники не могли быть разлучаемы. Это постановлялъ указъ Константина 29 апрѣля 334 года. (Cod. LIII. Tit. 38. L. II. c. 1.) Единственный законный случай отдѣленія колона отъ земли была отдача въ рекруты, *ligones*, производившаяся въ это время по раскладкѣ, основанной не на числѣ колонновъ, жившихъ въ имѣніи, а на его цѣнности.

Отношеніе землевладѣльца къ колону обозначается словомъ *патронъ*, заимствованнымъ отъ состоянія, которое имѣло много общаго съ крѣпостью,—отъ состоянія кліентовъ. За пользованіе участкомъ колонъ платилъ патрону ежегодный оброкъ,—*канонъ*, который обыкновенно вносился натурой, иногда и деньгами, впрочемъ не иначе какъ по особенному договору или обычаю. *Этотъ оброкъ* былъ въ разныхъ мѣстахъ различный, но, что очень важно, *не могъ быть ни въ какомъ случаѣ увеличенъ противъ прежняго*. Увеличеніе оброка, *superexactio*, было единственнымъ обстоятельствомъ, въ которомъ колонъ имѣлъ право гражданскаго иска на своего господина. Слѣдовательно переоброчиваніе вовсе не допускалось, — черта интересная для насъ и общая всѣмъ даже самымъ строгимъ видамъ крѣпостнаго права въ древности: спартанскіе гелоты, какъ извѣстно, мало отличавшіеся отъ рабовъ, платили оброкъ, опредѣленный однажды навсегда и не подвергавшійся увеличенію.

Что касается до личнаго имущества колонновъ, то оно зовется однимъ именемъ какъ и имущество рабовъ, *resculium*, и находится подъ надзоромъ господина. Колонъ не можетъ продать своего имущества безъ позволенія патрона, но и *патронъ не имѣетъ права распорядиться личнымъ имуществомъ кліента*.

Въ отношеніи къ государству, колоны были повинны поголовною податью, которую вносили господа и за которую слѣдовательно господа же и отвѣчали.

Таковы главныя черты состоянія римскихъ колонновъ, сколько мы его знаемъ изъ юридическихъ источниковъ. Болѣе наглядное представленіе объ ихъ бытѣ можно составить себѣ по письмамъ папы Григорія Великаго.

Особенно важно въ этомъ отношеніи 44-е письмо 1 книги. Въ немъ папа даетъ предписанія о сборѣ канона съ колонновъ на земляхъ, принадлежавшихъ римской церкви въ Сициліи.

Колоны платили свой оброкъ не прямо церкви, а людямъ, которымъ церковь отдавала этотъ оброкъ на откупъ, и которые называются въ означенномъ письмѣ съемщиками, *conductores*. Ихъ посредничество между церковью, какъ собственникомъ, и колонами, владѣльцами церковной земли, напоминаетъ прежнихъ римскихъ публикановъ, которые снимали на откупъ государственныя вектигаліи. Оброкъ, собираемый съ колоновъ на церковныхъ земляхъ, состоялъ изъ извѣстной доли урожая. Эта доля иногда платилась натурой, иногда деньгами. Въ первомъ случаѣ колоны несли страхъ несчастія на морѣ, и должны были вознаграждать корабельщиковъ за неизбежную утрату хлѣба при перевозѣ. Во второмъ случаѣ, по повелѣнію папы, слѣдуетъ довольствоваться дѣйствительною рыночною цѣною, а не требовать въ дешевый годъ произвольно-возвышенныхъ цѣнъ. Чтò касается до величины оброка, то насъ поражаетъ его незначительность. Григорій говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ введенъ тягостный сборъ трехъ съ половиною мѣръ съ 70 мѣръ родившагося хлѣба, замѣчаетъ, что такой сборъ крайне несправедливъ, и постановляетъ, чтобы впредь отнюдь не взималось болѣе чѣмъ двѣ мѣры съ 70 мѣръ, то-есть менѣе трехъ сотыхъ урожая, тогда какъ и прежній сборъ, по словамъ папы тягостный, не восходилъ выше пяти сотыхъ. Папа запрещаетъ собирать канонъ произвольно-увеличеннымъ модіемъ, и говоритъ, что на модій никакъ не должно считать болѣе 18 секстаріевъ (на обыкновенный модій шло 16 секстаріевъ). Кромѣ оброка были отбываемы нѣкоторыя чрезвычайныя повинности; такъ напримѣръ была установлена плата за позволеніе вступать въ бракъ; по приказанію папы, эта плата не должна быть выше одного золотого, *solidus*. Наконецъ на колонахъ лежала поземельная подать, въ то время очень высокая. Эта подать взималась три раза въ году: 1-го января, 1-го мая и 1-го сентября. Въ первый изъ этихъ сроковъ оливы бывали едва убраны; поэтому онъ былъ очень обременителенъ для колоновъ: они были принуждены брать деньги взаймы у казначеевъ и платить большіе проценты. Папа приказываетъ дѣлать колонамъ ссуды изъ церковной кассы и собирать выданныя деньги исподоволь.

Такимъ образомъ Римъ, начавшій свою исторію крѣпостнымъ состояніемъ, окончилъ ее также крѣпостнымъ состояніемъ. Древняя крѣпостная зависимость кліентовъ сама собой ослабла съ теченіемъ времени, по мѣрѣ распространенія патриціанскихъ помѣстьевъ на государственныхъ земляхъ. Сословіе

клиентовъ становилось все менѣе и менѣе замѣтно передъ возраставшимъ и усиливавшимся сословіемъ плебеевъ, то-есть свободныхъ землевладѣльцевъ. Лициніево законодательство даровало плебеямъ полноправность и сдѣлало ихъ собственниками. Слѣдствіемъ того было процвѣтаніе Римскаго государства. Но Лициніевы крестьяне сильно пострадали отъ военной службы и отъ соперничества рабовъ, наводнившихъ Италію вслѣдствіе завоеваній. Число пролетаріевъ несоразмѣрно увеличилось, и этому злу не были уже въ состояніи пособить ни Граихи, ни ихъ предшественники и премники въ заботахъ о благѣ государства. Число гражданъ-собственниковъ уменьшалось, между тѣмъ какъ размножались граждане безземельные; домовитыхъ людей становилось менѣе чѣмъ бездомовныхъ, пока наконецъ сила обстоятельствъ не ввела опять крѣпости землѣ. Вторичное высвобожденіе италійскаго поселянина изъ этой насильственной связи съ почвой принадлежитъ уже новой исторіи.

П. Леонтьевъ.

РАЗКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

XVIII ВѢКА

I.

ПТЕНЦЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

31 марта 1725 года, въ Петербургской крѣпости, въ Петропавловскомъ соборѣ, при гробѣ *перваго императора*, какъ обыкновенно въ народѣ звали Петра Великаго, шла всеночная. Среди службы вдругъ вошелъ въ церковь и сталъ подлѣ прѣваго клироса Ягужинскій, одинъ изъ птенцовъ Петра, тотъ, кого онъ вывелъ изъ ничтожества и сдѣлалъ генераль-прокуроромъ. Ягужинскій былъ разстроены, въ сильномъ волненіи; при видѣ гроба своего благодѣтеля онъ не могъ удержаться, позабылъ, что стоялъ въ церкви, и, указывая на гробъ, сталъ говорить: «Могъ бы я пожаловаться, да не услышитъ, что сегодня Меншиковъ показалъ мнѣ обиду, хотѣлъ мнѣ сказать арестъ и снять съ меня шпагу, чего я надъ собою отроду никогда не видалъ.»

«Могъ бы я пожаловаться, да не услышитъ,» говорилъ Ягужинскій. Жалобы продолжали раздаваться и при гробѣ великаго императора, который такъ много наслушался ихъ при жизни

своей. Вопли о великихъ обидахъ раздавались и при колыбели Петра; къ жалобамъ русскихъ людей присоединялись жалобы всеславянскія. Все славянство плакалось на великую обиду: было оно бѣдно, слабо, грубо, порабощено, поругано отъ иноземцевъ, гордыхъ своимъ богатствомъ, силою, наукою; востокъ Европы, бѣдный, обдѣленный природою-мачихой, обдѣленный исторіей, жаловался на великую обиду отъ Запада. «Стали мы укоризною всемъ народамъ: одни насъ жестоко обижаютъ, другіе презираютъ, третьи извѣдаютъ наше добро предъ глазами нашими, и, что всего тяжеле, хулятъ и ненавидятъ насъ, зовутъ варварами, считаютъ болѣе животными, чѣмъ людьми.»

Великій человекъ родился и выросъ среди этихъ воплей; онъ чувствовалъ, что долженъ быть мстителемъ за обиду, возстановителемъ чести и славы народной. Онъ спросилъ, что за причины обиды и уничтоженія, которыя его народъ терпитъ отъ другихъ народовъ? Ему отвѣчали: «первая причина есть наше невѣжество, наше нерадѣніе о наукахъ; вторая причина есть наше чужебсіе, глупость, по которой мы терпимъ, что иноземцы нами повелѣваютъ, насъ обманываютъ и дѣлаютъ изъ насъ все, что хотятъ.» Но легко было понять и не великому человеку, что вторая причина есть слѣдствіе первой. «Наши люди, продолжались жалобы, наши люди тупы разумомъ, сами ничего не выдумаютъ, если имъ другіе не покажутъ; у насъ нѣтъ никакихъ книгъ о промыслахъ, какъ у другихъ народовъ; нашъ народъ лѣнивъ, непромышленъ, самъ себя не хочетъ добра сдѣлать, если не будетъ силою принужденъ.»

Программа дѣятельности великаго человека была начертана. «Учиться! работать!» воскликнулъ онъ своему народу: «Я показываю примѣръ, возстановимъ нашу честь и славу, выучимся побѣждать иноземцевъ, чтобъ они не смѣли презирать насъ; возьмемъ у нихъ науку, благодаря которой они такъ превосходятъ насъ; приобрѣтемъ морскіе берега, обогатимся торговлею, заведемъ промыслы, проложимъ дороги, пророемъ каналы, переведемъ всѣ ихъ хорошія книги на свой языкъ.»

Что же значилъ этотъ призывъ народа къ труду?—Эта открытая, сильная, кровавая борьба противъ лѣности, косности, тунеядства? Что значила эта неутомимая, неслышанная въ исторіи дѣятельность Петра? Она выражала великій переворотъ, великое движеніе въ жизни народной, стремленіе отдѣлаться отъ началъ общества варварскаго и усвоить себѣ начала общества цивилизованнаго. Ибо что такое общество варварское и

общество цивилизованное? Какое существенное различіе между ними? Основной признакъ варварства есть лѣнь, стремленіе самимъ не дѣлать ничего или дѣлать какъ можно меньше, и пользоваться плодами чужаго труда, заставлять другаго трудиться на себя. Такъ живутъ всѣ варварскіе, неисторическіе народы: цѣль ихъ кратковременной дѣятельности—добыча, нападеніе на другой народъ и отнятіе у него плодовъ его труда; пріобрѣтя добычу, варваръ предается бездѣйствію и вслѣдствіе того коснѣетъ умственно и нравственно, личное развитіе прекращается, чужое добро въ прокъ нейдетъ; варваръ живетъ въ бездѣйствіи до тѣхъ поръ, пока нужда не заставитъ его снова напасть на это непроеводительное для него чужое добро; нападая на чужой народъ, любитъ онъ особенно пріобрѣтать живую добычу, лсырь, плѣнныхъ, чтобъ отвезти ихъ къ себѣ и сдѣлать рабами, заставить ихъ работать на себя, а самому предаваться совершенному бездѣйствію, коснѣть; такимъ образомъ добыча, мертвая и живая, приноситъ наказаніе, проклятіе хищнику, осуждая его на коснѣніе, на жизнь животную. Общество выходитъ изъ состоянія варварства, когда является и усиливается потребность въ честномъ и свободномъ трудѣ, стремленіе жить своимъ трудомъ, а не насчетъ другихъ; человѣкъ растетъ нравственно трудомъ, общество богатѣетъ и крѣпчаетъ, рабство естественно исчезаетъ, какъ помѣха труду, помѣха развитію, преуспѣянію. Тѣмъ общество совершеннѣе, развитѣе, чѣмъ сильнѣе въ немъ стремленіе къ труду; тѣмъ оно слабѣе, чѣмъ болѣе между его членами стремленія жить на чужой счетъ. Наша Россія была именно слаба этимъ присутствіемъ въ ней варварскаго начала, начала косности, которое пораждало стремленіе жить чужимъ трудомъ и, въ свою очередь, поддерживалось этимъ стремленіемъ. Это было видно въ печальномъ состояніи сельскаго населенія, въ бѣдности городовъ, въ отсутствіи промышленности, незначительности торговли, въ сильномъ холопствѣ, въ привычкахъ значительнаго человѣка окружать себя толпою лицъ для личныхъ услугъ; въ стремленіи закладываться, которое, съ одной стороны, происходило изъ желанія жить попокойнѣе, въ большей праздности, съ другой, обличало то, что свободный трудъ не пользовался надлежащимъ покровительствомъ въ обществѣ; въ стремленіи обманомъ взять за свой трудъ больше чѣмъ сколько онъ стѣнитъ; наконецъ въ сильномъ взяточничествѣ и въ стремленіи выходить изъ промышленнаго сословія въ при-

казные люди, чтобы съ меньшимъ трудомъ жить на чужой счетъ.

Но если сильны были черты варварства въ древнемъ русскомъ обществѣ, то общество все же не было варварскимъ: это выражалось въ постоянномъ поступательномъ движеніи при всевозможныхъ препятствіяхъ, въ сознаниі тѣхъ недуговъ, отъ которыхъ должно освободиться для дальнѣйшаго историческаго движенія. Когда въ обществѣ усиливаются болѣзни безъ сознанія ихъ и при отсутствіи силъ къ ихъ излеченію, то общество падаетъ; если же болѣзни накаплиются, но вмѣстѣ съ тѣмъ является сознаніе болѣзней и чувствуются силы для борьбы съ ними, то происходитъ переворотъ, общество сотрясается, и это сотрясеніе вызываетъ новыя силы, необходимыя для уничтоженія накопившихся недуговъ и продолженія исторической жизни. Переворотъ совершается или установленною властію, когда эта власть крѣпка, или, въ случаѣ ея слабости, разнузданными силами народа. Русский переворотъ конца XVII и начала XVIII вѣка произошелъ первымъ путемъ. Какъ обыкновенно бываетъ при переворотахъ, общество съ усиленною быстротой должно было броситься къ тому началу, которое было признано какъ лѣкарство противъ господствующей болѣзни. Болѣзнь русскаго общества заключалась въ варварскомъ началѣ косности, въ стремленіи какъ можно меньше дѣлать и жить на чужой счетъ: отсюда главный дѣятель переворота, Петръ, явился олицетвореніемъ противоположнаго начала, начала труда, явился *вѣчнымъ работникомъ на тронѣ*, по выраженію поэта; отсюда ожесточенное преслѣдованіе праздности, тунеядства, отбыванія отъ службы.

Произнося страшное слово: *переворотъ*, мы уже необходимо предполагаемъ неестественное, напряженное состояніе общества, упорную борьбу здоровыхъ началъ съ застарѣлыми, накопившимися болѣзнями, борьбу новаго съ старымъ, схватку ихъ представителей на жизнь и на смерть, при чемъ такое широкое поприще насилію сильнаго, такъ мало пощады побѣжденному. Переворотъ петровский не былъ исключеніемъ. Въ старину выходили книжки подъ заглавіемъ: *Цвѣтущее состояніе Россіи при Петрѣ Великомъ*; но теперь, когда историческая наука возмужала, подобныя книжки невозможны; теперь при словѣ *переворотъ* исчезаетъ мысль о цвѣтущемъ состояніи, и напуганному воображенію уже представляются кровавыя картины людскаго ожесточенія. Историкъ не станеть

любоваться этими картинами, не развѣтитъ ихъ и не сгладитъ рѣзкостей, но въ то же время не позволить себѣ вооружиться противъ великаго начала, осилившаго въ переворотѣ и выведшаго народъ въ новую исторію, къ новой жизни; не позволить себѣ вооружиться противъ великаго человѣка, провозгласившаго это начало и давшаго себя ему въ вѣчное служеніе.

Переворотъ начался страшно-кровавою схваткой съ стрѣльцами. За что же поднялись стрѣльцы, чего хотѣли они? Борода, старое платье, старые обычаи были знаменемъ: сущность дѣла заключалась въ нежеланіи служить трудную службу, къ которой Петръ призывалъ всѣхъ русскихъ людей, чтобъ избавитъ ихъ отъ великой обиды и позора. Въ одно время съ стрѣльцами волновались козаци, потому вставала Астрахань, поднимался Донъ, съ своимъ Булавинымъ; но что представляло древнее козачество, зачѣмъ такъ упорно враждовало съ государствомъ? за право жить на чужой счетъ, хищничествомъ «добывать себѣ зипуны». Въ степяхъ, въ привольи хищниковъ, обычай жить на чужой счетъ господствовалъ безъ прикрытій, здѣсь говорилось прямо, что надобно вольному козаку; но подобный же обычай былъ крѣпокъ и внутри государства, хотя прикрывался, не казался кичливо на свѣтъ Божій, пробирался мимо закона, какъ степной хищникъ пробирался между крѣпостями, выставленными государствомъ, чтобы напасть на беззащитное народонаселеніе. Петръ сладилъ съ сопротивленіемъ, прямо высказывавшимся, побѣдилъ вездѣ, гдѣ было мѣсто борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ; сладилъ съ стрѣльцами, съ козаками, побѣдилъ внѣшняго врага, Шведа, который загоразживалъ ему дорогу къ морю, въ Европу; но не легко было сладить съ сопротивленіемъ, которое не выступало открыто, но которое залегло глубоко въ обществѣ, коренилось въ привычкахъ и взглядахъ, накопленныхъ вѣками. Петръ призывалъ всѣхъ къ труду неутомимому, ко всевозможнымъ пожертваніямъ: но не должно забывать, что онъ призывалъ къ труду, къ жертвованіямъ общество, въ которомъ главный недугъ состоялъ именно въ стремленіи многихъ и многихъ трудиться какъ можно менѣе и жить на чужой счетъ, въ стремленіи жить особе, и въ происходящемъ отъ того равнодушіи къ общимъ интересамъ; и вотъ на призывъ къ труду, имѣвшему искупить народъ отъ господства варварскаго начала, отъ другаго, болѣе тяжкаго, ига татарскаго, слышались изъ разныхъ угловъ жестокія слова противъ призывающаго къ

труду: «Міроѣдъ, весь міръ переѣлъ!» слышалось изъ одного угла; «подметный царь, антихристъ!» кричали изъ другаго. Но эти вопли людей, потревоженныхъ въ своемъ печальномъ покое, въ своей обычной обстановкѣ, еще не были самымъ печальнымъ явленіемъ. Гораздо печальнѣе было то, что люди, вопившіе издавна противъ притѣсненій, освобожденные теперь отъ старыхъ притѣснителей, получившіе средства устроить свои дѣла какъ имъ было надобно, успѣли нажить себѣ новыхъ притѣснителей изъ своей среды; гораздо печальнѣе было то, что люди, повторявшіе за Петромъ новыя правила, никакъ не могли примѣнить ихъ къ дѣлу, при которомъ сейчасъ же являлись наружу старыя привычки и взгляды. Мы очень хорошо знакомы съ двувѣріемъ: оно долго обнаруживалось въ Россіи какъ въ сферѣ религіозной, такъ и въ гражданской. Долго послѣ принятія христіанства, въ народѣ, особенно въ низшихъ слояхъ его, оставались еще старинныя языческія вѣрованія и обряды, что и называлось двувѣріемъ; то же самое обнаруживалось и въ сферѣ гражданской въ эпоху преобразования и долго послѣ нея; слова и дѣла не ладили между собою: на словахъ правила, почерпнутыя изъ мудрости старшихъ братьевъ по цивилизаціи, на словахъ горячее усердіе къ общему благу, презрѣніе частныхъ корыстныхъ цѣлей, принесеніе всего на жертву высшимъ интересамъ,— на дѣлѣ иное, противоположное. Какъ въ XI вѣкѣ русскій человекъ, помолившись въ церкви христіанской, спѣшилъ въ дѣлѣ чтобы подъ старымъ дубомъ принести жертву старому Церуну: такъ въ XVIII вѣкѣ русскій человекъ, нацеголявшись въ французскомъ кафтанѣ, наговоривши на разныхъ языкахъ множество прекрасныхъ, истинно гражданскихъ вещей, пріѣзжалъ домой—и начиналъ поклоняться насилію, хищничеству, тунеядству и разнымъ другимъ степнымъ божествамъ, которыхъ тщетно старались заклясть указы Петра I и Екатерины II.

Призывая русскій народъ къ усиленному труду, посредствомъ котораго только и могъ онъ сравниться съ богатыми и сильными народами, зная, что богатство и сила государственныя зиждутся на трудѣ промышленномъ и торговомъ, Петръ не могъ не стараться обезпечить этотъ трудъ. Главными препятствіями для развитія промышленнаго и торговаго труда были: бѣдность капиталовъ, неумѣніе соединять ихъ, неумѣніе вести дѣла сообща, отсутствіе образованія въ торговомъ и про-

мышленномъ классѣ, пронстекающая отсюда мелкость взглядовъ и пріемовъ, притѣсненія воеводъ и приказныхъ людей. Стремленіе противодѣйствовать всѣмъ этимъ препятствіямъ Петръ выразилъ въ знаменитомъ изреченіи своемъ: «собрать разсипанную хранину купечества.» Для этого собранія купечество изъято было изъ вѣдомства воеводъ, получило собственный судъ и управленіе посредствомъ городскихъ магистратовъ и главнаго магистрата. Теперь посмотримъ, какъ же воспользовались торговые люди новымъ положеніемъ своимъ, созданнымъ для нихъ преобразователемъ. Преобразователь долженъ былъ выслушать вотъ какого рода донесенія о собираніи хранины: «Купечество въ Москвѣ и городахъ само себя повредило и повреждаетъ: изъ нихъ сильные на маломочныхъ налагаютъ поборы несносные паче себя, а иные себя въ томъ и обходятъ, зачѣмъ маломочные и паче приходятъ въ скудость и безторжицу; къ тому у нихъ отняты всякіе промыслы и прочіе торги, кои за ними издревле бывали, а и въ рядахъ уже стало больше вотчинъ и всякихъ торговыхъ мѣстъ за бѣломѣстцы нежели за купечествомъ. А иные купцы, и сами отбывая платежей и постоевъ, покиня, а другіе, распродавъ бѣломѣстцамъ въ слободахъ жилища свои, разошлись въ другіе чины, въ артиллерию, въ извозчики и воротники, также записались въ Покровское и Тайнинское, еще жъ въ защиту разныхъ господъ на дворы ихъ московскіе и загородные, и своей братья, и другіихъ разныхъ чиновъ въ домахъ нанимая мѣста и избы особы за Землянымъ городомъ, мимо настоящихъ своихъ слободъ построив дворы живутъ; еще жъ якобы за долги старыми переводы у разныхъ и въ закладѣ не токмо сами, но и съ торгами своими и винными заводы въ защитѣхъ. А иные подлогомъ якобы за скудостію и болѣзнями и въ богадѣльни вошли, а иные на заводы и на промыслы въ прикащики и сидѣльцы и работники, которые и свое имѣніе довольное имѣютъ. Дорогомиловской слободы ямщики, по прозванію обыденки довольные богатствомъ, покиня гоньбу и отбывая съ торгу платежей, записались пролазомъ своимъ, подлогомъ чрезъ Полибина, въ стѣнные истопники къ комнатѣ царевны Натальи Алексѣевны, которые и понынѣ подъ тою опекой имѣютъ торги и лавки не малыя, а иные ушли въ другія губерніи и въ Сибирь. Купецкіе жъ, кои вышли изъ слободъ, покиня свои прежнія жилища, и донынѣ на-лицо живутъ явно въ Москвѣ на господскихъ дворахъ слободами, напримѣръ за одною Мо-

оквою рѣкой на Пятницкой и Ордынкѣ, на Офросимовѣ и Ржевскомъ дворахъ, еще же и за Мѣсницкими на Шешнекомъ и Долгоруковѣ, и за Арбатскими на Головкинѣ дворахъ и у прочихъ такихъ же, а въ слободы на тяглыя свои жилища нейдуть, а старосты и другіе, вида сіе, для своихъ польвъ, въ томъ имъ и упушаютъ».

Исчезаетъ очарованіе, произведенное Полтавой, ништадтскимъ миромъ, внутренними преобразованіями, водвореніемъ науки, всѣмъ тѣмъ, что, повидимому, проводитъ такую рѣзкую границу между новою и древнею Россіей: мы опять въ XVII вѣкѣ, во временахъ царей Михаила и Алексѣя, ибо слышимъ тѣ же самыя жалобы на отбываніе отъ податей и на закладничество, но даже и тутъ, въ XVII вѣкѣ, не видимъ такихъ продѣлокъ, какъ въ царствованіе Петра: при отцѣ и дѣдѣ его не встрѣчаемъ напримѣръ, чтобъ ямщики, *пролазомъ*, приписались истопниками къ комнатамъ царевны!

А наши старые знакомцы воеводы, на которыхъ древняя Россія накопила столько жалобъ? Неужели мы опять услышимъ эти жалобы, послѣ того какъ Петръ, по любимой своей мысли о коллегіальномъ устройствѣ, велѣлъ «учинить ландратовъ, въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, въ меньшихъ по 8, чтобъ они всѣ дѣла съ губернаторомъ дѣлали и подписывали, и губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ и никакого дѣла безъ оныхъ не дѣлаеть, и выбирать ландратовъ въ каждомъ городѣ или провинціи всѣми дворянами за ихъ руками.» Неужели мы встрѣтимъ старинныя жалобы, послѣ того какъ Петръ изъялъ купечество изъ-подъ суда и вѣдѣнія губернаторовъ и воеводъ, и даже половину фискаловъ приказалъ выбирать купечеству изъ своей среды? Неужели встрѣтимъ извѣстія о той же усобицѣ сословія, о которой съ ужасающею наивностію говорятъ грамоты царя Михаила, повелѣвающія приказнымъ людямъ оберегать горожанъ отъ сильныхъ людей и отъ бояръ?

Послушаемъ, что скажетъ намъ уже приведенное донесеніе: «Торговать уже за нападками не безопасно, напримѣръ и одинъ Волинской, будучи въ Персидѣ, съ прикащиковъ Евраинова и прочихъ съ немалымъ притѣсненіемъ насильно обралъ болѣ 20.000 рублей якобъ на государевы нужды, ажю на свои прихоти, и бить челомъ не смѣють, понеже съ торгомъ своимъ его правленія Астрахани, и его имъ миновать нельзя, о чемъ и вышнимъ господамъ извѣстно, да молчатъ.»

«Купчества весьма мало, и можно сказать, что уже нѣтъ, ибо все торги отняты у купцовъ и торгуютъ высокія пер-
соны и ихъ люди и крестьяне,» говоритъ другой любопытный
памятникъ петровскаго времени: «извольте, ваше величество,
вопросить новыхъ всероссийскихъ купцовъ, то-есть князя
Меншикова, сибирскаго губернатора князя Гагарина и иныхъ
подобныхъ, могутъ ли они проворнить многое число раззорен-
ныхъ чрезъ отнятіе торговъ?»

Таковъ былъ отвѣтъ преобразователю на его призывъ къ труду,
на его стремленіе разбудить заснувшія силы народныя. Но и
этотъ печальный отвѣтъ не долженъ смущать насъ, не долженъ
наводить насъ на мысль, что тщетенъ былъ подвигъ, безпло-
денъ тяжкій переворотъ, или что совершалось дѣло иначе
чѣмъ слѣдовало, и потому имѣло такъ мало успѣха. Чтѣтъ
уяснить себѣ ходъ нашей исторіи, какъ древней, такъ и новой,
мы должны освободиться отъ мысли, что общественное раз-
витіе можетъ совершаться и достигать высокой степени не-
зависимо отъ матеріальнаго благосостоянія народа. Известно,
что общественное движеніе, высшія общественныя формы
являлись тогда, когда народъ начиналъ богатѣть. Вслѣдствіе
самыхъ неблагоприятныхъ условий для развитія народнаго бо-
гатства, Московское государство было самымъ бѣднымъ изъ
государствъ европейскихъ, при рѣдкости народонаселенія на
огромныхъ пространствахъ, при большихъ огороженныхъ се-
лахъ вмѣсто городовъ, при отсутствіи промышленности и
торговли (сравнительно съ западными государствами Европы).
Потребности государства постоянно не были въ уровень съ
средствами, доставляемыми ему народомъ. Вспомнимъ, какую
громадную пограничную линію должно было оберегать это
бѣднѣйшее, малолюднѣйшее государство! Сколько было гово-
рено о кормленіи, этой язва Московскаго государства! Но от-
куда это кормленіе? Мы видимъ его при началѣ государствъ,
то-есть, при ихъ крайней бѣдности, когда не чѣмъ удовле-
творить первой нуждающей потребности, потребности защиты,
не чѣмъ содержать войско: ратнымъ людямъ, дружинникамъ,
раздаютъ или земли, или правительственныя и судебныя дол-
жности въ кормленіе. Если у насъ кормленіе оставалось такъ
долго; укоренилось — явный признакъ, что народъ оставался
бѣднымъ: а кормленіе, слѣдствіе бѣдности, неразвитости
народной, какъ обыкновенно бываетъ въ исторіи, созда-
валось въ свою очередь усиленіемъ народной бѣдности.

Бѣдность государства и необходимость содержать огромное войско, защищать огромную пограничную линію, отбиваться со всѣхъ сторонъ отъ враговъ — вотъ два тяжкія условія жизни Московскаго государства. А крѣпостное право—откуда оно?—Все отъ той же бѣдности. Крестьянина прикрѣпили, чтобъ онъ кормилъ помѣщика, ратнаго человѣка, котораго иначе бѣдное государство содержать не могло. Тяжелымъ игомъ лежало кормленіе войска на народъ; но оно избавляло отъ ига татарскаго, отъ Поляковъ, отъ Шведовъ. И чтобы понять, какъ необходимо было военное преобразованіе, почему надобно было начинать съ него, почему въ этомъ отношеніи нужны были еще новыя пожертвованія, новыя напряженія бѣднаго государства и народа, чтобы понять, оцѣнить военную дѣятельность и заслугу Петра, надобно только вспомнить, какое количество плѣнныхъ выводили крымскіе Татары изъ Россіи, и безъ того бѣдной народонаселеніемъ, надобно читать описанія тяжелой участи этихъ несчастныхъ, наполнявшихъ восточныя рынки, надобно вспомнить, сколько денегъ нужно было употреблять бѣдному государству для выкупа плѣнныхъ. Но кромѣ войска нужно было народу кормить еще непосредственно дьяковъ и подъячихъ, вслѣдствіе той же бѣдности. Въ XVII вѣкѣ лучшіе люди сознавали эту язву и предлагали средства для ея излѣченія: отчего дьяки и подъячіе берутъ взятки? спрашивали они, и отвѣчали: оттого что получаютъ малое жалованье, недостаточное для ихъ содержанія; дайте имъ больше жалованья, и они перестанутъ брать взятки. Но совѣтодатели не справились, откуда московскому правительству было взять денегъ для увеличенія этого жалованья. Ихъ поражала бѣдность народа, но они забыли, что правительство бѣднаго народа не могло быть богато. У варварскаго народа всѣ члены его воины, не воины—рабы. Какъ скоро начинается развитіе, начинается раздѣленіе занятій, является различіе между воинами и не-воинами, и опредѣленіе отношеній между этими двумя частями народонаселенія становится одною изъ самыхъ важныхъ задачъ всей послѣдующей жизни государства; во времена варварскія, или очень близкія къ варварству, напримѣръ въ началѣ среднихъ вѣковъ въ Европѣ, военная часть народа стремится господствовать надъ невоенною, забрать себѣ всѣ права; но, благодаря разнымъ благоприятнымъ условіямъ развитія, масса невоенная не коснется въ своемъ страдательномъ положеніи, посредствомъ промышленнаго труда

приобрѣтаетъ матеріальныя и нравственныя средства, вслѣдствіе чего силы обѣихъ частей народонаселенія начинаютъ болѣе или менѣе уравниваться. Такъ было въ западныхъ государствахъ; въ Польшѣ, при неблагопріятныхъ условіяхъ развитія для невоенныхъ классовъ народонаселенія, военная часть народонаселенія, шляхта, налегла на массу невоенную, взявши себѣ всѣ права и отнявши у верховной власти значеніе посредствующаго начала, — и мы знаемъ слѣдствія. Въ самомъ восточномъ европейскомъ государствѣ, въ Россіи, условія для развитія промышленнаго труда, для развитія невоенныхъ классовъ народонаселенія были крайне неблагопріятны; отсюда бѣдность народа и всѣ ея печальныя слѣдствія, о которыхъ уже было упомянуто. Но въ Россіи и военная часть народонаселенія, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ (1), также не получила сословнаго развитія, а между тѣмъ увеличивались силы правительственнаго начала; пользуясь этою-то силой, Петръ произвелъ переворотъ, имѣвшій цѣлю поднять силы народа во всѣхъ отношеніяхъ: поднять войско, его побѣдами поднять значеніе государства извнѣ и добыть море, и въ то же время поднять промышленныя силы народа, отнять у государства Русскаго исключительно земледѣльческій характеръ, сдѣлать его богатымъ, слѣдовательно уничтожить тѣ печальныя явленія, которыя были слѣдствіемъ его бѣдности. Мы видѣли, какія страшныя препятствія встрѣтилъ Петръ при достиженіи своей цѣли: въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ нельзя было переимѣнить утвердившихся вѣками привычекъ и взглядовъ; учрежденіемъ магистратовъ нельзя было вдругъ обогатить купцовъ, вдругъ приучить ихъ къ широкой, дружной и разумной дѣятельности; выучивши волею-неволею служилаго человека грамотѣ, цѣнри и геометріи, нельзя было вдругъ вдохнуть въ него ясное сознаніе гражданскихъ обязанностей; несмотря на множество видимыхъ измѣненій, нравственное состояніе народа мало измѣнилось къ лучшему. Но народъ безвозвратно выдвинулся на новый путь, путь единственный для выхода, для избавленія себя отъ тяжкихъ обидъ, на которыя жаловались лучшіе люди XVII вѣка, путь тяжелый безспорно; — но что же дѣлать, когда въ запасъ у исторіи нѣтъ другихъ путей для народовъ?

---

(1) См. *Историческія письма*, печатавшіяся въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

Какъ взволнованное море, шумѣла Россія глухимъ шумомъ и ропотомъ, когда преобразователь лежалъ въ гробѣ величавый, грозный и скорбный. Птенцы Петра провозгласили царицей его жену-спутницу. При этой новой новизнѣ, женскомъ царствованіи, слышался ропотъ наверху и ропотъ внизу: наверху ропотъ несбывшихся надеждъ, ропотъ на свѣтлѣйшаго князя; внизу повторялись пословицы, въ которыхъ высказался невыгодный взглядъ предковъ на женщину, пословицы и присловицы,

Каковы въ народѣ издавна словомъ употреблялися,
И яко въ волнѣ морской, тако въ молвѣ мірской разглашались.

Но среди этого ропота слышались другіе голоса, къ которымъ мы и прислушаемся преимущественно.

Между сенаторами сильное движеніе, толки, споры, пишутся мѣтнія. Чтò же ихъ такъ занимаетъ? старый вопросъ: казна истощена, крестьяне раззорены, войско и приказные люди тяжело лежатъ на народѣ. Первымъ дѣломъ преобразованія было созданіе постоянного войска, въ которомъ чувствовалась нудящая потребность; но чѣмъ содержать его? разумѣется, первая мѣра въ бѣдномъ, неразвитомъ государствѣ — отдать войско на непосредственное кормленіе народу. Но легко понять, какого рода была эта новая тягость; исторія хорошо знаетъ, чтò такое постоянная вооруженная сила, непосредственно кормящаяся на счетъ народа? Для Россіи наступили времена, которыя западная Европа переживала при Франкахъ, Готахъ и Свевахъ, или когда въ Польшѣ войска, не получая жалованья, хозяйничали въ странѣ. Крестьяне бѣжали толпами въ степи, за границу, средства государства истощались; надобно было помочь бѣдѣ.

«Нѣсколько лѣтъ, говорили одни, какъ хлѣбный недородъ учинился, а въ нынѣшнемъ 1725 году въ жатвенное время отъ непрестанныхъ дождей едва не вездѣ хлѣба не сняты и многіе проросли. Платежомъ подушныхъ денегъ земскіе комиссары и обрѣтающіеся на вѣчныхъ квартирахъ штабъ-и оберъ-офицеры такъ принуждаютъ, что не токмо пожитки и скотъ распродавать принуждены, но многіе и въ землѣ посаженный хлѣбъ за безцѣнокъ отдають, и отъ того необходимо принуждены бѣгать за чужія границы, а особливо изъ низовыхъ провинцій и сибирскихъ городовъ въ Башкиры, а изъ другихъ въ Польшу. Отъ 1719 по нынѣшній годъ взято въ

рекруты болѣе 70.000 человекъ, сколько же въ тѣ шесть лѣтъ умершихъ какъ натуральною смертію, такъ и отъ хлѣбнаго недорода, также бѣглыхъ и написанныхъ въ окладъ старыхъ, драхлыхъ, увѣчныхъ и младенцевъ, отъ которыхъ нѣтъ никакой работы, токмо требуютъ хлѣба, и за всѣхъ тѣхъ подушныя деньги правятъ на наличныя! Отъ такого несноснаго отягощенія принуждены побѣгами другъ за другомъ слѣдовать и многія тысячи уже за чужія границы побѣжали и никакими крѣпкими заставами удержать ихъ отъ того не можно.»

«Вовсе уже не такъ тяжело крестьянамъ, говорили другіе: неурожай не былъ повсемѣстный; въ иныхъ мѣстахъ рожь родилась средняя, а яровой вездѣ родился изрядно, и предъ прошлыми годами хлѣбъ вездѣ дешевле. Что крестьяне бѣгаютъ, то заставами ихъ удержать нельзя, а можно вотъ какъ: надлежитъ изъ нихъ выбрать сотниковъ, пятидесятниковъ, десятниковъ, и перепоручить всѣхъ круглою порукою, о чемъ изъ военной коллегии указами объявлено, а нынѣ надобно о томъ вторично подтвердить, отчего побѣги весьма удержать возможно, что можетъ быть крѣпче карауловъ, понеже всѣ крестьяне другъ друга караулить будутъ принуждены, для того что невозможно тому стать, чтобы другъ о другѣ крестьяне были неизвѣстны, ибо кто преднамѣрится бѣжать, тѣ предъ побѣгомъ своимъ спроваживаютъ изъ домовъ въ другія способныя къ побѣгу ихъ мѣста скотъ и животы и съ собою берутъ женъ и дѣтей, а иные предъ побѣгомъ все продаютъ.»

Думали цѣлый годъ. Осенью 1726 года, Меншиковъ, Остерманъ, Макаровъ и Волковъ подали одно общее мнѣніе, которое также можетъ объяснить, почему Петръ взялъ этихъ людей изъ толпы и поставилъ такъ высоко: «Какъ вредительно государству несогласіе, о томъ упоминать не надлежитъ; сіе показывается не токмо въ духовныхъ и другихъ государственныхъ дѣлахъ, но и при бѣдныхъ российскихъ крестьянахъ, которые не отъ одного хлѣбнаго недорода и отъ подати подушной раззоряются и бѣгаютъ, какъ отъ несогласія у офицеровъ съ земскими управителями, и у солдатъ съ мужиками. И понеже армія такъ нужна, что безъ нея государству стоять невозможно, того рода и о крестьянахъ попеченіе имѣть надлежитъ, ибо солдатъ съ крестьяниномъ связанъ какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата. Для скорѣйшаго облегченія крестьянъ въ платежѣ подушной подати на 1727. годъ дать сроку до сентября мѣсяца. Нынѣ надъ

крестьянами развѣ десять и болыне командировъ находится, вмѣсто того что прежде былъ одинъ, а именно изъ воинскихъ, начавъ отъ солдата до штапа и до генералитета, а изъ гражданскихъ отъ еискаловъ, комиссаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ до воеводъ, изъ которыхъ иные не пастырями, но волками, въ стадо ворвавшимися назваться могутъ; тому же подобные и многіе прикащики, которые за отлученіемъ помѣщиковъ своихъ надъ бѣдными крестьянами чинять что хотятъ. Того ради видится весьма потребно, чтобы всему генералитету, оенцерамъ и рядовымъ, которые у переписки и ревизіи и на экзекуціи, велѣть ѣхать немедленно къ своимъ командамъ, ибо мужикамъ бѣднымъ страшенъ одинъ въездъ и проездъ оенцеровъ и солдатъ, комиссаровъ и прочихъ командировъ, колым же паче страшны правожъ и экзекуція, о которыхъ уже и такъ доносятъ, что крестьянскихъ пожитковъ въ платежъ тѣхъ податей не достааетъ, и что крестьяне не только скотъ и пожитки продаютъ, но и дѣтей закладываютъ, а иные и врознь бѣгутъ. И надлежитъ особливо при семъ дѣлѣ примѣчать, что хотя правда и прежде сего бывало, что крестьяне бѣгали, однакожъ бѣгали въ своемъ государствѣ отъ одного помѣщика къ другому, а нынѣ бѣгутъ въ Польшу, въ Башкиры, въ Запорожье и въ расколъ, и тако нашими крестьянами удовольствуемъ не только Польшу, но и собственныхъ своихъ злодѣевъ. И сверхъ того часто пережвнные командиры такое раззореніе не чувствуютъ, ибо никто ни о чемъ больше не думаетъ, кромѣ чтобы у крестьянина послѣднее въ подать взять, и тѣмъ выслужиться, не уважая о томъ, что послѣ крестьянина безъ ничего останется или и вовсе куда убѣжить. Доймки платить помѣщикамъ въ генварѣ, мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1727 года, а которые помѣщики не заплатятъ, на тѣхъ доправить съ процентомъ. Сборы поручить воеводамъ, которымъ на помощь дать по одному штабъ-оенцеру въ каждую провинцію, одинъ штабъ-оенцеръ за свою провинцію лучше можетъ отвѣтъ дать, тѣмъ многіе, и вмѣсто 500 командировъ будетъ 50 штабъ-оенцеровъ; чтобы у воеводъ не было распри съ этими оенцерами, дать воеводамъ рангъ полковничій на время воеводства. Понеже крестьяне ничѣмъ такъ не скудны какъ деньгами, того ради положить платежъ подушного оклада на половину деньгами или двѣ трети, а другую половину или треть платить провантомъ или суражомъ. Двѣ части оенцера, урядниковъ и рядовыхъ, которые изъ шляхетства, въ домъ стнуотать, а

третью долю оставить при полкахъ, иноземцевъ и безпомѣстныхъ, которые безъ жалованья прожить не могутъ, отчего будетъ двойная прибыль: жалованье ихъ въ казну останется, деревни свои осмотрятъ и въ порядокъ приводить станутъ. Поставить полки на квартирахъ въ хлѣбныхъ мѣстахъ и, чтобы не разорять крестьянъ, селить ихъ слободами при городахъ. Купечество въ Россійскомъ государствѣ едва не вовсе ли разорено, и понеже оно воли требуетъ, того ради разсмотрѣть въ комиссіи, не полезнѣе ли будетъ купечеству дать волю туда торговать, куда ему способно, и для того отворить портъ архангельскій. Лишнихъ управителей и канцелярій и конторы, земскихъ комиссаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ тому подобныхъ вовсе отставить, равно и мануфактуръ-коллегію. Въмѣсто мануфактуръ-коллегіи можно опредѣлить изъ большихъ фабрикантовъ безъ жалованья, которые хотя на одинъ мѣсяцъ зимою для совѣта въ Москву съѣзжаться и безъ приговоровъ и протоколовъ коллежскихъ всѣ неважныя опредѣленія учинить и о важныхъ доносить могутъ. При семъ нельзя не упомянуть, что кромѣ стату однимъ отставнымъ и къ сборамъ опредѣленнымъ солдатамъ жалованья около 70.000 рублей идетъ; сего прежде не бывало и пользы отъ того никакой нѣтъ, кромѣ ссоръ и кражи, и для того не лучше ли положить всѣ эти сборы на магистраты?»

Въ этомъ мнѣніи было указано на необходимость упразднить нѣкоторыя учрежденія, обременительныя для бѣднаго государства. Головкинъ пошелъ далѣе въ своемъ мнѣніи: «всѣ дѣла управлять воеводамъ, подъ надзоромъ губернаторовъ, а губернаторамъ, чтобы не злоупотребляли, дать въ товарищи ассессоровъ, челоуѣка по три или по четыре; на губернаторовъ апелляція въ юстицъ-коллегію.» Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ пошелъ еще далѣе; коснулся одного изъ самыхъ существенныхъ установленій Петра: «Пристойно мнѣ быти, когда бѣ и посадскіе по городамъ были въ вѣдѣніи губернаторовъ, ибо они нынѣ никого себя защитителя и охранителя не имѣютъ, напаче отъ проѣзжающихъ въ постоякъ и другихъ такихъ же нападкахъ; сіе не для изверженія магистрата, ибо снмѣ о всякихъ своихъ нуждахъ рапортовать станутъ главному магистрату.» Но отдавая торговыхъ людей въ вѣдѣніе губернаторамъ, Голицынъ въ то же время требовалъ вольной торговли: «Торговля въ государствѣ долготѣе быть вольная въ народѣ, а въ одні руки ея отнюдь допускать не надобно, также и

государевы торги прибыльнѣе, мнѣю, пресѣчь и отдать въ народъ же, а оному пока позволить всюду въ государствѣ и за рубежъ торговать, ибо интересъ государства равенъ есть, гдѣ бы торговля ни отправлялась, лишь бы государство отъ того обогащеніе себѣ имѣло; а для распространенія торгу въ Петербургѣ долѣе умалить пошлину, также и торгующимъ, а паче привѣжнимъ иноземцамъ показывать всякія льготы и привилегіи, и въ торгахъ безопасность отъ всякихъ убытковъ.» Немедленно приступили къ дѣлу: генералитетъ, офицеры и рядовые отставлены отъ переписей, ревизій и сборовъ, которые поручены воеводамъ при помощи одного штабъ-офицера. Полки велѣно селить слободами при городахъ. Но вмѣстѣ съ этимъ приняты мнѣнія Головкина и Голицына: вся расправа и судъ положены на губернаторовъ и воеводъ, имъ же подчинены и городовые магистраты. Голицынъ хотѣлъ дать въ воеводѣ защитника посадскимъ людямъ; каковы были эти защитники — хорошо знала древняя Россія; что же касается до новой Россіи, то приведемъ мнѣніе торговыхъ людей изъ второй половины XVIII вѣка, мнѣніе, изъ котораго мы ясно увидимъ значеніе Петровскихъ преобразованій относительно разсыпанной храмины. Купцы просятъ, чтобы городовая полиція оставлена была, на основаніи регламента Петра Великаго, главному магистрату, и прибавляютъ: «И нынѣ тоже всѣми тѣми великими монархами (Петромъ, также Анною и Елисаветою, возстановившими учрежденія Петровы) купечество отъ канцеляріевъ почти и совсѣмъ отрѣшено, однакоже великое претерпѣваетъ отъ нихъ притѣсненіе и обиды, которыхъ избѣгнуть никакъ не можно, кольми же паче когда совсѣмъ канцеляріямъ отдано подѣ власть будетъ; тогда купцамъ останется дѣлать только то, чтобы, никуда отъ домовъ не отлучаясь, оберегать дома и домашнихъ своихъ, всѣхъ торговъ лишиться и придти въ отчаяніе.»

Среди этихъ голосовъ, раздававшихся въ сенатѣ и въ новоучрежденномъ верховномъ тайномъ совѣтѣ, послышался голосъ Георгія, архіепископа ростовскаго, но смелъ неподдержанный: «Яко самому Богу, такъ и вашему величеству служу вѣрно, писалъ Георгій императрицѣ. Того для не могу умолчать, чтобы не донести вашему величеству. Понеже происходитъ с духовными такой непорядокъ, какова некои не бывало, у архіереевъ, у монастырей, съ церквей собирающіеся оброки, такъ и деревни отрываютъ, а опредѣляются на принятіе, вновь

опредѣленныхъ, на приказныхъ, на чужестранныхъ, на госпитали, на богадѣльни, на нищихъ. И то правда, церковное имѣніе нищихъ имѣніе для государственной славы. И какъ видно, что судей и приказныхъ не накормить и иностранныхъ не наградить, а богадѣлемъ и нищихъ не обогатить; а дома и монастыри, уже индѣ и церкви, чуть не богадѣльни стали. Такожъ архіереи и прочіе духовные бродятъ такъ, какъ бывало иностранные, или и хуже, ибо служителей и требъ до церковной службы довольства не имѣютъ и приходятъ въ нищю. А деревенскіе священники и хуже нищихъ. Понеже многихъ изъ данныхъ денегъ на правжахъ бьютъ, что и оплатить не могутъ. И тогобъ надлежало разсмотрѣть, чтобъ было къ государственной пользѣ, но токмо то затмилось.»

Мы выслушали мнѣнія современниковъ о внутреннемъ состояніи Россіи послѣ великаго переворота, выслушали мнѣнія птенцовъ Петровыхъ; теперь послушаемъ голосовъ ихъ на другомъ поприщѣ, изъ-за границы. Ништадтскимъ миромъ Петръ покончилъ дѣла свои въ Европѣ. Все вниманіе его преемницы было обращено на то, чтобъ избѣгать войны, сохранить прибрѣтенное. Но вотъ въ одной изъ сосѣднихъ странъ поднимался вопросъ о наслѣдствѣ, а мы знаемъ, что значить въ европейской исторіи вопросъ о наслѣдствѣ, сколько обыкновенно являлось охотниковъ наслѣдовать, и какія ожесточенныя войны вели народы, чтобы не дать той или другой державѣ усилиться на счетъ другихъ, благодаря наслѣдству. Конечно теперь дѣло шло не объ испанскомъ и не объ австрійскомъ наслѣдствѣ, а только о *курляндскомъ*: тѣмъ не менѣе и это маленькое наслѣдство могло повести Россію къ серьезнымъ столкновеніямъ, къ войнѣ, которая была ей вовсе не по времени. Петръ, въ разгарѣ борьбы съ Швеціею за море, за существованіе Россіи какъ европейской державы, очень выгодно для своихъ соображеній, выдалъ замужъ двухъ племянницъ своихъ — Анну за герцога курляндскаго и Екатерину за мекленбургскаго. «1) Вѣру и законъ, въ намъ же родилася, сохрани до конца неотмѣнно. 2) Народъ свой не забуди, но въ любви и почтенія имѣй паче прочихъ. 3) Мужа люби и почитай яко главу и слушай во всемъ, кромѣ вышеписаннаго.» Съ такимъ краткимъ, но многозначительнымъ наставленіемъ отпускалъ Петръ племянницъ своихъ въ чужую сторону. Мужъ Анны, герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ Курляндскій, скоро умеръ; правленіе перешло къ дядѣ его, Фердинанду, который при-

тому же находилась въ такихъ отношеніяхъ къ Курляндцамъ, что все время долженъ былъ жить за границей; но герцогиня-вдова, Анна Іоанновна, оставалась въ Курляндіи. Этимъ обстоятельствомъ вопросъ о курляндскомъ наследствѣ, разумѣется, усложнился: претенденты на герцогство становились вмѣстѣ и женихами герцогини. Еще при жизни Петра, въ 1720 году, посолъ русскій въ Вѣнѣ, Ягужинскій, писалъ царю, что герцогъ Александръ Виртембергскій хочетъ жениться на герцогинѣ Аннѣ и съ русскою помощію достать Курляндію; потомъ сватался за Анну герцогъ саксенъ-вейсенфельскій. Въ описываемое время былъ третій претендентъ и женихъ, знаменитый въ послѣдствіи графъ Морицъ Саксонскій, побочный сынъ курфюрста саксонскаго и короля польскаго, Августа II. Курляндцы желали видѣть Морица своимъ герцогомъ; Анна была согласна выйдти за него замужъ; королю Августу II хотѣлось пристронуть сына такъ выгодно; но не того хотѣлось Рѣчи Посполитой Польской. Курляндія, по договору съ первымъ Кетлеромъ, была вассальнымъ владѣніемъ Польши, которая потому считала себя въ правѣ требовать, чтобы, по пресѣченіи Кетлерова дома, страна эта отошла къ ней въ видѣ провинціи.

При такой разности стремленій борьба была необходима; но былъ еще вопросъ первой важности: какъ будетъ смотрѣть на дѣло могущественная сосѣдка, Россія? Позволить ли она Польшѣ увеличить свои владѣнія присоединеніемъ Курляндіи, и потомъ, какъ будетъ смотрѣть на желаемаго Курляндцами Морица по отношенію къ герцогинѣ Аннѣ, царевнѣ русской? Русскимъ посломъ въ Польшѣ былъ въ это время князь Василій Лукичъ Долгорукій, одинъ изъ лучшихъ дипломатовъ Петровой школы. По мнѣнію Долгорукаго, для Россіи въ курляндскомъ вопросѣ было важно одно, чтобы Курляндія не присоединилась къ Польшѣ, не была раздѣлена на воеводства, какъ всѣ остальные польскія провинціи; что же касается до того, кто будетъ преемникомъ Кетлеровъ въ Курляндіи — это для Россіи вопросъ вовсе не важный; не нужно Россіи явно связываться съ тѣмъ или другимъ искателемъ курляндскаго престола, чтобъ это лицо не мѣшало ей въ переговорахъ съ Польшою, не мѣшало достиженію главной цѣли — не допустить присоединенія Курляндіи къ Польшѣ. Въ этомъ смыслѣ Долгорукій составилъ свое донесеніе императрицѣ отъ 7 мая 1726 года. «Ежели ваше императорское величество соизволите графа

Морица въ князи курляндскіе допустить въ началѣ, чтобы тѣмъ Курляндію до раздѣла на воеводства не допустить, также бы ить Морицовъ короля и партію его не только отъ противностей за то удержать, но еще бы склонить къ тому, дабы въ томъ дѣлѣ вспомогади: въ такомъ случаѣ, какъ мнѣ мнится, нужно, чтобы то соизволеніе вашего императорскаго величества было содержано зѣло секретно, и хотя повелите г. Бестужеву (1), или иному кому, Курлянцамъ дать знать, что особа его Морицова вашему императорскому величеству не противна, однакожь то учинить зѣло тайно; также ни въ какія письменныя обязательства о томъ дѣлѣ не входить, развѣ съ однимъ королемъ польскимъ, ежели бъ похотѣлъ. Всѣ вышесказанныя осторожности, какъ мнѣ мнится, нужны для того, ежели онъ Морицъ будетъ княземъ курляндскимъ, а Рѣчь Посполитая будетъ тому сильно противиться, тогда можетъ случиться, что отъ стороны вашего императорскаго величества можно будетъ вступитъ съ Рѣчью Посполитою въ договоры о томъ и согласиться, что ваше императорское величество изволитъ для Рѣчи Посполитой не дать ему Морицу протекціи, а Рѣчь бы Посполитая за то обязалась Курляндіи на воеводства не дѣлить, а допустить въ Курляндію иного князя вмѣсто его Морица, и хотя то будетъ и съ злобою его Морицовою, однакожь въ такомъ случаѣ для пользы вашего императорскаго величества его Морица жалѣть не для чего, и можно будетъ его Морица и оставить, и на его мѣсто сдѣлать княземъ иного; ибо вашего императорскаго величества главный интересъ только, чтобъ Курляндіи до раздѣла (на воеводства) не допустить, а курляндскимъ княземъ кто ни будетъ, отъ того никакой худобы не видно; только бы кто былъ не сильной и не могъ бы быть самъ, и его наслѣдники наслѣдниками какого иного владѣльца, ибо сильнаго допустить въ сосѣди видится противно интересамъ вашего императорскаго величества. Однакоже для всякаго случая надобно, прежде нежели допустить Морица на то княженіе, обязать его письменно, чтобы доходы государыни царевны съ той земли не престади. Ежели пріѣдетъ Морицовъ ко двору вашего императорскаго величества не потребенъ, извольте повелѣть министру польскому Лефорту отписать къ нему, чтобы не ѣздилъ. По польскимъ жадобамъ на

---

(1) Русскому резиденту въ Митавѣ при герцогинѣ Аннѣ.

подданныхъ вашего императорскаго величества справедливости чинить не надобно, и чтобъ пограничные вашего императорскаго величества управители имъ сказывали, что справедливости только не чинять затѣмъ, что о здѣшнюю сторону справедливости не чинять; тѣмъ способомъ скорѣе можно здѣсь исходатайствовать справедливость; того для я дерзнулъ писать о томъ въ Ригу, въ Кіевъ и Смоленскъ, дабы по указу вашего императорскаго величества справедливости Полякамъ не чинили; а что Поляки отговариваются, что не могутъ по се время комиссаровъ назначить для того, что сеймы здѣшніе до конца не доходятъ, можетъ быть, что здѣшніе сеймы лѣтъ десять до конца не дойдутъ, но ваше императорское величество подданныхъ разореніе для здѣшнихъ сеймовъ терпѣть не должны.»

Петербургскій дворъ не вошелъ въ виды посла: Долгорукій долженъ былъ переѣхать въ Митаву, отстранять Морица и поддерживать другихъ искателей. Это бы еще ничего: но Долгорукій, по смыслу получаемыхъ имъ приказаній, видѣлъ, что въ Петербургѣ какое-то странное двоевластіе, видѣлъ, что подлѣ правительства находится какое-то лицо, не столько сильное, чтобъ заправлять всѣмъ и открыто, исключительно стремиться къ исполненію своихъ желаній, и вмѣстѣ лицо на столько значительное, что правительство, государственные люди считаютъ необходимымъ уступать ему, ставить его интересы подлѣ интересовъ правительственныхъ. То получить Долгорукій приказаніе настаивать на избраніи въ герцога курляндскіе князя Меншикова, и въ то же время шлетъ ему инструкція проводить другихъ кандидатовъ, желаемыхъ правительствомъ императрицы, безъ малѣйшаго упоминовенія о князѣ Меншиковѣ! Такъ отъ 25 іюня императрица писала Долгорукому: «Понеже изъ послѣдней реляціи тайнаго совѣтника Бестужева усмотрѣли мы, что чины курляндскіе, по волѣ королевской, болѣе соглашаются о Морицѣ, чѣмъ есть съ нашимъ интересомъ весьма несходно: того для паки вамъ напоминаемъ, дабы вы имѣли стараніе о князѣ голштинскомъ (1), и ежели на то не будутъ склонны, то представьте имъ двухъ братьевъ, гессенгобургскихъ князей (2), дабы они изъ нихъ кото-

(1) Двоюродномъ братѣ мужу царевны Анны Петровны.

(2) Принцы гессенъ-гомбургскіе, вступившіе въ русскую службу въ 1721 году.

раго одного себѣ избрали, и о томъ также приложите свое стараніе, въ чемъ на васъ надѣеюся.»

А между тѣмъ, Морицъ былъ тутъ въ Митагѣ, Моридъ успѣлъ приобрести всеобщее расположеніе, и 17 іюня сеймъ провозгласилъ его герцогомъ: Но вотъ является въ Митагу самъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ и объявляетъ, что русскій императорскій дворъ весьма недоволенъ элекціею графа Морица, и на оную созывать не можетъ, яко противную правамъ Рѣчи Посполитой Польской, безъ созволенія которой не можетъ быть приступлено къ избранію владѣтеля въ странѣ вассальной. Объявленіе было чрезвычайно искусное, противъ него не могло быть возраженій; но въ то же самое время Меншиковъ, желая самъ быть выбраннымъ въ герцоги курляндскіе, впадалъ въ страшное противорѣчіе, требуя, чтобы немедленно былъ созванъ новый избирательный сеймъ, требуя следовательно опять такого же нарушенія правъ Рѣчи Посполитой, противъ котораго вооружился въ первомъ объявленіи. 3 іюля отправилъ Меншиковъ къ императрицѣ письмо, въ которомъ описывалъ свое поведеніе въ Митагѣ, какъ онъ объявилъ чинамъ о неудовольствіи императрицы и какъ приумудлялись держать новый сеймъ. Но въ то же самое время сказалъ другой курьеръ въ Петербургъ, съ письмомъ отъ Морица къ вице-канцлеру Остерману: Морицъ описывалъ, какіими средотвами Меншиковъ принуждалъ въ созванію новаго сейма въ десять дней: грозилъ сослать членовъ правленія въ Сибиря, грозилъ ввести въ Курляндію 20.000 войскъ. Свѣтлѣйшій пошелъ дальше; чтобы выжить Морица, онъ осадилъ его въ его квартирѣ вооруженными людьми; но Морицъ велѣлъ своимъ отстрѣливаться, убилъ 16 человекъ осаждающихъ, 60 ранилъ; гвардія герцогини Анны должна была выручать Морица.

Въ Петербургѣ видѣли, какого дипломата отправили въ Митагу въ лицѣ Меншикова, и поспѣшили отозвать его назадъ. 11 іюля императрица писала ему: «Письмо ваше отъ 3-го іюля получена мы исправно, и изъ оного усмотрѣли о тамошнихъ поведеніяхъ курляндскихъ, и что надлежитъ до того, что графу Морицу и курляндскимъ чинамъ объявлено, что мы элекціею его графа Морица весьма недовольны, и на оную яко противную правамъ Рѣчи посполитой созывать не можемъ, а то весьма жардно, и мы опробуемъ. Не что надлежитъ до того, что вы какъ принудили держать новый ландтагъ, дабы учинить избраніе вновь и по предложенію князя Василья Лукича, то

мы не знаемъ, будетъ ли то къ пользѣ къ нашимъ интересамъ и къ нашимъ намѣреніямъ, понеже мы избраніе графа Морица никакъ не тѣмъ опорочили, что оное учинено противно правамъ Рѣчи Посполитой; а ежели нынѣ отъ насъ такожде безъ вѣдома и одобренія Рѣчи Посполитой чинамъ Курляндскимъ принужденіе будетъ къ учиненію новой елекціи, то и рѣчь Посполитая за то на насъ можетъ озлобиться и курляндскіе чины стануть говорить, что будто оныя неволею къ такой новой елекціи отъ насъ принуждены и чтобъ отъ того пуще нашимъ намѣреніямъ остановки и безвременныя ссоры съ королемъ и съ Рѣчью Посполитою вдругъ не учинить. Того для пока вы тамъ побудете, надлежитъ вамъ о томъ зѣло разсуждать и совѣтовать съ княземъ Василемъ Лукичомъ, который о состояніи того дѣла въ Польшѣ лучше можетъ быть извѣстенъ, и поступайте въ томъ въ общаго съ нимъ согласія какъ наилучше ко интересамъ нашимъ полезно будетъ и чтобъ безвременно съ Рѣчью Посполитою въ ссору не вступать, и ежели о такой новой елекціи можетъ быть противность Рѣчи Посполитой, то не лучше ли будетъ сперва трудиться въ Польшѣ, дабы Рѣчь Посполитую къ нашимъ намѣреніямъ склонить, ибо потому легко будетъ чинамъ курляндскимъ и добрымъ способомъ къ интересамъ нашимъ потребно будетъ привести. И хотя вы пишете дабы вамъ побыть еще тамъ пока оной ландстагъ окончится, и то бы не худо, однако и адѣсь вамъ не безъ нужды для совѣтовъ о некоторыхъ новыхъ и важныхъ дѣлахъ, а особливо о шведскихъ, ибо шведскія вѣдомости, что Швеція къ Ганноверцамъ вступаетъ и что къ первому числу сентября тамъ сеймъ немалымъ назначенъ; а къ тому же можетъ быть, что тамошніе (курляндскіе) чины съядомъ своимъ умедлятъ, того для вамъ долго медлить тамъ не надлежитъ, но возвращайтесь сюда.»

Меншиковъ возвратился. Въ Швецію действительно дѣла принимали неблагоприятный для Россіи оборотъ; туда отпра- вился князь Василій Лукичъ Долгорукій, а на его мѣсто въ Нюльну хлопотать по курляндскому дѣлу поехалъ другой знаменитый дипломатъ петровскаго времени, Ягужинскій, повезъ 6.000 червонныхъ, да мѣхъ на 3.000.

Удѣлительное званіе для русскаго дипломата, не бывавшаго въ Польшѣ, представлялъ сеймъ Рѣчи Посполитой, созданный теперь въ Гроднѣ, одинъ изъ самыхъ шумныхъ сеймовъ, благодаря курляндскому дѣлу. Ягужинскій сталъ прислуши-

ваться къ этому шуму, къ борьбѣ партій. Съ одной стороны король, которому очень хотѣлось помѣстить сына въ Курляндію; съ другой епископъ Краковскій, заседающій часомъ, по выраженію Ягужинскаго. Епископъ требовалъ присоединенія Курляндіи къ Польшѣ, и въ то же время озабоченно преследовалъ диссидентовъ. На сеймѣ страшные крики, проекты сыплются какъ дождь; но огромное большинство ясно высказывается за епископа, за присоединеніе Курляндіи. Король уступаетъ, боится показать, что интересъ сына предпочитаетъ интересамъ Рѣчи Посполитой, обѣщаетъ выдать всѣ оригинальные документы о курляндскихъ дѣлахъ; но у Морица сильная поддержка при дворѣ отцовскомъ: двѣ женщины—Бѣлинская, жена маршалка, и Поцѣиха (какъ называется ее Ягужинскій), жена гетмана, со слезами бросаются къ Августу: «Удержитесь, ваше величество, не выдавайте документовъ курляндскихъ! Такою слабостію вы обезславите себя во всемъ свѣтѣ. Чего вы боитесь? споровъ и криковъ на сеймѣ? Не обращайтесь на это вниманіи: покричать да и перестануть.» Не на далѣ вышло иначе: ожесточеніе противъ Морица усиливалось все болѣе и болѣе: требовали, чтобъ отправлена была въ Курляндію коммиссія для разбора дѣла, и на послѣдней сессіи подмѣняющій ливонскій предложилъ послать къ французскому послу депутацію и объявить Морица безчестнымъ, чтобъ онъ не былъ терпимъ и во Франціи, гдѣ имѣлъ полкъ.

Ягужинскій находился въ самомъ затруднительномъ положеніи; съ одной стороны, онъ долженъ былъ настаивать, чтобы не было подтверждено избраніе Морица, чего было еще легко достигнуть; но съ другой не долженъ былъ допускать, чтобы приведено было въ исполненіе намѣреніе большинства—присоединить Курляндію къ Польшѣ и раздѣлить ее на воеводства. Тщетно представлялъ онъ польскимъ министрамъ, что *ratio status* не позволяетъ соединить государствамъ согласиться на перемены въ Курляндіи; пусть дѣлаютъ кого хотятъ герцога, только не Морица. «Пошли упрямые, писалъ онъ своему двору, и потому единственное оредство помѣщать дѣлу—шорвать сеймъ.» Но это было трудно сдѣлать: королевскіе сторонники употребляли всѣ усилія, чтобы не допустить до порванія сейма, и для этого жертвовали Морицомъ, имѣя въ виду, какъ догадывался Ягужинскій, другіе интересы; они обнадѣживали сеймъ, что король не постыгнетъ ихъ за что, все курляндское дѣло и самого Морица отдастъ въ руки Рѣчи Посполитой.

той, пусть, что́ хочеть, то и дѣлають съ нимъ и съ Курляндію. Ягужинскому оставалось, «сколько смысла и силы имѣть», мѣшать сейму, дѣлать время. Какую же, между прочимъ, службу имѣть Ягужинскій, въ прибавокъ къ смыслу? «Многократно меня просилъ баронъ Лосъ (пишетъ онъ къ Макарову), чтобъ ея императорское величество пожаловать изволила кавалерію послѣ дяди его, графа Фицтума; о томъ же и оберъ-шталмейстеръ Ракницъ многократно просилъ. Еще же доношу, что здѣшнія дамы къ сибирскимъ шелкамъ великую охоту имѣють, того ради не худо, когда бы изволили ея величеству довести, что сюда прислать также и нѣсколько изъ мѣховъ лисьихъ, горностаевыхъ и овчинныхъ. Что́ же до короля, то онъ великій охотникъ до заѣсовъ китайскихъ и до всякихъ обоевъ персидскихъ, и то потребно признаваю изъ такихъ вещей нѣсколько же сюда прислать. Безстыдный воевода тропкій, Огинскій, непрестанно, когда со мною увидится, спрашиваетъ, не прислали ль ко мнѣ мѣхи, и удивляется, что ея величество его въ забвеніи оставила; я токмо тѣмъ отговариваюсь, что сибирскіе караваны всегда зимою приходятъ, а нынѣ еще не прибыли.»

Легко понять, съ какимъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ сейма въ Курляндіи. Герцогиня Анна сильно беспокоилась; дѣло шло уже не о Морицъ; сеймъ грозилъ нарядить комиссію, которая должна была привести въ ясность положеніе Анны относительно Курляндіи; Анна обратилась къ Ягужинскому: «Какъ здѣсь слышу, что курляндское дѣло въ Польшѣ весьма худо идетъ и Поляки комиссію сюда отправлять хотять для счѣту моихъ деревень и моей претензій, и ежели до того допущено было, тобъ великое предосужденіе россійскимъ интересамъ было, также слышно что князю Фердинанту хотять женъ дать и то также противъ россійскихъ интересовъ, изъ чего здѣшняя земля въ великую канѣушію и въ деперацию приходитъ и сіе все дѣлается чрезъ здѣшнихъ плутовъ Костюшки гоѣемберховой фамиліи и Бухгольца и Рацкова, которымъ предстателемъ великой канцлеръ Шамбекъ; я васъ прилежно прошу прискавъ къ тому удобные способы до того не допустить, а паче до отправленія сюда комиссіи, чѣмъ меня вовѣки одолжите и за что докогда жива вашу любовь буду въ памяти носить и пребываю вамъ всегда доброжелательная Анна.»

Курляндія дѣйствительно была въ великой *конфузіи* и *депрессіи* и не подавала признаковъ жизни въ то время, когда

вопросъ шель о томъ, имѣть ли ей попрежнему своихъ герцоговъ или сдѣлаться польскою провинціей? Въ Петербургѣ видѣли, какъ невыгодны для русскихъ интересовъ эти конфузія и дешперация; но хорошо видѣли также, какъ неловко съ русской стороны возбуждать курляндскіе чины къ дѣятельности послѣ недавнихъ поступковъ Менишкова въ Митавѣ. «Я весьма удивляюсь (пишетъ Остерманъ Бестужеву въ Митаву 29 октября), что съ курляндской стороны ничего не происходитъ и не слышать, чтобъ оныя въ свою пользу и для пренатотвованія того раздѣленія какой поступокъ учинили. Иное дѣло есть учиненная элекція Морицова, иное дѣло раздѣлять Курляндію въ воеводства, и въ семъ послѣднемъ могутъ оныя стоять твердо, понеже вѣдаютъ довольно, что и нашимъ и короля прусскаго интересамъ такое раздѣленіе противно. *Послѣдніе съ Курляндіи происшедшіе дѣла все сіе такъ испортили, что вонстинно съ довольнымъ делннствомъ нынѣ въ поправленіи оного поступать невозможно; первое надлежитъ, чтобы Курляндцы съ резономъ и твердостію, однако со всякою умѣренностію, свое право доказали; второе, потребно искать время получить; сіе есть мое малоумное мнѣніе.»*

Это малоумное мнѣніе вполнѣ раздѣлялъ и Ягужинскій. Сеймъ кончился 30 октября: король уступилъ въ дѣлѣ Морица, *кассировалъ его элекцію*, и назначена была комиссія, которой такъ боялась герцогиня; члены комиссіи были: Шембекъ, бискупъ варминскій, Денгофъ, воевода полоцкій, Хоментовскій, воевода мазовецкій, и Огинскій, воевода троцкій. Коммиссары, остановившись на границѣ курляндской, должны были публиковать, что избраніе Морица уничтожено, и требовать у курляндскихъ чиновъ отвѣта: зачѣмъ они въ такую своевольную элекцію вступали? Потомъ ужъ они должны были трактовать съ Курляндцами о формѣ правительства по смерти Фердинанда. Эта комиссія не очень беспокоила Ягужинскаго, потому что коммиссары могли пріѣхать въ Курляндію не раньше мая или даже іюня, слѣдовательно оставалась еще цѣлая зима; надобно было только воспользоваться этимъ временемъ; Ягужинскій предложилъ, какъ имъ воспользоваться: «Въ Курляндію тайно кого послать и съ Курляндцами согласиться, какъ они въ томъ поступать хотять; ежели бы подъ рукою ихъ склонить въ императорскому величеству депутацію отправить и просить отъ польскаго населія обороны и въ удержаніи ихъ правъ зацѣпты, и чтобъ императорское величество ихъ правамъ

гарантиры были: сіе шнтся, можетъ, Поляковъ къ нѣкоторому разсужденію привести; не худо бѣ было притомъ прусская гарантія. Не упуская времени съ Курляндцами согласиться о Морицовой персонѣ, такожъ надобно помыслить, когда ужь отъ Поляковъ онъ весьма низверженъ и животь его не вовсе безопасенъ, а онъ бы для своего безопасенія въ Россійскую имперію побѣжалъ, чтобы тѣмъ паче въ подозрѣніе у Поляковъ не придти, ибо и такъ великое имѣли подозрѣніе, что съ нашей стороны подъ рукой Морицу помогается. Я буду стараться, чтобы еще какаго изъ нашихъ пріятелей въ комиссары присокупить, чтобы помощь какая-нибудь намъ была, только надобна на то подсыпка, и та можетъ курляндскою казною чиниться, а первоозначенные комиссары всѣ лакомы, и только бы взять, а ничего не сдѣлать, а особенно Денгофъ и Огинскій: тѣмъ хотя по вся дни давать, то безъ стыда брать и просить будутъ, а дѣла однакожь надежно отъ нихъ ожидать не можно.»

Видѣвъ съ серіозными предложеніями Ягужинскій писалъ императрицѣ (23 декабря): «Посылаю вашему императорскому величеству для забавы пророчества польскія на нѣсколько въ предыдущія лѣта, въ которыхъ пророчествуютъ быть на королевствѣ изъ народа сѣвернато; ежели бы то могло статься — не худо бы было!» Это пророчество на 1729 годъ: «Годъ сей страшенъ и ужасенъ въ Польшѣ видимъ будетъ, понеже придутъ отъ востока, запада и сѣвера монархи, гдѣ съ обидою людей пребываніе свое возымѣютъ, и не единъ тамъ восплачется, и польскія знатнѣйшія дамы съ отцы и съ матерями своими всячески въ тѣсныхъ мѣстахъ уковатись (имѣть прибѣжище, успокоиваться) будутъ, ожидая себѣ помощи отъ другой области, которую хотя они и получаютъ, однакожь отъ оной мужья, жены и дѣти въ великомъ утѣсненіи пребудутъ, а потомъ полунощный король на престолѣ польскомъ сядетъ и государствовать будетъ, такъ что никто его до страшнаго суда не опровергнетъ. Сверхъ того духовныя тамешнія персоны всякіе свои прибытки и доходы потеряютъ, и уже не въ силахъ своихъ, во токмо по милости королевской жити имѣютъ.»

Но не пророчества и даже не курляндское дѣло особенно занимали Ягужинскаго: его безпокоила постоянная уступка короля сейму на счетъ Морица; онъ видѣлъ, что главная цѣль королевской партіи состояла въ томъ, чтобы привести сеймъ къ утвержденію прежнихъ договоровъ съ австрійскими дворами; цѣль не вполне была достигнута, потому что сеймъ

дозволилъ только вступитъ въ конференцію съ австрійскимъ посланкомъ, и результаты ея предложить на будущемъ сеймѣ. Но что всего хуже было для Россіи, это стремленіе короля облизаться съ Швеціей. На сеймѣ предложено было о вступленіи съ Швеціей въ конференцію; многіе закричали: *згода!* другіе начали представлять, что хотя они всегда желаютъ быть въ доброй дружбѣ со Швеціей, но въ Польшѣ нѣтъ министра отъ шведскаго двора, и потому они не могутъ понять, откуда могло явиться такое предложеніе. На этомъ дѣлѣ остановилось, и пошли слухи, что король польскій и шведскій имѣютъ между собой конфидентную корреспонденцію. Ягужинскій былъ увѣренъ, что тутъ посредникомъ служить литовскій подскарбій Понятовскій, который во время сѣверной войны держался шведской стороны. Эти подозрѣнія подтверждались для Ягужинскаго тѣмъ, что, по его заключенію, король не оказывалъ склонности къ Россіи. Раза два, при удобныхъ случаяхъ, онъ сондировалъ Августа II, куда въ курляндскомъ дѣлѣ намѣреніе его клонится, и какъ въ томъ поступать впредь мыслить? Отвѣтъ былъ одинъ: «Не могу я въ этомъ ничего ни дѣлать, ни совѣтовать, потому что какъ скоро Поляки увидятъ мое желаніе, то не миновать конфедераціи; а еслибы Морицу съ русской стороны помогали, тому я былъ бы радъ и, сколько возможно, въ томъ подъ рукою помогалъ.» Ягужинскому хотѣлось большей откровенности со стороны короля, но онъ не могъ ея добиться, а генераль Флюгъ, по дружбѣ, за секретъ сообщилъ ему, что король, разговаривая однажды о Россіи, выразился: «*Ich traue den Russen nicht*» (русскимъ я не доверяю).

Ягужинскій зналъ хорошо что такое была Польша и что такое было польское правительство, зналъ какъ всякое дѣло совершалось здѣсь медленно, вяло, безъ единства и энергіи; онъ зналъ, что никакое недоброжелательство не устоитъ противъ энергическаго дѣйствія со стороны Россіи, которая, по его мнѣнію, должна была твердо дѣйствовать въ Польшѣ, и мягко, ласково въ Курляндіи; но, къ отчаянію своему, Ягужинскій видѣлъ, что со стороны Россіи нѣтъ никакого рѣшительнаго дѣйствія, что онъ оставленъ безъ дальнѣйшихъ инструкцій, долженъ ограничиться одними словесными представленіями, которыя въ Польшѣ не имѣли никакого дѣйствія. Онъ обратился къ кабинетъ-секретарю Макарову, писалъ ему (7 января 1727 года), что Польша силою не можетъ принудить Курляндцевъ ни къ чему и уже дѣйствуетъ убѣжденіями; Россія,

съ своей стороны, должна обнадеживать Курляндцевъ въ сохраненіи ихъ правъ и никакъ не должна пугать ихъ, чтобы не заставить броситься къ Польшѣ: «остался въ семъ курляндскомъ дѣлѣ только сей ласковый способъ. Мнѣ не безъ удивленія, продолжаетъ Ягужинскій, что понеже все сіе неоднократно донесено и явно все дѣло изображено, что мнѣ не придется указу, какъ далѣе поступать, а по данной мнѣ инструкции болѣе дѣлать нечего, ибо Поляки, вида словесныя наши токмо представленія, а дѣйства по нихъ никакого не опасаясь, не могутъ приведены быть къ резону; мнѣ бы хотя то въ прибавокъ здѣсь говорить повелѣно было, что ежели не отмѣнять своего намѣренія, то силою мы будемъ удерживать, и комиссаровъ въ Курляндію не пустимъ. Такъ поступаетъ съ ними цесарь: ежели на пограничныя обиды Поляки не учинять сатисфакціи, то пошлетъ въ тѣ мѣста, откуда обида сдѣлана, полкъ или два, и учинить самъ себѣ сатисфакцію; не нынѣ, а по времени не миновать и съ нашей стороны того. Князь Иванъ Юрьевичъ пишетъ ко мнѣ изъ Кіева, чтобъ я о обидахъ тамошнихъ здѣсь жаловался, ибо ужь приходятъ нестерпимы. А здѣсь сколько жалобъ не приносить, то исходатайствовать только, что назначать комиссаровъ для разводу пограничныхъ ссоръ, а когда съѣдутся, то Богъ вѣсть, а между тѣмъ обиды какъ чинятся такъ чинятся; къ тому же интересованъ каждый шляхтичъ въ нашихъ обидахъ, понеже бѣглые наши Русскіе почитай у всякаго есть, греческаго жъ исповѣданія церковей множество въ партикулярныхъ шляхетскихъ добрахъ (имѣніяхъ), то кто ихъ приведетъ добровольно къ учиненію сатисфакціи? А какъ ни разсуждать, приступать будетъ за цесарской образецъ. Изводили вы упоминать о кавалеріи Манденфельду; тому она не надобна, понеже ужь польскую носить, и Флемингъ никакой иной не носить кромѣ польской; къ тому же ни Манденфельдъ, ни Флемингъ тѣмъ не склонить, ибо старый духъ противный еще въ нихъ, и когда бы не страхъ отъ насъ, давно бы въ Ганноверскій (то-есть союзъ) Саксонцы стали склоняться. Впрочемъ оставляю то въ глубочайшее разсужденіе другимъ, которые только любятъ попережь въѣзжать, вѣдаючи и не вѣдаючи состоянія.»

Ягужинскій кончилъ въ Польшѣ тѣмъ же, чѣмъ началъ въ Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ—жалобою на Меншикова; въ Петербургѣ жаловался онъ на личную обиду, въ Польшѣ на обиду государству, на презрѣніе государственно-

ныхъ интересовъ, которые такъ ясно понимали всѣ дипломаты—Остерманы, Долгорукіе, Ягужинскіе, Бестужевы, и которыхъ не хотѣлъ понимать одинъ Меншиковъ, дерзко съезжая померекъ имъ.

И князь Василій Лукичъ Долгорукій, которому Ягужинскій отдавалъ первенство надъ собой, называя человѣкомъ «бывалымъ и искуснымъ», и князь Василій Лукичъ долженъ былъ кончить тѣмъ же. Его, какъ мы видѣли, отправили уполномоченнымъ на другой постъ, болѣе опасный, въ Стокгольмъ. Швеція, лишенная Петромъ своего прежняго значенія, потерявши столько земель на восточномъ берегу Балтійскаго моря, Швеція, разумѣется, не могла дружелюбно относиться къ Россіи; не могъ дружелюбно относиться къ ней и король, имѣвшій себя полноправнаго соперника въ герцогъ голштинскомъ, зятъ императрицы русской, котораго права русское правительство обязалось поддерживать еще при Петрѣ Великомъ. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ Швецію легко было привлечь во враждебный для Россіи такъ-называемый ганноверскій союзъ между Англіей, Франціей, Нидерландами, Даніей; на противной сторонѣ находились—Австрія, Испанія и Россія. Чтобы не допустить Швецію приступить къ ганноверскому союзу, и отправили въ Стокгольмъ князя Василія Лукича. Долгорукій отвезъ 18.000 ефимковъ на раздачу кому надобно, да получилъ позволеніе давать обѣщаніе знатнымъ особамъ на 100.000 рублей, и больше.

Пріѣхавши въ Стокгольмъ, Долгорукій прежде всего долженъ былъ позаботиться о церемоніяхъ: надобно было поступить такъ, чтобы, съ одной стороны, не унижить своего достоинства, съ другой, не усилить своими требованіями раздраженія противъ Россіи, не ослабить и безъ того уже слабую русскую партію. Долгорукій, два раза бывшій въ Польшѣ, привыкъ къ тому; что тамошніе сенаторы, министры, гетманы, также саксонскіе министры и фельдмаршалъ Флемингъ первые дѣлали ему визиты; теперь въ Швецію, думалъ онъ, такое же правленіе, какъ и въ республикѣ польской, а министры всѣхъ республикъ монаршескимъ министрамъ первое мѣсто даютъ; конечно по всѣмъ церемоніаламъ и резонамъ надлежало бы здѣшнимъ сенаторамъ первые визиты мнѣ отдать: но какъ бы не повредить дѣламъ въ нынѣшнемъ столь деликатномъ случаѣ и не умалитъ кредита доброжелательной партіи? Долгорукій ухитрился такъ: не посылая никому сказывать о своемъ при-

ѣздѣ и о своемъ характерѣ, отправился съ визитами по всемъ сенаторамъ, не въ своей каретѣ, на лакеяхъ не было его ливрѣи. Сдѣлавши эти визиты, которые не могли быть сочтены церемоніальными, Долгорукій послалъ къ первому министру съ торжественнымъ объявленіемъ о своемъ приѣздѣ, а потомъ отправился и самъ къ нему съ первымъ визитомъ. Русскій уполномоченный немедленно же разузналъ о состояніи дѣлъ, о положеніи партій, и нашелъ, что въ доброжелательной къ Россіи партіи нѣтъ никого «великой остроты». Главный изъ нихъ — Цедерельмъ показался ему «остроты не пущей», какъ называютъ — «человѣкъ добрый; Гелкинъ, его острѣе»; узналъ, что королева «русскаго народа зѣло не любить.» Долгорукому передали разговоръ короля съ однимъ сенаторомъ: король просилъ сенатора разказать ему всю правду относительно партій, противъ него направленныхъ, и какими способами русская императрица хочетъ лишить его шведскаго престола. Сенаторъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, ничего не слышалъ. «Ваше императорское величество по сему изволите усмотрѣть (писалъ Долгорукій отъ 25 ноября 1726), какія отъ вашего императорскаго величества опасности королю внушены, и коли такое мнѣніе имѣеть, какъ его склонить къ постоянной съ вашимъ императорскимъ величествомъ дружбѣ? Я для сего намѣренъ послѣ аудіенціи всею искать, чтобы мнѣ чаще короля видѣть и, познавши способы, какими лучше могу, буду искать случаевъ, чтобы мнѣ безопасность отъ вашего императорскаго величества ему внушить и тѣмъ бы то мнѣніе, которое о вашемъ императорскомъ велиествѣ имѣеть, отнять; и потомъ, ежели усмотрю, что возможно и резоны показать, какая опасность ему отъ короля аглинскаго, только, какъ я слышу, его величество природы мнительной и вѣрить мало знающимъ людямъ, которые при немъ; съ чужестранными въ разговоры глубокіе не входить, только развѣ что выслушаетъ; однако я буду случая искать ему все самому довести, а черезъ людей—невозможно доброжелательнымъ отъ меня того сказывать его величеству, а противные или убавять или прибавять; къ тому же я еще никого не знаю, кого съ тѣмъ послать; да и кромѣ того, я по всемъ резонамъ разсудилъ, что лучше мнѣ самому то его величеству внушить. Я надѣюсь, что аудіенцію мою здѣсь не замедлитъ, и что я успѣю сдѣлать съ визитами не токмо къ мушкетерамъ и къ дамамъ, и, отдавъ визиты, могу ихъ звать къ

себѣ; и для того намѣренъ я былъ вчерашняго числа торжествовать тезоименитство вашего императорскаго величества и дѣлалъ къ тому приуготовленіе, а особливо намѣренъ былъ для подяго народу пустить вина; нѣкоторые изъ здѣшнихъ мнѣ сказывали, будто король для того аудіенцію медлитъ, дабы я того торжества не чинилъ, а особливо, чтобъ подяго народа тѣмъ не ласкалъ, и хотя я о томъ королевскаго намѣренія подлинно и не вѣдаю, однакожь какъ скоро я о томъ услышалъ, тотчасъ пропустилъ голосъ, что я торжество отложилъ послѣ аудіенціи день на десять и буду торжествовать хотя и не въ самый тотъ день, и правда, что иного мнѣ сдѣлать невозможно, ибо ни одна дама ко мнѣ не поѣдетъ, пока я визитовъ имъ не отдамъ, а прежде аудіенціи сего мнѣ сдѣлать невозможно.»

2 декабря Долгорукій имѣлъ аудіенцію; чтобы произвести выгодное впечатлѣніе щедростію, онъ подарилъ золотую шпагу съ своимъ вензелемъ капитану, который привезъ его на яхтѣ, капитанъ-поручику подарилъ серебряную посуду, рядовымъ матросамъ далъ по два червонныхъ, унтеръ-офицерамъ по шести. Цѣль была достигнута: всѣ остались очень довольны, и Долгорукому разказывали, что король приказалъ принести къ себѣ шпагу и разсматривалъ ее.

Долгорукій началъ хлопотать, нельзя ли сблизиться съ Горномъ, главою противной партіи, нельзя ли короля и Горна улачить, чтобы по крайней мѣрѣ въ нынѣшній сеймъ не сдѣлали акцессіи (приступленія къ ганноверскому союзу). Король обходился милостиво съ русскимъ уполномоченнымъ, больше всего съ нимъ разговаривалъ — но о постороннихъ дѣлахъ; Долгорукій два раза былъ у жены Горна, однажды началъ было говорить съ мужемъ о дѣлѣ, но не могъ кончить. Явился новый, опасный противникъ, баронъ Спаръ, шведскій министръ при англійскомъ дворѣ; онъ нарочно пріѣхалъ изъ Англій для сейма и, какъ дали знать Долгорукому, привезъ отъ англійскаго короля (Георга Ганноверскаго) 5000 фунтовъ стерлинговъ, чтобы сиюмъ къ акцессіи. Долгорукій познакомился съ Спаромъ; они обѣдывали другъ у друга, и у нихъ бывали «разговоры болѣе часа и споры великіе». Но тутъ новая бѣда: противная акцессіи сторона начала подозрительно смотрѣть на обмѣненіе Долгорукаго съ верою, Горномъ и Спаромъ. Замѣтивъ это, онъ сталъ внушать главнымъ лицамъ партіи, что прислать не праведныхъ спасти, но грѣшныхъ: «не возночь какъ къ моей сторонѣ стертати, можетъ-быть наведу мнѣ

подозрѣніе отъ нихъ стороны тѣмъ, что они со мною ласково обходятся; ежели же ни того, ни другаго не сдѣлаю, я тѣмъ ничего не утрачу, ибо я всѣ способы употреблю къ отвращенію акцессіи.» Долгорукій все болѣе и болѣе убѣждался, что бой далеко не равный: противная сторона сильна была дворомъ и Горномъ: «Горнъ, человекъ острый и лукавый, надобно будетъ обходиться съ нимъ съ умѣньемъ и зацѣплять его тѣмъ, къ чему онъ сроденъ и что ему надобно, а силою одолѣть его зѣло трудно.» Сколько было силы у партіи короля и Горна, столько же слабости у партіи противной, то-есть доброжелательной къ Россіи: «доброжелательная партія зѣло слаба и не смѣла, для того я принужденъ здѣсь острее дѣлать и говорить, ибо они говорить не смѣютъ, главные болѣе другикъ опасаются.» Сеймъ показался Долгорукому ярмаркой: «всѣ торгуютъ и одинъ про другаго сказываетъ кому что дано; только смотреть, чтобы судомъ нельзя было изобличить, для того что та вина смертная.» Англійскія деньги раздавались на этой ярмаркѣ большими суммами; разказывали, что самъ король получаетъ пенсію отъ короля англійскаго, Горну дано 160.000 тысячъ рублей на русскія деньги.

Долгорукій исполнилъ обѣщаніе, 13 и 15 декабря отпраздновалъ именины императрицы вмѣсто 24 ноября: 13-го обѣдали сенаторы, чужестранные министры и другія знатныя особы съ женами; 15 балъ и *машкара*; начался въ 5 часовъ по полудни, кончился въ 5 часовъ поутру; приглашены были всѣ тѣ, которые могутъ входить въ знатныя компаніи; гостей набралось человекъ съ 500 и всѣ ужинали; королевой была графиня Горнъ, вице-королевой графиня Деллагарди, другъ и родня жены Горна: она ее и выбрала; обѣ дамы выбрали въ короли маршалка Плата, а въ вице-короли племянника князя Долгорукаго. По окончаніи бала хозяинъ хотѣлъ поднести подарки графинямъ Горнъ и Деллагарди и подослалъ спросить ихъ—примутъ ли? Обѣ дамы отвѣчали, что отнюдь не могутъ принять.

Всѣ средства были истощены къ *умалченію* противной партіи. Долгорукій потребовалъ конференціи. Ему назначили графа Деллагарди, графа Баньера, графа Экеблата, канцлера Дибина, статсъ-секретаря Гепкина и канцелярши совѣтника еозъ-Кохена: всѣ, кромѣ Гепкина, противной партіи. Своєю акцессіей къ ганноверскому союзу заставляя Россію быть осторожною, приписать средства къ защитѣ, члены конференціи эту самую осторожность съ русской стороны выставили какъ при-

чину своего враждебнаго расположенія къ имперіи: зачѣмъ, говорили они, нынѣшній годъ вы такъ сильно вооружили флотъ свой? Зачѣмъ приведено 40.000 войска въ Петербургъ? Вы съ такою поспѣшностію готовили сухари, что ни одного изъ лучшихъ домовъ не оставлено, чтобы сухарей не пекли. Слышимъ здѣсь не только словесныя, но и письменныя угрозы со стороны императрицы. Праздникъ Рождества прервалъ конференціи; но Долгорукій не ждалъ отъ нихъ ничего хорошаго, потому что Делагарди и фонъ-Кохенъ съ товарищами «какъ раскольщики за аглинскаго короля хотя живые съечъ себя дадутъ.» Ему объяснили причину такого усердія: Делагарди получалъ отъ англійскаго короля ежегодную пенсію въ 4000 фунтовъ. Горнъ поѣхалъ въ деревню на три дня и взялъ съ собою двоихъ лучшихъ членовъ секретной сеймовой комиссіи—Белке и Левенгаупта; говорили, что первому обѣщаетъ онъ за акцессию деревню въ Бременъ въ 30.000 рублей, а второму фельдмаршалскій жезлъ. Употреблены были всѣ средства, чтобы склонить секретную комиссію къ акцессіи, вооруживъ противъ Россіи и ея приверженцевъ: громко начали разглашать, что существуетъ умыселъ свергнуть короля и королеву съ престола и возвести герцога голштинскаго; въ залу, гдѣ заставляла секретная комиссія, подкинуть былъ списокъ лицъ, желающихъ этого переворота. Начали застрашивать: одному сенатору скажутъ, что въ случаѣ успѣха предпріятія его имѣніе уже назначено такимъ-то лицамъ, другому — что будетъ лишень чиновъ. Долгорукій не имѣлъ никакихъ средствъ противодействовать такимъ усиліямъ ганноверской партіи; онъ видѣлъ большую разницу между польскими и шведскими сеймомъ: въ послѣднемъ всѣ важныя дѣла производились въ секретной депутаціи и секретной комиссіи, а говорить съ членами ихъ никакъ нельзя; подъ присягою обязывались они не вступать въ разговоры съ иностранными министрами; король также никакъ не хотѣлъ вступать съ Долгоруками въ разсужденіе о важныхъ предметахъ; что же касается до вельможъ ганноверской партіи, то, по словамъ Долгорукаго, «легче былъ отъ турецкаго мурта въ христіанскій законъ ввести, нежели ихъ отъ акцессіи отвратить: надобно некатъ способовъ нѣтъ за кауковъ всякое дѣло и слово провестъ до того мѣста, гдѣ оно надобно.» Долгорукій вмѣстѣ съ цесарскимъ посломъ, Фрейтагомъ, употребили послѣднія средства: предложили, что оба императорскіе двора будутъ давать Швеціи ежегодно, въ про-

долженія трехъ лѣтъ, субсидіи по 200.000 рублей. Все напрасно! Акцессія была принята окончательно. Долгорукий писалъ отъ 28 марта: «По всемъ поступкамъ королевскимъ и Горновымъ и ихъ партіи видится, что они мыслятъ о войнѣ противъ Россіи; и ежели они вскорѣ войны не начнутъ, то конечно за недостаткомъ и за невозможностію, однакожь и на то вовсе обнадеживаться невозможно, для того что, какъ я слышу, усиленно и неуспынно трудятся, чтобъ имъ экономію и государственные доходы какъ возможно лучше исправить, войски, флотъ и прочее потребное къ войнѣ въ доброе состояніе привести. Того для, для всякаго опаснаго случая, нужно Выборгъ гарнизономъ утвердить, также артилерію, амуницію и провіантъ довольные къ оборонѣ въ немъ имѣть.» По полученіи этого донесенія верховный тайный совѣтъ 11 апрѣля опредѣлялъ, чтобы Долгорукий, призвавши членовъ доброжелательной къ Россіи партіи, изъяснилъ имъ, что акцессія заставитъ Россію принять сильныя мѣры, и требовалъ, чтобъ они, для предупрежденія войны, старались сами, вмѣстѣ съ нимъ, Долгорукимы, о распущеніи сейма: Англія грозитъ выслать эскадру въ Балтійское море, слѣдовательно Россія должна привести себя въ оборонительное состояніе; это вооруженіе не должно беспокоитъ Шведовъ, если они сами не начнутъ ничего враждебнаго. Одинъ только голосъ раздавался противъ рѣшенія совѣта, голосъ князя Меншикова, и Долгорукий немедленно донесъ, что въ Швеціи не боятся Россіи; шведскій министръ въ Петербургѣ, Цедеркрейцъ, донесъ, что при императорскомъ дворѣ между нѣкоторыми изъ главныхъ особъ великія несогласія; частныя письма изъ Петербурга подтверждаютъ то же самое; Горны и его партія внушаютъ всякому, что за акцессію со стороны Россіи не можетъ быть ничего. Шведовъ успокоивалъ не одинъ Цедеркрейцъ; ихъ успокоивалъ самъ свѣтлѣйшій князь, писалъ къ сенатору Дикеру, утѣрялъ его, что съ русской стороны, несмотря на угрозы, Швеціи нечего опасаться, потому что власть надъ войскомъ въ его рукахъ, а онъ за эту услугу требуетъ себѣ помощи отъ Швеціи въ случаѣ нужды, потому что императрица тяжело больна. Такимъ образомъ и Долгорукий, остановленный въ своей дѣятельности, имѣлъ право, подобно Ягужинскому, жаловаться на человека, который съжгаль поперекъ и въ шведскія дѣла.

С. Соловьевъ.

ЛОМОНОСОВЪ

СТУДЕНТЪ

МАРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Обществу особенно дорога память тѣхъ писателей, которые вѣрно угадываютъ его потребности и вносятъ въ него новыя, живительныя начала. Общественное сочувствіе отличается необыкновенною мѣткостью, и тотъ, кто приобрѣлъ на него несомнѣнное право, упрочиваетъ за собою мѣсто въ исторіи народной образованности. Развитие народа состоитъ въ освобожденіи, въ борьбѣ новаго начала съ отживающимъ авторитетомъ: она мѣняетъ характеръ свой сообразно съ тѣми условіями, при которыхъ совершается освобожденіе. На долю народныхъ людей восемнадцатаго столѣтія въ Россіи досталось стремленіе къ независимости мысли, а это стремленіе есть первый шагъ къ свободѣ. Паденіе авторитетовъ въ области мысли началось въ Европѣ преимущественно со времени Декарта. Подвигу его глубоко сочувствовалъ Ломоносовъ, признавая особенно заслугой Декарта то, что онъ «ученымъ людей ободрилъ—противъ Аристотеля, противъ себя самого и противъ прочихъ философовъ въ правдѣ спорить, и тѣмъ самымъ открылъ дорогу къ великому философствованію и къ вѣщему наукъ приращенію.» Заслуги Ломоносова признаны и

современниками его, и потомками; но ему не посчастливилось въ исторіи русской литературы, и причиною этому, какъ большею частію бываетъ, его старинные поклонники и подражатели. Восхищаясь одною стороною его дѣятельности, превознося его рѣчи, оды и надписи напыщенными фразами и подогрѣтыми общими мѣстами, панегиристы низвели его въ рядъ дюжинныхъ стихотворцевъ, которыми такъ изобиловало восемнадцатое столѣтіе. Всѣ они усиливались подражать Ломоносову, риторика и пѣтики наполнялись выписками изъ его сочиненій и тѣмъ подрывали довѣріе къ нему въ молодыхъ поколѣніяхъ. Слова: «враги человѣку домашніе его» примѣняются въ нѣкоторомъ отношеніи къ Ломоносову. За то иностранцы и недруги были въ иныхъ случаяхъ справедливейше при оцѣнкѣ его заслугъ. Даже Шлецеръ, личный врагъ Ломоносова, называлъ его истиннымъ гениемъ; Эйлеръ признавалъ въ немъ необыкновенный талантъ, а перемникъ Лейбница, Вольфъ, видѣлъ въ немъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ надеждъ Россіи.

Ломоносовъ былъ у насъ представителемъ европейской цивилизаціи, общечеловѣческаго образованія. Къ водворенію его въ Россіи стремились просвѣщеннѣйшіе люди, стоявшіе во главѣ русскаго общества, и это водвореніе считали не пересаживаніемъ на чужую почву, а развитіемъ того, что задержано было у насъ враждебными силами и развилось въ родственной намъ по духу Европѣ. Именно такой взглядъ выражается первыми словами Наказа Екатерины: «Россія есть Европейская держава; перемѣны, которыя въ Россіи предпринялъ Петръ Великій, тѣмъ удобнѣе успѣхъ получили, что нравы, бывшіе въ то время, совсѣмъ не сходились съ климатомъ и принесены были къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ и завоеваніемъ чуждыхъ областей. Петръ Первый, вводя нравы и обычаи *европейскіе* въ *европейскомъ* народѣ, нашелъ такія удобства, какихъ онъ и самъ не ожидалъ.» Западно-европейское вліяніе постоянно усиливалось; оно замѣтно было и въ московской и кievской академіяхъ, гдѣ первоначально числится Ломоносовъ. Преподаватели академіи знакомили слушателей съ ученіемъ Декарта, хотя и возставали противъ него, а также съ сочиненіями Бекона, Лейбница и Вольфа. Но для полнаго знакомства съ европейскою образованностью надо было узрѣть ее лицомъ къ лицу, и Ломоносовъ достигаетъ этого путешествіемъ за границу. Во время пребыванія своего за границею

Ломоносовъ всего долѣе прожилъ въ Марбургѣ, гдѣ и получилъ высшее образованіе.

Путешествіе Ломоносова за границу было вызвано совѣтомъ одного изъ иностранныхъ ученыхъ. Президентъ Петербургской академіи наукъ, баронъ Корфъ, обратился къ саксонскому берграту Генкелю съ просьбою рекомендовать ему искуснаго химика, опытнаго въ горномъ дѣлѣ. Генкель отвѣчалъ, что не имѣетъ въ виду никого, кто бы могъ вполне удовлетворить намѣренію русскаго правительства, и совѣтовалъ отправить изъ Россіи нѣсколькихъ молодыхъ людей за границу для изученія горнаго дѣла. Вслѣдствіе этого, три студента, Ломоносовъ, Виноградовъ и Райзеръ, отправлены были для предварительнаго образованія въ Марбургъ, съ тѣмъ чтобы по выслушаніи тамъ курсовъ продолжать свои занятія въ Фрейбергѣ у Генкеля и сдѣлать экскурсіи во Францію, Англію и Голландію.

Марбургъ лежитъ между Франкфуртомъ на Майнѣ и Касселемъ; узкія улицы проходятъ по крутымъ уступамъ горы; съ вершины горы открывается видъ на живописную окрестность, и видъ самого Марбурга необыкновенно живописенъ. Марбургъ получилъ права города въ тринадцатомъ вѣкѣ, и тогдаже приобрѣлъ громкую извѣстность въ нѣмецкомъ и вообще въ католическомъ мірѣ. Славой своею новый городъ обязанъ Елисаветѣ, дочери короля венгерскаго, вдовѣ ландграфа тюрингскаго. Еще ребенкомъ Елисавета была обручена десятилѣтнему ландграфу, на четырнадцатомъ году вышла замужъ, а на двадцатомъ овдовѣла. Молодая вдова поселилась въ Марбургъ, учредила тамъ больницу и страннопріимный домъ, посвятивъ себя служенію больнымъ и нищимъ; всякаго рода лишенія, строгіе посты и бичеванія преждевременно свели ее въ могилу. Молва о подвигахъ Елисаветы, причисленной царю къ лику святыхъ, привлекала въ Марбургъ множество богомольцевъ, приходившихъ на поклоненіе ея гробу. Католическая легенда представила ее образцомъ добродѣтелей и самоотреченія, окружила ее знаменіями и чудесами; но, по замѣчанію Ренана, дорійская Артемида болѣе исполнена строгаго величія нежели святая Елисавета, въ которую, чрезъ шестьсотъ лѣтъ послѣ ея смерти, влюбился до безумія Монталамберъ, издавшій ея жизнеописаніе. Храмъ, воздвигнутый въ Марбургѣ въ честь Елисаветы, составляетъ лучшее украшеніе города и принадлежитъ къ числу образцовыхъ созданій древне-нѣмецкой архитектуры. Другаго рода памятникъ оставилъ по себѣ

духовникъ Елисаветы, жестокой инквизиторъ: до сихъ поръ одинъ ручей въ Марбургѣ называется ручьемъ еретиковъ, *Ketzerbach*, оттого что въ него бросали пепелъ сожженныхъ на кострахъ инквизиціи. Фанатизмъ уступилъ въ послѣдствіи мѣсто другому, благородному одушевленію. Новая жизнь закипѣла въ Марбургѣ со введеніемъ реформациі, и живительная сила ея выразилась ярче всего въ основаніи университета.

Марбургскій университетъ, открытый въ 1527 году, былъ первымъ протестантскимъ университетомъ въ Германіи: права свои онъ получилъ отъ свѣтской власти безъ всякаго участія папы, между тѣмъ какъ всѣ прежнія высшія училища открывались или съ разрѣшенія только одного папы, или же съ согласія и папы и императора. Зданія упраздненныхъ монастырей были первыми аудиторіями Марбургскаго университета. Возникши при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, университетъ подвергался въ послѣдствіи многимъ бѣдамъ и невзгодамъ. Около десяти разъ свирѣпствовала въ Марбургѣ чума; профессеры и студенты, спасаясь отъ эпидеміи, оставляли городъ и поселялись въ окрестныхъ мѣстахъ. Тридцатилѣтняя война и внутренніе раздоры нѣмецкихъ владѣтелей препятствовали развитію университета; самъ Марбургъ переходилъ изъ однихъ рукъ въ другія, принадлежалъ то Гессенъ-Дармштадту, то Гессенъ-Касселю, то Швеціи. Въ восемнадцатомъ столѣтіи гибельна была для края Семилѣтняя война, а въ началѣ девятнадцатаго—нашествіе Наполеона. Несмотря на то, Марбургскій университетъ постоянно пользовался уваженіемъ въ образованномъ мірѣ и приходилъ по временамъ въ цвѣтущее состояніе: кафедры занимали въ немъ какъ извѣстнѣйшіе изъ нѣмецкихъ ученыхъ, такъ и профессора, вызываемые изъ чужихъ краевъ—Франціи, Италіи, Голландіи и т. д.; число студентовъ было вообще весьма значительно. Въ ближайшій къ намъ періодъ, учили и учились въ Марбургскомъ университетѣ лица, составившія себѣ громкую извѣстность въ ученomъ мірѣ: довольно назвать Савиньи, Гримма, Вангерова, Тидемана и т. д. Первая половина восемнадцатаго столѣтія была счастливѣйшимъ періодомъ для университета; о немъ слышались самые лестные отзывы въ Германіи и за границей, и слава его привлекала въ Марбургъ множество иностранцевъ. Въ числѣ ихъ находился и Ломоносовъ. Чтобы сообщить вѣрное понятіе о томъ, что нашелъ тамъ человекъ, призваніемъ котораго было водвореніе въ Россіи общечеловѣческаго образованія, мы постараемся пред-

ставить очеркъ тогдашняго состоянія университета, руководствуясь свидѣніями, собранными нами на мѣстѣ во время пребыванія въ Марбургѣ въ 1858 и 1860 годахъ.

Въ университетской книгѣ (1), въ которой вписываются имена поступающихъ студентовъ, записаны подь 17 ноября 1736 года «петербургскіе Руссы»: Густавъ Ульрихъ Райзеръ, Михаи́лъ Ломоносовъ и Дми́трій Виноградо́въ. Они оставались въ Марбургѣ почти безвыѣздно нѣсколько лѣтъ; въ концѣ апрѣля 1741 года Вольфъ писалъ, что поручилъ другу своему заботиться объ ускореніи выѣзда Ломоносова изъ Марбурга, а 8 юля 1741 года Ломоносовъ былъ уже въ Петербургѣ.

Говоря о состояніи университета, мы будемъ имѣть въ виду вопервыхъ курсы замѣчательнѣйшихъ профессоровъ, во вторыхъ тогдашній бытъ студентовъ. Въ періодъ съ 1723 по 1740 годъ, свѣтъ и блескъ Марбургскому университету, говорить его историкъ, давалъ философъ Вольфъ своими лекціями и сочиненіями и своею повсюду распространенною славой (2). Поэтому мы съ особенною подробностью должны говорить о Вольфѣ, тѣмъ болѣе что вліяніе его на Ломоносова несравненно замѣтнѣе вліянія всѣхъ другихъ профессоровъ того времени.

Жизнь Вольфа чрезвычайно любопытна въ томъ отношеніи, что знакомить со многими сторонами современнаго ему общественнаго быта. Онъ былъ представителемъ науки въ восемнадцатомъ вѣкѣ, и въ судьбѣ его, въ преслѣдованіяхъ, испытанныхъ имъ, и въ его громадныхъ успѣхахъ, выражается настроеніе тогдашняго общества и опредѣляется мѣсто, принадлежавшее ученому въ средѣ общественныхъ дѣятелей. Вольфъ

(1) *Album academiae marburgensis, an. 1653—1789.* «...in academiae marburgensis album recepti sunt 17 Novemb. 1736: Gustavus Ulricus Raiser, Michael Lomonosoff, Demetrig (sic) Winogradov—Russi petersburgenses... Hassiarum Landgravio rectore magnificentissimo, prorectore T. C. Sancto-roc.»

(2) *Justi Grundzüge einer Geschichte der Universität Marburg*, въ альманахѣ *Vorzeit* на 1826 годъ. Краткій очеркъ Юсти есть единственный опытъ исторіи Марбургскаго университета; всего короче авторъ говорить о восемнадцатомъ вѣкѣ. Извлеченіе изъ этого очерка помѣщено въ книгѣ: *Marburg, seine Geschichte, und Sehenswürdigkeiten*. 1850. Большая часть сообщаемыхъ въ моей статьѣ свидѣній найдены мною въ университетскомъ, церковномъ и городскомъ архивахъ, и въ библіотекѣ университета.

родился въ 1679 году въ силезскомъ городѣ Бреславѣ. Отецъ, его, человекъ въ высшей степени любознательный, сильно желалъ учиться въ университетъ, но непреодолимыя препятствія заставили его отказаться отъ заветнаго желанія, и вмѣсто ученаго онъ сдѣлался кожевникомъ; впрочемъ, уваженіе къ наукѣ въ немъ не поколебалось, и онъ далъ обѣтъ посвятить сына своего ученому поприщу. Первенцемъ любознательнаго кожевника былъ Христіанъ Вольфъ, обреченный наукѣ еще до рожденія. Послѣдующія занятія юноши доказали, что желаніе отца вполнѣ совпадало съ призваніемъ даровитаго сына. Самая среда, въ которой Вольфъ провелъ свое дѣтство и первые года юности, благопріятствовала его развитію. Ни въ школѣ, ни въ жизни не было на ту пору безцвѣтнаго однообразія и подавляющаго авторитета; и въ школѣ и внѣ ея слышалось разногласіе мнѣній: они высказывались съ большимъ жаромъ, потому что относились къ самому живому и новому явленію тогдашней жизни. Въ то время въ Силезіи были въ самомъ разгарѣ религіозные споры: іезуиты враждовали съ лютеранами и всячески старались навербовать какъ можно болѣе приверженцевъ; противная сторона, настойчиво доказывая справедливость своихъ мнѣній, также старалась въ чтѣ бы то ни стало удержать своихъ за собою. Ученику Вольфу не разъ приходилось мѣряться силами своихъ познаній и діалектики съ питомцами іезуитскихъ училищъ. Въ гимназіи бреславской Вольфу предстоялъ также выборъ между различными направленіями. Одинъ изъ даровитѣйшихъ преподавателей, увлекая слушателей блестящимъ изложеніемъ словесности и дѣйствуя на развитіе ихъ вкуса, постоянно издѣвался надъ философскими теоріями, считая ихъ наборомъ словъ и переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее, и занятіе философіей называлъ бесполезнѣйшею тратой времени. Другіе преподаватели были ревностными защитниками философіи, восхваляя ее не только на лекціяхъ, но даже и въ проповѣдяхъ. При такомъ противорѣчій людей равно уважаемыхъ, молодой Вольфъ долженъ былъ глубже вникнуть въ сущность вопроса и самостоятельно рѣшить его; слѣдствіемъ его внутренней работы были два убѣжденія, рѣшительно имъ овладѣвшія. Впервые, онъ призналъ законность и необходимость философіи, въ которой всего заманчивѣе для его пытливаго ума было то, что она, какъ утверждали ея защитники, ведетъ къ открытію новыхъ, сокровенныхъ истинъ. Рѣзкія нападки на философію Вольфъ об-

яснѣяль собѣ тѣмъ, что настоящее состояніе этой науки далеко не соответствуетъ ея великому назначенію: поэтому, онъ съ жаромъ принялся за чтеніе различныхъ философскихъ сочиненій, надѣясь этимъ путемъ вѣрнѣе и скорѣе добраться до истины. Второе убѣжденіе, сдѣлавшееся въ послѣдствіи девизомъ всей ученой дѣятельности Вольфа, состояло въ томъ, что всякая наука должна образовать систему подобно математикѣ, и математическая метода должна быть строго соблюдаема во всехъ наукахъ; одна только математическая метода вносить ясность во всѣ изслѣдованія, даетъ опору колеблющемуся мышленію, разсѣиваетъ привраки фантазіи и хитросплетенія диалектики. Блестящій подвигъ предстоялъ мыслителю, вооруженному знаніемъ математики и философіи, подвигъ — привести человека къ сознанію того, почему онъ вѣритъ, во что онъ вѣритъ, и какимъ образомъ идеи свои проявляетъ въ самыхъ дѣйствіяхъ. Съ широко-задуманною цѣлію Вольфъ началъ свое университетское поприще. Изъ бреславской гимназіи онъ поступилъ въ Іенскій университетъ студентомъ, а черезъ три года получилъ степень магистра въ Лейпцигскомъ университетѣ; въ Лейпцигѣ онъ началъ читать математику. Сочиненіе его о математической методѣ въ философіи заслужило лестный отзывъ самого Лейбница, приславшаго молодому автору привѣтствіе и совѣтъ продолжать такъ счастливо начатыя занятія. Въ Лейпцигѣ Вольфъ оставался не долго; при содѣйствіи Лейбница онъ получилъ кафедру въ Галле, и читалъ въ тамошнемъ университетѣ математику, физику, метафизику, логику и нравственную философію. Добросовѣстность въ ученыхъ работахъ, изумительное трудолюбіе, новизна взглядовъ, живое изложеніе предмета, вызывающее слушателей на самостоятельный трудъ, — всѣ эти достоинства сдѣлали Вольфа кумиромъ молодежи, доставили ему безчисленное множество слушателей и почитателей. Блестящій успѣхъ профессора былъ очень не по вкусу его товарищамъ, аудиторіи которыхъ пустыли все болѣе и болѣе. Между его недоброжелателями были люди характера твердаго и рѣшительнаго, не терпѣвшіе противорѣчій и привыкшіе къ первой роли во всехъ университетскихъ совѣщаніяхъ и предпріятіяхъ; такимъ людямъ было невыносимо видѣть возрастаніе славы Вольфа на счетъ ихъ собственной извѣстности, и они рѣшились, во что бы то ни стало, возобновить свое прежнее вліяніе и избавиться отъ опаснаго соперника. Противъ него составилася заговоръ, и ждали

перваго случая, чтобъ отомстить ему за ущербы, понесенные отъ его лекцій. Случай скоро представился. Вольфъ избралъ предметомъ для своей академической рѣчи нравственную философію Китайцевъ. Подобный предметъ былъ для того времени вполне современнымъ: известно, что въ восемнадцатомъ столѣтіи, въ теченіе нѣкотораго времени, умы Европейцевъ были въ высшей степени заинтересованы Китаемъ; рассказы миссіонеровъ о нравахъ и образѣ жизни Китайцевъ возбуждали въ образованномъ обществѣ сильное вниманіе къ оригинальному народу. Въ рѣчи своей Вольфъ говорилъ объ ученіи Конфуція, и хорошо отзывался о многихъ мысляхъ китайскаго моралиста. Эти похвалы встревожили пѣтистовъ въ Галле; ихъ ужаснуло, что христіанскій писатель хвалитъ языческую нравственность и находитъ въ ней много общаго съ своими собственными убѣжденіями: хороша же, говорили они, мораль этого философа, когда она согласна съ «лжеученіемъ богомерзкаго язычника!» Но ихъ витіеватыя жалобы, несмотря на свой «чистѣйшій лютеранскій духъ», не возбуждали сочувствія, и общественное мнѣніе рѣшительно приняло сторону Вольфа. Оскорбленные противники дѣйствовали всѣми возможными способами, отъ пасквиля до доноса; въ одномъ памфлетѣ говорится, что три в вино всему злу: Weib, Wein, Wolf — женщины, вино и Вольфъ; приверженцы Вольфа отвѣчали, что, напротивъ три в распространяютъ все доброе, а именно Wahrheit, Weisheit, Wolf — истина, мудрость и Вольфъ (1). Стихи впрочемъ были слишкомъ невнятнымъ ору-

- (1) Ich kenn' ein dreifach W, das grosses Weh gemacht
 Die Weiber, die den Fall in diese Welt gebracht;
 Der Wein, der Ursach ist zu vielen bösen Thaten.
 Das dritte nenn'ich nicht. Mein Freund! du magst es rathen.
 Die Weisheit nehm ich aus, sie bringt stets Gutes ein;
 Doch wird das dritte W in ihrem Missbrauch sein.
 Ich würde Dir gar leicht es deutlich sagen können;
 Doch in gewisser Zeit darf man den Wolf nicht nennen.

На это отвѣчали:

Ich weiss ein dreifach W, dass vielen Nutzen schafft:
 Die Wahrheit, die aus Gott als ihrer Quell enstpringet:
 Die wahre Weisheit, die von so besonderer Kraft,
 Dass sie die sterblichen zur wahren Wohlfahrt bringet,
 Und derer Geist und Sinn auf's innigste ergötzet,
 Zumahlen wenn sie Wolf auf feste Gründe setzet.

дѣлать, и не могли достигнуть цѣли; нужно было обратиться къ средствамъ болѣе дѣйствительнымъ, рѣшено было очернить Вольфа передъ правительствомъ. Прусскимъ королемъ былъ въ то время Фридрихъ I. При его полнѣйшемъ невѣжествѣ трудно было обратитъ королевское вниманіе на философскіе вопросы. Самъ Фридрихъ былъ человѣкъ безграмотный и терпѣть не могъ людей, занимающихся наукой и искусствомъ; заставши однажды сына своего за музыкальнымъ урокомъ, онъ выбранилъ «дармоеда», и разбилъ въ дребезги его скрипку. Онъ надѣвался на академію наукъ, учрежденною отцомъ его въ Берлинѣ; обращеніе его съ учеными и литераторами отзывалось грубостью вѣка и личнымъ пренебреженіемъ къ умственному труду. Плетисты, зная слабости человѣческія, истощали все усилія, чтобы задѣть Фридриха за живое, подѣйствовать на его слабую сторону, на его сердечную наклонность, и тѣмъ вызвать съ его стороны энергическую мѣру. Но, къ ихъ большому горю онъ былъ человѣкъ безстрастный, даже къ женщинамъ оставался всегда холоденъ и равнодушенъ: только разъ онъ чуть было не увлекся, но вмѣсто того чтобы вести атаку постепенно, онъ хотѣлъ начать любовный романъ съ конца, за чтѣмъ и былъ наказанъ вспыльчивою женщиною. Впрочемъ, при всей его холодности, у него была страсть, для удовлетворенія которой онъ готовъ былъ на жертвы, это — страсть къ великорослымъ солдатамъ. Онъ составилъ цѣлый полкъ великановъ, и не щадилъ для него никакихъ издержекъ; будучи скупъ до того, что къ новому платью пришивалъ пуговицы отъ стараго, поношеннаго, онъ платилъ большія деньги за высокіхъ солдатъ. Онъ завелъ открытую торговлю великанами, захватывалъ путешественниковъ высокаго роста, студентовъ, итальянскихъ дворянъ и польскихъ ксензовъ, и вербовалъ иностранныхъ солдатъ; на покупку людей для любимаго полка потрачено болѣе двѣнадцати милліоновъ талеровъ. Петръ I постоянно снабжалъ Фридриха рослыми солдатами, и въ замѣнъ получалъ отъ него инженеровъ и фабрикантовъ, которыхъ приводили въ Россію какъ колодниковъ. Эта страсть къ великанамъ, по довольно-оригинальному сплетенію обстоятельствъ, была причиной изгнанія Вольфа, и вотъ какимъ образомъ. Вольфъ признавалъ гармонію между душой и тѣломъ. Душа, говоритъ Вольфъ, имѣетъ свою собственную силу, отъ которой зависятъ все явленія, все перемены въ духовной жизни человѣка; въ тѣлѣ также все перемены зависятъ отъ

его природы, вытекають изъ его существа, ощущенія и желанія души совпадаютъ съ измѣненіями и движеніями тѣла. Это совпаденіе Вольфъ называетъ, по примѣру Лейбница, предустановленною гармоніей. Лейбницъ признавалъ, что существующій міръ избранъ Творцомъ, какъ наилучшій, изъ безчисленнаго множества міровъ, бывшихъ въ Божественной мысли; вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ быть послѣдовательнымъ, Лейбницъ утверждалъ, что и законъ, по которому существуетъ міръ, установленъ Творцомъ прежде созданія самаго міра. Этотъ міродержавный законъ состоитъ во взаимной связи или гармоніи явленій, которую Лейбницъ и назвалъ предопредѣленною, предустановленною Творцомъ гармоніей, *prästabilierte Harmonie*. Враги Вольфа видѣли въ предустановленной гармоніи фатализмъ и старались убѣдить въ этомъ и другихъ, особенно короля. Но король былъ слишкомъ равнодушенъ ко всѣмъ безъ исключенія философскимъ вопросамъ, называя ихъ бесполезною болтовней, и попытки заинтересовать его полемикой галльскихъ теологовъ оказались напрасными. Тогда придумали самый рѣшительный способъ подѣйствовать на короля, коснувшись его завѣтной страсти. Въ Галле пріѣхали на ту пору два генерала, и имъ было объяснено, насколько могли понять ихъ головы, какой вредъ философія Вольфа можетъ причинить арміи. Вольфъ, говорили пiетисты, допускаетъ предопредѣленіе, учить, что все, что ни дѣлается на свѣтѣ, необходимо должно дѣлаться: что же, если подобныя мысли распространятся между солдатами-великанами? Вѣдь они разбѣгутся на томъ основаніи, что если имъ пришла охота и есть возможность бѣжать, то значить, они предопредѣлены къ побѣгамъ, наказывать бѣглыхъ отнюдь не слѣдуетъ, потому что они бѣжали по волѣ рока. Такое примѣненіе встревожило «скорбныхъ главой» генераловъ, и они сочли долгомъ заявить о предстоящей опасности. Показанія генераловъ были подтверждены придворнымъ шуткомъ; король испугался не на шутку и велѣлъ Вольфу выѣхать, въ теченіе сорока восьми часовъ, изъ Галле и изъ предѣловъ Пруссіи, подъ страхомъ висѣлицы; вслѣдъ за тѣмъ строго запрещено преподавателямъ руководствоваться сочиненіями изгнаннаго профессора. Пiетисты съ колѣнопреклоненіемъ благодарили Бога за избавленіе отъ врага и говорили рѣчи, въ которыхъ осыпали изгнанника жестокими укоризнами. Несмотря на всѣ преслѣдованія и строгость приговора прусскаго правительства, Вольфъ не затруднялся отыскиваніемъ убѣжища; онъ получилъ нѣсколько

приглашений и между прочимъ изъ Россіи; переговоры съ Петербургомъ возобновлялись довольно часто (1). Поводъ къ нимъ былъ слѣдующій. Въ Европѣ распространился слухъ объ открытіи *regretium mobile*; молва объ этомъ дошла до Петра Великаго, и онъ желалъ получить точныя свѣдѣнія объ открытіи, сильно заинтересовавшемъ его. Такъ какъ мнимый изобрѣтатель ссылался на Вольфа, видѣвшаго диковинную машину, то лейбмедикъ Петра, Блаументростъ, вошелъ въ переписку съ Вольфомъ, вызывая его содѣйствовать усовершенствованію важнаго открытія и предлагая ему отъ имени царя вступить въ русскую службу. Подобныя предложенія повторялись въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; Вольфъ медлилъ рѣшительнымъ отвѣтомъ, и наконецъ навсегда отказался отъ дѣстнаго предложенія переселиться въ Петербургъ съ званіемъ вице-президента Петербургской академіи наукъ. Много причинъ побуждало Вольфа остаться въ Германіи. Съ одной стороны, отъѣздъ его въ Россію былъ бы торжествомъ для его враговъ, доказательствомъ ихъ побѣды, съ другой—преобразованія Петра казались въ Европѣ такою неожиданностію, что многіе сомнѣвались въ прочности задуманнаго Петромъ, боясь, что благое сѣмя заглохнетъ въ непродуваемой почвѣ. Притомъ и матеріальная сторона жизни въ Германіи представляла много удобствъ: по словамъ Ломоносова, Вольфъ лекціями и подарками нажилъ больше полумилліона и сверхъ того баронство.

Изгнаніе Вольфа произвело сильное впечатлѣніе въ Германіи; университеты и владѣтельные особы соперничали въ изъясненіи своего сочувствія къ знаменитому изгнаннику. Изъ многихъ предложеній, Вольфъ принялъ сдѣланное ему ландграфомъ гессенъ-кассельскимъ и переселился въ Марбургъ, гдѣ и былъ профессоромъ университета въ теченіе семнадцати лѣтъ. Въ эти семнадцать лѣтъ измѣнилось расположеніе умовъ въ самой Пруссіи, даже въ придворномъ кругу. Фридрихъ I назначилъ комиссію для разсмотрѣнія сочиненій Вольфа, и удостовѣрился, что въ нихъ нѣтъ ничего опаснаго, и что авторъ

---

(1) О сношеніяхъ Вольфа съ Петербургскою академіею говорится въ перепискѣ Вольфа, изданной подъ заглавіемъ: *Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719—1753. Ein Beitrag zur Geschichte der kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St-Petersbourg.* 1860. Въ письмахъ Вольфа есть нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о пребываніи Ломоносова въ Марбургъ: мы пользуемся ими въ нашемъ очеркѣ.

былъ жертвой интригъ и клеветы. Фридрихъ даже пытался снова перезвать его къ себѣ. Разговаривая съ графомъ Мантейфельемъ, король сказалъ: «Вольфъ посвятилъ мнѣ огромную латинскую книгу, я въ ней ровно ничего не смыслю, а все-таки слѣдуетъ благодарить; я предлагаю ему вступить въ мою службу, и самому назначить условія.» Мантейфель утѣшалъ короля тѣмъ, что и другимъ верховнымъ особамъ посвящаются книги, которыхъ они вовсе не понимаютъ; притомъ же предисловіе переведено на нѣмецкій языкъ. Предисловіе очень понравилось королю, въ которомъ съ недавняго времени стали замѣчать неожиданную перемену. Онъ сталъ благосклонно отзываться о философскихъ сочиненіяхъ, и въ немъ обнаружилась охота къ чтенію, которая до того была въ разладѣ съ его обыкновеннымъ образомъ мыслей, что въ ней видѣли зловѣщій знакъ — приближеніе смерти. Когда она послѣдовала, Вольфъ принялъ приглашеніе новаго короля, давно уже выражавшаго свое сочувствіе философу-изгнаннику. Еще будучи наследнымъ принцемъ, Фридрихъ II желалъ совершить путешествіе въ сопровожденіи своего «великаго учителя Вольфа», и въ одномъ изъ своихъ писемъ говорилъ:

Là sous un ciel serein assis au pied des hêtres
Nous étudions Wolff au dépit de nos prêtres.

Возвращеніе Вольфа въ Галле было, въ полномъ смыслѣ слова, общимъ праздникомъ для тамошнихъ жителей. За милое до города ожидала торжественная колесница; у городскихъ воротъ, на улицахъ и на площадяхъ, обрались толпы народа, и Вольфъ въѣхалъ въ городъ при звукахъ трубъ и литавръ, и при радостныхъ кликахъ жителей. Въ Галле Вольфъ оставался до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1754 году на семьдесятъ-шестомъ году его жизни (1).

Въ теченіе этой долговременной жизни самымъ лучшимъ временемъ для Вольфа было то, которое онъ провелъ въ Марбургѣ, то-есть съ 1723 по 1740 годъ. Въ первое пребываніе въ Галле онъ только начиналъ свою дѣятельность и приобрѣталъ извѣ-

(1) Лучшая біографія Вольфа составлена Клуге: *Christian von Wolff der Philosoph. Ein biographisches Denkmal von Kluge*; Breslau 1831, и потомъ Вутке: *Christian Wolff's eigene Lebensbeschreibung*. Herausgegeben mit einer Abhandlung über Wolff, von Heinrich Wutke. Leipzig. 1841.

ство; но возвращеніи въ Галле, онъ уже утратилъ прежнюю энергію и вліяніе на молодежь: у него была тогда дѣлая школа, ученики распространяли всюду его ученіе, и для молодыхъ похвалный лекціи его не были уже привлекательной новизны. Въ Марбургѣ же онъ былъ въ самый счастливый періодъ своей дѣятельности; имя его стало извѣстно во всей Европѣ и повсюду стекались слушатели, привлекаемые молвой о «мировомъ мудрецѣ», какъ называли Вольфа въ XVIII столѣтіи. По желанію одного изъ философскихъ обществъ, выбита была медаль съ изображеніемъ Минервы, Лейбница и Вольфа; Лейбницъ и Вольфъ увѣнчаны лавровымъ вѣнкомъ и окружены многозначительною надписью: *sapere aude!* Вольфъ былъ оракуломъ и для читателей своихъ и для слушателей; лекціи его записывались съ буквальною точностію; слушатели боялись проронить не только слово, но даже движеніе, сопровождавшее его рѣчь; въ тетради одного изъ слушателей отмѣчено: здѣсь заебълся господинъ совѣтникъ—*hier lachte der Herr Regierungsrath.*

Въ тѣ семестры, когда Ломоносовъ былъ студентомъ Марбургскаго университета, Вольфъ читалъ весьма много предметовъ, а именно: всеобщую математику, алгебру, астрономію, физіку, оптику, механику, военную и гражданскую архитектуру, логику, метафизику, нравственную философію, политику, естественное право, народное право, географію и хронологію, и объявлялъ сочиненіе Гуго Гроція о правѣ войны и мира.

Въ письмахъ къ президенту Петербургской академіи наукъ Вольфъ говоритъ о занятіяхъ, подъ его руководствомъ, Ломоносова и его товарищей (1). Въ письмѣ отъ 12 іюня 1737 г. Вольфъ увѣдомляетъ, что они упражнялись въ первыхъ основаніяхъ ариметики и геометріи, и прилежно занимались нѣмецкимъ языкомъ, такъ что уже начали говорить по-нѣмецки. Въ письмѣ, отъ 15 сентября 1737 г., Вольфъ говоритъ: «По-окончаніи упражненій въ ариметику, геометрію и тригонометрію, они слушаютъ у меня механику, при чемъ я особенное вниманіе обращаю не на теоретическія тонкости, а на изученіе машинъ, что принесетъ имъ прямую пользу въ примѣненіи къ дѣлу. Для этой же цѣли я буду преподавать имъ гидростатику, аэрометрію и гидравлику, а также сообщу введеніе въ подземную географію, которая весьма пригодится имъ въ горной практикѣ.»

(1) *Briefe von Christian Wolff.* St. Petersburg. 1860. стр. 94—95, 99, 114 и др.

Въ письмѣ отъ 13 іюня 1739 г., Вольфъ говоритъ, что они посещаютъ математическій курсъ и занимаются обработкой диссертаций. Въ аттестатѣ, выданномъ въ іюлѣ 1739 г., выражая твердую надежду, что Ломоносовъ будетъ однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей въ Россіи, Вольфъ свидѣтельствуетъ, что Ломоносовъ слушалъ у него математику, физику и философію, и занимался этими предметами съ изумительною любовью и основательностью (1).

Ломоносовъ сохранилъ навсегда благодарное воспоминаніе о своемъ наставникѣ, называя его «славнѣйшимъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ авторомъ»; *Опытная физика* Вольфа переведена на русскій языкъ Ломоносовымъ. Уваженіе къ марбургскому философу было тогда общимъ въ западной Европѣ; люди, стоявшіе во главѣ образованнаго общества, считали себя учениками и послѣдователями Вольфа. Высоко цѣнимая въ восемнадцатомъ вѣкѣ, философія Вольфа потеряла кредитъ свой въ девятнадцатомъ; о ней или совершенно забывали, или если и вспоминали, то кдѣймили названіемъ ограниченной, самодвольной, безжизненной, бесплодной и т. п. Но въ новое время она нашла энергическаго защитника; обращаясь къ порицателямъ ея, Фейербахъ говоритъ: «Вы, съ презрѣніемъ произносящіе имя Вольфа? можете ли вы похвалиться его основательнымъ, всеобъемлющимъ знаніемъ, его чистою, неистощимою любовью къ наукѣ и истинѣ, его самоотверженіемъ, съ которымъ онъ нисходилъ до жалкаго уровня своихъ современниковъ, чтобы внести лучъ свѣта въ тяжелыя головы Нѣмцевъ? Счастье было бы для нѣмецкаго народа, еслибы среди него явился новый Вольфъ!»

При общемъ сочувствіи къ Вольфу его многочисленныхъ уче-

(1) Вотъ подлинное свидѣтельство Вольфа (Briefe, стр. 38): Vir juvenis praestantis ingenii Michael Lomonossow, ex quo studiorum gratia Marburgum accessit, frequenter lectionibus meis mathematicis et philosophicis, physicis praesertim interfuit ac solidiori doctrina mirifice delectatus. Quodsi igitur eadem industria pergat, nullus dubito fore, ut aliquando in patriam redux utilem Reip. operam praestet: id quod maxime in votis habeo. Dabam Marburgi Cattorum d. 20 Jul. 1739. Christianus Wolffius, acad. marburg. p. t. prorektor.—Припомнимъ отзывъ Эйлера о Ломоносовѣ: il traite les matières de la physique et de la chimie les plus interessantes, et qui sont tout-à-fait inconnues et inexplicables aux plus grands génies, avec tant de solidité que je suis tout-à-fait convaincu de la justesse de ses explications. Il possède le plus heureux génie pour découvrir les phénomènes de la physique et de la chimie.

никовъ, при его сильномъ вліяніи на нихъ, нельзя предполагать, чтобы всѣ курсы и бесѣды его остались безплодными для одного изъ даровитѣйшихъ слушателей, по признанію самого профессора,—на Ломоносова. Одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ литературной критики состоитъ въ опредѣленіи различныхъ вліяній на писателя; нити, связывающія одного дѣятеля съ другимъ, иногда бываютъ чрезвычайно тонки, почти неуловимы. Чтобы указать отношеніе Ломоносова къ Вольфу, мы изберемъ тѣ черты ихъ дѣятельности, въ которыхъ всего виднѣе особенности того и другаго.

Не обладая творческимъ талантомъ, Вольфъ былъ равностнымъ истолкователемъ гениальныхъ мыслей Лейбница и далъ имъ видъ строгой системы. Метода его, названная, по ея строгости, математическою, состоитъ въ послѣдовательномъ объясненіи каждаго слова; твердо держась однажды даннаго опредѣленія, онъ ни одного положенія не оставляетъ безъ доказательства и всѣ теоремы представляетъ въ связи, выводя одну изъ другой. Философскія сочиненія Вольфа состоятъ изъ ряда теоремъ или силлогизмовъ съ двумя посылками и заключеніемъ, причемъ каждое заключеніе становится посылкой въ новомъ силлогизмѣ. Метода составляетъ отличительную черту философіи Вольфа, и Ломоносовъ признавалъ ея достоинство, независимо отъ содержанія сочиненій, въ которыхъ она проведена со всею строгостью. Во второмъ изданіи переведенной имъ физики Вольфа, Ломоносовъ говоритъ, что хотя со времени ея появленія наука сдѣлала большіе успѣхи, и читатели не найдутъ въ его книгѣ многого, что давно уже извѣстно въ ученномъ мірѣ, однако «славный авторъ всегда пребудетъ достоинъ чтенія, особливо ради внятнаго и порядочнаго образа мыслей.» Вліяніе Вольфа всего яснѣе выразилось въ сочиненіи Ломоносова: *О движеніи воздуха въ рудникахъ* (1). Вообще же, по замѣчанію специалистовъ, нѣмецкіе ученые менѣе имѣли вліянія на Ломоносова, нежели французскіе: умъ его не могъ подчиняться тѣмъ формальностямъ, которыми изобилуютъ сочиненія нѣмецкихъ ученыхъ и особенно Вольфа. При всемъ уваженіи къ методу Вольфа, Ломоносовъ не могъ подчиниться ей: живой и впечатлительный умъ его не укладывался въ

(1) *Въ воспоминаніи 12 января 1855 года.* Москва. 1855. Статя г. Любимова: *Ломоносовъ какъ физикъ.*

форму силлогизма, и въ его ученыхъ трактатахъ много поэтическихъ отступленій.

По существенному, внутреннему свойству своего философскаго воззрѣнія, Вольфъ находился на рубежѣ двухъ враждебныхъ направленій (1). Одно, завѣщанное рядомъ предшествовавшихъ вѣковъ и державшееся силой преданія, признавало непогрѣшительность авторитета; другое заключалось въ протестъ противъ старины, въ признаніи правъ разума и свободы изслѣдованія. Не разрывая съ преданіемъ, идущимъ со времени реформациі, Вольфъ независимо относился къ вопросамъ, считавшимся неприкосновенными для людей, защищавшихъ точку зрѣнія положительной религіи. Идеи его о вселенной и объ основаніяхъ нравственности совпадаютъ, по его собственному признанію, съ ученіемъ Христа и апостоловъ; онъ стремился даже, посредствомъ математической методы, доказать съ неопровержимою убѣдительною истины, открываемыя христіанствомъ. Но это стремленіе доказать и притомъ безъ пособія теологической науки было причиною негодованія пиетистовъ. Вольфа обвинили въ томъ, что онъ не признаетъ многихъ доказательствъ бытія Божія, которыхъ никто доселѣ не отвергалъ; что онъ невѣрно излагалъ ученіе о чудесахъ; что онъ считалъ невозможнымъ объяснить путемъ разума, какимъ образомъ сотворенъ свѣтъ и человѣкъ. Божественное откровеніе, говоритъ Вольфъ, не обязываетъ человѣка ни къ чему, что противно законамъ природы и несообразно съ сущностью души. Вселенная есть созданіе Божественной мудрости, которая выражается въ единствѣ всѣхъ существующихъ предметовъ, связанныхъ другъ съ другомъ въ пространствѣ или во времени, Все, что вытекаетъ изъ сущности вселенной и наполняющихъ ее тѣлъ, все то—естественно, и міръ, въ которомъ все происходитъ естественно, есть созданіе мудрости Божіей. Напротивъ, если случаются событія, независяція отъ самой природы вещей, то это бываетъ посредствомъ чуда, и міръ, въ которомъ все происходитъ посредствомъ чуда, есть созданіе Божіей силы,

(1) Вольфъ былъ писатель необыкновенно плодовитый; самъ Гегель сознавался въ невозможности перечитать множество фолиантовъ, написанныхъ Вольфомъ. Изъ сочиненій, въ которыхъ всего яснѣе и многостороннѣе выражаются особенности его, какъ мыслителя, важны его «Мысли о Богѣ, вселенной и человѣкѣ», *Vernünftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen*. 2 части. 1736 и 1740, изд. во Франкфуртѣ на Майнѣ.

но не мудрости. Мудрость есть высшее совершенство, нежели сила; правда, у кого есть сила, можетъ дѣлать что захочетъ; но за то, у кого есть мудрость, тотъ можетъ дѣлать все на разумномъ, благомъ основаніи. Было бы въ высшей степени неприлично еравнить Бога съ царемъ, который по неразумію или увлеченію употребляетъ во зло свою силу, то-есть пользуется ею не такъ, какъ требуетъ мудрость. Чудеса отнюдь не выше естественныхъ явленій. Чудо требуетъ только силы Божіей и познанія *одного* предмета, а естественныя явленія требуютъ Божія *всеподвійя*, мудрости и могущества. Допуская чудеса и откровенія, Вольфъ предлагаетъ для узнанія ихъ весьма оригинальные признаки. Сверхъестественнымъ путемъ можетъ быть открыто только то, что человеку крайне необходимо и не можетъ быть узнано умомъ. Откровеніе не можетъ противорѣчать необходимымъ истинамъ: такъ, напримеръ, отношеніе діаметра къ кругу есть истина необходимая, и ни въ какомъ чудѣ діаметръ не можетъ относиться къ окружности иначе какъ 100 къ 314. Такъ какъ Богъ не можетъ дѣлать ничего лишняго, то онъ не дѣлаетъ и лишннихъ чудесъ, а потому всякое изысшнее чудо есть не настоящее, а вымышленное. Наконецъ, то, что требуется отъ всякой порядочной книги, тѣмъ скорѣе должно быть въ чудесномъ откровеніи, то-есть словъ должно быть въ немъ не больше и не меньше, какъ сколько надо для выражаемой или мысли; слова должны быть употреблены въ надлежащемъ значеніи, и правила грамматики и риторикъ должны быть строго соблюдены. Вольфъ признаетъ въ Богѣ свободную волю и доказываетъ это слѣдующимъ образомъ: изъ многихъ міровъ, которые были возможны, Богъ выбралъ одинъ; для того чтобы выбрать что-либо, надо имѣть свободную волю; слѣдовательно, Богъ имѣетъ свободную волю. Признавая волю Божію источникомъ всего существующаго, Вольфъ говорить, что не на ней собственно должны основываться доказательства. Ключъ къ объясненію всего существующаго находится въ законѣ *достаточнаго основанія* или причины (*raison*), составляющемъ рычагъ всей философской системы Вольфа. Невозможно, говорить онъ, чтобы изъ ничего произошло что-либо; поэтому все, что ни есть въ природѣ, должно имѣть достаточную причину, почему оно есть. Въ предметы находятся во взаимной связи и одинъ служитъ причиною существованія другаго. Въ солнцѣ причина того, что земля стала землею; то-есть посредствомъ солнечной теплоты земля стала плодотворна и

удобна для расселенія по ней рода человѣческаго, и т. п. Воля Божія есть высшая причина существованія всѣхъ вещей; но на нее можно сослаться только тогда, когда спрашиваютъ, почему что-либо существуетъ, а отнюдь не тогда, когда желаютъ знать, какимъ образомъ то или другое возможно. Въ математикѣ, особенно въ геометріи, множество основательнѣйшихъ доказательствъ; но ни одно изъ нихъ не основывается на волю Божію; такимъ образомъ, на вопросъ: отчего въ прямолинейномъ треугольникѣ три угла равняются двумъ прямымъ, не отвѣчаютъ: такъ Богу угодно. Или, если въ физикѣ спрашиваютъ, отчего гремитъ громъ, то это значитъ, какія естественныя причины производятъ грозу, и только тотъ, кто не заботится о ближайшихъ причинахъ, можетъ сказать, что грозу посылаетъ Богъ, потому что воля Бога движетъ силами природы. Вѣрнѣйшій путь къ примиренію науки съ вѣромъ Вольфъ видитъ въ изученіи природы. «Еслибы, говоритъ онъ, глубже изучили физику и естественныя науки, то увидѣли бы, что въ каждомъ твореніи, какъ бы оно ничтожно ни было, сокрыто многое для познанія Творца: и вмѣсто того, чтобы преслѣдовать науку, надо обращать ее во славу Бога и, по совѣту одного просвѣщеннаго теолога, вмѣстѣ съ Библіей изучать книгу природы и познавать небо не только внутри, но и снаружи.»

Подобно Вольфу, Ломоносовъ находился въ средѣ, гдѣ царило преданіе и всякая попытка къ свободѣ имела возбудила негодованіе многихъ. Ломоносовъ не отвергалъ христіанскихъ истинъ; онѣ были для него святыней; въ произведеніи, гдѣ онъ довольно свободно относился къ преданію, въ *Посланіи о пользѣ стекла*, онъ говоритъ:

О коль велика къ намъ щедротъ Его пучина,
 Что на землю послалъ возлюбленнаго Сына:
 Не погнушался Онъ на малый шаръ сойдти,
 Чтобы погибшаго страданіемъ спасти.

Но свято уважая основы христіанства, Ломоносовъ признавалъ и права разума, и съ точки зрѣнія мыслителя смотрѣлъ на предметы, о которыхъ его предшественники и современники хранили благоговѣнное молчаніе. Ломоносовъ высказалъ свой взглядъ на посты, какъ на явленіе историческое, связанное съ условіями мѣстности и климата. Болѣзни, свирѣпствующія въ народѣ во время постовъ, онъ объясняетъ тѣмъ, что

самый продолжительный постъ бываетъ у насъ въ началѣ весны, когда всѣ скверности, сжатые зимними морозами, выходятъ наружу, наполняютъ воздухъ, мѣшаются съ водой и входятъ съ цынготною рыбой въ желудокъ, въ легкія, въ кровь. Обращаясь къ учредителямъ постовъ, Ломоносовъ спрашиваетъ, что думали они, вводя посты, о его соотечественникахъ, и получаетъ слѣдующій отвѣтъ: «Мы жили въ Греціи и въ землѣ Обѣтованной, и назначили для поста то время, когда полное сіяніе вѣшняго солнца раскрываетъ нѣдра земли и производитъ молодую зелень, наполненную здоровыми соками; наши молитвы сопровождались журчаніемъ ручьевъ, шумомъ листьевъ и сладкими пѣснями птицъ. Про вашу же сѣверную сторону мы тогда и не думали, полагая, что тамъ и жить нельзя отъ чрезмѣрной стужи; да еслибы мы и предписали вамъ ѣсть финики и смоквы, которыя у васъ не родятся, и пить вино изъ винограда, который у васъ не растетъ? Располагайте, какъ разумные люди, по вашему климату; употребите на постъ другое, способнѣйшее время, или въ дурное время пользуйтесь умеренно здоровыми пищами.» Во время поста Ломоносовъ совѣтуетъ «говѣть больше духомъ нежели брюхомъ».

Религіозный вопросъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ развитіи общества и народа; въ системѣ религіи всего рѣшительнѣе высказывается авторитетъ, и потому свободная постановка какого-либо изъ вопросовъ въ ея области служить уже доказательствомъ большей или меньшей независимости мысли. По понятіямъ, господствовавшимъ у насъ до Ломоносова, лучшимъ достоинствомъ человѣка считалась не смѣлость мысли, а смиреніе, и въ отважномъ полетѣ ея видѣли грѣховное посягательство на права единого Всевѣдущаго. Одинъ изъ писателей, высоко цѣнимыхъ старинными нашими книжниками, говоритъ: «Что повелѣно тебѣ, о томъ размышлай, а что сокрыто, того не изслѣдуй; о, еслибы кто держалъ бичъ надъ моими мыслями!» И находились люди, которые держали бичи надъ мыслями въ своихъ рукахъ. Понимая вещи по своему, пѣтисты искали таинственнаго смысла во всѣхъ явленіяхъ, и для доказательства любимой темы сближали вещи, не имѣющія между собою ничего общаго. На естественныя причины или вовсе не обращали вниманія, или отзывались о нихъ съ пренебреженіемъ, называя ихъ слѣпымъ случаемъ; истинную же причину видѣли не въ нихъ. «Не случайно произошло это, а

съ таинственною цѣлію», и т. д.—вогь обычное въ то время объясненіе событій. Даже Феофанъ Прокоповичъ, обвиняемый въ свободномысліи, говоря о русекомъ элотѣ, доказываетъ, что Петръ не случайно увидѣлъ ботикъ, какъ не случайно у персидскаго царя, осудившаго на казнь невиннаго, сдѣлалась безеоница, и т. д. На общемъ, безразличномъ объясненіи всего посредствомъ *непостижимыхъ* путей Промысла, безъ изслѣдованія причинъ ближайшихъ, остановились неглубокіе люди, и съ труднѣйшими вопросами науки и жизни порѣшили коротко, хотя и не ясно: «чему быть, тому не миновать,» или еще смиреннѣе: «это не нашего ума дѣло.» При подобномъ взглядѣ, философскій законъ *достаточнаго основанія*, возведенный въ принципъ Лейбницемъ и Вольфомъ, былъ для тогдашняго русскаго общества смѣлою новостію, и за постоянное обращеніе къ логическому закону Ломоносовъ подвергался укорамъ и даже преслѣдованіямъ. Этотъ законъ получаетъ новый, жизненный смыслъ въ воззрѣніи Ломоносова, искавшаго разгадки непостижимыхъ вещей въ творческой силѣ природы. Въ сочиненіяхъ своихъ, гдѣ рѣчь идетъ о силахъ природы, онъ считаетъ нужнымъ успокоивать умы слушателей и читателей, готовыхъ обвинять его въ посягательствѣ на вѣру и чуть не въ атеизмъ. Всего нагляднѣе обнаруживается тогдашнее настроеніе во взглядѣ на электрическіе опыты: объясненіе грома и молніи посредствомъ электричества и употребленіе громоотводовъ считали «вродезостнымъ сопротивленіемъ гнѣву Божию;» Ломоносовъ подробно доказываетъ, что защищаться отъ громовыхъ ударовъ такъ же безгрѣшно, какъ и строить прочныя зданія для защиты отъ бурь, или дѣлать плотины для защиты отъ наводненій. Говоря о прохожденіи Венеры черезъ солнце, онъ доказываетъ, что изученіе астрономіи нисколько не подрываетъ религіи, какъ полагали многіе изъ его современниковъ.

Не отрицая воли Божіей, правящей міромъ, Ломоносовъ считалъ необходимымъ объясненіе естественныхъ явленій посредствомъ закона достаточнаго основанія—дѣйствіемъ силъ природы. Не только по мыслямъ, но и по формѣ ихъ, Ломоносовъ напоминаетъ Вольфа, превосходя его энергіей выраженія. Весьма любопытно въ этомъ отношеніи *Посланіе о пользѣ стекла*, выражающее новый для того времени взглядъ на отношеніе челоувѣка къ природѣ. Стихотворная форма выбрана по тогдашнему литературному обычаю, а можетъ-быть и по примѣру поэмы Лукреція *de rerum natura*, въ которой говорится стихами

о естественныхъ явленіяхъ, подлежащихъ наблюденію натуралиста. Ломоносовъ говоритъ о «слабомъ умѣ»:

Дабы истолковать, что молнія и громъ—
 Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ:
 На бичъ, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
 Когда грозить Отецъ намъ яростью своею.
 Но какъ Онъ насъ казнить, поднявъ въ пучинѣ валъ,
 То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ Онъ нагналъ?
 Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
 То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?

Какъ Вольфъ признавалъ истиннымъ только то откровеніе, которое въ ладу съ законами природы, такъ и для Ломоносова права природы священны, и всякое уклоненіе отъ нихъ онъ почиталъ несообразнымъ съ волей Божіею, хотя бы оно и утверждено было преданіемъ. Онъ называетъ смѣшною неосторожностію то, что противно природѣ челоуѣка, но вошло въ обычай подѣ влияніемъ авторитета (1).

Признаніе «законовъ природы» движущимъ началомъ во вселенной—вотъ главная характеристическая черта Ломоносова какъ мыслителя. Великая идея о законахъ природы, возникшая въ древнемъ мірѣ, въ Іоніи, служитъ основой новѣйшей философіи, и въ этой идеѣ всего яснѣе обнаруживается различіе между европейскимъ гениемъ и семитическимъ. Знатоки послѣдняго говорятъ, что онъ безвыходно осужденъ на тощю, хотя и величественную простоту монотеизма, между тѣмъ на долю перваго достались: политеизмъ, миеологія, философія и физика. Ревностные приверженцы ислама проклинають европейскую науку именно за то, что она разрушаетъ могущество Бога, предоставляя управленіе вселенною игрѣ силъ, которыя можно вымѣрять и вычислить. Въ познаніи законовъ природы Ломоносовъ видѣтъ торжество разума челоуѣческаго, разоблачившаго тайны касты, выдававшей за святыню, то, что не стоило не только жертвъ, но и дровъ подѣ ними:

(1) Въ *Разсужденіи о размноженіи и сохраненіи російскаго народа* Ломоносовъ говоритъ: «Вошло въ обычай, что натурѣ челоуѣческой противно (противно ли законамъ, на соборахъ положеннымъ? не помню), что вдовыхъ молодыхъ поповъ и дьяконовъ въ чернецы насильно постригаютъ, чѣмъ къ грѣху, а не ко спасенію дается поводъ, и приращенію народа не малая отрасль пресѣбается: смѣшная неосторожность!»

Боясь паденія неправой оной вѣры,
 Вели всегдашню брань съ наукой лицемѣры,
 Дабы она, открывъ величество небесъ
 И разность дивную невѣдомыхъ чудесъ,
 Не показала вѣстѣмъ, что непостижна сила
 Единого Творца весь міръ сей сотворила,
 Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, все сонмище боговъ,
 Не стоять тучныхъ жертвъ, ниже подъ жертву дровъ!

Какъ въ западной Европѣ, гдѣ долгое время занятіе физикой считалось грѣховнымъ, Албертъ Великій и Роджеръ Беконъ дерзнули «очистить природу отъ грѣха»: такъ въ Россіи Ломоносовъ энергически возставалъ противъ обвиненій въ грѣховности науки о природѣ и утверждалъ, что «испытаніе природы трудно, однако полезно, *свято*». Раздвѣлая съ Вольфомъ благоговѣніе къ природѣ, Ломоносовъ отличался отъ него поэтическимъ воззрѣніемъ на космосъ; Вольфъ былъ холоднымъ систематикомъ, и права природы доказывалъ математическими теоремами, Ломоносовъ чувствовалъ ихъ вѣстѣмъ существомъ своимъ. Его душа понимала поэзію природы, и если природа не была къ нему мачихой, то и онъ съ своей стороны не былъ къ ней пасынкомъ; она давала художническому чувству его высокое наслажденіе и служила для разума неисчерпаемымъ источникомъ познанія. Для полноты знанія Вольфъ, какъ мы сказали, считалъ необходимымъ изучать Священное Писаніе и книгу природы; Ломоносовъ говоритъ: «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величество, въ другой свою волю; первая—видимый сей міръ, вторая—Священное Писаніе.» Въ Священномъ Писаніи онъ живо сочувствовалъ изображеніямъ величія и красоты природы, какъ можно судить по его переложеніямъ, выбраннымъ изъ тѣхъ библейскихъ книгъ, которыя всего болѣе проникнуты чувствомъ природы, какъ напримѣръ изъ книги Іова и псалмовъ. Ломоносовымъ переложень и сто-третій псаломъ, изображающій картину цѣлаго космоса: «Должно дивиться, говорить Гумбольдтъ, какъ въ такомъ незначительномъ по своему объему лирическомъ произведеніи немногими великими чертами изображена вселенная, и небо, и земля! Подвижной, стихійной жизни природы противопоставлена тихая, тяжкая работа чело­вѣка отъ восхода солнечнаго до окончанія деннаго труда вечеромъ. Эта противоположность, этотъ всеобъемлющій взглядъ на взаимное отношеніе между явленіями, это обращеніе къ вездѣприсутствующей невидимой силѣ, которая мо-

жетъ обновить землю или разбить ее въ прахъ, придають торжественность этой не столько кипящей жизни, сколько возвышенной поэзіи.» Чувство природы было жизненнымъ элементомъ въ произведеніяхъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства. «Христіанское настроеніе сердца, замѣчаетъ Гумбольдтъ въ своемъ *Космосъ*, заставило доказывать величіе и благодать Создателя на основаніи всемірнаго порядка и красоты природы; подобное направленіе мыслей къ прославленію Божества въ его твореніи возбудило вкусъ къ описаніямъ природы.» Въ писаніяхъ отцовъ церкви Ломоносовъ высоко цѣнитъ сочувствіе къ природѣ и стремленіе сдружить познаніе ея съ вѣрой: «О, еслибы въ ихъ время, говоритъ онъ, извѣстны были изобрѣтенныя недавно астрономическія орудія и открыты тысячи новыхъ звѣздъ, съ какимъ бы восторгомъ проповѣдники истины возвѣстили о новыхъ свидѣтельствахъ величія, мудрости и могущества Творца!» Въ этомъ сдруженіи науки съ вѣрой полагалъ свое призваніе Ломоносовъ; къ той же цѣли стремилась и философія Вольфа. Особенность Ломоносова въ постановкѣ вопроса объ отношеніяхъ естественныхъ причинъ къ сверхъестественнымъ можетъ быть опредѣлена слѣдующимъ образомъ. До него, по крайней мѣрѣ въ понятіи большинства, наука была не болѣе какъ *служанкою*, и притомъ опасною, вѣрой; Ломоносовъ признавалъ науку и вѣру *двумя родными сестрами* (1). Природа, говоритъ онъ, есть «евангеліе, благовѣствующее творческую силу, премудрость и величество; не только небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божию.»

Примиреніе науки съ вѣрой, или точнѣе, вѣры съ наукой (потому что противъ науки вооружалась вѣра, то-есть ея мнимые защитники) было живою потребностію тогдашняго русскаго общества. Чтобы начать движеніе по пути умственнаго развитія, необходимо было уничтожить преграду, останавливавшую умы въ самомъ началѣ ихъ дѣятельности, и довести ихъ до сознанія, что новый путь велъ къ истинѣ, а не къ пагубѣ. Большинство нуждалось въ ободряющемъ голосѣ, и Ломоносовъ угадалъ эту потребность общества, какъ

(1) «Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дочери одного Всевышняго Родителя: физическія разсужденія о строеніи міра служатъ къ прославленію Божию и вѣрѣ не вредны; великіе свѣтильники познаніе натуры съ вѣрою содружить старались» и т. д.

вѣрно угадывалъ и всѣ другія его нужды. Сочувствіе къ интересамъ общественнымъ есть одна изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ дѣятельности Ломоносова. Въ этомъ онъ также сближается съ Вольфомъ. Съ именемъ Вольфа связано воспоминаіе о замѣчательной въ исторіи нѣмецкой литературы и образованности эпохѣ «просвѣщенія» (Aufklärung). Задача такъ-называемыхъ «просвѣтителей» состояла въ освобожденіи личности человѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, въ свободѣ изслѣдованія и въ борьбѣ съ предрасудками и школьнымъ авторитетомъ. Соудѣйствуя просвѣщенію своихъ соотечественниковъ, Вольфъ говорилъ и писалъ на родномъ языкѣ о важнѣйшихъ предметахъ человѣческой мысли, и первый ввелъ нѣмецкій языкъ въ область философіи, гдѣ до того владычествовалъ латинскій языкъ исключительно. До Вольфа философія была достояніемъ кружка, ею занимались немногіе спеціалисты; Вольфъ возбудилъ интересъ къ ней въ образованномъ мірѣ вообще; для соудѣйствія занятіямъ философскими науками составились въ различныхъ мѣстахъ цѣлыя общества. Система самого Вольфа была излагаема въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, отъ строгаго догматическаго трактата до легкаго популярнаго очерка; даже дамы принялись за изученіе философіи: девятнадцатилѣтняя дочь обитателя Шарлоттенбурга, близъ Берлина, до того была восхищена системой Вольфа, что пожелала имѣть подробное ея изложеніе, которое и вышло въ свѣтъ, подъ именемъ «прекрасной вольфианки» — la belle Wolfienne. Какова бы ни была степень таланта Вольфа, критики девятнадцатаго вѣка особенно цѣнятъ въ немъ «просвѣтителя» тогдашней Германіи.

Ломоносовъ былъ также «просвѣтителемъ» современнаго ему русскаго общества. Подвигъ его, какъ просвѣтителя, состоялъ въ отверженіи того, что вело къ апатіи и застою, и въ общедоступномъ изложеніи того, въ чемъ видѣлъ онъ плодотворное, жизненное начало. Несравненно смѣлѣе Вольфа возставалъ онъ противъ авторитетовъ; по его мнѣнію, одною изъ главныхъ причинъ умственнаго застоя въ средніе вѣка была слѣпая вѣра въ Аристотеля: «Я не презираю сего славнаго философа, говоритъ онъ, но тѣмъ не безъ сожалѣнія удивляюсь, которые про смертнаго человѣка думали, будто бы онъ въ своихъ мнѣніяхъ не имѣлъ никакого погрѣшенія, что было главнымъ препятствіемъ къ приращенію философіи и

прочихъ наукъ.» (1) Независимое отношеніе къ авторитетамъ нестерпимо для малодушія и скудоумія, и на Ломоносова сыпались нападки: «Не великъ, говорили, передъ нимъ Картезіи, Невтонъ и Лейбницъ со всѣми новыми ихъ изысканіями.» Ломоносовъ былъ горячимъ защитникомъ прогресса, утверждалъ, что въ новѣйшія времена науки достигли такого развитія, о которомъ и не мечтали люди, жившіе не только за тысячю, но и за сто лѣтъ; въра его въ прогрессъ доходила до энтузіазма, и онъ весьма неблагоклонно отзывался о добромъ старомъ времени. Защитники старины, въ свою очередь, не остались въ долгу передъ смѣлымъ обличителемъ, но бой былъ далеко не равный: на правдивый укоръ просвѣтителя отвѣчали клеветами и доносами. Въ шутовомъ гимнѣ Ломоносовъ обращается къ бородѣ съ воззваніемъ:

О прикраса золотая,
 О прикраса дорогая,
 Мать дородства и умовъ,
 Мать достатка и чиновъ,
 Корень дѣйствій невозможныхъ,
 О *завѣса мнѣній ложныхъ!*

За такое обращеніе усердные защитники бороды и блюстители нравственности предлагали: «къ отвращенію таковыхъ продерзостей *удостоить* сего ругателя публичнымъ наказаніемъ.» (2) Дѣятельность русскаго просвѣтителя не ограничивалась энергическимъ отрицаніемъ: она стремилась къ положительной дѣли, открывала положительныя истины и вносила въ доступную ей среду ясныя и благородныя убѣжденія. Подобно Вольфу, Ломоносовъ не былъ специалистомъ, а стремился объять всѣ отрасли знанія и проводить ихъ благотворное, цивилизующее вліяніе въ общество; даже въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ онъ имѣлъ въ виду не только передачу фактовъ, но и просвѣщеніе своихъ читателей и слушателей, и истины науки старался объяснять общедоступно. Справедливо замѣчаютъ, что призваніемъ Ломоносова было — провести результаты европейской науки чрезъ складъ русскаго ума, и сдѣлать ихъ составною частью нашей умственной атмосферы. Науку для пользы и просвѣщенія общества признавалъ онъ

(1) Въ предисловіи къ переводу физики Вольфа.

(2) *Библиографическія Записки*, періодическое изданіе 1859 года. Томъ II стр. 461—476.

вопиющею потребностію. Самъ Ломоносовъ чрезвычайно мѣтко выразилъ свое задушевное убѣжденіе словами: для академіи и вообще для Россіи «надобенъ человекъ, который изобрѣтаетъ умѣть, но еще болѣе надобенъ, кто учить мастера.» Просвѣщеніе общества было девизомъ передовыхъ людей восемнадцатаго вѣка. Знаменитый Фихте въ лекціяхъ своихъ о призваніи ученаго проводитъ мысль, что ученый долженъ быть живымъ и дѣятельнымъ членомъ общества; что онъ, болѣе нежели всякій другой, существуетъ для общества, и что ученый долженъ знанія свои направлять къ пользѣ общественной: онъ долженъ указывать современникамъ ихъ истинныя потребности и средства для ихъ удовлетворенія.

На основаніи всего сказаннаго нами о Ломоносовѣ и Вольфѣ, можно сдѣлать слѣдующій выводъ объ отношеніи одного къ другому. Вольфъ имѣлъ вліяніе на Ломоносова, но оно не было такъ глубоко, чтобы Ломоносова можно было назвать вольфианцемъ: по самой природѣ своей, онъ былъ очень неподатливъ и не могъ быть безотвѣтнымъ органомъ чужаго образа мыслей. Сходство и различіе между Ломоносовымъ и Вольфомъ обнаруживается въ методѣ, въ ихъ возрѣніи и въ характерѣ ихъ дѣятельности. Строгость математической методы Вольфа справедливо цѣнилась Ломоносовымъ, но онъ самъ обращался къ ней рѣдко: въ мысляхъ его было такъ много жизни и свѣжести, что нельзя было заключать ихъ въ рамку теоремъ; когда дѣло идетъ о могуществѣ науки или творческой силѣ природы, прозаическая послѣдовательность доводовъ уступаетъ мѣсто лирическимъ отступленіямъ. Въ общемъ возрѣніи на космосъ они сходятся. По ихъ убѣжденію, вѣчный порядокъ вселенной свидѣтельствуетъ о мудрости и величіи Творца; но чтобы познать Его, необходимо изучать твореніе, и изучать безъ всякой задней мысли, вести изслѣдованіе вполне свободно, не дѣлая изъ науки рабы заранѣе составленной системы. Въ объясненіи всего существующаго долженъ быть строго наблюдаемъ неумолимый законъ достаточнаго основанія. Разумнаго основанія Ломоносовъ искалъ въ силахъ природы, и этимъ указывалъ новую точку зрѣнія, открывалъ путь свободному изслѣдованію, вносилъ въ мышленіе тотъ жизненный элементъ, которымъ европейская наука отличается отъ апатического ученія Востока. Чувство природы такъ сильно развито было въ Ломоносовѣ, что, защищая права ея, онъ изъ мыслителя переходилъ въ поэта и «слагалъ

гинны матеря-природѣ». Поэтическое настроеніе было вовсе чуждо Вольфу: самому чувству изящнаго, послѣдователи Вольфа давали мѣсто между низшими способностями души.

По характеру своей дѣятельности, и Вольфъ и Ломоносовъ были просвѣтителями своего общества; трудъ просвѣтителя слагался изъ борьбы съ отживающею стариною и съ водвореніемъ новаго, создающаго. Въ первомъ отношеніи Ломоносовъ расходится съ Вольфомъ: послѣдній находился подъ сильнымъ вліяніемъ Лейбница, такъ что и самая философія его называется обыкновенно лейбнице-вольфѣанскою. Ломоносовъ, напротивъ, былъ слишкомъ независимъ, и не только передъ Вольфомъ, но и передъ самимъ Аристотелемъ не желалъ быть покорнымъ ученикомъ, повторяющимъ: «такъ сказалъ учитель». Вольфъ былъ однимъ изъ многихъ ревнителей просвѣщенія въ Германіи, Ломоносовъ — однимъ изъ немногихъ въ Россіи и притомъ во главѣ этихъ немногихъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, весь трудъ реформатора заключался собственно въ немъ одномъ. Наука была явленіемъ новымъ въ русскомъ обществѣ, и онъ ратовалъ за права ея со всѣмъ одушевленіемъ и жаромъ новообращеннаго. «Наука должна быть полезна обществу», въ этомъ убѣжденіи сходились между собою Вольфъ и Ломоносовъ, и оно даетъ имъ право на имя просвѣтителей современнаго имъ общества. По основному характеру своихъ стремленій, по складу своего ума и оригинальности дарованія, Ломоносовъ гораздо ближе къ Декарту нежели къ Вольфу (1). Вліяніе Вольфа подѣйствовало на Ломоносова благотворно въ томъ отношеніи, что сдержало нѣсколько его порывы, сгладило неровности, приучило къ системѣ и методѣ его живое и увлекающееся мышленіе. Не подчиняясь формальностямъ и педантизму, Ломоносовъ оцѣнилъ свѣтлую сторону философіи Вольфа и ея рѣшительное преимущество передъ схоластикой, господствовавшею тогда въ русскихъ училищахъ, въ которыхъ онъ получилъ первое понятіе о философскихъ наукахъ.

Лекціи и бесѣды Вольфа, сколько можно судить по уцѣлѣв-

---

(1) Г. Любимовъ въ статьѣ своей: *Ломоносовъ какъ физикъ*, говоритъ: «Понятія Ломоносова о явленіяхъ природы чисто картезианскія. Хотя въ нихъ и не видно прямого вліянія сочиненій Декарта, но зачѣтно, какъ глубоко понималъ Ломоносовъ сущность того направленія, которое вело тогда умы физиковъ и породило его собственныя теоріи, выраженные имъ въ оригинальной, ему принадлежащей формѣ» (стр. 12).

шимъ преданіямъ, содѣйствовали развитію слушателей своихъ болѣе нежели курсы другихъ профессоровъ Марбургскаго университета. Чтобы познакомиться съ тогдашнимъ составомъ университетскихъ преподавателей, я назову замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ и укажу предметы, читавшіеся въ марбургскихъ аудиторіяхъ съ 1736 по 1741 годъ (1).

Во время пребыванія Ломоносова въ Марбургѣ, университетъ Марбургскій состоялъ изъ четырехъ факультетовъ: теологическаго, юридическаго, медицинскаго и философскаго. Профессора читали не по одному, а по нѣскольку предметовъ; мы уже видѣли, что Вольфъ читалъ около шестнадцати предметовъ. Такое разнообразіе объясняется отчасти тогдашнимъ раздѣленіемъ факультетскихъ курсовъ, сохранившимся въ нѣмецкихъ университетахъ и до настоящаго времени. Лекціи раздѣлялись, какъ раздѣляются и теперь, на общія, частныя и спеціальныя — *publice, privatim, privatissime*. Общія лекціи были необходимымъ, офиціальнымъ условіемъ: въ чтеніи ихъ собственно и состояла такъ-называемая служба профессора; частныя читались для студентовъ, записавшихся на тотъ или другой предметъ, въ объемѣ, опредѣленномъ самимъ профессоромъ; наконецъ, спеціальныя зависѣли отъ соглашенія профессора со студентами и состояли изъ преподаванія какого-либо отдѣла науки и упражненія слушателей въ избранной ими спеціальности. Ломоносовъ, какъ видно изъ выданныхъ ему свидѣтельствъ, посѣщалъ лекціи философскаго и медицинскаго факультетовъ. Вольфъ былъ профессоромъ философскаго факультета вмѣстѣ съ Санторокомъ, Шредеромъ, Тилеманомъ, Гартманомъ.

Санторокъ, профессоръ поэзіи (*poeseios*), логики и метафизики, читалъ мнѣологию или языческую теологию (*theologia gentilis*), объяснял *de Arte poetica* Горация и упражнял слушателей въ латинскомъ и отечественномъ стихотворствѣ. При из-

---

(1) *Index lectionum et exercitium publicorum et privatorum in universitate Marburgensi, Deo vitam viresque animi et corporis docentibus clementer conservante... habendorum an. 1736—1741.* Свѣдѣнія объ ученыхъ, преподававшихъ тогда въ Марбургѣ, находятся въ сочиненіи: *Grundlage zu eiem hessischen Gelehrten- und Schriftsteller-Geschichte seit der Reformation bis auf die gegenwärtigen Zeiten*, von Strieder. Отчасти также въ сочиненіи: *Hirsching's historisch-literarisches Handbuch berühmter und denkwürdiger Personen, welche in dem XVII Jahrhundert gelebt haben... fortgesetzt und herausgegeben von Ernesti, и др.*

ложеніи миеологіи Сантерокъ руководствовался сочиненіемъ Пѣаннера. Въ «языческой теологіи» Пѣаннера доказывается, что язычники непремѣнно должны обратиться къ истинной религіи, то-есть къ христіанству. Понятіе автора объ отношеніяхъ религіи такое, какое господствовало въ первые вѣка послѣ паденія язычества. Не изъ подобныхъ нурсовъ вынесъ Ломоносовъ свой взглядъ на древній, классическій міръ и миеологію. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Ломоносовъ-мыслитель рѣзко отличается отъ Ломоносова-стихотворца. Ломоносовъ-стихотворецъ, авторъ торжественныхъ одъ и надписей, вѣренъ преданіямъ школьной піитики; звучныя фразы составляются имъ ради великолѣпія и эффекта, искренности въ нихъ нѣтъ, да ея и не требовала теорія. Ломоносовъ-мыслитель поражаетъ оригинальнымъ выраженіемъ живой и свѣтлой мысли. Въ одахъ Ломоносова языческія божества являютъся во всемъ своемъ педантическомъ убранствѣ: въ саксонскомъ Фрейбергѣ онъ, видитъ подъ ногами у себя Пиндъ, внимаетъ голосу музъ, горитъ пермесскимъ жаромъ и умывается кастальскою росой и т. п. Ломоносовъ, какъ мыслитель, смотрѣлъ на миеологію не съ ея художественной стороны, а по отношенію вѣры въ боговъ къ наукѣ, къ первымъ попыткамъ въ изслѣдованіи силъ природы. Сонмы боговъ и богинь низводитъ онъ съ Олимпа, какъ лишнее бремя, сброшенное наконецъ съ плечъ догадавшагося человѣчества. Онъ смѣется надъ суевѣріемъ древнихъ, испугавшихся мысли, что земля, на которой обитаютъ и боги, обращается, и слѣдовательно не только люди, но и сами боги вертятся день и ночь, что вовсе несогласно съ важностью ихъ званія: «Клеантъ, говоритъ онъ, доносилъ на Аристарха, что онъ по своей системѣ о движеніи земли дернулъ подвигнуть съ мѣста великую богиню Весту, дернулъ безпрестанно вертѣть Нептуна, Плутона, Цереру, всѣхъ нѣмѣ, боговъ лѣсныхъи домашнихъ по всей земли» (II, 267). То же самое выражено стихами въ посланіи *о пользѣ стекла*:

Когда бы Аристархъ завистливымъ Клеантомъ
 Не названъ былъ въ судѣ неустовымъ гигантомъ,
 Дерзнувшимъ землю всю отъ тверди потрясти,
 Кругъ центра своего, кругъ солнца обнести;
 Дерзнувшимъ научать, что всѣ домашніи боги
 Терпятъ великій трудъ всегдашнія дороги:
 Вертятся вокругъ Нептунъ, Діана и Плутонаъ

И страждутъ ту же казнь какъ дерзкій Искіонъ,
И неподвижная земли богиня Веста
Къ упокою сискать не можетъ мѣста.

Ломоносовъ довольно оригинально объясняетъ мнѣ о Прометѣ тѣмъ, что этотъ мнѣ изобрѣтенъ обскурантами, осудившими, въ припадкѣ мракобѣсія, на вѣчную казнь человѣка, который впервые дерзнулъ испытывать силы природы, наблюдать звѣзды и посредствомъ зажигательныхъ стеколъ низводить огонь на землю.

Большее впечатлѣніе нежели курсъ миеологии Санторока могли произвести на Ломоносова лекціи и особенно живыя бесѣды Шредера, восторженнаго защитника реформы Петра Великаго. Шредеръ читалъ еврейскій и греческій языки, излагалъ іудейскія древности, объяснялъ нѣкоторыя изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета; изъ греческихъ писателей разбиралъ Исократу и Демосеена, изъ поэтовъ—Гезіода, Мосха и Каллимаха. Шредеръ былъ ученикомъ Іова Лудольфа, котораго смѣшиваютъ иногда съ племянникомъ его Генрихомъ Лудольфомъ, авторомъ русской грамматики, изданной въ Оксфордѣ въ 1696 году. Іовъ Лудольфъ былъ замѣчательнымъ лингвистомъ для своего времени. Въ Стокгольмѣ онъ выучился португальскому, финскому и русскому языкамъ; португальскому выучился изъ разговоровъ съ португальскимъ посломъ, а русскому изъ лютеранскаго катехизиса, напечатаннаго въ Стокгольмѣ по приказанію Густава Адольфа для распространенія лютеранства между Русскими, жившими въ Ингерманландіи, а также изъ «началъ русскаго языка», составленныхъ переводчикомъ при татарскомъ посольствѣ къ шведской королевѣ Христинѣ. Начавъ лингвистическія занятія подъ руководствомъ Лудольфа, Шредеръ предпринималъ путешествія для изученія восточныхъ языковъ. Въ Амстердамѣ онъ изучалъ армянскій языкъ подъ руководствомъ двухъ жившихъ тамъ армянскихъ епископовъ; одинъ изъ нихъ рѣшился возвратиться на родину, и Шредеръ вызвался сопровождать его, чтобы глубже узнать духъ изучаемаго языка. На пути епископъ заболѣлъ и совѣтовалъ Шредеру ожидать выздоровленія его въ Москвѣ, гдѣ пребываніе его было весьма продолжительно, потому что, по случаю войны, не пропускали тогда на Востокъ. Шредеръ жилъ въ Россіи во времена Петра Великаго и былъ пораженъ его изумительною дѣятельностію, величіемъ его замысловъ и подвиговъ. Почитатели Шредера говорятъ, что для него въ высшей степени благо-

творно было пребываніе въ Россіи во время «великаго переворота, орошеннаго кровью, но спасительнаго, происходившаго по волю челоука, одареннаго творческою силой духа, поистиннѣ сверхъестественною.» Взглядъ Шредера на реформу Петра совпадаетъ со взглядомъ автора *Петриады, Похвальнаго слова Петру Великому* и т. д.

Профессоръ Тилеманъ читалъ естественное право, естественную теологію, этику и политику. Онъ руководствовался сочиненіемъ Пуффендорфа (+ 1694): *О должности челоука и гражданина*, и знаменитымъ сочиненіемъ Гуго Гроція (+ 1645): *О правѣ войны и мира*; — послѣднимъ руководствовался въ своихъ лекціяхъ и Вольфъ. Трудъ Гуго Гроція извѣстенъ былъ и наставникамъ Ломоносова въ русскихъ училищахъ; Феофанъ Прокоповичъ ссылался на Гроція, говоря о правахъ верховной власти, и т. д.

Профессоръ элоквенціи Гартманъ читалъ о римскомъ краснорѣчїи, разбиралъ сочиненіе Цицерона *de officiis* также Тацита, Тата Ливія, Юлія Цезаря, Квинта Курція, преподавалъ также географію и отечественную исторію. Элоквенція и стихотворство находились тогда на степени ремесла; писать вирши, торжественныя оды на разные случаи, и т. п., было общимъ обычаемъ того времени. За надгробныя и хвалебныя рѣчи и стихи королямъ и «высоко поставленнымъ» особамъ положено было двѣнадцать талеровъ. Въ архивѣ марбургскаго университета хранятся дѣла, возникшія по этому поводу (1); получившіе условную плату давали расписку, а недовольные подавали жалобу и просили о выдачѣ награды по таксъ, определенной уставомъ. Удивительно ли послѣ этого, что Ломоносовъ, по примѣру тогдашнихъ нѣмецкихъ ученыхъ и литераторовъ, привыкъ смотрѣть на торжественную лирику какъ на официальную обязанность?

Сверхъ философскихъ лекцій Ломоносовъ посѣщалъ и медицинскія, и преимущественно лекціи по химіи, что видно изъ прїобрѣтеннаго имъ званія «кандидата медицины», какъ называется онъ въ официальныхъ актахъ, и еще болѣе изъ свидетельства, полученнаго имъ отъ декана медицинскаго факультета. Медицинскій факультетъ былъ въ то время особенно бѣденъ преподавателями, а философскій особенно богатъ: въ философ-

(1) Въ бумагахъ университетскаго архива подъ названіемъ: *das Honorarium für die Festrede und Gedichte von 1735—1775.*

скомъ было семь профессоровъ, въ теологическомъ четыре, въ юридическомъ тоже четыре, а въ медицинскомъ только два. Одинъ изъ нихъ, Дуисингъ выдалъ Ломоносову свидѣтельство, которымъ удостовѣрялъ, что «благороднѣйшій юноша, любитель философіи, Ломоносовъ, посвѣщаль лекціи химіи съ неутомимымъ прилежаніемъ и большимъ успѣхомъ.» (1)

Въ теологическомъ факультетѣ не было знаменитостей, которыя привлекали бы въ свои аудиторіи студентовъ другихъ факультетовъ. Изъ профессоровъ юридическихъ наукъ слѣдуетъ упомянуть Вальдшмидта, державшаго себя довольно независимо среди всеобщаго поклоненія властямъ, составляющаго отличительную черту тогдашняго времени. Императоръ Фердинандъ II прислалъ Вальдшмидту дворянскій дипломъ но ученый юристъ не хотѣлъ воспользоваться даннымъ ему отличіемъ. Вальдшмидтъ читалъ публичное право, пандекты, и объяснял «элементы германскаго права» Гейнекціа.

Самъ Ломоносовъ упоминаетъ еще о марбургскомъ профессорѣ Шпангенбергѣ и ученикѣ Вольфа, Берманъ. «Профессоръ Шпангенбергъ, говоритъ онъ, въ Марбургѣ читалъ уже лѣтъ восемь лекціи во всей философіи и математикѣ, и столько жъ какъ Вольфъ имѣлъ слушателей, а Берманъ тогда самъ ходилъ къ Вольфу на лекціи. Я его довольно знаю: съ годъ времени за однимъ столомъ былъ у Вольфа и учился у него нѣмецкому языку и математикѣ; школьнымъ студентомъ будучи, много лѣтъ читалъ лекціи другимъ студентамъ съ великою похвалою.» (2) Ломоносовъ совѣтуетъ пригласить въ Петербургъ Шпангенберга для физики и математики, а Бермана для механики.

Отъ наставниковъ Ломоносова переходимъ къ его товарищамъ, студентамъ. Быть студентомъ Марбургскаго университета составляетъ одно цѣлое съ бытомъ нѣмецкихъ студентовъ вообще, и даетъ краски для его характеристики.

Студенческая жизнь въ Германіи въ первой половинѣ восьм-

(1) Въ Марбургскомъ университетскомъ архивѣ, въ числѣ бумагъ подъ названіемъ: Testimonia der medicinischen Facultät, von 1735—1747, рукою Дуисинга написано: Quod nobilissimus atque ornatissimus juvenis, dominus Michael Lomonosoff, philosophiae cultor, sacrae caesareae majestatis russicae alumnus egregius, collegio chymico etc. 1737 a me habito indefessa diligentia interfuerit, exindeque haud exiguum fructum coeperit, persuasus ejusque voto satisfaturus hisce attestari volui. Marburgi Catto- rum, die 18 julii 1739.

(2) *Русскій Вѣстникъ*, 1841. томъ I-й, стр. 517—519.

надцатаго вѣка вполнѣ соответствовалъ тогдашнему состоянію общества, носила слѣды той же безурядицы и грубости, какъ и само общество. Отсутствие законности, произволь, роскошь, распутство и варварство отличали дѣйствія и образъ жизни высшихъ классовъ: много доказательствъ этому собрано Шлоссеромъ въ его исторіи восемнадцатаго столѣтія. Употребленіе горячительныхъ напитковъ распространилось въ обществѣ; кофе, чай и шоколатъ вошли въ Германію при самомъ началѣ восемнадцатаго вѣка; водка, употреблявшаяся прежде какъ медицинское средство, сдѣлалась ежедневною потребностью народа. Развратъ и пьянство не считались порокомъ; государственные люди дѣлали скандалы изъ-за куска телятины, хвастались другъ передъ другомъ—кто кого перепьетъ, и ярые питухи съ самодовольствомъ разказывали о своихъ подвигахъ. Честностію въ уплатѣ долговъ не отличались даже владѣтельные особы: путешествія ихъ по своимъ землямъ крайне обременяли народъ; для великолѣпныхъ угощеній тянули съ живаго и мертваго, не думая расплачиваться за взятые припасы. Каплей въ морѣ кажется послѣ этого выходка студентовъ, покутившихъ на счетъ негодяя ростовщика. Во многихъ случаяхъ оргіи студентовъ были вызываемы и поддерживаемы дикостію среды, въ которой находилась университетская молодежь. Однажды произошла схватка между студентами и жителями Марбурга, и одинъ студентъ палъ мертвымъ; вслѣдствіе этого появились на церковныхъ дверяхъ стихи въ память убитаго съ саркастическими нападками на жителей, которыхъ называли варварскимъ народомъ. Городскія власти жаловались ландграфу, но онъ отвѣчалъ имъ: «если не хотите, чтобы васъ называли варварами, то постарайтесь и не быть ими.» Схватки между студентами и городскими жителями и еще чаще между студентами и войскомъ составляли обычное зрѣлище въ университетскихъ городахъ. Студенты ходили шумными ватагами по городу, врываются въ церкви во время свадебъ и похоронъ, разбивали купеческія лавки, погреба и синагоги, били окна въ домахъ и дѣлали всякаго рода скандалы. Въ случаѣ схватокъ обыкновенно сзывали на помощь колокольнымъ звономъ, и набатъ не умолкалъ на улицахъ города во время событій, сколько-нибудь выходящихъ изъ ряда обыденныхъ въ городской и университетской жизни, какъ напримѣръ, избраніе проректора, принятіе новаго члена въ ратушу и т. п. Дуэли были въ большомъ ходу, несмотря на то, что строго преслѣ-

довались закономъ: убитымъ предстояла смертная казнь; бывали случаи, что вмѣсто самого убійцы, бѣжавшаго отъ звѣрной смерти, казнили портретъ его, повѣсивъ его желѣзными цѣпями на висѣлицу. Въ склонности къ горячительнымъ напиткамъ студенты не отставали отъ своего вѣка; необходимыми принадлежностями студенческихъ пирушекъ было вино, табакъ и пиво. Въ обхожденіи студентовъ съ прекраснымъ поломъ замѣтно вліяніе тогдашнихъ нравовъ высшаго общества, до того фривольныхъ, что король-отецъ (Фридрихъ Августъ Саксонскій) показывалъ гостямъ въ волшебной-освѣщенной комнатѣ нагую дочь свою: эта дочь была одною изъ многочисленныхъ любовницъ отца. Примѣръ высшаго круга дѣйствовалъ соблазнительно, но блестящая обстановка исчезала у бѣдняковъ, и утонченное сладострастіе переходило въ грубый и грязный цинизмъ. Въ университетѣ были люди всѣхъ сословій, и студенческіе кутежи принимали различный колоритъ.

Марбургскій университетъ не отличался отъ другихъ нѣмецкихъ университетовъ въ отношеніи къ бытѣ студентовъ. Въ 1726 году праздновали въ Марбургѣ двухсотлѣтній юбилей университета, и въ академическихъ лѣтописяхъ сохранилось чрезвычайно-наивное описаніе этого праздника. «Въ заглѣ, сказано въ лѣтописяхъ, обѣдало около пяти сотъ человѣкъ; господа студенты веселились вдоволь, но не произошло ни малѣйшаго несчастія, ни даже безпорядка, за исключеніемъ только того, что всѣ стаканы, бутылки, столы, скамьи и окна были разбиты въ дребезги, что сдѣлало убытку на двѣсти талеровъ.» И это значило, что обѣдъ прошелъ благополучно: что же дѣлалось въ тѣхъ случаяхъ, когда академическія власти жалуются на безпорядки! Наслажденіе благами жизни, при самомъ невзыскательномъ вкусѣ, требовало денегъ, а гульдены и талеры были весьма рѣдкимъ явленіемъ въ студенческомъ карманѣ, и студенты впадали въ неоплатимые долги. Въ 1735 году ландграфъ гессенскій издалъ слѣдующій указъ: «Мы съ прискорбіемъ узнали, что многіе изъ иностранцевъ и здѣшнихъ гражданъ, учащихъ въ Марбургскомъ университетѣ, берутъ въ займы большія суммы деньгами или товаромъ, и часто случается, что подобные займы приводятъ студентовъ къ окончательному раззоренію и къ дебошамъ, а черезъ то и университетъ нашъ можетъ приобрѣсти дурную славу. Поэтому повелѣваемъ, чтобы ни одинъ купецъ, ни портной, ни парикмахеръ, ни виноторговецъ, ни пивоваръ, ни содержатель

кофейни и биллиарда, не давалъ студентамъ въ долгъ болѣе какъ на пять гульденовъ. Всѣмъ же ростовщикамъ, которые берутъ въ залогъ книги, платье, бѣлье, и тѣмъ дѣлають большой вредъ студентамъ, строго запрещается принимать подобные залого. Въ противномъ случаѣ, не будетъ дѣйствительна ни одна просьба о взысканіи долга, заложенные вещи будутъ бесплатно возвращены прежнимъ владѣльцамъ, а заимодавцы подвергнутся наказанію.» Но угрозы мало подѣйствовали, какъ можно видѣть изъ того, что въ 1746 году повторенъ указъ 1735 года, бывшій въ свою очередь повтореніемъ нѣсколькихъ предыдущихъ. Несмотря на то, Марбургскій университетъ стоялъ высоко въ общемъ мнѣніи; люди, знавшіе тогдашнее состояніе нѣмецкихъ университетовъ, совѣтовали молодежи учиться въ Марбургѣ. Авторъ извѣстія о Марбургскомъ университетѣ въ половинѣ восемнадцатаго вѣка осыпаетъ похвалами профессоровъ, восхищается удобствами жизни въ Марбургѣ и его прекраснымъ климатомъ и мѣстоположеніемъ; похвалы такъ щедры, что лекторъ французскаго языка восхваляется за хорошее произношеніе, а лекторъ италіянскаго языка—за прилежаніе. Особенно цѣнить авторъ то преимущество марбургской жизни, что студентамъ открытъ входъ въ лучшее тамошнее общество, и молодой человѣкъ можетъ привыкнуть къ хорошему образу жизни и приличному обхожденію съ людьми или не отвыкнуть отъ него, если привычка эта приобрѣтена еще въ домѣ родительскомъ. Любимымъ развлеченіемъ благовоспитанныхъ студентовъ были тогда концерты, они давались каждую субботу безденежно, но съ условіемъ—молчать во время игры и слушать музыку; за то, по окончаніи пьесы каждый студентъ могъ говорить съ вице-канцлеромъ университета (1).

О студенческой жизни Ломоносова въ Марбургѣ разсѣяно нѣсколько свѣдѣній въ письмахъ Вольфа. Сообщая президенту академіи о занятіяхъ Ломоносова и его товарищей, Вольфъ пишетъ, что русскіе студенты вошли въ долги, и совѣтуетъ сдѣлать внушеніе, какимъ образомъ лучше устроить свои дѣла, чтобы при отъѣздѣ не подвергнуться аресту за долги. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Вольфъ увѣдомляетъ, что у русскихъ студентовъ нѣтъ ни гроша, полагая всю бѣду въ томъ, что

(1) Schwendler's *Zuverlässiger Bericht von der gegenwärtigen Verfassung der Universität Marburg*. Marburg. 1748.

дѣло испорчено съ самаго начала: студенты прокутили при-
веренныя съ собою деньги и начали жить иѣтъ долгъ; о коли-
чествѣ долга Вольфъ не могъ узнать, потому что «за справ-
ками надо было бы обращаться очень ко многимъ.» Потомъ
оказалось, что одинъ Ломоносовъ долженъ былъ около шести-
еетъ талеровъ. Отзывы разчетливаго Вольфа большею частію
имѣютъ такой смыслъ: русскіе студенты хорошо занимаются,
но еще лучше занимаютъ, то-есть дѣлаютъ долги. Впрочемъ;
обвиненіе падаетъ особенно на Виноградова, о Ломоносовѣ
же Вольфъ говоритъ какъ о человѣкѣ, хотя и любящемъ поку-
тить, но необыкновенно даровитомъ, загладившемъ грѣхи юности
искреннимъ раскаяніемъ. Главными причинами долговъ Вольфъ
считаетъ наклонность русскихъ студентовъ покутить и чрез-
мѣрное вниманіе, оказываемое ими прекрасному полу. Обвиняя
ихъ въ неумѣнн распоряжаться деньгами и въ фривольномъ
образѣ жизни, Вольфъ отдаетъ рѣшительное преимущество
Ломоносову, называя его свѣтлою головой, любознательнѣйшимъ
человѣкомъ, отъ котораго можно ожидать много хорошаго (1).

Будучи студентомъ Марбургскаго университета, Ломоносовъ
женлся. Извѣстія о женитьбѣ его неточны и противорѣчатъ
другъ другу (2). Штелинь, современникъ и другъ Ломоносова,
говоритъ: «около этого времени (1740) Ломоносовъ тайно
женлся въ Марбургѣ на дочери своего хозяина, марбург-
скаго гражданина, ремесломъ цортнаго, у котораго онъ жилъ
нѣсколько времени, и тамъ же родилась у него первая дочь.»
Шлецеръ, современникъ и врагъ Ломоносова, представляетъ
дѣло иначе: «въ Марбургѣ Ломоносовъ близко познакомился
со своею прачкой, которую вызвалъ потомъ и въ Россію;
когда блюстительница цѣломудрія, Елисавета, запретила дер-
жать наложницъ, Ломоносовъ женлся на своей любовницѣ, и
новая статская совѣтница оказалась весьма достойною женщи-
ной.» Показанія Шлецера исправлены сыномъ его, Христіаномъ
Шлецеромъ, слѣдующимъ образомъ: «Ломоносовъ, говоритъ онъ,

(1) Herr Lomonosoff scheint den aufgewecktesten Kopf unter ihnen zu haben, und sollte er schon was rechtes lernen wenn gehöriger Fleiss dazu kommet, wie er denn auch dazu grosse Lust und Begierde bezeiget (109).

(2) Ср. Москвитянинъ 1850. № 1. III, стр. 4. — *Aug. Ludw. Schlözer's öffentliches und Privatleben, von ihm selbst beschrieben.* Göttingen. 1802, стр. 218. — *Aug. Ludw. Schlözer's öffentliches und Privatleben, von dessen ältestem Sohne Christian von Schlözer.* 1-er Band. 1828, стр. 89—90.

жилъ въ Марбургѣ у одного ремесленника, и съ дочерью его находился въ интимныхъ отношеніяхъ. Случилось, что посланный ему деньги не дошли до него, по причинѣ Семилѣтней войны, затруднявшей сообщенія; чтобы спастись отъ грозившей ему нужды, онъ рѣшился жениться, тѣмъ болѣе что родители невѣсты его были люди достаточные. По возвращеніи въ Россію онъ выписалъ жену свою, но, по русскимъ законамъ, она считалась экономкой въ его домѣ, не болѣе. Когда же высочайшимъ указомъ повелѣно было всѣмъ, имѣющимъ наложницъ, жениться на нихъ, то Ломоносовъ вторично обвиняемъ былъ съ женой своею русскимъ священникомъ.» По даннымъ, находящимся въ Марбургѣ, оказывается, что Ломоносовъ дѣйствительно былъ женатъ; онъ вѣнчался въ реформатской церкви, и въ церковной книгѣ записано: «6 іюня 1740 года обвѣнчаны: Михаилъ Ломоносовъ, кандидатъ медицины, сынъ архангельскаго торговца, Василія Ломоносова, и Елисавета Христина Цильхъ, дочь умершаго члена городской думы и церковнаго старшины, Генриха Цильха.» Жена Ломоносова родилась 22 іюня 1720 года и названа Лизаветой, самымъ популярнымъ въ Марбургѣ именемъ, которое дается обыкновенно въ честь патронессы города, Св. Елисаветы. Что тѣсть Ломоносова пользовался уваженіемъ марбургскихъ жителей, видно изъ того, что онъ былъ церковнымъ старшиной и членомъ пресбитеріальнаго совѣта; въ 1726 году въ числѣ членовъ пресбитеріальнаго коллегіума названы: профессоръ Дунсингъ, докторъ правъ и совѣтникъ Рейнгардъ и Генрихъ Цильхъ, пивоваръ (1). Въ городскихъ спискахъ марбургской ратуши тѣсть Ломоносова, Генрихъ Цильхъ, записанъ также въ числѣ

(1) *Kirchenbuch der evangelisch-reformirten Gemeinde zu Marburg*, Band III (vom Jahr 1724 bis 1757).—1740, Junius 6 H. Michael Lomonosoff, med. candidatus, H. Basilii Lomonosoffs, Kauf- und Handelsmann zu Archangel in Russland eheleiblicher H. Sohn, und Elisabeth Christine Zilchin, weyland H. Henrich Zilchs, gewesenen Gemeinen bei hiesigem Stadtrath und Kirchen-senioris allhier hinterlassene eheliche Tochter. (Должность Gemeinde, какъ и самое названіе ея, неизвѣстна теперь въ Марбургѣ. Названіе der Gemeinde Stock давалось тѣмъ ремесленникамъ, которые не составляли Zunft (цехъ), для составленія которой требовалось не меньше семи человѣкъ). Den 25 Juni 1720, Henrich Zilch, *Bürger und Bierbrauer* und seine Ehefrau Catharina Elisabeth eine Tochter, geboren den 22 Juni, taufen lassen... den Namen Elisabeth Christine geben lassen.

пивоваровъ. 1-го января 1742 года у Ломоносова родился сынъ Иванъ, крещенъ реформатскимъ пасторомъ 4 января и умеръ 7 февраля того же года. Всѣ эти свѣдѣнія находятся въ архивѣ реформатской церкви въ Марбургѣ. Въ запискахъ Штелина говорится, что Ломоносовъ тайно оставилъ Марбургъ; уже изъ Голланди писалъ женѣ, и просилъ ее не писать къ нему до тѣхъ поръ, пока не уведомятъ ее о своемъ мѣстопробываніи. Прошло два года, а извѣстій не было, и она обратилась къ русскому посланнику въ Голландію съ просьбой извѣстить ее, гдѣ находится теперь мужъ ея, студентъ Ломоносовъ. По этому поводу началась переписка. Ломоносовъ сказалъ: «правда, правда, Боже мой! я никогда не покидалъ ея, и никогда не покину;» по его вызову, она пріѣхала въ Петербургъ съ ребенкомъ и въ сопровожденіи брата. Въ архивахъ марбургскихъ не сохранилось свѣдѣній ни о побѣгѣ Ломоносова, ни о дальнѣйшей судьбѣ его семейства (1).

Изъ Марбурга Ломоносовъ уѣзжалъ въ Саксонію, въ Фрейбергъ, гдѣ и пробылъ довольно долго, изучая преимущественно металлургію. Въ Фрейбергѣ Ломоносовъ помогалъ въ занятіяхъ академику Юнкеру, посланному Минихомъ въ Германію для осмотра соляныхъ заводовъ. Изъ Фрейберга же, а не изъ Марбурга, прислана Ломоносовымъ надѣлавшая столько шуму ода на взятіе Хотина, если только къ ней относятся слѣдующія слова противъ Сумарокова: «стихосложеніе принялъ сперва

---

(1) Архивъ реформатской общины открытъ мнѣ пасторомъ, котораго задѣло заживное извѣстіе Шлецера, что Ломоносовъ былъ въ связяхъ съ дѣвушкою реформатскаго исповѣданія. Пасторъ съ жаромъ говорилъ о женѣ Ломоносова, считая ее своею прихожанкой, несмотря на то, что получилъ приходъ сто лѣтъ спустя послѣ выѣзда ея изъ Марбурга. Оскорбленіе чести дѣвицы Цильхъ пасторъ принималъ за личную обиду: «дѣвица Цильхъ, повторялъ онъ, не была и не могла быть наложницей: съ самаго учрежденія реформатской общины въ Марбургѣ, не было въ ней ни одного незаконнаго ребенка!» Какъ это ни удивительно, но еще невѣроятнѣе то, что полицейскіе чиновники безкорыстны. Одинъ изъ нихъ помогалъ мнѣ рыться въ грудахъ бумагъ городского архива, отыскивая извѣстія о побѣгѣ Ломоносова изъ Марбурга, и когда я предложилъ благодарность, полицейскій чиновникъ рѣшительно отказался, увѣряя, что онъ «считаетъ великимъ удовольствіемъ отыскивать слѣды пребыванія въ ихъ городѣ знаменитаго писателя.» Такой ли бы отвѣтъ получилъ нѣмецкій путешественникъ, собирая матеріалы для біографіи своего знаменитаго соотечественника даже въ той сторонѣ, гдѣ поэта Пушкина называютъ генераломъ, а Гумбольдта—сумашедшимъ принцомъ Гумплотомъ?..

развращенное отъ Тредьяковскаго, и на присланныя изъ Фрейберга, сродныя нашему языку и свойственныя, написалъ ругательную эпиграмму; однако послѣ имъ же послѣдовалъ и писалъ по нимъ всѣ свои трагедіи и другіе стихи (1).» Изъ Марбурга Ломоносовъ прислалъ первую оду, написанную тоническимъ размѣромъ; академія предписала заниматься латинскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ языкомъ, не оставляя и русскаго: поэтому онъ прислалъ разсужденіе на латинскомъ языкѣ, донесеніе написалъ по-нѣмецки и приложилъ къ нему русскій переводъ французской оды. Во Фрейбергѣ не сохранилось слѣдовъ пребыванія Ломоносова: по крайней мѣрѣ, всѣ поиски оказались тщетными, по свидѣтельству писателя, выразившаго свое сожалѣніе объ этомъ слѣдующими стихами:

Путемъ трудовъ, усилій и занятій
 Онъ къ цѣли шелъ, горѣвшей впереди,
 И можетъ-быть одинъ средь юныхъ братьей
 Великихъ дѣлъ носилъ залогъ въ груди...
 Здѣсь и теперь его не знаютъ славы,
 Забвеніемъ и имя заросло.
 Молва людская, чародѣй лукавый,
 Съ любимцами ты часто шутишь зло!
 Гость русскій! здѣсь не задавай вопросовъ
 О томъ—что дѣлалъ, какъ учился, жилъ?
 Ты спросишь: «здѣсь вѣдъ былъ нашъ Ломоносовъ?»
 И скажутъ: «нѣтъ, а Виноградовъ былъ.»

М. Сухомлиновъ.

(1) *Лѣтописи русской литературы и древности*. 1859. Отд. III, стр. 105.

ЧУЖОЕ ИМЯ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ I.

I. Наслѣдство.

Лѣтъ десять или пятнадцать тому назадъ, въ Псковской губерніи, въ Торопецкомъ уѣздѣ, существовало одно небольшое село, по имени Жгутыво. Оно и теперь еще тамъ; но теперь оно носить другое имя, до котораго намъ дѣла нѣтъ. Въ этомъ селѣ, въ августѣ мѣсяцѣ 184* года, на ветхомъ крыльцѣ господскаго дома, сидѣлъ низенькій, худенькій старичокъ, съ сѣдыми усами, въ потертомъ военномъ сюртукѣ безъ погоновъ и въ сѣрыхъ нанковыхъ брюкахъ. То былъ управляющій небольшого имѣнія душъ въ полтораста, отставной прапорщикъ Иванъ Кузмичъ Усовъ. Онъ сидѣлъ на верхней ступенькѣ, съ озабоченнымъ видомъ вытягивая шею и заслоня рукой глаза, и поглядывая въ ту сторону, гдѣ сквозь вѣтви развѣсистыхъ липъ и ясеней, за плетнями, заборами и кустами, желтѣлъ овесъ на яровомъ полѣ, а за овсомъ, по

склону отлогой возвышенности, мелькала дорога. По этой дороге долженъ былъ прѣхать кто-нибудь, кого старикъ ожидалъ съ большимъ нетерпѣнiемъ, потому что онъ сидѣлъ тутъ съ пяти часовъ вечера, машинально выколачивая и набивая и снова закуривая свою коротенькую, солдатскую трубочку, и во все это время почти не сводя глазъ съ описаннаго нами мѣста. Солнце долго пекло его открытую голову; потомъ, склоняясь мало-по-малу, опустилось за рощу, которая видна была вправо, надъ озеромъ; потомъ трава покрылась росой, въ лицо пахнулъ свѣжій вѣтеръ, на дворѣ стало темнѣе, и двѣ или три звѣздочки затеплились въ вышинѣ. Прошло еще полчаса, и даль подернулась сизымъ туманомъ; дороге уже нельзя было отличить отъ окружныхъ полей; стада вернулись домой, блеянье овецъ, топоть и фырканье лошадей, звуки бубенчиковъ и голоса пастуховъ слышались съ той стороны, гдѣ стоялъ скотный дворъ; въ дворовыхъ избахъ мелькнули огни; ночь была уже на дворѣ, безлунная, темная ночь; смотрѣть уже было некуда; старикъ вздохнулъ, кряхтя поднялся на ноги, протеръ глаза и началъ ходить взадъ и впередъ, по росистой травѣ, между крыльцомъ и калиткой сада.

— Яшка! крикнулъ онъ босоному мальчику, ѡбжавшему мимо съ горшечкомъ горячихъ угольевъ для самовара.— Зажги свѣчу въ моемъ фонарѣ и поставь сюда, на крыльцо. Если Григорiй Алексѣичъ прѣдутъ сегодня, такъ пусть увидать, по крайней мѣрѣ, что здѣсь ихъ ждутъ.

Едва успѣлъ Яшка исполнить это приказанiе, какъ среди глухой тишины, въ полверстѣ отъ села, послышался топоть.

— Ъдутъ! шепнулъ управляющiй, вдругъ останавливаясь. Мальчикъ тоже остановился, и оба стали прислушиваться.

— Ъдутъ, Иванъ Кузмичъ, отвѣчалъ наконецъ послѣднiй:— тройка... вотъ повернули за рощу, направо... надо-быть наши.

Иванъ Кузмичъ сильно засуетился.—Скорѣй, Яша! скорѣе, дружокикъ! Ставь самоваръ, да зажги обѣ свѣчи въ столовой, да позови Ивана; а Марѣ скажи, чтобы столъ накрывала, кричалъ онъ, второпяхъ хватая фонарь и поднимая его высоко надъ головою. Топоть и стукъ копытъ между тѣмъ остановились слышнѣе, потомъ на минуту смолкли; послышался яростный лай собакъ и скрипъ воротъ, отворяемыхъ ночнымъ сторожемъ, и фырканье лошадей, и голосъ кучера, ободрившаго

пристажную; телега тройкой подъехала къ дому и остановилась противъ крыльца. Изъ нея выскочилъ молодой человѣкъ въ запыленной шинели и, ни слова ни говоря, бросился на шею къ ожидавшему его старику.

— Батюшка, Григорій Алексѣичъ! Вотъ когда Богъ привелъ васъ увидѣть, дрожащимъ голосомъ говорилъ тотъ, утирая слезы на своихъ загорѣлыхъ щекахъ.—Да что это вы такъ поздно? А я съ пяти часовъ утра послалъ за вами въ городъ и ждалъ васъ къ обѣду.

— Въ Каменкѣ съ лошадьми задержали, отвѣчалъ молодой человѣкъ, отрывисто и невнятно; слова какъ будто съ трудомъ выходили у него изъ горла; въ чертахъ лица и въ движеніяхъ его замѣтно было усиліе скрыть то, что происходило въ душѣ.—Иванъ Кузмичъ, продолжалъ онъ:—мнѣ надо съ вами поговорить кой-о-чемъ, прежде чѣмъ я увижусь съ тѣмъ человѣкомъ, о которомъ вы мнѣ писали.

— Надо, Григорій Алексѣичъ, самъ знаю, что надо; да только вы объ этомъ теперь беспокоиться не извольте. Успѣемъ все сдѣлать. Вѣдь мы еще здѣсь господа. Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Отдохните съ дороги, напейтесь чайку, выпитесь, вымойтесь въ банѣ; а онъ подождетъ. Его чередъ еще не пришла; далеко до того. Слава Богу! вы покуда у себя дома, а не въ гостяхъ у Дмитрія Егорыча! Можетъ и самъ придти, если захочетъ сегодня же повидаться; а не то такъ и до завтра подождетъ. Онъ квартируетъ вонъ тамъ, въ новомъ флигелѣ, что окошками въ садъ. Я ему и докладывать о вашемъ пріѣздѣ не приказалъ; ну, а если узнаетъ, да самъ придетъ, — такъ ужъ вы, батюшка, будьте поласковѣе, поостерегитесь немного; потому что вѣдь отъ него все зависитъ, вся, такъ-сказать, судьба ваша у..... Старикъ остановился и замолчалъ, увидѣвъ, что около нихъ собралось нѣсколько человѣкъ изъ дворовыхъ. Одни весело улыбались, кланяясь пріѣзжему въ поясъ, какъ старому ихъ знакомому; другіе стояли снявъ шапки и съ нѣмымъ любопытствомъ смотрѣли во все глаза. Въ числѣ прочихъ была низенькая пожилая бабенка, лѣтъ за сорокъ. — Здравствуй, дитятко! говорила она, устремивъ на него свои голубые глаза, въ которыхъ блило чувство живой, неподдѣльной радости.—Здравствуй, мамка! едва внятно отвѣчалъ молодой человѣкъ, отдернувъ руку, которую она собиралась поцѣловать, и горячо обнимая свою кормилицу. Несмотря на такой радушный пріемъ, вся эта сцена,

казалось, была невыносимо печальна и тяжела для приѣзжаго. Спѣша окончить ее какъ можно скорѣй, онъ торопливо отвѣтилъ на разныя привѣтствія, которыми жители роднаго села встрѣчали его со всѣхъ сторонъ, и бросивъ шинель въ дверяхъ, ушелъ вслѣдъ за Иваномъ Кузмичемъ въ комнату. Тамъ чайный приборъ уже былъ готовъ, и самоваръ кипѣлъ на столѣ. При свѣтѣ свѣчъ, можно было рассмотреть на стѣнѣ нѣсколько законченныхъ портретовъ, въ ихъ старыхъ, поблекшихъ рамахъ. Такія же старыя и поблекшія гардины висѣли на окнахъ безъ всякой претензіи на симметрію, а въ окна, сквозь вѣтви сиреней и яблони, смотрѣла темная, лѣтняя ночь. Въ углу стоялъ ветхій рояль, съ котораго давно сошелъ лакъ, а бронзовыя украшенія отъ времени почернѣли. Струны его, какъ нервы человѣка, тоскующаго въ бездѣйствіи, были такъ сильно разстроены, что когда приѣзжій бросилъ на крышку свой пыльный картузь, онъ издали, сами собою, дрожащій, протяжный, болѣзненный стонъ. Иванъ Кузмичъ хлопоталъ около своего гостя, какъ нянька. Снявъ съ него дорожную сумку и синій вязаный шарфъ, онъ заботливо усадилъ его за столъ въ большія дѣдовскія кресла съ высокою спинкой. Несмотря на всѣ эти попеченія, однакоже, тотъ, казалось, все еще не могъ придти въ себя послѣ дороги, и не отвѣчалъ ничего на всѣ его ласки.

Григорій Алексѣевичъ Лукинъ—такъ звали приѣзжаго—былъ молодой человѣкъ высокаго роста, смуглый, широкоплечій и крѣпко сложенный. Съ перваго взгляда, ему можно было дать лѣтъ двадцать семь, пожалуй даже и болѣе; но всматриваясь внимательнѣе, не трудно было замѣтить, что рѣзкія, крупныя черты лица, его блѣдность и озабоченное, почти угрюмое выраженіе съ одной стороны, а съ другой, дорожная пыль и загаръ и давно не бритая борода,—все это дѣлало молодаго человѣка на видъ годами пятью старѣе чѣмъ онъ дѣйствительно былъ. Оставшись вдвоемъ съ Иваномъ Кузмичемъ, Лукинъ, который до той поры сидѣлъ съ какимъ-то разсѣяннымъ и усталымъ видомъ, посматривая вокругъ на стѣны и мебель хорошо-знакомой ему столовой, — вдругъ какъ будто очнулся отъ забытья и устремилъ на смущеннаго старика долгій, пристальный, вопросительный взоръ. Тотъ опустилъ глаза и голову подъ тяжестью этого взора. Тайный смыслъ его, казалось, вполне былъ ему понятенъ. На языкъ его вертѣлись какія-то слова;

но губы шевелились безъ звука и ничего не вылетало изъ нихъ въ отвѣтъ.

— Ваши извѣстiя, сказалъ наконецъ Лукинъ, — ваши извѣстiя, мой милый Иванъ Кузмичъ, висятъ у меня какъ камень на шеѣ. Скажите, вы писали по слухамъ и по догадкамъ, или... (голосъ молодаго человека дрожалъ, оканчивая вопросъ) или вы несомнѣнно увѣрены въ томъ, что вы мнѣ сообщили?

Иванъ Кузмичъ хотѣлъ отвѣчать; но Лукинъ, который все время не сводилъ съ него глазъ, перебилъ его:

— Понимаю, сказалъ онъ, махнувъ рукой;—я вижу по вашему лицу, что вы хотите сказать. Я сдѣлалъ вамъ глупый вопросъ. Конечно, такихъ извѣстiй не посылаютъ за пятьсотъ верстъ, не убѣдясь въ ихъ истинѣ самымъ яснѣйшимъ образомъ.

Иванъ Кузмичъ молча кивнулъ головой. Слезы подступали у него къ самому горлу, не позволяя выговорить ни слова.

— Да что жъ вы молчите? продолжалъ Лукинъ, вдругъ вспыхнувъ и повернувшись на стулѣ. — Скажите хоть слово: да или нѣтъ? Я хочу слышать наконецъ свой приговоръ, каковъ бы онъ ни былъ. Я не могу сидѣть тутъ сложа руки и хныкать какъ баба, въ такую минуту, когда вопросъ идетъ о жизни и смерти. Я долженъ сдѣлать что-нибудь для себя,—спасти свою будущность, если есть еще средство. Или уже никакой надежды не осталось?... При этихъ словахъ онъ поблѣднѣлъ, и голосъ его опять задрожалъ; но это было на мигъ.

— Богу угодно было отозвать къ себѣ вашего родителя и моего благодѣтеля, началъ плаксивымъ голосомъ Иванъ Кузмичъ.

Лукинъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Что вы мнѣ паннихиду поете! перебилъ онъ его опять. — Мнѣ некогда оплакивать потерю отца, теперь, когда по его милости, у меня самого виситъ петля на шеѣ. Прежде чѣмъ отдать ему мой сыновнiй долгъ, я хочу знать, какъ исполнилъ онъ свои обязанности въ отношенiи ко мнѣ, или, лучше сказать, почему онъ ихъ не исполнилъ? Вы пишете, что моя родная мать никогда не была замужемъ за отцомъ. Какимъ образомъ могло это случиться, да и откуда вы это узнали? Кто вамъ сказалъ?...

— Голубчикъ мой, Григорiй Алексѣичъ! Не гнѣвайтесь на меня; — я это зналъ съ самаго начала, съ тѣхъ поръ, какъ вы

на свѣтъ родился. Вѣдь мы съ покойникомъ Алексѣемъ Михайлычемъ весь вѣкъ почти вмѣстѣ прожили. Въ одномъ полку служили пятнадцать лѣтъ. Знаю все это, какъ оно было, и если прикажете, все разкажу. Только вы, батюшка, на меня гнѣваться не извольте, по той причинѣ, что хотя я во всемъ этомъ дѣлѣ и причастенъ былъ съ самаго начала, но моей вины тутъ самая малость. Вѣдь я у покойника Алексѣя Михайлыча въ ротѣ служилъ фельдфебелемъ и перечить имъ не привыкъ; а дѣлалъ все, что прикажутъ, и говорилъ, если прикажутъ, а не прикажутъ, молчалъ. Не гнѣвайтесь тоже, если что на счетъ покойницы матушки въ словахъ моихъ можетъ показаться для васъ обидно. Мой долгъ вамъ чистую правду сказать, а ужъ тамъ какъ оно выйдетъ, можетъ статься и грубо, и неучтиво, и не на свѣтскій манеръ, за то не могу отвѣчать; потому что въ школѣ я не учился и книжекъ не читывалъ. Рѣчь у меня простая, солдатская.

— Э! полноте! Намъ некогда за словами гоняться. Говорите какъ знаете, только не скрывайте отъ меня ничего. Скажите: матица моя, разумѣется, знала все?

— Знала, сударь; вотъ то-то и горе, что знала. Не замѣшайся она, прости ее Господи, все это давно-бы можно было поправить: по той причинѣ, что покойникъ Алексѣй Михайлычъ васъ крѣпко любилъ, и когда умирала ваша родная матушка, Марѳа Прохорова, клятвенно ей обѣщала васъ пристроить и клятву свою исполнилъ бы непременно, да покойница Варвара Клементьевна все въ долгій ящикъ откладывала. Ужъ какъ онъ бывало ее упрашиваетъ; бывало и руки-то у нея цѣлуетъ и самъ чуть не плачетъ; а она какъ заладила *подожди*, да такъ до конца все одно и твердила. Шуточками бывало отдѣлывается, все въ смѣхъ обращаетъ, а иной разъ и сама расплачется. Ты, говоритъ, точно какъ передъ смертью своею торопишься: погоди, еще время терпѣть, еще мы съ тобой поживемъ. Еще успеешь, говоритъ, насъ всѣхъ оерамить. Ты Богу будь благодаренъ, говоритъ, что онъ до сихъ поръ тебя спасъ отъ позора. Вѣдь стыдно будетъ сосѣдамъ глаза показать, когда про насъ пойдутъ вѣсти, разные сплетни и пересуды, и весь увидѣтъ провѣдаетъ, что еще до свадьбы нашей ты имѣлъ сына, отъ моей вѣрноподданной служанки....

— Крѣпостной? повторилъ раздрогнувъ Дуининъ.— Вотъ она, проклятая доля! Да неужли же отецъ не могъ ее выкупить,

если онъ дѣйствительно къ ней былъ привязанъ? Или онъ не нашелъ нужнымъ этого сдѣлать?

— Не успѣлъ, батюшка, Григорій Алексѣичъ! Видать Богъ, не успѣлъ. Я это дѣло во всей подробности знаю. Черезъ меня и переговоры всѣ шли со старымъ Барковымъ, съ тестемъ Алексѣя Михайлыча. Сначала споръ о цѣнѣ затянулся: Старикъ былъ кремень и на деньгу падокъ, заломилъ двѣ тысячи чистаганомъ; вынь да подай, не то и слышать ни о чемъ не хочу. Вексель ему предлагали, такъ начисто отказалъ; ну, а у покойника, родителя вашего, запаснаго капитала въ ту пору не важивалось; занять на вексель было не у кого, пришлось заложить лѣсную дачу въ Холомскомъ уѣздѣ. Опять меня же отправили въ Псковъ; спѣшилъ елико возможно, въ двѣ недѣли дѣло обработалъ и воротился съ деньгами; да засталъ уже вашу матушку при смерти. Она умерла ровно черезъ три дня послѣ того какъ вы родились.

— Подъ какимъ же именемъ ее схоронили?

— А схоронили ее, какъ боярыню Марѳу.

— Да развѣ никто изъ постороннихъ не зналъ о настоящемъ положеніи дѣла?

— Не знали, Григорій Алексѣичъ, не токмо изъ постороннихъ, даже здѣсь, въ Жгутовѣ, изъ дворовыхъ никто не зналъ. Окромя меня, да попа, которому много въ ту пору переплатили, всѣ тутъ, и въ селѣ и промежъ сосѣдей, думали, что Алексѣй Михайлычъ съ покойною матушкой въ Рязанской губерніи былъ обвинчанъ; потому что, какъ онъ съ нею прѣхалъ сюда, никому и въ догадъ не могло придти, чтобъ она была изъ простыхъ. Одѣта, бывало, всегда какъ барыня и грамотѣ знала и на фортепьянахъ игрывала; а сама была такая тихая, кроткая, ручки и ножки маленькія; идетъ, бывало, точно какъ тѣнь, чуть до земли касается. Батюшка вашъ познакомился съ ней у Барковыхъ, въ ту пору, какъ мы съ полкомъ въ Рязанской губерніи стояли; а у Барковыхъ она была какъ родная дочь, вмѣстѣ съ обѣими барышнями и росла и училась, да и старуха любила ее, какъ родную, до той поры какъ Алексѣй Михайлычъ ихъ домъ начали посѣщать. Съ этого времени вся судьба ея измѣнилась. Какъ увидѣли старики, что гостю приглянулась не старшая дочь, которую они ему прочили, а воспитанница, такъ вся семья ее разомъ и возненавидѣла. А тутъ, какъ на грѣхъ, изъ ея же родни, изъ дворовыхъ, нашлись такія мерзавки, что рады были случаю,

изъ своихъ видовъ ее обнесли; сплели на нее такую мерзость, что не знаяши и повѣрить-то мудрено. Въ другую пору никто бы и рта разинуть не смѣлъ, а тутъ вышло кстати; Барковы и разбирать не хотѣли, а прямо зачали гнать, сняли съ нея сперва дворянское платье, одѣли въ толстую рубаху и сарафанъ, да и сослали въ людскую; а тамъ и вонъ изъ села, въ другое мѣстѣе отправили. Да только себѣ этимъ нисколько не пособилъ. Батюшка вашъ влюбился въ Марю Прохоровну безъ памяти, да и она тоже всею душой къ нему привязалась. Отыскалъ онъ ее въ томъ гнѣздѣ, куда ее позапрятали; сталъ ѣздить тайкомъ; а мѣсяца черезъ три, выбравъ темную ночь, подкатили мы съ нимъ на курьерскихъ къ ея деревенькѣ, отпуюкъ и подорожная были въ карманѣ; она, моя матушка, вышла на большую дорогу въ простой душегрѣйкѣ съ однимъ маленькимъ узелочкомъ въ рукахъ; сѣла къ намъ въ сани, усмѣхалась сквозь слезы, ящичекъ свиснулъ, лошади понеслись; а вьюга тутъ же и снѣдь замела. Черезъ полутора сутокъ, пріѣхали мы въ Москву. Тамъ, Алексѣй Михайлычъ одѣлъ ее какъ куклу, цѣлый обозъ всякихъ дамскихъ вещей накупилъ и отправилъ все въ Жгутово, куда и мы поспѣли къ самому Рождеству. Дорогой было говорено не разъ, чтобы тотчасъ по пріѣздѣ въ село вѣнчаться, и батюшка вашъ отъ этого былъ не прочь, да только разныя сумнѣнія ему на умъ приходили. Тревожила его мысль: какъ послѣ съ Барковымъ придется раздѣляться. Характера онъ былъ кроткаго, смирнаго; боялся огласки, боялся, чтобы между сосѣдами не обезславилъ; хотѣлъ сперва получить отпускную. Съ этимъ намѣреніемъ, написали они письмо: батюшка вашъ къ старику Баркову, а матушка, Марья Прохоровна, къ старухѣ. Письмо мнѣ поручили отвезти съ разными наставленіями да подарками; и ужъ нечего говорить, стояло мнѣ хлопотъ это дѣло. Старикъ, съ первой встрѣчи, чуть меня чубукомъ не отдулъ, такъ былъ разсерженъ. Насилу успѣли его уломать. Да и то сказать, что проку-то вышло, что онъ усмирится?—Иванъ Кузмичъ вздохнулъ и утеръ себѣ лобъ.—Больно теперь припомнить, продолжалъ онъ, перевода духъ,—что всѣ труды мои даромъ пропали и что матушкѣ вашей не довелось умереть спокойно. Грустила она, моя голубушка, все время своего пребыванія въ Жгутовѣ; чуяло ея сердце, что дѣло добромъ не кончится. Въ ту пору вотъ этотъ портретъ съ нея сняли и, вѣрите ли, точь-въ-точь какъ вотъ тутъ на портретѣ, сиживала она каждый день

у окошка, съ своею работою въ рукахъ. Губы блѣдныя, какъ у больной, а на щекахъ румянецъ, какъ зарево, то потухнетъ, то опять вспыхнетъ; головка наклонена, а глаза заплаканы и смотрятъ такъ печально, какъ будто душа глядитъ изъ нихъ на свою горькую долю, да скорую разлуку съ землей и дальнѣйшій путь свой предчувствуетъ.... Похожа, Григорій Алексѣичъ, похожа какъ двѣ капли воды!...

Лукинъ взглянулъ на портретъ своей матери, и тайный смыслъ того, что съ дѣтскихъ лѣтъ въ этомъ лицѣ казалось ему загадкой, сталъ вдругъ для него понятенъ. Что-то похожее на слезу въ первый разъ блеснуло у него на глазахъ; онъ отвернулся, рука задрожала; но это былъ одинъ мигъ. Черезъ минуту вся наружность молодого человѣка приняла опять свой прежнѣйшій, угрюмый и сдержанный видъ, такъ сильно противорѣчившій взволнованному и растроганному лицу старика. Ему некогда было заниматься этого рода ощущеніями; онъ спѣшилъ дѣлать дѣло. Отворотясь отъ портрета и придвинувъ къ себѣ стаканъ чаю, онъ снова началъ разспросъ.

— Вы говорите, Иванъ Кузмичъ, что отецъ устроилъ бы мое дѣло, еслибы мати́ха ему не мѣшала. Да развѣ онъ не могъ обойтись безъ ея согласія? Вѣдь Жгутово принадлежало ему?

— Сначала точно принадлежало; да покуда принадлежало, то онъ и не тревожился ни о чемъ; думалъ, что послѣ успѣетъ; а потомъ, какъ онъ перевелъ его на имя Варвары Клементьевны, такъ безъ нея ужъ и шагу сдѣлать не могъ.

— А давно онъ его перевелъ?

— Въ октябрѣ мѣсяцѣ будетъ шесть лѣтъ.

— Для чего же онъ это сдѣлалъ?

— Да такъ, по добротѣ своей поддался. Покойникъ, какъ я уже вамъ докладывалъ, былъ нраву мягкаго, податливаго; даже въ полку, бывало, кто первый успѣетъ къ нему подольститься, тотъ и дѣлаетъ изъ него, какъ изъ воску, все что душѣ угодно. Сколько денегъ у него такимъ образомъ пропало! Взаимы, случалось, кто ни попроситъ, всякому повѣрить, всякому дать. Въ карты, бывало, усадятъ; и самъ знаетъ, что съ записными мошенниками, съ шулерами, и со стороны другіе товарищи отговариваютъ; такъ нѣтъ, духу нѣтъ отказать; за стаканчикомъ пуншу, такъ все и опуститъ до послѣдняго гроша. Ну, а Варвара Клементьевна, сударь мой, была барыня ловкая и разчитывала далеко. Опасалась она, что

батюшка вашъ имѣнье свое продастъ, да деньги всѣ вамъ въ наследство оставитъ, тѣмъ болѣе что онъ ужъ и такъ его, раза два закладывалъ. Первый разъ это было, когда для васъ учителя выписывали изъ Москвы; а второй разъ въ ту пору, помните, когда васъ въ гимназію отправляли. Такъ вотъ, сударь мой, она и боялась, что батюшка когда-нибудь, безъ ея вѣдома и все остальное на воспитаніе ваше потратить, либо какъ-нибудь за вами же укрѣпить. Со страху этого и стала она, въ ту пору, ему докучать. Ты хочешь, говорить, меня безъ гроша оставить. Ты вспомни, что вѣдь я въ семьѣ не одна; да и деньги-то тѣ, что ты за мной въ приданое получилъ, всѣ на уплату твоихъ же долговъ, съ самаго начала были истрачены. Ну что я стану дѣлать, если, чего Боже храни, мнѣ придется тебя пережить? Вѣдь Жгутово съ молотка пойдетъ, а мнѣ доведется ѣхать назадъ, въ Рязанскую губернію, подъ команду къ старухѣ-теткѣ. А на счетъ Гриши, говорить, какъ бы я его ни любила, такъ вѣдь все же я для него не родная. Вѣдь если ты ему тамъ что и оставишь, такъ вѣдь онъ здѣсь, со мной, жить не захочетъ. Уидеть себѣ въ Петербургъ, и тамъ имѣнье проживетъ, а меня пуститъ на всѣ четыре стороны... Такъ ужъ ты лучше успокой меня, говорить, запиши Жгутово на мое имя. Въ моихъ рукахъ оно будетъ цѣлѣе; а въ случаѣ, если я умру прежде тебя, такъ вѣдь въ твоей волѣ оговорить, чтобъ оно чужимъ не досталось... Ну и пошла, знаете, бабьимъ этимъ манеромъ, пилить каждый день все то же, да то же. А батюшкинъ вашему это было какъ ножъ вострый, если кто ему безпрестанно однимъ и тѣмъ же надоѣдаетъ. Сначала и слышать не хотѣлъ, покричалъ, посердился; а тамъ какъ увидѣлъ, что съ нею ничѣмъ не возьмешь, такъ вся и бодрость пропала; думалъ, думалъ, даже похудѣлъ отъ тоски; наконецъ не вынесъ, сдѣлалъ все, чего ей хотѣлось. Боже ты мой! Думалъ ли онъ въ ту пору, чѣмъ все это кончится, и что ни ей и ни вамъ, а Дмитрію Егорычу Баркову достанется его, въ потъ лица, на царской службѣ нажитое добро!...

— Кто такой этотъ Барковъ? Я никогда о немъ не слыхалъ.

— А это, сударь мой, племянникъ Варвары Клементьевны, роднаго брата няняго, Егора Клементьича, сынъ. Покойный отецъ его вмѣстѣ съ Алексѣемъ Михайлычемъ въ нашемъ полку служилъ. Онъ-то и ввелъ вашего батюшку въ семейство Барковыхъ, съ самаго начала имѣя въ виду отдать за него сестру. На первыхъ порахъ, дѣло это ему не удалось, и даже

покойникъ батюшка вашъ, когда они послѣ похоронъ Марѣи Прохоровны отсюда въ полкъ воротились, долго въ ссорѣ были съ Егоромъ Клементычемъ; черезъ годъ однакоже помирились и стали опять друзьями по прежнему. Опять сталъ Егоръ Клементычъ батюшку къ себѣ зазывать. Все это на счетъ того, что покойница Марѣя Прохоровна отъ ихъ семьи претерпѣла, и все дѣло объ отпускнуи—все по своему перетолковала, такъ какъ будто бы это все сначала отъ недоразумѣннй произошло, а послѣ по глупости моей было спутано да перевернано; ну и договорились они до того, что Алексѣй Михайлычъ опять къ старику Баркову въ гости повѣхалъ; а тамъ ужъ про старое ни гугу, приняли его какъ роднаго, разными праздниками да обѣдами начали угощать, ну, словомъ, только что на рукахъ не носили. А Варвара Клементьевна, въ ту пору, послѣ горячки только что выздоравливала. Вотъ они и сочинили про нее, что будто бы это она въ батюшку вашего ужъ давно влюблена и отъ безнадежной любви своей захворала. Какая-то мадамъ у нихъ въ домѣ жила; та всю эту выдумку батюшкѣ подъ строжайшимъ секретомъ передала. Такииъ-то манеромъ они его мало-по-малу къ рукамъ прибирали, водили, водили, да наконецъ и привели туда, куда всѣмъ имъ хотѣлось, то-есть съ Варварой Клементьевной подъ вѣнецъ. А вы, Григорій Алексѣичъ, въ ту пору еще ребенокъ грудной, на рукахъ у мамки Анисьи, здѣсь въ Жгутовѣ оставались. Сюда же и батюшка вашъ переѣхалъ черезъ полгода послѣ своей женитьбы. Въ ту пору мы вмѣстѣ съ нимъ вышли въ отставку: онъ въ чинѣ майора, а я, по милости его, съ мундиромъ и съ офицерскимъ чиномъ, и тотчасъ, какъ только сюда прѣехали, они меня надъ всѣмъ своимъ имѣннемъ управляющимъ сдѣлали. По этой-то причинѣ, то-есть потому стало-быть, что батюшка вашъ со мною весь вѣкъ свой вмѣстѣ провелъ и въ преданности моей сумѣннй не имѣлъ, всѣ дѣла его и заботы до самой смерти мнѣ были извѣстны. До самой послѣдней минуты, Алексѣй Михайлычъ все о васъ сокрушался и имя ваше упоминалъ. Мысли о вашей судьбѣ его мучили, и то, что не успѣлъ онъ сдѣлать для васъ, чтѣ хотѣлъ.

— Опять *не успѣлъ!* На этотъ разъ я уже рѣшительно не могу понять, чтѣ ему помѣшало. Вѣдь мамича умерла еще прошедшею зимой. Отецъ съ полгода жилъ послѣ нея. Въ полгода много чего можно было сдѣлать.

Иванъ Кузмичъ замаялся и сначала какъ будто не зналъ, чтѣ

сказать. Вставъ потихоньку со стула, онъ заглянулъ въ обѣ сосѣднія комнаты; потомъ вернулся, придвинулъ свой стулъ поближе къ молодому человѣку и началъ въ полголоса:

— Была другая забота, Григорій Алексѣвичъ, не знали какъ поступить насчетъ метрическаго свидѣтельства...

— Какого свидѣтельства?

— А того, по которому васъ помѣстили сперва въ гимназію, а потомъ изъ гимназіи въ университетъ. Барковы обѣ этомъ дѣлѣ пронюхали неизвѣстно какъ, и, послѣ смерти Варвары Клементьевны, въ письмѣ на этотъ счетъ намекнули...

— Но это свидѣтельство... что же въ немъ?.. я его никогда не видалъ...

— Да вѣдь оно, сударь... было *фальшивое!*

Медленно вышептывая эти слова, Иванъ Кузмичъ нагнулся къ самому уху несчастнаго Лукина. Тотъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ; горькая улыбка мелькнула у него на лицѣ.

— Вотъ оно какъ! сказалъ онъ, подумавъ съ минуту. — А я, безумецъ, надѣялся еще на университетскій дипломъ; думалъ, что по крайней мѣрѣ хоть онъ достанется мнѣ навѣрно; думалъ...

Слезы брызнули у него изъ глазъ въ три ручья. Онъ ударилъ по столу кулакомъ и, вскочивъ съ мѣста, сталъ бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ. Все вынужденное его спокойствіе вдругъ исчезло. На него страшно было смотрѣть. Въ порывахъ отчаяннаго горя, онъ хваталъ себя за голову обѣими руками и бормоталъ едва внятныя, отрывистыя слова: — Ну, что теперь дѣлать? Что? Оповорены! Замаранъ со всѣхъ сторонъ!.. Отецъ — сочинитель подложныхъ бумагъ, мать — бѣглая крѣпостная дѣвка; я самъ — что такое?.. Дома нѣтъ, имени нѣтъ; почти нѣтъ права на свѣтъ жить!.. Кто ты такой? Какъ тебя зовутъ? А чортъ тебя знаетъ!.. Зовутъ тебя просто Гришка... ты просто... тьфу! даже гадко сказать!.. лакей, лакей господина Баркова! Тьфу! Пакосты! мерзости! Не хочу я этого, не хочу! Я прежде голову ему разможжу... я лучше въ Сибирь, въ каторжную работу... Ухъ! душно, чортъ возьми, душно!..

И онъ рвалъ съ себя галстухъ, рубашку, моталъ головой, мямл пальцы, такъ что суставы хрустѣли.

Иванъ Кузмичъ, страшно испуганный, вертѣлся около него, самъ не зная зачѣмъ и едва самъ понимая, что онъ такое дѣлаетъ и что говорить. Нѣсколько разъ онъ готовъ былъ схватить его за руки, опасаясь, чтобъ онъ чего-нибудь надѣ со-

бою не сдѣлалъ; но тотъ, въ полномъ припадкѣ неудержимаго бѣшенства, оттолкнулъ его отъ себя, такъ что старикъ едва устоялъ на ногахъ. Бѣгая за нимъ по слѣдамъ, тотъ вдругъ увидалъ, что Лукинъ поворачиваетъ къ дверямъ. Иванъ Кузмичъ, собравъ остатокъ своей рѣшимости, подбѣжалъ къ нему сзади и обхватилъ его крѣпко обѣими руками.

— Не пущу! Не пущу! твердилъ онъ задыхаясь: — хотъ ты убей меня, не пущу!

— Пусти! грозно сказалъ Лукинъ, стараясь вырваться и ворочая его какъ ребенка:—пусти, говорятъ тебѣ; я иду къ барину... какъ ты смѣешь меня держать?.. Я тебѣ говорю, что я иду къ барину! У меня терпѣнья не хватитъ дожидаться до завтра. Хочу посмотрѣть, что за баринъ такой, и узнать его барскую волю... Извольте приказывать, ваше высокоблагородіе, только смотрите, не ошибитесь въ расчетъ... Да пусти же...

И замахнувшись на него кулакомъ, онъ загнулъ ему крѣпкое русское слово.

— Батюшка! Григорій Алексѣвичъ! вопилъ тотъ, увертываясь отъ удара, но не пуская его изъ рукъ.—Ради Господа Иисуса Христа и Пречистой Матери Его, выслушайте старика, вашего дядьку! Вспомните, что я весь свой вѣкъ отцу вашему служилъ и васъ маленькаго на рукахъ носилъ! Неужели же моя любовь и всѣ мои попеченія не заслужили отъ васъ ничего кромѣ браннаго слова да тычка въ зубы? Выслушайте, выслушайте только что я вамъ доложу. Вѣдь вы напрасно изволите опасаться... Вѣдь Дмитрій Егорычъ и не думаетъ васъ притѣснять; онъ съ ума еще не сошелъ, чтобы считать васъ своимъ слугою... Вѣдь онъ вамъ, все-таки, по естественному, по человеческому, доводится двоюродный братъ. Съ чего же вы взяли, что все пропало?..

Лукинъ остановился, посматривая изъ-подлобья на старика.

—Простите, сказалъ онъ едва внятно:—я совсѣмъ одурѣлъ, и опустивъ руки, онъ отошелъ отъ дверей. Сознаніе мало-помалу къ нему возвращалось; порывъ былъ слишкомъ силенъ, чтобы длиться долге. Онъ сѣлъ на диванъ и закрылъ руками лицо.

Черезъ полчаса, Иванъ Кузмичъ, насильно напоивъ его чаемъ, увелъ въ спальню, раздѣлъ своими руками какъ ребенка и уложилъ спать, а самъ легъ на полу, у дверей, въ предотвращеніе какого-нибудь несчастнаго случая.

II. Родственники.

Молодость имѣеть разныя привилегіи, между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ право уснуть крѣпкимъ сномъ подъ гнетомъ самыхъ убійственныхъ впечатлѣній, и видѣть во снѣ совсѣмъ не то, что бѣсило или тревожило насъ наяву. Правомъ этимъ Лукинъ, какъ человекъ молодой и здоровый, воспользовался въ полной мѣрѣ. Несмотря на свое опасное и шаткое положеніе, несмотря на вчерашнюю бурю и на то, что черезъ нѣсколько часовъ должна была рѣшиться его судьба, — онъ едва успѣлъ лечь въ постель, какъ сонъ подхватилъ его легкою рукой и унесъ на своихъ могучихъ крыльяхъ за тридцать земель отъ всего, что его окружало. Такого благодѣянія напрасно ждалъ бѣдный Иванъ Кузмичъ. Ему лично, завтрашній день не грозилъ никакою особенною бѣдой; но онъ былъ старъ и вытерпѣлъ въ жизни не мало разнаго горя, и на плечахъ его ужъ давно накопилась та тяжкая ноша, которая давить человекѣа къ землѣ не столько качествомъ, сколько количествомъ своего содержанія и, несмотря на привычку, даетъ себя чувствовать въ полномъ объемѣ каждый разъ, какъ судьба или время дѣлають къ ней сверху какое-нибудь новое прибавленіе. Такимъ прибавленіемъ для Ивана Кузмича была вчерашняя сцена. Ежеминутно повторяясь въ его раздраженномъ мозгу и вызывая вслѣдъ за собой, разныя болѣе или менѣе мрачныя сочетанія идей, она не позволяла ему заснуть ни на одинъ мигъ. Долго кряхтѣлъ онъ, ворочаясь съ боку на бокъ, долго слушалъ однообразную пѣсню сверчка и неутомонное жужжаніе мухи, стучавшей въ потемкахъ о потолокъ; наконецъ, ему надоѣло лежать. Замѣтивъ утренній свѣтъ сквозь щели затворенныхъ ставней, онъ всталъ потихоньку, надѣлъ на себя свое безсмынное платье, подкрался къ другой постели и, убѣдясь, что Лукинъ спитъ богатырскимъ сномъ, вышелъ на дворъ.

Заря только что занималась; воздухъ былъ тихъ и свѣжъ, небо ясно. Густая роса лежала на травѣ, вся окрестность какъ будто еще спала, ни одного звука не доносилось ни съ какой стороны. Закуривъ свою маленькую трубочку, онъ побрелъ, медленнымъ шагомъ, внизъ, къ берегу озера. Тамъ старая,

полурезвалившаяся баня стояла въ двухъ шагахъ отъ воды. На порогѣ ея онъ сѣлъ, облокотясь одною рукою на козлы, и сталъ собирать свои разсѣянные мысли. Онъ думалъ о дѣлѣ Григорія Алексѣевича, въ которомъ личный его интересъ терялся какъ струйки ручья въ руслѣ глубокой и быстрой рѣки,—терялся потому, что, вопервыхъ, своей семьи у него не было, а Лукинъ выросъ у него на глазахъ, и онъ успѣлъ привязаться къ нему какъ нянька къ своему питомцу, или какъ старая лагавая собака къ своему господину; а вовторыхъ, вся будущая участь его зависѣла отъ участи молодаго человѣка. Что ожидаетъ его впереди? думалъ онъ. Какъ приметъ его законный наследникъ имѣнія? Какъ поступить съ нимъ въ личномъ и въ денежномъ отношеніи? Дастъ ему какія-нибудь средства продолжать начатую карьеру, или пустить по міру нищимъ, бездомнымъ скитальцемъ, безъ гроша за душою, безъ имени, безъ семьи? И что въ такомъ случаѣ будетъ дѣлать онъ самъ? Вѣдь онъ можетъ попасть подъ судъ за слишкомъ-горячее участіе, которое онъ принималъ въ заботахъ покойнаго своего господина о приличномъ воспитаніи Григорія Алексѣевича. Но положимъ, что отъ этой бѣды ему удастся какъ-нибудь ускользнуть;—что тогда? Останется ли онъ по прежнему управляющимъ въ Жгутовѣ и станетъ доживать вѣкъ на старомъ обгорѣтомъ мѣстечкѣ, или и его тоже отправятъ на всѣ четыре стороны, и на старости лѣтъ ему придется сызнова начинать жизнь—искать работы между чужими людьми. Все это очень возможно; на все это надо ему быть готовымъ; потому что, какъ знать?... Онъ вчера почти поручился за этого господина; но онъ это сдѣлалъ по крайней необходимости, сдѣлалъ только затѣмъ, чтобы спасти Лукина отъ очень-опасной выходки; а на самомъ дѣлѣ, онъ не болѣе Лукина зналъ о намѣреніяхъ Баркова, съ которымъ онъ, правда, обѣдалъ почти каждый день, со времени пріѣзда его въ село, и говорилъ очень часто о хозяйствѣ и о другихъ тому подобныхъ вещахъ, говорилъ даже и о Лукинѣ; но каждый разъ, какъ рѣчь заходила объ этомъ предметѣ, получалъ въ отвѣтъ только одни скользкіе, ничего незначащіе возгласы удивленія или сожалѣнія, изъ которыхъ нельзя было заключить ничего. А если Иванъ Кузмичъ, неудовлетворенный его отвѣтами, рѣшался прямо спросить его о томъ, что ему хотѣлось узнать, то, пожимая плечами, онъ прибавлялъ: «Посмотримъ», «я подумаю»; или: «я еще совѣмъ и не думалъ объ этомъ предметѣ»; или: «объ этомъ рано еще, теперь

толковать; мнѣ надо сперва съ нимъ самимъ переговорить», и на этомъ обыкновенно кончался ихъ разговоръ; а между тѣмъ ему было извѣстно, что Барковъ велъ переписку съ какимъ-то стряпчимъ въ Москвѣ, отъ котораго, недалеже какъ третьяго дня, получилъ по почтѣ большой пакетъ съ документами; послѣ чего онъ посылалъ въ городъ за гербовою бумагой; словомъ, дѣлалъ разныя приготовленія, прямо противорѣчившія его словамъ.

Мысли этого рода занимали Ивана Кузмича около часу. Онъ долго ломалъ себѣ голову, стараясь припомнить все сказанное Барковымъ въ разную пору и сдѣлать какой-нибудь выводъ; но каждый разъ оказывалось, что онъ имѣлъ слишкомъ мало данныхъ. Онъ думалъ, думалъ усиленно и наконецъ задремалъ, послѣ безсонной ночи, убаюканный свѣжимъ воздухомъ, лѣнивымъ шепотомъ листьевъ въ кустахъ и тихимъ, мѣрнымъ плескомъ воды, въ двухъ шагахъ отъ него колыхавшей тростникъ. Когда онъ проснулся, солнце было уже высоко. Озаренный яркими лучами его, передъ нимъ стоялъ усатый лакей Баркова.

— Баринъ васъ просить къ себѣ, сказалъ онъ, небрежно снимая шапку.

Черезъ минуту, Иванъ Кузмичъ былъ въ кабинетѣ Баркова. Передъ нимъ, за столомъ, уставленнымъ разными щегольскими вещицами, передъ зеркаломъ, вынутымъ изъ дорожнаго несесера, въ модномъ халатѣ, съ цвѣтными отворотами и кистями, въ синей суконной ермолкѣ съ длиннымъ хохломъ изъ чернаго шелка, откинутымъ на затылокъ, съ густо-намыленнымъ лицомъ и съ англійскою бритвой въ рукѣ, сидѣлъ предметъ его недавнихъ догадокъ и соображеній, человекъ, отъ котораго зависѣло все, — отставной коллежскій совѣтникъ Дмитрій Егоровичъ Барковъ. Это былъ видный мужчина лѣтъ тридцати, съ великолѣпными свѣтло-русскими бакенбардами и съ маленькими, голубыми, холодными, лукаво-прищуренными глазами.

— Извините, я сію минуту, сказалъ Барковъ, очень любезно улыбаясь сквозь мыло и легкимъ жестомъ руки приглашая его садиться. — Ну, что, почтеннѣйшій Иванъ Кузмичъ, продолжалъ онъ, окончивъ свое занятіе на столько, что оно уже не мѣшало ему говорить, — нашъ молодой человекъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ, Дмитрій Егорычъ, вчера вечеромъ.

— Что жъ вы мнѣ не сказали? Мнѣ очень пріятно было бы

увидѣться съ нимъ и познакомиться, не теряя времени; а впрочемъ, это разумѣется, все равно. Скажите, онъ можетъ-быть усталъ съ дороги и не расположенъ теперь говорить о дѣлахъ? Если такъ, то это можно отложить до другаго времени; но во всякомъ случаѣ, я бы желалъ его видѣть. Чтò, онъ все еще спитъ?

— Всталъ-съ; я сейчасъ его видѣлъ въ окошко, если прикажете, позову.

— Позвольте, одну минуточку; я хочу съ вами еще немножко потолковать. Скажите, вы съ нимъ, конечно, вчера говорили? Чтò онъ, въ какомъ состояннн духа; встревоженъ, разстроенъ? Можетъ-быть сильно огорченъ? Мнѣ, право, не прнпрятно, что въ этомъ дѣлѣ я долженъ играть такую роль.

Иванъ Кузмичъ опустилъ глаза въ землю и началъ крутить свои сѣдые усы, не зная, въ какихъ словахъ передать Баркову то, чтò вертелось у него на языкѣ. Тотъ немного сконфузился, догадываясь въ чемъ дѣло.

— Я васъ прошу, сказалъ онъ, понизивъ голосъ,—скажите мнѣ откровенно, какъ вы его нашли? Чтò онъ—взбѣшенъ?...

— Правду сказать, сударь мой, есть понемножку всего, чтò вы говорите. Да вѣдь простительно, Дмитрнн Егорычъ, вѣдь вы примите въ соображеннн: молодой человекъ... всего двадцать два года... Нраву отъ природы горячаго, воспитанъ по-барски, въ Петербургѣ, въ университетѣ учится, и о своемъ несчастнн до сихъ поръ ни полслова не зналъ. Имѣйте, батюшка, Дмитрнн Егорычъ, снисхожденн къ сиротѣ. Припомните, что онъ вамъ хотя и не по закону, а по естеству доводится все-таки родственникомъ.

— Кто жъ вамъ сказалъ, почтеннншнн мой, Иванъ Кузмичъ, что я это забываю? Я знаю и помню все, какъ нельзя лучше. Еслибы этого не было, развѣ я сталъ бы вести себя такъ заботливо и внимательно? Развѣ я поѣхалъ бы сюда, за тысячу верстъ, самъ, или, прнѣхавъ, сталъ бы медлить и выжидать, такъ какъ я дѣлаю теперь? Я бы просто прислалъ повѣреннаго съ прошеннемъ въ судъ. Конечно, я не могу считать этого молодаго человекъ... Григорьемъ Алексннчемъ, кажется, его зовутъ?...

— Точно такъ-съ.

— Я не могу считать Григорья Алексннча моимъ родственникомъ въ собственномъ смыслѣ слова, и вы сами знаете почему; но опять-таки, еслибъ я считалъ его совершенно

чужимъ, то я и обошелся бы съ нимъ, какъ съ чужимъ. Я бы не сталъ узнавать отъ васъ о его здоровьи или о его состояніи духа; потому что, въ собственномъ смыслѣ говоря, какое мнѣ дѣло до всего этого? Я не виноватъ, что покойникъ Алексѣй Михайлычъ не объяснилъ ему прежде его положенія. Я, конечно, сочувствую ему какъ человѣкъ, но повторяю, я въ этомъ дѣлѣ не виноватъ ни на волосъ, и потому, если я стараюсь смягчить нашу встрѣчу, то я это дѣлаю собственно для него.

Иванъ Кузмичъ посмотрѣлъ на него такими глазами, какъ будто онъ самъ былъ во всемъ виноватъ.

— Сдѣлайте же мнѣ одолженіе, я покорнѣйше васъ прошу, продолжалъ Барковъ, пожимая его руку, — поговорите вы съ Григорьемъ Алексѣвичемъ теперь же, объясните ему все, что я вамъ сказалъ, и постарайтесь его успокоить. Да, кстати, скажите ему, что я ожидаю его къ себѣ, что мы будемъ вмѣстѣ пить чай.

Лицо Ивана Кузмича повеселѣло. Онъ пошелъ къ Лукину и передалъ ему весь разговоръ съ разными толкованіями отъ себя, насчетъ того, чего можно было ожидать и чего нельзя, и съ не-разъ-повторенною просьбой вести себя какъ можно благоразумнѣе. Тотъ слушалъ, не отвѣчая почти ничего, и только подъ самый конецъ спросилъ: «все ли известно Баркову?» Иванъ Кузмичъ отвѣчалъ утвердительно; но прибавилъ, что онъ никакъ не могъ разузнать, имѣетъ ли онъ какихъ-нибудь вѣрныя доказательства, или еще не успѣлъ ихъ достать.

— Плохо однакоже, Григорій Алексѣвичъ, продолжалъ онъ въ полголоса, — плохо надѣяться намъ на эту статью; по той причинѣ, что хотя бы онъ самъ чего и не могъ доказать, то вѣдь онъ все же отъ этого ничего не теряетъ. Ему что? Онъ напишетъ прошеніе въ судъ; а тамъ какъ пойдутъ разбирать, такъ и безъ него все узнаютъ.

— Узнаютъ, либо нѣтъ, возразилъ тотъ нетерпѣливо, — а съ моей стороны нелѣпо согласиться на все безспорно. Почему я знаю, онъ можетъ-быть джеть; а вы, хоть я вамъ и вѣрю, вы тоже можете ошибаться. Я долженъ видѣть хоть что-нибудь, что могло бы убѣдить меня положительно; иначе подло было бы уступить. Дѣло идетъ не о какихъ-нибудь пустякахъ, не о десятинахъ земли, не о рубляхъ и копейкахъ, дѣло идетъ о правахъ и достоинствѣ человѣка, о такихъ вещахъ, безъ которыхъ вся жизнь ничего не стѣбитъ. Отдать ему

все, покориться во всемъ, это легко сказать; а потомъ что?... Потомъ влѣпить себѣ пудю въ лобъ?... Покорно благодарю! Это я успѣю сдѣлать во всякомъ случаѣ; подавай онъ хоть двадцать прошеній въ судъ.

— Господь съ вами, Григорій Алексѣичъ! Что вы это говорите? Да неужли же вы думаете, что онъ будетъ требовать...

— А вы почему знаете чего онъ будетъ требовать, когда я отдамся на его произволъ? Развѣ вы читали, что у него сидитъ въ головѣ? Развѣ вы можете за него отвѣчать?... Да если я буду такъ глупъ, что положусь на словесное его обѣщаніе, такъ онъ на мое не положится; онъ захочетъ чего-нибудь посолить. А я развѣ могу уступить ему въ чемъ-нибудь одномъ, не давъ права требовать и всего остального?... Да что тутъ говорить!... Толкуй хоть до вечера, а все къ тому же придешь. Пора мнѣ идти...

— Пойдите, выслушайте, что я вамъ доложу...

— Некогда, Иванъ Кузмичъ, самоваръ поданъ, пора чай пить...—Онъ махнулъ рукой и ушелъ.

Барковъ принялъ его очень любезно. Онъ всталъ, пожалъ ему руку, посадилъ противъ себя за столъ, подаль стаканъ съ чаемъ и предложилъ сигару; словомъ, онъ сдѣлалъ все, чего можно требовать отъ свѣтскаго человѣка. Одного только онъ не сдѣлалъ. Онъ ожидалъ, что все это поразитъ Лукина, и не успѣлъ скрыть своего удивленія, вида, что тотъ принимаетъ его любезность безъ малѣйшаго замѣшательства, такъ равнодушно, какъ будто бы между ними ничего другаго и ожидать было невозможно. Дѣйствительно, его новый знакомый усѣлся въ кресла и положилъ ногу на ногу, самымъ безцеремоннымъ образомъ, осматривая его съ головы до ногъ. Это показалось Баркову довольно страннымъ, чтобы не сказать дерзкимъ. Онъ думалъ увидѣть юношу, можетъ-быть очень горячаго и бойкаго отъ природы, но сконфуженнаго своимъ исключительнымъ положеніемъ и нисколько не властвующаго собой; а передъ нимъ сидѣлъ рослый, плечистый мужчина, съ рѣзко-определенными чертами лица и съ такимъ твердымъ, спокойнымъ взоромъ, что, глядя на него, онъ самъ вынужденъ былъ нѣсколько разъ опустить глаза.

Оба молчали; наконецъ:—Вы давно выѣхали изъ Петербурга? спросилъ Барковъ, убѣдясь, что новый его знакомый не намѣренъ начинать разговора.

— Въ четвергъ вечеромъ.

— Три дня вѣды; это скоро. А по какому тракту вы вѣхали?

— По бѣлорусскому.

— Да, это конечно, немного далѣе; но за то почта на семь разстоянiй. Вы всегда вѣдвали этимъ путемъ?

— Нѣтъ, я лучше люблю другую дорогу, но на этотъ разъ я спѣшилъ. Извѣстiя изъ деревни были такого рода, что мнѣ нельзя было терять ни минуты.

— Да, вотъ, скажите!... Бѣдный, Алексѣй Михайлычъ! Кто бы могъ этого ожидать! Вы ничего не знали о его болѣзни?

— Не зналъ ничего.

— Оно, впрочемъ, и не удивительно; все это случилось такъ быстро, что я и самъ, можетъ-быть, до сихъ поръ сидѣлъ бы у себя дома, въ Рязанской губернiи, еслибъ одинъ знакомый человѣкъ, изъ числа здѣшнихъ вашихъ сосѣдей, съ самаго начала не увѣдомилъ меня обо всемъ. Я прiѣхалъ гораздо ранѣе васъ; но и я не засталъ дядюшку въ живыхъ. Какъ жаль, что передъ смертiю онъ не успѣлъ распорядиться своими дѣлами! Я бы зналъ, по крайней мѣрѣ, его волю, и это могло бы избавить меня отъ большихъ затрудненiй. Вотъ, хоть бы ваше дѣло, напримѣръ: отъ всей души желалъ бы придумать что-нибудь такое, чтѣ и съ моей и съ вашей стороны могло бы равно быть признано справедливымъ; но вы не можете себѣ представить, какъ это трудно!... Скажите: Иванъ Кузмичъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ, но мнѣ все какъ-то не вѣрится, неужели въ самомъ дѣлѣ, до этого послѣдняго извѣстiя, вы не знали рѣшительно ничего о настоящемъ характерѣ... этого... этихъ вашихъ отношенiй къ семейству Алексѣя Михайлыча?

— Рѣшительно ничего; да по правдѣ сказать, и теперь еще знаю не много. Простое утвержденiе Ивана Кузмича, какова бы ни была степень его вѣроятности, не можетъ быть еще названо положительнымъ свѣдѣнiемъ. Между мною и имъ этого было довольно, чтобы сильно меня встревожить; но между вами и мной этого слишкомъ мало; такъ мало, что я не могу основывать на его словахъ никакого соображенiя, не только насчетъ того, чтѣ я долженъ дѣлать, но даже и насчетъ того, чтѣ я буду съ вами говорить о дѣлѣ.

Барковъ закусилъ губы. Онъ еще разъ ошибся въ расчетѣ. Задача оказалась труднѣе чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ думалъ сразу стать въ роль диктатора съ неоспоримымъ правомъ предписывать какiе угодно условiя и законы; а его ставили въ поло-

женіе истца, который долженъ оспаривать каждый шагъ и доказывать каждое слово. Все это начинало его бѣсить, но онъ былъ остороженъ и не показалъ ничего.

— Да, конечно, отвѣчалъ онъ;—съ вашей точки зрѣнія, вы совершенно правы. На вашемъ мѣстѣ, то-есть, не зная въ подробности дѣла, а только слышавъ о немъ стороной, я, можетъ-быть, и самъ сказалъ бы то же самое. Но вотъ видите ли: вѣдь на этомъ дѣло не можетъ остановиться. Вы сами не захотите оставаться въ сомнѣніи на счетъ вещей, такъ близко до васъ касающихся, и конечно пожелаете разъяснить ихъ какъ можно скорѣе. Вопросъ только въ томъ, какимъ путемъ вы за это возьметесь?

— Не знаю; это трудно рѣшить заранее. Я буду поступать, смотря по обстоятельствамъ; а куда они не опредѣлятся яснѣе, не вижу другаго средства, какъ попросить совѣта у васъ. Одно ваше присутствіе здѣсь есть уже вѣрная порука, что вамъ извѣстно больше чѣмъ мнѣ; а то, что вы говорили сегодня Ивану Кузмичу, можетъ служить только къ подтвержденію этой догадки. Говоря объ извѣстности, я впрочемъ не разумѣю однихъ простыхъ слуховъ, повторять которые между нами было бы лишнее; я слышалъ обо всемъ; мнѣ не слухи нужны, а доказательства. Имѣете ли вы ихъ?

— Можетъ-быть да, а можетъ-быть и нѣтъ; смотря по тому, что вы считаете доказательствомъ. Формальныхъ актовъ и документовъ у меня нѣтъ, что впрочемъ еще не значитъ, чтобы я не могъ ихъ имѣть; а только то, что я берегъ семейную тайну и не считалъ себя въ правѣ дѣлать ее предметомъ всеобщей огласки, безъ которой никакъ бы не обошлось, еслибъ я сталъ искать законнаго удостовѣренія своихъ правъ. Смѣю надѣяться, что вы одобряете мою осторожность.

— Я не могу ни одобрять, ни порицать ее, не зная вашихъ цѣлей. Да что тутъ играть словами? Скажите прямо: чего вы отъ меня хотите?

Барковъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.—Чего я хочу?... Чего я хочу?... повторилъ онъ нѣсколько разъ, теряясь въ догадкахъ, чтобы объяснить себѣ то, что казалось ему непостижимою дерзостью. «Ужъ не надѣется ли онъ на что-нибудь такое, что мнѣ неизвѣстно?... Нѣтъ ли у него какой-нибудь лазейки?» думалъ онъ, щуря глаза и поглаживая свои бакенбарды.

— Ну да, чего вы хотите?... Ведь вы же не даромъ прѣехали сюда изъ Рязани?

— Само собой разумѣется, отвѣчалъ Барковъ; — и если вы желаете, чтобъ я не тратилъ лишнихъ словъ, то я могу объяснить вамъ это очень просто. Я хочу во первыхъ, чтобы вы поняли относительное наше положеніе такъ, какъ я его понимаю, и убѣдились, что для насъ обонхъ гораздо выгоднѣе и гораздо пристойнѣе рѣшить все это дѣло безъ вмѣшательства постороннихъ лицъ, съ глазу на глазъ, какъ водится между порядочными людьми.

— Прекрасно, да вѣдь это все предисловія, это во первыхъ; ну, а вовторыхъ что?

— А вовторыхъ... вовторыхъ я хочу, чтобы вы признали мои права.

— Я готовъ признать все, что вы успѣете доказать, ни болѣе, ни менѣе.

— А я опять васъ спрошу: какимъ путемъ вы хотите, чтобъ я вамъ доказалъ? потому что, если вы настаиваете на формальныхъ доказательствахъ, то мнѣ ничего не остается болѣе дѣлать какъ начать процессъ, въ результатъ котораго я обойдусь и безъ вашего признанія. Это, кажется, не трудно понять. Вы учитесь въ университетѣ?

— Да!

— По какому факультету?

— По юридическому.

— Если такъ, то вы знаете не хуже моего, что такое значить формальное доказательство? Это есть актъ, содержаніе котораго не можетъ остаться тайною между вами и мною. А если разъ оно будетъ разглашено, тогда кто можетъ отвѣчать тѣмъ все это кончится? Я конечно не потеряю ничего; для меня это будетъ не болѣе какъ большая, серіозная неприятность, потому что я любилъ покойнаго дядюшку Алексѣя Михайлыча, и честь его всегда была для меня дорога. Но вы—другое дѣло... вы можете потерять не только всѣ тѣ права, добровольной уступки которыхъ я теперь отъ васъ требую; вы можете потерять все: дипломъ, чинъ, званіе, имя, все тѣмъ вы пользуетесь теперь безспорно и что могло бы обезпечить вашу будущность. Имѣя это въ виду, я надѣюсь, что вы сами не захотите формальнаго доказательства.

— Формальнаго или нѣтъ, а я долженъ имѣть у себя передъ глазами что-нибудь такое, что убѣдило бы меня совершенно

въ справедливости этихъ слуховъ. Не могу же я, основываясь на однѣхъ сказкахъ, уступить вамъ все.

— Я этого и не требую. Если только вы не потребуете отъ меня юридическихъ доказательствъ, если дѣло идетъ для васъ объ одномъ нравственномъ убѣжденіи, то я надѣюсь, что вы будете удовлетворены совершенно, и что мы, наконецъ, согласимся съ вами во всемъ... Знаете ли вы почеркъ покойнаго дядюшки?

— Еще бы!

— Такъ вотъ, не угодно ли вамъ прочесть. Вотъ что онъ писалъ къ тетюшкѣ Варварѣ Клементьевнѣ, лѣтъ шесть или семь тому назадъ, когда она гостила у насъ въ Рязанской губерніи.

Съ этими словами, Барковъ вынулъ изъ дорожной своей шкапулки и подаль ему открытое письмо. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Милая Варичка! Письмо это вмѣстѣ съ вареньемъ, грибами, холстомъ и другими подарками для маменьки, вручить тебѣ нашъ Герасимъ, котораго я отправляю сегодня. Вотъ уже шесть недѣль, какъ ты гостишь въ Толбинѣ, а я все это время сижу здѣсь одинъ и начинаю сильно скучать. Разныя черныя мысли приходятъ въ голову; судьба Гриши сильно меня беспокоитъ. Вчера былъ день его рожденія: ему минуло пятнадцать лѣтъ, а въ маѣ будетъ уже два года, какъ мы его въ Петербургъ отправили. Что-то подѣлываетъ онъ тамъ одинъ между чужими людьми? Пишетъ, что здоровъ и что все идетъ хорошо, да мнѣ все какъ-то не вѣрится. Надо бы съѣздить когда-нибудь туда, самому посмотреть на все... Пятнадцать лѣтъ!... Какъ время летитъ! Еще года два или три, и вотъ онъ уже выйдетъ изъ дѣтскаго возраста, и тогда какъ трудно будетъ скрыть отъ него всю истину, всю тяжкую мою вину передъ нимъ! Онъ станетъ у меня разспрашивать о своей матери, о прошедшемъ; а я что ему скажу? Я вынужденъ буду лгать на каждомъ шагу, лгать и краснѣть передъ нимъ, передъ Гришею!... Или признаться ему во всемъ, сказать, что всѣ права, которыя онъ имѣетъ теперь, что всѣ они краденныя, а на дѣлѣ ему не принадлежать и могутъ быть отняты у него каждый день.... что по моей винѣ вся будущая судьба его зависитъ отъ случая... нѣтъ, я чувствую что у меня языкъ не повернется на такія признанія!... Милая Варичка! Прости, что я въ каждомъ письмѣ пишу тебѣ объ одномъ и томъ же. Еслибъ я не былъ вполне увѣренъ, что ты любишь Гришу такъ же нѣжно, какъ я, я бы никогда не рѣшился говорить

съ тобою такъ часто объ этомъ предметѣ; тѣмъ болѣе что дѣйствительно дѣлаю большую глупость, довѣряя бумагѣ вещи, о которыхъ конечно благоразумнѣе было бы не писать ни слова. На счетъ благоразумія впрочемъ не мнѣ тебя учить. Въ этомъ отношеніи я надѣюсь на тебя какъ на каменную гору, и увѣренъ, что въ твоихъ рукахъ тайны мои будутъ сбережены еще лучше чѣмъ въ моихъ собственныхъ. Какое утѣшеніе имѣть такую добрую, милую, умную жену! Какое счастье имѣть въ женѣ друга, который сочувствуетъ намъ во всемъ и которому смѣло можно открыть всѣ свои мысли и чувства, все что закрыто въ душѣ отъ людскаго взора и отъ людскаго суда! Будь на твоемъ мѣстѣ не ты, а какая-нибудь обыкновенная женщина, неспособная возвыситься надъ пошлыми предразсудками свѣта, да она бы всю душу изъ меня высосала, разыгрывая у меня въ домѣ роль мачихи и законной жены. Когда ты вернешься въ Жгутово, другъ мой, я хочу съ тобою еще разъ серьезно поговорить о томъ, какъ бы намъ наконецъ устроить Гришино дѣло такъ, чтобъ уже не опасаться болѣе за его будущность. Я придумалъ наконецъ, какъ устранить всѣ тѣ препятствія, которыя ты находила въ послѣдній разъ. Надо, другъ мой, покончить наконецъ это дѣло; вотъ уже четырнадцать лѣтъ какъ я откладываю его въ долгій ящикъ.

«Всѣ твои приказанія по хозяйству исполнены въ точности. Вотъ уже пятый день, какъ мы начали молотить рожь, и дѣло идетъ, вообще говоря, довольно благополучно. Мѣстами самъ шесть, а мѣстами и самъ семь.

«Прощай, другъ мой Варичка! Тысячу разъ цѣлую твои ручки. Поклонись отъ меня мамашѣ, братцамъ, и всѣмъ Барковымъ; да Бога ради не оставайся у нихъ слишкомъ долго; а то наступитъ распутица, и тебя удержать пожалуй до праздниковъ.

«Всѣмъ сердцемъ любящій тебя твой Алексѣй.»

«P. S. Сейчасъ получилъ отъ Гриши письмо. Вообрази себѣ, у нихъ въ гимназій коры! Это извѣстіе сильно меня встретило. Приѣзжай поскорѣй...»

Лукинъ прочелъ письмо до конца, и сердце его сжалось. На минуту онъ забылъ свое положеніе, забылъ и Баркова, и ихъ разговоръ, и все, что давило его въ настоящемъ, что угрожало въ будущемъ. Онъ всею душой погрузился въ прошедшее; онъ видѣлъ живо передъ собою отца, нѣжно любящаго, довѣрчиваго отца, съ его тоской и заботами, съ его надеж-

дами и опасеніями. Онъ вспомнилъ то время, когда письмо это было писано, то время, когда онъ сидѣлъ за книжкой, въ школѣ, или шалилъ въ кругу веселыхъ товарищей; вспомнилъ подарки и письма, и путешествіе на каникулы, въ Жгутово; ласки отца и холодные поцѣлуи мачихи... и опять перечелъ все письмо отъ первой строки до послѣдней. «Боже мой! думалъ онъ; какъ ужасно отецъ ошибался въ этой женщинѣ! Онъ любилъ ее, и вѣрилъ ей какъ дитя, безъ малѣйшаго подозрѣнія, безъ всякой задней мысли отдавая себя и все, что ему было дорого, въ ея руки; а она? Какъ заплатила она ему за все?.. Нѣтъ сомнѣнія, что это письмо показано было всѣмъ Барковымъ тотчасъ, какъ только она успѣла его получить, и потомъ отдано имъ на сохраненіе, какъ документъ. Вонъ, тутъ даже и всѣ тѣ строки, гдѣ онъ говоритъ обо мнѣ, подчеркнуты краснымъ карандашомъ. Любопытно знать, кто этимъ занимался? Она сама, или ея братъ, или этотъ господинъ?..» Онъ посмотрѣлъ на Баркова, который давно уже всталъ и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, ожидая когда онъ кончитъ.

— Ну, что? спросилъ тотъ останавливаясь: — убѣдились ли вы, наконецъ, что Иванъ Кузмичъ говорилъ вамъ правду?

Лукинъ поблѣднѣлъ. «Дѣло кончено, подумалъ онъ;—мнѣ не остается ничего болѣе, какъ отдать ему все, и убираться отсюда къ чорту!» Онъ молча кивнулъ головой; Барковъ подошелъ къ столу, и сѣлъ прямо противъ него.

— Ну, послушайте же, сказалъ онъ;—до сихъ поръ, какъ вы сами говорите, вы слышали отъ меня только одно предисловіе; но теперь намъ пора поговорить серьезно о дѣлѣ. Прошу васъ, выслушайте меня внимательно. Первый вопросъ, который намъ надо рѣшить, это вопросъ о томъ: кому должно перейти по закону имѣніе покойнаго дяди? Вы знаете, что Жгутово записано было на имя Варвары Клементьевны; но такъ какъ она умерла прежде своего мужа, то по условію дарственной записи, оно должно было возвратиться въ руки покойнаго дяди. Я говорю, должно было, потому что въ полгода, прошедшіе между смертію жены и мужа, Алексѣй Михайлычъ не успѣлъ сдѣлать ничего, и дѣло остается теперь совершенно въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ оно было до смерти его жены. Вопросъ, стало-быть, могъ бы дать поводъ къ спору даже и въ такомъ случаѣ, еслибы со стороны одного родственника Алексѣя Михайлыча были какіе-нибудь законные наслед-

ника; но ихъ нѣтъ — это знаетъ и Иванъ Кузмичъ, знаютъ и въ нашемъ семействѣ всѣ, и наконецъ это ясно изъ того, что когда въ 1830 году, по смерти одного родственника Алексѣя Михайлыча, вызывали наследниковъ къ оставшемуся отъ него билету сохранный казны, то никого кромѣ Алексѣя Михайлыча не явилось. Обстоятельство это упомянуто въ приговорѣ гражданской палаты, который и до сихъ поръ хранится въ бумагахъ покойнаго дядюшки. Но вы, можетъ-быть, опять мнѣ не повѣрите на слово, и захотите убѣдиться своими глазами?

— Нѣтъ, это лишнее; я самъ знаю, что у отца близкихъ родственниковъ не было; это я слыхалъ отъ него самого нѣсколько разъ.

— Тѣмъ лучше. Мнѣ остается слѣдовательно не болѣе какъ попросить васъ взглянуть вотъ на эти три документа, изъ которыхъ вы убѣдитесь, что я прямой и единственный наследникъ Варвары Клементьевны, и что еслибъ я вздумалъ отыскивать Жгутово судебнымъ порядкомъ, то нѣтъ ни малѣйшихъ шансовъ, чтобъ я могъ проиграть свое дѣло.

— И это тоже лишнее. Я не сомнѣваюсь нисколько, что у васъ есть съ собой всѣ нужныя бумаги; а впрочемъ, покажите.—Онъ развернулъ пакетъ, и пробѣжалъ мелькомъ его содержаніе.—Да, это все въ порядкѣ, продолжалъ онъ;—но какое мнѣ дѣло до всего этого?

— Имѣйте терпѣніе, Григорій Алексѣичъ; дѣла надо такъ дѣлать, чтобы никогда не возвращаться назадъ. Вотъ видите ли, теперь, когда вы вполнѣ убѣждены, что по закону я одинъ имѣю полное право владѣть наследствомъ Алексѣя Михайлыча, я предлагаю вамъ, не заводя никакихъ тяжбъ и споровъ, окончить все это дѣло полюбовно.

— То-есть вы хотите, чтобы я уступилъ вамъ Жгутово?

— Да.

— А на какихъ условіяхъ?

— Объ этомъ мы послѣ поговоримъ. Я хочу сперва знать: согласны ли вы на такую уступку вообще, предполагая, разумѣется, что мы сойдемся съ вами во всѣхъ дальнѣйшихъ подробностяхъ?

Лукинъ задумался.—Что жъ... я... согласенъ, отвѣчалъ онъ съ разстановкой;—только я одного не понимаю. Если имѣніе не принадлежитъ мнѣ по закону, то какое право я имѣю распоряжаться имъ, какъ своею собственностію?

— Да я отъ васъ и не требую такого распоряженія. Я

хочу только, чтобы вы отреклись отъ всякихъ претензій на Жгутово, которое, въ настоящую минуту, есть не болѣе, какъ наслѣдство, оставшееся по смерти родной моей тетки, и не присуждено еще никому.

— Хорошо, положимъ, что я это сдѣлаю. Какая выгода будетъ мнѣ отъ такой уступки?

— А выгода та, что вы останетесь родовой дворянинъ, и студентъ Петербургскаго университета, Григорій Алексѣевичъ Лукинъ, со всѣми правами и преимуществами, присвоенными вашему имени и званію. Все это могли бы вы потерять въ случаѣ процесса.

— Положимъ, что и такъ; но въ дѣлѣ подобнаго рода одинъ простой фактъ пользованія личными правами имени и званія значить очень не много, если онъ не обезпеченъ впереди никакимъ вѣрнымъ ручательствомъ. Въ сущности, это не болѣе какъ отсрочка на неопредѣленное время, по векселю, уплата котораго можетъ быть потребована сегодня, завтра, на будущей недѣлѣ, черезъ десять лѣтъ, во всякую пору. Быть всю свою жизнь подъ ударомъ, это самое подлое состояніе... это, по моему, хуже чѣмъ вынести ударъ одинъ разъ.

— Да отчего жъ подъ ударомъ? Я не вижу, откуда этотъ ударъ можетъ придти. Чей интересъ можетъ столкнуться съ вашимъ на этой дорогѣ? Кому можетъ понадобиться ваше имя или ваши права? А безъ этой надобности, трудно себя представить, чтобы нашелся такой аматеръ, который сталъ бы слѣдить и разнюхивать, контролировать безъ малѣйшей выгоды для себя, такъ, просто для забавы. Знаете что, мнѣ сдается, что вы обратили слишкомъ мало вниманія на то, что я вамъ говорилъ о моихъ правахъ на наслѣдство. Разъ убѣдясь, что кромѣ меня никакихъ претендентовъ не можетъ быть, чего вамъ бояться?

— Да я и не боюсь; развѣ я вамъ говорилъ что-нибудь въ этомъ родѣ. Меня мучить мысль о вѣчной зависимости...

— Какая зависимость?.. Отъ кого?..

— Отъ перваго попавшагося... отъ... отъ васъ, наконецъ.

— Какъ отъ меня? Я васъ совсѣмъ не понимаю. Да вѣдь мнѣ, когда я буду владѣть этимъ имѣніемъ, менѣ чѣмъ кому-нибудь другому можетъ придти въ голову оспаривать ваше общественное положеніе. Что я могу отъ этого выиграть? Скверный процессъ, больше ровно ничего; а потерять могу

много. Впрочемъ, если вы мнѣ не вѣрите, то я вамъ обещаю, что вы будете имѣть на мой счетъ такое обезпеченіе, лучше какого желать невозможно. Наши интересы связаны будутъ тѣснѣйшимъ образомъ. Это нужно столько же для васъ, какъ и для меня. Выслушайте меня внимательно; дѣло идетъ объ условіяхъ нашей сдѣлки. Первое изъ нихъ обязательно для меня. Я обещаю, что я оставляю васъ совершенно спокойно пользоваться всеми вашими личными правами. Обезпеченія я вамъ, конечно, не могу дать никакого; но вы сами можете его приобрести, давъ мнѣ солидную и постоянную причину дорожить вашимъ будущимъ благосостояніемъ. Другими словами, второе условіе должно быть обязательно для васъ.

— Какъ такъ? Вѣдь вы же сами говорили, что съ моей стороны ничего болѣе не потребуетъ, какъ только отреченіе отъ всякихъ претензій на Жгутово?

— Да, это насчетъ имѣнія;—это первый пунктъ, условіе, безъ котораго и говорить ни о чемъ бы не стоило; но если вы думаете, что этимъ дѣло можетъ ограничиться, то вы очень ошибаетесь.

— Ого! Вонъ оно какъ! Теперь ужъ выходитъ, что вамъ и этого мало!

— И этого, хмъ! Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что Жгутово Богъ знаетъ какая находка? Вы думаете, что я, какъ возьму его въ свои руки, такъ и пойду съ него чистый доходъ класть въ карманъ? Нѣтъ, Григорій Алексѣичъ, развѣ лѣтъ черезъ десять, не раньше; а первые годы мнѣ еще и своихъ придется на него потратить. Знаете ли вы, что Жгутово заложено въ казенныхъ и въ частныхъ рукахъ? А деньги гдѣ? Деньги все на ваше воспитаніе были истрачены. А доходъ какой? Подите-ка поразспросите Ивана Кузмича, что онъ вамъ скажетъ? Сколько получается? Сколько уплачивается? Какъ сочтете, такъ вы и сами увидите, что я на этомъ одномъ помириться не могу: мнѣ нужно съ васъ получить по крайней мѣрѣ все то, что Алексѣй Михайлычъ получилъ при залогѣ имѣнія въ опекуновомъ совѣтѣ, и что все, до послѣдней копейки, потрачено было на васъ, какъ мнѣ это извѣстно изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ.

Лукинъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Требованіе ваше нелѣпо, отвѣчалъ онъ, слегка повышая голосъ.—Вопервыхъ, отецъ имѣлъ право тратить свои деньги на что ему было угодно; а вотъ вторыхъ, если ужъ онъ разъ ихъ

истратилъ, такъ откуда же я ихъ возьму? У меня, кромѣ Жгутова, нѣтъ ни гроша.

— Есть или нѣтъ, это все равно. Вѣдь я у васъ ихъ не сію минуту требую. Я готовъ ждать сколько угодно. Я буду ждать покуда вы успѣете ихъ приобрести, а теперь вы мнѣ дадите не болѣе какъ простую сохранную росписку на тридцать тысячъ рублей.

Сумма, которую назвалъ Барковъ, въ ту пору не имѣла такого значенія, какое она могла бы имѣть теперь; потому что въ ту пору деньги считали на ассигнаціи. Но въ отношеніи къ Лукину, не имѣвшему ничего, это было почти все равно. Опять онъ посмотрѣлъ на него во всѣ глаза.

— Тридцать тысячъ—это большія деньги, возразилъ онъ;— но хорошо; положимъ, что я дамъ росписку, и что вы точно будете ждать. Ну, а если вы не дождетесь; если такой суммы у меня никогда не будетъ въ рукахъ?

— Разомъ, можетъ-быть, и не будетъ; да я разомъ ея не потребую; а мы сдѣлаемся съ вами вотъ какъ: рано или поздно, вы получите штатное мѣсто на службѣ и будете имѣть жалованье. Изъ этого жалованья вы будете мнѣ платить четыре процента на сумму росписки, да еще одинъ на погашеніе долга,— итого пять.

— Какъ же это? Да вѣдь, по вашему разчету, мнѣ придется вамъ отдавать почти все, что я могу получать.

— Ну, это только сначала, покуда вы будете на мелкихъ мѣстахъ; а черезъ нѣсколько лѣтъ, для васъ это будетъ всеѣмъ не трудно.

Лукинъ горько усмѣхнулся.

— Не трудно! Нечего сказать, вашъ планъ очень ловко придуманъ, да только я не могу на него согласиться. Я не могу закабалить себя вамъ въ податные на неопредѣленное время. Если вы хотите устроить сдѣлку, то предлагайте такія условія, которыя можно принять; а это чортъ знаетъ что!.. Я на это рѣшительно не согласенъ. Я скорѣе готовъ отдать всѣ права свои и пойти въ солдаты, или записаться въ какое-нибудь мѣщанское общество, въ ремесленный цехъ! Тамъ изъ меня по крайней мѣрѣ не стануть выжимать сокъ по каплѣ, какъ вы намѣрены это дѣлать!

Барковъ пожалъ плечами.

— Напрасно, отвѣчалъ онъ,—напрасно вы смотрите на мое предложеніе съ такой черной стороны. Мало ли есть людей,

которые живутъ, каждый годъ отдавая двѣ трети своего дохода на уплату своихъ долговъ, и живутъ весело, и не считаютъ своего положенія нисколько для себя унижительнымъ. Подумайте то, что я вамъ предлагаю, какъ бы круто оно вамъ ни показалось на первый взглядъ, но вѣдь это, по крайней мѣрѣ, вѣрное; а то, на что вы хотите рѣшиться, отказавшись отъ своего предложенія, дѣло очень сомнительное. Если пойдутъ разсматривать ваши права, и если откроется, какимъ путемъ вы приобрѣли ваше настоящее званіе, то можетъ-быть выйдетъ и хуже, чѣмъ вы предполагаете. Не знаю, извѣстна ли вамъ въ подробности вся исторія этого дѣла; но если нѣтъ, то вы можете спросить у Ивана Кузмича. Онъ вамъ скажетъ, какимъ способомъ Алексѣй Михайлычъ успѣлъ помѣстить васъ въ гимназію и потомъ въ университетъ, подъ именемъ своего законнаго сына. Да если вы и сами сообразите, то вы поймете, что при этомъ нельзя было обойтись безъ кой-какихъ маленькихъ штукечекъ, на которыя законъ смотритъ совсѣмъ не ласково. Конечно, Алексѣй Михайлычъ умеръ, и съ него отвѣта никто не потребуетъ; но если вы рѣшитесь открыть это дѣло, то вы положите двойное пятно на его и на ваше имя. Мало того, теперь всѣ здѣшніе старики и всѣ, кто помнитъ вашу покойную матушку, не имѣютъ ни малѣйшей догадки насчетъ того, въ какихъ отношеніяхъ она находилась къ покойному вашему отцу. Всѣ считали ее законною супругой. Представьте же себѣ, какія сплетни и пересуды пойдутъ на ея счетъ, если тайна эта откроется. Наконецъ, есть и между живыми людьми одинъ человекъ, которому можетъ предтисъ очень плохо въ подобномъ случаѣ. Иванъ Кузмичъ служилъ вѣрой и правдой вашему отцу, служилъ почти всю свою жизнь, и не изъ чего другого, какъ изъ усердія своего къ вашей пользѣ, принялъ дѣятельное участіе въ томъ опасномъ дѣлѣ, о которомъ я сейчасъ съ вами говорилъ, — въ дѣлѣ подложнаго метрическаго свидѣтельства. Для него, все это можетъ кончиться очень дурно; онъ можетъ поплатиться за свою любовь и за свою преданность къ дому ни болѣе, ни менѣе, какъ каторжною работою, или, по крайней мѣрѣ, арестантскими ротами...

Лукинъ былъ виѣ себя, слушая эти слова; крупныя капли пота выступили у него на лбу, руки его дрожали. Онъ закрылъ ими лицо.

— Какъ я запутанъ!... Боже! Какъ я запутанъ! шепталъ онъ про себя.

— Все это съ одной стороны, продолжалъ Барковъ совершенно спокойно:—а съ другой, я право не понимаю, что такое особенно-тяжелое находите вы въ моемъ предложеніи? Вы дадите мнѣ сохранныя росписку съ простымъ, словеснымъ обещаніемъ уплачивать деньги по мѣрѣ возможности, ежегодно; и за тѣмъ можете быть увѣрены съ логическою, съ математическою очевидностію, что я не только не потревожу васъ въ отношеніи къ вашимъ личнымъ правамъ, но даже самъ буду оберегать вашъ интересъ; самъ буду стараться всѣми средствами облегчить вамъ дорогу впередъ.

Лукинъ вспыхнулъ и вскочилъ со стула.

— Да вѣдь это оброкъ, чортъ возьми! Оброкъ! закричалъ онъ.—Вы отпускаете меня, какъ холопа, на заработокъ! Вы хотите, чтобъ я платилъ вамъ за свою личную свободу! Вотъ ваше намѣреніе; сквозь всѣ увертки и фразы, оно ясно какъ Божій день!

— Э, полноте, Григорій Алексѣичъ! Что за оброкъ! Это ваше воображеніе рисуетъ вамъ такія фантазіи. Не оброкъ, а просто требованіе кредитора, который ищетъ получить обратную свою законную собственность. Алексѣй Михайлычъ не имѣлъ права отнимать имѣніе у своихъ законныхъ наследниковъ и тратить его на васъ; а если разъ онъ истратилъ, то его прямой долгъ былъ пополнить такъ или сякъ все то, что отнято было у насъ; но смерть помѣшала ему это сдѣлать, и вотъ его долгъ переходитъ на васъ.

— Какой долгъ!... Оставьте отца въ покои! Не ваше дѣло судить о томъ, что онъ долженъ и чего не долженъ былъ дѣлать. Онъ могъ распоряжаться своимъ имѣніемъ какъ угодно: продать, проѣсть, промотать, подарить кому вздумается,—какое вамъ до этого дѣло?

— А такое, что я отъ этого въ убыткѣ.

— Вздоръ все это, фальшь, иезуитство! Не объ убыткѣ тутъ идетъ рѣчь, а о такихъ претензіяхъ, которыя оба мы хорошо понимаемъ, и которыя не сдѣлаются ни на волосъ благороднѣе отъ всѣхъ вашихъ юридическихъ метафоръ и оборотовъ рѣчи. Нѣтъ, господинъ Барковъ, вы не съ ребенкомъ имѣете дѣло; нечего пылъ въ глаза пускаты! Долой маску съ лица! Имѣйте смѣлость казаться тѣмъ, что вы есть, безъ всякихъ прикрасъ.

Барковъ нахмурилъ брови при этой послѣдней выходкѣ: его хладнокровіе и терпѣніе начинали замѣтно ему измѣняться.

— Я долженъ вамъ замѣтить, отвѣчалъ онъ вставая, — что вы давно уже позволяете себѣ говорить многое такимъ тономъ, который я терпѣлъ до сихъ поръ только изъ снисхожденія къ вашимъ лѣтамъ и къ вашему трудному положенію. Но такъ какъ вы сами говорите, что вы не ребенокъ, то вы не должны и разчитывать на права, присвоенныя дѣтскому возрасту. Совѣтую вамъ не забывать, что есть мѣра всему, и что я могу заставить васъ дорого заплатить за всякую дерзость.

— Ага! вотъ она, обратная-то сторона! Показалась наконецъ! возразилъ Лукинъ, съ трудомъ удерживая въ себѣ закипавшій гнѣвъ. — На этотъ разъ, я вамъ вѣрю. Я вѣрю, что вы действительно можете сдѣлать мнѣ много зла, и что эта возможность есть истинная основа и единственная опора всѣхъ вашихъ требованій отъ перваго до послѣдняго. До сихъ поръ, изъ уваженія къ приличію, вы не говорили о ней ни слова, вы думали, что это подразумевается между нами, и что, имѣя это въ виду, я буду вести себя съ вами какъ съ полнымъ господиномъ моей судьбы; то-есть вы думали это до сихъ поръ, а теперь думаете, что я увлекаюсь, что я начинаю забывать наше относительное положеніе, и считаете долгомъ предостеречь меня, совѣтуете, чтобъ я не переступалъ границы.... Ну, а что если вы ошибаетесь? Если я не признаю той мѣры, на которую вы мнѣ указываете, и шагну черезъ? Подумайте объ этомъ серьезно, прежде чѣмъ вы пойдете далѣе; да посмотрите, не ошибитесь въ разчетѣ!

— Вы, кажется, мнѣ грозите? замѣтилъ Барковъ, щура глаза и насмѣшливо улыбаясь; но въ ту же минуту, улыбка эта исчезла, онъ поблѣднѣлъ; его испугало лицо молодаго чело-вѣка, который, бѣгая назадъ и впередъ по комнатѣ, при послѣднемъ вопросѣ вдругъ остановился прямо противъ него и поднялъ голову. Выраженіе этого лица было такого рода, что Барковъ невольно сдѣлалъ два шага назадъ и ухватился за спинку стула. Онъ понялъ вдругъ, съ какимъ человѣкомъ онъ имѣетъ дѣло. Онъ понялъ, что еще одно неосторожное слово, еще одинъ неприязненный взглядъ, и дѣло окончится такимъ взрывомъ, послѣдствія котораго никакая человѣческая мудрость не въ состояніи была предсказать.

— Полноте, Григорій Алексѣичъ! началъ онъ самымъ ласковымъ тономъ голоса: — успокойтесь, присядьте сюда. Изъ чего мы будемъ съ вами ссориться? Вѣдь мы не женщины. Мы должны смотрѣть спокойно на все, что отъ насъ не зависитъ,

иначе на свѣтъ и жить нельзя. Пейте вашъ чай; я немного подожду говорить о дѣлахъ; если хотите, можно даже до завтра отложить.

Лукинъ сълъ, ничего не отвѣчая, на стулъ, и оттолкнувъ отъ себя стаканъ съ чаемъ, началъ тереть себѣ лобъ обѣими руками. Минутъ пять оба они молчали, наконецъ Барковъ позвонилъ.

— Убирай самоваръ, сказалъ онъ лакею, — да давай одѣваться. Прошу васъ, Григорій Алексѣичъ, продолжалъ онъ, когда человекъ ушелъ съ подносомъ изъ комнаты, — подумайте на досугѣ спокойно о моихъ предложеніяхъ. Измѣнить ихъ я не могу ни въ какомъ случаѣ; но я могу ждать отвѣта не торопясь. Я самъ не хочу, чтобы вы дали его, не успѣвъ обдумать дѣла со всѣхъ сторонъ.

Лукинъ не отвѣчалъ ни полслова. Онъ сидѣлъ еще цѣлую минуту съ какимъ-то разсѣяннымъ видомъ; потомъ всталъ, взялъ фуражку и вышелъ, едва кивнувъ головой.

Барковъ, прищуря глаза и лукаво улыбаясь, смотрѣлъ ему вслѣдъ. Оставшись одинъ, онъ щелкнулъ пальцами съ видомъ большаго самодовольствія и закурилъ сигару. «Въ суммѣ, дѣло обошлось довольно благополучно, думалъ онъ про себя, а его ловко заматовалъ! Теперь, ему не остается болѣе ничего, какъ ступить еще шагъ и сдать... Счастье, что онъ не сутяжникъ, а пылкій, прямой, благородный...» Барковъ задумался, приискивая существительное имя... «дуракъ!» заключилъ онъ наконецъ, громко захохотавъ.

III. Свиданіе.

Пріѣздъ Дмитрія Егоровича Баркова, въ самый день похоронъ стараго помѣщика, и его долгое пребываніе въ селѣ, послѣ этого происшествія, дали поводъ къ разнымъ догадкамъ и толкамъ въ кругу многолюдной жгутовской дворни. Такъ, напримѣръ, не далѣе какъ на третій день послѣ означеннаго происшествія, когда уже для всѣхъ стало ясно, что гость пріѣхалъ не просто на похороны, а съ какою-нибудь особою цѣлію, ткачъ Антипъ, длинный, худой и съ виду угрюмый мужикъ, лѣтъ пятидесяти, сидя за ужиномъ, въ семейной избѣ, высказалъ свое собственное, остроумное соображеніе, что

Барковъ, «значить, присланъ отъ молодаго боярина, присмотрѣть за его добромъ, чтобы чего не стащили;» а на вопросъ ключницы: «на что посылать новаго? развѣ старый изъ вѣры выжилъ?» отвѣчалъ, что нѣтъ, что Кузмичъ изъ вѣры не выжилъ, да только ему одному за всѣми не усмотрѣть. «Онъ поставленъ надъ нашимъ братомъ, и въ томъ ему вѣра; а надъ нимъ-то кому стоять, теперь, когда старый бояринъ померъ?» Ткачъ былъ мѣстный авторитетъ, и многіе уже готовы были принять его толкованіе, но оно было опровергнуто совершенно, не далѣе какъ на другой день поутру, пріѣзжимъ лакеемъ Баркова, Федоромъ, который, выслушавъ его изъ вѣрыхъ рукъ, отъ кучера Ефима, улыбнулся презрительно и отвѣчалъ, взмахнувъ головой:

— Какъ бы не такъ! Станетъ нашъ баринъ у вашего молоко-соса на посылакахъ служить! Небось ему у себя въ Толбинѣ дѣлать нечего, чтобы въ самую въ рабочую пору, по чужой надобности, изъ дома уѣхать; да и было бы для кого! Что вашъ баринъ, генералъ что ли?

— Не генералъ; а вашъ? спросилъ Ефимъ.

— А нашъ, почитай, вплоть до самаго генерала дотянулъ. Нашъ баринъ, коллежскій совѣтникъ.

— А что то, дядюшка, что за чинъ такой—коллежскій совѣтникъ?

— Эхъ ты простота псковская! Полковника знаешь?

— Знаю, какъ не знать; къ намъ разъ изъ города привозили; такой былъ чистенькій, новенькій, словно золотая пуговка на солнцѣ, такъ всею огнемъ и горить.

— Такъ вотъ, нашъ то же самое значить, что полковникъ; только не военный, а штатскій. Значить, то-есть, коли взять его, да изъ штатскаго на военное вывернуть, такъ будетъ полковникъ; а съ того же полковника ты только мундиръ сними, такъ вотъ тебѣ и коллежскій совѣтникъ.

Ефимъ пожималъ плечами и не могъ надивиться такому простому способу уравниенія двухъ разнородныхъ величинъ человѣческаго достоинства. Лакей Баркова, теперь уже не просто лакей пріѣзжаго гостя, а спутникъ и повѣренный человекъ, изъ котораго въ любую минуту можно было сдѣлать полковника, выросъ въ его глазахъ на цѣлую четверть, а потому не безъ тайнаго чувства робости онъ рѣшился спросить:

— А коли не по приказу Григорія Алексѣича, такъ для

чего жь вы съ баряномъ живете въ селѣ? Значить, у васъ своя какая есть надобность?

На это Ѳедоръ отвѣчалъ значительною миной и короткимъ совѣтомъ не мѣшаться въ чужія дѣла. «Постой, еще будетъ время; еще поспѣешь узнать,» прибавилъ онъ самымъ стоическимъ тономъ; но еслибы кто заглянулъ въ его душу при этихъ словахъ, тотъ бы понялъ, чего ему стоилъ такой стоицизмъ; онъ бы увидѣлъ, какъ эта душа сгарала желаніемъ подѣлиться съ душой Ефима хоть частичкой тѣхъ обширныхъ и въ высшей степени интересныхъ свѣдѣній, какими она обладала. И точно, еслибы не строжайшее приказаніе Дмитрія Егоровича держать языкъ за зубами и толбинскихъ сплетень не разносить, то онъ могъ бы много чего поразказать. Ему было ужъ подь сорокъ лѣтъ, и лучшее время его жизни совпадало съ тою достопамятною эпохой, когда отецъ Григорья Алексѣевича въ первый разъ появился въ Толбинѣ. Изъ походовъ майора Лукина, до брака его съ Варварой Клементьевной, одна часть извѣстна была ему какъ очевидцу, другая дошла до его ушей въ формѣ изустныхъ преданій, дополненныхъ творческимъ вымысломъ и не просѣянныхъ еще сквозь жесткое рѣшето исторической критики; а третья, та именно, которая заключалась въ періодѣ времени отъ похищенія опальной дѣвицы Марѣы Прохоровой до вторичнаго появленія майора въ домѣ Барковыхъ, развивалась въ его головѣ рядомъ темныхъ догадокъ и мистическихъ предчувствій, для повѣрки которыхъ настала наконецъ давно ожидаемая пора, и явился судьбою предназначенный человѣкъ, онъ самъ— Ѳедоръ Никитинъ, сынъ толбинскаго старосты Никиты Ѳедорова и лакей коллежскаго совѣтника Дмитрія Егоровича Баркова.

Проникнутый чувствомъ высокаго своего призванія, Ѳедоръ велъ себя очень важно все время своего пребыванія въ Жгутовѣ, до самаго пріѣзда Григорія Алексѣевича Лукина. Онъ говорилъ мало изъ опасенія проболтаться; а держалъ себя гордо и строго, какъ слѣдуетъ человѣку, по своему значенію въ обществѣ и по степени умственнаго развитія неизмѣримо превосходящему всю окружающую толпу. Сознаніе личнаго превосходства, впрочемъ, шло у него въ тѣснѣйшей связи съ предубѣжденіями племеннаго различія и, до нѣкоторой степени, было даже основано на нихъ. Онъ пріѣхалъ прямо изъ плодородной губерніи и богатаго села въ одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ, глухихъ, хотя и самыхъ живописныхъ уголковъ на-

шей русской земли, и все, что онъ видѣлъ вокругъ себя, казалось ему несравненно грубѣе, хуже, ниже во всѣхъ отношеніяхъ чѣмъ то, что онъ оставилъ на родинѣ. Въ критической параллели, которую онъ проводилъ нерѣдко между своимъ и чужимъ, слова: *рязанское* и *псковское*, служили синонимически для обозначенія высшей и низшей точки человѣческаго развитія. Это оскорбляло патриотизмъ жгутовскихъ жителей и вооружало ихъ въ сильной степени противъ гостя, которому приходилось не разъ выслушивать отъ нихъ рѣзкія, саркастическія замѣчанія насчетъ того, что имъ казалось непростительнымъ чванствомъ; но онъ не обижался; онъ считалъ себя выше этого чувства и, опасаясь унижить свое достоинство, не пускался въ пространные споры; а высказавъ разъ свое мнѣніе насчетъ чего-нибудь одного, переходилъ прямо къ другому, не отвѣчая ни на какія возраженія. Впрочемъ, покуда критика его не выходила изъ сферы общихъ статистическихъ вопросовъ о сравнительномъ достоинствѣ почвы и способѣ ея обработки, о качествахъ лошадей и скота, о красотѣ бабъ, удобствѣ одежды и прочихъ тому подобныхъ вещахъ, его слушали еще довольно спокойно; но ободренный успѣхомъ, онъ скоро началъ переходить къ такимъ частностямъ, которыя близко касались образа жизни, обычаевъ, нравовъ и даже понятій мѣстнаго народонаселенія, и не могли не оскорбить глубоко самолюбія его слушателей. Разъ, на примѣръ, онъ сталъ порицать основные принципы личнаго права и общественныхъ отношеній, съ давнихъ поръ укоренившіеся въ патриархальныхъ понятіяхъ жгутовской дворни.

— Такой неурядицы, какъ у васъ, отродясь не видалъ, говорилъ онъ, сидя на лавкѣ, у окна, въ людской избѣ, гдѣ многочисленное общество обоого пола собралось подъ вечеръ и вело бесѣду о разныхъ вещахъ.—Кто у васъ поварь, кто кучеръ, кто ткачъ, кто лакей...

— Я ткачъ, въ скобкахъ замѣтилъ Антипъ.

— Кто ткачъ, кто лакей, самъ чортъ не разберетъ. На ткача кто отозвался? Ты? А ты что вечеръ дѣлалъ? Небось ткалъ? Такъ нѣтъ же, не ткалъ; а замѣсто лакея ѣздилъ въ городъ съ письмомъ. А лакей что дѣлалъ? На барщинѣ сѣно гребли! Тьфу, срамъ! Да еслибы меня баринъ вздумалъ на такую работу послать, такъ я бѣ ему и совѣтъ откланялся. Я бѣ ему сказалъ: «этого, сударь, у насъ въ Толбинѣ отродясь не важивалось. Лакей я, такъ я

свое лакейское дѣло и знай; а не хотите меня лакеемъ, такъ ваша барская воля, берите другаго, а меня отпустите въ деревню къ отцу.» А это вотъ поваръ; то-есть поваромъ только прозывается, а занять Богъ знаетъ чѣмъ. Вечоръ ѣздилъ рыбу ловить; третеводня сапоги чинилъ управляющему; сегодня лошадь водилъ къ коновалу; а стряпалъ за него кто? Стряпала ключница. А это, вонъ, кучеръ! Хорошъ кучеръ! Цѣлую недѣлю въ саду яблоки сторожить! И это зовется дворня! Ахъ вы, Псковичи! Побывалъ бы кто изъ васъ въ нашихъ краяхъ, посмотрѣлъ бы какъ тамъ люди живутъ, такъ сюда бы потомъ и вернуться не захотѣлъ. У насъ, мальчуганъ лѣтъ десяти, и тотъ одно свое дѣло знаетъ, и того чужую работу справлять не пошлютъ. Всякій, на что кому Богъ талантъ даровалъ, то себѣ и дѣлаетъ; а тамъ хоть трава не расти, мнѣ какая нужда! Есть работа — занять; нѣтъ — лежу себѣ на печи: и никто, будь хоть самъ баринъ, противъ этого спорить не можетъ...

— Да о чемъ спорить-то? перебилъ ткачъ, сердито тряхнувъ своею косматою головою.—Индѣ дѣло и не мудрено; а коли не смыслишь, такъ ужъ знамо, справлять не пошлютъ. Этого дива нече у васъ, за Москвой, искать. Найдется и здѣсь такой, что ни на какую работу не годенъ, окромѣ что смолоду по нуждѣ затвердилъ. Вотъ тебѣ, тепереча, Нефедка, пастухъ, по вашему, по рязанскому, одно свое дѣло только и знаетъ, свиной пасеть; а ужъ другаго чего и не суй, навѣрное спакостить. Такъ вотъ оно что; выверни-ка дѣло-то на изнанку, да понюхай чѣмъ пахнетъ... Что носъ-то поднялъ? Али не нравится? Нѣ, братъ, спѣсь-то лучше сними, да въ карманъ спрячь; а то ужъ больно пышна, во всѣ стороны растопырилась; неравно мимоходомъ задѣнуть, обомнется, сломается. Нѣ! Молодъ еще другихъ наставлять; поучись-ка самъ наперво, значить, коли есть умъ; а коли нѣтъ, коли глупъ, такъ просто и скажи глупъ, а что по глупости человѣкъ, безъ дѣла, на печкѣ валется, такъ этимъ нече хвалиться, нече людямъ глаза колоть; мудрость невелика.

Покуда ткачъ говорилъ, глаза всѣхъ присутствовавшихъ обращены были на него; его слушали съ жаднымъ вниманіемъ и съ такимъ горячимъ сочувствіемъ, съ какимъ обвиненный слушаетъ адвоката, говорящаго въ его пользу; но когда онъ кончилъ, всѣ вдругъ оглянулись на Федора, и громкій хохотъ раздался со всѣхъ сторонъ, хохотъ, пересыпанный крупными шутками. Ему стало неловко, гордость его была оскорблена, чувство собственнаго достоинства пошатнулось; словамъ его

придано было такое толкованіе, на которое онъ не зналъ что возражать; а между тѣмъ, послѣ перваго взрыва, хохоть и шутки мало-по-малу начали утихать, и всѣ ждали не скажетъ ли онъ опять чего, въ надеждѣ услышать какую-нибудь новую выходку отъ Антипа. Но оба противника долго сидѣли, мѣря другъ друга глазами. Лукавая усмѣшка играла на губахъ у ткача; а Федоръ дулся и грозно крутилъ усы.—Мужичье! Сволочь! ворчалъ онъ сквозь зубы:—съ ними говоришь какъ съ людьми, а они скалятъ зубы да лаютъ, какъ собаки! Эхъ вы, распущенная команда! Порядку васъ надо учить! Въжливости вы не понимаете! Вотъ ужъ, постой, будетъ на васъ гроза. Какъ приберемъ васъ къ рукамъ, такъ дурь-то уймется, будете шелковые.—Ободряясь мало-по-малу, по мѣрѣ того какъ будущность, въ мысляхъ, сулила ему удовлетвореніе, Федоръ сказалъ послѣднія слова такъ громко, что ужъ не одни тѣ, которые сидѣли съ нимъ рядомъ, а всѣ присутствовавшіе въ избѣ успѣли разслушать его. Многіе поняли и замѣтно смутились; другіе ломали голову, чтобъ объяснить себѣ что это значить. Ключница съ поваромъ въ ту же минуту перемигнулись и вышли изъ горницы на крыльцо. За ними послѣдовало еще нѣсколько человѣкъ. Пользуясь этимъ случаемъ, и самъ первый виновникъ всего происходившаго, Федоръ, положеніе котораго въ кругу явно нерасположеннаго къ нему общества съ каждою минутой становилось несноснѣе, тоже взялъ шапку и вышелъ. Выхода, онъ бормоталъ еще про себя какія-то невнятные рѣчи. Онъ былъ сильно взбѣшенъ; но не одинъ гнѣвъ подсказалъ ему ту угрозу, которая упала, какъ снѣгъ на голову, на торжествующихъ его противниковъ. Въ продолженіе десяти дней, проведенныхъ имъ въ Жгутовѣ, онъ успѣлъ вывѣдать много такого изъ древней исторіи покойнаго майора Лукина, чего именно не доставало для пополненія толбинскихъ сплетенъ, хронологическая послѣдовательность которыхъ обрывалась на похищеніи Марыи Прохоровой или просто Мареуши, какъ звали ее на родинѣ. Онъ узналъ, на примѣръ, что Мареуша цѣлые четыре мѣсяца жила барыней въ Жгутовѣ, а потомъ умерла, и что сынъ Алексѣя Михайловича Лукина, котораго со дня на день ждали въ село, былъ рожденъ отъ нея. Имѣлъ ли онъ какія-нибудь основательныя причины догадываться объ истинномъ смыслѣ дѣла, или одинъ темный инстинктъ руководилъ его въ этомъ случаѣ, неизвѣстно; но каковъ бы ни былъ тотъ путь, которымъ догадки его пробирались къ истинѣ, дѣло въ

томъ, что онъ уже былъ довольно близко отъ нея, — такъ близко, что, по прїѣздѣ Лукина, достаточно было нѣсколькихъ словъ, съ великимъ трудомъ и опасностію подслушанныхъ за дверьми, чтобъ убѣдить его окончательно въ справедливости главныхъ его подозрѣній. Слова эти были произнесены во время свиданія Григорія Алексѣевича съ Барковымъ; но еще до прїѣзда молодого человѣка, въ селѣ уже ходили на его счетъ самыя странныя и разнорѣчивыя толки, главною причиною которыхъ была все та же нескромность Федора. Всей истины онъ не смѣлъ открыть. Онъ помнилъ хорошо запрещеніе барина и зналъ, что тотъ не любитъ шутить, но въ разныхъ стычкахъ и перебранкахъ съ дворовыми людьми, которые всѣ, съ перваго до послѣдняго, были жестоко противъ него озлоблены, и на каждомъ шагу дѣлали ему всевозможныя непріятности, онъ часто не въ силахъ былъ выдержать строгую тайну. Легкіе проблиски ея, какъ электрическія искры, срывались у него съ языка, въ видѣ намековъ, предсказаній или угрозъ, и проникали глубоко въ души встревоженныхъ слушателей. Въ Жгутовѣ пахло грозой. Всѣ чувствовали приближеніе какого-то страшнаго переворота; но въ чемъ онъ будетъ состоять и когда совершится, никто не зналъ. Многіе изъ приближенныхъ Ивана Кузмича, побуждаемые заботой о своей будущей участи, пытались вывѣдать у него что-нибудь объ этомъ предметѣ; но осторожный старикъ или упрямо молчалъ, или за просто отсылалъ къ чорту тѣхъ, кто слишкомъ настойчиво ему докучалъ. Между послѣдними былъ нѣкто Андрей, молодой, рослый парень, молочный братъ Григорія Алексѣевича. Онъ жилъ при дворѣ безъ всякаго опредѣленнаго дѣла, кромѣ того, развѣ, что, какъ страстный охотникъ и ловкій стрѣлокъ, ходилъ въ лѣсъ за дичью, каждый разъ какъ кому-нибудь изъ господъ, за столомъ, надоѣдала постоянная очередь баранины съ дворовою птицей. Андрей былъ фаворитъ Григорія Алексѣевича. Они съ дѣтства росли и играли вмѣстѣ; потомъ, когда послѣдній отправился въ Петербургъ и оттуда сталъ прїѣзжать на каникулы въ Жгутово, охота и рыбная ловля сблизили ихъ еще тѣснѣе. Нерѣдко, съ ружьями на плечахъ или съ рыболовнымъ снарядомъ, исчезали они изъ дома чуть свѣтъ и пропадали по нѣскольку сутокъ, ночуя гдѣ-нибудь далеко, въ глухой деревушкѣ, окруженной болотами и дремучими лѣсами, или стоящей на берегу пустыннаго озера, а день, весь напролетъ, посвящая своимъ любимымъ забавамъ.

Слѣдствіемъ было то, что Андрей, какъ товарищъ и фаворитъ Григорія Алексѣевича, съ давнихъ поръ считался привилегированною особою и, не въ примѣръ другимъ, былъ избавленъ отъ всякой спеціальной обязанности въ селѣ, кромѣ присмотра за лягавыми собаками молодого барина, да за его ружейнымъ и рыболовнымъ приборомъ. Такое исключительное положеніе и разныя выгоды, неразлучныя съ нимъ, а также личная привязанность къ барину, сдѣлали его искреннимъ консерваторомъ и горячимъ приверженцемъ властвующей династїи. Въ цѣлой дворнѣ не было ни одного человѣка, такъ сильно дорожившаго настоящимъ порядкомъ вещей; а потому, конечно, и слухи о близкой перемѣнѣ никого не могли встревожить такъ сильно. Не получивъ отъ Ивана Кузмича никакого удовлетворительнаго отвѣта, Андрей съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда баринъ прїѣдетъ въ село, надѣясь узнать отъ него что-нибудь болѣе опредѣленное. Онъ былъ изъ первыхъ между встрѣтившимися его у крыльца, но ни въ этотъ день вечеромъ, ни на другой день поутру, ему не удалось застать его ни минуты наединѣ. Вечеромъ было уже слишкомъ поздно. Баринъ прїѣхалъ сумраченъ, озабоченъ и до глубокой ночи сидѣлъ запершись съ Иваномъ Кузмичемъ; а на другой день поутру, повидавшись съ Барковымъ, вышелъ оттуда весь блѣдный, точно какъ самъ не свой, и заперся опять съ управляющимъ. «Плохо дѣло! подумалъ Андрей; даже о своей любимой собакѣ ни слова не спросилъ! Съ гостемъ обѣдаетъ врознь, стало-быть не въ ладахъ... Что-то будетъ изъ этого изъ всего?...» И сидя въ своей избѣ, у окна, онъ грустно поглядывалъ на крыльцо господскаго дома. Тамъ не было никого; только голуби, вылетая изъ слуховаго окошка спускались внизъ, на траву, за разными поисками, да изрѣдка мальчикъ съ тарелками или блюдомъ выбѣгалъ изъ дверей, свѣща по протопанной дорожкѣ на кухню и оттуда обратно въ господскій домъ, а около него вертѣлась дворняшка, помахивая пушистымъ хвостомъ и жадно подхватывая объѣдки, которыя онъ ей бросалъ. Съ полчаса прошло такимъ образомъ; наконецъ Иванъ Кузмичъ, съ своею маленькою трубкой въ зубахъ, вышелъ, и постоявъ нѣсколько минутъ на крыльцѣ, отправился къ себѣ на квартиру прилечь. «Теперь пора», шепнулъ Андрей, провожая его глазами. Онъ вышелъ въ сѣни и спустилъ съ привязи молодого, кудряваго сеттера карей шерсти, который давно ужъ визжалъ и рвался на волю; но

тотъ, вѣроятно догадываясь, что онъ это дѣлаетъ для себя, не поблагодарилъ его ни взглядомъ, ни лаской; а прямо съ мѣста, хватилъ стрѣлою вонъ изъ дверей и скрылся изъ виду. Андрей пошелъ вслѣдъ за нимъ. Выходя изъ избы, онъ увидѣлъ барина на крыльцѣ. Собака была уже тамъ; съ разными знаками неистовой радости, ласкалась она къ своему господину, который смѣялся и гладилъ ее по головѣ и, кажется, очень доволенъ былъ этою встрѣчей.

— Здравствуй, Андрюша! сказалъ Лукинъ, увидѣвъ своего молочнаго брата:—я съ тобой вчера и двухъ словъ не успѣлъ сказать.

— Здравія желаю, сударь, отвѣчалъ тотъ, снявъ шапку и весело улыбаясь.—На долго ли къ намъ пожаловали?

— Да Богъ знаетъ; какъ придется, отвѣчалъ Лукинъ,—можетъ-быть скоро назадъ уѣду; и при этихъ словахъ, тѣнь опять набѣжала на его лицо. Онъ сѣлъ на крыльцо и задумался.

«Вотъ бы теперь спросить,» подумалъ Андрей. Любопытный вопросъ уже вертѣлся у него на языкѣ; но баринъ былъ такъ задумчивъ, и такъ замѣтно чѣмъ-то огорченъ, и такъ сердито подчасъ хмурилъ брови, что онъ не зналъ какъ начать, раза два открылъ ротъ, пробормоталъ что-то невнятное, замаялся и замолчалъ.

— Ну что, какъ поживаешь? спросилъ Лукинъ, замѣчая, что тотъ собирается говорить. Что Карька,—какъ онъ себя ведетъ? Небось горячится попрежнему, тянетъ на бѣлокъ, на зайцевъ, на всякую дрянь? Или остепенился, успѣлъ поумнѣть?

— Карька нешто, Григорій Алексѣвичъ, дѣло свое сталъ давно разумѣть; на тетеревовъ нынче такъ ходитъ, что просто потѣха. Давеча, изъ-подъ него, всю выводку руками переловилъ, пять штукъ молодыхъ живьемъ забралъ; одна старая только и улетѣла, да и ту онъ чуть за хвостъ не поймалъ. Разную птицу сталъ тоже теперь отличать; за мелочью не потянетъ, коли что покрупнѣе имѣетъ въ виду... да вотъ не угодно ли будетъ самимъ попытать; время самое, что ни есть, наилучшее. Дичи не оберешься; утки на Рюхинъ стадами сидятъ, дупшеля прилетѣли; въ низовомъ болотѣ ономыся три пары убили. Тоже вотъ туда, въ мохъ, за Гурьевою рощей, хорошо бы сходить, тамъ тепереча глушней навѣрно найдемъ...

— Не знаю, Андрюша, отвѣчалъ Лукинъ,—развѣ послѣ когда-нибудь; а теперь времени нѣтъ, хлопотъ у меня слишкомъ

много; да, по правдѣ сказать, и охота какъ-то на умъ нейдетъ. Вотъ, денька черезъ два, посмотришь...

«Что это съ бариниою сталося? подумалъ Андрей: ничѣмъ его и развеселить невозможно! Бывало не дастъ ничего досказать, засыплетъ разспросами; а теперь, говори ему про что хочешь, сидитъ себѣ, да глядитъ въ землю, точно будто со сна не успѣлъ опамятоваться!»

— Въ Ручьи, къ Лизаветѣ Ивановнѣ, тоже теперь недавно ходилъ. Тамъ, ихніе люди говорятъ, куропатокъ видали, продолжалъ онъ, все еще не теряя надежды раздражить барина на охоту.

— А что, Лизавета Ивановна, теперь въ городѣ или въ Ручьяхъ?

— Въ Ручьяхъ, Григорій Алексѣичъ.

— Одна или съ дочерью?

— Съ дочерью, Григорій Алексѣичъ.

— Такъ ты говоришь, что у нихъ куропатки теперь развелись?

— Давеча кучеръ ихній сказывалъ: за яровымъ полемъ, говорить, три раза ихъ подымалъ.

— Надо бы тамъ побывать; а? какъ ты думаешь: не сходитъ ли намъ завтра поутру?

У Андрея глаза заблестали отъ удовольствія.

— Когда угодно, сударь, отвѣчалъ онъ,—у меня все готово. И ружье ваше вычищено и патроны насыпаны; а Карька только того и ждетъ, онъ ужъ три дня не ходилъ, и ужъ такъ его разбираетъ; давеча чуть одинъ въ болото не улизнулъ, насилу его доовистался.

— Ахъ ты бестія! говорилъ Лукинъ, лаская собаку.—Такъ вотъ какъ мы сдѣлаемъ, братецъ. Мы отправимся съ тобой въ Ручьи завтра поутру; а тамъ я тебя отпущу и обѣдать останусь у Лизаветы Ивановны.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Андрей.

На другой день, поутру, они вышли изъ дома въ назначенный часъ. Дорогой, Лукинъ разспрашивалъ о болѣзни отца и узналъ нѣсколько подробностей, которыя не успѣлъ сообщить ему управляющій. Онъ узналъ между прочимъ, что старикъ, въ послѣдніе дни своей жизни, тосковалъ безутѣшно и за нѣсколько часовъ до конца, призвавъ къ себѣ мать Андрея, маму Анисью, поручилъ ей сказать сыну своему Григорію Алексѣевичу, что «онъ проситъ у него прощенья въ тяжелой

внѣ.» На вопросъ, отчего мать сама не сообщила ему объ этомъ ни слова, Андрей отвѣчалъ, что при людяхъ не смѣла, а когда повидаетъ его съ глазу на глазъ, то разкажетъ все до послѣдняго.

— Что-то, сударь, что за слухи такіе ходятъ про васъ въ селѣ, продолжалъ Андрей.—Насъ пугаютъ, что вы скоро отсюда уѣдете, и что все достанемся въ руки Дмитрію Егорычу Баркову.

— Хмъ, вотъ какъ; а отъ кого ты это слышалъ? Кто васъ пугаетъ?

— Слыхалъ-то я, сударь, все больше отъ нашихъ; да только они не сами собой такіе толки ведутъ. Видитъ Богъ, никто изъ насъ не желаетъ другаго господина, окромѣ васъ, и слухамъ этимъ никто не радъ; а идутъ они ужъ извѣстно отъ кого. Все вотъ эта самая, усатая шельма, лакей, что съ господиномъ Барковымъ изъ Рязани пріѣхалъ,—все онъ мутитъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?... А что же онъ говоритъ?

— А говоритъ, сударь, такое, что никакъ и понять не возможно. Начнетъ, да и не покончить; на полсловѣ иной разъ оборветъ. Онъ, вотъ изволите видѣть, на нашихъ дворовыхъ сердитъ, за то что мы ему въ поясъ не кланяемся; а наши то же крѣпко его не влюбили, по той причинѣ, что больно чваненъ, надъ всѣмъ надъ здѣшнимъ ругается; ну, ужъ вѣдомо, наши тоже спуску ему не дадутъ; другой разъ словцо такое загнуетъ, что онъ какъ индюкъ надуется, да въ сторону отойдетъ. Такъ вотъ онъ и норовитъ все на то, чтобы чѣмъ ни есть, значить, досадить; стращаетъ да хорохорится. У васъ, говоритъ, порядку тутъ нѣтъ—избаловали, говоритъ, васъ господа; вотъ постой, говоритъ, мы васъ вышколимъ; какъ попадете къ намъ въ лапы, такъ забудете лаяться; тише воды, ниже травы станете.... Ну и насчетъ васъ то же....

— И на мой счетъ? Вотъ это любопытно! Что жъ онъ обо мнѣ говоритъ?

— А говоритъ: какой, говоритъ, онъ баринъ? Какъ вотъ я, такъ молъ и онъ, все равно. Вотъ мой, говоритъ, Дмитрій Егорычъ, господинъ Барковъ, такъ тотъ настоящій; а этотъ, говоритъ, баринъ на полчаса; повертится тутъ, да и уѣдетъ съ носомъ.... Такъ, то-есть, онъ, лакешка этотъ, говоритъ.

— Ну, а ты что объ этомъ думаешь?

— Да что думать-то; я ужъ вечеръ ему говорилъ: смотри

могъ ты, ворона залетная, коли ты у меня каркать не перестанешь, такъ я-те перья-то изъ подъ носу повыщиплю.

— Да какъ же, Андрияша; ну а если онъ правду говорить?

Андрей смѣшался и въ недоумѣннн посмотрѣлъ на барина. Горькая улыбка мелькала у того на лицѣ.—Ну а что, продолжалъ онъ,—если я точно черезъ недѣлю уѣду отсюда со всѣми, и Жгутово, вѣсть со всѣми вами, достанется Дмитрію Егоровичу Баркову?

— Какъ, сударь, да развѣ вы хотите насъ продавать? Развѣ наше Жгутово вамъ наскучило? Или мы угодить не съумѣли?... Лукинъ молчалъ.—Извѣстно, продолжалъ Андрей; въ Питерѣ съ барамн веселѣе жить, чѣмъ здѣсь съ мужиками; такъ вѣдь на то ваша воля, сударь, живите гдѣ вздумается; а тутъ и безъ васъ ваше добро не сгорить; Иванъ Кузмичь присмотритъ. Онъ и при покойномъ баринѣ всѣмъ завѣдывалъ, и грѣхъ про него что дурное сказать; никто не слыхалъ, чтобы за нимъ господская копейка пропала.

— Чтò за вздоръ, Андрей! Съ чего ты взялъ, что я сомнѣваюсь въ Иванѣ Кузмичь? Да и про Жгутово тоже, развѣ я говорилъ когда, что оно мнѣ наскучило? Нѣтъ, я его люблю и теперь, какъ всегда любилъ, и люблю такъ, что не оставилъ бы ни за что, еслибъ оно было мое.

— Да чье же, сударь, коли не ваше?

— Чье Жгутово? развѣ не знаешь? Жгутово давно продано моей мачихѣ, и отъ нея теперь должно перейти въ ея родъ.

— Ой, сударь! Что вы это сказали! Иль я ослышался? Неужто и въ правду мы отъ васъ перейдемъ, или вы такъ только опасаетесь?

— Не опасайсь, а знаю навѣрно, Андрей. Спорить въ судахъ пожалуй можно; да пользы отъ этого не будетъ ни на волюсь. Теперь, или черезъ годъ и такъ или сякъ, какъ хочешь верти, а кончится все на одномъ. Такъ ужъ лучше вы это заранее знайте: помѣщикомъ у васъ будетъ Барковъ, а не я.

Сердце другнудо у молодого парня такъ сильно, что онъ поблѣднѣлъ. Всѣ страхи его оправдались. Онъ уже видѣлъ предъ собой, впереди, тяжелую работу, нужду; а можетъ-быть и гоненіе, можетъ-быть и голодную нищету.—«Охъ ты, доля моя горемычная!» произнесъ онъ едва внятно и, тяжело вздохнувъ, замолчалъ.

— Такъ-то, Андрияша, продолжалъ Лукинъ.—Жаль мнѣ будетъ съ вами разстаться; а дѣлать нечего и пособить вашему

горю ничѣмъ не могу. Слушай, что я тебѣ скажу: ни съ Барковымъ, ни съ Лакеемъ его не ссорся, а то послѣ за каждое лишнее слово заплатишься. Смотри, помни этотъ совѣтъ.

— Буду помнить, Григорій Алексѣевичъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они отошли верстѣ пять или шесть отъ дому. Погода стояла сѣрая, и мелкій дождикъ накрапывалъ исподволь. Дорога ихъ долго шла темнымъ лѣсомъ, по берегу озера; потомъ, они повернули направо, и вышли на открытую, холмистую мѣстность, пересѣченную рощами и мелкимъ кустарникомъ. Вдали, на горѣ, виднѣлся погостъ: бѣдная, деревенская церковь съ деревянною, крашеною крышею и съ узорнымъ желѣзнымъ крестомъ наверху, окруженная рядомъ старыхъ, почернѣвшихъ отъ времени и покосившихся избъ. Отъ церкви до Ручьевъ оставалось всего двѣ версты. Около этого мѣста, въ кустахъ, между полемъ и рощею, по разчету Андрея, они должны были найти дичь; и точно: едва успѣли, пройдя погостъ, свернуть съ дороги на право, какъ собака потянула прямо на вѣтеръ, остановилась въ упоръ, и двѣ кругляя, жирныя куропатки, съ шумомъ вылетѣли изъ-подъ ногъ. Два выстрѣла раздались имъ вслѣдъ; одна упала; шагахъ въ десяти, на мокрой травѣ курился пеньковый пыжъ; голубая полоска дыму прозрачнымъ облакомъ потянулась по влажному воздуху; собака, нетерпѣливо обнюхивая и озираясь, ходила кругомъ; словомъ охота началась во всей формѣ; но не одинъ изъ охотниковъ не могъ найти въ ней на этотъ разъ того горячаго и поглащающаго интереса, съ какимъ бывало они оба отдавались этой забавѣ. Мысли ихъ и даже цѣль предпринятаго ими похода не имѣли ничего общаго съ несчастными куропатками, которыхъ Карька преслѣдовалъ съ такимъ неутомимымъ ожесточеніемъ. Андрей пошелъ съ намѣреніемъ вывѣдать у Григорія Алексѣевича что-нибудь на счетъ вопросовъ, его беспокоившихъ; а Лукинъ имѣлъ совсѣмъ другое въ умѣ. Бродя по кустамъ и стрѣлая, онъ безпрестанно оглядывался на село, которое давно уже было въ виду, и нѣсколько разъ посматривалъ на часы.

— Будетъ, сказалъ онъ наконецъ, отдавая ягдташъ и ружье Андрею.—Я пойду къ Лизаветѣ Ивановнѣ и пробуду до вечера у нея, а ты ступай домой и скажи Ивану Кузмичу, чтобъ онъ меня не ждалъ ни къ обѣду, ни къ ужину, что я возвращусь очень поздно. Или нѣтъ, погоди, сходи-тка сперва со мною въ Ручьи, да отдай куропатокъ всѣхъ до одной по-

вару Лизаветы Ивановны, а то Барковъ пожалуй подумаетъ что я для него старался.

Минуть черезъ пять они были въ селѣ.

Село Ручьи было одно изъ самыхъ мелкихъ имѣній въ уѣздѣ; при немъ считалось всего сорокъ душъ. Помѣщица его, Лизавета Ивановна, получала его въ приданое отъ отца, при выходѣ замужъ за лейтенанта 2-го ранга Веригина, стараго моряка, который сдѣлалъ много походовъ, ѣздилъ вокругъ свѣта, и умеръ въ отставкѣ два года тому назадъ. У вдовы, отъ него осталась пенсія въ 700 рублей ассигнаціями да двое дѣтей: сынъ, принятый въ морскую корпусъ на казенный счетъ, и дочь, дѣвушка восемнадцати лѣтъ, воспитанная въ уѣздномъ городѣ, уѣздными учителями съ помощію отца, который зналъ хорошо языки. Низенькій, деревянный домикъ, вмѣщавшій это семейство, былъ старъ. Стѣны его, не обшитыя тесомъ, почернѣли отъ времени; крыша проросла мохомъ; петли, ручки замковъ, крючки и задвижки на ставняхъ, окошкахъ, дверяхъ были изъ простаго желѣза, грубая отдѣлка котораго съ перваго взгляда обличала труды доморощеннаго кузнеца; словомъ, ни малѣйшихъ слѣдковъ избытка не видно было нигдѣ, а между тѣмъ все имѣло опрятный и даже уютный видъ. Балконъ завѣшенъ былъ сверху зонтикомъ, въ окнахъ висѣли ситцевыя, цвѣтныя гардины и бѣлыя шторы; чисто выметенная площадка передъ крыльцомъ окружена была свѣжимъ, только-что скошеннымъ дерномъ; садъ и дворъ обнесены высокими, исправнымъ заборомъ. Въ саду—группы яблонь, кусты крыжовника и смородины, грядки съ цвѣтами и кругомъ густая, липовая аллея. Балконъ выходилъ въ садъ, а на балконъ выходила столовая, двери которой отворены были настежь и у самаго входа, за маленькимъ столикомъ, съ работою въ рукахъ, сидѣла Лизавета Ивановна, старушка лѣтъ подѣ шестьдесятъ, худая и блѣдная, съ большими черными глазами и съ замѣтною просѣдою въ волосахъ. Противъ нея, у окна, стояла дочь ея, Марья Васильевна, стройная дѣвушка, съ густою, золотистою косою, серьезнымъ лицомъ и задумчивымъ взоромъ. Обѣ одѣты были подеревенски: мать въ спальномъ чепцѣ и въ старой, драдедамовой куцавейкѣ сверхъ юпки; дочь—въ сѣромъ, ситцевомъ платьѣ, съ гладкою, бѣлою пелеринкой и такими же рукавами.

Выстрѣлы только-что умолкли, когда Марья Васильевна вошла въ комнату и стала у окна.

— Маша, ты посылала узнать кто тамъ стрѣляетъ? спросила Лизавета Ивановна.

— Посылала, маменька, отвѣчала та, не поворачивая головы.

— Кто пошелъ?

— Никто не ходилъ. Яковъ говоритъ, что это жгутовскіе.

— Вѣрно Андрюшка съ кѣмъ-нибудь изъ дворовыхъ. Ахъ, батюшки! Да вѣдь Григорій Алексѣичъ ужь давно долженъ быть въ селѣ. Не онъ ли это бѣдняжка? Жаль мнѣ его, Маша. Молодой человѣкъ, только что жить начинаетъ, а ужь остался круглою сиротой. Одинъ отецъ только и былъ на свѣтѣ, и того потерялъ. Каково ему было въ Петербургѣ, ни о чемъ не зная, не вѣдая, вдругъ получить такое извѣстіе!

Дѣвушка отвернулась и украдкой отерла глаза.

— Однако, чего же я думаю? Вѣдь онъ навѣрно зайдетъ сюда; въ прошломъ году частенько у насъ бывалъ. Куда ты, дружочекъ?

— Я въ садъ, маменька.

— Что тебѣ вздумалось? Вѣдь дождикъ только-что пересталъ; весь подолъ вымочишь. Подъ-ка сюда, что ты сегодня такая блѣдная?

Марья Васильевна подошла къ матери. Живой румянецъ вспыхнулъ у ней на лицѣ и въ ту же минуту опять исчезъ.

— Что съ тобой, Маша, здорова ли ты?

— Ничего, маменька; я здорова... Ахъ Боже мой! Кто это? Во сосѣдней комнатѣ слышались скорые шаги.

— Григорій Алексѣичъ идутъ, сказала дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, просунувъ голову въ двери и хотѣла уйти; но Лизавета Ивановна остановила ее.

— Танька! Танька! постой! говорила она вставая:—пойдемъ со мной, скорѣе давай одѣваться; да сбѣгай въ кухню, къ Авдотѣ, скажи чтобы сейчасъ пришла въ спальню. Маша, ты сдѣлай милость, выйди къ нему, покуда я соберусь. Видишь, я въ юпкѣ и не причесана; нельзя же мнѣ встрѣтить его въ такомъ нарядѣ; вѣдь онъ уже не мальчикъ; надо хоть платье надѣть, да чепчикъ перемѣнить.

Но дочь не слыхала и половины того, что ей говорили. Подбѣжавъ къ зеркалу, она поправила волосы, обернула перлеринку и вылетѣла какъ птица изъ комнаты.

На крыльцѣ, она встрѣтила гостя, сосѣда, съ которымъ знакома была давно. Съ дѣтскихъ лѣтъ, они были друзьями. Въ ту пору, когда она въ первый разъ его увидала, она была

еще дѣвочка лѣтъ восьми, очень дикая и застычивая, съ большими сѣрыми глазками, съ коротко-обстриженными рыжими волосенками, и съ очень отталкивающимъ характеромъ. Это былъ кроткій и тихій, съ виду почти холодный ребенокъ, который въ куклы не игралъ, смѣялся рѣдко и очень немногимъ интересовался въ обыкновенное время. Но бывали минуты, когда на нее находила вдругъ быстрая перемена. Вдругъ запалить, раскокочется, станеть пѣть пѣсни, рассказывать сказки или пойдетъ бѣгать, какъ кошка, по двору, по саду, лазить по лѣстницамъ, чердакамъ, пристаеть ко всѣмъ въ домѣ, изорветъ платье, испачкаетъ руки, исцарапаетъ шею, лицо; но едва успѣетъ отецъ или мать, пожавъ плечами, сказать: «что это случилось съ Машей?» смотреть, а Маша ужъ не слышать; сидитъ гдѣ-нибудь въ уголку, смиренконько, или смотритъ въ окошко по цѣлымъ часамъ, не трогаясь съ мѣста. Игрушки, обновки рѣдко доставляли ей очень большое удовольствіе. Посмотритъ бывало, открывъ широко глаза, повертитъ въ рукахъ, а потомъ броситъ и совершенно забудетъ. Несмотря на то, ящики и карманы у ней всегда бывали полны всякою дрянью, которую она берегла и любила какъ рѣдкость. Тряпка какая-нибудь, доскутъ пестрой бумаги, кусокъ цвѣтнаго стекла, камушекъ особенной формы, сухой листъ, поднятый осенью на землѣ, ни съ того, ни съ сего, стануть вдругъ ея фаворитами; она прячетъ ихъ тщательно, бережетъ и разглядываетъ наединѣ, и называетъ разными странными именами. Одна изъ такихъ бездѣлокъ была поводомъ къ маленькой ссорѣ между ею и молодымъ Лукинымъ. Они видѣлись часто, то въ Жгутовѣ, то въ Ручьяхъ, и часто играли вдвоемъ. Разъ, — это было въ Жгутовѣ, лѣтомъ, на берегу небольшого пруда—Маша поднимала съ земли плоскіе камушки, которые тотъ ловко пускалъ отскокомъ вдоль по водѣ. «А! какой славный! красивый!» сказалъ онъ, выбирая одинъ; посмотрѣвъ на него съ минуту, отправилъ его туда же, вслѣдъ за другими.— Что за красивый, отвѣчала она. — Вотъ у меня есть красивый!—Дѣвочка вынула изъ кармана красивый, продолговатый песчаникъ съ бѣлыми жилками, гладко обтертый и закругленный со всѣхъ сторонъ.—Дай-ка сюда, сказалъ Гриша; но она не хотѣла отдать.— Это мой милый камушекъ, мой фаворитъ, говорила она, верти свою рѣдкость передъ глазами товарища.— Не отдашь? сказалъ онъ, и въ ту же минуту, ловко выхвативъ фаворита, пустилъ его вдоль пруда.—Камень

одышать два сазенныхъ отавока и упалъ въ воду, немножко не долетѣвъ до противоположнаго берега. Лукинъ обернувшись къ ней съ торжествомъ, желая знать, что она скажетъ; но вмѣсто отвѣта получилъ звонкую оплеуху. Онъ всныхнулъ и бросился на нее какъ кошка; но видя, что она не дѣлаетъ никакого движенія, чтобы защищаться, и что крупныя слезы навертываются у ней на глазахъ, остановился какъ вкопанный, посмотрѣлъ на нее очень грозно, и отошелъ въ сторону. Дѣвочка съѣла у берега на траву, и утирая глаза кулакомъ, начала горько плакать. Лукинъ долго глядѣлъ на нее въ сильномъ недоумѣнн, потомъ вдругъ, не говоря ни слова, обѣжалъ прудъ кругомъ и залѣзъ въ воду по поясъ.—Маша! поди сюда! кричалъ онъ, я помню куда онъ упалъ, я сейчасъ его вытащу.— Она прибѣжала въ ту же минуту, и сама чуть не влѣзла въ воду за нимъ; но тонкіе башмачки ея начали вязнуть въ глубокой тишѣ, и это ее испугало; а между тѣмъ тотъ, весь мокрый, шарилъ руками на днѣ, и забирая оттуда пригоршнями разную дрянъ, подавалъ ей на берегъ. Они вмѣстѣ вынимали изъ грязи все, что по формѣ хоть сколько-нибудь было похоже на фаворита.—Этотъ? спрашивалъ онъ.—Нѣтъ, не этотъ, отвѣчала она, и начинала опять реветъ. Минуть пять длилось это занятіе; наконецъ, мачиха, издали увидавъ его въ водѣ, позвала къ себѣ, и больно выдрала за уши. Дѣвочка видѣла наказаніе, и сначала, въ испугѣ, бросилась прочь отъ пруда; но потомъ когда они снова остались вдвоемъ, жалость ее взяла: она сама подошла къ нему, обняла крѣпко за шею, и начала цѣловать.— Не сердись, Гриша, сказала она; я тебя очень люблю. Ты будешь мой фаворитъ!—И съ этихъ поръ она прозвала его *камушкою*.—Камушекъ! камушекъ мой прѣхалъ! кричала она иногда, завидя его въ Ручьяхъ изъ окна и выбѣгая въ припрыжку къ нему на встрѣчу. Два года спустя, его отвезли въ Петербургъ, и это разстроило ихъ короткія отношенія. Мальчикъ, въ гимназій, одичалъ и получилъ то казачье презрѣніе къ бабамъ, которое часто является въ школьникамъ; прежде чѣмъ пухъ выроетается у нихъ на щекахъ. Прѣзжая домой, на вакаціи, онъ смотрѣлъ свысока на прежнюю свою фаворитку, которая долго понять не могла, что съ нимъ случилось. Увидавъ стараго друга въ курткѣ, съ краснымъ воротникомъ и съ волосами, обстриженными подъ гребенку, она сперва начала хохотать; но послѣ, замѣтивъ въ немъ много другихъ переменъ, сама стала дичиться. Съ этихъ поръ поцѣ-

Луи, и Гриша, и Мама, и ты, пошли совершенно въ отставку. Разъ какъ-то еще, распалившись, она по старой привычкѣ, назвала его камушкою; но онъ такъ строго нахмурилъ брови, что она испугалась, и больше уже не смѣла произносить это слово. А между тѣмъ, время быстро летѣло, и съ каждымъ лѣтомъ они находили другъ въ другъ новыя перемены. Дѣвочка выросла, поподнѣла и стала годъ отъ году хорошеѣть, а онъ изъ мальчика сталъ мужчиной. Въ первый годъ послѣ выпуска изъ гимназіи, когда онъ прѣхалъ къ ней лѣтомъ въ Ручьи, она совсѣмъ не узнала его; онъ тоже смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Длинные кудри, корсетъ и длинное платье, все было такъ ново въ его глазахъ; но прежде чѣмъ кончилась его вакація въ этомъ году и не успѣлъ еще онъ уѣхать назадъ въ Петербургъ, какъ случай сблизилъ ихъ снова.

Разъ въ сумерки, возвращаясь съ отцомъ изъ Торопца, куда они ѣздили оба верхомъ, Лукинъ увидалъ въ сторонѣ отъ дороги, по направленію къ Ручьямъ сильное зарево. Они тотчасъ же повернули съ дороги направо и поскакали во весь опоръ. Пожаръ былъ въ Ручьяхъ. Въѣзжая въ село, они застали ужасную суматоху: дымъ, пламя, вой, крикъ, бѣготня; горѣли службы: одна изба только-что занималась, а другая стояла ужъ вся въ огнѣ. Чтò было народу по близости, все сбѣжалось, кто съ ведрами, кто съ топоромъ, но тушить было трудно, не доставало ни рукъ, ни орудій. Несмотря на то, пять или шесть человекъ залѣзло уже на крышу, спѣша разобрать ее, прежде чѣмъ пламя успѣетъ все охватить. Между ними, при яркомъ свѣтѣ огня, былъ виденъ самъ старый морякъ Веригинъ. Безъ шапки и сюртука, съ засученными рукавами и съ ломомъ въ рукахъ, онъ стоялъ молодцомъ, усердно трудясь и ободряя своихъ мужиковъ. Увидѣвъ прѣзжихъ, онъ обратился къ нимъ съ просьбой взять подъ команду народъ, который внизу ломалъ заборъ и сарай. Съдой майоръ ни слова не говоря, тотчасъ слѣзъ съ лошади и взялся за дѣло. Его сынъ уже былъ на ногахъ. Схвативъ топоръ, онъ шолъ за отцомъ, но въ эту минуту кто-то назвалъ его по имени. Оглянувшись, онъ увидалъ Марью Васильевну съ матерью. Онѣ стояли подъ деревомъ, противъ избы, прижимаясь другъ къ другу отъ страха и заслоняя руками глаза. Лукинъ поклонился и хотѣлъ идти мимо, какъ вдругъ дѣвушка вскрикнула и всплеснула руками. Сквозь облако дыма, при яркомъ свѣтѣ огня, трескучія искры котораго падали къ ея ногамъ, въ око-

никъ избы, уже горѣвшей внутри, она увидѣла кого-то. — Пашка! Пашка моя горитъ! закричала она, бросаясь впередъ. А Пашка была пятилѣтняя дѣвочка, сирота, которую Марья Васильевна очень любила и берегла. Въ суматохѣ, ее забыли вынести изъ избы, въ которой она спала, и въ которой давно уже не было ни души. — Пашку! Пашку забыли! Пашка моя горитъ! кричала Марья Васильевна, подбѣгая такъ близко къ избѣ, что дымъ едва позволялъ ей дышать. Лукинъ догналъ ее въ ту же минуту. — Гдѣ? спросилъ онъ. Дрожа всѣми членами, она указала ему на окно. Ребенокъ былъ ясно виденъ въ эту минуту. Вскрабавшись на прилавокъ и уцѣпясь ручонками за толстую подоконницу, она силилась высунуть голову изъ избы, гдѣ ей стало душно и горячо. Въ ту же минуту Лукинъ сбилъ раму съ петель и полѣзъ вверхъ, чтобы выманить дѣвочку изъ окна; но едва онъ успѣлъ это сдѣлать, какъ пламя и дымъ пахнули ему въ лицо. Вслѣдъ за тѣмъ слабый крикъ раздавался внутри и что-то тяжелое рухнуло на полъ. Спрыгнувъ на землю, онъ кинулся въ избу черезъ сѣни; за нимъ вбѣжало двое другихъ. Черезъ минуту, всѣ трое вернулись оттуда, черные, выпачканные, съ опаленными волосами; у Лукина обѣ руки были обожжены, и платье курилось въ разныхъ мѣстахъ; но онъ счастливо вынесъ ребенка, котораго онъ нашелъ ужь подъ лавкою, на полу, и самъ отдалъ на руки Марьѣ Васильевнѣ. Та, въ этотъ день, не сказала даже спасибо, такъ сильно была перепугана; но за то на другой, когда онъ пришелъ къ нимъ изъ Жгутова вмѣстѣ съ отцомъ, она встрѣтила его такимъ взоромъ, который глубоко запалъ ему въ душу. Ни слова не говоря, она взяла его за руку и повела въ свою комнату, гдѣ малютка лежала у ней на постели. Шея и ножки были жестоко обожжены, и закутаны въ вату; но несмотря на обжогъ, увидавъ свою госпожу, она улыбнулась. Что было сказано въ эту минуту, никто не помнилъ потомъ, но это свиданіе и пожаръ остались памяти обоимъ. Они быстро сошлись. То чувство, которое между ними возникло, было ново для нихъ. Не думая, не гадая, они влюбились другъ въ друга по уши, влюбились сами не зная что съ ними дѣлается. Ни онъ, ни она не жили еще тою жизнью, которая приводитъ опытъ вслѣдъ за собой. Монастырскія стѣны гимназій, а послѣ тѣсный кружокъ университетскихъ товарищей и время, почти вполнѣ поглощенное строгимъ трудомъ, отдѣляли его отъ свѣта, а она едва успѣла выйдти изъ дѣтскихъ лѣтъ и кромѣ

двухъ трекъ сосѣдникъ семействъ, стѣзжавшихся въ гости другъ къ другу, по табельнымъ днямъ, въ деревни въ глуши, почти не видава людей. Все это давало имъ новому отношенію тотъ святой, простой ароматъ, который рѣдко бываетъ удѣломъ любви, прошедшей сквозь все параграфы анализа, прежде чѣмъ вспыхнуть своимъ самобытнымъ огнемъ. Любовь ихъ шла легкимъ, свободнымъ шагомъ, не выходя на подмоетки передъ сознаниемъ, не драпируясь сентиментальнымъ нарядомъ. Препятствія, ревность, кокетство, сомнѣніе, все это было имъ незнакомо. Развѣлка лежала простая и ясная впереди; дорога къ ней казалась такая прямая и гладкая. Ни онъ, ни она, ни мать ея, ни отецъ, которымъ извѣстны были ихъ отношенія, не могли предвидѣть грозы. Она собиралась гдѣ-то въ сторонѣ, въ сторонкѣ, за небосклономъ, собиралась тихо и долго...

— Григорій Алексѣевичъ! сказала дѣвушка, протянувъ къ нему объ руки; и онъ и она покраснѣли. Черезъ минуту, они были въ саду.—Какой вы молчали! сказала она, взявъ его подъ руку...—Когда вы пріѣхали?

— Третьяго дня, поздно вечеромъ.

— А письмо въ Петербургъ давно получили?

— Въ четвергъ, и въ тотъ же день выѣхалъ.

— Мы съ маменькой очень жалѣли, что Иванъ Кузмичъ раньше васъ не увѣдомилъ. Онъ долженъ былъ вамъ написать въ тотъ же день, какъ только папенька захворалъ. Но скажите мнѣ, ради Бога, что вы такъ долго дѣлали въ Петербургѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ, отчего не пріѣхали къ намъ въ маѣ или въ іюнѣ, какъ прежде бывало?

— Не знаю, Марья Васильевна, я самъ, до сихъ поръ, понять не могу отчего. Отецъ съ каждою почтой писалъ, чтобъ я погодилъ выѣзжать, что онъ самъ пріѣдетъ ко мнѣ по какому-то дѣлу, въ которомъ я много могу ему пособить; а по какому, ни слова не объяснялъ, и такимъ образомъ цѣлое лѣто прошло у насъ врозь; такъ скучно прошло, какъ никогда еще не бывало. Точно какъ будто мнѣ больше не суждено было его увидать...

Она взглянула украдкой на сосѣда, крупныя слезы катились у него по щекамъ. Чувство нѣжнаго, женскаго состраданія мелькнуло на миломъ лицѣ молодой дѣвушки.

— Но, что же это за дѣло такое? спросила она, стараясь его развлечь.—Вамъ надо было бы узнать. Можетъ-быть нужное что-нибудь,—что-нибудь, что до васъ касается?

— Можетъ-быть; но если и такъ, то теперь уже поздно.

— Отчего поздно?

— Да такъ, что жъ я одинъ, безъ отца, могу одвѣлать?

— Какъ знаты!.. Вы бы Ивана Кузмича разспросили.

— Я разспрашивалъ у него обо всемъ, подробно, третьяго дня. Онъ говоритъ, что отецъ имѣлъ точно разные планы насчетъ меня и много чего затѣвалъ, но не успѣлъ ничего привести въ исполненіе.

— Жаль! сказала она, вздохнувъ.—Иванъ Кузмичъ славный человекъ, продолжала она, минуту спустя,—вы любите Ивана Кузмича?

— Можно ли его не любить?

— Онъ будетъ у васъ хозяиномъ въ Жгутовѣ, когда вы уѣдете въ Петербургъ?

Лукинъ молчалъ, потупивъ глаза.

— Вы долго останетесь въ Жгутовѣ?

— Нѣтъ... я уѣзжаю довольно скоро... на дняхъ... можетъ-быть даже... завтра.

Она широко открыла глаза и пристально на него посмотрѣла; онъ былъ очень блѣденъ въ эту минуту.

— Что это значить? спросила она.

— Значить, произнесъ онъ не рѣшительно,—значить, что мнѣ здѣсь негдѣ болѣе жить...

— Какъ такъ?

— Такъ, Жгутово переходить въ чужія руки...

— Въ чужія?...

— Да, оно было записано на имя Варвары Клементьевны и переходить теперь въ ея родъ... Законный наследникъ пріѣхалъ уже туда и ждетъ, не дожидется, когда я выберусь вонъ!

— Боже мой! сказала она, всплеснувъ руками.—Боже мой! Что же это такое? Что это? Какой законный наследникъ можетъ быть кромѣ васъ?

— Какой наследникъ?... Дмитрій Егоровичъ Барковъ, племянникъ покойной мачихи. Вы слышали, конечно, объ немъ, онъ давно уже здѣсь.

Она въ свою очередь поблѣднѣла.

— Да, я слыхала, конечно... я даже видѣла этого человека на похоронахъ у Алексѣя Михайловича. Но мнѣ и въ голову не могло придти, чтобъ онъ... чтобъ онъ за этимъ пріѣхалъ. Я понять не могу. Какъ это такъ! Вѣдь вы родной сынъ! По какому же праву онъ можетъ отнять?... Это ужасно не сира-

ведливо!... Это... низко, не благородно съ его стороны! Голосъ ея начиналъ замѣтно дрожать.—Сядемъ, сказала она,—я устала идти.

Они сѣли на маленькую скамейку къ аллеѣ, короче знакомую обѣимъ, и нѣсколько времени оба молчали; потомъ, она стала снова спрашивать; но Лукинъ не зналъ, что ей отвѣчать. Онъ сидѣлъ, закрывая руками лицо, и молчалъ, какъ убитый. Она тихо и робко отняла одну руку и посмотрѣла ему въ глаза. Взглядъ полный тоски и нѣмого отчаянiя былъ отвѣтомъ на этотъ безмолвный вопросъ. Слезы блеснули у ней на глазахъ.

— Вы не хотите со мной говорить? продолжала она. — Давно ли это? Что такое я сдѣлала? Отчего я вдругъ стала для васъ чужая?

— Вы?... чужая?... перебилъ онъ, съ трудомъ заставляя себя отвѣчать.—Это неправда. Я шелъ къ вамъ сюда, какъ въ родную семью, шелъ къ своимъ отъ чужихъ... именно затѣмъ, чтобъ отдохнуть и поговорить съ вами. Но у меня въ головѣ такая каша... я право самъ не знаю, что со мной дѣлается. О дѣловыхъ подробностяхъ я не могу теперь говорить, я занятъ былъ ими два дня, былъ отравленъ ими все время, и ядъ давить меня вотъ тутъ. Онъ показалъ рукой на горло.

— Бѣдный, Гриша! сказала она, горячо сжимая руку его въ обѣихъ рукахъ и смотря на него сивозъ слезы.

— Когда-нибудь, продолжалъ онъ,—когда я уже не буду съ вами, вы узнаете все это дѣло... отъ матушки... отъ сосѣдей... Иванъ Кузмичъ, пожалуй, расскажетъ вамъ все, а я теперь не могу. Я усталъ и пришелъ сюда отдохнуть. Не много часовъ осталось у насъ впереди, эти часы очень дороги для меня. Дайте мнѣ посидѣть возлѣ васъ попрежнему, тихо, спокойно, и насмотрѣться на васъ въ послѣднiй разъ, прежде чѣмъ я уѣду отсюда... на долго... можетъ-быть навсегда.

— Зачѣмъ навсегда? спросила она въ сильномъ волненiи.

— Зачѣмъ? Это легко спросить, но что я могу сказать вамъ въ отвѣтъ? Развѣ я знаю, зачѣмъ все это случилось? Зачѣмъ вся судьба, все будущее у меня впереди стало вдругъ совершенно иначе, чѣмъ я ожидалъ?... Что я теперь? Нищiй, студентъ, безъ гроша въ карманѣ, нищiй, который не знаетъ, что съ нимъ будетъ завтра. Въ такихъ обстоятельствахъ, развѣ я могу отвѣчать, что я сюда возвращусь? Да еслибъ и случилась

возможности, то куда я приду? У меня здѣсь не будетъ угла своего.

Сосѣдка его заплакала.—А мы-то? А нашъ-то домъ?... Грѣшь вамъ, Григорій Алексѣичъ, такъ говорить! Вы насъ совсѣмъ позабыли... совсѣмъ разлюбили, я это вижу ясно изъ вашихъ словъ.

— Къ несчастію, это не такъ легко, какъ вы думаете!

— Къ несчастію? съ упрекомъ повторила она.

— Да, отвѣчалъ онъ рѣшительно.—Къ чему обманывать себя пустыми мечтаніями?... Постоянная любовь, вѣрность, все это можетъ быть хорошо для того, кто идетъ по ровной дорогѣ, кого ждетъ успѣхъ впереди. А въ моемъ положеніи было бы подло и низко подать вамъ какую-нибудь надежду на будущее. Да и какъ дать другому то, чего самъ не имѣешь?

Въ слезахъ она опустила голову къ нему на плечо.

— Оставьте будущее въ покоѣ, прошептала она,—мнѣ дорого настоящее... Зачѣмъ настоящее отнимать?

Онъ былъ внѣ себя и часто мѣнялся въ лицѣ.

— Настоящее, повторилъ онъ,—но вѣдь это минута, которая уже проходитъ! Съ трудомъ выговаривая слова, онъ принудилъ себя улыбнуться, но усмѣшка его была страшна, блѣдныя губы болезненно покривились. Испуганная, дрожащая, Марья Васильевна схватила его за обѣ руки.

— Нѣтъ, нѣтъ! говорила она:—все не кончено еще, все не пройдетъ такъ скоро... Богъ не позволитъ! Богъ оградитъ!... Она не успѣла окончить, какъ тоненькій, дѣвичій голосокъ раздался за кустами.

— Барышня! Гдѣ вы? Маменька зовутъ васъ я Григорій Алексѣича въ комнату.

Дѣвочка, посланная за ними, отыскивала ихъ въ саду. За вѣтвями ее не было видно; но легкіе, быстрые шаги ея босыхъ ножекъ слышны уже были въ сосѣдней аллеѣ. Оба встали и пошли прочь отъ того мѣста, откуда звукъ долеталъ. Черезъ минуту, дѣвочка догнала ихъ на поворотѣ, повторяя тѣ же слова.

— Хорошо, скажи, что сейчасъ придемъ, отвѣчала Марья Васильевна, отворачиваясь отъ нея и обмахивая лицо платкомъ. Они сдѣлали еще кругъ по аллеѣ, прежде чѣмъ пошли въ комнату. Старушка встрѣтила ихъ на балконѣ, она обняла Лукьяна и поцѣловала въ обѣ щеки.

— Здравствуй, Гриша! Здравствуй, батюшка! говорила она.—Куда это вы, вдвоемъ, отъ меня убѣжали? Я ужъ хотѣла сама

векать васъ въ саду, да сирости побоялась. Ну, дай-ка-сь на себя посмотрѣть. Фу! Да какой же ты сталъ молодецъ! Хотѣ сейчасъ въ гренадеры. Ну кто бы узналъ теперь того мальчугана, что годичковъ десять тому назадъ я сама на рукахъ таскала! Охъ! Много воды съ тѣхъ поръ утекло! Садись, садись, батюшка, потолкуемъ. Горе большое у насъ безъ тебя приключилось. Богъ всѣмъ намъ слезы послалъ... И надо же было тебѣ, какъ на грѣхъ, этимъ-то именно лѣтомъ, сюда опоздать! Мы съ Машей часто объ этомъ здѣсь говорили. Маша! Да куда же она дѣвалась? Сейчасъ тутъ была... А, да вотъ и она. Подъ-ка сюда, сударыня; дай-ка-сь на платье свое посмотрѣть... Что? Подоль-то, я чай, весь мокрый?

— Ничего, маленька, отвѣчала Марья Васильевна;—это высохнеть черезъ полчаса. Это все оттого, что такъ длинно;—я вамъ говорила тогда.

— Говорила! говорила! ворчала старушка, осматривая ее съ ногъ до головы и останавливая свой вопросительный взоръ на лицѣ. — Чѣмъ пустяки-то говорить, свежи-тка мнѣ лучше, что съ тобой сдѣлалось, что тебя сегодня узнать нельзя? Что это у тебя глаза? Точно какъ будто ты плакала.

Дочь потупила голову, не зная что отвѣчать, но старушка, замѣтивъ ея смущеніе, не продолжала допроса. Обращаясь опять къ Лукину, она стала его спрашивать о своемъ сынѣ, который учился въ корпусѣ, въ Петербургѣ; потомъ разговоръ перешелъ къ болѣзни и смерти покойнаго Лукина, всѣ главныя обстоятельства которыхъ были подробно известны Лизаветѣ Ивановнѣ. Тѣмъ временемъ подали завтракъ.

— Кушай, батюшка, кушай, говорила она, накладывая Лукину полную тарелку яичницы съ ветчиной.—Стыдно тебѣ со мной церемониться. Молодой человекъ, все утро на ехотѣ, пѣшкомъ пришелъ за восемь верстъ; нельзя не проголодаться. Покойный отецъ твой, на этотъ счетъ, всегда себя велъ молодецкомъ и никакой діеты терпѣть не могъ. Мы даже часто ссорились за это. Въ послѣдній разъ, помню, не дальше какъ за недѣлю до смерти, онъ былъ еще на ногахъ, и мы, отъ объдни, поѣхали вмѣстѣ къ Кондратью Егоровичу въ Масловку,—ты знаешь Кондратя Егорыча? Онъ выбранъ теперь судьей на мѣсто Шелкова и будетъ жить въ городѣ. Маша съ нами была, а онъ въ ту пору ужъ былъ нездоровъ и дорогой все жаловался на спазмы. «Плохо, говорить, матушка Лизавета Ивановна; подъ ложечкой точно какъ камень лежитъ; всю

ночь сегодня не спать; думалъ, советамъ ужъ Богу душу отдаю.»—Христосъ съ тобой, Алексѣй Михайловичъ, я говорю, въ твои года рано еще помирать. Да ты бы маты горячей на ночь непилъ, такъ къ утру и былъ бы здоровъ. «Не люблю, говоритъ, я эту мятку и въ день ее не держу; а есть у меня, говоритъ, одно солдатское ередство, — полынная; такъ ту я пробовалъ раза два и вѣчоръ и нынче поутру.»—Ну чтожь, помогла? «Да вѣтъ, говоритъ;—сначала, какъ выпьешь, такъ оно какъ будто и легче, маленько отдаетъ; а черезъ часъ смотри опять то же. Вотъ и теперь, говоритъ, такъ коробить, что Господи упаси.» Я стала его упрашивать, чтобъ онъ домой воротился. да тамъ горчишникъ себѣ поставилъ на грудь, а онъ смѣется. «Отроду, говоритъ, гадости этой не дѣлалъ.»—Ну, воля твоя, батюшка.—Такъ и прѣехали мы къ Кондратию Егорычу въ Масловку. Къ обѣду стало ему полегче; а за обѣдъ батюшкѣ со льдомъ первымъ кушаньемъ подавали. Гляжу я на Алексѣя Михайлыча, а онъ себѣ цѣлую тарелку беретъ. —Что ты отецъ мой, я говорю,—въ своемъ ли умѣ? Ночью хотѣлъ умирать; а теперь... «Ничего, говоритъ, я себя знаю.» Стала я ему выговаривать, а онъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало, хохочетъ да вѣтъ,—и хозяинъ тоже хохочетъ. Ну, думаю я, не быть бы обѣдѣ, и на другой день побѣжала въ Жгутове провадать. Смотрю, а онъ ужъ въ постели лежитъ. Насилу его уломали за докторомъ въ городъ послать;—думали, доктора больше послушаетъ. А у него такой былъ обычай. Рецептъ возьметъ и деньги заплатитъ и за лѣкарствомъ въ Торонецъ пошлетъ, да только какъ принесутъ ему банку, онъ ее въ шлангъ, подъ замокъ, да такъ она тамъ и стоитъ цѣлый годъ съ печатью и съ ярлыкомъ, стоитъ не раскупоренная, палцемъ до нея не дотронуется. А иной разъ, какъ только увидитъ, такъ и кричитъ: вошь ее, Павелъ! лей за окошко! Только ни разу еще, сколько помню, за окошко лѣкарство не выливали. Паланка ваша, дурачья, выпроситъ сыланку себѣ и выпьетъ всю дочиста. «Дура, ты, дура! Да для чего же ты это дѣлаешь?»—А пузырекъ, матушка, нуженъ. «Такъ ты бы его и взяла, а зелье-то пьешь зачѣмъ?»—А неужто же, матушка, и взаправду его выливать? Вѣдь за него поди-ты какія деньги заплачены!

Отъ Палашки она вернулась опять къ послѣдней болѣзни сосѣда, къ его кончинѣ, похоронамъ. Старушка была мастерица разказывать, и время прошло незамѣтно вплоть до обѣда.

Поскѣ обѣда она легла отдохнуть, а Марья Васильевна, съ гостемъ, опять остались вдвоамъ. Они сидѣли въ гостиной, которая окнами смотрѣла на дворъ. На дворѣ мелкій дождь сыпалъ щедро, сбѣгая ручьями со стеколъ и крышъ и съ лѣтневъ березъ, которыя густымъ заборомъ стояли вѣкругъ пруда. Въ комнатѣ стало темно отъ гари и отъ сѣрой погоды. Они долго молчали.

— Вы придете къ намъ еще разъ, проститься? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лукинъ. — Я ѣду скоро, можетъ-быть завтрашній день.

— Какъ вы спокойно это говорите!

Онъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на нее печально.

— Нѣтъ, Григорій Алексѣичъ! продолжала она, замѣтивъ въ лицѣ его быструю паремъну. — Не думайте, чтобъ я хотѣла васъ чѣмъ-нибудь попрекнуть. Я только хотѣла спросить: зачѣмъ вы прячете ваше чувство? Вы точно стыдитесь мнѣ показать, что васъ это огорчаетъ.

— Я не стыжусь, Марья Васильевна, но мнѣ тяжело, такъ тяжело, что я не могу разказать. Знаете что меня мучить?

— Что?

— Ваша судьба... я испортилъ ее.

— Это неправда! Почему вы знаете, что мнѣ суждено? Можетъ быть мнѣ суждено еще быть... счастливою. А говоря о прошедшемъ, клянусь вамъ, ни мать, ни отецъ, ни то на свѣтѣ не сдѣлали мнѣ столько добра какъ вы. Какъ я ни мелода, а это я очень хорошо понимаю. Безъ васъ я завла въ этой глуши, какъ вынуть здѣсь многія дѣвушки, не знавша въ жизни ни одного счастливаго дня. Все, что во мнѣ есть хорошаго,—все отъ васъ... Три года, я была счастлива черезъ васъ.

— А теперь? А потомъ?

— Теперь и потомъ развѣ вы виноваты? Грѣшно было бы мнѣ васъ обвинять. Укажите, если это непременно нужно,—ищите себѣ другую родину, новыхъ друзей... Я такъ много отъ васъ получила, что не имѣю права требовать болѣе. Я васъ только прошу: не забывайте меня совсѣмъ. Вспомните обо мнѣ хоть разъ въ годъ и напишите мнѣ нѣсколько строкъ... Гдѣ вы? Здоровы ли вы? Что вы дѣлаете?.. вотъ и все.

— Милая Марья Васильевна! онъ отвѣчалъ, цѣлуя руку, ему протянутую:—я не могу отказать въ вашей просьбѣ, но я

васъ прошу: возьмите ее назадъ. Я васъ не забуду, еслибы даже я этого и хотѣлъ, но переписка со мною можетъ жестоко вамъ повредить. Она будетъ поддерживать старую привязанность и помѣшаетъ составиться новой, а новая вамъ нужна.

— Зачѣмъ это?

— Зачѣмъ, что вы должны имѣть въ жизни точку опоры болѣе положительную чѣмъ привязанность къ человѣку, который вамъ больше не пара. Думайте о себѣ: вотъ вамъ моя послѣдняя воля, мое завѣщаніе, заботьтесь о собственномъ счастьѣ, а меня предоставьте судьбѣ. Одинъ я легче снесу свое горе. Покуда я самъ, одинъ, за себя отвѣчаю,—все сносно, но знать, что есть другой человѣкъ, котораго я люблю, и которому я испортилъ всю жизнь, и который долженъ дѣлать со мной до конца мою подлую участь...

— *Подлую участь!* перебила она, смотря со страхомъ ему въ глаза.—Отчего *подлую*?.. Давно ли вы сами учили меня иначе смотрѣть на бѣдность и трудъ человѣка, который вынужденъ самъ себѣ зарабатывать хлѣбъ?

Лукинъ спохватился. Онъ не хотѣлъ открыть ей всего, или, вѣрнѣе сказать, у него не хватало духу на такой подвигъ, но въ пылу разговора, онъ сказалъ слово, которое нужно было теперь объяснить.

— Кромѣ бѣдности, онъ отвѣчалъ,—есть еще кое-что, что мнѣ достается на долю. Отецъ оставилъ долги, отъ которыхъ я не могу отказаться, не обезчестивъ имени, которое я ношу. Я долженъ ихъ взять на себя, а между тѣмъ они ставятъ меня на долго, если не навсегда, въ зависимость отъ людей, которыхъ я ненавижу. Я рабъ ихъ,—развѣ это не унижительно?

— Нѣтъ! отвѣчала она и хотѣла еще что-то сказать, но голосъ ея задрожалъ. Крупныя слезы навертывались у ней на глазахъ; по старой привычкѣ, она утирала ихъ кулаками.— Нѣтъ! повторила она громче прежняго.— Унижительно то, къ чему вы хотите меня принудить. Вы хотите, чтобъ я оставила васъ въ несчастіи и думала только о себѣ!

Лукинъ потупилъ глаза и долго молчалъ.

— Послушайте, Марья Васильевна, сказалъ онъ наконецъ,—еслибы вы имѣли средства меня спасти, я ни слова бы не сказалъ. Я принялъ бы вашу помощь такъ же весело и охотно какъ вы бы мнѣ ее предложили. Но этого нѣтъ, и вы можете только себя утопить, стараясь вытащить меня изъ воды, а на это я не согласенъ. Я не могу принять такую жертву. Вы

молоды; въ ваши дѣта мало однихъ безплотныхъ чувствъ да нѣжныхъ воспоминаній; чтобы наполнить всю жизнь. Не будьте ребенкомъ, подумайте объ этомъ спокойноѣ. У васъ есть мать, есть семейство и будущность, вы сами должны быть современемъ матерью и женой. Какое право я имѣю лишить васъ всѣхъ этихъ мирныхъ и прочныхъ радостей жизни, чтобы дать вамъ на мѣсто ихъ—что такое? Однѣ только слезы да напрасныя ожиданія..

— Отчего же напрасныя? Развѣ ваше положеніе не можетъ перемѣниться?.. Когда-нибудь... что нужды когда?.. рано или поздно... я буду ждать терпѣливо; только, ради самого Бога, не отнимайте у меня всего. Подумайте, что со мной будетъ... Вы мнѣ пророчите новую привязанность, но я не хочу; я рѣшительно этого не хочу; мнѣ противно объ этомъ думать... вы не имѣете права требовать этого отъ меня; потому что еслибъ я даже и захотѣла послушаться васъ, то развѣ это зависитъ отъ моей воли? развѣ я могу шутить такъ съ своимъ сердцемъ? Не удалось съ однимъ, — другаго искать!.. Вы сами,—помните, Гриша?—*вы сами* какъ часто мнѣ объясняли, что это низко. А теперь вы же ведите мнѣ такъ поступать. Я васъ узнать не могу! Что дѣло касается васъ самихъ, такъ развѣ это причина, чтобы вы судили о немъ иначе?..

— Марья Васильевна, отвѣчалъ онъ:—вы меня не такъ понимали. Я не требую, чтобы вы искали новой любви; я только желаю, чтобы вы отъ нея не бѣжали и не отворачивались, если она сама встрѣтится вамъ по пути. Я желаю...

— Если вы этого желаете, перебила она горячо, — то вы меня никогда не любили!

— Маша! Вы ли это говорите? Онъ хотѣлъ взять ее за руку, но она съ сердцемъ оттолкнула его.

— Оставьте меня! Не играйте комедіи! Я вамъ не вѣрю! Вы меня обманули! Я несчастная, несчастная дѣвушка! Она вскочила и, вся въ слезахъ, убѣжала изъ комнаты.

Съ полчаса ходилъ онъ одинъ по гостиной, порой останавливаясь и оглядываясь кругомъ, какъ будто бы ожидая увидѣть кого-нибудь, но въ комнатѣ не было ни души. Еѣ наполняли одни только образы да сцены изъ прошлой жизни. Каждая мебель, каждая вещь на стѣнѣ или на столѣ,—все было знакомо ему издавна, и все приводило на память кого-нибудь или что-нибудь. Лица сосѣдей или сосѣдокъ, послѣ обѣдни,

въ храмовой праздникъ, наѣхавшихъ въ гости къ Веригинимъ и сидящихъ вокругъ у стола, на которомъ стоятъ подносы съ закусками, мелькали въ его памяти, какъ живыя. Вонъ, тамъ въ углу, сидитъ его покойный отецъ и весело ведетъ разговоръ съ старымъ Веригинымъ; а возлѣ Веригина, здѣсь, на самой серединѣ дивана, сидитъ его мачиха въ большомъ, старомодномъ чепцѣ съ лиловыми лентами. Вдова-полковница, Ольга Сергѣевна, толстая барыня, входитъ въ гостиную, за ней трое тощихъ дѣвицъ, ея дочерей, а за ними исправникъ съ какимъ-то сосѣдомъ. Всѣ встали, идетъ живой разговоръ, окошко отворено, жаркій июньскій день стоитъ на дворѣ. Солнце печетъ, запыленная бричка съ четверней дородныхъ карихъ лошадокъ отъѣзжаетъ прочь отъ крыльца. Маша, дѣвочка лѣтъ девяти, смотритъ въ окно; густыя кудри ея волосъ горятъ на солнцѣ какъ червонное золото. Она лукаво киваетъ ему головой;—онъ знаетъ, что это значитъ. Они бѣгутъ изъ комнаты на крыльцо, садятся рядомъ въ просторную бричку и громко кричатъ *пошолъ!* Кучеръ, смѣясь, оглянувшись назадъ и крупной рысью повезъ ихъ по двору, далеко, на край села, туда, гдѣ стоятъ сараи. Тамъ много уже отложенныхъ лошадей и между ними много знакомыхъ. Онъ и она ласкаютъ ихъ, гладятъ по мордѣ; у ней карманы еще съ утра набиты корками хлѣба, которыя она вынимаетъ одну за одной и робко подноситъ своимъ фаворитамъ. Оттуда они бѣгутъ на птичій дворъ, гдѣ Маша горитъ нетерпѣніемъ показать ему крошечныхъ утятъ, только что вылупившихся изъ яйца; но едва успѣли они заглянуть въ избу къ птичницѣ, какъ ихъ догоняютъ съ вѣстiemъ, что обѣдъ давно уже поданъ, и гости всѣ сѣли за столъ.

Но это было давно, и съ тѣхъ поръ пролетѣло много палящихъ солнечныхъ дней, много зимнихъ метелей и вьюгъ. Другія сцены бывали потомъ въ той же самой гостиной. Вотъ тамъ, у окна, стоитъ небольшая софа для двоихъ; передъ ней старинный, краснаго дерева, дамскій рабочій столикъ. За этимъ столикомъ, въ послѣдніе годы, какъ часто сидѣли они вдвоемъ съ какою-нибудь книжкой въ рукахъ, которую онъ читалъ вслухъ, а она, съ жаднымъ вниманіемъ слѣдя за каждою строкой, подчасъ перебивала его наивнымъ вопросомъ! Тогда, онъ клалъ книгу въ сторону, и они начинали болтать обо всемъ, что въ голову приходило. Какъ звонко и весело смѣялась она порой, а когда разговоръ принималъ серьезное направленіе,

какимъ румянцемъ пылало ея лицо, какимъ огнемъ сіяли глаза! Сумерки, чай или ужинъ перерывали ихъ разговоръ, но онъ продолжался потомъ въ саду, при свѣтѣ луны, или въ рощѣ, или въ поляхъ, покрытыхъ росой, между двумя стѣнами волнистыхъ колосьевъ высокой, желтѣющей ржи. Она собирала цвѣты, пѣла пѣсни, и поздно вечеромъ возвращались они вдвоемъ къ старушкѣ, которая слегка бранила ихъ за эти прогулки, грозя въ другой разъ не пустить; но угрозы ея оставались безъ исполненія, и много, много счастливыхъ часовъ пролетало надъ ихъ головой. Какъ пышно цвѣла надежда въ ту пору, въ какихъ сіяющихъ, розовыхъ краскахъ далекая будущность рисовалась у нихъ въ глазахъ! Чтò еслибъ знали они тогда... еслибъ она или онъ могъ предвидѣть, чѣмъ все это кончится! Длинныя вереницы безпечныхъ, счастливыхъ дней летѣли быстро въ необозримую даль; казалось! концанимъ не будетъ; но вотъ онъ пришелъ таки наконецъ, ихъ послѣдній, ихъ суженый день. Вотъ онъ какой! Дождь на дворѣ темно, холодно, сыро. Онъ уѣзжаетъ, онъ разстается съ ней навсегда, а она уѣзжала куда-то въ слезахъ и назадъ не приходитъ; вѣрно плачетъ гдѣ-нибудь въ спальнѣ, за ширмами, прижавшись къ подушкѣ лицомъ. Сердце у него повернулось въ груди. Неужели все прошло, всѣмъ радостямъ, всѣмъ надеждамъ конецъ?

Не обмануть ли ее, обѣщая прїѣхать когда-нибудь? Кто знаетъ? Можетъ-быть снова судьба улыбнется; можетъ-быть онъ успѣетъ поправить свои дѣла. А между тѣмъ, какая отрада была бы на всякій случай сберечь для себя это пылкое, вѣрное сердце! Не педанство ли отказаться отъ переписки, оборвать разомъ все? Какое утѣшеніе было бы для него писать къ ней всякій разъ, когда сгрустнется, и послѣ ждать отъ нея отвѣта, какъ праздника! Онъ, правда, рѣшился иначе поступить, и это рѣшеніе принято не слегка. Свобода, полная свобода отъ всякихъ связей нужна ему еще больше чѣмъ ей. Онъ не можетъ уступить, онъ долженъ себя отстоять, долженъ биться на смерть... ему всѣ силы нужны для этой борьбы... но если ему суждено когда-нибудь вынырнуть изъ волны; если въ будущемъ онъ опять выйдетъ изъ тѣсной дороги на ровный, широкій путь, и на этомъ пути ужъ не будетъ ея? Чтò тогда?.. Стиснувъ зубы и сжавъ кулаки, онъ началъ снова ходить по комнатѣ. Тяжелый внутренній споръ шелъ бурей у него по душѣ; въ эти минуты рѣшалась его судьба...

Лукинъ колебался не долго. Минуть черезъ пять, окончательный приговоръ былъ ясно написанъ у него на лицѣ. Блѣдный, усталый, съ отуманеннымъ взоромъ, но съ выраженіемъ непреклонной рѣшимости въ сжатыхъ губахъ, онъ сѣлъ на диванъ и долго водилъ рукой по лбу.

Въ такомъ положеніи застала его Лизавета Ивановна. Съ двумя колодами картъ въ рукахъ, она, по старой привычкѣ, пришла раскладывать грань-пасьянсъ. Привычка эта была давнишняя, и Лизавета Ивановна не оставляла ея ни для кого; но пасьянсъ не мѣшалъ ей вести разговоръ.

— Куда жь это Маша моя убѣжала? Нечего сказать, очень учтиво! Оставила одного!

— Марья Васильевна сію минуту вышла изъ комнаты.

— Вѣрно работу пошла искать; она у ней вѣчно невѣсть гдѣ валяется.

Черезъ минуту Маша вернулась, и точно съ какою-то тряпичкой въ рукахъ, по которой видся узоръ, начатый краснымъ шелкомъ. Въ сумеркахъ, выраженіе ея лица трудно было разглядѣть.

— Ну, что жь это, дѣти? Что жь вы оба молчите? Маша, ты у меня совсѣмъ разучилась гостей занимать. А впрочемъ, если по правдѣ сказать, то какъ тутъ и не разучиться-то! Все однѣ да однѣ тутъ въ деревнѣ сидимъ, — въ кои вѣки сосѣдъ заглянеть. Постой, вотъ ужь, на зиму, въ городъ поѣдемъ жить. Тамъ, говорятъ, батальионъ будетъ нынче квартировать... Ну, сударь, скажи-тка хоть ты что-нибудь. Надолго ли къ намъ пріѣхалъ?

— Нѣтъ, не надолго, Лизавета Ивановна. Я все собирался сказать, да къ слову не приходилось. Вѣдь я къ вамъ проститься пришелъ. Я убѣжаю отсюда завтра.

— Какъ, завтра? Вотъ тебѣ и на! Да вѣдь ты, бабушка, всего два дня какъ пріѣхалъ.

— Правда, Лизавета Ивановна.

— То какъ же завтра-то ѣхать назадъ? Что за спѣхъ такой? Развѣ на срокъ отпущенъ?

— На самый короткій, не задумываясь отвѣчалъ Лукинъ.

— Что жь такъ? Что у васъ классы что ли начинаются?

— Да, классы, отвѣчалъ Лукинъ.

— Ну, это не хорошо, дружочекъ. Ученье ученьемъ, конечно, отъ товарищей отставать не слѣдуетъ; а паннихиду-то по отцѣ все-таки не мѣшало бы отслужить.

— Я вчера отслужилъ.

— Вчера само по себѣ, а на девятый-то день, батюшка? Въдь пятница-то не за горами. Можно бы, кажется, подождать. Неужто ужь тамъ у васъ этихъ вещей не понимаютъ? Въдь это ужь изстари обычай такой; священнымъ долгомъ каждый считаетъ.

Лукинъ молчалъ.

— Охъ ужь сроки мнѣ эти поганые! вздохнувъ проворчала старушка. Много они мнѣ слезъ стоили на вѣку, какъ теперь помню... И увлекаясь своими воспоминаніями, Лизавета Ивановна начала очень длинный разказъ о томъ, какъ ровно недѣлю спустя послѣ свадьбы, покойникъ ея Василій Терентьичъ, вмѣсто отсрочки, которую онъ просилъ, назначенъ былъ въ дальній походъ и долженъ былъ бросить ее въ деревнѣ, а самъ скакать на почтовыхъ, безъ отдыха, въ Петербургъ, чтобы къ сроку не опоздать, и какъ она послѣ, одна, въ долгой разлукѣ, да въ страхѣ, что мужъ не вернется, всѣ глаза себѣ выплакала, чуть не ослѣпла отъ слезъ. За этимъ разказомъ послѣдовала другой, за другимъ третій. Когда она кончила, свѣчи были давно уже зажжены и самоваръ шипѣлъ на столѣ. Молодые люди все время молчали, тревожно и грустно посматривая другъ на друга. Послѣ чаю, Лукинъ сталъ прощаться. Старушка благословила его въ слезахъ. Марья Васильевна, ни жива, ни мертва, стояла въ сторонкѣ. Лицо и шея у нея были какъ мраморныя, всѣ въ пятнахъ.

— Идите потише, я выйду васъ провожать, шепнула она едва слышно, когда онъ нагнулся, чтобы поцѣловать ея руку.

— Не велѣтъ ли тебѣ, дружочекъ, лошадку верховую осѣдлать? Погоди, я сейчасъ прикажу.

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю, Лизавета Ивановна, отвѣчалъ Лукинъ, спѣша скорѣе окончить тяжелую сцену.—Я лучше пѣшкомъ пройдуся.

— Да какъ же ты пѣшій-то, въ такое ненастье, одинъ поплетешься?

— Я не боюсь дождя, Лизавета Ивановна, дорога не новая, каждый кустикъ на ней знакомъ. Прощайте, благодарю васъ за всѣ ваши ласки и дружбу. Я не забуду ихъ во всю жизнь.

Они еще разъ простились, и онъ ушелъ.

Ночь была уже на дворѣ; небо закрыто тучами, мелкій дождикъ сыпалъ на мокрую землю. Въ воздухѣ стало сыро, холодно и темно до того, что дорогу трудно было разглядѣть.

Пройдя ворота и садъ, онъ сѣлъ на большомъ, плоскомъ камнѣ, противъ калитки, которая вела изъ липовой аллеи, черезъ кусты, прямо въ поле, на узенькую тропинку, огибавшую все село и на этомъ мѣстѣ сходящуюся съ дорогой. Сюда, въ старые годы, Марья Васильевна приходила его провожать, но ея еще не было, и вокругъ не слышать было ничего кромѣ вѣтра, который шумѣлъ въ кустахъ, да дождя, мелкою дробью стучавшаго о заборъ.

Надвинувъ фуражку на брови и поднявъ воротникъ, онъ ждалъ терпѣливо. Минуть черезъ пять, небольшой стукъ и вслѣдъ затѣмъ тихій голосъ послышались за калиткой. Въ тѣни орѣшника и черемухи, разросшихся надъ заборомъ, не видно было ни зги, но онъ слышалъ, что изнутри кто-то сильно во-рочаетъ задвижку, стараясь ее отодвинуть.

— Григорій Алексѣичъ, вы здѣсь?

— Здѣсь, отвѣчалъ онъ, вставая; дверь заскрипѣла, и на-встрѣчу ему вышла Марья Васильевна. На плечахъ у нея накинута былъ старый суконный плащъ, весь вымоченный дождемъ, крупныя капли котораго, висѣвшія на вѣтвяхъ, осыпали ее съ головы до ногъ, прежде чѣмъ она успѣла выбраться изъ кустовъ. Она сѣла рядомъ, на камнѣ, онъ взялъ ее за руки, она положила голову къ нему на плечо. Долго сидѣли они такимъ образомъ, ни слова не говоря. Того, чтѣ происходило въ душѣ ихъ, ни онъ, ни она не сумѣли бы высказать. А между тѣмъ дождь началъ идти сильнѣе; платочекъ, которымъ повязана была ея голова, намокъ и прилипъ къ волосамъ, мокрыя руки охолодѣли.

— Пора! сказалъ онъ, замѣтивъ, что она вся дрожитъ. Она прижалась къ нему еще крѣпче и плакала, не отвѣчая ни слова. На другомъ концѣ села, по дорогѣ, послышался стукъ колесъ.

— Пора! повторилъ онъ, вставая. Она вскочила, не помня себя отъ горя, и рыдая, упала къ нему на грудь. «Гриша мой! Гриша!» повторяла она едва внятно. Прощальный поцѣлуй прозвучалъ въ потемкахъ; черезъ минуту, калитка скрипнула, и онъ остался одинъ. Онъ закусилъ себѣ губы до крови и стоялъ, не трогаясь съ мѣста, долго стоялъ, какъ будто прислушиваясь къ какому-то мнимому звуку, какъ будто еще ожидая чего-то. Мужичокъ въ таратайкѣ, закутанный въ рогожу съ головы до ногъ, проѣхалъ въ двухъ шагахъ отъ него. Стукъ колесъ вывелъ его изъ забытья.

«Все кончено!» подумалъ онъ про себя, махнулъ рукой и медленнымъ шагомъ пошелъ по дорогѣ.

IV. Полюбовная сдѣлка.

Все кончено,—эта мысль преслѣдовала Лукина цѣлую ночь, и съ нею онъ проснулся на другой день поутру. Но *все* слово очень неопредѣленное; каждый его понимаетъ по-своему и даетъ ему тотъ размѣръ, какой, въ известную минуту и при известномъ случаѣ, совпадаетъ съ его кругомъ зрѣнія, а потому и Лукинъ, говоря: *все*, разумѣлъ подъ этимъ вѣроятно не болѣе какъ свои отношенія къ Марьѣ Васильевнѣ. Онъ ихъ разорвалъ, и это было для него очень больно, но къ чувству боли скоро стало примѣшиваться другое, болѣе сложное чувство, похожее на чувство челоуѣка, за которымъ гонятся по пятамъ, и который, чтобы легче бѣжать или свободнѣе защищаться, сбрасывалъ съ плечъ дорогую, но слишкомъ тяжелую ношу. Онъ поступилъ можетъ-быть жестоко и грубо, но это было въ характерѣ челоуѣка. Онъ не могъ остановиться безвыходно на чемъ-нибудь темномъ или двусмысленномъ. Во всемъ, что онъ начиналъ, или что для него начиналось, ему нужна была положительная, ясно опредѣленная развязка, а гдѣ развязать было невозможно, тамъ онъ рубилъ и рвалъ, не щадя ничего, лишь бы вырваться на свободу. Одинъ узелъ такимъ образомъ онъ уже разорвалъ, и въ этомъ смыслѣ *все* точно могло считаться *окомченными*; но съ другой стороны узловъ еще было много, такъ много, что онъ весь былъ опутанъ какъ сѣтью, и тутъ-то дѣло его не только не было кончено, а собственно едва начиналось. Вдобавокъ, оно было очень опасно и при слишкомъ-крутомъ оборотѣ могло погубить его невозвратно; а потому, какъ ни твердо онъ былъ намѣренъ дать сильный отпоръ и выбиться на свободу, но онъ видѣлъ ясно, что въ настоящее время этого сдѣлать нельзя, а надо ждать случая и отыскивать средства, которыхъ покуда не только не было у него подъ рукой, но даже и впереди не предвидѣлось. Онъ зналъ хорошо, что если онъ не согласится на сдѣлку, предложенную Барковымъ, то никакой юристъ въ мирѣ, какъ бы онъ ни былъ свѣдущъ въ подробностяхъ писаннаго закона или опытенъ въ ихъ практическомъ примѣненіи, не въ состояніи пред-

сказать даже и приблизительно, чѣмъ все это можетъ окончиться, потому что въ дѣлѣ подобнаго рода, въ дѣлѣ, по рѣдкости выходящемъ изъ сферы обычнаго права, случай и произволь почти всегда распоряжаются самовластно. «Слѣдовательно», рѣшилъ онъ, послѣ долгаго совѣщанія съ Иваномъ Кузмичемъ, убѣдясь окончательно, что ни вмѣстѣ, ни порознь, оба они не въ силахъ отыскать никакого выхода изъ ихъ запутаннаго положенія, «слѣдовательно нечего больше и толковать. Я пойду и покончу все разомъ. Да... позвольте, чуть не забылъ, что такое вы начали мнѣ разказывать, когда я васъ перебилъ? Что-то объ этой канальѣ, что пріѣхалъ сюда съ Барковымъ... Ѳедоръ, что ли? Какъ бишь его зовутъ?»

— Такъ точно, Григорій Алексѣвичъ, о Ѳедорѣ. Я хотѣлъ вамъ сказать, что до меня ужъ давно доходили разныя сплетни, да я все думалъ, что наши дворовые пугаютъ. Оно и точно, сударь, толку отъ нихъ добиться куды мудрено; да только вѣчоръ я своими ушами слышалъ, какъ эта бестія хвасталъ, сидя вонъ тамъ, на крылечкѣ, у кухни съ прачкой и съ ключницей... было ихъ тутъ еще человекъ три, да я въ потемкахъ не могъ разглядѣть,—хвасталъ, что онъ вашу матушку Марѳу Прохоровну знавалъ. Она, молъ, у насъ на селѣ жила, между нашими, толбинскими, Марѳушею прозывалась, а гдѣ обвѣнчана была съ вашимъ баринимъ, да я была ли, про то де вы лучше моего должны знать. Такъ вотъ, сударь, этакимъ-то манеромъ онъ тутъ давно ужъ мутитъ. Я все собирался съ Дмитріемъ Егорычемъ поговорить; да думалъ, можетъ вы сами не доложите ли ему? Нужно бы молодца пострелять маленько, а еще лучше, кабы Дмитрій Егорычъ попросту отослалъ его домой. На чтò онъ имъ тутъ? У насъ и безъ него народу не мало, есть кому прислужить.

— Хорошо, я скажу, отвѣчалъ Лукинъ.

«Все кончено и тутъ, подумалъ онъ про себя. — Дальше въ Жгутовѣ оставаться нельзя, а то меня со всѣхъ сторонъ такъ подкопаютъ, что не на чтò будетъ опереться. Земля подъ ногами провалится! Между своими станешь не своей! Вонъ! вонъ, отсюда, на свѣжій воздухъ и на простор!»

Онъ пошелъ черезъ дворъ, во флигель, къ Баркову.

— Что, баринъ твой всталъ? спросилъ онъ у Ѳедора, который сидѣлъ на крыльцѣ.

— Встать-то встали, отвѣчалъ тотъ, зѣвая и не трогаясь съ мѣста,—да только они теперича заняты.

Не обращая вниманія на вторую половину отвѣта, Лукинъ хотѣлъ пройти мимо; но тотъ вскочилъ и взялся за ручку дверей.—Извольте обождать, сказалъ онъ довольно грубо.—Дмитрій Егорычъ никого впускать не велѣли.

Лукинъ нахмурилъ брови. — Ступай скажи, что я хочу его видѣть, произнесъ онъ, дѣлая шагъ впередъ.

— Скажу послѣ; вотъ, когда одѣваться стануть; а теперь не пойду, отвѣчалъ Федоръ, заслоня ему дорогу.

— А не пойдешь, такъ я и безъ тебя обойдусь. Пусти ручку и пошелъ вонъ.

— Не пойду! У меня свой господинъ. Довольно и одного. Жирно будетъ, когда каждый встрѣчный учнетъ помыкать... Онъ не успѣлъ договорить, какъ дверь, вырванная у него изъ рукъ и отворенная съ размаху, полетѣла въ одну сторону, а онъ самъ въ другую.

— Чтò тамъ такое? Эй! Федоръ! Кто тамъ? кричалъ Барковъ, выбѣгая въ переднюю. — А! это вы! сказалъ онъ, встрѣтивъ Лукина у дверей.—Чтò это! Чтò съ вами? прибавилъ онъ, ретируясь отъ него торопливо и со страхомъ поглядывая на его лицо. На этомъ лицѣ онъ увидѣлъ опять то же самое выраженіе, которое очень недавно убѣдило его въ необходимости вести себя осторожнѣе.

— Вашъ... вашъ лакей, отвѣчалъ Лукинъ, едва владея собой;—вашъ лакей... я въ жизнь свою не видалъ такой скотины!... Я... я вамъ слово даю, что если онъ еще разъ со мною столкнется, такъ я его живаго изъ рукъ не выпущу.

— Мой лакей? Ради Бога извините; я знаю, что онъ скотина, но чтò такое онъ сдѣлалъ?

— Чтò онъ сдѣлалъ? Онъ ужь давно тутъ всю дворню бунтуетъ!... Чтò такое ему извѣстно, чортъ его знаетъ; но онъ суется туда, гдѣ его не спрашиваютъ; онъ распускаетъ на счетъ меня разные слухи и сплетни; онъ, наконецъ, мнѣ самому дѣлаетъ дерзости!... Онъ сейчасъ захопнулъ у меня подъ носомъ дверь... Ну, да чортъ съ нимъ! Я не за тѣмъ пришелъ, чтобъ у васъ расправы искать; я и самъ съ нимъ управляюсь. Я пришелъ говорить о дѣлѣ; но я васъ предуведомяю, господинъ Барковъ, что дѣло не можетъ уладиться, если тѣ обстоятельства, изъ которыхъ оно возникло, стануть извѣстны всему уѣзду.

Барковъ наконецъ догадался, въ чемъ дѣло. — Ахъ ты!... пробормоталъ онъ въ полголоса, мысленно обращаясь къ

виновнику всей тревоги. — Будьте спокойны, Григорій Алексѣвичъ; я приму всѣ нужныя мѣры, чтобъ исправить бѣду. Я вышлю моего человѣка сегодня же вонъ изъ села и отправлю его домой. Я теперь сожалею, что взялъ съ собой этого дурака; но могу васъ увѣрить, ему строго запрещено было болтать.

Лукинъ ходилъ по комнатамъ взадъ и впередъ, не отвѣчая ни слова. Онъ началъ подозрѣвать, что Федоръ былъ привезенъ не безъ цѣли, и что тотъ, запретивъ ему сплетничать, можетъ-быть лучше всѣхъ зналъ, до какой степени это запрещеніе могло его удержать. Правъ ли онъ былъ въ своемъ подозрѣніи, неизвѣстно; но если Барковъ точно имѣлъ въ виду сдѣлать ему невыносимымъ дальнѣйшее пребываніе въ Жгутовѣ, чтобы заставить его скорѣй уступить, то расчетъ его оказался вѣренъ.

Оба молчали нѣсколько времени. — Садитесь, Григорій Алексѣвичъ; сказалъ наконецъ Барковъ, торопливо убирая бумаги, разложенныя на столѣ. — Забудьте эту маленькую неприятность. Стоить ли гнѣваться изъ-за такихъ мелочей? Поговоримъ лучше о дѣлѣ. Снажите, какъ вамъ угодно: еще подождать или вы ужъ рѣшились и теперь же дадите отвѣтъ?

— Да, я рѣшился, отвѣчалъ тотъ. — Я готовъ принять ваши предложенія вообще; но я бы хотѣлъ знать: какъ вы намѣрены все это устроить? То-есть какіе именно акты или обязательства вы хотите отъ меня получить?

— О, это очень не трудно. Выслушайте, я вамъ объясню все въ двухъ словахъ. Вотъ видите ли: отъ меня уже давно подано въ псковскую гражданскую палату прошеніе, въ которомъ, какъ родной племянникъ и единственный законный наследникъ Варвары Клементьевны, я излагаю свои права и требую, чтобъ они были признаны. Вслѣдствіе этого, сдѣланъ будетъ обыкновенный вызовъ наследниковъ, и разумѣется, по этому вызову, никто кромѣ васъ явиться не можетъ, да и вы, если не явитесь въ срокъ, теряете всякое право. Но до срока намъ дожидаться долго; а потому, я предлагаю вамъ, заявивъ о себѣ, какъ о лицѣ, по близкому родству съ бывшею владѣтельницей, могущемъ имѣть претензіи на наследство, тѣмъ же актомъ отказаться отъ этихъ претензій въ пользу мою.

— Хорошо, отвѣчалъ Лукинъ, подумавъ немного; — но вѣдь для этого надо мнѣ ѣхать въ Псковъ.

— Зачѣмъ? Вы можете все это кончить сію минуту, не выходя изъ комнаты. Актъ у меня готовъ; вы его подпишете; а

на подачу отъ вашего имени дадите довѣренность мнѣ. Это первое. Второе еще короче. Вы мнѣ дадите сохранную росписку на 30.000 рублей ассигнаціями съ процентами, считая отъ настоящаго дня, впредь до востребованія денегъ обратно. Вотъ и все.

— Все съ моей стороны; а съ вашей?

— Съ моей, я готовъ сдѣлать все что угодно, да только не знаю, чего вы хотите?

— Я долженъ имѣть какое-нибудь обезпеченіе!

— Въ чемъ?

— А въ томъ, что послѣ всего мною исполненнаго вы оставите меня въ покоѣ.

— Хорошо, я готовъ; да какъ прикажете это сдѣлать, то-есть какую законную форму вы хотите этому дать? На словахъ легко сказать; но попробуйте наложить на бумагу, и если вы имѣете хоть какое-нибудь понятіе объ этого рода вещахъ (въ чемъ впрочемъ я нисколько не сомнѣваюсь), вы сами увидите, что это неисполнимо. Можно дать обязательство на уплату денегъ, можно отречься отъ какихъ-нибудь положительныхъ правъ или дать положительные права; но обязаться *оставить въ покоѣ*, не упоминая, по какому дѣлу, или по какой претензіи, или въ какомъ случаѣ, это пожалуй можно, да къ чему это поведетъ? И въ какомъ судѣ, у какого маклера или нотариуса заявите вы подобнаго рода актъ?... Впрочемъ можетъ-быть я не такъ васъ понялъ; можетъ-быть вы придумали что-нибудь, что мнѣ и въ голову не приходитъ.

Лукянъ не зналъ что сказать.

— Позвольте мнѣ говорить откровенно, продолжалъ Барковъ,—иначе мы никогда не кончимъ.

— Говорите.

— Мнѣ кажется, я могу угадать причину вашихъ опасеній. Вы не увѣрены въ вашихъ личныхъ правахъ; потому что вы рождены не въ томъ состояніи, къ которому вы теперь принадлежите, и вы опасаетесь, чтобъ я современемъ не поднялъ снова объ этомъ вопроса. Григорій Алексѣвичъ! Я ужъ не буду говорить, какъ обидно для меня такое сомнѣніе послѣ того, какъ вы разъ уже согласились на всѣ мои предложенія. Оставимъ нравственную сторону вопроса. Будемъ смотрѣть на него съ чисто-юридической точки зрѣнія. Скажите, чего вы боитесь? Неужели вы думаете, что, получивъ отъ васъ отреченіе отъ наслѣдства и сохранную росписку на 30.000 рублей, я могу

начать споръ о вашихъ личныхъ правахъ, не запутавъ себя въ самый безвыходный и самый раззорительный лабиринтъ судебныхъ продѣлокъ, хлопотъ и неприятностей разнаго рода, не обещающихъ ровно никакой выгоды? Что я могу выиграть? Чего еще добиваться? Требовать опять денегъ? Это было бы столько же нелѣпо, сколько и подло; но положимъ, что я бы вздумалъ этого добиваться. Развѣ документы той сдѣлки, которую мы теперь намѣрены заключить, не выйдутъ при этомъ наружу и не заговорятъ противъ меня? А при такихъ свидѣтеляхъ противъ себя, какой шансъ успѣха могъ бы мнѣ оставаться? Повѣрьте: мы оба успѣли бы два раза умереть прежде чѣмъ я успѣлъ бы выиграть искъ и потомъ требовать отъ васъ выкупа. Надо быть записнымъ ябедникомъ и любить ябедничество артистически, для него самого, чтобы ватѣять такую безсмыслицу. Подумайте хорошенько, и вы сами увидите, что я правъ.

Лукинъ молчалъ.

— Съ другой стороны, продолжалъ Барковъ, — положимъ, что я далъ бы вамъ обязательство, или подписку, или что-нибудь въ этомъ родѣ, и сказалъ въ ней, что я отказываюсь отъ всякихъ правъ въ отношеніи къ вамъ... но что же далѣе? Въдъ надо же сказать отъ какихъ; иначе не будетъ смысла; а разъ назвавъ то, что должно оставаться въ строжайшей тайнѣ, что вы будете дѣлать съ вашимъ документомъ? Надо его заявить... подумайте, что же это будетъ? Это все равно, что, высунувъ голову изъ окошка, кричать: не ходите ко мнѣ, меня дома нѣтъ! Это значить давать оружіе противъ себя, идти на встрѣчу именно тому, чего вы хотите избѣгнуть.

— Да, отвѣчалъ Лукинъ, — въ этомъ смыслѣ, вы можете-быть и правы; но... я хочу имѣть какое-нибудь ручательство въ томъ, что росписка, которую я вамъ дамъ, не будетъ употреблена стѣснительнымъ для меня образомъ. Я не могу поставить себя въ зависимость отъ вашего произвола. Назначьте сроки для взноса денегъ.

— Въ сохранной роспискѣ, сроки нельзя назначать; но я не намѣренъ дѣлать изъ этого затрудненія. Напротивъ, я готовъ сдѣлать все, что законъ допускаетъ въ подобномъ случаѣ; я готовъ, напримѣръ, — выслушайте меня внимательно, — получить съ васъ заемныя письма, особо на капиталъ и на проценты особо.

— Какъ такъ?

— А вотъ, изволите видѣть, на весь капиталъ долга вы мнѣ дадите одно письмо, срокомъ на девять лѣтъ.

— Только на девять?

— Позвольте, выслушайте... Только на девять оттого, что больше закономъ не дозволяется. Я повторяю, одно письмо на весь капиталъ безъ процентовъ, а два или три на ту сумму, которую проценты составили бы въ теченіи девяти лѣтъ. Съ 30.000, по 4 процента въ годъ (пятый, я такъ и быть, скидываю)... 4 процента, это составитъ 1.200 рублей ассигнаціями въ годъ, за девять лѣтъ — 11.200 рублей. Эту сумму я вамъ могу разложить на три заемныхъ письма, положимъ такъ, черезъ два года—2.500, черезъ четыре года—2.500, а черезъ шесть лѣтъ остальные, или ужъ такъ и быть, черезъ шесть лѣтъ опять 2.500, итого 7.500; а остальные 3.700 рублей, мы прибавимъ къ послѣднему девятилѣтнему сроку...—Объясняя свои предложенія, Барковъ записывалъ ихъ очень четко на лоскуткѣ бумаги.—Понятно ли? спросилъ онъ, окончивъ и показывая Лукину готовый расчетъ. Тотъ прочиталъ, пожимая плечами.

— Всѣ четыре письма безъ процентовъ? спросилъ онъ.

— Конечно. Замѣтите, продолжалъ Барковъ, — это самая длинная и самая выгодная разсрочка, какая только можетъ быть сдѣлана, не прибѣгая къ посредничеству судебныхъ мѣстъ. Надѣюсь, что вы это оцѣните, и что послѣ этого вы согласны со мною во всемъ.

Лукинъ кивнулъ головой. Онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы бороться долѣе съ такою выжигой какъ Барковъ. Къ тому же, подъяческій запахъ, которымъ вѣяло отъ послѣдняго, несмотря на его изящныя бакенбарды и щегольское бѣлье, подѣйствовалъ на непривычные нервы молодого человѣка такъ отвратительно, что онъ спѣшилъ раздѣлаться съ нимъ какъ можно скорѣе.

— Согласенъ, отвѣчалъ онъ угрюмо.

— Если такъ, продолжалъ Барковъ,—то мы съ вами теперь же можемъ окончить все или почти все. Бланки у меня есть, я напишу вамъ заемныя письма сію минуту, и вы ихъ подпишете здѣсь же, а завтра, или въ другое время, когда вамъ будетъ угодно, мы съѣздимъ въ городъ, и вы ихъ заявите въ уѣздномъ судѣ.

— Я буду въ Торопцѣ сегодня, сказалъ Лукинъ.

— Тѣмъ лучше; въ которомъ часу?

— Въ третьемъ.

— Прикажете и мнѣ тоже прїѣхать, или вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе, позвольте вмѣстѣ съ вами?

— Нѣтъ, мнѣ нельзя вмѣстѣ, я ѣду одинъ. Въ три часа, вы найдете меня въ уѣздномъ судѣ.

Барковъ посмотрѣлъ на часы. — Хорошо, сказалъ онъ. — Я встрѣчу васъ тамъ ровно въ три, а покуда, сдѣлайте милость, потрудитесь прочесть вотъ эти бумажки. Это прошеніе и довѣренность на подачу. Я такъ былъ увѣренъ въ вашемъ согласіи, что заготовилъ ихъ вчера вечеромъ, чтобы не заставить васъ ждать.

При этихъ словахъ, онъ вынулъ изъ портфеля два листа гербовой бумаги, чисто переписанные набѣло, и подаль ихъ Лукину. Покуда тотъ читалъ, заемныя письма были готовы. Барковъ прочелъ вслухъ. Послѣ этого, всѣ шесть документовъ были подписаны. Лукинъ бросилъ перо на столъ и вздохнулъ. «Все кончено,» подумалъ онъ снова, но будущій владѣлецъ Жгутава должно-быть думалъ иначе, потому что, едва скрывая на тонкихъ губахъ своихъ улыбку полнаго удовольствія, онъ потеръ себѣ руки, откашлялся и началъ говорить такъ:

— Я радъ отъ всей души, Григорій Алексѣичъ, сказалъ онъ,—отъ всей души радъ, что мы съ вами такъ скоро, и такъ миролюбиво рѣшили это сложное дѣло. Будьте увѣрены, что я цѣню въ полной мѣрѣ вашъ открытый и благородный характеръ, вашу уступчивость и вашу безкорыстную прямоту. Другой, на вашемъ мѣстѣ, надѣлалъ бы я себѣ и мнѣ тысячи неприятностей, затянулъ бы развязку на нѣсколько лѣтъ, и кончилъ бы Богъ знаетъ чѣмъ. Вы поняли все съ перваго взгляда, и тѣмъ избавили меня отъ горькой необходимости вести процессъ съ сыномъ многоуважаемаго и искренно любимаго мною человека, нашего незабвеннаго Алексѣя Михайлыча. Могу ли я не быть вамъ отъ всей души благодаренъ? Могу ли я не желать, чтобъ и вы съ своей стороны отдали мнѣ справедливость въ той мѣрѣ, въ какой я заслужилъ, стараюсь всѣми силами уладить дѣло безъ ссоры, устроить все какъ можно менѣе стѣснительнымъ для васъ образомъ? Григорій Алексѣичъ, теперъ, когда дѣло это окончено, позвольте мнѣ поблагодарить васъ отъ всей души, и позвольте надѣяться, что мы на всю жизнь останемся короткими прїятелями, близкими родственниками и друзьями...—Говоря это, онъ протянулъ ему

руку; но Лукинъ, который слушалъ все время съ большимъ вниманіемъ, вмѣсто того чтобы пожать ее, плюнулъ на полъ, и посмотрѣлъ на него совсѣмъ не по-дружески. Злобная улыбка мелькнула у него на губахъ.

— Послушайте, господинъ Барковъ, отвѣчалъ онъ; — если бы вы, вмѣсто всѣхъ этихъ фразъ, отъ которыхъ меня тошнить, просто спрятали ваши бумаги подъ ключъ и сказали, что вамъ ничего больше не нужно, я бы имѣлъ о васъ гораздо лучшее мнѣніе. Я бы считалъ васъ, извините за откровенность, считалъ бы васъ просто разбойникомъ.

Барковъ поблѣднѣлъ и вскочилъ со стула.

— Куда вы?.. Сидите, не бойтесь, я сейчасъ кончу.

— Милостивый государь! воскликнулъ тотъ въ сильномъ волненіи, размахивая руками:—какое право имѣете вы отвѣчать бранью на мои дружескія слова? Вы... вы забываетесь милостивый государь! Вы употребляете во зло мое снисхождение къ несчастію.

— Нисколько. Чтò за снисхождение? Никакого снисхожденія не было. Вы меня ограбили дочи́ста; отняли у меня не только все, чтò я имѣлъ, но почти все, чтò я буду когда-нибудь имѣть. Я нищій; но у меня осталось право высказать вамъ сполна, чтò я о васъ думаю.

— Какое право!.. Вы не имѣете никакого!.. Я не позволю...

— Желалъ бы я посмотрѣть, какъ вы не позволите, сказалъ Лукинъ, въ свою очередь, вставая со стула и подходя къ нему близко. Барковъ былъ взбѣшенъ до того, что губы у него побѣлѣли; но въ эту минуту чувство самосохраненія заговорило въ немъ громче гнѣва. Онъ опустилъ глаза и отошелъ въ сторону.

— Послушайте, Барковъ, продолжалъ тотъ,—не будьте бабой. Выслушайте спокойно, чтò я вамъ скажу, и потомъ дѣлайте или отвѣчайте все, чтò угодно; я не уйду, если нужно; но я говорю вамъ заранѣе, не уйдете и вы. Я не искалъ объясненія; но если вы сами на него запросились, то ужъ извольте слушать. Я повторяю: до сей поры, я считалъ васъ просто разбойникомъ; а теперь считаю еще и плутомъ. Вспомните, чтò вы сейчасъ говорили и въ какую минуту! Вы сами увидите, что на васъ и смотрѣть иначе нельзя. Обобравъ чело́вѣка дочи́ста, такъ дочи́ста, какъ никакой каторжникъ на большой дорогѣ не въ состояніи обобравъ, вы надѣли маску

честнаго человѣка на волчью морду; вы начали хвастать, что вы уладили дѣло безъ ссоры, какъ можно менѣе стѣснительнымъ образомъ для него; вы имѣли безстыдство протянуть ему руку и предлагать вашу дружбу. Чтѣжь, я не гордъ. Честное слово даю, что еслибы вашъ лакей, котораго я сію минуту столкнулъ съ крыльца внизъ головой, пришелъ ко мнѣ черезъ полчаса и сказалъ: «Григорій Алексѣичъ, помирися; вотъ вамъ моя рука», я бы посоветился ему отказать; потому что, въ моихъ глазахъ, онъ былъ бы гораздо благороднѣе васъ. Онъ не цѣловалъ, какъ Іуда, того, кого онъ задумалъ продать; онъ не ласкалъ овцы, которую собирался зарѣзать. А вы... вы, Барковъ?... Станьте къ зеркалу; посмотрите на чтѣ вы похожи. На васъ лица нѣтъ; вы слова не въ состояніи выговорить, такъ вы перетрусили... Прощайте. Нате вамъ ваши бумаги.—Онъ схватилъ со стола подписанные листы и бросилъ ихъ на полъ, къ ногамъ Баркова.—Нате ихъ, тшьте! Отъ всей души желаю вамъ подавиться!

Съ этими словами, онъ вышелъ изъ комнаты, оставивъ Баркова перебаривать на досугѣ то, чтѣ было говорено. Какъ удалось это Баркову, неизвѣстно; знаемъ только, что долго онъ бѣгалъ по комнатѣ, отъ времени до времени останавливаясь у стола, выпивая стаканъ холодной воды, и очень запальчиво бормоча что-то такое, самъ про себя; а документы, все это время, валялись измятые и разбросанные на полу. Черезъ полчаса, впрочемъ, они были подняты, старательно сложены и спрятаны въ портфель; а ихъ обладатель сидѣлъ за столомъ и пилъ чай. Часу въ десятомъ, Лукинъ получилъ отъ него записку, которую онъ развернулъ съ любопытствомъ, ожидая найти что-нибудь по поводу ихъ недавняго разговора; но онъ ошибся. Въ запискѣ стояло всего три слова:

«Будете ли въ уѣздномъ судѣ въ три часа?»

«Д. Б.»

Лукинъ написалъ снизу: *«буду»*, и отослалъ не завертывая.

Въ тотъ же день, ровно въ часъ по-полудни, телега тройкою, та самая, въ которой, три дня тому назадъ, Лукинъ пріѣхалъ изъ города, стояла у крыльца господскаго дома. Внутри, лежалъ чемоданъ, покрытый ковромъ, и дорожный мѣшокъ съ замочкомъ. На передкѣ, въ сѣромъ кучерскомъ кафтанѣ, съ краснымъ шерстянымъ кушакомъ, и въ кучерской пояркѣ и шляпѣ, сидѣлъ Андрей, по желанію Григорія Алексѣ-

сѣвичя, назначенный на этотъ разъ кучеромъ. Много народу, — мужиковъ, бабъ и дѣтей, — стояло толпою вокругъ; вся дворня была въ передней.

— Что жь вы такъ приуныли, мой добрый Иванъ Кузмичъ? говорилъ Лукинъ, сидя за завтракомъ. Вѣдь мы съ вами не въ первый разъ расстаемся, и жить врознь намъ обонимъ не новость. Къ тому же, сами вы остаетесь тутъ, въ нашемъ Жгутовѣ, на старомъ, обогрѣтомъ гнѣздѣ, и вѣроятно останетесь долго. Барковъ не дуракъ, чтобы упустить изъ рукъ такого управляющаго какъ вы. А обо мнѣ что горевать? Жить хорошо; буду жить скверно. Какъ одно прошло, такъ авось и другое пройдетъ.

— Дай-то Богъ, Григорій Алексѣичъ.

— Дастъ Богъ, еще свидимся, продолжалъ Лукинъ. — Времени еще много впереди, и что будетъ, никому неизвѣстно. А заранѣе хмуриться глупо. Ну, полно грустить! Выпьемъ-ка еще по чарочкѣ на прощанье, да и въ дорогу.

Онъ налилъ два стакана вина; оба чокнулись, выпили и встали изъ за-стола.

— Готова ли телѣга? спросилъ Лукинъ у Яшки.

— Готова, Григорій Алексѣичъ, тутъ у подъѣзда стоитъ.

Они простились и пошли на крыльцо.

Лукинъ обнялъ и перецѣловалъ всѣхъ, кто вышелъ его провожать. Бабы плакали, утирая передниками глаза. Старуха, мамка его, ревѣла навзрыдъ. Онъ долго ее цѣловалъ и на прощаньи подарилъ ей маленькій золотой перстенецъ съ бирюзой, оставшійся у него отъ матери. Увидѣвъ эту вещицу, она, какъ ребенокъ, усмѣхнулась сквозь слезы, и стала съ жаромъ его благодарить. Когда онъ сѣлся въ телѣгу, его собака съ жалобнымъ визгомъ подбѣжала къ нему, махая хвостомъ и ласкаясь. — Прощай, мой пестъ, сказалъ онъ, глядя ее по головѣ. — Съ тобою мы больше ужъ не пойдемъ ни въ лѣсъ, ни въ болото. Иванъ Кузмичъ, поберегите Карьку, я вамъ оставляю его на память... Ну, все ли готово?

— Все готово, сударь, отвѣчалъ Андрей, подбирая вожжи.

— Съ Богомъ; пошелъ! Кучеръ свиснулъ, толпа разступилась, кони дружно крупною рысью побѣжали впередъ.

— Прощайте, Иванъ Кузмичъ! Прощайте, мои друзья! закричалъ онъ, снимая фуражку.

— Прощайте, Григорій Алексѣичъ! Прощайте, баринъ!

раздались вслѣдъ ему голоса. Дай Богъ вамъ счастья! Дай Богъ вамъ много лѣтъ здравствовать!

Проѣхавъ ворота, онъ обернулся назадъ, и долго, долго смотрѣлъ на родное село; смотрѣлъ до тѣхъ поръ, покуда, на поворотѣ дороги, съ горы, домъ и озеро и вся живописная мѣстность кругомъ мелькнули въ послѣдній разъ передъ нимъ, мелькнули и скрылись.

V. ДОРОГА.

Лукинъ ѣхалъ назадъ, въ Петербургъ, съ самымъ неяснымъ понятіемъ о томъ, что ждетъ его впереди. Не говоря уже о надеждахъ и планахъ на будущее время, чисто-матеріальное существованіе его въ настоящемъ не было обезпечено. Правда, онъ сдалъ свой послѣдній университетскій экзаменъ въ будущемъ маѣ мѣсяцѣ, и, при счастіи, можетъ скоро получить штатное мѣсто съ хорошимъ окладомъ жалованья, но если вычесть изъ этого оклада тѣ деньги, которыя онъ долженъ платить ежегодно Баркову по векселямъ, то въ рукахъ у него можетъ остаться не болѣе какъ годовая цѣна голой комнаты въ какомъ-нибудь грязномъ кварталѣ столицы, а что касается до наличныхъ, то изъ денегъ, полученныхъ имъ отъ отца въ маѣ мѣсяцѣ, у него оставалось всего 150 рублей ассигнаціями въ бумажникѣ, да нѣсколько мелкой монеты въ кошелькѣ, то есть ровно что нужно, чтобы проскакать на почтовыхъ до Петербурга и по пріѣздѣ остаться безъ гроша, въ ожиданіи будущихъ благъ. Не удивительно, что, въ такомъ положеніи, онъ смотрѣлъ на свои 150 рублей какъ на единственную надежду и послѣдній оплотъ, а потому рѣшился беречь ихъ до послѣдней возможности. Съ этою цѣлью въ виду, онъ началъ соображать, какъ бы ему подешевле доѣхать до Петербурга. О перекладныхъ нечего было и думать. На жгутовской тройкѣ онъ могъ доѣхать до перваго города въ сосѣднемъ уѣздѣ, а оттуда можно было нанять долговаго извозчика прямо до мѣста. Такимъ образомъ, думалъ онъ, въ Петербургъ можно пріѣхать, издержавъ не болѣе половины изъ своего наличнаго капитала, и на остатокъ протянуть какъ-нибудь до перваго случая... А тамъ... тамъ надо будетъ искать какое-нибудь занятіе, кромѣ науки, работать весь день съ ранняго утра и до поздней

ночи, трудиться въ потѣ лица, до упаду, только за тѣмъ, чтобы съ голоду не умереть и чтобы быть прилично одѣту, безъ всякой опредѣленной надежды выбиться когда-нибудь изъ этого адскаго положенія на просторъ, потому что, какъ знать, удастся ли ему при самой строжайшей экономіи и при самомъ усиленномъ, постоянномъ трудѣ, не только сберечь что-нибудь, но даже просто выплачивать ежегодно всю сумму, которую онъ обязанъ вносить. Хорошо, если да. Въ такомъ случаѣ есть хоть далекая надежда современемъ расплатиться вполне. Но что если нѣтъ? Что, если, вмѣсто того чтобы уменьшаться, долгъ будетъ расти, и онъ всю жизнь останется въ тѣхъ же тискахъ? Нѣтъ, думалъ онъ, я не изъ тѣхъ людей, которые какъ баранъ, спокойно даютъ себя стричь, или, какъ волъ, послушно вставляютъ шею въ ярмо. Прежде чѣмъ я помирюсь съ этою участью, надо, чтобы весь огонь въ душѣ погасъ до послѣдней искры, чтобы вся энергія воли истрачена была въ напрасной борьбѣ противъ силы непреодолимой, а до этого еще далеко! Еще посмотримъ. Случай пестерь, всяко бываетъ, можетъ найдтись и въ глухомъ переулкѣ какая-нибудь лазейка, какой-нибудь нежданннй, негаданннй оборотъ, какая-нибудь возможность поставить карту противъ этого господина, съ немножко-болѣе-сносными шансами чѣмъ теперь, и если это удастся, тогда держись, господинъ Барковъ. Тогда мы помѣраемся силами и посмотримъ еще, кто изъ двухъ останется въ дуракахъ...

Такъ думалъ Лукинъ, въѣзжая въ Торопецъ, гдѣ его ожидала еще одна, послѣдняя встрѣча съ Барковымъ. Тотъ покраснѣлъ, увидѣвъ его въ судѣ, но ни полслова болѣе между ними не было сказано. Окончивъ дѣло, Лукинъ отправился къ одному старому пріятелю своего отца, съ намѣреніемъ посидѣть, пока лошади отдохнутъ, да телѣгу починять, но починка тянулась такъ долго, что ему надоѣло ждать. Возвратясь на постоялый дворъ въ сумерки, онъ залегъ и проспалъ до утра, а на другой день, чуть свѣтъ, пустился опять въ дорогу. Это было въ среду, а въ четвергъ, въ самый полдень, онъ прибылъ въ Великія Луки. Онъ выбралъ эту дорогу, чтобы не засѣсть на одномъ мѣстѣ, въ случаѣ, если долгихъ извозчиковъ не найдетъ или они будутъ просить слишкомъ дорого. Къ тому же, доѣхавъ до варшавскаго тракта, онъ могъ найти мѣсто въ почтовой каретѣ. Великія Луки, городокъ не казистый и не многолюдный, остались совсѣмъ въ сторонѣ, съ тѣхъ

поръ, какъ изъ Витебска, черезъ Навель и черезъ Опочку на Островъ, открыто было шоссе; но въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, Великія Луки лежали еще на большой бѣлорусской дорогѣ, а потому ежедневно видали въ своихъ стѣнахъ довольно большое число проѣзжихъ изъ Петербурга на югъ, въ Малороссію, въ Кіевъ, Одессу и въ другія мѣста, или оттуда на сѣверъ.

Русскій уѣздный городокъ, для того, кто живетъ въ немъ или въ его округѣ, имѣетъ, конечно, свою хорошо-знакомую и совершенно-индивидуальную фізіономію. Для постоянного жителя—это свѣтъ въ уменьшенномъ размѣрѣ или по крайней мѣрѣ та сторона подлуннаго міра, которая содержитъ его въ себѣ, обхватываетъ его со всѣхъ сторонъ, служить ему представителемъ и посредникомъ всего остального,—другими словами, та середина, черезъ которую приходятъ и путемъ которой уходятъ всѣ самыя крупныя и самыя интересныя явленія его жизни. Для помѣщика, это рынокъ, мѣсто покупки или продажи всего, что онъ потребляетъ и производитъ,—окошко, черезъ которое долетаютъ до него извѣстія изъ Петербурга или Москвы, и въ которое самъ онъ выглядываетъ всякій разъ, когда горизонтъ сельской жизни становится тѣсенъ для взора, когда мысли или дѣла, не умѣщаясь въ своей ежедневной рамкѣ, ищутъ выхода изъ нея на просторъ, въ болѣе-широкую сферу общественной жизни. Всякій уѣздный городъ, какъ бы онъ ни былъ, на первый взглядъ, не казистъ, малолюднъ и лишентъ всякой особенности, имѣетъ все-таки свое живое значеніе и свой, болѣе или менѣе глубокий и положительный интересъ. Но есть одинъ человекъ, который смотритъ на него свысока, или совершенно со стороны, и для котораго, по этой причинѣ, все значеніе и весь интересъ его сокращаются до такихъ безконечно-малыхъ размѣровъ, что въ результатѣ остается не болѣе какъ одна, простая, черная точка на картѣ Россіи, точка, девяносто девять разъ на сто не имѣющая ни малѣйшаго отличительнаго характера въ ряду нѣсколькихъ сотъ другихъ подобныхъ ей точекъ. Этотъ человекъ—*проѣзжій*. Для него, уѣздный городъ—это гостиница, съ такими же тараканами, или станція, такая же грязная, какъ и всѣ остальные, которыя онъ уже проѣхалъ, или которыя лежатъ еще впереди. Для проѣзжаго человека, идея уѣзднаго города связана только съ двумя послѣдовательными желаніями, по силѣ своей совершенно равными. Первое изъ

нихъ, это—сильное нетерпѣніе скорѣе туда прїѣхать, а второе, слѣдующее безъ всякаго промежутка за исполненіемъ перваго, это такое же нетерпѣніе какъ можно скорѣе уѣхать. Бываютъ, конечно, случаи, не подходящіе подъ это общее правило, но они очень рѣдки. Такъ, напримѣръ, человекъ съ археологическимъ вкусомъ, припоминая какія-нибудь двѣ или три замѣчательности, связанныя у него въ памяти съ именемъ города, который встрѣтился ему на пути, можетъ-статься не будетъ спѣшить отъѣздомъ, а напротивъ, съ большимъ любопытствомъ избѣгаетъ его вдоль и поперекъ, отыскивая какой-нибудь остатокъ стѣны съ бойницами и амбразурами на верху, или ворота, или извѣстный соборъ, но его любознательность едва ли будетъ вознаграждена. На повѣрку почти всегда окажется, что соборъ перестроенъ на новый ладъ и безъ малѣйшаго уваженія къ старинѣ, а стѣна, или ворота, или остатокъ стариннаго зданія, гниютъ какъ бездушный трупъ, съ пренебреженіемъ брошенный новою жизнью, которая ужъ давно разорвала съ нимъ всякую связь и забыла его совершенно, которая вся живетъ въ настоящемъ и не хочетъ знать ничего о томъ, что было не только за три или четыре вѣка, а даже за три или четыре года тому назадъ. Съ нѣмымъ сожалѣніемъ, съ неясными догадками въ головѣ, простоявъ минутъ пять на паперти, или передъ иконостасомъ, или передъ руиной, изъ которой давно растасканы годные кирпичи, если онъ обратится къ кому бы то ни было изъ жителей города съ просьбой что-нибудь ему объяснить, то онъ скоро увидитъ, что кромѣ его никому тутъ и въ голову не приходило ничего даже издали похожего на самый простой историческій вопросъ. Ему или скажутъ какую-нибудь глупость, или просто, пожавъ плечами, уйдутъ, и трудно рѣшить, кто шире, при этомъ, разинетъ ротъ, онъ, или тотъ, кто, судя по его словамъ, приметъ его за полупомѣшаннаго педанта или дурака.

Съ Лукинымъ, впрочемъ, давно уже ничего подобнаго не случилось; а что касается до настоящаго раза, то кромѣ сильнаго голода да желанія выбраться поскорѣе опять на большую дорогу, все остальное на время умолкло въ его душѣ,—такъ сильно убавкалъ его шестичасовой, утомительный переѣздъ, къ концу котораго домашняя тройка, въ полутора сутокъ сдѣлавшая безъ малаго сто двадцать верстъ, едва волочила ноги. Тотчасъ по прїѣздѣ, онъ вымылся, отобѣдалъ и, не теряя времени, пошелъ самъ нанимать долговаго извозчика въ Петербургъ

Это было въ половинѣ втораго. На улицахъ встрѣтилъ онъ крестный ходъ, по случаю церковнаго праздника; на станціи, кромѣ бабъ, ни души; на рынкѣ—тоже; но за то на папертахъ и на площади много народу. Чиновники, купцы и мѣщане, въ ихъ праздничныхъ платьяхъ, спѣшили изъ церкви домой, закусить; а другіе Богъ знаетъ когда уже успѣли это сдѣлать, и были навеселѣ. Звуки гудка, балаалайки и пѣсень долетали съ разныхъ сторонъ; однимъ словомъ—былъ праздникъ. Съ большимъ трудомъ онъ нашелъ двухъ или трехъ человекъ, которые въ состояніи были дать ему нужныя свѣдѣнія насчетъ того, гдѣ слѣдовало искать извозчиковъ. Безпрестанно останавливаясь и спрашивая дорогу, и заходя то туда, то сюда, по разнымъ дворамъ и квартирамъ, онъ обошелъ весь городъ, а дѣло все-таки не двигалось ни на шагъ. Двоихъ онъ дома не засталъ, третій лежалъ на печи мертвецки пьяный; а двое другихъ наотрѣзъ объявили, что въ праздникъ они не поѣдутъ, и что во всякомъ случаѣ, раньше какъ на другой день поутру, никто его не повезетъ, потому, молъ, что раньше никакъ и не справится,—лошади въ полѣ. Надо ихъ изловить, да надо ихъ привести, да надо ихъ накормить, да надо ихъ подковать; а тепереча кузнецъ въ праздникъ работать не станетъ; да надо и овсеца съ собой взять, а дома осталось всего два гарница, надо на рынкѣ купить, а на рынкѣ теперь все заперто, и т. д. Вдобавокъ, никто не соглашался везти дальше Порхова. Въ большой досадѣ, не зная что дѣлать, онъ уже въ третій разъ проходилъ широкую, грязную площадь и мостъ на рынкѣ. Звуки бубенъ и дудки раздавались съ другой стороны. За мостомъ, на углу, у воротъ двухъ-этажнаго дома, стояла довольно большая кучка народу разнаго пола и возраста, а въ серединѣ два мужика, съ ручнымъ медвѣдемъ, давали извѣстное представленіе. Лукинъ вмѣшался въ толпу, и, терпѣливо дождавшись конца, повторилъ одному изъ присутствовавшихъ свой, давно уже наизусть-затверженный вопросъ: «Извозчика въ Питеръ?» Тотъ, подумавъ, отвѣчалъ: «Нѣтъ, баринъ, здѣсь такихъ не найдешь. Наши въ Питеръ не возятъ. Слышь, Вася! прибавилъ онъ, толкнувъ локтемъ возлѣ стоявшаго молодаго парня въ красной рубахѣ, съ головой, повязанною ремешкомъ, и съ маленькою рыжею бородкой:—извозчика въ Питеръ спрашиваетъ.»—«А гдѣ его взять?» отвѣчалъ тотъ. «Здѣсь нѣту; а вотъ вы извольте на почтѣ спросить, продолжалъ онъ, обращаясь къ самому Лукину:—тамъ староста со всѣми велико-

луцкини извозчиками знакомъ, да только въ Питеръ наврядъ ли изъ нихъ кто возьмется.» Лукинъ махнулъ рукой и пошелъ уже прямо домой съ намѣреніемъ лечь спать, а вмѣсто себя отправить Андрея на почту за справками; но едва онъ успѣлъ повернуть за уголъ въ улицу, какъ услышалъ, что кто-то сзади бѣжитъ. Онъ оглянулся: мальчишка, въ пестрой рубахѣ и въ бѣломъ передникѣ, догонялъ его во весь духъ. «Эй, баринъ! баринъ!» кричалъ онъ, махая рукой.

— Что тамъ такое?

— Вы куда изволите ѣхать?

— Въ Петербургъ.

— Пожалуйте! у насъ проѣзжай въ гостиницѣ попутчика ищеть. Они тоже въ Питеръ; послали спросить, не угодно ли будетъ вмѣстѣ?

— А гдѣ онъ?

— Тутъ, у насъ въ номерѣ стоитъ.

— Въ какомъ номерѣ?

— А въ гостиницѣ въ нашей, вотъ въ этомъ самомъ домѣ тутъ, сейчасъ за угломъ, на лѣстницѣ вверхъ, во второмъ этажѣ... Пожалуйте, я васъ провожу.

Лукинъ вернулся, и черезъ минуту былъ въ комнатѣ, одно окно которой выходило на площадь, а другое на улицу. Первое было отворено, и на немъ сидѣлъ жиденькій, блѣднолицый и бѣлокурый молодой человекъ въ очкахъ, безъ сюртука и безъ галстука, въ туфляхъ, съ сигарой во рту. Другое окно было затворено, но на немъ не было сторы, и солнечные лучи, свободно проходя сквозь запыленные стекла, наводняли всю комнату яркимъ свѣтомъ. Въ комнатѣ этой господствовалъ ужаснѣйшій беспорядокъ. По самой серединѣ ея, на полу, стоялъ большой, развязанный чемоданъ, а возлѣ него и по разнымъ угламъ, валялась куча всякаго сора: крошки хлѣба, окурки сигаръ, вишневая косточка, пепель, концы веревокъ, лоскутья бумаги и проч. Кругомъ, на столахъ и на стульяхъ, развѣшено и разбросано было множество самыхъ разнообразныхъ вещей, вынутыхъ изъ мѣшка или изъ чемодана. Тутъ были рубахи, носки, полотенца, мыло и щетки и зубной порошокъ, кошелькъ и бумажникъ, фуражка и галстухъ, подтяжки, перчатки и книги и пр. и пр. Стаганъ и бутылка съ недопитымъ пивомъ стояли въ углу на столѣ, и мухи родемъ жужжали вокругъ. Входя въ комнату, Лукинъ споткнулся о сапоги, которые валялись у самыхъ дверей.

— Извините, тутъ немножко не убрано, сказалъ хозяинъ упомянутыхъ сапоговъ, съ трудомъ отпихнувъ ногой чемоданъ, который мѣшалъ его гостю пройти, и усаживая его на диванъ, между двумя узелками бѣлья, на то самое мѣсто, откуда онъ долженъ былъ снять рукомойникъ и тазъ, чтобъ очистить небольшое пространство для посѣтителя:—немножко неубрано и разбросано, продолжалъ онъ,—да что прикажете дѣлать? Въ этихъ проклятыхъ гостиницахъ прислуга является только тогда, когда нужно счетъ заплатить; а до этого времени, въ цѣломъ домѣ не доищешься ни души, и проѣзжій, какъ Робинзонъ на необитаемомъ островѣ, долженъ самъ вездѣ поспѣть, обо всемъ подумать и сдѣлать все.

— Ну, Робинзонъ не съ пустыми руками былъ выброшенъ на необитаемый островъ, замѣтилъ Лукинъ, поглядывая на поклажу, разбросанную вокругъ.—У него остались кой-какія бездѣлки на память отъ, европейской жизни.

Проѣзжій въ очкахъ засмѣялся.

— Могу васъ увѣрить, отвѣчалъ онъ,—что Робинзонъ былъ счастливѣе меня. Ему не нужно было возить свой запасъ на перекладныхъ, и раскладывать и укладывать его двадцать разъ. У него бы терпѣнія не хватило. Надо быть Русскимъ и путешествовать по Россіи, въ телѣгѣ, съ претензіями на комфортъ, чтобы понять, до какой степени человѣческое терпѣніе можетъ простираться. Вотъ, двѣ недѣли работаешь какъ негръ, часто изъ одного убѣжденія, изъ принципа, безъ всякой крайней необходимости, только затѣмъ, чтобы не откаться отъ привычекъ порядочнаго человѣка!

— Вы вѣрно первый разъ въ дорогѣ?

— На перекладныхъ въ первый разъ. Весной я уѣхалъ изъ Петербурга въ Полтавскую губернію съ однимъ баринномъ, старымъ университетскимъ товарищемъ, у котораго былъ свой дормезъ и свой человѣкъ для прислуги. Онъ зазвалъ меня къ себѣ въ гости на лѣто, обѣщая свозить туда и обратно такъ, что на меня въ дорогѣ пылинки не упадетъ. Вонъ оно какъ не упало! сказалъ онъ, указывая на фуражку, которая валялась на чемоданѣ, покрытая густымъ слоемъ пыли.—Туда, впрочемъ, онъ точно довезъ меня хорошо, но, проживъ у себя въ деревнѣ два мѣсяца, этотъ баринъ подрѣзалъ меня самымъ жестокимъ образомъ. Въмѣсто того чтобы назадъ отвезти, взялъ да и померъ. Померъ Богъ знаетъ зачѣмъ, безъ всякой внутренней необходимости, такъ, ни съ того, ни съ сего. Не могъ

одолея двух фунтовъ галушекъ съ саломъ и отправился на тотъ свѣтъ, а мнѣ предоставилъ ъхать назадъ одному, какъ знаешь.

Лукинъ посмотрѣлъ на лицо говорившаго, ожидая увидѣть на немъ холодный отблескъ стонческой шутки, но онъ ошибся. На лицѣ, подъ безпечною усмѣшкой, видна была тихая грусть.

— Вы учились въ Петербургскомъ университетѣ? спросилъ онъ проѣзжаго.

— Да, въ Петербургскомъ; а вы?

— И я тоже; только я васъ не помню. Вы по какому факультету?

— По филологическому. Впрочемъ, я вышелъ уже два года тому назадъ. Кстати, имѣю честь рекомендоваться: кандидатъ Алексѣевъ; а вы?... позвольте узнать.

Лукинъ назвалъ себя и свой факультетъ.

— Если вы ѣдете въ Петербургъ, то неудобно ли вмѣстѣ? сказала Алексѣевъ.—Я слышалъ здѣсь изъ окна, какъ вы искали извозчика; но долговой извозчикъ, если вы его и найдете, будетъ вамъ стоить врядъ ли дешевле того, что вы издержите, если мы поѣдемъ по почтѣ вдвоемъ. Къ тому же, потеря времени и остановка на постоялыхъ дворахъ...

— Да, разумѣется, отвѣчалъ Лукинъ:—все это тоже чего-нибудь стоитъ, тѣмъ болѣе что никто не беретъ везти дальше Порхова, а въ Порховѣ опять нельзя знать, найдешь ли нѣтъ.

— Bravo! Значитъ мы ѣдемъ вмѣстѣ?

— Ёдемъ. У васъ есть подорожная?

— Есть.

— Давайте сюда; я снесу на почту, а вы покуда укладывайте ваши вещи.

Получивъ подорожную, онъ ушелъ, и живо устроилъ все дѣло. Проѣзжихъ не было; на станціи въ пять минутъ заложили телѣгу, на которой онъ прямо поѣхалъ къ себѣ на постоянный дворъ; заплатилъ деньги, взялъ вещи, простился съ Андреемъ, которому подарилъ пять рублей, и былъ обратно въ гостиницѣ, прежде еще тѣмъ попутчикъ его успѣлъ совершенно окончить всѣ сборы.

Въ пятомъ часу пополудни, они выѣхали изъ Великихъ Лукъ на телѣгѣ, тройкой; съ колокольчикомъ подъ дугой и съ ямщикомъ навеселѣ. Попутчикъ сначала охалъ и морщился, подскакивая на мѣстѣ и придерживаясь рукою за чемоданъ до тѣхъ поръ, покуда они не проѣхали жесткую мостовую. Но

какъ только городскія улицы остались у нихъ назади, и телѣга пошла колесить по мягкой дорогѣ, онъ успокоился и тотчасъ же началъ опять разговоръ.

— Вы часто ѣзжали на перекладныхъ?

— Часто. А что?

— Да такъ, это видно по тому, какъ вы ловко телѣгу уложили. Отъ самаго Могилева я едва душу держалъ за зубами, такъ меня колотило, а теперъ ничего, сравнительно даже сносно.

— Опытность, батюшка. Привыкнете и вы, какъ поѣздите еще раза два или три.

— Ну нѣтъ, спасибо! Другой разъ меня на этой ѣздѣ никто не поймаетъ!

— Да какую же вы хотите еще у насъ въ Россіи? Мальпость только по двумъ дорогамъ ходить, и мѣста все нарасхватъ; а въ своемъ экипажѣ чтобы ѣхать, надо имѣть такой, который бы ни разу чинить не приходилось. Разъ починилъ, потомъ у каждой кузницы будешь стоять по три часа и переплатишь денегъ столько, сколько и вся дорога не стобитъ. То ли дѣло въ телѣгѣ! знать, ничего не знаешь. Какая ни есть, хоть бы о трехъ колесахъ, лишь бы до станціи довезла.

— Ну нѣтъ, покорно благодарю; другой разъ я лучше пѣшкомъ пойду, если ужъ будетъ необходимо куда-нибудь.

— Что жъ вы теперъ не попробовали?

— Поздно пробовать, когда со второй станціи меня такъ разбило, что до сихъ поръ все суставы точно какъ выломаны, а шею едва повернуть могу.

Ямщикъ засмѣялся.

— Это пройдетъ, подождите немножко; стерпится, слюбится.

— Не люблю я эту пословицу, отъ нея пахнетъ татарскимъ ярмомъ. Изъ всѣхъ добродѣтелей терпѣніе, конечно, самая глупая.

— Что дѣлать? Гдѣ умная не беретъ, тамъ дура иногда лучше вывезетъ.

— Вотъ, баринъ ладно сказалъ, замѣтилъ ямщикъ.—Нашему брату терпѣніе что хлѣбъ, дня безъ него не проживешь.

— А чортъ тебѣ велѣлъ ямщикомъ быть? возразилъ Алек-

сѣвъ. — Цѣлый вѣкъ на облучкѣ торчать, — конечно, натернишься!

— Эхъ, сударь! На пахотѣ-то развѣ народъ не терпится? Всякому Господь на долю довольно послалъ. Чай и барамъ иной разъ случается въ затылкѣ-то почесать?

— Случается, братъ, сказала Лукинъ, потрепавъ его по плечу.

— Ну вы, съ Богомъ! крикнулъ ямщикъ нарастаѣвъ, погоняя кнутомъ лошадей.

— Вы изъ Торопца ѣдете?

— Да, изъ Торопца.

— Изъ своего села?

— Нѣтъ, изъ чужаго.

— А, стало-быть такъ же, какъ я, въ гостяхъ жида. Оно, если хотите, и лучше.

— Не думаю, отвѣчалъ Лукинъ.

— А я, думаю. Лучше быть гостемъ чѣмъ хозяиномъ того мѣста, куда вы пріѣхали отдыхать. У хозяина слишкомъ много хлопотъ на шеѣ.

— Чтò жь! хлопоты выкупаются. Въ общемъ счетѣ, я думаю, вы и сами бы предпочли владѣть тѣмъ имѣніемъ, гдѣ вы жида, чѣмъ пробить тамъ два мѣсяца гостемъ?

— Не пожелай дому ближняго твоего.... возразилъ Алексѣевъ. — Впрочемъ чтò лицемѣрить; надо правду сказать. Во всемъ, чтò до выгодъ касается, конечно я бы не прочь; но если подумаешь, какъ дорого за эти выгоды надо платить!..

— Дорого или дешево, — выгоды даромъ въ карманъ не полѣзутъ. Даромъ ничего не дается. Самый отдыхъ, о которомъ вы говорите, не имѣлъ бы смысла, еслибы не былъ купленъ трудомъ; — а какимъ, не все ли равно?

— Нѣтъ, не все равно, отвѣчалъ тотъ. — Трудъ труду рознь, и если нѣтъ отдыха безъ труда, то есть трудъ безъ отдыха, трудъ неприятный, трудъ человѣка, который находится въ ложномъ положеніи и понимаетъ это вполне, и бьется какъ рыба объ ледъ, чтобы выйдти изъ него; а выйдти нельзя. Такого человѣка я видѣлъ не далѣе какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, видѣлъ своими глазами какъ онъ страдалъ....

— Не тотъ ли, что галушекъ объѣлся?

— Тотъ самый; вы какъ его знаете?

— Вы сами разказывали въ Великихъ Лукахъ.

— Ахъ, да, точно, я и забылъ. Но вы не знали этого че-

ловѣка! Вы не можете себя вообразить, какая это была высокая и прекрасная душа! Бѣдный Левшинъ! онъ вѣхалъ въ свою деревню съ твердымъ намѣреніемъ осуществить на дѣлѣ свои благородныя убѣжденія. Не онъ ошибся, горько ошибся! Его не поняли, потому что онъ опередилъ далеко свое время. Сосѣди, свои крестьяне, своя семья, не понялъ никто, и вслѣдствіе этого....

— Онъ объѣлся.

— Нѣтъ, онъ увидѣлъ себя въ томъ трудномъ и ложномъ положеніи, о которомъ я вамъ говорилъ.

Лукинъ задумался.—Шутки въ сторону, сказалъ онъ;—я вѣрю, что вашъ пріятель былъ добрый и благородный человѣкъ, но извините, я право не понимаю, что его такъ затрудняло?

— А вотъ что. Представьте себя, что вы помѣщикъ.

— Хорошо.

— И видите, что, по какимъ бы то ни было историческимъ или экономическимъ причинамъ, хозяйство у васъ въ имѣніи идетъ не такъ, какъ оно могло бы идти, и что отъ этого происходитъ столкновение вашего интереса съ интересомъ людей, которые вполне зависятъ отъ васъ, а вслѣдствіе этого столкновения терпятъ всѣ, — терпятъ въ нравственномъ и физическомъ отношеніи. Я спрашиваю, что бы вы сдѣлали?

— На это трудно указать общее правило.

— Правда, но представьте себя, что, вникнувъ въ характеръ вашего частнаго случая и опредѣляя, соотвѣтственно съ нимъ, уже готовыя въ вашей головѣ общія правила, вы принимаете мѣры, которыя, разумѣется, могутъ имѣть успѣхъ только тогда, когда не встрѣтятъ сопротивленія со стороны непосредственныхъ исполнителей. А между тѣмъ эти-то исполнители и дѣлаютъ все, что только возможно, чтобы мѣры ваши не удались. Они не хотятъ переменъ, они забились въ рутину и боятся всякаго нововведенія какъ огня. Не вѣрять вамъ наконецъ, думаютъ, что вы хотите ихъ притѣснять, что, изъ какой-нибудь лишней копѣйки, вы готовы весь сокъ изъ нихъ выжать! Что вы на это скажете?

— Скажу, что они имѣютъ полное право не вѣрять, потому что ваша наука для нихъ—китайская грамота. Почему они могутъ знать, что выйдетъ изъ тѣхъ переменъ, которыя вы затѣваете? Они знаютъ одно,—что, въ случаѣ неудачи, вы вѣсто трехъ тысячъ получите, можетъ-быть, не болѣе какъ

одну, положимъ такъ, но и съ этою одною вы конечно не пропадете, а они, въ случаѣ неудачи, могутъ пропасть; потому что у нихъ убытокъ падетъ на первыя необходимости жизни. Они хотятъ наконецъ въ томъ, что до ихъ хозяйства насается, дѣйствовать по ихъ собственному убѣжденію, а вы хотите, наперекоръ этому убѣжденію, заставить ихъ дѣйствовать за-жмура глаза, быть слѣпыми орудіями въ вашихъ рукахъ.

— О! да я ихъ и не виню. Я знаю, что это дѣти!

— Нѣтъ, позвольте. Дѣти, да, не совсѣмъ: дѣти въ отноше-ніи къ вашей наукѣ, пожалуй; но въ отношеніи къ пониманію своихъ правъ, далеко не дѣти. Мужикъ писаннаго закона не знаетъ. Для него это такая же абракадабра, какъ и ваши хо-зяйственныя системы. Для него существуетъ только одно обычное право, и ему онъ покоренъ, покуда вы сами его не нарушили; но попробуйте тронуть обычай, и тогда вы уви-дите, что онъ не дитя.

— Правда, и это все правда. Да въ такомъ случаѣ, что же дѣлать? Какъ выйдти изъ этого положенія, въ которомъ нрав-ственная отвѣтственность за все лежитъ на томъ, кто ни нрав-ственно, ни физически, не можетъ измѣнить ничего?

— Какъ измѣнить не можетъ?

— Да также, не можетъ. Вы сами это сейчасъ доказали, да и на дѣлѣ это выходитъ дѣйствительно такъ. Какъ прика-жете убѣдить человека, не знающаго науки, что вы совѣтуете ему добро, и что ваши мѣры клонятся не къ его угнетенію, а къ общей пользѣ?

— Надо доказать ему, что вы не личной выгоды ищете.

— А какимъ способомъ?

— Способъ одинъ, другаго не можетъ быть. Надо пожер-товать личною выгодой.

— Ба! Это легко сказать! Жертва не можетъ быть сдѣлана общимъ правиломъ.

— Конечно, поэтому-то я и сказалъ, что общаго правила нельзя указать. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы положе-ніе было безвыходное. Вздоръ! Кто захочетъ, всегда можетъ выйдти.

— То-есть, кто захочетъ жертвовать своею выгодой. Но всякій изъ насъ имѣетъ право беречь свою выгоду, и эта бережливость нужна не для него одного; она необходима для цѣлага общества. Представьте себѣ, что всякій сталъ бы бросать свою собственность за окошко, не дорожилъ бы своимъ инте-

ресомъ никадо. Что изъ этого выйдетъ? Все общество обанкрутится.

— Да на что вы тутъ общество вмѣшиваете? Оставьте его въ покоѣ. Дѣло идетъ просто о частномъ лицѣ. Я говорю, что человекъ съ ясно-опредѣленными убѣжденіями, въ такомъ положеніи, о какомъ вы говорите, не станетъ втупикъ, а найдетъ выходъ.

— То-есть поступить какъ Донъ-Кихотъ, погибнетъ безъ всякой пользы для общества; принесетъ себя въ жертву частному случаю. Ну, а если это не входитъ въ число его убѣжденій? Если онъ жертвовать собой не намѣренъ?

— Тогда онъ принесетъ въ жертву себѣ интересы другихъ людей.

— А если онъ благороденъ, и не въ силахъ такъ поступить?

— Ну, такъ не поступить.

— Такъ что жъ онъ будетъ дѣлать?

— А я почему знаю? Если его убѣжденія не ведутъ ни къ чему, такъ, по моему, они гроша не стоятъ, и лучше вовсе ихъ не имѣть, а жить со дня на день спусти рукава, и брести замура глаза, куда случай толкаетъ.

— Вотъ видите къ чему вы пришли. По вашему, все общество должно состоять изъ ангеловъ, приносящихъ себя въ жертву другъ другу, или изъ дикарей, которые пожираютъ другъ друга; а жить такъ, чтобъ и себѣ и другимъ было хорошо, — невозможно.

— Я этого не говорилъ. Я вовсе не брался рѣшать задачу, какъ общество должно быть устроено.

— А, вотъ въ томъ-то вы и ошибаетесь, что вы объ этомъ не хотите говорить. Вы думаете, что когда дѣло идетъ объ убѣжденіяхъ человека, относящихся къ сферѣ его общественной дѣятельности, вопросъ объ общественномъ устройствѣ можетъ быть обойденъ? Вы думаете, что частное лицо во всемъ виновато, что оно можетъ сдѣлать все, да не хочетъ? Нѣтъ, сударь мой, ничего человекъ не можетъ сдѣлать одинъ. Шагъ онъ не пройдетъ, не стукнувшись лбомъ о то, что, мимо воли его и безъ согласія его, загоразиваетъ ему дорогу со всѣхъ сторонъ. Будь хоть семи пядей во лбу и имѣй какія хочешь высокія убѣжденія, а какъ попробуешь одинъ идти противъ общаго хода вещей, такъ развѣ лобъ себѣ разбьешь, а плетью обуха не перешибешь!

Опять Лукинъ замолчалъ и задумался. Его собственное положеніе пришло ему живо на умъ, и въ немъ было много такого, что подтверждало эти слова.

— Еще разъ, сказалъ онъ,—я долженъ признаться, что въ вашихъ словахъ много правды; да только я понять не могу, что изъ нихъ слѣдуетъ. Вы говорите объ обществѣ какъ о какомъ-то спрятанномъ машинистѣ, который сидитъ невидимкою между толпою частныхъ людей, и всѣми вертитъ по своему. У васъ это выходитъ что-то отдѣльное отъ тѣхъ лицъ, изъ которыхъ общество состоитъ. Позвольте узнать: что же, по вашему, долженъ дѣлать человекъ съ убѣжденіями, который понималъ, что плетью обуха не перешибешь?

— Одинъ человекъ не можетъ ничего сдѣлать, общество должно проложить ему путь.

— Опять общество! экъ вамъ оно далось! Да вѣдь если одинъ не можетъ, такъ и другой тоже, и третій, и наконецъ всѣ. Спрашивается, кто же можетъ?

— Могутъ всѣ, если всѣ согласны, а одинъ противъ всѣхъ безсиленъ.

— Ну, если вы будете ждать покуда всѣ согласятся, такъ вамъ долго придется ждать.

— А вы какъ же думаете?

— А я думаю: дѣлай всякій что можетъ, не дожидаясь другихъ.

— Но если онъ можетъ только сломить себѣ шею, или разориться впухъ, безъ всякой пользы для кого бы то ни было?

— Если не можетъ ничего болѣе, такъ нечего ему и соваться.

— Конечно не можетъ.

— Такъ что же онъ можетъ? Вѣдь все приходитъ наконецъ къ этому, потому что никто не обязанъ къ тому, чего онъ не можетъ, а если не можетъ никто, то не могутъ и всѣ.

— Я вамъ скажу, что онъ можетъ.

— Сдѣлайте милость, я васъ давно ужъ прошу.

— Онъ можетъ *говорить*.

Лукинъ громко захохоталъ.—Говорить! Говорить всякая старая баба можетъ, да что изъ этого толку?

— Не смѣйтесь, слово могущественное оружіе. Словомъ одинъ можетъ побѣдить всѣхъ, заставить всѣхъ съ собой согласиться. Въ наше время, передовые люди берутся за слово;

всѣ говорить или пишутъ и этимъ путемъ стремятся осуществить свои убѣжденія.

— Плохой же они выбрали себѣ путь. Знаете, къ чему это приведетъ?

— Къ чему?

— Приведетъ къ пустой болтовнѣ. Вѣрьте мнѣ, изъ этихъ писаекъ да говоруновъ никакого проку не будетъ. Всѣ они смотрятъ себѣ въ карманъ. Всѣ они думаютъ отдѣлаться краснобайствомъ; а тамъ, какъ до дѣла дойдетъ, такъ они гроша изъ кармана не выпускаютъ, волоса съ головы не пожертвуютъ.

— Отчего вы такъ думаете?

— А отъ того, что я этихъ господъ видалъ. На слова они мастера. На словахъ, они вамъ изъ чернаго бѣлое сдѣлаютъ, а на дѣлѣ... дѣла вы отъ нихъ не дождетесь. Они думаютъ, что если они наговорили съ три короба, такъ все ужъ и кончено.

— Кто же такъ думаетъ? Кто такіе эти господа?

— Да всѣ ваши господа литераторы. Всѣ они себѣ благую часть избрали: сидя у себя въ кабинетѣ и жизни въ глаза не выдавъ, учить другихъ какъ надо на свѣтѣ жить. Мудрость не велика: изъ разныхъ книжонокъ повычитать на удачу, что подъ руку попадетъ, да тотчасъ и хватъ за перо. Вотъ, молъ, какую великую истину я вамъ скажу, а про то и молчать, что эту великую истину они вчерашняго дня первый разъ сами въ глаза увидали.

При этихъ словахъ, его спутникъ сдѣлалъ довольно кислую мину.—Мнѣ очень жаль, отвѣчалъ онъ,—что вы такого дурнаго мнѣнія о литераторахъ вообще, потому что я самъ принадлежу къ ихъ числу.

— А!... Въ такомъ случаѣ, извините.... еслибъ я зналъ.... впрочемъ я не о всѣхъ говорю. Есть, разумѣется, исключенія.

— Есть, разумѣется, и очень не мало, хотя впрочемъ я спорить не буду, что есть и такіе, какъ вы сейчасъ говорили; но не судите такъ строго о всемъ сословіи по нѣсколькимъ экземплярамъ, которые вамъ мелькомъ случалось видѣть. Вѣрьте мнѣ: въ этомъ кругу цвѣтетъ вся надежда Россіи. Всѣ передовые люди нашего времени, всѣ, кто призванъ и предназначенъ....

— А что, господа, перебилъ вдругъ ямщикъ, который все время слушалъ внимательно ихъ разговоръ,—не въ обиду милости вашей, позвольте спросить: о чемъ такомъ вы толкуете?

Такъ то-есть оно несообразно выходить, что и въ догадъ никакъ не возьмешь. Кажись, и по-русски сказано, а понять куды мудрено!

Оба путешественника расхохотались.

— Вотъ видите, замѣтилъ Лукинъ,—вотъ видите, какъ мы далеки отъ той жизни, которая насъ окружаетъ. Мы говоримъ цѣлый часъ, а жизнь, простая, естественная жизнь, слушаетъ и не понимаетъ ни слова. Извини, братъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ ихъ удивленному слушателю,—опять заврался. А если ты хочешь знать о чемъ было говорено, такъ я тебѣ откровенно скажу: ни о чемъ. Хоть убей, теперь самъ не припомню. А ты если и не понялъ, такъ право не много потерялъ. Въдь это и между вашимъ братомъ, я чай, иной разъ бываетъ, что двое заспорятъ ни съ того, ни съ сего, и кричатъ цѣлый часъ, а тамъ какъ кончатъ да хватятся о чемъ была рѣчь, такъ никто и не помнить.

— Бывать-то бываетъ, да больше все промежъ бабъ, отвѣчалъ ямщикъ.

Оба проѣзжіе снова захохотали.

— Только, чтобъ этакъ красно да складно кто говорилъ, въ жизнь свою еще не слышалъ.

— Спасибо хоть похвалилъ наконецъ, сказалъ Алексѣевъ.

— Это стало-быть по книжному, значить, по ученому.

— Вотъ именно, отвѣчалъ Лукинъ,—теперь ты понялъ, отчего оно такъ несообразно выходить?

— Понялъ, сударь; такъ, значить, въ школѣ вашу милость учили.

— Въ школѣ ещё того хуже.

— Эко диво.

Всѣ замолчали. Ямщикъ оглянулся на солнце, поправилъ шапку, тряхнулъ головой и гикнулъ на лошадей. Онѣ побѣжали сначала крупною рысью, а потомъ вскачь... Мчится телѣга, подпрыгиваютъ сѣдоки, а на встрѣчу имъ мчится верстовой столбъ, который сильно коситъ, однимъ глазомъ глядя на югъ, а другимъ прямо на сѣверъ. За нимъ, деревня съ огородами и садами, и мелкая рѣчка, и мостъ, черезъ который они проносятся съ громомъ, а за мостомъ пашни съ рядами сноповъ, луга, и опять поле, а тамъ мелкій кустарникъ, и кочки, и лѣсъ, а за лѣсомъ опять верста, а тамъ станція. Сѣдой смотритель въ очкахъ сидитъ у окошка; передъ нимъ грязная книга и чернилица съ мухами, надъ нимъ рамки съ разными

правилами, предписаніями и росписями, а въ окошко виднѣется дворъ, засоренный соломой и сѣномъ, забрызганный дегтемъ, уставленный рядомъ телѣгъ. Одну изъ нихъ мажутъ, закладываютъ и подвозятъ. Проѣзжіи сидятъ у окошка или стоятъ на крыльцѣ, съ сигарой во рту, и смотрятъ какъ вещи его перекадываютъ, а товарищъ его, его *будущій*, какъ онъ называется на техническомъ языкѣ подорожной, лежитъ на диванѣ. Колокольчикъ побрякиваетъ, точно какъ будто ему не терпится скорѣй зазвонить, а другой уже отзвонилъ и спрятанъ вмѣстѣ съ дугой, но звуки его гудятъ еще въ оскорбленныхъ ушахъ проѣзжаго.

— Все готово, извольте садиться, говоритъ староста. Старый ямщикъ снялъ шапку и проситъ на водку, смотритель отдаетъ подорожную, и вотъ опять сѣли и опять понеслись.

Проѣхавъ верстѣ пять, Лукинъ вынулъ сигару и сталъ искать въ карманѣ огнива съ кремнемъ, но кремня не было.

— Вѣрно на станціи выронилъ. Нѣтъ ли у васъ огоньку? сказалъ онъ, обращаясь къ товарищу.

Тотъ сталъ доставать и вдругъ поблѣднѣлъ. — Стой! закричалъ онъ ямщику.

— Что съ вами? спросилъ Лукинъ.

— Бумажника нѣтъ! чортъ возьми, неужли я его потерялъ? Онъ выскочилъ, распахнулся и началъ проворно ощупывать всѣ карманы.

— Смотрите, смотрите, вы его уронили сейчасъ.

— Гдѣ?

— Вонъ, тутъ на землѣ, у васъ подъ ногами.

Алексѣевъ нагнулся и поднялъ свой портфель, который засунуть былъ за сюртукъ мимо кармана и выпалъ оттуда тотчасъ, какъ только онъ успѣлъ разстегнуть первую пуговицу.

— Слава Богу! Счастливо обошлось, сказалъ онъ, отрадно вздохнувъ и усаживаясь опять въ телѣгу. — Ну, батюшка, я вамъ скажу, давно уже мнѣ не случалось такъ струсить.

— А что?

— Да только то, что въ бумажникѣ у меня лежитъ билетъ заемнаго банка на 30.000 руб. ассигнаціями. Шутка сказать, все состояніе! Поди ищи его послѣ тутъ по большой дорогѣ. Поднялъ бы какой-нибудь пѣшеходъ, да и концы въ воду.

— А билетъ не на ваше имя?

— Нѣтъ, безыменный.

— Ну, еще можно было бы нумеръ публиковать.

— Да, разумеется, если припомнишь, но можно и ошибиться.

— А развѣ онъ у васъ не записанъ?

— Записанъ-то записанъ, да вѣдь записка тутъ же, въ бумажникѣ, была спрятана, и всѣ наличныя деньги тутъ. Все вмѣстѣ отправилось бы къ чорту, еслибы бумажникъ пропалъ.

— Зачѣмъ вы берете съ собою въ дорогу такія вещи?

— Да куда же дѣвать?

— Оставили бы кому-нибудь изъ родныхъ въ Петербургѣ.

— Какихъ тамъ родныхъ! Откуда я ихъ возьму? Меня по десятому году въ Петербургъ привезли, да и бросили одного. Съ тѣхъ поръ, отецъ всего разъ прїѣзжалъ навѣстить. Онъ былъ смотритель таможи на прусской границѣ и померъ еще въ 31 году. Послѣ него, изъ родныхъ, у меня въ цѣломъ свѣтѣ оставался только одинъ дядя, старый холостякъ, который служилъ въ Новгородѣ, по какой части, — ужь право не помню. Знаю только, что года два тому назадъ, онъ тоже отправился на тотъ свѣтъ, не оставивъ ни роду, ни племени. Вотъ вамъ и вся родня.

— Ну, не роднѣ, такъ изъ друзей кому-нибудь можно было отдать, хоть подъ росписку.

— Развѣ что подъ росписку. А такихъ прїятелей, на которыхъ я могъ бы вполне положиться, кромѣ Левшина, у меня не было. Все это люди, которые съ тобой хороши, покуда ты тутъ, а какъ съ глазъ долой, такъ и дружба къ чорту. Умри я сегодня, завтра никто и справиться не подумаетъ. Даже наслѣдниковъ, и тѣхъ не найдется, а это много сказать. Да, батюшка, одинъ, одинъ какъ перстъ въ цѣломъ свѣтѣ.

— Ну, на этотъ счетъ, пару себѣ не трудно найти. Какъ кажется, мы съ вами товарищи не въ одномъ отношеніи.

— А что, вы развѣ тоже испытываете отраду уединенія?

— Полнѣйшую; у васъ хоть одинъ прїятель есть, да за то надежный, а у меня ровнехонько никого.

— Хмъ, вы про этого барина говорите, что тутъ у меня въ карманѣ лежитъ? Но вѣдь и онъ чуть-чуть не далъ тагу. Вотъ бы штуку сыгралъ.

Слово за слово, разговоръ завязался опять и еще откровеннѣе прежняго. Чувство полного одиночества съ обѣихъ сторонъ и увѣренность, что его раздѣляютъ, быстро сблизили ихъ другъ съ другомъ. На одной изъ слѣдующихъ станцій, они пили чай. За чаемъ, Лукинъ, въ короткихъ словахъ, разказалъ

главныя обстоятельства своего положенія. Товарищъ его былъ глубоко тронутъ и долго потомъ разспрашивалъ о подробностяхъ. — Что жъ вы намѣрены дѣлать теперь? спросилъ онъ, когда разказъ былъ оконченъ.

— А что придется; право не знаю, отвѣчалъ тотъ. — Общались мнѣ мѣсто въ министерствѣ юстиціи, да когда я его получу и получу ли еще, Богъ знаетъ.

— Послушайте, сказала Алексѣевъ, — мы съ вами недавно знакомы, но время тутъ очень второстепенный вопросъ. Главное дѣло это довѣріе, а еслибы вы его не имѣли ко мнѣ, вы бы вѣрно не разказали мнѣ того, что я сейчасъ слышалъ. Впрочемъ, я не люблю предисловія. Дѣло вотъ въ чемъ. Ни у меня, ни у васъ, въ Петербургѣ пріятелей нѣтъ, то-есть такихъ, на которыхъ мы могли бы разчитывать въ полной мѣрѣ, а потому, я думаю, для насъ обонхъ было бы лучше поселиться вдвоемъ и жить вмѣстѣ.

Лукинъ слегка покраснѣлъ. Стыдъ гордаго человѣка, котораго несчастіе и нужда дѣлають черезчуръ щекотливымъ ко всему, что хоть издали похоже на благодѣяніе, первый разъ вонзилъ въ него свое жало. Онъ долго молчалъ. Чувства самаго противоположнаго рода тѣснились въ его груди. Съ одной стороны, ему совѣстно было принять предложеніе, всѣ матеріальныя выгоды котораго были явно на его сторонѣ, а съ другой, онъ не могъ не цѣнить простоты и широкаго радушія, съ которымъ предложеніе это было сдѣлано, и не хотѣлъ обидѣть холоднымъ отказомъ человѣка, котораго онъ успѣлъ уже полюбить.

— Я подумаю, отвѣчалъ онъ.

— Хорошо, только не думайте, чтобы я увлекался драматическою стороною вашего положенія и хотѣлъ играть въ немъ какую-нибудь роль. Я просто ищу своей пользы и своего удовольствія. Мнѣ надоѣло жить одному. Вы не знаете, что за жизнь я велъ въ Петербургѣ, съ тѣхъ поръ какъ я вышелъ изъ школы! Какъ я нуждался, какъ я хандрилъ, и сколько горя я перенесъ, сколько ошибокъ надѣлалъ, не имѣя возлѣ себя никого, кто бы могъ дать совѣтъ, остеречь и помочь! Послушайте, я вамъ все разкажу. — И вотъ, въ свою очередь, онъ началъ подробный разказъ, который Лукинъ слушалъ внимательно. Память у него была хорошая, и все, что онъ слышалъ, вырѣзывалось на ней какъ на мѣдной доскѣ. Ихъ разговоръ былъ начатъ на станціи, за самоваромъ, а затанулъ на весь пере-

вздъ. Выпивъ по два стакана горячаго чаю, они закурили сигары и поскакали опять по мягкой пыльной дорогѣ. Тѣмъ временемъ солнце сѣло, и изъ-за лѣса, на горизонтѣ, выглянулъ красный рогъ новаго мѣсяца. Густая роса ложилась кругомъ, а по низкимъ мѣстамъ туманъ стлался какъ легкое кисейное покрывало. Въ поляхъ стемнѣло, по деревьямъ, тамъ и сямъ, замелькали далекіе огоньки. Два раза они обогнали гурты воловъ, расположенные на ночлегъ. Погонщики, обставивъ себя повозками и разложивъ костеръ на опушкѣ лѣса, сядли какъ черныя тѣни вокругъ, а яркій отблескъ огня рисовалъ ихъ суровыя лица. Но глазъ едва успѣвалъ взглянуть въ эти картины. Онѣ налетали какъ сонъ и, мелькнувъ, проносились мимо.

На слѣдующую станцію, они пріѣхали уже ночью. Было половина двѣнадцатаго, Лукинъ, который вездѣ отдавалъ подорожную отъ себя, сталъ требовать лошадей; но, съ вечерней попойки въ честь праздника, всѣ ямщики были пьяны, и смотритель совѣтовалъ обождать. Это былъ свѣжій, бодрый старикъ, средняго роста, съ румянымъ лицомъ и курчавыми белокурыми волосами, въ которыхъ блестяла замѣтная просѣдь.

— Дайте имъ выспаться, сударь, говорилъ днѣ,—не то они пожалуй вамъ шею сломаютъ, а мнѣ придется за васъ отвѣчать. Чтò дѣлать-то! Съ ними не справишься, такой ужь народъ. Какъ праздникъ, такъ и нарѣжуются. Теперь тоже лошади у насъ все больше новыя, совсѣмъ дороги не знаютъ, а до Машковой есть горка довольно крутая и мостъ. Сдѣлайте Божескую милость, повремените хоть до свѣту, авось о ту пору проснутся.

Лукинъ оглянулся, желая узнать, чтò скажетъ его товарищъ, который вошелъ вмѣстѣ съ нимъ, но Алексѣева не было. «Ну, вѣрно спать залегъ,» подумалъ онъ, вспомнивъ, какъ тотъ притихъ подъ конецъ переѣзда и сидя въ телѣгѣ дремалъ, раскачиваясь на всѣ стороны.

— Дѣлать нечего, сказалъ онъ,—до свѣту я подожду, но не долѣе. Только сдѣлайте одолженіе, запишите сейчасъ подорожную и отдайте мнѣ, чтобы послѣ не позабыть, да распорядитесь теперь же насчетъ лошадей.

— Насчетъ лошадей безпокоиться не извольте, лошади будутъ, былъ бы только ямщикъ. Самоваръ не прикажете ли?

«А, вотъ тебѣ чего нужно,» подумалъ Лукинъ.

— Нѣтъ, покорно благодарю, отвѣчалъ онъ,—мы пили чай на той станціи, а теперь я лучше засну.

Съ этими словами, взявъ сальную свѣчку въ грязномъ, заплывшемъ подсвѣчникѣ, онъ вышелъ въ другую комнату. Это была обыкновенная комната для проѣзжихъ, безъ стору, съ диваномъ, покрытымъ кожей, съ большими, неуклюжими стульями и столомъ, на которомъ лежала извѣстная шнуровая тетрадь для записки жалобъ. Портреты Суворова и Барклая-де-Толли висѣли съ одной стороны, на стѣнѣ, возлѣ зеркала, облееннаго бумагой, а съ другой, почтовые правила въ рамкахъ. Товарищъ его лежалъ на диванѣ въ полной дорожной формѣ, то-есть въ шинели, покрытой густымъ слоемъ пыли, и въ такой же фуражкѣ; онъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Лукинъ подошелъ къ нему со свѣчой въ рукѣ и съ минуту стоялъ неподвижно. Его поразила необыкновенная блѣдность лица, а также какое-то странное выраженіе нѣмого, торжественнаго покоя во всѣхъ чертахъ. «Точно мертвый», подумалъ онъ самъ про себя.

— Алексѣевъ! шепнулъ онъ въ полголоса, трогая его за плечо.

— Сейчасъ, сейчасъ... подожди, Левшинъ, одну минуточку... я совсѣмъ готовъ... пробормоталъ тотъ во снѣ, не открывая глазъ, и повернулся къ нему спиной.

«Воспоминаніе изъ прежней дороги,» подумалъ Лукинъ. Потомъ, онъ поставилъ свѣчку на столъ, посмотрѣлъ на часы, сбросилъ шинель свою на полъ и растянулся на ней во всю длину. Съ минуту еще въ ухахъ его смутно гудѣлъ мнимый звукъ колокольчика и мнимый стукъ колесъ по землѣ, потомъ все умолкло, и онъ заснулъ.

Проѣзжій, на станціи, рѣдко видитъ во снѣ какія-нибудь опредѣленныя грезы. Обыкновенно, онъ такъ утомленъ, что спитъ какъ убитый, но на этотъ разъ вышло иначе. Съ самаго начала, какъ только Лукинъ уснулъ, ему стала чудиться всякая всячина. Деревня, столица, Торопецъ, Великія Луки и станція, недавнія сцены и образы изъ давно-минувшихъ годовъ, все это путалось, переплетаясь въ какой-то странной перестановкѣ лицъ, мѣстностей, впечатлѣній. То снилось ему, что онъ снова ищетъ извозчика, то, что извозчикъ, на долгихъ, везетъ его въ Петербургъ, то, что онъ скачетъ на почтовыхъ, въ спокойномъ дормезѣ, и съ нимъ какой-то попутчикъ. Оказывается, что это не Алексѣевъ, а Левшинъ, что Левшинъ вовсе не умеръ, а умеръ кто-то другой. Они вмѣстѣ отыскиваютъ Алексѣева и знаютъ навѣрное, что онъ гдѣ-то спитъ, но

гдѣ, онъ не можетъ припомнить. И вотъ они прѣзжаютъ на станцію, входятъ въ комнату: Алексѣевъ лежитъ на диванѣ въ дорожной шинели и въ пыльной фуражкѣ. Они подходятъ къ нему, Левшинъ будитъ: «вставай, говоритъ, пора»; тотъ встаетъ, и они уѣзжаютъ въ дормезѣ, а онъ остается одинъ. Ему грустно и скучно, онъ ждетъ лошадей, отъ скуки онъ хочетъ зажечь сигару и опускаетъ руку въ карманъ, но въ карманѣ лежитъ не огниво, а портфель, портфель Алексѣева, и въ немъ цѣлая кипа билетовъ на разныя суммы. Скорѣй! Скорѣй лошадей! Надо догнать ихъ, надо отдать, а то они подумаютъ Богъ знаетъ что! Лошадей подають, онъ гонитъ во весь опоръ, а сзади кричатъ ему: «Стой! стой! Деньги укралъ!...» Но шумъ замолкъ, все исчезло, и только въ потемкахъ что-то стучитъ. Это сердце его бьется въ груди, или нѣтъ, это маятникъ на часахъ. Часы, онъ знаетъ, тутъ воездъ висятъ, а все, что онъ видѣлъ, все это сонъ, потому что вотъ онъ лежитъ тутъ на станціи, свѣчу кто-то загасилъ, должно-быть смотритель, и потому не видать ничего, но онъ знаетъ, что тутъ, на диванѣ, возлѣ него, лежитъ Алексѣевъ. Сознаніе вернулось на мигъ, но вслѣдъ за тѣмъ опять грезы. Опять, онъ скачетъ во весь опоръ на почтовыхъ, и скачетъ одинъ. Товарищъ его остался на станціи, но отдалъ ему свой бумажникъ, затѣмъ чтобъ онъ вынулъ изъ банка проценты, нанялъ квартиру для нихъ въ Петербургѣ и заплатилъ впередъ за весь годъ. Они будутъ жить вмѣстѣ и будутъ жить хорошо, а съ Барковымъ онъ знаетъ какъ сдѣлать. Надо его надуть. Надо распорядиться такъ, чтобъ онъ не могъ его отыскать; а для этого, квартиру надо нанять на имя Алексѣева, который одинъ будетъ извѣстенъ, а самъ онъ будетъ прятаться, такъ что его не замѣтятъ; это очень не трудно, потому что онъ самъ Алексѣевъ, да, Григорій Алексѣевъ. Лукинымъ онъ останется только какъ частное лицо, а въ отношеніи къ обществу будетъ скрываться за личностію Алексѣева. Но какъ сдѣлать съ паспортомъ?... Онъ начинаетъ придумывать; мысли путаются у него въ головѣ, онъ не можетъ ихъ уловить. Вмѣсто мыслей, какія-то странныя сочетанія словъ шевелятся на языкѣ... Общество, частное лицо, жертва, общее правило, частный случай... все это имѣетъ какое-то особенное отношеніе къ нему и къ его настоящему положенію въ жизни, но какое, онъ напрасно силится разгадать; а между тѣмъ разгадка какъ будто бы очень близка. Въ иную минуту, ему такъ и

кажется, что вотъ, вотъ поймалъ, вотъ сейчасъ все станетъ ясно какъ на ладони; но тутъ, какъ нарочно, новый потокъ образовъ, мыслей и словъ подхватывалъ его на лету и увлекалъ съ неотразимою силой. Безсвязные, мутные сны проходили надъ его головой какъ волны...

Когда онъ проснулся, въ комнатѣ было еще совершенно темно; но въ окошко уже глядѣлъ темно-синій, едва примѣтный утренній полусвѣтъ. Лукинъ всталъ и, руками ощупывая дорогу, пробрался къ смотрителю, который, сидя по прежнему у стола, записывалъ что-то въ книгу. На столѣ, передъ нимъ, лежалъ пакетъ, и горѣла свѣча, точь-въ-точь какъ въ ту пору, когда онъ вошелъ къ нему въ первый разъ.

— Что это? Вы не спали или я ошибаюсь? Который часъ?

— Четыре часа, отвѣчалъ тотъ, взглянувъ и продолжая писать.—Такое ужъ наше житье. Хоть совсѣмъ и въ постель не ложись. Почта сейчасъ проѣхала, прибавилъ онъ,—лошадей всѣхъ забрала, только двѣ тройки всего и осталось, одна курьерская, а другая неѣзженная, прямо изъ табуна, наемни, подрядчикъ прислалъ.

— Такъ что же, зачѣмъ дѣло стало?

— Да Богъ ее знаетъ, какъ-то еще пойдетъ. Неровенъ часъ, пожалуй въ канавѣ будете. Обождите, сударь, маленько. Часамъ къ девяти обратные будутъ. Какъ только покормятъ, тотчасъ велю заложить, а вы покуда чайку напейтесь.

— Да что вы все чаемъ меня угощаете? возразилъ Лукинъ.—Что, я тутъ цѣлыя сутки что ли буду стоять? Изъ-за какой надобности? Вчера вы говорили, что ямщики пьяны, сегодня, что лошади не объѣзжены; а дальше что будетъ? Нѣтъ, дудки! Я за носъ себя водить не позволю. Велите сейчасъ закладывать, а чай пейте сами, если хотите.

Не отвѣчая ни слова, смотритель всталъ и ушелъ. Лукинъ довольно долго стоялъ у окна, на запотѣлыхъ стеклахъ котораго отблескъ свѣчи встрѣчался съ холоднымъ лучомъ разсвѣта. Черезъ четверть часа, онъ услышалъ большую возню на дворѣ, въ промежуткахъ которой побрякивалъ колокольчикъ. Въ потемкахъ, нельзя было ничего разглядѣть, кромѣ тусклаго фонаря да группы черныхъ фигуръ, сновавшихъ взадъ и впередъ, но голоса слышны были явственно.

— Давай хомуть, Вася, кричалъ одинъ.—Ахъ ты, волкъ-те зарвѣжь! Вишь морду ворочаетъ, словно барыня питерская!

Погоди, я те вышколю!... Давай хомутъ, говорятъ, чего уши развѣсилъ? Аль съ праздника хмѣль-то еще не проспалъ?

— Вишь, черти проклятые! ворчалъ другой. — Чтобы вамъ лопнуть! Опять уздечки не привезли.

Сильный топотъ и фырканье перебили его слова.

— Держи! Держи ее крѣпче! Да держи же, русскимъ тебѣ языкомъ говорятъ! На возжу, поверни ее направо маленько, вотъ такъ, еще, назадъ, назадъ отодвинь. Я говорилъ, коротки постромки...

— А гдѣ онѣ коротки? глянь-ка сюда, видишь?

Долго слушалъ Лукинъ, зѣвая; потомъ пошелъ и разбудилъ Алексѣева.

— Вставайте, сейчасъ лошадей подаютъ, сказалъ онъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчалъ тотъ, приподнимаясь и протирая глаза. — Пусть сперва выѣдутъ, а я еще полежу.

— Когда тутъ лежать? вонъ, слышите, выѣзжаютъ. Сырпыъ воротъ и звонъ колокольчика подтвердили его слова. Слышно было, какъ лошади шарахнулись бѣшено, и какъ ихъ съ трудомъ удержали, выводя потихоньку за ворота. Черезъ минуту, проѣзжіе были готовы и вышли изъ комнаты на крыльцо.

На дворѣ разсвѣтало. Телѣга съ тройкой лихихъ вороныхъ коней, совсѣмъ готовая, стояла поодаль, но стояла не слишкомъ смирно. Два дюжихъ парня держали подъ устцы пристяжныхъ, которыя поминутно то пятались въ сторону, то рвались впередъ; а коренная храпѣла, крутила шею дугой и рыла копытами землю.

— Вещи уложены? спросилъ Лукинъ ямщика.

— Все уложено, извольте садиться скорѣй, господа, вишь лошади не стоятъ.

Лукинъ живо вскочилъ въ телѣгу, но товарищъ его едва занесъ ногу и взялся за облучокъ, какъ пристяжная взвилась на дыбы. Онъ оробѣлъ и отшатнулся назадъ.

— Что это значить? Какихъ звѣрей они намъ заложили? спросилъ онъ, со страхомъ поглядывая на лошадей.

— Ничего, сударь, кони хорошіе. Первый разъ въ хомутахъ, такъ вотъ они и кобенятся. Садитесь только скорѣй; Богъ милостивъ, не въ первый разъ объѣзжаемъ.

— Какъ такъ Богъ милостивъ? Какъ объѣзжаемъ? Да я совсѣмъ не хочу объѣзжать лошадей. Я не кучеръ и не берейторъ, я лучше здѣсь цѣлый день просижу.

Лукину стало смѣшно и досадно. — Садитесь, полно вамъ

пятиться, сказалъ онъ нетерпѣливо; но видя, что тотъ еще не рѣшается, — *передовые люди*, хмъ! прибавилъ онъ съ язвительною насмѣшкой.

Алексѣевъ весь вспыхнулъ. — Пошелъ! закричалъ онъ, вскочивъ въ телѣгу. Ямщикъ перекрестился; державшіе пристяжныхъ пустили поводья и отскочили въ сторону, кони шарахнулись, и въ одинъ мигъ тройка, телѣга, проѣзжіе, все скрылось вдали. Только сѣрая пыль вилась по дорогѣ, обозначая ихъ слѣды.

— Горячи что-то больно, Гаврилычъ, не быть бы имъ на боку, замѣтилъ сѣдой широкоплечій ямщикъ, обращаясь къ старостѣ.

— Нешто ему въ первый разъ? отвѣчалъ тотъ.

— Известно не въ первый, что говорить, парень бывалый, да только гораздо хмѣленъ былъ вечеромъ, валялся какъ стелька въ избѣ подъ столомъ. Со сна-то оно не такъ чтобы очень примѣтно, сидитъ себѣ словно трезвый, а тамъ смотри, на вѣтру учнетъ разбирать, не хуже вчерашняго раскачаетъ.

Староста согласился, что это можетъ случиться, но прибавилъ, что только бы до мосту съ рукъ сошло, а тамъ, по песку, умаются. Послѣ того, они простояли еще съ минуту и преспокойно отправились спать. А между тѣмъ вопросъ, о которомъ они разсуждали, былъ близокъ къ своему разрѣшенію.

Вытянувъ шею и раздувая ноздри, съ бѣлою пѣной на губахъ, тройка несла во всю прыть, несла такъ бѣшено, что телѣга подпрыгивала, вилая за ней по пятамъ, какъ пустая корзина, а сѣдоки принуждены были держаться руками за что попало, чтобъ усидѣть на мѣстахъ. Ямщикъ, дюжій парень лѣтъ подъ сорокъ, уперся ногами въ передокъ и перегнулся назадъ до того, что косматая голова его съ рыжею бородой лежала почти на колѣняхъ у Лукина; а тотъ между тѣмъ тревожно посматривалъ то на него, то на его лошадей. Нѣсколько разъ ему показалось, что вожжи въ рукахъ ямщика затянуты не такъ твердо, какъ надо было желать, и что самъ онъ покачивается. При этомъ, онъ вспомнилъ слова зрителя насчетъ вчерашней попойки и сталъ опасаться, чтобы дѣло не кончилось дурно; а между тѣмъ товарищъ его, который сначала сидѣлъ весь блѣдный и ждалъ неминуемой катастрофы, пришелъ немножко въ себя и, видя, что опасенія его не сбываются, замѣтно повеселѣлъ.

— Вотъ молодецъ! сказалъ онъ, любуясь лихою осанкой ямщика. — Ему хоть самого чорта запряги въ корень, онъ и того

повернуть по своему.—Но едва онъ успѣлъ выговорить это, какъ *молodeцъ* ни съ того, ни съ сего началъ гикать, повертывая вожжами то вправо, то влево, и въ то же время телѣга, которая прежде летѣла прямо вдоль по дорогѣ, вдругъ пошла колесить страшнымъ образомъ, забирая то въ ту, то въ другую сторону. Раза два они промчались во весь опоръ по самой окраинѣ рва. Лукинъ ухватился за вожжи, стараясь ихъ вырвать, чтобы самому занять мѣсто ямщика; но тотъ, несмотря на то, что былъ пьянъ, держалъ ихъ такъ крѣпко, что съ нимъ мудрено было справиться. А между тѣмъ, рѣшительная минута уже наступала. Впереди уже виденъ былъ спускъ, за которымъ внизу мелькала рѣка, и все это вихремъ несло къ нимъ на встрѣчу. Едва успѣли они понять свое опасное положеніе, какъ дорога пошла быстро подъ гору. Въ самое это время, одна изъ двухъ пристяжныхъ, задѣвъ ногой за постромку, лягнула на всемъ скаку. Передокъ затрещалъ.—Держи! Держи! закричали они въ одинъ голосъ; но ямщикъ не могъ удержать. Тогда Лукинъ оттолкнулъ его въ сторону и, схвативъ вожжи въ обѣ руки, дернулъ изо всей мочи. Вся тройка дрогнула, а коренная рванулась назадъ, но это былъ одинъ мигъ, телѣга съ наскоку ударила ей въ крестецъ, и вслѣдъ за тѣмъ никакая сила уже не въ состояніи была удержать ее. Двѣ вожжи лопнули, Лукинъ пошатнулся. Чтò далѣе было, онъ помнилъ какъ смутный сонъ. Помнилъ, что лошади понесли ихъ внизъ подъ гору, что онъ вылетѣлъ изъ телѣги и ударился о-земь; потомъ отчаянный крикъ послышался гдѣ-то вдали, и все стихло...

Опомнясь, онъ увидѣлъ себя въ кустахъ, на травѣ. Платье разорвано, лицо и руки въ царапинахъ, въ плечѣ и въ боку жестокая боль; но упругія вѣтви кустовъ и мягкій грунтъ того мѣста, куда онъ упалъ, спасли его отъ дальнѣйшей бѣды. Онъ всталъ на ноги безъ труда и, немного прихрамывая, выбрался на дорогу. Авось и имъ обошлось такъ же дешево, думалъ онъ, оглядываясь кругомъ, но разбитое колесо, на которое онъ наткнулся, и глубокая, извилистая борозда по песку были первымъ зловѣщимъ отвѣтомъ на эту надежду. Пройдя шаговъ пять, онъ взглянулъ внизъ и вдругъ увидѣлъ все остальное. Подъ горой, у самаго моста, валялся кузовъ телѣги, раздробленной въ щепки. Лошадей не было, ямщика тоже, но тутъ же, въ сторонкѣ, лежалъ Алексѣевъ. Мѣшки, чемоданы, колеса, обрывки вожжей разбросаны были кругомъ. Во одну минуту, онъ сбѣжалъ внизъ и былъ среди этой сцены. Онъ кинулся къ Алексѣеву,

тотъ лежалъ весь въ пыли и въ крови, безъ признаковъ жизни; лицо блѣдное, грудь не дышетъ, а на лѣвомъ вискѣ большо-е синее пятно въ формѣ подковы.

«Конецъ!» подумалъ Лукинъ, и сердце его болѣзненно сжалось. Минуть пять стоялъ онъ надъ трупомъ товарища, кусая губы и ногти. Наконецъ глухой стонъ заставилъ его оглянуться. Шагахъ въ десяти, изъ рва выльзала взятая и растрепанная фигура.

— Что съ тобой, братецъ? Весь ли ты цѣлъ? спросилъ онъ съ трудомъ узнавъ ямщика, съ котораго хмѣль сошелъ вдругъ, какъ съ гуся вода.

— Чутьчку поразбили, проклятыя, отвѣчалъ тотъ, потирая себѣ грудь и плечи, и вдругъ увидѣлъ кузовъ телѣги со всѣмъ, что лежало вокругъ.

— Ой, свѣтики! Пропала моя головушка! завопилъ онъ, взмахнувъ руками. — Батюшки! Баринъ-то, баринъ-то, какъ лежитъ!

— Да, братъ, лежитъ такъ, что ужь больше не встанетъ, сказалъ Лукинъ, утирая глаза кулакомъ.

— Господи Иисусе Христе! Помилуй насъ грѣшныхъ! продолжалъ тотъ, крестясь. — Да гдѣ же кони-то, бѣсы-то окаянные удрали куда? Хоть бы одинаго увидать; а то вѣдь безъ нихъ тутъ хоть цѣлыя сутки сиди! Безъ нихъ вѣдь и глазъ на станцію не кажи!... Батюшка! Ваше благородіе! продолжалъ онъ: — ради Христа, потерпите вы туточку маленько, я сбѣгаю за мость, лошадокъ моихъ поищу!

Лукинъ, не отвѣчая ни слова, указалъ ему пальцемъ на трупъ. Тотъ понялъ, и вдвоемъ они отнесли его въ сторону отъ дороги, въ кусты. Такимъ же образомъ убраны были и вещи. Положивъ послѣднюю изъ нихъ на траву, ямщикъ повторилъ, что надо идти поискать лошадей, да потомъ съѣздить верхомъ на станцію. Черезъ минуту, Лукинъ остался одинъ. Онъ сидѣлъ на большомъ чемоданѣ, а передъ нимъ, на травѣ, лежалъ трупъ Алексѣева.

VI. РУБИКОНЪ.

Лукинъ находился въ странномъ положеніи; но еще болѣе странны и дики были тѣ мысли, которыя бродили у него въ головѣ. «Я тутъ сижу какъ разбойникъ, думалъ онъ, да, какъ раз-

бойникъ надъ трупомъ проѣзжаго, котораго онъ убилъ и за-
тащилъ со собою добромъ его въ лѣсъ, но не успѣвъ убрать ни
того, ни другаго до свѣта, и вотъ, солнце взошло, какъ судья,
на золотомъ своемъ тронѣ, взошло, освѣщая ночное дѣло и
призывая въ свидѣтели лѣсъ, небо, рѣку и каждый кустъ и
каждую травку. Конечно, одно наружное сходство, потому
что кто можетъ меня обвинять? Развѣ я что-нибудь затѣвалъ?
Развѣ я могъ предвидѣть, чѣмъ все это кончится? Боже мой!
Да еслибъ это зависѣло отъ меня, я бѣ охотно легъ тутъ, на
его мѣсто, потому что мнѣ жизнь не мила, а онъ былъ полонъ
надеждъ, онъ вѣрилъ въ судьбу и въ свое назначеніе, счи-
талъ себя въ числѣ избранниковъ, призванныхъ, въ числѣ тѣхъ,
кого судьба бережетъ, какъ орудіе, для возвышенной цѣли...
Ба! Вонъ она какъ бережетъ! Вонъ онъ—избранникъ, не пер-
вый и не послѣдній, котораго она бросила по дорогѣ, какъ
старую тряпку, негодную никуда!.. Убить! убить словно
кротъ, котораго переѣхали колесомъ, а я живъ!.. Но то, что
я живъ, чистый случай, потому что я самъ могъ быть убитъ
и лежать на его мѣстѣ... Въ чемъ я виноватъ? Чтѣ такое я
сдѣлалъ?.. Сначала я, разумѣется, сдѣлалъ глупость. Я не по-
вѣрилъ смотрителю, думалъ, что онъ меня просто пугаетъ,
хитритъ, хочетъ содрать полтинникъ за самоваръ, но послѣ,
когда я увидѣлъ заложенныхъ лошадей, почему я могъ знать,
что ямщикъ пьянъ, и что мы не доѣдемъ? Наконецъ, что за
невидаля ѣхать на бѣшеныхъ лошадяхъ? Сколько разъ со мной
это случалось и сколько разъ счастливо обошлось! Откуда же
это подлое чувство, которое крадется въ душу невольнo и
шевелится такъ пріятно на днѣ, и отчего за нимъ выжутся всѣ
эти черныя мысли? Убийство, грабежъ,—какое мнѣ дѣло до
этихъ вещей?.. Не убивалъ я, не грабилъ, я просто сдѣлалъ
неосторожность довольно мелкаго рода, изъ числа тѣхъ, что
девяносто девять разъ сходятъ счастливо съ рукъ. А чтѣ
касается до моихъ личныхъ отношеній къ этому человѣку,
то развѣ въ нихъ было что-нибудь, въ чемъ бы я могъ себя
упрекнуть? Напротивъ, онъ мнѣ понравился, я полюбилъ его
съ первой встрѣчи, и послѣ думалъ сойтись съ нимъ еще
короче, думалъ, что вотъ я опять не одинъ на свѣтѣ, что я
нашелъ человѣка, съ которымъ мы будемъ друзьями, будемъ
жить вмѣстѣ... Да, я разчитывалъ, что мы будемъ жить вмѣ-
стѣ, но чтѣ же тутъ дурнаго?» И точно, дурнаго не было ни-
чего, но странно сказать, что-то кольнуло его при этомъ. Онъ

вспомнилъ свой сонъ, бумажникъ и деньги... Все это вдругъ медькнуло у него въ головѣ, кровь хлынула къ сердцу, оттуда въ лицо... Что это такое? Съ чего онъ вдругъ покраснѣлъ? покраснѣлъ передъ мертвымъ, который лежалъ въ двухъ шагахъ, на травѣ!..... Онъ вдругъ поймалъ свою заднюю мысль, которая долго скользила, увертывалась отъ внутренняго анализа, но наконецъ, случайно попавъ на глаза, явилась въ видѣ какой-то маленькой черной точки на днѣ. «Что за вздоръ!» думалъ онъ, а самъ началъ вглядываться, и вотъ точка стала расти, шире и шире, быстрѣе и быстрѣе, и вдругъ охватила его со всѣхъ сторонъ, какъ мрачная туча. «Гдѣ я? Что со мной?» думалъ онъ. Какой бѣсъ меня искушаетъ?... Я... я одинъ въ цѣломъ свѣтѣ! Меня ограбили и выбросили на большую дорогу съ пустыми руками. У меня ничего, ничего впереди не осталось! Одна надежда на случай... А случай какъ тутъ. Я не напрасно его призывалъ. Вотъ онъ, лежитъ на травѣ, въ карманѣ у мертваго человека, стбитъ только нагнуться да взять, вотъ и все. Взять—что такое? Чужую собственность? Чью? Кто наследники? Наслѣдниковъ нѣтъ; деньги достанутся первому встрѣчному, кто запуститъ руку въ карманъ, а не ему, такъ земской полиціи, которая подѣлитъ ихъ между собой, заплативъ кому слѣдуетъ вверху и внизу. Спрашивается, почему же имъ, а не мнѣ?... Еслибы мертвый могъ встать и сказать свою волю, конечно онъ отдалъ бы мнѣ... О! Чортъ хитеръ! Онъ не требуетъ, чтобы гордый человѣкъ, чистый человѣкъ, прямо съ перваго раза отвѣсилъ ему поклонъ въ ноги. Нѣтъ, ему только головой кивни, глазомъ мигни, и онъ готовъ тебѣ услужить всѣмъ, чѣмъ хочешь... Ба! Что за мысли! Я сижу тутъ точно ребенокъ, у котораго нервы разстроены бабыими сказками. Дѣлать или не дѣлать, что-нибудь одно изъ двухъ. Но если дѣлать, то, разумѣется, надо обдумать сперва всѣ послѣдствія. Билета я не видалъ, надо бы на немъ посмотреть...» Онъ оглянулся. По мосту кто-то скачетъ,—это ямщикъ, онъ поймалъ лошадей и скачетъ на станцію; но можетъ-быть заѣдетъ сюда;—нѣтъ, вонъ онъ мимо проѣхалъ, кругомъ ни души. Лукинъ всталъ и твердою рукой вынулъ у мертваго изъ кармана бумажникъ. Первое, что попалось ему на глаза, былъ паспортъ покойника. Онъ былъ выданъ изъ университета, на имя Григорія Андреевича Алексѣева. Опять Лукинъ припомнилъ свой сонъ. «Да, точно, я самъ бы могъ быть Алексѣевъ, подумалъ онъ, еслибы отецъ того захотѣлъ, и тогда это

имя, за исключеніемъ нѣсколькихъ буквъ, могло бы быть моимъ собственнымъ... Странно!» Онъ сложилъ паспортъ и вынулъ другую бумагу; это былъ просто счетъ, поданный гдѣ-то въ трактирѣ. Наконецъ, вотъ онъ, билетъ заемнаго банка, на тридцать тысячъ рублей ассигнаціями, на имя неизвѣстнаго. «Но это что же? Зачѣмъ тутъ фамилія его выписана?.. А! Это внесъ вѣроятно его отецъ, надворный совѣтникъ Андрей Степановичъ Алексѣевъ, внесъ очень давно,—вонъ оно—тридцать три года. А это что? Хмъ,—это проценты сынъ вынималъ, каждый годъ, и рука его вѣрно извѣстна. Но это вздоръ, съ безыменнымъ билетомъ всегда можно справиться. Одно только дурно. У него въ чемоданѣ могутъ найдтись бумаги, старыя письма, могутъ узнать, что у него были деньги и сколько и гдѣ. Тогда на меня падетъ подозрѣніе. Въ банкѣ объявятъ, примутъ разныя мѣры. Казна или, лучше сказать, ея представители почувютъ, что ихъ лишили добычи, и тогда трудно будетъ концы схоронить. Могутъ, пожалуй, даже теперь задержать, и если возникнетъ малѣйшее подозрѣніе, пожалуй, обыщутъ. Тогда, это имя, тутъ на билетѣ, заговорить противъ меня и выступить моимъ обвинителемъ... Хмъ! Я право сию тутъ какъ воръ, и какъ воръ веду свой расчетъ! А между тѣмъ, вѣдь это одна только форма, и форма изъ самыхъ пустыхъ. Кому принадлежать эти деньги? Покуда, рѣшительно никому. Это чистая *res nullius*. Онъ самъ говорилъ, что у него нѣтъ родныхъ. Онъ самъ, проживи онъ хоть съ четверть часа долѣе, отдалъ бы мнѣ свой билетъ, опасаясь, чтобъ онъ не достался въ руки людей совершенно чужихъ. Съ чего же я буду педантствовать? Я буду трусъ и дуракъ, если я пропущу этотъ случай. Кто знаетъ, когда другой попадетъ такъ ловко навстрѣчу? Можно всю жизнь прождать понапрасну, всю жизнь отбыть въ кабалѣ у этого мерзавца Баркова!... Вотъ воръ такъ воръ,—несомнѣнный; а между тѣмъ у него все по формѣ и по закону, на этомъ его не поймашь. Нѣтъ, надо на форму наплевать, чтобы выбиться у него изъ рукъ, и, разумѣется, я это сдѣлаю. Я передъ писанною бумагой не струшу, я не поклонникъ обряду и буквѣ. Я не позволю себѣ кавычками руки связать, запереть себя подъ замокъ параграфа! Я ему покажу... Хмъ! Да ему-то что? Онъ обѣими руками перекрестится, если я ему деньги всѣ разомъ отдамъ. Ему только того и нужно. А если не разомъ, такъ выйдетъ все-таки только то, чего онъ самъ ожидалъ; то-есть онъ будетъ

лупить съ меня оброкъ, каждый разъ прищелкивая языкомъ отъ радости, что вотъ-молъ какая славная штука мнѣ удалась и на какого аккуратнаго малаго я попалъ! Нѣтъ, этимъ его не удивишь. Его надо иначе угостить. Надо такъ дѣло устроить, чтобъ онъ ни копѣйки съ меня не взялъ; чтобъ онъ, прождавъ годъ и не получая ни гроша, сталъ разыскивать и не нашелъ ничего! Фитъ! Исчезъ Григорій Алексѣевичъ Лукинъ,—поди отыскивай его по всей Россійской имперіи!.. Оно кажется и хитро, а вѣдь штука-то очень проста... такъ проста, что почти цѣликомъ пришла въ голову, сама, безъ зову пришла, явилась не прошенная, неожиданная!.. Охъ, сонъ мой, сонъ! Куда ты меня ведешь?.. Какой бѣсъ напелталъ мнѣ тебя?.. Какой ангелъ защититъ меня отъ твоихъ оболещеній?.. Нѣтъ его, моего добраго ангела! Я самъ оттолкнулъ его отъ себя; я разстался съ нимъ навсегда.» Онъ закрылъ лицо и задумался. Сцена въ Ручьяхъ пришла живо ему на память; а за ней и другія сцены въ деревнѣ. Онъ видѣлъ живо передъ собою врага, видѣлъ скрытое торжество у него на лицѣ, припоминалъ всѣ рѣчи его отъ слова до слова, и злоба, неукротимая злоба кипѣла у него на душѣ. Чувство обиды, которую трудно забыть и трудно простить, бродило отравой въ крови. Съ нимъ сдѣлали страшную вещь; у него отняли почву изъ-подъ ногъ, оторвали прошедшее. Его, какъ негодное дерево, вырвали съ корнемъ вонъ изъ родной земли и бросили на дорогу. «Моя жизнь разрѣзана пополамъ, думалъ онъ; да жаль—не советѣмъ. Двѣ половинки держатся другъ за друга на такой бездѣлкѣ, что смѣхъ сказать. Простой звукъ, нѣсколько буквъ на лоскутѣ грязной бумаги, вотъ все, что мнѣ осталось отъ столькихъ годовъ! Не будь этого, я былъ бы по крайней мѣрѣ на волѣ; но за этотъ проклятый хвостъ, за эту тонкую ниточку ухватился мой врагъ, и держитъ меня на привязи, какъ купленную собаку! Онъ надѣется, что я не рѣшусь всего оборвать, что я струшу. Нѣтъ, чортъ возьми, пропадай все, а я у тебя крѣпостнымъ не останусь! Я лучше въ Сибирь по этапу пойду и тамъ стану землю копать, а воли своей не отдамъ! Эшафотъ не безчеститъ; безчеститъ подлая сдѣлка съ врагомъ! Но до этого уравниенія еще далеко; еще мы постоимъ за себя и попробуемъ своей силы... Идетъ! темная!» Онъ закрылъ бумажникъ и спряталъ его въ карманъ, а оттуда вынулъ другой, оглянулся кругомъ и засунулъ его въ карманъ къ Алексѣеву. «Ну, теперь живо!

надо много чего успѣть сдѣлать, чтобъ обезпечить себя.» Прежде всего, его собственный чемоданъ и мѣшокъ: они пойдутъ за вещи покойника; иначе нельзя; но изъ нихъ надо взять кое-что, безъ чего онъ не могъ обойтись. Онъ развязалъ ихъ проворно, вынулъ одну пару платья, одну перемѣну бѣлья да нѣсколько мелочей, и спряталъ ихъ въ чемоданъ Алексѣева. Перемѣщеніе было исполнено очень скоро, но много времени надо было потратить, чтобъ успѣть развязать всѣ ремни, ремешки, веревки, и потомъ привести ихъ опять въ прежній видъ. Полчаса слишкомъ прошло за этою работой. Едва онъ успѣлъ ее кончить, какъ вдалекѣ послышался конскій топотъ и трель колокольчика подъ другой. «Бѣдутъ!» шепнулъ онъ самъ про себя, и тутъ же припомнилъ, что онъ еще сдѣлать не все. Онъ кинулся впопыхахъ осматривать платье у мертваго, опасаясь, чтобы гдѣ-нибудь не осталось письма или другаго чего въ этомъ родѣ, что могло бы ему измѣнить; но ничего такого онъ не нашелъ. Въ карманахъ нашлись только вещи; перемѣнить ихъ своими онъ не успѣлъ. Ну, что за бѣда! Что тамъ такое? Часы, портъ-сигаръ, кошелекъ, — пустяки! По такимъ мелочамъ ничего не узнаютъ, Тутъ что еще? Платокъ и ключъ отъ мѣшка... Нѣтъ, этого нельзя оставить, ключи пойдутъ въ дѣло; а платокъ вѣрно съ мѣткой. Живѣе, живѣе! Колокольчикъ звенить уже близко; сверху могутъ увидѣть его въ кустахъ! Только что онъ успѣлъ спрятать къ себѣ эти вещи, а на мѣсто ихъ сунуть свои, какъ большая телѣга четверней, съ двумя ямщиками, старостю и станціоннымъ смотрителемъ, спустилась съ горы на мѣсто несчастнаго происшествія и стала у моста. Лукинъ вышелъ къ нимъ на дорогу.

— Гдѣ онъ лежитъ? спросилъ смотритель, выскакивая изъ телѣги.

Лукинъ указалъ рукой на кусты. Трое пошли вслѣдъ за нимъ, а одинъ остался при лошадахъ. Увидѣвъ трупъ, всѣ сняли шапки и перекрестились. «Царство небесное! Упокой, Господи, душу раба Твоего!» прошепталъ смотритель. — Вы тоже упали? спросилъ онъ у Лукина.

— Да, я вылетѣлъ изъ телѣги еще вонъ тамъ, наверху, вонъ, гдѣ лежитъ разбитое колесо, и упалъ въ ровъ; но такъ счастливо...

— Оно точно что счастливо, перебилъ смотритель;—а все же вамъ порядкомъ досталось. Вонъ, у васъ все лицо изцарапано.

Вотъ видите; не послушали старика; а я васъ какъ просилъ обождать. Теперь, вонъ какой грѣхъ приключился... поди, отвѣчай! Вѣрите слову? Вотъ, какъ Богъ святъ, съ мѣста не сходя, согласился бы руку либо ногу переломить, лишь бы только на этомъ кончилось! Вамъ что? Васъ допросятъ, да и ступай себѣ съ Богомъ, а у меня вѣдь оно на шеѣ повиснетъ! Меня совсѣмъ заѣдятъ!.. Наѣдетъ полиція, пойдутъ допросы, разпросы, почтмейстеръ изъ города прикатитъ, въ Петербургъ рапортъ напишутъ, слѣдствіе нарядятъ; а тамъ только того и жди, что съ мѣста долой; на старости лѣтъ безъ куска хлѣба останешься... а за что? Я ли не остерегъ? Я ли своего дѣла не сдѣлалъ? Я ль виноватъ, что по писаному всего не пригонишь, что и конь коню рознь, и ямщикъ о праздникѣ пьянъ, и проѣзжій тебя точно холопа своего погоняетъ? Скорѣй да скорѣй! Я, молъ, знать ничего не хочу; у меня, молъ, чтобъ лошади были сейчасъ готовы! Какъ въ книгѣ, такъ чтобы и на конюшнѣ. Откуда хочешь возьми! Хоть роди; да подай, какъ давеча генераль требовалъ... Вотъ оно, житье окаянное! Охъ, Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!.. пробормоталъ онъ скороговоркой и опять перекрестился. — Что жъ, надо на станцію отвезти. Ну, съ Богомъ, Гаврилычъ, подымайте-ка вы вдвоемъ; а вещи послѣ снесете. — Староста съ ямщикомъ подняли мертвое тѣло и понесли къ телѣгѣ. Лукинъ хотѣлъ идти вслѣдъ за ними, но смотритель его удержалъ.

— На минуточку, мнѣ нужно съ вами два слова сказать, произнесъ онъ. — Позвольте спросить: вы съ кѣмъ изволили вѣхать?

— Съ попутчикомъ.

— Такъ-съ; а какъ его чинъ и фамилія?

— Студентъ Лукинъ.

— Онъ вамъ не родственникъ?

— Нѣтъ.

— Какъ же вы съ нимъ? Сами будете его хоронить, или оставите его у насъ на рукахъ?

Лукинъ задумался.

— Я съ нимъ всего одинъ день знакомъ, отвѣчалъ онъ. — Мы случайно встрѣтились на дорогѣ, и я его взялъ какъ попутчика. Несмотря на то, я бы желалъ всею душой отдать ему долгъ товарища и сдѣлалъ бы это непременно, еслибы...

— Если вы останетесь его хоронить, перебилъ смотритель, — то вамъ придется долго прождать.

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что мнѣ ждать невозможно.

— Вы, значить, въ Питеръ спѣшите?

— Да, я спѣшу.

— Такъ вотъ извольте же выслушать, что я вамъ доложу. Мы вамъ дать лошадей не можемъ, прежде чѣмъ земская полиція не сниметъ допроса и не отпустить васъ съ Богомъ. А скоро ли вы съ нею раздѣляетесь, это въ вашей волѣ. Если вы на допросѣ покажете, что ямщика я вамъ далъ пьянаго, а лошадей не объѣзженныхъ, такъ вамъ отъ этого мало пользы; а товарищу вашему, царство ему небесное, и еще того менѣе. Вы этимъ только меня утопите ни за грошъ; а себѣ то сдѣлаете, что васъ тутъ продержатъ, покуда все слѣдствіе не окончится. Будутъ вамъ очныя ставки производить; заставятъ подписывать протоколы, показанія сочинять, словомъ, будете Бога благодарить, если черезъ три дня со станціи тронетесь. А мой вамъ совѣтъ вотъ какой: какъ только станутъ они у васъ спрашивать, отчего, молъ, такая бѣда случилась? вы просто скажите: лошади понесли. А отчего понесли, бѣсъ ихъ знаетъ. Вамъ что за дѣло? Вы не кучеръ, чтобы за лошадями отвѣчать. Понесли подѣ гору, да и все тутъ. А если про ямщика спросятъ, не былъ ли онъ хмѣленъ, такъ вы про это не знаете; можетъ и былъ, только я, молъ, того не замѣтилъ. Ну, и насчетъ того, тоже, что мы теперь мертвого прежде осмотра съ мѣста увозимъ; мы вѣдь не дѣкаря. Мы почему знаемъ: можетъ, онъ и о сию пору еще живъ. Не оставлять же его валяться тутъ, по дорогѣ, безъ помощи. Такъ если васъ спросятъ, когда вашъ товарищъ умеръ? вамъ тоже и это неизвѣстно. Лежить, молъ, безъ памяти и не говорить ничего; а живъ, либо умеръ, не знаю. Такимъ образомъ, какъ увидать, что со словъ вашихъ ни взадъ, ни впередъ, ровнехонько ничего не выходитъ, такъ они и держать васъ не станутъ, по той причинѣ, что права не будутъ имѣть. Съ какой стати? Вѣдь вы къ дѣлу этому ни съ какой стороны непричастны?

— Конечно нѣтъ.

— И обвинять никого не желаете?

— Рѣшительно никого. Будьте спокойны, я васъ не запутаю. Лишь бы ваша команда на станціи...

— Наша команда?.. А имъ что за дѣло? Развѣ имъ позво-

лется отъ себя сочинять? Чтò прикажу, то и будутъ у меня говорить.

Черезъ полчаса послѣ этого разговора, они были на станціи. Лукинъ увидѣлъ себя опять въ той же комнатѣ съ портретомъ Суворова и съ маленькимъ зеркальцемъ, оклееннымъ пестрою бумагой. Когда-то его товарищъ лежалъ вотъ тутъ на диванѣ, и онъ его разбудилъ, и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ на крыльцо. Неужели это было сегодня, за два часа передъ тѣмъ? Нѣтъ, быть не можетъ. Онъ столько пережилъ, такъ постарѣлъ, все такъ пережилось съ тѣхъ поръ! Товарищъ его окончилъ свой путь безъ тройки и подорожной; а онъ повернулъ круто въ сторону, съ знакомой торной дороги, на какую-то новую, совершенно ему неизвѣстную. Оба разстались, разъѣхались навсегда, и не успѣли даже пожать руки на прощанье, не успѣли взглянуть другъ на друга въ послѣдній разъ! Злая тоска одолѣла нашего путешественника, когда эти мысли стали бродить у него въ головѣ. Съ одной стороны, образъ потеряннаго товарища и его ужасная смерть, съ другой — чувство полного одиночества и отсутствіе всякой помощи въ виду разныхъ опасностей, которыя ему угрожали, — все это гнетомъ лежало у него на душѣ. Ему было душно; онъ рвался изъ тѣсноты на просторъ; онъ горѣлъ нетерпѣніемъ оставить свою пассивную роль и принять дѣятельное участіе въ рѣшеніи тѣхъ загадокъ, какія столпились у него на пути; онъ жаждалъ дѣла, а между тѣмъ, на самомъ первомъ шагѣ, вотъ, онъ засѣлъ тутъ на станціи и долженъ ждать Богъ знаетъ чего.

На станціи суета. Алексѣевъ лежитъ на другой половинѣ, въ пустой комнатѣ, ставни у которой затворены. Старикъ смотритель бѣгаетъ туда и сюда, хлопочетъ, кричитъ. Чтò тамъ такое готовится? За кѣмъ хотять посылать? Кто придетъ и скоро ли?... Кто ихъ знаетъ! Можетъ-быть, тутъ цѣлыя сутки придется сидѣть! Какая тоска! Онъ сѣлъ у окошка и отворилъ его настежь. Станціонный домъ стоялъ на самомъ краю деревни. По другой сторонѣ дороги, насупротивъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, длинный рядъ избъ кончался песчанымъ пригоркомъ. За пригоркомъ бѣжала мелкая рѣчка; а за ней зеленѣли поля. Пѣтухи пѣли съ разныхъ сторонъ, по дворамъ. Погода, съ утра совершенно-ясная, послѣ восхода солнца шла быстро на перемену. По синему небу сперва бродили свѣтлыя тучки, потомъ потянулась туманная полоса. Разстилаясь изъ края въ край, она густѣла со всѣхъ сторонъ,

заволакивая лазурь. Синія тѣни исчезли, солнечный свѣтъ потускъ, на дворѣ потемнѣло, вѣтерокъ стихъ, птицы умолкли; сѣрая пелена вверху, теряя свои контуры, опускалась все ниже и ниже; нѣсколько капель упало на землю, и вслѣдъ за ними посыпался дождь. А между тѣмъ у послѣдней избы, не обращая вниманія на погоду, цѣлая куча босыхъ ребятишекъ и бабъ стояла, съ нѣмымъ любопытствомъ поглядывая на станцію. Лукинъ вспомнилъ, что у него лицо изцарапано, и отошелъ отъ окна. Нѣсколько минутъ спустя, со двора выѣхала телѣга. Въ ней сидѣлъ староста; онъ только что сунулъ за пазуху какую-то бумагу, сложенную вчетверо. Вслѣдъ за телѣгой, проскакалъ паренъ верхомъ; но тотъ повернулъ въ противоположную сторону. Первый былъ посланъ съ увѣдомленіемъ къ становому, который жилъ недалеко отсюда, въ своей деревушкѣ, второй везъ рапортъ къ почтмейстеру, въ городъ.

Дѣлать нечего, надо ждать; а это не такъ-то легко, когда на карту поставлена голова. Лукинъ затѣялъ опасное дѣло, дѣло такого рода, что еслибъ онъ имѣлъ время обдумать его на досугъ, то онъ едва ли рѣшился бы его предпринять. Къ несчастію, окончательное рѣшеніе и связанный съ нимъ нераздѣльно первый шагъ дѣйствія нельзя было отложить. Обстоятельства вынуждали обсуждать, и рѣшаться, и дѣйствовать почти въ то же время; а время для зрѣлаго обсуждения было очень неблагоприятное. Тяжелое, неожиданное, ничѣмъ не заслуженное несчастіе обрушилось на Лукина и возмутило его глубоко. Виновникомъ этого несчастія былъ, разумѣется, не одинъ человекъ, а длинный рядъ лицъ, характеровъ и событій, большая часть которыхъ не отличалась ничѣмъ отъ того, что мы видимъ вокругъ себя каждый день, и что насъ нисколько не удивляетъ. Но весь этотъ рядъ, для него, пришелъ, наконецъ, къ одному результату; его завершало одно лицо, съ его собственнымъ личнымъ дѣломъ, выражающимъ его личную волю, и оно-то, въ глазахъ Лукина, явилось прямымъ, непосредственнымъ представителемъ враждебнаго приговора судьбы; оно олицетворяло собою все остальное. Немудрено, что все остальное упущено было изъ виду, и что въ душѣ Лукина громче всего говорило неукротимое чувство злобы противъ того, кого онъ считалъ единственнымъ своимъ притѣснителемъ. Ошибка была естественна, почти неизбежна; а между тѣмъ она была велика. Противъ Баркова Лукинъ былъ правъ, и съ нимъ однимъ онъ легко могъ бы справиться; но за Барковымъ сто-

яло много людей, стояла масса неизмѣримая, съ ея законами и обычаями, съ ея слѣпымъ, формальнымъ судомъ, съ ея громадною силой, и Лукинъ это смутно предчувствовалъ, прежде чѣмъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ. На мигъ, передъ нимъ мелькнула догадка объ истинномъ смыслѣ его положенія, догадка, что онъ бросаетъ свой вызовъ въ лицо не одному человѣку, а цѣлому обществу, съ его историческимъ бытомъ, и что трудно бороться съ такимъ врагомъ; но это былъ мигъ. Лучъ дневнаго, трезваго свѣта блеснулъ сквозь зарево личныхъ страстей и исчезъ безъ слѣда. Пылкій мальчикъ увлекся краснорѣчивою страницей и не дочелъ своего романа до конца. Такъ случилось; а могло ли случиться иначе, могъ ли онъ дочитать, могъ ли онъ выбрать лучше и пойти по другому пути,—это мудреный вопросъ. Трудно сдѣлать холодный, безстрастный выводъ изъ анализа своего настоящаго положенія въ жизни, въ такую минуту, когда это положеніе тѣснитъ насъ со всѣхъ сторонъ;—трудно и для практическихъ цѣлей почти бесполезно, потому что логическій, голый выводъ не можетъ дать силы, нужной для дѣйствія. Для этого нужна страсть; а страсть нужно долго дрессировать, чтобы, въ рѣшительную минуту, она не сорвала поводьевъ и не сбросила съ себя регулятора; иначе логика всегда будетъ выбита изъ сѣдла, и всѣ ея выводы опрокинуты вверхъ ногами, безъ малѣйшаго сопротивленія съ ихъ стороны; потому что, къ несчастію, у ихъ безплотной формы нѣтъ ни верху, ни низу, и для нихъ все равно, на какой бокъ ихъ положить. Лишенные собственной цѣли, они готовы служить для всякой, какую мы имъ дадимъ, и въ отношеніи къ ней всегда останутся вѣрны; а что далѣе, до того имъ и горя мало. Такъ было и съ Лукинымъ. Его главная цѣль была вырваться изъ когтей Баркова, и средство, которое случай ему послалъ, конечно могло привести его къ этому самымъ кратчайшимъ путемъ. «Дѣло естественное, думалъ онъ. Григорій Алексѣевичъ Лукинъ, былъ разбитъ лошадьми и будетъ похороненъ; а Григорій Андреевичъ Алексѣевъ побѣдетъ далѣе. Кому придется въ голову повѣрять? Подорожную вездѣ я отдавалъ, а въ лицо ни одна душа насъ не знаетъ. Деньги, конечно, могли бы родить подозрѣніе, но денегъ никто не видалъ. Остается одно: непредвидѣнная задержка изъ пустяковъ и случайные шансы; ну, это вздоръ; противъ этого есть отличное средство.» Онъ вынулъ бумажникъ, взятый у Алексѣева, и сосчиталъ наличныя деньги. Ихъ было слишкомъ 700

рублей. «Математически невозможно! рѣшилъ Лукинъ: первый шагъ начисто обезпеченъ; а далѣе что? Далѣе Барковъ, конечно, будетъ справляться, сперва въ Петербургъ, но тамъ Лукина не найдутъ; потомъ по дорогѣ,—ему напишутъ, что вышелъ несчастный случай, что его родственникъ умеръ и схороненъ въ такомъ-то мѣстѣ, тогда-то... Воображаю, какъ онъ будетъ жалѣть! «Такой прекрасный былъ молодой человекъ! Такія надежды подавалъ!» Что дѣлать, Дмитрій Егоровичъ! На все воля Божія! Бываютъ и не такія потери... «Ахъ! скажете, вы не знаете, какъ онъ дорогъ былъ для меня! и сколько я въ немъ потерялъ!...» Да, ужь объ этомъ, конечно, едва ли кто знаетъ! Ну, а я самъ что буду дѣлать? Мнѣ, прежде всего, надо какъ-нибудь этого *Андреевича* по-боку. Дѣло не мудреное: всего три буквы вытравить вонъ; и скоблить даже незачѣмъ; просто закапаль чернилами или сигарой прожечь. Тогда если и встрѣтишь кого изъ знакомыхъ, то все само собою понимается. Мало ли есть людей, для которыхъ законное право носить отцовскую фамилію далеко не такъ ясно, чтобъ они могли его доказать. Въ такомъ случаѣ, чтобы глаза не кололо, дворянскій кончикъ долой, и *Алексевичъ* по просту—*Алексеевъ*; а *Павловичъ*—*Павловъ*. Вещь очень обыкновенная. Это даже не значитъ имя переименовать; это просто называется его сократить, сдѣлать съ нимъ маленькую операцію, въ родѣ того, какъ бульдогу хвостъ отрубить, чтобъ его за хвостъ не кусали. Что тутъ такого, чтобы могло удивить или заставить справляться? Да и кому какое до этого дѣло? Чьи интересы отъ этого терпятъ хоть на волосъ; а безъ этой пружины, то-есть безъ интереса, кто сдвинется съ мѣста? Кто дастъ себѣ трудъ повѣрять? Да, шансы все въ мою пользу, и они велики. Чтобы съ такими картами проиграть,—надо большое несчастіе; но при несчастіи и другая дорога была бы не лучше. Кто можетъ знать, что Лукинъ, еслибъ онъ остался въ живыхъ, былъ бы счастливѣе Алексѣева? Non bis in idem. Разъ случай пропустишь, а въ другой онъ и самъ не придетъ; да еслибъ и пришелъ, то нельзя поручиться, что будетъ счастливѣе этого...» Странное дѣло! Разсужденіе кажется и вѣрно, а между тѣмъ чего-то не достааетъ, что-то тревожить, волнуешь, не позволяешь свободно вздохнуть. Не пропустилъ ли онъ чего-нибудь? Надо снова повѣрять... И вотъ, онъ опять перебираетъ всю нить, по звену. Все что можно предвидѣть,—все здѣсь, на-лицо, и все въ его пользу; но тутъ, гдѣ-то въ сто-

ронгъ, есть темное мѣсто, какой-то закрытый, невѣдомый уголокъ, надъ которымъ анализъ напрасно пробуетъ силу. Ему не поднять покрывала, не угадать что подъ нимъ. Подъ нимъ сидитъ, прижавшись на корточкахъ, непредвидѣнный случай и ждетъ терпѣливо своей очереди. Онъ глухо-нѣмой идиотъ, онъ малъ и ничтоженъ покуда, похожъ на черную точку, на нуль, въ немъ нѣтъ ничего осязаемаго, ничего такого, за что бы можно было его ухватить, но онъ содержитъ въ себѣ, какъ въ зернѣ, неизмѣримо упругую силу. Когда-нибудь, когда его не ждутъ и не просятъ, онъ выйдетъ наружу и скажетъ послѣднее слово. Тогда узнаетъ Лукинъ, чего именно не доставало въ его расчетъ; теперь же, онъ только смутно предчувствуетъ, что между звеньями измѣренной цѣпи есть темный, несоизмѣримый моментъ, есть *x*, котораго онъ не можетъ опредѣлить никакими расчетами, и что этому *ix*су онъ далъ на себя безсрочный вексель, гораздо крупнѣе того, который данъ былъ Баркову.

Занятый этими мыслями, Лукинъ долго ходилъ по комнатѣ, садился, ложился, опять вставалъ и часто посматривалъ на часы. У него терпѣнія не хватало слѣдить за ихъ медленнымъ, ровнымъ шагомъ. Стрѣлка не допознала еще и до половины девятаго, а онъ уже двадцать разъ передумалъ обо всемъ, что только было у него въ головѣ. Со скуки, онъ приказалъ подать себѣ самоваръ. «Вотъ что значитъ судьба, думалъ онъ, наливая стаканъ. Не даромъ смотритель все чаемъ меня угощалъ. Ужъ видно безъ чаю отсюда не выѣдешь.» Только что кончилъ онъ первый стаканъ, какъ послышался звукъ колокольчика. Черезъ минуту, большой тарантасъ четверней подѣхалъ къ крыльцу. Усатый баринъ, въ военной шинели съ бобровымъ воротникомъ, важно прошелъ черезъ комнату. Онъ сильно спѣшилъ и громко требовалъ лошадей. Едва успѣли его отправить, какъ нѣсколько троекъ прискакали одна за другой. То были повозки и брички съ купечествомъ, которое ѣхало съ ярмарки по домамъ. Вся комната наполнилась бородами разнаго покроя и разныхъ цвѣтовъ, начиная отъ огненно-рыжаго до чернаго съ сизымъ отливомъ. Купцы взяли съ собою свой самоваръ и свой собственный уголь. Они сами достали воды изъ колодца и сами пошли ее кипятить. Погребки, съ посудой, корзины съ сѣномъ, въ которыхъ лежали связки баранокъ, чай, сахаръ, вилки, ножи, скатерти, флажки съ ромомъ,—все это вынуто было изъ повозокъ и развязано

на полу. Въ комнатѣ вдругъ стало жарко и тѣсно, запахло дегтемъ и сѣномъ, тулуномъ, банею и разнаго рода съѣстными. Лукинъ допилъ на скорую руку свой чай и вышелъ въ смотрительскую. «Что за чертъ, думалъ онъ, что они всѣ на меня такъ смотреть?» Заглянувъ въ зеркало, онъ увидѣлъ, что нилъ и загаръ и трехдневная борода во всю щеку, вмѣствъ съ царапинами и съ изорваннымъ платьемъ, дѣлали изъ его лица что-то дѣйствительно очень страшное. «Фу ты, что за цыганская рожа! замѣтилъ онъ самъ про себя. Немудрено, что таращатъ глаза.» Лукинъ терпѣть не могъ бриться дорогой; но осторожность на этотъ разъ совѣтовала сдѣлать все, что возможно, чтобы не обращать на себя вниманія безъ нужды, а потому онъ тотчасъ принялся за дѣло: досталъ воды, полотенце, развязалъ чемоданъ Алексѣева, вынулъ оттуда свое бѣлье и чистое платье, отыскавъ въ присвоенномъ мѣшкѣ футляръ съ бритвами, ремень, щетку, мыло и началъ свой туалетъ не спѣша. Не зная куда дѣвать время, онъ радъ былъ найдти хоть какое-нибудь занятіе. Когда онъ окончилъ его и вернулся въ переднюю комнату, купцовъ уже не было, но русскаго духу осталось не мало, да сверхъ того оставалось такое количество сѣна, что годовалому жеребенку хватило бы на обѣдъ. Онъ велѣлъ вынести и убрать, отворилъ оба окошка, легъ на диванъ и заснулъ какъ убитый.

Въ просонкахъ, или во снѣ, онъ слышалъ нѣсколько разъ звонъ колокольчика и топотъ копытъ у крыльца; но чтобы увѣриться, были ли то настоящіе звуки, или ему только такъ чудилось, надо было проснуться и встать; а этого онъ не дѣлалъ, и потому не слышалъ, какъ наконецъ, въ самомъ дѣлѣ, къ станціонному дому подѣхалъ пыльный дормезъ, запряженный шестеркою взмыленныхъ лошадей. На козлахъ сидѣлъ лакей въ военной шинели съ сѣдыми бакенбардами и усами; а въ крытомъ отдѣленіи позади, горничная, круглолицая дѣвочка съ бойкими глазами и съ платочкомъ на головѣ. Внутри не видать было ничего за зеленою сторой; но минутою спустя, когда лакей отворилъ дверцы дормеза, молодая дама выглянула оттуда, зѣвая и претирая глаза. Ея изматое, разгорѣвшееся лицо, на которомъ замѣтенъ былъ оттискъ подушки, и концы мягкихъ волосъ, русыми змѣйками выползавшіе изъ-подъ чепчика, служили уликой нечаяннаго пробужденія послѣ глубокаго, долгаго сна.

— Что тамъ такое? спросила она.

— На станцію пріѣхали, сударыня, не угодно ли выйдти, покушать? отвѣчалъ старый лакей, держа фуражку въ рукахъ.

— А что, развѣ такъ уже поздно? Который часъ?

— Половина втораго, сударыня, всю ночь и все утро изволили ѣхать, ни разу не останавливаясь.

— Hé!ène! Hé!ène! сказала дама, толкая рукою другую особу, отъ которой покуда не видать было ничего кромѣ плеча подъ широкими складками кашемировой шали, да маленькаго чепца съ густыми локонами темныхъ волосъ, утонувшихъ въ подушкѣ.

— Что тамъ? Оставьте меня въ покоѣ, отвѣчала Hé!ène по-французски.

— Hé!ène! да ну же, мой другъ! Не стыдно ли спать, какъ сурокъ, цѣлый день напролетъ? Вонъ тутъ Иванъ, который кушать хочетъ, жалуется, что мы его оставляемъ съ голоду умирать.

Другое, очень молодое и хорошенькое, но тоже заспанное личико показалось въ дормежѣ.

— Что тамъ такое? спросило оно, зѣвая изо всей мочи.

— На станцію пріѣхали, сударыня, отвѣчалъ лакей.

— Хочешь ты кушать, мой другъ? спросила дама.

— О, да, я этого очень хочу, отвѣчала дѣвушка.

— Иванъ, сестра хочетъ кушать, да и я тоже. Мы пойдемъ въ комнату. Мы будемъ чай пить. Велите намъ самоваръ подавать; да смотрите, чтобы лошадей запрягали, потому что мы здѣсь не долго останемся.

Лакей хотѣлъ высадить ее изъ кареты.

— Фи! поди прочь! какой ты весь мокрый! сказала она и, опираясь на руку горничной, выпрыгнула на крыльцо. За ней выпрыгнула ея спутница, и обѣ побѣжали въ комнату.

— Софи, посмотри, шепнула дѣвушка, усмѣхаясь и дергая за рукавъ сестру, которая вошла и остановилась у зеркала, не замѣтивъ, что комната занята. Обѣ глядѣли въ недоумѣніи съ улыбкой на губахъ. Меньшая подбѣжала на цыпочкахъ къ другой двери и взглянула въ щелку, но за дверями не было ничего, кромѣ тѣсной смотрительской комнаты, прокуренной табакомъ и вообще не слишкомъ опрятной.

— Что тамъ такое? въ полголоса спросила Софи.

— Не знаю, какая-то гадость.

— Тсъ... Паша! сказала старшая, обращаясь къ служанкѣ:— подите, посмотрите, нѣтъ ли тутъ гдѣ-нибудь другой комнаты.

— Нѣтъ, сударыня, я ужъ вездѣ глядѣла. На другой половинѣ двери заперты на замокъ и ставни затворены.

Обѣ сестры нѣсколько секундъ смотрѣли другъ другу въ глаза, молча, и потомъ начали хохотать въ полголоса.

— Чтò дѣлать, придется пить чай втроемъ, вотъ и все, шутя сказала Софи.

— Да, если этотъ господинъ проснется; но онъ, кажется, и не думаетъ.

— Если этотъ господинъ не проснется теперь, онъ будетъ жалѣть потомъ, вотъ и все.

— А если проснется, я бьюсь объ закладъ, что онъ будетъ сильно удивленъ.

— Отчего удивленъ? Онъ будетъ думать, что видитъ во снѣ.

— Хочешь, я его сейчасъ разбужу?

— Нѣтъ, оставь, мнѣ его жаль, онъ должно-быть ужасно усталъ.

— Онъ тебѣ нравится?

— Онъ немножко похожъ на чорта, но въ суммѣ онъ не дуренъ.

— Да, но онъ имѣетъ видъ рыцаря печальнаго образа послѣ его сраженія съ кошками.

— *Le pauvre enfant!* Чтò съ нимъ случилось?

— Спроси у него, когда онъ проснется.

— Непремѣнно спрошу.

Обѣ путешественницы говорили между собой въ полголоса и почти сплошь на французскомъ языкѣ.

— Паша! продолжала старшая, опять обращаясь къ служанкѣ:— подите, скажите Ивану, чтобъ онъ не шумѣлъ, когда принесетъ самоваръ.

— Слушаю, сударыня.

Горничная ушла и черезъ минуту вернулась съ извѣстіемъ, что лошадей нѣтъ, а будутъ не раньше какъ часа черезъ три.

— Бѣ! да это цѣлое приключеніе! сказала Софи.

— Цѣлое приключеніе! повторила Héléne:— но тѣмъ лучше.

— Отчего тѣмъ лучше?

— Такъ, я имѣю свои причины, чтобы такъ находить.

— Какія причины?

— Угадай.

— Не трудно ихъ угадать.

— Ты думаешь?

Онѣ опять посмотрѣли другъ на друга и опять засмѣялись. Все это время двѣ путешественницы не оставались безъ дѣла. Онѣ бѣгали отъ стола къ зеркалу и отъ зеркала снова къ столу, на скорую руку поправляя волосы, платье и вертясь и осматривая себя со всѣхъ возможныхъ сторонъ, а между тѣмъ осторожно поглядывая на Лукина, чтобъ убѣдиться, что онѣ дѣйствительно спитъ. Обѣ онѣ, несмотря на широкій, небрежно накиннутый и дорогую сильно измятый костюмъ, одѣты были со вкусомъ и обѣ стройны; но старшая немного повыше меньшей, меньшая немного тоньше и легче старшей. Чертами лица онѣ были мало похожи, тѣмъ болѣе что меньшая смотрѣла еще ребенкомъ, а старшей на видъ было ужъ лѣтъ двадцать пять, но рѣзвые, быстрые сѣрые глазки и плутовская улыбка, которая часто играла на кончикахъ губъ, давала такую черту фамильнаго сходства, въ которой не трудно было узнать двухъ сестеръ. Когда онѣ вошли въ комнату, протѣжій спалъ крѣпкимъ сномъ. Его наивная, безцеремонная поза не разъ заставляла ихъ улыбнуться, но вслѣдъ за улыбкою невольная робость являлась при взглядѣ на эту мощную фигуру съ крупными, рѣзкими чертами лица и съ густыми, всклокоченными волосами, фигуру, которая лежала какъ спящій левъ, растянувшись во всю длину и заложивъ руку подъ голову.

Съ четверть часа прошло такимъ образомъ, и на столѣ стоялъ уже самоваръ, когда звонъ ложки, упавшей въ стаканъ, разбудилъ Лукина. Онѣ медленно открылъ глаза, потянулся, зѣвнулъ и вдругъ увидѣлъ пріѣзжихъ.

— Прошу извинить, mesdames! сказалъ онѣ, проворно вставая:—я не замѣтилъ какъ вы вошли.

Дамы слегка покраснѣли и усмѣхнулись.

— Il n'y a pas de mal, monsieur, отвѣчала Софи.—Вы намъ не мѣшаете, а мы по крайней мѣрѣ не желали бы вамъ мѣшать. Къ несчастію, это такая странная станція. Нѣтъ ни комнаты, чтобъ остаться, ни лошадей, чтобъ уѣхать.

— Мы нисколько не хотимъ вамъ мѣшать, проворно прибавила меньшая сестра, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.— Не стѣсняйтесь, прошу васъ, дѣлайте, какъ еслибы насъ тутъ совсѣмъ не было.

— Покорно васъ благодарю, сударыня. Вы видите, что я и такъ не стѣсняюсь, отвѣчалъ онѣ, поправляя у зеркала свои растрепанные волосы и свой полуразвязанный галстухъ.

— Хорошо ли вы спали? спросила Софи по-французски.

— Я бы сказала да, еслибы могъ быть увѣренъ, что точно проснулся, но то, что я вижу, такъ сильно похоже на сонъ, что трудно рѣшить.

— Какъ! развѣ вы *somnolique*, *monsieur*?

— И *somnambule* вмѣстѣ съ тѣмъ? прибавила меньшая сестра.

— Не знаю, *mesdames*. Еслибы меня спросили объ этомъ вчера, я бы поклялся, что нѣтъ, но съ тѣхъ поръ были случаи, послѣ которыхъ я имѣю право сомнѣваться во всемъ.

— Какіе же это случаи?

— Ихъ было много, сударыня; но послѣдній стоить всѣхъ остальныхъ.

— А этотъ послѣдній?

— Съ послѣднимъ я имѣю удовольствіе разговаривать въ эту минуту.

— *Comment, monsieur!* вы меня называете случаемъ? бойко возразила Софи.—Но позвольте вамъ замѣтить, что это по меньшей мѣрѣ двусмысленно. Впервыхъ я здѣсь не одна, а съ сестрой, слѣдовательно если есть случай, то не одинъ, а два; а вовторыхъ, подъ случаемъ можно много чего понимать. Есть случай удобный и неудобный, счастливый и несчастный, и есть просто *une aventure*, приключеніе. Въ послѣднемъ случаѣ мы можемъ подумать, что вы считаете насъ *авантюрьерами*.

— Совсѣмъ нѣтъ. Я считаю васъ порознь за два хорошенькіе случая; а вмѣстѣ за одно очень странное, но очень пріятное приключеніе.

Дамы расхохотались.

— Bravo! Bravo! говорила Софи, хлопая въ ладоши.— Вамъ удалось таки наконецъ сказать хоть одну любезность. Но, *mon Dieu!* какого труда вамъ это стоило! Я боялась, что вы никогда этого не достигнете.

— Я сказалъ только то, къ чему я былъ вынужденъ строгимъ допросомъ...

— А! это значить, что вы берете назадъ ваши слова, проворно перебила меньшая сестра.—Вы хотите сказать, что вынужденное признаніе нельзя считать правдой? Софи, я ему не вѣрю; потому что *ce monsieur* теперь говоритъ совсѣмъ не то, что онъ прежде сказалъ. Вѣдь *ce monsieur* началъ съ того, что онъ считаетъ насъ кошмаромъ.

— Чтò жь, еслибъ и такъ? Развѣ призракъ хорошенькой женщины не можетъ быть кошмаромъ? Нѣтъ ничего страшнѣе и ничего опаснѣе красоты...

— Allons, monsieur! Нечего поправлять то, чтò сказано, возразила Софи.—Надо принять кошмаръ какъ онъ есть и смосить его терпѣливо; а потому прошу не играть роль святаго Антонія въ обществѣ молодыхъ женщинъ и не дѣлать такой постной мины! Прошу васъ садиться сюда и пить чай.

Лукинъ въ свою очередь засмѣялся. Ему не очень хотѣлось пить чай, но отказаться отъ приглашенія было трудно; а потому онъ поклонился, сѣлъ у стола и взялъ чашку, которую Софи ему налила.

— Ба! Вы умѣете смѣяться! сказала Софи.—Признаюсь, я не думала. Но я вамъ скажу, что это вамъ больше къ лицу чѣмъ вашъ прежній видъ каменнаго гостя и эти аскетическіе, воинственные узоры, которыми вы украшаетесь какъ дикарь.

— Вы хотите сказать царапины?

— Да, царапины; это совсѣмъ не красиво; откуда вы это достали?

Лукинъ съ трудомъ заставилъ себя улыбнуться, такъ живо лежало у него на душѣ недавнее происшествіе.

— Со мною былъ случай. Я вылетѣлъ изъ телѣги, отвѣчалъ онъ коротко, не желая безъ нужды разказывать всѣхъ подробностей своего приключенія.

— О! Въ самомъ дѣлѣ? Ну, я теперь понимаю, отчего у васъ такая постная миная. Вы вѣрно очень ушиблись?

— Не могу сказать, чтобъ очень, но еслибъ и такъ, то отчего вы думаете, что ушибъ могъ меня опечалить?

— Оттого, что это очень больно и очень досадно. Я сужу по себѣ. Въ ваши лѣта, когда мнѣ случилось упасть и ушибить себѣ что-нибудь, я всегда горько плакала.

— Въ мои лѣта?.. Развѣ я похожъ на ребенка?

— Да, немножко, отвѣчала Софи, у которой явилось непреодолимое желаніе его подразнить.—У васъ такое наивное выраженіе лица и такое застѣнчивое обращеніе.

Лукинъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и улыбнулся неволью. Она вспыхнула подъ его пристальнымъ взоромъ и на минуту смѣшалась, но тотчасъ же оправляясь, прибавила очень бойко:—Впрочемъ я можетъ-быть ошибаюсь, то-есть въ моихъ догадкахъ о возрастѣ. Возрастъ трудно опредѣлить. Есть люди, которые до старости остаются похожими на дѣтей, а дру-

гіе въ семнадцатъ лѣтъ смотреть ужь стариками. Наивное выраженіе тоже часто обманываетъ. Это часто бываетъ не болѣе какъ маска, за которой скрываются желанія и страсти сатира, но... но... Она опять покраснѣла и остановилась на мигъ.

— Прошу васъ, продолжайте, сударыня, сказалъ Лукинъ улыбаясь.—Я слушаю васъ съ любопытствомъ.

— Но, договорила она проворно,—въ одномъ я твердо увѣрена: я увѣрена, что у васъ есть что-нибудь такое, что васъ печалитъ. Можетъ быть не ушибъ, можетъ-быть что-нибудь въ другомъ родѣ, но что-нибудь есть.

— Конечно есть, отвѣчалъ Лукинъ,—какъ и у, всякаго чело-вѣка. Кто изъ насъ не имѣетъ своей печали?

— Правда, возразила она,—но я хочу, чтобы вы открыли мнѣ вашу.

— Зачѣмъ?

— Я хочу васъ утѣшить. Я очень люблю утѣшать.

— Благодарю васъ за доброе намѣреніе, но вы не успѣете этого сдѣлать.

— Отчего?

— Оттого, что я не ребенокъ, котораго можно утѣшить въ четверть часа.

— Но намъ не дадутъ лошадей, и мы вѣроятно пробудемъ здѣсь долѣе, и я хочу имѣть какое-нибудь занятіе, чтобы не было скучно.

— Причина, конечно, очень достаточная, но слѣдствіе съ ней не вяжется. Если вамъ скучно, то лучше пошлите спросить у смотрителя колоду картъ и начните раскладывать *grande ramienss*. Это будетъ немножко поинтереснѣе чѣмъ меня утѣшать.

— Отчего вы такъ думаете?

— Оттого, что вы не можете этого сдѣлать.

— Отчего же нѣтъ? Почему вы знаете, какія у меня есть средства?

— У васъ есть только одно средство—французскія фразы; а мнѣ этого недостаточно. Если я положусь на ваше обѣщаніе и разкажу вамъ свою печаль, почему вы знаете, какія дѣларства потребуются для ея излѣченія? Можетъ-быть фразъ окажется мало, можетъ-быть нужны будутъ жертвы, дѣла...

— Тѣмъ лучше. Это будетъ еще интереснѣе. Мнѣ захочется что-нибудь для васъ сдѣлать, принести вамъ какую-нибудь жертву, что-нибудь въ этомъ родѣ, *que sais-je?* А между тѣмъ

чувство долга и чувство приличія будутъ меня удерживать. Произойдетъ столкновение, сердечная борьба и т. д., а время уйдетъ непримѣтно, и у зрителя не надо будетъ занимать его грязныхъ картъ.

— Да, ваша цѣль, конечно, будетъ достигнута, но моя?

— Какъ знать? Можетъ-быть и ваша тоже? Можетъ-быть чувство великодушія одержитъ верхъ въ моемъ сердцѣ, и я рѣшусь принести для васъ жертву.

— Это заманчиво, отвѣчалъ Лукинъ.

— Да, это стѣбитъ того, чтобы подумать, сказала Софи.

— И подумавъ, рискнуть, прибавила Héléne.

— Да, но этого мало, потому что это невѣрно, а я хочу обезпечить себя на случай какой-нибудь неудачи.

— Но чего жь вы хотите?

— Я хочу, чтобы вы, если вы не успѣете или не захотите меня утѣшить, заплатили мнѣ тою же монетой, то-есть открыли бы въ свою очередь то, что у васъ на сердцѣ лежитъ.

— А если тамъ не лежитъ ничего?

— Ну, въ такомъ случаѣ я могу проиграть, но я все-таки требую права открыть золотой ящикъ и убѣдиться своими глазами, точно ли онъ пустой.

— Хорошо, я обещаю вамъ это право, но съ тѣмъ, чтобы вы бросили ваши длинные предисловія и перешли прямо къ дѣлу.

— Извольте, я вамъ скажу въ двухъ словахъ, но съ тѣмъ, чтобы вы не требовали именъ собственныхъ.

— Какъ! Даже и вашего?

— Нѣтъ, мое я могу вамъ сказать. Я кандидатъ Алексѣевъ.

— Кандидатъ? Qu'est ce que c'est? Кандидатъ на что?

— Кандидатъ, это—ученая степень.

— Ну, это немного, конечно, но это обѣщаетъ... Куда вы ѣдете?

— Въ Петербургъ.

— Зачѣмъ?

— Отыскивать неизвѣстное.

— Но что же это такое?

— Еслибъ я зналъ, я бы могъ вамъ сказать.

— Какъ? Развѣ у васъ нѣтъ никакой опредѣленной цѣли?

— Была одна, да я ее потерялъ. Я иду не къ цѣли, а прочь отъ нея.

— Но это навыворотъ тому, что всѣ люди дѣлають, и, изви-ните, наперекоръ здравому смыслу.

— Что жъ дѣлать! Не все, что случается пережить, кро-ится по мѣркѣ для здраваго смысла! Я былъ бы радъ всею душой идти туда, куда всѣ другіе идутъ, еслибъ я имѣлъ впереди то, что другіе имѣють, то-есть, что-нибудь положи-тельное, ясно-опредѣленное, что я бы зналъ и любилъ. Къ не-счастью этого нѣтъ! Что я зналъ и любилъ, то прошло не-возвратно, а что ждетъ меня въ будущемъ, того я не знаю и потому ни желать, ни любить не могу.

— *Pauvre enfant!* сказала Софи, вздохнувъ и смотря на него глазами влажными отъ участія. — Я догадываюсь въ чемъ дѣло. Вы потеряли кого-нибудь, кого вы очень, очень любили?

— Да... я... потерялъ, отвѣчалъ Лукинъ глухимъ голосомъ. Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но кровь прилила къ горлу такъ сильно, что онъ вдругъ нѣмѣющимъ въ лицѣ, всталъ со стула и вышелъ.

— Что съ нимъ? спросила *Hélène* съ большимъ удивленіемъ смотря ему вслѣдъ:—онъ поблѣднѣлъ и не кончилъ отвѣта.

— Что-нибудь есть на сердцѣ, что очень болитъ, отвѣчала Софи, вся красная какъ роза, отворачиваясь отъ сестры и дѣлая видъ, что смотритъ въ окошко.

Съ минуту обѣ молчали.

— Я сдѣлала глупость, сказала Софи.

— Какую, ма *chère*?

— Довольно большую. Фу! какъ здѣсь жарко! У меня голова болитъ отъ этого самовара. Посиди здѣсь, *Hélène*, я выйду не-много на воздухъ. Чего ты смѣешься, дитя?

— Такъ, ничего; я знаю то, что я знаю.

— Ты напрасно думаешь, что ты знаешь что-нибудь. Ты не знаешь рѣшительно ничего. *Tu es une sotte, Hélène*, сказала она уходя.

— *Et toi, tu es une coquette, Sophie.* Но Софи не слышала отвѣта.

Некуда этотъ короткій разговоръ шелъ въ комнату. Лукинъ стоялъ на крыльцѣ. Онъ былъ внѣ себя, а между тѣмъ не могъ дать себѣ никакого отчета въ томъ, что случилось. Горе вырвалось у него изъ груди и выскочило наружу въ такую минуту, когда онъ менѣе всего ожидалъ. Любуясь веселыми лицами и рѣвыми глазами своихъ новыхъ знакомыхъ, онъ былъ увѣренъ, что они не напомнятъ ему ничего. Онъ думалъ,

что ихъ разговоръ окончится шутками, пустяками, какъ вдругъ что-то иное въ него замѣшалось, что-то такое, чего онъ вовсе не ожидалъ, къ чему онъ не былъ готовъ. Онъ что-то сказалъ, что было далеко не шутка, и одна изъ нихъ ему отвѣчала—что именно, онъ не помнилъ, но тонъ ея словъ отозвался у него на дунѣ. Въ немъ было что-то знакомое, какой-то старый метивъ, который тихо подкрался подъ самое сердце и вдругъ сдвинулъ его такъ, что оно подпрыгнуло отъ боли. Онъ выбѣжалъ, задыхаясь, изъ комнаты и долго стоялъ на крыльцѣ, облокотясь на перила и закрывая руками лицо. Ему чудилась ночь, дождливая, мрачная... кто-то жметъ къ нему въ темнотѣ и тихо проситъ его о чемъ-то. «Пора!» говоритъ онъ и встаетъ, но чьи-то руки обвиваютъ его шею, чьи-то слезы текутъ у него по щекамъ... Прочь! прочь отъ сердца прошедшее! Кто проситъ тебя воскресать? Кто вызываетъ тебя на сцену? Разъ перейди Рубиконъ, поадно оглядываться назадъ. Не время думать о томъ, чего нельзя воротить. Надо смѣло идти впередъ, надо думать не о тѣняхъ, а о дѣлѣ!.. Онъ приподнялся и гордо тряхнулъ головой. Тѣни исчезли, но легкій шелестъ послышался позади. Лукинъ оглянулся, возлѣ него стояла Софя.

— Знаете ли, госпоиня Алексѣевна, сказала она, смотря на него очень строго.—Я вамъ скажу, что вы сдѣлали большую невѣжливость.

— Какую?

— Вы убѣждали отъ меня съ такимъ видомъ, какъ будто я сдѣлала или сказала что-нибудь очень для васъ непріятное.

— Отчего вы такъ думаете?

— Оттого, что это довольно ясно. Наше общество и нашь разговоръ вамъ не нравились, вы старались отдѣлаться отъ нихъ всѣми силами, и начали съ того, что оказали мнѣ дерзость, коворую я сперва приняла за шутку.

— Какую дерзость?

— Вы сказали, что кромѣ французскихъ фразъ отъ меня ничего нельзя ожидать, и конечно, еслибъ я тогда поняла ваши слова такъ хорошо, какъ я теперь понимаю, я отвѣчала бы вамъ иначе. Но мнѣ и въ голову не могло придти, чтобы вы были такъ злы и такъ неблагодарны. Я увидѣла это только тогда, когда вы вышли изъ комнаты съ разсерженнымъ лицомъ.

— Я?... сказала дерзость?... Я?... вышелъ изъ комнаты съ разсерженнымъ лицомъ?... отвѣчалъ Лукинъ, смотря на нее

въ сильномъ удивленіи.—Извините, ей Богу не понимаю ни слова.

— Не правда. Вы очень хорошо понимаете, но вы ведете себя как молодой человекъ, который совсѣмъ не умѣетъ жить. Вотъ видите ли, monsieur Алексѣевъ: если двѣ незнакомыя дамы, вынужденныя дѣлать съ вами комнату, дадутъ вамъ мѣсто возлѣ себя за столомъ и сами начинаютъ съ вами разговоръ, то, кажется, не трудно понять, que ce n'est pas pour vos beaux yeux, qu'on le fait что онѣ это дѣлають, чтобы не стѣснять васъ своимъ присутствіемъ, и что это большое снисхожденіе съ ихъ стороны; а между тѣмъ вы этого не понимаете, вы не цѣните ихъ вниманія, вы обижаетесь шутками...

— Позвольте, позвольте, сударыня! Вы дѣлаете такія обвиненія, которыя я никакъ не могу допустить. Если я и сказалъ что-нибудь неосторожное, то сказалъ, конечно, шутя, и вы сами такъ думали до тѣхъ поръ... до тѣхъ поръ пока я не вышелъ изъ комнаты. Это вдругъ заставило васъ иначе омотрѣть, и я согласенъ пожалуй, что это могло служить поводомъ... могло показаться невѣжливымъ, даже было пожалуй невѣжливо съ одной стороны. Но на это была причина, которой вы не знаете. Еслибы вы знали, вы бы, конечно, не судили такъ строго... Я очень хорошо понимаю, что вы приняли меня въ свое общество только потому, что вы не желали стѣснять меня вашимъ присутствіемъ, отчего же вы не хотите понять, что я оставилъ васъ на минуту, чтобы не стѣснять васъ собой?

— Но какимъ образомъ вы могли насъ стѣснить?

— Очень просто. У меня есть на сердцѣ тяжелое горе, о которомъ я не могу говорить такъ спокойно, какъ обыкновенное приличіе требуетъ. Я долженъ былъ замолчать и уйти, когда разговоръ дошелъ до этого предмета, потому что я былъ внѣ себя. Я не могъ сдѣлать иначе, это было не въ моей власти, да еслибы и было въ моей власти, то это могло бы скорѣе васъ опечалить и возмутить, чѣмъ пріятно занять ваше вниманіе.

Софи опустила глаза.

— Я это знала, отвѣчала она, совершенно перемѣняя свой тонъ.—Объ этомъ не трудно было догадаться.

— Если вы знали, спросилъ онъ съ удивленіемъ,—за что же вы меня обвиняете?

— Такъ... мнѣ показалось... я думала... я боялась, что наши

шутки васъ оскорбили; но... но если вы говорите, что этого не было, то это совсѣмъ другое дѣло, и, конечно, я сожалею... но объ этомъ нечего говорить, потому что это само собой разумѣется, то-есть разумѣется, что вы на меня не сердитесь, потому что я не хочу съ вами ссориться...

Лукинъ посмотрѣлъ ей въ глаза и не могъ удержаться отъ смѣха. Она нахмурила брови, но худо скрытая улыбка играла у ней на губахъ.

— Простите, сказалъ онъ, взявъ ее за руку. Она не знала, что отвѣчать, и повернулась, чтобъ уйти, но въ эту минуту глаза ихъ встрѣтились снова. Неизъяснимо-комическое выраженіе мелькало у ней на лицѣ; Лукинъ начиналъ хохотать.

— Vous êtes un impertinent! сказала она, топнувъ ногой. Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее руку. Она ускользнула какъ змѣйка, расхохоталась и убѣжала въ комнату.

Лукинъ долго стоялъ на крыльцѣ, дѣлая разныя догадки насчетъ своей новой знакомой. «Что это: дѣвушка, или замужняя женщина? Петербургская барыня, или провинціалка? Кокетка, или просто шалуныя? Кто она такая? Какъ ее зовутъ? Какое положеніе она занимаетъ въ обществѣ?» Два или три изъ числа этихъ вопросовъ очень легко было разрѣшить. Онъ пошелъ черезъ сѣни, къ смотрителю въ комнату. Смотрителя не было тамъ; но на столѣ, сверху книги, лежала открытая подорожная. Онъ взялъ ее и прочелъ:... *женъ генераль-майора Софьи Осиповны Маевской... отъ Минска до Петербурга...* и пр.

Имя было ему незнакомое. Онъ сѣлъ на стулъ и задумался. Изъ сосѣдней комнаты долетали до него звуки живаго, бѣлаго разговора съ примѣсью 'бойкихъ французскихъ фразъ. Онъ началъ прислушиваться, но смотритель ему помѣшалъ.

— Вотъ гдѣ вы изволите сидѣть! сказалъ онъ, входя въ комнату:—а я васъ ищу по всей станціи.

— Что угодно? спросилъ Лукинъ.

— Да такъ, сударь, ничего; я хотѣлъ... позвольте спросить: вы знакомы съ этими барынями?

— Да, немножко, а что?

— Вѣрно ужъ все изволили разказать?

— Нѣтъ, покуда еще не все. Нѣсколько разъ вертѣлось на языкѣ, да боялся, чтобы васъ не подвести, потому что онѣ ѣдутъ въ Петербургъ и о томъ, что узнаютъ, молчать не будутъ, ну, а тамъ, разумѣется, слухи пойдутъ по городу и очень

легко могут дойти до ушей почти-директора въ самомъ превеличенномъ видѣ.

Смотритель перемѣнился въ лицѣ.

— Ради Господа Бога, сударь! сказалъ онъ:—не говорите имъ ничего; подумайте сами, на что имъ все это знать?

— Конечно, особенной надобности нѣтъ, отвѣчалъ равнодушно Лукинъ,—да только вѣдь все равно,—не отъ меня, такъ отъ людей своихъ могутъ узнать, а тѣ ужь, разумѣется, успѣли пронюхать.

— Какъ! Ужъ успѣли? Развѣ вы слышали отъ нихъ что-нибудь? спросилъ смотритель въ сильной тревогѣ.

— Нѣтъ, ничего не слышалъ, даже и не знаю гдѣ они.

— Здѣсь, сударь, на заднемъ крылечкѣ чай пьютъ, и дастъ Богъ, ничего не узнаютъ. Я принялъ всѣ мѣры, чтобы лиш-нихъ слуховъ не разошлось, особливо между проезжими. Ямщикамъ всѣмъ заказалъ; передъ образомъ клятву далъ, что если хоть одна шельма изъ нихъ лишнее слово проронить, да я потомъ свѣдаю, такъ я съ него съ живаго шкуру сдеру. А бабъ, сударь, я съ утра выславъ вонъ, всѣхъ выславъ, даже свою жену, и ту на погостъ къ попадѣ отправилъ.

— Какъ! и вапу туда же? Неужто и за нее нельзя отвѣчать?

— Нельзя, сударь. Въ чемъ другомъ головой поручусь, а по этой статьѣ ни за какую ручаться нельзя. У бабьей породы языкъ слабъ, не держитъ. Черезъ это мѣсто у нихъ, что ни есть на умѣ, какъ изъ воронки все вонъ утекаетъ. И не то, чтобы съ умысломъ не хотѣли молчать; нѣтъ, грѣхъ сказать; другая и рада бы всею душой, да какъ зачешется, такъ ужь ей и не въ мочь; волей-неволей должна все выпустить вонъ.

— Хмъ! Я вижу, вы знаете женщинъ не дурно. Но я вамъ вотъ что скажу: дамы эти сидятъ тутъ слишкомъ долго и досидятся пожалуй до той поры, когда земская полиція къ вамъ прикатитъ. Тогда трудно будетъ отъ нихъ утаить.

— Нѣтъ, сударь, не досидятся, дастъ Богъ, раньше отправимъ. Всего одной тройки только не достаетъ, съ часу на часъ ожидаемъ. Я ужь и вѣстового на встрѣчу послалъ торопить. Только завизу, тотчасъ закладывать прикажу.

— А становой скоро прїѣдетъ?

— А Богъ его знаетъ, надо быть подъ вечеръ; раньше едва ли поспѣетъ, по той причинѣ, что ему спѣшить не въ привычку. Онъ до обѣда съ мѣста не тронется, а послѣ обѣда любить хорошую высыпку задать, и безъ этого не поѣдетъ.

— Вы съ нимъ знакомы?

— Знакомъ-съ. Онъ тутъ отъ насъ всего десять верстъ, въ своемъ сельцѣ проживаетъ.

— Что онъ, беретъ?

Станціонный смотритель поглядѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Извѣстно беретъ, отвѣчалъ онъ.

— Ну, и съ васъ, конечно, возьметъ?

— Да, ужъ и мнѣ, значить, этого не миновать. Я вамъ доложу, сударь, мнѣ это дѣло дорого обойдется, по той причинѣ, что я съ двухъ сторонъ подъ ударомъ. И своимъ и чужимъ, всѣмъ отвѣтъ подавай, а запасы-то у меня не велики. Вы сами изволите знать, на нашемъ на смотрительскомъ мѣстѣ какой доходъ? Много что въ иной день за самоваръ съ проѣзжихъ полтинникъ успѣешь собрать. Такая ужъ почва бесплодная!

— Ну, не вамъ однимъ этотъ случай дорого можетъ обойтись. Я самъ могу потерять, если меня здѣсь долго задержатъ. Мнѣ, послѣ завтра утромъ, хоть лопнуть, а надо быть въ Петербургѣ, иначе у меня домъ пойдетъ съ молотка. Какъ вы думаете: если сегодня вечеромъ я уѣду, поспѣю ли я туда послѣ завтра, примѣрно къ двумъ часамъ по-полудни?

— Трудно, сударь, сказать. Какъ удастся. Впрочемъ, если дорогой не будете ночевать, да другихъ задержекъ не встрѣтитесь, то, вѣроятно, поспѣете. Легкая почта отсюда въ полтора сутокъ туда доѣзжаетъ.

— То-есть, выходитъ, что мнѣ ни часу нельзя терять. Ну, а если теперь этотъ господинъ вздумаетъ до завтрашняго утра отложить, или посланный вашъ его не застанетъ?

— Что дѣлать! Всяко можетъ случиться.

— Но вы говорили, что онъ будетъ вечеромъ?

— Да, это вѣрнѣе. Утромъ тутъ сотскаго видѣли; тотъ говорилъ, что дома, а коли дома, такъ, надо думать, сегодня пріѣдетъ.

Лукинъ слушалъ его съ озабоченнымъ видомъ и потиралъ себѣ лобъ. Мимо всѣхъ вымышленныхъ причинъ и всей импровизированной надобности быть въ Петербургѣ въ назначенный срокъ, его тревожила мысль, что первый шагъ еще имъ не пройденъ, и что темная игра случая можетъ испортить все дѣло при самомъ его началѣ. Полнаго проигрыша онъ не могъ ожидать; но онъ могъ запутаться такъ, что послѣ трудно бы было поправить. Каждую минуту, на станцію могли пріѣхать новыя лица и, несмотря на всѣ мѣры, принятыя смо-

тритеlemъ, могли легко узнать дѣло во всей его виѣшней подробности, и этихъ людей онъ могъ въ послѣдствіи встрѣтить, и какъ знать, до какой степени все это могло усложнить его будущую задачу; къ какимъ новымъ опасностямъ могло повести? «Прежде чѣмъ я не уѣду отсюда, думалъ Лукинъ, я не буду спокоенъ. Надо пустить въ дѣло всѣ средства, чтобъ избѣжать лишней задержки.»

— Ну, а если онъ будетъ сегодня, спросилъ Лукинъ, — какъ вы полагаете, скоро все это кончится?

— Да, если, какъ я вамъ докладывалъ, вы ничего лишняго не станете говорить, то для васъ можетъ кончиться скоро; потому что вы тутъ совсѣмъ въ сторонѣ.

— Лишняго я не скажу, объ этомъ не беспокойтесь. Мнѣ время такъ дорого, что я готовъ платить рубль за минуту, лишь бы только уѣхать скорѣе.

Смотритель навострилъ уши.

— Хе, хе, сказалъ онъ, потирая руки. — Это хорошія прегоны, и если такъ, то я вамъ головой отвѣчаю, что вы лишней минуты здѣсь не пробудете. Не покуситесь, сударь, дайте-ка мнѣ сюда... примѣрно сказать... бѣленькихъ штучки три, а тамъ ужъ будьте спокойны, лишняго здѣсь не пробудете. Плюньте мнѣ въ рожу, если я вамъ все это не устрою.

Лукинъ задумался на минуту.

— Три бѣленькихъ не мудреное дѣло, отвѣчалъ онъ. — Это меня не разворить; только сдѣлайте милость, вы ему какъ-нибудь не проговоритесь насчетъ того, что мнѣ надо поспѣть послѣ завтра и для чего. Это я вамъ по секрету сказалъ, а ему вы просто мигните: спѣшить молъ, спѣшить по дѣламъ, больше ни слова; а то онъ пожалуй захочетъ еще, и вмѣсто того чтобы скорѣй отпустить, станетъ нарочно тянуть.

— Не беспокойтесь, сударь. Вы еще молоды, а я уже тертый какачъ; я знаю, какъ съ этимъ народомъ дѣло вести.

Лукинъ засмѣялся. Онъ вынулъ изъ бумажника деньги, и, отдавъ ихъ смотрителю, вернулся опять въ общество дамъ. Опять онъ былъ встрѣченъ бѣглымъ огнемъ живаго, веселаго разговора; на этотъ разъ, главную роль взяла на себя меньшая сестра; а старшая, которая чѣмъ-то была недовольна, слушала ихъ съ притворно-разсѣяннымъ видомъ, нарѣдка выѣшивая какое-нибудь колкое замѣчаніе или наивно-лукавый вопросъ и принимая живое участіе въ разговорѣ только тогда, когда самъ Лукинъ обращалъ къ ней прямо свои слова.

Съ перваго взгляда было замѣтно, что дамы немножко поспорили между собой, и что Софи сердита была на сестру, но эта тѣнь разсѣялась быстро. Лукинъ не далъ имъ времени думать о томъ, что могло быть предметомъ ихъ спора. Онъ вышелъ изъ прежняго оборонительнаго положенія, самъ повелъ разговоръ и далъ ему новое, гораздо болѣе опредѣленное направленіе. Онъ ловко заставилъ ихъ говорить о цѣли ихъ путешествія въ Петербургъ. Наружная сторона ея объяснялась въ короткихъ словахъ. Мужъ Софи Осиповны, Федоръ Леонтьевичъ Маевскій, служившій лѣтъ пять бригаднымъ начальникомъ въ арміи, получилъ новое назначеніе. Онъ сдѣланъ былъ губернаторомъ Сольской губерніи и вызванъ изъ арміи въ Петербургъ, куда его семейство ѣхало вслѣдъ за нимъ, чтобы провести въ столицѣ нѣсколько мѣсяцевъ и потомъ отправиться къ мѣсту его новой службы въ губернский городъ Сольскъ. Но съ этими очень короткими фактами, въ головѣ молодыхъ путешественницъ вязался самымъ естественнымъ образомъ длинный рядъ плановъ, надеждъ и вопросовъ разнаго рода, который былъ далеко не такъ простъ. Ни одна изъ нихъ еще не видала столицы. Польки по матери и отцу, онѣ родились и воспитаны были далеко, въ западномъ краѣ Россіи, въ другой обстановкѣ, въ другомъ быту общественной и семейной жизни, и это мѣшало имъ составить себѣ ясное понятіе о томъ, что ихъ ждетъ впереди. Какъ примутъ ихъ въ Петербургъ? Въ какомъ кругу придется играть имъ роль? Какое впечатлѣніе произведутъ онѣ въ свѣтъ? и наконецъ, что встрѣтятъ на постоянной квартирѣ, въ томъ Сольскѣ, гдѣ, худо ли, хорошо ли, онѣ должны будутъ жить по меньшей мѣрѣ лѣтъ пять? Все это вмѣстѣ являлось для нихъ въ видѣ одной огромной загадки, надъ разрѣшеніемъ которой онѣ ломали голову каждый день, но ломали ее самымъ пріятнымъ образомъ, потому что въ туманѣ этой загадки мерцали для нихъ, какъ звѣзды, тысячи сладкихъ надеждъ. Спектакли, балы, маскарады, рядъ новыхъ костюмовъ и новыхъ знакомствъ, надежда меньшей сестрѣ составить блестящую партію, а старшей играть роль царицы въ подвластномъ ей маленькомъ царствѣ, гдѣ все должно быть у ногъ ея губернаторскаго величія... и много, много чего другаго, далеко не такъ ясно опредѣленнаго, но тѣмъ не менѣе сладкаго впереди. Въ этихъ двухъ маленькихъ женскихъ головкахъ, надежды роились въ такомъ огромномъ

челвкъ, что имъ было тѣсно, и потому онѣ рады были всякому случаю вырваться на просторъ. Лукину стоило только начать рѣчь объ этомъ предметѣ, чтобы заставить ихъ высказать почти все. Съ своей стороны, онѣ не остались въ долгу. Онѣ сочинили имъ короткую исторію своей жизни, въ которой то, что онѣ слышали дорогой отъ Алексѣева, служило канвой и было такъ осторожно, такъ ловко пущено въ ходъ, что никакого опредѣленнаго понятія о его положеніи въ свѣтъ невозможно было составить. Впрочемъ, судя по тому, что онѣ о себѣ говорили, его легко можно было принять за человѣка съ хорошими средствами, который недурно знаетъ столицу (что быстро возвысило его въ глазахъ его новыхъ знакомыхъ) и которому доступъ во всякую сферу жизни открытъ во всякое время, но который, до сей поры, былъ слишкомъ серьезно занятъ другими предметами, чтобы составить себѣ кругъ знакомствъ и вести открытую жизнь. Объ одномъ не сказали онѣ ни слова; это о той потерѣ, про которую онѣ неволью выронили нѣсколько словъ въ предыдущемъ ихъ разговорѣ; но послѣ того, что было уже говорено, онѣ имѣли право думать, что онѣ не рѣшатся напомнить ему объ этомъ печальномъ предметѣ, и онѣ не ошибся. Съ своей стороны, онѣ легко могли догадаться, что онѣ говоритъ имъ не все, но, въ ихъ глазахъ, это было естественно и законно. Конечно, онѣ не знали, что это былъ единственный пунктъ изъ всего, что онѣ имъ открылъ, въ которомъ была капля истины; а все остальное довольно круто отъ нея уклонялось, такъ круто, что, судя попросту, ничего иного нельзя было бы сказать, кромѣ того, что онѣ сильно нагаль. Такъ, разумѣется, сказали бы и онѣ, еслибъ онѣ могли о томъ знать; но самъ онѣ смотрѣлъ на это не такъ. Не получивъ отъ своего прошедшаго никакихъ правъ, онѣ считалъ, что онѣ и обязанностей никакихъ къ нему не имѣеть. Онѣ отрекся отъ него начисто, какъ отъ наслѣдства, обремененнаго чужими долгами, съ чего же бы онѣ сталъ еще съ нимъ церемониться? Разъ усвоивъ чужое имя (конечно не даромъ, потому что онѣ явно платилъ за него цѣною крупнаго риска), не усвоить себѣ, вмѣстѣ съ нимъ, и всего, что къ имени относилось, было бы крайне нелѣпо съ его стороны. Такъ думалъ Лукинъ, и такъ какъ выводъ его изъ данныхъ, которыя онѣ имѣлъ, казался ему логически вѣренъ, такъ какъ онѣ долженъ, необходимо былъ долженъ дѣйствовать такъ, чтобы остаться вѣрнымъ тому основанію,

на которомъ онъ сталъ, то гдѣ же тутъ ложь? думалъ онъ. Если она лежитъ въ основаніи, то въ этомъ не онъ виновать. Не онъ лжетъ, а обстоятельства его лгутъ, и если кому-нибудь эта ложь можетъ современемъ повредить, то, разумѣется, ему первому. Не онъ устроилъ свою судьбу въ томъ видѣ, какой она теперь приняла. Онъ только воспользовался естественнымъ правомъ защиты. Формальная сторона закона давила его права; она ставила ему свой барьеръ подъ самое горло, а онъ, вмѣсто того чтобъ терпѣть и задыхнуться, ступилъ черезъ и вышелъ опять на просторъ, вотъ и все.

Такъ думалъ Лукинъ, а между тѣмъ время быстро летѣло, и часъ за часомъ проходилъ незамѣтно въ живомъ, интересномъ для всѣхъ разговорѣ. На дворѣ уже смерклось, когда лошади наконецъ были заложены, и черноглазая Паша пришла объявить о томъ своимъ господамъ. Фонари у дормеза свѣтили черезъ окошко въ комнату, гдѣ не было еще свѣтъ. При ихъ легкомъ отблескѣ, мѣшки и разныя вещи живо были уложены, дамы надѣли плащи и вышли изъ комнаты на крыльцо. Уходя, обѣ простились по-дружески съ Лукинымъ.

— Надѣюсь, что мы съ вами встрѣтимся въ Петербургѣ, проворно проговорила Софи. Онъ не сказалъ ничего, но поклонился и крѣпко пожалъ ея руку. Черезъ минуту, дормезъ, запряженный шестеркою лошадей, умчался быстро по петербургской дорогѣ. Лукинъ смотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ долго стоялъ на крыльцѣ, снова одинъ и снова заменутый въ кругу своихъ собственныхъ мыслей; но это было уже не то, что онъ чувствовалъ поутру. Уединеніе не было полное. На рубежѣ его волшебной черты, мелькали два легкіе образа. Ему стоило только закрыть глаза, чтобы видѣть передъ собою опять ихъ милыя лица и быстрые глазки, чтобы слышать опять ихъ звонкіе голоса. А между тѣмъ, онѣ были уже далеко, и время опять летѣло, и темная ночь ложилась кругомъ. Изрѣдка лай собакъ да голоса на станціонномъ дворѣ нарушали всеобщую тишину. Въ окошкахъ извъ, насупротивъ станціи, мелькали огни. Онъ вспомнилъ Жгутото, и мысли его приняли быстро другой оборотъ.... Но около этого времени звонъ колокольчика послышался вдаль, сначала тихо, чуть внятно, то умолкая, то вновь заливаясь далекою трелью; потомъ звучнѣе, звучнѣе, и вотъ, та самая тройка съ телѣгой,

которая уѣхала поутру, во весь карьеръ присакала къ крыльцу, за ней летѣлъ тарантасъ: телѣга и тарантасъ набиты были народомъ. Шестъ человекъ, между которыми двое въ простыхъ армякахъ, слѣзли одинъ за другимъ, и всѣ отправились въ комнату. Смотритель встрѣтилъ ихъ въ корридорѣ со свѣчемъ въ рукахъ.

— Здравствуйте, Яковъ Ильичъ! сказалъ онъ толотому господину въ кожаномъ картузѣ и въ очкахъ, который шелъ впереди.

— Здорово, батяка! отвѣчалъ тотъ.—А я къ вамъ на балъ со всеми гостями заразъ. Вонъ тутъ и мастеръ съ своимъ подмастерьемъ и двѣ бороды, чтобъ играть за болвана.... воѣхъ силой забралъ, дабы времени не терять, а приглашенія послѣ имъ напишу.

— Гости есть, было бы угощеніе, проговорилъ у него за спиной рябой господинъ съ краснымъ носомъ и съ ястребиными глазками, тотъ самый, котораго Яковъ Ильичъ называлъ мастеромъ.

— Будеть, будетъ, господа, прошу пожаловать въ комнату, отвѣчалъ смотритель, провожая ихъ со свѣчей въ рукахъ. Всѣ вошли за исключеніемъ Лукина. Двое мѣщанъ, понатыхъ, сняли шапки и перекрестились.

— Ну! что у васъ тутъ за проказы? сказалъ становой, всѣмъ вѣсомъ тучнаго своего тѣла опускаясь на кожаную софу.—Что за проказы, а? повторилъ онъ.—Проѣзжаго задавили! Фу ты, Господи! Да это что-то совсѣмъ новое! Экіе безпорядки, подумаешь, на этихъ станціяхъ завелась!

— Никакихъ безпорядковъ не было, Яковъ Ильичъ, отвѣчалъ смотритель.—Просто несчастіе.

— Да, слыхалъ ужъ я эту пѣсню. Вашъ староста мнѣ еще утромъ ее пропѣлъ.... Хе, хе! Немудрено быть несчастію, когда ямщики съ перепоею да лошадей прямо изъ табуна проѣзжему въ экипажъ запрягутъ!

— Напрасно клеплете, Яковъ Ильичъ! У насъ этого никогда не бываетъ. У насъ на это предписанія есть.

— Толкуйте о предписаніяхъ! Будто ужъ мы ничего не знаемъ! Не за тридевять земель отсюда живемъ. Кабы у васъ всѣ предписанія исполнялись, такъ зачѣмъ бы мнѣ здѣсь теперь быть? Мнѣ до почтоваго вѣдомства что? У меня и поминю большой дороги дѣла не перечтешь.

Покуда онъ говорилъ, смотритель подошелъ къ нему близко

и шепнулъ ему на ухо нѣсколько словъ. Вы извольте спросить, прибавилъ онъ громко.

— Ну, ну, хорошо, спросимъ, весело отвѣчалъ становой. — Я что жь? Я вѣдь не ревизоръ! Я только такъ свое мнѣніе говорю.... Обождите минуточку, господа, мнѣ съ хозяиномъ нужно два слова сказать.

Рабой господинъ улыбнулся, а фельдшеръ съ писаремъ и двое мѣлчанъ, сидѣвшихъ поодаль, переглянулись между собою. Яковъ Ильичъ со зрителемъ вышли въ сосѣднюю комнату и оставались тамъ съ четверть часа. Когда они воротились назадъ, на столѣ ужъ стоялъ самоваръ и подносъ со стаканами.

— Что жь, вы бы насъ хоть ромкомъ угостили, сказалъ рабой господинъ. — Смерть какъ усталъ!

— Сію минуточку, господа; сію минуточку все принесутъ, отвѣчалъ смотритель.

— Гдѣ же этотъ баринъ-то, что тутъ арестованъ? спросилъ становой, оглядываясь кругомъ. Не мѣшало бы его сюда попросить, потому что онъ былъ свидѣтелемъ всего происшествія.

— Сейчасъ я его позову.

Смотритель выбѣжалъ на крыльцо и черезъ минуту вернулся назадъ съ Лукинымъ. Тотъ вошелъ въ комнату и кивнулъ головой гостямъ съ безпечнымъ видомъ проѣзжаго, который изъ любопытства забрелъ въ уѣздный трактиръ.

— Здравствуйте, милостивый государь! громко сказалъ становой, важно откинувъ голову назадъ и смотря на него сквозь очки. — Съ вами, я слышалъ, случилось непріятное приключеніе. Потрудитесь намъ разказать, какъ это было.

Лукинъ съелъ и открылъ ротъ, чтобы говорить; но становой его перебилъ.

— Позвольте. Я чуть было не забылъ. Вашъ чинъ и фамилія?

Настала рѣшительная минута для Лукина, но онъ не задумался. — Кандидатъ С.-Петербургскаго университета Григорій Алексѣевъ, отвѣчалъ онъ спокойно.

— Откуда изволите вхать?

— Изъ Кіева.

— Вы были съ попутчикомъ?

— Да.

— Кто отъ такой?

— Студентъ Григорій Алексѣичъ Лукинъ.

— Запиши-тка теперь, чтобъ послѣ не повторять, сказалъ становой писарю.—А то баринъ этотъ и такъ ужь тутъ долго сидитъ. Пожалуй на насъ изъ Петербурга доносъ подастъ, что мы его долго здѣсь продержали.

— А вашъ попутчикъ съ пашпортомъ былъ, продолжалъ онъ, обращаясь опять къ Лукину.

— Не знаю, я пашпорта не видалъ; должно-быть имѣеть какой-нибудь видъ.

— Не вамъ, можетъ-статься, извѣстно откуда онъ вѣхалъ?

— Онъ выѣхалъ, очень недавно, изъ Петербурга и возвращаясь туда; а былъ гдѣ-то тутъ въ сторонѣ, недалеко; гдѣ именно, я не успѣлъ разспросить, потому что мы съ нимъ всего полсутокъ были въ дорогѣ.

— Онъ стало-быть вамъ не родня?

— Нѣтъ, не родня.

— А взяли вы его съ собой гдѣ?

— Въ Великихъ Лукахъ.

— Хмъ, недалеко отсюда. Должно-быть въ Торонцѣ или въ Осташковѣ былъ. Впрочемъ, это не наше дѣло.... Ну-съ, такъ какъ же это съ нимъ такое несчастье приключилось?

— Какъ онъ былъ разбитъ, вы хотите сказать? Этого я не видалъ. Я вылетѣлъ прежде его изъ телѣги.

— Но прежде чѣмъ ваша милость изволили вылетѣть, что такое случилось? Что, васъ лошади что ли несли?

— Да, лошади подъ гору понесли.

— Да съ чего жь онъ такъ? Что, онъ были бѣшенныя или необъѣзженныя; или другая какая причина была?

— Не знаю. Я въ лошадяхъ не знатокъ. До спуска мы ѣхали хорошо, и я ничего такого особеннаго не замѣтилъ.

— Можетъ-статься ямщикъ не сдержалъ?

— Легко можетъ быть.

— Что жь онъ, пьянъ что ли былъ?

— Нѣтъ, кажется, не былъ, а впрочемъ Богъ его знаетъ, можетъ и былъ, только я его не могу обвинять; потому что я ничего не замѣтилъ.

— Хозяинъ, позовите-ка намъ ямщика. Вотъ мы его самого поразспросимъ. Можетъ, совѣсть-то у него нечиста, такъ онъ и долженъ будетъ покаяться.

Позвали ямщика. Онъ вошелъ, и перекрестясь передъ об-

разомъ, отвѣсилъ низкій поклонъ. Голова и лѣвая кисть были у него обвязаны и одна щека замѣтно толще другой.

— Ты опрокинулъ проѣзжихъ?

— Я, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ ямщикъ.

— Чтò, братъ, провинился?

— Грѣшенъ, ваше высокоблагородіе, точно что провинился, отвѣчалъ тотъ, повторяя опять поклонъ въ поясъ.

— Какъ же ты, шельма ты эдакая! Какъ тебя нелегкая угораздила этакую штуку удрать?

— Воля Божія, ваше высокоблагородіе, я вѣдь и самъ не радъ.

— Ахъ ты с.... с...! Еще бы ты радоваться сталъ... Чтò жъ ты, пьянъ что ли былъ послѣ праздника?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, ни-же-ни не былъ пьянъ.

— Такъ для чего жъ ты лошадей не держалъ?

— Держалъ, сударь,—для чего жъ бы я не сталъ ихъ держать? Да не ровенъ часъ, нелегкая угораздила,—болано шибко подъ гору потянуло.

— Съ чего жъ оно такъ *потянуло*? Чтò ты, первый разъ на нихъ что ли ѣдншь?

— Въ первый разъ, сударь, на Машкову у насъ никогда не закладываютъ, по той причинѣ, что спускъ больно крутъ.

— Смотри ты у меня не ври, потому что уже я васъ всѣхъ допрошу.

— Сизю ли я вратъ, сударь! Вѣдь шкура-то у меня не изъ сыромати выкроена.

— Ну, мы послѣ посмотримъ, изъ чего она выкроена. Ступай.

Ямщикъ вышелъ.

— Чтò жъ, надо бы намъ осмотръ произвести? сказалъ Яковъ Ильичъ, обращаясь къ врачу.

— А я бы думалъ сперва лучше чаемъ заняться, отвѣчалъ тотъ.—Куда намъ сѣсть?

Яковъ Ильичъ привадумался.

— Если вамъ не куда, замѣтилъ Лукинъ,—то мнѣ есть куда. Я прошу васъ припомнить, что я здѣсь съ десятого часа утра дожидаюсь.

— Ну, ну, не гнѣвайтесь; мы васъ лишняго не предержимъ, перебилъ становой.—Пойдемте-ка, господа. Гдѣ онъ лежитъ?

Смотритель взявъ свѣчку, повелъ ихъ въ ту комнату, которая съ самаго утра была заперта.

Вся толпа вошла молча и стала вокругъ деревянной, старой кровати, на голыхъ доскахъ которой лежали останки несчастнаго Алексѣева. Они были накрыты его дорожною шинелью. Когда ее сняли, Лукинъ живо вспомнилъ вчерашнюю ночь. Та же самая блѣдность, только еще сильнѣе, и то же самое строгое выраженіе торжественнаго, нѣмага покоя въ чертахъ; но все остальное... какъ страшно переименила смерть!..

Когда осмотръ былъ конченъ, Яковъ Ильичъ спросилъ, гдѣ вещи покойнаго. Смотритель указалъ ему чемоданъ и мѣшокъ.

— А на немъ можетъ тоже что-нибудь есть? спросилъ тотъ.

Стали шарить въ карманахъ у мертваго и вынули: ключъ, носовой платокъ, бумажникъ, часы, кошелекъ и кожаный портъ-сигаръ, изъ котораго становой преспокойно вынулъ сигару и тутъ же ее закурилъ. Примѣру его послѣдовалъ лѣкарь. Послѣ того вынуть былъ паспортъ и деньги изъ портфеля: деньги сосчитаны и записаны; а паспортъ,—собственный паспортъ Лукина, Яковъ Ильичъ прочелъ вслухъ.

— « Студентъ С.-Петербургскаго университета», сказалъ становой.—Онъ, стало-быть, вашъ товарищъ? Какъ же вы давеча говорили, что съ нимъ незнакомы?

— Развѣ всѣ товарищи должны быть непременно знакомы между собой?

— Казалось бы, такъ.

— Казалось бы мало ли что, надо знать какъ на дѣлѣ бываетъ. Вотъ вы, напримѣръ, становой и всѣ становые Псковской губерніи ваши товарищи, а развѣ вы знаете всѣхъ?

— Гдѣ жъ ихъ всѣхъ знать? У насъ восемь уѣздовъ.

— А у насъ шесть факультетовъ, и тѣ, кто по разнымъ идутъ, такіе же товарищи другъ для друга, какъ становые изъ разныхъ уѣздовъ. Иной и комнаты той не видалъ, въ которой другой сидитъ каждый день.

Яковъ Ильичъ замолчалъ, но только что кончилъ Лукинъ свой отвѣтъ, какъ новый вопросъ былъ предложенъ ему съ другой стороны. Рябой лѣкарь, вертя въ рукахъ портъ-сигаръ покойнаго Алексѣева, замѣтилъ двѣ буквы на крышкѣ. « Г. А? » сказалъ онъ вполголоса, указывая на нихъ Лукину, который стоялъ къ нему ближе другихъ.

Сердце дрогнуло въ груди самозванца. Онъ вдругъ увидѣлъ

себя на шагъ отъ гибели. Малѣйшая перемена въ лицѣ, малѣйшій признакъ испуга въ отвѣтѣ или другая оплошность съ его стороны,—и та игра, которую онъ игралъ, могла быть проиграна невозвратно. Подозрѣніе могло вспыхнуть какъ порохъ отъ первой искры, случайно въ него попавшей, его могли задержать... и по горячимъ слѣдамъ, въ короткое время, тайна легко была бы открыта. Всѣ эти мысли мелькнули разомъ въ его головѣ, но на лицѣ не отразилось и тѣни. Ни одинъ глазъ не мигнулъ, ни одной кровинки не убыло. Онъ посматрѣлъ на лѣкаря съ разсѣяннымъ видомъ чужаго и посторонняго человѣка, который не понимаетъ о чемъ говорить, потому что онъ думаетъ не о томъ.

— «Г. А», повторилъ тотъ, пристально разсматривая двѣ буквы.—Отчего не Г. Л.?

— Я почему знаю! отвѣчалъ равнодушно Лукинъ.

Неизвѣстно, какъ принялъ лѣкарь отвѣтъ и что онъ думалъ въ эту минуту; но онъ замолчалъ и положилъ портъ-сигаръ на кровать. По счастью, никто изъ присутствующихъ не успѣлъ обратить вниманія на ихъ разговоръ. Всѣ были заняты съ другой стороны, у стола, на грязную доску котораго Яковъ Ильичъ высыпалъ мелкія деньги изъ туго-набитаго кошелька и раскладывалъ ихъ по кучкамъ. Занятіе это имѣло для всѣхъ какой-то особенный интересъ. Самъ элегматическій лѣкарь, услышавъ звонъ серебра, наострилъ уши и подошелъ туда же, къ другимъ.

— Стойте! Стойте! Вы положили сюда четвертакъ, говорилъ смотритель.

— Двугривенный, отвѣчалъ становой.—Вонъ видите, точки...

Монета истерта была до такой степени, что можно было поспорить; но большинство голосовъ рѣшило въ пользу двугривеннаго.

Покуда они считали и спорили, Лукинъ кусалъ себѣ губы отъ нетерпѣнія. Минуты казались ему часами, а между тѣмъ именно въ эти минуты онъ не рѣшался ихъ торопить. Какой-то внутренней голосъ совѣтовалъ ему переждать, чтобъ узнать достоверно, намѣренъ ли докторъ оставить буквы въ покоѣ, или онъ хочетъ еще о нихъ говорить. Въ послѣднемъ случаѣ, лишняя торопливость могла показаться сомнительною для тонкаго обонянія этихъ господъ, которые впрочемъ скоро окончили счетъ.

— Ну, пойдѣмъ чай пить, сказалъ становой.—Да надо этого барина отпустить. Онъ намъ ни на что не годится.

Лукинъ посмотрѣлъ на лѣкаря сзади, ожидая, не скажетъ ли онъ что-нибудь. Сердце его забилося, когда онъ увидѣлъ, что тотъ обернулся при этихъ словахъ и указалъ рукой на него.

— А развѣ имъ не угодно выпить стаканчикъ въ нашей компаніи, покуда имъ лошадей запрягутъ? сказалъ онъ, улыбаясь.

— Ну, славу Богу! мимо прошло, подумалъ Лукинъ.—Я не прочь, господа, отвѣчалъ онъ развязно и весело.—Пять минутъ для меня не составляютъ разчета.

Все общество отправилось въ комнату, гдѣ стоялъ самоваръ. Въ стѣнахъ, Лукинъ пропустилъ ихъ впередъ.—Сдѣлайте милость, велите сію же минуту закладывать лошадей, сказалъ онъ смотрителю, который остановился возлѣ дверей, чтобы запереть ихъ опять на замокъ.—Вамъ ужъ заложено, сударь, отвѣчалъ тотъ.—Телѣга стоитъ у крыльца. Въ Петербургѣ, если случится вспомнить смотрителя-старика, такъ скажете по крайней мѣрѣ, что онъ свое слово сдержалъ.

Лукинъ не въ силахъ былъ скрыть свою радость. Онъ горячо пожалъ ему руку и пожелалъ ему счастья отъ всей души. Черезъ минуту, онъ снова сидѣлъ за чайнымъ столомъ, на которомъ кипѣлъ и шумѣлъ, завывая къ погодѣ, тотъ же самый старый, маленькій самоваръ. Онъ видѣлъ его уже третій разъ въ одинъ день и дивился, припоминая, съ какими разнообразными ощущеніями человѣкъ можетъ смотрѣть на одинъ и тотъ же предметъ. А предметъ, между тѣмъ, какъ будто смѣялся, лукаво поглядывая на него изъ-подлобья. Онъ какъ будто желалъ сказать: «Вотъ, не хотѣлъ со мной разъ посидѣть, такъ высидѣлъ цѣлыхъ три!» «Ну, ужъ куда не шло третій разъ, думалъ Лукинъ; лишь бы послѣдній!» Два раза онъ обжегъ себѣ ротъ, торопясь допить свой стаканъ. Лѣкарь замѣтилъ гримасу, которую онъ сдѣлалъ въ послѣдній разъ, и громко захохоталъ.—Экъ вы торопитесь! сказалъ онъ.

Лукинъ сдѣлалъ другую гримасу, стараясь весело улыбнуться, но на этотъ разъ никто не видалъ.

Вокругъ стола шелъ громкій, веселый разговоръ. Бутылка съ ромомъ быстро переходила изъ рукъ въ руки. Пуншъ съ каждою минутой становился крѣпче, гости съ каждою минутой шумнѣе.

— Чтѣ же вы себѣ не нальете? говорилъ становой, презрительно поглядывая на стаканъ Лукина, въ которомъ чаю

оставалось уже не болѣе какъ на половину; но онъ былъ горячъ, и, два раза обваривъ себѣ языкъ, тотъ все еще дулъ, не рѣшаясь окончить заразъ...—Эхъ! маменькинъ сынокъ! Дайте-ка я вамъ подбавлю.

Тому пришло въ голову, что отъ рому чай разомъ простынетъ.

— Лейте пожалуй, сказалъ онъ.

Толстый Силенъ взялъ бутылку и налил по самый край.

— За ваше здоровье, господа! Желаю вамъ счастливо оставаться, сказалъ Лукинъ. Онъ всталъ со стула и выпилъ залпомъ стаканъ.

— Молодецъ! заревѣлъ Яковъ Ильичъ.—Ей-ей! молодецъ! Вотъ этакихъ я люблю! Эхъ, жаль, что ты уѣзжаешь! Да чорта себѣ спѣшить, посиди здѣсь еще полчаса!

— Нельзя, отвѣчалъ Лукинъ.—Лошади ждутъ у крыльца. Прощайте, господа!

Гости высыпали толпой на крыльцо провожать его. Яковъ Ильичъ обнялъ и поцѣловалъ его въ обѣ щеки. Лѣкаръ жалъ горячо ему руку; отъ обоихъ разило пуншемъ. Ему стало гадко.

— Пошелъ! закричалъ онъ, проворно вскакивая въ телѣгу. Ямщикъ свиснулъ и лошади понеслись.

Скоро станція и деревня съ ея огоньками остались за нимъ назади. Темная ночь, въ чистомъ полѣ, лежала спокойно, просторно кругомъ. Небо разъяснило къ ночи. Въ темно-синей его глубинѣ, вверху, надъ самою головой, сіяла Большая Медвѣдица, съ ея лучезарнымъ хвостомъ. Онъ вздохнулъ широко и свободно; онъ бодро и весело поднялъ голову. Душа его была полна черезъ край. Прошедшее, со всѣми его тревогами, сливалось на горизонтѣ ея въ одну обширную массу, которая мрачно темнѣла вдали; но тамъ, впереди, далеко, далеко на сѣверъ, мерещился ему большой городъ, гдѣ ожидала его другая, новая жизнь. Туда летѣлъ онъ на крыльяхъ воображенія, опережая почтовую тройку и смѣло впиваясь глазами въ глубокою ночь. Порой ему чудилось, что она разступается, и что вдали, при блескѣ тысячи яркихъ огней, мелькаютъ два милые образа. Одинъ изъ нихъ киваетъ ему головой и манитъ бѣлою рукой къ себѣ. Скорѣй! Скорѣе на встрѣчу! Онъ не жилъ еще до сихъ поръ, онъ только стоялъ у порога. Ему всего двадцать лѣтъ, а его ужъ чуть не зарыли живаго въ могилу! Теперь, когда онъ вырвался на просторъ,—о! какъ ему

вдругъ захотѣлось пожить, не тихо и скромно; нѣтъ, онъ знаетъ теперь хорошо, что онъ къ этому не рожденъ. Ему нужна широкая, пестрая жизнь! Онъ долженъ спѣшить, куда есть деньги и есть свобода въ рукахъ, чтобы послѣ, когда его вдругъ потребуютъ на расплату, было хоть за что заплатить.

— Тссъ! Тпру!

— Что тамъ такое? спросилъ онъ у ямщика, замѣтивъ, что тотъ сталъ придерживать лошадей.

— Спускъ, ваше благородіе.

Лукинъ снялъ шапку и перекрестился. «Прощай, мой бѣдный товарищъ! подумалъ онъ. Тебѣ досталась иная доля! Ты рано отправился на ночлегъ!»

Тройка бережно съѣхала на мостъ, нѣсколько времени прошла шагомъ, а потомъ легкою рысцою начала подниматься въ гору.

— Чтѣ, выѣхали на ровное мѣсто?

— Выѣхали, ваше благородіе.

— Ну, съ Богомъ! Валяй въ хвостъ и въ гриву! Полтинникъ на водку! Маршъ!..

Ямщикъ привсталъ, подобралъ вожжи, свиснулъ:—Гей вы, молодчики! Гей вы, любезные! Го!...

Они помчались во весь опоръ.

Н. Ахшарумовъ.

РОБЕРТЬ ШУМАНЪ

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦИИ

А. Т. М.....сой.

Помните ли еще вы тѣ тихіе вечера наши, на которыхъ музыка, оживленные разговоры и чтеніе такъ непринужденно сливались въ одно гармоническое и задушевное цѣлое? Помните ли вы также, какое подчасъ глубокое впечатлѣніе производили тогда на всѣхъ насъ удивительные звуки нѣмецкой поэзіи? Стихъ Гейне, стихъ Шамиссо вызывали нерѣдко иное плѣнительное адажіо старика Бетгоvena на сцену, адажіо смѣнялось бурнымъ потокомъ симфоническаго аллегро, за нимъ слѣдовала или мелодія Шуберта или маленькая по объему, но обширная по внутреннему своему содержанію, мазурка Шопена (и всегда почти съ *неизбѣжными* къ ней комментаріями), ноктюрнъ его, а тамъ опять чтеніе, опять живой, безустанный разговоръ, и вечеръ завершался тихими гармоническими аккордами, и чаще всего изъ народной пѣсни Тюрингена... Не разъ кончался онъ и мечтательными звуками Шумановской музы, той загадочной музы, которая напѣла, въ таинственныя лунныя ночи, такія необыкновенныя пѣсни любимцу своему Шуману, «des chants si extraordinaires», по выраженію вашему.

Мы обѣщали вамъ тогда составить изъ находящихся у насъ подъ руками матеріаловъ характеристику и очеркъ жизни этого *загадочнаго* Шумана... Прочтите терпѣливо и снисходительно предлагаемыя вамъ письма...

I.

Имя Шумана, какъ вы сами знаете, одно изъ любимѣйшихъ и благороднѣйшихъ именъ Германіи. Оно занимаетъ видное мѣсто и въ исторіи искусства вообще, и въ исторіи нѣмецкой музыкальной критики, и наконецъ въ интимной исторіи тѣхъ неутомимыхъ германскихъ дѣятелей, которые отдали всю жизнь свою на служеніе *общему* дѣлу прогресса.

Прочитавъ біографію Шумана (1) и четыре небольшіе тома его замѣтокъ, рецензій и афоризмовъ (2), изучивъ многочисленныя и разнообразныя музыкальныя творенія его, проникаешься удивленіемъ и глубокимъ уваженіемъ къ энергической дѣятельности и къ многостороннему развитію его способностей.

Личность Шумана отрадное явленіе въ области искусства. При ближайшемъ знакомствѣ съ нею становится свѣжо и сладко на душѣ современнаго человѣка, изнемогающаго подъ бременемъ разнородныхъ вопросовъ, его волнующихъ. Правда, и онъ, крѣпкій волею, неутомимый дѣятель, палъ, усталый отъ тяжелыхъ трудовъ вѣчно работавшаго духа, но онъ палъ какъ герой, не передавъ знамени своего въ руки противниковъ, палъ, завѣщавая своимъ единомышленникамъ девизъ своего знамени: *впередъ во что бы то ни стало.*

Робертъ Шуманъ вполне германская натура, мечтательная и пытливая, не чуждая свойственныхъ ей недостатковъ и увлеченій, но милая и задушевная, какъ и сама поэзія Германіи.

Но будучи вполне Германцемъ, Германцемъ *durch und durch*, Шуманъ не только никогда не сочувствовалъ людямъ, зараженнымъ исключительно національностью, видящимъ все спасеніе роднаго имъ края въ движеніи назадъ, въ возвращеніи его къ прежнему, дѣдами пережитому времени, но былъ одина-

(1) *Robert Schumann. Eine Biographie* von Joseph W. v. Wasielewsky. Dresden. 1858.

(2) *Gesammelte Schriften über Musik und Musiker* von Robert Schumann. Leipzig. 1854.

ново рьянымъ противникомъ филистеровъ, и такъ-называемыхъ тевтомановъ.

«Воздухоплаватели и окриленные люди тѣ же пчелы въ отношеніи къ сиднямъ и увальнямъ (Sitzfleisch-Menschen), пишутъ лейпцигскій студентъ Шуманъ къ своему другу Розену, — онѣ, то-есть пчелы, никому не вредятъ пока летаютъ, но дотронься до нихъ, лишь только онѣ опустятся на цвѣтокъ, и онѣ сейчасъ ужалятъ. Я та же пчела, продолжаетъ онъ, и хотя никого не явлю моимъ жаломъ, но за то сражаюсь и руками и ногами, навадая на туманныя представленія *мысль о народности*» и проч. (1)

И до конца дней своихъ остался онъ подобнымъ окриленнымъ челоуѣкомъ, неутомимымъ поборникомъ вѣчнаго совершенствованія, пчелою, подчасъ больно жалившею близерукихъ и упрямыхъ увальней-консерваторовъ.

Робертъ Шуманъ родился въ саксонскомъ городѣ Цвикау, въ 9¼ часовъ вечера 8 июня 1810 года (2). Онъ былъ меньшой сынъ книгопродавца Августа Шумана и Юанны Шуманъ, рожденной Шнабель.

Августъ Шуманъ личность интересная, по той непреклонной силѣ воли, съ которою онъ, вопреки тѣснившимъ его обстоятельствамъ и неблестящимъ способностямъ его, шелъ неутомимо впередъ по избранному имъ пути. И если онъ далеко не достигъ желаемыхъ имъ результатовъ, то заслужилъ вполне имя честнаго, прямаго и просвѣщеннаго челоуѣка. Послѣ цѣлаго ряда препятствій и литературныхъ неудачъ, онъ основалъ въ 1808 году книжный магазинъ въ своемъ родномъ городѣ Цвикау, подъ фирмою: «Братья Шуманы».

Ему, издателю-книгопродавцу, пришла первому мысль облегчить нѣмецкой публикѣ трудъ знакомства съ классиками всѣхъ странъ, наданіемъ ихъ произведеній въ дешевомъ маленькомъ форматѣ карманныхъ книжекъ, мысль, принесшая теперь богатые плоды. Онъ основалъ журналъ, предпринялъ съ успѣхомъ изданіе нѣсколькихъ книгъ, въ томъ числѣ портретной галлерей знаменитыхъ современниковъ и сочиненій Вальтеръ-Скотта и Байрона, на нѣмецкомъ языкѣ. Воодушевленный поэзіею Байрона, онъ принялся даже самъ за переводъ *Чайльда-Гарольда и Бенно*; но не окончивъ милаго ему труда,

(1) *Biographie* S. 37.

(2) *Ibidem* S. 7.

умеръ въ 1826 году, изнуренный продолжительною болѣзнію, вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ въ продолженіи пятидесяти-трехлѣтней, полезной жизни своей.

Смерть отца поразила юношу Шумана, съ нимъ вмѣстѣ терялъ онъ твердую опору на томъ пути, по которому онъ, чувствуя свое призваніе, намѣревался идти, вопреки желаніямъ своей матери.

Юганна Шуманъ, женщина не глупая и отчасти образованная, горячо любила Роберта и даже болѣе чѣмъ остальныхъ своихъ трехъ сыновей, но взгляды ея на жизнь, развившіяся подъ угломъ провинціальныхъ предразсудковъ, вовсе не соответствовали просвѣщенному, гуманному взгляду покойнаго мужа ея, Августа Шумана.

Младшій, любимый сынъ матери, милый, умный ребенокъ Робертъ, всегда окруженный нѣжными женскими заботами, не зналъ ни въ чемъ отказа. Малѣйшее дѣтское желаніе его было закономъ и въ домѣ матери, и въ домѣ крестнаго отца его Руппіуса, который безмѣрно баловалъ своего крестника. Капризы ребенка назывались проявленіями впечатлительнаго сердца, упрямство—признаками силы воли, лѣнь—поэтическою мечтательностію, грубые отвѣты—находчивостію и остроуміемъ и т. д. Грустное явленіе дурно понимаемой идеи воспитанія, имѣвшее сильное вліяніе на позднѣйшіе года въ жизни знаменитаго музыканта, раздражительнаго, легко обижавшагося и «никогда, по словамъ его біографа, не умѣвшаго подчиняться силѣ непреборимыхъ обстоятельствъ!» (1) До шести лѣтъ ребенокъ росъ одиноко, не выказывая ни къ чему особыхъ наклонностей, но поступивши въ частное заведеніе, замѣнявшее тогда народную школу въ Цвикау, и прійдя въ соприкосновеніе съ дѣтьми одного съ нимъ возраста, выбралъ изъ нихъ себѣ сейчасъ же друзей и еще скорѣе пріобрѣлъ надъ ними полное, безусловное вліяніе. Въ играхъ его съ ними проявилась господствовавшая и въ послѣдствіи въ немъ черта его характера—честолюбіе, но не дюжинное и мелкое честолюбіе ничтожной натуры, а честолюбіе благороднаго и сильнаго человѣка, сознающаго свои права на него.

Въ любимыхъ дѣтскихъ играхъ «въ солдаты», Робертъ былъ всегда фельдмаршаломъ. И повиновались, безропотно повинно-

(1) *Biographie* S. 8.

вались маленькіе солдатики гегемоніи начальствовавшего надъ ними фельдмаршала, а повиновались потому, что любили въ немъ его щедрость, привѣтливость и доброту сердечную.

Что же касается до школьныхъ успѣховъ маленькаго главнокомандующаго, то они нисколько не выходили изъ ряду обыкновенныхъ. Къ этому времени его жизни, къ семилѣтнему возрасту его, относится начало музыкальныхъ его занятій. Первымъ учителемъ его былъ бакалавръ Кунтемъ, посредственный музыкантъ и лютый педантъ древне-франкскаго покроя. Кромѣ первыхъ приемовъ фортепіанной игры, бакалавръ ничего не могъ передать ученику своему; но тѣмъ не менѣ звуки старенькихъ клавикордъ нашли дорогу къ звукамъ души маленькаго Роберта и съ такою силой на нихъ подѣйствовали, что тѣ неотступно стали проситься наружу, хотя и съ трудомъ укладываясь въ крошечныхъ танцевальныхъ формахъ. Не успѣлъ однако ребенокъ осилить первыхъ школьныхъ трудностей механизма, какъ уже импровизаціи стали его любимымъ занятіемъ.

Въ приложеніи къ одному изъ номеровъ нѣмецкой музыкальной газеты (1), сообщаютъ весьма замѣчательную черту музыкальной природы Шумана. Будучи еще ребенкомъ, онъ уже показывалъ необыкновенную способность рисовать звуками особенно выдающіяся черты характеровъ. Онъ заставлялъ, на примѣръ, смѣяться до слезъ своихъ товарищей, рисуя имъ собственные ихъ портреты разными музыкальными фразами (2).

Въ то же время проявилась въ мальчикѣ страсть къ чтенію. И также какъ фортепіанные звуки вызвали родные имъ звуки изъ души Роберта, такъ и мысли и поэтическія картины нѣмецкихъ поэтовъ расшевелили въ свою очередь воображеніе и пылкій умъ восьмилѣтняго мальчика. За музыкальными импровизаціями послѣдовали литературныя въ формѣ комедій, съ неизбѣжными въ ребяческомъ возрастѣ типами грозныхъ и могучихъ разбойниковъ.

Въ редакціи комедій участвовалъ и отецъ ребенка, сильно радовавшійся наклонностямъ сына къ литературѣ. Написанныя комедіи разыгрывались товарищами Роберта на нарочно-устроенной для того сценѣ и даже съ небольшою платой за входъ.

Но вскорѣ занятія литературою были оставлены Робертомъ,

(1) *Allgem. Musik-Zeitung*. № 52.

(2) Ср. S. 171 и 184 *über Musik und Musiker* von Schumann. I Band.

а музыкальнѣя выдвинулись впередъ. Это случилось вслѣдствіе побѣды его съ отцомъ въ Карлсбадѣ, гдѣ онъ услышалъ въ первый разъ игру настоящаго музыканта, извѣстнаго Мошелеса.

Вернувшись домой, Шуманъ принялся съ удвоеннымъ рвеніемъ за музыкальную работу. Передъ глазами его носился идеалъ виртуоза, въ ухахъ раздавались плѣнительные звуки игры, только-что имъ слышанной. Времени этого Шуманъ никогда не могъ забыть. Тридцать лѣтъ спустя (20 ноября 1851), пишетъ онъ Мошелесу: «Посвященіемъ мнѣ сонаты, доставили вы мнѣ радость и честь; оно поощрило мои стремленія, въ которыхъ вы уже съ давнихъ поръ принимали такое дружеское участіе. Могъ ли я мечтать о томъ, что удостоюсь чести принять посвященіе отъ такого знаменитаго мастера, какъ вы, когда тридцать лѣтъ тому назадъ, еще вовсе вамъ неизвѣстный, я спряталъ и какъ святыню хранилъ долгое время концертную афишу, до которой дотронулась рука ваша въ памятный мнѣ вечеръ въ Карлсбадѣ! Примите же мою глубокую признательность (1).»

Окончивъ свои занятія въ частной школѣ, Шуманъ перешелъ въ гимназію, но несмотря на расширившійся кругъ умственной дѣятельности его, онъ остался вѣренъ и музыкѣ и литературѣ, хотя впрочемъ любовь къ первой замѣтно стала преобладать въ немъ послѣ побѣдки въ Карлсбадѣ.

Дѣтскія игры были оставлены, веселая компанія шумливыхъ товарищей потеряла своего фельдмаршала, прилежно занятаго теперь знакомствомъ съ Моцартомъ, Гайдномъ и Веберомъ.

Не сомнѣваясь болѣе въ призваніи сына къ музыкальному поприщу, Августъ Шуманъ, несмотря на свои довольно тѣсныя финансовыя обстоятельства, выписалъ ему изъ Вѣны дорогой штрейхеровскій инструментъ и богатую коллекцію лучшихъ фортепіаннхъ произведеній. Роясь въ этой сокровищницѣ, Робертъ отыскалъ въ ней присланную, вѣроятно по ошибкѣ, увертюру Риччини для большаго оркестра. Это подало ему мысль исполнить ее. Между новыми товарищами своими отыскалъ онъ двѣ скрипки, двѣ флейты, кларнетъ и двѣ валторны, а недостающій басъ попробовалъ замѣнить фортепіанами.

Ставъ во главѣ маленькаго оркестра, какъ прежде во главѣ дѣтскаго войска, Шуманъ принялся съ жаромъ за исполненіе

(1) S. 14. B. von W.

разныхъ партитуръ, въ числѣ которыхъ появились и его собственныя. Скоро, при помощи Августа Шумана, собранія молодыхъ музыкантовъ приняли правильный характеръ домашнихъ концертовъ, кончавшихся обыкновенно импровизаціей Роберта на фортепіано.

Баккалавръ между тѣмъ давно ужь отказался продолжать свои занятія съ ученикомъ, успѣвшимъ далеко опередить своего учителя. «Онъ можетъ теперь одинъ трудиться,» благо-разумно замѣтилъ баккалавръ.

Но не такъ думалъ отецъ Роберта. Зорко слѣдя за проявленіями творческой способности въ сынѣ—Роберту уже исполнилось пятнадцать лѣтъ,—онъ начиналъ бояться за будущность его. Онъ зналъ, что чѣмъ сильнѣе талантъ, тѣмъ болѣе нуждается онъ въ возможно-раннемъ, правильномъ и строгомъ музыкальномъ образованіи, что иначе ему, лишенному существеннаго питанія и предоставленному своимъ собственнымъ силамъ, грозитъ неминуемая опасность либо погибнуть, задохнуться, либо, что едва ли еще не хуже, предстоить неправильно и уродливо развиться, однимъ словомъ предстоить жалкое и грустное будущее. Проникнутый этими мыслями, онъ затаилъ въ себѣ тайное желаніе вести сына по пройденному имъ самимъ литературному пути и рѣшился дать ему систематическое музыкальное образованіе.

Намѣренію этому страшно воспротивилась мать талантливаго юноши. Не видя въ карьерѣ артиста ничего лестнаго для ея самолюбія и вмѣстѣ съ тѣмъ страшась за ненадежную будущность любимца своего Роберта, она предлагала ему карьеру адвоката, такъ-называемую *альбнуну* карьеру, наивно утверждая при этомъ, что талантъ самъ по себѣ, а дѣло дѣломъ.

Уставъ доказывать своей женѣ всю несостоятельность и узкость ея воззрѣній, Августъ Шуманъ рѣшился наконецъ устроить сына, вопреки желаніямъ матери, и написалъ къ жившему въ то время въ Вѣнѣ Карлу-Маріи Веберу, прося его принять Роберта въ число своихъ учениковъ. Веберъ согласился, но, по неизвѣстнымъ біографу Шумана обстоятельствамъ, планъ этотъ не состоялся, и Робертъ продолжалъ ходить въ гимназію, не оставляя впрочемъ своихъ любимыхъ занятій музыкою. Къ этому времени относится первое большое произведеніе самоучки-музыканта—150-й псаломъ, положенный имъ на музыку для хора и оркестра.

Переходъ Роберта въ юношескій возрастъ ознаменовался

внезапною переменою во всемъ его существѣ. Живой, шаловливый ребенокъ уступилъ мѣсто задумчивому, молчаливому юношѣ. Онъ какъ бы ушелъ въ самого себя, замкнулся отъ людей, предоставивъ имъ думать о немъ что угодно. Принимая въ себя и перерабатывая въ тайникѣ души своей всѣ впечатлѣнія, получаемыя имъ извнѣ, онъ на видъ казался разсѣяннымъ, равнодушнымъ и холоднымъ ко всему его окружающему, не исключая и самыхъ близкихъ ему лицъ. «Онъ никогда не былъ откровененъ, никогда не высказывался,» пишетъ о немъ другъ его дѣтства, Эмиль Флехцигъ (1).

Задумчивость шестнадцатилѣтняго юноши усилилась вслѣдствіе двухъ обстоятельствъ, сильно на него подѣйствовавшихъ. Обстоятельства эти: потеря друга-отца и, въ то же время, первая любовь...

Накопившіяся въ немъ слезы печали и любви вылились наконецъ въ звуки. Съ жаромъ принялся онъ писать пѣсни на слова Байрона, Шульца и свои собственные, а тутъ подошло еще, словно для поддержанія въ немъ экстагическаго его состоянія, первое знакомство съ сочиненіями Жанъ-Поля Рихтера. 1827 годъ оставилъ глубокіе слѣды по себѣ въ нѣжной музыкальной душѣ юноши!

Но время шло, и надо было наконецъ рѣшиться на избраніе себѣ карьеры. Гимназическій курсъ подвигался къ концу, Юганна Шуманъ не переставала, вмѣстѣ съ опекуномъ семейства Шумана, негоціантомъ Руделемъ, убѣждать сына поступить въ университетъ. Робертъ не могъ болѣе противиться мольбамъ матери. Окончательный гимназическій экзаменъ былъ выдержанъ блистательно, но на публичномъ актѣ Шуманъ, декламируя имъ самимъ сочиненное стихотвореніе *Смерть Тасса*, вдругъ сбился и сталъ втупикъ. Обстоятельство это легко объясняется врожденною его застенчивостію, но самый выборъ темы стихотворенія невольно поражаетъ своимъ пророческимъ смысломъ. Предчувствовалъ ли юноша, что его ожидаетъ участь италіянскаго поэта? Какъ знать!.. Получивъ дипломъ, Шуманъ покидаетъ Цвикау и отправляется въ Лейпцигъ. Въ слѣдующемъ письмѣ взглянемъ на *юриста* Шумана, посѣщающаго аудиторію Лейпцигскаго университета.

(1) S. 24. B. von W.

II.

Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, въ концѣ марта 1828 г., Шуманъ записался немедленно въ число студентовъ юридическаго факультета. Лекціи должны были начаться не ранѣе іюня, а потому онъ сдѣлалъ себѣ планъ небольшого путешествія. Планъ былъ задуманъ имъ вдвоемъ съ Гисбертомъ Розеномъ, съ которымъ онъ почти съ перваго же свиданія чрезвычайно подружился. Внезапная дружба эта основалась на общемъ обоимъ молодымъ людямъ чувствѣ восторженной любви къ Жанъ-Полю, имѣвшему такое рѣшительное вліяніе на всю послѣдующую поэтическую дѣятельность музыканта и литератора Шумана.

Погостивъ нѣсколько времени въ Цвикау, новые друзья отправились въ Байрейтъ, поклониться гробу Жанъ-Поля. Осмотрѣвъ съ благоговѣніемъ тѣ дома, гдѣ родился и жилъ поэтъ, эрмитажъ его, они направились чрезъ Нюрнбергъ въ Аугсбургъ, а оттуда въ Мюнхенъ. Въ Мюнхенѣ Шуманъ былъ съ рекомендательнымъ письмомъ у Гейне, совершенно обворожившаго его своимъ блистательнымъ разговоромъ и неистощимымъ остроуміемъ, ничего и никогда не щадившимъ. На возвратномъ пути, въ Аугсбургѣ, друзья грустно расстались. Розенъ спѣшилъ въ Гейдельбергъ къ началу лекцій, а Шуманъ поѣхалъ, не спѣша и понуривъ голову, въ Лейпцигъ, откуда онъ скоро адресуетъ мечтательное письмо къ своему «дорогому Розену».

«Ахъ, еслибы мнѣ можно было быть съ тобой въ Гейдельбергѣ! пишетъ онъ. Лейпцигъ проклятое гнѣздо. Не весела въ немъ жизнь. Деньги дѣлаютъ вообще быстрые успѣхи, болѣе быстрые чѣмъ студенты въ университетскихъ аудиторияхъ. Остроумное замѣчаніе, выхваченное прямо изъ жизни, и изъ моей въ особенности. Сижу безъ денегъ, и дѣлаю грустные сравненія моего настоящаго съ милымъ недавнимъ прошедшимъ.

«Задумчиво стою я передъ твоимъ портретомъ, и передъ

насмѣшливою судьбой, которая, столкнувъ двухъ людей, идущихъ по разнымъ дорогамъ, дружить ихъ, и потомъ снова разводитъ.

«Вотъ ты теперь сидишь, быть-можетъ, на развалинахъ Гейдельбергскаго замка, и весело улыбаешься, поглядывая на цвѣтущую юнскую природу, а я-то совсѣмъ наоборотъ... Терзаюсь на обломкахъ разрушенныхъ воздушныхъ замковъ моихъ, и горько плачу, всматриваясь въ мрачное небо моего настоящаго и будущаго. Создатель! письмо мое грозитъ сдѣлаться серьезнымъ, чѣмъ оно никогда не должно быть, потому что меланхолическія личности, подобныя твоей, нужно приводить въ веселое расположеніе духа, а грусть оставлять при себѣ.

«Ты ошибаешься, думая, что я веду безпорядочную жизнь. Помилуй, я и не пробовалъ ея даже. Напротивъ, я порядочнѣе чѣмъ когда-нибудь. Студенческая жизнь кажется мнѣ слишкомъ гадкою и противною, чтобъ я рѣшился окунуться въ нее. Потолковалъ бы я, пожалуй, съ тобою, о насущныхъ идеяхъ студентовъ-буршей, мечтающихъ о народности, единствѣ Германіи и проч., но право они не стоить платы за письмо, которое и безъ того обойдется тебѣ въ восемь грошей и шесть фенинговъ.

«Милый мой, какъ поживаешь ты? Сегодня погода прелесть, и я очень веселъ, ей-ей веселъ, потому что карманъ мой пустъ, а вѣдь уже давно вошло въ моду быть веселымъ, когда въ шкатулкѣ дефпцитъ.

«Какъ же ты поживаешь, спрашиваю я тебя еще разъ, милый мой Розентъ?

«Ужасно, быть принужденнымъ заплатить восемь грошей для того, чтобъ узнать это. Но что дѣлать, весь свѣтъ, все мы щелкаемъ другъ друга по ослинымъ ушамъ нашимъ. По крайней мѣрѣ этимъ сохраняется равновѣсіе, потому что все остается въ накладѣ.

«А все-таки наслажденіе получить отъ друга письмо! Только пиши, платить я радъ. Давно ли были мы съ тобой вмѣстѣ въ Аугсбургѣ, въ Геръ? Ахъ, каждая счастливая минута убиваетъ самое-себя!

«На возвратномъ пути въ Лейпцигъ, познакомился я съ вдовою Жанъ-Поля. Она подарила мнѣ его портретъ. Еслибы весь свѣтъ читалъ сочиненія его, то свѣтъ конечно сталъ бы лучше, но вмѣстѣ съ тѣмъ и несчастнѣе.

«Чтеніе ихъ доводило меня часто до состоянія близкаго къ сумасшествію (1), но радуга мира тихо вбираетъ въ себя слезы, и сердце наше становится благороднѣе и чище.

«Прощай, будь счастливъ! Пусть всѣ гении-хранители людей будутъ съ тобою, а *гений радостныхъ слезъ* никогда тебя да не оставляетъ. Не забывай чудныхъ часовъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ, и оставайся всегда тѣмъ, что ты теперь, — *целовкомъ*.»

Изъ письма этого видно, что Шуманъ не доволенъ ни духомъ студенческаго общества, въ которое попалъ, ни своими занятіями. Что же касается до его денежнаго стѣсненнаго положенія, то виною этого была его совершенная непрактичность, неопытность въ житейскихъ дѣлахъ, оставшаяся при немъ въ продолженіи всей его жизни. Опекунъ его, по словамъ его біографа, высылалъ ему ежемѣсячно весьма достаточное содержаніе, а мать сверхъ того прибавляла и отъ себя небольшія суммы на расходы своего любимца, и на музыкальныя занятія его съ Фридрихомъ Викомъ, отцомъ въ то время еще девятилѣтней, но уже замѣчательной виртуозки Клары Викъ.

Впрочемъ, занятія эти ограничивались только игрою на фортепiano. Что же касается до теоріи музыки, то Шуманъ какъ-то систематически противился ближайшему знакомству съ основными законами искусства. Онъ не въ состояніи былъ разстаться съ убѣжденіемъ, что узнать аккорды и ихъ сочетанія силою слуха и навыка совершенно достаточно для того, кто обладаетъ творческою способностію. И долго былъ онъ вѣренъ этому рѣшительно ложному убѣжденію, пока не почувствовалъ (но какъ поадно!), что полное невѣдѣніе теоріи мѣшаетъ ему подвигаться впередъ.

Причина этой странности легко объяснима. Впечатлительный человекъ, предоставленный собственнымъ силамъ въ нѣжной порѣ юности, создаетъ себѣ идеальный міръ и живетъ въ немъ идеальною жизнію слѣдующаго до тѣхъ поръ, пока опытъ или неожиданный толчокъ не сбросятъ густой повязки съ его глазъ; тогда онъ словно пробуждается

---

(1) То же самое чувствовалъ отецъ его, углубляясь въ творенія Мильтона и Йонга. В. von W.—S. 34.

отъ долгаго сна, и принимается чаще всего страдать тоскою по насильно покинутой имъ мечтательной родинѣ своей... Онъ вѣдь уже такъ привыкъ жить *по своему*.

Дома Вика и доктора Каруса, въ которыхъ Шуманъ былъ принятъ какъ родной, ознакомили его со всѣмъ музыкальнымъ кругомъ Лейпцига. Тутъ услышалъ онъ въ первый разъ сочиненія Шуберта. Они произвели на него такое же сильное впечатлѣніе, какъ и поэзія Жанъ-Поля. Подъ вліяніемъ этого новаго знакомства, написалъ онъ нѣсколько пѣсень (Lieder), и квартетъ для фортепіано и трехструнныхъ инструментовъ.

Кромѣ музыки, занялся онъ съ увлеченіемъ философіей и психологіей, прилежно посѣщая лекціи философа Круга и изучая Фихте, Канта и Шеллинга.

Увы! для юриспруденціи оставалось мало времени юристу Шуману, такъ мало, что онъ еще не собрался и приступить-то къ ней. «Дойдя до двери университетской (юридической) аудиторіи, я постоялъ съ минуту передъ нею, и потомъ тихо, тихо обратился вспять,» разказывалъ онъ, смѣясь, въ послѣдствіи (1).

Но мысль о свиданіи съ Розеномъ упорно въ немъ гнѣздилась. Получивъ согласіе матери переселиться на одинъ годъ изъ Лейпцига въ Гейдельбергъ, какъ бы для слушанія лекцій въ тамошнемъ университетѣ, онъ предположилъ отправиться туда сейчасъ же послѣ Святой недѣли. Вотъ что писалъ онъ своему другу въ концѣ 1828 года.

«Въ Гейдельбергъ попаду я не ранѣе, какъ на Святой 1829 года. Еслибы ты былъ еще тамъ, мой милый Розенъ! Погуляли бы мы съ тобой въ этомъ цвѣтущемъ раю. Здѣсь я еще ни разу не былъ въ юридической аудиторіи, за то игралъ много на фортепіано, сочинялъ *жанполиады* и писалъ письма. Въ свѣтъ выѣзжаю мало и вообще, самъ не знаю почему, прячусь отъ людей. Меня подчасъ сокрушаетъ ничтожность, мелочность нашего эгоистическаго міра. Но что такое былъ бы міръ безъ людей? Безконечное кладбище, мертвенный сонъ безъ сновъ, природа безъ весны и цвѣтовъ, раекъ (Guckkasten) безъ куколъ.

(1) B. von W. S. 45.

«А нашъ-то міръ съ людьми—что онъ такое? Громадное кладбище погибшихъ мечтаній, садъ, полный кипарисовъ и плакучихъ ивъ, раекъ съ рыдающими куклами... О Боже, что же онъ такое иначе?»

«Прощай! Пусть въ жизни твоей будетъ не болѣе облаковъ, какъ сколько нужно для чуднаго вечерняго неба, а дождя на столько, чтобы наполнить собою *лунную* радугу въ тѣ тихіе заветные вечера, когда ты, усѣвшись на развалинахъ замка, примешься съ упоеніемъ глядѣть то на небо, то на цвѣтущую долину, раскинувшуюся у ногъ твоихъ.

«Прощай, оставайся тѣмъ, что ты теперь, и чѣмъ былъ прежде: человѣкомъ, человѣкомъ.»

Пришло наконецъ время давно желаннаго его отъѣзда изъ Лейпцига. 11-го мая онъ прощается съ нимъ, но далеко не такъ равнодушно, какъ бы можно было предположить по двумъ предыдущимъ его письмамъ. Дѣло въ томъ, что сердце его, искавшее любви, почувствовало внезапную страсть къ «чудной, свѣтлой и кроткой женской душѣ,» какъ онъ самъ пишетъ къ своему другу, въ концѣ апрѣля 1829 года. «Большой борьбы съ самимъ собою стоила мнѣ эта любовь, продолжаетъ онъ, но теперь уже все прошло. Я подавилъ свои слезы, и стою снова сильный и крѣпко надѣющійся на будущую жизнь мою въ Гейдельбергѣ.»

И дѣйствительно, въ концѣ мая онъ уже встрѣчаетъ весну на развалинахъ Гейдельбергскаго замка, рука его сжимаетъ дружескую руку «дорогаго ему» Розена, а глаза съ наслаженіемъ гуляютъ по живописной окрестности, раскинувшейся передъ нимъ во всей своей обновленной красѣ.

Мечты его осуществились. Жизнь его въ Гейдельбергѣ стройно, гармонически сложилась. Поэзія, философія, интимные дружескіе разговоры и родная душѣ его музыка заняли всѣ часы его дня. Нужно ли прибавлять, что юриспруденція опять осталась за штатомъ? Правда, онъ являлся иногда послушать чтенія о Пандектахъ юриста Тибб, но это происходило болѣе отъ любопытства и еще болѣе вслѣдствіе симпатіи его къ самой личности профессора, одного изъ замѣчательнѣйшихъ музыкальных эстетиковъ, когда-либо бывшихъ.

Вотъ что разказываетъ біографъ его, по поводу лекцій Тибб.

Вернувшись разъ изъ аудиторіи послѣ чтенія Тибб о «со-

вершеннолѣтій», Шуманъ принялся хвалить профессора за ясность и увлекательность изложенія юридическихъ его воззрѣній. «Тябѣ прекрасно также дѣлаетъ, продолжалъ онъ, что старается придать живой интересъ своимъ чтеніямъ, да вѣдь оно наконецъ и необходимо, потому что наука эта одна изъ самыхъ сухихъ и непереваримыхъ, какія только существуютъ. Я не могу любить ее, и никогда не полюблю, потому что рѣшительно ее не понимаю. А наоборотъ, многіе не понимаютъ языка музыки. Но вы, прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ друзьямъ, кое-что въ немъ смыслите, слушайте же.»

Затѣмъ онъ сѣлъ къ инструменту и заигралъ извѣстное Веберовское *Приглашеніе къ танцамъ*. «Вотъ, пояснялъ онъ, играя, слышите что онъ говоритъ, и что она ему отвѣчаетъ? А вотъ теперь они оба вмѣстѣ говорятъ, и ясно понимается мною каждое слово ихъ. Ну, не лучше ли, во сто-кратъ лучше этотъ божественный языкъ всѣхъ вашихъ тонкостей и хитросплетеній юридическихъ?»

Однимъ словомъ, Шуманъ не скрывалъ болѣе ни своего отвращенія отъ юриспруденціи, ни своей, съ каждымъ годомъ, все сильнѣе и сильнѣе разгоравшейся страсти къ музыкѣ, и несмотря на это, *долженъ* былъ сдѣлаться юристомъ, *долженъ* былъ постараться ослабить въ себѣ страсть къ тому, что составляло всю жизнь его,—къ музыкѣ. А вѣдь ему уже исполнилось девятнадцать лѣтъ, онъ уже два года именовался студентомъ юридическаго факультета, и до сихъ поръ не только не сдѣлалъ ни шагу по дорогѣ къ избранной имъ цѣли занятій, но даже и съ азбукой-то юридическою не собрался еще познакомиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и музыкальныя его занятія были болѣе чѣмъ неудовлетворительны. Какъ птичка слушалъ онъ музыку природы, и какъ птичка распѣвалъ онъ пѣсенки, подымавшіяся со дна его души.

Неужели же, однако, онъ вовсе не думалъ объ обязанностяхъ человѣка, не сознавалъ, что на немъ лежитъ долгъ быть чѣмъ-нибудь на свѣтѣ и что уже давно пришла пора рѣшиться, куда направить дѣятельность своего духа, избрать себѣ, однимъ словомъ, специальность?

Нѣтъ, не могъ онъ этого не сознать, онъ уже былъ вполнѣ развитъ и эстетически образованъ, слѣдовательно, сознавалъ обязанности и долгъ человѣка.

«Онъ боялся огорчить свою мать, избравъ себѣ карьеру музыканта,» говорить его биографъ.

Но какою же образомъ согласить эту боязнь съ непрестительнымъ, безстыднымъ, почти двухлѣтнимъ обманываніемъ ея? Увѣрять ее и опекуна своего, что юридическія занятія идутъ хорошо, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, къ нимъ и приступу еще не было сдѣлано, не значило ли лгать, и лгать систематически, безъ стыда и совѣсти?

Дѣло въ томъ, что онъ обманывалъ свою мать, потому что ей самой этого хотѣлось.

Она была въ отношеніи къ нему какъ тотъ помѣщикъ, требующій отъ своего управляющаго, чтобъ онъ скрылъ отъ него хоть на время жалкое положеніе его дѣлъ, про котораго разсказываетъ Гоголь. «Дай мнѣ забыться!» говоритъ помѣщикъ своему управляющему, чувствуя въ то же время, что дѣла сами собою никакъ не поправятся, что съ каждымъ днемъ бездѣйствія будутъ они все болѣе и болѣе запутываться. «Утѣшь меня, скажи мнѣ, что занятія твои идутъ успѣшно,» писала своему любимцу Роберту Іоганна Шуманъ, успѣвшая однако уже давно убѣдиться, что сынъ ея весь полонъ иныхъ стремленій, не имѣющихъ ничего общаго съ заказанными, продиктованными ему родительскою ея волей, стремленіями. «Авосы!» думала нѣжная мать, надѣясь на время.

«Авосы!» думалъ покорный сынъ, надѣясь съ своей стороны тоже на время.

И обманывали другъ друга мать и сынъ, смутно разчитывая на что-то, а время между тѣмъ равнодушно подстѣкало и уносило въ вихрь своемъ и молодыя, свѣжія силы Роберта, и увѣренность Іоганны въ то, что она умретъ спокойно, съ твердымъ убѣжденіемъ, что будущность любимаго ея сына вполне обезпечена на томъ *аллономъ* поприщѣ, которое избрала для него ея материнская, заботливая предусмотрительность.

И вотъ какимъ образомъ упорство, мелкіе предрассудки и ложное пониманіе своихъ правъ и обязанностей съ одной стороны, и недостаточность энергіи и силы противодействовать этимъ упорнымъ предрассудкамъ съ другой, ставятъ подчасъ легкомысленно на карту всю будущность человѣка, жертвуя всѣмъ счастіемъ ея во имя ложныхъ убѣжденій и Богъ вѣсть какихъ началъ...

Напрасно уговаривали Шумана и друзья его и Тибо, полюбившій талантливаго молодого человѣка, рѣшиться наконецъ на что-нибудь. Онъ все ждалъ, все на что-то надѣялся...

А между тѣмъ подоспѣли лѣтнія каминкуды, и неудавшійся

юристъ сталъ сильно подумывать съ другомъ своимъ Розеномъ о давно-предположенномъ обоими ими путешествіи въ Италію. Къ путешествію этому приготовлялся Шуманъ еще съ начала зимы 1829 года и успѣлъ въ это короткое время не только ознакомиться съ италіянскимъ языкомъ, но и перевести цѣлую часть сонетовъ Петрарки на нѣмецкій языкъ и перевести, по словамъ Розена, мастерскими стихами, даже съ сохраненіемъ размѣровъ подлинника.

Сколькохъ однако трудовъ стоило Шуману уговорить своего опекуна выдать ему необходимыя деньги на путевыя издержки! Тотъ долго сопротивлялся, убѣждая предприимчиваго студента, что кандидату въ юристы нѣтъ никакой необходимости оставлять свои серьезныя занятія для прогулки по долинамъ Ломбардіи.

«Будьте такъ добры, почтенный г. Рудель, пришлите мнѣ денегъ!» писалъ ему Шуманъ въ отвѣтъ на всѣ его разсужденія и увѣщанія. И снова принимался опекунъ усовѣщивать «несговорчиваго и вѣтренаго» Роберта не покидать Гейдельберга, и опять получалъ въ отвѣтъ: «будьте такъ добры, почтенный г. Рудель, пришлите мнѣ денегъ!» Выведенный наконецъ изъ терпѣнія, опекунъ выслалъ ему деньги, и счастливый Робертъ помчался въ Венецію, но одинъ, а не съ Розеномъ, оставшимся, вслѣдствіе неожиданныхъ препятствій, въ Германіи.

Изъ Брешии отправляетъ онъ восторженное посланіе любимой невѣсткѣ своей, Терезѣ (женѣ старшаго своего брата). «Италія дѣйствуетъ обаятельно на меня; я счастливъ, совершенно счастливъ!» пишетъ онъ ей. Изъ Венеціи жалуется онъ Розену на плачевное состояніе своего кармана. «Миланъ очарователенъ, я въ него влюбился, но зачѣмъ тебя нѣтъ со мною, это ужасно; мнѣ бы не должно было уѣзжать безъ тебя, милый мой Розенъ,» говоритъ онъ ему между прочимъ. «Одному мнѣ здѣсь бѣда, я уже и часы свои продалъ, и теперь приходится писать къ Курреру въ Аугсбургъ и просить у него денегъ въ займы.»

4-го октября онъ снова въ Миланѣ, на возвратномъ пути изъ Венеціи въ Германію.

«Я не могъ не вернуться сюда, пишетъ онъ Розену, проклятыя кипарисныя рощи Милана не выходили у меня изъ головы. Къ тому же въ Венеціи я сдѣлался боленъ, докторъ взялъ съ меня наполеондоръ, а какой-то плутъ-купецъ надулъ

меня на цѣлыхъ два, ну вотъ я подумалъ, подумалъ, да и вернулся въ милый мой Миланъ. Въ концѣ октября я съ тобой.»

Вернувшись изъ-за границы, Шуманъ страстно принялся за музыку, въ сообществѣ друзей своихъ. «Импровизаціи Шумана производили на меня въ то время необыкновенное впечатлѣніе», писалъ въ послѣдствіи одинъ изъ нихъ, Тѣпкенъ. «Отдавшись своему вдохновенію, онъ забывался за инструментомъ съ ранняго вечера до поздней ночи. И тогда нужно было послушать его! Все его поэтическое существо высказывалось въ обаятельныхъ звукахъ игры его, то мужественно-энергической, то нѣжной, прозрачной и задумчиво-мечтательной...»

Талантъ Шумана дѣлался между тѣмъ все болѣе и болѣе извѣстнымъ не только въ Гейдельбергѣ, но и въ Мангеймѣ и въ другихъ сосѣдственныхъ городахъ. Оригинальная, хотя и не совсѣмъ правильная игра его приводила всѣхъ въ восторгъ.

Приглашенія сыпались на него отовсюду, и лучшіе дома гейдельбергскаго общества считали за честь принимать его у себя. Но странно, чѣмъ болѣе видѣлъ онъ привѣтовъ, тѣмъ болѣе становился онъ къ нимъ упорно-равнодушенъ. Застѣнчивый отъ природы, онъ бѣгалъ людей, хотя и любилъ проводить время въ кругу образованныхъ женщинъ. Женщинамъ вообще онъ нравился, несмотря на свою молчаливость и необщительность. Ихъ влекла къ нему та особенная поэтичность всего его существа, которая какъ-то инстинктивно, почти сразу, отгадывается женскою нѣжно-организованою душой.

Что же касается до общества студентовъ, то онъ постоянно удалялся отъ него. Ему было въ немъ невыносимо скучно. Только необходимость заставляла его иногда появляться на общихъ, «дикихъ», какъ онъ выражался, пирушкахъ своихъ товарищей.

Впрочемъ, главною причиною отшельнической его жизни въ послѣдніе мѣсяцы 1829—1830 г. было тяжкое раздумье вслѣдствіе того критическаго положенія, въ которое его ставила необходимость воротиться послѣ Святой недѣли 1830 г. въ Лейпцигскій университетъ, какъ это положено было матерью и опекуномъ его, при его отправленіи въ Гейдельбергъ.

Обманъ его долженъ былъ наконецъ изобличиться. Музыка обратилась ему въ насущную потребность, и притягивала къ себѣ его, студента юридическихъ наукъ, на столько же, на сколько юриспруденція отталкивала. Что было ему дѣлать? На что рѣшиться? Сбросить съ себя маску и объявить матери,

что онъ... два года обманывалъ ее? или задушить въ себѣ сильный, внутренній голосъ, неотступно говорившій ему въ пользу дорогаго ему искусства, и приняться въ самомъ дѣлѣ за Юстиніана?..

Шуманъ рѣшился на палліативное средство, охотно выбираемое слабохарактерными людьми. Онъ придумалъ просить опекуна своего: разрѣшить ему остаться еще на полгода въ Гейдельбергѣ. А потомъ?.. Потомъ будь что будетъ, а что-нибудь да будетъ, рѣшилъ практикъ-музыкантъ. Опекунъ согласился, хоть и не вдругъ; и онъ, довольный отсрочкой, принялся за... музыку, принялся за самую теорію музыки. Убѣжденный доводами Тибо, онъ приобрѣлъ руководство, но также скоро отложилъ его въ сторону, увидавъ на дѣлѣ, что войти въ лабиринтъ науки одному, безъ руководителя, значитъ заблудиться въ немъ. А гдѣ было взять ему такого руководителя, и чѣмъ платить ему? Снова, и сильнѣе прежняго, задумался двадцатилѣтній самоучка-музыкантъ, и не приди одно неожиданное обстоятельство ему на помощь, Богъ знаетъ, какъ распутался бы крѣпкій узелъ, въ который затянулись всѣ нити его существованія.

Обстоятельство это явилось въ образѣ Паганини. Узнавъ о прибытіи его во Франкфуртъ, Шуманъ мгновенно собрался и поспешил взглянуть на эту необыкновенную личность, окруженную ореоломъ всемірной извѣстности. Впечатлѣніе, которое сдѣлала на Шумана игра Паганини, было мечомъ, разсѣкшимъ вѣкогда пресловутый узелъ; оно было *deus ex machina* въ жизни его, такъ мудрено сложившейся.

Вернувшись въ Гейдельбергъ, Шуманъ уже не колеблется, энергически срываетъ съ себя маску, и пишетъ къ матери удивительное письмо, полное оригинальной прелести мысли и чувства. Вотъ оно:

Гейдельбергъ, 30 іюня, 1830.

5 часовъ утра.

«Здравствуй, матушка!

«Какъ описать мнѣ тебѣ настоящую минуту моего блаженства?.. На столѣ моемъ кофейная машина, пылающій спиртъ трещитъ и брызжетъ въ ней огненными струйками, а золотистое небо до того чисто и радостно, что кажется... расцвѣло-валъ бы его вотъ сейчасъ. Удивительная утренняя прохлада наполняетъ всего меня свѣжестью и здоровьемъ... А тутъ еще

лежить передо мною письмо твое, чудное письмо, какъ бы сотканное изъ чувства, ума и сердечной доброты!..

«И сигара-то превкусная попалась... Однимъ словомъ—жизнь бываетъ повременамъ очаровательна, такъ же какъ и человекъ, лишь бы онъ только всегда просыпался поранѣе...

«Да и вообще, въ здѣшней жизни моей, много еще солнечнаго свѣта, мною голубаю неба, хотя чичероне мой, Розенъ, уже оставилъ меня (онъ кончилъ свои занятія въ Гейдельбергѣ), а два другіе искренніе мои пріятеля уѣхали въ Италію. Я одинъ теперь. Юношѣ еще можно обойтись безъ милой, но безъ друга—нельзя. Мнѣ становится подчасъ очень, очень тяжело; а особенно когда я оглянусь на себя, на пройденную мною жизнь, тогда ужъ меня просто жаромъ обдастъ. Чтѣ такое была наконецъ она, вся прошлая жизнь моя? Двадцатилѣтняя борьба поэзіи съ прозой, бесплодная борьба музыки съ юриспруденціей. Еще въ Лейпцигѣ жилъ я какъ-то спустя рукава, здѣсь я болѣе работалъ, но какъ тамъ, такъ и здѣсь продолжалъ я искренно любить дорогое мнѣ искусство.

«Теперь остановился я на перекресткѣ, и спрашиваю себя: куда идти?

«Если слушаться голоса моего генія, то онъ направляетъ меня по единственно-возможной для меня дорогѣ, къ искусству.

«А съ другой стороны,—пѣжалуста не сердись на меня, я тебѣ говорю это съ любовію и почти шепотомъ,—съ другой стороны, мнѣ всегда казалось, что ты, увлекаясь материнскою твоею заботливостію обо мнѣ, заграждала мнѣ путь къ тому, чтѣ ты называла «ненадежною будущностію и невѣрнымъ хлѣбомъ». Но какъ же тутъ быть? Для человека нѣтъ мысли мучительнѣе той, что онъ самъ себя приготовилъ несчастною, грустною и бесплодною будущностію.

«Трудно, конечно, рѣшиться избрать новую карьеру, не соотвѣтствующую полученному воспитанію, задуманному по инымъ планамъ, для иныхъ цѣлей, для этого нужно много терпѣнія, вѣры въ свои силы и въ возможность быстрыхъ успѣховъ... Но вѣдь я еще молодъ. Занявшись прилежно съ хорошимъ учителемъ, я буду въ состояніи, лѣтъ черезъ шесть, поспорить съ любымъ піанистомъ, а къ тому же, мнѣ кажется, я и не совсѣмъ лишень творческой способности. Вопросъ теперь въ томъ, на чтѣ рѣшиться? А рѣшиться надобно на что-нибудь одно, потому что человекъ можетъ до-

стигнуть «великой и настоящей цѣли своей жизни» только тогда, когда онъ вполне предается исключительно чему-нибудь одному.

«Въ настоящей борьбѣ моей съ самимъ собою, я попеременно переволю отъ почти-безумной увѣренности въ свои силы къ самому малодушному страху, при мысли о длинномъ пути, о тяжкихъ трудахъ, ожидающихъ меня впереди, и о неменѣе длинномъ пути, оставленномъ уже мною позади себя, о «двадцати годахъ, вычеркнутыхъ изъ жизни моей».

Что касается до Тибо, то онъ уже давно уговаривалъ меня заняться искусствомъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты написала сама къ нему, онъ далъ бы тебѣ благой совѣтъ, да на бѣду, его теперь нѣтъ здѣсь, онъ уѣхалъ въ Римъ и Богъ вѣсть когда назадъ вернется.

«Если тебѣ угодно, чтобы я продолжалъ заниматься юриспруденціей, то мнѣ необходимо остаться еще годъ здѣсь, чтобы слушать лекціи Тибо о Пандектахъ. Если же нѣтъ, то я немедленно отправился бы въ Лейпцигъ къ Вику. Онъ знаетъ мои способности, и я ему вѣрю. Потомъ поѣхалъ бы я на годъ въ Вѣну, и наконецъ, если можно, къ Мошелесу.

«Знаешь что, дорогая моя, исполни мою просьбу, напиши къ Вику, пусть онъ тебѣ отвѣтитъ, что онъ думаетъ обо мнѣ и о сдѣланномъ мною планѣ. Попроси его поскорѣе тебѣ отвѣчать.

«Что это письмо мое важнѣйшее изъ всѣхъ прежнихъ и, вѣроятно, будущихъ моихъ писемъ къ тебѣ, можешь ты легко понять, и потому умоляю тебя поскорѣе мнѣ отвѣчать.

«Времени теперь терять нечего.

«Прощай, безцѣнная матушка, и не бойся. Человѣку приходится помощь отъ Бога тогда только, когда онъ самъ себя помогаетъ.

«Твой искренно тебя любящій сынъ

«Робертъ Шуманъ.»

Зная уже убѣжденія матери Шумана, мы легко можемъ представить себѣ, что почувствовала она, прочитавъ это рѣшительное письмо. Слово «авось» не вывезло! Смутная надежда, что сынъ ей опомнится, войдетъ въ разумъ и покинетъ свои пустыя, мечтательныя стремленія — рухнула и разбилась въдребезги. Побѣжденная энергическимъ тономъ сыновняго посланія, она немедленно отправила письмо къ Вику.

«Послушайте, говоритъ она въ немъ, изложивъ всѣ свои мысли и опасенія насчетъ будущности дорогого своего Роберта, отъ вашего отвѣта зависитъ все: и спокойствіе любящей матери, и счастье цѣлой жизни человѣка, постоянно витающаго въ какихъ-то вышнихъ сферахъ и ничего не желающаго знать о практической жизни.

«Не увлекайтесь вашей любовью къ искусству, но обсудите строго года, небольшое состояніе, силы и талантъ Роберта. Я прошу, я заклинаю васъ именемъ отца дѣтямъ вашимъ, и друга моему сыну, поступите какъ честный человѣкъ, скажите откровенно ваше мнѣніе о томъ, на что можете надѣяться и чего долженъ бояться Робертъ, вступая на новое для него поприще.»

Викъ отвѣчалъ, что присутствіе сильнаго таланта въ Робертѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, и что, несмотря на многія темныя стороны карьеры артиста, онъ рѣшается пророчить ему блестящую будущность.

Обливаясь слезами, писала Юганна Шуманъ своему сыну, что уже болѣе не противится его желанію сдѣлаться музыкантомъ, и съ отчаяніемъ въ душѣ, слагословляла его на... «блестящую будущность».

Итакъ въ двадцать лѣтъ разрывили наконецъ человѣку идти по дорогѣ, единственно возможной для него, позволили ему, однимъ словомъ, быть совершеннолѣтнимъ... Страшно подумать: въ рукахъ слабой женщины было спасеніе или гибель одного изъ величайшихъ талантовъ нашего столѣтія. Отъ письма посредственнаго музыканта зависѣло счастье человѣка, не находившаго выхода изъ трагическаго положенія, въ которое поставила его горячая любовь наввно-деспотической матери!

Внѣ себя отъ неожиданнаго счастья, Шуманъ отправляетъ восторженное посланіе своему будущему учителю Вику.

«Я вамъ вѣрю, вѣрю вполне, пишетъ онъ ему, я отдаю вамъ всего себя, возьмите меня такимъ, какъ я есть, только снесите меня потерпѣливѣе. Никакое замѣчаніе ваше не оскорбитъ меня, никакая похвала не сдѣлаетъ самодовольнымъ и лѣнивымъ.

«Дорогой мой, я желалъ бы, чтобы вы могли заглянуть теперь въ то, что дѣлается внутри меня! А кругомъ-то какъ все тихо и радостно, и тихо стелется надъ землею чудный утренній аромат..

«Вѣрите же мнѣ, я хочу заслужить право быть вашимъ ученикомъ. Ахъ, бываютъ же люди иногда такъ счастливы! До свиданія, чрезъ три недѣли я буду уже у васъ.»

Въ одно время съ этимъ письмомъ, отправилось письмо Шумана и къ опекуну его, съ обычнымъ къ нему воззваніемъ: «пришлите мнѣ денегъ, почтеннѣйшій господинъ Рудель!»

Но прошло двѣ недѣли, прошелъ наконецъ и мѣсяць, а отъ почтеннѣйшаго господина Руделя не было ни письма, ни денегъ.

Удивленный и взволнованный молодой человекъ пишетъ ему снова, представляетъ свое критическое положеніе, горько жалуется на невниманіе къ его просьбѣ и кончаетъ предупрежденіемъ, что, въ случаѣ неполученія давно ожидаемыхъ имъ денегъ, принужденъ будетъ искать такіа средства къ отъѣзду своему изъ Гейдельберга, которыя могутъ и ему повредить, и господину Руделю будутъ неприяты.

Господинъ Рудель высылаетъ наконецъ деньги, но при этомъ считаетъ священнѣйшею своею обязанностію осыпать Роберта упреками и за вѣтреность его, и за безумство и пр.

Тутъ только понялъ Шуманъ причину упорнаго молчанія опекуна. Почтеннѣйшему господину Руделю было некогда, онъ употребилъ все это долгое время на перевариваніе необыкновеннаго извѣстія, полученнаго имъ отъ Роберта, рѣшившагося промѣнять торную, хорошо утопанную благоразумными людьми, дорожку на ненадежный, извилистый путь артиста-музыканта.

И не догадаясь Шуманъ пугнуть его, онъ можетъ-быть употребилъ бы еще столько же времени на перевариваніе невозможнаго намѣренія мечтателя Роберта и кончилъ бы все-таки тѣмъ же; окрестилъ бы Шумана именемъ пустаго и вѣтрепаго человека, а денегъ все-таки бы ему не выслалъ.

Получивъ желаемую сумму, Шуманъ расплачивается съ долгами, прощается съ Гейдельбергомъ и спѣшитъ въ Лейпцигъ, сворачиваетъ, однако, съ дороги и заѣзжаетъ въ Детмольдъ обнять своего «дорогаго» Розена.

Послѣдуемъ и мы за эисъ-студентомъ юридическихъ наукъ...

III.

Шуманъ въ Лейпцигѣ. Поселившись въ самой квартирѣ Вика, онъ проводитъ дни и ночи за инструментомъ. Но этого ему мало. Успѣхи его быстры, но не поразительны, и вотъ онъ придумываетъ, втайнѣ отъ своего учителя, необыкновенное средство. Оно приведетъ его къ громаднѣмъ результатамъ, онъ въ этомъ увѣренъ. Запершись на ключъ въ своей комнатѣ, онъ вкладываетъ третій палецъ правой руки своей въ новоизобрѣтенную имъ самимъ машину, крѣпко придѣланную къ потолку его комнаты, надъ самую клавиатурой рояля, остальные же четыре заставляетъ выдѣлывать величайшія фортепіанныя трудности. Способомъ этимъ намѣревается онъ сообщить имъ полную независимость отъ пятого ихъ собрата, удерживаемаго въ тискахъ злодѣйскою машиною. Сколько времени продолжались эти эксперименты — неизвѣстно, но кончились они катастрофой. Адская машина до того вытянула сухую жилу заключеннаго въ ней пальца, что она потеряла всю свою упругость, вслѣдствіе чего и самый палецъ пришелъ, конечно, въ совершенное расслабленіе.

Шуманъ въ отчаяніи. Призванный на помощь медикъ подвергаетъ его долгому и трудному лѣченію. Больной выдерживаетъ его съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, продолжая, впрочемъ, усердно играть, но уже одною лѣвой рукою. Прошелъ годъ, и палецъ не поправился. Мало того, болѣзнь его сообщается чрезъ нѣсколько времени всей правой рукѣ бѣднаго музыканта, и докторъ подписываетъ ему страшный приговоръ: рука его поражена неизлѣчимо. Правда, онъ не отнимаетъ у него надежды возстановить ея силы на столько, чтобъ онъ могъ исполнять нетрудныя музыкальныя піесы, но отъ виртуозности онъ долженъ вовсе и навѣки отказаться...

Ослѣпнувъ, Козловъ сдѣлался поэтомъ; изучивъ свою правую руку, Шуманъ принялся за изученіе музыки какъ науки. Оставаясь попрежнему въ квартирѣ Вика, онъ замѣняетъ фортепіанныя его уроки теоретическими музыкальными уроками Генриха Дорна (теперешняго придворнаго капельмейстера въ Берлинѣ).

Двадцати-двухлѣтній Шуманъ начинаетъ съ азбуки, — ему, написавшему уже нѣсколько инструментальныхъ (1) и вокальныхъ пьесъ, были рѣшительно неизвѣстны самыя элементарныя теоретическія свѣдѣнія, съ которыми добросовѣстному фортепианному учителю такъ легко ознакомить своихъ учениковъ, даже при самомъ началѣ своихъ съ ними занятій.

Освоивъ первыя трудности поздняго своего знакомства съ музыкальною азбукой, Шуманъ пошелъ быстро впередъ и скоро добрался до простаго контрапункта, а тамъ и до двойнаго. Онъ работалъ, по словамъ его біографа, съ такимъ жаромъ, что разъ, не имѣя силы оторваться отъ своихъ музыкально-математическихъ выкладокъ, послалъ просить Дорна придти дать ему урокъ въ его рабочемъ кабинетѣ. Тотъ пришелъ и засталъ ученика своего совершенно погруженнымъ въ музыкальныя соображенія, — на столѣ передъ нимъ стояла откупоренная бутылка шампанскаго.

Итакъ 1831 годъ составляетъ эпоху въ жизни Шумана. Онъ ступилъ наконецъ твердою ногой на поприще, всего болѣе соотвѣтствовавшее его наклонностямъ, и принялся неутомимо за трудъ, съ страстнымъ желаніемъ наверстать потерянное время.

Мудреная задача! Доказывавшіе, что все въ мірѣ наверстывается, вѣрно забыли о значеніи лучшихъ лѣтъ юности въ жизни всякаго человѣка, и въ особенности, въ жизни художнической природы. Все то, что собирается въ эту пору свѣжести и силы, обращается въ капитальную собственность, въ твердую основу будущему труду творческаго таланта, а все растерянное, даромъ растраченное въ эту лучшую пору восприимчивости душевныхъ силъ человѣка, безвозвратно погибаетъ и никогда уже не наверстывается.

«О моя юность, о моя свѣжесть!» вырвалось разъ изъ души роднаго нашего психолога-поэта, и какъ много сказалось этими немногими словами!..

Погруженный въ контрапунктическія тонкости и соображенія колоссальнаго контрапунктическаго Баха, Шуманъ проводитъ всю зиму 1831 — 1832 г. въ глубокомъ одиночествѣ. Онъ показывается только въ семейномъ кружкѣ Вика, да дѣлаетъ небольшія загородныя прогулки въ сопровожденіи одного изъ своихъ немногихъ лейпцигскихъ пріятелей.

(1) Изъ нихъ замѣчательны его *Papillons* (бабочки), — три портрета, посвященные тремъ его невѣсткамъ: Терезѣ, Эмили и Розалии.

Замѣчательно, говорить его біографъ, что въ числѣ ихъ находилась всегда личность, исключительно и безропотно служившая ему товарищемъ большею частію совершенно молчаливыхъ его прогулокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянную мишенью для его не всегда любезныхъ шутокъ и остротъ. Вообще, продолжаетъ его біографъ, Шуманъ смотрѣлъ съ удовольствіемъ на маленькія физическія страданія, комически проявляющіяся въ людяхъ. Онъ уводилъ, напримѣръ, часто по вечерамъ дѣтей Вика въ свою комнату и принимался импровизировать имъ въ темнотѣ разныя страшныя исторіи про привидѣнія. Убѣдившись, что воображеніе маленькихъ его слушателей уже достаточно раздражено, подходилъ онъ быстро къ дверямъ, запиралъ ихъ на ключъ, потомъ зажигалъ поспѣшно маленькую спиртовую лампу, и при слабомъ и таинственномъ ея мерцаніи показывался своей взволнованной публикѣ въ видѣ какого-нибудь чудовища, чаще всего въ вывороченной наизнанку шубѣ. Другимъ, не менѣ страннымъ удовольствіемъ его было заставлять одного изъ сыновей Вика стоять по полчаса на одной ногѣ. А пока ребенокъ, въ ожиданіи обѣщаннаго ему гостинца, выдѣлывалъ мудреное свое гимнастическое упражненіе, Шуманъ мѣрно шагалъ по комнатѣ взадъ и впередъ, изрѣдка только прерывая свою прогулку, для того чтобы поглядѣть на добровольнаго мученика. Прищурясь и слегка усмѣхаясь, смотрѣлъ онъ на гримасы ребенка и на усилія его не потерять баланса, и снова принимался измѣрять свою комнату до истеченія назначеннаго получаса (1).

Пробывши года полтора въ Лейпцигѣ и сдѣлавъ, по словамъ Дорна, гигантскіе успѣхи, Шуманъ собирается навѣстить своихъ родныхъ. 20 ноября ѣдетъ онъ вмѣстѣ съ Викомъ и съ тринадцатилѣтнею дочерью его, Кларою, въ Цвикау, гдѣ въ первый разъ, въ концертѣ маленькой піанистки, слышитъ онъ первое аллегро своей симфоніи, публично исполненное оркестромъ. Съ замираніемъ сердца и спрятавшись отъ любопытныхъ глазъ, присутствуетъ онъ при дебютѣ своемъ на поприщѣ артиста-композитора. Черезъ два дня концертъ повторился въ близлежащемъ отъ Цвикау городѣ Шнебергѣ, гдѣ жили два брата его. Клара вернулась съ отцомъ въ Лейпцигъ, а Шуманъ проводилъ всю зиму 1832—1833 г. попеременно

(1) S. 104, 105. B. v. W.

то въ Цанкау, то въ Шнебергъ, но постоянно работая. Онъ кончаетъ свою симфонію, пишетъ нѣсколько мелкихъ фортепіанныхъ вещей и возвращается въ началѣ весны въ Лейпцигъ.

Нанявъ квартиру въ одномъ изъ домовъ, расположенныхъ въ саду Риделя (извѣстномъ Riedels-Garten). онъ начинаетъ жить невозмутимо однообразно-идиллическою жизнію. День работаетъ, а вечеромъ отправляется въ такъ-называемый Bierlocal, столь любимый Нѣмцами всѣхъ возрастовъ и всѣхъ сословій, гдѣ, усѣвшись въ кружкѣ пріятелей, проводитъ за кружкомъ пива и съ сигарою во рту часа два, три, но при этомъ вѣчно молчаливый, вѣчно «думающій думу крѣпкую», не обращая никакого вниманія на шумъ и говоръ, раздающіеся въ залѣ.⁴ Возвращаясь уже поздно вечеромъ домой, онъ часто садится на садовую скамейку близъ своей квартиры.

Лѣтнія ночи удивительно хороши въ трудовомъ, торговомъ Лейпцигѣ: тишина невозмутимая, свѣжій воздухъ, пропитанный сильнымъ запахомъ цвѣтовъ, слабые отголоски хоровой студентской пѣсни, несущіеся изъ безчисленныхъ *кнейпъ* (1), поздно запирающихся лѣтомъ, темныя массы деревъ городского бульвара, опоясывающаго весь городъ, старинныя зданія, почернѣвшія отъ времени и кажущіяся такими таинственными громадами при лунномъ освѣщеніи, — все это производитъ на душу обаятельное впечатлѣніе, со дна ея подымется цѣлая вереница образовъ, мечтательныхъ, неясныхъ, но чудныхъ образовъ.

Не въ одну ли изъ подобныхъ ночей создавалась маленькая пѣсенка Шумана безъ словъ, съ загадочною надписью «отчего?» «*Warum?*» (2). Эта *безотыльная* пѣсенка, вся сотканная изъ вопросовъ, кончается какимъ-то полу-вздохомъ... Странная пѣсенка, съ послѣднимъ ея звукомъ нелегко расстаешься, на душѣ становится и больно и сладко, и кажется, все бы слушать ее, эту милую и грустную пѣсенку.

Такъ проводитъ Шуманъ весну и все лѣто 1833 года. Записная книга его наполняется вдохновенными свитками, выросшими въ послѣдствіи въ удивительныя музыкальныя картины.

Въ сентябрѣ переѣзжаетъ онъ на другую квартиру, въ

(1) Кнейпе, *Kneipe*, непереводимое слово изъ студенческаго лексикона; *kneipen* значить пить пиво въ компаніи.

(2) *Fantasiestücke* Op. 21.

центрѣ города. Въ ней испытываетъ онъ вскорѣ сильное потрясеніе. Онъ получаетъ извѣстіе о смерти невѣстки своей, Розалии. Неожиданность ли извѣстія, или крайняя впечатлительность его были тому причиною, но только Шуманъ чуть не сдѣлался боленъ отъ огорченія. Въ дневникѣ его стоитъ законическая отмѣтка: «ужасная ночь на 17 октября».

Биографъ его разказываетъ, что многіе изъ знавшихъ Шумана увѣрили его, что онъ, въ припадкѣ какого-то необъяснимаго страха, хотѣлъ броситься изъ окна, другіе опровергали это, но всѣ сходились на томъ, что Шуманъ послѣ этой ночи получилъ отвращеніе къ высокимъ квартирамъ (онъ жилъ тогда въ четвертомъ этажѣ) и долгое время не могъ отбиться отъ глубокой меланхоліи, сопровождавшейся такимъ непобѣдимымъ ночнымъ страхомъ, что онъ рѣшительно не въ состояніи былъ оставаться одинъ, и упросилъ своего пріятеля Гюнтера переѣхать къ нему, пока онъ не найдетъ другой квартиры.

Долго боролся Шуманъ съ апатіей, парализовавшей его умственные и творческія способности. Знакомство съ живописцемъ Лизеромъ, а еще болѣе съ талантливымъ Лудвигомъ Шунке ускорили реакцію въ потрясенномъ его организмѣ.

Съ первыхъ же свиданій своихъ, сдѣлались Шуманъ и Шунке искренними, неразрывными друзьями, на всю жизнь. Вотъ какъ описываетъ самъ Шуманъ впечатлѣніе, сдѣланное на него личностью Шунке, свое знакомство и наконецъ дружбу съ нимъ (1).

«Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ (1834 года), вошелъ въ погребокъ (2) Экерлейна молодой человекъ, обратившій на себя всеобщее вниманіе. Одни изъ присутствовавшихъ нашли въ немъ сходство съ библейскимъ Іоанномъ, другіе — съ классическими головами римскихъ императоровъ, а Флорестанъ, нагнувшись ко мнѣ, прошепталъ: смотри, это воплощенный Шиллеръ, отыскивающий себя Торвальдсена. Всѣ были согласны въ одномъ только, что незнакомецъ этотъ долженъ быть художникъ. Казалось, сама природа положила на всю внѣшность его печать того званія, къ которому онъ принадлежалъ.

«Вы знали его, продолжаетъ Шуманъ, всѣ вы помните за-

(1) Schumann. *Ueber Musik und Musiker*. В. I. S. 103—108.

(2) Винные погребки (Weinkeller) въ Германіи устроены на подобіе ресторановъ; въ нихъ нѣсколько комнатъ, въ которыхъ обѣдаютъ и жуинають не только мужчины, но и дамы.

думчивые, мечтательные глаза, орлиный носъ, роскошныя длинныя кудри, тонкую ироническую улыбку, пріотившуюся на устахъ его, и наконецъ, граціозный, худощавый торсъ его, казалось, носимый его обладателемъ, а не носившій его.

«Прежде чѣмъ онъ выговорилъ тихо: «Людвигъ Шунке изъ Штутгардта,» мы уже сказали самимъ себѣ: «вотъ тотъ, кого мы ищемъ.» Но Флорестанъ (самъ Шуманъ) былъ въ это время погруженъ въ меланхолію и не слишкомъ заинтересовался незнакомцемъ. Онъ познакомился и сошелся съ нимъ уже гораздо позже, узнавши ближе благородную натуру его. Нѣсколько недѣль спустя послѣ пріѣзда Шунке въ Лейпцигъ, встрѣтился онъ въ обществѣ съ берлинскимъ музыкантомъ Отто Николаи.

«Во время обѣда зашелъ разговоръ о валторнистахъ. Николаи выразился о нихъ съ пренебреженіемъ. «Они всѣ вообще безсовѣстно врутъ, даже легкой темы въ це-мольной симфоніи Бетговена не могутъ исполнить какъ слѣдуетъ,» сказалъ онъ между прочимъ. Шунке, дорожившій именемъ знаменитаго своего родственника валторниста, скрылъ свое неудовольствіе, но часъ спустя вбѣжалъ къ намъ въ комнату, внѣ себя, и объявилъ, что написалъ дерзкому Берлинцу письмо, въ которомъ вызывалъ его на дуэль. Флорестана просилъ онъ быть его секундантомъ.

«Мы стали надъ нимъ смѣяться, увѣряя его, шутя, что музыканту вовсе нейдетъ воинственность. Шунке не понравились наши шутки. Онъ отвѣчалъ намъ, что почитаетъ дѣло это крайне серьезнымъ и близко касающимся чести его семейства.

«Черезъ 24 часа получилъ онъ отвѣтъ отъ Берлинца, писанный на доскуткѣ оберточной бумаги, въ которомъ, вызываемый имъ на дуэль, композиторъ объявлялъ ему, что онъ, Шунке, не въ своемъ умѣ, но что тѣмъ не менѣе онъ, Николаи, готовъ былъ бы дать ему удовлетвореніе, еслибы только онъ уже не сидѣлъ въ почтовой каретѣ на пути въ Неаполь.

«Нужно было видѣть тогда Шунке, стоявшаго передъ нами съ раскрытымъ письмомъ въ рукѣ! На гнѣвномъ, олимпийскомъ лицѣ его играла тонкая, насмѣшливая улыбка, а волненіе его было такъ сильно, что можно было сосчитать всѣ жилки на его бѣлой, дрожавшей рукѣ.

«Флорестану очень понравилась вся эта исторія, и онъ почувствовалъ необыкновенное влеченіе къ своему новому, молодому знакомому.

«Вскорѣ дружба его съ Шунке скрѣпилась еще болѣе вслѣдствіе одного незабвеннаго вечера.

«Шунке былъ замѣчательный виртуозъ, но степень его музыкальности открылась намъ не прежде какъ въ этотъ вечеръ. Уже было поздно, когда онъ придвинулся къ раскрытому роялю и заигралъ. Незамѣтно для насъ самихъ были мы увлечены бурнымъ потокомъ звуковъ неизвѣстнаго намъ сочиненія. Я какъ сейчасъ вижу все передъ собою: и угасшія свѣчи, и темныя стѣны, словно прислушивающіяся къ раздающейся въ комнатѣ музыкѣ, группу друзей, удерживающихъ дыханіе, блѣдное лицо Флорестана, глубоко задумавшагося *мастера*, а въ срединѣ заколдованнаго круга самого волшебника Лудвига.

«Когда онъ кончилъ, то Флорестанъ подошелъ къ нему и сказалъ: «вы мастеръ своего дѣла, соната ваша лучшее ваше произведеніе, и особенно когда вы сами ее играете. Давидово Братство гордилось бы присоединеніемъ къ нему такого художника какъ вы.»

«Съ этого дня Лудвигъ былъ нашъ.

«Вы, можетъ быть, хотите, чтобъ я разказалъ вамъ еще про многіе другіе, такіе же счастливые часы? Не требуйте этого отъ меня. Оставьте мнѣ мои воспоминанія. Подальше спрячемъ мы ихъ отъ глазъ людскихъ, эти душистые вѣнки изъ розъ— и только изрѣдка, въ дни большихъ праздниковъ, дадимъ мы вамъ ими полюбоваться.»

«А много-ли такихъ дней въ жизни?» спрашиваетъ задумчиво Шуманъ, кончая свою статью о Шунке, изъ которой мы привели только отрывки, желая познакомить васъ съ личностью, которую Шуманъ любилъ и какъ художника, и какъ человѣка. Въ слѣдующихъ письмахъ будемъ мы еще не разъ имѣть случай говорить о немъ, а теперь объяснимъ вамъ значеніе общества подъ именемъ Давидова Братства, членомъ котораго сдѣлался Шунке.

Братство это состояло изъ одного и того же Шумана. Но существуя только въ его воображеніи, оно давало ему средство вести полемику съ самимъ собою, то-есть разсматривать съ разныхъ сторонъ предметъ, подлежавшій его критической оцѣнкѣ. Это идеальное братство состояло изъ трехъ главныхъ лицъ. Флорестанъ олицетворялъ страстный и мужественный элементъ характера Шумана; Эвсебій—мечтательный и кроткій, а мастеръ Раро—медиатизирующий, примирявшій оба эти элемента. Самый же эпитетъ «Давидово,» приданный братству

взять изъ ветхозавѣтной исторіи Давида, побивающаго Филистимлянъ.

Давидъ—новаторъ Шуманъ. Филистимляне — нѣмецкіе филистеры, музыкальные консерваторы-педанты.

До 1834 г. существованіе этого братства извѣстно было только близкимъ знакомымъ Шумана, но съ 1834 года является оно во всеоружіи въ новой музыкальной газетѣ, основанной въ Лейпцигѣ, подъ редакціей Шумана.

Съ исторіей происхожденія этой газеты знакомить насъ самъ редакторъ ея, въ предисловіи къ книгѣ своей, появившейся въ 1854 г. въ Лейпцигѣ подъ названіемъ: *Собраніе статей о музыкѣ и музыкантахъ*.

«Въ концѣ 1833 года, говоритъ онъ (1), собралось въ Лейпцигѣ, почти каждый вечеръ, небольшое общество молодыхъ людей для размѣна своихъ мыслей объ искусствѣ, составлявшемъ насущную потребность ихъ жизни. Не радостны были тогдашнія музыкальныя обстоятельства Германіи! На сценѣ царствовали самовластно Россини, въ области фортепіанной музыки распоряжались Герцъ и Гюнтенъ... А вѣдь еще такъ немного прошло времени послѣ смерти Бетговена, Вебера и Франца Шуберта!»

Правда, звѣзда Мендельсона начинала уже разгараться яркимъ огнемъ, а съ сѣвера принеслись первые звуки удивительной Шопеновской поэзіи, но вліяніе ихъ не могло еще быть ощутительно на тяжелое время музыкальнаго застоя тридцатыхъ годовъ.

«Не будемъ сидѣть сложа руки, сказала себѣ пылкая молодежь, — примемся за работу, пусть *будетъ лучше*, пусть снова войдетъ въ честь поэзія искусства!»

Энергически приступилъ къ дѣлу Шуманъ во главѣ болѣе чѣмъ таинственнаго, вовсе не существовавшаго «Давидова Братства», къ нему присоединились скоро Людвигъ Шунке подъ именемъ Ионаана, Фридрихъ Викъ и Карлъ Банкъ, послѣдніе оба подъ псевдонимомъ Серпентина (2).

«Цѣль нашего братства, говоритъ Шуманъ, въ первой руководящей статьѣ своей газеты, напоминать публикѣ о сокровищахъ, хранящихся въ произведеніяхъ великихъ и забытыхъ ею древнихъ мастеровъ музыкальной Германіи; сражаться съ

(1) Schumann. *Ueber Musik und Musiker*. 1 Band. Einleitendes.

(2) S. 130 B. v. W.

бездарностью и посредственностью, нахально выдвигающимися впередъ, и наконецъ готовить лучшую будущность нѣмецкому искусству всѣми зависящими отъ него средствами, и словомъ и дѣломъ (1).»

Сотрудниками прогрессивной газеты являются скоро лучшіе нѣмецкіе эстетики и критики того времени и въ главѣ ихъ Шуманъ съ своими фантастическими статьями, напоминающими Жанъ-Поля Рихтера по слогу своему и редакціи, но еще болѣе Лессинга по сущности ихъ тенденцій. Не доставало только Шуману, а особенно въ началѣ его литературной дѣятельности, той объективной ясности, которою отличаются полемическія статьи реформатора Лессинга, но вмѣстѣ съ тѣмъ можно къ нему смѣло приложить сказанное Гейне о Лессингѣ: «разрушая своею полемикой старое, онъ въ то же время создавалъ самъ новое и лучшее (2).»

На публику произвела странное впечатлѣніе эта *Новая музыкальная летопись*, она удивилась и рѣзкому тону, и оживленнымъ рѣчамъ ея, пока еще только смутно чувствуя и то, что много правды въ нихъ, и то, что въ одной статьѣ ея болѣе жизни, поэзіи и смысла, чѣмъ въ цѣломъ томѣ вялыхъ, сонныхъ и напыщенныхъ разсужденій отсталого эстетика Финка и подобныхъ ему писателей, самонадѣянно и гордо гулявшихъ по аренѣ тогдашней музыкальной критики въ Германіи.

Нужно ли прибавлять, что послѣдніе сдѣлались съ перваго же появленія газеты заклятыми врагами ея редактора?

Скромную, но пытливую нѣмецкую публику смущало болѣе всего это таинственное Давидово Братство, члены котораго такъ безцеремонно разсуждаютъ печатно другъ съ другомъ, не стѣсняясь никакими литературными обычаями. Ее мучило любопытство узнать, кто эти Флорестаны, Эвсебии, Серпентины и прочіе мудреные господа?

Пошли толки, догадки, разные нелѣпые слухи, до того надѣвшіе наконецъ Шуману, что онъ помѣстилъ въ одномъ изъ номеровъ своей газеты слѣдующее оригинальное посланіе *отъ себя къ себѣ*:

«Въ публикѣ ходятъ разные слухи о нижеподписавшемся братствѣ. Имѣя свои причины не объявлять настоящихъ именъ нашихъ печатно, мы, члены этого братства, просимъ госпо-

(1) № 1 *der neuen Zeitschrift für Musik*. 1834.

(2) Heinrich Heine. *Die romantische Schule*.

дина Шумана принять на себя трудъ быть въ иныхъ случаяхъ представителемъ нашимъ въ *Новой музыкальной летописи*.

«Давидово братство.»

Подъ статью было подписано: «Я сдѣлаю это съ радостью.

«Робертъ Шуманъ (1).»

Основаніе этой газеты, составляющее эпоху въ исторіи германской музыкальной критики было, безъ сомнѣнія, однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ жизни Шумана. Смыслъ дѣятельности его вполне опредѣлился. Къ этому же времени относится знакомство его съ женщиной, общество которой было неоцѣненно для него по своимъ послѣдствіямъ. Женщина эта, Генріетта Фохтъ (Foigt), жена богатаго негоціанта Карла Фохта, была одна изъ тѣхъ милыхъ женскихъ личностей, въ присутствіи которыхъ и мягче говорится и глубже чувствуется. Шуманъ словно распускался въ разговорахъ съ нею и въ интимномъ дѣльномъ кружкѣ, почти ежедневно собиравшемся въ гостепріимной и безцеремонной ея гостиной, гдѣ появлялись такіе интересные, симпатичныя ему личности: и Лудвигъ Шунке, другъ Генріетты, и Мендельсонъ, и наконецъ Эрнестина фонъ-Фрикентъ, успѣвшая сильно привязать къ себѣ впечатлительнаго музыканта. Любовь къ ней сблизила его еще болѣе съ Генріеттой. Черезъ ея руки шла вся переписка молодыхъ людей, когда Эрнестина вернулась на родину свою, въ мѣстечко Ашъ, лежащее въ саксонской Богеміи.

Биографъ Шумана говорить, что Эрнестина не отличалась ни умомъ, ни красотой, ни талантами, и что любовь къ ней Шумана была непонятнымъ, страннымъ увлеченіемъ. Увлеченіе это легко объясняется ошибкой впечатлительнаго сердца, чувствовавшего потребность любить и быть любимымъ. Подобное сердце нуждается въ привязанностяхъ, а особенно когда оно бьется въ груди сосредоточеннаго въ себѣ и притомъ гуманно развитаго человѣка.

Окинувъ еще разъ взглядомъ всю жизнь Шумана до 1834 года, мы видимъ въ ней три женскіе образа. Они словно приготовляли сердце его воспринять послѣднее глубокое чувство къ поэтическому германскому созданію, къ милой дѣвухкѣ, такъ искренно и безгранично его полюбившей. Но о любви этой, выстрадавшей Шуманомъ, послѣ. Теперь кажется

(1) I Band. S. 152. N. Z. für Musik.

намъ не лишнимъ упомянуть объ одномъ произведеніи Шумана, въ которомъ онъ увѣковѣчилъ свою привязанность къ Эрнестинѣ.

Въ одномъ изъ мечтательныхъ своихъ писемъ къ Генріэттѣ Фохтъ, Шуманъ говоритъ ей, что, думая постоянно объ отсутствующемъ другѣ своемъ, онъ сдѣлалъ открытіе, что родной городъ ея Ашъ имѣетъ премюзикальное названіе, и что это навело его на мысль—построить цѣлую музикальную поэму на четырехъ нотахъ, изъ которыхъ оно состоитъ.

И дѣйствительно, основаніе известнаго его «карнавала» всяма мелодическая фраза изъ четырехъ нотъ А, S, C, H (Asch).

Карнаваль этотъ—рядъ юмористическихъ и мечтательныхъ скипцовъ—замѣчательное произведеніе Шумана, въ которомъ онъ вполне и ясно высказалъ одно изъ своихъ задушевныхъ убѣжденій. Въ немъ рисуется онъ звуками сцены, выхваченная имъ прямо изъ дѣйствительности. Въмѣстѣ съ тѣмъ неса эта—словно галерея портретовъ съ лицъ, имѣвшихъ наибольшее вліяніе на жизнь его до 1834 года. Но всѣ эти лица появляются на сценѣ въ маскарадныхъ платьяхъ въ перемѣшку съ известными маскарадными типами: Арлекиномъ, Коломбиною, Пьеро и Панталономъ.

Ключъ къ ясному пониманію музикальных намѣреній автора этого фантастическаго сочиненія въ самыхъ надписяхъ надъ каждымъ номеромъ пьесы. Тутъ и Флорестанъ и Эвсѣбій (самъ Шуманъ), и Штенъ съ его задумчивою улыбкой, и маленькая Кіарина (Клерхенъ, Клара Викъ), и Эстрелла (Эрнестина фонъ-Фрикенъ), и таинственный Паганини, и бабочки (три невѣстки Шумана), а въ заключеніи: Давидово Братство, выступающее въ походъ на Филистимлянъ, и самое побѣніе ихъ.

Всѣ эти лица быстро мелькаютъ передъ глазами, кружатся въ маскарадномъ вихрѣ, поютъ, острятъ, смѣются, ссорятся и исчезаютъ какъ сонъ съ его неожиданностями, туманными контурами и мечтательными образами.

Мысль воспроизвести поэзію дѣйствительности въ звукахъ не новая. Она появлялась много разъ и въ разные періоды исторіи музыки, и имѣла всегда сильныхъ противниковъ въ лицѣ поборниковъ такъ-называемаго чистаго искусства.

Входитъ въ ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса, занимавшаго и продолжающаго занимать лучшихъ эстетиковъ, мы

пока не будемъ, скажемъ только, что Шуманъ въ своихъ тенденціяхъ опирался болѣе всего на Шуберта и на Бетговена.

Вотъ что говоритъ онъ объ одномъ каприччіо, найденномъ въ бумагахъ покойнаго Бетговена, на которомъ собственною рукой автора его была сдѣлана надпись: «бѣшенство о потѣрянномъ грошѣ, излившееся въ каприччіо»: «Каприччіо—это одна изъ самыхъ веселыхъ шутокъ, какія мнѣ когда-либо приходилось слышать; играя его, я хохоталъ все время.» — «Ага, поймалъ я васъ наконецъ, бетговенисты, продолжаетъ онъ,—теперь моя очередь налетѣть на васъ съ яростію, когда вы, съ закатившимися подъ лобъ глазами, станете утверждать, что Бетговень всегда находился внѣ дѣйствительнаго міра.» «Сегодня я на распашку» (*heute bin ich recht aufgeknüpft*), говаривалъ онъ, чувствуя себя въ особенно-веселомъ расположеніи духа. И тогда хохоталъ онъ гомерическимъ смѣхомъ и неистово шумѣлъ: у него все принимало колоссальные размѣры. «Да, сегодня могу я васъ побить этимъ каприччіо, которое вы находите недостойнымъ Бетговена, равно какъ и гимнъ «къ радости» въ девятой его симфоніи!... Будьте увѣрены, однако, что когда придетъ время возрожденія искусствъ, и *геній справедливости* положить на вѣсы *грѣшное* это каприччіо и десять новѣйшихъ патетическихъ увертюръ, то каприччіо потянетъ внизъ, а увертюры влетятъ на страшную высоту... Одному изъ всего этого можете вы научиться, молодые и старые сочинители, тому магическому слову, о которомъ, кажется, вамъ надобно почаще напоминать: природа, природа, природа!» (*Natur, Natur, Natur!*) (1).

Какъ принимались подобныя статейки противниками Шумана, легко себѣ представить. Не менѣе странное впечатлѣніе производили онѣ и на чопорную нѣмецкую публику, но тѣмъ не менѣе оригинальная газета, наполнявшаяся такими рѣзкими, «невозможными» рецензіями, имѣла большой успѣхъ и приобрѣтала все болѣе и болѣе подписчиковъ и сотрудниковъ. На страницахъ ея стали появляться имена: Кеферштейна, профессора Лобе, Рельштаба, Барліоза, Рихарда Вагнера, Фукса, Шиндлера, Вильгельмины Чези, Зейферда и многихъ другихъ писателей. Но самымъ усерднымъ вкладчикомъ оставался по прежнему неутомимый редакторъ ея, вслѣдствіе чего въ записной музыкальной книгѣ его за 1834 и 1835 г. много

(1) Schumann S. 171, 172, *über Musik und Musiker*:

начатаго и нѣтъ почти ничего кончоннаго. Литературный и журнальный трудъ отнималъ у него всякую возможность предаться чисто-музыкальнымъ занятіямъ.

Интимный кружокъ его составляютъ попрежнему Генріетта Фохтъ, общій другъ ихъ Шунке, и Мендельсонъ. Эрнестина еще занимаетъ воображеніе его, и онъ ведетъ съ нею дѣятельную переписку при посредничествѣ Генріетты. Шуманъ совершенно счастливъ. Но, увы, въ концѣ 1834 года смерть Шунке разстраиваетъ душевный миръ этого маленькаго дружескаго общества. Генріетта такъ любила молодаго музыканта, Шуманъ такъ былъ привязанъ къ нему, такъ многого ждалъ отъ него, называя его преемникомъ Шуберта! Потеря его долго оставила пробѣлъ въ жизни и Шумана, и Генріетты.

Въ музыкальной газетѣ появилась статья о Шунке, подписанная буквами имени и фамилии Шумана. Мы приводили уже въ этомъ письмѣ отрывки изъ нея, вотъ начало и конецъ ея (она была написана вскорѣ послѣ смерти Шунке, въ 1835 г.): «Помнишь ли ты, Флорестанъ, одинъ вечеръ въ августѣ прошлаго замѣчательнаго 1834 года? Мы шли вмѣстѣ по улицѣ: ты, я и Шунке. Надъ нами стояла гроза со всеми ея красотами и ужасами. Я какъ сейчасъ вижу молніи, сверкавшія въ небѣ, высокій станъ Шунке, выразительный глазъ его, и уста его, тихо прошептавшія: *«einen Blitz für uns!»* И вотъ открылось теперь небо, безъ молніи, и Божественная рука взяла его отъ насъ и такъ тихо, что онъ это едва почувствовалъ. Если когда-нибудь на томъ свѣтѣ захочетъ Моцартъ, этотъ царь геніевъ, собрать вокругъ себя всѣхъ носившихъ здѣсь имя Лудвига, сколько благородныхъ душъ всплыветъ къ нему, и какъ радостно взглянетъ онъ на нихъ: Лудвигъ Бетговенъ, Херубини, Шпоръ, Бергеръ, Шунке! Послѣдній скончался въ прошлое седьмое декабря, за нѣсколько дней до вступленія въ свой двадцатичетырехлѣтній возрастъ...»

«На дняхъ говорили мы о покойномъ, вспоминая многое изъ веселаго и грустнаго прошлаго. Вдругъ раздались въ комнатѣ Флорестана тихіе звуки. Какъ притихли друзья! Они узнали сонату Шунке: «И теперь ни слова болѣе! проговорилъ мейстеръ Раро, когда Флорестанъ кончилъ:—сегодня были мы къ нему ближе, чѣмъ когда-нибудь. Съ тѣхъ поръ, какъ мы съ нимъ расстались, виднѣется на небѣ кака-то необыкновенная краснота (словно заря), я не знаю, откуда это явленіе. Во вся-

комъ случаѣ, юноши, *позаботьтесь о свѣтѣ* (schafft für's Licht!)» (1)

Въ началѣ 1836 года повторилось въ жизни Шумана странное явленіе 1826 года. Какъ тогда, одновременно съ потерей отца, будучи шестнадцатилѣтнимъ юношей, испытываетъ онъ обновляющее чувство любви, такъ и теперь, уже возмужалый, въ порѣ полного развитія, открываетъ онъ въ сердцѣ своемъ, удрученномъ печалью, зародышъ глубокой и вообще послѣдней привязанности своей въ жизни, къ пятнадцатилѣтней Кларѣ, дочери Вика.

Образъ Эрнестины уступаетъ Кларѣ безъ боя свое мѣсто въ душѣ Шумана. Клара овладѣваетъ ею безраздѣльно и вноситъ въ нее съ собою цѣлый рой вдохновенныхъ мечтаній и тяжкое бремя мучительныхъ страданій.

Страданія эти состояли въ томъ, что Шуманъ, по обстоятельству, о которыхъ біографъ его не рѣшается распространяться, прерываетъ на время всѣ сношенія съ домою отца Клары. «Я въ критическомъ положеніи, пишетъ онъ своей любимой невесткѣ Терезѣ: что-нибудь изъ двухъ: или я съ Кларою уже никогда не увижусь, или она мнѣ будетъ принадлежать навсегда.» И далѣе: «Клара любитъ меня попрежнему, но звѣзды наши разбрелись въ разныя стороны, я уже не надѣюсь, и потому рѣшился отказаться отъ счастья.»

Рѣшимость эта, однако, была мгновенною вспышкой. Видѣть Клару сдѣлалось уже для него необходимостію, и, въ предпадкѣ отчаянія, пишетъ онъ Терезѣ письмо, рѣшительно противорѣчащее предыдущему. «Только ты у меня и осталась, только твои дружескія объятія и въ состояніи защитить меня отъ смертельной тоски, сжимающей душу мою.»

Къ довершенію гора его, старикъ Вика внезапно собрался и увезъ Клару совсѣмъ изъ Лейпцига. Шуманъ узнаетъ, однако, маршрутъ, по которому отправились путешественники, и послѣ долгихъ придумываній, какъ бы имѣть извѣстіе о Кларѣ, оставаясь наконецъ на самой странной мысли, возможной только для человѣка, въ которомъ разсудокъ отказался уже отъ всѣхъ своихъ правъ въ пользу сильно-страдающаго сердца. Онъ отправляетъ къ корреспонденту своей газеты, лично во все ему не знакомому профессору Келерту въ Бреславлѣ, посланіе неслыханной оригинальности.

(1) Schumann, S. 103, 104 и 108. *Ueber Musik*. I B.

«Сегодня, пишетъ онъ ему отъ 1-го марта 1836 г., я не посылаю вамъ ничего музыкальнаго, а прибѣгаю къ сердцу вашему съ усердною просьбой, и если оно и не захочетъ быть на нѣсколько минутъ въ жизни посредникомъ между двумя любящимися, то, по крайней мѣрѣ, пусть не сдѣлается оно предателемъ ихъ. Ваше слово, зранѣе!

«Клара Викъ любить и любима. Это вы легко замѣтите, лишь только взглянете на ея тихое, словно неземное существо, Позвольте пока умолчать имя любимаго ею человѣка. И онъ и она связаны взаимнымъ обѣщаніемъ принадлежать другъ другу. Отецъ ея не знаетъ этого, но догадывается и сильно противится ихъ соединенію. Всякое сближеніе запрещено молодымъ людямъ подъ опасеніемъ смертной казни и пр. и пр. Старинная исторія, уже тысячу разъ повторявшаяся на свѣтѣ. Всего сквернѣе то, что онъ уѣхалъ отсюда. Последнее извѣстіе о немъ изъ Дрездена. А теперь, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ въ Бреславлѣ, и, конечно, явится къ вамъ и станетъ приглашать васъ пріѣхать послушать дочь его. Вотъ теперь-то моя покорнѣйшая къ вамъ просьба. Познакомившись съ нею, взгляните въ настроеніе ея духа, въ теперешнюю жизнь ея, насколько вамъ это будетъ возможно, и узнавши, поскорѣе извѣстите обо всемъ того, который умоляетъ васъ сохранить, какъ тайну, письмо его къ вамъ и отъ Клары, и отъ отца ея.

«Отзывы старика Вика обо мнѣ будутъ, конечно, не очень лестны. Пожалуста не очень имъ довѣряйте. Онъ человѣкъ честный, но крикунъ...

«Къ этому долженъ я вамъ прибавить, что вамъ легко будетъ выиграть довѣренность Клары, потому что она уже давно знаетъ, что вы въ корреспонденціи со мною, болѣе чѣмъ покровительствующему ея привязанности къ милому ей человѣку.

«Вашу руку, незнакомецъ, на благородство котораго я полагаюсь съ такою увѣренностью, что ужь вы меня конечно не выдадите. Пишите скорѣе. Въ рукахъ вашихъ сердце, жизнь... моя собственная, потому что я-то и есть тотъ, о которомъ я васъ прошу.

«Робертъ Шуманъ.»

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, летятъ и другія, хотя и менѣе таинственныя, по всѣмъ направленіямъ Германіи, и все о Клэрѣ. Онъ проситъ всѣхъ своихъ корреспондентовъ извѣщать его,

какъ редактора газеты, о концертныхъ успѣхахъ дорогой ему дѣвушки.

Новая музыкальная лѣтопись наполняется отчетами о путешествіи юной піанистки, афоризмами, въ которыхъ безпрерывно мелькаетъ имя Клары, и наконецъ письмами самого редактора къ отсутствующему другу, подѣ вымышленными именами Эвсебія къ (Италіянкѣ) Кіарѣ (Шумана къ Клараѣ) (1).

Клара находилась въ это время въ Италіи съ своимъ отцомъ.

Письмо 1-е.

«На всѣхъ нашихъ музыкальныхъ праздникахъ (2) *видится* мнѣ ангельская головка *Клары*, удивительно на тебя похожая отъ глазъ до маленькой ямочки на подбородкѣ. Зачѣмъ тебя нѣтъ теперь съ нами? Ты бы продумала о насъ весь вчерашній вечеръ, начиная съ увертюры Мендельсона и кончая гремящимъ финаломъ В-дур-ной симфоніи!

«Тихими шагами вошелъ я въ ярко-освѣщенную залу, мнѣ чудились въ ней лица, отъ которыхъ сотни людей ждали теперь наслажденія. Мнѣ видѣлись: Моцартъ, топавшій ногами при исполненіи его симфоніи; старикъ Гуммель, импровизирующій свои фантазіи; Каталани, срывающая съ себя шаль, разсердившись на то, что ей забыли положить коверъ подѣ ноги; потомъ видѣлъ я Шпора и еще многихъ другихъ... Невольно подумалъ я тогда о тебѣ, Кіара, чистое, свѣтлое мое созданіе! Ты, бывало, сидѣла на верху въ твоей ложѣ и смотрѣла оттуда въ лорнетку, и какъ къ тебѣ это шло!... Тутъ показался на эстрадѣ Ф. Меритисъ (3). Сколько сердець полетѣло къ нему на встрѣчу!

«Помнишь ли ты одинъ вечеръ въ Италіи? Мыплыли изъ Падуи по Brentъ, внизъ по теченію; горячая италіянская ночь усыпила насъ... Подѣ утро разбудилъ насъ голосъ нашего гондольера: «ессо, ессо, signori, Venezia!» Мы открыли глаза: передѣ нами раскинулось громадное море, оно было тихо, только издали, словно на самомъ горизонтѣ, звенѣли маленькія волны, какъ бы переговариваясь во снѣ. Вотъ точно такъ же звенить и убаюкиваетъ что-то въ увертюрѣ «Штиль на

(1) *Schwärmbriefe. Eusebius an Chiara*. Schuman, B. I., стр. 190—201.

(2) Знаменитые концерты въ Гевандгаузѣ, въ Лейпцигѣ.

(3) Мендельсонъ, бывший въ то время капельмейстеромъ оркестра Гевандгауза.

морь» (1). Подъ ея звуки сладко забываешься и уже не думаешь, а кажется самъ обращаешься въ думу. Но къ концу увертюры появляется вдругъ, неожиданно, гармонія—то взглянула обаятельная нереида на поэта, съ желаніемъ увлечь его къ себѣ на дно моря... Задвигалось море, разговорилось, весело встрепенулись паруса,—впередъ теперь, впередъ, впередъ!...

«Прощай, на сегодня довольно. Не забывай иногда заглядывать въ календарь, гдѣ подъ тринадцатымъ августомъ стоятъ рядомъ имена наши.

«Эвсебій.»

Письмо 2-е.

«Цвѣткомъ показался мнѣ почтальйонъ, когда я увидѣлъ въ рукахъ его письмо съ краснымъ штемпелемъ «Milano»...

«Да, и я тоже вспоминаю съ наслажденіемъ о первомъ моемъ входѣ въ театръ Ла-Скала; на сценѣ пѣли Рубини и Мерикъ-Лаландъ. Итальянскую музыку нужно слушать у Итальянцавъ, ну а нѣмецкою, тою, конечно, можно подъ всякимъ небомъ наслаждаться. Концерты Гевандгауза наполнились снова итальянскими аріями. Флорестану это не нравится, но онъ сдерживается, не слишкомъ бранится, въ пику педантамъ-генделіанерамъ и т. п. господамъ, разсуждающимъ о нѣмецкой музыкѣ, какъ будто они сами, сидя въ халатѣ, написали *Самсона* (5)... Впрочемъ, сердиться на итальянскую музыку уже не въ модѣ, не понимаю только, зачѣмъ наши Нѣмки поютъ въ концертахъ не нѣмецкія пѣсни Шуберта, Вебера и Видебейна, а Россини? Пѣвица одна, напримѣръ, начала въ концертѣ свою арію изъ Торвальдо такимъ дрожащимъ голосомъ, съ такимъ страхомъ произнесла: *dove son? Chi m'aita?* что я невольно отвѣчалъ ей про себя: «здѣсь у насъ, милая, *aide toi, et le ciel t'aidera!*»

«Недавно также присутствовали мы при исполненіи *A-dur* ной симфоніи Бетговена. Прослушавъ ее довольно холодно, отправились мы позднимъ вечеромъ къ мейстеру Раро. Давидово братство было въ сборѣ. Флорестанъ усѣлся за инструментъ. Ты знаешь его привычку и пѣть, и смѣяться, и говорить, и плакать, импровизируя. Иногда покидаетъ онъ вдругъ

(1) *Meesestille*—извѣстная увертюра Мендельсона.

(2) Орагорія Генделя.

инструментъ, опять къ нему подходитъ и снова импровизируетъ... Въ этотъ вечеръ, начавши играть A-dur-ную симфонію, онъ повелъ такую рѣчь: «Смѣшно мнѣ слушать вѣчныя разсужденія о томъ, что музыка воплощеніе какой-то невинности и абсолютной красоты. Не менѣе смѣшны мнѣ кажутся утверждающіе, что Бетговенъ въ своихъ симфоніяхъ совершенно отдавался высокимъ *чувствамъ* (*grössten Sentiments*) и заоблачнымъ мечтаніямъ о Богѣ, о безсмертіи души, о теченіи звѣздъ, тогда какъ гениальный этотъ человѣкъ, указывая своею коронованною головою на небо, самъ все-таки остается на столь-любимой имъ землѣ... A-dur-ная симфонія, напримѣръ, веселая свадьба. Невѣста, божественное дитя—съ розою въ волосахъ, съ *одною* только розой. Гости начинаютъ собираться и церемонно раскланиваются, на деревнѣ идетъ страшное веселье, флейты такъ и высвистываютъ. Вотъ видится мнѣ блѣдное лицо матери Розы-невѣсты. «Знаешь ли ты, что мы должны разстаться?» говоритъ она своей дочери, и взоръ ея мутится отъ волненія. Стремительно кидается къ ней на шею молодая дѣвушка, увлекаетъ за собою юношу, рука котораго сжимаетъ ея руку... Но вотъ все вдругъ затихло на деревнѣ (Флорестанъ перешелъ въ аллегретто симфоніи), только изрѣдка слышится то полетъ бабочки, то паденіе цвѣтка съ вишневаго дерева... Вдругъ послышались звуки органа, солнце стоитъ высоко на небѣ, лучи его, играя съ пылинками, перекинулись косыми полосами изъ конца въ конецъ церкви, колокола сильно звонятъ, церковныя входы наполняются народомъ, иные поселяне углубляются въ свои молитвенники, другіе глядятъ по сторонамъ, процессія подвигается ближе, впереди мальчики съ дымящимися кадилами и съ зажженными свѣчами, за ними друзья брачной пары, потомъ женихъ и невѣста, сопровождаемые священникомъ, наконецъ, родные, подруги невѣсты и все молодое народонаселеніе деревни. Какъ все это размѣстилось въ церкви, какъ священникъ сталъ къ алтарю и, обратившись оттуда къ вѣнчавшимся, объяснялъ имъ о цѣли и обязанностяхъ супружества, говорилъ имъ о взаимной любви и согласіи, какъ потребовалъ онъ отъ невѣсты слова «да», берущаго у нея такъ много на вѣчныя времена, какъ произнесла она его громко и протяжно,—картины всего этого не требуютъ отъ меня, придѣлайте сами финалъ, какой вамъ угодно...» произнесъ Флорестанъ и рѣзко ударилъ послѣдніе аккорды аллегретто. Они

взвучали такъ, какъ будто бы кюстеръ вдругъ съ силою захлопнулъ церковную дверь, и гулъ пронесся по всему зданію...

«Довольно. Слова Флорестана расшевелили что-то во мнѣ, буквы письма моего дрожать и путаются передо мною. Много хотѣлось бы мнѣ тебѣ еще сказать, но меня тянетъ вонъ изъ комнаты, на чистый воздухъ...

«Эвсебій.»

Письма эти, изъ которыхъ мы привели сейчасъ два отрывка, писаны были въ 1835 году, и достигали разомъ двухъ цѣлей; служа газетѣ отчетомъ о первыхъ концертахъ Гевандгауза подъ управленіемъ Мендельсона, они вмѣстѣ съ тѣмъ давали автору ихъ возможность говорить о любви своей далекому другу, читавшему ихъ съ такимъ волненіемъ подъ вѣчно-голубымъ небомъ Италіи!...

Только работа и поддерживала часто упавшій духъ бѣднаго музыканта. Разлука съ милымъ ему существомъ заставляла его страдать несказанно. Вѣчно сдерживающійся, скрытный Шуманъ привязался въ это время еще сильнѣе къ невѣсткѣ своей Терезѣ и къ музыкѣ. «Ты одна у меня и осталась утѣшительницею!» повторяетъ онъ часто въ письмахъ своихъ къ ней.

«Страданія, которыя мнѣ принесла съ собою любовь моя къ Кларѣ, отразились въ моихъ сочиненіяхъ, пишетъ онъ въ послѣдствіи (въ 1839 году) къ Дорну:—соната, *Крейслериана* и новелетты—вездѣ все Клара....»

Но чтò же дѣлала она въ то время какъ страстно любившій ее музыкантъ страдалъ такъ мучительно и безнадежно по ней?

Она тоже страдала, терпѣливо вынося нападки отца своего на милого ей Роберта; страдая, однако, надѣялась, ждала, въ то время, какъ тайный женихъ ея мучился страшными сомнѣніями....

Не прежде какъ въ 1837 году, по возвращеніи ея въ Лейпцигъ изъ путешествія въ Парижъ и Лондонъ, успокоивается Шуманъ, и уже увѣренный въ силу и постоянствѣ любви Клары къ нему, пишетъ Терезѣ, что онъ «счастливъ, покоенъ и прилеженъ.»

Въ половинѣ сентября того же года дѣлаетъ онъ вторично письменное предложеніе отцу Клары, но получаетъ рѣши-

тельный отказъ; отказъ этотъ не слишкомъ однако печалитъ его, онъ надеется...

«Старикъ не хочетъ мнѣ отдать своей Клары, пишетъ онъ Терезѣ, онъ слишкомъ къ ней привязанъ. Къ тому же онъ отчасти правъ, говоря, что оба мы, и я и она, должны прежде побольше заработать, чтобы быть въ состояніи прилично жить (1).»

У Шумана рождается мысль переѣхать въ Вѣну, гдѣ онъ надеется на пріобрѣтеніе большихъ средствъ къ жизни тѣмъ въ Лейпцигѣ. Мысль объ этомъ переселеніи приходила, впрочемъ, ему въ голову еще годъ тому назадъ—это видно изъ письма его къ Фишгофу, въ которомъ онъ разспрашиваетъ своего корреспондента о жизни въ Вѣнѣ.

«Не позже конца октября, пишетъ Шуманъ своему корреспонденту отъ 5 августа 1838 г., буду я въ Вѣнѣ. Газеты моей я не оставляю, а буду продолжать изданіе ея въ вашей столицѣ. Конечно, не обойдется безъ хлопотъ съ цензурою и пр. и пр., но я надеюсь на васъ; вы поможете бѣдному артисту, ничего не понимающему въ житейскихъ дѣлахъ. Того, что вы для меня сдѣлаете, я никогда не забуду. Все счастье жизни моей зависитъ отъ этой удачи; я уже теперь не одинъ. Но это между нами.»

Въ концѣ сентября, поручивъ изданіе газеты Лоренцу, Шуманъ направляется въ путь черезъ Прагу, и 10 октября онъ уже пишетъ своимъ роднымъ изъ Вѣны, сообщая имъ о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на него новою для него столичною жизнью.

«Меня здѣсь приняли дружески, только министръ полиціи испугалъ немного, сказавши, что предпріятіе мое едва ли можетъ быть достигнуто, если я не найду здѣсь издателямъ моей газеты австрійскаго подданнаго. Завтра обращаюсь я къ известному Гаслингеру. Вы не можете себѣ представить сколько здѣсь интригъ, мелочныхъ партій и кружковъ, какъ много надобно имѣть въ себѣ змѣиной природы, чтобы здѣсь успѣть! А у меня ея вовсе нѣтъ, какъ мнѣ кажется.

«Но будемъ надеяться! Я разчитываю на госпожу Чаббини, она все можетъ. Клара написала ей удивительное письмо, въ которомъ повѣрила ей всѣ наши тайны. Постоянные мои здѣсь товарищи—Фишгофъ и сынъ знаменитаго Моцарта.

(1) S. 163. B. V. W.

«Скажу вамъ, однако, по секрету. Долго не могъ бы я пробыть здѣсь одинъ — серьезные люди и серьезные вещи мало понимаются здѣсь... На дняхъ былъ я на кладбищѣ, чтобы поклониться Бетговену и Шуберту. И представьте, что нашелъ на могилѣ Бетговена! Перо, да еще стальное. Я спряталъ его, и буду хранить какъ святыню.

«Клару здѣсь не только любятъ, но обожаютъ. Про нее говорятъ мнѣ вездѣ съ восторгомъ. Черезъ нѣсколько времени сообщу вамъ, какъ устроится судьба моя. Во всякомъ случаѣ, въ Лейпцигъ не возвращусь, а отправлюсь въ Лондонъ или въ Парижъ, если въ Вѣнѣ мнѣ нельзя будетъ остаться.»

«Серьезныхъ людей и вещей здѣсь не ищутъ и не понимаютъ, повторяетъ Шуманъ, чрезъ два мѣсяца, въ письмѣ къ невѣсткѣ своей Терезѣ. Напрасно старался я здѣсь набрести на истинныхъ артистовъ-художниковъ, то-есть не на такихъ, которые бы порядочно играли на одномъ или на двухъ инструментахъ, такихъ здѣсь довольно,—а на художниковъ, которые были бы вмѣстѣ съ тѣмъ и людьми (*ganze Menschen*), понимали бы Шекспира и Жанъ-Поля Рихтера.

«Меня здѣсь поражаетъ равнодушіе публики къ памяти Бетговена и пристрастіе ея къ пустой танцевальной музыкѣ и къ сладенькимъ пѣсенкамъ нѣмецко-итальянскаго происхожденія.

«Да и вообще Вѣна странный городъ, въ ней сплетничаютъ и занимаются вздоромъ не менѣе чѣмъ въ нашемъ родномъ Цвикау. Лейпцигъ вовсе не кажется мнѣ теперь уже такимъ маленькимъ городомъ, какъ прежде.

«Но тѣмъ не менѣе, шагъ уже сдѣланъ и вообще долженъ былъ быть сдѣланъ. Я остаюсь, вѣроятно, въ Вѣнѣ. Клара ѣдетъ въ началѣ января въ Парижъ, а потомъ въ Лондонъ. Какъ далеко будемъ мы другъ отъ друга! Какъ перенесу я это! Да защититъ Господь ее, мою добрую, вѣрную дѣвушку...

«Въ концѣ апрѣля я можетъ-быть прїѣду въ Лейпцигъ для устройства моихъ журнальныхъ дѣлъ.»

Въ апрѣлѣ Шуманъ дѣйствительно покидаетъ Вѣну, но только не на время, а навсегда, удостоверившись, что не въ состояніи былъ бы продолжать тамъ изданіе своей газеты.

Вернувшись въ Лейпцигъ, онъ принимается съ новымъ жаромъ за свои прежнія литературныя и музыкальныя занятія.

Прошло полгода, Клара вернулась изъ-за границы съ громкимъ именемъ первоклассной артистки и съ тѣмъ же глубокимъ чувствомъ привязанности къ милому ей Роберту, но ста-

рикъ Вика болѣе чѣмъ когда-нибудь противился ихъ соединенію.

«Шуманъ ничего не имѣеть, ничего еще не значить и вѣдетъ разгульную жизнь»,—вотъ что говорилъ онъ всѣмъ убѣждавшимъ его дать наконецъ свое согласіе молодымъ людямъ. Отзывы эти, однако, мало оскорбляли Шумана, хотя въ основаніи ихъ и лежала вопіющая несправедливость. Онъ понималъ Вика и зналъ настоящую причину его отказа.

«Шуманъ еще ничего не значить,» говорилъ отецъ Клары. Но какъ могъ ничего не значить редакторъ такой газеты, какъ *Новая музыкальная летопись*? Какъ могъ оставаться въ неизвестности такой гениальный человѣкъ, какъ Шуманъ, другъ Листовъ, Шопеновъ, Мендельсоновъ?..

Далѣе, не имѣя того, что принято называть обезпеченіемъ въ жизни, то-есть большого денежнаго капитала, Шуманъ имѣлъ ужь, однако, въ то время возможность жить совершенно безбѣдно своими музыкальными и литературными трудами. Что же касается до послѣдняго пункта обвиненія, то онъ основанъ былъ на всѣмъ современникамъ Шумана извѣстной страсти его прѣсидивать по вечерамъ часа по три, по четыре въ такъ-называемыхъ биркеллерахъ (пивныхъ погребкахъ), и на отвращеніи его къ систематической, пошлой мѣщанской жизни Нѣмца-филистера: тяжелое обвиненіе въ глазахъ истого филистера-бюргера, считающаго аккуратность чуть ли не первую добродѣтелью человѣка.

Такою аккуратною личностью, конечно, не былъ да и не могъ быть Робертъ Шуманъ, проводившій иногда цѣлыя ночи гдѣ-нибудь въ саду или за городомъ и возвращавшійся уже къ утру домой, чтобы записать созданное имъ подъ обаяніемъ вдохновляющей ночной тишины.

Однимъ словомъ, Шуманъ велъ жизнь артиста, и *артистъ* Викъ не могъ и не хотѣлъ ему этого повидимому простить...

Говоримъ: повидимому, потому что ни Шуманъ, ни близко знавшіе старика Вика не ошибались на счетъ настоящей причины несогласія отца Клары на бракъ ея съ такъ-сильно-любимымъ ею человѣкомъ. Причина была: денежный интересъ. Клара, знаменитая виртуозка, составляла чуть ли не главную вѣтвь дохода своего семейства...

Въ слѣдующемъ письмѣ сообщимъ мы вамъ исходъ многолѣтней, упорной борьбы Шумана съ обстоятельствами, ставшими между нимъ и «желанною» его, вѣрною ему дѣвушкой,

а теперь кинемъ бѣглый взглядъ на музыкальную дѣятельность его до 1839 года, то-есть до возвращенія его изъ Вѣны въ Лейпцигъ.

Въ послѣдніе два года, Шуманъ сдѣлалъ много. Все то, что написано имъ подѣ влияніемъ любви его къ Кларѣ, полно мысли и вдохновенной оригинальности. Но изданное въ свѣтъ, оно, равно какъ и всѣ предыдущія его произведенія, рѣшительно не было понято публикой.

«Издатели знать меня не хотятъ, пишетъ Шуманъ Дорну, и не будь я редакторомъ музыкальной газеты, котораго они побаиваются, сочиненія мои лежали бы всѣ въ моемъ бюро.»

Но если публика не обратила вниманія даже на такія піесы, какъ напримѣръ его ноктюрны (1), фантазіи (2) и *Крейслериана*, то это ей было извинительно по многимъ причинамъ. Въ нихъ не нашла она ничего ей знакомаго, онѣ показались ей странными, непонятными. Самыя объяснительныя надписи (какъ въ карнавалѣ, напримѣръ), которыя, повидимому, должны бы были облегчить ей трудъ знакомства съ дебютантомъ, отталкивали ее, поражая своею оригинальнію и требовательностію. Нѣмецкая публика, добросовѣстная и вообще консервативная, держится крѣпко за разъ-понятое и усвоенное ею. Чтобъ ознакомить, помирить съ новизною формъ, содержанія и вообще тенденцій впервые отдаваемыхъ на судъ ея произведеній, нужно много времени, много благопріятствующихъ для автора ихъ обстоятельствъ.

Для этого требуется прежде всего истолкователь-посредникъ, будь онъ исполнитель, или даже критикъ, но въ обоихъ случаяхъ — человѣкъ съ авторитетомъ въ глазахъ публики, и при этомъ добросовѣстно и энергически принявшійся за дѣло. Такимъ посредникомъ былъ Листъ между Шопеномъ, Шубертомъ и предпослѣдними фортепіаннѣми произведеніями Бетговена и нѣмецкою публикой, такими же посредниками были Клара Викъ, какъ піанистка, и самъ Шуманъ, какъ критикъ, между ею и Шопеномъ. А такихъ-то посредниковъ и не отыскалось для Шумана.

Критика того времени систематически и упорно молчала цѣлая семь лѣтъ о сочиненіяхъ Шумана, ожесточенно нападавъ въ то же время на тенденціи его, какъ редактора *Новой музыкальной летописи*. Кажется, нападки эти должны бы были

(1) Nachtstücke. (2) Fantasiestücke.

поневоля заставить публику обратить вниманіе на произведенія новаго романтика Шумана, косвенно помочь ей съ нимъ сближенію, и это можетъ-быть и случилось бы, отыщись талантливый исполнитель, способный увлечь ее въ новый для нея міръ шумановской поэзіи... но въ то время авторъ *Крейслерианы* и *Карнавала* стоялъ непризнанный и одинокій въ толпѣ шумливыхъ бездарностей и жалкихъ посредственностей. Имя его, какъ композитора, читалось только въ маленькомъ кружкѣ людей, подобныхъ Мендельсону, Шопену, Липинскому, Гиллеру, и другихъ истинныхъ цѣнителей искусства. Публика же любила и знала только музыканта-критика Шумана, но любила странною любовью, съ примѣсью большой недовѣрчивости къ убѣжденіямъ его. Другими словами, она читала его поэтическія статьи, какъ читается большая часть лирическихъ произведеній, наслаждаясь ими, но не слишкомъ вдумываясь въ то, что пряталось за прихотливою тканью его живой, вдохновенной рѣчи. А за этою тканью скрывалось магическое слово: *впередъ*, всегда и вѣчно вперед!

Убийственное слово для тѣхъ, чьи ноги страждутъ параличомъ и другою не менѣе неприятною болѣзнью:—старческою немощью!

«Куда идутъ, куда стремятся эти чортовы романтики?» писалъ извѣстный въ то время, разбитый параличомъ, музыкальный критикъ Финкъ, чувствуя, что уже не можетъ сдвинуться съ мѣста. «Куда бѣгутъ они?» спрашивалъ онъ сердито, посылая вслѣдъ горячей и страстной молодежи тупыя стрѣлы безсильнаго, старческаго своего остроумія.

«Да скажите же наконецъ, гдѣ эти чортовы романтики (Teufelsromantiker)?» спрашивалъ въ свою очередь Шуманъ, выведенный изъ терпѣнія. «Музыкальная газета» (Allgemeine mus. Zeitung, редакторомъ которой былъ Финкъ) громить ихъ безъ всякой пощады. Кто они? Назовите ихъ. Уже не браните ли вы этимъ именемъ Мендельсона, Шопена, Беннета, Тауберта? Что же вамъ въ нихъ не понравилось, почтенные старцы? Неужели Герцъ, Шлейель, Гюнтенъ лучше ихъ? Скажите хоть разъ толкомъ ваше мнѣніе, не ограничиваясь общими мѣстами, не твердя постоянно о «мученіяхъ и страданіяхъ этого *переходнаго* музыкальнаго времени.» Когда перестанете вы путать все вмѣстѣ, и мѣшать стремленія германскихъ сочинителей съ стремленіями нѣмецко-французской школы Берліоза, Листа и другихъ.

«Но если вамъ это разграниченіе не понутру, такъ дайте намъ вашихъ собственныхъ сочиненій, почтенные старцы, сочиненій, сочиненій!» (1)

«Красный цвѣтъ—цвѣтъ юности, говоритъ Шуманъ, вслѣдъ за этою статейкой, въ одномъ изъ нумеровъ своей газеты (2). Волю и индѣйскіе пѣтухи не могутъ его видѣть безъ бышенства.» Улыбаясь, читала публика подобныя полемическія выходы «молодаго» Шумана,—публика вообще охотница до торреадоресъ,—но попрежнему играла водянистыя произведенія почтенныхъ Герцевъ, Калькбреннеровъ и Гюntenовъ. А въ то же время Шуманъ, въ припадкѣ душевной тоски, писалъ Терезѣ, что у него «голова кружится на высотѣ событій и времени, что ему становится страшно за принятую имъ на себя обязанность: сражаться, помогать и оставаться въ то же время самостоятельнымъ.»—«Безъ поощренія нѣтъ искусства, говоритъ онъ въ другомъ своемъ письмѣ: и Моцартъ, и Рафаель, брошенные на любой изъ острововъ Тихаго океана, остались бы простыми поселянами.»—«Вспомните слова Жанъ-Поля, продолжаетъ онъ, одно только можетъ и долженъ всегда глотать человѣкъ: воздухъ и похвалы.» Но художникъ и вообще всякій богато одаренный человѣкъ долженъ довольствоваться вложенною въ него силой,—въ этой силѣ, въ этой его сущности залогомъ его производительности, возразятъ намъ иные.

Велика производительная сила земли! Сѣмя, брошенное на удобную почву, должно дать плоды. Мало того, оно дастъ ихъ и при плохихъ атмосферическихъ условіяхъ и дастъ ихъ пожалуй болѣе, чѣмъ сѣмя, павшее на менѣе-хорошую почву при наилучшихъ атмосферическихъ условіяхъ. Это безспорно. Но тутъ главный вопросъ не въ томъ, дастъ или не дастъ оно плодъ, и не въ томъ, на сколько оно, попавшее на удобную почву, дастъ болѣе чѣмъ попавшее на неудобную, а въ томъ, сколько оно вообще бы дало, еслибы благодѣтельная влага и теплые лучи солнца напоили и согрѣли пущенный имъ ростокъ, еслибы недостатокъ въ томъ и другомъ не отнялъ у него силы развиться въ высокій колосъ, гордо высящійся въ полѣ на славу землѣ производительницѣ и человѣку трудившемуся?

(1) S. 89. Schumann B. III.

(2) Ibid.

Вотъ въ чемъ вопросъ важный, капитальный. Конечно личности, подобныя гиганту Баху, менѣе нуждаются или почти вовсе не нуждаются въ сочувствіи людей, но вѣдь потому-то и могъ Целтеръ сказать про Баха: «Этотъ лейпцигскій канторъ (органистъ при церкви Св. Томы)—непостижимое проявленіе Божества!» Вся жизнь его была не что иное какъ непрерывный гимнъ вѣчной красотѣ и отрѣшеніе отъ дѣйствительнаго міра. И что могъ значить для него судъ современниковъ, когда потребовалось сто лѣтъ жизни людей, чтобы придти къ полному сознанию того, что онъ такое былъ для исторіи музыкальнаго развитія человѣчества?

Но Шуманъ, при всей своей геніяльности, не могъ обойтись безъ сочувствія людей. Онъ пѣлъ имъ про *ихъ* страсти, говорилъ имъ про *ихъ* любовь, плакалъ *ихъ* слезами, а вмѣстѣ съ тѣмъ гордая и непреклонная художническая натура его не могла сдѣлать ни одной уступки музыкальному вкусу или, лучше сказать, безвкусію публики того времени. Искусство было для него цѣлю, а не средствомъ въ жизни, сдѣлаться рабомъ публики онъ не хотѣлъ и не могъ, потому что создавалъ свои силы, свое право передоваго человѣка....

Что же мудренаго, что у него, по собственному его признанію, «кружилась голова на высотѣ», съ которой онъ не могъ сойти, не отказавшись отъ своей сущности?

Къ тому же Шуманъ представляетъ собою едва ли не единственное явленіе въ исторіи музыки. Онъ, какъ уже мы не разъ говорили, принялся за изученіе искусства, ознакомился съ законами его уже тогда, когда душа его вся изстрадавалась, изныла подъ бременемъ музыкальныхъ образовъ и звуковъ, накопившихся на днѣ ея и тщетно искавшихъ себѣ выхода.... Правда, его геніяльность спасла его, поставила на высокій пьедесталъ въ исторіи музыки, но законъ естественнаго и своевременнаго развитія врожденныхъ способностей въ человѣкѣ взялъ свое: даже лучшія произведенія изъ перваго періода его дѣятельности далеко такъ непосредственно и магнетически не дѣйствовали и никогда не будутъ дѣйствовать на большинство, какъ произведенія современника Шуманова—Мендельсона.

Мендельсонъ-Бартольди, рано и хорошо начавшій свое музыкальное образованіе, рано поборолъ тѣ техническія трудности, не овладѣвъ *вовполнѣ* которыми, и наиталантливѣйшій

музыкантъ встрѣтитъ всегда непреодолимыя препятствія для полнаго, яснаго выраженія своихъ мыслей.

Совершенство формъ доведено Мендельсономъ до той изящной, античной простоты, до которой Шуманъ, несмотря на всю свою гениальность, на всю ширь и глубину своихъ возрѣвій, никогда вполне не могъ достигнуть.

Но уступая въ этомъ Мендельсону, онъ далеко оставляетъ его за собою по самой сущности и силѣ своей поэзіи. Поэзія Мендельсона ласкаетъ ухо, нѣжитъ сердце, отрадно и освѣжительно дѣйствуетъ на человѣка, звуки же Шумановской поэзіи западаютъ въ душу и возбуждаютъ въ ней безконечныя движенія...

Мы уже сказали, что критики того времени (тридцатыхъ годовъ) упорно и систематически молчали о произведеніяхъ Шумана, изрѣдка упоминала о нихъ только *Цецилія*, газета, издаваемая Веберомъ. Но наконецъ появились двѣ статьи о нихъ, сильно обрадовавшія Шумана: статья Мошелеса, изъ Лондона, въ *Новой музыкальной лѣтописи*, и Листа, изъ Парижа, въ *Музыкальной французской газетѣ*.

Послѣднюю былъ Шуманъ особенно доволенъ. Онъ и тогда и въ послѣдствіи увѣрялъ, что она была самымъ дѣльнымъ отзывомъ, когда-либо о немъ сдѣланнымъ.

«Всѣ произведенія искусства можно раздѣлить на три категоріи, пишетъ Листъ. Первыя подобны апрѣльскому цвѣтку, распустившемуся утромъ, и къ вечеру уже уничтоженному порывомъ сѣвернаго вѣтра. Принятая съ восхищеніемъ публикою, они падаютъ и умираютъ, лишь только подвергнутся суду справедливыхъ современниковъ. Вторыя остаются долго какъ бы въ туманѣ. Ихъ таинственныя прелести раскрываются только предъ взоромъ, полнымъ любви и терпѣнія. Разсѣянно проходить мимо ихъ непостоянная толпа. Третья наконецъ—счастливые избранники! Сразу овладѣваютъ они и симпатіей толпы и удивленіемъ истинныхъ знатоковъ искусства.

«Лежащія передъ нами сочиненія Шумана относятся ко второй категоріи. Имъ, кажется, не суждено возбудить общаго восторга въ публикѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не найдется ни одного человѣка, одареннаго художническимъ смысломъ, который бы сразу не увидалъ и рѣдкихъ красотъ и высокихъ ихъ достоинствъ. Мы не станемъ опредѣлять, къ какой школѣ принадлежитъ ихъ авторъ, къ старой или

къ новой; къ той ли, которая *начинаеть*, или къ той, которой *уже болѣе нечего дѣлать*; а скажемъ одно только, что произведенія, подлежащія нашему анализу, единственные изъ Шумановскихъ, которыя намъ удалось пока достать (экспромптъ ор. 5, концертъ ор. 14 и соната ор. 11), совершенно отдѣляютъ автора ихъ отъ всей толпы современныхъ композиторовъ.

«Музыка Шумана найдетъ отголосокъ только въ душахъ мечтательныхъ. Ее поймутъ только серьезные умы, не довольствующиеся одною гладкою поверхностью, но умѣющие опускаться на самое дно глубокихъ водъ, для того чтобы находить скрытыя въ немъ жемчужины.

«За очень-немногими признаемъ мы право называться основателями школъ и изобрѣтателями новыхъ системъ. Мы вообще находимъ, что въ настоящее время страшно злоупотребляютъ громкими выраженіями и громкими словами по поводу маленькихъ вещей и маленькихъ людей, и потому, не выдавая Шуману диплома *на право изобрѣтенія*, обратимъ только вниманіе музыкантовъ на произведенія молодого піаниста, какъ на такія, которыя изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ современныхъ произведеній заключаютъ въ себѣ, за исключеніемъ Шопеновскихъ, наиболѣе самостоятельности, оригинальности и знанія. Чѣмъ болѣе въ нихъ углубляешься, тѣмъ болѣе открываешь въ нихъ силы и жизни, тѣмъ болѣе поражаешься богатствомъ ихъ содержанія.»

Подвергнувъ чрезвычайно вѣрной критической и поэтической оцѣнкѣ всѣ три сочиненія, выше названныя, Листъ замѣчаетъ, возвращаясь къ сонатѣ, что, несмотря на строгую логичность развитія основныхъ идей сонаты и на оригинальность финала ея, общее впечатлѣніе, производимое ею, какъ-то не полно.

«Причиною этому либо длинноты подробностей, говоритъ онъ, либо то, что авторъ ея не опредѣлялъ, не пояснилъ намъ сущности, смысла своего произведенія. При этомъ является самъ собою вопросъ о музыкѣ чисто-поэтической, и о музыкѣ описательной, о музыкѣ съ программой или безъ программы,—вопросъ такъ часто затрогиваемый, но рѣдко съ добросовѣстностію и смысломъ.

«Чаще всего предполагаютъ, что такъ-называемая *описательная* музыка старается соперничать съ кистью, стремится *рисовать* картины природы, виды лѣсовъ, уступы горъ, извивы

ручейка и проч. Предполагать что-либо подобное значить добровольно предполагать совершенную бессмыслицу.

«Понятно, что всѣ эти картины природы, взятая какъ объектъ, не могутъ быть предметами описанія для музыки. Набросать карандашомъ любой пейзажъ легче послѣднему ученику рисовальнаго класса, чѣмъ талантливѣйшему изъ музыкантовъ, какими бы средствами отличнаго оркестра онъ ни располагалъ. Но отчего же предметы эти: и лѣса, и горы, и извивы ручейка, дѣйствуя такъ или иначе на душу музыканта, и тѣмъ самымъ обращаясь уже въ субъективные для него предметы, если можно такъ выразиться, въ мечту, въ порывъ, въ мысль, отчего не могутъ они быть имъ переведены на таинственный языкъ музыки?»

«Есть ли возможность изъ обвиненія Бетговена въ наивномъ его подражаніи крику перепела и кукушки (въ пасторальной симфоніи) выводить заключеніе, что ему вообще не удалось своею симфоніей возбуждать въ душѣ такія же движенія, какія были бы въ состояніи въ ней возбудить дѣйствительные виды смѣющагося пейзажа, счастливаго уголка земли, на которомъ пировали бы свадьбу, внезапно прерываемую грозой?.. Неужели думаютъ, что музыкѣ необходимы припѣвы какой-нибудь глупой пѣсенки, или декламаторское либретто, для того чтобъ изображать страсти человѣка: любовь, отчаяніе, бѣшенство?..»

«Но распространяться объ этомъ было бы слишкомъ долго. Повторимъ только для успокоенія нѣкоторыхъ господъ, что никто и не думаетъ о такой *колической* музыкѣ, но что думаютъ,—и думаютъ, и думали гениальнѣйшіе люди,—о томъ, чтобы сдѣлать музыку органомъ той части души, которая, если вѣрить людямъ любившимъ, страдавшимъ и много перечувствовавшимъ на этомъ свѣтѣ, рѣшительно ускользаетъ отъ анализа и отъ положительнаго опредѣленія ея сущности на какомъ бы то ни было человѣческомъ языкѣ...»

«Кончимъ недостаточный очеркъ нашъ желаніемъ, чтобы Шуманъ поскорѣе ознакомилъ Францію и съ другими произведеніями своими, составляющими покуда исключительную собственность Германіи.

«Знакомство съ ними принесетъ существенную пользу молодымъ піанистамъ, идущимъ по новому пути; искренно порадуется истинныхъ знатоковъ музыки, и заставитъ ихъ обратить еще съ большею надеждою взоры свои къ странѣ,

давшей намъ въ послѣднее время такихъ людей, какъ Веберъ, Шубертъ и Мейерберъ.» (1)

Перейдемъ теперь къ рецензiи ветерана Мошелеса, принадлежащаго къ школѣ, которой, по выраженiю Листа, теперь уже болѣе нечего дѣлать. Ею и закончимъ мы наше настоящее письмо.

«Соната Шумана (ор. 11)—дѣтя просыпающагося романтизма...

«Смерть Бетговена оставила многое неразгаданнымъ въ искусствѣ. Въ отношенiи къ его безсмертнымъ произведенiямъ, музыкальный мiръ раздѣлился на двѣ партii. Одна изъ нихъ, большинство музыкантовъ, отдалась полному наслажденiю его первыми и предпослѣдними творенiями, и тѣмъ болѣе въ нихъ углублялась, тѣмъ болѣе раскрывались передъ нею ихъ сокровенныя красоты.

«Другая, и меньшая, почувствовала особое влеченiе къ послѣднимъ произведенiямъ великаго мастера. Таинственность, туманность ихъ вызвали въ ней какое-то мистическое чувство, какое-то неудовлетворенное стремленiе къ свѣту и ясности, однимъ словомъ, вызвали рядъ ощущенiй, которымъ нѣтъ названiя ни на одномъ языкѣ.

«Искусство должно идти впередъ, говорятъ юные жрецы его, считая себя призванными продолжать начатое Бетговымъ. Они стремятся къ расширенiю предѣловъ искусства, тогда какъ самъ мастеръ уже перешагнулъ черезъ границы его (*übergeschritten hat*)...

«Отсюда новое романтическое направленiе.

«Оно уже дало много отпрысковъ и красивыхъ цвѣтовъ, но принесло еще такъ мало плодовъ, что его нельзя почитать именемъ школы. У него нѣтъ исторiи, по которой могли бы мы прослѣдить жизнь его.

Въ первообразѣ его, Бетговенѣ, видимъ мы постепенное развитiе и переходъ отъ простоты и необыкновенной ясности къ полнотѣ и поразительной оригинальности, мы видимъ развитiе это, совершавшееся въ немъ съ такою же законностью (*Gesetzlichkeit*), съ какою совершается все въ природѣ, съ какою слѣдуютъ одинъ за другимъ возрасты въ жизни людей. Принявъ это-то за основанiе, достигнемъ быть-можетъ и мы

(1) *Gazette musicale* du 12 Novembre 1837. № 46.

(старая школа) когда-нибудь до полного уразумѣнія послѣднихъ твореній Бетгоvena, кажущихся намъ теперь столь загадочными. Творенія эти послужили исходнымъ пунктомъ, высокимъ началомъ для новой школы. Но гдѣ ученическіе годы ея? Имѣетъ ли она возможность согласовать стремленіе свое къ значенію со средствами, имѣющимися у нея подъ руками? Куда поведетъ прогрессъ (1)?

«Вотъ тѣ, которые стоятъ во главѣ поэтической живописи звуками: Берлиозъ, Листъ, Геллеръ, Шопенъ, Флорестанъ и Эвсебій. Послѣдніе два (то-есть Шуманъ) стали ближе другихъ къ Шопену, объ отношеніяхъ котораго къ школѣ романтиковъ я здѣсь распространяться не стану. Вліяніе Шопеновской поэзіи отразилось и на сонатѣ, лежащей передъ нами.»

Съ любовью и весьма подробно разобралъ сонату, Мошелесъ продолжаетъ такъ: «Соната эта требуетъ опытнаго исполнителя,—мужскихъ рукъ, сказалъ бы я, еслибы не увидалъ на заглавномъ листѣ піесы имени Клары, а между Кларами знаю я только одну, способную передать въ совершенствѣ это произведеніе, Клару Викъ.»

«Въ заключеніе скажу, что для того, чтобы разрѣшить ту великую задачу, за которую взялся авторъ сонаты, требуется рядъ произведеній, въ которыхъ значительный талантъ молодаго композитора проявлялся бы каждый разъ все съ большею и большею силой и ясностію...» (2)

Много лѣтъ спустя, въ бытность нашу въ Лейпцигѣ, гдѣ Мошелесъ профессоромъ при тамошней консерваторіи, приходилось намъ не разъ говорить съ нимъ о Шуманѣ, и о значеніи его въ исторіи музыки. Отзываясь о немъ, какъ объ одномъ изъ гениальнѣйшихъ музыкантовъ, Мошелесъ вѣротъ съ тѣмъ никогда не отводилъ ему мѣста между новыми, которымъ онъ, и въ особенности Шопену, весьма мало сочувствуетъ.

Такъ упорна въ человѣкѣ сила убѣжденій, сложившихся въ немъ въ пору его полного, окончательнаго развитія!

Н. Христіановичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

(1) На вопросъ этотъ уже дала школа отвѣтъ послѣдующими произведеніями Шумана, и еще болѣе твореніями Рихарда Вагнера.

(2) *N. Zeitschrift für Musik*. 1837.

ЛИХОЙ ЧЕЛОВѢКЪ

Петръ былъ изъ себя хорошъ; молодъ былъ, статенъ. Смуглый, чернокудрый—онъ суровъ былъ. А глаза черные, какіе строгіе! Какія уста несмѣшливья!

Онъ росъ одиноко, сиротою. Со всѣми въ мирѣ, а ни съ кѣмъ въ дружбѣ. Жилъ себѣ особнячкомъ. Весело ли ему, грустно ли, самъ онъ про то знаетъ. Никому онъ ничего худаго не сдѣлалъ, а его побаивались. Дѣти драку бросали, какъ только его завидятъ; дѣвушки притихали; старые говаривали молодымъ: «не трогайте его»; самые смѣлые изъ молодыхъ слушали его молча, когда онъ въ рѣчь вступалъ, а вступалъ онъ въ рѣчь рѣдко. Были суды и пересуды за его нелюдимость, да втихомолку. Тетка его говорила, что давно бы она отречься отъ Петра рада, что онъ за племянникъ, глазъ не кажетъ по году, совѣта не спросить никогда, да боялась она его, потому не отрекалась, а только горевала и жаловалась.

— Я его боюсь, хоть я ему и тетка, говаривала она: — это такой человекъ, что и жизни рѣшить, и самъ въ землю закопаетъ.

Петръ былъ человекъ имущій и трудолюбивый. Честность его была ни въ чемъ неуклонная, ничѣмъ не подкупная; слово его было вѣрное и надежное. Въ Петръ не сомнѣвался и баринъ, и не заставлялъ его божиться по три раза всѣми святыми, какъ другихъ людей.

Вдругъ стали замѣчать, что Петръ мимо старостина двора повадился ходить, что Петръ у старосты въ гостяхъ бываетъ.

Староста былъ бородачь и приземистъ, нравомъ не строитивъ, вдовъ; глаза у него небольшіе и носъ небольшой, и ротъ небольшой, да ничего особеннаго, только что именемъ его рѣдкимъ звали—Капитонъ. А у старосты была дочка Параша. Свѣженькая, веселая, то-то была дѣвушка!

Жили они съ отцомъ на краю деревни, и сколько черезъ ихъ огородъ дорожекъ было проторено! А дорожки торили все наши деревенскіе молодцы. Шелъ ли кто въ лѣсъ, шелъ ли кто въ поле, имъ всюду ближе черезъ старостинъ огородъ. Ну, сами понимаете, что это былъ за близкій путь: въ поле выйдти изъ огорода—топкое болото обойди, а въ лѣсъ—черезъ поле дорога.

Идетъ бывало одинъ молодець по дорожкѣ, идетъ другой, каждый на окошечко косится, а Параша у окошечка цѣлый день: старостина дочка, на работу она не ходила. Параша будто ничего не знаетъ, будто ничего не видитъ, поетъ себѣ безопасно да распѣваетъ. И много она беззаботныхъ голевъ отуманила; не одно веселое сердце смутила. Параша про то вѣдала и тѣмъ тѣшилась. Люди со стороны тоже видѣли и знали всѣ эти сердечныя напасти, что Параша общая сокруха; а когда сталъ Петръ ходить къ старостѣ, всѣ такъ озадачились, словно на яблонѣ орѣхи выросли. Зашепталъ весь женскій родъ, удивлялись и разчитывали, когда свадьбу будутъ играть, сколько староста приданого дастъ; раскидывали умомъ, какой лихой мужъ будетъ Петръ, и каково житье случится бѣдной Парашѣ. Петрова тетка ходила изъ дома въ домъ, и всѣхъ спрашивала, вѣрують ли въ Бога. «Вѣруемъ,» отвѣчали ей всѣ. «А коли вы въ Бога вѣруете, отговорите вы дѣвушку, чтобы не выходила она замужъ за Петра.»

На это ей никто не отвѣчалъ ни слова.

Но время шло, а Петръ все не сватался. Прошла осень и зима. Люди все дожидались, что будетъ, а все ничего не было. Сама Параша призадумалась и притихла. Староста ничѣмъ не крушился. Человѣкъ-то былъ староста спокойный и со всѣмъ уживчивый. Если онъ чего и ждалъ, то ждалъ съ разсужденіемъ: «Я посею, говаривалъ онъ, взойдти, такъ взойдетъ, уродить, такъ уродить, а нѣтъ такъ нѣтъ,—и дѣлать нечего. По-напрасну-то кипѣть, только выкипишь.»

Какое онъ былъ по хозяйству, такое онъ былъ и въ жизни.

Петръ ходилъ къ старостѣ все чаще да чаще. Всѣ Парашины вздыхатели понемножку отстранялися, словно почували что-то, вотъ какъ дѣти разступаются и даютъ дорогу взрослому человекѣ: разступаются передъ нимъ нехотя, а все разступаются.

Парашѣ было досадно, зачѣмъ они отступаются, она ласковѣй выглядывала изъ окошечка. Веселили ее печальные ихъ взгляды и тяжелые вздохи. «Параша, говорили ей дѣвушки, какъ это Петръ полюбилъ тебя, вѣтрогонку такую?»

Парашѣ сладко тѣ слова слушать, усмѣхается въ отвѣтъ дѣвушкамъ: меня ли не полюбить?

— А какъ онъ ласкаетъ тебя? Чтѣ говорить съ тобою? Когда же свадьба?

— Много будете знать, скоро состарѣетесь, отвѣтитъ Параша шуткою, а у самой сердце защемить: Петръ еще ей ничего не сказалъ. Любилъ и молчалъ. Отчего же это такъ? Отчего не подойдетъ ближе? Сколько разъ она его поджидала вечеромъ у воротъ и встрѣчала, какъ ея сердце билось, а онъ проходилъ въ избу къ ея отцу, не останавливался, кланялся ей какъ на міру! Другіе не такъ. Другіе простаивали подъ ея окнами цѣлые ненастные вечера; другіе бѣжали за нею не мѣряючи пути, чтобъ только взглянуть на нее. А на улицѣ ее цѣлая толпа окружить, всѣ слова къ ней, всѣ глаза на нее... Она и счастливила и крушила по своей волѣ, по своей прихоти. Забавно было. Сколько было потомъ смѣху, сколько рѣчей потомъ вспоминаячи съ дѣвушками! Теперь одиноко и скучно. Сердце бьется черезчуръ, ужъ скоро и больно щемить... Чтѣ же еще дальше будетъ? Скоро ли тяжелые часы пройдутъ? Притихла Параша, призадумалась, пѣть перестала. Сядетъ, подпершиися рукою, пригорюнится да глядитъ въ чистое поле...

Разъ приходитъ къ нимъ Петръ ввечеру, и говоритъ между прочими рѣчами, что ему дорога.

Парашѣ холодно стало.

— А куда Богъ несетъ? спрашиваетъ староста.

— Да съ барынею, отвѣтилъ Петръ.—Береть меня съ собою въ городъ, ключникомъ тамъ буду.

— Катить на всю зиму, надо полагать? сказалъ староста.

— Надо полагать, что на всю, отвѣтилъ Петръ.

— Опять продадимъ пшеницу съ убыткомъ. За насъ будетъ Бога молить Маликовъ купецъ.

А Параша думала: «на всю зиму!» и глядѣла на Петра изъ угла. Ей показалось, что онъ печаленъ и блѣденъ: радостно стало ей, да не вѣрилось; она подошла къ столу, поправила огонь, чтобъ поярче свѣтилъ: да, онъ печаленъ былъ и блѣденъ. Она опять отошла въ уголокъ, и все на него глядѣла.

«А какой человекъ! думала она: кто, кромѣ меня, подстережетъ такую печаль? Иной подумаетъ, что у него только голова болитъ... Хоть бы разъ въ разговоръ зашелъ!.. И отчего ему не поглядѣть на меня подолже, поласковѣй?.. Заговорить ли онъ хоть нынче сердечно?» Она все глядѣла на него.

Вечеръ прошелъ. Петръ сталъ прощаться съ старостой. Параша выскользнула впередъ изъ избы, и въ сѣняхъ шепнула Петру: «Придите еще проститься.» Онъ вдругъ остановился, но ничего не отвѣтилъ ей.

— Добъ береги, темно! сказалъ староста, провожая Петра.

«Разслышалъ ли Петръ мои слова? мучилась Параша. Еслибы разслушалъ, отвѣтилъ бы: ему ли съ мыслями собираться? Догадается ли придти самъ? Любитъ ли? Забудетъ ли въ разлукѣ?»

— Когда жъ въ путь? послышался ей голосъ отца на улицѣ.

— Кто его знаетъ, отвѣчалъ Петръ. — Говорятъ, черезъ недѣлю, а можетъ черезъ двѣ.

Параша чуть не вскрикнула съ радости: черезъ недѣлю! Она думала, что ужъ завтра. Отлегло у нея отъ сердца.

— Барыня-то ужъ заболѣла? спрашивалъ староста.

— Со вчерашняго дня.

— Ну, такъ черезъ недѣлю укатите, увѣренно сказалъ староста, и заперъ двери за гостемъ.

Надо вамъ знать, что барыня была молодая, и до смерти любила людныя сборища и веселыя бесѣды. Такой нравъ по наслѣдству ей перешелъ: у ней папенька на именинномъ пиру Богу душу отдалъ, а маменька скончалась въ гостяхъ. Она сама еще крошкой такъ всякіе танцы выпрыгивала, что всѣ ахали и утѣшались. Замужъ ее отдали молоденькую, мужа своего она только-что въ лицо знала, когда онъ ее привезъ въ свой домъ. И стали они жить да поживать. Молодая скучала; молодой ходилъ недовольный, мало къ себѣ любви видѣлъ. Начался у нихъ споры.

— Чтѣ прибыли, что я женился? говаривалъ баринъ въ горькій часъ. — Только сѣдью!

— Вы не съѣдете, отвѣтитъ ему барыня, взглянувши на его голову.

А онъ совсѣмъ, совсѣмъ дысьй былъ, и все въ томъ не признавался: «сѣдью», говорилъ.

Ссоры пошли чаще и бурнѣе. Бывало искричатся оба такъ за день, что ввечеру изнемогутъ, лежать въ креслахъ, молчать, только знаками показываютъ другъ другу: «ты мнѣ постыла», «а ты мнѣ не милъ.»

Объ эту пору пріѣхала къ нимъ родня, ее тетенькой называли изъ уваженія, а по родству она была далекая. Была это барыня старая уже, вдова и великая щеголиха. Общительная, бойкая, и привѣтливая, и не переборчивая, она всякаго къ себѣ привлекала. Молодая барыня прильнула къ ней мягкой кошечкой. Родная прожила мѣсяца два, погостила и увезла молодую барыню съ собою.

Барину куда какъ не хотѣлось этого, а самъ попросилъ родню, чтобы взяла жену къ себѣ въ гости. Какъ нашла на него такая дурь, онъ не могъ вообразить, пенялъ на себя, и по лбу себя постукивалъ.

Погостивши у родни, барыня пріѣхала совсѣмъ иная: нѣжная, и такая во всемъ находчивая, смиренная, покорная.. Баринъ кричитъ, а она сложить ручки да только вздыхаетъ: «Успокойся, другъ мой! Тебѣ это вредно!» А онъ пуще бѣленился. Стала барыня чаще къ роднѣ ѣздить, и тамъ стала гашивать у ней по цѣлымъ мѣсяцамъ. Та пріютила ее подъ свое охранное крыло: такъ сама она писала къ барину въ письмахъ. Барина эти поѣздки изъ себя выводили, хотѣлъ онъ разъ не пустить барыню, барыня ему ни слова противнаго, да заболѣла. Каждый день умирать собирается, и просить барина похоронить ее подъ чернымъ крестомъ; каждую ночь по дому звонъ во все колокольчики, бѣготня, суета; послала за родней проститься передъ смертью: родня пріѣхала не медля и выходила больную, и повезла съ собою для укрѣпленія въ силахъ.

Баринъ еще тогда же махнулъ рукой имъ вслѣдъ.

Съ той поры барыня больше жила у родни, чѣмъ дома. Баринъ попривыкъ жить одинъ: по комнатамъ ходить, или два вѣтвистыя дерева рисуетъ, а не то въ окно смотреть. Скучно ему да спокойно. Встревожится, когда барыня навѣдаетъ, и разсердится онъ крѣпко. А она вбѣжить всегда съ радостію, ахаешь, что наконецъ-то увидались, наконецъ-то до деревни

милой добралась. «Люблю, говорить, ахъ, люблю тишину полей!» И только пріѣхала, сейчасъ пальцы велить подать и начнетъ вышивать барину спальные сапоги, по свѣрому полю розанами. Только баринъ въ двери: «Что, мой другъ? Ахъ, какое милое утро! Сядь подѣ меня, погляди, что я вышила.» Баринъ не отвѣтитъ ничего, ходитъ и всѣми дверями хлопаетъ. Барыня того не замѣчаетъ.

Дней черезъ пять, барыня начинаетъ вздыхать, и кладетъ на пальцы платочекъ для слезъ. «Вы мнѣ отецъ и мать, вы мнѣ всѣхъ теперъ замѣняете», то и дѣло благодарить она барина и умиляется, и жалуется, что грустно ей будетъ съ нимъ въ разлукѣ. Баринъ все молчитъ, и все ходитъ. Что-нибудь разобьетъ или изломаетъ, но все молча. А тамъ и не вытерпитъ: все, что накопило у него на сердцѣ, все выкричитъ. Барыня заболѣетъ. Баринъ хотя ее упрекаетъ, что притворщица, а за лѣкаремъ посылаетъ. Лѣкарь, ѣдучи къ больной, всегда бывало возьметъ отъ своей лѣкарши порученья въ городъ, чтобы черезъ барыню купить.

Въ домѣ бѣготня, смятенье, стонетъ барыня. Баринъ принесетъ деньги и броситъ ей на постель, но барыня еще руки не можетъ приподнять. Еще лѣчится она дня два-три, потомъ прощается съ барининомъ, слезно плачетъ, и ѣдетъ къ роднѣ въ городъ.

Такъ бывало каждую зиму.

II.

«Ложуся я спать на Сіонскихъ горахъ, три ангела въ головахъ: одинъ видитъ, другой слышитъ, третій мнѣ всю правду скажетъ. Если я что найду, или я что куплю, или я что въ даръ приму—сбудется; если я что продамъ, или потеряю, или отдамъ—не сбудется.»

Такими словами Параша загадывала, ложася спать, и крестилася. Да гаданье ей не вышло: она всю ночь не сомкнула глазъ, думала, думала она... Цѣлые большіе разговоры вела сама съ собою... Сердце ея билось, не унималось.

Ее тяготила долгая ночь, и вдругъ она удивилась разсвѣту, точно разсвѣтъ не въ свою пору пришелъ.

Она все утро спѣшно работала, и кончила всѣ свои работы

въ домѣ. Чтò прежде она не всегда успѣвала сдѣлать въ день, теперъ было сдѣлано въ два часа, и она осталась съ пустыми руками. Староста медленно собиралъ по лавкѣ поясъ свой, шапку и рукавицы, оглядывалъ все, и опять клалъ, смотрѣлъ въ окно и замѣчалъ по облакамъ какая будетъ погода.

Параша стала торопить отца, чтобъ онъ не опоздалъ.

Староста спокойно удивился.

— Когда жъ я опаздывалъ? сказалъ онъ.—Или ты сама-то еще сны видишь?

Параша вздохнула и сѣла у стола.

— А чтò же ты гостею сидишь? спросилъ староста.— Мало ли дѣла-то! Съ утра-то и начинать, а ты нѣжишься...

— У меня ужъ все сдѣлано, перебила Параша.

Староста удивился побольше. Онъ поглядѣлъ на дочь приетальнѣй и спросилъ:

— Чтò это за притча?

Параша тоже поглядѣла на отца и отвѣтила холодно:—Такъ...

— Эка блажь-то на тебя находить! сказалъ староста и покачалъ головой.

Параша вспыхнула и быстро вышла изъ избы.

Она стояла на дворѣ и, волнуясь, поглядывала вокругъ. Утро было ясное, свѣжее, принималъ холодокъ; Параша стояла и глядѣла точно на перепутьѣ.

Прошелъ мимо ея отецъ и спросилъ, чего она тутъ стоитъ.

Параша промолчала и вошла въ избу.

— Ты не дури, сказалъ староста увѣщательно и ушелъ. Одна осталась Параша.

« Чтò дѣлать мнѣ? Чтò мнѣ дѣлать?» твердила она, ходячи изъ угла въ уголъ и тоскуя.

Ее томилъ тишина—улица была пуста, воѣ уже ушли на работу. Ей казалось, что и солнце стоитъ, что и часы не проходятъ. Вдругъ мелькнула ей мысль, что Петръ ее ждетъ у рѣки, на берегу, подъ тою ракитой, гдѣ онъ разъ ее встрѣтилъ и воды ей зачерпнулъ и долго съ нею не прощался...

Параша прибѣжала на берегъ, съ пылающимъ лицомъ: ни души тамъ не было. Глубокая, холодная рѣна казидась съ глухимъ шумомъ. Параша постояла, поглядѣла и воротилась домой.

Въ обѣдъ пришелъ отецъ. Онъ былъ утомленъ и озабоченъ дѣлами, хорошо обѣдалъ, послѣ обѣда уснулъ, послѣ она вздыхалъ и опять ушелъ. Опять Параша осталась одна. Она

сидѣла и все тужила: «Какъ тяжело да трудно! думала она. Вотъ она любовь! Вотъ она кручина!»

Вечеромъ отецъ ей приказывалъ, разспрашивалъ, она слушала его и отвѣчала ему, а въ то же время она точно прислушивалась къ своему сердцу, какъ ея сердце и занывало, и замирало, и сжималось: «больно-то какъ!» чувствовалось ей непривычной къ печали, и печаль ея удивляла и пугала: и сильна, и больна казалася, и неутомима, и привязчива.

Былъ уже поздній вечеръ. Староста сидѣлъ за столомъ, писалъ по столу мѣломъ крестики и палочки, стиралъ и опять писалъ—все не выходило; опять стиралъ и думалъ.

Параша спросила, что онъ высчитываетъ—староста качнулъ головой: «не мѣшай!»

Она опять замолчала, и тоска ея сильнѣй взяла.

Счеты таки вышли у старосты; онъ вздохнулъ и спряталъ мѣлокъ.

— Когда наша барыня ѣдетъ, не слышали? спросила его Параша.

Не стало ей больше терпѣнья.

— Да скоро, отвѣтилъ староста. Онъ и головы не поднялъ отвѣчая.

— Ты думаешь... начала Параша.

— Мнѣ-то что думать?

Лучше бы ей всякій другой отвѣтъ, да не этотъ, и безучастный и неопредѣленный!

«А онъ? Такъ онъ не придетъ ужь къ намъ? Зачѣмъ же я мучуся? На что?»

Сердце ея ныло отъ обиды и взяла ея такая тоска по немъ. Не знала она, куда бъ ей бѣжать, гдѣ тоску свою дѣвать, не въ моготу ей стало было оставаться въ душевной избѣ, тяжело видѣть безмятежнаго отца. Она вышла на улицу.

Небо свѣтилось въ яркихъ звѣздахъ; ночь прозрачна и холодна. Уже въ окошечкахъ потухали огоньки; все кругомъ темнѣло и потухало. Параша ходила взадъ и впередъ по улицѣ около своего двора.

Вдругъ въ тиши ей послышались чьи-то шаги, почудился чей-то голосъ: она остановилась. Нѣтъ, все безмолвно. Она опять стала ходить.

И опять ей шаги слышатся, явственно видить она кого-то высокаго и статнаго въ темной дали. Она испугалась столько

же, сколько обрадовалась. Она пошла на встречу. Это шёл Петръ.

Соплился близко они и остановились другъ противъ друга. Онъ видно былъ обрадованъ встрѣчей—она робѣла.

— Куда шла? спросилъ онъ ее неровнымъ голосомъ.

— Проститься хочу, отвѣтила ему Параша.

Онъ вдругъ взялъ ее на руки и поднялъ какъ малое ребенка и крѣпко ее прижалъ къ своей груди.

Не далеко въ сторону лежала гряда камней, онъ ее донесъ туда и посадилъ, и сѣлъ подлѣ нея.

— Ахъ, скажи мнѣ слово ласковое, просить его Параша,— обними покрѣпче!

— Милая моя и вѣчная моя!

— Сколько я перемучилась! Ужь сколько сокрушалась! жаловалась Параша.

Онъ ласкалъ ее и нѣжно и страстно.

— А ты что думаешь? Что у тебя на сердцѣ лежало? допытывалась Параша.

— Я любилъ тебя, сказалъ онъ.

Она хотѣла еще что-то спросить и не спросила. Прильнула къ нему и думала удивляючись: «за что мнѣ такъ хочется благодарить его? За слово простое... за одно слово...» Ей было сладко и безмятежно подлѣ него.

— Я точно по пустымъ полямъ носилась съ вихремъ холоднымъ, говорила она ему,— а вотъ теперь къ тебѣ пристала,— ахъ, мнѣ хорошо теперь!

И шли хорошіе часы.

— Что же ты молчаливъ, желанный мой? Мнѣ хочется послушать твоихъ рѣчей—поговори! Все разкажи мнѣ: вѣдь ты еще никогда не говорилъ со мной. Я все ждала: когда-то! Ты теперь поговори со мной!

Онъ склонилъ къ ней на колѣни голову.

Она усмѣхнулась и подумала: любить! любить!

— Скажи жъ мнѣ, какъ ты меня любишь, крѣпко ли? И какъ ты печалился по мнѣ? А отчего давно не признался мнѣ? Отчего?

— Не знаю, отвѣтилъ онъ.

— А я бывало жду-жду!

Хлопнула гдѣ-то дверь. Они прислушивались.

— Это видно отецъ ищетъ меня, сказала Параша.— Ахъ, не хочется отъ тебя идти! Ахъ, не хочется!

- Не ходи; отъ меня, сталъ онъ просить и не вуюать.
Она засмѣялась.
- Отецъ ищетъ, повторяла ему.
- Чтò жъ отецъ? Не ходи отъ меня—Она всецѣмъ преж-
него засмѣялась и вѣршице его обняла.
- Вотъ какой ужъ приваичный бываешь! Ну, прещай.
Завтра я выйду къ рѣкѣ рано—равно выйду.
- погоди еще, просилъ Петръ.
- Она вырвалась изъ его рукъ и убѣжала.
- Отецъ ее точно искалъ. Онъ воспряталъ ее со строгостью
должною и во взглядѣ и въ голосѣ.
- Гдѣ ты пропадала по сю пору? спросилъ онъ.
- На улицѣ была.
- Все небось забывчивыя разговоры тамъ прависави! А
ты въ другой разъ поздно не выходи—это тебѣ мой приказъ!
Чтò за полуночица тамъ!
- Параша стояла у окна и слушала молча, не обертываясь къ
отцу. Счастливое такое лицо ея было, и забывшись, она улыб-
нулась сама себѣ.
- Темнота рѣдѣла и громко зашѣли вѣтхуи.
- Чтò жъ же дожишься спать? заговорилъ опять старо-
ста:—ужъ третьи вѣтхуи коють.
- Параша легла такая счастливая, веселая такая. Уснула она
вѣршицею и безмятежнымъ сномъ.

III.

- Утромъ рано Параша бѣжала съ ведромъ къ рѣкѣ. Осеннее
утро было тепло и пасмурно. Солнце ярко сверкнетъ и спря-
чется. Сильно пахле коноплей, укропомъ и зорей.
- «Тутъ же, онъ?» смотрѣла назадъ Параша.
- Онъ былъ тутъ. Онъ ждалъ. Онъ былъ блѣдный и утомленъ.
Онъ о чемъ-то думалъ.
- Какъ озарился онъ счастьемъ, когда ее увидѣлъ! Все мыслен
и думы улетѣли—осталась одна радость.
- Какъ ты обрадовался! вскрикнула Параша.
- Они сѣли радомъ.
- Какіе тебѣ, сны снились? спрашивала его Параша,—какіе?
- Я не засыпалъ, отвѣтилъ онъ ей.

— Не засыпала? А я такъ заснула, и снилось мнѣ все, что я летаю, лечу-лечу высоко, быстро,—такъ мнѣ жутко и такъ весело—вотъ какъ на высокихъ качеляхъ... А ты что жь думала?

— Ходила.

— И домой не пошелъ? То-то ты блѣдень, да изморенъ.

Она его тихонько обняла и тихонько улыбалась, глядя ему въ лицо. Онъ тоже на нее глядѣлъ.

— Знаешь какой ты теперь? сказала ему Параша:—точно послѣ смертной болѣзни, словно опять на свѣтъ народился. Что же ты ночью думала, когда ходила? Про меня?

— Про тебя.

— Любо тебѣ со мной? Мнѣ такъ любо. Мнѣ такъ все и кажется, что птички поютъ... и самой мнѣ на умъ приходятъ какія-то пѣсни такія, какихъ я прежде никогда не знавала...

Онъ только глядѣлъ да глядѣлъ на нее. Она вдругъ и сама присмирѣла и примолкла.

Когда она шла на свиданье, она собиралась говорить съ нимъ много. Сбиралась разказать ему много, много веселаго, повеселиться съ нимъ, а слова, что дальние, то замирали, а веселость утихала, мѣсто того заступало что-то чудное, до того неизнаемое, что типше веселья и радостнѣй грусти.

Когда Параша пошла домой, и Петръ пошелъ за ней. Хотѣла она напомнить ему: воротись, но не вымолвилось это слово. Онъ вошелъ вмѣстѣ съ ней въ избу.

Староста всталъ съ лавки и поглядѣлъ на нихъ. Онъ, кажись, такъ же бы поглядѣлъ, еслибы вмѣсто Петра влетѣла птица въ избу. Параша ушла отъ нихъ.

— Что случилось? спросилъ староста у Петра.

— Отдай за меня дочь, сказалъ ему Петръ.

Староста подумалъ, сколько ему надо было подумать, и отвѣтилъ Петру:

— Согласенъ. Только отчего ты не соблюлъ общаго порядка: ни свѣтъ ни зоря прибѣжалъ самъ, одинъ безъ свата, и опять теперь бѣжишь, точно ты огню ухватилъ. Сядь-ка, прошу. Нотолковать тутъ надо.

Петръ сѣлъ.

— Такъ полюбилась тебѣ Параша? взять за себя хочешь?

— Да, отвѣтилъ Петръ.

— Что жь! ты человекъ хорошій и не бѣднякъ, я согла-

сень. Чай и Параша-то не заупрямится. Сыграешь свадьбу какъ прїѣдешь изъ пути.

Петръ проговорилъ:—Долго ждать!

— Раньше нельзя. Черезъ недѣлю, много черезъ полторы барыня поѣдетъ: гдѣ жь тутъ собраться къ свадьбѣ? Да и къ чему такъ торопиться? На пожаръ только помолитесь.

— Долго, говорилъ Петръ.

— Скорѣй нельзя. То-есть, пожалуй, оно возможно и въ одинъ день спроворить, да къ чему такъ? Что ты опяшишь? Она вѣдь цѣла будетъ, или боишься, что пропадетъ?

Петръ вдругъ нрмвнлся въ лицѣ и пересталъ настаивать.

— Такъ по моему оно будетъ? спросилъ староста.

— Хорошо, отвѣчалъ Петръ.

Староста еще толковалъ о томъ, о семъ, Петръ на все ему отвѣчалъ: хорошо.

Параша видѣла, что онъ ушелъ отъ старосты, что-то отуманенный мыслями.

Отецъ ее кикнулъ.

— Чай ужь сама давно все знаешь? сказала онъ ей.

— Знаю, отвѣтила Параша.

— Чай неволить тебя не придется?

— Отдай меня за него, батюшка! промолвила Параша и ближе подошла къ отцу.

— Съ Богомъ, отвѣчалъ староста,—хотя люди его обходятъ подальше, хотя его бирюкомъ зовутъ, а онъ человекъ хороший и человекъ съ правдою. Ты только его съ пути не сбивай; вѣдь вы, говорить, иныхъ совсѣмъ съ пути сбиваете. Ты съ нимъ не шути ничѣмъ, онъ, кажись, играть не охочъ...

Барыня выбралась въ путь черезъ полторы недѣли. Эти полторы недѣли пролетѣли быстро, а пока пролетали, Параша не думала о разставаньи, забывала о разлукѣ. Развѣ случится, что останется одна на тихій часокъ, такъ повлачатъ, или ночью проснется, вспомнить, такъ защемитъ сердце.

Петръ также, казалось, забылъ о своей дорогѣ, объ отъѣздѣ. Все съ ней, все около нея—счастливы были.

Разъ только, за все это время, была тяжелая минута.

Это ужь было за три дня до отъезда. Они сидѣли подъ вечеръ; вечеръ былъ румяный и холодный, они сидѣли за огородомъ на пригоркѣ. Параша безъ умолку говорила—все она ему рассказывала, и кто ее любилъ, и кто съ ней враждовалъ; что она кому говорила, надъ кѣмъ и какъ посмѣялась;

кто ее обидѣлъ и кому она досадила; онъ глядѣлъ на нее и слушалъ ее.

Свечерѣло. Все быстро, вдругъ почернѣло кругомъ, только багряная полоса отдѣляла небо отъ земли и сверкала. Послышалось, застучали колеса вдалекѣ по дорогѣ.

— Такъ и ты поѣдешь, проговорила Параша. И такая грусть ее взяла.—Какъ грустно! пожаловалась она, и наклонилась ближе къ нему. Его едва было видно въ сумракѣ. Онъ крѣпко держалъ Парашу за руку и словно былъ пораженъ недоброю вѣстью.—Ты не отчаивайся, стала его уговаривать Параша.— Ты скоро прѣдешь... я буду ждать тебя...

— Ждать? повторилъ онъ.

— Ты думаешь нѣтъ? Ты можетъ боишься, не забуду ли я тебя?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣтилъ онъ поспѣшно, точно испугался.

— А что, какъ вправду забуду? Прѣдешь, подойдешь, а я не узнаю, я ужъ другаго полюбила.

Параша нагнулась ближе, обильныя слезы текли по его лицу; она вскрикнула, обняла его, что мочи у ней было.

— Прости, прости моя глупыя шутки! молила она.—Вѣдь это шутки—ты мнѣ прости!

Онъ не былъ разсерженъ. Онъ припалъ къ ней головой, цѣловалъ ее и плакалъ.

Долго за полночь, они пробыли вмѣстѣ. Параша хотѣла его развеселить, Параша пробовала его успокоить, говорить начинала, умолкала скоро; ей становилось какъ-то боязно.

Поздно разстались. Разставающихся, обнялись крѣпко, словно сказали: «На всю жизнь неразлучны!»

— Говорилъ: не люблю, если полуночничаетъ, встрѣтилъ Парашу сонный отецъ такими словами,—и не надо тебѣ было ходить до полуночи.

Параша поглядѣла на него точно на незнакомаго и ничего не отвѣтила. Устала она чего-то въ тотъ вечеръ, какъ устала! И на сердцѣ у ней было не спокойно, и долго ей не спалось... Думать даже не думалось, а она повертывалась на своей постелѣ, будто отъ какой боли безпокойной.

Да утренній сонъ все успокоилъ: она встала опять свѣжа и весела, только когда подумала какъ онъ ее встрѣтитъ, какой будетъ съ нею—такъ замерло немножко сердце. Но онъ ее встрѣтилъ и нѣжный и ласковый. Она все забыла, глаза у ней заблестѣли опять, опять рѣчи нашлись и шутки... Онъ все съ

нею,—не отходить. Онъ въ глаза ей глядитъ, совсѣмъ покорился.

Если шатоватый и слабый человекъ покоряется, жалко его, а если сильный и раздумчивый, страшно бываетъ вчужѣ.

Настала разлука. Отъ роду своего еще Параша столько слезъ не проливала, отъ роду ей никого такъ жалко не бывало. Она совсѣмъ въ горѣ своею потерялась: или молила Петра: «останься со мною! возьми меня съ собою!» или только плакала, прижавшись къ нему.

Онъ не плакалъ, но, видно было, терзался. Онъ говорилъ ей: —Свидимся.

Выѣхали поздно, при потухающей зарѣ вечерней.

IV.

Много дней Парашѣ сіялъ передъ глазами прощальный вечеръ, поздній, огнистый. Долго слышался стукъ колесъ и звучалъ тонкій колокольчикъ. Все стадо ей не мило; все ей оплохало. Отца своего она въ душѣ укоряла: «видно не любить онъ меня—хоть бы немножко пожалѣлъ!» Съ грустью она глядела, какъ всѣ своимъ озабочены, и недоумѣвала, что никто ее горю не ужаснется.

Плакать она уже перестала, а только вадыкала.

— Не плачется больше, говорила она своей подругѣ Танѣ: — всѣ видно я ужъ и слезы свои выплакала!

— Нѣтъ, еще будутъ слезы, отвѣчала Таня.

— Ужъ и жизнь не красна, Таня,—можетъ скоро и умру я съ горя.

— Съ горя не мрутъ, Параша, печально наставляла Таня.

— Не знала ты видно его! перебила Параша вопыхнувши.

— Знала. Помнишь, прошлаго году какъ меня бросилъ... (има Таня не сказала) Помнишь?... А вотъ я живу какъ и люди: здорова и пѣсни пою. Ты это съ непривычки пугаешься.

— Богъ съ тобою, прощай! сказала ей Параша съ укоромъ и ушла отъ нея.

«Никто моего горя не разумѣетъ, никто меня не утѣшитъ... Отчего онъ былъ всегда такой печальный? Сладко бы теперь было мнѣ вспоминать его рѣчи, а что мнѣ вспоминать? Ничего

и передъ разлукой почти не склала... ничего не общала.. Измучилась я безчасная! А какъ избыть тоску, чѣмъ ее утолить?—Параша не знала.

Параша плакалась на свою судьбу, вспоминая и жаждая свое веселое, безпечное прошлое время, то время, когда столько людей занимали ее мысли, тѣшили ее и забавляли. Тѣ люди стояли передъ ней тогда цѣлою вереницею, не мѣшая другъ другу, печальные, бойкіе, отуманенные, любящіе—все равно ее забавляли, а теперь не то! Теперь у ней въ мысляхъ ошле, по немъ сердце болить, и сколько ужъ горя въ короткое время принесла ей любовь, а ее таяетъ какою-то ошлой къ нему одному... Какъ ни закрывай она глаза, какъ ни поѣй нѣсни, одинъ онъ передъ нею, одинъ онъ на умѣ.

Иногда Параша думала: «очень ли онъ меня любитъ? Вѣдь не рѣчьсть быть, вѣдь не увирилъ какъ другіе...» Но ей точно голосъ какой-то шепталъ: «онъ любить; никто лучше я вѣрнѣе его не можетъ любить.»

Тогда Параша начинала еще глубже вдыхать и крѣпче задумываться. Она больше подружилась съ Таней. Часто онѣ вмѣстѣ ходили въ какое-нибудь глухое мѣстечко, чаще всего въ обветшавшій березовый дѣсокъ, садилась рядомъ на горкѣ надъ быстрымъ рѣчкой и пѣли:

«Какова любовь на свѣтѣ горяча,
Горюча любовь, слезами полита.»

Допѣвши пѣсню свою, печально переглядывались, и вдыхали, и задумывались, глядя на свѣтлую воду, на пустые, еще зеленые берега.

У Парашы выступали слезы на глазахъ.

— Ахъ жизнь, жизнь! говорила она съ укоромъ.

Слезы начинали капать.

Таня почти все молчала и слушала уныло. Ирѣдка развѣ скажетъ: «онъ тебя любитъ», или: «ты еще настоящаго горя не знаешь.»

— Любить, да гдѣ онъ? За тридевять земель отъ меня!

— Любить, такъ прійдетъ.

— Когда это будетъ-то?

Иногда онѣ пересказывали другъ другу про свою зазнобу, и какъ началась, и какъ шла.

— Вотъ ты мое сердце разбередила, говорила Таня:—опять все бывое какъ будто передо мною... Что-то онъ теперь?

— А ты и вѣсти объ немъ не имѣешь? Вѣдь не далеко—спросить можно.

— Есть слухи, да какіе! Кто знаетъ, что на душѣ у него? Кто мнѣ скажетъ?

— Какъ, ты не видела его?

— Да зачѣмъ же мнѣ его видѣть-то?

— Все бы тебѣ утѣшивъ было.

— Утѣшивъ ли?

— Я бы не вытерпѣла какъ ты: я бы увидела его... спросила бы о прошломъ.

— Что же? Все знаю и вѣдаю—все спрошено.

— Да вѣдь онъ любилъ тебя... не по своей волѣ покинулъ.

— Любилъ и не по своей волѣ бросилъ, что же еще тутъ спрашивать? Что говорить?

— Зачѣмъ ты его пустила? Отчего ты на своемъ не настояла?

— Да что жъ мнѣ бы надо все его за руки держать? И во всемъ такъ цѣлый вѣкъ... Съ такимъ человѣкомъ не нынче, завтра, не завтра, послѣзавтра случай похожій будетъ...

— Родные-то его, говорятъ, лихіе люди.

— Да. Только я тогда не сокрушалась объ этомъ. Я думала: все ничего! Буду съ нимъ и при немъ. Вѣдь все можно перенести для милого человѣка... да еще въ сласть перенести...

— Или воротить нельзя?

— Нельзя и не надо.

— Какъ это ты сложила такъ руки, Таня? Легко ли это—отказаться?

— Гдѣ тамъ легко! Да дѣлать нечего.

— Какая жъ твоя жизнь будетъ?

— Да какъ ужъ Богъ дастъ.

— Замужъ не пойдешь?

— Не знаю. Можетъ пойду. Что жъ маяться-то даромъ? Развѣ лучше такъ? Еслибы лучше, не пошла бы, а то все одно. Будутъ женихи, станеть мать просить, можетъ пойду.

— А онъ не женился?

— Еще видно не приказывали, а то бы женился. Что равняешь? Мы другъ другу не примѣръ!

— Мой не покинетъ меня, или ты не вѣришь, Таня?

— Вѣрю. Есть такіе люди.

— А вѣдь почти никогда не говоритъ, какъ меня любить, почти ничего про любовь...

— Ни что говорить? Надо любить!

— Нить, Тани, лучше, sobald онъ мнѣ говорилъ, теперь бы я тѣ слова вспоминала...

— Еще слаще его вспоминать.

— Да... а ласкового слова все хочется...

— Вспоминай его голосъ.

— Все хорошо, Таня, только я не учить тебя растекаться... Меня грусть и тоска беретъ... Онъ меня любить, крѣпко-крѣпко любить... Я знаю, а на сердцѣ тяжело...

— Отчего тяжело? Или ты его мало любишь?

— Мало? Днями и ночью только и думаю объ немъ, только и сокрушаюсь, что же немъ, а ты говоришь—мало!

— Откуда жь тоска берется?

— Берется... Знаешь, Тани, какъ онъ ни любить меня... какъ ни любить, а мнѣ въ той любви не будетъ никакой утѣхи! Тани на нее поглядѣла.

— Вотъ такъ мнѣ и кажется, такъ и чувю я, что всю жизнь буду его любить и тосковать въ любви... кажется, разучусь пѣть веселыя пѣсни, забуду какъ шутить и шкрякать, буду только о чемъ-то думать, да думать, да думать... Буду все тревожиться, словно пожару доминать, вотъ какъ теперь... Отчего это, я сама не знаю! Хочу ли чѣмъ-нибудь развеселить себя, ничѣмъ не развеселю! Скажи, Тани, когда ты любила, бывало ли такъ съ тобой?

— Я нить веселилась.

— А я вотъ нить! Вдругъ мнѣ станеть чего-то робко... А я вѣдь его не боюсь, я знаю, что во всемъ мой веркъ будетъ. Ну, скажи, отчего это? Мнѣ при немъ все такія мысли приходять чудныя... страшныя... Я знаю, что онъ меня отъ всего оборонить, что онъ меня обережетъ, а страшнаго жду, и мнѣ страшно... Помутнишь ли съ нимъ, онъ весь побѣзываетъ; слышишь слово ласковое—заплачетъ навзрыдъ...

— Видно онъ тебя любить.

Объ вздыхали и умолкали.

Одинъ разъ Тани говоритъ Парашѣ, что ей крестовый братъ пришелъ. Тогда баринъ вздумалъ стрѣить анбары; се скуча что ли онъ это вздумалъ: старые амбары еще хороши были и годны; староста доносилъ это ему, но онъ сказалъ старостѣ: «Молчи! я для своего наследника хочу пострѣить новые.»

Наследникомъ своимъ онъ называлъ какого-то двоюродного своего племянника улана и все имъ барыню стращалъ. Самъ

уланъ никогда не приближалъ, а приближалъ только на большіе праздники. Уланъ какъ были эти платья непонятны! Чтò не слово, то съ такими завитушками, что къ глазамъ рябитъ, и всегда писаны на розовой бумажкѣ. Тамъ вѣтъ жинки плетничковъ строить амбары, а Таннинъ крестовый братъ плетничалъ у того хозяина, чтò нанялся.

— Мой крестовый братъ пришелъ, сказала Таниа Парашѣ.

Параша давно уже на все слова отвѣчала вздохами, она и тутъ вздохнула и не спрашивала.

Подъ вечеръ, когда онъ сидѣлъ около Таниней избы и медитировалъ, вдругъ послышался издали веселый голосъ, звучный и мягкій. Онъ обернулся въ ту сторону: шалъ на улани высокій, статный молодецъ и съ нимъ другой. невидимъ и потлице.

— Вотъ крестный мой братъ идетъ къ намъ, сказала Таниа:— вотъ этотъ, высокій.

Тя двое крещались, ударили другъ друга по рукамъ и разошлись. Крестовый братъ подошелъ къ избѣ и кристатовидно, какъ увидалъ двушекъ.

— Которая моя сестрица? спросилъ онъ, поклонившись ближе къ нимъ и вглядываясь. Параша свернула за кракъ бѣлые его зубы, глаза быстрые, блестящіе, да еще густыя кудри она видѣла.

— Я тутъ, сказала Таниа крестовому брату.

— Бьемъ вамъ челомъ, сестрица! И вамъ, и вашей подружкѣ.

Онъ поклонился обѣимъ низше.

Параша ему тоже поклонилась и покрѣче завернула въ душегрѣву, какъ завертываются двушки отъ холоду, или когда говорить не обратятъ.

— Сядишь подлѣ меня, сказала Таниа крестовому брату,— что жь ты стоишь?

Онъ сѣлъ подлѣ нея, оперся на кояки руками и склонилъ голову на руки.

— Ага, сестрица, сестрица дорогая! заговорилъ онъ со вѣдками,— сколько лѣтъ, сколько зимъ не видалась!

Онъ не то что говорилъ, онъ и вздыхалъ-то весело.

— Давно, отвѣтила Таниа.

— Какъ же поживали? Прошлагаго году, слышу, что сестрица пресватана; встрѣчаю въ городѣ вашего старесту, спрашиваю:

нѣтъ, говорить. Вотъ какъ-то люди намозали канюху, а я ужь и на свадьбу собирался.

Таня молчала.

— А знаешь, за кого тебя люди просятъ?

— За Александра Дерячевскаго.

— А, ты знаешь! Такъ правда? Ты видела его крестника?

— Нѣтъ.

— А что жь за грѣхъ вышло? спросила она тихо и медленнѣй.

— Прошло, не поминай, отвѣчала Таня.

Да онъ и самъ былъ радѣхонекъ перервать этого разговоръ; не любилъ онъ печальныхъ разговоровъ вѣсти, замолчала. Ему хотѣлось какъ-нибудь дѣло помянуть, заслушать тинелуду память и опять завести живыя рѣчи.

— Таня, сказала онъ вдругъ, кладя ей руку на плечо:— ты ужь о братѣ-то крестовомъ не забудь!

— Нѣтъ, не забуду, отвѣтила ему Таня немотчаями. Такой ласковый былъ его голосъ, точно она его благодарила.

— Вотъ я еще не видалъ, какъ ты сѣбя знаешь, сестрица, говорилъ онъ, — а ну, утѣши меня, засмѣйся!

— Хоть кого заставишь, сказала Таня усмѣхнувшись.

И Параша несольно усмѣхнулась.

— А ты-то какъ поминаешь? спросила Таня.

— Живемъ. Отецъ все житье хочетъ, а я ему говорю: погодите, дайте мнѣ отыскать дѣвушку, чтобы мнѣ по душѣ была дѣвушка, тогда и жените. А то пожалуй женишься зря, да потомъ и наплачешься. Я ужь лучше буду такую себя выбирать, чтобы съ нею весело было жить да привольно.

— Дай тебѣ Богъ найти.

— А то не найду, думаешь? Найду! Я все ищю, и работаю, то—однимъ глазомъ на работу, а другимъ на проходящихъ, не моя ли идетъ?

Шутя ли, нечаянно ли, только она наклонилась еще больше впередъ и взглянула на Парашу.

Параша крѣпче завернулась въ душегрѣйку. Не поинималъ ли знакомый вѣтеръ? Параша давно знала все эти жесты ея рѣчи, все эти притальные взгляды, анаконимы на нее крѣпко...

Ей вѣдомнилось веселое, беззаботное время бывшее, когда она слушала весело и отвѣчала беззаботно. Она все крѣпче и крѣпче завернулась въ свою душегрѣйку.

— А что сестра твоя? спросила Таня у крестоваго брата.

— Мужъ у ней померъ, горюетъ теперь.

— Они жила, говорятъ, согласно.

— Душа въ душу. Теперь она по немъ убивается. Вотъ ужъ ему годъ скоро какъ померъ, а придешь къ ней въ гости: что, Варя, какъ живешь?—она плакать станетъ. Горе съ нею да и только! Утѣшить нельзя...

Онъ встряхнулъ кудрями.

— Какъ же у васъ въ деревнѣ люди живутъ? спросилъ онъ.— Бывалъ-то я тутъ еще мальчишкой, все ваши обычаи позабылъ. Замѣчаю вотъ теперь, что ваши молодцы косятся, а дѣвочки веронятся...

Параша не шевельнулась, а онъ на нее смотрѣлъ.

— Прощай, дай познаться, въ дружбу не входятъ съ перваго слова, отвѣчала ему Тани.

— Буду ждать. Вотъ говорить, что у васъ староста чловѣкъ...

— А вотъ старостина дочка, показала Тани на Парашу.

Онъ снялъ шапку и сказалъ Парашѣ:

— Я вашего батюшку знаю, и самъ ей улыбнулся, и такъ улыбнулся, что и Параша ему тѣмъ же отвѣтила. Разговоръ его не кончался: онъ те самъ разказывалъ, что разспрашивалъ Тани и Парашу; ужъ поздно было, а его годось не смолкалъ, не истощились разказы, раепросы и смѣхъ; Парашѣ не хотѣлось осматривать и досадно было уйти; Тани первая сказала, что ужъ спать пора.

V.

Каждый вечеръ братъ крестовый съ дѣвушками. Онъ его не зовутъ, да нельзя и сказать, чтобъ онъ самъ назвался: все какъ-то нѣтъ случай сводилъ. То встрѣтятся онъ на улицѣ, пожалуется имъ на свою скуку и ихъ немножко развеселитъ, рассмѣшитъ; то вбѣжитъ онъ къ нимъ запыхавшись, на минутку, съ своей работы за какиъ-нибудь дѣломъ, спѣшитъ, спѣшитъ съ нихъ; глядь, о вечерѣ... А вечеромъ придетъ: какъ же не придетъ ему, разказъ всего? И какъ хозяинъ его велкалъ, и какъ хозяинъ обосновался, а товарищи поддразнивали и смѣялись, да еще и то, что негдѣ ему душу отвести, крестъ какъ тутъ, у сестрицы крестовой...

Разговоры его не бывали особенные какъ, не веселые, живые, какъ и онъ самъ веселый и живой. Его хорошо, любо было послушать. Ниному грустному и судьбой придавленному человеку. Онъ былъ точно взрослому меньшой братъ, вотъ какъ бываютъ меньшіе братья кудрявые, рѣзвые и милые, себелюбцы и баловни: имъ все ни почемъ, они во все входятъ, во все вмѣшиваются, не любятъ печальныхъ лицъ, ни слезъ, и спѣшаютъ поскорѣй приласкать, утѣшить, наскоро и сами слезки двѣ-три промакнуть, крѣпко обнять, шутовско укорить— лишь бы имъ сбыть съ рукъ грусть, и печаль имъ докая тошна. А если чья печаль неутѣшна, неподатима, они разсердятся. Родныя сестры всегда любятъ такихъ братьевъ, хотя и часто отъ нихъ вздыхаютъ, а постороннія вздыхаютъ, завидуютъ счастливымъ сестрамъ, которыхъ Богъ такими братьями надѣлилъ. Параша скоро стала узнавать издали, по нраву, Михайла: крестоваго брата Михайлою звали. Скоро стала отличать его шаги отъ другихъ; не видя его, она знала, что онъ тутъ; не ждавши, она угадывала, что онъ будетъ. Недѣли въ двѣ она повеселѣла замѣтно и опять стала быстрѣй ходить, громче говорить. Если ей вспоминалась любовь, горе, Петръ, тогда она спохватывалась и приадуывалась, да не долго. Она себя урезонивала: «не вѣдь же мнѣ горевать! и чего мнѣ горевать? Петръ придетъ...» Тутъ она задумывалась, вспоминая какъ Михайло говоритъ: «чего же горевать?» и какъ онъ встряхиваетъ кудрями, и какъ онъ никогда не горюетъ. Недѣли черезъ три ей стало приходить въ голову: «что Михайло обо мнѣ думаетъ?» а черезъ пять недѣль она самое себя спрашивала: «любитъ онъ меня, что ли?» То ей казалось, что любитъ, то ей казалось, что нѣтъ. Много было намековъ, а прямого слова ни одного. Такъ не любить? Кто жъ его знаетъ! Ничего вѣрнаго и прямого, а много кое-чего, чѣмъ показывается любовь, это кое-что все перетягивало. Параша все больше и дольше ломала себѣ голову и все-таки ничего не выведило, ничего нию ей не сказало. Ей впервой встрѣтился такой человекъ. Знала она людей нецелостныхъ, что сегодня они душу за все пологать, а завтра едва признаютъ въ лицо, знала людей въ любви ревнивыхъ, печальныхъ; знала добрыхъ, угодливыхъ; знала сердитыхъ, знала правыхъ, всякихъ; но когда любили тѣ люди, такъ любовь была у нихъ на первомъ мѣстѣ. Тѣ люди худши, мнѣшались, неселились, больше или меньше говорили отъ любви: Михайло

все былъ Михайло. Правда, онъ говаривалъ иногда тише, въж-
нѣе, глядѣлъ дольше, ласковѣе, но не пришло бы никому въ
голову сказать: «Михайло-то любить», а сказалъ бы вопиій:
«Михайло что-то голову понижаетъ, — съ чего это онъ глядитъ
такъ?»

Нараша тутъ ничего не понимала, а ненавъ ей хотѣлось. «А
ну, кто кого перекирватъ!» думала она, но ея не перекир-
вала; а время шло да шло. Ее стало мучить любопытство:

«Только бы мнѣ узнать, что у него на умѣ, говорила она
мною ночью безсонною: только бы узнать!»

И все она ничего не узнавала.

Иногда любопытство ее такъ жгло, что какинись готова бы
схватить его за руку: «скажи ты мнѣ всю правду!»

Мысли у нея роились, роились....

«Не любить ли онъ на сторонѣ? ходилъ бы. Зачѣмъ онъ
все къ намъ льнетъ, — ко мнѣ? Онъ не для Тани говорить, да
и Таня его не слушаетъ.... Или онъ знаетъ о Петрѣ.... Что
теперь Петръ тамъ?»

Сердце у ней замирало робко, тревожно.

«Какъ теперь Петръ одинъ живетъ? Такой ли суровый онъ,
какъ прежде? Плакалъ ли онъ въ разлукѣ такъ, какъ въ тотъ
вечеръ? Когда онъ прїѣдетъ? Какое будетъ съ нимъ свиданье?
Что тогда Михайло? Михайло не любить.... Какъ не любить?
Отчего жъ казалось, что любить? Отчего бъ ему не полюбить?
Отчего?»

Вылъ въ селѣ храмовой праздникъ. Народу сошлось много
изъ ближнихъ деревень. Видимо-невидимо было черныхъ бо-
родъ и красныхъ поясовъ, зеленыхъ, алыхъ и лиловыхъ плат-
ковъ и стразовыхъ булавочекъ и серегъ. Цѣлые ряды стояли
всякихъ саней: и съ рѣзною спинкой, и совсѣмъ безъ спинки,
и большихъ такихъ, что по лѣсу въ нихъ не пройдешь, и та-
кихъ маленькихъ, что рослому человѣку, какинись, можно только
одну руку положить.

День былъ теплый. Ночью выпало много снѣгу: онъ мяг-
кими сугробами лежалъ и бѣлѣлъ на солнцѣ, а солнце, какъ ни
ярко свѣтило, не мѣшало виться свѣжнншъ звѣздочкамъ и не-
замѣтно быстро соимать прехажихъ добрыхъ людей. Добрые
люди только поглядывали на небо, дивясь, изъ какой это тучки
снѣгъ — небо было голубое, ясное.

Възвѣ очко шла Таня домой изъ церкви съ Парашею. Между

принимая геотимом она увидела своего бывшего жениха —
видать и онъ ее.... Что же будетъ еще?

«Онъ для тебя пришелъ. Увидишь, если же посоветуетъ.
Вѣрно ужь онъ дома все уладитъ.»

Это говорила и повторяла Тая Параша. Тая молчала и
не вслушивалась въ ея слова. А кто бы хореиенно вслушался,
тогда бы подивился, какъ Параша путалась, повторяла одно и
то же, начинала, не кончала.... Щеки у ней горѣли, она безпре-
станно оборачивалась, оглядывалась; то ускоряла шаги, то шла
тише.... Передъ ними, и рядомъ, а ольдомъ залитъ народъ; было
шумно, живо, празднично.

— Тая, я къ тебѣ, сказала Параша, входя за Ташею въ избу, —
теперь у батюшки моего небось полнонь дворъ гостей; а у
меня голова болитъ, и въ глазахъ рябитъ и безъ нихъ.

Въ небо не было никого. Танина мать зашла куда-то изъ
церкви. Дѣвушки раздѣлись и сѣли.

Тая сидѣла блѣдная и печальная, склонясь на руки; Параша у
окна, прижавшись горячимъ лицомъ къ стеклу, а мысли ея
видно носились — носились, какъ птицы передъ бурей.

— Тая, что ты задумалась? говорила она Ташѣ. — Жди его,
онъ придетъ. Я того и гляжу, что онъ сюда войдетъ.... Вотъ
тебѣ и радость послѣ кручины.... И замужъ пойдешь.... О чемъ
ты такъ задумалась? Ты жди его, онъ сейчасъ придетъ къ тебѣ....

Тая не поднимала головы.

— Идетъ, идетъ, вскрикнула вдругъ Параша, — идетъ сюда!

Поспѣшные шаги послышались, вотъ въ сѣняхъ дверь от-
ворчалась, вотъ отворилась избенная дверь и вошелъ Алексѣй.

Тая поднялась и глядѣла на него.

Алексѣй вошелъ быстро, поспѣшно, но увидѣвъ Парашу,
прюстановился и поклонился ей.

Параша схватила свою шубку, сказала Ташѣ «прощай» и
вышла изъ избы. Въ сѣняхъ она подумала: куда жь идти?
Лучше я тутъ посижу, лучше послушаю.

Она стала слушать: «Бѣдная Тая плакать теперь будетъ.»

Но плачу не было слышно, а голосъ Тани слышался явственно,
ласковый и печальный голосъ. Тая спрашивала Алексѣя: здо-
ровъ ли? гдѣ бывалъ? какъ жилось? Алексѣй разказывалъ про
свою тоску по ней и спрашивалъ, тосковала ль она по немъ,
утѣшалъ, что можетъ придуть лучшія времена... Потомъ, будто
почувывая, что кто-то слушаетъ, онъ заговорилъ тише, да тише,
словъ ужь немая быме разобрать; долеталъ до Парашина

слуха только шепотъ, да иногда тихій смѣхъ: есть такой смѣхъ, что смѣются имъ только малому человеку. Параша все прислушивалась и все ей становилось невыносимѣй, все тошнѣй. Она себя представляла, какъ сидитъ Таня подлѣ Алексея, какъ Алексѣй глядитъ на нее, какіе добрые у него глаза, улыбка ослепная казалась!

У Параша слезы катились градомъ, точно съ ней чѣмъ не подѣлалась, точно у нея что отняли: такъ было ей досадно и обидно.

Вдругъ съ надверья распахнулась дверь и вошелъ Михайло. Она слезъ не успѣла отереть и пресвѣжко отвернулась отъ свѣта. И вдругъ она чувствуетъ: сильными руками обняли ее крѣпко. «Не тоскуй, душа моя, не тоскуй!» сказалъ онъ и сталъ ее цѣловать.

Параша обомлѣла. Когда она пришла въ себя, первая ея мысль была: «отгадала я—любить!» и вторая мысль вырвется отъ него, но только она хотѣла его оттолкнуть, онъ самъ пустилъ ее и вскрикнулъ:

— Ахъ, Прасковья Капитоновна, да это вы! А я вѣкъ за Таню вѣдь принялъ! Прощенья прошу, — простите. Певинную годову и мѣть не счѣтеть!..

Параша не вѣрила своимъ ушамъ и смотрѣла на него во все глаза: онъ передъ ней стоялъ, кланялся, просилъ прощенья и улыбался; у ней брызнули слезы, она побѣжала отъ него.

Она приближала домой, сказавшись неадеровою и легла въ свѣтлѣ.

Цѣлый день она тамъ мучилась и казилась: «ахъ, я безумная! ахъ, я глупая!»

Вечеру, когда гости разошлись и разсѣкались отъ отца, она встала и одѣлась, хотя голова ужъ и вправду у ней болѣла сильно и сердце колотилось. Пошла она къ Танѣ.

Когда она подходила къ Таньиней избѣ, ей показалось, что стоялъ кто-то, стоялъ—у нея въ глазахъ все завертѣлось и за-краснѣлось,—но когда она подошла ближе—пусто. Или никого не было, или ушелъ, завидѣвши ее.

Таня сидѣла съ матерью и говорили онѣ о чемъ-то. Таняна мать была безобидная, хорошая старушка, умная и смиренная.

— Добро пожаловать! добро пожаловать! такъ она встрѣтила Парашу:—садъ мой касаточка, вотъ тутъ садъ.

Параша сѣла.

— А что не весела? какъ больная глядишь, здорова ли ты?

— Что-то хвораетъ, отвѣтила ей Параша.

— Не съ глазу ли?

— Да не знаю.

— Ты къ Антоновнѣ бы сходила.

— Да я можетъ схожу.

— Сходи, сходи. Не шути болѣзнью. Сходи къ Антоновнѣ.

— Схожу.

— А твой отецъ дома? Съ гостями небось?

— Гости уѣхали и отца нѣту дома.

Параша разговаривала, а съ Тани глазъ не сводила. Нельзя было сказать, чтобы Тани повеселѣла, но она вся переимѣнилась: то же лицо, да не то; тѣ же глаза, да иные. Такъ мѣняются, по сказанью, лица у святыхъ послѣ молитвы, а у людей послѣ свиданія съ дорогимъ другомъ.

— Ну, что жь, Тани? спросила Параша, улучивши первую минутку, когда старушка отъ нихъ отошла. — Что жь сказалъ Алексѣй? Когда жь у васъ свадьба? Ну, говори! ну, говори!

Она торопила, словно отъ отвѣта Танина все зависѣло.

— Какой же поминъ о свадьбѣ теперь? отвѣчала ей Тани: — онъ превѣдать приходилъ, поговорить... Тоскуетъ...

— Слышала я, какъ жаловался и какъ утѣшалъ.

— Очень ему горько.

— Что это ты надъ нимъ такъ разжалобилась? Ему горько! Онъ тоскуетъ! Да кто жь тому виновать? Вчера еще ты на его обиды плакалась, а сегодня чуть ли ужь не ты его обидѣла!

— Ты видно никогда не любишь, отвѣчала Тани, выслушавши. — Оно и лучше!

— Нѣтъ, хуже.

Разговоръ прервался.

— А гдѣ пропалъ Михайло? спросила вдругъ Параша.

— И вправду сегодня не приходилъ. Видно гдѣ веселѣй нашлось; сегодня праздникъ.

— Я сама знаю, что праздникъ!

— Чего такая сердитая?

— Тоска. Жизнь опостылѣла.

— Погоди, прїѣдетъ.

Эти слова точно укололи Парашу. Боль была остра, да и проща мигомъ, и забылась.

— Что этоъ Михайло за чловѣкъ? сказала Параша.

— Или ты на него за что сердита?

— Я говорю, что онъ за чловѣкъ!

- Такъ себѣ, беззаботный челоуѣкъ.
- Онъ тебя очень любить?
- Очень-то онъ, кажись, никого не любить.
- И ласкается къ тебѣ, и цѣлуется.
- Рѣдко.

Параша стала прощаться.

Только она вышла и затворила за собою двери, передъ нею очутился Михайло, точно изъ-подъ земли вдругъ выросъ.

— Прасковья Капитоновна, добраго вамъ вечера!

О томъ, что было утромъ, ни слова: или онъ забылъ?

Параша шла скоро и не отвѣчала ему. Онъ шелъ рядомъ съ нею и говорилъ. Говорилъ о праздникѣ, о глубокомъ снѣгѣ, объ ея отцѣ... Вотъ уже подошли къ ихъ двору, и онъ говоритъ ей: «прощайте»; но только она кинулась въ свои сѣни, онъ ее удержалъ, обнялъ и спросилъ: «Любишь ли меня?»

— За кого теперь меня принялъ? спросила Параша. Она дрожала вся.

— Любишь ли, Параша?

Она не отвѣчала, онъ отвѣта не ждалъ, ласкалъ ее и голубилъ. Параша совсѣмъ потерялась. Сама она не разумѣла, что съ нею. Какъ она могла принять его слова и ласки? Какъ она обѣщала завтра выйти къ нему подъ вечеръ? Что обошло ее такъ? Что ее околдовало?

Онъ уже ушелъ. Она глядѣла кругомъ. То же синее, звѣздное небо, та же холодная ночь,—вотъ дворы всѣ, вотъ деревья,—все то же, что же съ нею сотворилось?

VI.

Не обошлось безъ суеты, бѣготни, шуму да крику, пока барыня устроилась въ городскомъ домѣ. Только слава шла, что она живетъ у тетеньки, а на дѣлѣ-то тетенька у нея жила. Правда, была и тетенька когда-то богатая, да остались отъ богатства только память да разныя ожерелья... Барыня наняла домъ большой и хорошій. Пока повѣсили картины, разставили кресла и столы, много соображали, разсуждали и спорили барыня съ тетушкой. Надо еще сказать, что барыня съ тетушкой ссоривались часто, такъ, ради скуки, когда гостей не было,—поссорятся и помирятся, и опять поссорятся и опять поми-

рятся. Тетенька была женщина зоркая, понятливая; житье ея было обеспечено, уваженіе ей показывали передъ всѣми, ей было хорошо, и было съ нею барынь хорошо.

Въ городѣ барынину хворость какъ рукой сняло; она не поминала о могильныхъ крестахъ, а вмѣсто савана нашла себѣ такихъ уборовъ, что знакомыя госпожи лучше любили глядѣть по стѣнамъ и на потолокъ чѣмъ на нее, когда бывало прѣвдуть ее провѣдать.

Петръ служилъ ключникомъ. Кромѣ его былъ еще поваръ съ женою, кучеръ съ женою, фореиторъ съ сестрою, горничная дѣвушка съ братомъ казачкомъ и одинокій, упрямый, косоглазый человекъ Кондратій.

Поваръ былъ маленькій, головастый, живой и болтливый. Жена ему попалась почтительная и худая. Придетъ, бывало, поваръ въ бесѣду, станетъ посреди избы и будетъ говорить, — говорить безъ конца; жена гдѣ-нибудь присядетъ, — слушаетъ.

Кучеръ былъ человекъ надменный; пѣлъ онъ всегда одну пѣсню, которую запретилъ фореитору перенимать; надъ женою своею онъ насмѣхался и любилъ онъ именно ту вороную лошадь, которой не любила барыня, а любимую барынину лошадь гнѣдую онъ всячески обижалъ, и когда барыня его бранила, зачѣмъ онъ ходитъ именно нелюбимую ея лошадь, онъ отвѣчалъ барынь съ почтительнымъ презрѣніемъ. Жена кучерова все шла и перешивала сарафаны, смотрѣла въ окно и умѣла гадать на бобахъ.

Фореиторъ и сестра его были похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Оба черномазенькіе, трусливые и лѣстивые. Бывало только кучеръ начнетъ дѣлать и неохотно потягиваться, братъ или сестра ужъ и спрашиваютъ: куда это вы опять? — «Да надо къ губернатору пойти, ждуть на чай,» отвѣтитъ строго кучеръ. «А тебѣ что?» — Да ничего, отвѣчали, и знали, что кучеру угодили.

Фореиторъ и сестра его были тайные враги казачку, а казачокъ былъ славный мальчикъ, хоть и забіяка; тайные враги они потому были, что боялись казачковой сестры, чтобы не повредила имъ передъ барыней. У казачка сестра была очень важная дѣвушка; она ни съ кѣмъ въ домѣ не говорила кромѣ господъ и господской собачки, да еще бранила часто брата.

Кондратій всегда былъ сердитъ, принималъ всякое слово на свой счетъ, обижался всѣмъ и говорилъ, что лучше въ гробъ

ляжетъ онъ чѣмъ кого бы то ни было, о чемъ бы то ни было попросить.

Все люди эти отъ Петра сторонились, и были съ нимъ осторожны. Какъ-то еще въ началѣ кучеръ жаловался на боль въ головѣ послѣ губернаторскаго чаю, но во всемъ упорно придирался, а на Петра только глядѣлъ; фореиторъ хотѣлъ угодить и сказалъ о Петрѣ: «сидитъ точно важная птица»; кучеръ хоть и самъ угрюмо поглядывалъ, а пригрозилъ фореитору и велѣлъ замолчать.

— Нѣтъ, ты съ Петромъ не шути, поучалъ поварь, — ты вѣдь молокососъ!

— Слишкомъ ты разговорился! отозвался Кондратій.— Поклонись своему святому, что Петръ не замѣчаетъ, а то бы тебѣ не сдобровать, голубчикъ!

— Да что жъ бы онъ мнѣ сдѣлалъ? спросилъ фореиторъ.

— То, что вотъ ты теперъ фореиторъ покуда, а то былъ бы порошокъ!

— Какже!..

— Молчи! протянулъ кучеръ громкимъ голосомъ. — Молчи, а то запру на цѣлую ночь въ погребу.

— Не шути, не шути! твердилъ поварь.

Женщины молчали, значить тоже думали, что шутить съ Петромъ не хорошо.

Фореиторъ былъ пристыженъ и легъ спать до ужина, а сестра его давно ужъ притворилась, что спитъ.

Петръ точно ничего не замѣчалъ, что вокругъ говорилось и что вокругъ дѣлалось; у него было свое одно въ мысляхъ и въ душѣ. Онъ уже прѣхалъ какъ больной, а чѣмъ больше дней уходило, тѣмъ ему становилось тошнѣе и труднѣе въ равлукѣ. Сначала онъ вспоминалъ прощаніе, вспоминалъ Парашины слезы, ея горе; сердце у него сладко болѣло; сначала онъ думалъ и ждалъ, какъ воротится, какъ ее увидитъ, потомъ прошедшее затмилось, будущаго стало мало, онъ затосковалъ безумно. Онъ уже не воспоминалъ о томъ, что прошло, онъ не утѣшался тѣмъ, что будетъ, не ждалъ что будетъ; одно для него было: увидаться съ ней, увидаться!

Изъ деревни часто прѣзжали люди, — какъ онъ ожидалъ ихъ! Кому бы въ голову пришло, что такой суровый человекъ, какъ Петръ, слова не могъ выговорить: такъ билось его сердце, такъ ему духъ захватывало, когда онъ видѣлъ людей тѣхъ!

Люди передавали поочередно поклоны и всегда бывалъ Петру поклонъ отъ старосты.

Дни проходили и уходили. Петръ отсчитывалъ каждый день проходящій, и каждый день терзался.

Въ свободные часы подъ вечеръ онъ бродилъ по городу изъ улицы въ улицу, иногда и за городъ выходилъ. Онъ шелъ, глядя по сторонамъ и ничего не видя, ничего не замѣчая— все впередъ, да впередъ, какъ ходятъ тоскующіе люди. Его останавливалъ только заборъ или загорода какая-нибудь. Извозчики его скоро признали и издали вопили: «поди, поди!» и потомъ объѣхавши его, долго еще оглядывались и грозились кнутомъ.

Разъ онъ шелъ такъ подъ вечеръ съ своею неугомонною, грызущею тоской, по глухой улицѣ, и вдругъ слышитъ громкія, рѣзкія слова за собою:

— Параша, покуда мнѣ ждатель?

Петръ обернулся какъ обожженный и увидѣлъ у воротъ домика о двухъ окнахъ женщину, покрытую большимъ голубымъ платкомъ съ разводами. Онъ близко подошелъ къ ней, не думая и самъ не зная зачѣмъ. Женщина поглядѣла на него и отвернулась.

Лицо у нея было худое и глаза сердитые. Петръ все стоялъ подлѣ нея. Она опять на него взглянула, опять отвернулась и плюнула.

Калитка отворилась, и показалась сгорбленная старушка.

— Чтò жь, Параша? накинулась на старушку женщина въ голубомъ платкѣ.

— Убирается, Анна Семеновна, отвѣчала сгорбленная старушка увѣщательно. — Пожалуйте, войдите.

— Въ послѣдній разъ за ней прихожу, сказала Анна Семеновна и побожилась, взглянула на Петра, опять плюнула и такъ громко захлопнула за собою калитку, что отголосокъ пошелъ какъ отъ выстрѣла.

Петръ стоялъ, все ждалъ. Кого? Чего?

Долго ли ждалъ онъ — неизвестно, но дождался, что опять отворилась калитка, вышла сердитая женщина, опять на него взглянула и плюнула опять, за нею выбѣжала нарядная молодая дѣвушка, брови у нея были дугою и щечки алая; Петръ мелькомъ взглянулъ на обѣихъ и не тронулся съ мѣста. Онъ повертели въ другую улицу и шли все оглядыва-

ясь на него, а онъ, кажись, ужь забылъ о нихъ и смотрѣлъ на домикъ, изъ котораго онъ вышли.

Домикъ былъ сѣренькій, деревянный, съ высокою трубой, съ ветхенькою, почернѣвшею крышею. Въ свѣтленькихъ окнахъ, между двойными рамами, онъ увидѣлъ кучки рябины и калины и сосновыя вѣточки. Изъ высокой трубы вился струйкою дымъ, небо было ясно, безъ тучъ, почти уже зашло солнце, вечеръ темнѣлъ и холоднѣлъ.

На другой день Петръ опять пошелъ въ ту улицу, къ тому домику, на третій день опять сталъ, — и сталъ каждый день ходить.

Изъ окна на него глядѣли чьи-то веселые и живые глаза, потомъ показываться стала молодая дѣвушка и улыбалась ему. Петръ глядѣлъ на нее, глядѣлъ на крышу, на стѣны одинаковымъ взглядомъ.

Дѣвушка сначала дивилась, потомъ видно обидѣлась, и отвертывалась, когда онъ проходилъ мимо окошекъ.

Петру все равно было, онъ ходилъ къ домику каждый вечеръ.

Одинъ разъ, ходячи тутъ, онъ услышалъ звонкій голосокъ изъ домика.

— Анна Семеновна, по нашей улицѣ какой-то воръ ходитъ.

— Объявить надо, рѣзко и громко отвѣчала Анна Семеновна, — чего ждете?

Начался споръ, слышенъ былъ и смѣхъ звонкій.

Немного погода, скрипнула калитка, и три женскія головы, въ большихъ платкахъ, выглянули на улицу.

— Воръ ты или разбойникъ? ты чего тутъ ходишь? прокричала Анна Семеновна.

— Чего ты тутъ ходишь? звонко повторила дѣвушка.

И старый голосъ продребезжалъ:

— Чего ты тутъ ходишь?

— Мы сосѣдей позовемъ, караулъ будемъ кричать, грозилась Анна Семеновна.

— Кричать будемъ караулъ, страцала дѣвушка.

— Караулъ будемъ кричать, говорила старуха.

— Ты, воръ, тутъ не ходи! приказывала Анна Семеновна.

— Не ходи, запищала дѣвушка.

— Не ходи, говорила старуха.

Петръ приостановился! сообразить что ли хотѣлъ, или спро-

силь, вдругъ Анна Семеновна завопила на всю улицу басомъ: «карауль!»

Пронзительный и звонче ея кричала дѣвушка, — старушки не было слышно, она руками махала. Въ одно мгновение на улицѣ столпились люди, поднялся крикъ, шумъ. Петра схватили нѣсколько рукъ и связали его. Всѣ на него кричали и никто его не слушалъ долго, но опомнившись и успокоившись немножко, разобрали, что его барыня живетъ на губернаторской улицѣ, — вѣсть такая почти всѣхъ смягчила, и повели его тогда къ барынѣ. Тамъ все дѣло было разказано и потушено. Барыня сдѣлала Петру строгій выговоръ за то, что онъ буянить, и всѣ люди были озадачены такимъ случаемъ. Чтò онъ ходилъ туда? Чтò все это значитъ? думалъ каждый, но спрашивать никто и ни о чемъ не спрашивалъ. Люди за нимъ наблюдали, и всѣ глядѣли такъ, что вотъ-вотъ, что-то не хорошо будетъ.

— Заигрываетъ въ немъ, заигрываетъ, шепталъ всѣмъ поваръ.

— Видно онъ намъ задасть трезвону, говорилъ Кондратій, словно радость его брала.

— А чтò думаете, сдѣлаетъ человекъ? спрашивалъ торопливо поваръ.

— Да ужъ найдетъ, чтò ему сдѣлать, отвѣчалъ Кондратій съ зловѣщимъ смѣхомъ.

— Возьметъ да городъ выжжетъ, полагалъ кучеръ, сидя на лавкѣ и болтая ногами, точно онъ говорилъ, что вотъ на де на водопопй вороную лошадь сводить. Кучеръ любилъ обо всемъ говорить небрежно, а особливо о страшныхъ вещахъ. Форейторъ съ сестрою молчали и кажись трусили за прежніе свои грѣхи. Поварова жена слушала и вздыхала; кучерова жена слушала и глядѣла въ окно.

— А вѣдь въ день бы не выжегъ небось всего города, вмѣшался казачокъ, — поди-ка пока бъ занялся Калабина купца домъ: подь такую махину съ четырехъ угловъ подложи, и то ничего не выйдетъ. Черезъ казачка дошло до его сестры, а черезъ сестру до барыни, что Петръ должно-быть собирается мѣщанку поджечь. Барыня переполошилась и велѣла сейчасъ же позвать къ себѣ Петра.

А Петръ тѣмъ временемъ, какъ его искали къ барынѣ, ходилъ и думалъ: «есть ли чтò въ свѣтѣ невозможное, зачѣмъ оно есть? Чего смотрѣть на него? Вѣдь онъ можетъ уйти безъ спросу въ деревню повидаться съ Парашей, это возможно и

отчего ему такъ не сдѣлать? А послѣ? Да что бы ни было послѣ, ему надо ее увидать, хоть бы и смерть послѣ.

«Увижу ее, увижу! твердилъ онъ, идя домой: соберусь сейчасъ и пойду, и увижу ее!»

Его еще у воротъ встрѣтилъ казачокъ съ приказаніемъ отъ барыни: сейчасъ явиться.

Петръ пошелъ въ хоромы, повторяя самому себѣ: «увижу ее!»

Петръ вошелъ въ гостиную, барыня сидѣла въ большомъ креслѣ.

— Петръ, сказала ему барыня строго, — я слышу очень дурныя вещи про тебя; исправься. Если ты не справишься, я тебя сошлю въ деревню.

Петръ подвинулся впередъ. Барыня испугалась и позвонила въ колокольчикъ. Изъ однѣхъ дверей вбѣжала горничная съ казачкомъ, изъ другихъ вошла тетенька.

— Ты завтра же будешь отправленъ въ деревню, сказала барыня гнѣвно.

У Петра голова кружилась и въ глазахъ потемнѣло, онъ едва дышалъ.

Барынѣ видно жалко его стало.

— Ты вѣдь ужасно себя ведешь, заговорила она опять: — на тебя жалобы, я не могу тебя простить.

Барыня наводила Петра, чтобъ онъ прощенья попросилъ. Петръ стоялъ и молчалъ.

— Такъ ты ступай въ деревню, сказала барыня, подождавши его отвѣта, — ступай сейчасъ же, какъ соберешься; слышишь?

Барыня очень разсердилась. Петръ вышелъ.

Въ кухнѣ было смятеніе большое и чайныя какой-то бѣды. Но Петръ наскоро со всеми простился и черезъ часъ — меньше чѣмъ черезъ часъ — вышелъ изъ города.

VII.

Параша не спала всю ночь. Ее мучила совѣсть, а съ тѣмъ вмѣстѣ она и утѣшилась, узнавъ правду. «Теперь узнала правду, буду теперь знать, какъ мнѣ быть,» шептала она, точно эта правда только для того и была ей надобна, чтобы знать, какъ быть.

Давно уже Параша такъ не работала, какъ въ этотъ день. Даже отецъ похвалилъ ее.

Вечеру, усталая, утомленная, она собралась идти къ Танѣ.

«Пойду къ Танѣ, скажу ей все... а хоть и не скажу ничего, такъ пусть онъ знаетъ, что я къ нему выйдти не хотѣла.

Едва она успѣла пройти нѣсколько шаговъ по улицѣ, встрѣтила Михайла.

— Здравствуйте, сказалъ онъ ей, какъ ни въ чемъ не бывало.

Параша молчала.

— Куда такъ поспѣшаете? говорилъ Михайло весело, какъ и всегда:—морозъ-то у насъ сегодня какой!

— Господи! промолвила Параша, всплеснувши руками:—что же это такое?

Она едва сдерживала свои слезы. На сердцѣ у нея кипѣлъ гнѣвъ и досада; ей было горько и стыдно.

— Послушай, ты... начала она.

— Вонъ люди ходятъ, показалъ ей Михайло на кого-то вдали и повернулъ въ сторону, въ пустой проулокъ межъ огородами. Параша пошла за нимъ.

— Скажи мнѣ правду, коли тебѣ Богъ святъ, говорила Параша,—за что насмѣшки твои?

— Какую жь правду сказать тебѣ?

Параша помолчала. Онъ стоялъ будто ждалъ о чемъ она его спросить.

— Ты насмѣялся надо мною, Богъ тебѣ судья! сказала Параша.

— Я не насмѣялся.

— Что жь? небось любишь меня?

— А ты меня?

Параша молчала. Зачѣмъ молчала она?

И онъ замолчалъ, не спрашивалъ.

— Я скоро замужъ пойду, промолвила Параша.

— За кого?

— Развѣ ты не знаешь за кого?

— За меня?

Онъ наклонился къ ней ближе, и голосъ у него сталъ тихій, нѣжный.

— У меня есть женихъ, отвѣчала Параша, отвертываясь отъ него.

— Какой это женихъ! Съ нимъ никому не будетъ добра, не то что тебѣ... Разказывали мнѣ про него, слышалъ я... Онъ тебя сокрушитъ... Да ты подумай только: какъ онъ прїѣдетъ...

вотъ еслибъ онъ вдругъ теперь тутъ очутился, много будетъ тебѣ радости?

— Обрадуюсь ему, отвѣчала Параша, а сердце у нея замерло отъ испугу при одной мысли.

— И не жаль тебѣ будетъ меня? И забудешь съ нимъ обо мнѣ?

Онъ пригорюнился. Парашѣ стало его жаль, но она не сказала ничего и опять отвернулась.

— Такъ прости, прощай, Параша! промолвилъ онъ грустно.

— Прощай, отвѣтила Параша и пошла отъ него.

Сколько ей печали, жалости, обиды! Она съ замираніемъ слышала только свои шаги, онъ за ней даже не пошелъ!

А онъ вдругъ очутился передъ нею—стороною обошелъ.

— Зачѣмъ бѣжишь такъ и куда бѣжать тебѣ? сказалъ онъ, останавливая ее за руку.—Полно, пойдемъ со мною.

Параша попробовала вырваться, но онъ держалъ ее очень крѣпко за руки и велъ за собою.

Онъ ее уговаривалъ, лаекалъ и приказывалъ, покорилъ ее совсѣмъ.

— Или ты корня приворотнаго далъ мнѣ? спрашивала его Параша. Къ Танѣ Параша не пошла, само собою разумѣется.

Они говорили, какъ быть съ Петромъ, какъ выпутаться изъ труднаго дѣла.

— Да все не бѣда, говорилъ Михайло.—Да чтò жъ такое? Да все уладится. Да увидимъ.

Они порѣшили до поры до времени молчать и ждать какъ лучше сдѣлать, само покажется.

Михайло умѣлъ Парашу развеселить, умѣлъ утѣшить и успокоить. Онъ проводилъ ее домой, она смѣялась, щеки горѣли и глаза весело искрились.

— Глаза-то у тебя какъ звѣздочки, сказалъ ей Михайло прощаючись.

Параша взглянула на яркія звѣзды надъ своею головою, потомъ на Михайла. Она уже держалась за дверную скобку, да двери не отворяла.

— Прощай, сказалъ Михайло,—выходи завтра, я ждать буду.

Быстро понеслись дни для Параша. Правда, не ждала она этого, точно въ воду нечаянно окунулась, но окунулась. «Чтò было, того не воротишь,» говорила она сама себѣ.

Сначала Параша себя винила и своею виной мучилась; «сердцу не приказать стать», утѣшилась она, и перестала мучиться.

Сначала Парашъ было Петра жаль, и жалость эта ее очень беспокоила: «печаль всякая проходить», успокаивала она себя, и перестала жалѣть.

Теперь она только боялась Петра, опасаясь встрѣчи съ нимъ; да это еще было все далеко, такъ не помнить же ей ежедневно!

Таня, видно, замѣтила, — да и мудро ли было замѣтить? — Параша перестала вздыхать, не говорила ужъ ни о своей тоскѣ, ни объ участи; о свадьбѣ, о женихѣ тоже помину не было.

И вотъ пристально и печально глядячи на Парашу, Таня разъ спросила, что слышно о Петрѣ? какія вѣсти?

Параша вспыхнула какъ зарево, хотя она уже давно ждала похожего вопроса и кучу отвѣтовъ наготовила, отвѣтовъ доказательныхъ и оправдательныхъ.

— Таня, сказала она, — я не пойду за Петра.

— За кого же?

— Пойду за Михайла.

Параша ждала, что Таня на это скажетъ. Таня молчала.

— Знаешь сама, Таня, начала Параша, сколько я горя переживала... а слезъ-то, слезъ пролила! Вотъ тебѣ и молодость!.. И развѣ сердцу-то прикажешь? кончила она, совсѣмъ спутавшись въ словахъ и въ мысляхъ.

— Ты, смотри, человекъ не погуби! сказала Таня.

— Ты меня попрекаешь? Ахъ, Таня, Таня! Ты сама скажи: кто надъ своимъ сердцемъ властенъ? Какъ полюбивъ, такъ какъ тамъ ни супротивничай, а все-таки полюбишь!

— Это правда, проговорила Таня.

— То-то и дѣло, что правда. Неужто я нарочно полюбила? Я сама не знаю, я сама ума не приложу, какъ все это вышло... Съ нимъ мнѣ веселѣй и милѣй жизнь стала теперь... Еслибъ я еще *того* не боялась!.. боюсь я... А самъ Богъ меня спасъ... Я бы и году, кажись, не выжила... Ну, Богъ меня спасъ... Какъ все случилось, сама не пойму, не соображу... Чудно бываетъ на свѣтѣ, Таня!

— Да, чудно бываетъ, отвѣчала ей Таня.

На томъ разговоръ у нихъ перервался и больше не заходилъ.

Таня не совѣтовала ничего, не спрашивала, не поминала, словомъ однимъ сказать, ни во что Таня не вмѣшивалась.

Парашъ казалось иногда, что ее Таня осуждаетъ, и Параша опять свое приводила: «сердцу не прикажешь», и Таня всегда была согласна, что сердцу не прикажешь, и разговоръ кон-

чался. А была у Тани какая-то своя мысль, Параша не доби-
валась ее узнавать и не узнала.

Староста давно замѣтилъ, что Параша не та стала. Староста
былъ человекъ умный, спокойный, ему ли чего не замѣтить?
Онъ все кругомъ замѣчалъ, все; летали три сороки, на улицу
привадились, такъ и то онъ замѣтилъ, что одна сорока хромая,
ножка перешибена, а то дочь родная, живши вмѣстѣ... Давно
староста замѣтилъ, но до поры до времени онъ ничего не гово-
рилъ, а пока еще обдумывалъ, обсуживалъ. Когда, по его раз-
умѣнію, время пришло, онъ сказалъ дочери:

— Отчего никогда не сидишь дома? Чего веселая такая?

Параша не слыхала. Староста окликнулъ ее, она спросила:—
что? Онъ ей тѣ же слова повторилъ.

— Какъ дома не сижу? отвѣтила Параша, точно ее удивили
не вѣсть чѣмъ.

— Какъ не сидять-то дома, ходить, объяснилъ староста.

Они помолчали.

— Куда жъ ты все ходишь? И отчего весела?

— Гдѣ жъ я весела?

— Да ты теперь передо мной не прикидывайся постницей!
Давно ли я видѣлъ, какъ у тебя глаза-то прыгали? Отчего ве-
селье такое?

— Такъ.

— Такъ? съ вѣтру что ли приключилось? Давно ли ты раз-
ливалась рѣкою, тоже видно съ вѣтру приходило?

— Не вѣкъ же мнѣ плакать!

— Знаю, что не вѣкъ. Зачѣмъ вѣкъ? Лучше бы совсѣмъ
не надо, а ужъ коли плачешь, плачь съ толкомъ... чтобы хоть
какой прокъ былъ...

Парашѣ эти слова показались великою обидой. Она отверну-
лась, закрылась руками и заплакала.

— Смотри, чтобы суженой твоей не покался, сказалъ ста-
роста.

— Когда такъ, не пойду я замужъ! Богъ съ вами со всѣми!
отреклась Параша, будто ее невелили отречься.

— Ты вотъ лучше не дури; не хорошо выйдетъ. Слава не
хорошая пойдетъ.

— Да ужъ семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ! сказала Параша въ от-
чаяніи.

— А какія это шесть-то? Чего-то настроила ты! Лучше

прямо говори да признавайся: коли поправимое дѣло, такъ поправимъ.

— Я не пойду замужъ!

— Одна рѣчь не пословица. Коли говоришь «не пойду», скажи и отчего?

— Чтò жь, силою хотите меня отдать? спросила Параша, принимаясь пуще плакать.

— Не дури, сказалъ опять староста.

— Я не хочу замужъ идти! настаивала Параша съ плачемъ.

— Давно ли сбиралась? напоминалъ ей староста.

— Ахъ, замучили вы меня! жаловалась Параша.

— Вотъ, теперь ее замучили! Кто мучилъ-то? Чѣмъ? Только я тебѣ говорю: ты подумай и поразмысли хорошенько: такъ нельзя поступать, негодится совѣтъ, не напускай на себя блажь-то, перестань!

— Чтò жь мнѣ надъ собою дѣлать прикажете? сказала Параша покорно.

— За умъ возмись, не блажи. Общались замужъ выйти— выходи.

— Погубите вы меня, на вашей душѣ грѣхъ будетъ!

— Нѣтъ, ужь коли будетъ грѣхъ, такъ на твоей, на моей-то за чтò?

— Вы меня неволите...

— Во вѣки вѣковъ! Ты хотѣла сама за Петра замужъ, сама чтò ли? Чтò жь молчишь? Теперь ужь не хочешь? Я тебѣ говорю, что такъ нельзя и не годится, и всякій разсудительный человекъ то же тебѣ скажетъ. Такъ вотъ ты какая! прямо-то не повиннишься, что ты тамъ набѣдокурила, а вишь я тебя неволю, а ты вишь дочка покорная и моя воля надъ тобою!

— Известно, что ваша воля.

— Ну, коли такъ, оно и лучше. Моя воля такая, чтобы тебя съ Петромъ перевѣнчать. Придетъ онъ, я и перевѣнчаю.

— Или вы меня не пождѣете? жалобно спросила Параша.

— Въ чемъ мнѣ жалѣть-то тебя? холодомъ или голодомъ я тебя морить собираюсь?

— Не отдавайте меня за Петра! я не хочу замужъ!

— Да чтò еще толковать! Вѣдь сейчасъ ты сама говорила, что моя воля надъ тобою.

— Коли вы родную дочь не пождѣете, то Богъ съ вами! А я не пойду замужъ.

— Не дури, не блажи, вонъ мнѣ время идти, говорю: не блажи.

Староста взялъ шапку.

— Стоило бы для памяти записать, еслибы было кому, всѣ ваши переметы женскіе, — такъ бы и записать на удивленье!

Съ этими словами онъ надѣлъ шапку и пошелъ. Въ сѣнцахъ онъ увидалъ, лежало полвно, поднялъ его и положилъ къ мѣсту, и пошелъ не спѣша.

Параша смотрѣла ему въздъ и заливалась слезами.

— Идешь-то, идешь-то, точно на праздникъ! хоть бы оглянулся разочекъ! И отецъ-то родной обо мнѣ не охметъ, горемычная моя голова!

Ей было и жалко самое себя, и досада на самое себя ее тервала. Она чужда, что она виновата, и казалось ей, что она обижена.

— Охъ, что жъ дѣлать мнѣ! какъ быть мнѣ? твердила она: такъ вотъ какъ, такъ вотъ что!

Она ужасалась, точно впервой все смекнула, все увидала. Точно не приходила ей въ голову прежде вся трудность эта, что теперь она встрѣтила ее и приняла какъ новое горе.

Не въ мочь ей пришлось одной быть, она пошла поговорить съ Михайломъ.

Было рано, еще не пришла обѣденная пора, всѣ плотники работали и пѣли пѣсни. Пѣли они разныя пѣсни, кому какую хотѣлось.

Изъ одного угла айбара тоненькій голосъ пѣлъ: «ужъ я въ три косы косила», изъ другаго угла: «ахъ ты степь моя», кричалъ другой и поминутно откашливался. Вместе пѣли только трое, видно три пріятеля, молодые, румяные, они дружно работали около стропиль и въ одинъ голосъ пѣли «не бѣлы-то снѣги», такъ пѣли, что неизвѣстно было, пѣли ли они для того, чтобы лучше работалось, или работали, чтобы лучше пѣлось. А всѣ другіе голоса заглушалъ голосъ, невѣдомо откуда выходявшій, звучный, громкій, какъ хорошій колоколъ; этотъ голосъ гудѣлъ: «ты прости-прощай, оыръ дремучій боръ».

Михайла было не видать, но Параша услышала, узнала его голосъ: онъ съ кѣмъ-то разговаривалъ и по временамъ смѣялся — смѣялся, какъ тѣ довольные и очастивые во всемъ люди, ни громко, ни тихо, а среднимъ смѣхомъ.

Параша долго похаживала около сруба, вызвать Михайла нельзя было, надо было ждать. Она слушала пѣсни, до нея до-

летали Михайловы отрывочныя слова, прослушала она и прождала до обѣда.

Вотъ стали выходить рабочіе, вотъ и Михайло. Весель Михайло и шутить, онъ не знаетъ, каково ей!

VIII.

Параша скрылась отъ рабочихъ за деревьями, обѣжала кругомъ и вышла имъ на встрѣчу. Она всѣ силы свои обирада, чтобы показаться беззаботнѣй, идти бодрѣе. Ее знали всѣ за красавицу, всѣ ей поспѣшно и ласково поклонились, Михайло ей усмѣхнулся. Она ему подала знакъ, чтобы сейчасъ онъ пришелъ къ ней, онъ знакомъ ей отвѣтилъ «хорошо» и улыбнулся той же веселою безпечною улыбкой. У Параша отчего-то сжалось сердце вдругъ еще томительнѣй. Она остановилась, посмотрѣла ему вслѣдъ и прошептала: «неужто онъ никогда не подумалъ о томъ, что мы надѣлали, не затужилъ?»

Она прошла въ барскій садъ, въ ветхую бесѣдку и стала его ждать. Проходили минуты; онъ ей показались за вѣки вѣчные. Дождалась, пришелъ.

— А что, душа моя Параша? спросилъ онъ у ней.

Она молчала и глядѣла на него. Онъ тоже глянулъ на нее попристальнѣй, видитъ—у нея глаза заплаканы. Его покорибило. Опять спросилъ у нея:

— Что, душа моя Параша?

Параша стала разказывать свой разговоръ съ отцомъ.

— Охъ, что тутъ дѣлать? какъ тутъ быть?

— Полно тебѣ! Все переমেется, мука будетъ! Что вдумала загода сокрушаться?

— Охъ, какъ не сокрушаться-то мнѣ! сказала Параша, заплакавши.

Онъ на нее поглядѣлъ, смекнулъ, что теперь ее скоро не уймешь, сѣлъ на лавочку и ее посадилъ подлѣ себя и сталъ утѣшать.

— Что я надѣлала! говорила Параша.

— Что же такое? Люди и не то дѣлають, да проходятъ!

— Зналъ бы ты, каково мнѣ!

— Да ты веретишь ли слезами? Поможешь ли?

— Охъ, ничѣмъ не ворочу! ничѣмъ не помогу!

— Такъ чего жь плакать-то попусту? Перестань ты себя даромъ мучить, и на меня тоски не наводи, душа ты моя!

— Видно, я докучила тебѣ своими слезами и кручинами?

Параша, замираючи, поглядѣла ему въ глаза, онъ ей прямо смотрѣлъ въ глаза и безъ запинки, улыбаясь, отвѣтилъ:

— Докучила, душа моя, до смерти докучила! Оботри же слезы да простиись со мной, мнѣ давно пора.

Параша пуще растужилась. Онъ опять сталъ уговаривать и утѣшать. Онъ сталъ понѣжнѣй, да чѣмъ онъ нѣжнѣй становился, тѣмъ она сильнѣй убивалась.

Онъ тогда всталъ и сказалъ ей коротко:

— Прощай.

— Такъ ты идешь, Михайло? спросила Параша, встрепетувшась.

— Извѣстно иду, пора.

— Постой немножко, погоди, дорогой ты мой! Ужь такъ-то тяжело мнѣ!

— Отъ меня какая тебѣ помочь будетъ?

Онъ говорилъ не съ сердцемъ, но съ большою досадою. Парашино сердце тоскливо ныло.

— Больше плакать не буду, погляди на меня поласковѣй, простиись со мной получше, я пойду. Не досадуй на меня, просила она Михайла.

— Не досадуй! Я вотъ съ тобою промаялся какъ на барщинѣ... Чтѣ жь это за житье такое сибирское? Такъ нельзя жить!

Параша опять ему обѣщалась, что не будетъ плакать... Она его упрашивала не сердиться, она его ублажала. Онъ слушалъ насупившись, скучаючи... Парашѣ вдругъ стало страшно, что она ему опостылѣетъ своею тоской и слезами, что онъ ее броситъ... Она переломила себя, всю свою грусть, обиду, говорила съ нимъ, шутила, развѣяла его скуку и досаду, и простились они весело.

«Онъ любить меня, но докучать ему не надо,» думала Параша, а сердце у ней замирало, будто чуяло, что вся эта любовь его на волоскѣ держится, точно ждадо, что того и гляди оборвется. Она терлась среди разныхъ тревогъ и страховъ.

Съ той поры съ Михайломъ она всегда весела была и разговорчива. Михайло радъ радехонекъ былъ такой переменѣ хорошей, вызывалъ Парашу чаще и бывалъ съ нею дольше. По

его шуткамъ, по его глазамъ, по всему видно было, что ему жилось какъ нельзя лучше.

Недѣли черезъ полторы послѣ того разговору, Параша собралась идти въ бесѣдку, но собралась она слишкомъ рано, только что смеркалось: надо было подождать пока стемнѣетъ. Она сѣла у окна и терпѣливо ждала сумерекъ. Время было теплое, живительное; снѣгъ почти уже стаялъ и разорванныя тучки носились по небу. Ярко горѣла и сверкала одна звѣздочка, надъ нею чуть мерцала другая, какъ сквозь дымку.

Вдругъ слышитъ Параша, отворилась дверь въ сѣнцахъ. Не успѣла она подумать, кто бы это былъ, въ избу вошелъ Петръ. Параша такъ мало его ожидала, что сразу не хотѣла его узнать, а только испугалась. Онъ въ темной избѣ ее не вдругъ увидѣлъ и осматривался; тогда она встала. Онъ кинулся къ ней. Она въ ужасѣ не смѣла отъ него отступить. Въ глазахъ у нея померкло, потемнѣло; въ головѣ закружилось; ей казалось, что кругомъ нея раскрылись какія-то пропасти. Она едва помнила самое себя, едва помнила и видѣла, что вокругъ нея было. Она не знала, вправду ли онъ бралъ ее на руки, или ей померещилось. То ей казалось, что онъ плакалъ, то ей казалось, что онъ смѣялся; явственно только звучалъ ей голосъ его, и живо она чувствовала жгучую какую-то боль во всемъ тѣлѣ.

Когда она услышала, что отецъ идетъ, она чуть не вскрикнула: «скорѣй, скорѣй!» точно просила защиты.

Староста вошелъ и не мало удивился Петру, и спросилъ, вѣтъ ли бѣды какой или просто за чѣмъ-нибудь барыня прислала. Къ Парашѣ онъ обернулся, велѣлъ огонь засвѣтить, и спросилъ еще Петра, не проголодался ли онъ, и когда изъ города.

Петръ отвѣчалъ, разказывалъ. Параша отошла и издали на Петра глядѣла.

Никогда она не видала его такимъ: каждая жилка у него говорила о радости, онъ какъ-то весь освѣтлѣлъ. Онъ говорилъ съ старостой, но какъ часто, часто и долго, глаза его смотрѣли на нее! И кому улыбался онъ такъ? И отчего голосъ его то звучнѣлъ, то утихалъ? Параша вспомнила, что Михайло ее ждетъ, вѣрно давно ждетъ, надо идти, надо ему сказать все... Она хотѣла идти и боялась: ей казалось, что Петръ сейчасъ же встанетъ и догонитъ ее... Она все подкрадывалась непримѣтно къ двери, и наконецъ быстро отворила дверь и

затворила за собою, и бросилась бѣжать во весь духъ: все ей чудилось, что за ней гонятся.

Михайла она встрѣтила на дорогѣ домой. Онъ шелъ и что-то напѣвалъ по своей привычкѣ.

— Что такъ долго не выходила? спросилъ онъ. — Я ждалъ, ждалъ, да и домой было пошелъ.

— Петръ воротился, сказала Параша, едва перевода духъ.

— Чтò? вскрикнулъ Михайло, какъ разбуженный отъ сна.—

Не можетъ быть!

— У насъ сидить.

— Когда же воротился?

— Я къ тебѣ собиралась, онъ вошелъ.

— Какъ же ты теперь-то ушла?

— Такъ побѣжала.

— Охъ ты бѣдовая! Или ты думаешь, тебя не хватятся?

— Онъ глазъ съ меня не спускалъ... онъ видѣлъ...

— погоди. Чтò, онъ ласковъ былъ?

Парашу точно огнемъ обдало.

— Несчастная я! несчастная! сказала она въ горь.

— погоди. Ласковъ былъ?

Она помолчала и тогда отвѣчала:

— Ласковъ.

— И весель?

— Весель.

— Вдругъ не взглядывалъ на тебя?

— Все глядѣлъ.

— Да не то! Не было ли взглядовъ быстрыхъ, не смотрѣлъ ли этакъ подстерегаючи?

— Нѣтъ.

— А веселость какая была? Много ли шутилъ? Шумливъ ли былъ?

— Нѣтъ, не шутилъ, а только на лицѣ радость была видна.

— Такъ нечего тебѣ и бояться. Онъ ничего не знаетъ, головой своею ручаюсь. Зачѣмъ онъ пришелъ, говорить?

— Барыня сослала.

— Сослала? За чтò?

— Тамъ онъ ходилъ по одной улицѣ гулять часто, а его за вора сочли и связали, барыня и сослала.

— Какая ты взбалмошная, погляжу я! Какъ же ты мнѣ сначала-то этого не сказала? Изъ чего твоя вся тревога была? Чего жъ бояться? Ему и въ умъ ничего не вскинется, только

ты бѣги скорѣй домой. Гдѣ, спросятъ, была?—ты скажи, что къ Танѣ бѣгала, да главное-то—приободришь немножечко, а то на тебя посмотрѣть—точно ты церковь обобрала: ты сама такъ на слѣдъ наводишь.

— Покуда жъ намъ таяться? Лучше сразу все сказать!...

— Какая нужда говорить пока? Сама жъ ты его боишься, что человекъ онъ зарный, нравный; что жъ будетъ, какъ сразу-то ему скажешь? И пойдетъ дымъ коромысломъ; лучше что ли?

— Когда же мы скажемъ?

— погоди. Само покажется.

— Какъ же мнѣ быть теперь?

— Такъ будь, какъ была; никакого виду неприятнаго ему не показывай.

— Да вѣдь онъ со мной какъ женихъ... онъ говорить...

— Да пусть его поговорить, не бѣда. Ужъ я, такъ и быть, досадовать не стану. Да бѣги ты домой поскорѣй. Не путайся такъ и не мѣшайся ради Христа... Завтра все мнѣ разкажешь. Утро вечера мудренѣе. Бѣги теперь, бѣги!

Онъ оставилъ ее и быстро пошелъ, оглянувшись разъ и махнулъ ей рукой въ ту сторону гдѣ ея домъ, дескать: иди!

Параша пошла домой.

У своихъ воротъ она увидѣла Петра. Онъ ждалъ ее и подошелъ къ ней.

— Гдѣ ты ждала меня? спросилъ онъ. — я обошелъ вездѣ, гдѣ мы съ тобою бывали, не нашелъ тебя.

— Мы разминулись, отвѣчала Параша и прибавила:—Я пойду, поздно.

Она говорила и боялась, что онъ ее не пуститъ, что станеть ее спрашивать, отчего не хочетъ она съ нимъ побыть, когда такъ долго они не видались. Онъ, правда, хотъ держалъ ее за руку обѣими руками и не пускалъ еще отъ себя, но онъ не огорченъ былъ и не омрачился ни крошечки, и сказалъ только:

— Поздно, усни. Завтра рано буду ждать тебя. Гдѣ тебя ждать?

— Да ты приходи къ намъ, отвѣчала ему Параша. Параша надѣялась, что отецъ дома будеть.

— Я приду, согласился онъ, какъ послушный ребенокъ.

— Прощай, сказала опять Параша.

— Прощай до завтра! отвѣтилъ онъ.

Господи! какой радостный, какой добрый да нѣжный!

Староста встрѣтилъ дочь какъ человѣкъ, которому мѣшаютъ спать важныя дѣла, а то бы онъ давно уснулъ. Но было не до спанья, и онъ хотя зѣвнулъ во весь ротъ, а разговоръ началъ не спѣша:

— Отчего на тебѣ лица живаго нѣту? отъ радости или отъ страху?

— Не отъ радости! отвѣчала ему Параша.

— Признавайся, чего настроила? Я съ тобою не шучу, и ты мнѣ говори прямо!

— Я не хочу замужъ идти.

— Отчего расхотѣла?

— Я боюсь его...

— Какъ онъ сватался и тутъ былъ, ты не боялась, а когда онъ ухалъ, такъ на тебя страхъ напалъ? Будетъ тебѣ лукавить-то! Признайся мнѣ во всемъ!

— Въ чемъ же я буду признаваться?

— Въ чемъ виновата.

— Въ чемъ же я виновата?

— Да мнѣ-то откуда знать въ чемъ? Я только вижу, что на тебѣ словно одежда горитъ; правые-то люди такъ не вертятся. Чтò жь молчишь?

— Чтò же я буду говорить?

— А коли нечего, такъ я тебя перевѣнчаю, да и дѣло съ концомъ!

Съ этими словами староста легъ спать и уснулъ.

Парашѣ всю ночь чудилось, что кто-то ходилъ подъ окнами. Кто же изъ двухъ? Михайло не пойдетъ: ему ли себя такъ тревожить? Ходилъ вѣрно Петръ.

Онъ ходитъ подъ ея окнами, онъ ждетъ завтрашняго дня, а чтò будетъ завтра? Чтò послѣзавтра будетъ? Всѣ будущіе дни казались одинъ другаго страшнѣе.

Чѣмъ свѣтъ, Параша побѣжала къ Танѣ.

— Тая, дай совѣтъ.

— Скажи поскорѣе всю правду, отвѣчала Тая.— Не грѣши, не обманывай.

Отъ Тани Параша побѣжала на свиданіе съ Михайломъ.

— Не хочу я больше обманывать, скажу я все поскорѣе, говорила ему Параша.

А Михайло опять не велитъ ничего сказывать.

— Да какъ же мнѣ не говорить, коли спрашиваютъ, коли отвѣчать велеть? Отецъ обѣщался, что перевѣнчаетъ меня.

— Ну, до вѣнца-то еще далеко, ты только не бойся.

— Ты самъ знаешь, что отецъ хоть не наказываетъ, да онъ и шутить не любитъ... И какъ же я съ Петромъ буду? Какъ хочешь, а сказать надо.

— Какъ же ты скажешь?

— Да прямо скажу Петру, что не пойду за него замужъ, что пойду за тебя.

— Вотъ, что за меня-то пойдешь, и не надо говорить ему. Будетъ съ него и того, что за него не хочешь.

— Да вѣдь спросить: отчего?

— Ну, а ты ничего не говори, оставь его въ сомнѣннн, да и только. А про меня не поминай... И не поминай про меня, а то онъ можетъ совѣзмъ наше дѣло разстроить.

Дома Параша застала Петра; онъ былъ все такой же веселый и добрый; ей страшнѣй стало. Отецъ на нее поглядѣлъ пристально. Она стала въ уголку и стояла. Всѣ молчали.

Староста, немного погодя, откашлялся, погладилъ бороду и началъ говорить:

— Теперь мы потолкуемъ о своихъ дѣлахъ, сказалъ онъ Петру.—Когда же у насъ свадьба?

— Зачѣмъ медлить? спросилъ Петръ.

— Да по мнѣ тоже нечего медлить. Черезъ двѣ недѣли и вѣнчайтесь.

Параша хотѣла было говорить, у ней голосу не нашлось.

— Да еще я тебѣ долженъ сказать, что моя дочь дурить, заговорилъ опять староста, — а ея дурости я отъ тебя тайтъ не могу...

— Я не пойду замужъ, перебила Параша отчаянно, — не пойду!

— Вотъ, начинается, проговорилъ староста.

Петръ молчалъ. Параша опять повторила свои слова: «не пойду замужъ.» Она не глядѣла на Петра, не знала, чѣмъ съ нимъ сдѣлалось, но голосомъ такимъ никогда онъ не говорилъ прежде, какимъ ее спросилъ: «отчего?» Она не отвѣчала; онъ спросилъ въ другой и въ третій разъ, потомъ всталъ; Параша испугалась. Староста тоже всталъ. Петръ подошелъ къ Парашѣ и сказалъ ей:

— Чѣмъ я провинился?

— Ничѣмъ, былъ ея отвѣтъ.

Онъ постоялъ, она все на него не глядѣла.

— За другаго пойдешь? спросилъ онъ.

Она не посмѣла лукавить и отвѣтила ему:

— За другаго.

— Вотъ какъ! сказалъ староста, и обратился къ Петру:— я этого ничего не зналъ, не вѣдалъ, Петръ.

Петръ подошелъ было къ столу, сѣлъ было на лавку, но тотчасъ же всталъ, поклонился и ушелъ. Староста заперъ за нимъ двери и началъ корить Парашу, да видя, что она точно не слышитъ и не понимаетъ, что ей говорятъ, замолчалъ и ушелъ.

IX.

Прошла недѣля, другая; Параша ежечасно ждала бѣды, и хоть бѣда не приходила, Параша не успокоивалась. Съ Михайломъ она стала видаться гораздо рѣже, и свиданія стали короче, рѣчи скуднѣе. Михайло бывалъ все какъ-то не въ духъ и вздыхалъ; жаловался на голову, на хозяина, на житье. По деревнѣ сейчасъ же разнеслось, что Петръ пересталъ къ старостѣ ходить. Точнаго, вѣрнаго ничего не знали, что тамъ было между ними, судили и рядили, догадывались. Петрова тетка говорила, что будто Парашѣ сонъ приснился вѣщій: пришелъ старикъ съ бѣлою бородой и сказалъ: «не ходи замужъ», и пригрозилъ; иные говорили, что староста не хочетъ отдавать дочери, потому что Петръ теперь въ немилости у барыни. Особенно молодежь доискивалась правды и хваталась за каждое слово. Петра видали рѣдко, а когда видали, то по немъ ни о чемъ нельзя было догадаться. Правда, нѣкоторые говорили, что будто сталъ онъ гладѣть свѣтлѣе, нѣкоторые спорили, что угрюмѣе, да эти нѣкоторые, во что бы то ни стало, добивались чего-нибудь особеннаго, но люди не опрометчивые и рассудительные ничего въ немъ не замѣчали: каковъ онъ былъ, таковъ и остался.

Параша встрѣтила Петра только разъ, нечаянно. Онъ прошелъ мимо ея такъ близко, что задѣлъ ее своимъ рукавомъ, но не взглянулъ; она сама не знала, замѣтилъ ли онъ ее или нѣтъ; это было въ сумерки. И она не ясно видѣла его лицо, видѣла только, что шелъ онъ опустя голову и шелъ тихо.

Параша пришла домой и весь вечеръ проплакала.

Опять стала Параша чаще къ Танѣ ходить. «Съ тобою отведу душу—приду», говорила она Танѣ, и жаловалась на свой

таланъ несчастный. Таня все слушала молча, а разъ и спросила:

— Да ты чѣмъ же несчастна, Параша?

— Я-то? крикнула Параша, въ удивленїи да въ горѣ.

— Да, чѣмъ?

Параша опять вскрикнула:

— Какъ чѣмъ?

— Расскажи, попросила Таня.

Параша хотѣла разказывать, но не нашла о чемъ, точно главное-то ея горе вдругъ потерялось, измѣнило лицо и видъ, такъ что и описать его нельзя.

Она только поплакала и потужила, а разказать ничего не разказала. Таня больше не спрашивала. Дни шли за днями, а съ каждымъ днемъ Параша все больше да больше говорила съ Таней о Петрѣ: ей было страшно Петра, когда она подумала о немъ вчера; ей стало его жалко, какъ вспомнила о немъ напередни; что, если она его сегодня встрѣтитъ? Что онъ думаетъ? Что у него на сердцѣ? Такъ всякій день о немъ рѣчь шла.

— Когда замужъ пойдешь? спросила разъ Таня.

— Не знаю, почему я знаю? отвѣтила Параша.

— Да что жъ Михайло говорить?

— Мы объ этомъ давно не говорили.

— А отецъ знаетъ, за кого ты пойдешь?

— Нѣтъ еще. Можетъ, не отдастъ. Онъ сердитъ на меня.

— Да какъ же ты всего не разузнаешь, не разспросишь?

— Еще погожу, отвѣтила Параша, и ушла домой. Ей, видно не хотѣлось объ этомъ говорить.

Черезъ нѣсколько времени, Таня опять у ней спросила, когда же ея свадьба, что отецъ говоритъ, и опять Параша ей отвѣтила, что сама не знаетъ, и что отца еще не спрашивала.

— Рѣши ты чѣмъ-нибудь, Параша, вѣдь самой тебѣ, кажись, житья нѣту.

— Какое ужъ мнѣ житье тутъ! отвѣчала на это Параша.

— Такъ рѣши, легче будетъ, а хоть легче не будетъ, такъ будетъ вѣрнѣй.

— Я себѣ хорошаго не жду ничего.

— Когда Михайла увидишь?

— Да ввечеру.

— Ввечеру ты обо всемъ и переговори съ нимъ, Параша.

— Да, надо ужь рѣшить сегодня. Рѣшу. Только бы мнѣ вечера дожждаться!

Ждетъ не дождется вечера. То недѣли проходили—она не рѣшала ничего, годила, а теперь вдругъ ей загорѣлось, чтобъ въ тотъ же вечеръ рѣшить.

Но въ тотъ вечеръ она понапрасну ждала: Михайло не пришелъ. Она воротилась домой въ тревогѣ и въ горѣ. На другой день опять выходила, опять понапрасну прождала и всю ночь не спала. Утромъ пришла къ Танѣ, и Таня ей сказала, что Михайло отпросился у хозяина къ отцу, по важному дѣлу, такъ Михайло Танѣ сказалъ; съ Парашей онъ проститься не успѣлъ, кланялся, а ждать его, сказалъ, черезъ недѣлю, много черезъ десять дней.

Параша горько расплакалась. Таня ее утѣшала, уговаривала, да только даромъ теряла слова. Когда слезы унялись, Параша спросила у Тани:

— Веселъ пошелъ? Говори всю правду!

— Нѣтъ, Параша. Былъ онъ тревоженъ и скученъ, и очень торопился.

Къ Таниной матери пришли гости—это было воскресенье,—Параша позвала Таню къ себѣ: «Поговорить съ тобой хочется,» но говорить она ничего не говорила, а сидѣла возлѣ Тани да тужила. Такъ весь день прошелъ. Обѣдать Параша не обѣдала отецъ ея не принуждалъ, но упрекнулъ и осудилъ. Таню онъ подчивалъ, какъ гостю. Но за обѣдомъ или вообще за какимъ бы то ни было дѣломъ, староста помногу не говорилъ, а если случалось, что къ нему приставали, онъ отвѣчалъ: «погоди! двухъ дѣлъ разомъ не дѣлають.» Такъ и тутъ. Онъ за обѣдомъ только замѣтилъ: не хорошо не обѣдать, не хорошо чудить, не хорошо баламутить, а послѣ обѣда онъ говорилъ много укорливой правды Парашѣ. Съ той поры, какъ она отрекалась отъ замужества, онъ все наставлялъ ее на путь истинный: и днемъ, когда ему время, и на сонъ грядущій, и на свѣжую голову утромъ. Онъ убѣждалъ, доказывалъ, стыдилъ: Параша на все молчала. Прошла недѣля, Михайло не воротился. Параша все тужила, что его нѣтъ, а видѣть его ей не желалось вмѣстѣ съ тѣмъ. Ей желалось видѣть Петра, и думала она ежечасно о Петрѣ. Она подстерегала, гдѣ Петръ пройдетъ, чтобъ издали его глазами проводить, пока онъ скроется; она вечеркомъ прокрадывалась къ его избѣ, не увидитъ ли что онъ дѣлаеть, и часто видала, что онъ сидитъ у окна; окно поднято, но онъ не

глядитъ, голова опущена на руки, онъ сидитъ, какъ человекъ въ глубокой думѣ или въ большомъ горѣ. Она подолгу стояла и смотрѣла, и не хотѣлось ей идти, не хотѣлось его выпустить изъ виду. Была ли она дома одна, стоило ей призадуматься, передъ глазами у ней уже носилось открытое окно, и онъ у окна; вотъ, онъ поднялъ голову, оглянулъ кругомъ и опять опустилъ, и сердце у ней замирало такъ же, какъ будто она еще тамъ стоитъ и думаетъ: не увидалъ ли онъ ея?.. Чудное дѣло! она боялась, чтобъ онъ ея не увидалъ, а оттого что страхъ былъ попусту, ей становилось грустнѣй. О Михайлѣ она почти совсѣмъ перестала думать; развѣ въ разговорѣ съ Таней укорить его, что онъ ушелъ отъ нея, упрекнуть, что не ворочается, но ни разу она не сказала: «какъ хочется свидѣться мнѣ съ нимъ!» ни разу не сказала: «когда бъ онъ воротился скорѣй!»

Черезъ двѣ недѣли безъ малаго, Михайло воротился. Параша его встрѣтила безъ радости и спросила, отчего такъ замедлилъ?

— Да вышло такъ, отвѣчалъ ей Михайло.—Ну, а ты какъ тутъ безъ меня поживала? А что женихъ твой бывший? Видѣла ли ты его? Говорила ли ты съ нимъ? Или онъ сердитъ? Не мстить ли чѣмъ?

Параша на все отвѣчала: нѣтъ.

— А ты его все-таки остерегайся, онъ, говорятъ, человекъ ненадежный: не лааетъ, да кусается. Вотъ, напримѣръ, чего это онъ вдругъ къ намъ плотникамъ приходилъ?

— Когда приходилъ?

— Да еще передъ тѣмъ, какъ я къ отцу ходилъ. Пришелъ и всѣхъ сверлитъ взглядами, точно злодѣя своего ищетъ; на два слова отвѣтилъ, да одно самъ сказалъ, и ушелъ.

— Одинъ разъ приходилъ?

— Не знаю. Я ушелъ къ отцу. Можетъ-быть, безъ меня еще приходилъ. Только ты его остерегайся: онъ должно-быть отчаянный на все человекъ.

— Что жъ мнѣ-то его остерегаться? отвѣчала Параша:—онъ обо мнѣ небось и думать забылъ.

— Ты все-таки остерегайся: не наобумъ тебѣ говорить. Остерегайся!

Но дни уходили за днями, а Петръ не дѣлалъ ничего отчаяннаго, ни лукаваго. Къ плотникамъ онъ больше не приходилъ; съ старостой разговаривалъ безъ вражды и безъ гнѣва

На деревнѣ уже провѣдали, что Михайло вечерами ждетъ Парашу и Параша къ нему выходить. Раскидывали теперь люди умомъ, какъ староста приметъ сватовство, когда свадьба, что Петръ сдѣлаеть, или скажетъ... захочетъ ли онъ наказать, или помиловать Парашу и Михайла? А въ Михайлѣ всѣ участіе брали, даже тѣ люди, что сами Парашу любили, и тѣ на Михайла почему-то не могли сердиться: онъ всѣмъ былъ другъ находчивый и пріятель веселый. И потомъ онъ придетъ и самъ признается, хоть признается не раскается, да признался самъ. И потомъ здравствуется и прощается, обнимается, и неласковостію огорчается... «Богъ съ нимъ, онъ хорошій малый!»—«Бѣда наша, что въ одну западню попали, а Михайло славный человекъ.»—«Ахъ, когда бы намъ съ нимъ да нечего дѣлать было, кажись бы тогда и смерть насъ не разлучила—душевный человекъ!»

Такъ о Михайлѣ по деревнѣ говорили. Случилось Михайлу встрѣтиться съ Петромъ: Петръ былъ съ нимъ, какъ со всѣми. Разъ, при Петрѣ, товарищъ ясно намекнулъ Михайлу на Парашину любовь; Петру этого нельзя было не слышать: онъ тутъ же близехонько стоялъ; но Петръ не оглянулся, только говорившій тогда съ Петромъ человекъ вдругъ остановился на словѣ и спросилъ: «а что?» Петръ ему на это отвѣтилъ: «Ничего, слушаю твою рѣчь.» Разговоръ пошелъ дальше.

И послѣ того сколько разъ ни встрѣчался Петръ съ Михайломъ, ничего Михайло не замѣтилъ къ себѣ враждебнаго. Михайло попробовалъ съ нимъ заговаривать, Петръ ему отвѣчалъ безъ запинокъ, но очень коротко; нечего было разчитывать на то, чтобы подружиться съ нимъ, но видно было, что онъ ссоры не ищетъ. Все это было Парашѣ извѣстно, и дивила Параша Михайла тѣмъ, что не радовалась такому миру и покою и согласію. А Михайло такъ очень-очень былъ тому радъ. Онъ сталъ веселъ попрежнему; онъ сталъ попрежнему ласковъ и шутивъ.

Чѣмъ веселѣе былъ Михайло, тѣмъ была Параша печальнѣе. Онъ часто у ней спрашивалъ, отчего сумрачна, и всегда отвѣтъ бывалъ ему: «Такъ! чему жъ веселиться-то?»

Одинъ разъ, когда онъ ее объ этомъ спросилъ, она ему вмѣсто отвѣта сказала:

— Чтò ты думаешь?

— Какъ чтò думаю?

Она пристально взглянула ему въ лицо.

— О свадьбѣ-то нашей, Параша? спросилъ онъ ее.

— Да, о свадьбѣ, отвѣтила она.

— Да что жь! Можно свадьбу сыграть, коли хочешь.

— Не знаю, отдасть ли меня отецъ.

— Известно отдасть. Отчего жь не отдать?

Параша задумалась, и вдругъ ни съ того, ни съ сего сказала:

— Экое житье горемычное на свѣтѣ!

— Намъ-то теперь чѣмъ горько? спросилъ Михайло.—Иль ты бредишь?

— Скажи ты мнѣ правду, Михайло!

— Какую правду?

— Зачѣмъ ты къ отцу ходилъ?

— За дѣломъ... Ходилъ провѣдать.

— Ты вѣдь боялся тогда тутъ оставаться?

— Чего бояться! Не хотѣлъ, вотъ и все тутъ! Приятность была небольшая!

— А меня и бросилъ одну? Какъ себѣ знаешь, такъ и будь!

— Да что жь, развѣ хуже вышло? Въ такихъ случаяхъ надежныхъ всегда надо отойти, на время, пока въ человѣкѣ переиграетъ сердце...

— А я-то вѣдь тутъ была!

— Да тебѣ некуда было идти, ты у отца. Да потомъ еще, вамъ лучше можно всегда вывернуться, а нельзя вывернуться, вы просто можете караулъ закричать, кто-нибудь и выручить, а нашъ братъ не то... и потомъ еще вы можете ублажить, отуманить...

— Такъ это я стала бы ублажать да туманить?

— А то, думаешь, нѣтъ? Коли бы очень круто пришлось, какъ бы еще улестила-то, душа моя, любо-два!

Онъ смѣялся, былъ очень ласковъ съ ней, былъ очень веселъ. Параша сказала: — Прощай!

— Да куда спѣшишь? Полно! говорилъ онъ ей.—Я только что разговорился, разошелся, а ты собралась идти. Не ходи!

— Мнѣ пора. Я пойду, настойчиво отвѣтила Параша.

— Да чего ты сегодня такая? Или лѣвой ногой съ постели встала? Вишь брови-то хмуришь, словно коздунья какая!

— Пора, я пойду, сказала опять Параша.

— Ну, иди-себѣ. А жалъ! я было разошелся. Съ горя развѣ пѣсенку запѣть? Прощай, моя душа. Выходи завтра пораньше.

Онъ запѣлъ: «Здравствуй, милая, хорошая моя, чернобровая похожа на меня,» и съ пѣсней ушелъ.

Парашѣ домой не хотѣлось, она тихо пробрела окольными тропинками до Петрова двора; во дворѣ все было тихо; вокругъ на всемъ былъ красноватый вечерній блескъ; слышалось издали, что журчали весеннія воды... Окно открыто, но у окна никого не было. «Ахъ, еслибъ онъ тутъ былъ! кажется, пошла бы прямо къ нему, да сердце свое облегчила!» сказала Параша вслухъ, и сама своего голоса испугалась. Какъ бы пошла она? Съ какой стати? И къ кому ей идти за совѣтомъ, за участіемъ? И въ чемъ ей совѣтъ надобенъ? У ней есть женихъ выбранный, она скоро замужъ пойдетъ; какъ жить она будетъ замужемъ?

Параша пошла домой.

Шла и перебирала въ умѣ свой разговоръ съ Михайломъ. Печально она шла. Всѣ его легкія слова раздумывала, веселые его взгляды вспоминала. Обидно ей было и какъ-то скучно, а на сердцѣ тяжело и холодно. Вдругъ она очутилась лицомъ къ лицу съ Петромъ. Она вскрикнула и остановилась, и глядѣла на него. Онъ похудѣлъ и постарѣлъ. Сердце у ней повернулось. Стыдно да жалко стало. Она заплакала.

Онъ тоже остановился: встрѣчей такой былъ словно удивленъ, огорченъ; поклонился Парашѣ и пошелъ. Она за нимъ, догнала его.

— Здравствуй! прошептала она со слезами.

Онъ опять ей поклонился, не глядя.

— Пстой, пстой! просила она,—я тебѣ что-то сказать хочу... Ты жалѣешь ли обо мнѣ?

Онъ взглянулъ на нее, и какъ взглянулъ, такъ ужъ глазъ не могъ отвести.

— Мнѣ жизнь не въ жизнь стала! я тоски своей избыть не могу! жаловалась Параша, плача.

— Мнѣ твоему горю не помочь! проговорилъ онъ и хотѣлъ идти.

Она его за руку схватила.

— Ты отъ меня совсѣмъ отрекся? И никого у меня нѣту! Ахъ, не покинь ты меня!

Она его крѣпко обняла и горько такъ плакала. Онъ хотѣлъ отстраниться; еще крѣпче она прижалась, еще горьче заплакала: онъ не оттолкнулъ. Онъ наклонился къ ней и глядѣлъ на нее.

— А другой... вдругъ вымолвилъ онъ.

— Богъ съ нимъ, съ другимъ! Мнѣ его не надо... Ахъ, воти ты прежнее! Прости меня! Полюби опять!

— Шутяшь ты со мною?

— Какія шутки! Мнѣ безъ тебя жизнь не мила!

Онъ ее обнялъ крѣпче. Она плакала.

— О чемъ ты плачешь? спросилъ онъ.

— Ты совѣмъ, видно, разлюбилъ меня! попрекнула она.—

Ну, скажи сразу всю правду, разлюбилъ?

— Ты бросила меня...

— Бросила! Точно спасибо мнѣ за это говоришь! Бросила, а вотъ опять къ тебѣ пришла, сама пришла, ты вѣдь не перезывалъ меня, и люблю я тебя лучше, крѣпче прежняго... Что же ты глядишь на меня? Или мнѣ не вѣришь? Или самъ не любишь?

— Пойдешь за меня?

— Пойду. Хочешь, сегодня отцу скажемся? Свадьбу можно скоро сыграть... Будемъ съ тобой неразлучно, до старости, до смерти нашей... А умрешь ты, я безъ тебя жить не стану, и ты безъ меня не живи...

Онъ глядѣлъ на нее и слушалъ. Параша вдругъ прояснилась, вдругъ оживилась; сердце у ней билось вольно, легко.

— Радъ ли ты? спрашивала она Петра, и когда онъ говорилъ, что радъ, ей казалось, что его радость безмѣрна, а когда онъ молча глядѣлъ на нее и слушалъ ея рѣчи, ей чудилось, что мучится онъ чѣмъ-то. Она не могла, не умѣла хорошенько разобрать, что съ нимъ, но одне знала, что онъ ее любитъ навѣкъ.

Они еще стояли, когда вдали показался Михайло. Параша его увидала, поблѣднѣла и взглянула на Петра; Петръ глядѣлъ на нее, онъ не наглядѣлся еще, а Михайло, увидавши ихъ, не показавъ виду, что замѣтилъ, своротилъ на другую дорожку, обошелъ ихъ издали и скрылся.

Х.

Староста принялъ Петра съ Парашей съ удовольствіемъ, но безъ большой радости. Выслушавши, онъ вздохнулъ глубоко по своей привычкѣ и свою рѣчь проговорилъ:— Съ переметчивыми людьми говорить не приходится, началъ онъ, глянувши на Парашу, и обратилъ потомъ глаза на Петра:— а вотъ, тебя мнѣ слѣдуетъ спросить, хорошо ли ты обсудилъ, что

хочешь брать за себя мою дочь Прасковью? Оно конечно что Прасковья молода, а почти всякій человекъ въ молодости дурить и колобродить, да все ты поразмысли хорошенько. Мнѣ-то лучше не надо, какъ за тебя ее отдать, да я знаю, что вездѣ слѣдуетъ имѣть разсужденіе.

Петръ ему отвѣчалъ, что беретъ Парашу за себя.

— А коли берешь, такъ бери. Я все свое сказалъ, и ты все слышалъ и хочешь ее брать, я теперь стану только этому дѣлу радоваться. И Богъ васъ благослови.

Тутъ же староста положилъ сыграть свадьбу черезъ двѣ недѣли, счесть всѣхъ гостей, кого надо позвать, и разчиталъ, сколько чего пойдетъ на пирь свадебный и на угощеніе; опредѣлилъ приданое за дочерью и велѣлъ Петру съ Парашей съѣсть рядомъ, какъ жениху съ невѣстой. Когда онъ ихъ такъ усадилъ, то еще подалъ имъ кое-какіе совѣты и пошелъ къ барину просить позволенія на свадьбу.

На другой день послѣ этого, Параша ранехонько вѣбжала къ Танѣ, пошептала ей что-то, и обѣ вышли изъ избы.

Танина мать поглядѣла имъ въ слѣдъ и проговорила самой себѣ: «коли не хотите вы мнѣ говорить, такъ я и спрашивать не буду,» и принялась опять за свои работы. «Я къ тебѣ прибѣжала на минуточку, Таня, говорила Параша торопливо, на одну-единую минуточку... мнѣ никакъ нельзя замѣшкаться... я бы и не прибѣжала, когда бы не такое дѣло... такъ я къ тебѣ на одну минуточку... ты вѣдь не знаешь, меня дома вотъ какъ ждуть...»

— Да что жь такое?

— Дома-то? Отецъ и Петръ меня ждуть, и я общалась, что приду скорехонько...

— Да что такое приключилось? Зачѣмъ Петръ у васъ? Чего ты весела?

— Неужто я такъ весела? А что Петръ у насъ, такъ онъ женихомъ... вотъ я, Таничка, прибѣжала тебя просить, скажи ты Михайлу, что Богъ съ нимъ... чтобъ онъ забылъ меня и себѣ другой невѣсты высматривалъ... ты ужь пожалуста все это ему скажи, Таня! Сослужи мнѣ великую службу, покажи овою великую дружбу! Я сама не могу... какъ мнѣ говорить съ такимъ человекомъ?

Таня слушала, глядѣла на нее и молчала.

— Что жь, Таничка? Скажешь ты или нѣтъ? Скажешь ли? Сдѣлай мнѣ милости! Скажешь ли?

— Скажу.

— Спасибо тебѣ, голубушка ты моя, я за тебя Бога буду молить. Богъ тебя тоже не оставитъ: вотъ можетъ скоро ты замуж за Алексѣя пойдешь... будемъ другъ къ другу въ гости ѣздить...

Параша говорила и уже не торопилась такъ домой.

— Что жь Петръ? спросила у ней Тania.

— Ахъ, добрый такой! любить меня, такъ любить! Вчера вечеръ выѣхотъ съ нимъ мы просидѣли рядужиномъ... только отецъ помѣшалъ намъ говорить — все мы его слушали да ему отвѣчали—только Петръ все на меня смотрѣлъ, все смотрѣлъ, а я на него... у насъ черезъ двѣ недѣли свадьба. Прощай, Tania! Спасибо тебѣ!

Она Tанию обняла, крѣпко накрѣпко расцѣловала и убѣжала домой.

Вечеру Михайло пришелъ къ Танѣ, чтобъ у ней о Парашѣ разспросить—самъ онъ не подходилъ близко къ Парашину двору—отчего Параша не выходитъ? Что это былъ за разговоръ у ней съ Петромъ? Tania ему все рассказала.

Михайло слушалъ и вскрикивалъ: «Ахъ-ахъ, Боже ты мой! Ушамъ своимъ не вѣрю! Ахъ, Богъ нашъ милостивый!» Когда удивленье его прошло, онъ пригорюнился какъ святой, сѣлъ подлѣ Tани и сталъ жадоваться.

— Ахъ, дѣвушки-измѣнницы! вотъ вы какія! вотъ тебѣ и люби! вотъ тебѣ и вѣрю! вотъ тебѣ и Параша!

Онъ замолчалъ на время и качалъ кудрявою головою и взглядывалъ на Tанию, точно говорилъ: «Меня ошень жалко! Я обижень кругомъ!» а потомъ опять за свое принимался—за жалобы.

Tania его ничѣмъ не утѣшала, но Михайло сказалъ ей прощаючись:—Спасибо, сестрица крестная, спасибо, что жалѣешь меня!

Онъ принялся разгонять, развѣивать свою грусть-кручину, и принялся за то простымъ образомъ: онъ сталъ раньше спать ложиться; онъ сталъ чаще на улицу ходить; онъ дольше оставался въ бесѣдѣ; ходилъ съ товарищемъ ловить карасей въ прудѣ, а съ другимъ товарищемъ боролся и взапуски бѣгалъ; онъ ходилъ въ городъ торговать шапку и купилъ тамъ поясъ: онъ всемъ отъ себя гналъ прочь тоску, и все ему помогало.

— Развѣялъ я немножечко свою тоску, говаривалъ онъ Танѣ, встрѣчаясь.

— Дай тебѣ Богъ, отвѣчала Таня.

— Спасибо, сестрица милая. Добрышная ты дѣвушка въ свѣтъ бѣломъ! А Парашу давно видѣла?

— Давно.

— Что это она не выходитъ? Или онъ ея не пускаетъ? Онъ вѣдь звѣрь-звѣремъ. А я бы на Парашу поглядѣлъ, и поклонились бы мы ей, ямтнницъ! Я бы пошелъ на свадьбу—пускай бы ей было совѣстно, переметчицъ! А коли на свадьбу меня не позовутъ, я въ церковь пойду и на виду стану.

— Ну, зачѣмъ? спросила Таня.

— Да отчего жъ, сестрица, не сдѣлать этого? Бѣды никому не будетъ, а немножечко я ее дойму и немножечко себя потѣшу. Когда бы мнѣ подстеречь ее, какъ будетъ къ тебѣ идти!

Но какъ онъ Парашу ни подстерегалъ, Параша ему ни разу не попалась. Она почти и не выходила изъ дому, не отходила отъ Петра. Она все спрашивала Петра, радъ ли онъ? и все говорила ему, какъ она рада.

Баринъ далъ свое согласіе на свадьбу и еще похвалилъ Петра; съ той поры какъ Петръ поналъ въ немилость къ баринъ, баринъ всегда о немъ у старосты спрашивалъ и всегда говорилъ: «я имъ доволенъ». Когда баринъ узналъ, что женится Петръ, то еще, кромѣ похвалы, сказалъ: «не надо ли ему лѣсу на новую избу? такъ пусть возьметъ, дай ему.»

Староста уже гостей назвалъ, до свадьбы оставалось всего три дня. Параша съ Петромъ сидѣла подъ вечеръ. Вечеръ былъ темный, тихій, не мѣсячный и теплый. Звѣзды чуть мерцали и временемъ чуть шелестили молодые листья на деревьяхъ. Параша сидѣла возлѣ Петра, успокоенная и веселая, и во мракѣ она вглядывалась въ его лицо.

— Или ты скучаешь? спросила она его вдругъ, и не дождавшись отвѣта прибавила:—очень меня любишь? Ты не гледи, а скажи мнѣ словами, очень меня любишь?

— Очень люблю, отвѣтилъ ей Петръ.

— Отчего ты меня ни о чемъ не разспросишь? Или тебѣ знать не хочется?

— О чемъ спрашивать мнѣ? сказалъ Петръ.

— Да обо всемъ... проговорила Параша и смутилась, и замолчала. — А знаешь ли, начала она опять,—мнѣ хочется тебѣ все рассказать, какъ что было....

И она все ему рассказывала. Часто при развязѣ сердце у ней замирало, и не разъ она кое-что пропускала, не разъ перебивала какъ-то невольно, но сейчасъ же расканвалася и признавалася ему по всей правдѣ. Петръ ее слушалъ. Когда она, пристыженная, крѣиче къ нему прижималась, онъ ее прижималъ къ себѣ крѣиче. Будь онъ строже хоть немножко, пошаркини онъ ее хоть чуть-чуть, можетъ, она бы себя стала больше оправдывать, извинять, а отъ этой доброты его, отъ такой любви сердце у ней таяло и вся душа наполнялась любовью къ нему. Она было развязъ начала такъ: «Ты самъ былъ всегда такой неласковый, ты, бывало, все скученъ со мною», а кончила она разказъ вотъ какъ: «Я глупа была, я виновата была, люби меня всегда какъ теперь любишь, а я тебя до смерти своей любить буду....»

Черезъ три дня ихъ перевѣнчали. На свадьбѣ былъ и Михайло. Онъ нарядился отлично, отлично кудри пригладилъ, опечалился мило и пришелъ на свадьбу. Параша его печального вѣяда, какъсь, не примѣтила; она смѣла счастливою красавицей, рядомъ съ молодымъ; Михайло еще печальнѣй сталъ на нее глядѣть, онъ укоравился еяты такъ, что Петръ его видѣть не могъ, но Парашинъ-то ваядъ только скользнулъ по его лицу и больша на него не обращаясь ни разу. Михайло вышелъ изъ засаднаго мѣстѣчка и прѣсталъ къ молодежи; онъ время отъ времени подходилъ къ Танѣ пожаловаться на обманъ лихой, но нельзя было сказать, чтобъ ему пришлось чирезчуръ ташко, и свадьбу онъ покривилъ, что и людно, и весело, и богато было.

Послѣ Парашиной свадьбы работали платини, еще мѣсяць слишкомъ въ деревнѣ; Михайло все подстерегалъ Парашу, и случалось попадаться ей на встрѣчу, онъ кланялся ей. Параша когда вспыхнетъ, поклонится и пробѣжитъ мимо его. «Что-те теперь она, какъ опять встрѣчу», надѣется Михайло и вспоминаетъ, какъ онъ ей шапку снималъ, кланялся ей, и какъ глядѣлъ на нее: это даромъ не пройдетъ, это если ужъ не умилить, такъ хоть потревожить ее; но опять встрѣчалъ онъ Парашу: все также Параша весела, такъ же, видно, у ней свободно и легко на душѣ.... не помнила она словно встрѣчи прежней, ни ваяда, ни поклона.... Досадно было Михайлѣ. Онъ говаривалъ иногда Танѣ: «Экая вѣдь канонная эта Параша! Ей и не жаль меня! Или ее не доймешь ничѣмъ?»

— Да что тебѣ о ней теперь думать, коли давно всему конецъ? отвѣчала на это Таня.

— Конечно, не надо мнѣ думать, не надо крушиться, говорилъ Михайло.— За что попусту себя сушить?

Михайло хоть думалъ о Парашѣ, а крушиться онъ совсѣмъ не крушился; но погода стояла хорошая, дѣла немного, хозяйничать въ отлучкѣ былъ, такъ отчего жь ему не пойдти Парашѣ на встрѣчу? Онъ и ходилъ.

Парашино житье было счастливое, хорошее, и она сама стала еще лучше, еще краше. Соидется ли она съ Таней, такъ не можетъ наговориться о мужѣ, а говорить, въ лицѣ вспыхиваетъ улыбается, заочно называетъ его милымъ и дорогимъ: «ахъ милый мой! ахъ дорогой мой!» Приходила ли Параша отца провѣдать, ей казалось, что она ужъ домой опоздаетъ; забѣгала къ Танѣ, ей казалось, что она Богъ знаетъ какъ замѣшкалась. Она щебетала весело и живо, и поражала ее иногда Таня своимъ грустнымъ лицомъ.

— Что съ тобой, Таня? спрашивала она, останавливаясь на словѣ, забывши Танину печаль.

— Развѣ не знаешь, Параша? отвѣчала Таня ей.

— Да, да. Я знаю, Таня, но ты не грусти такъ: послѣ тучки солнышко проглядываетъ. Соскучится тебѣ, ты къ намъ лучше приходи, у насъ ты посмотри какъ развеселишься, у насъ всегда весело! Ты не пеняй, что я рѣдко къ тебѣ хожу; какъ мнѣ дожъ-то покидать?

Но одинъ разъ пришла Параша къ Танѣ блѣдна и встревожена.

— Таня, милая Таня моя, сказала она, — мужъ что-то то-скуеть.

— Давно ли? спросила Таня.

— Да вотъ ужъ сколько дней! Какъ я ни спрашивала, какъ ни упрашивала сказать мнѣ—ничего не говорить. Онъ худѣть сталъ.... онъ совсѣмъ не тотъ.... Онъ и не сердится на меня, онъ, Таня, еще жарче и вѣжливѣе меня любить и ласкаетъ.... Я думаю, Таня, ужъ не ревнуетъ ли онъ меня къ Михайлу, — вѣдь онъ чудной, онъ не пригрозитъ какъ другой, а пожалуй молча истаетъ отъ муки.

— Да гдѣ же ты Михайла видишь?

— Какъ гдѣ вижу? Отъ него мнѣ проходу нѣтъ! Куда я ни пойду, все его встрѣчу—нарочно меня подстерегаетъ.... Я пробѣгу мимо, только на поклонъ отвѣчу.., Всегда мнѣ какъ-

то не по себѣ, когда я его увижу, а съ той поры какъ Петръ сталъ сохнуть, такъ едва я свое сердце сдерживаю, чтобы не обидѣть его какъ.... Я ужъ хотѣла ему сказать, что буду жаловаться батюшкѣ, коли онъ отъ меня не отстанеть.... Ты ему скажи это, Таня. Скажи, голубушка Таня!

Таня, какъ увидала Михайла, такъ ему и сказала.

— Да что жъ она меня стращать вздумала своимъ батюшкой, отвѣтилъ Михайло Танѣ:—я и десяти батюшекъ не боюсь, я вольный человекъ, и мнѣ вольно ходить по всѣмъ дорогамъ, гдѣ хочу!

— Да зачѣмъ ходить-то? Какъ не стыдно тебѣ! сказала Таня.

— Ахъ, сестрица! хоть ты пожалѣй меня! Ахъ, дѣвушки! натворили жъ вы мнѣ печали! Какъ сироту вы меня разобидѣли! Богъ съ вами! Отрекаюсь я отъ васъ на всѣ вѣки!

— Ты больше пожалуста не ходи, просила Таня.

— Не буду и ходить!

— Не ходи же, Михайло!

— Не буду. Мнѣ не вѣришь, повѣрь хоть дождямъ проливнымъ, куда жъ теперь ходить? А Матвейчъ вонъ говоритъ, что до новаго мѣсяца дожди зачастятъ.

— Развѣ погода помѣха?

— Извѣстно помѣха, когда дождь въ лицо тебя сѣчетъ.... Да мы вѣдь отъ васъ черезъ недѣлю, много черезъ полторы, уйдемъ. Вспомните насъ, да не будетъ насъ; пожалѣйте насъ, да не воротите!

Точно, работы скоро окончились, и всѣ плотники ушли изъ деревни.

Михайло прощался съ деревенскими какъ съ задушевными друзьями, говорилъ, что вѣкъ будетъ помнить, и просилъ чтобы его не забывали; вся молодежь деревенская вдругъ расстрогалась, всѣ, и дѣвушки и парни, провожали Михайла крѣпко жалѣючи, а когда проводили его и кто-то сказалъ, что человекъ Михайло отличный и вѣрно ему жениться на богачкѣ и зажить припѣваючи, то всѣ въ одинъ голосъ ему того пожелали: «кому жъ, какъ не ему, судилось привольное житье?»

XI.

Прошло еще недѣли двѣ, и опять Параша пришла къ Танѣ, печальна и тревожна.

— Ахъ, Таня, сказала она,—я ума не приложу, что мнѣ дѣлать, какъ мнѣ быть! Петръ тоскуетъ....

— Да вѣдь Михайла нѣту....

— Что жь ему Михайло! Его видно не Михайло мучитъ. Помнишь, какъ я съ тобой говорила въ послѣдній разъ? Я послѣ того Петру божилась, что я его всею моею душой люблю, и спрашивала, что его беспокоитъ; вижу, не говоритъ, такъ я ему сама тогда говорю: «или ты думаешь, что мнѣ надобенъ кто иной кромѣ тебя? Какъ мнѣ божиться тебѣ, что одинъ ты у меня на всемъ свѣтѣ? Вѣришь ли ты мнѣ?» И онъ мнѣ отвѣтилъ: «вѣрю».—«Отчего жь ты тоскуешь? Почему? я его опять спросила:—или у тебя есть какія дѣла заботныя? или неудача?»—«Дѣла? переспросилъ онъ, —какая неудача?» Сказалъ это такъ, словно о лѣтошнемъ свѣгѣ... а больше я ничего и не узнала отъ него.

— Ты опять спрашивала?

— Да, я каждый день, каждый часъ у него спрашиваю—не говоритъ!

— Не сердить онъ?

— Какое сердить! Говорю тебѣ, сталъ еще ласковѣй, еще нѣжнѣй. Еслибы ты знала, какъ онъ иногда глянетъ, какъ обниметъ! Любить-то онъ меня любить.... такъ любить, что иногда чего-то страшно станеть мнѣ.... Чего онъ теперь тоскуетъ? Жить бы намъ да жить не нажиться! Таня, я ужь думаю, не испортилъ ли его кто.

— Да кто жь испортить? За что?

— А Михайло...

— Гдѣ Михайлу испортить! Вѣдь это вещь не легкая, Михайло и вѣзаться не захочетъ, онъ человѣкъ не злой, онъ развѣ побранить, больше ничего.

— Прощай, Таня! Вотъ загадка-то мнѣ загадалася!

Время шло, Петръ все тосковалъ, и Параша все не знала, о чемъ, и почему. Рѣдко-рѣдко бывали теперь веселыя

минуты у него; въ тѣ минуты Параша опять становилась счастлива и всѣмъ довольна. Разъ, когда выпали такія хорошія минуты, она сказала:

— Еслибы мы всегда жили такъ, желанный мой, лучше бы и не надо! Всего у насъ вволю, и мы неразлучны съ тобою.... Еслибы ты былъ веселъ какъ я! Да твоя тоска прошла—ну ее! и говорить объ ней не хочу! и поминать ее не стану! Заживемъ теперь съ тобою! Мнѣ теперь кажется, что мы въ счастіи и до старости доживемъ, хорошими такими старичками сдѣлаемся; право, кажется, что ужь никогда никакого горя и не увижу: такъ у меня на сердцѣ легко, сердце чему-то все радуется....

Она сидѣла подлѣ него, вправду, такая свѣжая, да живая, да радостная, что любо поглядѣть было на нее. Петръ глядѣлъ на нее съ улыбкою, когда вдругъ все его лицо содрогнулось, онъ совсѣмъ перемѣнился.

— Такъ тебѣ хорошо жить? спросилъ онъ Парашу: — а прошлое....

— Чтò прошлое? Развѣ я о прошломъ жалѣю? Или мнѣ теперь не лучше? Въ прошломъ только горе одно.

— То-то горе....

— Богъ съ нимъ! Слава Богу, что прошло!

— Ты развѣ забыла?

— На чтò мнѣ его надо помнить?

— И не вспоминаешь?

— Какъ вспомнится, я и поблагодарю Бога, что прошло. Вѣчная горю память! Да чтò ты опять сталъ сумраченъ, голубчикъ мой? Охъ, не загрусти ты опять, ради Бога! Или ты боишься, что у насъ случится бѣда какая? Не бойся, мой дорогой, Богъ милостивъ, а мы-то другъ дружку любимъ. Ты не суди меня по прошлому, я тебя вѣрно люблю теперь, прошлаго не будетъ, вѣришь ли?

— Вѣрю, отвѣтилъ Петръ.

— Такъ чтò жь о прошломъ и думать?

— Мнѣ все вспоминается... не могу отогнать отъ себя.. проговорилъ Петръ.

По его взгляду, по всему его лицу, по всякому движенью видно было, что вся его душа на нее положена, и видно еще много, много муки и терзанья.

Онъ вдругъ сталъ мраченъ, и напрасно Параша старалась его разговорить—разсѣять она не могла. Онъ отъ нея не

отходилъ, онъ ее ласкалъ, но во всемъ было сколько любви, столько и отчаянья.

— Ахъ, сердечный мой, не боленъ ли ты? спросила его Параша.—Что же это съ тобою творится? Полѣчись ты, попробуй.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, —не отходи только отъ меня.

Вечеру къ нимъ пришелъ староста ихъ провѣдать, и между прочими разговорами и разспросами спро силъ Петра, гесоленъ ли онъ. Петръ отвѣтилъ, что онъ здоровъ.

— А ты все-таки сходи къ Антоновнѣ, спрось не бѣда, лучше спросить. Ты переѣмился въ лицѣ; можетъ оно такъ, а можетъ и хворость какая разыграется. По мнѣ, лучше тебѣ къ Антоновнѣ сходить.

— Сходи къ Антоновнѣ! стала просить Параша Петра.

— Не приставай къ мужу, остановилъ ее староста.—Взрослому человѣку будетъ одного совѣта. Жены всегда этимъ мужьевь донимають; мужьямъ это скучно. Не надо докучать.

Староста посидѣлъ и ихъ еще долгонько, разспрашивалъ объ ихъ хозяйствѣ и разказывалъ о своемъ. Староста всегда, когда приходилъ къ нимъ, говорилъ собственно одинъ: тѣ люди, что любятъ, съ другими молчаливы; Петръ и Параша слушали старосту, и изрѣдка, когда надо, отвѣчали. Такъ и теперь не удивительно старостѣ показалось, что Петръ молчалъ, но староста замѣтилъ, что у Петра лицо не хорошо, а какъ староста былъ человѣкъ разсудительный, и разсудилъ, что по два раза одного совѣта не надо давать, то онъ больше и не помянулъ объ Антоновнѣ, а уходя только сказалъ:—Дай тебѣ Богъ поскорѣй поправиться, другъ!

Проводивши отца, Параша опять подошла къ мужу. Онъ, взявъ ее за обѣ руки, привлекъ къ себѣ, глядѣлъ на нее, ласкалъ, но ни слова не говорилъ.

Парашу не то беспокоило, что онъ молчитъ: молчанье бывало чаще разговоровъ; нѣтъ, ее беспокоили его взгляды, его ласки. Это было именно то *иногда*, о которомъ она говорила Танѣ, что ей страшно чего-то дѣлается... Въ тотъ вечеръ ей очень страшно было...

Вдругъ Петръ всталъ и быстро вышелъ изъ избы.

Параша окликнула его вслѣдъ, но онъ вѣрно ужъ не слыхалъ ея. Она вышла за нимъ, оглянулась во всѣ стороны, онъ такъ быстро шелъ по улицѣ и завернулъ въ проулокъ направо. Куда это онъ пошелъ? Въ томъ проулкѣ жила его тетка:

онъ къ теткѣ хаживалъ только о Рождествѣ да о Святой; еще жилъ тамъ отставной барскій пчельникъ Прохоръ: зачѣмъ ему къ Прохору идти, да еще ночью? А больше тамъ никто и не жилъ. Куда пройти тѣмъ проулкомъ? Или въ село Рябинки, или на большую дорогу—онъ ни туда, ни туда не пойдетъ.

Параша думала и передумывала, стоя у своего порога. Вечеръ былъ душистый, свѣжій; она вздохнула посвободнѣй, и проговорила самой себѣ: «ему полегчаетъ, какъ онъ походить, вечеръ-то благодатный сегодня!»

Кругомъ было тихо, тихо. Ни голоса ничего не слышно, ни огонька нигдѣ не видно, только въ этой тиши соловьи пѣли—пѣли вдали; заливался одинъ и надъ головой у Параша, на вѣтвистой кривой листвѣ, что стояла у ихъ воротъ. Параша подняла голову, чтобы разглядѣть птичку, но птички было не видно. Параша подошла подъ самое дерево, стала и слушала. Она словно въ дремотѣ не замѣчала какъ время шло, пока небо съ краешка не посвѣтлѣло, не порозовѣло; тогда Параша удивилась, какъ она до зари простояла, и сердце у ней сжалось: гдѣ же мужъ до сихъ поръ? Его не было видно, ни съ одной стороны онъ не шелъ. Параша вошла въ избу, кое-что поработала, посидѣла такъ, подумала. Сердце у ней было неспокойно, душа замирала.

«Онъ вѣдь чудной», утѣшила она себя, но все тревожилась и готова была плакать.

Она пошла къ Танѣ, къ Танѣ, своей вѣрной совѣтчицѣ, и разказала ей все. И Таня тутъ ничего не понимала, но видно было, что и Таня встревожилась нишутку. Когда ей Параша сказала: «да вѣдь онъ чудной», Таня ей отвѣтила: «Да за такихъ-то и не поручишься.» Параша расплакалась и растужилась.

— Отчего ты за нимъ не побѣжала? спросила ее Таня.

— Въ голову не пришло, Таня! Онъ уходилъ быстро... Миѣ чего-то страшно было... Что теперь дѣлать?

— Да теперь ждать надо: что жъ теперь дѣлать больше?

Параша ждала цѣлый день, и цѣлый день плакала, не осушая глазъ. День прошелъ, Петръ не воротился. Параша пошла къ отцу, и все ему разказала.

Староста выслушалъ и подумалъ.

— Жди пока придетъ, сказалъ онъ дочери.

— Ахъ, бабушка! хорошо вамъ такъ говорить, какъ у васъ не бѣлитъ сердце! Каково мнѣ ждать-то!

— А ты жди—надо ждать.

— Лучше я пойду его искать...

— Да гдѣ будешь искать-то? Вѣдь мѣсяцъ и вѣтеръ только въ сказкахъ дорогу показываютъ, какую пошелъ добрый молодецъ... Куда пойдешь искать?

— Да пойду въ Рябинки; тамъ не найду, по большой дорогѣ пойду...

— Да зачѣмъ?

— А можетъ что сталося.

— Да теперь ужь поздно: коли статья, такъ еще вчера въ ночи сталося...

— Видно, вамъ горя мало! сказала Параша съ упоромъ и съ плачемъ.

— Какъ горя мало? Сколько надо, столько и есть: вѣдь онъ тебѣ мужъ и мнѣ онъ зять.

Параша не послушалась отца, ходила въ Рябинки: въ Рябинкахъ Петра и не видали. Параша ходила далеко по большой дорогѣ, встрѣчныхъ прохожихъ и проезжихъ людей всѣхъ разспрашивала о Петрѣ: иные ей говорили, что не встрѣчали, а другіе ее увѣряли, что видѣли такого недѣлю тому назадъ, и совѣтовали ей идти въ ближній городъ, вѣрно тамъ найдеть; иные совѣтовали идти къ гадалицѣ погадать... Параша воротилась домой, изморившись и измучившись. Она сидѣла дома въ горькихъ слезахъ, въ тоскѣ и въ безпокойствѣ.

« Ахъ, за что, за что онъ такъ бросилъ меня? » спрашивала она безпрерывно.

Староста донесъ баринѣ и объявилъ всей деревнѣ, что случилось. Всѣ дивились. Баринъ велѣлъ дать знать куда слѣдуетъ, что сбѣжалъ неизвестно отчего и неизвестно куда его хорошій, усердный и вѣрный человекъ.

Прошелъ мѣсяцъ, а Петра все не было; точно онъ въ воду канулъ. Параша была безутѣшна. Она оплакивала мужа какъ умершаго, себя какъ несчастную вдову, и все-таки ждала его... Староста былъ огорченъ, но огорченъ былъ въ самую мѣру, ни больше, ни меньше, какъ слѣдуетъ рассудительному человеку.

Вдругъ Петръ неожиданно воротился домой.

Параша сидѣла одна дома и тужила, вдругъ онъ входитъ... Все тогда забыто было...

Онъ взялъ ее на свои руки какъ дитя давно невидѣнное, найденное, дорогое, онъ былъ такой счастливый... Но при дневномъ свѣтѣ ясно и хорошо видѣла Параша, какъ онъ за это время страшно измѣнился. Она его ласкала и спрашивала, что съ нимъ было, гдѣ онъ былъ. Онъ только говорилъ ей:

— Такъ, тоска нашла! Бродилъ!

Нѣсколько дней прошло въ такихъ вопросахъ и разспросахъ, въ ласковыхъ укорахъ; потомъ жизнь пошла попрежнему хорошо и счастливо.

Люди со стороны дивились, но молчали; баринъ радъ былъ, что его любямецъ воротился, и даже не выговаривалъ ему, а только впередъ не велѣлъ безъ спросу уходить.

Но не долго жизнь такъ шла: скоро Петръ опять затосковалъ и опять пропалъ на долгое время. Параша была теперь спокойнѣй немного, но еще печальнѣй.

— Ахъ, вижу, вижу я, говорила она Танѣ, — это не даромъ: испортили его злые люди!

Таня все ей горе раздѣляла. Сама-то Таня крѣпко любила, такъ и чужая любовь была ей понятна; понятно было и горе и радость.

Староста дочь провѣдывалъ и съ добрыми людьми толковалъ о такой притчѣ. Баринъ безпокоился. Опять Петръ воротился, опять воротился такой же радостный; только одну Парашу видѣлъ онъ, только одна она была для него въ цѣломъ мѣрѣ; но радость еще скорѣй прошла, а тоска напала еще тяжеле. Параша глядѣла, стерегла, стала его упрасивать:— Не ходи! не ходи, ужь ночь скоро! буря поднимается!

— Пусти меня, вымолялъ онъ, мнѣ до смерти тяжело! Вырвался и ушелъ.

Сначала люди дивились, а потомъ привыкли: люди ко всему привыкаютъ скоро, и скоро ко всему приглядываются. Кто считалъ Петра за безумнаго, кто за испорченнаго, а кто просто за чуднаго или за юродиваго человека.

«На Петра опять нашло», говорилъ одинъ другому. «А! отвѣчай другой: когда ушелъ?»—«Да вчера.»—«Жаль, что нашло на него въ рабочее время, пожалуй такъ совѣтъ хозяйство у него прахомъ пойдетъ.»—«Да, кажись, что будетъ такъ.» И заводили рѣчь о другомъ. Разъ Параша упала въ ноги Петру и не пускала его, молила, и рыдала, и удерживала. Онъ выры-

вадся отъ нея; то отталкивалъ ее отъ себя, то прощался съ нею страстно.

— Охъ, останься, останься, не бросай меня! За что ты меня бросаешь? Ахъ, не уходи! Мнѣ безъ тебя и горько и страшно!

— Мнѣ самому страшно съ тобой! вскрикнулъ Петръ.—Я уйди хочу отъ тебя, пусти меня! Но она не пускала его.

— Убей меня прежде! я не пушу тебя!

— На меня находить нехорошее, сказалъ Петръ. Лицо у него совсѣмъ побѣлѣло, губы дрожали и слезы лились ручьемъ.

— Пусти меня!—Онъ не глядѣлъ на Парашу, а глядѣлъ внизъ, не поднимая глазъ.

— Тебѣ со мной лучше будетъ, желанный мой ласкала его Параша и уговаривала.—Лягъ, не заснешь ли? успокойсья.

Онъ легъ, но не заснулъ и не успокоился. Онъ поминутно рвался идти, а когда Параша его не пускала, онъ прижимался къ ней будто въ ужасѣ или бросался въ подушку внизъ лицомъ.

— Пусти меня, сказалъ онъ еще разъ Парашѣ,—пусти!

— Нѣтъ, нѣтъ, милый! ужь время позднее, ночь на дворѣ... Помнишь ли, сказала Параша, немного погодя,—помнишь ли, бывало какъ мы съ тобой вечерами видались? Помнишь, какъ прощались?

— Не говори! перебилъ ее Петръ быстро.

— Ну, я разкажу тебѣ, какъ я по тебѣ тосковала, какъ ходила къ твоему двору.

— Я забыть не могу! проговорилъ Петръ.

— Или ты припомнилъ что нехорошее? Ахъ, я люблю тебя вѣрно и крѣпко теперь! Нехорошее прошло...

— Что прошло, то было! проговорилъ Петръ.

— Куда жь ты? куда? вскрикнула Параша, обхвативши его обѣими руками.

— Пусти жь меня! Не хорошо мнѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, не пушу я тебя! Ну, пожалѣй меня, не-наглядный мой! Обними и поцѣлуй покрѣпче! Онъ ее крѣпко обнялъ и крѣпко цѣловалъ.

На другой день рано утромъ, еще очень рано, Петръ вошелъ къ старостѣ.

— А что Богъ далъ? спросилъ староста, глядя на него.

— Я жену убилъ, сказалъ Петръ.

Староста отступилъ и смотрѣлъ на него.

Петръ былъ измученъ, блѣденъ, изнеможенъ; прежній тревожный и горящій взглядъ его потухъ, и на лицѣ словно написано: «хуже ли, лучше ли, а все покончено, насталь отдыхъ!» У старосты выступили на глазахъ слезы и покатались по лицу. Онъ пошелъ къ Парашѣ, пробылъ тамъ не долго и воротился съ заплаканными глазами. Петръ ходилъ съ нимъ, но Петръ не входилъ съ нимъ, ждалъ у воротъ.

— Надо объявить, сказалъ староста Петру: — пойдемъ... Не долго ты пожила, Параша, проговорилъ онъ, — всего-то двадцать одинъ годъ.

Петра онъ ни о чемъ не спрашивалъ и не упрекалъ; сказалъ онъ Петру только вотъ что: «Будь ты отъ меня подальше, и не говори ты со мной: ты мою родную дочь жизни рѣшилъ.»

Петръ сейчасъ же отъ него отошелъ.

Пріѣхалъ судъ, привели Петра на допросъ.

— Ты убилъ жену?

— Убилъ.

— За что ты убилъ ее?

— Тяжко было.

— Или вы жили несогласно? Не любилъ ты ее?

— Я ее любилъ.

— Она тебя не любила?

— Любила.

— Что жъ вы, поспорили?

— Нѣтъ, не спорили.

— За что жъ ты ее убилъ?

— Тяжко стало, не вынесъ.

Люди уже заявили, что на Петра иногда *находитъ*. Баринъ хлопоталъ, дарилъ и просилъ за него.

— Ты боленъ?

— Я здоровъ.

— Отчего жъ ты въ бѣгахъ бывалъ?

— Тяжко было.

— Не подозрѣваешь ли ты человекъ, который тебя испортилъ?

— Нѣтъ такого человекъ.

Долго шли разспросы, и допросы, да ничего не дознались ясно.

Долго судили и обсуждали, и порѣшено было идти Петру на поселенье. И сослали его.

Слухи потомъ были, что не дошелъ онъ туда: началъ онъ неутолимо тосковать, пересталъ спать, не ѣлъ и не пилъ, извелъ

ся и истосковался. По слухамъ, сокрушился онъ по убитой женѣ, и похоронили его гдѣ-то при большой дорогѣ.

Староста послѣ дочери постарѣлъ и разсуждаетъ теперь со вздохами, и все больше о печальномъ.

— Вѣтъ до чего люди-то доходятъ, сказалъ онъ Танѣ, послѣ Парашинныхъ поминковъ, — доходятъ люди до бѣды большой.

— Не всѣ до большаго доходятъ, отвѣтила ему Таня, — а всякому свое горе!

— Да, точно, въ жизни есть горе, согласился староста.

МАРКО ВОВЧОКЪ.

ДНЕВНИКЪ КАМЕРЪ-ЮНКЕРА БЕРХГОЛЬЦА

Дневникъ Камеръ-Юнкера Берхгольца, введенный имъ въ Россіи въ царствованіи Петра Великаго съ 1721 по 1725 годъ. Перевелъ съ Нѣмецкаго Н. Аммонъ. 4 части. in 8-во. Москва, 1857—1860.

Достоинъ онъ былъ многихъ похвалъ, но желательно бы было, чтобъ онъ не отъ лести происходилъ.

Князь М. Щербатовъ.

Г. Аммонъ совершилъ трудъ, за который нельзя не быть ему искренно признательнымъ. Недавно вышла въ свѣтъ четвертая и послѣдняя часть *Дневника камеръ-юнкера Берхгольца* въ его переводѣ, тщательно исполненномъ и обогащенномъ многими примѣчаніями, ссылками, приложеніями и алфавитнымъ указателемъ. Изданіе этой любопытной книги приведено къ окончанію съ небольшимъ въ три года, и успѣхъ ея можно назвать блистательнымъ: первая и, если не ошибаемся, вторая части ея уже напечатаны въ это время вторымъ изданіемъ. Теперь читатели имѣютъ на русскомъ языкѣ всего Берхгольца, то-есть едва ли не лучший документъ для знакомства съ жизнію русскаго двора и общества въ послѣдніе годы царствованія Петра I.

Характеристическая черта нашей эпохи заключается въ той, можно сказать, жадности, съ которою она стремится узнать домашнія подробности, закулисныя тайны исторіи. Намъ уже не удовлетворяетъ зрѣлище великолѣпныхъ спектаклей, гдѣ, при заранѣе-обдуманной обстановкѣ и приличномъ эффектномъ освѣщеніи, выводится на свѣтъ торжественная сторона событій. Прошло время, когда довольно было имѣть общее понятіе о нѣкоторыхъ главныхъ результатахъ, добытыхъ исторіей, и о немногихъ официальныхъ подробностяхъ изъ массы разнородныхъ фактовъ, ихъ приготовившихъ. Новому направленію нельзя не радоваться: оно служитъ доказательствомъ, что у насъ пробуждается сознательное воззрѣніе на исторію. Мы начинаемъ понимать, что она состоитъ не въ перечнѣ указовъ, манифестовъ, трактатовъ, аудіенцій, путешествій, сраженій, походовъ, конференцій и т. п., а въ нравахъ общества, ходѣ народнаго развитія, характерахъ главныхъ представителей эпохи, словомъ, въ самой жизни, а не въ нѣкоторыхъ только моментахъ ея, выражающихся издавна въ формахъ официальныхъ и условныхъ. Самыя эти формы кажутся мертвыми и непонятными тому, кто не знакомъ съ средой, въ которой онѣ развились или принялись. Дѣйствительно, настоящая жизнь не на сценѣ, гдѣ все-таки идетъ представленіе, а въ партерѣ и за кулисами, гдѣ люди живутъ не заученными ролями, а понятіями, рѣчами и дѣлами, обусловливающими направленіе, успѣхъ и даже самое существованіе сценическаго представленія.

Къ сожалѣнію, свидѣтельства о ходѣ и непрерывномъ тревоженіи жизни общества и даже отдѣльныхъ личностей, бывшихъ его представителями, сохраняются рѣдко и съ трудомъ. Это вѣчное движеніе страстей, интересовъ, помысловъ, ежедневныхъ дѣйствій не поддается лѣтописцу въ полнотѣ. Жизненный потокъ, увлекающій современниковъ, не даетъ имъ времени озираться, сосредоточивать свое вниманіе на такихъ событіяхъ, которыя кажутся имъ не стоящими памяти. У другихъ не достаетъ времени, или обстоятельства неблагоприятствуютъ имъ записывать свои наблюденія. Иные увлекаются личными пристрастіями, или льстятъ, по привычкѣ, сильнымъ міра сего. Наконецъ, собственная безопасность заставляетъ смолкнуть иногда тѣхъ, которые вздумаютъ говорить правду о современникахъ. Есть цѣлыя эпохи, когда напримѣръ Кромвель, по выраженію графа Монталамбера, *parle et ment tout seul* (говорить и лжетъ одинъ). Петръ I окончательно отдалъ при-

казъ молчанія лѣтописцамъ, желая предстать передъ судомъ потомства не подѣ ихъ угломъ воззрѣнія, а въ офиціальному портретѣ, начертанномъ имъ самимъ или по его указаніямъ въ *Гисторіи о войнѣ Свейской*, *Юрналъ*, *Разсужденіи о оказательствѣхъ къ міру* и т. п. Такія препятствія особенно встрѣчаются, когда дѣло идетъ о сохраненіи домашнихъ подробностей, касающихся двора и вельможъ. Напримѣръ, умный, благородный, благонамѣренный Порошинъ не только долженъ былъ прекратить свои записки о воспитаніи Павла Петровича, но подвергся за нихъ разнымъ непріятностямъ. Повятно, что всѣмъ, кто полагали, что попадутъ въ нихъ, непріятно было представить себѣ, что ихъ изображенія дойдутъ до внуковъ не только въ бронѣ Минервы, или въ шлемѣ Курція, но и въ ежедневномъ *дезабиле*. Такимъ образомъ легко объясняется, особенно въ Россіи XVIII вѣка, относительная рѣдкость и часто недостоверность записокъ современниковъ.

То ли дѣло фактическая, внѣшняя сторона исторіи! Напечатанъ документъ, выбита медаль, и матеріалъ для современной исторіи, составленный какъ признано за лучшее, существуетъ отнынѣ и до вѣка. Развѣ только истребить, напримѣръ, всѣ акты и монеты, на которыхъ можно прочесть имя Іоанна Антоновича, въ чемъ почти и успѣли, благодаря своему усердію къ общей пользѣ, тѣ же люди, которые писали эти акты и чеканили эти монеты. Впрочемъ, и то сказать: пробѣлъ не великъ на страницахъ исторіи; всего только одинъ годъ вычеркнутъ, какъ бы не существовавшій, изъ цѣлаго столѣтія. Обиліе документовъ за другіе годы можетъ вознаграждать за эту утрату.

Этими-то документами почти исключительно и пользовались наши прежніе бытописатели. Но и тѣ далеко не всѣ были имъ доступны. Множество любопытнѣйшихъ дѣлъ хранилось за семью печатами и замками, въ непроницаемомъ мракѣ архивовъ, и это были именно дѣла, по существу своему и по дѣйствующимъ лицамъ, наиболѣе характеристическія и любопытныя, какъ картины нравовъ прошлаго времени. Таковы дѣла о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, о Вольнскомъ, о Лопухиной, о Пугачевѣ, о Таракановой, о Новиковѣ, и множество другихъ. Мы говоримъ только о тѣхъ, которыя начинаютъ выходить на свѣтъ Божій, хотя урывками. Слухи носятъ, что скоро многія изъ нихъ будутъ обнародованы подробнѣе и будутъ напечатаны многія письма разныхъ лицъ, занимавшихъ видныя

мѣста въ государствѣ. Дай-то Богъ! Желательно, чтобъ у насъ болѣе и болѣе укоренялась мысль, что тутъ кромѣ добра ожидать нечего. Не лучше ли правдой разсѣять ложныя преданія, иногда представляющія дѣла даже въ худшемъ видѣ чѣмъ они были въ самомъ дѣлѣ? Ошибки и преступленія прошедшаго не вредятъ теперь никому, а могутъ, напротивъ, служить къ назиданію потомковъ.

Отличать мудрыя и похвальные дѣйствія историческихъ лицъ отъ ошибочныхъ и достойныхъ порицанія такъ же необходимо, какъ и изслѣдывать ихъ біографіи просто какъ людей, жившихъ въ ту или другую эпоху. Личный характеръ хотя бы и самого великаго «преобразителя» (по выраженію Голикова) не долженъ быть возвеличиваемъ и превозносимъ, если онъ помраченъ пороками и преступленіями. Этого требуетъ не только простая справедливость, но и интересъ самой исторіи. Личныя свойства ума и сердца и отношенія всякаго рода ежеминутно проникаютъ дѣянія величайшаго генія, такъ же какъ и дѣйствія самаго простаго смертнаго. Отрѣшаются отъ нихъ весьма немногіе, и притомъ въ немногія торжественныя минуты жизни. Слѣдовательно исторіи необходимо разъяснить какъ, почему, для чего было сдѣлано то или другое; на сколько дѣйствовали при томъ или другомъ случаѣ личные интересы и побужденія? Это до того справедливо, что степенью такого участія личныхъ интересовъ въ дѣлахъ государственныхъ чаще всего можетъ опредѣляться достоинство предпринятой мѣры или совершеннаго дѣянія. Чѣмъ менѣе было постороннихъ побужденій, тѣмъ дѣло было чище и дѣйствовало плодотворнѣе. Не будемъ же никогда восхвалять достойное порицанія за то, что человекъ, совершившій его, прославился дѣйствительно великими дѣлами. Не будемъ ни въ какомъ случаѣ возводить на степень добродѣтельныхъ дѣйствій преступленія и пороки, хотя бы виновный въ нихъ былъ величайшій геній въ мірѣ.

Колоссальный образъ Петра I конечно созданъ какъ бы нарочно, чтобы поражать умы потомковъ своимъ величіемъ. Ненавидимый при жизни огромнымъ большинствомъ Россіи, потревоженнымъ въ своей апатіи реформой, которой онъ былъ представителемъ, Петръ все росъ и росъ въ глазахъ поколѣній, начинавшихъ болѣе и болѣе пользоваться плодами произведеннаго имъ переворота. Въ виду такихъ неслыханныхъ успѣховъ забывались темныя стороны его царствованія, тѣмъ болѣе что главные дѣятели, бывшіе свидѣтелями его, или

сами были въ нихъ виновны, или боялись говорить правду при его преемникахъ, или не успѣвали сохранить истинныя преданія, проводя остатокъ жизни въ придворныхъ интригахъ, отправленияхъ въ ссылку, возвращеніяхъ изъ нея и т. п. На виду оставались живыя свидѣтельства объ однихъ великихъ дѣяніяхъ и завоеваніяхъ Петра: войско, флотъ, Петербургъ, Ливонія, память о Полтавѣ и т. п. Поле для панегириковъ и безусловныхъ восхваленій было обширное; и вотъ образъ Петра вылился чѣмъ-то цѣльнымъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго недостатка. Петръ явился не только великимъ полководцемъ, администраторомъ, законодателемъ, но и образцомъ всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей, примѣрнымъ христіяниномъ, полубогомъ, во всемъ и всегда непогрѣшимымъ. Замѣтимъ кстати, что для того, чтобы сложился такой образъ, нужно было нѣсколько времени. Для этого было необходимо, вопервыхъ, чтобы посвянное имъ принесло нѣкоторые плоды и послѣ него, а вовторыхъ, чтобы время его представлялось издалека, въ нѣкоторой искусственной перспективѣ, гдѣ скрывались бы мрачныя и страшныя черты Петровской эпохи, когда жить было тяжело и ужасно. Дѣйствительно, ужасы казней послѣдующаго времени блѣднѣютъ передъ возмутительною картиною его времени. Кроме того не должно забывать, что только черезъ семнадцать лѣтъ послѣ смерти Петра воцарилась его родная дочь. Анна Іоанновна и малолѣтній Петръ II, сынъ казеннаго Алексѣя, конечно, не имѣли особенныхъ притязаній на то, чтобы Петру I были воздаваемы чуть не божескія почести. Но при Елисаветѣ это сдѣлалось придворною хитростію, способомъ выставить свое усердіе и преданность. Тутъ-то сложился этотъ общій хоръ безусловныхъ похвалъ, внушенныхъ самыми различными побужденіями, искренними и неискренними: убѣжденіемъ, удивленіемъ, невѣжествомъ, лестью и пр. и пр. Россія дошла до Геркулесовскихъ столбовъ обожанія. Ломоносовъ говорилъ о Петрѣ: «Онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія!» Сумароковъ, полагая, что Петръ родился въ Коломенскомъ, восклицалъ: «Россійскій Вяелемъ, Коломенско село!» Появились исторіи Петра I, въ родѣ нелѣпыхъ сказаній Крекшина, Нартова и комп.; стали ходить по рукамъ вздорныя рукописи; составились преданія, выдуманная для того, чтобы скрыть не очень лестную правду, но прославившія истинными, какъ напримѣръ, небывалый указъ сенату изъ прутскаго похода и т. п. Потомъ старики, въ родѣ Неплюева, Соймонова и пр., стали воскрешать въ памяти давно

прошедшее, а потому, какъ надобно думать, и невѣрно черезъ много лѣтъ разказанное. Всѣ эти бредни и искаженія, умышленныя и невинныя, стали собираться Штелинымъ и другими, а въ послѣдствіи почтеннымъ, добродушнымъ Голиковымъ. Всѣ варварскія и бесполезныя жестокости Петровскихъ временъ наша вскорѣ свое извиненіе: и казни стрѣльцовъ, и застѣжки, и заточеніе Евдокіи, и даже процессъ царевича Алексѣя. Все это не только было оправдано, но объ этихъ страшныхъ дѣлахъ заговорили съ какимъ-то умиленіемъ, увидѣли въ нихъ великіе подвиги самоотверженія, доказательства справедливости, любви Петра къ Россіи, будто мало было для того его другихъ поистинѣ славныхъ дѣяній. Извѣстно, что маркизь Бъевръ такъ приучилъ всѣхъ къ своимъ остроумамъ и каламбурамъ, что какой-то господинъ, которому онъ сказалъ за столомъ: «Passez-moi les éripards», отвѣчалъ въ недоумѣніи: «Je ne comprends pas celui-là». То же самое должно случиться съ неопытнымъ читателемъ панегириковъ Петру I, когда онъ прочтетъ, наприимѣръ, что приказаніе отравить въ темницѣ царевича Алексѣя (самое вѣроятное изъ преданій о смерти его) или казнь Монса доказываютъ пламенную любовь Петра къ Россіи и его справедливость, точно какъ будто рѣчь шла о его великихъ подвигахъ, при которыхъ также безпрерывно говорится объ этой любви.

Не имѣя никакихъ притязаній на полное и послѣдовательное изложеніе *исторіи исторіи Петра I*, мы имѣли только въ виду обрисовать нѣсколькими чертами очеркъ того, каковы были эти исторіи въ теченіи по крайней мѣрѣ ста лѣтъ. Однажды данное направленіе господствовало исключительно въ теченіи этого времени. Рѣдкіе голоса осмѣливались шепотомъ произносить слова недовѣрчивости, относительно непогрѣшимости Петра. Князь М. М. Щербатовъ, еще при Екатеринѣ II, отдавая всю справедливость великому генію Петра, уже осуждалъ однако многія его дѣянія, бывшія жестоко тягостными для Россіи и не принесшія ей никакой пользы. Щербатовъ часто произноситъ судъ чрезвычайно вѣрный и удивляющій насъ своею пронизательностію, которая позволяла ему провидѣть невидимое для его современниковъ и сдѣлавшееся въ послѣдствіи очевиднымъ для всѣхъ. Но обвинительные акты его еще смягчались многими оправданіями, основанными на преданіи, и притомъ не выходили въ свѣтъ, а оставались въ портфелѣ до нашего времени. Въ началѣ XIX вѣка, когда рабское подражаніе всему чужеземному достигло крайнихъ своихъ предѣловъ, когда привитое образо-

ваніе оказывалось все болѣе и болѣе разобщающимъ высшіе классы съ народомъ и жизнью страны, когда самая наука стала терять подъ собою твердую почву, число усомнившихся и осуждавшихъ нѣсколько увеличилось. Патріотическое чувство, подогрѣтое тогдашними политическими событіями, не мало тому способствовало. Но едва ли нареканія на Петра-человѣка не были уже и прежде сильнѣе чѣмъ осужденія неудавшихся дѣяній Петра-преобразователя, что было совершенно справедливо. Щербатовъ уже не могъ не осуждать его въ этомъ отношеніи. Въ послѣдствіи родилась, какъ мы сейчасъ сказали, болѣе обширная оппозиція безусловнымъ хваленіямъ Петру во всемъ, что онъ ни дѣлалъ. По характеру времени, она была преимущественно чисто-литературная и возникла въ кружкѣ Шишкова,—оппозиція безсознательная и нападавшая на дѣло не съ той стороны, какъ бы слѣдовало. Однако дальнѣйшіе послѣдователи этой маленькой школы посмотрѣли на дѣло поглубже и посерьознѣе. Такъ намъ теперь извѣстно изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ Грибоѣдова, что онъ строго судилъ Петра, уже какъ историческаго дѣятеля и какъ человѣка. Впрочемъ и его мнѣнія не распространялись печатно, а имѣли ходъ только въ весьма-ограниченномъ кружкѣ его друзей, гдѣ они вѣроятно бывали предметомъ любопытныхъ преній. Достаточно, кажется, было бы того, что Щербатовъ и Грибоѣдовъ, принадлежавшіе несомнѣнно къ числу самыхъ передовыхъ, умныхъ и просвѣщенныхъ людей временъ Екатерины II и Александра I, уже шли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наперекоръ общему потоку безсознательнаго мнѣнія, чтобы заставить многихъ другихъ подвергнуть критической оцѣнкѣ это направленіе. Но тому препятствовали и другія причины, кромѣ ограниченія круга вліянія этихъ мнѣній небольшимъ числомъ собесѣдниковъ. Недоступность матеріаловъ для изученія эпохи Петра, упоеніе военными и политическими успѣхами пересозданной имъ Россіи и недостатокъ ощутительныхъ доказательствъ вреда, во многихъ отношеніяхъ, его системы, принявшихъ въ послѣдствіи громадныя до чудовищности размѣры,—все это мѣшало провѣркѣ и оцѣнкѣ мнѣнія, освященнаго давностію. Нужно было другое время и другія обстоятельства, чтобы неизбѣжное совершилось.

Время это пришло около тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія. Мыслящимъ умамъ сдѣлался досугъ вдуматься въ судьбы того прошедшаго, котораго отцомъ былъ Петръ, и многіе

обвинили его во всѣхъ недостаткахъ и крайностяхъ, которыми омрачалась послѣ него наша исторія. Въ подкрѣпленіе какъ бы волшебствомъ являлись изъ-подъ спуда несомнѣнныя свидѣтельства, забытыя или неизвѣстныя прежде, доказывавшія въ миллионный разъ, что не все то золото, что блеститъ. Крайность всегда вызываетъ другую крайность. Реакція противъ безусловнаго обожанія Петра составила мало-по-малу противъ него полный обвинительный актъ, котораго пункты искусно были разсѣяны по цѣлому циклу статей и книгъ, гдѣ вопросъ разсматривался съ разныхъ сторонъ: государственной, церковной, нравственной, народной, общественной. Ревность къ своимъ вѣрованіямъ, свойственная всѣмъ неопитамъ, увлекла противниковъ Петра до послѣднихъ предѣловъ обвиненія. «Плевелы книги Страденберга», какъ называлъ сужденія этого автора о Петрѣ Голиковѣ, начавшій свои *Дьякія Петра Великаго* ихъ опроверженіемъ, блѣднѣли передъ обличеніями новой школы, дошедшей до окончательнаго осужденія огуломъ всей реформы Петровской.

Понятно, что такая рѣзкость и крайность во мнѣніяхъ должна была вызвать не менѣе отчаянный отпоръ. Онъ послѣдовалъ одновременно съ разныхъ сторонъ и изъ различныхъ побужденій. Рутинеры съ ужасомъ встрѣтили такую ересь, которая при успѣхѣ ниспровергла бы всѣ ихъ мнѣнія, принатыя на вѣру, преданія, освященныя временемъ, и труды ихъ, которые оказались бы несостоятельными. И вотъ Полевой пишетъ исторію Петра, въ тонѣ восторженнаго панегирика, руководствуясь Голиковымъ и т. п. произведеніями, курящими безконечный еиміамъ избранному кумиру. Чтобы дать понятіе объ этой компіляціи во славу Петра, довольно сказать, что авторъ, для того чтобъ оправдать его, напимѣръ, съ презрѣніемъ относится объ одной изъ жертвъ его—героѣ Полуботкѣ.

Другіе противники новаго направленія дѣйствовали изъ побужденій чистыхъ и возвышенныхъ. Это были люди мыслящіе, просвѣщенные, по большей части долго бывшіе друзьями своихъ теперешнихъ соперниковъ, съ которыми они когда-то вмѣстѣ учились ненавидѣть зло, неправду и угнетеніе. Недовольство современностію привело ихъ вмѣстѣ на перепутье, и тутъ они разошлись по разнымъ дорогамъ. Каждая сторона считала избранный ею путь вѣрнѣйшимъ къ достиженію общей цѣли: истинному просвѣщенію и благосостоянію Россіи. Одни отчаялись въ возможности дойти до нея путемъ, хотя бы

и исправленнымъ, но все-таки принятымъ, по ихъ мнѣнію, вслѣдствіе поворота крутого, самовольнаго, насильственнаго, несообразнаго съ духомъ народа. Они хотѣли бы вернуться, чтобъ отыскать и взять съ собой драгоценное достояніе, брошенное при этомъ переворотѣ, которое помогло бы имъ удобнѣе и прямѣе идти впередъ. Но антагонисты ихъ считали необходимымъ продолжать прямо прежній путь при прежнихъ условіяхъ, очищая его только отъ зловредныхъ, но неизбѣжныхъ наносовъ. Они не соглашались на счетъ драгоценности брошеннаго при поворотѣ, который считали необходимымъ, и боялись, чтобы съ сомнительными сокровищами не было отыскано и захвачено много сора, который замедлитъ, затруднитъ и даже можетъ остановить дальнѣйшій путь. Нѣкоторыя крайности противной стороны даже дѣйствительно давали поводъ къ такому опасенію. За то и послѣдователи новой школы не безъ основанія могли заподозрить въ неизбѣжныхъ увлеченіяхъ нѣкоторыхъ своихъ антагонистовъ легкомысленное желаніе освободить себя отъ многого, сохраненнаго еще изъ наслѣдія предковъ, и стремленіе къ полному разрыву съ прошедшимъ, столь для нихъ дорогимъ.

Между двумя сторонами завязалась полемика безпощадная, многолѣтняя, принявшая огромные размѣры, коснувшаяся самыхъ разнородныхъ предметовъ, между которыми самое видное мѣсто все-таки занимаетъ Петръ и его реформа. Можно ли сожалѣть о такомъ видимомъ раздѣленіи силъ литературы и науки? Мы по крайней мѣрѣ не пожалѣемъ о немъ. Борьба—это признакъ жизни, это—сама жизнь. Не въ общемъ апатическомъ согласіи, лишенномъ энергіи и даже сомнѣнія, не въ рабскомъ придакиваніи авторитетамъ лежитъ возможность уясненія истины. Силы бойцовъ крѣпнуть въ битвахъ. Какъ выросли многіе и умственно и нравственно въ этой борьбѣ! Сколько новаго открыто и сказано, повидимому, чтобы поразили противниковъ, а въ сущности умножившаго капиталъ науки и просвѣщенія, которымъ пользуется всякій, кто ищетъ знаній! Застой не мыслимъ въ живомъ обществѣ. Посмотрите, долго ли хоть бы въ вопросѣ о Петрѣ длилось безусловное восхваленіе, и много ли оно принесло пользы для его разъясненія? Итакъ не будемъ презирать или ненавидѣть своихъ противниковъ, къ какой бы сторонѣ мы и они ни принадлежали. Не забудемъ, что если обѣ стороны не во всемъ согласны относительно средствъ, то главная цѣль у нихъ одна: разумная свобода, просвѣщеніе,

общее благосостояніе. Пусть преслѣдуется одно только шарлатанство, которое, искусно прикрываясь лицемѣрною маскою, втирается иногда не замѣтно въ ряды достойныхъ дѣятелей. Но ихъ споры плодотворны, они сами сглаживаютъ неровности, высѣкаютъ искры, отъ которыхъ загорится наконецъ священное пламя истины. Освѣщенные ими чаще и чаще, противныя стороны уже не такъ враждебны въ эту минуту; борьба продолжается, но она уже сознательнѣе, она уже не имѣетъ такого характера, какъ прежде. Многія недоразумѣнія разсѣялись, многія истины стали очевидны для всѣхъ, многія уступки сдѣланы взаимно, независимо отъ воли самихъ спорящихъ.

Былъ еще одинъ разрядъ людей, стоявшихъ за прежнее воззрѣніе и придававшихъ себѣ нѣкотораго рода офиціальныя характеръ, который тогдашняя публика охотно за ними признавала, въ родѣ того, какъ теперешніе Французы признаютъ его за гг. Геру и Грангилью. Люди эти популяризировали свой взглядъ въ массахъ, посредствомъ фельетоновъ, театральныхъ піесъ и т. п. Напримѣръ, Бугаринъ, въ *Журнальной всякой всячинахъ Сѣверной Пчелы*, повѣствовалъ отъ времени до времени какой-либо анекдотъ, въ которомъ всегда игралъ роль интимный разговоръ его съ какимъ-нибудь извѣстнымъ, но непремѣнно уже покойнымъ, значительнымъ лицомъ, авторитетъ котораго могъ бы имѣть вѣсъ. Онъ разказывалъ, напримѣръ, съ восторгомъ, что такой-то умершій министръ, въ минуту дружескаго изліянія мыслей и чувствъ, однажды говорилъ ему, Бугарину, о заслугахъ Петра I и прибавилъ: «еслибы мы были справедливы, то отказались бы отъ именъ: Россія и Русскіе, и замѣнили бы ихъ именами: Петровія и Петровцы, потому что безъ Петра не было бы Россіи; все сдѣлалъ онъ одинъ и ему одному мы обязаны своимъ существованіемъ.» Сцена была особенно важнымъ и удобнымъ проводникомъ этого воззрѣнія. Кувольникъ и Полевой основали особый родъ драматическихъ представленій, заимствованныхъ будто изъ исторіи и исполненныхъ патріотическими тирадами, то-есть хвастовствомъ и ложью ихъ героевъ. Эти піесы тщательно обставлялись, и въ нихъ особенно отличался покойный Каратыгинъ, почему они имѣли большой успѣхъ въ Петербургѣ. Вскорѣ образовалась цѣлая школа писателей, поставившихъ такія піесы дюжинами. Эпоха Петра I была любимомъ въ этой школѣ. Рецептъ для сочиненія піесы былъ простой. Обыкновенно брался какой-нибудь анекдотъ Штелина или Голикова;

въ нему прилаживалась интрига между двумя нѣжными любовниками, которымъ мѣшалъ злой разлучникъ, и дѣло оканчивалось тѣмъ, что Петръ узнавалъ дѣло, соединялъ и одарялъ любящихся, причѣмъ злодѣй не оставался безъ должнаго наказанія, доказывающаго мудрость и правосудіе Петра, затѣмъ радостные клики, звуки музыки—и раекъ, и большая часть партера неистово вызываютъ автора. Нечего говорить, на сколько тутъ бывало историческаго и похожаго на нравы эпохи. Но изумительно, до чего доходила безтактность авторовъ выбирать сюжеты. Мы сами присутствовали, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, при первомъ представленіи пьесы *Царская трость, или деревянный ходатай*. Ее написалъ авторъ, теперь уже умершій, котораго хвалили какъ честнаго и добраго человѣка. Безеознательно, должно-быть, онъ чуть ли не превзошелъ своихъ учителей въ смѣлости, съ которою представилъ апоѳеозу Петра, и оскорбилъ вкусъ и нравственное чувство образованной части публики. Въ этой пьесѣ нѣжныхъ любовниковъ разлучаетъ негодяй сенатскій секретарь съ какими-то клеветами-подъячими. Они несправедливо оттягиваютъ имѣніе и раззоряютъ недавно-притѣвшаго въ Петербургъ старика-отца молодой дѣвушки, которая отказала секретарю въ своей рукѣ и осталась вѣрною молодому жениху. Старикъ мрачно ходитъ по Петербургу. Однажды онъ возвращается домой и находитъ у себя цѣлый кагалъ; подъячіе пришли описывать его имѣніе и ругаютъ его дочь и ея жениха. Отецъ начинаетъ разказывать, что встрѣтилъ одноколку, въ которой сидѣлъ человѣкъ высокаго росту и пр. (слѣдуетъ портретъ Петра); человѣкъ этотъ остановился, замѣтивъ его горе, разспросилъ въ чемъ дѣло, и узнавши имя его главнаго притѣвнителя, отдалъ старику тяжелую палку, говоря: «вотъ тебѣ ходатай по твоему дѣлу; покажи его секретарю, и онъ смирится.» При этомъ старикъ выставляетъ палку на показъ. Подъячіе съ трепетомъ узнаютъ дубину, которою Петръ еще недавно въ сенатѣ поколотилъ секретаря за какія-то клеветы. Роли мѣняются, секретарь объясняетъ, кому она принадлежитъ, и всѣ передъ ней преклоняются: подъячіе со страхомъ, а прочіе съ умиленіемъ. Эту живую картиною, сопровождаемую кликами восторга, оканчивается пьеса. Мы не могли не сказать о ней нѣсколькихъ словъ, какъ о замѣчательной чертѣ нравовъ извѣстнаго времени и нѣкоего литературнаго міра. Вы спросите: что же дѣлали зрители при этой апоѳеозѣ палки? Большинство отъ души

хотало и осталось очень довольно. Впрочемъ, помнится, автору растолковали, что есть историческіе факты, негодные для сцены, возмутительные и оскорбительные для цѣлаго народа, когда ихъ выводятъ въ назиданіе и удовольствіе зрителей. Авторъ послѣ этого, кажется, самъ позаботился о прекращеніи представленій пьесы, гдѣ онъ поступилъ по выраженію знаменитаго Вателя: «il a poussé le poivre jusqu'au fanatisme». Вотъ до чего доводилъ еще не такъ давно безразличный восторгъ ко всему, чтò только ни дѣлалъ Петръ.

Нужно было не мало времени, чтобы споры, происходившіе въ литературномъ мірѣ и въ немногихъ кружкахъ общества, занятыхъ литературными и учеными вопросами, перешли въ сознаніе болѣе обширной сферы публики. Дѣло шло однакоже все-таки впередъ; мало-по-малу умножалось число людей, знакомившихся съ сущностію упрековъ, дѣлаемыхъ многимъ дѣяніямъ Петра и особенно нравственнымъ его свойствамъ, о которыхъ прежде почти не было и помину. Число скептиковъ, не вѣровавшихъ въ совершенное и всецѣлое величіе его характера, увеличилось. Нуженъ былъ только случай, чтобы утвердить ихъ въ такомъ мнѣніи.

Случай этотъ не заставилъ ждать себя. Въ послѣдніе годы, при помощи разныхъ благоприятныхъ обстоятельствъ, представилась возможность къ обнародованію такихъ документовъ, которые долгое время оставались доступными только весьма немногимъ. Въ числѣ ихъ были и такіе, которые подтверждали мнѣніе нашихъ скептиковъ. Но рѣшительное вліяніе имѣло въ этомъ случаѣ появленіе въ свѣтъ лѣтомъ 1858 года трехъ первыхъ томовъ исторіи Петра, написанныхъ г. Устряловымъ и заключающихъ въ себѣ повѣствованіе о событіяхъ со дня его рожденія (1672) до разрыва съ Швеціей (1700). Чтобы ни говорили объ этой книгѣ, нельзя не признать въ ней труда истинно почтеннаго, который достоинъ ученаго академика; услуга, имъ оказанная, на-лицо и неотъемлема. Никто не въ правѣ требовать отъ ученаго той или другой степени таланта. Полнота, особенно при первомъ опытѣ, невозможна. Но нельзя не сказать, что авторъ исполнилъ то, чтò было въ его средствахъ, и обогатилъ русскую исторію связнымъ, по возможности полнымъ повѣствованіемъ о событіяхъ цѣлой исторической эпохи, возстановленныхъ по подлиннымъ документамъ, которыхъ огромное число тщательно имъ обнародовано въ первый разъ. Взглядъ г. Устрялова на Петра близко подхо-

дать къ возрѣнію безусловно восторженныхъ его поклонниковъ. Это выказывается между прочимъ и тѣмъ, что онъ старается избѣгать всякихъ сужденій тамъ, гдѣ дѣло можно говорить не въ пользу его героя, хотя онъ и не жертвуетъ точнымъ изложеніемъ происшествій, историческою истиной, въ интересахъ напередъ-заданной темы. Это обстоятельство можетъ-быть болѣе всего послужило оружіемъ противъ безразличнаго обожанія всякаго шага, сдѣланнаго Петромъ. Объяснимся.

Можно себя представить, какое впечатлѣніе вынесло большинство читателей изъ книги, очевидно имѣющей цѣлю восхваленіе, когда они увидѣли, что мнѣстскія преданія и легенды о жизни Петра, придававшія ему какой-то фантастическій колоритъ и размеры полубога, разлетались по большей части какъ дымъ, при добросовѣстной провѣркѣ ихъ историческими документами! Начиная съ знаменитаго гороскопа о рожденіи Петра, составленнаго, какъ гласитъ преданіе, Симеономъ Полоцкимъ и Димитріемъ Ростовскимъ, и облекавшаго самую колыбель его какимъ-то чудомъ, множество мнимыхъ событій, сдѣлавшихся несомнѣнными для массы, оказались нелѣпыми позднѣйшими выдумками Крещяна, Штелина и разныхъ другихъ слагателей собственныхъ бредней или низкой лести. Сказанія о Петровомъ полку, о первыхъ сношеніяхъ Петра съ Лефортомъ, о началѣ флота, о пребываніи въ Сардаиѣ и множествѣ другихъ ложныхъ фактовъ, уничтожились сами собою. вмѣстѣ съ этимъ простой разказъ, безъ риторическихъ прикрасъ, низвелъ многія событія, поставленныя на ходули, на подобающую имъ степень обыкновенныхъ происшествій. Кромѣ того публика прочла описаніе многихъ поступковъ Петра, особенно «Стрѣлецкаго розыска» 1698—1699 годовъ. Подробности этихъ казней явились на свѣтъ впервые во всей ихъ наготѣ. Многіе, не занимающіеся спеціально исторіей, имѣли о нихъ самое смутное понятіе или приписывали слухи о нихъ клеветамъ и недоброжелательству иностранцевъ. Но теперь говорили объ этомъ уже не Корбъ или Страленбергъ, а офіціальные акты, обнародованные горячимъ поклонникомъ Петра. Кредитъ безпрекословнаго поклоненія добродѣтелямъ Петра значительно поколебался.

Годъ тому назадъ, г. Устряловъ издалъ шестой томъ своей исторіи, содержащій въ себѣ страшный разказъ о дѣлѣ царевича Алексѣя, возбудившій общій ужасъ, хотя и это дѣло долго

было выставляемо какъ образецъ величія души того, кто совершилъ его. Подъ внушеніемъ перваго впечатлѣнія, мы сейчасъ же по прочтеніи книги написали первую появившуюся о ней въ нашей журналистикѣ статью (*Моск. Вѣдом.* 1859. № 279), и взгляду, высказанному въ ней, мы остаемся вполне вѣрны. Процессъ царевича, нравственно испорченнаго по собственной винѣ казнившаго его отца и вслѣдствіе долгихъ гнусныхъ происковъ его любимцевъ, представляетъ самый сильный обвинительный актъ. Пусть не ссылаются на государственную необходимость. Признавая ее выше мѣры, мы придемъ къ оправданію Вареевской ночи и революціонной гильотины. Мы не отвергаемъ существованія у Петра политическихъ соображеній при осужденіи сына, зная очень хорошо, что всякій актъ воли человѣческой обуславливается многоразличными побужденіями, бываетъ слѣдствіемъ не одного цѣльнаго чувства, а сложнаго сочетанія нѣсколькихъ побужденій. Но мы не признаемъ личное убѣжденіе всемогущаго человѣка за право совершать дѣла, ужасающія человѣчество. А тутъ еще, во имя государственной необходимости, попораны торжественныя клятвы родному сыну въ помилованіи и самыя священныя человѣческія чувства. Іоаннъ IV признанъ злодѣемъ. Онъ убилъ сына, какъ тигръ, въ минуту ожесточенія. Но и онъ плакалъ и терзался, совершивъ убійство, а не бражничалъ, осудивъ его хладнокровно на казнь и въ виду бездыханнаго его трупa. Это кровавое дѣло есть дѣло, издавѣка и хладнокровно задуманное для удовлетворенія личныхъ своихъ цѣлей и интересовъ недостойныхъ любимцевъ, исполненное при помощи всякихъ обмановъ и съ крайнею жестокостію, погубившее сотни людей въ ужасныхъ мукахъ, не оставившее въ совершившемъ его никакихъ слѣдовъ раскаянія, наконецъ совершенно бесполезное въ политическомъ отношеніи, потому что царевичъ не могъ быть опасенъ Петру. Чѣмъ выше поставленъ человѣкъ, чѣмъ большею властію онъ обладаетъ, тѣмъ болѣе лежитъ на немъ отвѣтственности за его дѣла, тѣмъ строже бываетъ судъ потомковъ.

Впечатлѣніе, произведенное появленіемъ шестаго тома исторіи г. Устрялова, было огромно. Онъ сводилъ съ неприступнаго пьедестала этотъ вѣковой кумирь. По поводу процесса царевича возникла цѣлая литература рецензій, исследований, статей, заключавшихъ въ себѣ новые факты, поправки, документы о дѣлахъ, бывшихъ въ соприкосновеніи съ этимъ

процессомъ и т. п. Какъ и слѣдовало ожидать, ни одно слово похвалы или даже оправданія дѣлу не рѣшилось явиться въ печати. А между тѣмъ передъ читателями развернулась во всемъ своемъ ужасѣ эта кровавая эпопея падачей, застѣнновъ, колесованій, четвертованій, всевозможныхъ казней, придуманныхъ «сop-апоге», чтобъ удесятерить муки безчисленныхъ жертвъ, нахватанныхъ отовсюду по одной тѣни подозрѣнія и погубленныхъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Истина открылась впервые. Негодование сдѣлалось всеобщимъ. Пришла очередь Петру испытать предсказаніе Годунову:

«И не уйдешь ты отъ суда людскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда!»

Можно навѣрное сказать, что впредь никто не назоветъ Петра «Богомъ», а Коломенское «Россійскимъ Вилеемомъ».

Одновременно съ томами исторіи г. Устрялова выходили одна за одной части *Дневника камеръ-юнкера Берхгольца*, въ переводѣ г. Аммона. Независимо отъ любопытства, возбуждаемаго разказами очевидца о дворѣ и лицахъ временъ Петра, помимо важности многихъ свидѣтельствъ автора для разъясненія нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ и событій, *Дневникъ Берхгольца* представляетъ множество данныхъ для опредѣленія личныхъ свойствъ Петра. У г. Устрялова говорятъ о нихъ подлинныя, безспорныя документы, касающіеся важныхъ государственныхъ дѣлъ, но все-таки остающіеся мертвою буквой. У Берхгольца мы находимъ живой, какъ бы изустный разказъ о событіяхъ домашнихъ, ежедневныхъ, гдѣ личность Петра выступаетъ за просто, оставляя постоянныя слѣды своихъ дѣйствій, причины которыхъ скрыты скромнымъ иностранцемъ или неизвѣстны ему. Онъ пренаивно приводитъ извѣстія о томъ, что видитъ или слышитъ отъ свидѣтелей, и черты характера Петра сами собою обрисовываются передъ читателемъ. Черты эти совершенно не противорѣчатъ представленію, которое создается чтеніемъ процесса царевича, а напротивъ того болѣе и болѣе подтверждаютъ его множествомъ подробностей разнаго рода. *Дневникъ* дополняетъ исторію, и мы переходимъ къ этому дневнику, по поводу котораго начали писать предлагаемую статью.

Герцогъ голштинскій Карлъ-Фридрихъ прибылъ изъ Германіи въ Ригу въ началѣ 1721 года. Это былъ молодой человекъ двад-

цати одного года, слабаго сложенія, маленькаго роста, невзрачный, и очень бѣдный. Несмотря на то, притязанія его были очень значительны. Отрасль древняго княжескаго рода, онъ былъ лишенъ всякихъ средствъ поддержать достоинство своего дома и вельскитальческую жизнь всѣхъ претендентовъ, особенно тѣхъ, которые гоняются за нѣсколькими зайцами, а потому большею частію съ трудомъ ловятъ хоть одного. Притязанія его не сосредоточивались на одной цѣли, потому что онъ могъ предъявить нѣсколько спорныхъ правъ на свое возвышеніе, изъ которыхъ нѣкоторыя были достаточны для доставленія ему желаемаго, при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Сѣверная война, которой онъ былъ жертвой, съ другой стороны дала ему поводъ искать большаго чѣмъ то, что онъ потерялъ. Герцогство Гольштинское издавна было предметомъ распрей между государями, которые пользовались дѣленіемъ его на части для предъявленія своихъ правъ на ту или другую изъ нихъ. Двѣ линіи князей постоянно старались утвердить въ герцогствѣ свое владѣчество. Старшая, родственная датскому королевскому дому, естественнымъ образомъ представляла интересы датской династїи и хлопотала о подчиненіи всей территорїи ея власти. Младшая готторпская всячески противилась такому домогательству и прибѣгла подъ защиту королей шведскихъ, своихъ родственниковъ и естественныхъ соперниковъ Данїи. Послѣ рзанныхъ оборотовъ фортуны въ ту и другую сторону, герцогъ готторпской линїи, Христіанъ-Альбертъ, очутился независимымъ владѣтелемъ обѣихъ частей герцогства, но не довольно сильнымъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ оно не было угнетено Данїей. Дѣйствительно, только что отпоръ Швеціи, истощенной Сѣверною войною, сдѣлался невозможнымъ, король датскій Фридрихъ IV занялъ почти все герцогство и подчинилъ его своей власти. У герцоговъ осталась только небольшая территорія съ главнымъ городомъ Килемъ. Она-то была единственнымъ владѣніемъ молодаго герцога Карла-Фридриха, прїѣхавшаго въ Россію въ 1721 году. Въ это время исходъ двадцатилѣтней Сѣверной войны былъ несомнѣненъ, и Петръ I становился сильнѣйшимъ изъ государей Сѣвера. Герцогъ надѣялся склонить Петра къ принужденію датскаго короля возвратить ему отнятыя владѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ у него была и другая комбинація. Какъ племянникъ Карла XII, онъ хотѣлъ склонить побѣдителя къ поддержкѣ правъ своихъ на шведскій престолъ, занятый съ 1719 года сестрою Карла Ульрикою Еле-

онорю, супругою Фридриха I, изъ дома Гессенъ-Кассельскаго. Притязанія герцога основывались на томъ, что Ульрика-Елеонора получила корону не по закону престолонаследія, а по выбору государственныхъ чиновъ. Онъ разчитывалъ также на своихъ шведскихъ приверженцевъ и на интриги партій, преданныхъ въ Стокгольмѣ интересамъ разныхъ дворовъ, въ числѣ которыхъ были люди, легко поддавшіеся и русскому вліянію, особенно послѣ торжества Россіи надъ Швеціей. Для того чтобъ еще болѣе скрѣпить связи свои съ русскимъ дворомъ и имѣть болѣе правъ на его защиту и помощь, герцогъ искалъ руки одной изъ молодыхъ красавицъ, Анны и Елизаветы, дочерей Петра и Екатерины, изъ которыхъ старшей было тогда тринадцать, а меньшей менѣ двѣнадцати лѣтъ.

Петръ встрѣтилъ герцога въ Ригѣ 19 марта 1721. Переговоры о бракѣ герцога съ русскою великою княжною открылись чрезъ знаменитаго Бассевича еще заочно и прежде свиданія герцога съ Петромъ, который искалъ брачныхъ союзовъ съ иностранными владѣтельными домами для членовъ своего семейства, что въ то время впрочемъ было еще не такъ легко, какъ въ послѣдствіи. Государь принялъ герцога довольно хорошо. Датскій дворъ потревожился поѣздкой герцога въ Россію, и посланникъ его Вестфаленъ подалъ государю 14 апрѣля особый меморіаль по этому дѣлу. Отвѣтъ послѣдовалъ очень уклончивый. Петръ увезъ герцога въ Петербургъ, и съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался гостемъ Россіи, въ которой и прожилъ до 25 іюля 1727 года. Дѣла его долго не подвигались ни въ отношеніи предполагаемаго брака, ни въ отношеніи его династическихъ притязаній. Его, что называется, *водили* посудами и полу-объщаніями. По всему видно, что Петръ смотрѣлъ на него какъ на орудіе, которое можетъ при случаѣ пригодиться, чтобы пригрозить кому-нибудь или зацутать и затянуть какіе-нибудь дипломатическіе вопросы. Узнавъ короче пріѣзжаго принца, Петръ не находилъ его вполне выгоднымъ женихомъ для своихъ дочерей, по крайней мѣрѣ въ обстоятельствахъ, въ какихъ герцогъ тогда находился. Такъ тянулось дѣло до ноября 1724, когда произошла извѣстная исторія Монса. 8 ноября Монсъ былъ арестованъ, и самой Екатерины угрожала страшная опасность, отъ которой она спаслась только благодаря благоразумнымъ представленіямъ Петру фельдмаршала князя А. И. Репнина: онъ тогда же объяснилъ Петру, какому нареканію онъ подвергнетъ себя, затѣвая еще новую исторію въ семействѣ, послѣ ссылки

сестеръ, заточенія первой жены, казни сына и пр., и умолилъ его не предаваться гнѣву противъ супруги, хотя бы для любимыхъ дочерей. Петръ образумился и рѣшился по крайней мѣрѣ устроить судьбу дѣтей какъ можно скорѣе, прежде чѣмъ учинить расправу надъ ихъ матерью, которой еще недавно готовилъ такую блестящую будущность. Черезъ день, онъ внезапно рѣшился выдать Анну Петровну за жениха, обрученіемъ котораго медлилъ почти четыре года, и 10 ноября свадьба ихъ уже была рѣшена, а 24 послѣдовало обрученіе. Самое бракосочетаніе замедлилось по причинѣ наступавшаго Рождественскаго поста, а за тѣмъ предсмертной болѣзни государя. Все это промедленіе спасло Екатерину и даже содѣйствовало ея воцаренію, которое, очевидно, не могло бы состояться безъ помощи этихъ обстоятельствъ. 16 января 1725 года Петръ былъ уже безнадеженъ, но никто не смѣлъ напомнить ему о престолонаслѣдіи, учредить которое онъ предоставилъ себѣ еще въ 1722 году, издавши по этому вопросу указъ и «Правду воли монаршей» и заставивши всю Россію присягать въ томъ, что избраніе наследника зависить отъ воли царствующаго государя. Конечно, распоряженіе его уже было сдѣлано, но никто не зналъ официально, въ чемъ оно состояло, и, кажется, Петръ успѣлъ его уничтожить. На смертномъ одрѣ, Петръ хотѣлъ объявить свою новую волю, но не могъ ничего сказать или продиктовать, и 28 января скончался, не успѣвши назначить наследницею Анну Петровну, какъ желалъ, по увѣренію Бассевича. Смѣлая и ловкая интрига Меншикова и Бассевича возвела на престолъ Екатерину. 21 мая Екатерина обвинчала дочь свою съ герцогомъ голштинскимъ, который послѣ смерти Петра сталъ вести жизнь уже болѣе пріятную. Самъ онъ не могъ дѣйствительно играть какую-нибудь роль, но образовавшаяся уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ при русскомъ дворѣ, такъ называемая, голштинская партія получила большое вліяніе. Она радѣла о голштинскихъ интересахъ не столько въ Германіи, какъ въ Россіи, гдѣ выгоднѣе было интриговать, чѣмъ властвовать въ небольшомъ княжествѣ, подверженномъ разнаго рода насиліямъ сосѣдей. Душой ея былъ умный плутъ Бассевичъ, мѣшавшійся во всѣ дѣла русскаго кабинета. Меншиковъ былъ его другомъ, но измѣнилъ интересамъ Анны Петровны, которую мать хотѣла назначить своею наследницею. Онъ передался на сторону молодого Петра, котораго еще при Екатеринѣ замышлялъ женить на своей дочери. Тотчасъ послѣ ея смерти Меншиковъ сталъ

уже ссориться съ герцогомъ и притѣснять его, пользуясь своею неограниченною властію при Петрѣ II. Дѣло кончилось тѣмъ, что 25 іюля 1727 года герцогъ съ супругой отплыли въ Киль, проживать на доходы, получаемые изъ Россіи. Анна Петровна вела тамъ самую печальную жизнь, умирая отъ скуки. 10 февраля 1728 года родился у нихъ сынъ Карлъ Фридрихъ Ульрихъ, а 3 мая Анна Петровна скончалась. Герцогъ прожилъ въ Килѣ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1739 году. Сынъ его остался подъ опекой дяди своего, епископа любскаго, и былъ привезенъ въ 1742 году въ Россію, гдѣ тетка его императрица Елисавета назначила его своимъ наслѣдникомъ подѣ именемъ Петра Федоровича. Онъ былъ постоянно очень озабоченъ своими голштинскими интересами и изъ-за нихъ, сдѣлавшись императоромъ, чуть не началъ даже войны съ Даніей; но отреченіе и смерть его не дали осуществиться этому намѣренію. Супруга его, Екатерина II, въ 1773 году, пожертвовала окончательно германскими владѣніями русскихъ государей. Къ этому подвинулъ ее знаменитый интригантъ, Голштинецъ Сальдернъ, давнишній фактотумъ Россіи по голштинскимъ дѣламъ, прежде стоявшій за сохраненіе правъ на Голштинію, но потомъ, закупленный датскимъ дворомъ, перемѣнившій свое воззрѣніе. Онъ особенно успѣлъ въ своемъ новомъ предпріятіи, натвердивъ Екатеринѣ, что русскимъ государямъ неприлично имѣть владѣнія, ставящія ихъ въ зависимость отъ Германской имперіи. Такимъ образомъ 16 ноября 1773 года въ Килѣ былъ подписанъ актъ, по которому Голштинія уступлена Даніи; въ замѣнъ ея Россія получила графства Ольденбургское и Делменгорстское, тутъ же уступленные въ потомственное владѣніе епископу любскому, герцогу голштейнъ-готторпскому Фридриху Августу. Такимъ образомъ кончилось это дѣло, длившееся слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ и къ началу котораго теперь возвращаемся.

Голштинскій претендентъ явился къ Петру, сопровождаемый свитой, которая съ одной стороны была слишкомъ мала, чтобъ оправдывать получаемое ею громкое названіе «двора», а съ другой—слишкомъ многочисленна, чтобы не быть въ тягость тощему карману принца. Между тѣмъ чопорныя церемоніи были слишкомъ вкоренены въ обычаи мелкихъ дворовъ, чтобъ отказать отъ необходимости имѣть тѣхъ многочисленныхъ должностныхъ лицъ, которыя носятъ въ Германіи разныя смѣшныя прозвища, прикрывающія ничтожность обязанностей служебныхъ, возложенныхъ на нихъ. При русскомъ дворѣ былъ

уже голштинскій посланникъ Штамке и особый уполномо-
ченный тайный совѣтникъ Бассевичъ, родомъ изъ Мекленбурга.
Съ герцогомъ прѣхалъ другой тайный совѣтникъ, Геспенъ. Онъ
съ Бассевичемъ были главными лицами голштинскаго двора и
составляли карриатуру совѣта, собиравшагося у герцога для
важныхъ совѣщаній, гдѣ попустому толковали о планахъ пре-
тендента, что только доставляло проницательному Мекленбургцу
случай втираться къ русскимъ вельможамъ и укрѣплять между
ними свое личное вліяніе. Остальные лица смиты занимали
иногда по двѣ и по три должности, какъ «тайге Jacques» въ ко-
медіи Мольера. Такимъ образомъ тутъ были и камергеры, и камеръ-
юнкеры, и гофъ-юнкеры, и камеръ-пажи, и пажи, и камерраты,
и ассесоры, и кавалеры, и конференціи-совѣтники; въ при-
слугѣ: камердинеры, гофдинеры, валторнисты и пр. Все это
дежурило и исполняло нѣсколько пустыхъ обязанностей...

Можно себѣ представить роль, которую играла эта бѣдная
нѣмецкая колонія среди вѣчнаго тревоженія петербургскаго
двора, стараясь поддѣлаться подъ чужіе обычаи и снискать
благосклонность не только царскаго семейства и сильныхъ
вельможъ въ родѣ Меншикова, Апраксина, Головкина и пр., но
и гвардейскихъ офицеровъ, и царскихъ деньщиковъ, и всякаго,
кто могъ открыть ротъ въ присутствіи Петра. Роль герцога
была иногда забавная, но чаще всего жалкая. Голштинскіе его
интересы заставляли его непрерывно стараться попасть хоть
на минуту на глаза Петру, и вотъ онъ является вездѣ, гдѣ
можетъ надѣяться на это счастье. Петръ съ нимъ шутитъ,
пойтъ его, и большею частію во всемъ этомъ просвѣчиваетъ
какое-то небрежное покровительство, а иногда онъ не только
не церемонится съ гостемъ, но и не обращаетъ на него ни-
какого вниманія. Вдругъ приходитъ случай, гдѣ надо угодить,
а характеръ шведскаго претендента мѣшаетъ герцогу выка-
зать свое усердіе, потому что на этотъ разъ дѣло идетъ о
празднованіи полтавской годовщины или ништадтскаго мира,
слѣдовательно, неловко участвовать въ увеселеніяхъ по поводу
пораженій страны, власть надъ которою составляетъ тоже пред-
метъ его исканій. Бѣдный принцъ постоянно находится въ
фальшивомъ положеніи. Всѣ считаютъ его женихомъ великой
княжны, а между тѣмъ онъ видитъ ее только изрѣдка въ пуб-
ликѣ, и дѣло ограничивается его неловкими реверансами, или
этикетнымъ цѣлованіемъ ручки. Вотъ, кажется, блеснулъ лучъ
надежды и объявятъ ихъ обрученіе. Не тутъ-то было: вне-

запно великихъ князей увозать куда-нибудь, или герцога перестаютъ звать во дворець, за отъездомъ Петра, или по другимъ причинамъ. Герцогъ едва имѣетъ средства къ существованію, обрѣзываетъ содержаніе своихъ придворныхъ, не знаетъ, какъ помочь плѣннымъ Шведамъ, которыхъ задобриваетъ передъ отправленіемъ ихъ въ Швецію. Но на дары Петра много разчитывать нечего. Они заключаются по большей части въ красномъ яйцѣ, подаренномъ въ Свѣтлое Воскресенье, или въ присылкѣ какихъ-нибудь продуктовъ натурой къ обѣду, за что надо отблагодарить, напримѣръ, серенадой въ именины Екатерины, для чего нужны деньги на музыкантовъ и пр. Нужда въ деньгахъ и безъ того настоящая, а тутъ вдругъ сюрпризъ: царскій приказъ шить костюмы на всю свиту для предстоящаго маскарада, или строить подмостки для какой-нибудь иллюминаціи, или готовиться къ немедленному отъезду въ Москву. Въ награду за все это герцогъ получаетъ улыбку или шуточку или нѣсколько стакановъ вина изъ рукъ Екатерины и ея дочерей: и какъ онъ и всѣ его придворные радуются, какому предаются восторгу, если на него обращено хоть малѣйшее вниманіе! Какое у него пылкое желаніе достигнуть хоть чего-нибудь! Онъ даже налагаетъ на себя обѣтъ, странный для лютеранина, и въ каждый тотъ день недѣли, въ который пріѣхалъ въ Россію искать счастья, соблюдаетъ постъ, состоящій въ томъ, что онъ обѣдаетъ одинъ и начинаетъ пить только послѣ обѣда. Впрочемъ, пьянству трудно было не предаться окончательно при дворѣ Петра, гдѣ оно постоянно было «à l'ordre du jour», тѣмъ болѣе, если у кого уже была, какъ у герцога, склонность къ этому препровожденію времени. Желая не отставать отъ другихъ, герцогъ и самъ совершенно спивался, несмотря на свои періодическія головныя боли. Это былъ главный пунктъ его соприкосновенія съ русскими вельможами, на которомъ они могли вполне сходиться съ голштинскими гостями. Иностранные посланники, пріѣзжавшіе къ тогдашнему русскому двору, также были по большей части на подборъ страшные пьяницы, и, за исключеніемъ попоекъ, не очень сходились съ скитальческимъ голштинскимъ дворомъ, который трактовали свысока.

Герцогъ и свита его имѣли только одно развлеченіе, кромѣ придворныхъ и другихъ офиціальныхъ церемоній, свадебъ и т. п. Это было общество иностранныхъ купцовъ, особенно когда дворъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ Нѣмецкая слобода была

наполнена семействами чужеземцевъ. Тамъ сохранились нравы общаго ихъ отечества, и герцогъ и Голштинцы отдыхали, воображая себя дома, на далекой родинѣ. Когда этого не доставало, принцъ наполнялъ свой день или попойками, или пустѣйшими проведеньями времени, въ которыхъ проявлялись нелѣпные вкусы тогдашнихъ каррикатурныхъ и миниатюрныхъ германскихъ дворянъ, формальность и этикетъ, растворенные казарменностію. Онъ учреждаетъ изъ своихъ придворныхъ то форшнейдеръ-коллегію, то тостъ-коллегію, уставъ которой опредѣляетъ мельчайшія подробности всякаго ужина, то какое-то обыкновенное свое общество, гдѣ участвуютъ только избранные. Вдругъ устанавливается имъ какой-нибудь орденъ «виноградной кисти», а черезъ нѣсколько времени—«тюльпана», или «дѣвственности», и онъ съ важностію жалуетъ шутовскіе ихъ знаки нѣкоторымъ приближеннымъ. Лѣтомъ на дачѣ герцогъ вдругъ составляетъ изъ всей своей свиты войско, которое располагаетъ въ лагерѣ и мучитъ ученьями, а иногда играетъ имъ въ войну. Занятія его по части гражданской и политической состояли: въ тѣхъ совѣтахъ съ Бассевичемъ и Геспеномъ, о которыхъ мы говорили выше, въ сочиненіи статутовъ, опредѣляющихъ правила этикета и наказанія на случай ссоръ и дракъ между пьяными голштинскими царедворцами, въ производствахъ ихъ изъ гофъ-юнкеровъ въ камеръ-юнкеры и т. п. Таковы были преимущественно полезныя упражненія молодаго человѣка, имѣвшаго желаніе и даже шансы не только властвовать въ Голштиніи, но царствовать въ Швеціи, или управлять Россіей.

Если Россіи въ послѣдствіи не дешево пришлось пребываніе въ ней голштинскихъ гостей и участіе, принимаемое ею въ ихъ судьбѣ и интересахъ, то по крайней мѣрѣ пребываніе это осталось не безплоднымъ для знакомства нашего съ исторіей, для которой оно оставило любопытный матеріалъ—*Дневникъ Берхгольца*.

Отецъ Берхгольца, родомъ Голштинецъ, былъ генералъ-лейтенантъ русской службы, въ которую вступилъ такъ же, какъ и многіе иностранцы того времени. Сынъ его провелъ въ Россіи часть своего дѣтства, но по смерти отца былъ увезенъ въ Германію. Въ апрѣлѣ 1721 года, молодой Берхголецъ находился въ Парижѣ, гдѣ и получилъ приказаніе герцога Карла-Фридриха ѣхать къ нему въ Ригу. Онъ прибылъ туда 27 мая черезъ Брюссель, Антверпенъ, Роттердамъ, Утрехтъ, Бременъ, Гамбургъ, Берлинъ, Данцигъ, Кенигсбергъ и Мемель, и опредѣленъ

былъ гофъ-юнкеромъ ко двору герцога, при которомъ былъ пожалованъ камерь-юнкеромъ и потомъ камергеромъ, еще во время пребыванія его въ Россіи. Въ послѣдствіи онъ еще болѣе повысился въ іерархіи чиновъ и былъ оберъ-камергеромъ князскаго двора. Судьба привела его въ Россію въ третій разъ, въ качествѣ воспитателя сына герцога, въ послѣдствіи императора Петра III, когда императрица Елисавета Петровна вызвала его въ 1742 году въ Петербургъ, для назначенія его своимъ наслѣдникомъ. Въ 1746 году, черезъ годъ послѣ женитьбы своего воспитанника, Берхгольцъ былъ уволенъ отъ службы при немъ, отправился изъ Россіи и поселился въ Висмаръ, гдѣ и жилъ до самой смерти, которая послѣдовала когда онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ.

Въ то время, когда Берхгольцъ служилъ въ Россіи при герцогѣ Карлѣ-Фридрихѣ, онъ не былъ еще тѣмъ скрытнымъ царедворцемъ, какимъ, говорятъ, сдѣлался въ послѣдствіи. Этому обстоятельству обязаны мы существованіемъ дневника, веденнаго имъ постоянно съ 13 апрѣля 1721 года, дня, въ который онъ получилъ приказаніе въ Парижѣ ѣхать въ Ригу, до 30 сентября 1725 года, а можетъ-быть и позже, но дальнѣйшее продолженіе его утрачено. Сорокъ лѣтъ спустя, когда Берхгольцъ уже давно жилъ на покой въ Висмарѣ, къ нему явился извѣстный любитель и собиратель древностей Бюшингъ, который провѣдалъ о существованіи этого дневника и употребилъ всѣ старанія, чтобы достать отъ Берхгольца драгоценную рукопись, но получилъ отъ него только уклончивые отвѣты. Вскорѣ послѣ того Берхгольцъ умеръ. Но Бюшингъ умѣлъ узнать, у кого находились его бумаги, и выручить потомъ дневникъ, заключавшійся въ восьми футлярахъ, переписанный писцомъ и исправленный рукою автора. Бюшингъ напечаталъ его въ издававшемся имъ сборникѣ *Magazin für die neue Historie und Geographie*, книгѣ чрезвычайно любопытной, но дорогой, по причинѣ рѣдкости и объема ея. Теперь, благодаря г. Аммону, *Дневникъ Берхгольца* сдѣлался общедоступнымъ.

Берхгольцъ записывалъ въ свой дневникъ всѣ сколько-нибудь замѣчательныя для него обстоятельства, касающіяся двора, общества, лицъ, съ которыми встрѣчался, веденныхъ и слышанныхъ разговоровъ и т. д. Онъ исполнялъ это съ чистѣйшею нѣмецкою аккуратностію. Такимъ образомъ мы имѣемъ подробнѣйшую картину всего, что было доступно голштин-

скому камеръ-юнкеру, который отличался большою любознательностію и не пропускалъ ни одного случая посмотреть, что только было возможно, или распросить повѣрнѣе о томъ, чего не удавалось ему видѣть. Какъ Нѣмцу, и притомъ еще придворному, ему казались важными малѣйшія подробности всякой церемоніи, молебствія, свадьбы, фейерверка, парада и пр. Онъ приписывалъ огромное значеніе всякому проявленію какого бы то ни было этикета, и говорить о немъ съ какимъ-то благоговѣніемъ, при видѣ котораго не можетъ не вселиться въ читателѣ полное довѣріе къ разказамъ челоуѣка, придающаго значеніе каждому шагу. Эта дагерротипная вѣрность составляетъ главное достоинство дневника Берхгольца. Петръ и всѣ его окружающіе выставляются передъ вами ежеминутно съ удивительною отчетливостію, которая въ тысячу разъ привлекательнѣе всѣхъ литературно-отдѣланныхъ описаній въ этомъ родѣ, не исключая и лучшихъ статей въ этомъ родѣ Корниловича и немногихъ другихъ. Наивность характера этого дневника, авторъ котораго почти всегда воздерживается отъ сужденій, заноса въ него одни факты, еще болѣе способствуетъ цѣльности впечатлѣнія, производимаго имъ на читателя, и дѣлаетъ чтеніе его въ высшей степени любопытнымъ и увлекательнымъ.

На основаніи данныхъ, предлагаемыхъ дневникомъ Берхгольца, мы постарались представить краткую характеристику голштинскаго герцога и его двора, въ томъ видѣ какъ они сами собою въ немъ обрисовываются. У Берхгольца не должно искать извѣстій о политической сторонѣ эпохи, которая была ему рѣдко доступны. За то онъ представляетъ важнѣйшій матеріалъ для знакомства съ жизнію двора и общества того времени, снимая съ нихъ фантастическую мантию, которою облакало ихъ такъ долго изумленіе потомства. То же самое дѣлается тутъ съ колоссальною фигурой Петра, и поэтому мы считаемъ дневникъ Берхгольца въ этомъ отношеніи необходимымъ дополненіемъ книги г. Устрялова.

Читая Берхгольца, нельзя не быть поражену колоссальною, энергическою, гениальною личностію самого необыкновеннаго челоуѣка, о какомъ только сохранила память исторія, не смотря на то, что, казалось бы, не остается болѣе никакого повода вновь изумляться этому единственному явленію, уже такъ много и часто повергавшему насъ собою въ удивленіе. Дѣло въ томъ, что Берхголецъ заставляетъ насъ присутствовать

день за день, ежечасно, при этой неусыпной, лихорадочной дѣятельности, не знающей ни покоя, ни жалости, доказывающей, что для Петра все существовало въ какихъ-то гигантскихъ размѣрахъ, до которыхъ доросли и малѣйшія обстоятельства жизни. Это желѣзная воля, тяжелымъ молотомъ падающая одинаково на все, что попадало, не разбирающая ни средствъ, ни препятствій, совершающая съ однимъ и тѣмъ же упорствомъ и дѣла, удивляющія своимъ величіемъ, и чудовищные замыслы, поражающіе дикостью и уродливостью. Вы присутствуете при самомъ процессѣ этой вѣчной работы ума феноменальнаго, воли необузданной никогда и ничѣмъ, убившей въ немъ всякія соображенія, истекающія изъ чувствъ сердечныхъ, которыя составляютъ лучшее украшеніе и самыхъ гениальныхъ натуръ. Новымъ свѣтомъ озаряется для васъ задача, почему у такого человѣка, какъ Петръ, какимъ сложили его и природа и обстоятельства, одинаково огромны и славныя дѣянія и преступленія, неслыханныя и ужасающія человѣчество. Эта неутомимая потребность дѣятельности и физическая сила требуютъ себѣ ежеминутной пищи и приучаютъ его не считать ни во что чужія страданія, хотя бы и бесполезныя на дѣлѣ. Вы съ ужасомъ думаете, каково было жить въ его время, и сознаете, что хотя и говорятъ, что преобразователи такого рода всегда дорого стоили человѣчеству, но что никто изъ нихъ не былъ для него тяжелѣе Петра. Наконецъ вы убѣждаетесь, что все это должно вызывать не восторги, а строжайшее осужденіе. Безъ этого вы впадете въ совершенный индифферентизмъ, и даже не будете сами имѣть для себя оправданія въ правилѣ іезуитовъ, что «цѣль оправдываетъ средства», потому что передъ вами явится между прочимъ и рядъ страшныхъ дѣяній, совершенныхъ или съ пустою цѣлю, или не достигшихъ цѣли, или даже вовсе, повидимому, ея не имѣвшихъ.

Дневникъ Берхгольца вводитъ васъ въ самый этотъ очарованный кругъ, вращающійся ближе всего къ страшному центру, кругъ, гдѣ, какъ оцѣпенѣлыя, замерли всѣ личныя чувства и даже инстинкты, въ виду грознаго требованія: забывать себя, ради всесильной, желѣзной воли, готовой всегда страшно покарать малѣйшее поползновеніе не слѣпо исполнять ея приказанія. Вотъ онъ, этотъ дворъ Петра, въ которомъ и замѣчательныя личности не смѣли по большей части выходить, по крайней мѣрѣ видимо, изъ ролей простыхъ, усердныхъ

исполнителей, что уже должно было казаться имъ неизреченнымъ счастьемъ. Вотъ они, эти обряды и торжества, оригинальные, грубые, оскорбляющіе безпрестанно не только чувство достоинства, но и простое приличіе, какъ бы для того, чтобы передъ цѣлымъ свѣтомъ показать, до какой степени произволъ можетъ подчинить своимъ личнымъ вкусамъ нравы, обычаи, преданія, вѣрованія цѣлаго народа.

Въ исторію Петра вкрались многія ошибки не только относительно отдѣльных фактовъ, извращенныхъ преднамѣренно или по незнанію, но и касательно цѣлыхъ сторонъ его характера. Это происходитъ отчасти отъ тѣхъ же причинъ, а еще болѣе отъ недоразумѣній, къ которымъ даетъ поводъ невѣрное или неопредѣлительное употребленіе словъ. Такъ, сдѣлалось общимъ мѣстомъ повторять, что Петръ не терпѣлъ никакихъ церемоній и празднествъ, чему причину находятъ, разумѣется, въ томъ, что онъ предпочиталъ употреблять время на занятія болѣе полезныя. О томъ, что онъ любилъ эти занятія, конечно не можетъ быть спору, при взглядѣ на громаду разнородныхъ дѣлъ, занимавшихъ его постоянно. Но это вовсе не исключало въ немъ страсти къ разнымъ церемоніямъ и торжествамъ, которой онъ предавался такъ же пламенно, какъ и воинскому дѣлу, и кораблестроенію, и администраціи, и законодательству, какъ человѣкъ, не умѣвшій ничего дѣлать въ половину. Эти торжества занимали у него пропасть времени и служили однимъ изъ главныхъ исходовъ, въ который бросалась эта неугомонная дѣятельность, требовавшая какой бы то ни было, но ежеминутной пищи. Дѣло въ томъ, что въ приведенномъ нами мнѣніи недомолвка. Петръ не терпѣлъ церемоній въ томъ смыслѣ, какъ онѣ происходили при другихъ дворахъ, того только этикета, который тамъ господствовалъ. Онъ слишкомъ привыкъ ничѣмъ не стѣсняться, но стѣснять другихъ по вдохновенію своей фантазіи, и создалъ свои праздники, свой этикетъ, гораздо нестерпимѣйшій всякаго другаго для всѣхъ, кромѣ его самого. Ставши на такую точку зрѣнія, нельзя не сознаться, что нигдѣ не бывало столько придворныхъ церемоній и празднествъ, какъ въ Россіи при Петрѣ. Это особенно подтверждается дневникомъ Берхгольца, бывшаго при нихъ постоянно. Читая его и видя до какой степени было страшно для всякаго изъ его приближенныхъ не только не явиться въ срокъ на эти праздники, но и провиниться противъ малѣйшаго правила, установленнаго Петромъ

на всевозможные случаи, поражаешься невольнымъ изумленіемъ. Господскіе дни, царскіе дни, спуски кораблей, годовщины малѣйшихъ побѣдъ, свадьбы знатныхъ лицъ и пр. и пр., все это праздновалось по суткамъ, не говоря уже объ экстренныхъ торжествахъ, о маскарадахъ и гуляньяхъ, длившихся по цѣлымъ недѣлямъ, объ очередныхъ ассамблеяхъ, объ импровизированныхъ катаньяхъ на водѣ и пр. Просто невозможно понять, какъ все это выносили люди, и спрашиваешь себя: да когда же успѣвали они дѣлать что-нибудь въ сенатѣ, коллегіяхъ и пр.? Цѣлые дни, болѣе половины года, проводятся на молебствіяхъ, поздравленіяхъ, парадахъ, и затѣмъ въ неистовомъ, безпробудновѣ пьянствѣ, въ которомъ упражнялись и по смертной охотѣ, и по смертной неволѣ, вслѣдствіе приказовъ Петра. Закуски, обѣды иногда по нѣскольку разъ въ день, наконецъ вечера проводятся въ осушеніи огромныхъ посудинъ водки, венгерскаго и т. д. То же дѣлается и во время танцевъ, и во время безчисленныхъ фейерверковъ, и во время визитовъ, словомъ непрерывно. Иные думаютъ, что Петръ требовалъ этого отъ другихъ, судя всѣхъ по своей мѣркѣ, а что для его желѣзной природы все это было ни почемъ. Мы и такое оправданіе считаемъ только доказательствомъ его эгоизма и деспотизма. Но на дѣлѣ выходитъ еще хуже. Онъ требовалъ отъ другихъ больше, чѣмъ самъ могъ вынести. Самъ онъ постоянно уходилъ съ попойекъ спать, а другимъ не только приказывалъ ждать его, но строго повелѣвалъ пить всѣхъ какъ можно больше, даже женщинъ, если бывалъ въ духѣ. Особые надзиратели наблюдали, чтобы никто не ушелъ и чтобы всѣ пили. Выспавшись, онъ возвращался и опять начиналъ пировать. А безъ сомнѣнія, если на другой день кто-нибудь съ похмѣлья дѣлалъ малѣйшее упущеніе по должности, вслѣдствіе его же принужденія пить, то бывалъ счастливъ, если отплачивался только знакомствомъ спины своей съ умиляющимъ «деревяннымъ ходатаемъ». Изъ этого можно заключить, каково было презрѣніе ко всѣмъ людямъ этого человѣка, знавшаго только собственное свое я. Удивляйтесь послѣ этого, что онъ готовъ былъ хладнокровно губить тысячи людей для удовлетворенія своего желанія и даже прихоти!

Впрочемъ не нужно думать, что эти празднества, имѣвшія по большей части цѣлю торжество собственныхъ подвиговъ Петра, не имѣли и своего рода этикета. Мы уже говорили, что онъ существовалъ, но имѣлъ свой особенный характеръ. На

этихъ праздникахъ дворъ смѣшивался съ гвардейскими солдатами, шкиперами и пр., которымъ отмежевана была значительная доля участія въ программѣ торжествъ. Видно, что нужно было поддерживать расположеніе къ существующему порядку въ этихъ людяхъ, которые, по сознанію Петра, конечно были единственными искренно преданными этому порядку людьми, готовыми упорно защищать его въ случаѣ надобности. Солдаты пили и поили насильно всѣхъ и получали еще за это подарки. Достаточно сказать это, чтобы представить себѣ, какой элементъ они вносили въ характеръ придворныхъ праздниковъ. Впрочемъ и тамъ, гдѣ ихъ не было, однажды данный камертонъ не переставалъ царствовать. Мы сказали уже, что первымъ условіемъ всѣхъ торжествъ было пьянство, доведенное до послѣдней степени, слѣдовательно со всѣми послѣдствіями, которыя сопровождаютъ его у людей грубыхъ, приученныхъ давать волю животнымъ инстинктамъ. Берхгольцъ то и дѣло разказываетъ о томъ, что при такомъ-то случаѣ такіе-то изъ первыхъ сановниковъ ругались, подрались, роняли другъ друга на полъ, словомъ предавались самымъ безобразнымъ проявленіямъ унижительнаго состоянія, въ которомъ они волею-неволею находились.

При этомъ общемъ характерѣ праздниковъ, каждый изъ нихъ имѣлъ особо установленный порядокъ, смотря по роду, къ которому относился. Часто фантазія Петра придумывала нѣкоторыя подробности уже на мѣстѣ. Вообще фантазія эта, ничѣмъ не удерживаемая, придумывала самыя уродливыя созданія, существовавшія иногда и постоянно, какъ напримѣръ коллегія кардиналовъ, или веселая братія, отвратительное сборище жесточайшихъ пьяницъ, шуты или падачъ-виташи, которые имѣли свои роли въ разныхъ церемоніяхъ. Всѣ обычаи тогдашняго двора не имѣютъ даже оправданія въ преданіи или историческомъ значеніи. Они никогда и нигдѣ не существовали ни прежде, ни послѣ Петра, и были не болѣе какъ созданія произвола, котораго печать они носили вмѣстѣ со всѣми признаками презрѣнія къ людямъ и добрымъ нравамъ ихъ.

Мы упомянули о томъ, что неисполненіе предписанныхъ церемоній, а тѣмъ болѣе неявкъ по повѣсткѣ на какой-нибудь праздникъ влекли за собою большія неприятели. Всѣмъ явѣстны штрафы, въ родѣ осушенія кубка «большаго орла», падавшіе на виноватаго, который послѣ такой порціи пьянѣлъ

совершенно или даже дѣлался боленъ. Женщины не избѣгали въ такихъ случаяхъ наказанія и униженія, сопряженныхъ иногда съ ужасными послѣдствіями. Напримѣръ, супруга гофмаршала Олсуфьева, родомъ Нѣмка, находясь въ послѣднемъ періодѣ беременности, не явилась въ послѣднихъ числахъ октября на маскарадную процессію, гулявшую слишкомъ три недѣли по Петербургу, по случаю заключенія въ 1721 году ништадтскаго мира. За такое ослушаніе ей было приказано явиться вмѣстѣ съ тридцатью другими дамами въ сенатъ, гдѣ Девіеру и денщику Татищеву велѣно было заставить ихъ выпить столько, сколько пили другіе, при чемъ, въ наказаніе, въ вино примѣшивали водку. Олсуфьева въ слезахъ умоляла Екатерину спасти ее, и уговорила ее взять на себя ходатайствовать за нее, но Петръ отказалъ наотрѣвъ, говоря, что снисхожденіе къ Нѣмкѣ усилитъ непріязнь Русскихъ къ иностранцамъ! Несчастливая терзалась всю ночь и преждевременно родила мертваго младенца, который былъ посаженъ въ спиртъ.

Примѣры такого жестокосердія Петра встрѣчаются безпрестанно въ запискахъ Верхгольца. Не говоримъ уже о казняхъ, которыя отличались тогда какою-то артистическою утонченностію въ изобрѣтеніи страшныхъ и бесполезныхъ мукъ. Но Петръ совершалъ непрерывно разные ужасные опыты изъ простой любознательности или для исполненія минутной фантазіи, не ставя ни во что жизнь или достоинство людей. Онъ выписываетъ великана, соединяетъ его съ огромнаго роста Чухонкой и велитъ обвинять ихъ только тогда, когда убѣждается, что отъ нихъ могутъ родиться дѣти, а еслибъ это не удалось, то назначалъ ее огромному гайдуку, надѣясь, что отъ нихъ можетъ произойти порода рослыхъ людей. Такой же опытъ производитъ онъ надъ карликомъ и карлицей, которая не можетъ разрѣшиться отъ бремени и умираетъ въ родахъ. Или напримѣръ, Петръ узнаетъ, что жена купца Борсте опасно больна водяною. Воображая себя отличнымъ хирургомъ, онъ является въ домъ Борсте и насильно дѣлаетъ его женѣ операцію, хвастаясь искусствомъ, съ которымъ выпустилъ ей болѣе двадцати фунтовъ воды. Послѣ этого онъ уѣзжаетъ куда-то, а г-жа Борсте въ тотъ же день умираетъ. Ее не смѣютъ хоронить, потому что Петръ приказалъ ждать его для вскрытія трупа. Онъ возвращается, исполняетъ свое желаніе, потомъ провожаетъ ея гробъ и послѣ того пьетъ съ иностранными

корабельщиками въ домѣ умершей. Такія черты говорятъ сами за себя. Ихъ не оберешься у Берхгольца, а до него могли доходить только нѣкоторыя вѣсти такого рода, изъ сферъ, бывшихъ въ соприкосновеніи съ дворомъ герцога голштинскаго.

Въ первое время пребыванія Берхгольца въ Россіи, онъ велъ свой дневникъ съ чрезвычайною подробностію. Въ послѣдствіи описанія его становятся короче, потому что ему часто приходится говорить о мѣстахъ, уже видѣнныхъ прежде, о лицахъ уже знакомыхъ и церемоніяхъ извѣстныхъ. Однако, онъ никогда не пропускаетъ случая описать все, что еще для него ново, и этимъ поддерживается интересъ *Дневника*, котораго первыя три части уже болѣе или менѣе извѣстны публикѣ.

Вышедшая недавно четвертая и послѣдняя часть *Дневника Берхгольца* заключаетъ въ себѣ описаніе того, что произошло съ нимъ въ послѣдній годъ царствованія Петра до 1-го января 1725. Затѣмъ дневникъ возобновляется только въ день смерти императора, 28 января 1725, и содержитъ въ себѣ перечень событій до 30 сентября. Бюшингъ свидѣтельствуетъ, что кромѣ того существуютъ только два или три разрозненные листка, не представляющіе ничего любопытнаго, но содержаніе которыхъ разказано въ нѣсколькихъ строкахъ. Этимъ заключается любопытный дневникъ Берхгольца.

Знакомые съ первыми частями *Дневника* найдутъ и въ послѣдней тѣ же свидѣтельства о личномъ характерѣ Петра. Самовластіе и деспотизмъ его проявляются безпрестанно, на примѣръ въ приказаніи отбирать у московскихъ купцовъ лучшихъ лошадей подъ гвардію для коронаціи Екатерины; въ повелѣніи всѣмъ пріѣхавшимъ изъ Петербурга, не исключая женщинъ и дѣвушекъ, возвратиться туда къ извѣстному сроку, потому что многимъ не очень-то хотѣлось отправляться изъ Москвы въ любимое его болото; въ спаиваніи дамъ, осмѣявшихся не явиться на попойку при спускѣ корабля и пр. Страсть къ униженію людей шутовствомъ видна изъ приказанія сенаторамъ и другимъ чиновнымъ лицамъ засѣдать въ сенатѣ и коллегіяхъ замаскированными во все продолженіе маскарада, длившагося всю масляницу. Страсть эта не останавливалась ни передъ чѣмъ, даже передъ таинствомъ смерти. На похоронахъ придворныхъ карлика и старика-повара были устроены вмѣсто траурной процессіи отвратительныя маскарады, гдѣ главную роль играли карлики и повара, и участіе въ этихъ цере-

монахъ принималъ самъ Петръ, который очень забавлялся, хваталъ и кидалъ карликовъ и пр. Замѣчательна казнь нѣсколькихъ чиновниковъ, которыхъ уличили въ казнокрадствѣ и взяткахъ. Трехъ отрубили голову. За ними последовала очередь старика оберъ-еискала Нестерова, главнаго виновнаго. Его медленно колесовали и уговаривали сознаться, но онъ повторялъ, что не имѣетъ ничего болѣе прибавить къ сдѣланнымъ прежде показаніямъ. Тогда его потащили на мѣсто, гдѣ обезглавили трехъ его товарищей, положили лицомъ въ ихъ кровь и отрубили ему голову. Затѣмъ били кнутомъ тринадцать чело-вѣкъ и выдрали имъ ноздри. Петръ съ своими приближенными смотрѣлъ на все это изъ оконъ ризвионъ-коллегии. О дѣлѣ Монса осторожный Берхгольцъ мало говоритъ въ своемъ дневникѣ, но описываетъ его казнь и рассказываетъ, что три недѣли спустя Петръ съ Екатериной, своими дѣтьми и всею свитой, возвращаясь съ обѣда у Толстаго, проезжалъ мимо мѣста, гдѣ лежало на колесѣ тѣло Монса и гдѣ на шесть торчала голова несчастнаго, названнаго будто бы за взятки, между тѣмъ какъ всѣ знали, что такое обвиненіе было только предлогомъ для его осужденія.

Изъ числа оригинальныхъ обстоятельствъ, о которыхъ говоритъ Берхгольцъ въ своемъ дневникѣ 1724 года, особенно любопытенъ публичный диспутъ, бывшій въ его присутствіи въ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи, въ честь коронаціи Екатерины. Респондентомъ былъ монахъ и профессоръ православнаго богословія, а оппонентами—католическій монахъ - капуцинъ и лютеранинъ - пасторъ, придворный проповѣдникъ герцога голштинскаго. Возраженіе послѣдняго состояло въ опроверженіи догмата православной церкви объ исхожденіи Святаго Духа только отъ Отца (*de processione Spiritus Sancti a solo Patre*).

Самыя торжественныя обстоятельства, описанныя въ четвертой части дневника Берхгольца, безъ сомнѣнія, коронація Екатерины, переговоры объ обрученіи герцога голштинскаго съ цесаревной Анной Петровной, и наконецъ, ихъ свадьба, которая была сыграна уже послѣ смерти Петра.

Изъ описанія первыхъ восьми мѣсяцевъ царствованія Екатерины, оставленнаго намъ Берхгольцемъ, видно, что относительно занятій и увеселеній двора ничто не измѣнилось противъ царствованія Петра. На сценѣ тѣ же люди, совершаю-

щѣ тѣ же поѣздки по тѣмъ же загороднымъ дворцамъ, тѣ же пиры, то же вѣчное пьянство. Но во всемъ этомъ замѣтна уже сильная распущенность, нѣтъ уже той дисциплины и выправки, того трепета и страха, которыми отличались Петровскія торжества. Пьютъ уже просто по охотѣ, а не по принужденію; ужасные штрафы не требуются; все выходитъ какъ-то блѣдно, всё будто бы отдыхаютъ послѣ тяжелой работы. Петръ, взглянувши на происходившее, долженъ былъ сказать то, что говорилъ Ривароль о Шансене: «C'est mon clair de lune.»

Но что особенно бросается въ глаза при Екатеринѣ, это разница въ роли, которую играютъ ея дочери, сравнительно съ тою, которая была ихъ удѣломъ при жизни отца. Тутъ происходитъ быстрая перемѣна. Старшая дѣлается супругой голштинскаго герцога и начинаетъ пользоваться правами женщины такимъ образомъ, который много говоритъ въ ея пользу и которому слѣдуетъ младшая сестра ея. При Петрѣ обѣ онѣ съ дѣтскихъ лѣтъ бывали принуждены часто присутствовать при буйныхъ празднествахъ и даже при зрѣлищахъ эшафотовъ и висѣлицъ. Но все это не могло убить въ молодыхъ сердцахъ чувствъ приличія и женственныхъ наклонностей. Только что онѣ освободились отъ такого принужденія, Анна Петровна стала избѣгать придворныхъ пооекъ и оставалась у себя съ сестрой, которая пользовалась этимъ случаемъ, чтобы удалиться отъ этихъ оргій. Екатеринѣ, кажется, было не непріятно ихъ удаленіе. Анна Петровна, въ обществѣ сестры, по цѣлымъ днямъ сидѣла иногда у себя. Герцогъ, наконецъ, достигъ, хоть частію, своей цѣли, избѣгнувъ жалкой роли, которую игралъ столько лѣтъ въ Россіи. Онъ могъ ожидать блестящей будущности. Представлялось ли ему, что скоро пройдетъ привлекательный сонъ, его обольщавшій, и что быстрые повороты колеса фортуны бросятъ его скоро въ какой-нибудь Киль, гдѣ придется ему прожить остатокъ недолгихъ дней?

Среди этихъ радужныхъ надеждъ, въ первые дни царствованія Екатерины, которое должно было тоже потомъ омрачиться казнями, прерывается *Дневникъ Берггольца*, по поводу котораго веди мы съ читателями настоящую нашу бесѣду.

Каковъ же долженъ быть результатъ этой бесѣды? Мы были бы очень несчастливы, еслибъ она могла подать поводъ къ

недоразумѣніямъ и привести кого-нибудь къ мысли, что, строго осуждая личный характеръ Петра и не благоговѣя безусловно передъ всѣми его государственными дѣланіями, мы не воздаемъ полного уваженія его гению, его истинно великимъ дѣламъ. Дѣло въ томъ, что мы коснулись только одной стороны этой громадной личности, стороны, еще мало и недавно изслѣдуемой. Сдѣлали мы только это уже и потому, что книга, по поводу которой написана настоящая наша статья, представляетъ Петра и его время не съ точки зрѣнія великихъ событій, но со стороны личнаго характера его. Намъ кажется, что всякій безпристрастный читатель *Дневника Берхгольца* вынесетъ изъ него впечатлѣніе, подобное нашему, относительно предметовъ, наиболее бросающихся у него въ глаза и о которыхъ исключительно мы говорили.

Мы знаемъ напередъ главные возраженія, которыя еще можетъ встрѣтить наше воззрѣніе, несмотря на общее уже признаніе истинными многихъ осужденій характера Петра. Они могутъ состоять въ доводахъ, что обстоятельства времени должны извинить его и что многое должно быть прощено ему, если принять въ соображеніе его воспитаніе и самое время, когда онъ жилъ и когда жестокость жила еще въ нравахъ и законахъ не одной Россіи, но и другихъ государствъ. Мы говорили уже о томъ, куда можетъ довести защита перваго изъ этихъ положеній. Чтò касается до втораго изъ нихъ; оно несомнѣнно справедливо, но не менѣе того подлежитъ также ограниченіямъ. Относительное сравненіе того, чтò дѣлалось при Петрѣ въ Россіи, съ тѣмъ, чтò совершалось въ ней въ XVII вѣкѣ до него и въ Европѣ въ его время, все-таки покажетъ, что жестокость его законовъ и казней была по крайней мѣрѣ въ очень-многихъ случаяхъ несравненно свирѣпѣе нравовъ вѣка, и нисколько не была ихъ естественнымъ проявленіемъ, а только слѣдствіемъ личнаго произвола и жестокости самого Петра. Чтò же касается нашего взгляда на него, какъ на семьянина и просто какъ на человѣка, мы и не скрывали, что не только не смотримъ на него какъ на образецъ всѣхъ добродѣтелей, какъ это дѣлали многіе такъ долго, но считаемъ малѣйшее оправданіе такого явленія совершенно невозможнымъ. Тутъ не помогутъ уже ни обстоятельства, ни духъ времени. Есть чувства, отъ которыхъ человѣкъ не въ правѣ отказаться, если дорожить именемъ человѣка и судомъ человѣчества; заставить

простить такое забвеніе ихъ не въ силахъ величайшаго генія, и лучшимъ доказательствомъ тому самъ Петръ, для котораго наступила минута этого ужаснаго суда потомства надъ нимъ самимъ. Счастливъ еще тотъ, кто, подобно ему, можетъ представить на этотъ судъ, вмѣстѣ съ преступленіями, рядъ великихъ дѣлъ, обезсмертившихъ его имя.

Михаилъ Лонгиновъ.

Москва.

3 января 1860.

МОТИВЫ ИЗЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

НЫНѢШНИХЪ ГРЕКОВЪ ¹

I.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, дитя мое, усни!
Сладкій сонъ къ себѣ мани!
Въ няньки я тебѣ взяла
Вѣтеръ, солнце и орла.

Улетѣлъ орелъ домой;
Солнце скрылось подъ водой;
Вѣтеръ, послѣ трехъ ночей,
Мчится къ матери своей.

Вѣтра спрашиваетъ мать:
«Гдѣ изволилъ пропадать?
Али звѣзды воевалъ?
Али волны все гонялъ?»

(1) - Мотивами изъ народной поэзіи нынѣшнихъ Грековъ - я назвалъ предлагаемое собраніе стихотвореній потому, что было бы не совсѣмъ вѣрно назвать ихъ переводами, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ. Друзья мои—Бергъ, Михайловъ, Фетъ и Мей передаютъ почти каждое слово избраннаго ими подлинника такъ точно, что выдай я свой трудъ за переводъ, они были бы въ правѣ уличить меня въ слишкомъ произвольномъ обращеніи съ оригиналомъ. Для избѣжанія всякихъ нареканій, я откровенно сознаюсь, что болѣе старался передать поэтическій характеръ новогреческихъ пѣсень, общее впечатлѣніе, жертвуя буквальною точностью; въ выборѣ своемъ руководствовался какою-нибудь поэтическою чертою, имѣющею общее значеніе,

« Не гонялъ я волнъ морскихъ,
Звѣздъ не трогалъ золотыхъ ;
Я дитя оберегалъ,
Колыбелочку качалъ ! »

II.

МАТЬ И ДѢТИ (1).

« Что ты, мама, безпрестанно
О сестрицѣ все твердишь ?
Въ лучшемъ мірѣ наша Зоя —
Ты сама намъ говоришь. »

— Ахъ, я знаю, въ лучшемъ мірѣ!
Но въ томъ мірѣ нѣтъ луговъ,
Ни цвѣтовъ, ни травъ душистыхъ,
Ни веселыхъ мотыльковъ.

напр. старался сохранить эту любовь къ жизни и чувство красоты природы, и именно природы Греціи; поэтому изъ богатаго собранія историческихъ или клеотскихъ пѣсень взялъ весьма немногія — да это было бы и лишнее, многія изъ нихъ превосходно переведены Гвѣдичемъ и Бергомъ.

Впрочемъ, нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ здѣсь пѣсень переведены мною вѣрнѣе прочихъ; разнятся онѣ съ печатнымъ текстомъ иногда только тѣмъ, что изъ множества мелкихъ вариантовъ разныхъ сборниковъ, я бралъ тѣ черты, которыя мнѣ болѣе нравились, а такихъ вариантовъ приведено чрезвычайно много въ рѣдкомъ у насъ изданіи Томазо: *Canti popolari toscani, ghesi, cogvi, illigici*, къ сожалѣнію, много пострадавшемъ отъ австрійской цензуры. Вѣрнѣе прочихъ переведены у меня ЖЖ I, III, V, IX, X, XI, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI; въ други хъ сохранены главные поэтическія черты оригинала — ЖЖ II, IV, VI, VII, VIII, XII; а наконецъ къ созданію нѣкоторыхъ пѣсень мнѣ подали поводъ разбѣяныя тамъ и здѣсь черты, часто два стиха или даже одинъ стихъ какой-нибудь пѣсни — VI и XII.

Не мнѣ судить, передалъ ли я поэзію этихъ пѣсень, открывающую свѣтлыя архипелажскіе горизонты, поражающую красотой древней антологіи греческой, представляющую чудную смѣсь древне-языческихъ и христіанскихъ элементовъ, между которыми нерѣдко даетъ себя чувствовать и элементъ славянскій: по крайней мѣрѣ только это и соблазнило меня на трудъ, который предлагаю теперь вниманію читателей.

(1) Этой пѣсни нѣтъ ни въ одномъ сборникѣ. Я слышалъ ее въ 1858 году на островѣ Милосъ; къ сожалѣнію, не записалъ, и по памяти передаю теперь ея содержаніе.

«Мама, мама! Въ Божьемъ небѣ
 Божьи ангелы поютъ,
 Ходятъ розовыя зѣри,
 Ночи звѣздныя плывутъ.»

—«Но у бѣдной нѣтъ тамъ мамы,
 Кто смотрѣлъ бы изъ окна,
 Какъ съ цвѣтами, съ мотыльками
 Въ полѣ рѣзвится она!...

III.

ДВУСТИШНЯ.

И терны и розы, улыбки и слезы,
 И сѣятся разомъ, и вмѣстѣ растутъ!

Тащитъ свой неводъ рыбакъ—рвется изъ невода рыба.
 Дѣва! на волю я рвусь и за тобою иду!

Бѣлая лебедь, проснись! крыльями шумно взмахни!
 Чернаго врана, что спитъ подлѣ тебя—прогони.

Горленка лѣсная! Кто тебя изловить?
 Въ кѣлочку посадить и голубить станеть?

IV.

Я бъ тебя поцѣловала,
 Да боюсь, увидить мѣсяцъ,
 Ясны звѣздочки увидать;
 Съ неба звѣздочка скатится,
 И разкажетъ синю-морю,
 Сине-море скажетъ весламъ,

Весла Яни рыболову,
 А у Яни—люба Мара;
 А когда узнаетъ Мара,—
 Всѣ узнаютъ въ околоткѣ,
 Какъ тебя я ночью лунной
 Въ благовонный садъ выпускала,
 Какъ ласкала, цѣловала,
 Какъ серебряная яблонь
 Насъ цвѣтами осыпала.

V.

ПОЦѢЛУЙ (1).

Между мраморныхъ обломковъ,
 Посреди серебристой пыли,
 Однорукой клетчаткѣ тешеть
 Мраморъ нѣжный словно пѣна,
 Прибываемая моремъ.
 Мимо дѣвица проходитъ,
 Златокудрая что солнце,
 Говорить: «зачѣмъ одною
 Ты работаешь рукою?
 Ты куда жь дѣвалъ другую?»

—Полюбилась мнѣ дѣвица,
 Роза первая Стамбула!
 Поцѣлуй одинъ горячій,
 И—мнѣ руку отрубил!
 Въ свѣтъ есть еще дѣвица,
 Златокудрая что солнце...
 Поцѣлуй одинъ бы только—
 И руби другую руку!

VI.

Свѣтлый праздникъ будетъ скоро,
 И христосоваться къ вамъ
 Я прійду: смотри же, Дора,
 Не одни мы будемъ тамъ!

(1) Всѣ собиратели полагаютъ, что эта пѣсня сложена гдѣ-нибудь на островахъ Архипелага; Марцеллусъ прямо указывалъ на Паросъ, Мустоксидина Корфу.

Будто въ первый разъ, краснѣя,
 Поцѣлуемся при всѣхъ,
 Ты—очей поднять не смѣя,
 Я—удерживая смѣхъ!

VII.

СТАРЫЙ МУЖЪ.

Запѣвають пташки на зарѣ,
 Золотятся снѣги по горѣ;
 Пробудилась молода жена,
 Будить мужа стараго она.
 «Пробудись-проснись, голубчикъ мой!
 Полюбуйся молодой женой;
 Мой ли станъ что тонкій кипарисъ,
 Что лимоны груди поднялись...» (1)
 Старый мужъ прикинулся, что спитъ,
 Самъ не спитъ, а въ полуглядъ глядитъ.
 «Эхъ, когда бы прежніе года,
 Не будила бы меня млада;
 Засыпала бь поздно ввечеру,
 Просыпала бь долго поутру;
 По утрамъ бы я ее будилъ,
 Золотыя бь рѣчи говорилъ;
 Притворялась бы она, что спитъ,
 Крѣпко спитъ, не слышитъ, не глядитъ.»

VIII.

ПѢВЕЦЪ.

Не красивъ я, знаю самъ;
 Въ битвѣ бесполезенъ, —
 Чѣмъ же женамъ и мужамъ
 Милъ я и любезенъ?

1) Обыкновенно встрѣчаемое въ новогреческихъ пѣсняхъ сравненіе:

... Δὸ δὴ μικρὰ βυζικὴ ἄσκη μὲ δὸ λειψὸν.

Пѣсни, словно гулъ въ струнахъ,
 Грудь мнѣ наполняютъ,
 Улыбаются въ устахъ
 И въ очахъ сіяютъ.

IX.

ОЛИМПЪ И КИССАВЪ (1).

Сталъ Киссавъ съ Олимпомъ спорить:
 «Ты угрюмъ, стоишь пустынный;
 Я жь, смотри, цвѣтущъ и веселъ.»
 Отвѣчалъ многовершинный,
 Отвѣчалъ Олимпъ Киссаву:
 «Не хвались, Киссавъ надменный,
 Я—старикъ-Олимпъ, и знаютъ
 Старика во всей вселенной!
 У меня ль, подъ синимъ небомъ,
 Шестьдесятъ вершинъ сіяетъ;
 У меня ли съ лона шумно
 Сто ключей живыхъ сбѣгаютъ.
 Надо мной орлы кружатся,
 Любитъ клетъъ меня воитель,
 И боится храбрый Турокъ —
 Твой высокій повелитель.»

---

(1) Это одна изъ самыхъ извѣстныхъ новогреческихъ пѣсень. Киссавъ — это древняя Осса. Олимпъ собственно Турки никогда не могли покорить; это было единственное прибѣжище свободы Грековъ; въ его ущельяхъ гнѣздились клетъы и вели вѣчную войну съ Турками. Во всѣхъ сборникахъ, однако, она приводится въ другомъ видѣ, какъ и перевели ее по-нѣмецки Гѣте, и по-русски Бергъ. Но въ сборникѣ Томазео (*Canti popolari toscani-greci, illirici e corsi, Venezia*) изложена она въ этой редакціи, которая показала мнѣ гораздо цѣлостнѣе и выдержаннѣе, чѣмъ и соблазнило меня передать ее по-русски. Томазео весьма основательно догадывается, что таковою она и появилась на свѣтъ, а у Форіеля соединены двѣ отдѣльныя пѣсни въ одну.

X.

ГОЛОСЪ ИЗЪ МОГИЛЫ (1).

Два дня у насъ шелъ пиръ-горой, два дня была попойка,
 На третій поздно къ вечеру, вина въ мѣхахъ не стало;
 Достать еще вина меня послали капитаны;
 Пошелъ я въ незнакомый путь—дорогой заплутался,
 Шелъ дикими тропинками, шелъ узкими путями;
 И узкій путь привелъ меня къ пустынной старой церкви.
 Вкругъ церкви было кладбище—все плиты гробовыя;
 Одна плита пониже всѣхъ—отъ всѣхъ была въ сторонкѣ;
 И я не разглядѣлъ ея, ногой прошелъ по камню.
 И слышу будто стонъ глухой и голосъ изъ могилы.
 «О чемъ, спросилъ я, вопишь ты, о чемъ, могила, стонешь?
 Земля ли тяжела тебѣ или давить черный камень?
 — Нѣтъ, мнѣ не тяжела земля, не давить черный камень,
 А стыдно мнѣ, и больно мнѣ, и горько несказанно,
 Что ходишь надо мною ты, меня ногою топчешь!...
 Аль не былъ тоже молодъ я? аль не былъ паликаронъ?
 При мѣсяцѣ не хаживалъ пустынными тропами?
 И съ зорями росистыми не радовался міру?»...

XI.

ПЛѢВНИКЪ.

Сторожать меня Албанцы;
 Я въ цѣпахъ, но у окна
 Зацвѣтають померанцы:
 Добрый знакъ—близка весна!

Дайте ей лишь укрѣпиться,
 Обрости густымъ вѣтвямъ,
 И тропинкамъ позакрѣпиться
 Темной листвою по горамъ, —

(1) Размѣръ большей части новогреческихъ пѣсень. Последний стихъ этой пѣсни находится только у Томазо.

Не сдержать меня желѣзу!
Изъ темницы я уйду,
Черезъ стѣну перелѣзу,
И въ кустарникъ припаду.

Пусть Албанцы тутъ стрѣляютъ!
Посреди турецкихъ селъ
Скоро матеря узнаютъ,
Завопятъ, что Димъ ушелъ!

XII.

ГАДАНИЕ.

Египтянка, какъ царица,
Вся въ червонцахъ, въ жемчугахъ,
Сыплеть зелья на жаровню
Съ заклинаньемъ на устахъ.

Передъ ней, бѣла какъ мраморъ,
Дѣва юная стоитъ....
Египтянка поблѣднѣла,
Смотритъ въ тьму и говоритъ:

«Вижу дикое поморье;
Слышу стукъ мечей стальныхъ:
Бьется юноша-красавецъ,
Бьется противъ семерыхъ.

«Онъ упалъ, они бѣжали....
Къ синю-морю онъ ползеть....
Мимо идутъ бригантины,
Онъ имъ машеть и зоветъ:

«—Передайте Казандони,
Что идетъ Вели-паша....
Идутъ мимо бригантины,
Не внимая, не слыша....

«Онъ исходитъ алой кровью,
Холодѣть.... лишь одинъ
Томный взоръ слѣдитъ за бѣгомъ
Уходящихъ бригантинъ....

«А надъ нимъ ужъ рѣютъ чайки
Все-то ниже и смѣлѣй,
И не сводитъ взгляда воронъ
Съ потухающихъ очей.»

ХІІІ.

ЦАВѢЛИХА.

Съ горъ Али-паша на Сули
Въ нетерпѣньи взоры мечеть,
А надъ нимъ порхаеть птичка,
И кружится, и щебечеть:

«Видно, это не Янина,
Гдѣ шумать твои фонтаны;
Видно также не Превеза,
Гдѣ свои ты строишь станы.

«Это Сули, городъ славный!
Нѣтъ ей равнаго на свѣтѣ!
Здѣсь въ рядахъ мужей воюють
Жены, дѣвицы и дѣти!

«И съ ружьемъ въ рукѣ выводитъ
Всѣхъ Цавѣлиха ихъ въ поле —
На плечахъ съ груднымъ младенцемъ
И съ патронами въ подолѣ!»

ХІV.

ПЛАЧЪ ПАРГИОТОВЪ.

«Ты летишь къ намъ, птичка, изъ-за моря,
Разкажи мнѣ, что въ горахъ за грохотъ?
Точно стонъ весь день стоитъ надъ Паргой.
Приступили, что ли, Турки снова?
Загорѣлся, что ли, бой смертельный?»

— Нѣтъ, не Турки къ Паргѣ приступили,
И не бой смертельный загорѣлся;
Предана невѣрнымъ наша Парга!
Паргу срыть велѣли христіяне,
Христіянскихъ царствъ цари-владыки!

Паргіотовъ съ родины погонять,
 Какъ быковъ погонять, какъ барановъ!
 И пойдутъ они въ чужую землю!
 И отцовъ своихъ гробъ покинуть,
 На позоръ покинуть Божьи храмы!...
 Вьючатъ муловъ, раззоряютъ дома...
 Жены косы рвутъ въ печали лютой,
 Старики рыдаютъ злымъ рыданьемъ;
 По церквамъ попы съ великимъ плачемъ
 Забираютъ утварь и иконы...
 Видишь пламя: дымъ поднялся черный;
 Раскрывали гробы, кости взяли,
 Кости жгутъ, святые кости храбрыхъ,
 Чтò когда-то сами жгли визирей!
 Дѣти жгутъ отцовъ и дѣдовъ кости,
 Чтòбъ рукамъ невѣрнымъ не достались!
 Слышишь—стонъ сильнѣй пошелъ и выше?
 Голоса подымутся и стихнутъ....
 Разстаются, камни обнимаютъ,
 Уходя, ѣдятъ родную землю!...

XV.

ДЕСПО.

Сули пала, Къяфа пала,
 Всюду флагъ турецкій вьется...
 Только Деспо въ черной башнѣ
 Заперлась и не сдается.

«Положи оружье, Деспо!
 Вамъ ли спорить, глупымъ женамъ?
 Выходи къ пашѣ рабою,
 Выходи къ нему съ поклономъ!»

— Не была рабою Деспо,
 И не будетъ вамъ рабою! —
 И, схвативъ зажженный факель:
 —Дѣти, крикнула, за мною!»

Факель брошенъ въ темный погребъ...
 Дрогнувъ долъ, ударъ раздался —
 И на мѣстѣ черной башни
 Дымный столбъ заколебался.

XVI.

ЗАВѢЩАНІЕ.

« Собирайтесь, паликары!
 Умираегь капитанъ!
 Умираетъ онъ отъ честныхъ,
 Отъ святыхъ турецкихъ ранъ!
 Умереть, друзья, не страшно,
 Да могила мнѣ страшна...
 Темно, тѣсно... Одинокій
 Въ ней лежи и спи безъ сна!
 Съѣстъ земля и фесъ, и долманъ,
 Мечъ, не ржавѣвшій въ крови,
 И усы мои, и брови,
 Брови черныя мои...

« Нѣтъ, меня не зарывайте,
 Братцы, въ землю! на горѣ
 Вы меня поставьте стоймя
 Во гробу, лицомъ къ зарѣ.
 Въ гробъ окна прорубите,
 Чтобъ мнѣ вѣяло весной,
 Чтобы ласточки, кружася,
 Щебетали надо мной!
 Чтобъ изъ гроба я далеко
 Могъ бы Турковъ различать,
 Чтобъ направо и налѣво
 Могъ имъ пулю посылать.»

XVII.

ЧУЖБИНА.

Умереть не дай Богъ на чужбинѣ!
 Видѣлъ я, какъ пришлыхъ тамъ хоронятъ!
 Безъ попа, безъ свѣчъ и безъ кадшла,
 Не помазавъ мѣромъ, не отпѣвши,

Гдѣ пришлось, зарюютъ какъ собаку!
 Какъ пахать потомъ прїѣдутъ землю,
 Съ горъ пригонять двухъ воловъ рогатыхъ,
 Въ плугъ впрягутъ, и молодець удалый
 Понуждать въ бока начнетъ ихъ саблей,
 И по первой бороздѣ глубокой
 Изъ земли да выкинетъ онъ ноги,
 По другой — красавца паликара...
 Завопитъ, завоюетъ бѣдный пахарь:
 «Будь такой да у меня товарищъ,
 Я бы съѣсть землѣ его такъ не далъ!
 Я пошелъ бы къ морю, къ синю-морю,
 На широкое бѣ пошелъ поморье;
 Я бѣ нарѣзалъ тростнику морскаго,
 Смастерилъ бы гробъ ему просторный,
 Я бѣ въ гробу постлалъ ему постелю,
 Всю бѣ цвѣтами, ландышами выстлалъ,
 Всю бы выстлалъ свѣжимъ амарантомъ!» (1).

XVIII.

БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ (2).

Удалецъ съ горы сбѣгалъ въ долину,
 Феска на бокъ, волосы кудрями.
 Смерть за нимъ съ вершины примѣчала,
 И въ обходъ пустилась, и въ ущельѣ
 Вдругъ ему дорогу заступила.
 «Ты куда, красавецъ, и откуда?»
 — Я изъ стана, пробираюсь къ дому.
 «За какимъ торопишься ты дѣломъ?»
 — Захватить хочу вина и хлѣба,
 И тотчасъ назадъ вернуся въ горы.

(1) Обращикъ миріологовъ, то-есть причитавій, которыхъ такъ много въ новогреческихъ пѣсняхъ. Въ приведенномъ здѣсь вѣетъ какъ будто античный духъ, несмотря на всю странность первой половины пѣсы.

(2) Понятія Грековъ о смерти представляютъ странную смѣсь древнихъ и средневѣковыхъ понятій. Смерть называется Харономъ, но она — скелетъ средневѣковой; адъ—древній тартаръ и элизіумъ, гдѣ заключенныя тѣни мечтаютъ о живомъ мірѣ; тамъ скачетъ смерть на конѣ; туда залетаютъ птицы,—древность и средніе вѣка. Духовно-христіанское начало, очевидно, не восторжествовало надъ пластическими представленіями Грековъ.

« Не захватишь ни вина, ни хлѣба,
 И назадъ ты въ горы не вернешься.
 Я тебя давненько поджидаю.»
 Усмѣхнулся молодець удалый,
 Оглядѣлъ онъ смерть, встряхнулъ кудрями.
 — Я, сказалъ, отдамъся только съ бою.
 Если хочешь, попытаемъ силы:
 Сломашь ты — бери мою ты душу,
 Я сломяю — сама ты мнѣ послужишь.
 « По рукамъ, » костлявая сказала.
 По рукамъ ударили. Схватились.
 Бились два дня, бились двѣ ночи;
 Всю траву ногами притоптали;
 На колѣно гнули и съ отмаху
 Смерть давно бока ему ссадила;
 У нея самой трещали кости,
 А какъ хватить онъ на третье утро,
 На ногахъ насилу устояла.
 Да за то ужъ вдругъ разсвирѣпѣла
 И какъ схватить молодца за кудри,
 Какъ рванетъ—и грянулся онъ о-земь,
 Словно дубъ, поваленный грозою.
 Смерть тотчасъ на грудь къ нему вскочила,
 Принялась душить его подъ горло.
 Ты ужъ больно давишь, простоналъ онъ;
 Кончимъ шутку, мнѣ пора быть дома,
 Стричь овецъ, сыры изъ кадей вынуть.
 Смерть глядитъ въ глаза ему и давить.
 — Дай ты мнѣ еще хоть двое сутокъ
 Погулять на вольномъ бѣломъ свѣтѣ;
 Попрощаюсь только со своими
 И потомъ прійду куда укажешь.
 Смерть глядитъ въ глаза и пуще давить.
 — У меня жена есть молодая!
 Какъ одна останется, голубка!
 Весела всегда была какъ пташка.. (1)

(1) Въ подлинникѣ о женѣ онъ выражается такъ:

« У меня жена есть молодая!
 Какъ одна останется вдовой?
 Засмѣютъ ее, засудятъ люди:
 Скоро ль выйдеть—скажутъ мужа хочеть,
 Тихо ль выйдеть—скажутъ мужа ищеть.»

То-есть на людей не угодишь, идешь ли тихо, идешь ли скоро, все истол-
 зуютъ какъ-нибудь обидно.

У меня сынокъ есть—чуть лепечеть,
 Есть другой—чуть-чуть смѣяться началъ...
 Отпусти хоть ради ихъ, сиротокъ!—
 Налегаетъ смерть ужъ всею силой.
 — Объ душѣ хоть дай подумать грѣшной!
 Прохрипѣлъ онъ и замолкъ на вѣки.
 Съ тѣмъ она его и доконала.

XIX.

А Д Ъ.

Изъ подземнаго изъ ада
 Съ шумомъ вылетѣла птичка;
 И какъ вылетѣла, съла
 На траву и еле дышетъ.
 Видятъ матери и сестры,
 Видятъ вдовы и сироты,
 Сладкій мускусъ ей приносятъ,
 Амарантъ и бѣлый сахаръ.
 «Освѣжися, пей и кушай,
 Уговариваютъ птичку,
 Расскажи намъ, что въ подземномъ
 Темномъ царствѣ ты видала?»
 — Что сказать мнѣ вамъ, бѣдняжки!
 Вздрогнувъ вымолвила птичка;
 Смерть я видѣла, какъ скачетъ
 На конѣ въ подземномъ царствѣ;
 Юныхъ за волосы тащить,
 Старыхъ за руки волочить,
 А младенцевъ нанизала
 Вкругъ, за горлышко, на поясъ.

XX.

«Приволье на горахъ родныхъ—приволье въ темныхъ долахъ,
 Бѣлѣютъ лѣтомъ овцы тамъ, зимой снѣга бѣлѣютъ,
 Тамъ свѣтитъ солнце красное, тамъ смерти не боится!»
 Такъ въ тартарѣ три молодца о свѣтѣ тосковали,

Рѣшились хоть на мигъ уйдти—на свѣтъ взглянуть укладкой.
 Одинъ рѣшилъ—къ веснѣ пойдемъ, другой,—ужь лучше къ лѣту,
 А третій—лучше къ осени, къ сбиранию винограда!
 Услышала ихъ дѣвица, и дрогнуло въ ней сердце;
 Скрестила руки, просится она изъ ада съ ними.
 «Меня возьмите, молодцы, на бѣлый свѣтъ съ собою!»
 — Нельзя, нельзя, красавица, намъ взять тебя съ собою!
 Ты ходишь—башмаки стучать, брацають ожерелья,
 Ты платя легкимъ шелестомъ, пожалуй, смерть встревожишь!
 «Я платя подвяжу себѣ, я сброшу ожерелье,
 По лѣстницѣ тихохонько пойду босая съ вами!
 Еще разъ, братцы, хочется взглянуть на свѣтъ мнѣ бѣлый?
 Взглянуть, какъ плачетъ матушка, по дочкѣ убиваясь;
 Взглянуть какъ братцы-сродники тоскуютъ по сестрицѣ!»
 — Ахъ, дѣвица-красавица! объ милыхъ не крушися!
 Твои всѣ братцы-сродники ужь пляшутъ въ хороводѣ,
 А матушка на улицѣ съ сосѣдками судачить!

XXI.

Въ темномъ адѣ, подъ землею,
 Тѣни грѣшныя томятся;
 Стонуть дѣвы, плачутъ жены,
 И тоскуютъ, и крушатся...
 Все о томъ, что не доходитъ
 Вѣсти въ адскіе предѣлы—
 Есть ли небо голубое?
 Есть ли свѣтъ еще нашъ бѣлый?
 И на свѣтъ—церкви Божьи,
 И; иконы золотыя,
 И какъ прежде, за станками,
 Ткутъ ли дѣвы молодыя?

А. Майковъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВМѢСТО СОВРЕМЕННОЙ ЛѢТОПИСИ.

Съ нынѣшняго года, въ способѣ изданія нашего журнала произошла перемѣна: *Современная Лѣтопись* получила отдѣльное существованіе, хотя и тѣсно связанное съ *Русскимъ Вѣстникомъ*. *Современная Лѣтопись* должна имѣть по преимуществу характеръ политическій. Этотъ характеръ удерживаетъ она и теперь, какъ читатели могли уже видѣть изъ вышедшихъ нумеровъ ея за январь мѣсяць. Съ теченіемъ времени, при благопріятныхъ условіяхъ, она будетъ все болѣе и болѣе удовлетворять своему назначенію — представлять полную лѣтопись текущихъ событій, между тѣмъ какъ въ книжкахъ *Русскаго Вѣстника* политическіе вопросы будутъ разрабатываться монографически и замѣчательныя явленія характеризоваться въ особыхъ болѣе или менѣе обширныхъ статьяхъ.

Но есть еще цѣлая область интересовъ и вопросовъ, которые не находятся въ прямой связи съ политическими и не ведутъ прямо къ практическимъ примѣненіямъ, но которые, тѣмъ не менѣе, имѣютъ великую важность. Сюда относятся между прочимъ вопросы и интересы литературные, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Въ продолженіи нѣкотораго времени *Русскому Вѣстнику* ставили въ упрекъ то, что онъ мало занимался литературною критикою и не пускался въ библиографію; потомъ упрекъ этотъ замолкъ, и журналы, дѣлавшіе его, сами потѣснили свою

литературную критику, и даже обширное мѣсто политическимъ обзорѣнямъ. Въ журналахъ исчезъ также обычай литературно обзорѣвать другъ друга. Читатели, вѣроятно, еще помнятъ, какъ лѣтъ пять или шесть тому назадъ, ежегодно передъ открытіемъ подписки возгоралась литературная брань между журналами: *Современникъ* доказывалъ, что *Отечественныя Записки* нигде не годятся; *Отечественныя Записки* съ дѣмоншею убѣдительною доказывали то же самое о *Современникѣ*. Въ первый годъ существованія *Русскаго Вѣстника* мы указывали на эту черту нашихъ литературныхъ нравовъ, на этотъ процвѣтавшій тогда въ журналахъ обычай, подъ видомъ литературныхъ обзорѣній зазывать къ себѣ публику. Обычай этотъ тогда же прекратился; но не надолго: натура взяла свое. Брань возвратилась, только уже не литературная: сброшенную маску литературныхъ объясненій поднять было совѣстно, и раздались объясненія болѣе откровенныя, прямо идущія къ дѣлу, открылись балаганы съ пѣснями и безъ пѣсень, со свистомъ и даже съ визгомъ, какъ выразился недавно одинъ изъ этихъ свистуновъ (1). Не служитъ ли это также некоторымъ доказательствомъ, что время наше есть время не совсемъ литературное?

Не собственное наше желаніе, а характеръ времени побуждаетъ насъ ограничить нашу задачу. Мы не отказывались отъ тѣхъ интересовъ и вопросовъ, которые имѣютъ характеръ болѣе общій и теоретическій; напротивъ, мы должны были употребить надъ собою некоторое усиліе, чтобы воздерживаться отъ того, чему не благопріятствовало время и чего еще не требовало общество. Мы старались по силамъ служить настоятельнымъ требованіямъ, стѣсняя себя и сосредоточиваясь на тѣхъ задачахъ, рѣшеніе которыхъ могло быть сколько-нибудь успѣшно и плодотворно. Наступило ли теперь другое время, появились ли новыя задачи, чувствуется ли въ обществѣ потребность другихъ интересовъ, кромѣ чисто практическихъ, сопряженныхъ съ трудомъ гражданскаго строенія и преобразованія, — рѣшить не беремся; но думаемъ, что до некоторой степени существуетъ эта потребность, — потребность, никогда впрочемъ не исчезающая въ живомъ обществѣ, а лишь временно замолкающая отъ впечатлѣній минуты, отъ чувства боли, отъ голода и жажды. Обстоятельства не измѣнились; мы не дол-

(1) *Современникъ* № 1.

жны ослабѣвать въ нашихъ ближайшихъ практическихъ задачахъ; мы должны оставаться вѣрны всѣмъ тѣмъ интересамъ которыми доселѣ служили, и которыми должны были бы служить съ полнымъ усердіемъ и при другихъ обстоятельствахъ. Давъ новое развитіе политической части нашего изданія, мы еще въ большихъ размѣрахъ и съ большою настойчивостью будемъ продолжать нашу дѣятельность; но мы считаемъ не лишнимъ мало-по-малу вносить въ ея кругъ, и другія задачи. На упразднившееся по отбытіи *Современной Лѣтописи* мѣсто, намѣрены мы ввести особый отдѣлъ въ нашемъ журналѣ, который будетъ носить общее заглавіе *Литературнаго обозрѣнія и Замѣтокъ*. Мы не успѣли отырыть этотъ отдѣлъ въ этой же книжкѣ; но сочли не лишнимъ заявить наше предположеніе. Задача эта, какъ мы понимаемъ ее, не совсѣмъ легка; потребуетъ, можетъ-быть, нѣкоторое время, прежде чѣмъ мы успѣемъ устроить это новое дѣло въ нашемъ журналѣ, такъ какъ предполагаемъ и желаемъ.

Во всякомъ случаѣ, по предположенію нашему, отдѣлъ этотъ не долженъ имѣть какой-нибудь исключительно-технической характеръ. Заглавіемъ не должно быть стѣснено его содержаніе. Мы не будемъ заниматься *искусствомъ для искусства*, какъ занимаются имъ именно тѣ изъ нашихъ литературныхъ критиковъ, которые съ свирѣпымъ безмысліемъ протестуютъ противъ *искусства для искусства*. Только праздные и больные умы занимаются сами собой; только хилое искусство превращается въ эстетическіе курсы; только лишенная производительности, безжизненная и бессильная литература роется въ собственныхъ дрязгахъ, не видя передъ собою Божьяго міра, и вмѣсто живаго дѣла занимается толченіемъ воды или домашними счетами, мелкими интригами и сплетнями. Намъ ставили въ укоръ отсутствіе литературныхъ разсужденій въ нашемъ изданіи именно тѣ журналы, гдѣ съ тупымъ доктринерствомъ или съ мальчишескимъ заблѣчествомъ проповѣдывалась теорія, лишаящая литературу всякой внутренней силы, забрасывались грязью всѣ литературные авторитеты, у Пушкина отнималось право на названіе національнаго поэта, а Гоголю оказывалось снисхожденіе только за его сомнительное свойство обличителя; гдѣ современные писатели, отличающіеся какимъ-либо художественнымъ достоинствомъ, потому только осыпались льстивыми похвалами, что успѣхъ ихъ въ публикѣ былъ выгоденъ для этихъ журналовъ, помѣщавшихъ у себя ихъ произведенія, но гдѣ

немедленно измѣнился тонъ отзываго, съ прекращеніемъ рачета на сотрудничество (1). Книжки этихъ журналовъ, гдѣ требовалось отъ литературы полнѣйшее самоотреченіе, гдѣ во имя дѣла и практическихъ интересовъ уничтожалось все, безъ разбора и смысла, книжки этихъ журналовъ на половину наполнялись самыми бездѣльными литературными разсужденіями и сплетнями, безкорыстными или корыстными упражненіями въ *искусствѣ для искусства*. Ни одна литература въ мірѣ не представляетъ такого изобилія литературныхъ скандаловъ, какъ наша маленькая, скудная, едва начавшая жизнь, литература, литература безъ науки, едва только выработавшая себѣ языкъ. Очевидно, что такого рода занятіе литературой не есть признакъ чего-либо добраго, выраженіе какой-либо силы, а напротивъ признакъ бессилія и выраженіе ничтожества.

Правда, это положеніе нашей литературы не есть слѣдствіе свободнаго выбора; оно было дѣломъ разныхъ обстоятельствъ. Но не все ли въ мірѣ зависитъ отъ дѣйствія предшествующихъ причинъ? Дурныя свойства челоуѣка объясняются по большей части очень удовлетворительно изъ окружающей среды, изъ обстоятельствъ воспитанія; но откуда бы ни произошли дурныя свойства, ихъ нельзя назвать хорошими.

Впрочемъ, не скрывая отъ себя своихъ недостатковъ, не прикрашивая своихъ дурныхъ сторонъ, мы можемъ утѣшать себя тѣмъ, что наша наредная ноуа способна ко всему хорошему, и будемъ желать, чтобъ атмосферическія условія были для нея вполне благоприятны. Есть основаніе полагать, что такое желаніе особенно кстати въ настоящее время. Если обстоятельства могутъ имѣть благоприятное или неблагоприятное вліяніе на развитіе внутреннихъ силъ народа, то, съ другой стороны, развитіе внутреннихъ силъ народа не остается безъ обратнаго вліянія на его обстоятельства. Сила оружія, всякаго рода внѣшнее могущество сдѣлають свое, но не сдѣлають того, что можетъ сдѣлать лишь нравственная сила и литература народа. Историческій опытъ показалъ, какъ мало бывають дѣйстви-

---

(1) Такъ измѣнился тонъ *Современника* о нѣкоторыхъ писателяхъ, въ честь которыхъ еще такъ недавно пламенѣли жертвенники въ этомъ журналѣ. Въ последнемъ номерѣ его напечатано между прочимъ злегчское стихотвореніе, въ которомъ называются скорбныя стѣнованія на дорогашну произведеній г. Тургенева,

теяныи принудительныи сближеніи и соединеніи племенныхъ особенностей, какъ напротивъ легко и успѣшно совершается это дѣло свободнымъ развитіемъ нравственныхъ силъ. Мы видимъ, какъ поднимается теперь цѣлый міръ забытыхъ исторіей народностей, соплеменныхъ и близкихъ намъ. Вся бѣда ихъ состоитъ въ совершенной разрозненности и крайнемъ раздробленіи: славянское слово *бѣда*, по своему происхожденію, именно и значитъ раздробленіе и разрозненность. Посмотрите, что теперь представляетъ разлагающійся составъ свободной намъ Австріи или сосѣдней намъ Турціи. Славянскія племена не терпятъ чувства своего единства, они стремятся къ сближенію,—и на каждомъ шагу это единство разсыпается во прахъ. Малѣйшая особенность народнаго говора; малѣйшій оттѣнокъ произношенія и склада рѣчи чувствуется какъ достаточное основаніе для особой народности, и чувствуется потому, что нѣтъ ни одной внутренне-сильной особенности, въ которой всѣ прочія могли бы свободно оходитья какъ въ элементѣ общему для всѣхъ. Чтобы понимать другъ друга, славянскія племена должны прибѣгать къ языку совершенно чужаго корня, учиться по-нѣмецки, или обсуждать свои дѣла по-вѣдьярски. Въ Германіи есть множество разныхъ говоровъ; есть наконецъ *plattdeutsch* и *hochdeutsch*, между которыми гораздо болѣе разницы чѣмъ между самими отдаленными изъ славянскихъ нарѣчій. Но на вернее-нѣмецкомъ языкѣ, общемъ языкѣ Германіи, было высказано столько сокровищъ знаній и мысли, онъ былъ поприщемъ такого богатаго развитія, онъ принялъ столько впечатлѣній творческой силы, что передъ нимъ умолкли всякія разнорѣчія, и онъ сталъ палладіумомъ великой народности. Въ славянскои же мірѣ, забытомъ или подавленномъ исторіей, до сихъ поръ еще ни одно изъ племенныхъ началъ его не достигло безспорнаго могущества, не возобладало даже надъ ближайшими элементами. Россія представляетъ, безспорно, великое государственное могущество, страшную громаду, занимающую немалѣйшія пространства Европы и Азии; но что такое русская народность? Что такое русская литература, русское искусство, русская мысль? Выгодно ли будетъ для Россіи, чтобы русская народность и русское слово оставались позади всякой другой народности и всякаго другаго слова въ Европѣ? Хорошо ли будетъ для Россіи, чтобы мы оставались вѣчными мальчишками-свистунами, способными только на мелкія дѣла, на маленькіе сплетни и скандалы? При благо-

приятныхъ условіяхъ, русскому языку могла бы быть суждена великая будущность въ славянскомъ мірѣ; онъ могъ бы стать безспорно центромъ единенія его разрозненныхъ племенъ. И очевидно, исторія готовила нашъ языкъ къ этому назначенію. Онъ сложился изъ противоположныхъ стихій славянскаго міра, принадлежа первоначально къ одной изъ двухъ главныхъ вѣтвей славянскаго племени, такъ-называемой ъбвразанадней; онъ усвоилъ себѣ догнать процессомъ все ствхн противоположной отрасли, такъ-называемой юговосточной. Нынешній русский языкъ, которымъ мы говоримъ и пишемъ, есть неразрывное соединеніе первоначальнаго нарѣчія Славянъ, обитавшихъ въ Россіи, прежде чѣмъ застала ихъ исторія, съ нарѣчіемъ, которое пришло къ намъ съ юга и принесло съ собою Евангеліе.

Когда же этотъ русский языкъ, слагавшійся такъ долго и такъ трудно, какъ бы предназначаемый къ чему-то великому и всемірному, когда же окажется онъ въ своей литературѣ достойнымъ этого предназначенія? Когда этотъ тысячелѣтній ребенокъ, будетъ признанъ челоѣкомъ совершеннолѣтнимъ, способнымъ къ самостоятельной жизни и мысли? Когда перестанетъ этотъ языкъ чувствовать себя въ положеніи малаго школьника, занимающагося науками по указкѣ и не способнаго ни къ чему кромѣ свиста и визга? Станетъ ли онъ дѣйствительно орудіемъ зрѣлой мысли и знанія, живымъ выраженіемъ великихъ интересовъ гражданственности, окажется ли въ немъ дѣйствительно всемірная, связующая и созидающая сила? Будетъ ли онъ готовъ къ жизненной пробѣ, которая наступитъ рано или поздно, и не застанетъ ли она его врасплохъ? Исторія не ждетъ, время не задерживаетъ своего хода...

Но мы заговорились; мы коснулись вопроса, о которомъ теперь не мѣсто толковать; мы хотѣли заявить только нашъ планъ, относительно того, что мы намѣрены внести въ книжки *Русскаго Вѣстника* на мѣсто *Современной Летописи*, выходящей особо.

Въ нашемъ литературномъ обзорѣнн и замѣткахъ мы будемъ касаться разныхъ вопросовъ и явленій, которые представитъ намъ литература иностранная и русская. Мы не будемъ добогаться библиографической полноты, только для вида; мы будемъ лишь постепенно стремиться къ дѣйствительной полнотѣ нашихъ обзорѣнн, такъ чтобы полнота эта была не въ ущербъ направленію журнала и основательности его сужденій. Мы не откажемс

также, отъ своей доли полицейскихъ обязанностей въ литературѣ, — и постараемся помогать добрымъ людямъ въ изловленіи безпутныхъ бредягъ и ворюшекъ; но будемъ заниматься этимъ искусствомъ не для искусства, а въ интересѣ дѣла и чести.

Кромѣ замѣтокъ самой редакціи и ея ближайшихъ сотрудниковъ она будетъ давать въ этомъ отдѣлѣ мѣсто всякому честному голосу со стороны, хотя бы онъ не вполне согласовался съ ея образомъ мыслей, но, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, вполне удерживая за собою право собственнаго сужденія.

ОПЕЧАТКИ.

Въ нѣсколькихъ экземплярахъ этой книжки на первой страницѣ напечатано *прелагавый* вм. *предлагаемый*, и на оборотѣ на 16 строкѣ сверху напечатано *сведименномъ* вм. *сегодняшнемъ* и на послѣдней строкѣ *дицифрализировать* вм. *децифрализировать*.

С

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

РУССКОМУ ВѢСТНИКУ

1861 ГОДЪ

ТОМЪ III.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
установенное число экземпляровъ. Москва, 30-го января 1861 года.**

Ценсоръ А. Демровъ.

ФРЕМЛЕЙСКІЙ ПРИХОДЪ

РОМАНЪ.

ГЛАВА I.

Когда юный Маркъ Робартсъ оставилъ университетъ, его отецъ имѣлъ полное право сказать, что онъ слышитъ со всѣхъ сторонъ поздравленія, что всѣ считаютъ его счастливѣйшимъ изъ отцовъ.

Этотъ счастливый отецъ былъ медикъ, и жилъ въ Экзетерѣ. Онъ былъ джентльменъ безъ состоянія, но пользовался обширною и доходною практикой, что позволяло ему содержать и воспитывать своихъ дѣтей со всѣми удобствами, какія могутъ доставить деньги въ нашемъ отечествѣ. Маркъ былъ его старшій сынъ и второй ребенокъ, и мы посвятимъ первыя страницы нашего разказа исчисленію всѣхъ благополучій, которыми онъ былъ обязанъ судьбѣ и собственнымъ стараніямъ.

Первымъ его шагомъ въ жизни было помѣщеніе его, еще очень молодымъ мальчикомъ, въ домъ священника, стараго друга его отца. У этого священника былъ еще одинъ, и только одинъ воспитанникъ, юный лордъ Лофтонъ, и между мальчиками завязалась тѣсная дружба.

Пока они оба учились у священника, леди Лотонъ посѣщала иногда своего сына, и однажды пригласила юнаго Робартса провести наступающіе праздники въ Фремлейскомъ замкѣ. Приглашеніе было принято: Маркъ провелъ двѣ недѣли въ замкѣ, вслѣдствіе чего онъ вернулся въ Экзетеръ съ письмомъ отъ вдовствующей перессы, исполненнымъ похвалъ. Она была въ восторгѣ, писала она, что у ея сына есть такой отличный товарищъ, и выражала надежду, что они вѣрнѣе окончатъ свое воспитаніе. Доктора Робартса высоко цѣнили расположеніе перессы и перессы, и ни за что на свѣтѣ не отказался бы отъ выгодъ, могущихъ пріостечь для его сына изъ такой дружбы. Итакъ, когда юнаго лорда послали въ Гарроу, Марка Робартса отправили туда же.

Лордъ часто ссорился съ своимъ другомъ, и дѣло подчасъ доходило до драки. Случилось даже, что они въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ не говорили другъ съ другомъ ни слова. Но это не смущало доктора въ его надеждахъ. Маркъ неоднократно гостилъ въ Фремлейскомъ замкѣ, и леди Лотонъ каждый разъ писала о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Потомъ мальчики отправились вмѣстѣ въ Оксфордъ, и тутъ за Маркомъ послѣдовало его обычное счастье, зависѣвшее болѣе отъ его примѣрной степенности чѣмъ отъ какихъ-нибудь особенныхъ успѣховъ въ наукахъ. Его семейство гордилось имъ, и докторъ любилъ разказывать о немъ своимъ больнымъ, — не то, чтобы сынокъ его удостоивался медалей и другихъ университетскихъ почестей, но то, что отличался прекраснымъ поведеніемъ. Онъ находился въ лучшемъ кругу, не дѣлалъ долговъ, любилъ общество, но умѣлъ избѣгать обществъ дурныхъ; былъ непрочъ отъ стакана вина, но никто никогда не видалъ его пьянымъ; и, главное, пользовался всеобщимъ благорасположеніемъ въ университетѣ.

Потомъ пришло время избрать карьеру для этого юнаго Гиперіона, и докторъ Робартсъ получилъ приглашеніе пріѣхать лично въ Фремлейскій замокъ, чтобы переговорить съ леди Лотонъ объ этомъ предметѣ. Докторъ Робартсъ вернулся съ этого свиданія съ твердымъ убѣжденіемъ, что сыну его всего приличнѣе посвятить себя церкви.

Не даромъ леди Лотонъ выписывала доктора Робартса изъ Экзетера. Фамилія Лотонъ располагала Фремлейскимъ приходомъ, и первое представленіе было бы въ рукахъ леди Лотонъ, еслибы вакансія открылась прежде достиженія лордомъ Лотономъ двадцати-пяти-лѣтняго возраста, — и въ рукахъ молодого лорда, еслибы вакансія открылась послѣ. Но мать и сынъ оба обѣщали дать приходъ Марку. А такъ какъ Фремлейскому свя-

щеннику въ это время было лѣтъ семьдесятъ, а приходъ приносилъ девятьсотъ фунтовъ въ годъ, то не могло быть сомнѣній относительно превосходства духовной карьеры передъ всѣми другими.

И я долженъ прибавить, что выборъ вдовствующей леди и доктора оправдывался жизнью и правилами молодого человѣка,—на сколько можетъ быть оправданъ отецъ, предназначивающій жизненный путь своему сыну и свѣтскій землевладелецъ, располагающій приходомъ. Еслибъ у леди Лоттонъ былъ второй сынъ, этотъ сынъ вѣроятно получилъ бы приходъ, и никто бы не нашелъ въ этомъ ничего дурнаго, особенно еслибъ этотъ сынъ былъ именно такой человѣкъ, какъ Маркъ Робартсъ.

Сама леди Лоттонъ не мало размышляла о религіозныхъ предметахъ, и ни за что на свѣтъ не отдала бы зависѣвшій отъ нея приходъ человѣку только потому, что онъ былъ друженъ съ ея сыномъ. Она, по религіознымъ убѣжденіямъ, примыкала къ Верхней церкви, и имѣла случай удостовѣриться, что Маркъ Робартсъ склоняется въ ту же сторону. Она очень желала, чтобы сынъ ея былъ близокъ съ священникомъ своего прихода, и эта цѣль была бы достигнута назначеніемъ Марка Робартса. Она хотѣла, чтобы священникъ ея прихода былъ такой человѣкъ, который дѣйствовалъ бы въ одномъ смыслѣ съ нею; быть-можетъ, она тайнѣ желала, чтобы онъ до нѣкоторой степени подчинялся ей. Еслибъ она выбрала человѣка зрѣлыхъ лѣтъ, то на такое подчиненіе было бы труднѣе разчитывать, а еслибы выборъ былъ сдѣланъ ея сыномъ, на это нельзя было бы разчитывать вовсе.

Итакъ, было рѣшено, что приходъ достанется юному Робартсу.

Онъ выдержалъ экзаменъ безъ особеннаго блеска, но именно такъ, какъ желалъ его отецъ; потомъ путешествовалъ мѣсяцевъ десять съ лордомъ Лоттономъ, и тотчасъ по возвращеніи былъ посвященъ.

Фремлейскій приходъ находился въ Барчестерской епархіи, и при блестящей перспективѣ, открывшейся ему въ этой епархіи, Робартсу было нетрудно получить въ ней мѣсто курата. Онъ не долго занималъ это мѣсто. Не прошло и года, какъ мистеръ Стюартъ, тогдашній викарій въ Фремлей, окончался, и молодому человѣку ушло прямо въ руки полное осуществленіе его богатыхъ надеждъ.

Но мы должны еще поговорить о его счастьи прежде чѣмъ доберемся до собственнаго начала нашей исторіи. Леди Лоттонъ, очень сильно, какъ мы уже сказали, занималась церковными вопросами, не увлекалась однако своими выше-церковными

правилами до того, чтобы стоять за безбрачность священниковъ. Напротивъ она держалась убѣжденія, что только женатый человѣкъ можетъ быть хорошимъ священникомъ. Итакъ, доставивъ своему любимцу положеніе въ свѣтъ и доходъ, вполне приличны для джентльмена, она занялась присканіемъ жены, съ которою онъ могъ бы подѣлаться всѣмъ этимъ благополучіемъ.

И тутъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, онъ вполне вошелъ въ видъ своей покровительницы, хотя они не были высказаны ему тѣмъ прямымъ путемъ, какимъ устроилось дѣло о приходѣ. На то леди Лофтонъ имѣла слишкомъ много женскаго такта. Она отнюдь не говорила юному викарію, что миссъ Монселъ именно для того была привезена въ Фремлейскій замокъ съ замужнею дочерью, чтобъ онъ, Маркъ, въ нее влюбился; но оно такъ было въ самомъ дѣлѣ.

У леди Лофтонъ было только двое дѣтей. Старшая дочь, лѣтъ за пять передъ тѣмъ, вышла за мужъ за сэръ-Джорджа Мередита, а миссъ Монселъ была съ нею дружна. Но тутъ я встрѣчаю главную трудность романиста. Миссъ Монселъ, или лучше мистриссъ Маркъ Робартсъ, должна быть мною писана. Намъ не придется долго заниматься ею подъ именемъ миссъ Монселъ. Но все-таки мы должны назвать ее Фанни Монселъ, предупреждая читателя, что нельзя было предложить Марку болѣе милой подруги. И если твердыя правила безъ жесткости, женственная мягкость безъ слабости, веселость безъ злобы и вѣрное любящее сердце суть качества, дающія дѣвушкамъ право стать женою священника, то Фанни Монселъ имѣла полное право на это положеніе.

Ростъ ея былъ немного выше средняго. Лицомъ она была бы вполне хороша, еслибъ ея ротъ не былъ нѣсколько великъ. Волосы у нея были густые, свѣтлорычяныя. Глаза ея также были рычяныя, и по этому самому составляли самую замѣтную черту ея лица, потому что рычяныя глаза встрѣчаются не часто. Они были большіе, влажные, то веселые, то нѣжные. И тутъ счастье не измѣнило Марку Робартсу.

Онъ посватался, и Фанни пошла за него. Маркъ самъ былъ молодецъ собою. Въ это время викарію было лѣтъ двадцать пять, а Фанни была моложе его двумя-тремя годами. И не съ пустыми руками вступала она въ домъ своего мужа. Ее нельзя было назвать богатою наследницею, но за нею было нѣсколько тысячъ фунтовъ. Эти деньги были помѣщены въ банкъ, съ тѣмъ чтобы ихъ процентами платить ежегодные взносы въ страховое общество, въ которомъ Робартсъ застраховалъ въ высокую цѣну свою жизнь; и еще осталось ихъ очень довольно, чтобы

отдѣлать викарство самымъ изящнымъ и комфортабельнымъ разеобитъ—и зажить на славу.

Вотъ сколько сдѣлала леди Лоттонъ для своего *protégé*, и вы можете себя представить, съ какимъ удовольствіемъ старшій докторъ Робартсъ, сидя передъ каминомъ и размышляя о результатахъ своей жизни, останавливалъ свои мысли на этомъ пріятномъ результатѣ, на Маривъ Робартсъ, фрамлейскомъ викаріи.

Но мы мало сказали до сихъ поръ о самомъ героѣ нашемъ: быть-можетъ, нѣтъ надобности говорить о немъ много. Будемъ надѣяться, что его образъ мало-по-малу самъ собою обрисуется передъ читателями, со всѣми своими вѣшними и внутренними чертами. Замѣтимъ только, что онъ не родился ни ангеломъ, ни падшимъ духомъ. Каковымъ его сдѣлало воспитаніе, таковъ онъ и былъ. Онъ былъ очень способенъ къ добру, способенъ не въ малой степени и ко злу. Многія обстоятельства въ его жизни клонились къ тому, чтобъ испортить его, но онъ не былъ испорченъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. У него было достаточно такту, достаточно здраваго смысла, что бы не считать себя такимъ совершенствомъ, какимъ считала его мать. Самомиѣніе, кажется, не было главнымъ его недостаткомъ. Еслибъ онъ имѣлъ его побольше, онъ былъ бы пожалуй менѣе пріятнымъ человѣкомъ, но за то его судьба была бы прочтѣе обезпечена.

Что касается до его наружности, онъ былъ высокъ, строенъ и блонкуръ, имѣлъ четырехугольный лобъ, означающій болѣе понятливость чѣмъ умъ, были иѣжныя руки съ длинными ногтями, и умѣлъ одѣваться такъ, что никто не могъ никогда замѣтить, хорошо ли онъ одѣтъ или дурно, новое ли на немъ платье, или старое.

Таковъ былъ Маркъ Робартсъ, когда, лѣтъ двадцати пяти, или немногимъ старше, онъ женился на Фанни Монселъ. Обрученіе происходило въ соборной его церкви, такъ какъ у Фанни Монселъ не было своего гнѣзда, и она три мѣсяца передъ свадьбою провела въ Фрамлейскомъ замкѣ. Посаженымъ отцомъ у нея былъ сэръ-Джорджъ Мередитъ, и сама леди Лоттонъ позаботилась о томъ, чтобы свадьба была сыграна какъ слѣдуетъ, и старалась объ этомъ почти столько же, какъ для собственной дочери. Самый обрядъ былъ совершенъ его прендобиомъ, барчестерскимъ деканомъ, многоважаемымъ другомъ леди Лоттонъ. Мистриссъ Арабинъ, жена донана, присутствовала также на свадьбѣ, хоть отъ Барчестера до Фрамлея не близко. И лордъ Лоттонъ, разумеется, былъ тутъ, и всѣ увидали, что онъ непременно влюбится въ одну изъ прелестныхъ подружекъ невесты, изъ которыхъ Бленчъ Робартсъ, вторая сестра викаріа, по мнѣнію всѣхъ, была самая прелестная.

: Была тутъ и другая, младшая сестра Марка, которая не принимала участія въ церемоніи, и насчетъ которой не дѣлали никакихъ предсказаній, такъ какъ ей было не болѣе шестнадцати лѣтъ; но мы упоминаемъ о ней, потому что читателю придется познакомиться съ нею въ послѣдствіи. Звали ее Люси Робартсъ.

Потомъ викарій и его жена отправились путешествовать, оставивъ на время заботленія души на попеченіе старика курага.

Пришло время, и они возвратились; а потомъ настало еще время, когда родился у нихъ ребенокъ, а потомъ другой; а потомъ настало время, когда начинается нашъ разказъ. Но прежде чѣмъ приступимъ къ нему, не повторить ли намъ, что все было правы, подражая девонширскому медику съ такимъ примѣрнымъ и счастливымъ сыномъ?

— Ты была сегодня въ замкѣ? сказалъ Маркъ своей женѣ, грѣясь въ креслѣ у огня въ гостиной, передъ тѣмъ какъ идти одѣваться къ обѣду. Это было холоднымъ ноябрьскимъ вечеромъ, а онъ дѣловое утро провелъ на воздухѣ: въ такихъ случаяхъ какъ-то особенно пріятно откладывать свой туалетъ. Люди твердые идутъ прямо изъ передней въ свою комнату, и не подвергаютъ себя искушеніямъ каміна въ гостиной.

— Нѣтъ, но дѣла Лотомъ сама была здѣсь.

— Она все хлопочетъ о Сарѣ Томпсонъ?

— Да, Маркъ.

— А что ты ей сказала насчетъ Сары Томпсонъ?

— Отъ себя я ей мало сказала; но я намекнула ей, что ты помогаешь, или что я думаю, что по твоему мнѣнію было бы лучше взять опытную школьную учительницу.

— Но мисси не согласилась?

— Какъ сказать? Да, въ сущности она не согласилась.

— Ну, да когда ужъ она примется за что-нибудь, такъ не скоро откажется.

— Но, Маркъ, она всегда принимается за такія хорошія дѣла.

— Однако, въ этомъ случаѣ, какъ ты видишь, она болѣе думаетъ о своей *protégée*, чѣмъ о дѣтяхъ въ школѣ.

— Скажи ей это, и она завѣрное уступитъ.

Потомъ оба уехали. Викарій, согрѣвшись знатно, насколько это возможно сиди лицомъ къ огню, повернулся, чтобы прошептать ну же отправлю *a tergo*.

— Маркъ, уже двадцать минутъ седьмого: Не войдти ли тебѣ одѣваться къ обѣду?

— Вотъ что я тебѣ скажу, Фанни. Пусть ужъ она одѣвается

по своему, насчетъ Сары Томпсонъ. Ты бы пошла къ ней завтра, и такъ бы сказала ей.

— Но, Маркъ, я бы не уступила ей, еслибы считала ее не правую. Да и она сама не потребовала бы этого.

— Если я въ этотъ разъ отстою свое мнѣніе, мнѣ навѣрное придется уступить въ слѣдующій разъ, а тогда можетъ идти дѣло о чемъ-нибудь болѣе важномъ.

— Но если она неправа, Маркъ?

— Я не говорю, чтобъ она была неправа; а если она и неправа въ какой-нибудь безконечно-малой степени, такъ стоить ли изъ-за этого ссориться? Сара Томпсонъ очень почтенная женщина; спрашивается только, умѣетъ ли она учить?

Молодая женщина темно сознавала, хотя она и не выразила этого словами, что ея мужъ не совсѣмъ правъ. Дѣйствительно, надо иногда уступать многому такому, что не совсѣмъ справедливо, даже очень многому. Но къ чему уступать злу безъ всякой необходимости? Зачѣмъ ему, викарію, соглашаться, чтобы назначили неопытную учительницу для дѣтей его прихода, когда онъ могъ найти опытную? Въ этомъ случаѣ—такъ говорила мистриссъ Робартсъ—я не уступила бы леди Лофтонъ.

На другое утро, однакоже, она исполнила порученіе мужа, и объявила леди Лофтонъ, что мужъ ея не имѣетъ ничего противъ назначенія Сары Томпсонъ.

— О, я была увѣрена, что онъ согласится со мною, сказала миледи,—стоило ему только узнать, что это за женщина. Я знала, что стоило только объяснить ему...

И она стала чрезвычайно любезна; сказать по совѣсти, леди Лофтонъ не любила оппозиціи въ дѣлахъ, касавшихся прихода.

— Фанни, сказала леди Лофтонъ самымъ ласковымъ тономъ:— вы никуда не собираетесь въ субботу, не такъ ли?

— Нѣтъ, кажется, никуда.

— Такъ вы должны быть у насъ. Юстинія, вы знаете, будетъ адъсь (леди Мередитъ звали Юстиніей), вамъ съ мистеромъ Робартсомъ слѣдуетъ погостить у насъ до понедѣльника. Мы на все воскресенье отдадимъ въ его распоряженіе маленькую бібліотеку. Мередиты уѣзжаютъ въ понедѣльникъ, и Юстинія будетъ тосковать, если вы не будете съ нею.

Было бы несправедливо утверждать, что леди Лофтонъ рѣшилась не приглашать Робартсовъ, еслибы ей не уступили въ дѣлѣ Сары Томпсонъ. Но, по всему вѣроятію, такое быль-бы результатъ оппозиціи съ ея стороны. За те теперь она была сама любезность: и когда мистриссъ Робартсъ стала было извиняться, говоря, что ей нужно быть дома къ вечеру, чтобы видѣть дѣтей, леди Лофтонъ объявила, что въ замкѣ найдется мѣсто

и для малютокъ, и для кормилицы, и уладила дѣло по своему, кивнувъ два раза, и три раза махнувъ вѣеромъ.

Это было во вторникъ утромъ, и въ тотъ же день вечеромъ, передъ обѣдомъ, викарій опять усѣлся въ то же кресло передъ каминномъ, удостовѣрившись, что его лошадь увели въ конюшню.

— Маркъ, сказала его жена, — Мередиты прїѣдутъ въ замокъ на субботу и на воскресенье; я обѣщала, что и мы будемъ тамъ, и останемся до понедѣльника.

— Неужели обѣщала? Какая досада!

— А что? Я думала, что это будетъ прїятно тебѣ. Да и Юстинія могла бы огорчиться, еслибъ я отказалась.

— Ты можешь быть тамъ, и конечно будешь, моя милая. Но мнѣ это невозможно.

— Отчего же, другъ мой?

— Отчего? Я только что отвѣчалъ на письмо, которое мнѣ привезли изъ Чальдикотса. Совербви приглашаетъ меня къ себѣ на недѣлю, и я написалъ, что буду.

— И ты побѣдешь въ Чальдикотсѣ на цѣлую недѣлю, Маркъ?

— Я даже, кажется, обѣщала пробыть тамъ десять дней.

— И ты пропустишь два воскресенья?

— Нѣтъ, Фанни, только одно. Не будь такъ придирчива.

— Я не придирюсь, Маркъ; ты знаешь, что у меня нѣтъ этой привычки. Но мнѣ такъ досадно! Леди Лоттонъ будетъ недовольна. Къ тому же ты въ прошлый мѣсяцъ пропустилъ два воскресенья, когда ѣздилъ въ Шотландію.

— Это было въ сентябрѣ, Фанни. Ужъ это придирка.

— Ахъ, Маркъ, мой милый, не говори этого. Ты знаешь, что у меня нѣтъ намѣренія придираться. Но леди Лоттонъ не любить этого чальдикотскаго общества. Ты помнишь, что въ послѣдній разъ, какъ ты былъ тамъ съ лордомъ Лоттономъ, она такъ была огорчена!

— На этотъ разъ со мною не будетъ лорда Лоттона; онъ еще въ Шотландіи. Но вотъ почему я ѣду туда: тамъ будутъ Гарольдъ Смитъ и его жена, а я очень желаю познакомиться съ ними поближе. Я не сомнѣваюсь, что Гарольдъ Смитъ современнымъ будетъ членомъ кабинета, а такимъ знакомствомъ пренебрегать не слѣдуетъ.

— Но, Маркъ, какое тебѣ дѣло до кабинета?

— Конечно, Фанни, я обязанъ говорить, что мнѣ ничего не нужно; оно отчасти такъ и есть. Но тѣмъ не менше, я поѣду и проведу нѣсколько дней съ Гарольдъ-Смитами.

— Не воротишься ли ты къ воскресенью?

— Я обѣщала оказать проповѣдь въ Чальдикотсѣ. Гарольдъ

Смитъ прочтетъ въ Барчесторѣ публичную лекцію объ Австралийскомъ архипелагѣ, а я скажу проповѣдь о томъ же. Хотѣть снарядить туда новыхъ миссіонеровъ.

— Проповѣдь въ Чальдикотсѣ!

— А почему же нѣтъ? Народу тамъ будетъ много, вѣроятно будутъ и Арабины.

— Не думаю; мистриссъ Арабинъ хороша съ мистриссъ Гарольдъ Смитъ, но я увѣрена, что она не въ ладахъ съ ея братомъ. Не думаю, чтобъ она поѣхала въ Чальдикотсѣ.

— И епископъ вѣроятно пріѣдетъ туда на день или на два.

— Вотъ это вѣроятноже, Маркъ. Если тебя привлекаетъ въ Чальдикотсѣ желаніе видѣть мистриссъ Проуди, то больше мнѣ говорить нечего.

— Я не болѣе тебя, Фанни, охотникъ до мистриссъ Проуди, возразилъ викарій, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосъ.— Но вообще считается приличнымъ, чтобы приходскій священникъ отъ времени до времени видался съ своимъ епископомъ. И такъ какъ меня пригласили именно съ тѣмъ, чтобъ я сказалъ проповѣдь, когда всѣ эти лица будутъ тамъ, отказаться было бы неловко.

Тутъ онъ всталъ, и, взявъ свѣчу, направился въ свою уборную.

— Что же сказать леди Лостонъ? спросила у него Фанни въ теченіи вечера.

— Напиши ей, что я обѣщался сказать проповѣдь въ Чальдикотсѣ въ будущее воскресенье. Ты, конечно, будешь въ замкѣ?

— Да; но я знаю, что она будетъ недовольна. Ты уже былъ въ отлучкѣ въ прошлый разъ, какъ у ней были гости.

— Что жъ дѣлать! Я ужъ уступилъ ей въ дѣлѣ Сары Томпсонъ: не можетъ же она требовать, чтобъ ей уступали всегда и во всемъ!

— Я бы не сказала ничего, еслибы ты не уступилъ въ дѣлѣ Сары Томпсонъ. Тогда-то ты и могъ бы настоять на своемъ.

— А я намѣренъ теперь настоять на своемъ. Очень жаль, что мы такъ расходимся въ мнѣніяхъ.

Тутъ Фанни, несмотря на свою досаду, замѣтила, что лучше не продолжать разговора. Передъ отходомъ ко сну, она исполнила просьбу мужа, и написала къ леди Лостонъ.

ГЛАВА II.

Не мѣшаетъ сказать слова два о личностяхъ, упомянутыхъ на предыдущихъ страницахъ, и о мѣстности, въ которой они жили.

О леди Лоттонъ имъ, быть-можетъ, сказали уже довольно, чтобы пошмаковать съ нею нашихъ читателей. Фремлейское помѣстье принадлежало ея снну; но такъ какъ Лоттонъ-паркъ, старыи развалившійся замокъ въ другомъ граествѣ, былъ собственно резиденціей фамили Лоттоновъ, то ей для житья отведенъ былъ Фремлейскій замокъ. Самъ лордъ Лоттонъ еще не былъ женатъ; у него не было хозяйства въ Лоттонъ-паркѣ, гдѣ никто и не жилъ со смерти его дѣда; онъ жилъ съ матерью, когда ему приходила охота жить въ тѣхъ странахъ. У него былъ охотничій домикъ въ Шотландіи, да квартира въ Лондонѣ, да коюшница въ Лестерширѣ,—все это къ немалой досадѣ барсетширскихъ землевладѣльцевъ, считавшихъ охоту въ ихъ краю не хуже чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Англіи. Но его лордство, заплативши свою долю взноса за охоту въ восточномъ Барсетширѣ считалъ себя въ правѣ охотиться, гдѣ ему велье.

Фремлей было хорошенъкое помѣстье, не имѣвшее ничего величественнаго и барскаго, но отлично устроенное для удобной деревенской жизни. Домъ былъ низкое, двухъ-этажное строеніе, выстроенное въ разныя времена, безъ всякихъ претензій на архитектурный стиль. Но комнаты, хотя и не высокія, были теплы и уютны, и садъ былъ чистъ и нарядонъ, какъ ни одинъ садъ въ околоткѣ. Только своимъ садомъ и славила Фрамлей.

Деревни около Фремлея собственно не было. Большая дорога вилась между фремлейскими огородами, рощами и обсаженными деревьями, полями, безпрестанно загибался то влѣво, то вправо. Съ этою дорогой перекрещивалась другая, и это мѣсто называлось фрамлейскимъ перекресткомъ. Тутъ стояла гостиница «Гербъ Лоттоновъ»; тутъ же былъ сборный пунктъ, когда, вопреки лини лорда Лоттона, въ Фремлей происходила охота; и тутъ же, у перекрестка, жилъ сапожникъ, завѣдывавшій почтовою конторой.

Фремлейская церковь стояла за четверть мили отъ перекрестка, насупротивъ главнаго вѣзда въ Фремлейскій замокъ. Это было невзрачное строеніе, воздвигнутое лѣтъ сто тому назадъ, когда всѣ церкви строились невзрачно. Она даже была слишкомъ тѣсна для паствы, вълѣдствіе чего часть ея посѣщала диссентерскія молебныя, возникшія по разнымъ угламъ прихода, и не довольно дѣлательно, по мнѣнію леди Лоттонъ, преслѣдуемая ея любимцемъ викаріемъ. Поэтому леди Лоттонъ ничего такъ не желала, какъ выстроить новую церковь, и краснорѣчиво убѣждала и сына своего, и викарія въ необходимости приступить къ этому благому дѣлу.

За церковью, но очень близко отъ нея, стояли школы для

мальчиковъ и дѣвочекъ, два отдѣльные зданія, обвѣзанныя своими возниконовеніемъ энергіи леди Лестонъ. За ними помещалась чистенькая овощная лавочка. Чистенькій хозяинъ этой лавочки былъ пономаремъ, а его чистенькая жена отвѣральнойницей церковнакъ мѣсть. Ихъ имя было Подженсъ, и они оба были въ большой милости у леди Лестонъ, у которой они оба когда-то находились въ услуженіи.

Тутъ дорога вдругъ загибалась нѣлѣво, какъ бы отвѣрчалась отъ Фремлейскаго замка; и за самымъ поворотомъ стояло викарство, такъ что изъ его сада въ церковную ограду пробѣгала прямая дорожка, отрѣзывавшая уголъ, занимаемый Подженсами, уголъ, изъ котораго, сказать по правдѣ, викарій охотнѣе выжилъ бы ихъ вмѣстѣ съ ихъ капустою, еслибы у него на то была власть. Не всегда ли маленький виноградникъ Навата былъ шипомъ въ глазу сосѣдственныхъ potentatovъ?

Въ настоящемъ случаѣ, potentatъ былъ также не извинителенъ, какъ и Ахавъ, потому что его викарство было совершенствомъ въ своемъ родѣ. Въ немъ были все удобства, требующіяся въ домѣ умѣреннаго джентльмена съ умѣренными средствами, и не было тѣхъ расходныхъ затѣй, которыхъ требуютъ неумѣренныя джентльмены, и которые въ свою очередь требуютъ неумѣренныхъ издержекъ. Къ тому же сады и огороды были совершенно подъ стѣною дому; и все было въ отличномъ порядкѣ—не то что бы совершенно ново, съ запахомъ краски и сыраго дерева; но именно въ томъ положеніи, когда невѣжа начинаетъ замѣтаться жлоу уютностью.

Въ этомъ и заключалось все, что можно было назвать деревней. За замкомъ, у одного изъ перекрестковъ, стояла еще лавка или дѣбъ, да хорошенькій домикъ, въ которомъ жила вдова покойнаго курата, другаго *protégé* леди Лестонъ; да еще высокій, тяжелый кирпичный домъ, въ которомъ жила тогдашній курать. Не этотъ домъ стоялъ за шлю отъ церкви; и еще далѣе отъ замка, потому что выходилъ на ту дорогу, которая перекрещивается съ большою около церкви. Этотъ джентльменъ, преподабный Ивенъ Джонсъ, по лѣтамъ могъ бы быть отцомъ викарія, но онъ уже былъ давно куратомъ въ Фрамлей; и хотя леди Лестонъ лично не любила его за воляно-церковныя убѣжденія и за невѣжскую наружность, она тѣмъ не менѣе не хотѣла удалить его. Въ этомъ большомъ кирпичномъ домѣ у него жили два-три пансіонера, и еслибы онъ потерялъ свое мѣсто, ему трудно было бы свить себѣ другое гнѣздо. По этимъ соображеніямъ, преподабнаго Ивена Джонса щадилъ, и несмотря на его красное лицо и безобразныя ноги, его приглашали къ обѣду въ замокъ съ его некрасивою дочерью, разъ въ три мѣсяца.

Кромѣ названныхъ домовъ, во всемъ Фремлейскомъ приходѣ, который одинаковъ былъ очень великъ, были еще только фермерскіе домики да коттеджи сахарей.

Фремлей находится въ восточномъ отдѣлѣ Барсетшира, который, какъ всемъ извѣстно, отличается самыми твердыми торійскими убѣжденіями. И въ немъ, правда, встрѣчались отступленія; но въ какомъ градѣ не встрѣчаются они? Гдѣ, въ нашъ сусальный вѣкъ, можемъ мы еще надѣяться найти твердую доблесть прежнихъ временъ? Но, къ сожалѣнію, я долженъ признаться, что къ отступникамъ, между прочимъ, причисляютъ и лорда Лестона. Не то чтобъ онъ былъ ярый вигъ, или чтобы даже вообще былъ вигъ. Но онъ издвигается надъ старыми порядками графства; онъ объявляетъ, когда его спрашиваютъ, что съ своей стороны, онъ не имѣлъ бы ничего противъ выбора мистера Брайта въ парламентскіе представители Барсетшира; и прибавляетъ, что такъ какъ онъ, къ несчастію, перъ, то не имѣетъ даже права интересоваться этимъ вопросомъ. Все это возбуждаетъ общее прискорбіе, потому что, въ добрыя старыя времена, ни одна часть графства не была такъ тверда въ торійскихъ убѣжденіяхъ, какъ Фремлейскій округъ; да и до сихъ перъ вдовствующая леди при случаѣ можетъ оказать помощь торійской партіи.

Чальдикотсъ, резиденція Натаніела Соверби, эсквайра, который въ то время, которое мы намѣрены принять за настоящее, есть одинъ изъ членовъ парламента за западный отдѣлъ Барсетшира. Но этотъ западный отдѣлъ не можетъ похвалиться ни одною изъ политическихъ добродѣтелей, украшающихъ его восточнаго близнеца. Онъ рѣшительно придерживается вигскихъ началъ, и почти исключительно управляется въ политикѣ одною или двумя значными вигскими фамиліями.

Мы уже сказали, что Маркъ Робартеъ собирался посѣтить Чальдикотсъ, и намекнули, что его жена была бы болѣе довольна, еслибы посѣщеніе не состоялось. Такъ оно въ самомъ дѣлѣ и было: потому что эта добрая, любящая, осторожная жена знала, что мистеръ Соверби не былъ вполне приличнымъ другомъ для молодого священника, и знала также, что во всемъ графствѣ былъ лишь одинъ домъ, имя котораго звучало еще непріятнѣе въ ухахъ леди Лестонъ чѣмъ имя Чальдикотса. На это было много разныхъ причинъ. Вопервыхъ, мистеръ Соверби былъ вигъ, и получилъ мѣсто въ парламентъ не вліянію великаго вигскаго авторитета, герцога Омніума, резиденція котораго было мѣсто еще болѣе опасное чѣмъ Чальдикотсъ, а самъ герцогъ, по мнѣнію леди Лестонъ, былъ чуть ли не воплощеніе Луцифера на землѣ. Далѣе, мистеръ Соверби былъ холостой человѣкъ, какъ впро-

чемъ и лордъ Доутонъ, къ большому огорченію леди Доутонъ. Мистеру Соверби, правда, было лѣтъ пятьдесятъ, между тѣмъ какъ лорду Доутону было всего лѣтъ двадцать-шесть, но тѣмъ не менѣе, мисседи, его мать, начинала уже волноваться по этому предмету. По ея мнѣнію, каждый мужчина былъ обязанъ жениться, какъ только пріобрѣталъ средства содержать жену, и у нея было убѣжденіе, — невысказанное и лишь полусознательное, — что мужчинамъ вообще еклонимъ пренебрегать этою обязанностию изъ эгоистическихъ побужденій, что мужчины развращенные поддерживаютъ мужчинъ болѣе невинныхъ въ этомъ пренебреженіи, и что многіе изъ нихъ не женились бы совсѣмъ, еслибы не предлагалось тайное понужденіе со стороны нѣжнаго пола. Герцогу Омнiumъ былъ глава всѣхъ подобныхъ грѣховодниковъ, и леди Доутонъ очень боялась, чтобъ ея сынъ не подвергся его губительному вліянію черезъ посредство мистера Соверби.

Къ тому же всѣ знали, что мистеръ Соверби очень бѣдный человекъ съ очень-большимъ помѣстьемъ. Онъ, какъ говорили, истратилъ много на выборы, и еще болѣе проигралъ въ карты. Большая часть его имѣнія уже перешла во владѣніе герцога, который поставилъ себѣ за правило скупать всѣ земли, поступавшія въ продажу въ околоткѣ. Его враги говорили даже, что онъ способенъ развращать молодыхъ людей для того только, чтобъ они, раззорившись, продали ему свои барсетширскія имѣнія. Что, еслибы — о ужасъ! — ему удалось завладѣть такимъ образомъ заповѣдными фремлейскими полями! Неудивительно, что леди Доутонъ не жаловала Чальдикотса.

Чальдикотская клика, какъ говаривала леди Доутонъ, была во всемъ противоположностью тому, чѣмъ, по ея мнѣнію, должно быть хорошее общество. Она любила людей веселыхъ, спокойныхъ, добрыхъ, преданныхъ церкви, отечеству и королевѣ, и не хлопотавшихъ о томъ, чтобы поднимать о себѣ шумъ въ свѣтѣ. Она желала, чтобы всѣ фермеры въ окрестностяхъ были въ силахъ платить свои ренты безъ отагощенія, чтобы всѣ старухи были снабжены теплыми фланелевыми юпками, чтобы работники были избавлены отъ ревматизмовъ здоровою пищею и сухими жилищами, и чтобы они слушались авторитета — духовнаго и свѣтскаго. Это она считала любовью къ родинѣ. Она желала также, чтобы парки были наполнены фазанами, поля куропатками, а лѣса лисицами. И въ этомъ сказывалась у ней любовь къ родинѣ. Она пламенно желала, во время крымской войны, чтобы Русскихъ побили, но не Французы, независимо отъ Англичанъ, какъ, по ея мнѣнію, случалось слишкомъ часто, и, если можно, не Англичане подъ диктаторствомъ лорда Пальмерстона. Въ сущности, она перестала вѣрить въ успѣхъ этой войны послѣ

паденія лорда Абердина. Вотъ, еслибы на его мѣсто поступилъ лордъ Дерби, тогда было бы другое дѣло!

Но обратимся къ Чальдинотскому кружку. По правдѣ сказать, въ немъ не было ничего особенно опаснаго; потому что если мистеръ Соверби въ самомъ дѣлѣ предавался какимъ-нибудь холостымъ злодѣйствамъ, то это было въ Лондонѣ, а не въ деревнѣ. Собственно самый вредный злодѣй въ этомъ кружкѣ былъ мистеръ Гарольдъ Смитъ, или, быть-можетъ, его жена. Онъ также былъ членомъ парламента, и, по мнѣнію многихъ, человекомъ съ будущимъ. Его отецъ въ продолженіи многихъ лѣтъ былъ виднымъ дебетеромъ въ палатѣ, и не разъ занималъ важныя должности. Гарольдъ съ раннихъ лѣтъ сталъ готовить себя въ министры, и если усмеленная работа можетъ обезпечить успѣхъ такого стремленія, онъ рано или поздно долженъ былъ достичь своей цѣли. Уже онъ не разъ занималъ второстепенныя должности при министерствѣ, былъ при казначействѣ, и въ продолженіи мѣсяца или двухъ, при адмиралтействѣ, и удивлялъ е-и-н-ци-п-и-а-л-н-ы-й людъ своею дѣятельностію. Упомянутые два мѣсяца случились въ министерство лорда Абердина, при паденіи котораго онъ долженъ былъ подать въ отставку. Онъ былъ младшимъ сыномъ, и имѣлъ лишь незначительное состояніе. Поэтому ему было необходимо заниматься политикой, какъ ремесломъ. Онъ еще въ очень молодыхъ лѣтахъ женился на сестрѣ мистера Соверби; и такъ какъ эта дама была шестью или семью годами старше его, и привнесла ему съ собою лишь небольшое приданое, то многіе полагали, что въ этомъ случаѣ мистеръ Гарольдъ Смитъ поступилъ неосмотрительно. Мистеръ Гарольдъ Смитъ лично не былъ любимъ ни одною партіей, хотя многіе считали его чрезвычайно полезнымъ человекомъ. Онъ былъ трудолюбивъ, ученъ и, въ существенныхъ отношеніяхъ, честенъ. Но онъ былъ самодоволенъ, горливъ и напыщенъ.

Мистрисъ Гарольдъ Смитъ во всемъ была противоположностью своего супруга. Она была умная, веселая женщина, недурная собою для своихъ лѣтъ—а ей было уже за сорокъ,—умѣла дѣлать всякую выгоду, наслаждаться всякимъ удовольствіемъ. Она не была ни трудолюбива, ни учена, можетъ-быть не во всемъ отличалась политической честностію—какая женщина когда-нибудь вполне постигала внутреннюю необходимость и внѣшнія выгоды политической честности?—но она не была ни нагнута, ни напыщенна, и если была самонадѣянна, то не показывала этого. Относительно своего мужа, она была женщина разочарованная; потому что она вышла за него въ предположеніи, что онъ сдѣлается виднымъ политическимъ дѣятелемъ, и надежды этой дотѣхъ поръ мистеръ Гарольдъ Смитъ вполне не оправдалъ.

Леди Лофтонъ, когда она говорила о чалькиотскомъ кружкѣ, мысленно включала въ него и епископа барчестерскаго, его жену и дочь. Принявъ въ соображеніе, что епископъ Проуди былъ, безъ всякаго сомнѣнія, человекъ поглощенный религиозными чувствами и интересами, и что мистеръ Соверби не имѣлъ равно никакихъ отношеній къ религіи, можно было бы подумать, что не было никакихъ поводовъ къ сближенію между этими двумя лицами; но мистриссъ Проуди и мистриссъ Гарольдъ Смитъ были связаны дружбой, продолжавшеюся съ самаго того время, какъ Проуди сталъ управлять епархіею, то есть лѣтъ пять; и поэтому епископа возили въ Чалькидотсъ каждый разъ, какъ мистриссъ Смитъ пріѣзжала въ гости къ своему брату. Мистера Проуди никакъ нельзя было назвать верхне-церковнымъ прелатомъ, и леди Лофтонъ никогда не могла простить ему его назначенія въ ея епархію. Она питала глубокое инстинктивное уваженіе къ епископскому сану; но о самомъ епископѣ Проуди она едва ли была лучшаго мнѣнія чѣмъ о мистерѣ Соверби, или объ этомъ злокозненномъ герцогѣ Омніумѣ. Каждый разъ, какъ мистеръ Робартсъ, чтобъ объяснить какую-нибудь отлучку, говорилъ, что будетъ имѣть удовольствіе видѣться съ епископомъ, нижняя губа леди Лофтонъ презрительно передергивалась. Она не могла прямо высказать, что епископъ Проуди.— нельзя же было назвать его иначе, какъ епископомъ—по ея мнѣнію былъ плохъ: но этимъ передергиваніемъ губъ она давала понять тѣмъ, кто зналъ ее, что таково въ сущности было ея убѣжденіе.

Къ тому же говорили, — по крайней мѣрѣ объ этомъ слышалъ Маркъ Робартсъ, и слухъ этотъ скоро дошелъ до Фремле-Корта, что къ сборищу въ Чалькидотсъ присоединится и мистеръ Саппельгаусъ. Мистеръ же Саппельгаусъ былъ еще болѣе опаснымъ товарищемъ для юнаго, порядочнаго, высокоцерковнаго, консервативнаго священника, чѣмъ даже Гарольдъ Смитъ. Онъ также былъ членомъ парламента, и въ началѣ войны съ Россіей, часть столичной журналистики съ энергіею указывала на него, какъ на единственнаго человека, который можетъ спасти отечество. «Будь онъ министромъ, говорилъ *Юпитерь*,—и была бы еще нѣкоторая надежда на реформу, нѣкоторая возможность, чтобы древняя слава Англій не совершенно померкла въ эти опасные дни.» Послѣ этого министерство, не ожидая особенно спасительныхъ дѣйствій отъ мистера Саппельгауса, но желая, какъ и всегда, имѣть за себя *Юпитера*, обратилось къ этому агенту, и дало ему должность. Но какъ человеку, рожденному для того чтобы спасти отечество и управлять цѣлымъ народомъ, довольствоваться мѣстомъ товарища министра, или втораго секретаря? Саппельгаусъ остался недовольнымъ, и далъ

понять министерству, что ему принадлежит по праву мѣсто гораздо болѣе высокое чѣмъ всѣ мѣста, до тѣхъ поръ предложенныя ему. Либо государственную печать, либо военное министерство, вотъ альтернатива, которую онъ предлагалъ удрученному заботами главѣ кабинета, нимало не сомнѣваясь, что глава кабинета признаетъ его права, и убоится праведнаго гнѣва *Юпитера*. Но глава кабинета, какъ ни былъ удрученъ заботами, зналъ, что можно заплатить слишкомъ дорого даже за содѣйствіе мистера Саппельгауза и *Юпитера*, и спасителю отечества сказали, что онъ можетъ гремѣть противъ министерства, сколько ему угодно. Съ тѣхъ поръ онъ гремѣлъ безъ остановки, но и безъ ожидаемаго успѣха. Онъ былъ очень близокъ съ мистеромъ Соверби, и рѣшительно принадлежалъ къ чальдикотскому кружку.

Совокупнымъ осужденіемъ были поражены еще многіе, грѣшныя болѣе въ политическомъ и религіозномъ отношеніи, чѣмъ въ нравственномъ. Но въ глазахъ леди Лофтонъ всѣ они были существа погибшія, дѣти духа тьмы, и она горевала материнскимъ горемъ, когда узнала, что сынъ ея между ними, и гнѣвалась гнѣвомъ покровительницы, когда узнала, что ея *protégé* посѣщаетъ это общество. Мистриссъ Робартсъ имѣла полное право говорить, что леди Лофтонъ будетъ не довольна.

— Ты не зайдешь въ замокъ до своего отъѣзда? спросила Фанни на слѣдующее утро.

Маркъ долженъ былъ отправиться въ этотъ день послѣ завтрака, въ собственномъ кабріолетѣ, такъ чтобы пріѣхать въ Чальдикотсъ двадцать четыре (мили) къ обѣду.

— Нѣтъ, не думаю. Чтò мнѣ тамъ дѣлать?

— Право, не знаю, какъ тебѣ объяснить это; но на твоемъ мѣстѣ я бы зашла, хоть бы для того чтобы показать ей, что такъ какъ я рѣшилась ѣхать, то не боюсь объявить ей о томъ.

— Боятся! Вздоръ, Фанни. Я ея не боюсь. Но я не вижу къ чему мнѣ подвергаться тѣмъ непріятностямъ, которыя она непременно стала бы говорить мнѣ. Къ тому же мнѣ нѣкогда. Мнѣ надо зайти къ Джонсу и переговорить съ нимъ, а потомъ у меня только и останется времени, чтобы снарядиться въ путь.

Онъ зашелъ къ мистеру Джонсу, и у него уже не ощущалъ угрызений совѣсти, потому что съ нѣкоторою гордостію объяснилъ ему, сколько членовъ парламента встрѣтитъ онъ въ Чальдикотсъ, и что тамъ будетъ епископъ. Мистеръ Ивенъ Джонсъ былъ не болѣе какъ курать, и говоря съ нимъ, Маркъ позволялъ себѣ выражаться такъ, какъ еслибы ему, викарію, по самому его сану, требовалось ѣздить къ членамъ парламента и встрѣчаться у нихъ съ епископомъ. Оно, быть-можетъ, и требовалось, но

отчего онъ не говорилъ въ томъ же тонѣ и съ леди Лофтонъ? Потомъ, поцѣловавъ жену и дѣтей, онъ сѣлъ въ кабриолетъ, схватилъ вожжи и поѣхалъ, предвкушая много удовольствія въ будущіе десять дней, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нѣкоторыми непріятностями по возвращеніи.

Въ продолженіи трехъ дней, мистриссъ Робартсъ не видала леди Лофтонъ. Не то, чтобъ она избѣгала встрѣчи съ нею, но и не заходила въ замокъ. Она, по обыкновенію, посѣщала свою школу, заходила къ женамъ двухъ-трехъ фермеровъ, но обходила садъ и дворъ замка. Она была храбрѣе мужа, но и она хотѣла удалиться, по возможности, непріятное объясненіе.

Въ субботу, передъ вечеромъ, въ то время, какъ она готовилась къ роковому шагу, ея пріятельница, леди Мередитъ, зашла къ ней.

— Итакъ, Фанни, мы опять не будемъ имѣть удовольствія видѣть мистера Робартса, сказала млада.

— Да, какая досада! Но онъ далъ слово мистеру Соверби еще прежде чѣмъ узналъ, что вы пріѣдете. Пожалуста, не думай, чтобъ онъ оглучился, еслибы зналъ объ этомъ.

— Намъ было бы непріятно, еслибы мы отвлекли его отъ такого веселаго общества.

— Прошу тебя, Юстинія, не будь несправедлива. Ты намекаешь, что онъ поѣхалъ въ Чальдикотсъ, потому что предположилъ его Фремле-Корту замку. Но вѣдь это не такъ. Надѣюсь, что леди Лофтонъ не думаетъ этого.

Леди Мередитъ смѣясь обняла свою пріятельницу.

— Не истощай своего краснорѣчія со мною, сказала а.— Побереги его для моей матери.

— А твоя матушка сердится? спросила мистриссъ Робартсъ, ясно выражая на своемъ лицѣ желаніе узнать, каково на роеніе духа леди Лофтонъ.

— Но Фанни, ты знаешь это не хуже моего. Она такого высокаго мнѣнія о фремлейскомъ викаріѣ, что не считаетъ этихъ чальдикотскихъ политиковъ достойными его.

— Но, Юстинія, вѣдь тамъ будетъ епископъ.

— Я не думаю, чтобъ это обстоятельство помирило мою мать съ отсутствіемъ твоего мужа. О немъ, право, такъ заботятся что онъ, того и гляди, возгордится. Но вотъ что, Фанни! отправимся вмѣстѣ въ замокъ: ты ужъ тамъ переодѣнешься. Прежде однако взглянемъ на дѣтей.

На пути въ замокъ, мистриссъ Робартсъ взяла съ своей пріятельницы обѣщаніе, что она приметъ ея сторону, если станеть нападать слишкомъ сильно на отсутствующаго викарія.

— Ты пойдешь прямо въ свою комнату? сказала Фанни, когда онъ вмѣстѣ поднялись на крыльцо. Леди Мередитъ тотчасъ-

поняла, что на умѣ у ея пріятельницы, и рѣшила, что нечего откладывать неприятную минуту. — Лучше намъ найдти теперь же къ мама, и покончить дѣло разомъ, сказала она, — а потомъ провести спокойный вечеръ.

Итакъ онѣ пошли въ гостиную, и застали тамъ леди Лофтонъ одну, на диванѣ.

— Ну, мама, сказала дочь, — вы не должны слишкомъ бранить Фанни за мистера Робартса. Онъ уѣхалъ проповѣдовать съ благотворительною цѣлю, въ присутствіи епископа; при такихъ обстоятельствахъ ему было бы не ловко отказаться.

Это была хитрость со стороны леди Мередитъ, хитрость очень благонамѣренная, но все-таки хитрость; потому что никому и не приходило въ голову, чтобъ епископъ остался въ Чальдикотсѣ и на воскресенье.

— Какъ вы поживаете, Фанни? сказала леди Лофтонъ, вставая. — Я и не думаю бранить ее; я не понимаю, какъ ты можешь говорить такую несообразность, Юстинія. Конечно, намъ очень жаль, что съ нами нѣтъ мистера Робартса; тѣмъ болѣе что его не было съ нами и въ послѣднее воскресенье, проведенное здѣсь сэръ - Джорджемъ. Я, конечно, люблю видѣть мистера Робартса въ его церкви, и не люблю, когда его мѣсто въ ней занимаетъ другой священникъ. Если Фанни считаетъ это бранью...

— О, нѣтъ, леди Лофтонъ, вы такъ добры! Но мистеръ Робартсъ очень жалѣлъ, что принялъ это приглашеніе въ Чальдикотсѣ; онъ не зналъ, что сэръ-Джорджъ будетъ здѣсь, и...

— О, я знаю, что Чальдикотсѣ имѣетъ такія прелести, какихъ не представляетъ Фремлей! сказала леди Лофтонъ.

— Право, не оттого. Но его попросили сказать проповѣдь, а мистеръ Гарольдъ Смитъ...

Бѣдная Фанни только портила дѣло. Еслибы въ ней была хоть капля хитрости, она приняла бы комплиментъ, заключавшійся въ первомъ замѣчаніи леди Лофтонъ, и за тѣмъ бы умолкла.

— Какъ же, Гарольды Смиты! Это такіе милые люди! Кто будетъ въ силахъ отказаться отъ общества, украшеннаго въ одно время присутствіемъ мистриссъ Гарольдъ Смитъ и мистриссъ Проуди, даже еслибъ обязанность требовала этого?

— Но, мама... сказала Юстинія.

— Что же, другъ мой, хочешь ты, чтобъ я сказала? Не могу же я лгать? Я не люблю мистриссъ Гарольдъ Смитъ—по крайней мѣрѣ по всему тому, что слышу объ ней; я не имѣла удовольствія встрѣчаться съ нею послѣ ея свадьбы. Это быть-можетъ самоубійство: но я убѣждена, что лучше мистеру Робартсу

быть съ нами въ Фремле чѣмъ въ Чальдикотсѣ съ Гарольдами Смитами, и даже съ мистриссъ Проуди.

Было уже почти темно, и по этому нельзя было замѣтить яркой краски, мало-по-малу выступавшей на лицѣ мистриссъ Робертсъ. Она была хорошая жена, и не могла выслушать все это безъ нѣкотораго гнѣва. Она могла внутренне осуждать мужа; но не могла терпѣть, чтобы другіе осуждали его при ней.

— Конечно, ему было бы лучше, сказала она:—но впрочемъ, леди Лофтонъ, нельзя же быть всегда тамъ, гдѣ намъ лучше. Джентльменъ часто обязанъ...

— Ну, другъ мой, полно толковать объ этомъ. Васъ онъ не увезъ съ собою, и за это мы простимъ ему.—И леди Лофтонъ поцѣловала Фанни.—Что жъ дѣлать, обратилась она съ шутовымъ шепотомъ къ молодымъ женщинамъ, — надо намъ довольствоваться этимъ бѣднымъ Ивеномъ Джонсомъ. Онъ будетъ здѣсь сегодня вечеромъ, и намъ пора пріодѣться, чтобы принять его.

Онѣ разошлись. Леди Лофтонъ была добрая женщина, и еще болѣе полюбила мистриссъ Робертъ за то, что она вступилась за отсутствующаго мужа.

ГЛАВА III.

Чальдикотсѣ имѣетъ гораздо болѣе притязаній на великолѣпіе чѣмъ Фремле-Кортъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, если обратить вниманіе на тѣ его принадлежности, которыя относятся къ давнишнимъ временамъ, а не къ нынѣшнимъ, нельзя не признать за нимъ нѣкотораго великолѣпія. При немъ старый лѣсъ, не весь принадлежащій къ имѣнію, но прозываемый Чальдикотскимъ чезомъ. Этотъ лѣсъ подступаетъ къ самому дому, и придаетъ всей усадьбѣ характеръ и важность. Чальдикотскій чезъ, или, по крайней мѣрѣ, большая часть его, какъ всѣмъ извѣстно, принадлежитъ казнѣ, и его, въ наше утилитарное время, намѣрены вырубить. Въ прежнія времена, то былъ обширный лѣсъ, занимавшій полграфства, простирившійся до самаго Сильверъбриджа; до сихъ поръ клочки его уцѣлѣли тамъ и сямъ по всему этому протяженію. Но самая обширная изъ уцѣлѣвшихъ частей, состоящая изъ вѣковыхъ дуплистыхъ дубовъ и изъ дрыхлыхъ буковъ съ широко-раскинувшимися вѣтвями, расположена въ Чальдикотскомъ и Эфлейскомъ приходахъ. До сихъ поръ люди приходятъ издалека, чтобы полюбоваться чальдикотскими дубами,

чтобы погулять осенью по шумящимъ листьямъ, покрывающимъ землю у ихъ коршей. Но скоро ужь не будутъ приходить. Эти великаны бывшихъ временъ уступятъ мѣсто пшеницѣ и сурьпицѣ; безчувственному канцлеру казначейства нѣтъ дѣла до сельскихъ красотъ и мѣстныхъ преданій: онъ требуетъ дохода съ коронныхъ земель, и Чальдикотскому чезу суждено исчезнуть съ лица земли.

Нѣкоторая часть его, однакожь, есть собственность мистера Соверби, который до сихъ поръ, посреди всѣхъ своихъ денежныхъ затрудненій, сумѣлъ спасти отъ топора и аукціона эту часть отцовскаго наслѣдія. Чальдикотскій замокъ—обширное каменное строеніе временъ Карла Втораго. Съ обѣихъ сторонъ къ дому поднимаются широкія двойныя каменные крыльца. Отъ подъѣзда бѣжитъ прямой длинный, величавый проспектъ между двумя рядами липъ, и кончается между двумя сторожками, стоящими въ самой Чальдикотской деревнѣ. Изъ оконъ же противоположнаго фаса открывается видъ на четыре просѣки, далеко убѣгающія въ лѣсъ, и сходящіяся передъ чугунными воротами, отдѣляющими чезъ отъ частныхъ владѣній. Фамилія Соверби, изъ рода въ родъ, завѣдываетъ управленіемъ Чальдикотскаго чеза, и властвуетъ надъ казеннымъ лѣсомъ почти такъ же какъ надъ собственнымъ. Но скоро всему этому будетъ конецъ, потому что лѣсъ назначенъ къ срубкѣ.

Было уже почти темно, когда Маркъ подъѣхалъ по проспекту къ крыльцу. Но легко было замѣтить, что домъ, пребывающій девять мѣсяцевъ въ году въ мертвомъ молчаніи, теперь кипитъ жизнію. Во многихъ окнахъ свѣтились огни, изъ конюшни слышался шумъ голосовъ, лакеи бѣгали по двору, собаки лаiali, и темный песокъ передъ подъездомъ носилъ слѣды многихъ колесъ

— А, это вы, сэръ, мистеръ Робартсъ? сказалъ грумъ, схвативъ лошадь викарія подъ уздцы и прикладывая руку къ шляпѣ; — надѣюсь, что ваше преподобіе въ добромъ здоровьи.

— Благодарю васъ, Бобъ. А у васъ въ Чальдикотсѣ все благополучно.

— Живемъ, мистеръ Робартсъ. У насъ теперь весело. Сегодня пріѣхали епископъ съ супругою.

— А... да! Я слышалъ, что они будутъ. И съ дочерьми?

— Съ одною барышнею, съ тою, что зовутъ, кажется, миссъ Оливіей, ваше преподобіе.

— А какъ поживаетъ мистеръ Соверби?

— Хорошо, ваше преподобіе. Онъ, да мистеръ Гарольдъ Смитъ, да мистеръ Фодсгиллъ — это, знаете, повѣренный герцога, — тамъ, на конномъ дворѣ, слѣзаютъ съ лошадей.

— Съ охоты, что ли, Бобъ?

— Точно такъ, съ охоты.

За тѣмъ мистеръ Робартсъ отправился въ свою комнату, а за нимъ пошелъ его чемоданъ, на плечахъ мальчишка.

Вы видите, что нашъ юный викарій въ Чальдикотсѣ былъ какъ дома, что его зналъ грумъ и сообщалъ ему новости. Да, онъ былъ очень знакомъ съ Чальдикотсомъ, знакомъ гораздо ближе чѣмъ показывалъ въ Фремле-Кортѣ. Не то, чтобъ онъ преднамѣренно и прямо обманулъ кого-нибудь, не то, чтобъ онъ когда-нибудь солгалъ по поводу Чальдикотса. Но дома онъ никогда не хвасталъ своею дружбой съ мистеромъ Соверби. Онъ никогда не говорилъ тамъ о томъ, какъ часто мистеръ Соверби и лордъ Лофтонъ видались въ Лондонѣ. Зачѣмъ смущать женщинъ такими разговорами? Зачѣмъ огорчать такую добрыйшую даму, какъ леди Лофтонъ?

А мистеръ Соверби былъ такой человекъ, съ которымъ многіе молодые люди не захотѣли бы вести дружбу. Онъ былъ лѣтъ пятидесяти, и провелъ жизнь, быть-можетъ, не самымъ безукоризненнымъ образомъ. Но онъ одѣвался молодо, и обыкновенно смотрѣлъ молодцомъ. Онъ былъ лысъ, у него былъ прекрасный лобъ и блестящіе влажные глаза. Онъ былъ умный человекъ и веселый товарищъ, и всегда былъ въ духѣ, какъ только находилъ это нужнымъ. Къ тому же, онъ былъ джентльменъ самаго лучшаго тона и стариннаго рода, котораго предки пользовались известностію въ графствѣ; подревнѣе—хвастались его фермеры—чѣмъ чьи бы то ни было въ околоткѣ предки, за исключеніемъ развѣ Торновъ Оллаторнскихъ или Грешамовъ грешамсберійскихъ, но уже конечно древнѣе чѣмъ де-Корсивъ изъ Корси-Кассля. Что до герцога Омнiума, то онъ принадлежалъ къ недавней знати.

Притомъ мистеръ Соверби былъ членъ парламента, былъ друженъ со многими сильными людьми, и со многими другими, которые могли сдѣлаться сильными, былъ человекъ свой въ свѣтѣ. И сверхъ того, какова бы ни была его прошлая жизнь, онъ въ присутствіи священника не позволялъ себѣ ничего, что могло бы оскорбить его духовныя убѣждения. Онъ не божился, онъ не выставлялъ на показъ своихъ пороковъ, онъ не кощунствовалъ. Если онъ самъ не былъ человекомъ набожнымъ, то умѣлъ уживаться и съ набожными.

Было ли возможно, чтобы такой человекъ, какъ нашъ викарій, не дорожилъ дружбою мистера Соверби? Конечно, говорилъ онъ себѣ, такая женщина, какъ леди Лофтонъ, не можетъ цѣнить его: она живетъ десять мѣсяцевъ въ деревнѣ, а если и ѣздитъ на два мѣсяца въ Лондонъ, то видится тамъ только съ людьми

своего кружка. Женщины всего этого не понимаютъ, говорилъ онъ себѣ; даже его жена, эта добрая, милая, умная Фанни, не понимаетъ, что въ свѣтѣ чело­вѣку суждено сталкиваться со всякаго рода людьми, и что въ наше время священникъ не можетъ быть отшельникомъ.

Такъ разсуждалъ Маркъ Робартсъ, когда ему приходилось оправдываться передъ собственною совѣстью въ своихъ поѣздкахъ въ Чальдикотсъ и въ своей возраставшей короткости съ мистеромъ Соверби. Онъ зналъ, что мистеръ Соверби опасный чело­вѣкъ; что онъ въ долгу какъ въ шелку, и уже впуталъ молодого лорда Лофтона въ разныя денежныя затрудненія; совѣсть говорила ему, что лучше бы ему, служителю церкви, искать себѣ друзей другаго рода. Тѣмъ не менѣе, онъ пріѣхалъ въ Чальдикотсъ, хотя и неполнѣ довольный собою, но повторяя себѣ всѣ доводы, въ силу которыхъ онъ имѣлъ право успокоиться.

Его тотчасъ ввели въ гостиную, и онъ засталъ тамъ мистриссъ Гарольдъ Смитъ, вмѣстѣ съ мистриссъ и миссъ Проуди, и даму, которой онъ до тѣхъ поръ не видалъ, и которой имя не тотчасъ было произнесено при немъ.

— Это мистеръ Робартсъ? сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ, притворяясь, что не узнаетъ его за темнотою.—Итакъ вы рѣшились проѣхать двадцать четыре мили по Барсетширскимъ дорогамъ въ такую погоду, чтобы помочь намъ въ нашихъ маленькихъ затрудненіяхъ? Вы имѣете полное право на нашу благодарность.

Потомъ викарій пожалъ руку мистриссъ Проуди тѣмъ почтительнымъ образомъ, какъ подобаетъ викарію относительно супруга епископа; и мистриссъ Проуди отвѣчала на его привѣтствіе со всею снисходительною любезностью, какую супруга епископа могла оказать викарію. Миссъ Проуди была менѣе любезна. Еслибы мистеръ Робартсъ не былъ еще женатъ, она, пожалуй, пріятно улыбнулась бы. Но она такъ много тратила улыбокъ на несемейныхъ священниковъ, что у нея не оставалось ихъ въ запасъ для семейныхъ.

— А какія же это затрудненія, мистриссъ Смитъ, въ которыхъ я могу быть вамъ полезенъ?

— У насъ тутъ пять или шесть джентльменовъ, мистеръ Робартсъ; они каждый день отправляются на охоту передъ завтракомъ и возвращаются не прежде... я чуть не сказала: не прежде какъ послѣ обѣда. Это было бы еще хорошо; не нужно было бы ждать ихъ.

— За исключеніемъ мистера Саппельгауса, однакожь, прибавила неизвѣстная дама громкимъ голосомъ.

— А онъ все запирается въ библіотекѣ, и пишетъ статьи.

— Лучше бѣ и онъ вмѣстѣ съ другими пытался сломать себѣ шею, сказала неизвѣстная.

— Никогда онъ въ этомъ не успѣетъ, сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ.—Но быть можетъ, мистеръ Робартсъ, вы не лучше другихъ. Быть-можетъ, и вы отправитесь завтра на охоту?

— О, мистриссъ Смитъ! воскликнула мистриссъ Проуди голосомъ, въ которомъ выразился легкій упрекъ и даже нѣкоторый ужасъ.

— Ахъ да, я забыла! Вы, разумеется, не пойдете на охоту, мистеръ Робартсъ: вы только будете завидовать охотникамъ.

— Отчего же ему нельзя охотиться? спросила дама съ громкимъ голосомъ.

— Милая миссъ Данстеблъ, чтобы священникъ охотился, живи подъ однимъ кровомъ съ своимъ епископомъ! Да подумайте о приличіяхъ!

— Ахъ... да! Это не понравилось бы епископу, не такъ ли? А что, сэръ, сдѣлалъ бы съ вами епископъ, еслибы вы отправились на охоту?

— Это зависитъ отъ расположенія его духа, отвѣчалъ мистеръ Робартсъ,—если оно въ это время будетъ строгое, онъ велитъ отрубить мнѣ голову передъ воротами своего дворца.

Мистриссъ Проуди выпрямилась въ своихъ креслахъ, чтобы показать, что тонъ разговора ей не нравится; а миссъ Проуди пристально занялась своею книгою, означая тѣмъ, что миссъ Данстеблъ и ея болтовня не заслуживаютъ ея вниманія.

— Если эти господа не сломали себѣ шею сегодня вечеромъ, сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ:—то не мѣшало бы имъ уведомить насъ объ этомъ; уже половина седьмаго.

И мистеръ Робартсъ объяснилъ дамамъ, что на нынѣшній день нечего опасаться такой катастрофы, такъ какъ мистеръ Соверби и другіе уже были на конномъ дворѣ, когда онъ пріѣхалъ.

— Такъ не пора ли намъ одѣваться, *mesdames*, сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ. Но въ то время, какъ она направлялась къ двери, она отворилась, и вошелъ тихимъ, медленнымъ шагомъ коротконогій джентльменъ. Но мистеръ Робартсъ въ темнотѣ не могъ разглядѣть его лица.

— А, это вы, епископъ? сказала мистриссъ Смитъ:—вотъ вамъ одно изъ свѣтилъ вашей епархіи.

— Епископъ ошупью пробрался сквозь мракъ къ викарію и привѣтливо пожалъ ему руку. Онъ былъ радъ, очень радъ, встрѣтиться съ мистеромъ Робартсомъ въ Чальджикотсѣ. Мистеръ Робартсъ собирался проповѣдывать въ пользу Папуанской мис-

сія въ слѣдующее воскресенье? Такъ ему, епископу, и сказали. Это доброе дѣло, отличное дѣло. Потомъ мистеръ Проуди выразилъ, что онъ очень жалѣетъ, что ему нельзя оставаться въ Чальдикотсѣ и присутствовать при проповѣди. Было ясно, что епископъ не былъ дурнаго мнѣнія о немъ за его дружбу съ мистеромъ Соверби. Впрочемъ викарій чувствовалъ, что мнѣніе епископа мало имѣетъ для него важности.

— А, Робартсъ, очень радъ васъ видѣть, сказалъ мистеръ Соверби, встрѣчаясь съ нимъ передъ обѣдомъ въ гостиной. — Вы знакомы съ Гарольдомъ Смитомъ? Конечно, знакомы. Кто бишь еще здѣсь? Ахъ да, Саппельгаусъ! Мистеръ Саппельгаусъ, позвольте мнѣ познакомить васъ съ моимъ другомъ, мистеромъ Робартсомъ. Это тотъ самый, который въ будущее воскресенье выманитъ изъ вашего кармана пятифунтовую бумажку въ пользу этихъ бѣдныхъ Папуанцевъ, которыхъ мы обращаемъ въ христіанство, — то-есть если Гарольдъ Смитъ не опустошитъ всѣхъ кармановъ своею субботнею лекціей. Что, Робартсъ, вы видѣли епископа, неправда ли? прибавилъ онъ шепотомъ. — Хорошее дѣло быть епископомъ, не правда ли? Я желалъ бы имѣть на это такіе же шансы, какъ вы. Но, мой милый другъ, какую я сдѣлалъ ошибку! Я не припасъ холостаго священника для миссъ Проуди. Вы должны помочь мнѣ, и повести ее къ обѣду.

Потомъ ударили въ колоколъ, и всѣ попарно отправились въ столовую.

За обѣдомъ, Маркъ сидѣлъ между миссъ Проуди и дамою, которую назвали при немъ миссъ Данстеблъ. До первой онъ не былъ охотникъ, и не смотря на просьбу хозяина, не былъ расположенъ играть съ нею роль холостаго священника. Съ другою дамою онъ охотно проболталъ бы весь обѣдъ, еслибы всѣ присутствовавшіе не старались такъ на перерывъ овладѣть ея вниманіемъ. Она не была ни молода, ни хороша собою, ни особенно изящна въ манерахъ, но она повидному пользовалась популярностью, которая должна была возбуждать зависть мистера Саппельгауза, и не могла быть совершенно по сердцу мистриссъ Проуди, которая однако же ухаживала за нею не менѣе другихъ. Такимъ образомъ, нашъ викарій не могъ добиться болѣе чѣмъ весьма незначительной доли вниманія этой дамы.

— Епископъ, сказала она черезъ столъ, — мы такъ скучали по васъ цѣлый день. Съ нами не было никого, съ кѣмъ перемолвиться словомъ.

— Моя дорогая миссъ Данстеблъ, еслибы я только зналъ! Но я право былъ занятъ важнымъ дѣломъ.

— Я не вѣрю въ важныя дѣла. А вы вѣрите, мистриссъ Смитъ?

— Какъ мнѣ не вѣрить? сказала мистрисъ Смитъ.—Еслибы вы были женою мистера Гарольда Смита хоть на одну недѣлю, и вы бы повѣрили.

— Право? Какая жалость, что мнѣ нельзя прибѣгнуть къ этому средству для укрѣпленія моей вѣры! Но вы также, говорятъ, человекъ дѣловой, мистеръ Сапельгаусъ, прибавила она, обращаясь къ своему сосѣду съ правой руки.

— Я не могу равняться съ Гарольдомъ Смитомъ, отвѣчалъ онъ.—Но съ епископомъ я потягаюсь.

— Ну, какъ же это человекъ принимается за дѣло? Какіе у него инструменты? Тетрадь промокательной бумаги, что ли, для начала?

— Это зависить, такъ сказать, отъ его ремесла. Сапожникъ начинается съ того, что вошьтъ нитку.

— А мистеръ Гарольдъ Смитъ....

— Съ того вѣроятно, что пересматриваетъ вчерашнія цифры или съ того, что разматываетъ мотокъ красныхъ нитокъ. Главная его сила въ статистическихъ данныхъ и въ аккуратно-сшитыхъ тетрадкахъ.

— А что дѣлаетъ епископъ? Можете ли вы объяснить мнѣ это?

— Онъ разсмываетъ своей пастыю благословія или проклятія, смотря по состоянію своего пищеваренія. Впрочемъ, мистрисъ Проуди можетъ объяснить вамъ все это лучше всѣхъ.

— Лучше всѣхъ, право? Я понимаю, что вы хотите сказать, но не вѣрю вамъ ни на волосъ. Епископъ ведетъ свои дѣла самъ собою, не менѣе чѣмъ мистеръ Гарольдъ Смитъ или вы.

— Я, миссъ Данстемблъ?

— Да, вы.

— Но у меня, къ несчастію, нѣтъ жены, которая вела бы дѣла за меня.

— Такъ не смѣйтесь же надъ тѣми, у кого есть жена; вы не можете знать, до чего вы сами дойдете, когда будете женами.

Мистеръ Сапельгаусъ началъ было ловко излагать, какъ пріятно было бы ему подвергнуться въ этомъ отношеніи опасности со стороны миссъ Данстемблъ; но она, не дослушавъ его, отвернулась и заговорила съ Маркомъ Робартсомъ.

— Много у васъ дѣла по приходу, мистеръ Робартсъ, спросила она.

Маркъ, нѣсколько удивился тому, что она знаетъ, какъ его зовутъ, и что у него есть приходъ. Къ тому же ему не совсѣмъ понравился тонъ, какимъ она говорила о занятіяхъ епископа. Поэтому его желаніе познакомиться съ нею поближе нѣсколько остыло, и онъ не былъ расположенъ отвѣчать ей обстоятельно.

— У всѣхъ приходскихъ священниковъ много дѣла, если только они хотятъ дѣлать дѣло.

— То-то же, мистеръ Робартсъ, если.... Но хотятъ ли они дѣлать что-нибудь? Многіе конечно хотятъ; я знаю такихъ, — и посмотрите, какія послѣдствія! Но многіе и пренебрегаютъ дѣломъ, и посмотрите же, какія отъ этого послѣдствія! Мнѣ кажется, что нѣтъ жизни счастливѣе, какъ жизнь сельскаго священника, съ женою и дѣтьми, и съ достаточнымъ доходомъ.

— Совершенно справедливо, сказалъ Маркъ Робартсъ, спрашивая себя между тѣмъ, дѣйствительно ли онъ вполне удовлетворенъ всѣми этими благополучіями. У него было все то, о чемъ говорила миссъ Данстемблъ, а однако онъ наканунѣ сказалъ своей женѣ, что не долженъ пренебрегать знакомствомъ чело-вѣка, идущаго въ гору, каковъ былъ мистеръ Гарольдъ Смитъ.

— Что мнѣ кажется несправедливымъ, продолжала миссъ Данстемблъ,—такъ это то, что мы требуемъ отъ священниковъ исполненія ихъ обязанностей, и не даемъ имъ достаточныхъ доходовъ,—часто не даемъ имъ ровно ничего. Не стыдъ ли это, что мы заставляемъ благовоспитаннаго, семейнаго джентльмена трудиться полжизни, а иногда и всю жизнь, давая ему какихъ нибудь семьдесятъ фунтовъ въ годъ?

Маркъ согласился, что это стыдъ, и подумалъ о мистерѣ Ивонѣ Джонсѣ и объ его дочери; подумалъ также о своихъ достоинствахъ, о своемъ домѣ и о своихъ девятистахъ фунтахъ въ годъ.

— И при томъ всѣ вы, священники, такъ горды, такъ исполнены аристократизма, чтобы выразиться понѣжнѣе, что не хотите брать денегъ съ бѣднаго, простаго народа. Вы хотите, чтобы вамъ платили землею и казенными деньгами, церковными сборами, церковною собственностію. Вы не рѣшаетесь принимать вознагражденія за трудъ, какъ врачи и адвокаты. Вы скорѣе согласитесь умереть съ голоду, чѣмъ подвергнуться такому униженію.

— Это обширный вопросъ, миссъ Данстемблъ.

— Очень обширный; это значить, что лучше мнѣ за него не браться?

— Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать.

— Въ сущности это, мистеръ Робартсъ. Когда мнѣ дѣлаютъ такіе намеки, я ихъ понимаю. Вы, священники, любите приберегать эти обширные вопросы для вашихъ проповѣдей, когда никто не можетъ возражать вамъ. Если я желаю чего-нибудь отъ всей души, то лишь того, чтобы мнѣ позволили стать на кафедрѣ и прочесть проповѣдь.

— Вы не можете себя представить, какъ скоро прошла бы у васъ эта охота, еслибы вы только попробовали.

— Это зависело бы отъ того, какъ стали бы меня слушать. Не прошла же охота къ проповѣдямъ у мистера Спарджона.

Потомъ ея вниманіе было отвлечено какимъ-то вопросомъ мистера Соверби, и Маркъ Робартсъ счелъ долгомъ заговорить съ миссъ Проудл; но она не оказалась благодарнымъ субъектомъ, и Маркъ не добился отъ нея ничего, кромѣ односложныхъ отвѣтовъ.

— Вы знаете, что Гарольдъ Смитъ прочтетъ намъ лекцію объ австраляійскихъ островитянахъ, сказалъ ему мистеръ Соверби, когда послѣ обѣда мужчины остались одни за виномъ.

Маркъ отвѣчалъ, что онъ слышалъ объ этомъ и очень радъ, что будетъ однимъ изъ слушателей.

— Это ваша обязанность, потому что на слѣдующій день онъ будетъ слушать васъ,—или по крайней мѣрѣ, притворится, что слушаетъ,—большаго онъ и отъ васъ не можетъ требовать. Это будетъ страшная скука, то есть лекція, а не проповѣдь.—И онъ сталъ шептать на ухо своему другу:—Представьте себѣ: вѣхать десять миль въ темноту, и столько же миль назадъ, чтобы слушать, какъ Гарольдъ Смитъ два часа сряду будетъ разглагольствовать о Борнео. А это неизбежно.

— Я думаю, что это будетъ очень интересно.

— Мой милый другъ, вы не такъ часто подвергались этимъ штукамъ, какъ я. Но ему нельзя иначе; онъ избралъ себѣ такой путь для жизни, а когда человекъ принялся за дѣло, отступать не слѣдуетъ. Гдѣ былъ Лофтонъ все это время?

— Въ Шотландіи, когда я въ послѣдній разъ получилъ отъ него извѣстія. Но теперь онъ вѣроятно въ Мельтонѣ.

— Это съ его стороны скверно, что онъ охотится не у себя въ графствѣ. Этимъ онъ избавляетъ себя отъ слушанія лекцій, и отъ обязанности принимать къ себѣ своихъ сосѣдей. Этакъ не поступаютъ. Онъ понятія не имѣетъ о своихъ обязанностяхъ.

— Вѣдь все это дѣлаетъ за него леди Лофтонъ, какъ вамъ извѣстно.

— Я хотѣлъ бы, чтобы у меня была мистриссъ Соверби старшая, которая бы дѣлала все это. Къ тому же у этого счастливица нѣтъ управляющихъ, за которыми нужно было бы смотрѣть. Кстати, говорилъ онъ вамъ о продажѣ этого отдѣльнаго имѣньяца въ Оксфордширѣ? Оно принадлежитъ къ лофтонскому имѣнью, но не смежно съ нимъ. По моему, съ этою землею больше хлопотъ чѣмъ прибыли.

Лордъ Лофтонъ говорилъ съ Маркомъ объ этой продажѣ, объяснилъ ему, что эта жертва была совершенно необходима, вслѣдствіе нѣкоторыхъ денежныхъ обстоятельствъ между нимъ, лордомъ Лофтономъ, и вистеромъ Соверби. Но нашли неудобнымъ совершить эту операцію безъ вѣдома леди Лофтонъ, и ея

сынъ поручилъ мистеру Робартсу не только увѣдомить объ этомъ ея милость, но и уговорить ее, и успокоить ея гнѣвъ. Это порученіе онъ еще не пытался исполнить, и, по всей вѣроятности, его побѣдка въ Чальдикотъ не могла облегчить этого дѣла.

— Это самые великолѣпные острова земнаго шара, говоритъ Гарольдъ Смитъ епископу.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ епископъ, широко раскрывая глаза и выражая на своемъ лицѣ сильное участіе.

— И самый способный народъ.

— Да? отвѣчалъ епископъ.

— Имъ только не достаеетъ указаній, одобреній, образованія...

— И христіанства, подсказалъ епископъ.

— И христіанства, разумѣется, повторилъ мистеръ Смитъ, вспоминая, что онъ говоритъ съ духовнымъ сановникомъ. Къ такимъ людямъ, полагалъ мистеръ Смитъ, надо поддѣлываться. Не христіанству была предназначена воскресная проповѣдь, и оно не входило въ программу его лекцій.

— Но какъ-то вы приметесь за дѣло? спросилъ мистеръ Саппельгаусъ, стоявшій на томъ, чтобы во всемъ отыскивать затрудненія.

— Какъ мы примемся за дѣло? Приняться за дѣло очень легко. Труднѣе будетъ продолжать его, когда всѣ деньги будутъ издержаны. Мы начнемъ съ того, что объяснимъ имъ благодѣанія цивилизаціи.

— Прекрасно! сказалъ мистеръ Саппельгаусъ.— Но какъ же вы это сдѣлаете, Смитъ?

— Какъ мы это сдѣлаемъ? Какъ мы это сдѣлали съ Америкой и Австраліей? Критиковать легко. Но въ такихъ предпріятіяхъ главное—бодро приняться за дѣло.

— Мы послали своихъ воровъ въ Австралію, сказалъ Саппельгаусъ,—и они за насъ положили основаніе дѣлу. А что до Америки, то мы истребили тамошнія племена, вмѣсто того чтобы образовать ихъ.

— Мы не истребили жителей Индіи, запальчиво возразилъ Гарольдъ Смитъ.

— И не пытались обращать ихъ въ христіанство, что епископъ такъ основательно совѣтуетъ предпринять относительно вашихъ островитянъ.

— Саппельгаусъ, что вы съ нами дѣлаете? сказалъ мистеръ Соверби.—Вы заставляете Смита рассказывать впередъ свою лекцію, что невыгодно для него, а насъ слушать ее лишній разъ, что накладно для насъ.

— Саппельгаусъ принадлежитъ къ клѣткѣ, которая считаетъ мудрость Англій своею монополіей, сказалъ Гарольдъ Смитъ.—Но хуже всего въ нихъ то, что они говорятъ руководящими статьями.

— Это лучше, возразилъ мистеръ Саппельгаусъ,—чѣмъ говорить статьями не руководящими.

— Увижу ли я васъ у герцога на будущей недѣлѣ, мистеръ Робертсъ? сказалъ епископъ викарію, когда всѣ перешли въ гостиную.

У герцога? У этого врага барсетширскаго человѣчества, каковымъ леди Лофтонъ считала герцога? Нашему герою и въ голову не приходила мысль посѣтить герцога; онъ не думалъ также, чтобы такая мысль когда-нибудь пришла самому герцогу.

— Нѣтъ, милордъ, не думаю. Я нисколько не знакомъ съ герцогомъ.

— А! Я не зналъ. Мистеръ Соверби ѣдетъ туда; Гарольды Смиты, тоже ѣдутъ, и, кажется, также мистеръ Саппельгаусъ. Отличный человѣкъ этотъ герцогъ... то-есть, я хочу сказать по отношенію къ дѣламъ графства, спохватился епископъ, припоминая, что частная нравственность холостяка-герцога была далеко не безупречна.

Потомъ его милость сталъ освѣдомляться о дѣлахъ фремлейскаго прихода, при чемъ проглядывала и нѣкоторая любознательность относительно Фремле-Корта, какъ вдругъ его прервалъ рѣзкій голосъ, которому онъ тотчасъ повиновался.

— Епископъ! говорилъ этотъ рѣзкій голосъ, и епископъ поспѣшилъ черезъ всю комнату къ спинкѣ дивана, на которомъ сидѣла его жена.—Миссъ Данстеблъ думаетъ, что успеетъ захватить къ намъ дня на два, когда мы уѣдемъ отъ герцога.

— Я буду въ восторгѣ, сказалъ епископъ, низко кланаясь царицѣ общества.

Да будетъ извѣстно читателю, что миссъ Данстеблъ была никто иная, какъ единственная наследница этого многозначительнаго имени.

— Мистриссъ Проуди такъ любезна, что соглашается принять меня, съ моимъ пуделемъ, поугаемъ и съ моею любимницею старушкою.

— Я сказала миссъ Данстеблъ, что у насъ найдется мѣсто для всей ея свиты, сказала мистриссъ Проуди,—и что она не стѣснитъ насъ.

Любезный епископъ отвѣчалъ на это приличнымъ стишкомъ, и низко поклонился, приложивъ руку къ сердцу.

Въ то же время, мистеръ Фодергиллъ овладѣлъ Маркомъ Робертомъ. Мистеръ Фодергиллъ былъ землевладѣлецъ, былъ однимъ изъ магистратовъ графства, но главнымъ его занятіемъ было управленіе имѣніями герцога Омниума. Онъ не былъ собственно управляющимъ герцога; по крайней мѣрѣ онъ не получалъ жалованья въ этомъ качествѣ. Но онъ «хлопоталъ» за него,

дѣлалъ и принималъ визиты, писалъ письма, ѣздилъ по графству, суетился вовремя выборовъ, поддерживалъ популярность герцога, когда самому герцогу было некогда этимъ заниматься, и былъ вообще человѣкъ неопѣненный. Въ западномъ Барсетширѣ говорили, что безъ мистера Фодергилла, герцогъ совершенно бы пропалъ. И дѣйствительно, мистеръ Фодергиллъ былъ очень полезенъ герцогу.

— Мистеръ Робартсъ, сказалъ онъ,—я очень радъ, что встрѣтилъ васъ, очень, очень радъ. Я много слышалъ объ васъ отъ нашего общаго друга Соверби.

Маркъ поклонился, и отвѣчалъ, что онъ съ своей стороны очень радъ, что имѣлъ честь познакомиться съ мистеромъ Фодергилломъ.

— Герцогъ Омнiумъ, продолжалъ мистеръ Фодергиллъ, — поручилъ мнѣ передать вамъ, что онъ былъ бы очень радъ, если бы вы присоединились къ обществу, которое соберется у него на будущей недѣлѣ, въ Гадромскомъ замкѣ. Епископъ будетъ тамъ, да и весь здѣшній кружокъ. Герцогъ хотѣлъ было написать къ вамъ, узнавши, что вы будете въ Чальдикотсѣ; но тогда не все еще было устроено, и онъ предоставилъ мнѣ сказать вамъ, какъ счастливъ онъ будетъ познакомиться съ вами въ собственномъ его домѣ. Я говорилъ объ этомъ съ Соверби, продолжалъ мистеръ Фодергиллъ,—и онъ надѣется, что вы не откажетесь присоединиться къ намъ.

Маркъ почувствовалъ, что онъ покраснѣлъ, когда ему сдѣлали это предложеніе. Та партія въ графствѣ, къ которой онъ въ сущности принадлежалъ—онъ и его жена, и все, отъ чего зависѣло его счастье, его положеніе—смотрѣла на герцога Омнiума съ ужасомъ и враждою; и вотъ онъ получилъ приглашеніе въ домъ герцога! Ему предлагаютъ пріѣхать къ нему, въ числѣ другихъ друзей!

Съ одной стороны, онъ былъ недоволенъ этимъ приглашеніемъ, но съ другой онъ гордился имъ. Не всякій молодой человѣкъ, какого бы то ни было званія, можетъ получать предложенія дружбы отъ герцоговъ безъ нѣкотораго самодовольства. Къ тому же Маркъ и въ люди вышелъ черезъ знакомство съ знатью; а онъ конечно желалъ подняться еще выше. Я не хочу заклеивать его названіемъ подлипалы; но ему дѣйствительно сдалось, что самые удобные для шаговъ священника пути суть тѣ, которые проложены сильными міра сего.

Тѣмъ не менѣе, онъ сперва отказался отъ приглашенія герцога. Оно было ему очень лестно, сказалъ онъ, но обязанности по приходу призывали его прямо изъ Чальдикотса въ Фремлей.

— Не давайте мнѣ сегодня рѣшительнаго отвѣта, сказалъ ми-

стеръ Федергилъ.—Передъ концомъ недѣли, мы еще переговоримъ объ этомъ съ Соверби и съ епископомъ. Право, было бы очень жаль, позвольте мнѣ такъ выразиться, еслибы вы пренебрегли этимъ случаемъ познакомиться съ герцогомъ.

Ложась спать, Маркъ былъ еще намѣренъ не ѣхать къ герцогу. Но тѣмъ не менѣе, ему казалось, что въ самомъ дѣлѣ жаль упускать этотъ случай. Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, слушаться ему во всемъ этой леди Догтонъ?

ГЛАВА IV.

Дурныя желанія, безъ сомнѣнія, дѣло весьма не хорошее. Однако они свойственны всѣмъ намъ. Можно сказать, что стремленіе къ дурному составляетъ самую сущность зла, въ которое мы первоначально повергнуты паденіемъ Адама. Сознаваясь, что всѣ мы грѣшны, мы сознаемся, что у всѣхъ насъ есть дурныя желанія.

Честолюбіе великій порокъ, какъ давно уже сказалъ Маркъ Антоній;—великій порокъ, конечно, когда желаешь возвышенія только себѣ самому, а не другимъ. Но многіе ли изъ насъ свободны отъ такого порочнаго честолюбія?

И нѣтъ чувства болѣе низкаго, какъ желаніе знаться съ людьми важными, или, лучше, съ людьми важнаго сана; нѣтъ ничего хуже страсти къ титуламъ и поклоненія богатству. Мы всѣ это знаемъ и повторяемъ ежедневно. Но положимъ, что намъ открылся бы доступъ и въ кружокъ Паркъ-Лена, и въ кружокъ Бедфордъ-Роу, многіе ли изъ насъ предпочли бы Бедфордъ-Роу, по сознанию, что подло поклоняться титуламъ и богатству?

Я приведенъ къ этимъ, нѣсколько пошлымъ, замѣчаніямъ необходимостью найти какое-нибудь оправданіе тому состоянію духа, въ которомъ проснулся достопочтенный Маркъ Робартсъ на слѣдующее утро по пріѣздѣ своемъ въ Чальдикотсъ. Надѣюсь, что его духовное званіе не будетъ принято за основаніе судить его слишкомъ строго. Духовныя лица подвержены такимъ же страстямъ, какъ и другіе люди, и, сколько мнѣ извѣстно, почти такъ же часто, въ томъ или другомъ, уступаютъ имъ. По каноническимъ правиламъ, каждый членъ духовенства долженъ бы чувствовать себя нерасположеннымъ принять епископскій санъ; мы не дуемъ однакоже, чтобы въ большинствѣ нерасположеніе это было весьма сильно.

Первая мысль Марка Робартса, когда онъ проснулся въ упомянутое утро, устремилась на приглашеніе мистера Федергила. Герцогъ присылалъ нарочно сказать, какое необыкновенное удо-

вольствіе доставить ему, герцогу, знакомство со священникомъ Робартсомъ. Насколько это посланіе было сочинено самимъ мистеромъ Фодергиломъ, Маркъ Робартсъ не соображалъ.

Марку Робартсу достался приходъ въ такія лѣта, когда другіе еще только начинаютъ думать о мѣстѣ курата, и такой приходъ, какіе являются священникамъ среднихъ лѣтъ въ грезахъ сна земнымъ раемъ, гдѣ можетъ-быть удастся имъ провести послѣдніе годы старости. Само собою разумѣется, что онъ считалъ всѣ эти выгодныя обстоятельства естественнымъ слѣдствіемъ своихъ рѣдкихъ достоинствъ. Само собою разумѣется, что онъ ставилъ себя выше другихъ священниковъ по природной способности къ сближенію съ важными лицами, по благовоспитанности, по свѣтскому образованію, по всѣмъ дарованіямъ, необходимымъ для духовнаго поприща. Онъ былъ благодаренъ леди Лофтонъ за то, что она для него сдѣлала, но можетъ-быть менѣе благодаренъ чѣмъ бы слѣдовало.

Во всякомъ случаѣ онъ не слуга леди Лофтонъ, да и не въ зависимости отъ нея. Это онъ не однократно повторялъ себѣ, и даже намекалъ объ этомъ женѣ. Въ качествѣ приходскаго священника онъ долженъ быть самъ судьей своихъ поступковъ, а во многихъ случаяхъ его обязанность быть судьей поступковъ своей покровительницы. Что леди Лофтонъ доставила ему приходъ, это никоимъ образомъ не давало ей права судить его дѣйствія. Такъ говорилъ онъ не рѣдко самъ себѣ, и не рѣдко также говорилъ, что леди Лофтонъ сильно хотѣла бы присвоить себѣ это право.

Кому первые министры и вліятельные сановники предпочтительно даютъ мѣста епископовъ и декановъ? Не всегда ли тѣмъ священникамъ, которые окажутся способными удовлетворительно исполнять свои духовныя обязанности, и въ то же время занять приличное имъ мѣсто въ высшемъ обществѣ? Конечно, ему хорошо въ Фремле, но дальше Фремлея ему уже нечего и ожидать если онъ допуститъ леди Лофтонъ быть для себя пугаломъ. Оставляя въ сторонѣ леди Лофтонъ съ ея предрасудками, есть ли какая-нибудь причина не принять приглашенія герцога? Онъ такой причины не видалъ. Если кто-нибудь могъ судить объ этомъ лучше его самого, такъ ужь конечно епископъ. А епископъ, очевидно, желалъ, чтобъ онъ былъ въ замкѣ Гадромъ. Однако ему было предоставлено на волю—ѣхать, или не ѣхать. Мистеръ Фодергиль тщательно объяснялъ это, и слѣдовательно отъ него самого зависѣло рѣшиться окончательно на то, или на другое. Поездка будетъ стоить ему денегъ: онъ зналъ, что въ большихъ домахъ не гостятъ безъ расходовъ. Онъ ѣздилъ въ этомъ году

съ лордомъ Лофтономъ въ Шотландію. Можетъ-быть благоразумнѣе было бы теперь вернуться домой.

Но тутъ представилась мысль, что слѣдуетъ ему, какъ чело-вѣку и какъ священнику, вырваться изъ-подъ власти, которая, какъ онъ чувствовалъ, до нѣкоторой степени поработщаетъ его. Развѣ, въ сущности, не изъ страха передъ леди Лофтонъ, го-товъ онъ отказаться отъ приглашенія? А если такъ, то слѣдуетъ ли ему руководствоваться этимъ чувствомъ? Въ такомъ настроеніи всталъ онъ и одѣлся.

Въ этотъ день опять была охота; и такъ какъ охотники должны были сойдтись близъ Чальдикотса и травить нѣсколькихъ ли-сицъ, найденныхъ на опушкѣ лѣса, то предположено было дамамъ отправиться въ экипажахъ по просѣкамъ; а мистеру Робартсу сопровождать ихъ верхомъ. Въ сущности, это была одна изъ тѣхъ охотъ, которыя затѣваются болѣе для дамъ нежели для са-маго дѣла. Такая охота мученіе для степенныхъ охотниковъ среднихъ лѣтъ, но молодые люди любятъ ее, потому что имѣютъ случай показать свое охотничье щегольство и позволочиться немного во время ѣзды. Епископъ также намѣревался ѣхать; такъ по край-ней мѣрѣ говорилъ онъ наканунѣ вечеромъ, и ему было остав-лено мѣсто въ одномъ изъ экипажей; но потомъ онъ перегово-рилъ объ этомъ наединѣ съ мистриссъ Проуди, и за завтракомъ благородный лордъ объявлялъ, что раздумалъ. Мистеръ Соверби принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, про которыхъ извѣстно, что они очень бѣдны, какъ только можетъ быть бѣденъ чело-вѣкъ, опутанный долгами, но которые тѣмъ не менѣе пользуются всею роскошью, доставляемою деньгами. Думали, что онъ не сидитъ еще въ тюрьмѣ только благодаря своему званію члена парламента; и однако не было повидимому числа его лошадамъ, экипажамъ и прислугѣ. Онъ занимался этимъ искусствомъ жить въ долгъ уже много лѣтъ, а упражненіемъ, говорятъ, доходятъ до совер-шенства. Такіе товарищи очень опасны. Нѣтъ холеры, нѣтъ желтой лихорадки, нѣтъ осны заразительнѣе долговъ. Если живешь посто-янно въ кругу запутанныхъ людей, заразишься непременно. Никто не имѣлъ на своихъ ближнихъ болѣе роковаго вліянія въ этомъ отно-шеніи, какъ мистеръ Соверби. Но самъ онъ все продолжалъ идти своимъ путемъ; и вотъ въ это утро экипажи и лошади тѣснились у его дверей, какъ будто онъ такъ же основательно богатъ, какъ и другъ его, герцогъ Омнiумъ.

— Робартсъ, другъ мой, сказалъ мистеръ Соверби, когда они от-правились вдоль одной изъ просѣкъ, ибо мѣсто, гдѣ сходились собаки, было миляхъ въ четырехъ или въ шести отъ чальдикот-скаго дома,—поѣдемте со мною сію минуту. Мнѣ нужно бы съ вами поговорить, а если я отстану, то мы никогда не доберемса

до собакъ. И Маркъ, явившійся нарочно, чтобы сопровождать дамъ, поѣхалъ рядомъ съ мистеромъ Соверби въ своемъ розоватомъ сюртукѣ.

— Фодергилъ говоритъ, что вы нѣсколько колеблетесь, ѣхать ли вамъ въ Гадромскій замокъ.

— Да, конечно, я отказался. Вы знаете, я вѣдь не привыкъ къ такимъ развлечениямъ, какъ вы. У меня есть обязанности, которыми нельзя пренебрегать.

— Пустяки! сказалъ Соверби, и взглянулъ съ нѣсколько-насмѣшливою улыбкой въ лицо священнику.

— Вамъ легко говорить, Соверби! Да можетъ-быть я и не въ правѣ ожидать, чтобы вы поняли меня.

— Въ томъ-то и дѣло, что я васъ понимаю, и говорю: пустяки. Я бы ужъ конечно не сталъ смѣяться надъ вашею щепетильностію въ исполненіи обязанностей, еслибы вы дѣйствительно повиновались этому чувству; но признайтесь искренно: вѣдь вы сами знаете, что не въ этомъ сила?

— Такъ въ чемъ же?

— Вы знаете очень хорошо. Если вы упретесь въ своемъ отказѣ, такъ не потому ли, что боитесь разсердить леди Лофтонтъ? Не могу понять, что въ этой женщинѣ такого, что она водитъ и васъ, и самого Лофтонта на помочахъ.

Робартсъ, разумѣется, возставалъ противъ этого предположенія и утверждалъ, что онъ побѣдетъ домой вовсе не изъ какого-нибудь страха передъ леди Лофтонтъ. Но какъ ни горячо онъ, говорилъ онъ самъ чувствовалъ, что увѣренія его тщетны. Соверби только улыбнулся и замѣтилъ, что проба кушанья въ ѣдѣ.

— Для чего же и держать курата, если не для того чтобы избавиться отъ этой ламки?

— Отъ ламки! Да развѣ я былъ бы здѣсь теперь, еслибъ былъ способенъ тянуть ламку?

— Послушайте, Робартсъ: я говорю съ вами можетъ-быть слишкомъ дружески и нецеремонно; степень нашего знакомства, можетъ-быть, не даетъ мнѣ права на это. Но я старше васъ, я васъ уважаю, и мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы упустили выгодный случай, представляющійся вамъ.

— О! что до этого Соверби, то нечего кажется говорить, какъ дѣню я вашу доброту.

— Если вы не желаете ничего больше, продолжалъ свѣтскій человекъ, — какъ жить въ Фремлеѣ весь свой вѣкъ, и грѣться благосклонностію тамошней вдовствующей госпожи, ну, въ такомъ случаѣ вамъ можетъ-быть дѣйствительно бесполезно расширять кругъ своихъ знакомыхъ; но если у васъ есть стремленія повыше, то было бы, мнѣ кажется, великою ошибкой съ

вашей стороны упустить представляющийся случай побывать у герцога, особенно когда онъ самъ обращается съ вами съ такою учтивостію и предупредительностію.

— Повѣрьте, что я очень благодаренъ ему.

— Дѣло въ томъ, что вы можете, если захотите, приобрести популярность въ графствѣ, но это вамъ не удастся, если вы будете покоряться всѣмъ требованіямъ леди Лофтонъ. Положимъ, что она очень добрая и милая старушка.

— Она дѣйствительно очень добра, Соверби, вы бы сами убѣдились въ этомъ, еслибы только знали ее.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь; но намъ съ вами не годилось бы жить во всемъ согласно съ ея понятіями. Ну вотъ теперь, напримѣръ, епископъ будетъ въ числѣ гостей, и, кажется, онъ изъявляетъ желаніе, чтобъ и вы присоединились къ нимъ.

— Онъ спрашивалъ меня, ѣду ли я.

— Вотъ видите; и архидіаконъ Грантли тоже тамъ будетъ.

— Будетъ? спросилъ Маркъ: это обстоятельство имѣло для него великую важность, ибо архидіаконъ Грантли былъ близкій пріятель леди Лофтонъ.

— Такъ говорилъ мнѣ Фодергилъ. Право, очень не хорошо было бы съ вашей стороны не ѣхать; говорю вамъ прямо. А толковать о вашихъ обязанностяхъ, тогда какъ у васъ есть курать, пустяки!

Послѣднія слова онъ произнесъ, оглядываясь черезъ плечо, — и привставъ на стременахъ, онъ замѣлъ охотника, подѣзжавшаго къ нимъ съ своими собаками. Въ продолженіи большей части дня Маркъ ѣхалъ возлѣ мистриссъ Проуди, разлегшейся въ своей коляскѣ. Мистриссъ Проуди благосклонно улыбалась ему, хотя дочь ея не улыбалась.

Мистриссъ Проуди любила имѣть при себѣ священника, и такъ какъ мистеръ Робартсъ, очевидно, вращался въ хорошемъ обществѣ, въ кругу знатныхъ вдовъ, членовъ парламента и другихъ людей такого рода, то она съ удовольствіемъ возлагала на него временныя обязанности своего почетнаго капеллана.

— Знаете ли что мы рѣшили съ мистриссъ Гарольдъ Смитъ? сказала ему мистриссъ Проуди. — Чтеніе въ Барчестрѣ въ субботу будетъ такъ поздно, что хорошо бы всѣмъ вамъ собраться обѣдать у насъ.

Маркъ поклонился и поблагодарилъ; онъ объявилъ, что почтетъ великимъ счастіемъ присоединиться къ ихъ обществу. Даже леди Лофтонъ не могла бы ничего сказать противъ этого, хотя она не пигала особенной нѣжности къ мистриссъ Проуди.

— А потомъ все ночуютъ въ гостиницѣ. Дамамъ нельзя будетъ и думать ѣхать назадъ такъ поздно и въ это время года. Я

сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ и миссъ Данстеблъ, что для нихъ во всякомъ случаѣ найдется мѣсто у насъ. Но онѣ не хотятъ отдѣляться отъ другихъ дамъ, такъ и онѣ отправляются въ гостиницу на ночь. Но васъ, мистеръ Робартсъ, епископъ конечно не допуститъ остановиться въ гостиницѣ; такъ вы, разумѣется, ночуете во дворцѣ.

Марку тотчасъ пришло на умъ, что такъ какъ чтеніе назначено въ субботу вечеромъ, то слѣдующій день будетъ воскресенье, а въ воскресенье ему надо говорить проповѣдь въ Чальдикотсѣ.

— Я думалъ, что всѣ возвратятся въ тотъ же вечеръ, сказалъ онъ.

— Да, сначала думали; но видите ли, мистриссъ Смитъ боится.

— Такъ мнѣ придется возвращаться сюда въ воскресенье утромъ, мистриссъ Проуди.

— Ахъ! да! это не хорошо, очень не хорошо! никто не дорожитъ болѣе меня соблюденіемъ воскресныхъ дней. Но иногда человѣкъ бываетъ вынужденъ отступить отъ общаго правила, не правда ли, мистеръ Робартсъ? Вернуться въ Чальдикотсѣ въ воскресенье утромъ будетъ для васъ дѣломъ необходимости.

Такъ они и порѣшили. Мистриссъ Проуди вообще строго соблюдала день субботній; но въ отношеніяхъ къ такимъ лицамъ, какъ мистриссъ Гарольдъ Смитъ, прилично было показать нѣкоторую уступчивость.

— Вѣдь вы можете отправиться на зарѣ, если хотите, мистеръ Робартсъ, сказала мистриссъ Проуди.

Охота была не слишкомъ бѣгущая, но дамы провели время очень пріятно.

Мушны ѣздили взадъ и впередъ тропинками, по временамъ съ ужасною быстротой, будто никакъ не поспѣютъ куда-то; тогда и кучера ѣхали очень скоро, сами не зная зачѣмъ, ибо быстрое движеніе также принадлежитъ къ числу упомянутыхъ выше заразительныхъ болѣзней. Потомъ, когда лисица бросалась въ сторону и собаки сбивались, охотники ѣхали словно на похороны; тогда и экипажи двигались медленно и дамы вставали и разговаривали. Наконецъ наступило время завтракать, и вообще день прошелъ довольно пріятно.

— Такъ вотъ она, охота-то! сказала миссъ Данстеблъ.

— Да, вотъ охота, отвѣчалъ мистеръ Соверби.

— Я не видала, чтобы кто-нибудь изъ мушны сдѣлалъ что-нибудь такое, чего бы я сама не могла сдѣлать. Развѣ только, что одинъ молодой человѣкъ свалился съ лошади въ грязь; на это я бы не рѣшилась.

— А рукъ и ногу никто не ломалъ, такъ ли? сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ.

— И никто не затравилъ ни одной лисци, прибавила миссъ Данстебль. — Въ сущности, мистриссъ Смитъ, я такого же невысокаго мнѣнія о забавахъ мужчинъ, какъ и объ ихъ дѣлахъ. Послѣ этого я сама поѣду на охоту съ собаками.

— Прекрасно! а я буду вашимъ доѣзжачимъ.

— Любопытно бы знать, присоединится ли къ намъ мистриссъ Проуди.

— Я буду писать герцогу сегодня вечеромъ, сказалъ мистеръ Фодергилъ Марку, когда они въѣзжали вмѣстѣ въ дворъ конюшни. Вы позволите мнѣ сказать герцогу, что принимаете его приглашеніе, не правда ли?

— Герцогъ въ самомъ дѣлѣ очень добръ, сказалъ Маркъ.

— Онъ очень желаетъ съ вами познакомиться, увѣряю васъ, сказалъ мистеръ Фодергилъ.

Могъ ли молодой, вѣтреный обольщенный священникъ не сказать, что поѣдетъ? Маркъ сказалъ, что поѣдетъ, и въ теченіи вечера его пріятель, мистеръ Соверби поздравлялъ его; епископъ шутилъ съ нимъ, увѣряя, что знаетъ напередъ, что онъ не откажется такъ легко отъ хорошаго общества; а миссъ Данстебль говорила, что сдѣлаетъ его своимъ капелланомъ, какъ только парламентъ разрѣшитъ парфюмерамъ такую роскошь. Маркъ не понялъ этой шутки, пока не узналъ, что миссъ Данстебль — владѣтельница знаменитаго ливанскаго масла, изобрѣтеннаго ея многоуважаемымъ покойнымъ отцомъ, который посредствомъ патента на производство этой статьи совершилъ такіа чудеса для увеличенія своего состоянія. Мистриссъ Проуди совершенно присвоила себѣ Марка, толкуя съ нимъ о всевозможныхъ церковныхъ вопросахъ. А наконецъ даже и сама миссъ Проуди улыбнулась ему, узнавъ, что онъ удостоенъ ночлега въ епископскомъ дворцѣ. Казалось, весь свѣтъ растворился передъ нимъ. Но онъ не могъ принудить себя быть веселымъ въ этотъ вечеръ. На слѣдующее утро нужно писать къ женѣ, и онъ какъ будто уже видѣлъ тревожную грусть, которая выразится въ глазахъ его Фанни, когда она узнаетъ, что мужъ ея ѣдетъ въ гости къ герцогу Омнѣму. Нужно еще сказать ей, чтобъ она прислала денегъ; денегъ мало. А къ леди Лофтонъ писать, или не писать? И въ томъ, и въ другомъ случаѣ приходится объявить ей войну. А развѣ онъ не всемъ обязанъ леди Лофтонъ? Итакъ, несмотря на всѣ свои успѣхи, онъ легъ въ постель не въ веселомъ настроеніи духа.

На слѣдующій день, въ пятницу, онъ отложилъ непріятное

занятіе писанія письма: все равно, написать можно въ субботу; и въ субботу утромъ, передъ отъездомъ въ Барчестеръ, онъ дѣйствительно написалъ. Письмо было слѣдующаго содержания:

«Чальдикотсъ, ноябрь 185....»

«Милый другъ, ты удивишься, когда я скажу тебѣ какъ всѣмъ намъ здѣсь весело и какія увеселенія еще ожидаютъ насъ впереди. Арабиновъ, какъ ты предполагала, здѣсь нѣтъ; но семейство Проуди здѣсь, какъ ты тоже предполагала. Твои предположенія всегда вѣрны. Чтò ты подумаешь, если я скажу тебѣ, что ночую въ субботу въ епископскомъ дворцѣ? Ты знаешь, что въ этотъ день будетъ чтеніе въ Барчестерѣ. Такъ какъ читаетъ одинъ изъ нашихъ, Гарольдъ Смитъ, то всѣмъ намъ, разумѣется, слѣдуетъ ѣхать. Оказывается, что намъ нельзя воротиться въ тотъ же вечеръ, потому что нѣтъ луны; а милордъ-епископъ не хотѣлъ допустить, чтобы мое облаченіе было осквернено гостиницей—не правда ли какая внимательность съ его стороны?

«Но у меня есть для тебя еще болѣе изумительныя новости. На слѣдующей недѣлѣ большой сѣздъ въ замкѣ Гадромъ, и меня убѣдили принять приглашеніе, которое герцогъ прислалъ мнѣ лично. Я сначала отказывался; но всѣ здѣсь говорили, что это будетъ чрезвычайно странно, и всѣ доспрашивались причины. Когда пришлось отвѣчать, я не зналъ, какую найдти причину. Епископъ ѣдетъ, и онъ былъ очень удивленъ, что я не хочу ѣхать, когда меня приглашаютъ.

«Я знаю, чтò ты подумаешь, душа моя; знаю, что это будетъ тебѣ неприятно, и принужденъ отложить свое оправданіе до того времени, когда вернусь изъ этой страны людоѣдовъ, если только вырвусь живымъ отсюда. Но, безъ шутокъ, Фанни, я думаю что съ моей стороны было бы не хорошо отдѣлаться отъ всѣхъ, когда столько уже толковали объ этомъ. Это имѣло бы такой видъ, что я какъ будто приписываю себѣ право осуждать герцога. Сомнѣваюсь, чтобы во всемъ округѣ нашелся хоть одинъ священникъ, моложе пятидесяти лѣтъ, который не принялъ бы приглашенія при такихъ обстоятельствахъ; развѣ только одинъ Краули, который дошелъ до такой нелѣпой крайности, что считаетъ почти преступнымъ выйти, во время прогулки, за межу своего прихода.

Я принужденъ остаться въ замкѣ Гадромъ до слѣдующаго воскресенья; мы только въ пятницу ѣдемъ туда. Я написалъ Джонсу о приходскихъ дѣлахъ. Можно поручить ихъ ему, потому что онъ, я знаю, хочетъ ѣхать въ Вельвъ на Рождество. Тогда всѣ мои странствія кончатся, и я могу отпустить его мѣсяца на два, если ему угодно. Ты, не правда ли, возьмешь на себя

мои воскресные классы, за одно съ твоими?—только пожалуста смотри, чтобъ въ каминѣ былъ хорошій огонь. Если не справишься сама со всѣмъ этимъ, такъ отдай мальчиковъ мистриссъ Подженсъ. Вообще, мнѣ кажется, это было бы лучше.

• Ты, разумѣется, уведомишь леди Дофтонъ гдѣ я. Скажи ей отъ меня, что епископа, а также и еще одно важное лицо, едва ли не слишкомъ ужъ очернили. Не скажу впрочемъ, чтобъ они могли поврачиться ей. Объясни ей, что я счелъ себя почти обязаннымъ ѣхать къ герцогу. Я не нашелъ возможности отказаться подъ какии бы то ни было предлогами, изъ опасенія чтобъ этого не сочли дѣломъ партіи. Стали бы говорить, что я не могу ѣхать къ герцогу Омнїуму потому, что принадлежу къ приходу леди Дофтонъ. Я это предвидѣлъ, и не хотѣлъ этого.

• Оказывается, что мнѣ понадобится здѣсь до отъѣзда немного денегъ: фунтовъ пять, или десять, именно десять фунтовъ. Если у тебя нѣтъ лишнихъ, возьми у Девиса. Онъ мнѣ долженъ гораздо больше этой суммы.

• Да хранить тебя Богъ, душа моя. Поцѣлуй за меня моихъ милыхъ детей и передай имъ мое благословеніе. Твой навсегда

« М. Р. ».

Потомъ было написано на клочкѣ бумаги, обернутомъ во кругъ тѣсно исписаннаго письма: « Постарайся сколько возможно умиротворить замокъ. »

Какъ ни было сильно, разсудительно, неопровержимо письмо Марка, въ этой припискѣ выразилась вся его нерѣшительность, слабость и робость.

ГЛАВА V.

Мистриссъ Робартсъ сидѣла въ гостиной у каминна съ леди Мередитъ, когда принесла ей письмо мужа. Фремлейская почта была разобрана за завтракомъ, часъ тому назадъ, и леди Дофтонъ теперь, по обыкновенію, писала у себя въ комнатѣ письма и занималась своими дѣлами; ибо леди Дофтонъ сама вела счеты и знала толкъ въ дѣлахъ почты не хуже самого Гарольда Смита. Въ это утро она также получила письмо, которое доставило ей не мало неудовольствія. Отчего происходило это неудовольствіе, ни мистриссъ Робартсъ, ни леди Мередитъ не знали; но чело леди Дофтонъ омрачилось за завтракомъ; она сунула въ свой

мѣшокъ какое-то злоѣщее письмо, не говоря о немъ ни слова, и вышла изъ комнаты, какъ только кончился завтракъ.

— Что-то да не такъ, сказалъ сэръ Джорджъ.

— Мама такъ тревожится денежными дѣлами Лудовика, сказала леди Мередитъ. Лудовикъ былъ лордъ Лофтонъ, баронъ Лофтонъ Лофтонскій, въ графствѣ Оксфордширъ.

— Однако я не думаю, чтобы Лофтонъ очень запутался, сказалъ сэръ-Джорджъ, выходя изъ комнаты.

— Ну, Джости, такъ мы отложимъ отъѣздъ нашъ до завтра; но не забудь, что мы побѣдемъ съ первымъ побѣдомъ.

Леди Мередитъ отвѣчала, что не забудеть, и они пошли въ гостиную, и тутъ-то мистриссъ Робартсъ получила письмо отъ мужа, которое сдѣлало большой крюкъ, и пролежало нѣкоторое время въ ея кухнѣ, пока ея кухарка Джемима не приняла мѣръ для доставленія его въ замокъ.

Фанни, прочитавъ его, едва могла втолковать себѣ, что мужъ ея, фремлейскій священникъ, духовный другъ семейства Лофтонъ, ѣдетъ гостить къ герцогу Омнїуму. Въ Фремлейскомъ замкѣ было уже такъ принято, что герцогъ и все ему принадлежащее заслуживали всякаго осужденія. Онъ вигъ, онъ холостякъ, онъ игрокъ, онъ человѣкъ безнравственный во всѣхъ отношеніяхъ, онъ не держится никакого церковнаго ученія, онъ развратитель юношества, заклятой врагъ молодыхъ женъ, расточитель послѣдняго достоянія бѣдныхъ людей; человѣкъ, котораго матери должны опасаться за сыновей своихъ, сестры за братьевъ; хуже того: такой человѣкъ, котораго отцы имѣютъ причины опасаться за дочерей, а братья за сестеръ; словомъ, такой человѣкъ, у котораго рѣшительно не было и не могло быть ничего общаго съ леди Лофтонъ и со всѣмъ ее окружающимъ.

И не надо забывать, что мистриссъ Робартсъ вполне вѣрила всѣмъ этимъ дурнымъ отзывамъ. Возможно ли, что мужъ ея будетъ жить въ палатахъ Аполліона, укрываться подъ самымъ крыломъ Луцифера? Облако печали покрыло лицо ея, и она снова перечла письмо очень медленно, не опуская предательскаго пост-скриптума.

— О! Юстинія! сказала она наконецъ.

— Чтò? И ты получила дурныя вѣсти?

— Я не знаю, какъ и сказать тебѣ! Прочти ужъ лучше сама. И она подала леди Мередитъ посланіе своего мужа, удержавъ однакоже приписку.

— Чтò скажешь теперь леди Лофтонъ? воскликнула леди Мередитъ, вкладывая снова письмо въ конвертъ.

— Чтò дѣлать мнѣ, Юстинія? Какъ сказать ей?

И обѣ дамы принялись обдумывать вмѣстѣ, какъ бы имъ уни-

лостивить леди Лофтонъ. Леди Мередитъ совѣтовала своей пріятельницѣ отправиться домой, не сказавъ ни слова о страшныхъ проступкахъ мужа, и потомъ переслать письмо къ леди Лофтонъ:

— Мама никогда не узнаетъ, что ты получила его здѣсь, сказала леди Мередитъ.

Но мистриссъ Робартсъ на это не согласилась. Поступить такъ казалось ей трусостью. Она знала, что мужъ ея поступаетъ не хорошо; она чувствовала, что и самъ онъ это сознаетъ, но тѣмъ не менѣе она должна была защищать его. Какъ ни ужасна будетъ буря, пусть ужъ она разразится надъ ея головой. Она пошла прямо на верхъ и постучалась въ дверь леди Лофтонъ. Леди Мередитъ послѣдовала за нею.

— Войдите, сказала леди Лофтонъ, и голосъ ея звучалъ не ласково. Войдя, онѣ нашли ее за маленькимъ письменнымъ столомъ; она сидѣла опершись на руку головой, и письмо, полученное утромъ, лежало раскрытое передъ ней. Тутъ были даже два письма: одно отъ лондонскаго агента къ ней, а другое отъ ея сына къ этому агенту. Достаточно объяснить, что въ письмахъ этихъ говорилось о немедленной продажѣ отдѣльнаго участка земли, принадлежащаго Лофтонамъ въ Оксфордширѣ, о которомъ говорилъ мистеръ Соверби. Лордъ Лофтонъ говорилъ агенту, что дѣло это нужно покончить сразу, прибавляя, что, вѣроятно, пріятель его, Робартсъ, уже все растолковалъ его матери. Затѣмъ агентъ писалъ къ леди Лофтонъ, какъ и было необходимо; но, къ несчастію, леди Лофтонъ до сихъ поръ ни слова не слыхала обо всемъ этомъ.

Въ ея глазахъ продажа родоваго имѣнія была дѣломъ ужаснымъ; что молодой человѣкъ съ пятнадцатью или двадцатью тысячами годового дохода еще нуждается въ деньгахъ, это также ужасно; что сынъ ея не самъ писалъ ей — ужасно; и ужасно наконецъ, что ея любимецъ, священникъ, котораго она сдѣлала другомъ своего сына, замѣшанъ въ это дѣло, знаетъ объ этомъ, тогда какъ она не знаетъ, что онъ служитъ посредникомъ и помощникомъ сыну ея въ его проступкахъ. Все было ужасно, и леди Лофтонъ сидѣла съ мрачнымъ лицомъ и тревожнымъ сердцемъ. Что касается до нашего бѣднаго священника, мы можемъ сказать, что въ этомъ дѣлѣ онъ былъ совершенно невиненъ, кромѣ только того, что у него до сихъ поръ не доставало духу исполнить порученіе его пріятеля.

— Что такое, Фанни? сказала леди Лофтонъ, какъ только дверь отворилась:— я сошла бы черезъ полчаса, если тебѣ нужно было видѣться со мною, Юстинія.

— Фанни получила письмо и желаетъ поговорить съ вами тотчасъ же, сказала леди Мередитъ.

— Какое это письмо, Фанни?

У бѣдной Фанни сердце было на языкѣ; она держала письмо въ рукахъ, но еще не рѣшалась, показать ли его леди Лофтонъ, какъ оно есть.

— Отъ мистера Робартса, сказала она.

— Ну, онъ вѣроятно остается еще недѣлю въ Чальдинготсѣ. Чтò жь? Мнѣ все равно.—И голосъ леди Лофтонъ былъ не ласковъ: она все думала объ этой фермѣ въ Оксфордширѣ. Неблагоразуміе молодежи сильно огорчаетъ благоразуміе старшихъ. Не было женщины менѣе скупой, менѣе жадной, чѣмъ леди Лофтонъ, но продать часть стараго родоваго имѣнія значило для нея разстаться съ своею собственною плотью и кровью.

— Вотъ письмо, леди Лофтонъ; можетъ-быть вамъ лучше самимъ прочесть,—и Фанни подала ей письмо, опять удержавъ приписку. Она читала и перечитывала письмо это еще внизу, и не могла рѣшить, желалъ ли мужъ, чтобъ она показала его. По свойству доводовъ, ей показалось, что желалъ. Во всякомъ случаѣ онъ говорилъ за себя лучше чѣмъ она могла бы говорить за него: вѣроятно, лучше показать письмо.

Леди Лофтонъ взяла его, прочла; лицо ея становилось мрачнѣе и мрачнѣе. Она была настроена противъ писавшаго, прежде чѣмъ начала читать, и каждое слово болѣе и болѣе возбуждало ее противъ него.

— А! онъ ѣдетъ въ епископскій дворецъ; чтò жь? его дѣло выбирать себѣ друзей! Гаролдъ Смитъ съ ними! Какъ жаль, моя милая, что онъ не встрѣтилъ миссъ Проуди прежде васъ, онъ могъ бы сдѣлаться капелланомъ епископа. Замокъ Гадромъ! Какъ? Онъ ѣдетъ и туда? Въ такомъ случаѣ говорю вамъ прямо, Фанни, я отъ него отказываюсь!

— О! леди Лофтонъ! вы не сдѣлаете этого! произнесла мистриссъ Робартсъ со слезами на глазахъ.

— Мама! мама! не говорите такъ! вступилась леди Мередитъ.

— Но, другъ мой, чтò жь мнѣ дѣлать? Я принуждена такъ говорить. Вѣдь вы не желали бы, чтобъ я лгала вамъ, не правда ли? Человѣкъ долженъ самъ выбирать себѣ друзей, но онъ не можетъ жить съ людьми двухъ различныхъ разрядовъ, по крайней въ томъ случаѣ, если я принадлежу къ одному изъ нихъ, а герцогъ Омнiумъ къ другому. Очень важно, что епископъ ѣдетъ! Для меня нѣтъ ничего противнѣе лицемерiя!

— Въ этомъ нѣтъ лицемерiя, леди Лофтонъ.

— А я говорю, что есть, Фанни. Странно, право! отложить

свое оправданіе!» Къ чему мужу оправдываться передъ женой, если онъ поступаетъ прямо и честно? Его собственныя слова осуждаютъ его. «Не хорошо отдѣлаться ото всѣхъ!» Вы станете увѣрять меня, что мистеръ Робартсъ дѣйствительно считалъ своимъ долгомъ не отказываться отъ приглашенія? Я говорю, что это лицемеріе. Другаго названія у меня нѣтъ для этого.

Въ это время бѣдная, расплакавшаяся жена отирала слезыи приготовлялась дѣйствовать. Крайняя строгость леди Лофтонъ придала ей смѣлости. Она знала, что ея обязанность защищать мужа, когда на него такъ нападаютъ. Еслибы леди Лофтонъ была умѣреннѣе въ своихъ замѣчаніяхъ, мистриссъ Робартсъ не нашлась бы отвѣчать ни слова.

— Можеть-быть вы составили себѣ ложное мнѣніе о моемъ мужѣ, сказала она: — онѣ не лицемеръ.

— Такъ, моя милая, вамъ конечно лучше знать; но по моему, это очень похоже на лицемеріе. Чтò скажешь, Юстинія?

— О! мама! удержитесь Бога ради!

— Удержаться! Все это прекрасно! Но можно ли удержать свое чувство, когда намъ измѣняютъ?

— Вы не думаете, однакожъ, что мистеръ Робартсъ измѣнилъ вамъ? сказала жена.

— О нѣтъ! конечно нѣтъ! И она продолжала читать письмо: «имѣлобы видѣ, будто я приписываю себѣ право осуждать герцога.» Развѣ подѣ тѣмъ же самымъ предлогомъ онъ не могъ бы отправиться куда угодно, хотъ въ самый опозоренный домъ Англіи? Въ этомъ смыслѣ мы всѣ должны судить другъ друга. «Крауд!» Да! Еслибъ онъ немножко болѣе былъ похожъ на мистера Крауди, это было бы хорошо и для меня, и для прихода, да и для васъ также, моя милая. Богъ прости мнѣ только, что я дала ему здѣсь мѣсто!

— Леди Лофтонъ! Вы очень строги къ нему; очень строги. Я не ожидала этого отъ такого друга, какъ вы.

— Вы достаточно знаете меня, и могли быть увѣрены, что я буду говорить, какъ думаю. «Писалъ къ Джонсу»; да, не трудно написать бѣдному Джонсу. Лучше бы ужъ написать Джонсу, чтобъ онъ всѣ дѣла взялъ на себя. Тогда ничто не мѣшало бы мистеру Робартсу сдѣлаться домашнимъ капелланомъ герцога.

— Мнѣ кажется, мужъ мой исполняетъ свою обязанность не хуже другихъ въ епархіи, сказала мистриссъ Робартсъ, снова расплакавшись.

— А вамъ приходится брать на себя это занятіе въ школѣ; вамъ и мистриссъ Подженсъ. Курагъ, да жена, да мистриссъ

Подженсь, и прекрасно! Я не вижу, зачѣмъ бы ему возвращаться.

— О, мама! сказала Юстинія:—прошу васъ не будьте такъ рѣзки съ нею.

— Дай мнѣ докончить, другъ мой. А! вотъ и обо мнѣ: «увѣдомишь леди Лофтонъ, гдѣ я...» Онъ не предполагалъ, что вы покажете мнѣ это письмо.

— Не предполагалъ? сказала мистриссъ Робартсъ, протягивая руку, чтобы взять его назадъ, но тщетно:—я думала, что лучше показать, право думала, что лучше!

— Теперь ужъ все равно: позвольте мнѣ докончить. Что такое? Какъ смѣетъ онъ посылать мнѣ такія наглыя шутки? Дѣйствительно, я не думаю, чтобы докторъ Проуди могъ понравиться мнѣ; я никогда этого не предполагала. «Счелъ себя почти обязаннымъ ѣхать!» Ну, еслибъ я сама не прочла этого, я никогда бы не повѣрила, что онъ способенъ на что-нибудь подобное! «Что не могу ѣхать къ герцогу Омнѣуму, потому что принадлежу къ приходу леди Лофтонъ...» Я бы именно и желала, чтобы такъ говорили. Люди, годные для моего прихода, не должны быть годны для дома герцога. Я надѣялась, что въ немъ-то это чувство будетъ сильнѣе чѣмъ въ комъ-либо другомъ. Я была обманута, вотъ и все!

— Онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы обмануть васъ, леди Лофтонъ.

— Дай Богъ, чтобы онъ и васъ не обманулъ, другъ мой! «Понадобится немного денегъ...» Да, очень вѣроятно, что ему теперь понадобятся деньги. Вотъ вамъ письмо, Фанни. Очень жалѣю! Мнѣ нечего больше сказать.

Она сложила письмо и отдала его мистриссъ Робартсъ.

— Я думала, что слѣдуетъ показать вамъ это письмо, сказала мистриссъ Робартсъ.

— Это ужъ все равно; вѣдь надобно же было меня увѣдомить.

— Онъ именно проситъ меня объ этомъ.

— Да; было бы довольно трудно скрыть отъ меня это. Онъ броситъ свое дѣло и отправится жить съ игроками и развратниками, а я чтобы этого не узнала!

Тутъ мѣра переполнилась для Фанни Робартсъ. Услышавъ эти слова, она забыла, что для нея леди Лофтонъ, забыла о леди Мередитъ, и помнила только о своемъ мужѣ, помнила, что онъ ей мужъ и, не смотря на всѣ свои недостатки, добрый и любящій мужъ; помнила также и то обстоятельство, что она жена его.

— Леди Лофтонъ, сказала она, — вы забываетесь; можно ли такъ говорить со мною о моемъ мужѣ!

— Какъ! воскликнула леди Лофтонъ:—вы показываете мнѣ такое письмо, а я не должна говорить вамъ, что я думаю!

— Не должны, если думаете такъ несправедливо. Вы не въ правѣ употреблять при мнѣ такихъ выраженій, и я не хочу ихъ слышать.

— Вотъ какъ!

— Хорошо, или дурно онъ дѣлаетъ, что ѣдетъ къ герцогу Омньюму,—не мнѣ судить. Онъ самъ судья своихъ поступковъ, а не вы и не я.

— А когда онъ оставитъ васъ съ незаплаченнымъ долгомъ мяснику и безъ денегъ на башмаки, кому тогда придется судить объ этомъ?

— Не вамъ, леди Лофтонъ. Еслибы настали такіе тяжелые дни,—а ни вы, ни я не въ правѣ ожидать ихъ,—я не пришла бы къ вамъ въ моемъ горѣ, послѣ всего этого ужъ конечно не пришла бы.

— Прекрасно! Вы можете отправиться къ герцогу Омньюму, если вамъ пріятнѣе.

— Фанни, пойдемъ! сказала леди Мередитъ. — Зачѣмъ раздражать маменьку?

— Я не хочу раздражать ее; но я не дамъ оскорблять его, я не могу не заступиться за него. Кому же и защищать его; если не мнѣ? Леди Лофтонъ говорила о немъ ужасныя вещи, и говорила неправду!

— О Фанни! воскликнула Юстинія.

— Хорошо, хорошо, сказала леди Лофтонъ,—вотъ вамъ людская отплата.

— Не понимаю, о чемъ вы говорите, леди Лофтонъ; но неужели вы хотѣли бы, чтобъ я стояла молча, когда при мнѣ говорить такія вещи о моемъ мужѣ? Онъ живетъ не съ такими людьми, какихъ вы называли. Онъ не пренебрегаетъ своею обязанностію. Было бы хорошо, еслибы всѣ священники такъ рѣдко оставляли свой приходъ, какъ онъ. И къ тому же онъ ѣдетъ къ герцогу Омньюму вмѣстѣ съ епископомъ.

— Особенно, если епископъ стоитъ на ряду съ самимъ дьяволомъ, какъ ставить его мистеръ Робартсъ, сказала леди Лофтонъ.—Онъ можетъ присоединиться съ нимъ къ герцогу, и тогда они представятъ собою трехъ Грацій. Не такъ ли, Юстинія?—И леди Лофтонъ засмѣялась короткимъ и горькимъ смѣхомъ своей собственной остротѣ.

— Я думаю мнѣ можно теперь идти, леди Лофтонъ?

— О! конечно, моя милая.

— Мнѣ жаль, если я рассердила васъ; но я не смогу ни передъ кѣмъ, кто будетъ говорить дурно о мистерѣ Робартсѣ. ^{Ты}

были очень несправедливы къ нему, я не могу не сказать этого, хотя бы вы и разсердились на меня.

— Послушайте, Фанни, это уже слишкомъ, сказала леди Лофтонъ.— Вотъ ужъ полчаса какъ вы меня браните за то, что я не радуюсь новой дружбѣ, которую свелъ вашъ мужъ, и теперь вы готовитесь начать сызнова. Этого я не въ силахъ вынести. Если вамъ ничего болѣе не нужно сказать мнѣ, то лучше ужъ оставьте меня.

Когда леди Лофтонъ говорила это, лицо ея было непреклонно-строгое и жестко.

Никогда до сихъ поръ мистриссъ Робартсъ не слыхала такихъ словъ отъ своей старой пріятельницы; никогда не слыхала она ничего подобнаго отъ кого бы то ни было, и она не знала, какъ держать себя.

— Хорошо, леди Лофтонъ, сказала она,— я пойду. Прощайте.

— Прощайте, отвѣчала леди Лофтонъ, и, обернувшись къ столу; начала собирать свои бумаги. Фанни прежде никогда не уходила домой изъ Фремле-Корта безъ теплаго поцѣлуя. Теперь ей даже не протаскивали руки на прощанье. Неужели между ними въ самомъ дѣлѣ дошло до ссоры, до ссоры непримиримой?

— Фанни уходитъ, вы знаете, мама, сказала леди Мередитъ.—

Она будетъ уже дома прежде чѣмъ вы сойдете внизъ.

— Чтѣ же дѣлать, другъ мой? Фанни вольна поступать, какъ ей угодно. Не мнѣ судить ея поступки. Она сію минуту сказала мнѣ это.

Мистриссъ Робартсъ не говорила ничего подобнаго; но чувство гордости запрещало ей вступать въ объясненія. Итакъ, она вышла легкимъ шагомъ изъ дверей, и леди Мередитъ, попытавъ съ матерью примирительный шепоть, пошла за нею.

Увы! шепоть этотъ былъ совершенно бесполезенъ.

Обѣ женщины молча сошли съ лѣстницы; но войдя снова въ гостиную, онѣ съ тупымъ ужасомъ взглянули въ лицо другъ другу. Чтѣ имъ теперь дѣлать? Они не предполагали и возможности такой трагической развязки. Неужели въ самомъ дѣлѣ Фанни Робартсъ оставитъ домъ леди Лофтонъ отъявленнымъ врагомъ,— Фанни Робартсъ, которая и до замужства и послѣ была принята въ этомъ домѣ почти какъ дочь?

— О! Фанни! зачѣмъ ты такъ отвѣчала моей матери? сказала леди Мередитъ.— Ты видѣла, что она раздражена. У ней много и другихъ неприяностей, кромѣ исторіи съ мистеромъ Робартсомъ.

— А развѣ ты смолчала бы, еслибы кто-нибудь сталъ нападать на сэръ-Джорджа?

КНИЖКИ РУССКАГО ВѢСТНИКА выходятъ ежемѣсячно; СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ еженедѣльно, по четвергамъ.

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* принимается

НА 1861 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и Въ книжной лавкѣ г. Базунова, на К^о, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загражскаго, и у Другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ книжной лавкѣ г. Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Бигельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редацію *Русскаго Вѣстника*, въ Москву.

Цена за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ и СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкою и доставкою на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ СЕРЕБРЯМЪ.

Заграничные обращаются въ берлинскій почтамтъ. Цена съ пересылкою есть мѣста Нѣмецкаго Таможеннаго и Почтоваго Союзу въ 5 грошей 3 пфеннига.

Печатать позволяется.

Февраля 3-го. Цензоръ А. Петровъ.

Н. Гиллровъ-Платоновъ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

511094

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

1861

ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНІЕ

✓ I.—ЯДВИГА И ЯГЕЛЛО.	П. К. ШЕБАЛЬСКАГО.
✓ II.—ОКСФОРДСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.	М. М. ВОЛЬСКАГО.
✓ III.—РОБЕРТЪ ПУМАНЪ. (Окончаніе).	Н. Ф. ХРИСТИАНОВИЧА.
✓ IV.—ЧУЖОЕ ИМЯ, романъ въ 3-хъ частяхъ, часть вторая, гл. I—III.	Н. Д. АХШАРУМОВА.
V.—НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ УГОЛОВНЫХЪ СЛѢДСТВІЯХЪ.	Н. П. ПОЛОЗОВА.
VI.—ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ. I. Физиономіи и силы.	А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА.
VII.—БОЛЬШІЯ ОЖИДАНІЯ. Романъ Чарльза Диккенса. Гл. I—VII.	
VIII.—ДВА МѢСЯЦА ВЪ ЛИВОРНО.	Кв. Д. Д—Ц—АГО.
✓ IX.—ИСПЫТАНІЕ. Драматическія сцены.	Ив. М—А.
X.—НА КЛАДБИЩѢ. Стихотвореніе.	В. ВЕРДЕРЕВСКАГО.
XI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ. (См. на оборотъ.)	

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

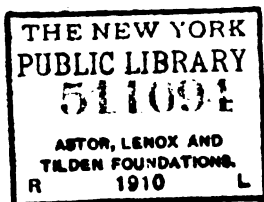
- Фремлейскій приходъ. Романъ Треллопа. Переводъ съ англійскаго.
Гл. V—IX.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

ЯДВИГА И ЯГЕЛЛО

Szainocha. Jadwiga i Jagiello.

Во второй разъ уже представляю я русской публикѣ статью изъ исторіи Польши, составленная по польскимъ писателямъ ¹. Занимаясь русскою исторіей, я увидѣлъ настоятельную необходимость связать изученіе ея съ изученіемъ народа намъ единоплеменнаго, котораго судьбы такъ часто и такъ тѣсно бывали связаны съ нашими, а историческіе писатели котораго, хотя бѣ иногда и пристрастные и односторонніе, очень часто дополняютъ и исправляютъ свѣдѣнія, почерпаемыя нами изъ нашихъ отечественныхъ источниковъ.

Ничего не можетъ быть, противоположнѣе судьбы этихъ двухъ странъ и выработанныхъ ими историческихъ началъ; но въ то же время до нашихъ временъ въ нихъ чувствуется единство ихъ первобытнаго, ихъ племеннаго типа: это два могущественные побѣга, пошедшіе отъ одного корня,—одинъ вправо, другой влево, одинъ къ востоку, другой къ западу, двѣ судьбы, дополняющія одна другую, указывающія одна другою на взаимные ихъ недостатки и преимущества.

---

¹ См. *Отеч. Зап.* 1860 № 11.

Доисторическое состояніе племень, образовавшихъ русское государство и тѣхъ, изъ которыхъ составилось польское, — на сколько по крайней мѣрѣ мы ихъ знаемъ, — чрезвычайно сходно; и тутъ, и тамъ земледѣльцы, общинное пользование земель, сильное развитіе родственныхъ отношеній, патриархальное господство родоначальника, простодушная демократія въ отношеніяхъ между частными людьми. Доказывать все это относительно Россіи было бы излишнимъ передъ русскими читателями; касательно же Польши не бесполезно, можетъ-быть, напомнить для примѣра легенду о Попелѣ и Пястѣ. Попелъ былъ государь или князь польскій, если вѣрить преданію, въ доисторическія времена. Къ нему пришли однажды два пилигрима и не были имъ приняты; затѣмъ они поступались къ колеснику Пясту, и тотъ отворилъ имъ дверь. У него былъ семейный праздникъ, на которомъ присутствовалъ и князь Попелъ, и тутъ же отравилъ своихъ дядей, которыхъ совмѣстничества опасался. Изъ труповъ этихъ несчастныхъ родилась стая крысъ, которая съѣла убійцу; владѣтельный домъ прекратился, а народъ, собравшись на сходку, избралъ государемъ Пяста-колесника, который въ это время плылъ по озеру и везъ медь изъ своего пчельника. Конечно, нельзя придавать вѣры этому преданію; исторія о крысахъ повторяется въ германскихъ легендахъ и можетъ-быть перешла на польскую почву изъ Германіи; но нельзя отрицать, что государь, пирующій у колесника на его семейномъ праздникѣ, что колесникъ этотъ, избираемый въ государи, изъ пчельника попадающій на престолъ, и наконецъ, что народная сходка, рѣшающая вопросъ о престолонаслѣдіи, суть драгоценныя характеристическія черты, проливающія яркій свѣтъ на бытъ доисторической Польши. Около тысячи лѣтъ прожила Польша какъ самостоятельное государство, и въ этотъ длинный періодъ времени далеко ушла, много уклонилась отъ древняго своего демократическаго первообраза, но въ ней уцѣлѣли избирательное начало, сходки или сеймы, рѣшеніе дѣлъ міромъ и страстное стремленіе къ демократическому равенству между шляхтою.

Мы не имѣемъ въ Россіи ни столь древняго, ни столь характеристическаго преданія; но кажется не подлежитъ сомнѣнію, что до прибытія Варяговъ бытъ нашъ былъ патриархально демократическій, и что выборное начало, удержавшееся донинѣ, сходка и чуждый аристократическому началу народный духъ, возникли и у насъ не позднѣе царя колесника. Впрочемъ, я ни-

какъ не намѣренъ, да и не беру на себя проводить параллель между исторіей и особенно бытомъ русскаго и польскаго народа: дѣло это потребовало бы громадной учености, да едва ли оно и возможно при нынѣшнемъ состояніи исторической науки у насъ; читая сочиненіе, хотя бы одного Шайнохи, предлагаемое здѣсь въ извлеченіи, всякій и самъ вѣроятно не разъ замѣтитъ родственныя черты Польши и Россіи. Напримѣръ въ описаніи стариннаго Кракова нельзя не вспомнить нашихъ древнихъ городовъ, съ ихъ широкою «усадебною постройкой», съ ихъ болѣе сельскимъ нежели городскимъ видомъ.

А между тѣмъ, повторяю, какое различіе въ судьбѣ и великихъ основныхъ началахъ, выработанныхъ жизнію двухъ главныхъ славянскихъ племенъ! На польскомъ побѣгѣ общеславянскаго дерева очень рано стали прививаться западно-европейскія понятія. Съ конца IX вѣка Польша начинаетъ дѣлаться католическимъ государствомъ; старинное, еще не написанное, обычное право начинаетъ измѣняться подъ вліяніемъ права каноническаго и городского магдебургскаго; толпы Нѣмцевъ проникаютъ въ Польшу и составляютъ преобладающее населеніе городовъ, особенно въ западныхъ ея провинціяхъ; онѣмеченіе Богеміи, Моравіи, Силезіи, Помераніи, глубоко отразилось и на единоплеменныхъ имъ земляхъ, образовавшихъ польское государство. Паны, императоры, бранденбургскіе маркграфы, прусскіе рыцари, имѣли на нее постоянное глубокое вліяніе, вмѣшиваясь во всѣ смуты, которыми такъ богата польская исторія со смерти Болеслава Храбраго (или Великаго) до Ягеллы. Со вступленіемъ этого послѣдняго государя на польскій престолъ литовско-русское вліяніе могло бы нейтрализовать преобладаніе запада, но уже было поздно: оно пустило слишкомъ глубокіе корни. Литва и западная Русь сами отчасти подчинились ему.

А между тѣмъ, на Россію легло тяжелымъ гнетомъ господство Монголовъ; азіатскій отпечатокъ врѣзался въ народные нравы, въ домашнюю жизнь, въ отношенія правительства къ народу. При такихъ условіяхъ мы естественно не могли получить нравственнаго перевѣса надъ нашими сосѣдями. Въ Россіи складывалось государство по азіатской формѣ: могло ли оно дѣйствовать путемъ моральнаго вліянія на Польшу, гдѣ хотя и со многими чрезмѣрностями, пустила корни европейская цивилизація, и гдѣ понятіе о личной свободѣ

(однихъ конечно шляхтичей) было несравненно сильнѣе нежели во всей остальной Европѣ, во всемъ тогдашнемъ мірѣ?

Вотъ здѣсь-то именно, и начинается та глубокая рознь, которая отличаетъ судьбы польскаго народа отъ судебъ народа русскаго. Велѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, которыя перечислять было бы излишне, и которыя отчасти читатель найдетъ въ книгѣ Шайнохи, въ Польшѣ образовалось могущественное, многочисленное шляхетское сословіе, сила, имѣвшая многія условія западной аристократіи, и передъ которою постепенно ослабѣваетъ верховная власть. Простанородье придавлено, городское сословіе теряетъ старинныя свои права, которыми оно отчасти пользовалось еще при Лудовикѣ Венгерскомъ, и даже при первыхъ Ягеллонахъ; но за то дворянство, въ связи съ національнымъ духовенствомъ, организуется въ сословіе необыкновенно сильное, въ рукахъ котораго заключается законодательная и судебная и административная власть, военное могущество и превосходство просвѣщенія. Въ такомъ видѣ, съ такимъ устройствомъ, Польша прожила болѣе 250 лѣтъ, — и это было временемъ ея величайшей славы, вѣшняго могущества и относительнаго внутренняго благосостоянія. Еслибъ эта полноправность, эта личная и политическая свобода, которыми пользовалось одно сословіе, начали спускаться къ низу, на массу земскаго и городскаго народонаселенія, исторія Польши была бы самая блестящая исторія въ мірѣ; она, можетъ-быть, опередила бы Англію; но дальнѣйшія событія, въ ней совершавшіяся, несутъ совершенно противоположный характеръ: свобода и полноправность стали подниматься къ верху, изъ среды шляхетства стали выдѣляться болѣе богатые, болѣе именитыя фамиліи, около которыхъ группировалась обдѣнявшая, измельчавшая шляхта; государственныя должности и сопряженные съ ними нравственныя и матеріальныя преимущества сдѣлались наследственными въ этихъ немногихъ фамиліяхъ, которыя начали украшать себя титулами, покупаемыми за границею; шляхетское равенство, или, какъ говорятъ польскіе писатели, «шляхетская демократія» нарушилась; единственно живая часть народонаселенія Польши раздѣлилась на отдѣльныя группы; государственное единство разстроилось. Необходимо замѣтить при этомъ, что эти группы не имѣли ничего сходнаго съ политическими партіями, которыя въ это же время начинаютъ возникать въ Англіи: тамъ соединялись между собою люди, имѣвшіе одинаковыя политическія или религи-

озныя убѣжденія; они группировались вокругъ извѣстнаго принципа, подъ знаменемъ торизма или вигизма, вокругъ католической хоругви или протестантскаго престо, за прогрессъ, представляемый Кромвелемъ, или за преданіе, олицетворяемое Стюартами, но во всякомъ случаѣ тѣми и другими руководила идея, глубоко коренившаяся въ исторіи, и въ потребностяхъ настоящаго, въ живомъ, хотя и различно понимаемомъ, чувствѣ общественнаго блага. Въ Польшѣ, начиная съ XVII вѣка, было къ сожалѣнію совершенно другое; тамъ партіи почти никогда не представляли какого-нибудь соціальнаго принципа; люди, ихъ составлявшіе, были ничего болѣе какъ партизаны и личные друзья, а еще чаще нахлѣбники Вишневскаго или Сапѣги, Радзивилла или Любомірскаго.

Не болѣе оказывается политическаго смысла и въ отношеніяхъ этихъ партій къ верховной власти. Опьяненные свободою и преимуществами, которыми издавна справедливо гордилась польская шляхта передъ дворянствомъ всей Европы, польскіе магнаты, вожди тамошнихъ партій, легкомысленно касались тѣхъ правъ короны, безъ которыхъ невообразима не только верховная власть, но какой бы то ни было политическій или общественный центръ, и если съ этой стороны обнаруживалось хоть малѣйшее сопротивленіе, они прекращали дѣйствіе правительственной машины, «сзывали сеймы», поднимали «конфедерацію», начинали междуусобіе и, что составляетъ ничѣмъ не оправдываемое политическое преступленіе, взывали къ помощи иностранныхъ государей. Столько же справедливы, сколько и горьки слова знаменитаго Яна Собѣскаго, сказанныя имъ при одномъ изъ подобныхъ случаевъ: «Тамъ, гдѣ позволено отваживаться на все противъ царствующаго государя, гдѣ воздвигаютъ алтарь противъ алтаря, гдѣ обращаются къ чужимъ богамъ, предъ взоромъ Бога истиннаго, тамъ уже близокъ громъ небесной кары! Еще сорокъ дней, воскликнулъ онъ словами пророка, и Ниневія будетъ разрушена!» И она была дѣйствительно разрушена, или, правильнѣе, она сама разрушилась, распалась на части: центра не было, ничто не связывало частей нѣкогда плотнаго цѣлаго, магнаты разрывали его врознь, а народъ, угнетенный и раздавленный, смотрѣлъ на это безъ малѣйшаго участія, и проходящимъ оставался легкій трудъ пагнуться и подобрать.

Если теперь мы отведемъ глаза отъ Польши и однимъ

быстрымъ взглядомъ окинемъ судьбы другой великой вѣтви славянскаго племени, какую разницу, какую рѣзкую противоположность мы увидимъ! Въ то время, какъ въ Польшѣ блистательно царствовала между шляхтою личная и гражданская свобода, когда подъ ея благодѣтельнымъ вліяніемъ распространилось просвѣщеніе; когда на сеймахъ гремѣло политическое краснорѣчіе (еще не извѣстное въ Англіи), Іоаннъ III и IV проводили надъ Россіей уровень своего деспотизма. Изъ отжившей удѣльной системы могла, казалось, выработаться сильная аристократія; по крайней мѣрѣ для этого существовали всѣ задатки: Рюриковичи не могли, конечно, да и не должны были имѣть ни права, ни силы, чтобы воевать одинъ на одинъ съ государемъ Московскимъ, но ихъ преданія представляли глубокую историческую почву для дальнѣйшаго ихъ существованія; ихъ владѣнія, лишенные, правда, политической самобытности, могли обратиться въ обширныя частныя имущества, посредствомъ которыхъ они могли бы войти въ тѣсную связь съ земствомъ всей страны, и отечество наше могло, казалось бы, въ эту минуту выступить на тотъ путь, по которому возможно и желательно развитіе гражданскаго общества. Этотъ моментъ былъ потерянъ. Какъ нѣкогда противъ Батыя, такъ и теперь противъ Іоанновъ, Рюриковичи не умѣли стать дружнымъ твердымъ союзомъ, и старинная басня Езопа повторилась: разрозненные прутья были переломаны по одиначкѣ, пожжены на кострахъ, потоплены въ прорубяхъ, посѣчены палачами, выметены съ старымъ соромъ! Дверь для европейской цивилизаціи была крѣпко захлопнута въ Россію, и когда, спустя много времени, геркулесовская рука Петра I начала отпирать эту дверь, самъ народъ привалился къ ней плечомъ и не давалъ отворять ее.

Конечно, въ XVIII вѣкѣ замыслы Голицыныхъ и Долгоруковыхъ при императрицѣ Аннѣ, претензіи новыхъ графовъ и князей временъ Елисаветы и Екатерины II, уступаютъ въ отсутствіи политическаго инстинкта лишь нѣсколькимъ современнымъ намъ защитникамъ сословныхъ привилегій, которые въ толстыхъ рукописяхъ и въ заграничныхъ брошюрахъ выкраиваютъ для Россіи невозможныя устройства. Но чтò послѣ превратилось въ нелѣпость, то четыреста лѣтъ тому назадъ было бы, повторяемъ, великимъ благомъ для нашего отечества... еслибы не сдѣлалось, какъ въ Польшѣ, величайшимъ изъ бѣдствій. Во всякомъ случаѣ замѣчательно то, что два великіе,

какъ мы сказали, побѣга славянскаго корня страдали въ своемъ историческомъ развитіи діаметрально противоположными недостатками: Польша — чрезмѣрнымъ развитіемъ индивидуализма и чудовищнымъ преобладаніемъ частей надъ центромъ, Россія — поглощеніемъ личности государствомъ и совершеннымъ отсутствіемъ самостоятельной аристократіи; первая — избыткомъ центробѣжной, послѣдняя — чрезмѣрностію центровлекающей силы.

Повидимому, однакожь, при нашемъ злѣ была какая-нибудь большая доля добра: мы отстали, но уцѣлѣли...

Такія или подобныя мысли невольно приходятъ читателю Шайнохиной книги, въ которой съ большою яркостію красокъ и съ большимъ талантомъ изображается едвали не важнѣйшій моментъ польской исторіи, моментъ, когда Польша, выйдя изъ хаоса, не уступающаго нашему удѣльному, собирается воедино и вырабатываетъ первыя основанія того государственнаго и общественнаго строя, который въ продолженіи двухъ съ половиною вѣковъ составлялъ ея славу и силу.

Привыкши видѣть вообще въ исторіи результаты разчета, соображеній и страстей нѣсколькихъ вліятельныхъ личностей, разказъ объ экспериментахъ нѣсколькихъ эмпириковъ надъ неподвижнымъ трупомъ, — нельзя не чувствовать какого-то необыкновеннаго облегченія, замѣчая въ исторіи польскаго народа дѣйствіе цѣлыхъ массъ, и особенно замѣчая, что эти дѣйствія проникнуты сознаніемъ, послѣдовательностію, патріотизмомъ, иногда возвышенными побужденіями и почти всегда глубокимъ практическимъ тактомъ. Въ этомъ состоитъ огромное преимущество и серьезный интересъ, представляемый польскою и англійскою исторіей. Но этотъ интересъ, такъ сказать, общій; для русскаго же читателя особенно любопытенъ процессъ этого страннаго, почти случайнаго появленія литовскаго народа, на исторической почвѣ его долгое колебаніе между притягательною силою двухъ сосѣднихъ государствъ, и наконецъ склоненіе его къ Польшѣ на условіяхъ и съ задатками отдаленнаго будущаго, которыя тутъ же въ-очію передъ нами совершаются. Я не знаю польскаго писателя, который бы съ такимъ благороднымъ безпристрастіемъ смотрѣлъ на этотъ весьма щекотливый историко-политическій вопросъ, какъ Шайноха; но и съ нимъ нельзя вполне согласиться. Намъ нѣтъ нужды до того, что Литовцы въ глубокой древности были данниками русскихъ князей: аргументъ этотъ

въ глазахъ нашихъ имѣетъ не много силы и еще менѣе практическаго значенія; мы беремъ Литву въ то время, когда она, послѣ нѣсколькихъ попытокъ собраться воедино, образуетъ наконецъ одно цѣлое подъ рукой Гедимина, и изъ скромной области своей, занимающей нынѣшнюю Ковенскую и часть Виленской и Гродненской губерній, захватываетъ при Гедиминѣ, Ольгердѣ и Витовтѣ нынѣшнія Витебскую, Смоленскую, Минскую, Могилевскую, Волынскую и Подольскую губерній и часть Псковской, Тверской, Орловской, Тульской и Калужской, когда, по живописному выраженію Шайнохи, Кейстутъ поилъ коней своихъ въ Балтійскомъ морѣ, а Ольгердъ въ то же время въ Черномъ, и наконецъ когда литовскіе князья, подручники Ольгерда и Витовта, сидѣли въ Новгородѣ и Псковѣ. Всю эту огромную массу земель польскіе писатели на ландкартахъ XIV вѣка обводятъ одною чертой, которую потомъ протягиваютъ за Карпаты черезъ Силезію до устьевъ Одера и надписываютъ: Польшко-Литовское государство. Это справедливо (не касаясь нѣкоторыхъ подробностей), но лишь съ извѣстной только точки зрѣнія; а чтобы принять эту точку зрѣнія, надо принять за основаніе и за верховное право.—право завоеванія, условіе же народности обратить въ ничто. Но неужели этотъ взглядъ можетъ быть допущенъ въ настоящее время въ наукѣ, когда онъ вытѣсняется даже изъ дипломатіи? И не странно ли, что либеральные польскіе историки строго его держатся, когда лѣтъ пятнадцать тому назадъ, г. Устряловъ указалъ новый, истинно-современный взглядъ! Это одна изъ тѣхъ аномалій, которыя заслуживаютъ вниманія.

Посмотримъ ближе на судьбы Литвы собственно и завоеванныхъ ею русскихъ областей. Въ *Bulletin hist.-polit. de l'Académie* (т. IX, № 1) мы находимъ, что литовскаго племени въ предѣлахъ Россіи насчитывается всего 807.114 человекъ обою пола; если и допустить, что это племя не только не умножилось въ теченіе пяти вѣковъ, но на половину вымерло и находилось подъ вліяніемъ другихъ національностей, то при этомъ предположеніи спрашивается, могло ли оно на самомъ дѣлѣ и въ теченіи долгаго времени быть господствующимъ въ необъятныхъ границахъ, обведенныхъ мечомъ его князей-завоевателей? Самое предположеніе, что часть Литовцевъ могла обратиться въ Русскихъ или Поляковъ, указываетъ на относительную слабость этого племени. Литовскіе великіе князья могли господствовать отъ западной Двины до Чернаго

моря и отъ Боровска до Бреста, но только какъ татарскіе ханы надъ Россією или норманскіе герцоги надъ Англією; племя завоевателей неминуемо должно было расплыться и исчезнуть посреди завоеваннаго народа, тѣмъ болѣе что не было въ немъ ничего особливаго и исключашаго, что удерживало бы его въ совокупности, отчуждая отъ окружающей среды, какъ это замѣчается у Турокъ, плотно уѣзвшихъ посреди христіанскаго народонаселенія или даже у австрійскихъ Нѣмцевъ, взирающихъ свысока на славянское и мадьярское племена. Напротивъ, литовскій государственный и общественный бытъ, на сколько онъ извѣстенъ, имѣлъ весьма мало оригинальности и много въ немъ поражаетъ сходствомъ съ нашимъ русскимъ; сходство это еще недавно указано г. Костомаровымъ, и онъ замѣчаетъ его въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ народной жизни, начиная съ языческихъ преданій и старинныхъ суевѣрій, съ отношенія подданныхъ къ верховной власти, съ формы правленія, сильно напоминающей современную ей нашу, до древнихъ памятниковъ народной фантазіи.

Въ самомъ дѣлѣ, ограничиваясь одною политическою сферой, обратимъ вниманіе на положеніе правительства въ Литвѣ. Тамъ, также какъ на Руси, властвовало одно семейство, члены котораго находились въ нѣкоторой зависимости отъ главы онаго. Этотъ послѣдній, съ титуломъ князя или, послѣ Гедимины, великаго князя, управляетъ всею страной, а его родичи получаютъ города и волости, и притомъ не въ управленіе только, не въ видѣ административныхъ округовъ, а въ пользованіе, въ видѣ арендъ пожизненныхъ, наследственныхъ или наконецъ временно даваемыхъ, но во всякомъ случаѣ на такихъ правахъ, что ихъ справедливо называетъ г. Соловьевъ *вотчинами*, точно также какъ онъ часто называетъ и удѣлы нашихъ князей. Литовскіе государи, взирая на эти надѣлы съ вотчинной точки зрѣнія, увеличиваютъ ихъ тѣмъ изъ своихъ родственниковъ, которыхъ болѣе любятъ или боятся, а они съ своей стороны, вполнѣ раздѣляя такой взглядъ, ссорятся между собой и воюютъ для увеличенія своихъ княжествъ.

Все это совершенно то же, что у насъ; какъ у насъ же въ послѣднее время удѣльной системы, удѣлы эти наследственно переходятъ отъ отца къ сыну: Кейстутъ, свергнувъ съ престола Ягелла, отдаетъ ему наследіе его отца, Кревскій округъ; Витолдъ упорно добивался родовой волости своей, Трокъ. Въ разросшемся уже семействѣ Гедиминовичей, точно также какъ

и въ семействѣ Рюриковичей, удѣлы эти дробятся и подраздѣляются между сыновьями удѣльныхъ князей, переходя такимъ образомъ къ порядку наследованія, сохранившемуся у насъ и до сего времени въ частномъ быту, и если тотъ же самый порядокъ не сохранился въ Литвѣ, то это должно приписать, безъ сомнѣнія, влиянію польскихъ западныхъ понятій. Далѣе: въ Литвѣ, какъ и на Руси, господствующій родъ стоялъ особнякомъ, одинъ надъ безличною народною массой, изъ которой онъ не допускалъ выдѣлиться наследственной аристократіи, и если она явилась тамъ въ послѣдствіи, то это опять-таки произошло вслѣдствіе ея сближенія съ Польшою: первые *деорляне* пожалованы были въ это достоинство по именному назначенію Витовта, и права ихъ опредѣлены на городскомъ създѣ, по соединеніи Литвы съ Польшей.

Все это, равно какъ и то, что даже польскіе писатели называютъ членовъ господствовавшего рода князьями и великими князьями, какъ въ Россіи, такъ и въ Литвѣ, а ихъ сановниковъ боярами и именуютъ ихъ съ *вичемъ*, по русскому обычаю, все это, говорю, конечно, не болѣе какъ намеки на узлы, соединявшія въ древнія времена Россію и Литву. Но есть на это болѣе положительныя указанія; не дѣлая по этому поводу особыхъ изысканій, мы можемъ представить довольно длинный списокъ браковъ между Русскими и Литовцами: сынъ славнаго Данила Галицкаго былъ женатъ на дочери Миндова, Гедиминъ на княжнѣ русской, Еввѣ¹; Ольгердъ на Маріи Витебской и потомъ на извѣстной Юліанѣ Тверской; Любартъ на княжнѣ Волынской и (повидимому во второмъ бракѣ) на княжнѣ Рязанской; великій князь Симеонъ Иоанновичъ на княжнѣ литовской, окрещенной подъ именемъ Анастасіи; великій князь Василій Дмитріевичъ, князь Борисъ Константиновичъ Суздальскій, князь Владимиръ Андреевичъ Храбрый—на дочеряхъ Ольгерда; одна изъ его же дочерей, выданная за любимца Ягелла, Войдиду, была прежде за какимъ-то княземъ Давидомъ, а одна изъ дочерей Кейстута за тверскимъ княземъ, Иоанномъ. Какой-то знатный, повидимому, Литвинъ, Симеонъ Лугвень, притомъ православный, былъ женатъ на дочери великаго князя Дмитрія

¹ Повидимому онъ былъ женатъ послѣдовательно на двухъ русскихъ княжнахъ, потому что Шайноха называетъ Евву и Ольгу. Относительно родственныхъ связей русскаго и литовскаго княжескихъ домовъ наши и польскіе источники стоило бы провѣрить одни другими.

Юанновича. Немного труда стоило бы, конечно, чтобы еще удлинить нашъ списокъ; но бракъ далеко не единственное свидѣтельство о связяхъ, существовавшихъ между Русскими и Литовцами; между ними, съ весьма отдаленныхъ временъ, начало устанавливаться религиозное единство, самая крѣпкая связь, какая только можетъ образоваться между младенствующими народами. «Римскія вѣры въ Литвѣ не было, говорить литовская лѣтопись, на которую ссылается историкъ русской церкви, только русская замѣшалася.» Г. Костомаровъ, слѣдуя свидѣтельству литовской лѣтописи, говорить, что братья полубаснословнаго Тройдена уже были православными, равно какъ и оба сына Миндовга, героя литовской древности, изъ коихъ одинъ, Войшелгъ, долго жилъ и умеръ монахомъ, а другой, Довмонтъ, причисленъ нашею церковію къ лику святыхъ; православнымъ же былъ Любартъ Юрій Витовтовичъ и сыновья Ольгердовы, Буттава, Коригелло, Андрей-Вингольтъ Скригелло, опора русской національности даже при Ягеллѣ. Преосвященный Филаретъ убѣжденъ, что даже всѣ безъ исключенія сыновья Ольгердовы были христіанами восточнаго исповѣданія. Карамзинъ и г. Соловьевъ согласно думаютъ, что самъ суровый Ольгердъ окрестился передъ смертію; по мнѣнію г. Соловьева, полтверждаемому Шайнохой, Витовтъ, поссорясь съ братомъ и уйдя къ рыцарямъ, принялъ тамъ католичество, а возвратясь, обратился въ православіе, по мнѣнію того же русскаго историка; наконецъ, и Ягелло, прежде чѣмъ сѣсть на польскій престолъ, былъ христіаниномъ восточнаго исповѣданія. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, и Шайноха это подтверждаетъ, что до общаго крещенія Литвы, при Ягеллѣ, православіе было тамъ гораздо болѣе распространено нежели католицизмъ; Литовцыязычники терпѣли русскихъ священниковъ, но когда въ Вильнѣ, еще до Ягелла, учрежденъ былъ католическій монастырь, они перебили монаховъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, Литва, во время ея силы и славы, была принимаема Россіей какъ нѣчто родственное. Новгородцы, напримѣръ, сами приглашаютъ Наримунта Гедиминовича, и даютъ ему въ удѣлъ Ладогу, Копорье и Карелію; Псковъ принимаетъ и любитъ Юрія Витовтовича, а Довмонтъ дѣлается его легендарнымъ героемъ; Любартъ получаетъ Луцкъ въ приданое за женою; Андрей и Дмитрій Ольгердовичи участвуютъ въ куликовской битвѣ, а князь Остей, *внукъ Гедиминовъ*(?), защищаетъ Москву противъ Тохтамыша;

низверженный Ольгердомъ Явнута уходитъ въ Россію, также какъ и братъ его Наримунтъ и племянникъ ихъ, Витгольдъ, Коригелло, Буттава и Дмитрій-Корибуть, и т. д. Ольгердъ и Витовтъ имѣютъ можно сказать партію въ Россіи; они являются не столько завоевателями, сколько соперниками великаго князя, какими въ разные времена бывали черниговскіе, суздальскіе и тверскіе князья; походы Ольгерда имѣютъ характеръ вмѣшательства въ семейные родственные раздоры, противоборства возникающему преобладанію Москвы. Онъ жалуется, что московскіе митрополиты рѣдко посѣщаютъ русско-литовскія области, и слѣдовательно не думаетъ истреблять ихъ народности. Замѣтимъ, что вовсе не таковы были отношенія Литвы къ Польшѣ; войны ея съ нею, конечно, перемежались дружественными союзами и скрѣплялись родствомъ; но еслибы въ Краковѣ знали также хорошо Вильно, какъ его знали въ Москвѣ или Твери, конечно королева Ядвига не могла бы воображать Ягелла какимъ-то чудовищемъ, обросшимъ, какъ звѣрь, шерстью. Сила обстоятельствъ потянула Литву къ Польшѣ, но и послѣ этого связи ея съ Россіей долго еще не разрываются; русскіе князья и бояре, подвергшись царскому гнѣву, отъѣзжаютъ не въ Швецію, не къ ливонскимъ рыцарямъ, а въ Литву, точно также какъ убѣгали они въ удѣлы своихъ ближнихъ родственниковъ, когда удѣлы могли еще представлять для нихъ безопасность. Въ свою очередь не рѣдко бывали перебѣги и къ намъ изъ Литвы, и въ важныхъ случаяхъ взоры литовскаго народа обращались на Россію; такъ по оставленіи престола Генрихомъ Валуа Литва заываетъ къ себѣ Іоанна IV, а послѣ смерти Стефана Баторія — Θεодора Іоанновича. До 1588 года литовскій статутъ печатался по-русски: доказательство явнаго преобладанія русскаго народонаселенія, русской народности, русскаго языка въ Литовскомъ государствѣ. Да и могло ли быть иначе? Называть владѣніе Ольгерда и Витовта Литвою также не справедливо, какъ Россію Татаріей, а Британію Нормандіей. Наконецъ заключимъ эти, можетъ-быть слишкомъ уже длинныя соображенія, анекдотомъ, приводимымъ Шайнохою. Вскорѣ по вступленіи Ягелла на польскій престолъ, находился онъ въ познаньскомъ кафедральномъ костелѣ при торжественномъ богослуженіи въ день Христова воскресенія. Католическіе обряды допускаютъ и особенно допускали, какъ извѣстно, много пластическаго: будучи пораженъ видомъ изображенія Спасителя, поднимав-

маго изъ гроба, новообращенный язычникъ спросилъ, что это значить, и получивъ объясненіе, сказалъ: «поставьте ему свѣчку»; а когда вслѣдъ за тѣмъ было низвержено въ преисподнюю изображеніе діавола, то король, спросивъ и этому объясненіе, сказалъ: «поставьте ему двѣ свѣчки», примѣняясь, замѣчаетъ нашъ авторъ, къ извѣстной русской пословицѣ... Итакъ Ягеллу были извѣстны русскія пословицы: мелочное, но не маловажное указаніе на значеніе русскаго элемента въ жизнестаринной Литвы. При такихъ отношеніяхъ русской и литовской національностей между собой и при такомъ значеніи литовскихъ князей въ политикѣ князей русскихъ, весьма съ одной стороны не удивительно, что честолюбивый Витовтъ замышлялъ овладѣть московскимъ престоломъ, а съ другой стороны весьма позволительно думать, что въ судьбахъ русскаго народа отъ этого не произошло бы никакихъ глубочайшихъ измѣненій. Это было бы перемѣной династіи, и больше ничего. Единственная важная перемѣна состояла бы въ томъ, что граница Россіи протянулась бы до Нѣмана, Западнаго Буга и восточныхъ Карпатъ четырьмя вѣками ранѣе, и что мы имѣли бы портъ на Балтійскомъ морѣ не въ началѣ XVIII, а въ концѣ XIV или въ началѣ XV столѣтія; а съ тѣмъ вмѣстѣ, можно думать, съ сѣверо и юго-запада, черезъ собственную Литву и Подолію, проникали бы, вѣроятно исподволь, естественнымъ образомъ, просвѣщеніе, торговля и политическія идеи.

Этому не суждено было осуществиться. Вопреки естественному, какъ кажется, влеченію литовскаго племени, сила обстоятельствъ потянула его къ Польшѣ, и, замѣчаетъ Шайноха, нельзя не удивляться, что эта совершенно повидямому искусственная связь между двумя чуждыми другъ другу народностями, не разорвалась при самомъ началѣ ихъ политическаго союза. И дѣйствительно нужно было двухвѣковое непрерывное, неослабное усиліе, нужно было употребить всевозможныя средства для оболъщенія одной части народа литовскаго и для систематическаго отупленія другой его части, чтобы заставить первую сознательно, а другую безсознательно отказаться отъ своей народности. Литовская національность теперь уже не существуетъ: это, кажется, можно сказать съ достовѣрностію, хотя ея языкъ еще не совсѣмъ исчезъ; но за то самостоятельность другаго племени, вошедшаго въ составъ Ольгердовыхъ владѣній, племени русскаго, выдержала эту борьбу.

Правда, тамъ, гдѣ по примѣру польскому образовалось туземное дворянство, оно въ теченіи времени приняло, вслѣдъ за гражданскими преимуществами, и чуждый языкъ, и чуждые нравы, и чуждыя вѣрованія, и отказалось, большею частію, отъ старинной своей національности. Считая себя истинными и единственными представителями страны, а *хляповъ* своихъ только рабочею силою, они воображали, что и здѣсь, какъ въ собственной Литвѣ, слитіе совершилось. Но когда эта экономическая сила сдѣлается силою гражданскою, тогда можетъ-быть характеръ тамошней національности представится въ совершенно иномъ видѣ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ авторѣ сочиненія, которое предлагается вниманію читателя. Карлу Шайнохъ теперь 42 года; онъ родился въ окрестностяхъ замка Самбора, извѣстнаго русской публикѣ по значенію его въ исторіи перваго изъ нашихъ самозванцевъ. Первые шаги свои къ литературной извѣстности Шайноха совершилъ не на исторической, а на поэтической почвѣ; еще въ 1840 году онъ сдѣлался извѣстенъ какъ талантливый нувеллистъ; въ теченіе семи лѣтъ онъ сотрудничалъ въ журналахъ и газетахъ небольшими, но часто блестящими статьями, и поставилъ въ этотъ же промежутокъ времени нѣсколько драмъ и трагедій, обнаружившихъ въ немъ замѣчательное поэтическое дарованіе. Между тѣмъ онъ занимался и исторіей; польскій поэтъ, Польша, рассказываетъ, что еще въ самое первое время литературной извѣстности Шайнохи, онъ читалъ ему какую-то историческую диссертацию, которая однакожъ не очень удовлетворила поэта, замѣтившаго въ ней много произвольныхъ положеній. «Намъ еще рано, говорить онъ по этому случаю, дѣлать выводы: мы еще не знаемъ хорошенько фактовъ.» (А будемъ ли мы когда-нибудь знать *все* факты и знать ихъ несомнѣнно вѣрнымъ образомъ?)

Извѣстность Шайнохи, какъ историческаго писателя, начинается съ 1847 года, когда онъ сталъ печатать небольшія изслѣдованія въ разныхъ львовскихъ журналахъ. Авторъ статьи въ *Tygodnik ilustrowany* (1859 № № 9 и 10), изъ которой мы почерпаемъ эти свѣдѣнія, не принадлежитъ къ числу безусловныхъ поклонниковъ нашего автора; онъ считаетъ его изслѣдователемъ довольно парадоксальнымъ и стремящимся иногда во что бы то ни стало подвести факты, представляемые документами, подъ заранѣе - созданную идею; выводъ,

взглядъ, говорить онъ, является у Шайнохи не результатомъ изученія источниковъ, а напротивъ, слѣдуетъ, что онъ изучаетъ источники для того, чтобы доказать свой взглядъ. Впрочемъ это замѣчаніе относится болѣе къ первымъ трудамъ польскаго историка, нежели къ тѣмъ, на которыхъ главнѣйше покоится его извѣстность. Они начали выходить съ 1848 года, и самые популярныя, самые блестящія между ними суть: *Szkice historyczne*, *Bolesław Chrobry* и наконецъ *Jadwiga* и *Jagietto*. Последнее изъ нихъ, не уступая другимъ въ достоинствахъ ученомъ и художественномъ, есть самый обширный трудъ Шайнохи (3 тома) и касается обстоятельствъ не чуждыхъ нашей исторіи: вотъ почему я и остановился на немъ предпочтительнѣе предъ прочими.

Что касается до біографическихъ подробностей, то я могъ отыскать очень не многое. Большую часть своей жизни Шайноха провелъ въ Львовѣ (Лембергѣ). Имѣя отъ природы слабое зрѣніе, онъ разстроилъ его усиленными занятіями, чтеніемъ старинныхъ рукописей и неблагодарною работою надъ корректурами словаря Линде, которую онъ взялъ на себя въ началѣ пятидесятихъ годовъ, и теперь почти совершенно ослѣпъ. Въ его положеніи это ничѣмъ не вознаградимое несчастье, а при его талантѣ это бѣдствіе, чувствительное для всего образованнаго міра. Впрочемъ есть извѣстіе, что этотъ новый Тьерри не оставляетъ своихъ занятій, оканчиваетъ или даже окончилъ большое сочиненіе о Янѣ Собѣскомъ, при помощи супруги своей, служащей ему въ работахъ его секретаремъ, а въ жизни—говоритъ его біографъ—ангеломъ хранителемъ. Дай Богъ, чтобы предлагаемая статья возбудила въ русской публикѣ симпатію къ этой благородной четѣ!

I.

Великая Польша была страна низменная, какъ бы недавно еще вышедшая изъ нѣдръ моря, покрытая болѣе нежели двумя тысячами озеръ, не рѣдко соединявшихся между собою протоками. Существуетъ преданіе, что нѣкогда часть этой страны была покрыта моремъ, которое достигало до Грауденца; уже во времена несравненно къ намъ ближайшія, при Ягеллонахъ, озеро Гопло простиралось на 5 миль въ длину, тогда

какъ теперь оно имѣетъ въ длину не болѣе мили. Когда такимъ образомъ воды понизились, озера превратились мѣстами въ обширныя топи; край мало отъ того выигралъ; напротивъ небольшая торговля, производившаяся посредствомъ озеръ и составлявшихъ ихъ протоковъ, во многихъ мѣстахъ упала; трясины и топи покрыли страну, и много погибло въ нихъ воиновъ королей Пястовъ. Для содержанія какихъ-нибудь сообщеній необходимо было возводить гати и мосты; построеніе ихъ стало дѣломъ существенной важности, о которомъ совѣтоваться стѣзжались князья и правители областей. За то это бывали не рѣдко въ самомъ дѣлѣ замѣчательныя сооруженія, тянувшіяся мѣстами на цѣлыя версты и даже мили; еще и теперь видны ихъ остатки, толстыя трехсаженныя сваи, торчащія изъ глубинныхъ трясинъ.

Всѣ эти сооруженія производились стараніями князей и правительственныхъ лицъ; народъ не очень имъ сочувствовалъ, находя, что воды и топи суть его надежные защитники противъ непріятелей и угѣснителей всякаго рода; притомъ естественныя свойства страны наложили печать и на характеръ и обычаи народа, которые не легко перемѣняются: глухія топи Великой Польши ввели въ употребленіе между ея жителями особую обувь, называемую *ходаки* (*chodaki*), нѣчто въ родѣ лыжъ или деревянныхъ лаптей, которая сдѣлалась какъ бы существенною принадлежностію Великополянъ, такъ что образовавшаяся тамъ шляхта получила, въ отличіе отъ шляхты другихъ частей Польши, названіе *ходачковой*.

Такимъ образомъ народъ привыкъ къ своимъ топямъ и любилъ свои глубокія, многоводныя рѣки, весною и осенью заливавшія почти весь край, свои обширныя озера, наполненныя множествомъ рыбъ, а рыболовство, равно какъ и судоходство, съ древнѣйшихъ временъ было главнымъ промысломъ Великополянъ; кромѣ того, много охотились за рѣчными звѣрями, какъ напримѣръ бобрами, которые еще въ XIII вѣкѣ водились въ тамошнихъ рѣкахъ; распространена была также охота и за пернатою дичью, которой было несмѣтное множество. Но воздухъ этой страны былъ нездоровъ, — густъ и влаженъ; болотныя испаренія пораждали мошекъ и мошмарокъ всякаго рода въ такомъ изобиліи, какого не было можетъ-быть ни въ одной части Европы. За то едва ли гдѣ-нибудь водилось и такое множество полезнѣйшихъ изъ насѣкомыхъ, — пчелъ. Пчеловодство было такою же повсемѣстною промыш-

ленностию въ Великой Польшѣ, какъ и рыболовство; всякое ду-
блистое дерево обращалось въ улей; каждая усадьба имѣла
свой пчельникъ, медомъ платилась дань, медъ отчасти замѣ-
нялъ монету; онъ вывозился за границу въ такомъ множествѣ,
что его было бы достаточно на всю Германію и едва ли не
на всю Европу. Пчельная промышленность наконецъ полу-
чила, подобно судоходству, правильную организацію; въ глу-
бокой древности образовались *братства* (*confraternia*) пчело-
водовъ, также какъ и судовщиковъ; эти братства имѣли сво-
его старшину (*starosta*), судью и писаря, которые, вступая въ
отправление своихъ обязанностей, были приводимы къ при-
сягѣ. Всякій зажиточный панъ имѣлъ своего *медоваго старосту*.
Промышленность эта имѣла свое особое *право*, свой уставъ.

Что касается до Малой Польши, то она представляла со-
вершенно другой характеръ. Все ее сплошь покрывали гу-
стые, едва проходимые лѣса, наполненные деревьями
весьма разнообразныхъ породъ, нынѣ тамъ уже не существу-
ющихъ. Какъ въ Великой Польшѣ ея воды и топи провели
черту въ жизни самаго народа, такъ въ Малой оказали свое
вліяніе лѣса. Лѣса и даже отдѣльныя деревья, такъ сказать,
раздѣляли съ народонаселеніемъ его жизнь. Замѣтнѣйшія изъ
нихъ означали границы владѣній; отличавшіяся особою вели-
чиною и древностию получали собственныя имена, имѣли свои
легенды и еще при Ягеллѣ почитались въ народѣ святынею;
кто осмѣлился бы ихъ срубить или только попортить, не из-
бѣгъ бы смерти. Лѣсное царство имѣло въ мѣстномъ ка-
лендарѣ какъ бы особаго патрона, и таковымъ почитался Св.
Станиславъ: недалеко отъ Тарнова былъ дубъ, который съ осо-
бою торжественностию освящали какъ мѣстороженіе этого
святаго; въ Краковѣ съ особымъ уваженіемъ сохранялся вязъ
необъятной толщины, къ которому Св. Станиславъ питалъ
особое расположеніе; долго и свято сберегался дубъ, подъ
которымъ Казимиръ Великій держалъ судъ и творилъ расправу,
и всѣ эти историческіе дубы и вязы были неизмѣримыхъ раз-
мѣровъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ Папроцкій и Штен-
дель¹; въ дупло нѣкоторыхъ изъ нихъ можно было въѣзжать

¹ Извѣстные изыскатели польскихъ древностей; первый написалъ между прочимъ весьма уважаемое изслѣдованіе о гербахъ польскихъ, второй занимался монографіями Пруссіи, Силезіи и пр., а также из-
далъ исторію польской культуры.

верхомъ и дѣлать повороты; бывали деревья, которые стоили 100 гривенъ, а какъ велика была эта сумма, можно судить по тому, что въ тѣ времена не трудно было купить деревню за 20 гривенъ.

Обширные лѣса Малой Польши были, разумѣется, пріютомъ несмѣтному количеству кабановъ, лосей, туровъ, зубровъ, дикихъ лошадей, медвѣдей, рысей, волковъ и лисицъ, а потому естественно, что тамошнее народонаселеніе сплошь занималось охотой. Для травли звѣрей, лѣса были свободны и доступны каждому, — исключенія дѣлались только развѣ для болѣе рѣдкихъ звѣрей, которые сберегались для особаго удовольствія лѣсовладѣльца. Когда же такой лѣсовладѣлецъ, человекъ, разумѣется, богатый, выѣзжалъ на охоту, то это было происшествіемъ, въ которомъ принималъ участіе цѣлый околотокъ, да и вообще содержаніе охоты какимъ-нибудь значительнымъ человекомъ было не безъ вліянія на окрестное населеніе: такъ мясники были обязаны доставлять извѣстныя части убиваемыхъ ими животныхъ на панскія псарни, а другія для панскихъ соколовъ; въ загонщики долженъ былъ идти всякій крестьянинъ безъ исключенія. Чины и повышенія въ іерархіи охотниковъ были отличіями, возбуждавшими во многихъ зависть, и дѣйствительно *ловчій*, наприимѣръ, принадлежалъ къ числу первыхъ сановниковъ всякаго замка. При томъ охотники въ Малой Польшѣ, какъ пчеловоды и судовщики въ Великой, составляли нѣчто въ родѣ братства или скорѣе особаго сословія людей; у нихъ даже было свое, непонятное другимъ, нарѣчіе (*jaigon*).

Кромѣ лѣсовъ, Малая Польша изобиловала прекрасными пастбищами; мясо и шкуры домашнихъ животныхъ, точно также какъ и дичь, были важнѣйшею статьею торговли. Луга здѣсь цѣнились выше полей, и скотоводство преобладало надъ земледѣліемъ; да и климатическія условія не совсѣмъ благопріятствовали этому послѣднему занятію. Климатъ тогда былъ тамъ несравненно суровѣе чѣмъ теперь; часто свирѣпствовали страшныя бури и вихри, которые не только истребляли жатвы, но и опрокидывали лѣса; проливные дожди, отъ которыхъ рѣки выступали изъ береговъ, часто смѣнялись засухами, отъ которыхъ источники пропадали, и всѣ эти переменны, слѣдуя быстро одна за другою, производили болѣзни; въ Малой Польшѣ морозныя повѣтрія были не рѣдки, и въ особенности обыкновенна была глазная болѣзнь: ею страдали весьма многіе люди, запи-

санные исторіею, какъ-то: Ягелло, Витовтъ, Доброгость, епископъ гнѣзенскій и пр.

Безпрерывная борьба, въ Великой Польшѣ съ водами, а въ Малой—съ лѣсами и ихъ обитателями, сдѣлала Поляковъ людьми крѣпкими, предприимчивыми, дѣтельными. Трудолюбіе старинныхъ обитателей Польши мудро себѣ вообразить теперь; можно сказать, что они измѣнили поверхность своей страны; трудиться было дѣломъ всей ихъ жизни; они, такъ сказать, втянулись въ трудъ, и охотно замѣняли личнымъ трудомъ денежную повинность. За то непроходимые лѣса быстро наполнялись поселеніями, распахавались новыя поля, строились исполинскіе мосты и гати, разводились фруктовые сады, наполненные вишенникомъ, яблонями, а мѣстами даже виноградникомъ. Весьма распространено было разведеніе хмѣля, многіе занимались добываніемъ металловъ или минералловъ; соляныя копи бохненскія и величкинскія приводили еще въ глубокой древности множество рукъ въ движеніе. Все это, какъ сказано, дало въ продолженіе времени совершенно иной видъ краю; особенно Малая Польша обратилась въ прекраснѣйшую страну, цвѣтущую, воздѣланную, уже со временъ Казимира Великаго начинавшую покрываться каменными постройками, густо населенную народомъ предприимчивымъ и страстно привязаннымъ къ своей родинѣ.

Любя родину, каждый еще болѣе привязывался къ родной своей мѣстности, къ своему полю и пепелищу; отсюда строгое разграниченіе собственности каждаго; отсюда это множество заборовъ, каменныхъ стѣнъ, окоповъ, рогатокъ, тянувшихся по полямъ и перерѣзывавшихъ дороги. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ взять въ разчетъ также и неполную безопасность всѣхъ и каждаго; жильѣ обыкновенно обносилось стѣной; каждый монастырь смотрѣлъ крѣпостью, готовою во всякое время отразить и внѣшняго врага, и дать отпоръ забіячливому сосѣду. А забіячливость была не послѣднею особенностію Поляка старыхъ временъ, тѣмъ болѣе что она довольно долго поддерживалась простотою и даже грубостію нравовъ и образа жизни. Даже послѣ Казимира Великаго, на всемъ лежалъ еще отпечатокъ «лѣсной или болотной деревеньщины», грубой и неопрятной. Самые знатные люди, даже княжескихъ фамилій, носили простыя и сокращенныя имена, какъ это и до сего времени сохранилось въ простонародь; напримѣръ, Янъ, каштелянъ Войницкій, назывался просто Ясько; извѣстный князь Мазовецкій

Земовитъ былъ извѣстенъ современникамъ подъ именемъ Семка или Семашка.

Таковъ, въ главныхъ чертахъ, топографическій и этнографическій очеркъ, которымъ Шайноха изображаетъ старинную Польшу. За тѣмъ онъ начинаетъ подходить къ ея исторіи. Истиннымъ зерномъ Польскаго государства и польской націи онъ признаетъ Великополянъ. Въ теченіи довольно продолжительнаго времени, только ихъ страна и называлась Польшею; страна Малополянъ носила частныя названія Краковія, Сендомира и др. Король, не владѣвшій Великою Польшею, какъ напримѣръ Локѣтекъ, назывался только краковскимъ, а не польскимъ. Великополяне, до самаго слитія своего съ Малополянами, считали себя выше ихъ, и даже послѣ Казимира Великаго не принимали къ себѣ правителей изъ Малополянъ, называя ихъ чужими гостями.

Эти гордые Великополяне были однакожь очень бѣдны: гордость и бѣдность — характеристическія черты *ходоцковой* шляхты; такой характеръ придаетъ ей и законодательство. Вислицкій статутъ положительно говоритъ, что «шляхетское достоинство основывается не на богатствѣ или честяхъ, но на происхожденіи, общемъ всѣмъ шляхетскимъ родамъ». Жлини они по три, по четыре на одномъ ланѣ земли; но каждый изъ нихъ былъ гордъ, независимъ, равенъ одинъ другому и считалъ себя ничѣмъ не ниже короля. Голова каждого шляхтича стоила одинаково—30 гривенъ; формула: *panie bracie*, существовала уже во времена Лудовика Венгерскаго, и дѣйствительно великопольская шляхта была нѣкотораго рода братствомъ; такъ напримѣръ, хотя раздѣльность собственности существовала по закону, но никто не рѣшился бы продать свое имущество безъ согласія даже дальнѣйшихъ *братниковъ* одногербовыхъ. Подобная же солидарность была и относительно случаевъ уголовныхъ; хотя Вислицкимъ статутомъ и постановлено, что отецъ не отвѣтствуетъ за сына, а сынъ за отца, однакожь не рѣдко случалось, что изгонялось не только семейство, но и все родство человѣка, уличеннаго въ измѣнѣ, даже до третьяго колѣна.

Такимъ образомъ великопольская шляхта какъ бы находилась въ постоянной конфедераціи, и дѣйствительно еще отъ времени Казимира Великаго сохранился актъ формальной, настоящей конфедераціи. Въ важныхъ случаяхъ эта шляхта, всегда тѣсно соединенная, смыкалась еще плотнѣе, и каждый произ-

носилъ клятву, подъ страхомъ потери *горла и чести*, «не дышать подъ крышею,» пока не будетъ достигнута извѣстная цѣль.

Такое крѣпкое и тѣсно связанное общество вызывало со стороны королей твердое и сильное употребленіе власти; и въ самомъ дѣлѣ правленіе Великой Польши было почти самодержавное; законы издавалъ король отъ собственнаго своего имени, и называлъ ихъ указами (*edykty*), хотя конечно требовалось много ловкости, такта, чтобы ладить съ людьми смѣлыми, крутыми и рѣшительными, съ нравами вообще суровыми. Здѣсь, гораздо больше нежели въ Малой Польшѣ, господинъ имѣлъ власть надъ своимъ крестьяниномъ, судья надъ подсудимымъ, мушкетеръ и законъ и обычай предоставлялъ большія преимущества передъ женщиною. Понятіе о чести было не сильно развито въ Великой Польшѣ: можно было два раза быть обвиненнымъ въ воровствѣ и не потерять права на занятіе общественной должности; всѣ преступленія, не исключая и побоевъ, нанесенныхъ шляхтичу, оплачивались деньгами. Но съ другой стороны здѣсь прежде чѣмъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ Польши, выработались юридическія понятія; особый статутъ составилъ здѣсь, за сто лѣтъ до Вислицкаго; здѣсь же образовались первые трибуналы.

И не взирая на это, съ дальнѣйшимъ развитіемъ исторіи Малая Польша взяла верхъ надъ Великою. Уже въ Вислицкомъ статутѣ замѣтно преобладаніе обычаевъ и характера Малой Польши; Гнѣзно перестаетъ быть столицею и уступаетъ эту честь Кракову, епископъ котораго едва не получилъ первенства надъ гнѣзненскимъ. Самый климатъ и почва Малой Польши были большими съ ея стороны преимуществами; необозримыя ея пространства быстро очищались отъ дремучихъ лѣсовъ и заселялись людьми, привлекаемыми плодородіемъ края, отчасти иностранцами, которыхъ вызывали короли, и сановниками, которыхъ они желали наградить. Эти надѣлы бывали вообще очень велики; такъ Казиміръ Справедливый подарилъ своему другу, графу Вихориду, чуть не цѣлую область; нѣкто Пакословъ получилъ городъ съ цѣлымъ повѣтомъ. Паны, владѣтели этихъ огромныхъ помѣстій, пользовались большими привилегіями. Не только сановникъ, а и бѣднѣйшій нѣмецкій колонистъ, получивъ въ Малой Польшѣ землю, освобождался отъ всѣхъ обязанностей, налагаемыхъ стариннымъ польскимъ правомъ. Много было и другихъ путей къ пріобрѣтенію

гражданской свободы, какъ на примѣръ освобожденіе изъ татарскаго плѣна; а набѣги Татаръ были нерѣдки; цѣлыя области, подвергавшіяся этимъ набѣгамъ, получали льготы отъ всякихъ податей и повинностей. Суровые Великополяне смотрѣли на все это съ неудовольствіемъ и неприязнью, и называли это *чужеземствомъ*. И точно, въ уставахъ, которые обнародовались въ Малой Польшѣ или въ ней вырабатывались, замѣтно иностранное вліяніе; здѣсь возникли привилегіи, явленія существенно несогласныя съ понятіями старопольскаго равенства и бѣдности; въ противоположность *ходочковой* шляхтѣ, здѣсь замѣчается небольшое число владѣльцевъ огромныхъ имуществъ, которые нерѣдко принимали западно-европейскій титулъ *Comes* и названіе рыцарей, получали вліяніе на цѣлый околотокъ, не охотно допускали въ свою среду новыхъ людей; но за то и съ своей стороны умѣли гораздо лучше сдерживать преобладаніе королевской власти нежели Великополяне. Прочія сословія здѣсь также пользуются большею свободою и большими правами; если голова рыцаря была здѣсь оцѣнена вдвое дороже головы простаго шляхтича, то за голову вновь пожалованнаго шляхтича и кмета ¹ полагался одинаковый выкупъ, — по 15 гривенъ. Крестьяне были подчинены здѣсь не столь суровымъ законамъ, какъ въ Великой Польшѣ; освобожденъ будучи отъ служебныхъ обязанностей съ переходомъ на оброкъ (*czynsz*), онъ дѣлался равенъ своему пану передъ закономъ; выкупъ, назначенный за голову крестьянина, шелъ сполна въ пользу семьи убитаго, тогда какъ въ Великой Польшѣ часть поступала на вознагражденіе помѣщика. Женщины пользовались здѣсь правомъ владѣть землею, и могли лично являться въ судъ. За клевету противъ женщины было опредѣлено наказаніе, — и столько же странное, сколько унизительное: пролгать по-собачьи.

Нельзя сказать, чтобы вообще нововведенія, проникавшія въ Малую Польшу, не подавали повода къ неудовольствіямъ и пререканіямъ; нравы и обычаи неуступчивы; но особенно неблагоприятно смотрѣла мелкая шляхта на стремленіе малопольскихъ, а потомъ и великопольскихъ пановъ выйдти изъ общей шляхетской среды и создать себѣ особое положеніе. Однажды, во время Казимира Великаго, ей удалось очень энергически дать это почувствовать гордымъ магнатамъ. Король собирался на

¹ Кметъ—лично свободный крестьянинъ.

войну; назначено было «посполитое рушенье» поголовное ополченіе шляхты (въ точномъ переводѣ: всеобщее движеніе); но мелкая шляхта предложила графамъ и рыцарямъ отправляться однимъ: «Вы вездѣ первые, говорила она имъ; вы первые и у насъ дома, и въ милости королевской, — ступайте же первыми и противъ непріятеля, а отъ насъ помощи не надѣйтесь. Когда же васъ побьютъ, тогда и мы явимся и отмстимъ за оскорбленіе отчизны.»

Государи польскіе старались сколько возможно развивать общія обоимъ народонаселеніямъ свойства и противодѣйствовать тому, что могло вызывать между ними антагонизмъ. Стремленіемъ этимъ отличалось и правленіе Лудовика Венгерскаго, къ которому за тѣмъ Шайноха и обращается.

Лудовикъ, сынъ сестры Казимира Великаго и венгерскаго короля Роберта, предназначался Казиміромъ, не имѣвшимъ сыновей, наследовать польскій престолъ. Онъ былъ сильнѣйшимъ и богатѣйшимъ государемъ въ Европѣ; въ королевскомъ его титулѣ высчитывалась и Далмація, которой онъ былъ покоритель, и Неаполь, котораго онъ былъ законный дѣдичъ, и княжества Придунайскія, на которыя онъ имѣлъ неотъемлемыя права. Золотыя росыпи, находившіяся въ Венгріи, дѣлали его владѣтелемъ несмѣтныхъ сокровищъ. Греческіе императоры заискивали расположенія Лудовика и старались имѣть его союзникомъ; папы не находили довольно лестныхъ словъ въ своихъ посланіяхъ къ нему; называли его первороднымъ сыномъ церкви, христіаннѣйшимъ (*christianissimus*); наконецъ Иннокентій VI воспользовался тѣмъ, что Лудовикъ объявилъ войну боснійскимъ еретикамъ, и провозгласилъ его *знаменоносцемъ церкви* (*choŹazy kościoła*). Что же касается до предмета всѣхъ этихъ ласкательствъ, то онъ милостиво принимаетъ ростоцаемые титулы, даже благодарить за то Пречистую Дѣву и Св. Павла, но ни на минуту не выпускаетъ изъ виду земныхъ благъ и своихъ личныхъ выгодъ. Такъ напримѣръ, этотъ знаменоносецъ церкви, объявивъ, что собирается просвѣщать свѣтомъ истинной вѣры Босняковъ, внезапно нападаетъ на Истрію и Далмацію, не объявивъ имъ войны, вопреки существовавшимъ въ то время рыцарскимъ понятіямъ.

Себялюбивый и непрямодушный характеръ Лудовика не могъ гармонировать съ духомъ польскаго народа; не болѣе соотвѣтствовалъ онъ и внѣшностию своею вкусу По-

ляковъ: онъ былъ высокаго роста, нѣсколько кривобокъ, прихрамывалъ на одну ногу отъ полученной имъ раны, имѣлъ толстыя губы, огромные на выкатѣ глаза и носилъ густую бороду, вопреки тогдашнему обыкновенію Поляковъ. Природная стремительность его нрава боролась въ немъ съ привитою обдуманностію; такъ однажды онъ кинулся въ воду, чтобы спасти своего конюшаго, но въ другой разъ уклонился отъ поединка, предложеннаго ему Лудовикомъ Тарентскимъ. Въ религіи онъ отличался строгимъ исполненіемъ обрядовъ, но ничѣмъ не жертвовалъ своей набожности, и былъ самостоятеленъ въ отношеніи къ папѣ, рѣзко отличаясь въ этомъ отъ отца своего, который, давъ однажды обѣтъ прочитывать по двѣсти *Ojczy naszow* и *ave Maria*, всякій разъ испрашивалъ папскаго разрѣшенія, когда не могъ этого исполнить... Лудовикъ былъ вовсе не такъ; исполняя церковные обряды, нося крестъ и образки, и ненавидя Евреевъ и православнаго грековосточнаго вѣроисповѣданія, онъ этимъ только ограничивалъ свое религіозное чувство. Оно даже не имѣло довольно силы, чтобы развязать шнурки его кошелька, въ этотъ вѣкъ, отличавшійся щедрыми подаваніями. Духовенство постоянно жаловалось при немъ на тяжелыя времена, даже частнымъ людямъ запрещалъ онъ дарить и завѣщать свои имѣнія монастырямъ; притомъ онъ самовольно распоряжался духовенствомъ, давалъ мѣста, дѣлалъ назначенія, никого не спрашивая и ни съ кѣмъ не совѣтуясь. Недовольное имъ духовенство жаловалось папѣ, который обращался къ матери Лудовика, Елизаветѣ, прося ее смягчить «тиранство» ея сына, какъ онъ выражался въ своихъ письмахъ.

Въ Польшѣ онъ тоже не ладилъ съ духовенствомъ, по поводу податей съ имѣній, принадлежавшихъ духовнымъ лицамъ, и ни одинъ король не нанесъ монастырямъ, какъ свидѣтельствуя современные монахи, такого удара, какъ Лудовикъ. За то никто не могъ отказать ему въ славѣ хорошаго администратора; ни одинъ король не получалъ такъ исправно податей, ни одинъ столько не покровительствовалъ купечеству и городскому сословію вообще; даже во времена войнъ, дороги и другіе пути сообщенія содержались при немъ въ надлежащей исправности, и торговля пользовалась полною безопасностію. Нѣмецкіе рыцари въ своихъ письмахъ къ Ядвигѣ не могутъ нахвалиться «золотымъ вѣкомъ» для купечества при ея отцѣ. Покровительствуя вообще городамъ, Лудо-

викъ не любилъ шляхты, и любимцы его были выбираемы имъ, по выраженію хроникъ, «изъ-подъ деревенскихъ крышъ». Все это было бы похвально, говорить Шайноха, еслибы расположеніе короля къ низшимъ классамъ не скрывало въ себѣ антинаціональныхъ симпатій. Будучи по своему воспитанію и понятіямъ Нѣмцемъ, онъ всю свою жизнь прививалъ «на французскомъ стволѣ нѣмецкій ростокъ». Тридцать лѣтъ управляя Польшею, онъ даже не постарался выучиться ея языку, и обыкновенно выражался по-нѣмецки; скупой даже для духовенства, онъ былъ щедръ для Нѣмцевъ; вмѣсто того, чтобы по примѣру своихъ предшественниковъ заботиться объ установленіи дружескихъ связей съ Литвою, онъ заводилъ торговыя сношенія и заключалъ военно-политическіе союзы съ нѣмецкими рыцарями, которыя издавна были и навсегда остались врагами Польши, и если искалъ родственныхъ связей, то не иначе какъ на западъ, а именно въ домахъ Габсбургскомъ и Люксембургскомъ (изъ коихъ послѣдній царствовалъ въ Богеміи).

Эти брачныя союзы играли большую роль въ жизни Лудовика; его завѣтною мечтою было основать для каждой изъ дочерей своихъ по королевству. Въ самомъ дѣлѣ, Богъ надѣлилъ его тремя королевствами: венгерскимъ, неаполитанскимъ и польскимъ, также какъ и тремя дочерьми: Екатериною, Марією и Ядвигою. Но потому-то онъ и былъ взыскателемъ въ выборѣ своихъ зятьевъ; онъ высматривалъ, сличалъ, заключалъ договоры, передѣлывалъ ихъ и наконецъ обручилъ Марію (старшая дочь его между тѣмъ умерла), за Сигизмунда Люксембургскаго, а Ядвигу за Вильгельма Габсбургскаго. Великая задача его жизни, казалось, была такимъ образомъ разрѣшена; но въ дѣйствительности оставались еще важныя затрудненія. Еще въ 1355 году, когда онъ только былъ признанъ наследникомъ польскаго престола, состоялся договоръ, по которому корона польская, въ случаѣ неимѣнія у него, Лудовика, мужскаго потомства, должна была перейти не къ дочерямъ его, а къ племяннику; въ этомъ актѣ именно сказано: «Еслибы (чего сохрани Боже), мы Лудовикъ или нашъ племянникъ Іоаннъ скончались безъ мужскаго потомства, тогда все договоры, распоряженія, присяга на вѣрность и обязанности народа въ отношеніи къ намъ, сами собою, уничтожаются, прекращаются, и остаются безъ послѣдствій». Къ тому же, если уже допустить было переходъ престола въ женскія руки, то онъ долженъ

былъ бы по справедливости достаться одной изъ двухъ дочерей Казимира Великаго, а не дочерямъ Лудовика. Итакъ прежде всего надо было устроить этихъ двухъ соперницъ; тотчасъ послѣ коронаціи Лудовика, онѣ были отвезены въ Венгрію и тамъ, трибуналомъ, составленнымъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, признаны незаконнорожденными, на томъ основаніи, что Казимиръ женился на ихъ матери, третьей своей женѣ, еще при жизни второй жены. Разумѣется, что при этомъ не забыли объявить этихъ принцессъ лишенными всякаго права на польскій престолъ, а для большей еще безопасности, одна изъ нихъ была отдана замужъ въ домъ графовъ Циллейскихъ, извѣстный своею безнравственностію.

Затѣмъ оставалось уничтожить актъ 1355 года. Обдѣлать это взяла на себя королева-мать, Елизавета, сестра Казимира Великаго, проживавшая въ Краковѣ, какъ правительница Польши. Вліяніе ея на управленіе Венгріей было таково, что ни одно значительное распоряженіе не дѣлалось безъ ея согласія, и ни одинъ почти важный указъ не обнародывался безъ того, чтобы въ немъ не упоминалось о ея «соизволеніи». Напротивъ того, нерѣдко ей поручалось исполненіе самыхъ щекотливыхъ и важныхъ дѣлъ; такъ напримѣръ, вскорѣ по вступленіи Лудовика на престолъ, пришлось ему принять участіе въ спорѣ за право владѣть Неаполитанскимъ королевствомъ, въ спорѣ, возникшемъ между братомъ его Андреемъ, скоро послѣ того умершимъ, и его супругою Іоанною. Чтобы склонить побѣду на сторону Андрея, Елизавета отправилась въ Римъ; въ короткое время она достигла своей цѣли, привлекла папу и всѣхъ, кто былъ ей нуженъ, и оставила надолго въ Италіи память о своей щедрости и великолѣпнн. Эта замѣчательная женщина вела переписку со всѣми европейскими дворами. Эдуардъ III англійскій утѣшаетъ ее послѣ смерти ея сына, Андрея; каждый изъ папъ, властвовавшихъ въ Римѣ во время долгой ея жизни, находился съ нею въ постоянныхъ сношеніяхъ и, какъ мы видѣли, они искали ея заступничества въ церковныхъ дѣлахъ передъ Лудовикомъ. По смерти Казимира Великаго она посѣлила въ Краковѣ и поселилась тамъ въ качествѣ не только намѣстницы короля венгерскаго и польскаго, но какъ «старшая королева польская».

Мѣстныя предубѣжденія бросили незаслуженную тѣнь на дѣйствія королевы Елизаветы въ Польшѣ; а между тѣмъ, ни одному изъ нихъ нельзя отказать по крайней мѣрѣ въ основа-

тельности. Однимъ изъ постоянныхъ ея стремленій было желаніе сблизить Великую и Малую Польшу. Но главнымъ ея занятіемъ было дѣло объ утвержденіи престола за одною изъ своихъ внукъ, и достиженіемъ этой цѣли, надо признаться, она положила основаніе могуществу Польши.

Для этого надо было уничтожить актъ 1355 года; но какъ было это сдѣлать? Всякая грамота, всякій документъ, всякій кусокъ пергамена, не только актъ такой важности, былъ въ то время почти святыней. Существова только въ одномъ экземплярѣ, неоглашаемый публикаціями, какъ это дѣлается теперь, всякій актъ, договоръ, всякій документъ, сохранялся какъ величайшая драгоценность, гдѣ-нибудь за тяжелыми замками, въ сокровенномъ мѣстѣ, не рѣдко замуровывался въ стѣнѣ; если такой документъ касался нѣсколькихъ лицъ, то онъ разрѣзывался на части, и каждую изъ нихъ сохраняло каждое изъ заинтересованныхъ лицъ, не разставалось съ нимъ и, собираясь куда-нибудь ѣхать, зашивало къ себѣ въ платье. Поддѣльватели документовъ стояли наравнѣ, какъ сказано въ буллѣ папы Мартина V, «съ язычниками, еретиками, жидами и съ самимъ антипапою (Бенедиктомъ XIII).» Но если таково было уваженіе къ каждому частному документу, и если все они сохранялись съ такою тщательностію, то, конечно, очень труднымъ дѣломъ было добыть или уничтожить актъ, касавшійся цѣлаго народа и сохранявшійся въ Краковскомъ соборѣ. Однакожь, нашелся человекъ, который взялся за это, и человекъ этотъ былъ архидіаконъ Краковского собора Завиша, сынъ краковского воеводы Добѣслава.

Странно, замѣчаетъ Шайноха, который вообще любитъ прерывать разказъ для изображенія современнаго быта,—странно, что начавши говорить объ измѣненіи въ судьбахъ польскаго народа, мы должны, послѣ короля и королевы, повести рѣчь о священникѣ. Но священническая ряса и составляетъ истинный фондъ въ картинѣ описываемой эпохи. Все происходило и дѣлалось посредствомъ священниковъ и для священниковъ. Въ то время папа былъ, по выраженію самыхъ свѣтлыхъ умовъ, божество на землѣ, владыка міра: не самъ ли папа, Бонифатій VIII, сказалъ, что «всея челоуѣки суть подданные папы римскаго, и что не вѣрующій въ это не можетъ спастися»? Армія папы, духовенство, будучи впрочемъ просвѣщеннѣе всея остальныхъ сословій, овладѣла всеми управленіями, всеми должностями, всеми сферами дѣятельности; современникъ Гуса, извѣстный

канцлеръ парижской академіи, Герсонъ, горько жалуется на многочисленность монаховъ и монашескихъ орденовъ, которые составляютъ бремя для всего общества, а Гусъ говоритъ: «посмотрите: маркграфъ—монахъ, сборщикъ податей—монахъ, главный судья—монахъ, помощникъ его—монахъ, королевскій кухмистеръ—монахъ, земскій писарь—тоже монахъ.»

Но возвратимся къ Завишѣ. Онъ принадлежалъ къ одной изъ самыхъ богатыхъ и сильныхъ фамилій въ Малой Польшѣ, Курожвенковъ (герба розы), находившейся въ родственныхъ связяхъ со многими значительными людьми того времени, и между прочимъ съ краковскимъ епископомъ, Бадвантомъ, о которомъ намъ придется не разъ упомянуть, и познанскимъ, Николаемъ изъ *Курника*¹ (герба ладьи). При помощи своихъ родственниковъ Завиша скоро сдѣланъ былъ краковскимъ архидіакономъ, должность, съ которою соединялось обширное поприще церковной администраціи, и членомъ совѣта короля Казимира. Въ школѣ этого короля, благословляемаго народомъ, но не любимаго духовенствомъ, имѣнія котораго онъ обложилъ податями, Завиша и его неразлучный другъ, Николай, епископъ познанскій, научились быть противниками привилегій духовенства, чѣмъ, разумѣется, возбудили противъ себя вражду своихъ собратьевъ, но сдѣлались популярными между шляхетствомъ и крестьянствомъ, а такъ какъ въ это время въ Краковѣ занималъ важное мѣсто подканцлера Янко изъ *Чарикова*, архидіаконъ гнѣзненскій Великополянинъ, и такъ какъ всѣ Великополяне были противъ престолонаслѣдія въ женской линіи, то королева удалила его и отдала его мѣсто Завишѣ, котораго вскорѣ потомъ сдѣлала и канцлеромъ королевства.

Должность канцлера была важнѣйшею изъ должностей, потому что въ его рукахъ была государственная печать, безъ приложенія которой никакой актъ не имѣлъ полной силы, а мы уже знаемъ, какое почти религіозное значеніе придавалось въ то время каждому листу пергамента. Приложение печати теперь считается въ официальныхъ бумагахъ дѣломъ, усили-

---

¹ О значеніи герба и рода будетъ говорено подробно въ послѣдствіи; здѣсь замѣтимъ только, что мѣсто происхожденія или жительства, напримѣръ, изъ *Шубина*, изъ *Илицы*, служило отличіемъ лицъ, принадлежащихъ къ одному роду и мало-по-малу обратилось въ собственное имя или *фамилію*, когда принципъ рода ослабѣлъ и уступилъ мѣсто семейному принципу.

вающимъ значеніе подписи, а въ тѣ времена, когда ббольшая часть народа была безграмотна, печать имѣла двойное значеніе; подпись мало кто могъ разобрать, и печать ее вполнѣ замѣняла. Извѣстно много случаевъ, что какой-нибудь обманщикъ, искусно поддѣлавъ печать на кускѣ пергамена, заставлялъ отворять себѣ ворота города или замка. Сообразивъ это, мы поймемъ важность канцлерской должности въ описываемое время. Что касается до Завиши, то, получивъ ее въ молодыхъ еще лѣтахъ, онъ не въ состояніи былъ согласовать съ ея важностію свое поведеніе, и его не безъ основанія упрекали въ вѣтрености, легкомысліи и увлеченіи удовольствіями, чему представлялъ просторное поприще веселый дворъ краковскій; молодой канцлеръ, изящный въ манерахъ и одеждѣ, живой и страстный по природѣ, большой охотникъ до музыки и обожатель женщинъ, имѣлъ тамъ огромный успѣхъ. Королева принуждена была не рѣдко удерживать его, даже строго выговаривала ему, но дорожила имъ, какъ по причинѣ его способностей, такъ и во вниманіи къ его связямъ, и наконецъ еще потому, что Завиша ручался, что онъ добьется уничтоженія документа 1355 года. Въ самомъ дѣлѣ казалось, что Завиша могъ исполнить это обѣщаніе; возможность вступленія женщины на польскій престолъ уже допущена было Вислицкимъ статутомъ; что касается до расположенія умовъ, то въ Малой Польшѣ оно не могло внушить сильныхъ опасеній по причинѣ большаго тамъ вліянія Куровженковъ и ихъ друзей. Великая Польша въ этомъ отношеніи возбуждала болѣе сомнѣній; но названный уже нами епископъ познанскій Николай, другъ Завиши, дѣятельно хлопоталъ о составленіи и тамъ приверженной женскому престолонаслѣдію партіи. Разумѣется, что все это стоило королю большихъ издержекъ: извѣстно, что понятія среднихъ вѣковъ были снисходительны и относительно людей, которые пріобрѣтали приверженцевъ этимъ путемъ, и относительно тѣхъ, которые поступали въ число этихъ послѣднихъ, да и вообще въ средствахъ были тогда не разборчивы; болѣе образованные Малополяне безъ церемоній торговались, когда отъ нихъ требовалась услуга, а Великополяне не задумывались и просто грабить по большимъ дорогамъ; не много въ этомъ отношеніи церемонились и коронованныя особы: король Казиміръ достигъ утверженія престола своего за Лудовикомъ только помощію раздачи вліятельнымъ людямъ многихъ замковъ, а его современникъ,

Вацлавъ, просто купилъ цѣною золота императорскую корону у германскихъ курфирстовъ; наконецъ папа продавалъ отпущеніе грѣховъ и отворялъ за деньги врата рай. Нечего удивляться, слѣдовательно, что Лудовикъ и Елизавета расплачивались землями, замками и достоинствами за приобрѣтеніе союзниковъ и доброжелателей.

Съ помощію всѣхъ этихъ средствъ, на кошицкомъ ¹ съѣздѣ (1373), старшая дочь короля, Екатерина, признана наследницею польскаго престола. Лудовикъ такимъ образомъ достигалъ своей постоянной цѣли: каждая изъ трехъ его дочерей получала по королевству. Къ несчастію для него, вскорѣ послѣ того умерла Екатерина, и потому сдѣланное уже дѣло надо было вновь передѣлывать. Мы сейчасъ увидимъ, къ какому оригинальному средству прибѣгъ Лудовикъ для склоненія на свою сторону Поляковъ и особенно Великополянъ, которые съ видимымъ отвращеніемъ думали о томъ, что женщина можетъ сдѣлаться ихъ королемъ.

II.

Въ половинѣ сентября 1374 года назначенъ былъ, опять въ Кошицѣ же, второй съѣздъ. Умы, казалось, были очень расположены къ оппозиціи. Чтобы побѣдить ее, король, по совѣту Завиши и Владислава, князя Опольскаго, бывшаго палатиномъ Венгріи, отдалъ приказаніе великопольскимъ и малопольскимъ старостамъ собирать, на основаніи старинныхъ узаконеній, подать, называемую *poradnie*, то-есть посошную подать. Это была дѣйствительно весьма древняя повинность, взимавшаяся сначала въ натурѣ, хлѣбомъ, а потомъ хлѣбомъ или деньгами, и нѣсколько разъ мѣняла свое наименованіе. Г. Шайнахъ вдается въ довольно длинное изслѣдованіе различныхъ повинностей, существовавшихъ въ Польшѣ въ древнія времена, повинностей очень разнообразныхъ и многосложныхъ; мы пропускаемъ это изслѣдованіе, какъ мало интересное для русскихъ читателей, и скажемъ только, что нѣкоторыя изъ этихъ повинностей мало-по-малу вышли изъ употребленія вовсе, или были уступлены королями частнымъ людямъ. Такъ было и съ посошною податью; поэтому

¹ Кошица есть нынѣшній Кашау, въ Венгріи.

повелѣніе Лудовика произвело чрезвычайное неудовольствіе между шляхтою, тѣмъ болѣе что подать была и въ самомъ дѣлѣ довольно значительна, а именно съ каждаго плуга зерномъ и деньгами на сумму болѣе нежели 12 нынѣшнихъ злотыхъ, а взиманіе подати производилось тогда съ величайшею строгостію, такъ что у неисправныхъ плательщиковъ отнимали ихъ движимое и недвижимое имущество. Весьма недовольная шляхта отправила къ королю, въ его венгерскую столицу, депутацію, просить его объ отмѣнѣ распоряженія, на томъ основаніи, что пососная подать уничтожена Казиміромъ Великимъ; но король отвѣчалъ, что онъ ничего объ этомъ не знаетъ, и никогда не слышалъ, чтобы существовалъ актъ, ее уничтожающій. Это было впрочемъ справедливо: Казиміра просили объ уничтоженіи пососной подати, и онъ на это согласился, но распоряженія никакого не было имъ сдѣлано. Впрочемъ, Лудовикъ, желая назначеніемъ этого налога принудить шляхту къ уступчивости, обѣщалъ отказаться отъ своего права, если она съ своей стороны уничтожитъ постановленіе, устраняющее отъ престола женскую линію. Разрѣшеніе этого вопроса превышало полномочіе депутатовъ, и вотъ для совѣщаній-то по этому предмету былъ назначенъ второй кошицкій съѣздъ.

Малопольская шляхта была не прочь исполнить желаніе короля; но Великая Польша, не взирая на старанія епископа познанскаго и на содѣйствіе значительнаго тамошняго рода, Гжималовъ, никакъ не соглашалась уступить. Во главѣ оппозиціи была фамилія Наленчей (Nalecze).

Какъ скоро всѣ съѣхались, начались совѣщанія двумя отдѣльными колами, или кругами: великопольскимъ и малопольскимъ. Главными руководителями какъ тѣхъ, такъ и другихъ, были: архіепископъ гнѣзненскій, Янушъ, по прозванію *Сухой Волкъ* (Suchy Wilk), изъ рода Гжималовъ, который однакожь въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ не въ союзѣ съ своими родичами или *братачками*, а держался мнѣній своей великопольской паствы, хотя втайнѣ не раздѣлялъ ея образа мыслей. То же должно сказать и о кувякомъ епископѣ, Збилутѣ (Zbilut), который, хотя лично былъ расположенъ въ пользу желанія королевскаго, но уступалъ вліянію Великополянъ, которые вообще были настойчивы и неуступчивы въ своихъ мнѣніяхъ, противорѣчій не любили и, случалось, просто колотили возражателей; подобно Збилуту поступалъ и Сендзивой изъ *Шубина*, генеральный староста Великой Польши, также какъ и предше-

ствующій, принадлежавшій къ гербу *топора*. Всѣ они были втайнѣ преданы видамъ короля, но не смѣли этого обнаружить, и, не исключая Николая, епископа познанскаго, на котораго королева Елизавета возлагала большія надежды, дѣйствовали слабо. За то Малая Польша была явно на сторонѣ короля.

При такомъ взаимномъ положеніи партій, начались переговоры между съѣхавшеюся шляхтою и королемъ о существованіи или несуществованіи пососнаго права. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ, Лудовикъ, не отступаясь отъ принципа права, изъявилъ согласіе на уменьшеніе подати до двухъ грошей съ плуга, съ тѣмъ впрочемъ, чтобъ эта подать падала на всѣ владѣнія, на имѣнія духовныхъ лицъ, равно какъ и свѣтскихъ, тогда какъ прежде она ограничивалась одними послѣдними. Большая часть духовенства, ни мало не колеблясь, согласилась на это; малопольская шляхта—также; но Великополяне упорствовали, и не безъ основанія, потому что подать и въ два гроша казалась, и дѣйствительно была, тяжела для мелкопомѣстныхъ великопольскихъ шляхтичей, которые нерѣдко собственными руками воздѣлывали землю, и слѣдовательно не могли, какъ богатые землевладѣльцы Малой Польши, возложить эту подать на своихъ оброчниковъ. Они, слѣдовательно, сопротивлялись самымъ рѣшительнымъ образомъ и готовы были, какъ Поляки говорятъ, *сорвать сеймъ и разѣхаться*; но каково было ихъ удивленіе, когда они увидѣли, что городскія ворота заперты! Не оставалось ничего другаго, какъ согласиться.

Актомъ или условіемъ кошицимъ ¹ признавалось право наследства польскаго престола въ женской линіи, а король освобождалъ шляхту отъ всякихъ повинностей и податей за исключеніемъ двухъ грошей съ дана земли. Кромѣ того было постановлено: что 1) въ случаѣ нападенія на Польшу вся коронная шляхта обязывается вооружиться; 2) еслибы въ войнѣ короля внѣ предѣловъ отечества кто-либо изъ шляхтичей потерпѣлъ ущербъ или попался въ плѣнъ, король обязывался вознаградить его; 3) если во время мира, который-либо изъ королевскихъ замковъ потребовалъ исправленій, эти исправленія должны производиться на счетъ короля; но эти же исправленія и самое содержаніе замковъ во время войны падало на

¹ Шайноха приводитъ его in extenso.

шляхетство тѣхъ повѣтовъ, въ которыхъ они находятся.

4) Если король съ согласія шляхты начнетъ строить замокъ, то весь народъ обязывается помогать ему въ этомъ; но если такая постройка предпринята безъ согласія шляхты, то король можетъ производить ее на собственный счетъ. 5) Должности, соединенныя съ правомъ суда, каковы каштелянская, старостинская, король имѣетъ право раздавать не иначе какъ природнымъ Полякамъ¹, и притомъ только уроженцамъ тѣхъ земель, гдѣ эти должности открываются, но съ тѣмъ однакожъ, чтобы лица эти не принадлежали къ княжеской фамиліи².

По совершеніи акта, ворота городскія открылись; великопольская шляхта развѣхалась недовольная, смущенная, огорченная униженіемъ стародавнихъ своихъ обычаевъ. И въ самомъ дѣлѣ, хотя кошицкій актъ играетъ важную и во многихъ отношеніяхъ благотѣльную роль въ исторіи Польши, но современіи его заключенія послѣдовали очень чувствительныя измѣненія даже въ самомъ бытѣ народа, въ общественныхъ отношеніяхъ, въ судопроизводствѣ, въ системѣ защиты страны и въ значеніи рода. Прививной европеизмъ, говоритъ Шайноха, восторжествовалъ на польской почвѣ.

По прежнимъ, стародавнимъ понятіямъ, шляхтичи, имѣвшіе одинъ гербъ, составляли одинъ, хотя и весьма иногда развѣтвлявшійся родъ, удерживавшій за собою недвижимыя имуществва. Какъ бы ни отдаленно было родство людей одного герба, между ними сохранялось много солидарности, каждый изъ нихъ отстаивалъ другаго, помогалъ и покровительствовалъ. Признаніе за женщиною права на такое наслѣдіе, которое доселѣ принадлежало только мужескому полу, наносило сильный ударъ принципу рода и силѣ гербового единства; изъ старинныхъ родовъ и одногербовыхъ братствъ начинаютъ выдѣляться *фамиліи*,—одинокіе, безпомощныя единицы. Не менѣе глубокая и болѣе осязательная перемѣна произошла въ

¹ Замѣтимъ, что магистратура и до самаго конца была въ Польшѣ въ весьма хорошемъ положеніи; судья былъ лицо уважаемое въ околоткѣ, и должности судейской искали люди лучшихъ фамилій.

² Слово земля въ исторіи Польши имѣетъ особое значеніе; такъ назывались части Польскаго государства, сдѣлавшіяся въ послѣдствіи простыми провинціями, но долго стремившіяся къ сохраненію своей самостоятельности, которой 5 пунктъ кошицкаго акта служитъ выраженіемъ. Куявія, напримѣръ, не желала, чтобы Сендомирецъ занималъ въ ней публичную, а особенно судебную должность.

судопроизводствѣ страны. Судебная власть встарину принадлежала каштелянамъ, то-есть комендантамъ королевскихъ замковъ; но такъ какъ около этого времени съ каштелянскою должностію соединилась обязанность сенаторская, принуждавшая къ частымъ отлучкамъ въ Краковъ и на сеймы, то судебныя обязанности каштеляновъ мало-по-малу перешли къ старостамъ, что, разумѣется, возвысило значеніе этихъ послѣднихъ и побудило значительнѣйшую и богатѣйшую часть шляхты искать старостинскихъ должностей, такимъ образомъ установилась живая связь между магистратурой и народомъ ¹.

Но самое глубокое измѣненіе произошло въ системѣ оборони края. До кошицкаго договора обязанность военной службы лежала вообще на всѣхъ землевладѣльцахъ, то-есть шляхтичахъ, солтысахъ ², и даже кметахъ или крестьянахъ; это было скорѣе правомъ или привилегіей для народа, ибо всякій, возвращавшійся съ войны, возвращался съ добычею, взятые имъ плѣнные поступали къ нему въ работники и обогащали его своимъ выкупомъ; наконецъ для солтысовъ и крестьянъ война была прямѣйшимъ путемъ къ шляхетскому званію. Кошицкій актъ ограничивалъ право участія въ военныхъ походахъ и предоставлялъ его одной шляхтѣ, или по крайней мѣрѣ обязывалъ къ тому одну шляхту, которая такимъ образомъ пріобрѣтала исключительно видное положеніе въ странѣ, положеніе очень выгодное, такое, какого не имѣло дворянство ни въ одномъ европейскомъ государствѣ; она не отбывала никакихъ обязанностей относительно короны, кромѣ платы 2 грошей съ лана землѣ, имѣла право суда въ чертѣ своихъ имѣній, за исключеніемъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ преступленій, подлежащихъ суду старостинскому; но за то она лишилась возможности пополняться новыми людьми, новыми силами, обновляться, заключилась въ безвыходный кругъ, въ которомъ она въ послѣдствіи и зачахла.

¹ Для читателей, любопытствующихъ ближе ознакомиться съ внутреннею организаціей Польши, можно рекомендовать статью г. Рехневскаго въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1858 года.

² Солтысами первоначально называли начальника, голову свободныхъ людей, которыхъ землевладѣльцы, особенно въ Малой Польшѣ, нерѣдко приглашали для заселенія и обработки своихъ земель. Солтысы пользовались въ своихъ селеніяхъ не только административною, но и судебною властію и значительными доходами; они кромѣ того, наравнѣ съ шляхтичами, ходили на войну.

Впрочемъ, кошицкій договоръ былъ только шагомъ, небольшимъ шагомъ отъ старопольскихъ обычаевъ и правъ къ новымъ; слѣды старины не были еще окончательно стерты: разграниченіе между шляхтою и не-шляхтою еще не было такъ рѣзко, какъ оно сдѣлалось въ послѣдствіи; отправленіе публичныхъ должностей не стало еще исключительною принадлежностію одного сословія; отъ службы были изъяты только иностранцы, да и то въ нѣкоторыя менѣе значительныя должности допускались иностранцы, поселившіеся въ Польшѣ. Король владѣлъ еще обширными имѣніями, которыя были въ послѣдствіи розданы; народъ сохранялъ еще въ свѣжей памяти права, которыя отъ него ускользали; у городовъ еще спрашивали согласія на *кошицкія условія*.

Когда шляхта разъѣхалась, отправилась и королева Елизавета изъ Кракова въ Венгрію. Семейство венгро-польскаго короля состояло тогда, кромѣ королевы матери и супруги короля, изъ двухъ малолѣтнихъ дочерей, Маріи и Ядвиги, изъ коихъ первая была обручена за Сигизмунда Люксембургскаго, а послѣдняя за Вильгельма Габсбургскаго. Маріи предназначалась Польша, Ядвигѣ Венгрія. Старшей изъ нихъ было во время кошицкаго съѣзда пять лѣтъ, а младшей четыре года; женихъ ея былъ только годомъ старѣе ея, но это не помѣшало, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, совершить и обрядъ бракосочетанія надъ этими дѣтьми. Они скоро были потомъ обвѣнчаны (весною 1373 года) въ городѣ Гамбургѣ; обрядъ проеходилъ со всевозможною пышностію и сопровождался пирами и увеселеніями; заключеннымъ же здѣсь договоромъ постановлялось, между прочимъ, что новобрачные, по достиженіи ими двѣнадцатилѣтняго возраста должны быть вновь обвѣнчаны, что супругъ и супруга приносятъ за собою каждый по 200.000 червонцевъ, и что тотъ изъ нихъ, кто переживетъ другаго, пользуется приданнымъ обвѣихъ сторонѣ. Кромѣ того было постановлено, что маленькіе новобрачные будутъ жить до совершеннолѣтія въ семействѣ будущихъ своихъ родителей, вслѣдствіе чего, когда свадебныя пиროванія наконецъ кончились, Ядвига отправилась въ Вѣну, а Вильгельмъ въ Буду.

Королева-мать возвратилась въ Краковъ, и здѣсь въ свою очередь начался рядъ увеселеній по случаю вожделѣннаго окончанія постоянной и главнѣйшей цѣли всѣхъ усилій Лудовина. Къ сожалѣнію эти лякованія были нарушены вопервыхъ извѣстіемъ о вторженіи Литовцевъ, которые проникли до Сен-

домира и Тарнова, а ввоторыхъ кровопролитною дракой между Поляками и прибывшими въ свитѣ королевы Венгерцами, которыхъ при этомъ погибло 160 человекъ. Происшествіе это, само по себѣ не особенно важное, доказывало однакожъ съ какимъ нетерпѣніемъ Польша чувствовала на себѣ иноземное иго, какъ велико можетъ быть сопротивленіе, которое могло встрѣтить въ этой странѣ правительство венгерскаго короля, и надо признаться, что это было не безъ основанія. Желая отмстить Литовцамъ за сдѣланный ими набѣгъ, король пошелъ на нихъ войною и взялъ у нихъ нѣсколько городовъ, но присоединилъ ихъ не къ польской, а къ венгерской коронѣ; вскорѣ послѣ того онъ точно также поступилъ въ отношеніи къ Черной Руси, которую отдалъ въ управленіе венгерскому палатину князю Опольскому, Владиславу. Въ этомъ отношеніи малопольскіе паны оказали явную слабость и nepозволительную уступчивость; но Лудовикъ умѣлъ задобрить и привлечь ихъ раздачей должностей и маестностей. Между тѣмъ Владиславъ, съ самаго перваго шага, возбудилъ противъ себя неудовольствіе во вновь-приобрѣтенной странѣ упорнымъ своимъ желаніемъ водворить въ ней католическую вѣру и истребить восточное православіе. Предубѣжденный подобно самому королю противъ восточной церкви и не понимая глубокой связи между національною религіей и національнымъ чувствомъ, онъ воображалъ, что истребляя «восточный расколъ», онъ оказываетъ услугу цивилизаціи. Между тѣмъ неприкосновенность въ дѣлѣ религіи была Галичанамъ гарантирована формальнымъ актомъ Казимира Великаго, который во все время своего царствованія не нарушалъ своего слова; правда, латинское духовенство было этимъ крайне недовольно и горько жаловалось на него папѣ, который въ послѣдствіи, при преемникѣ его, писалъ, «что «до правленія Лудовика Русь утопала въ невѣрїи и ереси, которыя поглащали ее подобно волнамъ морскимъ». Дѣйствительно, восточное богослуженіе отправлялось тамъ въ это время совершенно свободно; но какъ скоро сѣлъ на престолъ Лудовикъ, и особенно какъ только Русь попала подъ управленіе «онѣмечившагося Силезца Опольчика», дѣло пошло совершенно иначе, и постоянною заботой того и другаго было: «извлечь страну изъ ереси и идолопоклонства и *возвратить* (?) ее въ лоно католицизма.» Папа Григорій XI «вновь освятилъ слѣды католицизма на Руси», говоритъ Шайноха; но мы, не имѣя болѣе тонныхъ извѣстій о существованіи въ южной Руси

этихъ «слѣдовъ католицизма», который былъ вводимъ тамъ во время кратковременнаго подчиненія ея Польшѣ при Болеславѣ Храбромъ, позволяемъ себѣ сомнѣваться въ точности выраженія буллы папы Бонифація IX, на которую ссылается нашъ авторъ, тѣмъ болѣе что послѣдствія явно обнаружили непрочность латинскаго начала въ массѣ народа этой страны. Объявляя, продолжаетъ Шайноха, прежнія католическія церкви въ Галичѣ, Перемышлѣ, Владимирѣ и Холмѣ кафедральными и возводя первую въ архіепископство, а послѣднія въ епископства, римскій владыка, согласно желанію Лудовика и Владислава, предалъ проклятію бывшихъ здѣсь православныхъ епископовъ, новые же сановники латинской церкви были надѣлены обширными маестностями.

Князь Опольскій былъ, какъ сказано, во всемъ касавшемся Чермной Руси ревностнымъ и точнымъ исполнителемъ видовъ короля; за то и королевскія щедроты сыпались на него: владѣя уже одною изъ прекраснѣйшихъ и обширнѣйшихъ областей Венгро-Польскаго государства, онъ получилъ еще множество земель, городовъ и маестностей всякаго рода, такъ что, подъ конецъ, его владѣнія простирались отъ Кракова до границъ Пруссіи, и такъ какъ онъ самъ давно и вполне сдѣлался Нѣмцемъ, то и зависѣвшую отъ него часть Польши онъ старался, сколько возможно было, онѣмечивать, подобно его родовому наслѣдію, Силезіи.

Этотъ-то ненавистный польской націи князь былъ сдѣланъ, послѣ смерти королевы Елизаветы (1380), королевскимъ наместникомъ въ Польшѣ. Впервыхъ, назначеніе это противорѣчило кошницкому договору, которымъ постановлялось, чтобъ управленіе Польшею не было ввѣряемо никому изъ членовъ королевскаго дома; во вторыхъ назначеніе это было въ высшей степени не популярно: не было человека болѣе антипатичнаго польской натурѣ какъ этотъ полунѣмецъ, медленный, невозмутимый, покровитель купцовъ и ремесленниковъ и врагъ шляхты. Великополяне отправили въ Венгрію депутацію съ протестомъ противъ этого назначенія, и протестъ этотъ не остался безъ дѣйствія. Владиславъ былъ смѣненъ; вмѣсто него назначенъ триумвиратъ, состоявшій изъ Добѣслава изъ *Куражвенкз*, сына его, Завиши, и Сендзивоя изъ *Шубина*.

Между ними первымъ лицомъ былъ Завиша; онъ даже подписывался вице-королемъ, и безъ него остальные два его товарища не могли сдѣлать никакого значительнаго распоряженія,

какъ это мы сейчасъ увидимъ. Король, строгій администраторъ вмѣнилъ *триумвирату* въ первую обязанность выикнуть въ злоупотребленія, гнѣздившіяся въ разныхъ управленіяхъ, вслѣдствіе чего и была имъ объявлена повсемѣстная ревизія; она началась съ малопольнскаго города Вислицы; но отсюда отправились далѣе только Добѣславъ и Сендзивой; что же касается до Завиши, то онъ преданъ свѣтскимъ удовольствіямъ и остался. Товарищи его прибыли въ Брестъ куявскій, приняли многочисленныя поданныя имъ жалобы, но не имѣя права сдѣлать безъ Завиши какое-либо распоряженіе, отправились далѣе, сопровождаемые челобитчиками, какъ это нерѣдко водилось при обычномъ въ то время «кочевомъ» судопроизводствѣ. Но въ слѣдующемъ городѣ повторилось то же самое; въ третьемъ опять то же, а толпа людей, ожидавшихъ рѣшенія и сопровождавшихъ сановниковъ, увеличивалась, и наконецъ стала такъ многочисленна, что въ Калишѣ имъ было объявлено, что до прибытія Завиши дѣла рѣшены не будутъ. Оскорбленные и раздраженные челобитчики принуждены были разѣхаться, потратившись на бесполезную прогулку въ свѣтѣ верховныхъ сановниковъ.

Въ то же почти время случилось другое происшествіе, произведшее въ народѣ глубокое раздраженіе и имѣвшее серьезныя послѣдствія. Одинъ изъ богатѣйшихъ и сильнѣйшихъ тогдашнихъ пановъ, Бартошъ изъ *Одолянова*, былъ съ тѣмъ вмѣстѣ однимъ изъ ревностнѣйшихъ приверженцевъ строгой національности и старопольскихъ обычаевъ: естественно, что онъ не нравился королю. Случилось, что какой-то Французъ объявилъ противъ Бартоша претензію на огромную сумму 18 т. золотыхъ; претензія была признана справедливою, а такъ какъ Бартошъ не думалъ подчиняться и выплачивать требуемой суммы, то король рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы придавить слишкомъ сильнаго вассала; старосты его вывели противъ одоляновскаго пана многочисленныя эскадроны, но отъ нихъ досталось не Бартошу, а церковнымъ имѣніямъ, черезъ которыя они проходили, и которыя были начисто разграблены къ соблазну и неудовольствію націи, а непокорный вассалъ своею безнаказанностію увеличивалъ и безъ того большое число своихъ приверженцевъ.

Дѣла Лудовика въ Польшѣ вообще начинали запутываться. Черезъ два года послѣ смерти королевы-матери, бывшей ему столько полезною, умеръ и возвышенный ею до первыхъ

ступеней въ государствѣ Завиша (1382), а черезъ два мѣсяца послѣ него, его постоянный наперсникъ Николай, епископъ познанскій, и почти черезъ такой же промежутокъ времени, архіепископъ гнѣзненскій, Янушъ *Сухой Волкъ*; а такъ какъ не задолго передъ тѣмъ умеръ и плоцкій епископъ, то всѣ четыре польскіе епископскіе престола оказались вакантными въ одно время. Лишившись такимъ образомъ главѣйшихъ опоръ своей власти, король заботился конечно замѣнить ихъ новыми, не менѣе ихъ преданными себѣ, а между тѣмъ сталъ энергически клонить дѣла къ утверженію на польскомъ престолѣ своего зятя, жениха старшей своей дочери Маріи. Съ этою цѣлю онъ созвалъ въ небольшой венгерскій городокъ Зволень, гдѣ находился по случаю охоты, главѣйшихъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ, расположенныхъ къ венгерской династіи, и представилъ имъ четырнадцатилѣтняго Сигизмунда, какъ будущаго короля ихъ; новый архіепископъ гнѣзненскій, Бодзанта, первый присягнулъ ему, а за нимъ и всѣ присутствовавшіе. За тѣмъ Сигизмундъ былъ посланъ въ Польшу, чтобъ усилить войско, осадившее Бартоша, а для совѣта были къ нему приставлены уже намъ извѣстные Бодзанта, Сендзивой и Домарать, Малополянинецъ, назначенный вмѣстѣ съ тѣмъ генеральнымъ старостой Великой Польши, къ большому неудовольствію тамошней шляхты.

Въ Польшѣ продолжало быть неспокойно. Бартошъ не только не обнаружилъ смиренія и покорности, но завелъ связи съ княземъ мазовецкимъ, Земовитомъ, котораго обыкновенно звали Семкомъ (Семеномъ) или Семашкой, и который, такъ-сказать, *фрондировалъ* противъ короля въ своемъ небольшомъ княжествѣ. Королевское войско, прибывшее съ Сигизмундомъ, направилось противъ владѣній Бартоша и осадило Одоляновъ. Не извѣстно, чѣмъ окончилась бы эта осада, но въ то время, какъ она производилась, получено было извѣстіе о смерти короля (1382).

Скрывая еще смерть короля, совѣтники Сигизмунда стали обдумывать мѣры къ спокойному переходу престолонаслѣдія; для этого первымъ дѣломъ представлялось немедленное примиреніе съ Бартошемъ, имѣвшимъ огромное вліяніе въ Великой Польшѣ, а потому съ нимъ открыты были переговоры, вслѣдствіе которыхъ корона приобрѣтала Одоляновъ, но не оружіемъ, а за деньги, по обоюдному соглашенію. Окончивъ такимъ образомъ дѣло, которое въ настоящихъ обстоятель-

ствахъ могло повести къ большимъ затрудненіямъ, Сигизмундъ отправился въ Великую Польшу для принятія присяги на вѣрноподданство. Начало было для него счастливо: города этой страны, населенные въ большомъ числѣ иностранцами, особенно Нѣмцами, немедленно присягнули ему. Стала съѣзжаться и шляхта. Казалось, что и съ ея стороны не будетъ сильнаго сопротивленія. Красивая наружность молодого принца, его высокій ростъ, прекрасныя черты его лица и величавая рыцарская одежда говорили въ его пользу; и въ самомъ дѣлѣ, шляхта была довольно расположена къ нему, видя въ немъ мужа Казиміровой внуки: «Пусть только, говорила она, онъ удалитъ Домарата.» Это желаніе было ему выражено въ Познани; Сигизмундъ принялъ его съ неудовольствіемъ и отказалъ, а шляхта, въ свою очередь оскорбившись, собралась въ кафедральномъ соборѣ и тутъ же положила не чинить присяги, пока останется Домаратъ.

Не обращая на это большаго вниманія, Сигизмундъ позволилъ шляхтѣ разѣхаться, а самъ отправился въ Гнѣзно. Здѣсь, архіепископъ, преданный венгерскому дому, встрѣтилъ Сигизмунда съ большою торжественностію, отслужилъ пышную панихиду по его тѣстѣ; но, по окончаніи ея, явилась депутація отъ шляхты съ просьбой удалить Домарата. Сигизмундъ отказалъ и здѣсь, уже съ большимъ неудовольствіемъ, и отправился въ Брестъ (Куявскій). Здѣсь повторилась прежняя исторія: опять депутація и опять покорное прошеніе объ удаленіи Домарата. На этотъ разъ Сигизмундъ не вытерпѣлъ, разгнѣвался и объявилъ депутаціи, что строго накажетъ зачинщиковъ, а потомъ уѣхалъ къ нѣмецкимъ рыцарямъ.

III.

До сихъ поръ мы знакомили читателя только съ содержаніемъ Шайнохиной книги, бѣгло проходя по главнѣйшимъ чертамъ ея изложенія, опускаая многія подробности и лишая его такимъ образомъ возможности судить о художественныхъ достоинствахъ нашего автора. Въ настоящей главѣ и въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ, болѣе, какъ кажется, любопытныхъ для русскаго читателя, я буду ближе придерживаться под-

линника и даже передавать цѣлыя страницы въ возможно-точномъ переводѣ.

«Занявшись внутренними дѣлами Польши и ея отношеніями къ Венгріи, говоритъ Шайноха, мы не имѣли случая заглянуть въ сѣверныя ея провинціи, къ крестовымъ рыцарямъ ¹; грозная тѣнь которыхъ такъ рѣзко ложилась на тогдашнюю Польшу, что рѣдкое изъ событій въ ней обходилось безъ ихъ вмѣшательства. Правда, сорокъ лѣтъ не было уже войны съ ними, но этотъ миръ Польша купила униженіемъ, потому что послѣдняя ея война съ орденомъ окончилась рѣшительнымъ перевѣсомъ его надъ нею.»

Вся исторія его отношеній къ Польшѣ, съ самаго его водворенія въ Пруссію, раздѣляется на нѣсколько рѣзко-отличающихся одинъ отъ другаго періодовъ. Полтораستا лѣтъ передъ описываемою эпохой, водворенные Польшей крестовые рыцари въ продолженіи полувѣка пользовались ея помощію противъ Пруссовъ; въ слѣдующее за тѣмъ полу столѣтіе орденъ уже обращаетъ оружіе противъ прежней своей покровительницы, а во время бурнаго царствованія Владислава Локѣтка, отхватываетъ у нея Поморье (Померанію), Добжинь, Куявію, лучшую часть ея земель и путь ея къ морю. «Теперь истекало третье пятидесятилѣтіе, время для рыцарей мирнаго устройства въ занятыхъ ими земляхъ, для Польши—излѣченія посреди мира своихъ ранъ, печальныхъ ранъ, нанесенныхъ рыцарями.»

Казиміръ Великій, хотя и отнялъ у рыцарей Куявію, но долженъ былъ оставить за ними Поморье, потому что въ народѣ еще свѣжа была память о послѣдней войнѣ съ ними, во время которой были сожжены или раззорены Гнѣзно, Брестъ (Куяв-

---

¹ Одинъ изъ мазовецкихъ князей, Конрадъ, во второй четверти XIII вѣка, страдая отъ набѣговъ Прусаковъ, пригласилъ рыцарей занять принадлежавшій ему городъ Кульмъ и заняться усмиреніемъ и приведеніемъ въ христіанство Прусаковъ-язычниковъ: таково было начало въ Польшѣ Тевтонскаго ордена, который сдѣлался страшнымъ Польшѣ почти столько же, какъ Пруссія, особенно когда онъ, черезъ нѣсколько лѣтъ по прибытіи въ Кульмъ, соединился съ Ливонскимъ орденомъ меченосцевъ. Съ XV вѣка начинается паденіе Нѣмецкаго ордена, который въ 1525 году пересталъ существовать: его великій магистръ, Альбертъ Бранденбургскій, принялъ протестантство, женился и секуляризировалъ свои владѣнія, положивъ такимъ образомъ начало прусскому государству.

скій) и сто другихъ городовъ. Ограничиваясь на первый разъ хотя небольшимъ успѣхомъ, Казиміръ успѣшилъ заключить миръ съ магистромъ Лудольфомъ, и всѣми мѣрами старался поддержать съ нимъ добрыя отношенія, за что впрочемъ многіе упрекали его. Но что дѣлалъ этотъ государь по необходимости (всѣ современные ему писатели признаютъ, что онъ не имѣлъ возможности бороться съ рыцарями), то его преемникъ дѣлалъ по личному къ нимъ расположенію, въ память своихъ старыхъ къ нимъ отношеній, когда онъ, въ шлемѣ и латахъ, сражался въ ихъ рядахъ. Сдѣлавшись королемъ, онъ успѣшилъ снять съ ордена ту тѣнь зависимости, которая лежала на немъ относительно Поморья, и которую умѣлъ удержать даже Казиміръ въ затруднительныхъ своихъ обстоятельствахъ; Лудовикъ, напротивъ того, даровалъ имъ огромныя торговыя преимущества, въ ущербъ польской, особенно краковской торговлѣ.

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, правленіе магистра Винриха фонъ-Книпрода (1351—1382) было блестящимъ въкомъ для ордена; при немъ же начала обнаруживаться та природная двойственность ордена, которая причинила столько бѣдствій всѣмъ смежнымъ съ нимъ народамъ, особенно польскому. Будучи воинами и монахами, рыцари воевали, преимущественно въ послѣдующее время, еще болѣе словомъ нежели оружіемъ. Главною цѣлю существованія этого ордена была Литва и обращеніе ея къ христіанству: это было цѣлю его учрежденія; имѣя это въ виду, рыцари вели съ Литовцами войну такимъ образомъ, чтобы всегда еще оставалось что-нибудь на будущее время: это не предположеніе, но фактъ, подтверждаемый ихъ собственнымъ признаніемъ. Вотъ что пишутъ они къ чешскому королю Вацлаву: «Если перестанемъ воевать съ Литвою, то уничтожится нашъ орденъ, основанный для этой войны.» Поэтому, когда Казиміръ Великій приглашалъ ихъ соединиться съ нимъ для завоеванія Литвы, они не только отъ этого отказались, но даже вошли въ тайныя сношенія съ Литовцами и поддерживали ихъ противъ Казиміра.

Такимъ образомъ, продолжая нескончаемую войну противъ язычниковъ, орденъ упрочивалъ свое существованіе, возбуждалъ къ себѣ сочувствіе всей Европы и привлекалъ толпы добровольныхъ воиновъ, щедрыя денежныя приношенія, разныя драгоцѣнности, чудотворныя мощи. Не только простые рыцари стекались въ Маріенбургъ со всѣхъ концовъ Европы,

даже короли считали за особую честь сдѣлать походъ подъ знаменемъ ордена, и каждый изъ нихъ оставлялъ по себѣ какую-нибудь память, драгоценнымъ ли вкладомъ въ орденскую сокровищницу, дарованіемъ ли ему имѣній въ своихъ владѣніяхъ, или построеніемъ крѣпости на земляхъ, ему принадлежащихъ: такъ были построены Байенбургъ, Королевецъ (Кенигсбергъ) и п. др.

Кромѣ этого средства, основаннаго на христіанской ревности своихъ современниковъ, орденъ употреблялъ и другія къ привлеченію людей и богатствъ. Приобрѣта уже громкую славу въ Европѣ, онъ принималъ въ свое братство знатныхъ богатыхъ людей, князей, даже королей, а не рѣдко и женщинъ, участіе которыхъ могло по чему-либо быть ему полезнымъ. Быть посвященнымъ въ рыцари духовнаго ордена, пролить кровь въ языческой землѣ, казалось несравненно честію, а кто принималъ посвященіе отъ ордена, тотъ навсегда считалъ себя въ нѣкотораго рода духовномъ родствѣ съ нимъ, весьма не рѣдко завѣщалъ ему богатая помѣстья и навсегда оставался преданъ ему душою и тѣломъ. Въ послѣдствіи былъ придуманъ, для большаго еще привлеченія европейской знати, особый почетный столъ, нѣчто почерпнутое изъ преданій о Карлѣ Великомъ и его двѣнадцати палadiniахъ; сѣсть за этотъ столъ было верхомъ почести, и приобрѣсть ее нигдѣ было не возможно, кромѣ Нѣмецкаго ордена, который одинъ только въ Европѣ имѣлъ завидный удѣлъ вносить крестъ и мечъ въ среду языческихъ народовъ. Поэтому, какъ только было объявлено объ этомъ нововведеніи, отборнѣйшіе рыцари, знаменитѣйшіе принцы, богатѣйшіе вассалы нахлынули въ Пруссію, и въ ожиданіи похода противъ язычниковъ проживали огромнѣйшія суммы, цѣлыя состоянія. Но вотъ, говоритъ Шайноха, походъ объявленъ; въ Королевцѣ или вблизи Ковно, на литовской землѣ, въ долинѣ, посреди лѣса, въ виду раззоренной крѣпости непріятельской, устанавливается небольшой столъ. Кто же займетъ вокругъ него мѣста? Это рѣшить долженъ почетный судъ изъ славнѣйшихъ рыцарей: первое мѣсто предоставляется австрійскому рыцарю, Конраду фонъ-Рихардсдорфу, который совершилъ неслыханный подвигъ: во время путешествія въ Святую Землю, проникъ онъ въ какую-то пещеру, гдѣ всѣ его товарищи погибли, а онъ остался одинъ не вредимъ; но чтѣ видѣлъ тамъ, говоритъ хроника, никому не сказывалъ. Десятокъ подобныхъ героевъ, вызываемыхъ ге-

рольдемъ при звукѣ трубъ, усаживались за почетный столъ я, сѣвши вокругъ него, новые паладины не покидали его съ 9 часовъ утра до вечера. Первые сановники ордена служили имъ, кушанья подавались на золотой посудѣ, дорогое вино напѣивалось въ драгоценные кубки; не рѣдко ихъ насыпали червонцами, и каждый гость имѣлъ право спрятать себѣ на память, какъ кубокъ, такъ и наполнявшее его золото. Такая щедрость ордена можетъ показаться удивительною; но это былъ не болѣе какъ смѣлый расчетъ, потому что гости принесли съ собой и проживали сокровища несравненно болѣе значительныя, и бросая червонцы пригоршнями, орденъ ловилъ ихъ гарницами. Одинъ изъ великихъ магистровъ, увлекшись гнѣвомъ до откровенности, сказалъ, что у него есть цѣлая башня, наполненная золотомъ, которая поможетъ ему завоевать десять такихъ королевствъ, какъ Польша.

Владѣя, какъ сказано, имѣніями во всѣхъ странахъ Европы, орденъ получалъ возможность заводить селенія со всею Европой, и утвердительно можно сказать, что обширностію сношеній онъ уступалъ въ то время развѣ одному папѣ. Эти орденскія имѣнія управлялись подъ главнымъ надзоромъ и руководствомъ великаго прусскаго магистра, и должно признаться, что не было въ то время страны въ Европѣ, не было государства, управленіе котораго было бы въ большемъ порядкѣ, чѣмъ области и имѣнія, принадлежавшія ордену. Обширная и бдительная администрація ихъ слагалась изъ многочисленной фаланги комтуровъ, фохтовъ и другихъ должностныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ крестоносному братству, и въ строгомъ іерархическомъ порядкѣ подчиненныхъ великому магистру. Но отъ этого было не легче подданнымъ монашескаго братства. Оказывая снисхожденіе къ новопоселявшимся нѣмецкимъ колонистамъ, орденская администрація была страшно строга въ отношеніи къ туземцамъ, Пруссакамъ и мелкой польской шляхтѣ; здѣсь взыскательность правителей была неумолима, надзоръ за ними отличался чрезвычайною бдительностію. За то орденская казна не знала недоимокъ. Управлявшіе ею отличались неподражаемою находчивостію въ средствахъ изыскивать источники дохода, хотя величина налоговъ и безъ того превосходила ихъ размѣры во всѣхъ прочихъ странахъ; такъ напримѣръ, каждый крестьянинъ платилъ ордену отъ трехъ до четырехъ гривенъ съ участка земли, равнаго приблизительно 20 русскимъ десятинамъ, плата весьма высокая, если вспо-

мнѣмъ, что въ то время можно было купить цѣлую деревню за четыре гривны съ придачею куска сукна; но кромѣ денежной платы, каждый крестьянинъ долженъ былъ еще платить по четыре пѣтуха или по восьми куриць, хорошо выкормленныхъ, и по фунту перца. Замѣчательно, что рыцари были не снисходительнѣе и къ духовенству владѣемыхъ ими странъ; оно должно было не рѣдко отбывать личные повинности, какъ напримѣръ, ломать ледъ; притомъ у церквей были отняты принадлежавшія имъ по дарственнымъ записямъ имѣнія, а издревле существовавшая десятина натурою была замѣнена денежнымъ взносомъ въ пользу духовенства, который едва ли равнялся двадцатой части прежняго его дохода.

При всѣхъ этихъ источникахъ дохода, военно-духовное братство не пренебрегало и ростовщичествомъ, отдавая деньги подъ залогъ движимостей. Безпрестанно упражнясь въ спекуляціяхъ и денежныхъ оборотахъ, орденская администрація достигла образцоваго порядка въ веденіи реестровъ, записныхъ книгъ, вообще въ канцелярскомъ производствѣ, и не было въ то время бюрократовъ, равныхъ воинственнымъ монахамъ. За то съ другой стороны нигдѣ не сохранилось столько любопытныхъ современныхъ извѣстій, какъ въ орденскихъ архивахъ. Во время своихъ походовъ въ Литву, рыцари описывали проходимыя ими мѣстности съ величайшею тщательностію, каждый лѣсъ, каждое болото, каждое урочище. Тайныя сношенія они производили посредствомъ секретной азбуки; для препровожденія ихъ корреспонденцій учреждено было нѣчто въ родѣ почты, и этимъ-то путемъ они получали отъ многочисленныхъ агентовъ своихъ, разсыянныхъ по всѣмъ странамъ Европы, тѣ драгоценныя извѣстія, которыя проводили въ кабинетъ великаго магистра всѣ нити современной политики.

Въ разные времена и въ различныхъ мѣстахъ существовали о Нѣмецкомъ орденѣ весьма различныя мнѣнія. Нѣмецкіе его почитатели признавали рыцарей людьми, посвятившими себя благу человечества, апостолами новѣйшихъ временъ; польскіе писатели считаютъ ихъ ничѣмъ инымъ, какъ кровожадными истребителями. Въ томъ и другомъ мнѣніи есть своя доля преувеличенія и правды; странное въ однихъ и тѣхъ же людяхъ вліяніе атрибутовъ война и монаха не могло не наложить на нихъ печати двойственности и даже двуличности; они скрывали ненасытное честолюбіе подъ покровомъ смиренія, и

духовныя стремленія осуществляли съ помощію матеріальныхъ средствъ. Такъ, одинъ изъ великихъ магистровъ, несмотря на превосходство своихъ силъ надъ польскими, писалъ къ одному изъ сосѣднихъ государей: «Что же сдѣлаютъ наши совѣты и предположенія безъ вашей могущественной помощи? Хотя бы мы и совѣтовали поступать такъ или такъ, это ни къ чему не послужило бы, потому что въ концѣ концовъ все наше благополучіе, вся будущность зависитъ вопервыхъ отъ Бога, а потомъ отъ васъ.» Когда спрашивали у ордена его совѣта въ дѣлѣ, въ которомъ онъ не ожидалъ благопріятнаго для себя исхода, магистръ умѣлъ отвѣчать, напримѣръ, такимъ образомъ: «Не столько великъ нашъ разумъ, чтобы мы вамъ, нашему милостивому господину и благодѣтелю, могли дать полезный совѣтъ», и уклонялся отъ участія въ дѣлѣ. Когда же было нужно приобрести чье-нибудь расположеніе хотя бы и не очень значительнаго человѣка, они писали: «всѣ желанія ваши, для ордена, равняются приказаніямъ могущественнѣйшихъ владыкъ міра.» Но особенно искусно умѣлъ орденъ нравиться женщинамъ; много примѣровъ можно приискать, что мужья, отцы или братья находились съ нимъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ или даже въ явной войнѣ, а жены, дочери, сестры оставались его вѣрными союзницами и сообщали ему о томъ, что замышлялось ему во вредъ.

Между тѣмъ, эти столь могущественные и столь искусные относительно своихъ выгодъ люди не отличались отъ прочихъ современниковъ утонченностію нравовъ. Ничего не можетъ быть грубѣе ихъ забавъ, которыя состояли въ пляскѣ медвѣдей, скачкѣ оленей, кривляньи и фокусахъ фигляровъ и т. п. Съ этою, обыкновенною впрочемъ въ то время, грубостію вкусовъ они соединяли глубокое фарисейство; сохранилась, напримѣръ, исповѣдь одного умиравшаго великаго магистра; онъ пишетъ въ ней: «Мы всегда уважали законъ и правду, почитали справедливость и равенство, миръ и истину, и, сколько было нашихъ силъ, исполняли это правило въ нашихъ владѣніяхъ. Всѣ наши города и села живутъ по законамъ доброй нравственности; духовенство, шляхта и простой народъ наслаждаются миромъ и правосудіемъ; мы никого не притѣсняемъ, не обременяемъ излишними налогами, не желаемъ чужой собственности; напротивъ, всѣ, даже язычники и иноземцы, находятъ въ насъ покровителей...» Такъ писалъ магистръ отъ своего имени и отъ имени ордена, готовясь дать отчетъ Богу

въ своихъ дѣйствіяхъ; но вотъ что мы читаемъ въ книгѣ пророческихъ видѣній Св. Бригиты, современницы Казимира Великаго: «Воистину полезными пчелами имѣли быть тѣ крестовые рыцари, которыхъ Я поставилъ на стражѣ земель христіанскихъ. Но они вооружились противъ Меня; не заботятся о душахъ, не жалѣютъ тѣлесъ прусскаго народа, который отъ заблужденій язычества обратился къ истинной вѣрѣ и ко Мнѣ. Они притѣсняють его рабскимъ трудомъ, лишаютъ его свободы, не учатъ его заповѣдямъ вѣры, лишаютъ Св. Тайнствъ и ввергаютъ въ адъ. Они воюють для услажденія своей гордости и алчности. Придетъ время, когда окружены будутъ ихъ зубы, отнята будетъ ихъ правая рука, и охромѣють они на правую ногу,—да восчувствуютъ свои преступленія!»

Такъ говорила о монахахъ-воинахъ Св. Бригита, которую мудроно заподозрить въ преднамѣренномъ нерасположеніи къ духовному братству; но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, прорицанія ея казались весьма далекими отъ исполненія. Занявъ въ царствованіе Локѣтка все Поморье, рыцари стали простирать свои виды на всю Польшу, такъ же какъ и на Литву; мудрость Казимира Великаго и могущество Лудовика Венгерскаго положили предѣлъ ихъ честолюбію, но по смерти послѣдняго, честолюбію этому открылось новое поприще.

Получивъ, какъ мы видѣли, приглашеніе молодаго претендента на польскую корону свидѣться съ нимъ, великій магистръ Чолнеръ фонъ-Ротенштейнъ успѣшилъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ, предвидя, что здѣсь дѣло можетъ коснуться очень важныхъ для ордена вопросовъ. О чемъ, впрочемъ, происходило между ними совѣщаніе, исторія не подслушала, а потому мы ихъ на время оставимъ, и обратимъ взоры на Литву, судьбы которой готовы въ эту минуту неразрывно связаться съ судьбами Польши.

IV.

«Нигдѣ нѣтъ, говорить Шайноха, такого чувствительнаго различія между народомъ и его повелителями, какое было въ тогдашней Литвѣ. Вся политическая и умственная жизнь Литвы, можно сказать, сосредоточивалась въ особѣ князя, его рода и двора: въ нихъ заключается духъ и воля народа; въ»

ихъ были только слѣпое повиновеніе этой волѣ, такъ что еслибы разгнѣванный князь велѣлъ кому-нибудь повѣситься, это приказаніе было бы исполнено съ восточною безответностію. Въ княжеской же фамиліи сосредоточивалось все просвѣщеніе страны; въ то время, какъ нѣкоторые изъ литовскихъ князей удивляютъ насъ своею образованностію, народъ находился въ состояніи, близкомъ къ первобытной дикости. Въ княжескомъ родѣ совокуплялось и все богатство Литвы; великолѣпіе виленскаго двора поражало современниковъ. За то внѣ этого исключительнаго круга были только убожество и жизнь посреди лѣсовъ! Такія отношенія народа къ его властелинамъ долго удерживали Литву въ безвѣстности, пока нападенія сосѣдей не вызвали ея князей на историческую сцену.»

Поселеніе рыцарей на границахъ Литвы породило первое въ ней историческое лицо — Миндовга; дальнѣйшее распространеніе ихъ власти на все поморье и перенесеніе резиденціи великаго магистра въ Мариенбургъ вызвали другое историческое лицо—Гедимина, организатора Литвы. Завоеваніемъ Кіева онъ указалъ своему народу, тѣсному ордену, путь, которымъ ему слѣдовало добывать себѣ вознагражденія за потери, претерпѣваемые съ сѣверной стороны. Такимъ образомъ, вызванная къ политической жизни войною, Литва и продолжала существовать войною и для войны, и въ короткое время ея эфемерной жизни исторія записала много блестящихъ военныхъ подвиговъ ея вождей. «Сильный отпоръ врагу на своей землѣ, быстрый набѣгъ на чужія земли, вотъ отличительныя черты геройской жизни князей литовскихъ.» Исторія Литвы представляетъ непрерывную цѣпь вторженій нѣмецкихъ рыцарей, Поляковъ, Русскихъ и Татаръ въ ея предѣлы, и вторженій Литовцевъ въ земли рыцарей, Поляковъ и Русскихъ. Таковъ весь періодъ времени отъ Гедимина до Ольгерда и Кейстута включительно,—времени напряженной дѣятельности литовскаго народа, громкой, но болѣе обманчивой нежели истинной славы.

Въ то самое время, какъ Казиміръ Великій приобрѣталъ для Польши южную Русь, скончался Гедиминъ, передавъ свою власть меньшему сыну своему Явнутъ, родившемуся отъ послѣдней жены его, Русской¹. Явнута, по природѣ своей нера-

¹ Замѣтимъ здѣсь кстати, что у насъ, если неповсемѣстно, то во

дивый, и по выраженію литовскихъ хроникъ «простой», менѣе всѣхъ прочихъ сыновей Гедимина былъ способенъ ему наследовать. Изъ другихъ шести его братьевъ, Монтвиль, Наримундъ и Коріать не играли значительной роли; болѣе ихъ извѣстенъ Любарть, князь Владиміра Волинскаго; но истинными преемниками отцовою славы были Ольгердъ, князь кривскій, и Кейстуть, князь троцкій, оба рожденные отъ русской княжны Ольги.

«Во времена языческаго многоженства, въ странахъ близкихъ къ востоку, происхожденіе отъ одной матери много значило. Когда сыновья разныхъ матерей, считаясь по старшинству браковъ ихъ матерей, смотрѣли другъ на друга какъ на постороннихъ, дѣти одной матери считались истинными между собою братьями. Ольгердъ и Кейстуть, живя въ тѣснѣйшей братской любви и оба равно любя свою народность, не могли равнодушно видѣть неспособность Явнугы, и потому, какъ скоро умерла мать сего послѣдняго, Кейстуть напалъ врасплохъ на великокняжескую столицу, Вильно, и низложивъ Явнугу, пригласилъ Ольгерда, какъ старшаго брата, сѣсть на престолъ. «Ты старшій братъ; тебѣ слѣдуетъ быть великимъ княземъ въ Вильнѣ», говорилъ онъ; я же всегда буду дѣйствовать съ тобою за одно». Они заключили формальное обязательство оказывать взаимную другъ другу помощь и дѣлить поровну земли, которыя добудутъ у непріателей». Явнуга и Наримундъ покинули Литву, другіе два сына Гедимина остались и признали власть Ольгерда.

Новый великій князь былъ гораздо ближе къ тогдашней европейской цивилизаціи нежели можно бы предполагать по состоянію самаго края. Въ этомъ не уступалъ ему и Кейстуть. Щедро надѣленные отъ природы, они развились посредствомъ безпрестанныхъ сношеній съ сосѣдями и въ особенности съ Нѣмецкимъ орденомъ. Ольгердъ научился военному искусству и рыцарскимъ обыкновеніямъ у одного плѣннаго рыцаря. Да при томъ между Литвой и Европой были тогда уже частыя сношенія. Не говоря о родственныхъ связяхъ съ князьями мазовецкими и домоу краковскимъ, литовскіе великіе князья сносились съ папами, которымъ жаловались на жестокости

многихъ, и именно въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, отецъ, умирая, обыкновенно назначаетъ меньшему сыну ту усадьбу, въ которой самъ жилъ, съ главною долей движимости.

рыцарей, съ Англіею, съ которою заводили торговыя сношенія, и съ Германіею, гдѣ имѣли политическіе союзы и куда посылали вспомогательныя войска. Ольгердъ, въ послѣдствіи, вступилъ въ дружескую переписку и съ императоромъ; что же касается до Кейстута, то онъ, въ головѣ торжественнаго посольства, самъ посѣтилъ Германію. Но не только великокняжеская фамилія, можно сказать, что и вообще Литва не оставалась вовсе чуждою иноземному вліянію; по ней пролегалъ торговый путь съ запада къ Новгороду и Кіеву; частыя набѣги Литовцевъ на Крымъ должны были приводить ихъ въ сопряженіе съ уцѣлѣвшими тамъ остатками генуэзскаго владѣчества, и богатство приливало съ этой стороны въ Литву.

Кейстутъ и Ольгердъ жили не далеко одинъ отъ другаго: одинъ въ Трокахъ, другой въ Вильнѣ. Какъ тотъ, такъ и другой не отличались въ своемъ образѣ жизни отъ просвѣщеннѣйшихъ рыцарей того времени. Въ одной изъ старинныхъ хроникъ сохранено любопытное описаніе домашней жизни великокняжескаго семейства; описаніе это относится къ тому времени, когда жива еще была первая супруга Ольгерда, витебская княжна Марія. Когда, съ каждою весной, онъ покидалъ Вильно, отправляясь въ походъ; княгиня, окруженная многочисленнымъ своимъ семействомъ, согласно тогдашнимъ обычаямъ, не выходила во все время его отсутствія изъ замка, да и дома весьма рѣдко можно было ее видѣть.

«При ней, говоритъ очевидецъ, находятся учителя и учительницы для разныхъ упражненій, благородныя дѣвцы, съ которыми она занимается молитвою и рукодѣльями, а именно вышиваньемъ и тканьемъ... Когда мы вошли въ придворную церковь, продолжаетъ тотъ же современникъ, во время торжественнаго богослуженія, всѣ женщины находились на особой паперти, отдѣленной зеленою сѣткою, сквозь которую можно было ихъ различать.» Самъ великій князь не молился въ христіанскомъ храмѣ; но по языческому обряду приносилъ жертвы солнцу на лѣсистыхъ возвышенностяхъ, подобныхъ той, на которой, двадцать лѣтъ назадъ, на мѣстѣ, гдѣ построено Вильно, горѣлъ огонь Святорога. По желанію матери, онъ позволялъ своимъ сыновьямъ ознакамливаться съ христіанскими обрядами; но когда духовникъ княгини, Несторъ, вздумалъ дѣлать прозелитовъ между великокняжескою дружиною, то трое обращенныхъ были, по приказанію князя, выданы жрецамъ, которые,

подвергнувъ ихъ истязаніямъ, чтобы возвратить къ язычеству, и не успѣвъ въ томъ, повѣсили ихъ на одномъ дубѣ.

Подобныя черты языческой строгости отличали Ольгерда отъ Кейстута. Хотя оба брата равно любили свою народность, однакоже старшій соблюдалъ ее гораздо строже, и сообразно своей велико-княжеской роли, превосходилъ Кейстута важностію, строгостію и даже разумомъ. Наружность Ольгерда имѣла болѣе грозный видъ нежели наружность его брата: онъ былъ роста выше обыкновеннаго, умѣренно полный; лицо его было продолговато съ смуглымъ румянцемъ, съ густыми бровями, съ большимъ носомъ, съ высокимъ, спереди нѣсколько обнаженнымъ лбомъ, и свѣтлорусою, начинавшею съдѣть бородой. Только ясно голубые его глаза доказывали природную крѣпость его характера, свойственную вообще Литвианамъ, одноплеменниковъ которыхъ, Прусаковъ, Нѣмцы называли «самыми кроткими людьми». Великій князь говорилъ громко, явственно, и звукъ его голоса былъ приятенъ; на конѣ онъ сидѣлъ крѣпко, а ходя прихрамывалъ на правую ногу, и потому обыкновенно опирался на палку или на слугу. «Нашъ языкъ, продолжаетъ Нѣмецъ-современникъ, котораго слова приведены выше, онъ знаетъ, но въ разговорѣ съ нашими всегда употребляетъ переводчика». Съ языкомъ нѣмецкимъ Ольгердъ усвоилъ много и рыцарскихъ обычаевъ; такъ отправляясь на войну противъ московскаго великаго князя Дмитрія (Донскаго), онъ предупреждаетъ его, что, по обыкновенію западнаго рыцарства, и по примѣру Болеслава, короля польскаго, онъ «зазубритъ свой мечъ о врата московскія». Но отличительною его чертою, которою онъ превосходилъ Кейстута, была многосторонность его взгляда на дѣла его отечества. Среди безпрестанныхъ войнъ съ нѣмецкими рыцарями, на сѣверо-западныхъ границахъ своего государства, онъ зорко слѣдилъ за интересомъ Литвы на востокъ и западъ, на сѣверъ и югъ, и пока Кейстутъ воюетъ съ орденомъ или Подышю, Ольгердъ совершаетъ походы противъ Смоленска, Новгорода, Москвы или къ берегамъ Чернаго Моря. Поэтому нѣмецкія хроники мало говорятъ объ Ольгердѣ, за то его имя громко въ лѣтописяхъ русскихъ. Онъ его хвалятъ за его умѣніе управлять народомъ, и за тайну, которою онъ окружалъ свои замыслы: «изъ всѣхъ братьевъ своихъ Ольгердъ отличался мудростію и могуществомъ; онъ не пилъ

ни вина, ни пива, и вообще былъ воздерженъ и крѣпокъ духомъ».

Что касается до Кейстута, то уступивъ брату великокняжескій престолъ, онъ нашель, пишетъ Шайноха, вознагражденіе въ любви и домашнемъ счастіи, женившись сорока лѣтъ отроду на прекрасной, столько прославленной литовскими легендами, Бирутѣ, вайделотнѣ (жрицѣ), которую онъ заставилъ измѣнить обѣту цѣломудрія. Ни въ комъ не выразился такъ явственно національный литовскій типъ, какъ въ Кейстутѣ; небольшой ростомъ, съ голубыми глазами и свѣтлорусыми волосами, этотъ истый Литвинъ, послѣдній защитникъ язычества въ Европѣ, имѣлъ голубиное сердце. Онъ равно былъ чувствителенъ къ красотѣ Бируты, какъ и къ мольбамъ какого-нибудь плѣннаго рыцаря на жертвенномъ кострѣ, и эта-то впечатлительность была причиною, что онъ такъ легко усваивалъ умственные и нравственные понятія и внѣшнія формы просвѣщенныхъ народовъ. Правила западноевропейскаго рыцарства онъ свято соблюдалъ: вѣрность данному слову, щекотливость въ дѣлѣ чести, отважность, граничащая съ безразсудствомъ, великодушіе къ побѣжденнымъ, всѣ эти свойства, уже истреблявшіяся между рыцарями, находили жаркаго поборника въ языческомъ князѣ, и хотя вся жизнь его была, можно сказать, непрерывною войною противъ рыцарей, ихъ хроники отзываются о немъ съ уваженіемъ: «Кейстутъ, говорятъ онѣ, болѣе всего любилъ войну и правду. Каждый разъ, какъ намѣревался вторгнуться въ Прусскую землю, онъ предупреждалъ о томъ маршала ордена, и, предупредивъ, непременно вторгался.» Съ своей стороны литовскій князь уважалъ рыцарей; не рѣдко, заключивъ кратковременное перемиріе, они пировали вмѣстѣ за однимъ столомъ, и тутъ же заключали между собою нѣкоторыя условія относительно предстоявшихъ вновь военныхъ дѣйствій, напримѣръ, чтобы щадить извѣстныя мѣстности; когда же брань приостанавливалась на нѣсколько мѣсяцевъ, Кейстутъ, дружески прощаясь съ рыцарями, приговаривалъ: «будущю зимою ждите меня въ Пруссіи.»

Во времена Ольчерда и Кейстута литовскіе мечи почти не опускались, и на которой-нибудь границѣ происходили сшибки. При этомъ неудачу, испытанную, напримѣръ, противъ ордена, они старались вознаградить насчетъ Татаръ, неуспѣхъ въ походѣ на Россію старались покрыть вторженіемъ въ

Польшу; такимъ образомъ, если въ царствованіе Ольгерда рыцари отняли у него западныя области, то онъ отнялъ у Поляковъ Волинь и Подолію, а у Русскихъ княжество Смоленское и Сѣверскую землю, онъ далъ князей отъ своей руки Ржеву, Твери и Можайску, такъ что, какъ выражается Шайноха, въ одно и то же время Литовцы подъ начальствомъ Кейстута поили коней своихъ въ Балтійскомъ морѣ, а съ другой стороны, подъ предводительствомъ Ольгерда, поили ихъ въ древнемъ Эвксиноѣ.

Долго и упорно горѣлъ въ Литвѣ «огонь Жничя», и латинское и греческое духовенство не имѣло успѣха въ теченіе долгаго времени; нѣсколько миссіонеровъ францисканцевъ погибло мученическою смертію, не сдѣлавъ ничего для утвержденія римскаго вліянія; русскія духовныя лица, пріѣзжавшія въ Вильно въ качествѣ духовниковъ супруговъ князей литовскихъ, лично были безопасны, но обращаемые ими Литвины подвергались страшнымъ истязаніямъ. Тѣмъ не менѣе язычество очевидно переживало свои послѣдніе годы, замѣтно было и ослабленіе національнаго чувства. Въ то самое время, какъ Ольгердъ и Кейстутъ отстаивали боговъ и самобытность Литвы, Явнута и Наримундъ, сыновья Гедиминовы, Вингольдъ, Коригелло и Буттава, сыновья Ольгердовы, въ разное время покинули Литву, передались Россіи и приняли греческую вѣру. Двое послѣднихъ потомъ перешли въ Пруссію и сдѣлались католиками; одинъ изъ Гедиминовичей жилъ въ Венгріи, другой слишкомъ долго гостилъ въ Краковѣ; можно было бы насчитать и еще нѣсколько членовъ княжескаго дома, изъ которыхъ одни находились въ службѣ императора, другіе защищали Москву противъ Татаръ и т. п. Все это было признакомъ того, что литовское единство начинало рассыпаться. Какъ поступали князья, такъ поступали и ихъ подданные: они селились даже на земляхъ, принадлежавшихъ ордену; были жрецы, которые покидали Литву и служили рыцарямъ проводниками въ свое отечество. Прошелъ даже слухъ, что Кейстутъ и Ольгердъ хотятъ креститься; по этому поводу папа Климентъ VI и императоръ Карлъ IV писали къ нимъ и посылали посольство. На это приглашеніе, князья литовскіе отвѣчали, что они крестились бы, еслибы рыцари возвратили имъ захваченныя земли, а какъ тѣ, разумѣется, на это не соглашались, то Ольгердъ сказалъ: «Теперь я вижу ясно, что

не вѣра моя нужна вамъ, а мои богатства, а потому останусь вѣреть язычеству.»

Нѣмецкіе рыцари были встревожены слухами о предполагаемомъ желаніи литовскихъ князей креститься, и увидѣвъ себя вынужденными торопиться окончаніемъ завоеванія. Они напрягли всѣ свои силы; рыцари изъ всѣхъ странъ Европы поспѣшили усилить ихъ дружины; великій магистръ Винрихъ, послѣ пятинедѣльной осады, взялъ Ковно приступомъ, и хотя это случилось въ самый день великой субботы, городъ былъ сожженъ, и почти всѣ жители его погибли въ пожарѣ, а на пылавшихъ и окровавленныхъ развалинахъ сопутствовавшее побѣдителямъ духовенство пѣло благодарственный молебенъ. Это было только началомъ завоеванія; съ каждымъ годомъ орденскія дружины проникали глубже въ сердце Литвы. Тщетно Кейстутъ отстаиваетъ ее шагъ за шагомъ, а Ольгердъ отыскиваетъ вознагражденія за эти потери въ сокровищахъ, принадлежавшихъ Крымцамъ, и обращается на Москву, чтобы «сломить копые о врата ея». Эти походы увеличивали великокняжескую казну и отчасти поддерживали духъ народный; но дѣло Литвы было дѣломъ безнадежно проиграннымъ.

Въ это время умеръ король Казимиръ Великій. Ольгердъ, вѣрный своей политикѣ *вознагражденій*, устремляетъ своихъ Литовцевъ на Польшу. Это былъ страшный набѣгъ. На всемъ пространствѣ отъ границы литовской до Люблина и Сендомира пылали селенія, жители были уводимы въ плѣнъ, сокровища церковныя и монастырскія были безбожно расхищаемы. Въ подвигъ этомъ участвовали два поколѣнія витязей литовскихъ—старый Кейстутъ и молодые Ягелло и Витовтъ, двоюродные братья, которымъ было предназначено играть такія важныя роли и долго враждовать между собою. Но этотъ подвигъ не принесъ выгоды Литвѣ; напротивъ, польское войско, соединившись съ орденскимъ, проникло до самой Волыни, сожгло ее предмѣстія, и восьмидесятилѣтній Ольгердъ попросилъ мира. Онъ не долго пережилъ эти происшествія. Нѣкоторые русскіе источники говорятъ, что онъ умеръ, принявъ святое крещеніе отъ священника второй жены своей, княжны тверской Іудіаны; это несправедливо: Ольгердъ жилъ и умеръ язычникомъ и сожженъ на кестрѣ; мы даже знаемъ, что онъ былъ облеченъ для этой торжественной церемоніи въ кафтанъ, богато изукрашенный жемчугомъ и дорогими камнями, въ

пурпурный плащъ, и предавъ пламени вмѣстѣ съ своимъ любимымъ конемъ.

Передъ смертію Ольгердъ назначилъ своимъ преемникомъ, съ согласія Кейстута, старшаго сына своего отъ втораго брака, Ягелла, отдавъ ему предпочтеніе передъ всѣми своими сыновьями, которыхъ было три отъ перваго брака и шесть отъ втораго. Пока надъ всѣми Ольгердовичами, не исключая и великаго князя, преобладало вліяніе неизмѣннаго въ любви къ народности и къ памяти брата, Кейстута, всѣ они жили въ мирѣ и согласіи. «Еслибъ онъ желалъ, говорятъ современныя нѣмецкія хроники, то могъ бы легко самъ сѣсть на престолъ, а Ягелла наградить какимъ-нибудь княжествомъ; но онъ не хотѣлъ этого сдѣлать изъ любви къ Ольгерду, а потому, поставивъ Ягелла великимъ княземъ, охранялъ его власть, пока она не окрѣпла.» Престарѣлый витязь не замѣчалъ въ своемъ простодушіи, что его племянникъ не раздвѣялъ его релігіозныхъ вѣрованій,—вѣрованій, которыя были, по его убѣжденію, основаніемъ литовской народности. Но уже для всякаго непредубѣжденнаго взора становилось ясно, что Литвѣ грозитъ окончательное паденіе. Въ теченіи года, послѣдовавшаго за смертію Ольгерда, рыцари семь разъ врывались въ литовскіе предѣлы, и каждый разъ все глубже и глубже. Ягелло равнодушно смотрѣлъ на это; Кейстутъ, не взирая на свои годы, не опускалъ меча, но и онъ принужденъ былъ признать необходимость перемирія, которое и было заключено, на десять лѣтъ, потому что, какъ выражается одинъ литовскій патриотъ, «Литва уже потеряла стойкость въ отпорѣ врагамъ, твердость верховной власти, и приближалась къ той катастрофѣ, которая приготовлялась для нея врагами.» Дѣйствительно все предвѣщало близкое паденіе Литвы; въ княжескомъ родѣ нарушилось согласіе. Ягелла занимали болѣе иноземныя приманки нежели интересы отечества; его соблазняла мысль быть *королемъ* литовскимъ; при томъ его тщеславію было не ловко отъ очевиднаго нравственнаго перевѣса Кейстута, и племенные враги Литвы, рыцари, употребляли всевозможныя средства, чтобъ ихъ разсорить. Вотъ напримѣръ лукавое письмо одного изъ нихъ къ великой княгинѣ Іудіаны; оно начинается увѣдомленіемъ, всегда пріятнымъ для материнскаго чувства, а пышномъ пріемѣ, сдѣланнымъ великимъ магистромъ одному изъ ея сыновей, о великолѣпныхъ подаркахъ, имъ полученныхъ, и т. п. Затѣмъ слѣдуетъ напоминаніе о необходимости воспи-

тать ей своихъ дѣтей въ христіанскихъ понятіяхъ, и исчисленіе подарковъ, посылаемыхъ «возлюбленному ея сыну Ягеллу», а вслѣдъ за тѣмъ говорилось: «эта бѣшеная собака, Кейстутъ, имѣетъ тайные замыслы не только противъ рыцарей, но и противъ Литвы, особенно же (какъ мы уже доносили вашей свѣтлости) онъ горитъ желаніемъ овладѣть велико-княжескимъ престоломъ, ежедневно обдумываетъ, какъ погубить вашего сына Ягелла, и захватить его замки.»

Такимъ образомъ орденъ, дѣйствуя мечомъ и наветами, подрывалъ всѣ основы литовской самостоятельности, ссорилъ, раздѣлялъ, возстановлялъ Литвиновъ противъ Литвиновъ. Одинъ изъ великокняжескихъ любимцевъ, Войдилло, былъ на сторонѣ ордена; дѣйствуя черезъ него, рыцари склонили Ягелла на свиданіе; предполагалось устроить его тайно, и придать ему видъ случайности, во время охоты, посреди лѣса. Это свиданіе дѣйствительно состоялось, и переговоры были ведены съ обѣихъ сторонъ такъ искусно, замаскированы такъ хитро, что находившійся тутъ же Витовтъ, сынъ Кейстутовъ, ничего не замѣтилъ. Взаимныя условія состояли въ томъ, что Ягелло обязался не помогать Кейстуту въ его военныхъ дѣйствіяхъ противъ рыцарей. Вскорѣ послѣ того, когда эти послѣдніе вторглись въ Троцкое княжество (удѣлъ Кейстута), Ягелло не тронулся съ мѣста, не оказалъ ни малѣйшей помощи, а какъ притомъ и рыцари не только не разоряли его земель, но даже обходили ихъ, то въ душу стараго литовскаго вождя невольно запало подозрѣніе, и онъ сообщил о немъ Витовту; подозрѣніе его усилилось, когда въ ссорѣ между однимъ изъ его сыновей и однимъ изъ братьевъ Ягелла, рыцари явнымъ образомъ приняли сторону послѣдняго, и наконецъ это подозрѣніе превратилось въ увѣренность, когда одинъ изъ рыцарей, крестовый отецъ Кейстутовой дочери, бывшей за княземъ Мазовецкимъ, сообщилъ ему о заговорѣ великаго князя противъ него и литовской національности. Этого не могъ спокойно перенести старый Кейстутъ, и тайно, не открываясь даже любимому сыну своему Витовту, онъ однажды неожиданно налетѣлъ на Вильно, захватилъ ея оба замка, самого Ягелла, его мать и одного изъ братьевъ, весь дворъ и казну великокняжескую, между бумагами и счетами которой нашелъ документъ, не оставлявшій сомнѣнія въ тайныхъ сношеніяхъ его племянника съ врагами отечества. Страшась за судьбу своего двоюроднаго брата, Витовтъ взмолился за него Кейстуту: «Будь

спокоенъ, отвѣчалъ старикъ, я дамъ ему Витебскъ, Крево и весь удѣлъ, который далъ его отцу мой отецъ Гедиминъ.» Такъ поступилъ старый литовскій воинъ, для того, по словамъ современнаго нѣмецкаго лѣтописца, чтобы не запятнать своего рыцарскаго имени.» Ягелло общалъ не покушаться на великое княженіе и поселился въ Кревѣ. Восьмидесяти-трехъ - лѣтній Кейстутъ сдѣлаея великимъ княземъ. «Это былъ, говорить Шайноха, послѣдній день язычества въ Европѣ, а престарѣлый Кейстутъ, *человѣкъ съ голубинымъ сердцемъ*, былъ послѣднимъ его представителемъ.» Тотчасъ дѣла пошли какъ въ прежнія времена; назначенъ былъ походъ противъ Пруссіи; Литовцы яростно устремились въ самую глубину рыцарскихъ владѣній, и проникли до столицы великаго магистра, самъ Кейстутъ осадилъ Юрбургскій замокъ. Но и рыцари вторглись въ Литву, угрожая Трокамъ и Вильно, и опустошили Жмудь. Когда же заключено было перемиріе, и приступили къ размѣну плѣнныхъ, оказалось, что Кейстутъ долженъ былъ приплатить 4.000 гривенъ. Эта новая неудача привела въ уныніе самыхъ твердыхъ изъ Литвиновъ и распространила въ народѣ неудовольствіе, ропотъ; ропотъ вызвалъ наказанія; Войдилло, посредникъ между Ягелломъ и орденомъ, былъ повѣшенъ; были при этомъ обнаружены и другія строгости. Устрашась ихъ, братъ Ягелла, Дмитрій Корибутъ, передался московскому великому князю вмѣстѣ съ землями и замками, ему принадлежавшими. Кейстутъ вооружился, чтобы наказать его, и пригласилъ Ягелла соединиться съ собою; Ягелло поспѣшилъ собрать войско и выступилъ, но не на соединеніе съ Кейстутомъ, а къ Вильно, и съ помощію своихъ союзниковъ-рыцарей и многихъ недовольныхъ правленіемъ Кейстута, овладѣлъ столицей. Оставшійся тамъ Витовтъ отступилъ къ Трокамъ, Кейстутъ кинулся назадъ, но нигдѣ не встрѣчалъ себя поддержки; тогда онъ углубился въ Жмудь, гдѣ чище сохранилось литовское племя. Здѣсь еще разъ Кейстуту удалось возбудить умиравшій духъ своего народа; но счастье уже не служило ему; онъ принужденъ былъ согласиться на примиреніе, которое ему предлагали, а въ 1388 г. онъ ужъ въ послѣдній разъ распустилъ своихъ воиновъ. Онъ снова уступилъ своему племяннику велико-княжескій престолъ и собирався возвратиться въ свои Троки, когда его схватили, заковали въ цѣпи и бросили въ подземную тюрьму въ Кревѣ. На пятый день заключенія онъ найденъ удушеннымъ золотымъ шнур-

комъ своей фэризи... «О смерти Кейстута остались различныя извѣстія. Русскіе лѣтописцы, недовольные Ягеллемъ за то что онъ крестился въ латинскую вѣру, говорятъ, что Кейстута удавили по его приказанію; они даже подробно разказываютъ, какъ трое слугъ съ какимъ-то рыцаремъ, войдя переодѣтые въ тюрьму, сперва убили слугу Кейстута, а потомъ удавили его самаго. Въ Польшѣ, напротивъ, говорили и писали, что Кейстутъ самъ лишилъ себя жизни. Важнѣе всѣхъ въ этомъ случаѣ свидѣтельства современныхъ орденскихъ писателей, такъ какъ орденъ сдѣлался скоро послѣ этого заклятымъ врагомъ Ягелла, а между тѣмъ всѣ они говорятъ въ смыслѣ скорѣе оправдывающемъ, нежели обвиняющемъ Ягелла; но какъ, по выраженію одного изъ такихъ свидѣтельствъ, Кейстутъ умеръ въ заключеніи, и его смерть способствовала видамъ Ягелла, то воспоминаніе о ней не можетъ не бросать тѣни на этого послѣдняго.»¹

Какъ бы то ни было, Кейстута не стало. Его тѣло перевезли въ Вильно, «гдѣ на Святорогской горѣ, надъ ямою въ полтора челоуька глубиною, сложенъ былъ костеръ, на который и возложили прахъ стараго вождя, одѣтый въ княжеское платье, съ оружіемъ: пикою и лукомъ; вмѣстѣ съ нимъ былъ возведенъ на костеръ любимый его слуга, лучший его конь, по парѣ гончихъ и борзыхъ собакъ, возложены рысьи и медвѣжьи когти и охотничій рогъ. Послѣ молитвы и жертвоприношенія, пропѣли всѣ великія дѣянія покойнаго, былъ зажженъ костеръ, и все, что было на немъ, обратилось въ прахъ»... Смерть Кейстута была началомъ бѣдствій, постигшихъ его семейство; на него обрушилось жестокое гоненіе; нѣкогда прекрасная, а теперь шестидесятилѣтняя Бирута была утоплена; Витовтъ заключенъ въ ту самую тюрьму, гдѣ только что погибъ его отецъ страшною смертію. Впрочемъ, послѣднему изъ народныхъ героевъ Литвы не суждено было еще окончить свою жизнь: такъ какъ, подѣ стражею, его супругѣ было дозволено посѣщать его, то ему удалось освободиться въ платьѣ одной изъ сопровождавшихъ ее служанокъ. Что случилось съ великодушною служанкою,—исторіи неизвѣстно; но Витольдъ ушелъ въ

¹ Надо признаться, что обстоятельства Кейстутовой смерти, особенно преслѣдованія, которымъ подверглись его семейство и родственники, наводятъ на Ягелла гораздо болѣе подозрѣній нежели желалъ бы допустить нашъ авторъ.

Пруссію искать защиты у старыхъ враговъ своего отца. Его бѣгство было поводомъ къ новымъ преслѣдованіямъ противъ всего, что имѣло какую-нибудь связь съ опальнымъ семействомъ: дядя и внукъ Бируты погибли на колѣ; вообще на Жмудь, послѣднее убѣжище Кейстута, родину Бируты, послѣдній пріютъ язычества, обрушилось въ это время жестокое гоненіе. Все это дѣлалъ Ягелло не столько впрочемъ по собственному своему побужденію, сколько по вліянію на него ордена, а вліяніе это было весьма сильно.

Смерть Кейстута случилась въ то самое время, какъ и смерть Лудовика Венгерскаго, именно въ августѣ 1382 года, и въ одно и то же время великій магистръ имѣлъ свиданіе, о которомъ говорено выше, съ претендентомъ на польскій престолъ, а второе по магистръ лицо, маршалъ ордена, — съ Ягелломъ, которому хотѣлось сблизиться съ орденомъ. Литовскій великій князь явился въ назначенное мѣсто на рѣкѣ Дубиссѣ, съ своею матерью великою княгиней Іуліаной, съ братьями и приближенными. Переговоры продолжались шесть дней; результатомъ ихъ были: уступка ордену всей Жмуди, отъ моря до Дубиссы, обѣщаніе Ягелла въ продолженіе четырехъ лѣтъ окреститься и окрестить свой народъ и обязательство не предпринимать ничего противъ ордена, а напротивъ того, помогать ему во всѣхъ его войнахъ.

Таковъ былъ для Литвы плодъ свиданія ея государя съ маршаломъ ордена; что касается до Польши, то Сигизмундъ, найдя поддержку въ великомъ магистрѣ, формально отказалъ Великополянамъ удалить Домората.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

ОКСФОРДСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

Alma mater Oxoniensis.

Большая часть нашихъ путешественниковъ останавливаются преимущественно на материкѣ Европы, рѣдко заглядывая въ Великобританію. А между тѣмъ ни одна страна Европы не представляетъ болѣе обширнаго и любопытнаго поприща для наблюденій и размышленій. Здѣсь вы видите самую высокую степень развитія цивилизаціи, общественный и политическій бытъ, вызывающій всеобщее сочувствіе и уваженіе, неисчислимое богатство капиталовъ, самыя поразительныя созданія человѣческой дѣятельности, наконецъ удивительное своеобразие общественной и домашней жизни, рѣзко отличающееся отъ характера прочихъ странъ Европы. Здѣсь, вслѣдствіе практическаго настроенія народа, всякая мысль, всякое стремленіе, всякое знаніе находитъ себѣ осуществленіе и примѣненіе, и самыя трудныя политическія, общественныя и промышленныя задачи, не находящія себѣ разрѣшенія на материкѣ Европы, рѣшаются здѣсь практически съ удивительнымъ искусствомъ и умѣньемъ. Но для того, чтобы хоть сколько-нибудь познакомиться съ Англійей, необходимо долго-временно и тщательно изучать ее. Здѣсь нѣтъ того однообразія формы, которое составляетъ существенную черту многихъ государствъ материка Европы. Здѣсь все носитъ печать оригинальности, разнообразія и по одному образцу никакъ нельзя судить о цѣломъ. Большая часть людей, посвѣщающихъ

Англию, ограничиваетъ свое путешествіе пребываніемъ въ Лондонѣ. Здѣсь они спѣшатъ осмотрѣть парламентъ, Вестминстерское Аббатство, Британскій Музей, Кристальный Дворецъ, Зоологическій садъ и другія чудеса нынѣшняго вѣка, посѣщаютъ нѣсколько магазиновъ и тавернъ и, совершивши всѣ свои наблюденія недѣли въ двѣ, а много въ мѣсяцъ, увѣжаютъ жить въ Парижъ въ счастливой увѣренности, что они вполне ознакомились съ Англіей, съ ея нравами, обычаями, учрежденіями, съ характеромъ народа и т. д. Къ такому убѣжденію приводитъ ихъ посѣщеніе Парижа, гдѣ дѣйствительно сосредоточена политическая, общественная, умственная и промышленная жизнь Франціи, и гдѣ, изучивши столицу, можно вполне ознакомиться со всѣми сторонами общественной и народной жизни. Но этого недостаточно для Англии. Даже долговременное пребываніе въ одномъ Лондонѣ не даетъ яснаго понятія о многихъ и очень многихъ сторонахъ англійской жизни, и можетъ повести къ весьма ложнымъ заключеніямъ, какъ относительно характера Англичанъ, такъ и ихъ быта. Какъ ни великъ, какъ ни громаденъ Лондонъ съ своимъ почти трехъ-милліоннымъ населеніемъ, но онъ не поглащаетъ въ себѣ всѣхъ жизненныхъ силъ Англии, и даетъ имъ возможность развиваться на просторѣ въ другихъ мѣстахъ. А потому, чтобъ изучить Англию, недостаточно ограничить свои наблюденія однимъ Лондономъ, необходимо пуститься въ глубь страны и осмотрѣть много городовъ, потому что каждый изъ нихъ имѣетъ особенный характеръ, представляетъ какую-нибудь особенную сторону англійской жизни. Если вы желаете изучить мануфактурную и промышленную жизнь, поѣзжайте въ Манчестеръ, Бермингамъ; если вы желаете познакомиться съ торговой—поѣзжайте въ Ливерпуль, Бристоль; если вы хотите видѣть, какъ пользуются жизнью и комфортомъ зажиточные и разбогатѣвшіе Англичане,—посѣтите чистенькіе и миленькіе города: Брайтъ, гдѣ бываетъ season осенью, Торки, куда съѣзжаются на зиму, Лемингтонъ, Чельтенгемъ; наконецъ, если вамъ угодно видѣть мѣста, гдѣ вопитывается англійское юношество,—осмотрите Рогби, Винчестеръ, Гарро, Йтнъ, но преимущественно Кембриджъ и Оксфордъ.

Объ одномъ изъ этихъ мѣстъ, именно объ Оксфордѣ, намѣренъ я распространиться въ настоящей статьѣ. Изученіе этого города, гдѣ находится самый древній и самый знаменитый университетъ Англии, *Alma mater Oxoniensis*, дастъ намъ воз-

можность ближе познакомиться съ одною изъ сторонъ англійской жизни, столь же оригинальною, какъ все остальное, выработанное этою передовою страной Европы.

Около года жилъ я въ Англїи, но вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ не могъ посѣтить Оксфордъ, несмотря на пламенное желаніе. Наконецъ передъ отъездомъ, я воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и благословляю ту минуту, когда эта благая мысль зародилась въ моей головѣ. Это одно изъ самыхъ прїятныхъ воспоминаній изъ всего моего путешествія. По дорогѣ изъ Торки въ Оксфордъ, я составлялъ себѣ разные фантастическіе планы о наружности города и университетскихъ коллегій, о способѣ преподаванія и вообще объ англійской университетской системѣ, о которой я имѣлъ самыя не ясныя и смутныя понятія. Безъ сомнѣнія, въ моихъ представленіяхъ важную роль играло воспоминаніе прошедшаго: профессорскія лекціи, аудиторіи, громадное зданіе, куда собираются въ извѣстное время студенты слушать лекціи и т. п., но встрѣча съ дѣйствительностію развѣла всѣ мои фантастическія представленія. Я увидѣлъ, что университетъ въ Оксфордѣ состоитъ не изъ одного или нѣсколькихъ зданій, а почти изъ цѣлаго города, и что профессорскія лекціи, хотя и читаются, но совсѣмъ не имѣютъ того значенія для студѣнтовъ, какъ въ прочей Европѣ; я увидѣлъ, что всѣ студенты живутъ въ коллегіальныхъ зданіяхъ, а не въ городѣ, что они находятся подъ строгою отеческою опекою, а не пользуются свободою, и многое другое, что я постепенно постараюсь изложить далѣе. Жалѣю объ одномъ, что не въ состояніи буду представить такъ живо и наглядно описаніе города, чтобы оно сколько-нибудь замѣняло дѣйствительность; но это рѣшительно невозможно. Чтобы судить о богатствѣ и разнообразіи оксфордской архитектуры, чтобы имѣть понятіе о городѣ, необходимо видѣть его своими глазами. Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что и тѣ свѣдѣнія, которыя я могу сообщить о наружномъ видѣ города, о коллегіяхъ, объ устройствѣ университета, о способѣ преподаванія, объ университетской жизни, о дисциплинѣ и пр., въ состояніи возбудить въ высшей степени интересъ во всякомъ образованномъ и мыслящемъ человѣкѣ, который не изучилъ еще вполне англійской университетской системы.

Во время моего пребыванія въ Оксфордѣ, погода стояла прекрасная, несмотря на конецъ сентября. Я остановился въ

гостиницъ *Амела*, напротивъ Королевской коллегіи (Queen's College), на Верхней улицѣ (High street), которую Англичане считаютъ лучшею улицей въ Европѣ. И дѣйствительно, по обѣимъ сторонамъ ея расположена значительная часть лучшихъ университетскихъ зданій, какъ напримѣръ: All Souls College, Queen's College, University College, Magdalen College, университетскія церкви: St. Mary, All Saints, Ботаническій садъ и др. Первымъ моимъ дѣломъ было осмотрѣть наружность города. Шатаюсь по улицамъ, я увидѣлъ, что весь городъ наполненъ различными университетскими зданіями: коллегіями, церквами, библіотеками, музеями, средне-вѣковая архитектура которыхъ въ высшей степени замѣчательна. Изрѣдка только въ промежуткахъ коллегіальныхъ зданій встрѣчались магазины, лавки и небольшое количество частныхъ домовъ. По изобилію выставленныхъ книгъ, картинъ, фотографій, по значительному количеству табачныхъ лавокъ, лавокъ съ различными орудіями для крикета, рикета, крокета и другихъ англійскихъ игръ, легко было догадаться, что потребители этихъ предметовъ—студенты, составляющіе главное населеніе города. И дѣйствительно, весь городъ существуетъ университетомъ, и находится въ полной зависимости отъ него.

Ни въ одномъ городѣ Европы средніе вѣка не оставили такихъ сильныхъ слѣдовъ. Ни одинъ городъ Европы не въ состояніи представить и напомнить такъ живо, такъ наглядно протекшія эпохи, какъ Оксфордъ съ своими средне-вѣковыми, почерпнутыми зданіями готической архитектуры. Нигдѣ на васъ такъ не вѣетъ средне-вѣковою исторіей, какъ здѣсь, среди этихъ мрачныхъ и угрюмыхъ, но величественныхъ коллегій, вполне напоминающихъ и наружностію, и внутренностію средне-вѣковые монастыри. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вы испытываете отрадное ощущеніе, на душѣ у васъ становится тихо и спокойно, когда вы чувствуете, что находитесь среди святилища науки, удаленнаго отъ тревожной жизни, отъ лихорадочной дѣятельности новѣйшихъ городовъ, въ убѣжищѣ, гдѣ съ полнымъ спокойствіемъ, не увлекаясь ничѣмъ постороннимъ, можно посвящать свое время занятіямъ умственнымъ, углубляться въ событія минувшаго и жить вполне жизнью науки. Вы чувствуете здѣсь особый міръ, проникнутый мыслию и воспоминаніемъ прошедшаго, и чѣмъ болѣе вы всматриваетесь и раздумываете, тѣмъ болѣе проникаетесь чувствомъ уваженія и преданности къ этому прошедшему. «Нѣтъ на свѣтѣ болѣе

сильнаго контраста, сказалъ одинъ путешественникъ, какъ между вѣчно-тревожнымъ волненіемъ лондонскаго обществія и невозмутимую тишиной въ Оксфордѣ. Тамъ животрепещущая жизнь въ настоящемъ, здѣсь уцѣлѣвшая средне-вѣковая старина, видимая на людяхъ и строеніяхъ. Сердце радуется всякій разъ, когда я вспомню о моемъ пребываніи въ Оксфордѣ; такое соединеніе спокойствія и суровой серіозности съ дивною прелестью окрестностей трудно гдѣ-нибудь встрѣтить.»

Оксфордъ находится почти въ самомъ центрѣ Англіи, и расположенъ на легкомъ возвышеніи, близъ сліянія рѣкъ Изы и Черуеда, которыя почти окружаютъ его. Приближаясь къ нему по желѣзной дорогѣ, путешественникъ видитъ передъ собою безчисленный рядъ башенъ, куполовъ, шпицовъ и другихъ украшеній. Въ центрѣ города стоитъ круглая Радклифская библиотека и университетская церковь Св. Маріи, вокругъ которыхъ тѣснятся коллегіи; по правую руку, въ концѣ города, возвышается знаменитая башня Магдалининой коллегіи', орошаемой рѣкою Черуеломъ; по лѣвую, почти у самаго берега Изы, куполь Tom Tower и шпигъ каедральной колокольни указываютъ на мѣсто, гдѣ стоитъ огромнѣйшая изъ коллегій, Christ-Church (коллегія Христовой Церкви).

Существованіемъ своимъ Оксфордскій университетъ не обязанъ одной личности, не обязанъ правительству. Онъ создавался вѣками и есть произведеніе всего народа. Труды многихъ поколѣній, многихъ столѣтій должны были соединиться, чтобы произвести подобное учрежденіе, далеко выходящее изъ обыкновеннаго уровня. Ревностные и щедрые любители просвѣщенія въ теченіе всей англійской исторіи поддерживали его существованіе, вносили богатые вклады, основывали новыя коллегіи, библиотеки, музеи; имена этихъ сподвижниковъ просвѣщенія свято хранятся университетомъ и тѣсно связаны съ развитіемъ образованія въ Англіи. Какъ все органическое, Оксфордскій университетъ росъ и развивался мало-по-малу, и нынѣ достаточно взглянуть на наружный видъ зданій, на ихъ громадность и многочисленность, чтобы увидѣть, что этого нельзя было создать разомъ, что здѣсь нужна была работа многихъ вѣковъ.

Время основанія Оксфордскаго университета всегда было предметомъ спора и принадлежитъ болѣе къ области легендарныхъ сказаній, нежели достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Народное преданіе приписываетъ основаніе

его своему любимому герою, самой поэтической личности, возвышающейся среди мрака первоначальной англійской исторіи—Альфреду Великому. Но съ другой стороны есть несомнѣнные свидѣтельства, что еще задолго до этого времени существовала здѣсь академія. Быть-можетъ она пала или была разрушена Датчанами, тѣмъ не менѣе ббольшая часть историковъ считаетъ Альфреда только возстановителемъ университета. Извѣстно, что онъ основалъ и одарилъ средствами обширный hall (подворье), называвшійся сначала Great Hall of the University и превратившійся въ послѣдствіи въ University College.

Исторія образованія и постепеннаго расширенія и развитія Оксфордскаго университета тѣсно связана со всею прошедшею исторіей Англій. Каждое зданіе напоминаетъ вамъ иной вѣкъ, иные лица. Оксфордъ всегда игралъ важную роль въ англійской исторіи, съ одной стороны, какъ главный центръ умственной дѣятельности, съ другой, какъ значительный городъ, пользовавшійся выгоднымъ и крѣпкимъ положеніемъ, часто служившій мѣстомъ собранія народнаго совѣта.

При всемъ нежеланіи входить въ излишнія историческія подробности, совершенно избѣжать ихъ невозможно, потому что нынѣшнее устройство и техническій языкъ Оксфордскаго университета могутъ быть поняты только при знакомствѣ съ предшествовавшей его исторіей. Хотя нынѣ многое и измѣнилось, тѣмъ не менѣе Англичане, вѣрные своему національному характеру, преимущественно выражающемуся въ уваженіи и привязанности къ старинѣ, сохранили и здѣсь тѣ же ученые степени, ту же внѣшнюю наружность, словомъ ту же форму, которая господствовала въ эпоху давно-минувшую.

Исторія Оксфордскаго университета въ средніе вѣка представляетъ намъ тѣ же общія черты, которыми характеризуются другіе средне-вѣковые университеты, преимущественно Парижскій, служившій на материкѣ образцомъ для прочихъ.

Университеты среднихъ вѣковъ однообразно признавали четыре отрасли образованія, составлявшія четыре университетскіе факультета, именно: словесныхъ наукъ (artes liberales), богословія, правъ и медицины. Факультетъ словесныхъ наукъ, служившій приготовительнымъ курсомъ для прочихъ, по средне-вѣковой схоластической системѣ, состоялъ изъ трехъ главныхъ предметовъ (trivium): грамматики, реторики и

логики и четырехъ побочныхъ (quadrivium): ариѳметики, музыки, геометріи и астрономіи.

Главная обязанность университетовъ состояла въ образованіи и раздачѣ степеней по тремъ факультетамъ. Степени получались послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ университетѣ и носили различныя названія. Но вообще, во всякомъ факультетѣ, ихъ было двѣ: низшая и высшая, какъ напримѣръ, бакалавра и магистра въ факультетѣ словесныхъ наукъ. Бакалавръ обязанъ былъ прослушать курсъ лекцій у магистра, и каждый магистръ не только имѣлъ право, но и обязанъ былъ публично учить одному изъ факультетскихъ предметовъ. Но вскорѣ почувствовалось неудобство отъ множества профессоровъ, и потому введено было раздѣленіе на регентовъ и не регентовъ, то-есть магистровъ, учившихъ и неучившихъ. Въ Оксфордѣ регенты составляли высшую палату университетскаго парламента, House of Congregation, черезъ которую переходили всѣ правительственныя мѣры прежде, нежели они поступали въ нижнюю палату House of Convocation, въ которой имѣли право голоса всѣ получившіе степень магистра.

Первоначально студенты Оксфорда, какъ и въ другихъ университетахъ, поселялись въ городѣ съ цѣлю посѣщать публичныя школы и жили на полной свободѣ. Но въ послѣдствіи съ цѣлю усилить дисциплину были введены подворья или гостиницы (halls, aulæ, hospitia). Это были дома, исключительно назначенные для студентовъ, куда они, за извѣстную плату, принимались для прожитія, и гдѣ они находились подъ управленіемъ избраннаго ими и утвержденнаго университетскими властями ректора.

За исключеніемъ бурнаго времени Стефана, когда Оксфордъ подвергся осадѣ, потому что въ немъ скрывалась Матильда, внутреннее развитіе университета постоянно шло впередъ. Сильный толчокъ его развитію былъ сообщенъ переселеніемъ значительной схоластической колоніи изъ Парижскаго университета, вслѣдствіе возникшихъ тамъ, въ 1229 году, сильныхъ безпорядковъ. Вообще, XIII и первая половина XIV столѣтія были блестящимъ временемъ для Оксфорда. Въ это время онъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, однимъ изъ первыхъ центровъ всемірнаго умственнаго движенія и уступалъ по важности и значенію только одному Парижскому университету. Число подворій въ эту эпоху простиралось до 300, а число студентовъ, если вѣрны оставшіеся свидѣтельствамъ,

доходило даже до 30.000. Притягательная сила университетовъ въ эту эпоху была тѣмъ болѣе велика, что количество ихъ было ограничено, что только въ нихъ были собраны знаменитые профессора и ученые, значительныя вспомогательныя научныя средства, недоступныя въ другихъ мѣстахъ; словомъ, сосредоточена была вся умственная дѣятельность эпохи. Въ это время въ Оксфордскомъ университетѣ мы видимъ сильное развитіе корпоративной жизни, дѣятельное участіе въ общихъ народныхъ событіяхъ, самое живое и многостороннее проявленіе умственной дѣятельности.

Характеръ среднихъ вѣковъ отразился и на университетской жизни. Стремленіе къ корпоративному устройству, дѣленіе на партіи по сословіямъ, провинціямъ и народностямъ, вражда между этими разнообразными стихіями, неопредѣленный характеръ отношеній къ городскимъ корпораціямъ, къ общимъ государственнымъ властямъ, всѣ эти черты университетской жизни составляютъ отличительный характеръ средне-вѣковой эпохи. Исторія Оксфордскаго университета въ XIII и XIV столѣтіяхъ ознаменована бурнымъ участіемъ въ общихъ политическихъ событіяхъ и непрерывными столкновениями, съ одной стороны, различныхъ частей и элементовъ схоластическаго университетскаго организма: націй и провинцій, философскихъ сектъ, магистровъ и студентовъ, факультетовъ, подворій; съ другой—всего университета съ городскими корпораціями, съ правительственными органами и властями средне-вѣковой государственной жизни, съ которыми университетъ имѣлъ болѣе или менѣе близкое соотношеніе; какъ на примѣръ, съ епископами линкольскими, архіепископами кентерберійскими, съ папами, съ королями. Борьба производилась всевозможными орудіями: перомъ и словомъ, силою и оружіемъ. Не проходило почти ни одного года безъ столкновеній и даже кровопролитныхъ битвъ на улицахъ и въ полѣ между студентами юга и сѣвера Англіи (*Australes* и *Boreales*), между Шотландцами и Валлійцами, реалистами и номиналистами, студентами и гражданами (*town and gown*). Нерѣдко даже споры между магистрами и студентами, учителями и учившимися, между университетомъ и монашескими орденами рѣшались тѣмъ же способомъ. Но особенно сильны были столкновения университета съ городскими корпораціями. Борьба шла о первенствѣ; нерѣдко она принимала огромные размѣры и доходила до страшныхъ неистовствъ. Такъ, напри-

мѣръ, въ 1209 году, одинъ студентъ, стрѣля изъ лука, по неосторожности убилъ женщину, и взбѣшенные граждане повѣсили нѣсколькихъ его товарищей, вслѣдствіе чего 3.000 студентовъ переселились въ другіе города, преимущественно въ Кембриджъ. Но особенно памятенъ для оксфордскихъ студентовъ день 10 февраля, 1349 года, когда между гражданами и студентами, при звонѣ городскихъ и университетскихъ колоколовъ (St. Martin и St. Mary) произошла страшная кровопролитная стычка, окончившаяся совершеннымъ пораженіемъ студентовъ. Тщетно они искали спасенія въ церквахъ и другихъ убѣжищахъ: разъяренные граждане не уважали никакой святости и въ продолженіе цѣлой ночи и слѣдующаго дня продолжали грабить и жечь подворья и коллегіи, уничтожать все, чтò принадлежало къ ученію, терзать и убивать спасавшихся студентовъ и магистровъ, заключать ихъ въ тюрьмы, бросать тѣла раненыхъ во рвы.

Такимъ образомъ, въ первоначальное время своего существованія, Оксфордскій университетъ можетъ быть разсматриваемъ какъ собраніе свободныхъ, академическихъ подворій, гдѣ сосредоточивались ученые и талантливые люди вѣка, и куда стремились толпы молодыхъ людей, жаждавшихъ образованія. Но это устройство держалось недолго. Уже съ половины XIV столѣтія начался переходъ отъ этой системы къ новому коллегіальному устройству. Переходъ этотъ совершался медленно, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, такъ, что только къ концу реформація новая система получила рѣшительный перевѣсъ надъ старою. Но тѣмъ не менѣе остатки старой системы (halls) сохранились до настоящаго времени, точно также какъ и при полномъ господствѣ прежней системы существовали уже зародыши новой. Переходъ совершился преимущественно вслѣдствіе постепеннаго уменьшенія подворій (halls) и постепеннаго размноженія коллегій. Послѣ блестящаго періода XIII и XIV вѣка, число студентовъ и подворій начало значительно понижаться, частію отъ уменьшившагося значенія схоластической философіи, частію отъ гражданскихъ войнъ и религіозныхъ безпорядковъ. Въ царствованіе Генриха VIII подворья за недостаткомъ студентовъ, пришли въ совершенный упадокъ. Въ 1500 году число обитаемыхъ подворій простиралось до 55, а въ 1546 число ихъ равнялось только восьми. Но въ то время, когда подворья приходили въ упадокъ, постепенно увеличивалось количество и значеніе коллегій, которыя получали щедрыя

приношенія поземельною собственностью, домами и капиталами. Первые коллегіи въ Оксфордѣ появились уже въ концѣ XIII вѣка; съ этого времени количество ихъ постоянно увеличивается, такъ что въ эпоху реформациі мы находимъ уже 14 коллегій. Въ началѣ, коллегіи были не что иное, какъ благотворительныя учрежденія, основанныя щедростью частныхъ лицъ, преимущественно епископовъ, канцлеровъ, королей и королевъ. Въ нихъ принимались бѣдные студенты, которымъ обезпечивалась квартира, столъ и другія средства для существованія, съ цѣлью доставить имъ возможность пользоваться выгодами университетскаго образованія. Обыкновенно нѣсколько лицъ, получившихъ ученія степени (*graduates*), подъ именемъ *товарищей fellows*, пользовались ббльшимъ содержаніемъ чѣмъ студенты, и, подъ начальствомъ старшаго магистра, управляли заведеніемъ. Съ XVI вѣка коллегіи получаютъ еще другое значеніе; они дѣлаются мѣстами для воспитанія, и начинаютъ принимать независимыхъ студентовъ для образованія. Наконецъ университетская система дополнилась назначеніемъ профессоровъ, которымъ платилось жалованье вмѣсто незначительной платы, которую прежніе регенты получали отъ слушателей.

Когда послѣ реформациі Оксфордъ снова началъ привлекать многочисленныхъ студентовъ, тогда однѣ коллегіи пережили гибель прежнихъ университетскихъ учрежденій. Онѣ сдѣлались представителями реформатскаго движенія и разсадниками гуманистическаго образованія. Вообще въ теченіе XIV столѣтія уже все академическое населеніе было собрано въ стѣнахъ коллегій и немногихъ привилегированныхъ подворій, такъ что царствованіе Елисаветы можно считать окончательнымъ періодомъ установленія новой системы. Въ это время для университета снова засіяли славные и счастливые дни: ученіе ожило, ученые покровительствовались, и университетъ получилъ подтвержденіе своего корпоративнаго устройства, а въ 1604 году право представительства въ нижней палатѣ англійскаго парламента. Къ этой же эпохѣ относится важная перемена, совершившаяся во внутреннемъ управленіи университета. Магистры-регенты, заседавшіе въ палатѣ конгрегациі, были лишены законодательной инициативы. Она была передана еженедѣльному собранію начальниковъ коллегій, и такимъ образомъ университетское правленіе получило какъ бы олигархическій характеръ. Наконецъ, при канцлерѣ университета, архіепископѣ Лудѣ въ 1639 году, статуты Оксфорда были собраны въ одно цѣлое.

Этотъ сводъ составляетъ понынѣ дѣйствующій академическій кодексъ, хотя бѣльшая часть постановленій устарѣла, и университетская система во многомъ измѣнилась.

Что же касается до участія университета въ политическихъ судьбахъ Англіи, то вся его новѣйшая исторія характеризуется консервативнымъ направлениемъ. Такъ въ теченіе борьбы между Карломъ I и парламентомъ университетъ дѣятельно поддерживалъ сторону короля, и когда открылась междоусобная война, то значительная часть университетскихъ суммъ и дорогихъ сосудовъ была послана ему для вспомошествованія. Карлъ сдѣлалъ Оксфордъ своею главною квартирою и собралъ здѣсь свой парламентъ въ большой залѣ Троицкой коллегіи. Въ эту эпоху ученіе было въ пренебреженіи; подворья и коллегіи обратились въ казармы, и многіе студенты и магистры промѣняли свои ученые мантии и шляпы на воинское вооруженіе. Привязанность къ Стюартамъ продолжалась и въ послѣдствіи. Почти до XVIII столѣтія Оксфордъ былъ главнымъ пунктомъ, гдѣ сосредоточивались якобитскія начала и стремленія. Консервативное направленіе, поддерживаемое здѣсь всею историческою атмосферою мѣста, составляетъ отличительную черту Оксфордскаго университета и въ настоящее время. Оно проявляется нынѣ въ ревностной защитѣ аристократическаго элемента въ государствѣ и въ исключительной приверженности къ англиканской церкви, супрематію которой Оксфордъ старается поддержать всеми силами.

Въ настоящую эпоху своего существованія Оксфордскій университетъ представляетъ намъ сложный и разнообразный организмъ. Главную основу его составляютъ 19 коллегій, щедро одаренныхъ богатыми средствами, и 5 подворій (halls), сохранившихся отъ прежней системы и обязанныхъ своимъ существованіемъ тому, что они сдѣлались собственностью коллегій.

По общему мнѣнію, древнѣйшею коллегіею въ Оксфордѣ считается Университетская (University College), основанная королемъ Альфредомъ и возобновленная въ 1229 году Вильмомъ Дургамскимъ. Далѣе слѣдуетъ Балліолева (Balliol College), основанная въ концѣ XIV столѣтія Джономъ Балліолемъ, отцомъ несчастнаго шотландскаго короля и его супругою Деворгилою. Къ XIII же столѣтію относится Мертонова коллегія, Merton College, названная по имени основателя, канцлера и епископа Рочестерскаго. Къ XIV столѣтію относятся: Экзетерская, Exeter College (1314), Ориелевская, Oriel College (1326), Королевина,

Queen's College (1340) и Новая, New College (1386); къ XV-му Линкольнова, Lincoln (1427), Всѣхъ Душъ, All Souls (1437) и Магдалинина, Magdalen College (1456). Особенно замѣчательно по количеству основанныхъ коллегій XVI столѣтіе, когда коллегіальная система получила окончательное преобладаніе. Къ этому столѣтію относятся: The King's Hall, Королевское подворье и College of Brazen Nose, Коллегія Мѣднаго Носа (1509), Corpus Christi College, коллегія Тѣла Христова (1516), знаменитая коллегія Христовой Церкви, Christ Church (1545), Троицкая, Trinity College (1554), Св. Иоанна, St. John's (1555) и Иисусова, Jesus College (1571). Наконецъ на долю XVII и XVIII столѣтій приходится всего три коллегіи: Вадгемская коллегія, Wadham (1613), Пемброкская, Pembroke (1624) и Ворстерская, Worcester College (1714).

Кромѣ этихъ 19 коллегій въ Оксфордѣ существуетъ еще 5 подворій: Св. Маріи (St. Mary), Св. Альбана (St. Alban), Магдалины (Magdalen), Св. Эдмонда (St. Edmund) и Ньютоново подворье (Newton Hall). Эти немногія уцѣлѣвшія подворья суть слѣды первоначальной свободы университетской жизни. Они неимѣютъ постоянно живущихъ въ нихъ *товарищей* (fellows), а только состоятъ подъ ихъ надзоромъ. Сюда обыкновенно поступаютъ болѣе взрослые студенты, потому что здѣсь они пользуются болѣе свободой. Въ настоящее время, вице-канцлеру дана власть разрѣшать членамъ конвокаціи принимать студентовъ въ свои жилища, называемыя *private halls* (частныя подворья).

Коллегіи, изъ которыхъ составляется нынѣ университетъ, должны быть разсматриваемы съ двойкой точки зрѣнія: во-первыхъ, какъ благотворительныя заведенія для содержанія извѣстнаго числа студентовъ и лицъ, получившихъ ученые степени, и во-вторыхъ, какъ учрежденія для воспитанія, въ которыхъ поселяются и отдаются подъ надзоръ тьюторовъ юноши, желающіе получить университетское образованіе.

Въ первомъ отношеніи каждая коллегія составляетъ совершенно независимую отъ университета корпорацію, управляемую своими собственными статутами.

Лица, живущія въ коллегіи, раздѣляются на членовъ, входящихъ въ составъ ея (Members of the Foundation), и на независимыхъ. Къ первымъ принадлежатъ: начальникъ, товарищи (fellows, socii), стипендіаты (scholars) и разнаго рода низшіе студенты; ко вторымъ собственно студенты (своекоштные), подъ именемъ: noblemen, gentlemen-commoners и commoners.

Въ главѣ каждой коллегіи стоитъ начальникъ, носящій различныя названія: магистра, ректора, декана, президента, provost, warden и т. п. За исключеніемъ одной или двухъ королевскихъ коллегій, они избираются сословіемъ товарищей (fellows) и бываютъ большею частію докторами богословія. Должность эта пожизненная, и имъ позволено жениться. Они пользуются высшею властію относительно дисциплины въ коллегіи и въ соединеніи съ товарищами завѣдываютъ управленіемъ ея. Кромѣ того, они имѣютъ важное значеніе въ общемъ университетскомъ управленіи.

За начальникомъ, или магистромъ, слѣдуютъ такъ называемые Fellows, то-есть *товарищи*, которые также участвуютъ въ завѣдываніи воспитаніемъ, въ управленіи имуществомъ коллегіи, и отправляютъ различныя коллегіальныя обязанности. Количество ихъ въ Оксфордѣ простирается до 500 и весьма не равномерно распределено по коллегіямъ. Такъ въ нѣкоторыхъ (Lincoln и Trinity College) товарищей считается не болѣе 12, между тѣмъ какъ въ другихъ (Magdalen и All Souls College) число ихъ достигаетъ 40. Въ большей части случаевъ, на основаніи статутовъ и общаго обычая, товарищами должны быть лица, получившія по крайней мѣрѣ низшую университетскую степень. Но это правило подлежитъ большимъ исключеніямъ, и вообще въ этомъ отношеніи въ Оксфордѣ господствуетъ величайшее разнообразіе. Въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ званіе товарища дается на основаніи строгихъ экзаменовъ и открыто для свободнаго соисканія всѣхъ магистровъ, между тѣмъ какъ въ другихъ товарищи назначаются по личнымъ отношеніямъ къ избирателямъ, по связямъ, по рожденію. Такъ напримѣръ въ Новой коллегіи лица, происходящія изъ рода основателя, немедленно по поступленіи въ коллегію, принимаются въ это сословіе. Въ коллегіи Всѣхъ Душъ, отъ кандидата на должность товарища, по статуту, требуются слѣдующія качества: bene natus, bene vestitus et in arte cantandi mediocriter doctus (хорошо рожденъ, хорошо одѣтъ и изрядно опытенъ въ искусствѣ пѣнія). Наконецъ, въ болѣе части коллегій доступъ въ товарищи ограниченъ, по волѣ основателей, извѣстными школами и мѣстностями. Вслѣдствіе этого, университетскіе товарищи составляютъ самое разнообразное сословіе; многіе изъ нихъ обладаютъ и дарованіями, и образованіемъ, и дѣйствительно съ усердіемъ посвящаютъ свое время наукамъ; но съ другой стороны, есть много и такихъ, которые, достигнувъ чести adscribi quietis

deorum ordinibus, то-есть быть причисленными къ блаженному сонму боговъ, пользуются своими мѣстами, какъ доходною арендой.

При поступленіи въ коллегію, каждый товарищъ долженъ принести присягу въ томъ, что онъ будетъ преданъ и вѣренъ коллегіи, и по мѣрѣ силъ своихъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, не только во время пребыванія въ коллегіи, но и по выходѣ изъ нея, будетъ оказывать ей помощь и содѣйствіе, а также стараться уничтожить вредные слухи и враждебныя намѣренія и поступки относительно ея; далѣе что онъ будетъ повиноваться и оказывать почтеніе начальнику и старшимъ, будетъ принимать и исполнять добросовѣстно и ревностно всѣ обязанности, возлагаемыя на него начальникомъ и совѣтомъ. И дѣйствительно, по отзыву Англичанъ, товарищи не только исполняютъ еще обязанности, но и питаютъ къ заведенію истинную привязанность. Это очень естественно, потому что между товарищами одной и той же коллегіи есть нѣчто похожее на семейную связь. Они имѣютъ общее имущество, общій домъ, общій столъ, общіе интересы, и наконецъ связаны взаимнымъ уваженіемъ и дружбою.

Вообще, должности товарищей достаются большею частію только лицамъ, желающимъ поступить въ духовное званіе. Имъ дается на то извѣстный срокъ времени, но часто случается, что по истеченіи опредѣленнаго числа лѣтъ, не желающіе поступить въ это званіе оставляютъ свои мѣста. Общее правило для всѣхъ коллегій предписываетъ, что лица, женившіяся и принявшія на себя какія-нибудь обязанности, несоумѣстныя съ должностію товарища, должны оставить коллегію. Такимъ образомъ въ большей части коллегій перемѣна лицъ происходитъ довольно быстро. Доходы товарищей весьма разнообразны: одни въ хорошіе годы получаютъ до 600 и 700 фунтовъ, между тѣмъ какъ другіе не болѣе 100. Доходы эти измѣняются изъ году въ годъ, и зависятъ отъ аренды имѣній коллегіи и другихъ условій. Кромѣ того, какъ сказано, товарищи имѣютъ коллегіальную квартиру и пользуются общимъ столомъ.

Изъ этого сословія избираются деканы, казначеи, экзаменаторы и наконецъ коллегіальные тьюторы, на которыхъ возлагается попеченіе о воспитаніи и образованіи студентовъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ товарищи обязаны были посвящать себя этому дѣлу. Собственно, они не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ обязанностей, и только предполагается, что досугъ свой они посвящаютъ ученымъ занятіямъ. Иные

отправляютъ въ сосѣднихъ мѣстахъ священническія обязанности, другимъ поручается приготовленіе проповѣдей. Вообще отъ товарищей, за исключеніемъ должностныхъ лицъ, даже не требуется, чтобъ они постоянно жили въ коллегіи. Но тѣмъ не менѣе многіе живутъ въ своихъ коллегіяхъ или съ цѣлью ученыхъ занятій, или вслѣдствіе принятыхъ на себя тьюторскихъ обязанностей; наконецъ, есть многіе, которые остаются въ коллегіяхъ по привязанности къ тихому однообразію и спокойствію коллегіальной жизни.

За товарищами слѣдуютъ студенты-стипендиаты (scholars), носящіе и другія названія, напримѣръ: demies въ Магдалининой, portionistae въ Мертоновой коллегіи и т. д. Они пользуются въ разныхъ коллегіяхъ различными выгодами. Число ихъ простирается приблизительно до 400. Они также принадлежатъ къ заведенію (Foundation Members), хотя не такъ тѣсно связаны съ нимъ, какъ товарищи. Избираются они большею частію по свободному конкурсу изъ студентовъ всѣхъ коллегій, и носятъ платье, отличное отъ прочихъ студентовъ. Доходы ихъ весьма разнообразны и простираются отъ 20 и менѣе до 80 и даже до 100 фунтовъ въ годъ. Кромѣ того они пользуются общимъ столомъ и квартирой, и относительно дисциплины и воспитанія находятся въ томъ же положеніи, какъ и независимые или своекотные студенты.

Наконецъ при нѣкоторыхъ коллегіяхъ находятся различные классы низшихъ студентовъ, клерковъ, а также хористовъ, содержаніе которыхъ также обезпечивается заведеніемъ. Эти бѣдные студенты носятъ различныя названія: servitors, bible-clerks, scholars (въ Christ-Church). Отъ нихъ требуется исполненіе нѣкоторыхъ домашнихъ услугъ въ коллегіи,—обычай, остатки котораго существуютъ и въ настоящее время.

Кромѣ этихъ лицъ, входящихъ въ составъ коллегіи и пользующихся ея доходами, при каждой, за исключеніемъ коллегіи Всѣхъ Душъ живетъ съ цѣлью образованія большее или меньшее количество независимыхъ членовъ, то-есть своекоштныхъ студентовъ, подъ именемъ нобльменовъ, джентльменовъ-коммонеровъ, и коммонеровъ. Нѣкоторыя коллегіи принимаютъ только нобльменовъ и джентльменовъ-коммонеровъ, какъ напримѣръ коллегіи Новая, Магдалинина и Тѣла Христова, гдѣ ихъ бываетъ не болѣе 10; другія принимаютъ только коммонеровъ, какъ напримѣръ Балліолева коллегія; вообще же всѣ прочія принимаютъ и тѣхъ и другихъ. Самая огромная и любимая коллегія въ

Оксфордъ, наиболѣе посѣщаемая аристократіей и богатыми коммонерами, есть коллегія Христовой Церкви, гдѣ до прошлаго года, воспитывался принцъ Валлійскій. Она состоитъ изъ декана, 8 канониковъ, 8 капеллановъ, школьнаго учителя, органиста, 8 клерковъ, 8 хористовъ и 101 студента, соответствующихъ товарищамъ и стипендіатамъ прочихъ коллегій. Странный и сложный составъ этой коллегіи объясняется тѣмъ, что во время основанія, ея въ 1545 году, она была приписана къ кафедральной церкви. Кромѣ вышеисчисленныхъ членовъ, составляющихъ the Foundation, или штатъ, этой коллегіи, къ ней относится еще болѣе 100 своекоштныхъ независимыхъ студентовъ и болѣе 600 членовъ, записанныхъ въ ея книгахъ, и участвующихъ въ палатѣ конвокаціи. Далѣе коллегіи, замѣчательныя по большому количеству живущихъ въ нихъ студентовъ, суть слѣдующія: Экзетерская, и Королевина коллегіи, Королевское подворье, и коллегія Мѣднаго Носа, гдѣ бываетъ небольшое число джентльменовъ-коммонеровъ и до 100 коммонеровъ. Въ остальныхъ обыкновенно живетъ отъ 20 до 70 студентовъ.

Нельзя не удивляться богатству оксфордскихъ коллегій. Каждая имѣетъ свою капеллу и свою бібліотеку. Кромѣ того въ каждой находятся весьма замѣчательныя обѣденныя залы (halls), обыкновенно украшенныя портретами знаменитыхъ лицъ, основателей, благотворителей, покровителей коллегіи, знаменитыхъ декановъ и вообще лицъ, бывшихъ студентами коллегіи и прославившихся въ послѣдствіи на политическомъ, литературномъ или духовномъ поприщѣ. Коллегіальныя зданія построены болшею частью четырехугольниками и образуютъ въ серединѣ обширныя, покрытыя зеленью дворы. При нѣкоторыхъ коллегіяхъ находятся обширныя сады и парки, какъ напримѣръ знаменитая Broad Walk и Meadows, орошаемые Изюю и Черуеломъ, при Христовой Церкви, Adisson Walk и паркъ при Магдалининой коллегіи и др. Вообще каждая коллегія представляетъ много любопытнаго и притомъ каждая славится преимущественно какою-нибудь отдѣльною частью: одна капеллою, другая паркомъ, третья обѣденною залой, четвертая бібліотекой, пятая архитектурой, башней и т. д.

Но кромѣ коллегій, въ городѣ находится множество другихъ зданій и учреждений, принадлежащихъ университету: университетскія церкви, общія бібліотеки, Радклифская и Бодлейанская, изъ которыхъ послѣдняя считается второю послѣ Лондонской; Scheldonian Theatre, гдѣ происходятъ публичныя

акты, Ashmolean и New Museum, The Convocation House, The Clarendon Building, гдѣ находится университетская типографія, ботаническій садъ и др.

Кромѣ этихъ мелкихъ корпорацій, коллегій, существуетъ еще одна общая корпорація, — университетъ въ обширномъ смыслѣ, связывающая всѣ эти отдѣльныя части и дающая имъ единство и цѣлость.

Во главѣ этой корпораціи стоитъ канцлеръ (въ настоящее время лордъ Дерби), избираемый на всю жизнь. Первоначально должность эта временно поручалась лицу, избранному изъ среды университетскихъ членовъ, но уже въ XV столѣтіи необходимость имѣть сильнаго защитника и покровителя въ ту смутную эпоху, породила обыкновеніе избирать канцлера между вліятельными свѣтскими и духовными вельможами. Подобные канцлеры, разумѣется, не имѣли ни времени, ни желанія, ни особенной потребности заниматься университетскими дѣлами, вслѣдствіе чего должность ихъ получила характеръ почетнаго званія. Но хотя нынѣ дѣйствительная власть канцлера предоставляется вице-канцлеру, тѣмъ не менѣе онъ считается первымъ лицомъ университета и законно облеченъ гражданскою властью не только надъ университетомъ, но и надъ городомъ и графствомъ. Обыкновенно онъ за сѣдаетъ на своемъ великолѣпномъ тронѣ только въ торжественныхъ случаяхъ.

Второе мѣсто занимаетъ *High Steward*, или сенешаль, назначаемый канцлеромъ. Онъ имѣетъ высшую уголовную власть надъ университетскими членами, обвиненными въ преступленіяхъ внутри университетскихъ границъ, то-есть на одну милю вокругъ отъ предмѣстій города. Какъ канцлеръ, такъ и стюардъ избираются изъ высшаго дворянства и служатъ защитниками университетскихъ правъ и привилегій въ верхней палатѣ англійскаго парламента.

Далѣе слѣдуетъ вице-канцлеръ, который долженъ ежегодно избираться канцлеромъ, какъ его депутатъ; но въ дѣйствительности въ настоящее время должность эта занимается поочередно начальниками коллегій (*heads of houses*) въ теченіе четырехъ лѣтъ каждымъ. Въ рукахъ вице-канцлера сосредоточена высшая исполнительная и судебная власть, потому что два первые сановника считаются болѣе какъ патроны нежели какъ дѣйствительные члены университета.

Полицейская власть сосредоточена въ рукахъ двухъ прок-

жорговъ, изъ которыхъ одинъ называется *senior*, другой *junior*. Эти университетскіе чиновники ежегодно назначаются коллегіями изъ среды собственныхъ же членовъ по известному, опредѣленному статутами порядку. Обязанности ихъ весьма разнообразнаго характера, но они болѣе известны, какъ блюстители университетскаго благочинія, въ чемъ и содѣйствуютъ имъ пропротекторы и находящаяся подъ ихъ командою академическая полицейская стража. Они обязаны подавлять безпорядки между студентами, имѣютъ право налагать академическія наказанія, должны по вечерамъ обходить городъ, и при помощи стражи, сопровождающей ихъ, останавливать шатающихся женщинъ дурнаго поведенія. Власть ихъ распространяется не только на студентовъ, но и на бакалавровъ словесныхъ наукъ, которые также считаются *in statu pupillari* (подъ опекой).

Законодательная власть находится въ рукахъ *сената*, въ которомъ засѣдаютъ всѣ магистры, а также доктора различныхъ факультетовъ, какъ входящіе въ составъ коллегій, такъ и независимые отъ нихъ, но сохраняющіе свои имена въ коллегіальныхъ книгахъ (*Convictores, Members on the books*). Сенатъ раздѣляется на двѣ палаты: *Congregation* и *Convocation*. Въ первой засѣдаютъ регенты *necessarii* и *ad placitum*, то-есть преимущественно живущіе въ коллегіяхъ; во второй, кромѣ первыхъ, имѣютъ право голоса всѣ остальные члены — *convictores*.

Кромѣ этихъ двухъ палатъ, со времени Карла I существуетъ еще совѣтъ (*caput*), состоящій изъ вице-канцлера, протекторовъ и начальниковъ коллегій. Ему собственно принадлежитъ инициатива всѣхъ законодательныхъ университетскихъ мѣръ, потому что всякое измѣненіе или предложеніе можетъ быть представлено сенату не иначе, какъ съ его одобренія.

Наконецъ личный составъ университета дополняется профессорами, которые бываютъ двухъ разрядовъ: или коронные (*regii*) или частные. Каѳедры первыхъ основаны королями, преимущественно Генрихомъ VIII; каѳедры вторыхъ—разными частными лицами. Число всѣхъ каѳедръ приблизительно простирается до 30; изъ нихъ 8 коронныхъ.

Таковъ въ главныхъ чертахъ сложный и разнообразный составъ Оксфордскаго университета, этого организма, постепенно развивавшагося, можно сказать, въ теченіе всей англійской исторіи.

II.

Познакомившись съ вѣншимъ устройствомъ коллегій и университета, перейдемъ теперь къ внутреннему: къ учебному курсу и къ экзаменамъ. Эта сторона не менѣ любопытна и оригинальна. Въ ней также проявляется характеристическая черта англійской націи — неизмѣнная преданность старымъ, испытаннымъ системамъ. Гуманистическое направленіе, явившееся во время реформации, немного видоизмѣненное, сохраняется и донынѣ. Изученіе древнихъ классиковъ составляетъ главную основу всего образованія.

Университетскій курсъ послѣ общаго вступительнаго экзамена раздѣляется на два разряда: одинъ легкій навывается *pass-курсъ*; другой трудный—*классъ-курсъ*.

Обыкновенно *пассжениами*, проходящими *пассъ-курсъ*, дѣлаются люди слабаго здоровья, для которыхъ трудныя и усиленныя занятія не возможны, дажѣ не одаренные хорошими способностями, не получившіе достаточной предварительной подготовки и наконецъ многіе, обладающіе я способностями, и здоровьемъ, и предварительнымъ образованіемъ, но ограничивающіея легкимъ курсомъ вслѣдствіе преувеличенныхъ понятій о трудностяхъ *классъ-курса*.

Всякій студентъ (*undergraduate*) для полученія степени бакалавра долженъ выдержать четыре публичныхъ экзамена, не считая того экзамена, который требуется для поступленія въ одну изъ коллегій, и предшествуетъ четыремъ собственно университетскимъ экзаменамъ. Названія университетскихъ экзаменовъ слѣдующія:

1) *Responsions* (отвѣты), на студенческомъ языкѣ называемый «Little go», малый ходъ.

2) Первый публичный экзаменъ, или *Moderations*, получившій свое названіе отъ Moderators, семи публичныхъ экзаминаторовъ, ежегодно избираемыхъ университетомъ изъ числа всѣхъ коллегіальныхъ товарищей (*Fellows*).

3) Второй публичный экзаменъ перваго окончательнаго, то-есть классическаго, курса (*First Final School*), обыкновенно называемый «Great go», большой ходъ.

4) Второй публичный экзаменъ второго окончательнаго, то-есть спеціального, курса (Second Final School), раздѣляющійся по различію предметовъ на три отдѣла; математическій, естественныхъ наукъ, правъ и новой исторіи.

Первый экзаменъ, Responsons, хотя и не называется публичнымъ, но есть такой же публичный, какъ и другіе три. Онъ производится въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и другіе, экзаменаторами, назначаемыми университетомъ, и заключаетъ въ себѣ изустные и преимущественно письменные отвѣты, именно: переводъ съ англійскаго на латинскій, часть одного латинскаго и греческаго автора, письменные отвѣты на напечатанные вопросы изъ грамматики, ариметики и алгебры до квадратныхъ уравненій. Въмѣсто послѣдней позволяется приготовить первыя двѣ книги Эвклида.

Экзаменъ этотъ въ настоящее время имѣетъ почти то же значеніе, какъ и вступительный въ коллегію, и потому студентамъ позволяется держать его въ первый же *термъ* ихъ поступленія¹.

Такъ какъ первый экзаменъ равно обязателенъ для всѣхъ, поступающихъ въ университетъ, то разница между *пассменами* и *классменами* собственно заключается въ послѣднихъ трехъ.

Первый публичный экзаменъ, или Moderations, раздѣляется на двѣ школы: Litterae Humaniores (древніе языки) и школу математики. Первая обязательна для всѣхъ, но многіе держатъ экзаменъ изъ обѣихъ. Экзаменъ бываетъ различный для *пассменовъ* и *классменовъ*.

Для первыхъ онъ состоитъ: въ изученіи части одного греческаго и одного латинскаго автора, изъ которыхъ одинъ долженъ быть поэтъ, другой ораторъ; въ переводѣ съ легкаго англійскаго въ латинскую прозу, въ письменныхъ отвѣтахъ на вопросы изъ грамматики и изъ логики, преимущественно изъ *Sotpendium* Ольдриха. Тѣ же, которые не изучаютъ логики, должны держать экзаменъ изъ математики, именно изъ алгебры до квадратныхъ уравненій и изъ первыхъ трехъ книгъ Эвклида.

---

¹ Подъ словомъ *термъ* разумѣется опредѣленное количество времени отъ 7 до 8 недѣль. Въ Оксфордѣ считается 4 термина: 1) Michaelmas отъ 10 октября до 17 декабря, 2) Hilari отъ 14 января до Вербнаго воскресенья; 3) Easter съ 10 дня послѣ Свѣтлаго воскресенья до Троицына дня и 4) Trinity отъ среды послѣ Троицына дня до публичнаго акта, который всегда бываетъ въ первый вторникъ въ іюлѣ.

Таковъ первый публичный экзаменъ для *пассменовъ*. Несравненно обширнѣе онъ для *классменовъ*. Отъ нихъ требуется изученіе по крайней мѣрѣ восьми латинскихъ и греческихъ авторовъ, изъ каждаго вдвое болѣе нежели отъ *пассменовъ*; переводъ съ англійскаго не только на латинскую и греческую прозу, но и на латинскіе и греческіе стихи, письменные отвѣты на критическіе и филологическіе вопросы изъ грамматики и на вопросы изъ логики, обнимающіе весь предметъ, какъ онъ излагается въ англійскихъ руководствахъ. Въсто логики *классменамъ* позволяется держать экзаменъ изъ математики, именно изъ алгебры, Эвклида, тригонометріи, геометрическихъ и коническихъ сѣченій, дифференціальныхъ и интегральныхъ исчисленій.

Кромѣ того, изустные отвѣты заключаютъ еще въ себѣ четыре Евангелія на греческомъ языкѣ. Держать экзаменъ на *классмена* въ этой школѣ можно только между 7 и 10 термами, то-есть, по истеченіи двухъ лѣтъ по вступленіи въ университетъ.

Итакъ отъ *классмена* требуется четыре греческіе и четыре латинскіе автора. Они могутъ быть поэты, ораторы или историки. Изъ нихъ два греческіе и два латинскіе обязательны, именно Гомеръ, Демосеенъ, Виргилій и Цицеронъ. Остальные четыре, хотя предоставляются выбору, но на дѣлѣ два изъ нихъ предписываются студенту обычаемъ, именно Эсхиль или Софокль и Гораций. Такимъ образомъ свободный выборъ ограничивается только двумя. При выборѣ студенты, по совѣту тьюторовъ, обыкновенно останавливаются на историкахъ, потому что они облегчаютъ при слѣдующемъ экзаменѣ изученіе древней исторіи. Для греческаго обыкновенно избирается Геродотъ или Фукидидъ, для латинскаго 6 книгъ Ливія первой декады или Тацитъ.

Главное условіе изученія, которымъ гордится Оксфордъ, есть отчетливость, *thoroughness*, составляющая условіе *sine qua non* во всѣхъ школахъ и для всѣхъ студентовъ, какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ. Отъ сильныхъ требуется болѣе, отъ слабыхъ—менше; но и тѣ и другіе должны отчетливо знать то, изъ чего экзаменуются. Изученіе должно производиться собственнымъ трудомъ съ помощью лучшихъ лексиконовъ и грамматикъ, и только въ случаѣ крайняго затрудненія совѣтуютъ обращаться къ помощи тьютора и къ переводамъ. При первомъ экзаменѣ преимущественное вниманіе обращается на пониманіе текста, вопро-

чемъ отъ студента требуется общее знаніе всей древней исторіи и специальное знакомство съ временемъ поэтовъ и ораторовъ, какъ существенно необходимое для пониманія ихъ. Для изученія греческой и римской исторіи обыкновенно рекомендуются руководства Смита, Кейтлея, Лиделля; для изученія отдельныхъ періодовъ — сочиненія Гладстона о Гомерѣ, Грота или Терльваля, такъ напримѣръ, если избранъ Геродотъ, то 4 и 5 томъ Грета, если Фукидидъ, то 6 и 7.

Для полученія высшаго почетнаго отзыва, или отличія, необходимо также изученіе логики, которая считается отличнымъ орудіемъ для образованія ума. Руководствомъ служитъ *Compendium* Ольдриха, представляющій старую средне-вѣковую реалистическую школу и потому весьма недостаточный. Коллегиальный или частный тьюторъ, постоянно долженъ пополнять недостатки руководства. Вмѣстѣ съ Ольдрихомъ требуется чтеніе *Whateley Elements of Logic*, *Mungo Manual of Logic*, *Thompson Outlines of the Laws of Thought* и др. Отъ студента требуется также исторія логики, знаніе различныхъ школъ и мнѣній относительно ея, различные методы изложенія, отношеніе ея къ другимъ наукамъ и пр.

За *Moderations* слѣдуетъ второй публичный экзаменъ, который также состоитъ изъ двухъ школъ. Экзаменъ изъ обѣихъ можно держать или въ одинъ и тотъ же термъ, или въ различные, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что экзаменъ на отличіе (*honours*) непременно долженъ быть выдержанъ между 12 и 18 термами по вступленіи въ университетъ, и притомъ изъ древнихъ языковъ, *Literæ Humaniores*, или первой школы, прежде.

Требованія по первой школѣ втораго публичнаго экзамена для *классменовъ* заключаются въ изученіи одного греческаго и одного латинскаго автора, изъ которыхъ одинъ долженъ быть философъ, другой историкъ, напримѣръ 4 книги *Этики* Аристотеля и 4 книги Ливія. Сверхъ того имъ задается нѣсколько вопросовъ о содержаніи ихъ. Для *классменовъ* число авторовъ неограниченно, но сочиненія ихъ должны быть изучены вполне. Первоклассный отзывъ рѣдко получается безъ 8 или 9 сочиненій, изъ которыхъ одно должно быть англійское, а остальные греческія и латинскія. Далѣе отъ нихъ требуется переводъ съ труднаго англійскаго на латинскій и греческій, письменные отвѣты на вопросы изъ греческой и римской исторіи, съ преимущественными ссылками на Фукидида, Геродота и Тацита и съ

завлеченіемъ знанія Грота, Терльваля, Нибура, Арнольда и др. Далѣе письменные отвѣты изъ логики, гдѣ требуется знаніе оригинальныхъ источниковъ, какъ напримѣръ Аристотеля и Бэкона; изъ политической философіи—короткое знакомство съ *Политикой* Аристотеля и *Республикой* Платона, изъ нравственной философіи съ ссылками на *Этику* Аристотеля, *Республику* Платона и на *Sermons* Ботлера; и наконецъ изъ общей философіи, то-есть исторіи древней и новой философіи.

Кромѣ этихъ предметовъ для изустнаго экзамена требуется еще *Дьяція Апостоловъ* на греческомъ языкѣ, знаніе главныхъ фактовъ изъ библейской исторіи вообще, доказательства (Evidences) христіанства по Пелею или другому сочиненію, и знаніе 39 членовъ англиканской церкви.

Экзаменъ для *пасъменовъ* продолжается одинъ день, для *классменовъ* пять. Вообще этотъ экзаменъ, по существующимъ понятіямъ, дѣлится на три отдѣла: исторію, science и scholarship. Подъ словомъ «science» въ Оксфордѣ разумѣются всѣ науки нравственные и политическія, какъ отличающіяся отъ естественныхъ. Въ настоящемъ случаѣ это слово относится къ логикѣ и философіи. Подъ scholarship разумѣются сочиненія на греческомъ и латинскомъ языкахъ и изустные переводы изъ изучаемыхъ авторовъ. Эти три отдѣла считаются равными по значенію на экзаменахъ и необходимы для полученія высшаго почетнаго отзыва (honours).

Отъ хорошаго *классмена* на этомъ экзаменѣ почти неизмѣнно требуется восемь книгъ, именно для исторіи: Геродотъ, Фукидидъ, первая декада Тита Ливія и *Анналы* или *Исторія* Тацита; для science *Этика* Аристотеля и *Sermons* Бетлера; наконецъ остальные двѣ обыкновенно бываютъ *Политика* Аристотеля и *Республика* Платона. Кромѣ того часто изучаются еще *Исторія Греціи* Ксенофонта, *Novum Organon* Бэкона, *Реторика*, *Метафизика*, *Поэтика* и *Органъ* Аристотеля.

Разница въ изученіи исторіи до Moderations и послѣ заключается въ томъ, что прежде она изучалась какъ вспомогательный предметъ для объясненія авторовъ, а въ настоящемъ случаѣ изучается какъ предметъ самостоятельный. Поэтому теперь требуется не только то, что относится къ изучаемымъ авторамъ, но и знакомство со всею древнею исторіей во всемъ ея объемѣ: съ жизнью политической, общественною и религіозною, съ древнею географіею, этнологіей, съ новѣйшими открытіями.

Кромѣ того требуется также нѣкоторое знаніе древней исторіи азіятскихъ государствъ.

Таковъ такъ-называемый экзаменъ перваго окончательнаго курса.

До сихъ поръ въ экзаменахъ мы не видимъ раздѣленія на наши факультеты; но въ окончательномъ экзаменѣ втораго курса студенту предоставляется выборъ изъ трехъ отдѣловъ или математическаго, или естественныхъ наукъ, или правъ и новой исторіи.

Третій публичный экзаменъ есть спеціальный экзаменъ по одной изъ этихъ отраслей знанія.

Экзаменъ математическій для *пассмена* состоитъ изъ первой части алгебры или изъ первыхъ шести книгъ Евклида; для *классмена* же изъ всего курса прикладной математики: статистики и динамики, оптики и астрономіи, гидростатики и гидродинамики, механики и гидромеханики и Ньютоновыхъ *Principia*: это сочиненіе изучается какъ отдѣльный предметъ.

Экзаменъ естественныхъ наукъ раздѣляется на три предмета: химію, физиологію и механическую философію, подъ которою разумѣется наша физика. *Пассменъ* долженъ имѣть общее знакомство съ началами двухъ изъ этихъ предметовъ и спеціально изучить какую-нибудь отдѣльную часть одного. *Классменъ* же долженъ имѣть общее понятіе о всѣхъ трехъ предметахъ, болѣе обширное и подробное знаніе одного изъ нихъ и наконецъ спеціальное знаніе какой-нибудь части этого послѣдняго, напримѣръ остеологіи, палеонтологіи, геологіи или ботаники, если онъ изучаетъ физиологію.

Наконецъ экзаменъ изъ права и новѣйшей исторіи для *пассмена* состоитъ изъ Блэкстона *On Real Property* и англійской исторіи отъ завоеванія Англіи Норманнами до восшествія Генриха VIII; или изъ Блэкстона *On personal Property and the Rights of Persons* и англійской исторіи отъ восшествія Генриха VIII до королевы Анны. Тотъ же экзаменъ для *классменовъ* можетъ состоять или вопервыхъ: 1) изъ Блэкстона *On Real Property*, 2) международнаго права¹ по Уитону, 3) англійской исторіи до восшествія Генриха VIII (по Лингарду и др.) 4) Галлама (*Средніе вѣка*), 5) Гиббона (отъ главы 38 до конца), 6) Гизо (*Исторія цивилизаціи во Франціи*) и 7)

¹ Предметы эти могутъ быть также замѣнены Юстиніаномъ или Адамомъ Смитомъ *Wealth of Nations*.

Милльмана (*Латинское Христианство*); или вовторыхъ: 1) изъ Блакстона *On Personal Property and the Rights of Persons*, 2) международного права, 3) англійской исторіи отъ восшествія Генриха VIII до королевы Анны, 4) Галлама (*Конституціонная Исторія*), 5) Робертсона (*Карлъ V*), 6) Ранке (*Исторія папъ*). Кромѣ этихъ книгъ, обнимающихъ цѣлые періоды, требуется еще болѣе тщательное и подробное изученіе какой-нибудь отдѣльной эпохи, напримѣръ о Карлѣ Великомъ по Эгвингарду, о Лудовикѣ Святомъ по Жуанвилю и Сисмонди, о Карлѣ II по Кларендону и другимъ оригинальнымъ источникамъ. Сверхъ того, какой бы изъ двухъ періодовъ ни былъ выбранъ, необходимо имѣть общее знакомство, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, со всею исторіей.

Вообще кандидаты на высшіе почетные отзвывы (*honours*) обыкновенно обязаны изучить 8 изъ вышеозначенныхъ книгъ; именно двѣ для правъ, 5 для исторіи и одну для спеціально-избраннаго предмета. Это *minimum*; но понятно, что изученіе другихъ книгъ всегда доставляетъ студенту болѣе высокое значеніе на экзаменахъ.

По окончаніи экзамена, имена *классменовъ* распределяются на степени (*age classed*) по достоинству. Такихъ степеней, или классовъ считается въ каждой отрасли четыре, а *пассмены* составляютъ пятую. Самое высшее отличіе, до котораго можетъ достигнуть студентъ, есть помѣщеніе въ разрядъ именъ перваго класса по классическому и математическому отдѣламъ.

Пассмены имѣютъ право держать этотъ экзаменъ не прежде окончанія одиннадцатаго терма, или черезъ три года послѣ своего вступленія. Но многіе, несмотря на незначительность курса, остаются четыре года и даже болѣе. Впрочемъ случается, что къ послѣднему публичному экзамену втораго курса *пассмены* начинаютъ приготовляться за пять или шесть недѣль, а иногда даже счастливо оканчиваютъ экзаменъ послѣ нѣсколькихъ дней приготовленія. Разумѣется, что это не можетъ имѣть мѣста у *классменовъ*, курсъ которыхъ несравненно обширнѣе и требуетъ сосредоточенія всѣхъ усилій и дѣятельности.

Послѣ общаго обзора экзаменовъ и предметовъ, необходимыхъ для изученія, дѣлко будетъ понять дальнѣйшее устройство университетовъ, значеніе коллегіальныхъ и частныхъ туторовъ и профессоровъ. При поступленіи въ университетъ, первымъ дѣломъ студента должно быть отысканіе себѣ совѣстливаго и опытнаго тутора, который будетъ служить ему по-

мощникомъ и наставникомъ при занятіяхъ. Такъ какъ занятія должны большею частію основываться на собственномъ трудѣ, то въ случаѣ недостатка опытнаго совѣтника и руководителя, студентъ потерялъ бы много времени прежде нежели попалъ бы на истинный путь. Поэтому приисканіе тьютора тотчасъ же по поступленіи въ университетъ считается существенною необходимостью и строго предписывается университетскими правилами. Въ настоящее время обыкновенно самъ начальникъ коллегіи назначаетъ тьютора вновь принятому студенту. Но во многихъ коллегіяхъ въ Оксфордѣ это одна лишь формальность, потому что тьюторы въ каждой коллегіи (числомъ 3, 4, 5) обыкновенно дѣлятъ между собою обученіе, надсмотръ, такъ что студентъ собственно находится подъ надзоромъ ихъ всѣхъ.

Всякому, предназначающему себя для *классъ-курса*, необходимо прежде всего заниматься самому, и потому онъ долженъ запастись силами, трудолюбіемъ и строго обдумать весь планъ занятій. Какъ бы ни былъ талантливъ студентъ, ему необходимо много трудиться, потому что короткое знакомство съ классиками и другими предписанными книгами, а также хорошая латинская проза не могутъ быть достигнуты безъ постоянного и продолжительнаго упражненія. Вообще ограниченность, сосредоточенность, прочность знаній, побужденіе къ твердости и настойчивости при рѣшеніи самыхъ утомительныхъ и трудныхъ задачъ составляютъ существенныя черты англійскаго образованія. Напротивъ преждевременная свобода и многосторонность считаются опасными для развитія характера. Вслѣдствіе такого взгляда на воспитаніе, Англичане не допускаютъ, чтобы молодой человѣкъ занимался только своимъ любимымъ предметомъ, но требуютъ, чтобы студентъ учился преимущественно тому, что ему во всякомъ случаѣ необходимо знать.

Второе мѣсто по важности, послѣ собственныхъ занятій, занимаютъ уроки коллегіальныхъ тьюторовъ. Безъ собственныхъ занятій они не имѣютъ значенія, но при нихъ приносятъ большую пользу, и посѣщеніе этихъ уроковъ строго требуется отъ студента.

Для преподаванія выбираются всегда два, три главные тьютора въ каждой коллегіи, которые имѣютъ иногда ассистентовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе считаются публичными тьюторами, и получаютъ извѣстную плату отъ студентовъ.

По своему характеру, эти коллегіальныя лекціи не похожи на наши. Онѣ состоятъ въ чтеніи и разборѣ классическихъ, ма-

тематическихъ и другихъ главныхъ книгъ, требуемыхъ для экзамена, причѣмъ студенты читаютъ, переводятъ, повторяютъ, какъ въ школахъ, до тѣхъ поръ, пока почти не заучиваютъ ихъ наизусть. Тьюторы обыкновенно исправляютъ, объясняютъ, задаютъ вопросы, толкуютъ съ каждымъ о томъ, что онъ хочетъ читать про себя. Иногда система измѣняется, и тьюторъ читаетъ общія лекціи о предметѣ, но это случается очень рѣдко, потому что подобныя чтенія считаются принадлежностью профессоромъ и мало идутъ къ аудиторіи, гдѣ сидятъ вмѣстѣ и *пассмены*, и *классмены*. Это смѣшеніе двухъ разрядовъ студентовъ бываетъ причиною, почему *классмены* имѣютъ иногда отвращеніе отъ коллегіальныхъ лекцій. При настоящемъ положеніи, *пассмены* отдѣляются отъ *классменовъ* только къ концу курса, и то не во всѣхъ коллегіяхъ. Вообще для лекцій тьюторовъ нѣтъ особенныхъ аудиторій. Такъ какъ число слушающихъ въ каждой коллегіи весьма ограничено, то квартира тьютора считается достаточною для лекцій; только въ Баллиолевской коллегіи есть особыя залы для лекцій. Доступа къ этимъ лекціямъ постороннія лица не имѣютъ.

Вообще Англичане считаютъ профессорскія лекціи недостаточными для элементарнаго образованія и предпочитаютъ имъ коллегіальную систему. Главное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ послѣдней, состоитъ въ томъ, что она преимущественно разчитана для выдержанія экзаменовъ, потому что какъ предметы, такъ и книги читаются почти только тѣ, которые непосредственно требуются для экзамена; но этого неудобства трудно избѣжать и при другихъ системахъ, гдѣ экзамены служатъ мѣрою опредѣленія достоинства студента, а хорошій выборъ первоклассныхъ книгъ, на которыхъ по необходимости сосредоточивается вниманіе студента, восполняетъ недостатки этой системы.

Въ большей части коллегій относительно различныхъ предметовъ существуетъ весьма малое раздѣленіе труда. Богословіе обыкновенно читается начальникомъ коллегіи, а остальные предметы, и то главные, дѣлятся между немногими тьюторами. Кромѣ чтеній, въ концѣ каждаго термина бываютъ еще коллегіальные экзамены, пишутся латинскія и греческія сочиненія и раздаются награды за нихъ.

Одновременно съ коллегіальными лекціями въ Оксфордѣ, какъ и въ другихъ университетахъ, читаются также профессорскія лекціи. Они считаются дополненіемъ къ лекціямъ коллегіальныхъ

тutorовъ, но, по мнѣнію Англичанъ, не могутъ замѣнить ихъ. Профессора избираются обыкновенно изъ разряда людей, пріобрѣтшихъ опытность въ tutorствѣ и экзаменахъ, и потому способныхъ вполне удовлетворять требованіямъ студентовъ. Студенту совѣтуется посѣщать ихъ тогда только, когда онъ тщательно и подробно изучитъ частнымъ образомъ и въ коллегіи различные предметы и книги курса. Обязанность профессора заключается въ изложеніи болѣе обширнаго и современнаго взгляда на тѣхъ же авторовъ и тѣ же предметы, съ болѣею полнотою объясненій, съ болѣею свободой отступленій, нежели это дѣлается тоторами. Поэтому посѣщеніе профессорскихъ лекцій становится полезно студенту только послѣ двухлѣтняго пребыванія, именно послѣ экзамена Moderations. Единственные лекціи, полезныя до этого времени (то-есть относительно экзаменовъ), суть лекціи логики, греческаго и латинскаго языка.

Вообще на профессорскія лекціи смотреть, какъ на дополненіе къ собственнымъ занятіямъ и къ коллегіальнымъ лекціямъ, или какъ на окончательную полировку университетскаго курса, но отнюдь не какъ на элементарный способъ образованія. Въ послѣднемъ случаѣ, по мнѣнію Англичанъ, онъ не только не приноситъ пользы, но, что хуже, могутъ быть вредны, потому что часто приводятъ учащагося къ убѣжденію, что онъ знаетъ что-нибудь, когда онъ ровно ничего не знаетъ, или же возбуждаютъ въ немъ отвращеніе отъ предмета.

Когда вы зададите Англичанамъ старшій, по ихъ мнѣнію, вопросъ о томъ, какимъ же образомъ въ прежнія времена во всѣхъ великихъ университетахъ, да и нынѣ почти повсюду, профессорскія лекціи составляли единственный, исключительный элементарный способъ образованія, то на это они даютъ слѣдующій старшій же отвѣтъ. Когда университетскія книги были рѣдки и дороги, когда сфера знанія о многихъ предметахъ была болѣе ограничена нежели нынѣ, когда наконецъ наука сливалась съ личностями и не существовало еще хорошихъ руководствъ, тогда общія профессорскія лекціи были существенною необходимостію, какъ для начала, такъ и для конца университетскаго образованія. Притомъ же въ то время недостаточныя стороны его ослаблялись до нѣкоторой степени существовавшимъ въ то время и устарѣвшимъ въ настоящее время обычаемъ диспутовъ. Но оставлять прежнюю систему безъ измѣ-

ненія нынѣ, когда всѣ условія измѣнились, они считаютъ неразумнымъ. Профессоръ по необходимости предполагаетъ, что слушатели получили достаточную предварительную подготовку, что преподаваемый предметъ уже извѣстенъ имъ, и потому читаетъ такъ, что его лекціи могутъ быть доступны только знающему. Еслибъ онъ дѣйствовалъ иначе, еслибъ онъ ограничивался элементарными познаніями, то его лекціи не приносили бы никакой пользы для лучшихъ и были бы недостойны университета. Очевидно, что профессорскія лекціи не допускаютъ того личнаго, вопросительнаго, можно сказать, школьнаго характера, который составляетъ достоинство лекцій коллегіальнаго тьютора.

Вообще Англичане не слишкомъ высоко цѣнятъ вліяніе живаго слова на юношество. Даже самымъ даровитымъ профессорамъ, обладающимъ и даромъ слова, и талантомъ изложенія, и ученостію, и притомъ читающимъ обще-занимательные предметы, рѣдко удавалось собирать и удерживать вокругъ себя многочисленную добровольную аудиторію. Въ большей же части случаевъ количество слушателей бываетъ весьма незначительное и часто ограничивается личными друзьями профессора.

Многіе объясняютъ это характеромъ Англичанъ, которые слишкомъ практичны для того, чтобы любить науку и увлекаться ею единственно изъ преданности къ ней самой и изъ любви къ умозрѣнію, и которые рѣшаются употребить свое время и сосредоточить свою мысль на предметъ только тогда, когда онъ прямо ведетъ ихъ къ выгодѣ или отличію. Но еслибъ и не существовало этого свойства характера, еслибы въ этой странѣ и было расположеніе слушать профессорскія лекціи, то едва ли можно было бы ожидать, чтобы студенты внимательно ихъ слушали и прилежно посѣщали, при нынѣшнихъ условіяхъ, когда время ихъ занято и вниманіе и силы отвлечены отъ этихъ лекцій требованіями коллегій и преимущественно экзаменами, имѣющими весьма малое отношеніе къ профессорскимъ лекціямъ. По нынѣшнему составу экзаменовъ, они требуютъ отъ студентовъ сосредоточенія всей умственной дѣятельности и поглащаютъ все ихъ время. Когда имъ думать о побочныхъ предметахъ и тратить время на посѣщеніе профессорскихъ лекцій? Тѣмъ не менѣе и нынѣ во многихъ случаяхъ энергія юношеской ревности преодолеваетъ всѣ преграды, и многія лекціи посѣщаются умными и трудолюбивыми добровольными слушателями.

Наконецъ, кромѣ коллегіальныхъ тьюторовъ и университет

скихъ профессоровъ, въ Оксфордѣ существуютъ еще частные тьюторы, собственно не составляющіе существенной части университета, но имѣющіе косвенное отношеніе къ нему. Многіе или являются въ университетъ недостаточно приготовленные или не обладаютъ блестящими способностями и потому нуждаются въ частныхъ урокахъ (*private tuition*). Сверхъ того, самыя даровитыя едва ли могутъ выдержать окончательный экзаменъ и занять высокое мѣсто въ экзаменныхъ спискахъ своими собственными силами. Немногіе могутъ сами изучить *Organon*, *Политику* Аристотеля, и другія трудныя сочиненія безъ помощи тьютора. Поэтому въ английскихъ университетахъ считаютъ необходимымъ имѣть людей, съ которыми студенты могли бы посоветоваться въ случаѣ затрудненій. Обыкновенно полагаютъ, что экзаменъ *Moderations* можетъ быть выдержанъ безъ этой помощи; но для вторичнаго публичнаго экзамена всегда берется частный тьюторъ, съ которымъ студенты занимаются два послѣдніе термина. Другіе же, которымъ позволяютъ средства, пользуются помощію тьютора во все продолженіе студенческой карьеры.

Обыкновенныя возраженія въ Англіи противъ системы частныхъ тьюторовъ состоятъ въ томъ, что существованіе ихъ обременяетъ студента значительными издержками. Но если частное тьюторство дѣйствительно приноситъ пользу, если существуетъ желаніе пользоваться имъ, то странно было бы запрещать его изъ однихъ только денежныхъ расчетовъ. Болѣе важное обвиненіе состоитъ въ томъ, что оно поражаетъ умственную зависимость. Нѣтъ сомнѣнія, что студентъ, который самъ преодолеваетъ затрудненія, который настойчиво трудится до тѣхъ поръ, пока ясно и отчетливо не узнаетъ предмета, приобретаетъ болѣе отчетливое знаніе и большую энергію и силу мысли, нежели тотъ, кто всякій разъ обращается къ тьютору и пассивно принимаетъ его объясненія. Поэтому пользованіе помощію тьютора должно совершаться съ большою осторожностью. Онъ долженъ замѣнять ту частную помощь, которую коллегіальный тьюторъ, а еще болѣе профессоръ не можетъ оказать; онъ долженъ дополнять частныя занятія, но отнюдь не замѣнять ихъ. Англичане находятъ, что разница между привычками, поражаемыми умѣреннымъ и неумѣреннымъ пользованіемъ тьюторскою помощію, та же самая, какая существуетъ между мужскою и женскою системою воспитанія.

Одна дѣлаетъ характеръ твердымъ, свободнымъ и полезнымъ; другая слабымъ, капризнымъ и неспособнымъ.

Но къ сожалѣнію, главное побужденіе студента въ Оксфордѣ имѣть частнаго тьютора возникаетъ изъ желанія приготовить себя или къ необходимому, или къ добровольному экзамену. Эти приготовления къ экзаменамъ у тьюторовъ называются cramming (набиваніе). Разумѣется, что цѣнность приобрѣтенныхъ такимъ образомъ знаній значительно понижается.

Въ настоящее время существуетъ стремленіе поставить частныхъ тьюторовъ въ нѣкоторую зависимость отъ коллегіальныхъ, которые должны рѣшать, нуженъ ли частный тьюторъ или нѣтъ, потому что въ противномъ случаѣ, при постоянно усиливающемся стремленіи прибѣгать къ помощи частныхъ тьюторовъ, опасаются, что самые даровитые студенты будутъ уклоняться отъ публичныхъ лекцій для занятія съ теми, которые специально будутъ готовить ихъ къ экзаменамъ. Что же касается до менѣе даровитыхъ, то они, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ еще болѣе прибѣгать къ этой помощи. Такимъ образомъ не только весь университетъ, но и каждая коллегія могутъ быть разорваны на части и даже почти на личности. вмѣстѣ же съ потерей вліянія на занятія своихъ учениковъ, коллегіальные тьюторы опасаются потерять вліяніе и на ихъ характеръ и на поведеніе, вслѣдствіе чего самая система образованія и воспитанія перестанетъ быть прежнею системою англійскихъ университетовъ.

Это важное значеніе частнаго тьюторства въ Оксфордскомъ университетѣ, разумѣется, ложится тяжелымъ бременемъ на тѣхъ, которые едва могутъ заплатить необходимое за университетское образованіе и за жизнь въ коллегіи. Многие для приобрѣтенія необходимыхъ денегъ пользуются вакаціоннымъ временемъ и даютъ уроки или занимаютъ у своихъ богатыхъ друзей. Обыкновенная плата частнымъ тьюторамъ за годъ 50 фунтовъ, за одинъ термъ 10, считая по три часовые урока въ недѣлю.

Еще болѣе рѣзкая и оригинальная черта Оксфордскаго университета проявляется въ коллегіальной дисциплинѣ.

Въ большей части европейскихъ университетовъ, господствуетъ свободная система. Она состоитъ въ томъ, что университетъ принимаетъ студента за полноправнаго и совершеннолѣтняго гражданина и предоставляетъ ему полную свободу дѣйствій, не стѣсняя себя контролемъ надъ его обще-

ственной и частной жизнью. Въ этихъ университетахъ студентъ предоставленъ руководству своего собственного чувства долга и контролю общихъ законовъ страны. Не такова система англійскихъ университетовъ. Считаая, что одно образование не достаточно еще для приготовления юноши къ будущей дѣятельности, они берутъ на себя также обязанность воспитывать его. Англійскій студентъ считается несовершеннолѣтнимъ (pupil) и не пользуется свободою. Онъ подчиненъ множеству правилъ, ограниченъ въ своихъ движеніяхъ, стѣсненъ въ своей дѣятельности, подвластенъ коллегіальному и университетскому начальству относительно своей частной и общественной жизни. Онъ постоянно вращается въ маломъ мірѣ определенныхъ отношеній и обязанностей, требующихъ отъ него на каждомъ шагу известнаго самообладанія и воздержанія и подготавливающихъ его къ міру дѣйствительныхъ общественныхъ отношеній. Здѣсь зараждается въ немъ то строгое сознаніе долга и своихъ обязанностей, которое отличаетъ англійскую націю и проявляется на каждомъ шагу въ ея исторіи и жизни.

Каждый вновь поступающій въ Оксфордъ вносится въ книги (matriculated) коллегіи. Онъ вступаетъ въ корпорацію политическаго и религіознаго характера, приноситъ присягу исполнять университетскіе статуты, подвергаться наказаніямъ за нарушеніе ихъ, и доказываетъ и подтверждаетъ свое церковное исповѣданіе клятвою и подписаніемъ 39 членовъ англиканской церкви. ¹

Вслѣдъ за тѣмъ онъ получаетъ квартиру въ коллегіи. Жилища эти весьма разнообразны, по состоянію и богатству. Студентъ изъ знатныхъ, напримѣръ, занимаетъ цѣлый рядъ комнатъ и кромѣ того имѣетъ конюшню для своихъ лошадей и экипажей. Но обыкновенные студенческія квартиры, которыя я видѣлъ въ Христовой церкви, состоятъ изъ трехъ комнатъ: кабинета, спальни и еще небольшой комнаты для вещей. Такъ какъ, несмотря на обширность коллегій, не для всѣхъ находится помѣщеніе въ нихъ, то нѣкоторымъ позволяется первые три или четыре терма жить въ частныхъ домахъ, но никакъ не внѣ города. Тѣмъ не менѣе строго требуется, чтобъ они обѣдали въ общей залѣ коллегіи вмѣстѣ съ другими, присутствовали каждый день

¹ Въ настоящее время необходимость этой клятвы уничтожена, и потому допущены въ университетъ и диссентеры, которые прежде не могли въ него поступать.

въ 7 часовъ утра или въ 6 вечера при богослуженіи въ коллегіальной капеллѣ и посѣщали лекціи коллегіальныхъ тьюторовъ. Хозяева частныхъ домовъ должны также каждый вечеръ записывать время, когда живущіе у него студенты приходятъ домой, и доносить объ этомъ ежемѣсячно декану коллегіи. За неисполненіе этой обязанности, а также и въ другихъ случаяхъ, они наказываются лишеніемъ права содержать студентовъ. По закону, въ десять часовъ вечера, каждый долженъ быть дома. На огромной башнѣ коллегіи Христовой церкви виситъ громадный колоколъ, называемый *Great Tom*, который ежедневно къ 10 часамъ вечера ударяетъ 101 разъ по числу первоначально жившихъ студентовъ, и къ этому времени всѣ должны возвратиться въ коллегію.

Различіе состояній проявляется не въ одной квартирѣ. Оно видно также и въ одеждѣ: *noblemen*, *gentlemen-commoners*, *commoners* и *scholars* имѣютъ различную одежду для торжественныхъ случаевъ, но въ будни всѣ носятъ обыкновенную форму, состоящую изъ легкой черной мантии (*gown*) и изъ четырехугольной плоской шляпы (*hat*). То же самое и за обѣдомъ: нобльмены обѣдаютъ вмѣстѣ съ *товарищами*; бѣдные студенты-стипендіаты сидятъ за особеннымъ столомъ. Разумѣется, за всѣ эти привилегіи, плата съ ноблеменовъ взимается гораздо большая нежели съ коммонеровъ¹. Возрастъ студентовъ весьма различный. Здѣсь встрѣчаются юноши, только-что вышедшіе изъ дѣтства, и люди довольно зрѣлые. Академическій годъ состоитъ изъ 4 термовъ. Въ Михайловъ термъ обыкновенно производится приемъ въ коллегію, а въ Троицынъ термъ совершается публичный актъ въ *Sheldonian Theatre*. Обыкновенно учебный годъ состоитъ изъ 27 недель занятій и 25 недель вакацій, во время которыхъ всѣ студенты разѣзжаются въ разные концы Англій, такъ что городъ совершенно пустѣетъ и теряетъ свое обычное оживленіе.

Большая часть постановленій, касающихся дисциплины, относятся ко временамъ давно-минувшимъ, и опредѣлены еще самими учредителями. Постановленія эти свято соблюдаются и нынѣ, и измѣнить ихъ рѣшаются только въ случаѣ крайней необходимости. Но и при этихъ измѣненіяхъ тщательно стара-

¹ Издержки коммонера, живущаго самымъ умереннымъ образомъ, простираются до 250 и 300 фунтовъ, то-есть отъ 1500 до 2000 р. с. въ годъ.

ются удержатъ первоначальный смыслъ и направленіе ихъ, прилаживаясь къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Приведемъ извлеченіе изъ одного устава, который даетъ намъ вѣрное понятіе о нынѣшнемъ устройствѣ и о характерѣ дисциплины англійскихъ университетовъ.

«Такъ какъ первое украшеніе образованнаго человѣка, говорить уставъ, составляетъ скромность и чистота нравовъ, то мы опредѣляемъ, чтобы всѣ низшіе вѣли себя относительно высшихъ почитательно и покорно: учащіеся относительно бакалавровъ, бакалавры относительно магистровъ, и всѣ относительно главнаго начальника. Если кто нарушитъ это правило, пусть будетъ наказанъ по волѣ начальника коллегіи, или въ его отсутствіе вице-магистромъ и старшимъ деканомъ. Никто изъ бакалавровъ или учениковъ не имѣетъ права выйти въ городъ, не взявши кого-нибудь съ собою для наблюденія за своимъ поведеніемъ. Всякій долженъ въ присутствіи магистра или высшаго начальника снимать шляпу на дворѣ и въ коллегіи. Если же кто выйдетъ въ городъ одинъ, то на первый разъ лишитъ его на недѣлю общаго стола, за второй на двѣ недѣли, за третій на мѣсяць, а за четвертый, по согласію начальника и старшихъ, исключить изъ коллегіи. Но бакалаврамъ, послѣ двухъ лѣтъ со времени полученія степени, позволено выходить въ городъ однимъ. Товарищамъ, учащимся и другимъ лицамъ, живущимъ въ коллегіи, запрещается посѣщать подозрительные и имѣющіе дурную репутацію дома, и если, послѣ двухъ увѣщаній отъ начальника коллегіи, они не воздержатся, то исключаются изъ коллегіи. Причинители домашнихъ несогласій, споровъ, безпорядковъ и оскорбленій, за первый проступокъ лишаются на мѣсяць общаго стола, за второй на три мѣсяца, а за третій исключаются. Далѣе мы постановляемъ, опредѣляемъ и увѣщиваемъ, чтобы начальникъ коллегіи, товарищи, стипендіаты и другіе, живущіе въ коллегіи, употребляли всѣ свои старанія для поддержанія и сохраненія согласія, единства, мира, взаимной любви и избѣгали словомъ и дѣломъ ругательствъ, сквернословія, насмѣшекъ, нашептыванія, упрековъ и скандаловъ (*scurrilitatem, obscœna verba, scommata, susurros, probra, scandala, verbo et facto vitent*)... Никому не позволено держать собакъ, соколовъ или пѣвчихъ птицъ въ коллегіи; не позволено неумѣренно предаваться охотѣ за зайцами и лисицами (*hunting*),

и соколиной охотѣ, а если кто преступитъ, наказывается, какъ выше сказано.»

Такимъ же образомъ запрещается проводить ночь внѣ коллегіи, обѣдать въ своихъ комнатахъ, уѣзжать безъ позволенія начальника коллегіи изъ города, выходить со двора не въ университетскомъ платьѣ, и множество другихъ правилъ. Далѣе: «мы желаемъ и постановляемъ, чтобы каждый соблюдалъ чистоту въ своихъ комнатахъ, и неумѣреннымъ крикомъ, громкимъ смѣхомъ, пѣніемъ, шумомъ, танцами или музыкальными инструментами не нарушалъ сна, покоя и занятій своего соѣда, а также, чтобы каждый воздерживался отъ позднихъ пировъ и попойекъ.»

Несмотря на то, что эти правила составлены въ средніе вѣка, Англичане, на основаніи своего принципа: «old methods to be respected», слѣдуютъ имъ почти буквально и нынѣ. Только нѣкоторыя правила, совершенно не подходящія къ нынѣшнимъ условіямъ жизни и потребностямъ, измѣнены, такъ напримѣръ, студентамъ позволяется нынѣ выходить въ городъ безъ надсмотрщика и самимъ распоряжаться своими деньгами, между тѣмъ, какъ прежде всѣ счеты ихъ уплачивались тьюторами.

Впрочемъ, докторъ Визе въ своихъ письмахъ объ англійскомъ воспитаніи замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ нѣтъ недостатка въ весьма-снисходительныхъ тьюторахъ и деканахъ, и что, сверхъ того, сами университетскіе чиновники, прокторы, опредѣленные для наблюденія за поведеніемъ студентовъ внѣ университета, не отличаются строгостью, находивъ, вѣроятно, невозможнымъ услѣдить за богатыми молодыми людьми, которые все-таки найдутъ возможность спустить свои денежки. Вообще же онъ находитъ, что жизнь англійскихъ студентовъ является нынѣ не столь дикою, какъ въ прежнія времена, и отчасти менѣе дикою, чѣмъ какова она теперь еще въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ университетахъ.

Англичане увѣрены, что если эта дисциплина исполняется добросовѣстно, то она приноситъ самые полезные, самые благодѣтельные результаты. Они находятъ, что бѣольшая часть студентовъ съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ подчиняется этимъ правиламъ, составляющимъ сущность заведенія, и что самые строптивые и упрямые характеры, сталкиваясь постоянно съ суровыми требованіями и правилами, полагающими наказаніе за каждый проступокъ, смиряются и укрощаются. Жизнь въ коллегіи, по ихъ мнѣнію, очень способ-

ствуется нравственному развитію. Здѣсь сталкиваются юноши всѣхъ классовъ, всѣхъ состояній; образованіе ставитъ ихъ на равную ногу, поражаетъ между ними чувство взаимнаго уваженія, и часто постоянной дружбы. Съ другой стороны, постоянное сообщество и пребываніе съ старшими, отличающимися умомъ и образованіемъ, дружескія и состязательныя отношенія къ товарищамъ, приучаютъ ихъ къ самостоятельности въ мысли и въ дѣлѣ, къ самоуправленію и къ самообузданію, и готовятъ ихъ къ будущей общественной жизни. Отсюда выносятся ими то чувство уваженія къ господствующимъ обычаямъ и къ личностямъ, тотъ духъ порядка и законности, который нигдѣ такъ не распространенъ, какъ въ Англіи.

Что же касается до свободной системы, господствующей въ другихъ университетахъ, то, по мнѣнію англійскихъ педагоговъ, легко можно представить себѣ ея послѣдствія.

Понятно, что большая часть молодыхъ людей, только-что вышедшихъ изъ дѣтства, если будетъ предоставлена въ первый разъ въ жизни неограниченному произволу своихъ собственныхъ наклонностей и сужденій, будетъ вести себя далеко не такъ, какъ прочіе граждане. Живое чувство неизвѣстной доселѣ полной свободы будетъ требовать себѣ проявленія самымъ видимымъ образомъ, и мнѣніе о собственномъ превосходствѣ, которое очень естественно возникаетъ отъ симпатіи и товарищества, побудитъ ихъ презирать всѣхъ, не принадлежащихъ къ ихъ званію. Если студенты, по древнему обычаю, носятъ особенную одежду, то явится непремѣнно важничанье одеждой. Если же они одеждой не отличаются, то не замедлятъ сами найти средства различить бурша и филистера. Находясь внѣ контроля, внѣ правилъ, определяющихъ ихъ поведеніе, студенты не замедлятъ создать свою собственную систему. Они составятъ свои собственные правила нравственности, свой кодексъ чести, свою правду, и хотя нѣтъ сомнѣнія, что она будетъ заключать въ себѣ черты общей нравственности, честности и здраваго смысла, тѣмъ не менѣе можно опасаться, что она будетъ несравненно ниже дисциплины, созданной людьми болѣе зрѣлыми, болѣе опытными. Сословіе молодыхъ людей, которое считаетъ, что надъ нимъ не существуетъ никакого законнаго контроля, будетъ съ величайшимъ негодованіемъ принимать всякую попытку подчинить ихъ какому-нибудь правилу. Они будутъ смотрѣть на дѣло сопротивленія какъ на священное дѣло свободы, и съ величайшимъ презрѣніемъ будутъ говорить и обращаться съ

тѣми, которые пожелають наложить на нихъ какое-нибудь ограниченіе, какъ съ узколобыми притѣснителями. Но этого мало: духъ сопротивленія не ограничится отпоромъ налагаемымъ правиламъ; студенты вскорѣ присвоятъ себѣ право вмѣшиваться въ дѣла, въ распоряженія профессоровъ и всѣми силами будутъ противодействовать и выражать свое неодобреніе мѣрамъ, не соответствующимъ ихъ вкусамъ. Такіе примѣры не рѣдки. Достаточно вспомнить германскіе университеты, гдѣ иногда подобное неудовольствіе выражалось организованнымъ переселеніемъ изъ какого-нибудь университета, наложеніемъ на всѣхъ молодыхъ людей запрещенія вступать въ провинившійся университетъ и преслѣдованіемъ тѣхъ, кто осмѣлился бы не подчиниться этому запрещенію. Тѣ же пообѣдствія случались въ Парижскомъ и Лондонскомъ университетѣ, то же было и въ Оксфордскомъ въ прежнюю эпоху, когда въ немъ преобладала та же система.

Съ полученіемъ степени бакалавра словесныхъ наукъ, академическій курсъ студента собственно окончивается, и большая часть студентовъ немедленно оставляютъ университетъ. Но многіе, желающіе поступить въ духовное званіе, готовящіеся къ дальнѣйшимъ экзаменамъ, къ поступленію въ должность товарища или въ частныя тьютора, остаются еще въ университетѣ и живутъ или въ городѣ, или въ коллегіальныхъ зданіяхъ.

Всякій, желающій получить дальнѣйшія степени какого бы то ни было факультета, долженъ выдержать прежде экзаменъ на степень магистра словесныхъ наукъ и притомъ не раньше какъ черезъ три года послѣ полученія бакалавра словесныхъ наукъ. Всѣ магистры словесныхъ наукъ, за незначительную плату, сохраняющіе свои имена въ коллегіальныхъ спискахъ, имѣютъ право подавать голосъ въ палатѣ конвокаціи, а черезъ пять лѣтъ и въ палатѣ конгрегации. Такимъ образомъ большая часть вопросовъ, касающихся управленія университета, выбора представителей въ парламентъ, чиновниковъ и проч. часто рѣшается членами, не живущими въ коллегіяхъ.

Вслѣдъ за полученіемъ степени магистра словесныхъ наукъ, черезъ три года, можно получить степень бакалавра правъ, и черезъ пять лѣтъ доктора правъ, черезъ одинъ годъ бакалавра медицины, а черезъ три—доктора медицины, и наконецъ черезъ семь лѣтъ бакалавра богословія и черезъ четыре—доктора богословія. Сверхъ того существуютъ еще почетныя степени музыки.

Всѣ эти экзамены и ученые степени, уважаемыя общественнымъ мнѣніемъ, хотя и могутъ имѣть косвенное вліяніе на положеніе человѣка въ обществѣ, тѣмъ не менѣе не даютъ положительныхъ правъ на занятіе какой-нибудь должности внѣ университета. Слѣдовательно, и здѣсь мы видимъ совершенную противоположность другимъ странамъ Европы, гдѣ университетскіе дипломы составляютъ необходимое условіе для полученія какого-нибудь спеціальнаго мѣста. Въ Англійи всякое спеціальное занятіе предоставляется личному труду. Такъ, по окончаніи университетскаго курса, медики практически совершенствуютъ свои познанія въ госпиталяхъ, юристы—въ судахъ и подъ руководствомъ извѣстныхъ юристовъ, духовные — въ семинаріяхъ или въ должности помощниковъ священника.

Вслѣдствіе этого англійскіе университеты, не побуждаемые необходимостію готовить людей къ различнаго рода спеціальнымъ занятіямъ, потому что къ нимъ готовитъ сама жизнь, ограничиваются прочнымъ общимъ образованіемъ, и доставляютъ обществу людей многостороннихъ и способныхъ къ исполненію самыхъ разнообразныхъ трудовъ. Насъ поражаютъ замѣчательные труды людей, занимающихъ самыя разнообразныя положенія въ жизни: банкира Грота, епископа Терльвалля, полковника Мюра, сэръ-Корнвалля Льюиса, гг. Гладстона, Милля, Маколея и др.; но познакомившись ближе съ устройствомъ университетовъ этой страны, мы находимъ и объясненіе этому замѣчательному явленію.

Соглашаясь съ мнѣніемъ, что англійскіе университеты приносятъ дѣйствительную пользу въ дѣлѣ общаго образованія, не должно упускать изъ виду и того, что въ нихъ не находятъ себѣ пріюта всѣ отрасли человѣческихъ знаній во всей полнотѣ ихъ настоящаго развитія. Въ Англійи университеты не принимаютъ такого дѣятельнаго участія въ развитіи наукъ, какъ напримѣръ университеты въ Германіи. Наконецъ, англійскіе университеты суть корпораціи, продукты историческаго развитія, на которыхъ крѣпкимъ слоємъ лежатъ преданія предшествовавшихъ системъ. Эта привязанность къ старому до такой степени сильна, что англійское законодательство, несмотря на свое нежеланіе вмѣшиваться въ дѣло народнаго образованія, вынуждено было прибѣгнуть къ понужденію для того, чтобы вывести Оксфордскій университетъ на путь

реформъ и заставить измѣнить многое, не удовлетворяющее потребностямъ времени.

Вопросъ о реформѣ университетовъ уже въ теченіе почти десяти лѣтъ занимаетъ всеобщее вниманіе, и мнѣнія, высказанныя по этому поводу въ парламентѣ, показываютъ, какъ различны взгляды въ самой Англійи на эти корпораціи. Въ то время, какъ одни страстно защищаютъ ихъ, другіе находятъ, что эти богатая корпораціи суть учрежденія устарѣлыя, законныя въ средневѣковыхъ формахъ, преданныя средневѣковой схоластикѣ, неспособныя принести никакой пользы отечеству, служащія притономъ всѣмъ предразсудкамъ.

Такая рѣзкая разница въ мнѣніяхъ происходитъ преимущественно отъ различія взглядовъ и требованій. Одни желаютъ, чтобъ университеты были представителями исключительно уметвеннаго и научнаго движенія, чтобъ они приготовляли людей разносторонняго образованія; другіе же, кромѣ того, требуютъ образованія нравственнаго и національнаго, и желаютъ, чтобъ университеты выпускали людей, удовлетворяющихъ не только научнымъ требованіямъ, но и требованіямъ англійскихъ гражданъ, проникнутыхъ извѣстныхъ духомъ и направленіемъ, съ извѣстными религіозными и политическими убѣжденіями. Первые являются защитниками университетовъ, основанныхъ на германскихъ началахъ, вторыя преданы чисто англійскимъ. И дѣйствительно, англійскіе университеты вполне удовлетворяютъ требованіямъ послѣдней партіи. Въ нихъ все напоминаетъ прошедшее, и почтенная наружность средневѣковыхъ зданій, и преданія исторіи, и корпоративное устройство, и система образованія, и наконецъ самая дисциплина. Все содѣйствуетъ въ этихъ университетахъ къ возбужденію извѣстнаго направленія, извѣстнаго духа. Понятно, почему Оксфордъ всегда отличался своимъ консервативнымъ, торійскимъ характеромъ. Онъ былъ преданъ Карламъ I и II, долгое время стоялъ въ рядахъ якобитовъ, сочувствовалъ претендентамъ Стюартамъ и питалъ тщетныя надежды на возвращеніе ихъ. Въ настоящее время въ немъ господствуетъ то же направленіе, нѣсколько измѣнившееся вслѣдствіе новыхъ требованій, но тѣмъ не менѣе проявляющееся въ ревностной защитѣ аристократическаго элемента и супрематіи англиканской церкви.

III.

Для дополненія нашей статьи сдѣлаемъ краткое извлеченіе изъ книги Юэлла (Whewell): *On the principles of english university education*. Знакомство съ этимъ сочиненіемъ покажетъ намъ основанія и доказательства, приводимыя англійскими педагогами въ пользу настоящаго способа образованія въ англійскихъ университетахъ, основаннаго преимущественно на изученіи классиковъ въ Оксфордѣ, а въ Кембриджѣ на соединеніи классиковъ и математики.

По мнѣнію г. Юэлла, существуетъ два рода обученія. При первомъ способѣ профессоръ излагаетъ слушающимъ начала или результаты, относящіеся къ какой-нибудь отрасли знанія, говоритъ объ открытіяхъ и воззрѣніяхъ предшествовавшихъ ученыхъ и мыслителей или знакомитъ съ своими собственными открытіями и взглядами. Аудиторія въ этомъ случаѣ обязана слушать, обдумывать и сохранять въ памяти сказанное, не принимая дѣятельнаго участія, не отдавая отчета, не воспроизводя, не заявляя, не прилагая свѣдѣній, такимъ образомъ пріобрѣтенныхъ.

При другомъ способѣ обученія, учащійся долженъ не только слушать, но и самъ дѣйствовать; не только получать, но и воспроизводить сообщаемыя ему знанія. Такъ напримѣръ, занимаясь математикой, онъ долженъ доказать предложеніе или рѣшить предложенную задачу, или, занимаясь классиками, онъ долженъ переводить ихъ на родной языкъ. Первый способъ обученія называетъ онъ спекулятивнымъ, второй практическимъ. Названія эти имъ даны не на основаніи приложимости предметовъ, но по способу преподаванія. Такъ напримѣръ геометрію называетъ онъ предметомъ практическимъ, не потому, чтобы эта наука была практическая, но потому, что способъ преподаванія ея практический.

Спекулятивный способъ преподаванія, состоящій въ передачѣ слушающему ученія въ монологической формѣ, господствуетъ не только во всѣхъ континентальныхъ университетахъ, но и въ нѣкоторыхъ англійскихъ, какъ напримѣръ въ Лондонскомъ, Единбургскомъ и др. Онъ свойственъ преимуще-

ственно также нѣкоторымъ предметамъ, какъ напримѣръ физикъ, метафизикъ, политической экономіи, исторіи, геологіи и др.

Не менѣе распространенъ и другой способъ, практическій, при которомъ учащійся повторяетъ, записываетъ, передѣлываетъ то, что ему сообщено учителемъ, и гдѣ, въ случаѣ ошибки, его постоянно наводятъ на истинный путь. При помощи этого способа, мы учимся читать, писать, переводить съ греческаго и латинскаго, говорить на разныхъ языкахъ, разрѣшать уравненія и задачи, и доискиваться результатовъ въ высшей математикѣ. Ученіе матерей и отцовъ, школьное учение и большая часть преподаванія англійскихъ университетовъ подобнаго пракческаго свойства.

Теперь, если мы обратимся къ тѣмъ предметамъ, которые могутъ быть выбраны для университетскаго курса, то нѣкоторые изъ нихъ, безъ всякаго сомнѣнія, требуютъ пракческаго способа, между тѣмъ какъ другіе болѣе удобны для монологическаго преподаванія. Языки и математика принадлежатъ къ первому разряду, между тѣмъ какъ многія изъ наукъ, а въ особенности тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ сомнительныя и недавно-установленныя начала, основанія которыхъ подвержены постояннымъ измѣненіямъ, не могутъ быть преподаваемы иначе какъ спекулативно.

Практическое преподаваніе преобладаетъ въ англійскихъ университетскихъ коллегіяхъ. Большая часть занятій въ этихъ заведеніяхъ всегда состояла и нынѣ состоитъ въ упражненіяхъ и переводахъ изъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, въ доказательствѣ предложеній, разрѣшеніи уравненій вслухъ передъ тьюторомъ, или въ отвѣтахъ на предлагаемые вопросы.

Но кромѣ этихъ практическихъ занятій, въ англійскихъ университетахъ всегда существовали лекціи спекулативнаго свойства, читаемыя профессорами объ исторіи, нравственности, политической экономіи, правахъ, медицинѣ, анатоміи, геологіи, ботаникѣ, минералогіи, химіи, механикѣ и пр.

Поэтому, подъ практическимъ преподаваніемъ г. Юэлль разумѣтъ—коллегіальныя чтенія, а подъ спекулативнымъ—профессорскія.

При этомъ онъ замѣчаетъ, что всѣ отрасли наукъ и умозрѣнія, древнія и новыя, постоянныя и измѣняющіяся, могутъ быть предметомъ профессорскихъ чтеній, между тѣмъ какъ практическое преподаваніе можетъ быть приложено только къ огра-

ниченному разряду предметовъ, именно къ тѣмъ, гдѣ начала, составляющія основу знанія, имѣютъ ясную очевидность и твердую опредѣленность, и въ которыхъ слѣдовательно обладаніе основаніями даетъ возможность учащемуся примѣнять ихъ, и въ случаѣ частаго упражненія, совершать это съ быстротою и легкостію. Таковы идеи пространства, числа, общихъ отношеній грамматики и вообще свойствъ языка.

Не то мы видимъ въ наукахъ физическихъ, нравственныхъ и метафизическихъ, въ исторіи, политической экономіи, философіи; гдѣ ученіе бываетъ неизбѣжно болѣе спекулятивнаго свойства. Учащійся долженъ довольствоваться восприниманіемъ того, что было думано, или что должно быть думаемо объ этихъ предметахъ. Изучая ихъ, не пріобрѣтается новая способность, которую должно практически упражнять. Такіе предметы г. Юэлль называетъ общимъ именемъ *философій*. Очевидно, что философскіе предметы способны только къ спекулятивному, а математическія и классическія занятія къ практическому преподаванію.

Но разумѣется, что во многихъ случаяхъ, одинъ и тотъ же предметъ допускаетъ двойное преподаваніе. Занимаясь древними языками, изучая Софокла, можно излагать самыя обширныя воззрѣнія критиковъ и филологовъ на исторію и строеніе греческаго языка или греческой драмы. Занимаясь математикой, можно входить также въ разсужденія относительно метафизическихъ основаній, геометрическихъ аксіомъ, алгебраическихъ процессовъ, законовъ движенія. Такія умозрѣнія въ высшей степени любопытны и важны, но легко усмотрѣть, что они составляютъ только нѣчто добавочное къ изученію греческаго языка и математики. Они придаютъ огромную цѣнность практическому пріобрѣтенію языка и математическихъ навыковъ, но непременно предполагаютъ пріобрѣтеніе ихъ. Если же это философское изложеніе замѣняетъ собой практическое преподаваніе, то оно пусто и бесполезно, какъ средство образованія.

Далѣе г. Юэлль, сравнивая вліяніе практическаго и спекулятивнаго обученія на развитіе цивилизаціи, находитъ, что во всѣ цвѣтущія времена, ознаменованныя открытіями и изобрѣтеніями, во всѣ цвѣтущія эпохи народной жизни, господствовалъ способъ практической.

Между элементами и признаками цивилизаціи, говоритъ онъ, безъ всякаго сомнѣнія, главный состоитъ въ общемъ

распространеніи спекулятивной способности. Эта способность и ея обычное проявленіе составляетъ главное отличіе между развитыми и грубыми народами, точно такъ же какъ въ болѣе обширномъ смыслѣ, она составляетъ отличіе человѣка отъ низшихъ животныхъ. Эти послѣднія имѣютъ также до нѣкоторой степени практическую способность мыслить: они имѣютъ практическое представленіе о пространствѣ и силѣ, практическое чувство о хорошемъ и дурномъ, понятіе о томъ, чтѣ они могутъ и не могутъ дѣлать; но геометрія и механика, идея счастья и нравственнаго закона доступны только человѣку. Ясно поэтому, что развитіе этой, исключительно-человѣческой способности умозрѣнія, составляетъ одно изъ самыхъ существенныхъ свойствъ умственнаго утонченнаго развитія, а слѣдовательно одно изъ главныхъ условій цивилизаціи.

Далѣе, всѣ согласны, что тѣ народы, которые оказали наибольшіе успѣхи въ знаніяхъ и наукахъ, и среди которыхъ эти научныя знанія и открытія шире распространены и яснѣе уразумѣваются, стоятъ во главѣ цивилизаціи. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что развитіе всѣхъ наукъ зависитъ отъ постепеннаго выясненія извѣстныхъ основныхъ идей. Сначала эти идеи выясняются гениемъ великихъ изобрѣтателей, а потомъ становятся общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей. Понятно поэтому, что отчетливое и ясное сознаніе нѣкоторыхъ основныхъ идей и болѣе широкое распространеніе ихъ составляетъ существенную черту цивилизаціи.

Установивъ эти общія понятія, г. Юэлль задаетъ себѣ вопросъ: какой же способъ (практическій или спекулятивный) болѣе содѣйствуетъ развитію той способности, отъ которой зависитъ цивилизація?

Для рѣшенія этого вопроса, онъ обращается къ всемірной исторіи, которая, по его мнѣнію, была однимъ великимъ опытомъ по этому предмету.

«Намъ достаточно извѣстно, говоритъ онъ, что греческое воспитаніе до самаго времени Платона совершалось практическимъ образомъ. Музыка (*Mousiké*), составлявшая главную часть его, преподавалась, безспорно, практическимъ образомъ, и въ случаѣ надобности, можно доказать, какъ по элементамъ, заключающимся въ ней, такъ и по способу ея преподаванія, что она, независимо отъ другихъ постороннихъ вліяній, производила то же дѣйствіе, какое имѣетъ нынѣ математика. Но во время Аристофана въ образованіи греческаго юношества

произошла перемѣна. Софисты и философы начали возбуждать удивленіе, пріобрѣли множество послѣдователей, и знакомство съ ихъ ученіями и системами считалось самою существенною частію либеральнаго образованія. То же было и у Римлянъ, когда у нихъ пробудилось стремленіе занять мѣсто въ средѣ образованныхъ народовъ. Юношество слушало, чему «училъ Хризиппъ и Краторъ» (Cicero de officiis), и считало себя исполненнымъ всякаго знанія. Изученіе философіи въ общемъ значеніи этого слова, то-есть нравственныхъ, метафизическихъ и физическихъ ученій, примыкавшихъ къ универсальнымъ системамъ, было, какъ извѣстно, въ глазахъ Грековъ и Римлянъ, послѣднимъ предѣломъ въ ихъ притязаніяхъ на умственное образованіе, пока наконецъ сама цивилизація ихъ не истощилась и не пала. То же было и между неоплатониками, схоластиками и богословами среднихъ вѣковъ, пока наконецъ въ монастыряхъ не возникъ снова методъ практическаго обученія, откуда и ведетъ свое начало система англійскихъ университетовъ.

«Таковъ былъ ходъ образованія. Каковъ же былъ соответствующій ходъ наукъ? Отвѣтъ достоинъ вниманія. Успѣхи наукъ соответствуютъ времени практическаго обученія; періоды же застоя и ретрограднаго движенія наукъ суть періоды, когда спекулятивный способъ былъ орудіемъ образованія. Греческое воспитаніе въ продолженіи долгаго періода до времени Платона было математическимъ. Къ этому же времени относятся величайшія научныя открытія древняго міра, напримѣръ объясненіе небесныхъ явленій круговыми движеніями, уловенное сначала Платономъ и вполнѣ разъясненное въ послѣдствіи Гиппархомъ. При подобномъ же состояніи греческой цивилизаціи, хотя въ другой странѣ и гораздо позже, была утверждена Архимедомъ наука механики на незыблемыхъ основаніяхъ. Чтò было бы съ исторіей цивилизаціи, еслибы греческое образованіе продолжалось практически, основываясь на математикѣ, навѣрное трудно сказать. Но на основаніи вѣроятности можно предполагать, что Греки предупредили бы тысячью лѣтъ открытія новѣйшихъ временъ, и мѣсто Галилея, Кеплера, Ньютона, занимали бы граждане Аѣинъ и Александріи. Но противоположный способъ преподаванія превозмогъ, и съ того времени не было сдѣлано никакого существеннаго успѣха въ наукѣ. Чему великіе люди научили уже человѣчество, то было извращено или забыто ихъ выродившимися послѣдователями. Школы философовъ оглашались новыми и старыми системами, спорами и хвостов-

ствомъ, но это не только не двинуло впередъ умственнаго развитія, а даже не предупредило движенія вспять. Простые геометрическіе приемы школы Платона были извращены и подавлены громоздкимъ аппаратомъ кристалловидныхъ сферъ. Механическія истины, открытыя Архимедомъ, подобно его могилѣ, заросли грубою и бесплодною растительностію позднѣйшихъ дней и наконецъ совсѣмъ исчезли изъ виду, и не прежде какъ по истеченіи полуторы тысячи лѣтъ люди принялись снова за изслѣдованіе ихъ. Приписывать паденіе науки вторженію сѣверныхъ варваровъ есть очевидная ошибка. Наука была уже мертва, и литература поражена смертельнымъ недугомъ, прежде нежели послѣдовалъ внѣшній ударъ. Но изученіе спекулативной философіи, какъ занятіе образованныхъ людей, пережило паденіе науки. Съ этого времени умственный міръ становится все мрачнѣе и мрачнѣе. «Свѣтло исчезаетъ за свѣтиломъ, и все покрываетъ мракъ ночи.» Тщетно ученые среднихъ вѣковъ, подобно аѳинскимъ и александрійскимъ, строятъ систему за системой. Столѣтія проходили, и не приносили дня. Но между тѣмъ монашескіе ордена учредили между собою систему практическаго обученія. Съ особенною тщательностію ввели они въ свой курсъ математику. Начало прогресса снова было пущено вхолъ. Францисканскій монахъ поднимаетъ свой голосъ противъ владычества Аристотеля и указываетъ на виднѣющійся вдали храмъ науки, объявляя, что математика есть входъ и ключъ къ нему (*Harum scientiarum porta et clavis est mathematica, quam sancti a principio mundi invenerunt etc. Roger Bacon. Specula mathematica c. 4*). Его слова оправдались. Отъ математическихъ школъ появился разсвѣтъ новой зари. Коперникъ, Галилей, Кеплеръ, Ньютонъ стали основателями новой эры знанія, потому что были хорошими математиками. Европейскіе университеты продолжали въ томъ же духѣ, и такимъ образомъ просвѣщенные классы становились способными понимать и оцѣнивать великія открытія, вслѣдствіе которыхъ улучшается умственное состояніе человѣчества.»

Но мы еще не вполне прослѣдили этотъ великій опытъ, продолжаетъ г. Юэлль. Въ одной странѣ Европы университеты оставляютъ свой путь практическаго обученія, и обращаются къ спекулативному методу. Профессора съ своихъ кафедръ излагаютъ систему за системой своимъ восторженнымъ слушателямъ. Слушатели могутъ соглашаться или критико-

вать, но ихъ не тревожатъ никакими вопросами и требованиями. Какой же разрядъ людей поражается такимъ образомъ? Одностороннее, отвлеченное, вдающееся въ крайности направление нѣмецкой науки, а равно и недостатокъ внутренней дисциплины, умственной и нравственной въ нѣмецкихъ обществахъ, г. Юэлль объясняетъ характеромъ преподаванія въ германскихъ университетахъ. Такимъ образомъ, заключаетъ г. Юэлль, исторія образованія отъ начала греческой цивилизаціи до нашихъ дней, неотразимо приводитъ насъ къ убѣжденію, что цивилизація процвѣтаетъ, когда господствуетъ преподаваніе практическое, и увядаетъ, когда предпочитается ему преподаваніе умозрительное или, что то же самое, что спекулятивное ученіе способствуетъ затмѣнію той ясности и силы основныхъ идей, отъ которыхъ зависитъ умственный прогрессъ. Только практическое обученіе есть истинное образованіе, содѣйствующее развитію и усовершенствованію человѣческаго общества.

Реформа европейскихъ университетовъ, прибавляетъ г. Юэлль, возбуждающая въ настоящее время столь сильный интересъ въ Англіи, Франціи, Германіи, есть, по справедливости, жизненный вопросъ цивилизаціи. Способъ разрѣшенія его опредѣлить, должна ли Европа и Америка, слѣдующая за Европой, на будущее тысячелѣтіе находиться въ состояніи позднѣйшихъ Грековъ и Римлянъ, имѣя своею умственною аристократіей классъ системо-строителей и комментаторовъ, или должна идти впередъ, и проявлять ту здоровую силу, и постоянное стремленіе къ дѣйствительному прогрессу, которыя характеризуютъ эту четверть земнаго шара въ послѣднія три столѣтія. Вопросъ немаловажный. «Пусть никто не покушается ослабить его значеніе, основываясь на убѣжденіи, что цивилизація должна идти впередъ, и что мы не можемъ опуститься къ низшей степени образованія и мышленія. Исторія міра показываетъ, что мы не можемъ питать подобную увѣренность. Цивилизація можетъ склониться къ упадку. Греція и Римъ своимъ собственнымъ безуміемъ растратили почти все драгоцѣнное имущество, прежде нежели явились чужеземные грабители. Цивилизація восточныхъ и южныхъ береговъ Средиземнаго моря, нѣкогда прекраснѣйшихъ мѣстъ процвѣтанія искусства и литературы, гдѣ она и какъ исчезла? Недостаточно сказать, что ее поглотилъ и уничтожилъ

варварскій набѣгъ магометанскихъ завоевателей. Магометаше не погрузили же тогда въ варварство Испаніи и Персіи.»

Вслѣдъ за тѣмъ г. Юэлль специально обращается къ другому современному вопросу, именно къ изученію древнихъ литературъ и языковъ, которое въ новой Европѣ было основаніемъ и первымъ условіемъ успѣха наукъ и цивилизаціи. Преподаваніе древнихъ языковъ есть, по самому существу своему, преподаваніе практическое. Оно передаетъ знанія точныя, не подлежащія сомнѣнію и спору; оно заставляетъ трудиться самостоятельно и не допускаетъ пассивнаго восприниманія. Г. Юэлль не основываетъ впрочемъ важности классическаго ученія на одной лишь пригодности древнихъ языковъ для пракческаго преподаванія. Онъ опровергаетъ мнѣніе, по которому они съ большею пользою могутъ быть замѣнены новыми. Замѣчательно, что главнымъ побужденіемъ къ основательному изученію древнихъ языковъ и литературъ онъ считаетъ необходимость поддерживать живую связь между древнимъ и современнымъ міромъ.

«Настоящій вѣкъ, говоритъ онъ, не независимъ отъ предшествовавшихъ. Напротивъ, онъ наслѣдникъ всего прошедшаго. Его умственное и матеріальное богатство можетъ быть увеличено въ рукахъ нынѣшнихъ обладателей, но цѣнность того, что мы въ состояніи придать къ этому богатству, ничтожна въ сравненіи съ суммой сокровищъ прежде накопленныхъ. Въ мысли и языкѣ, въ искусствахъ и произведеніяхъ искусствъ, мы наслѣдовали несмѣтныя сокровища отъ длиннаго ряда предковъ. Въ литературѣ мы дѣти древнихъ Грековъ. Но мысли могутъ быть наслѣдованы и слова приняты во всей силѣ только тѣми, которые связаны съ предками не только преемствомъ времени, но и единствомъ мысли и понятія. Какимъ же образомъ можетъ быть сохранена эта связь поколѣній, необходимая для передачи и увеличенія умственныхъ сокровищъ?»

«До настоящаго времени образованный міръ былъ связанъ воедино, и каждое поколѣніе тѣсно соединено съ предшествовавшимъ посредствомъ одного общаго умственнаго имущества. Всѣ участвовали въ общемъ развитіи мысли, потому что понимали другъ друга. Образцы поэзіи, краснорѣчія, исторіи, критики, грамматики и этимологіи были общою связію, предметомъ общей симпатіи для всѣхъ, несмотря на различіе мнѣній относительно достоинства этихъ образцовъ.

Весь цивилизованный міръ составлялъ одну умственную націю, всѣ страны образованной Европы составляли одно цѣлое, потому что, вслѣдствіе организаціи учебныхъ заведеній, одна и та же умственная пища, литература древняго міра, кормила всѣхъ. Авторы Греціи и Рима, извѣстные дѣтямъ и взрослымъ, были общимъ языкомъ, владея которымъ каждый чувствовалъ себя гражданиномъ въ области общаго образованія.

«Какіе же изъ авторовъ новаго времени въ состояніи удовлетворить этому назначенію? Еслибы даже языкъ какого-нибудь одного народа повсемѣстно распространился въ Европѣ, то какъ литература этого народа можетъ связать насъ съ прошедшимъ? Какъ она дастъ намъ возможность разбирать тотъ отпечатокъ, который сохранился на мысли и языкъ еще со дней Платона и Аристотеля? Какъ она дастъ намъ возможность понимать тотъ процессъ, посредствомъ котораго языкъ Рима переводилъ образованіе, философію и законодательство древняго цивилизованнаго міра въ міръ новый? Сами новые авторы потеряютъ свою силу и прелесть, если древняя литература перестанетъ составлять часть общаго образованія. Намъ станетъ непонятно классическое и въ нашихъ собственныхъ твореніяхъ, и черезъ нѣсколько поколѣній исчезнетъ удивленіе къ классическимъ авторамъ новыхъ временъ.»

То же говоритъ онъ и о языкѣ.

«Въ какомъ положеніи находились бы мы, еслибы наша связь съ прошедшимъ была порвана, еслибы греческій и латинскій языки были забыты? Чтò бы мы думали о новыхъ языкахъ? Они казались бы намъ несвязною массою, созданною своеволіемъ и прихотью. Разные народы Европы походили бы на американскихъ дикарей, населяющихъ огромный материкъ, говорящихъ множествомъ нарѣчій, между которыми нельзя отыскать ни взаимнаго сходства, ни послѣдовательности. Различные европейскіе языки представляются намъ очевидно связанными главнымъ образомъ потому, что по нимъ проходить латинская нить; разорвите ее, и перлы разсыпятся врозь. Такъ прервется и умственная связь нынѣшнихъ народовъ между собою, а также связь ихъ съ прошедшимъ. Не будетъ ли это понятнымъ движеніемъ въ цивилизаціи?»

«У народовъ, какъ и у личностей, въ умственномъ положеніи истинное благородство состоитъ въ наслѣдованіи отъ предковъ лучшаго изъ ихъ достоинства и ихъ характера. Тѣ,

кто может прослѣдить происхожденіе своихъ идей и своего собственнаго языка сквозь цѣлый рядъ образованныхъ народовъ, кто можетъ доказать, что тѣ, кого они представляютъ или уважаютъ какъ своихъ родоначальниковъ, были всегда впереди на поприщѣ мысли и умственнаго прогресса, тѣ составляютъ истинную аристократію умственнаго міра, получившую истинное образованіе, потому что назначеніе либеральнаго образованія дѣлать людей такими.»

Но, прибавляетъ г. Юэлль, безъ всякаго сомнѣнія, должно избѣгать исключительнаго или слишкомъ обширнаго приложенія одного этого элемента къ образованію, потому что въ этомъ случаѣ, употребленіе только одного орудія для подобной цѣли принесетъ результатъ односторонній и недостаточный. Для избѣжанія этого необходимо съ изученіемъ классиковъ соединять изученіе элементарныхъ частей математики, потому что эти суровыя занятія приведутъ въ дѣйствіе тотъ разрядъ умственныхъ способностей, который остается безъ упражненія вслѣдствіе исключительныхъ занятій одною изящною литературой.

Слѣдовательно, изученіе элементарной математики, по мнѣнію г. Юэлла, непременно должно быть поставлено во всѣхъ университетахъ на ряду съ изученіемъ классическихъ авторовъ. Отдѣлать эти двѣ отрасли, допускать студентовъ пренебрегать одною изъ нихъ, потому что нѣкоторые имѣютъ склонность къ той или другой, значить, по его мнѣнію, совершенно отказаться отъ обязанностей истиннаго образованія. Университеты и коллегіи не существуютъ съ цѣлію доставлять возможность каждому дѣлать то, что ему нравится. Ихъ обязанность состоитъ въ общемъ развитіи всѣхъ лучшихъ способностей тѣхъ лицъ, которыя ввѣрены ихъ попеченію, и въ сохраненіи и распространеніи общаго образованія въ человѣческомъ родѣ. Поэтому всѣ студенты, какую бы они ни избрали себѣ спеціальность, должны непременно пройти черезъ классическое и математическое образованіе.

Человѣкъ съ математическими способностями, вслѣдствіе требованій университета, ознакомится такимъ образомъ съ лучшими греческими и латинскими классиками и становится человѣкомъ либеральнаго образованія. Въ свою очередь, изучающій классическую литературу, знакомясь съ положеніями геометріи и механики, пріобрѣтетъ между прочимъ навыкъ

къ строгой связи въ мышленіи, и избавится такимъ образомъ отъ односторонности.

Это благотворное дѣйствіе, производимое геометриєю и механикой, не можетъ быть замѣнено, по мнѣнію г. Юэлла, никакою другою наукою. Но хотя другія науки не въ состояніи совершить дѣло образованія ума, тѣмъ не менѣе онѣ суть драгоценныя приобрѣтенія для студента, потому что знаніе ихъ знакомитъ насъ съ настоящимъ и будущимъ, какъ изученіе древнихъ знакомитъ съ прошедшимъ. Поэтому нѣкоторое знакомство съ этими прогрессивными науками составляетъ существенную часть либеральнаго образованія, но его необходимо отнести къ послѣднимъ годамъ университетскаго курса.

Отдавая предпочтеніе практическому преподаванію въ умственномъ отношеніи, г. Юэлль находитъ, что оно имѣетъ благотѣльное вліяніе и въ нравственномъ отношеніи.

« Математическія ученія, говоритъ онъ, опредѣленны и неизмѣнны. Никакая новая система геометріи не можетъ смѣнить старую. Старыя истины будутъ всегда неизмѣнными истинами. Даже старыя книги остаются въ употребленіи. Эвклидъ никогда не былъ и никогда не будетъ замѣненъ безъ значительнаго вреда для воспитанія...

« Въ умозрительныхъ же ученіяхъ, напротивъ, господствуетъ постоянная перемѣна. Комментаторъ замѣняетъ настоящаго автора или становится наравнѣ необходимымъ; систематикъ предпочитается тому, кто первый высказалъ тѣ же мысли въ менѣе стройной формѣ. Или же происходитъ переворотъ: старая система отвергается; возникаетъ новая, и, подобно предшествовавшей, ждетъ своей участи. Въ этого рода занятіяхъ нѣтъ ничего стараго, прочнаго, вѣрнаго. Постоянно господствуетъ перемѣна; постоянно предвидится перемѣна. Корабль плыветъ; прежніе предметы исчезаютъ; точка зрѣнія измѣняется. Студентъ знаетъ или по крайней мѣрѣ подозреваетъ, что вѣрованія его учителя длятся только день; и то, что доказывается какъ истина, въ послѣдствіи окажется столь недостаточнымъ, что лучше вовсе отказаться отъ него.

« Я думаю, нельзя сомнѣваться, что умъ молодого человѣка, занятаго слушаніемъ учителей подобнаго рода, не въ состояніи будетъ приобрѣсть твердое и непоколебимое убѣжденіе въ неизмѣнномъ и постоянномъ свойствѣ истины, — убѣжденіе, порождаемое математикой. Постоянная перемѣна системъ принятыхъ ученій должна разстроить и ослабить его.

способность пониманія всѣхъ истинъ. Онъ не имѣетъ ни времени, ни побужденія изучать предметы, ему излагаемые, и изучать до тѣхъ поръ, пока твердо не овладѣетъ ими, въ увѣренности ихъ постоянной неизмѣнности. Онъ живетъ среди переменъ и не имѣетъ влеченія трудолюбиво работать надъ сокровищемъ, которое можетъ быть унесено у него слѣдующимъ переворотомъ. Положеніе Германіи въ послѣдніе годы было также неблагопріятно для умственного благосостоянія ея студентовъ, какъ положеніе самыхъ измѣнчивыхъ правительствъ Востока для матеріальнаго благосостоянія тамошнихъ подданныхъ.

«Среди этихъ переменъ и опасенія переменъ, какъ можетъ человекъ спокойно вкушать плоды своего поля подъ виноградникомъ своимъ и смоковницей своею? Какъ можетъ онъ возблывать свою мысль и спокойно и мирно пользоваться приобретенными знаніями и умственными навыками? Онъ становится почти неизбежно самъ неопредѣленнымъ и безпокойнымъ мечтателемъ, хватается, безъ малѣйшаго права на то, за критику всего, что было сдѣлано другими, покушается отгадать дальнѣйшее направленіе, и, лишенный тѣхъ ясныхъ идей и того навыка къ точному мышленію, посредствомъ котораго только и могутъ быть сдѣланы успѣхи въ наукѣ, отступаетъ также отъ той твердой вѣры въ неизмѣнное свойство и достоинство умозрительной истины, отъ той вѣры которая составляетъ существенное условіе успѣховъ знанія.»

Далѣе, другой родъ неблагопріятнаго вліянія спекулативнаго преподаванія состоитъ въ томъ, что оно ставитъ студента въ положеніе критика, а не учащагося. Въ дѣлѣ практическаго ученія, учитель обыкновенно и почти необходимо стоитъ гораздо выше тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ сообщаетъ ученикамъ. Ученикъ, сознавая это, имѣетъ довѣрчивое расположеніе къ своему преподавателю. Но когда предлагаемое ученіе имѣетъ притязаніе на его согласіе, которое онъ въ волю дать или не дать, тогда онъ чувствуетъ себя въ положеніи не ученика, а равнаго и даже судьи, относительно своего профессора, что, безъ всякаго сомнѣнія, не можетъ обойтись безъ вредныхъ послѣдствій въ дѣлѣ воспитанія.

Въ университетскомъ образованіи равно существенны, какъ духъ уваженія и почтенія, такъ и духъ критицизма. Въ первомъ случаѣ должно избирать для студентовъ предметы, заключающіе въ себѣ неизмѣнныя истины, и сочиненія неоспор-

маго достоинства. Во второмъ избираются предметы, гдѣ вниманіе студентовъ привлекается способомъ изложенія, а убѣжденія ихъ — доказательствами. При этой системѣ студенту предоставляется рѣшать дѣло самому, въ его волѣ принять или отвергнуть предлагаемое ему, сообразно его сужденію.

Но что касается собственно до воспитанія, то г. Юэлль, не затрудняясь, говорить, что предметы перваго рода предпочтительнѣе для воспитанія. Онъ считаетъ необходимымъ, чтобы студентъ имѣлъ передъ собой нѣчто постоянного и неизмѣннаго свойства, гдѣ бы ему приходилось бороться съ очевидными препятствіями, въ увѣренности, что при усиліяхъ и упражненіи онъ преодолѣетъ ихъ. Критическая же система свойственна не студентамъ, которые еще учатся, но людямъ вполне зрѣлымъ. Ставить молодого человѣка въ такое положеніе, когда онъ еще спокойно долженъ трудиться надъ образованіемъ своего ума для будущей дѣятельности, значить, наполнять его умъ фальшивымъ тщеславіемъ и пустою гордостью, развивать въ немъ неестественную зѣлосчивость и раздражительность, приучать его къ поверхностнымъ и поспѣшнымъ сужденіямъ, и наконецъ къ принятію новыхъ системъ безъ надлежащей ихъ оцѣнки.

Таковы мнѣнія знаменитаго англійскаго педагога и мыслителя относительно предметовъ и способа университетскаго образованія. Они вполне соотвѣтствуютъ настроенію англійскаго общества и тому направленію, которымъ проникнута вся общественная и политическая жизнь Англичанъ, которымъ запечатлѣна вся ихъ новая исторія. Направленіе это проявляется въ твердости и постоянствѣ политическаго быта, въ недовѣрїи къ неизвѣданнымъ теоріямъ, въ отвращеніи отъ утопій, создаваемыхъ праздымъ воображеніемъ, въ непоколебимой преданности тому, что уже извѣдано и подтверждено опытомъ, и наконецъ въ постепенности политическихъ реформъ, предпринимаемыхъ съ яснымъ пониманіемъ настоящей практической необходимости ихъ. Благія послѣдствія такого направленія Англичане испытываютъ на дѣлѣ. Ему они обязаны тѣмъ, что успѣли сохранить отъ своихъ предковъ всѣ ихъ лучшія приобрѣтенія, всѣ завѣщанныя имъ блага. Ему они обязаны своимъ настоящимъ благосостояніемъ, широкимъ развитіемъ политической свободы, либеральными началами своихъ конституціонныхъ учрежденій, и можно сказать, большею частью всего, что насъ поражаетъ въ Англїи. Ясно, что поддержаніе подобнаго направленія, столь

благотворнаго по своимъ послѣдствіямъ, составляетъ главную цѣль лучшихъ людей націи. Какое же средство можетъ вѣрнѣе и могущественнѣе содѣйствовать къ достиженію этой цѣли, какъ не воспитаніе и притомъ воспитаніе тѣхъ классовъ общества, въ рукахъ которыхъ находится управленіе страной?

Вслѣдствіе этого англійскіе педагоги требуютъ, чтобъ университетское образованіе не ограничивалось развитіемъ одной умственной стороны, но чтобъ оно непременно содѣйствовало также развитію извѣстнаго нравственнаго и національнаго направленія. Сообразно съ этою цѣлью, главною основой образованія они полагаютъ постоянные, опредѣленные и не колеблющіеся элементы человѣческаго знанія, которые одни въ состояніи придать характеру юноши прочность и твердость. Воспитаніе, по ихъ мнѣнію, должно преимущественно поддерживать и сохранять непрерывную связь между настоящимъ и прошедшимъ. Вслѣдствіе этого же стремленія, обращеннаго преимущественно на развитіе характера учащихся, первымъ условіемъ образованія они полагаютъ сосредоточенность, ограниченность, прочность и непоколебимость приобретенныхъ знаній. Наконецъ этимъ же стремленіемъ объясняется огромное значеніе, придаваемое ими дисциплинѣ.

Такимъ образомъ, существенная разница между континентальными университетами и англійскими заключается въ томъ, что первые ограничиваются образованіемъ и развитіемъ одной только умственной стороны человѣка; между тѣмъ какъ вторые, вслѣдствіе другихъ жизненныхъ потребностей, преимущественное вниманіе обращаютъ на сторону нравственную, и стараются воспитывать людей политическихъ, способныхъ съ честью участвовать въ управленіи одною изъ лучшихъ странъ міра и оказывать благотворное вліяніе на историческую судьбу всѣхъ народовъ.

Въ этомъ отношеніи англійскіе университеты, дѣйствительно, приносили громадную пользу въ странѣ, гдѣ во главѣ правленія стоитъ аристократія. Они воспитывали просвѣщенныхъ законодателей, государственныхъ людей и другихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей рѣдкой практической силы и искусства. Всякій, кто знаетъ исторію трехъ послѣднихъ столѣтій Англій, ходъ ея внутренняго развитія, ея значеніе въ кругу европейскихъ державъ, ни на минуту не усомнится въ этомъ благотворномъ вліяніи, потому что судьба народовъ опредѣляется ихъ практическими вождями, а эти послѣдніе

образуются воспитаніемъ. Но этого мало. Практическое воспитаніе англійскихъ университетовъ доставляло практическихъ дѣятелей и другаго рода. Замѣчено, что люди, прошедшіе черезъ эти университеты, становились въ послѣдствіи самыми лучшими юристами, самыми лучшими врачами. То же можно сказать и объ англійскомъ духовенствѣ, которое въ настоящее время, безъ всякаго сомнѣнія, одно изъ самыхъ образованныхъ въ Европѣ.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе различныхъ жизненныхъ потребностей, вслѣдствіе разнообразія окружающихъ условій, взгляды на значеніе университета различны въ Англии и на материкѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе, имѣютъ свои хорошія стороны; какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ свои недостатки. Въ англійскихъ университетахъ нѣтъ той возбужденной умственной дѣятельности, той плодovitости въ области умственной производительности, которую отличаютъ въ разнообразныхъ отрасляхъ знанія, напримѣръ, германскіе университеты; но за то, съ другой стороны, вниманіе ихъ преимущественно сосредоточено на томъ, чтобъ изъ нихъ выходили не одни записные ученые, но люди, обладающіе общимъ образованіемъ и твердымъ, опредѣленнымъ характеромъ. Англійскіе университеты суть только высшія школы, а не заведенія, имѣющія притязаніе на идеальное значеніе и стремящіяся къ тому, чтобы служить средоточіями самобытной, свободной и многосторонней ученой дѣятельности, средоточіями, въ которыхъ должны находить себѣ исходъ всѣ отрасли человѣческаго знанія въ современномъ ихъ проявленіи, и изъ которыхъ они должны разливаться во всѣ свои общества.

М. Вольскій.

РОБЕРТЬ ШУМАНЪ ¹

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦИИ

А. П. М.....вой ².

IV.

«Клара давно уже собирается писать тебѣ, говоритъ Шуманъ въ письмѣ своемъ къ Терезѣ, въ концѣ марта 1838; я сказала ей, чтобъ она называла тебя сестрою.» Съ радостію назвала бы я ее этимъ именемъ, но для этого требуется еще одно словечко,—словечко, которое насъ такъ сблизило и сдѣлало меня такъ счастливою! отвѣчала она мнѣ.

«Не сердись на нее, что она тебѣ не пишетъ; ей право некогда и едва хватаетъ времени даже для переписки со мною.

«На возвратномъ пути изъ Мюнхена она вѣроятно зайдетъ къ тебѣ; прими ее, это высокое созданіе (das hohe Mädchen),

---

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

² Въ предыдущемъ № посвященіе это напечатано ошибочно: вмѣсто *А. П. М—вой* напечатано *А. Т. М—вой*. Сверхъ того, на 340 стр. напечатано *Штенъ* вмѣсто *Шопенъ*.

какъ она того заслуживаетъ. Я не въ состояніи выразить тебѣ, что эта дѣвушка за удивительное существо. Чего она только въ себѣ ни соединяетъ, и какъ мало я ея стою! Но счастливою я ее сдѣлаю... Нѣтъ словъ для моего чувства къ ней!

«Называй же ее сестрою, когда съ нею свидишься; да обо мнѣ не позабудьте тогда въ вашихъ разговорахъ.

«Теперь о дѣлѣ, въ которомъ я прошу твоего совѣта и содѣйствія. Получивъ званіе придворной піанистки, Клара заняла довольно почетное мѣсто въ обществѣ, и хотя я также имѣю почетный титулъ, но онъ не довольно значителенъ. Конечно, я желалъ бы жить и умереть артистомъ. На свѣтѣ я не признаю для себя ничего выше искусства, но для родителей Клары я желалъ бы быть *члѣмъ-либудь* (въ ихъ смыслѣ).

«Ты коротко знакома съ лейпцигскимъ профессоромъ Гартенштейномъ; напиши ему или женѣ его, что я поставленъ въ необходимость желать получить званіе *доктора* для того, чтобы скорѣе достигнуть своей цѣли: жениться на дѣвушкѣ, занимающей видное положеніе въ свѣтѣ. Пусть скажетъ онъ тебѣ, могу ли я надѣяться получить званіе доктора философіи, и что для этого потребуется? Или не дастъ ли мнѣ университетъ титулъ доктора музыки? Напиши ему все это, но подъ величайшею тайною отъ всѣхъ нашихъ родныхъ и друзей.»

Чтобы не очень удивляться желанію Шумана, надобно знать до какой степени сильна въ Германіи до сихъ поръ страсть ко всякимъ званіямъ и титуламъ. Замѣчательнѣйшій и ничтожнѣйшій изъ Нѣмцевъ равно дорожатъ своими званіями и титулами, и дорожатъ до такой степени, что сочтутъ крайнимъ для себя оскорбленіемъ, если въ письмѣ или даже въ разговорахъ съ ними опущены будутъ титулъ или званіе, ими носимые, будь то званіе актуаріуса или министра, титулъ доктора или коммерціи совѣтника. Эта титуломанія, *Titelsucht*, развита въ Германіи до уродливости, въ мущинахъ и женщинахъ, въ высшей и низшей сферѣ общества. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, напримѣръ, Лиета въ глаза и за глаза величаютъ докторомъ, Мошелеса — профессоромъ, жену лейпцигскаго банкира Фреге, известную нѣвицу-дилеттантку — фрау докторъ Фреге.

«Высокое значеніе Клары, какъ придворной виртуозки, пишетъ Шуманъ іенскому профессору Кеферштейну, чрезъ нѣсколько времени послѣ письма къ Терезѣ, заставляетъ меня часто задумываться надъ моимъ *незначительнымъ* положеніемъ

въ свѣтъ. Я знаю, что она любитъ во мнѣ человѣка и музыканта, но тѣмъ не менѣе увѣренъ, что ей было бы очень пріятно, еслибы я приобрѣлъ болѣе блистательное значеніе.

«Скажите, трудно ли сдѣлаться докторомъ философіи въ Іенскомъ университетѣ?»

«Званіе доктора, пишетъ снова Шуманъ къ Кеферштейну, желалъ бы я получить при слѣдующихъ условіяхъ: или представивъ какое-либо литературное сочиненіе, или за заслуги мои, какъ композиторъ и издатель газеты, значительно распространенной въ публикѣ.

«Въ первомъ случаѣ я могъ бы представить статью, матеріалы для которой я собираю: объ отношеніи Шекспира къ музыкѣ. Его воззрѣнія на нее, значеніе ея въ его трагедіяхъ и пр. Тема богатая, но требующая большой разработки и усиленныхъ занятій. Такъ или иначе, а мнѣ хотѣлось бы получить дипломъ не даромъ, чтобы всѣ знали, за что я его удостоился. Это мнѣ необходимо въ моемъ теперешнемъ положеніи, когда въ публикѣ ходятъ, Богъ знаетъ, какіе слухи и толки. (Отношенія мои къ семейству Клары давно ни для кого уже не тайна.)

«Клара теперь въ Гамбургѣ съ матерью. Она будетъ вамъ сама писать и благодаритъ васъ за то, что вы о ней говорите въ вашемъ письмѣ ко мнѣ. Вы правы, сказать, что она чудное существо, исполненное рѣдкихъ достоинствъ.»

Письма эти писаны уже въ январѣ и февралѣ 1840 г. Но отчего планъ Шумана, задуманный имъ еще въ 1838 году, какъ это видно изъ письма его къ Терезѣ, оставался какъ бы забытымъ дѣлать полтора года, біографъ его не объясняетъ.

По совѣту Кеферштейна, Шуманъ обращается къ декану Іенскаго университета Рейнгольду, въ просьбѣ къ которому онъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ оставался нѣсколько лѣтъ сряду вѣренъ своимъ воззрѣніямъ на искусство, и что самое время убѣдило его въ ихъ состоятельности. Проникнутый уваженіемъ ко всему замѣчательному прежде появившемуся въ области искусства, онъ тѣмъ не менѣе энергически старался содѣйствовать успѣхамъ современныхъ ему талантовъ, будь они приверженцы прежняго какъ Мендельсонъ, или новаторы подобно Шопену. «Какъ композиторъ, продолжалъ онъ, иду я быть-можетъ по совершенно-иному пути чѣмъ они; но о сокровенныхъ требованіяхъ своей собственной души трудно говорить.»

Прошение это, вмѣстѣ съ краткою автобіографіею просителя, передается деканомъ совѣту Іенскаго университета. 24 февраля 1840 Шуманъ удостоивается званія доктора философіи и немедленно получаетъ дипломъ, исполненный пышныхъ ему похвалъ какъ музыканту и эстетку¹.

«Теперь я почти счастливъ, пишетъ Шуманъ къ Кеферштейну. За лестное содержаніе диплома, отъ души порадовавшее меня и друзей моихъ, обязанъ я, конечно, и вамъ отчасти. Первымъ дѣломъ моимъ, по полученіи его, было отправить съ него копию на сѣверъ къ *моей дѣвушкѣ*, которая какъ дитя запрыгаетъ отъ радости, узнавши, что она *невѣста доктора*. Я ее здѣсь скоро увижу. Что за часы проведемъ мы съ нею у родня, можете вы себѣ легко представить!»

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этого письма, Шуманъ достигаетъ наконецъ цѣли своихъ пламенныхъ желаній. То, о чемъ онъ такъ мечтательно писалъ нѣкогда къ Кларѣ, по поводу *А-дигной* симфоніи Бетговена, совершается надъ нимъ самимъ, въ близъ-лежащей отъ Лейпцига деревни Шенфельдъ.

Въ брачномъ регистрѣ шенфельдской общины значится: въ субботу въ 10 часовъ по-полуночи 12, сентября, 1840 года, вѣнчались докторъ Робертъ Шуманъ и дѣвица Клара-Иозефина Виль.

Три года длившійся романъ завершился торжественно, но тихо, въ присутствіи только самыхъ близкихъ друзей, въ скромной, сельской церкви.

Многихъ слезъ, многихъ страданій, стоилъ онъ обоимъ героямъ его, но сила взяла свое, — *was stark ist bricht durch*, по выраженію самого Шумана. Предпоследній эпизодъ романа былъ въ особенности тяжелъ и труденъ для Шумана и еще болѣе для невѣсты его.

Видя, что отецъ Клары рѣшительно не хочетъ сдаваться ни на мольбы дочери, ни на увѣщанія друзей, родныхъ и даже семейства своего, Шуманъ рѣшился обратиться къ суду, съ согласія самой молодой дѣвушки.

¹ Дипломъ: «Viro praenobilissimo atque doctissimo Roberto Schumann Zwickaviensi complurium societatum musicarum sodai, qui rerum Musis sacrarum et artifex ingeniosus et iudex elegans modis musicis tum scite componendis tum docte iudicandis atque praeceptis de sensu pulchritudinis venustatisque optimis edendis magnam nominis famam adeptus est, Doctoris Philosophiae honores dignitatem jura et privilegia ingenii, doctrinae et virtutis spectatae insignia atque ornamenta detulit.»

И королевскій апелляціонный судъ въ Лейпцигѣ, рѣшеніемъ своимъ, объявленнымъ просителямъ 1 августа, 1840 года, призналъ за совершеннолѣтнею Кларою Викъ право на вступленіе ея въ бракъ, по собственному свободному выбору ея сердца.

О подробностяхъ процесса бюграфъ Шумана умалчиваетъ, такъ какъ лица въ немъ участвовавшіе еще живы, и мы поспѣваемъ его примѣру; не можемъ, однако, не сказать о горячемъ сочувствіи большинства лейпцигской публики къ Кларѣ и жениху ея и о негодованіи его на Фридриха Вика, вышедшаго на арену общественнаго суда съ однимъ только доказательствомъ въ пользу своего отцовскаго права на совершеннолѣтнюю дочь свою, съ правомъ обычая, которымъ руководствовались и быть-можетъ долго еще будутъ руководствоваться отцы, деспотически распоряжаясь участію своихъ дѣтей, какъ полною и неотъемлемою своею собственностію...

Шуманъ счастливъ, совершенно счастливъ! Какъ тихій ангелъ вошла Клара въ рабочій кабинетъ поэта-музыканта,—въ душу его она уже давно проникла,—и онъ, бѣдный труженикъ, зажмилъ тою удивительною жизнію, которая выпадаетъ на долю только много думавшимъ, много любившимъ и, слѣдовательно, много перестрадавшимъ и перечувствовавшимъ людямъ.

Къ несчастію, въ собраніи его писемъ, мы не находимъ ни одного, относящагося къ этой счастливѣйшей эпохѣ въ его жизни. Но если не имѣемъ писемъ, зато цѣлый рядъ пѣсенъ передъ нами, и какихъ пѣсенъ!

Кажется, будто ему, счастливому безъ мѣры, уже мало однихъ звуковъ, чтобы передать все то, чѣмъ полно его веселѣющее сердце; ему надобенъ подстрочный переводъ его пѣснямъ, чтобъ и другіе всѣ поняли, что такое любовь, счастье, блаженство на землѣ; ему необходимо, какъ Петраркѣ о Лаурѣ, разказать всему міру, что за свѣтлое, чудное созданіе «желанная» его!

Широкою, вдохновенною кистью рисуетъ онъ музыкальныя картины на слова Гейне, Шамиссо, Уланда, Гебеля, Рюккерта. Звуки его льются, льются безъ конца...

И какъ сильно и непосредственно дѣйствуютъ на душу мелодіи этихъ пѣсенъ, какъ роскошны и разнообразны гармоническія ткани, служащія основой для этихъ мелодій!

Весь циклъ этихъ пѣсенъ можно бы назвать гимномъ радости и счастья, и если изъ массы его солнечныхъ звуковъ вырываются подчасъ звуки какого-то раздумья, то они не

болѣе какъ тѣни на ярко-освѣщенномъ лѣтнемъ пейзажѣ, или по вѣрному выраженію биографа: «отраженіе прошлыхъ страданій и невольная боязнь за будущее.» Изъ богатаго числа этихъ пѣсенъ, трудно сказать, какія лучшія: такъ поразительно хороши онѣ почти всѣ, особенно замѣчательнъ, по содержанію самаго текста, рядъ пѣсенъ Шамиссо, подъ названіемъ *Любовь и жизнь женщинъ*.

Встрѣтившись съ человѣкомъ, которому суждено было впервые пробудить дремавшее въ ней чувство любви, вѣчная дѣвушка съ ужасомъ замѣчаетъ, что съ нею творится что-то небывалое. «Словно ослѣпла я, говоритъ она въ раздумьи,— такъ темно вокругъ меня, и скучно мнѣ, и ничто уже не веселитъ меня, но когда онъ со мною!.. *Онь!* продолжаетъ она съ восторгомъ,—лучшій изъ людей! Какъ онъ кротокъ, добръ, и какъ ничтожна я передъ нимъ...» «Ахъ, пусть найдетъ онъ себѣ подругу, достойную его; я благословлю ее, счастливицу, я стану молиться за него, служить ему.» Но онъ любитъ ее, а не другую, онъ избралъ *ее* себѣ въ подруги жизни. Съ трудомъ вѣрить она своему счастью, тому, что она его невеста. «Я выплакала, выстрадала тебя, о, мое золотое колечко!» поетъ она, покрывая жаркими поцѣлуями обручальное кольцо, первый подарокъ жениха...

Насталъ день свадьбы. «Скорѣе, скорѣе, торопятъ она молодыхъ дѣвушекъ, одѣвающихъ ее къ вѣнцу, плетите скорѣе вѣнокъ, онъ ждетъ меня. Еще вчера, обнимая меня, говорилъ онъ мнѣ, что не дождется нынѣшняго чуднаго дня!» «Радостно прощаюсь съ вами, милые друзья, я иду къ нему...» «Счастливъ ли ты? Спрашиваетъ своего возлюбленнаго молодая женщина. А я, я боюсь своего счастья... еще впереди у насъ столько блаженства! Вотъ тутъ поставимъ мы колыбельку, и изъ нея взглянешь на меня твой образъ!» шепчетъ она, стыдливо пряча свою головку къ нему на грудь.

Сбылись надежды ея. Она сидитъ у колыбельки. Въ ней хранитъ она свою новую привязанность. «Только мать можетъ понимать, что значитъ любить, что значитъ быть счастливою!» Поетъ она вполголоса, убаюкивая своего ребенка. Но какъ укоръ совѣсти является передъ нею образъ ея возлюбленнаго... Но развѣ она его уже менѣе любитъ чѣмъ прежде? Нѣтъ, нѣтъ, она по прежнему любитъ его и только наивно жалѣетъ «мущину, что онъ лишенъ блаженства испытывать восторги материнскаго чувства...»

«Вотъ первое огорченіе, которое ты мнѣ нанесъ, но какое глубокое, страшное огорченіе!... Ты спишь, холодный, безчувственный человѣкъ, сномъ смерти... Что же мнѣ-то теперь дѣлать безъ тебя? Что же для меня весь свѣтъ теперь?» говорить она, глядя съ недоумѣніемъ на безжизненный трупъ своего возлюбленнаго.

И вотъ возвращается мелодія первой пѣсни, но уже безъ словъ. «Я словно ослѣпла, слышится въ ней голосъ молодой женщины, все темно вокругъ меня, и ничто не веселитъ меня!...» «И никогда уже свѣтло не станетъ, никогда уже не будетъ тебѣ весело, бѣдная, бѣдная женщина!» говорить ей поэтъ въ замирающихъ звукахъ своей тихой ригурнели.

Въ пѣсняхъ своихъ Шуманъ пошелъ далѣе Бетговена и Шуберта, говорить его біографъ, и съ нимъ нельзя не согласиться, да и самъ Шуманъ чувствовалъ и вполне понималъ ихъ значеніе для искусства. «Я желалъ бы писать онъ къ Кеферштейну, чтобы вы ближе ознакомились съ моими пѣснями. Онѣ говорятъ о моемъ будущемъ. Не думаю, чтобы мнѣ когда-нибудь удалось дать что-нибудь лучшее свѣту, и я этимъ буду совершенно доволенъ.» Не далѣе, однако, какъ черезъ годъ послѣ этого письма, Шуманъ обращается къ инструментальной музыкѣ, и уже первый его опытъ на новомъ для него поприщѣ симфониста ставитъ его сразу на ряду съ лучшими дѣятелями въ этомъ родѣ. Первая симфонія его (B-dur) словно продолженіе его пѣсенъ, финаль, которымъ блистательно онѣ замыкаются. Все въ ней свѣтло, радостно, нѣтъ ни тѣни, ни облачка...

Вскорѣ за симфоніею является знаменитый его квинтетъ для фортепіано двухъ скрипокъ, альты и віолончеля. Говорить о немъ надо много или ничего...

Намъ до сихъ поръ помнится то глубокое впечатлѣніе, которое произвело оно разъ на одномъ интимномъ музыкальномъ вечерѣ. Слушатели (въ числѣ ихъ почти не было музыкантовъ-знатоковъ) были буквально потрясены до глубины души, прослушавъ этотъ разказъ, переданный имъ пятью голосами, сливающимися волею композитора въ одно неразрывное, чудное цѣлое.

Разказъ этотъ—цѣлая поэма, шекопировская драма, прослушавъ которую остаешься долго, долго въ положеніи человѣка, только что присутствовавшаго при одномъ изъ такихъ жив-

невныхъ событій, которыя оставляютъ по себѣ глубокіе, не-
наглядимыя слѣды на душѣ.

Къ квинтету этому вернемся мы еще разъ въ послѣдствіи,
а теперъ взглянемъ на домашній бытъ семейнина Шумана.

Въ первомъ письмѣ нашемъ, говоря о переходѣ Шумана
изъ ребяческаго въ юношескій возрастъ, мы сказали, что онъ
какъ бы ушелъ въ самого себя, замкнулся отъ людей, предо-
ставля имъ думать о немъ, что угодно. Въ послѣдствіи, не-
обходимость заставляла его по временамъ дѣлаться болѣе об-
щительнымъ, но ему стоило это всегда большаго труда и на-
силія надъ собою. Молчаливость и задумчивость составляли
типическую черту его характера. Онъ рѣдко говорилъ даже
о предметахъ сильно его занимавшихъ, предпочитая писать
о нихъ; что же касается до обыкновенныхъ свѣтскихъ разго-
воровъ и до разсужденій о практическихъ, обыденныхъ во-
просахъ жизни, то онъ рѣшительно не былъ въ состояніи под-
держивать ихъ. Женившись же, окончательно предался уедине-
нію и проводилъ все время въ работѣ и въ тѣсномъ домаш-
немъ кругу.

Клара сдѣлалась какъ бы посредницею между нимъ и внѣш-
нимъ міромъ. Съ заботливостію матери, съ самоотверженіемъ
любящей женщины, приняла она на себя бремя домашнихъ
заботъ и общественныхъ отношеній, ограждая своего Роберта
отъ всего, что могло разстроить покой его души и помѣшать
его постоянной умственной работѣ.

И Шуманъ, отъ природы склонный къ совершенному оди-
ночеству, дѣлался, благодаря нѣжнымъ попеченіямъ о немъ
жены, все болѣе и болѣе отшельникомъ, недоступнымъ для
общества. Незамѣтною чередой проходили невозмутимо тихіе,
регулярные дни его.

Съ ранняго утра до полдня работалъ онъ, не покидая ни
для кого и ни для чего своего кабинета; потомъ гулялъ до
часу съ женой или съ однимъ изъ своихъ пріятелей. Въ часъ
садился обѣдать и потомъ, послѣ небольшого отдохновенія,
принимался снова за работу до пяти или шести часовъ вечера.
Послѣ работы слѣдовало чтеніе газетъ въ клубѣ, и наконецъ
возвращеніе домой никакъ не позже девяти часовъ. Исключе-
нія бывали рѣдки. Приглашенія на вечера принимались Шу-
маномъ только въ особыхъ случаяхъ; у себя же онъ иногда
любилъ видѣть гостей, но и тутъ гостепримство его ограни-
чивалось внимательнымъ выслушаніемъ того, что говорилось

нимъ, не болѣе, и только когда онъ чувствовалъ себя въ исключительно-хорошемъ настроеніи духа, дѣлался онъ говорливымъ и общительнымъ. Въ подобныя, рѣдкія минуты, любезность его дѣйствовала обаятельно на окружающихъ; лицо его, вообще мало выразительное, загоралось жизнію и умомъ; тихій голосъ, дѣлался звученъ и положъ, и рѣчь его, постоянно отрывистая и словно принужденная, блестяла неподдѣльнымъ юморомъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ.

Болѣе всего располагало его къ такому состоянію общество любимыхъ имъ людей, послѣ удачно оконченной работы, за хорошою сигарой, которую шутя называлъ онъ: «маленькимъ чортикомъ», и за стаканомъ добраго вина, преимущественно шампанскаго. «Шампанское, говорилъ онъ, высѣкаетъ искры изъ ума.»

Проходили подобныя часы, и Шуманъ становился прежнимъ тихимъ мечтателемъ, *швермеромъ*, вѣчно «думающимъ думу крѣпкую». Дорнъ, бывший учитель его, рассказываетъ, что прѣхавъ разъ къ нему вечеромъ въ день рожденія его жены, онъ нашелъ у него большее общество. Много занималась музыкою, и Дорну, долго не видавшемуся съ Шуманомъ, не удалось съ нимъ и двухъ словъ сказать.

«Какъ жаль, что мнѣ не пришлось вовсе съ вами побесѣдовать сегодня,» проговорилъ Шуманъ, прощаясь съ любимымъ своимъ учителемъ. «За то въ слѣдующій разъ, о! тогда мы съ вами до сыта намолчимся,» утѣшилъ его, сѣясь, Дорнъ. «А, вы меня еще помните!» прошепталъ Шуманъ краснѣя.

Эта такая жизнь работающаго художника дала свѣту произведенія, сосредоточенность и глубина мысли которыхъ дѣлаютъ ихъ вѣчными памятниками силы и торжества человеческого духа.

«Въ сущности я доволенъ настоящимъ кругомъ моей дѣятельности, пишетъ Шуманъ Дорну: но еслибъ я могъ бросить мою газету и жить въ музыкѣ жизнью художника, подалѣе отъ всѣхъ мелочей, неразлучныхъ съ занятіями редактора, тогда только почувствовалъ бы я себя *вполнѣ дома* и внутри себя, и въ свѣтѣ.» (*Ganz heimisch in mir und auf der Welt.*)

«Редакція газеты, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ Кеферштейну, все-таки побочное для меня дѣло, хотя я занимаюсь имъ съ любовью. Святая обязанность человѣка развивать въ себѣ высшіе дары природы, въ него вложенные. Вы сами числите мнѣ это нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ я

много и сильно работала. Я пишу вамъ это потому, что замѣтилъ въ послѣднихъ строкахъ письма вашего ко мнѣ что-то въ родѣ упрека, за редакцію нѣкоторыхъ нумеровъ моей газеты, упрека, котораго я право не заслужилъ, потому что имѣю теперь страшно много дѣла, кромѣ редакціи. Я занимаюсь тѣмъ, на чтѣ я призванъ свыше и чтѣ обязанъ исполнить.

Но, кромѣ занятій литературныхъ, на Шуманъ лежали еще обязанности по званію его преподавателя въ лейпцигской консерваторіи, вовсе не соответствующія необщительной, сосредоточенной его натурѣ.

Говорить о томъ, о чемъ писалъ онъ съ такимъ жаромъ, съ такимъ краснорѣчіемъ слова и мысли, онъ рѣшительно не былъ въ состояніи. Неспособность его объясняться была до того велика, что онъ разъ самъ, имѣя надобность переговорить съ тѣмъ-то объ очень важномъ для него дѣлѣ, писалъ этому лицу, что не надѣясь достаточно отчетливо и ясно передать на словахъ свои мысли, желаетъ предварительно сообщить ихъ письменно ¹.

Успѣхи учениковъ его были неудовлетворительны; но консерваторія берегла Шумана какъ авторитетъ и современную знаменитость, и Шуманъ тяготясь своимъ званіемъ, не покидалъ консерваторіи изъ чувства уваженія къ институту, такъ дорожившему его сотрудничествомъ. Вопросъ, много ли выигрывали ученики отъ этой взаимной деликатности?

О томъ какъ тягостны были для Шумана, въ то время всѣ занятія, кромѣ чисто-музыкальныхъ, свидѣлствуетъ число произведеній, созданныхъ имъ въ теченіи 1840—1841 г. Кромѣ пѣсенъ, симфоніи и квинтета, о которыхъ мы уже упоминали, онъ написалъ струнный квартетъ, скерцо, увертюру, D-Moll-ную симфонію ², и наконецъ кантату для хора и оркестра *Рай и Пери изъ Лалла-Рукъ* Томаса Мура.

Кантата эта, пѣсни его, квинтетъ и фортепианныя произведенія (орр. 14 и 15) всего болѣе помогли сближенію Шумана съ публикою. Всѣ эти піесы имѣли огромный успѣхъ, по словамъ его биографа,³ и въ особенности: пѣсни, квинтетъ и «дѣтскія сцены» (*Kinderscenen* орр. 15.) Послѣднимъ нашлось сейчасъ же много подражаній ⁴, но крайне неудачныхъ, и до сихъ

¹ S. 217. В. г. W.

² Симфонія эта появилась въ печати уже въ 1851 г.

³ Равно какъ и другой піесѣ Шумана (орр. 68, «подарокъ для юношества».)

поръ стоять они, эти живые очерки, особнякомъ въ музыкальной литературѣ, какъ тѣ рассказы про дѣтскій миръ, которыми мы такъ восхищаемся въ твореніяхъ Диккенса.

Эпиграфомъ къ этимъ сценамъ можно было бы поставить афоризмъ самого Шумана: «In jedem Kinde liegt eine wunderbare Tiefe» (въ каждомъ ребенкѣ скрыта чудная глубина). «Пошлае и ограниченіе того, что говорить о моихъ дѣтскихъ сценахъ Н. Н., не приходилось мнѣ еще ничего читать, пишетъ Шуманъ Дорну. Онъ воображаетъ, что я, поставивъ передъ собою плаксиваго ребенка, начинаю приписывать звуки, какими бы его изобразить. А дѣло выходитъ наоборотъ; хотя я и не скрываю того, что не одна дѣтская головка промелькнула въ моемъ воображеніи, когда я писалъ эту піесу.»

Передать словами интимную прелесть «дѣтскихъ сценъ» невозможно. Мало того, и вслушавшись въ нихъ, будетъ наслаждаться ими только тотъ, кто способенъ сочувственно слѣдить за первыми проявленіями мысли и чувства въ маленькомъ существѣ, кому отрадой ложится на душу и дѣтскій смѣхъ, и дѣтскій лепетъ.

Тихо проходила жизнь счастливой музыкальной четы. Въ постоянныхъ трудахъ и тихихъ домашнихъ наслажденіяхъ протекали три года, въ продолженіи которыхъ только разъ предпринято было Кларою путешествіе съ артистическою цѣлью, въ Копенгагенъ. Шуманъ проводилъ ее только до половины дороги, до Гамбурга, и вернулся поспѣшно назадъ, связанный многоразличными отношеніями, удерживавшими его въ Лейпцигѣ.

Но въ концѣ 1844 года Шуманъ рѣшается покинуть на время свой мирный уголокъ, и сдать редакцію газеты Освальду Лоренцу, ѣдетъ съ женою въ далекій путь, въ Россію, въ которой имя Клары было еще въ то время почти неизвѣстно.

Планъ этой поѣздки былъ сдѣланъ Кларой еще до замужества ея. «Желанію невѣсты моей, писалъ Шуманъ Кеерштейну за мѣсяць до своей свадьбы, — я не могу противиться тѣмъ болѣе, что она объявила мнѣ, что одна поѣдетъ въ Россію, еслибъ я и отказался ее сопровождать. Зная какъ дорого ей наше благосостояніе, я не сомнѣваюсь, что она непременно бы сдержала свое слово. Какъ тяжело мнѣ покидать мою мирную среду, можете легко себѣ представить. Съ огорченіемъ думаю я о предстоящемъ намъ путешествіи; но скрываю это

отъ Клары, для здоровья которой поправка эта будетъ даже полезна. При всей своей гнѣвной организаціи, она крѣпка и можетъ выдержать не менѣе любого мужчины.»

Въ концѣ января 1844 путешественники наши прощаются съ Лейпцигомъ. Въ Кенигсбергѣ, Митавѣ и Ригѣ Клара даетъ концерты, а 1-го апрѣля Шуманъ, послѣ мѣсячнаго уже пребыванія въ Петербургѣ, адресуетъ отсюда письмо Фридриху Вику, отрывки изъ котораго слѣдуютъ: «Клара дала адѣсь четыре концерта, любезный батюшка, и играла у императрицы. Мы сдѣлали много замѣчательныхъ знакомствъ, узнали пропасть интереснаго, и каждый день что-нибудь новое. Сегодня обращаемся въ Москву, но еслибы намъ и не вздумалось туда ѣхать, то все-таки мы могли бы быть совершенно довольны тѣмъ, что до сихъ поръ приобрѣли. Одну ошибку сдѣлали мы: поздно пріѣхали. Для успѣха въ такомъ громадномъ городѣ какъ Петербургъ, нужно много приготовленій. Все здѣсь зависитъ отъ двора и отъ высшаго круга; газеты и вообще печатное слово дѣйствуютъ мало.

«Публика помѣщена на италіанской оперѣ, Виардо произвела фуроръ. Первые два концерта Клары были не полны, третій болѣе удался, а четвертый—блестательно. Воеторгъ публики съ каждымъ разомъ увеличивался, и еслибы не страстная недѣля, можно было бы, мнѣ кажется, дать еще четыре концерта. Лучшими друзьями нашими были здѣсь Гензельтъ и двое графовъ Вильгорскихъ. Оба брата—замѣчательныя личности и въ особенноти Михаилъ, гениальнѣйшій изъ всѣхъ дилеттантовъ, какихъ мнѣ до сихъ поръ приходилось встрѣчать¹. Клара пишетъ къ нему что-то въ родѣ тайной страсти; хотя онъ уже имѣетъ внуковъ, то-есть ему за пятьдесятъ, но онъ еще какъ юноша свѣж и душой и тѣломъ. Въ принцѣ Ольденбургскомъ

¹ Кстати о русскихъ дилеттантахъ. Вотъ что пишетъ Шуманъ въ одномъ изъ номеровъ своей газеты за 1840 г. «На дняхъ былъ здѣсь сочинитель извѣстнаго русскаго гимна и другихъ произведеній (А. Ф. Львовъ). Г. Львовъ такой необыкновенный скрипачъ, что его можно поставить на ряду съ первыми виртуозами въ свѣтѣ. Въ исполненіи его столько оригинальности, художнической свободы и ясности, что его слушаешь и не наслушаешься. Мнѣ только разъ удалось насладиться его игрой, въ двухъ квартетахъ Моцарта и Мендельсона. Послѣдній присутствовалъ при этомъ, и по всему замѣтно было, что онъ едва ли когда-нибудь слышалъ такое совершенное исполненіе своего произведенія какъ въ этотъ вечеръ.» Schumann, B. III, S. 216.

и супругъ его нашли мы себѣ милостивое покровительство. Вчера они показывали намъ сами весь свой дворецъ. Принцесса—воплощенная доброта и кротость. Графиня Виейлгорская давали намъ музыкальный вечеръ, я дирижировалъ мою *B-dur* симфонію. О Гензельтѣ передамъ вамъ на словахъ: онъ все тотъ же, старый: къ игрѣ въ концертѣ его невозможно уговорить. Онъ играетъ только у принца Ольденбургскаго часто, и на одномъ изъ послѣднихъ вечеровъ исполнилъ съ Кларою мою вариацию для двухъ фортепіанъ.

«Императоръ и императрица были очень милостивы къ Кларѣ. Она играла въ ихъ семейномъ кругу цѣлыхъ два часа недѣлю тому назадъ. Весенняя пѣсня Мендельсона сдѣлалась любимой пѣсней въ Петербургѣ. Клара должна была повторять ее по два раза въ каждомъ концертѣ, а у императрицы даже три раза; ¹ о великолѣпнн Зимняго Дворца разкажетъ вамъ Клара при свиданіи. Г. Рибопьеръ (бывшій посланникъ въ Константинополь) вѣдигъ насъ недавно по всѣмъ его заламъ; прогулка эта напомнила мнѣ одинъ изъ разказовъ изъ *Тысячи и Одной Ночи*. Насъ пугаютъ путешествіемъ въ Москву, а впрочемъ, повѣрьте, путешествіе по Россіи вовсе не такъ дурно, какъ говорили. Я не могу вспомнить теперь безъ смѣха объ ужасахъ, представлявшихся моему воображенію, когда я, сидя въ Лейпцигѣ, думалъ о Россіи. Только дорого очень все здѣсь: Квартира, напримеръ, стоитъ намъ ежедневно лундоръ, кофе — талеръ, обѣдъ — дукатъ и т. д.»

Въ Москвѣ, несмотря на позднее время, неудобное для концертовъ, Клара играла три раза публично и съ огромнымъ успѣхомъ. Видъ Кремля поразилъ Шумана, и онъ написалъ стихи, которыхъ, къ сожалѣнію, намъ не удалось достать.

¹ Мы какъ сейчасъ помнимъ музыкальный вечеръ, устроенный принцемъ Ольденбургскимъ въ одной изъ залъ Училища Правовѣдствія, Моликъ игралъ на скрипкѣ, а для финала готовился сюрпризъ: Клара Шуманъ взошла на эстраду и сыграла обворожительно веселую пѣсню Мендельсона. Не успѣли замереть послѣдніе звуки этой воздушной пѣсенки, какъ въ залѣ послышался такой ураганъ аплодисментовъ, какой едва ли когда-нибудь раздавался въ какомъ-либо изъ нашихъ казенныхъ заведеній. Клара повторила. Аплодисменты повторялись тоже, и съ новою силой. Энтузіазмъ былъ искренній, неподдѣльный. Подобнаго исполненія никто изъ присутствовавшихъ еще никогда не слыхивалъ, хотя многие изъ находившихся въ залѣ перебивали уже въ свою жизнь въ сотнѣ концертахъ. Сухой, неблагодарный инструментъ исчезъ подъ волшебными пальцами Клары; слышались удивительные звуки, чуть-чуть не человѣческой голось.

Довольные результатами своей поездки и новыми впечатлѣніями, приобретенными ими въ нашемъ снѣжномъ, но гостеприимномъ краю, Шуманъ и жена его возвращались въ началѣ іюня въ Лейпцигъ, гдѣ ихъ нетерпѣливо ожидали дѣти, родные и небольшой кружокъ короткихъ друзей.

Игра Клары произвела сильное впечатлѣніе на русскую публику, впечатлѣніе особаго рода, ускользящее отъ яснаго опредѣленія. На нее повѣяло таинственнымъ романтизмомъ Шумановской поэзіи....

V.

Во время путешествія по Россіи созрѣлъ въ головѣ Шумана планъ—переселиться въ Дрезденъ, передавъ редакцію газеты Освальду Лоренцу, принявшему временно на себя этотъ трудъ еще въ январѣ 1844 года.

Причины, побудившія его удалиться изъ Лейпцига, неизвѣстны его біографу. Враги его утверждали, что онъ рѣшился на это вслѣдствіе неудачи, потерявъ надежду получить мѣсто капельмейстера концертовъ въ знаменитомъ Гевандгаузѣ, на которое былъ приглашенъ, по отбытіи Мендельсона въ Берлинъ, сначала Фердинандъ Гиллеръ, а потомъ Нильсъ Вильгельмъ Гаде¹.

¹ Уже въ первой половинѣ XVIII столѣтія существовали въ Лейпцигѣ постоянные концерты, на которыхъ исполнялась вокальная и инструментальная музыка. Въ первое десятилѣтіе второй половины XVIII вѣка, особенно отличались концерты подъ управленіемъ органиста церкви Св. Фомы, Адама Гиллера; но вскорѣ зала концертная оказалась слишкомъ мала для числа посѣтителей, стекавшихся въ нее, и тогдашній бургомистръ Лейпцига, Миллеръ, незабвенный въ исторіи этого города, придумалъ выстроить особую залу въ одномъ изъ городскихъ зданій, въ которомъ во время ярмарки складывались суконные товары. Потомъ, вмѣстѣ съ одиннадцатью любителями, онъ основалъ «концертное общество», составилъ постановленіе для руководства концертной дирекціи, а 25 ноября 1781 г. публика уже присутствовала на первомъ концертѣ столь знаменитаго теперь Гевандгауза. (Gewand — одѣяніе, Haus — домъ.)

Во главѣ этого учрежденія находится въ настоящее время дирекція изъ 12 членовъ, коллегіально управляющихъ дѣлами общества «на свой счетъ и страхъ», каждъ оказано въ уставѣ, безъ всякаго денежнаго воз-

Такъ или иначе, но въ декабрѣ, простившись съ лейпцигскою публикой на блестящемъ музыкальномъ вечерѣ, Шуманъ и жена его покидаютъ навсегда городъ, въ которомъ наслаждались они, такъ долго и невозмутимо, выстрадавшими обоими счастьемъ. Что же касается до оставленія Шуманомъ газеты, вступившей, въ апрѣлѣ 1844 года, въ одиннадцатый годъ своего существованія, то причину этого надо искать въ вышеприведенныхъ нами письмахъ Шумана къ Кеферштейну, въ которыхъ онъ говоритъ о желаніи своемъ исключительно предаться чисто-музыкальнымъ занятіямъ.

Въ Дрезденѣ ожидало Шумана трудное время; онъ прохворалъ весь первый годъ своего въ немъ пребыванія.

«Пріѣхавъ въ Дрезденъ, сообщаетъ гвчившій его докторъ Гельбигъ (Helbig), Шуманъ до того углубился въ сочиненіе

награжденія и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно самостоятельно, независимо отъ всѣхъ административныхъ учрежденій города, относясь къ лейпцигскому магистрату какъ наниматель къ собственнику (Гевандгаузъ принадлежитъ городу.) Особенно памяты въ исторіи этого европейски-знаменитаго учрежденія имена музыкальныхъ директоровъ Рохлица (ум. въ 1842 г.), Амадеуса Вендта (ум. въ 1836 г.) и завѣдывавшаго хозяйственною его частію, съ 1779 г. по 26 февраля 1847 года, сенатора и негоціанта Бернгарда Лимбургера, а также имена перваго капельмейстера со дня основанія общества: Адама Гиллера (ум. въ 1804 г.) и предпоследняго Феликса Мендельсона-Бартольди. Въ лицѣ Мендельсона общество сдѣлало неосцбненное приобрѣтеніе. Пянистъ, композиторъ, капельмейстеръ, входящій во всѣ подробности оркестроваго исполненія — Мендельсонъ придалъ необычайный блескъ концертамъ въ Гевандгаузѣ. Преемникъ его Рицъ, воспитанный въ школѣ Мендельсона, продолжалъ управлять ими по преданію, завѣщанному обществу незабвеннымъ его капельмейстеромъ, и только въ нынѣшнемъ году оставилъ свой постъ, получивъ назначеніе придворнаго капельмейстера въ Дрезденѣ.

Зала Гевандгауза построена акустически. Она составляетъ четвероугольникъ съ закругленными оконечностями ея узкихъ сторонъ. Стѣны ея чрезвычайно тонки, и вся она словно резонансовый ящикъ, опущенный въ средину зданія Гевандгауза. Надъ потолкомъ и надъ поломъ ея два пустыя пространства. Кругомъ залы хоры. Оркестръ, состоящій теперь изъ 63 человекъ, стоитъ на возвышеніи противъ главнаго входа. По обѣимъ сторонамъ капельмейстера—сирпки, за ними полукругомъ віолончели и контрбасы; далѣе на нѣкоторомъ возвышеніи деревянные духовыя инструменты и альты, а въ самомъ углубленіи, въ полукруглой нишѣ, мѣдные инструменты и литавры, тоже на возвышеніи. Вслѣдствіе этого мастерскаго размѣщенія голосовъ, капельмейстеру чрезвычайно облегчается трудъ дирижированія, а глав-

музыки къ эпилогу гетевскаго Фауста, что впалъ въ болѣзненное состояніе. Онъ страдалъ безсонницею, сопровождавшеюся особаго рода страхомъ смерти, выразившимся въ отвращеніи его отъ высокимиъ квартиръ и горъ, отъ всякихъ металлическихъ вещей, не исключая ключей, и наконецъ отъ лѣкарствъ, которыя принималъ онъ за отраву.

«Въ каждомъ рецептовѣ, прописанномъ для него, находилъ онъ причину не брать лѣкарства въ немъ означеннаго, такъ что я принужденъ былъ ограничиться предписаніемъ ему обливаній холодною водою, которыя и помогли ему на столько, что онъ могъ снова воротиться къ своимъ, единственнымъ въ то время, музыкальнымъ занятіямъ. Но всякій разъ, предавшись умственному труду, онъ чувствовалъ снова болѣзненные припадки: слабость, дрожаніе и холодъ въ ногахъ, такъ что я принужденъ былъ совѣтывать ему по крайней мѣрѣ разнообразить свой трудъ; я часто имѣлъ случаи встрѣчать подобныя патологическія явленія въ людяхъ, постоянно и исключительно занимающихся однимъ и тѣмъ же дѣломъ. На время Шуманъ дѣйствительно замѣнялъ свои

ное—достигается единство и полнота исполненія. На верху ниши начерчены слова *res severa est verum gaudium*, а надъ ними (со дня смерти Мендельсона) гипсовое изображеніе знаменитаго капельмейстера, вѣшанное въ медальюонѣ. Смыслъ изображенія и словъ тотъ, что залу эту, существующую уже 70 лѣтъ для высокой цѣли, не слѣдуетъ осквернять произведеніями, недостойными истиннаго искусства. Мѣста для слушателей устроены въ длину, а не въ ширину залы, такъ что публика сидитъ профилемъ къ оркестру (что крайне неудобно), и только въ углубленія залы, къ главному входу ея, поставлены скамейки въ pendant къ оркестру полукругомъ. Отъ входа до эстрады оставлено очень небольшое пространство между стульями. Лишнихъ украшеній въ залѣ нѣтъ, стѣны и потолокъ ея выкрашены бѣлою краскою и покрыты легкими золотыми арабесками. Зала освѣщается газомъ. Абониментныхъ концертовъ бываетъ ежегодно двадцать, начиная съ сентябрьской ярмарки до Святой недѣли. Цѣна за входъ самая умѣренная: мѣста для сидѣнія по 1 талеру 25 зильбергрошей, а остальные менѣе талера. Программы концертовъ чрезвычайно разнообразны: въ первой части два-три соло вокальныхъ и инструментальныхъ, кромѣ двухъ увертюръ, а во второй симфонія. Соло исполняются большею частью пріѣзжими артистами, считающимися за особую честь являться на эстрадѣ Гевандгауза. Нечего прибавлять, что желающихъ быть въ этихъ концертахъ всегда болѣе чѣмъ мѣстъ въ залѣ,—такъ безукоризненно исполняются на нихъ гениальнѣйшія оркестровыя произведенія великихъ мастеровъ Германіи.

занятія изученіемъ естественной исторіи, химіи и пр., но не проходило и двухъ дней, какъ онъ снова принимался за музыку.»

Къ этому сообщенію Гельбига, біографъ прибавляетъ, что болѣзненные пароксизмы эти были не столько слѣдствіемъ усиленныхъ музыкальныхъ трудовъ, сколько проявленіями болѣзни мозга, таившейся въ Шуманѣ съ самаго дня его рожденія. Болѣзнь эта вступила въ это время (въ 1844 году), по его мнѣнію, во вторую степень своего развитія. Первое проявленіе ея было въ 1833 году, въ ночь на 17 октября, по полученіи Шуманомъ извѣстія о смерти его свояченицы Розалии.

Такъ или иначе, но состояніе здоровья Шумана, со времени переселенія его въ Дрезденъ, сдѣлалось предметомъ смертельныхъ опасеній и нѣжнѣйшихъ попеченій о немъ Клары. Она обратилась въ няньку для своего Роберта, въ ангела-хранителя, вѣчно бдительнаго, исключительно занятаго малѣйшими подробностями жизни дорогаго ей мужа-поэта.

Только въ ея присутствіи, слушая игру ея, отдыхалъ по временамъ Шуманъ отъ предчувствій, его томившихъ; со звуками голоса и игры ея, влиялось въ душу его такъ нужное ей спокойствіе, и онъ снова бодро принимался за то, что онъ самъ называлъ «высшимъ назначеніемъ своей жизни»:—за музыкальный трудъ. ¹

Творческая дѣятельность его принимаетъ огромные размѣры въ продолженіи всѣхъ послѣдующихъ годовъ, до 1849 года включительно. «Я чрезвычайно много работаю все это время; 1848 годъ былъ однимъ изъ плодороднѣйшихъ годовъ въ моей жизни, какъ будто шумъ бури вгоняетъ человѣка въ самаго себя,» пишетъ онъ Гиллеру, намекая на политическое движеніе, охватившее Германію. «Повторяю тебѣ, что я сильно работаю, пишетъ онъ Гиллеру въ 1849 году, нужно творить, пока еще день (so lang es Tag ist.)

Майское возстаніе 1849 года, въ Дрезденѣ, заставило Шумана покинуть столицу и поселиться въ селеніи Крейшгѣ, недалеко отъ города. Участвовать въ общемъ дѣлѣ онъ не могъ,

---

¹ При этомъ намъ невольно приходятъ на память слова профессора Лабе, коротко знавшаго Шумана: «этотъ удивительный человѣкъ *всегда* сочинялъ, говорилъ онъ намъ. Всегда и вездѣ, какъ бы ни было многочисленно общество, его окружавшее, былъ онъ погруженъ въ музыкальныя глубокія соображенія.»

не будучи въ состояніи выносить никакихъ сильно возбуждающихъ зрѣлищъ. Но сочувствуя, по своимъ искренно-либеральнымъ принципамъ, движенію, охватившему родной край, онъ взялся за перо и написалъ вдохновенные патріотическіе марши, изданные въ свѣтъ, въ томъ же 1849 году (ор. 76).

Къ числу значительнѣйшихъ произведеній, относящихся къ послѣднему періоду усиленной творческой дѣятельности Шумана отъ 1845 до 1849 года, принадлежатъ два тріо, концертъ (ор. 54) для фортепiano, игранный съ такимъ успѣхомъ Кларою въ ея концертахъ, кантата Рюккерта (ор. 71), симфонія (*Es-dur*), писанная имъ въ 1845 году, въ первую пору выздоровленія его отъ тяжкой нервной болѣзни, увертюра къ оперѣ *Геновева*, и наконецъ самая опера.

Увертюра въ *Геновель*, — безукоризненное произведеніе, принадлежащее къ лучшимъ инструментальнымъ твореніямъ Шумана. Что же касается до оперы, то она, несмотря на многія рѣдкія красоты, рѣшительно не имѣла успѣха. Данная въ первый разъ 25 іюня 1850 г., на сценѣ лейпцигскаго театра и повторенная 28 и 30-го того же мѣсяца, она была потомъ совершенно оставлена, и не нашла себѣ дороги ни на одну изъ сценъ нѣмецкихъ театровъ, исключая веймарской, и то уже въ послѣдствіи, благодаря настойчивости Листа, бывшаго въ то время придворнымъ капельмейстеромъ въ Веймарѣ.

Причины такого неуспѣха кроются въ самой сущности либретто, послужившаго ей основой.

Кому, хоть сколько-нибудь знакомому съ поэтическими средневѣковыми преданіями Германіи, неизвѣстна легенда о Св. Геновель? Страданія этой женщины, скитающейся съ ребенкомъ на рукахъ, по дикимъ, пустыннымъ лѣсамъ Тевтоніи, чудеса, поддержавшія безпомощное существованіе оклеветанной женщины, позорно изгнанной изъ собственнаго дворца оскорбленнымъ мужемъ, — все это живетъ въ памяти нѣмецкаго народа, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе въ простомъ, безыскусственномъ, но трогательномъ разказѣ.

На него то обратилъ вниманіе свое Шуманъ, такъ долго и тщетно искавшій себѣ сюжета для оперы. Поэтъ Робертъ Рейникъ взялся составить ему либретто, соединивъ вмѣстѣ два произведенія Тикка и Гебеля, написанныя на ту же тему. Но ознакомившись съ нимъ, Шуманъ остался имъ недоволенъ, измѣнилъ его совершенно и крайне неудачно. «Геновева! но

при этомъ пожалуста не думайте о старой, сентиментальной Геновевѣ, пишетъ Шуманъ Дорну. Теперешняя *драматическая* взята прямо изъ жизни. Основаніемъ либретто послужила трагедія Геббеля.» Но въ этомъ-то и состояла капитальная ошибка Шумана, по мнѣнію его біографа. «Старая, сентиментальная» Геновева исчезла изъ либретто, но съ нею вмѣстѣ исчезло и то сочувствіе, въ которомъ ни одно сколько-нибудь мягкое сердце не могло отказать первобытному трогательному разказу про бѣдствія страдальцы Геновевы. Самое изгнаніе ея, составляющее всю драматическую сущность легенды, отнесено въ четвертый и послѣдній актъ, и въ немъ тотчасъ же и кончается. Страданія молодой женщины, покинутой всѣми, страданія ея ребенка, и наконецъ самый ребенокъ принесены въ жертву новому плану, лишенному правды и естественности.

Что же касается до музыки, продолжаетъ біографъ, то она несравненно выше либретто; въ ней соединилось необыкновенное богатство творческой силы съ глубиною и благородствомъ воззрѣнія на самый сюжетъ. Но несмотря на это, слабья стороны ея, какъ драматической музыки, очевидны, и они вытекаютъ изъ самаго свойства таланта Шумана, лирическаго по преимуществу. Въ пѣсняхъ его, правда, много проблесковъ драматическихъ, въ особенности въ кантатахъ: *Рай и Пери*; но, основавшись на этихъ проблескахъ, сдѣлать заключеніе о присутствіи въ себѣ положительнаго драматическаго дарованія, было ошибкою. И за ошибку эту, прибавимъ мы, пришлось Шуману поплатиться произведеніемъ, на которое потратилъ онъ такъ много усиленныхъ трудовъ, такъ много душевныхъ силъ! А какъ долго дѣлѣялъ въ себѣ Шуманъ мысль заняться сочиненіемъ оперы! Еще въ 1840 году, писалъ онъ Кеерштейну: «Едва ли я сумѣю объяснить вамъ то наслажденіе, которое я испытываю, когда пишу для голоса; все кипитъ и волнуется во мнѣ при этой работѣ. На сколько новыхъ мыслей навелъ меня мой настоящій трудъ! Я уже начинаю подумывать объ оперѣ, за которую конечно тогда только примусь, когда оставлю редакцію газеты.»

Впрочемъ и переѣхавъ въ Дрезденъ, Шуманъ все еще медлилъ приступить къ исполненію своего давно-задуманнаго, задушевнаго плана; но этому причиною было, кромѣ нерѣшимости при выборѣ сюжета, сильное нервное расстройство, въ 1845 году, а потомъ предписанныя ему для поправленія его

здоровья путешествія. Путешествія эти въ Вѣну, Прагу и Берлинъ, были рядомъ триумфа для него и для Клары. Игра ея и сочиненія ея мужа имѣли необыкновенный успѣхъ. Публика и истинные знатоки искусства, встрѣчали и провожали знаменитую музыкальную чету, появляющуюся въ этихъ городахъ, искренними изъявленіями своего къ ней сочувствія. Благоутворно подѣйствовало на Шумана это новое признаніе значенія его въ искусствѣ, на служеніе которому отдавалъ онъ такъ всецѣло всего себя.

По возвращеніи своемъ въ Дрезденъ, послѣ трехмѣсячнаго отдохновенія, Шуманъ пускается въ новый путь, вмѣстѣ съ Klarою, на праздники, устроенные въ честь его въ Цвикау.

Восторженный приемъ цѣлаго народонаселенія ожидалъ его въ городѣ, гдѣ онъ родился, росъ, гдѣ недавно еще кончила дни свои мать его, такъ страшившаяся за ненадежное будущее любимца своего Роберта, гдѣ наконецъ жилъ тотъ «почтеннѣйшій» господинъ Рудель, котораго такъ неотступно преслѣдовалъ вѣчными денежными просьбами вѣтранный студентъ юридическихъ наукъ, теперешній дорогой и почетный гость цвикаускихъ жителей. Концерты, обѣды съ рѣчами и тостами, процессія съ факелами, серенада, устроенная городскимъ капельмейстеромъ докторомъ Кличшемъ, вотъ программа составленная обществомъ города, для выраженія своего сочувствія къ знаменитой четѣ. Напутствуемый рукоплесканіями и искренними благословеніями, покидаетъ Шуманъ своихъ соотечичей, и возвращается съ Klarою, въ концѣ іюля 1847 года, въ Дрезденъ.

1847 и 1848 годы составляютъ важную эпоху въ исторіи творческой дѣятельности Шумана. Кромѣ упомянутой нами оперы, записная книга его наполняется многочисленными музыкальными замѣтками, скипцами и огромнымъ перечнемъ новыхъ твореній, и преимущественно вокальныхъ, вслѣдствіе принятыхъ имъ на себя обязанностей директора двухъ обществъ; общество лидертафель¹ и общество хорового пѣнія. Съ любовью принимается онъ за этотъ двойной трудъ, и увлѣ-

¹ Подобныхъ обществъ (лидертафель) множество въ Германіи, всѣ они собираются ежегодно въ одинъ изъ прирейнскихъ городовъ, гдѣ устраиваются ими колоссальныя праздники, что-то въ родѣ музыкальныхъ турнировъ. Цѣль этихъ обществъ распространеніе въ народѣ вкуса къ музыкѣ и къ нѣмецкимъ пѣснямъ *Lieder*, въ особенности.

кается имъ до того, что даже забываетъ на время врожденное ему отвращеніе отъ частыхъ столкновеній съ людьми.

«Увѣренность въ свои силы увеличивается тѣмъ болѣе человѣкъ трудится. Я это ясно вижу, пишетъ онъ Гиллеру, испытываю теперь это на себѣ. Здоровье мое далеко еще не хорошо, но и не такъ худо, какъ рисовало мнѣ его прежде болѣзненное мое воображеніе.»

«Дирижированіе обществомъ пѣвцовъ (лидертафель) разубѣдило меня въ казавшейся мнѣ неспособности моей управлять музыкальными массами, пишетъ онъ, въ другомъ письмѣ къ тому же Гиллеру. Много радости приноситъ мнѣ возможность слышать въ обществѣ хороваго пѣнія ту именно музыку, которой я наиболѣе сочувствую.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ознакомившись ближе съ свойствами голосовъ, Шуманъ замѣтнымъ образомъ измѣняетъ свою прежнюю манеру писать вокальныя партіи, въ которыхъ встрѣчались нерѣдко страшныя трудности для пѣвцовъ, вслѣдствіе малой его опытности въ дѣлѣ вокализаций.

Баллады, пѣсни, кантаты для одного и двухъ хоровъ слѣдуютъ быстро одна за другими; къ нимъ присоединяются скоро произведенія духовнаго содержанія, мотетты, реквиемы, и наконецъ, въ видѣ опыта, особый родъ сочиненій: декламация съ аккомпаниментомъ фортепіано¹. Послѣдній еще не получилъ степени гражданства въ области искусства; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, займетъ со временемъ почетное въ ней мѣсто.

Съ невольнымъ недоумѣніемъ останавливаемся мы на его пѣсняхъ религіознаго содержанія. Чтѣ побудило Шумана, принадлежавшаго къ числу такъ-называемыхъ свободно-мыслящихъ людей, предаться вдругъ тому роду поэзій, которому онъ былъ до сихъ поръ такъ совершенно чуждъ? Какъ могъ онъ, утверждавшій, по словамъ его біографа, что человѣкъ изучившій Гёте и Шекспира, и принявшій въ себя вдохновеннѣйшую изъ книгъ, Библию, узналъ уже все, что ему нужно знать, какъ могъ онъ остановиться на пѣсняхъ духовнаго содержанія Рюккерта?

Конечно, всякое толкованіе подобной перемѣны въ направленіи человѣка, будетъ произвольно и болѣе тѣмъ неудовле-

¹ Такихъ произведеній у Шумана три: *Баллада Шлегеля*, *Красавица Гедена* Геббеля и *Баллада* того же поэта.

творительно, но тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть нѣкоторой связи между переходомъ Шумана, изъ области рациональнаго мышленія къ религіознымъ убѣжденіямъ, и тѣмъ болѣзненнымъ его состояніемъ, о которомъ мы привели выше обстоятельный отчетъ доктора Гельбига.

«Стремленіе употребить творческія силы свои на духовную музыку, должно быть высшею цѣлью для художника. Въ молодости всѣ мы слишкомъ привязаны къ землѣ, ко всѣмъ страданіямъ и радостямъ ея, но вѣдь чѣмъ долѣе растетъ дерево, тѣмъ болѣе стремится къ небу его вѣтви. Я надѣюсь, что время это не далеко отъ меня!» пишетъ Шуманъ къ своему другу Штракерьяну.

Это было писано въ 1851 году, а въ 1852 піэтизмъ его начинаетъ уже принимать видъ какого-то страшнаго мистицизма. Къ страху смерти присоединяется въ немъ сокрушеніе о своихъ грѣхахъ, мысль объ ожидающемъ его возмездіи за нихъ...

И въ самыхъ пѣсняхъ его (и все на слова Рюккерта) сказывается не спокойное чувство человѣка религіозно убѣжденнаго, а скорѣе стремленіе испытать это чувство, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигъ того просвѣтленія духа, котораго такъ жаждало все существо его, мучимое мрачными предчувствіями и фантастическими представленіями...

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ послѣднему трагическому періоду его жизни, скажемъ нѣсколько словъ о двухъ его произведеніяхъ, интересныхъ во многихъ отношеніяхъ. Произведенія эти: симфонія (ор. 120) и музыка къ *Манфреду* Байрона.

Симфонія, написанная еще въ 1841 году, но только въ 1852 вполнѣ оконченная и вновь инструментованная, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ гениальныхъ произведеній, которыя, при всей оригинальности, при всей глубинѣ своего содержанія, дѣйствуютъ сразу магнетически на массу, и съ перваго же появленія своего на концертной афишѣ, дѣлаются любимыми піесами публики.

Несмотря на меланхолическій колоритъ, преобладающій въ этой симфоніи, она родная сестра первой его симфоніи, въ которой, какъ мы уже разъ сказали, такъ ярко отразилось безоблачное, голубое небо счастливѣйшей эпохи въ жизни Шумана: первыхъ годовъ его супружества.

Уже съ первыхъ звуковъ симфоніи чувствуется разказъ про ка-

кой-то волшебный край, куда поведетъ васъ за собой поэтъ-разказчикъ. Звуки растутъ, гармоніи усложняются — волнообразное движеніе ритма усиливается, словно изъ тумана вырѣзывается все яснѣе и яснѣе очаровательный ландшафтъ, и вотъ мы наконецъ въ обѣщанномъ намъ волшебномъ краѣ, гдѣ все необыкновенно: и цвѣты, и деревья, и небо, и звуки, и краски... Душа переполняется невыразимыми ощущеніями, невольныя слезы восторга подступаютъ къ глазамъ, а разказъ между тѣмъ идетъ все впередъ и впередъ, картины одна другой роскошнѣе появляются и исчезаютъ; передъ внутренними очами вашими мелькаютъ чудныя видѣнія, милые образы, воздушные, стройные. Огненный финалъ, весь страсть и сила, завершаетъ волшебный разказъ, и торжественный, солнечный *D-dur*-ный аккордъ возвращаетъ васъ къ дѣйствительности...¹

Тяжело приступить намъ сейчасъ же, послѣ описанія этой симфоніи, звуки которой еще раздаются въ ушахъ нашихъ, ко второму произведенію Шумана; трудно знакомить васъ съ характеристикой его, когда душа полна свѣтлыхъ мечтаній, навѣянныхъ на нее звуками и образами, только что прочтенной поэмы; трудно разстаться съ ними для иныхъ звуковъ, звуковъ безпредѣльной тоски и скорби, для иныхъ образовъ, для мрачнаго образа страдальца Манфреда.

Всмотрись въ меня, когда я на яву,
 Когда во снѣ! Мое уединенье
 Населено толпой несмѣтныхъ фурій;
 Я скрежещу зубами въ мракѣ ночи,
 Клянуп себя, дождавшись дня; какъ блага,
 Просилъ безумства я, но тщетно; смерти
 Искалъ вездѣ, но отъ меня бѣжали
 Огонь и воды, и въ борьбѣ стихій
 Я невредимъ былъ: хладною рукой
 Безжалостный меня какой-то демонъ
 Удерживалъ за волосъ лишь одинъ —
 И волосъ сей не могъ порваться...¹

Весь Манфредъ въ этихъ словахъ, и въ словахъ являющейся ему «въ радугѣ водопада» лучезарной, свѣтлой дѣвы Альповъ:

¹ Симфонія эта аранжирована для фортепіано въ четыре руки, самимъ авторомъ.

² *Манфредъ*. Явл. III. Переводъ М. Вронченко.

..... Мыслями глубокой,
 Въ дѣлахъ ты злыхъ и добрыхъ неумѣренъ,
 И гибеленъ въ страданьяхъ роковыхъ ¹.

Исключительно трудную задачу передать въ звукахъ исторію этого глубоко-страдавшаго духа, изнемогшаго наконецъ подъ бременемъ неразрѣшимыхъ вопросовъ, этой сильной, гордой души, такъ страстно и такъ тщетно жаждавшей «покоя и забвенія» рѣшилъ Шуманъ съ успѣхомъ, возможнымъ только для истинно-художнической, гениальной природы, какова была его.

Но кто знаетъ какимъ путемъ, быть-можетъ никому непонятныхъ, страданій, дошелъ Шуманъ до мрачнаго образа Манфреда, и сколько глубокихъ тайнъ души своей передалъ онъ міру въ чудныхъ страницахъ трагической музыкальной своей поэмы? Вотъ его собственныя слова объ этомъ произведеніи:

«Никогда не работалъ еще съ такою любовью, не на одинъ трудъ не потратилъ я столько душевныхъ силъ моихъ, какъ на Манфреда,» выразился онъ разъ. ²

Переделанное неизвѣстно кѣмъ для сценическаго представленія, произведеніе это состоитъ изъ увертюры и изъ пятнадцати частій мелодраматическихъ, частію чисто-музыкальных партій. Сказавъ, какую задучу рѣшилъ Шуманъ въ этомъ произведеніи, мы представили этимъ самымъ и характеристику его. Все оно исполнено глубокаго драматизма, ужасающей правды, почти болѣзненно дѣйствующей на душу, только изрѣдка, въ немногіе моменты трагедіи, отдыхающей отъ сильныхъ ощущеній.

И теперь, ознакомившись съ сущностію еще двухъ капитальныхъ и гениальнѣйшихъ твореній Шумана, и припомнивъ цѣлый рядъ прежде уже упомянутыхъ нами разнообразныхъ его произведеній, спрашиваемъ, какъ можетъ до сихъ поръ существовать какое-либо сомнѣніе въ огромномъ значеніи Шумана въ исторіи области искусства, не говоря уже о заслугахъ его въ музыкальной критикѣ? А тѣмъ не менѣе оно существуетъ и существуетъ еще въ самой Германіи, гдѣ многими и очень

¹ Тамъ же.

² Біографъ его рассказываетъ, что Шуманъ, читая разъ вслухъ при одномъ изъ своихъ друзей байроновскаго Манфреда, вдругъ остановился и слезы градомъ хлынули изъ его глазъ. Стр. 248.

многими современными эстетиками и такъ-называемыми знатоками оспаривается у Шумана право на титулъ передоваго музыкальнаго дѣателя, гдѣ до сихъ поръ еще имя его, приобретающее все болѣе и болѣе популярности въ образованнѣйшихъ слояхъ нѣмецкаго общества, произносится иными (тѣми же знатоками) съ тою неопредѣленною полуулыбкой, за которую часто прячется столько же тупости и односторонности, сколько и мелкой зависти и безсильной злобы... не возмутительно ли, напримеръ, получать изъ страны, гдѣ дѣйствовали такія личности: какъ Глюкъ, Керубини, Шопенъ, и теперь еще дѣйствуютъ Россини, Листъ, Берлиозъ, и др., отзывы, подобные слѣдующимъ :

«Я не понимаю симфоніи Шумана съ ея запутаннымъ и неопредѣленнымъ стилемъ, съ ея тусклою инструментациею, мѣтящею на глубину. Мнѣ кажется, что Германія напрасно старается доставить въ западной Европѣ репутацію этому несносному симфонисту, котораго слава Мендельсона свела съ ума. Струнный квартетъ его не примирилъ меня съ музыкой этого большого мозга—гармоніи его ужасны!»

И далѣе:

«Парижское общество съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сближается съ великою инструментальною музыкой, знакомится съ нею въ произведеніяхъ Бетговена, Моцарта, Генделя, Вебера, Шуберта, Феска (?), Боччерини (?), у *contris le grimoire de Schumann* —не исключая и *чепухи* Шумана.»

Что прибавить къ словамъ этой статьи, подписанной именемъ современнаго французскаго критика, пользующагося громкою репутаціею въ Парижѣ? Слова г. Скудо говорятъ сами за себя, отвѣчать на нихъ можно только полуулыбкой.

Въ слѣдующемъ письмѣ мы послѣдуемъ за Шуманомъ на Рейнъ, куда онъ переселяется въ 1850 году, принявъ на себя званіе городского музикадиректора въ Дюссельдорфѣ.

VI.

Долго колебался Шуманъ принять или не принять мѣсто дюссельдорфскаго капельмейстера, предложенное ему музыкальнымъ концертнымъ обществомъ города, черезъ Фердинанда

¹ *Revue des deux Mondes*. 1860 Juillet pp. 758, 760, 763, 767.

Гиллера, покидавшего этотъ постъ для другаго подобнаго же въ Кельнѣ.

Болѣе всего останавливало его нежеланіе оставить Саксонію, потому страхъ новыхъ отношеній къ неизвѣстнымъ ему людямъ и наконецъ надежда получить мѣсто втораго придворнаго капельмейстера въ Дрезденѣ. Цѣлые девять мѣсяцевъ продолжалась у него переписка объ этомъ съ Гиллеромъ, которому онъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, говоритъ между прочимъ: «Вотъ еще обстоятельство: роаясь недавно въ старой географіи я нашелъ въ ней, въ числѣ достопримѣчательностей Дюссельдорфа, три женскихъ монастыря и домъ для умалишенныхъ. Первое до меня не касается, но о послѣднемъ было мнѣ очень непріятно узнать. Я тебѣ сейчасъ скажу почему: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, жили мы въ Максентѣ не далеко отъ Дрездена, и тамъ сдѣлалъ я разъ открытіе: въ окрестности, къ которой были обращены окна моей квартиры, находился Зонненштейнъ¹. Видъ этотъ до того наконецъ сдѣлался мнѣ не выносимъ, что и самая жизнь въ Максентѣ показалась мнѣ отвратительною. Ну что если и въ Дюссельдорфѣ ожидать меня тоже! А впрочемъ, быть-можетъ свѣдѣнія, вычитанныя мною въ географіи, невѣрны, и домъ, о которомъ она говоритъ, не болѣе какъ городская лѣчебница. Мнѣ надобно избѣгать всякихъ меланхолическихъ впечатлѣній. Для насъ, музыкантовъ, живущихъ часто на солнечныхъ высотахъ, видъ грустной, несчастной дѣйствительности особенно тяжелъ, когда она является намъ во всей своей наготѣ. По крайней мѣрѣ, таково ея дѣйствіе на мое живое воображеніе. Также дѣйствовала она и на Гёте (*sans comparaison*).»

Надежды его получить мѣсто въ Дрезденѣ не сбылись, и онъ рѣшается на предложеніе Гиллера.

2 сентября 1850 года, дѣлають ему и женѣ его торжественный пріемъ въ Дюссельдорфѣ, вполне выражавшій собою, какимъ радостнымъ событіемъ было для города пріобрѣтеніе знаменитой четы. 24 октября вступаетъ Шуманъ въ свою должность и дирижируетъ первымъ абониментнымъ концертомъ сезона. Къ числу обязанностей его, кромѣ управления концертами, принадлежали также еженедѣльные занятія въ «обществѣ пѣнія» (*Singverein*) и дирижированіе въ извѣстные дни въ году.

¹ Домъ умалишенныхъ близъ Пирна.

музыкальными исполненіями при богослуженіи въ католической церкви. «Я очень доволенъ и настоящимъ моимъ положеніемъ и теперешними трудами моими, пишетъ Шуманъ доктору Кличшу въ Цвикау, физическія силы мои отъ нихъ не страдаютъ».

И дѣйствительно, кромѣ своей официальной дѣятельности, Шуманъ находитъ время и возможность постоянно и много работать въ тиши своего кабинета. Онъ пишетъ симфонію (четвертую въ *Es-dur*), въ которой мастерски сливаются отголоски народныхъ рейнскихъ мотивовъ съ торжественными звуками пышной католической процессіи, оканчиваетъ очаровательную идиллію для соло, хора и оркестра на стихотвореніе молодого поэта Горна: *Путешествіе Розы*, потомъ балладу: *Царскій сынъ*, и множество другихъ вокальныхъ и инструментальныхъ произведеній и въ числѣ ихъ *Requiem* съ латинскими словами.

Но скоро, не далѣе какъ въ 1852 году, силы его начинаютъ снова упадать, а вслѣдъ за этимъ возвращаются къ нему и припадки 1844 года. Въ слѣдующемъ году, послѣ временнаго облегченія, они не только усиливаются, но къ нимъ присоединяются и новые, угрожающаго свойства.

Жизнь бѣднаго музыканта дѣлается наконецъ нестерпимой. Осаждаемый призраками, мучимый безотчетнымъ страхомъ, онъ проводитъ страдальческіе дни и безсонныя ночи. Самый слухъ начинаетъ ему измѣняться; по цѣлымъ днямъ звучитъ неотвязно въ ушахъ его то одна, то другая нота, и онъ уже не въ состояніи наслаждаться тѣмъ, что составляло до тѣхъ поръ все блаженство, всю цѣль его жизни. Появившаяся въ то время общая эпидемическая страсть къ столоверченію, дѣйствуетъ на разстроенное его воображеніе съ ужасною силой.

«Вчера вертели мы въ первый разъ столъ, пишетъ онъ 25 апрѣля 1853 года Гиллеру: чудная сила! Подумай только: я спросилъ его, какой настоящій ритмъ первыхъ двухъ тактъ беттовенской симфоніи (*C-moll*). Не вдругъ отвѣчалъ онъ, потомъ началъ, но тихо. Когда же я ему сказалъ, что темпъ долженъ быть скорѣе, то онъ сейчасъ же ускорилъ его. Потомъ спросилъ я его, какое задумалъ я число—и онъ отвѣчалъ: три.»

И далѣе: «мы продолжаемъ магнетическія наши испытанія, и, право, словно окружены чудесами.»

Цѣлые дни проводитъ онъ въ этихъ испытаніяхъ, разговаривая со столомъ, какъ съ живымъ существомъ. «Войдя разъ

къ нему послѣ обѣда въ комнату, разказываетъ его биографъ, засталъ я его лежащимъ на диванѣ, съ книгою въ рукахъ. На вопросъ мой, что онъ читаетъ, сказалъ онъ какъ-то особенно громко и торжественно: «да развѣ вы ничего не знаете о вертящихся столахъ?»—Какже, знаю, отвѣчалъ я, улыбувшись. Тутъ глаза его, обыкновенно полузакрытые, вдругъ страшно раскрылись «столы знаютъ все!» проговорилъ онъ таинственнымъ, не своимъ голосомъ. Потомъ привелъ въ комнату вторую дочь свою и началъ съ нею вертѣть столъ, заставляя его бить тактъ бетговенской симфоніи. Вся эта сцена произвела на меня грустное, тяжелое впечатлѣніе.»

Между тѣмъ все болѣе и болѣе разстраивающееся здоровье Шумана, заставило его наконецъ рѣшиться отказаться отъ своего капельмейстерскаго званія.

27 октября прощается онъ въ первомъ абонементномъ концертѣ 1853 года, съ музыкальнымъ обществомъ, которымъ управлялъ онъ съ такимъ успѣхомъ около трехъ лѣтъ, и вскорѣ вслѣдъ за этимъ (въ концѣ ноября) ѣдетъ съ Кларою въ Голландію, гдѣ ожидали его новыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдніе уже въ его жизни, триумфы.

Вотъ что говорятъ о нихъ музыкальная газета *Сималы*, издающаяся въ Лейпцигѣ: «знаменитую чету принимаютъ съ восторгомъ въ Голландіи. Недавно, въ Утрехтѣ вызывали Шумана нѣсколько разъ сряду и осыпали цвѣтами. Музыку его слушали въ Амстердамѣ съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ, а Клара играла такъ какъ никогда.»¹

Съ своей стороны и Шуманъ, оживленный восторженными приемами въ Голландіи, пишетъ оттуда Штракерьяну:

«Во всѣхъ городахъ Голландіи видимъ мы съ Кларою сочувствіе къ себѣ. Но особенно поразило и обрадовало меня то, что музыка моя прилежно здѣсь изучается и понимается чуть ли не лучше чѣмъ въ самой Германіи. Труднѣйшія мои сочиненія (2 и 3 симфоніи) были приготовлены къ моему приѣзду; я ими самъ дирижировалъ, а также и идиллію моею *Путешествіе Розы*, исполненною въ Гагѣ.»

Вернувшись въ Дюссельдорфъ, чувствуетъ онъ себя на столько лучше, что принимается за обширный литературный трудъ

¹ №№ 51 и 52. *Signale für die Musikalische Welt*. IIr Jahrgang.

подъ названіемъ *Садъ поэтовъ* (Dichtergarten). Трудъ этотъ былъ любимомъ его мечтой съ давнихъ поръ. Въ немъ предполагалъ онъ соединить все, что когда-либо было сказано замѣчательнаго о музыкѣ въ произведеніяхъ писателей прежняго и новаго времени, въ особенности же въ твореніяхъ Шекспира и Ж. П. Рихтера.

Къ этому вознамѣрился онъ теперь присоединить еще изысканія свои въ Библии и въ древнихъ греческихъ и латинскихъ классикахъ ¹.

Но не суждено было ему привести въ исполненіе свой планъ. Послѣ усиленныхъ занятій и глубокаго уединенія, въ продолженіе января и февраля 1854 года, онъ почувствовалъ вдругъ, что болѣзнь его, на время притаившаяся, снова стала имъ овладѣвать; трудъ сдѣлался ему невозможенъ.

Но прежде, чѣмъ приступимъ мы къ тяжелому разказу о борьбѣ, выдержанной великимъ музыкантомъ,—борьбѣ съ непреодолимою силой, сокрушившею эту чудно-поэтическую личность, представимъ портретъ его и припомнимъ еще нѣсколько типическихъ чертъ его характера.

Шуманъ былъ средняго, почти большаго роста и довольно полонъ. Привычка держаться прямо придавала всей фигурѣ его много благородства, спокойствія и достоинства; походка его была медленна, онъ ступалъ тихо и осторожно и большею частію, заложивши руки за спину или же задумчиво водя одною изъ нихъ по волосамъ или по подбородку. Глаза его, опущенные внизъ, были почти всегда полузакрыты и оживлялись только въ рѣдкія минуты; но тогда дѣйствовали они магнетически, обаятельно на окружавшихъ. Лицо его, пріятное и добродушное, не только не было красиво, но и не носило даже печати какой-либо сильной мысли, какой-нибудь особенности. Губы тонко очерченнаго рта его, выдаваясь немного впередъ, сложены были такъ, какъ будто бы постоянно собирались свистать. Надъ тупымъ носомъ

---

¹ Одновременно съ этимъ трудомъ чрезвычайно занимало его собраніе всѣхъ его музыкальныхъ статей, замѣтокъ и рецензій, частію появившихся уже въ его газетѣ, частію неизвѣстныхъ еще публикѣ. Собраніе это появилось въ Лейпцигѣ въ 1854 году подъ именемъ: *Gesammelte Schriften über Musik und Musiker*, von R. Schumann.

возвышался большой, красивый лобъ, осыненный густою мас- сой довольно длинныхъ темнокаштановыхъ волосъ.

Объ обращеніи его съ людьми мы уже говорили; оно было необыкновенно просто, и только при столкновеніяхъ своихъ съ незнакомыми или почему-либо не нравившимся ему лицами, принималъ онъ нерѣдко видъ отталкивающей холодности. Но говорилъ онъ вообще мало, отрывисто и неопредѣленно, будто про себя, и притомъ чрезвычайно тихо, почти беззвучнымъ голосомъ. Потому-то, по молчаливости его никогда нельзя было судить о степени симпатіи или антипатіи его къ тому или другому лицу. Сверхъ того, кромѣ молчаливости, скрытность составляла отличительную черту его характера съ самой ранней поры его жизни. Глубокой и сосредоточенный въ своихъ привязанностяхъ, онъ легко возмущался непроще- ною дружескою привязанностію и навязчивостію; всякая фамильярность сердила его несказанно, въ особенности же когда ее позволяли себѣ въ отношеніи къ нему люди, заподозрѣнные имъ въ лицемеріи, двоедушіи, недоброежелательствѣ или под- лости. Прямой и благородной натурѣ его были неизвѣстны эти темныя стороны души человѣческой, и потому-то при всей своей гуманности и терпимости дѣлался онъ неумоли- мымъ, грознымъ ихъ обличителемъ, не стѣсняясь ни лицомъ, ни временемъ, ни послѣдствіями своей откровенности.

При отправленіи обязанностей своихъ, будучи добросовѣ- стень и строгъ къ самому себѣ, требовалъ онъ и отъ дру- гихъ того же, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда удерживался отъ вспышекъ, дѣлая, напримѣръ, замѣчанія лицамъ, подчиненнымъ ему какъ капельмейстеру; хотя, какъ человѣкъ крайне нервный, легко раздражался и нерѣдко бывалъ капризенъ. Долго сердиться онъ не могъ и вообще спѣшилъ всегда прекратить всякое недоразумѣніе между собою и лицомъ, почему-либо обиженнымъ имъ. Въ отношеніи къ артистамъ и музыкаль- нымъ критикамъ былъ онъ рѣдкимъ образцомъ деликатности, благородства и предупредительности; это тѣмъ важнѣе, что не всѣ замѣчательные люди бываютъ таковы, потому ли, что мало работали надъ собою, сосредоточивъ все свое вниманіе на исключительную способность свою, или потому, что вообще человѣкъ, поставленный судьбою на высокой пьедесталъ, слиш- комъ скоро привыкаетъ къ поклоненіямъ, и ослѣпленный ими, забываетъ многое изъ того, чего *человѣкъ*, ein ganzer Mensch, по выраженію Шумана, никогда не *долженъ забывать*.

Много толковали, и до сихъ поръ толкуютъ, о соперничествѣ между Мендельсономъ и Шуманомъ. Враги послѣдняго, или лучше сказать, приверженцы Мендельсона постоянно кидали *шуманіанерамъ* въ лицо обвиненіе, что глава ихъ Шуманъ—только подражатель Мендельсону, и вмѣстѣ съ тѣмъ мучается страшнымъ чувствомъ зависти къ ихъ патрону. Первый пунктъ обвиненія уничтожается самъ собою даже при поверхностномъ взглядѣ на произведенія Шумана. Направленіе и сущность ихъ не имѣютъ ничего общаго съ направлениемъ и сущностію Мендельсоновской музыки. Мендельсонъ шелъ по стопамъ Моцарта, а Шуманъ по слѣдамъ Бетговена; Мендельсонъ былъ такъ-называемый классикъ, Шуманъ—романтикъ.

На второй пунктъ обвиненія отвѣчать еще легче, не входя даже въ разсмотрѣніе вопроса, возможно ли было чувство мелкой зависти въ такой гордой и благородной натурѣ, какова была натура Шумана, къ тому же вполне сознававшая свою силу. Отвѣтъ на это обвиненіе—цѣлый рядъ статей въ *Новой Музыкальной Лѣтописи*, въ которыхъ съ такимъ неподдѣльнымъ восторгомъ говоритъ Шуманъ о творческой дѣятельности Мендельсона, и наконецъ слѣдующія строки изъ частной корреспонденціи Шумана съ его невѣсткою Терезою: «Мендельсонъ, тотъ, на котораго я взираю, какъ на высокое зданіе...» и далѣе: «кажется не проходитъ и дня, чтобы въ головѣ Мендельсона не родилось по крайней мѣрѣ двухъ мыслей, достойныхъ того, чтобы быть сейчасъ же закованными въ золото.»

Съ искреннею радостію, съ сердечною теплотой, привѣтствовалось критикомъ-Шуманомъ все великое, знаменитое и талантливое въ области искусства, въ особенности, если онъ находилъ въ немъ родственные ему элементы. И произведеніямъ *многомного* искусства не отказывалъ онъ въ искреннемъ участіи, хотя и былъ по своему направленію и образу мыслей *сполна германскою* натурой. Только новѣйшая драматическая музыка Франціи и Италіи находила въ немъ энергическаго и неутомимаго порицателя. Имя Мейербера напримѣръ было однимъ изъ самыхъ неприятныхъ для него именъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни охладѣлъ онъ значительно къ Моцарту и къ Гайдну, и біографъ его видитъ въ этомъ признакъ его болѣзненности. Намъ же кажется, что охлажденіе это въ Шуманѣ, никогда не стѣснявшемся авторитетами, было неминуемымъ и логическимъ послѣдствіемъ вполне уже сложившагося и окрѣпнуващаго въ немъ новаго воззрѣнія на

искусство и на то, что можно и чего должно отъ него ожидать и требовать. Но охладѣвъ къ Моцарту и къ Гайдну, оставался онъ до конца дней колѣно преклоненнымъ передъ исполиномъ Бахомъ и передъ мессіей искусства, какъ онъ называлъ Бетговена.

Наконецъ, когда отъ Шумана, музыканта и общественнаго дѣятеля, мы переходимъ къ Шуману-семьянину, со dna души нашей поднимается глубокое чувство симпатіи къ нему, искреннему поэту въ жизни, гуманному и преданному другу семьи своей.

Окруженный дѣтьми, Шуманъ казался не патриархомъ между ними — эта роль была не по немъ, — а старшимъ изъ нихъ, готовымъ дѣлать съ ними ихъ дѣтскія еще скорби и радости. Сосредоточенный, молчаливый Шуманъ понималъ ихъ (вспомнимъ его «дѣтскія сцены»), и дѣти понимали его. Но заниматься съ ними онъ не могъ, не обладая даромъ передавать свои мысли, о чемъ мы ужъ не разъ говорили. Привязанность же его къ нимъ выказывалась во всемъ, и всегда какъ-то особенно, оригинально... Гуляя, напримѣръ, и встрѣчаясь на улицѣ съ молодою своею компаніей, вѣчно-задумчивый Шуманъ улыбался, прищуривъ немного глаза, потомъ смотрѣлъ на нихъ нѣсколько минутъ въ лорнетку, и ласково проговоривъ имъ: «ну вотъ вы, мои маленькіе», или что-нибудь подобное—шелъ далѣе, и лицо его, сейчасъ только ясное и довольное, снова принимало озабоченное выраженіе, погруженнаго въ глубокія думы, человѣка ¹.

Говорить ли намъ о любви его къ Кларѣ, къ этому «чудному, свѣтлому, тихому созданію»? Что скажемъ мы о ней новаго? Ознакомивъ васъ съ жизнію Шумана, мы познакомили васъ и съ нею. Отъ первой до послѣдней страницы ея, начиная съ 1836 года, имя Клары постоянно около имени мужа ея... Любить такъ, какъ любили другъ друга эти два поэтическія существа, могутъ только избранныя натуры. Такъ слиться въ одно нераздѣльное и удивительное цѣлое могутъ только двѣ вполне родственныя части такой души, о которой разказываетъ чудную исторію Данте.

Болезнь, заставшая Шумана посреди его трудовъ, скоро овладѣла имъ совершенно. Началась она какъ и прежде въ 1844

¹ Шумана семейство состояло изъ восьми человѣкъ дѣтей, — одного изъ нихъ онъ лишился, а остальные всѣ живы и находятся теперь при матери.

году. То одна, то другая неотвязчивая нота звучала постоянно въ его ухахъ, потомъ стали ему слышаться цѣлыя гармоніи, наконецъ и цѣлыя произведенія. Къ нимъ присоединились таинственные голоса, то жалобные, то угрожающіе, преслѣдовавшіе бѣднаго музыканта.

Разъ ночью вскочилъ онъ съ постели и потребовалъ огня и нотной бумаги, чтобы записать мелодію, присланную ему съ того свѣта Шубертомъ и Мендельсономъ. Ни убѣжденія, ни мольбы Клары не помогли, — болѣзненная мелодія была записана, и къ ней вскорѣ придѣланы пять варіацій для фортепіано. Иногда вдругъ хотѣлъ онъ, чтобы его отвезли въ лѣчебницу, говоря, что ему дома помочь нельзя; и въ одно утро онъ потребовалъ даже карету, одѣлся, привелъ въ порядокъ свои бумаги и сочиненія и хотѣлъ было уже совсѣмъ ѣхать, но остался, удерживаемый чувствомъ какого-то страха покинуть свой кровъ. Впрочемъ, въ то время онъ еще еознавалъ свое положеніе и просилъ близкихъ своихъ удалиться, когда приближалось къ нему время пароксизма. Всѣ усилія, всѣ энергическія средства употреблялись Кларою, чтобы облегчить ему страданія, но все было напрасно. Терзаемый угрожающими гелосами, преслѣдуемый страшными видѣніями, Шуманъ мучился несказанно и съ отчаяніемъ твердилъ безпрестанно, что онъ лютый грѣшникъ, не стѣящій ни уваженія людей, ни любви «тихаго, свѣтлаго своего ангела», Клары.

Такъ продолжалось четырнадцать сутокъ, въ теченіи которыхъ Клара ни на минуту не покидала несчастнаго страдальца, пока наконецъ ужасная катастрофа не принудила ее разстаться съ нимъ.

Катастрофа эта случилась въ понедѣльникъ 27 февраля 1854. Къ Шуману пришли утромъ докторъ Газенклеверъ и артистъ Альбертъ Дитрихъ. Посидѣвъ немного съ ними, онъ вышелъ тихо изъ комнаты. Черезъ нѣсколько времени, не видя его возвращенія, Клара, оставивъ гостей, вышла въ свою очередь, чтобы узнать гдѣ онъ, но вскорѣ возвратилась въ страшномъ испугѣ и объявила, что больной исчезъ изъ дому... Гости кинулись на улицу, но тамъ его не было, и никто изъ сосѣдей не видалъ, куда и какъ онъ пошелъ. Послѣ долгихъ поисковъ нашли его наконецъ лежащимъ на берегу рѣки, безъ шляпы и полураздѣтымъ, а кругомъ его цѣлую толпу людей...

Несчастный, не будучи уже въ силахъ побѣдить томившій его безотчетный страхъ, рѣшился прекратить свои страданія

разомъ и кинулся съ моста въ Рейнъ. Подосѣвшіе лодочники вытащили его изъ волнъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ захлебнуться.

«Зачѣмъ вытащили вы меня? спрашивалъ онъ съ отчаяніемъ, слясъ вырваться изъ лодки и снова кинуться въ рѣку: «пустите, пустите меня», умолялъ онъ съ трудомъ удерживавшихъ его людей, пока тѣ везли его къ берегу. Обезсиленнаго принесли его на рукахъ домой, а черезъ шесть мучительныхъ дней, въ которыя Клара едва сама не лишилась разсудка отъ отчаянія и ужаса, онъ покидаетъ навсегда (утромъ 4 марта) и Дюссельдорфъ и семью свою.

Его перевезли въ Энденихъ близъ Бонна, въ частное заведеніе для умалишенныхъ, доктора Ришарца.

VII.

Помните ли вы картину Мамонова: «Гоголь, сожигающій свои сочиненія»? Понинувъ головою, стоитъ позади великаго художника гений его, а въ дверяхъ показался уже ангелъ смерти. Еще минута—и вѣстникъ вѣчнаго покоя коснется крыломъ своимъ усталой головы поэта, и душа его, отдѣлившись отъ тѣла, улетитъ навѣки въ далекія, невѣдомыя страны...

Представьте себѣ теперь другаго великаго художника. Погруженный въ свой таинственный, призрачный міръ, сидитъ онъ дни и ночи, забывъ о снѣ и пищѣ, — большое воображеніе рисуетъ ему туманныя картины, въ которыхъ все какъ-то чудно слилось и перемѣшалось: возможное съ невозможнымъ, прошедшее съ будущимъ, разсвѣтъ съ сумерками... На блѣдномъ, похудѣломъ лицѣ его слѣды глубочайшихъ страданій; въ глазахъ едва теплятся и догораютъ послѣднія искры жизни.

У окна письменный столъ, — на немъ все въ порядкѣ, и книги и бумаги, онъ видно давно уже не тронуты были ничѣмъ рукой. Далѣе: закрытый рояль и близъ него стройный, почти стирающійся на темномъ фонѣ комнаты, водушный образъ женщины. Взоръ ея, прощальный и скорбный, остановился на умирающемъ поэтѣ. Но онъ не видитъ, не замѣчаетъ ея, онъ все забылъ, забылъ и ее, свою музу, «напѣвшую ему такіа удивительныя пѣсни въ таинственныя лунныя ночи», забылъ и Клару, «своего тихаго, свѣтлаго ангела»; онъ затихъ, какъ бы уже вступивъ въ преддверіе новой жизни, гдѣ все покой и миръ.

Такъ рисуется въ нашемъ воображеніи Шуманъ въ послѣдніе дни своего одинокаго заключенія, когда безсознательный страхъ уже покинулъ его, а съ нимъ вмѣстѣ удалились страшные образы и замерли голоса, такъ мучительно его преслѣвавшіе.

Прошло уже два года слишкомъ съ того времени, какъ онъ разстался съ Дюссельдорфомъ и съ своею семьей.

Клара должна была покориться волѣ докторовъ, рѣшительно воспротивившихъ ей свиданія съ больнымъ мужемъ, съ которымъ въ началѣ своей разлуки она вела довольно дѣятельную переписку. Но и переписка скоро прекратилась. Потомъ потребовалъ больной, чтобъ ему возвратили его инструментъ, ноты его, захотѣлъ видѣться съ нѣкоторыми изъ особенно близкихъ ему людей. Въ видѣ опыта разрѣшили ему и то и другое, но послѣдствія свиданій его съ Беттиною Арнимъ, Иоахимомъ и Брамсомъ, до того были ужасны, что докторъ Ришарцъ прекратилъ сейчасъ же всѣ его сношенія съ кѣмъ бы то ни было. Что же касается до инструмента, поставленнаго въ его комнату, то онъ рѣдко подходилъ къ нему — смыслъ музыки былъ для него потерянъ...

Глубокая меланхолія, въ которую все болѣе и болѣе погружался Шуманъ, ускорила конецъ его.

«Экзальтація — обыкновенное явленіе въ подобныхъ психическихъ болѣзняхъ, говоритъ докторъ Ришарцъ. Дѣйствуя разрушительно на высшія духовныя силы человѣка, она имѣетъ болѣею частію мало вліянія на животную часть его организма; но въ Шуманѣ экзальтація замѣнилась меланхоліею, упорною, безвыходною грустью. Нервная система больного не могла выдержать страшнаго ея натиска, и страдалецъ, таившій какъ свѣчка, долженъ былъ умереть»¹.

¹ Извлечение изъ сообщенія доктора Ришарца, лѣчившаго Роберта Шумана. «Построивши выводъ нашъ на несомнѣнныхъ, осязательныхъ, данныхъ, каковы анатомическія измѣненія, найденныя нами при вскрытіи тѣла, мы подойдемъ, конечно, ближе къ истинѣ, чѣмъ основываясь на простой догадкѣ или гипотезѣ, какъ бы она остроумна ни была. Одного простаго исчисленія главнѣйшихъ матеріальныхъ продуктовъ болѣзни, условившей смерть организма, будетъ достаточно для уразумѣнія основнаго ея характера и теченія ея. Главнымъ пунктомъ изслѣдованія въ данномъ случаѣ естественно долженъ быть мозгъ. Тутъ прежде всего представляется то въ высшей степени интересное наблюденіе, что поперечныя полоски на двѣ 4-го желудка (горшки

Шуманъ скончался 29 іюля 1856, въ 4 часа по-полудни. За нѣсколько мгновеній до смерти возвратилось къ нему полное сознание, какъ будто для того, чтобъ еще разъ сказать Кларѣ, рыдавшей въ его предсмертныхъ объятіяхъ, какъ безпредѣльно была она имъ любима...

31-го іюля принесли тѣло усопшаго въ Боннѣ и скоронили на городскомъ кладбищѣ.

На другой день 1-го августа 1856 г. появилась на столбцахъ *Кельнской Газеты* статья, посвященная памяти страдальца-музыканта, подписанная другомъ покойнаго, Фердинандомъ Гиллеромъ. Ею и заключимъ мы нашу бесѣду о гениальномъ романтикѣ, Робертѣ Шуманѣ, - безсмертномъ въ лѣтописяхъ искусства.

«Вчера вечеромъ, проводили мы Шумана въ его послѣднее жилище. Молодые пѣвцы общества «Конкордія» несли простой гробъ, украшенный лавровымъ вѣнкомъ. Впереди шли такъ близко бывшіе къ нему въ жизни, Іоакимъ, Брамсъ и Дитрихъ, сзади—пасторъ, а по бокамъ его значительнѣйшія лица въ городѣ, и въ главѣ ихъ бургомистръ Бонна. Торжественно раздавались въ воздухѣ мѣдные звуки мѣдныхъ ин-

---

слуховаго нерва, в. acustici) были здѣсь многочисленнѣе, тоньше и нѣжнѣе обыкновеннаго. Другія ненормальности, по порядку ихъ генетическаго значенія, были слѣдующія:

«1) Переполненіе всѣхъ кровеносныхъ сосудовъ мозга, въ особенности расположенныхъ у его основанія.

«2) Гипертрофія (разростаніе) костей, составляющихъ основаніе черепа и въ особенности сильное развитіе нормальныхъ выпуклостей (отростковъ), которыя представляются какъ бы новообразованными костными массама, и производили острыми концами своими нажатіе на иныя мѣста наружной, твердой оболочки мозга (*dura mater*).

«3) Отолстѣніе и перерожденіе обвѣхъ внутреннихъ мягкихъ мозговыхъ оболочекъ и приращеніе во многихъ мѣстахъ внутренней, сосудистой оболочки къ корковому веществу большаго мозга.

«4) Довольно значительная атрофія мозга вообще, потому что вѣсъ его оказался почти семью унціями (прусскаго медицинскаго вѣса) меньше чѣмъ бы слѣдовало по возрасту субъекта.

«Эти четыре пункта указываютъ въ своей совокупности на какое-то тяжкое страданіе цѣлаго организма, которое первоначальные корни свои пускаетъ еще въ самомъ раннемъ возрастѣ, развивается всегда лишь медленно и постепенно, проникаетъ наконецъ всю индивидуальность, и только послѣ этой долгой предуготовительной работы проявляется всѣми признаками полнаго помѣшательства. Подобное развитіе и теченіе болѣзни видимъ мы и въ жизни Шумана; первый признакъ ея—

струментовъ и тѣ мѣдныя звуки древнихъ хораловъ, которые уже столько столѣтій служатъ выраженіемъ радости и скорби людской. Тихо двигалось пышное шествіе по улицамъ Бонна, съ глубокимъ участіемъ провожали его взоры жителей его... По прибытіи на кладбище, процессія окружила приготовленную, свѣжую могилу. Въ нее опустили гробъ. Изъ тѣсныхъ рядовъ толпы отдѣлились тамъ и сямъ нѣжныя женскіе образы, на дно темной могилы посыпались букеты и вѣнки, и гробъ исчезъ подъ цвѣточнымъ ковромъ; это сдѣлалось также быстро, какъ быстро падаетъ наворачнувшаяся слеза изъ глазъ. Тогда пасторъ Висманъ, взявъ лопату съ землей, бросилъ ее внизъ и проговоривъ старинныя, обычныя слова: «земля еси и въ землю отыдеши,» сталъ тихо молиться. Затѣмъ сказалъ онъ нѣсколько задушевныхъ словъ о дарованіяхъ покойнаго, о судьбѣ, его постигшей, и пѣвцы «Конкордіи» спѣли грустную пѣсню. Послѣ пѣсни раздались снова торжественныя звуки хораловъ, и каждый изъ насъ, взявъ по полной горсти земли, бросилъ ее въ раскрытую могилу, послѣдній, бѣдный, холодный даръ любви! Солнце между тѣмъ сѣло. Присутствовав-

---

трудность, съ которою выражалъ онъ свои мысли въ разговорѣ. Одна изъ главнѣйшихъ причинъ этой болѣзни: слишкомъ усиленная дѣятельность (психическая) духовныхъ силъ, психическая распущенность, сказалъ бы я, опасность, которой въ особенности легко подвергаются художническія, и именно музыкальныя натуры.

«Усиленная дѣятельность мозга, какъ и всякаго другаго чрезъ мѣру напряженнаго органа, вызываетъ въ извѣстное время и въ извѣстной степени приливъ большаго количества крови къ нему. Ближайшія послѣдствія этого: расширеніе кровеносныхъ сосудовъ, постоянная гиперемія (полнокровіе), пластическія выпотѣнія изъ крови (отсюда разрастаніе костей) и уплотненіе и перерожденіе мозговыхъ оболочекъ. Дальнѣйшія слѣдствія: сращеніе внутренней, сосудистой оболочки съ мозговымъ веществомъ, неспособность ея отправлять свою функцію, приводитъ къ мозгу питательную жидкость, уменьшеніе питанія мозговой массы и наконецъ атрофія ея.

«Такое страданіе носить на себѣ всегда характеръ слабоумія, то-есть постепеннаго притупленія мыслительныхъ способностей, которое, впрочемъ, развилось въ высшей степени у Шумана только въ позднѣйшее время. Настроеніе духа при этомъ обыкновенно напряженное, экзальтированное, хотя и появляются по временамъ періоды меланхолической депрессіи (угнетенія), тяжелой грусти. Великому нашему художнику суждено было иначе: съ самаго начала и до конца своей болѣзни страдалъ онъ глубокою меланхоліей, вслѣдствіе особыхъ, исключительныхъ условій его организма.»

шіе стали расходиться; темными массами, неопредѣленными тѣнями эдвигались они по кладбищу, и толпа, сейчасъ только связанная однимъ и тѣмъ же предметомъ общаго участія, разсыдась, какъ и все разсѣвается и распадается, гдѣ связующая сила перестаетъ дѣйствовать, гдѣ плодотворное зерно уже предалось разрушенію. Бѣдный Шуманъ!

«А нѣкогда могла тебѣ царь завидовать! Золотой скипетръ твой управлялъ чуднымъ міромъ звуковъ. Ты дѣйствовалъ и творилъ въ немъ свободно и сильно. И многіе изъ лучшихъ примкнули къ тебѣ, отдались тебѣ, вдохновляли тебя своимъ вдохновеніемъ, почтили тебя глубочайшею привязанностію. А какая любовь красила жизнь твою! Женщина, съ лучезарнымъ вѣнцомъ генія на челѣ, не покидала тебя, и ты былъ для нея какъ отецъ для дочери, какъ женихъ для невѣсты, какъ мастеръ для ученика, какъ святой для вѣрующаго. Ты долженъ былъ разстаться съ нею, но и отдѣленная отъ тебя пространствомъ, лишняя возможности отбрасывать малѣйшіе камешки съ дороги, по которой ты шелъ, продолжала она таинственно, невидимо быть съ тобою. Ты чувствовалъ ея нѣжную руку, защитницу посреди тяжкихъ сновъ, посреди несказанныхъ страданій твоихъ. И когда наконецъ ангелъ смерти приблизился къ удрученной душѣ твоей, чтобы снова возвратитъ ей свѣтъ и свободу, тогда встрѣтилъ ты въ послѣдній разъ чудный взоръ ея, и, просвѣтленный любовью, покинулъ землю твой бѣдный, усталый духъ.

«Твой усталый духъ! Слишкомъ много требовалъ ты отъ него. Какъ права своего требовалъ ты отъ него *всегда* того, что дается человѣку въ рѣдкія только минуты вдохновенія. И какъ въ лимонныхъ рощахъ Италіи красуются подчасъ на одной и той же вѣтви и золотые плоды, и пышный цвѣтъ, такъ и геній твой долженъ былъ безпрерывно класть къ ногамъ твоимъ и лучшій цвѣтъ, и лучшіе плоды свои...

«Долго повиновался онъ тебѣ, и кто можетъ сказать, когда и какъ произошелъ съ нимъ у тебя разрывъ! Ахъ, можетъ быть разрывъ этотъ былъ не болѣе какъ размолвка, какъ это часто случается и между лучшими друзьями, и только нашимъ испуганнымъ глазамъ показалось, что онъ навсегда тебя оставилъ, а вы теперь, примирившись, смѣетесь надъ тѣмъ, что мы тутъ о васъ говоримъ, но смѣетесь кротко и прощаете насъ!

«Я не боюсь людскихъ насмѣшекъ, говоря о великости тво-

его стремленія, милый Шуманъ, объ искренности, постоянствѣ его. Ты былъ истинный художникъ, а многіе ли знаютъ сколько нужно для этого сильной, неподкупной воли, неутомимой дѣятельности и смѣлости духа? И ты былъ добръ и кротокъ, справедливъ къ другимъ, на сколько полная справедливость доступна человѣку. Въ мелодіяхъ твоихъ чувствуется прелесть чудной души, струится теплота любящаго сердца. Тихо сидѣлъ ты, погруженный въ самого себя, приелушиваясь къ дивнымъ гармоніямъ, жившимъ въ тебѣ какъ цвѣты на днѣ морей, и только на голоса тщеславной суеты не обращалъ ты никогда вниманія, которые, увы! слишкомъ часто сливаются съ мелодіями и гармоніями нашей души. Впрочемъ, могли ли они и появляться въ тебѣ?—они знали, что это былъ бы напрасный трудъ. Творенія твои, лучшія украшенія твоего имени, лучшія нежели кѣмъ и когда бы то ни было *пожалованныя* отличія. Вокругъ могилы, въ которой пріютилъ тебя Боннъ на своемъ богатомъ воспоминаніями кладбищѣ, посажены пять чинаръ. Разросшись, окружаютъ онѣ *вѣчною тѣнистою прохладой* послѣднее твое жилище. Пусть будетъ это образомъ благотворнаго вліянія твоихъ твореній на людей.

«Ты же успокойся теперь, чудный мастеръ, если только возможенъ покой для безсмертной души, и радуйся тому многому доброму и великому, что создано тобой въ словѣ и звукѣ, радуйся той всеобщей любви и тому всеобщему глубокому уваженію, которыя вѣчно будутъ жить въ столькихъ сердцахъ нашего великаго германскаго отечества.»

Н. Христіановичъ.

Ярославль.

22 ноября 1860 г.

ЧУЖОЕ ИМЯ¹

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ II.

I. Товарищи.

Въ Петербургѣ, въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца, въ два часа пополудни, по гладкимъ, гранитнымъ плитамъ дворцовой набережной, неподалеку отъ Лѣтняго Сада, шелъ медленнымъ шагомъ высокій, видный мужчина съ короткими темными бакенбардами и усами на смугломъ лицѣ. На немъ была новая шляпа и темнобурое, щегольское пальто, а въ рукахъ камышевая трость съ золотымъ набалдашникомъ. Галстухъ, перчатки, бѣлье, все это какъ слѣдуетъ, все по формѣ, все съ иголочки новое, и на все онъ поглядывалъ часто какимъ-то критическимъ, недоувѣрчивымъ взоромъ, какъ дѣлаетъ юноша, только-что вышедшій изъ казеннаго заведенія или поручикъ въ отставку, только-что снявшій мундиръ. Со стороны, замѣтить эту черту было впрочемъ не такъ-то легко; потому что онъ самъ какъ будто сознавалъ ее и при встрѣчѣ съ про-

---

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

хожими велъ себя очень прилично; то-есть смотрѣлъ куда-нибудь мимо, не кося глазомъ на обшлага и не роняя тревожнаго взора на кончикъ носка или на пальцы перчатокъ.

Такой контроль надъ собой, какъ мѣра предосторожности при встрѣчѣ съ людьми незнакомыми, былъ, разумѣется, лишній. Совсѣмъ незнакомому человѣку и въ голову не могло придти, что это студентъ, не кончившій курса и не явившійся въ срокъ и неуволенный отъ начальства и незаконнымъ образомъ промѣнявшій свою трехуголку съ синимъ воротникомъ на полный костюмъ джентльмена; а мимо этой догадки, все, что могли подумать о немъ посторонніе люди, ему было все равно, потому что онъ ихъ не боялся и одобренія ихъ не искалъ. Онъ не для нихъ просидѣлъ три недѣли на Лиговкѣ, въ тѣсной комнатѣ, нанятой отъ жильцовъ со столомъ и прислугой, въ той комнатѣ, изъ которой онъ выходилъ только въ сумерки, отправляясь къ портному или къ сапожнику или въ другія мѣста, гдѣ было заказано модное платье, бѣлье, сапоги и прочія вещи подобнаго рода. Не для нихъ тоже онъ отостигъ себѣ эти бакенбарды съ усами. Все это сдѣлалъ онъ для своихъ же пріятелей, для знакомыхъ, затѣмъ, чтобы, встрѣтивъ его случайно, они не могли догадаться, что это Лукинъ, ихъ бывшій товарищъ или ученикъ. Не то, чтобъ онъ боялся, что вотъ они такъ возьмутъ да тотчасъ и выдадутъ; нѣтъ, къ чести ихъ, надо сказать, едва ли кто между ними способенъ былъ съ умысломъ сдѣлать такую низость. Но, вопервыхъ, это могло случиться, какъ часто бываетъ, безъ умысла, а вовторыхъ, онъ не хотѣлъ зависѣть ни отъ кого и потому взялъ всѣ нужныя мѣры, чтобъ его какъ можно труднѣе было узнать. Невольно спросишь: зачѣмъ же онъ бралъ на себя весь этотъ трудъ и весь рискъ? Развѣ безъ нихъ онъ не могъ обойтись? Зачѣмъ пріѣхалъ онъ въ Петербургъ или пріѣхавъ, остался тамъ долѣе сутокъ? Развѣ нѣтъ мѣста въ Россіи помимо ея чухонской столицы? Онъ могъ повернуть съ бѣлорусской дороги въ сторону и отправиться прямо въ Москву или въ другой какой городъ, гдѣ ни одна душа не знаетъ его въ лицо и тамъ, безъ всякихъ хлопотъ, устроиться на просторѣ. Мысли подобнаго рода, конечно, не разъ приходили ему на умъ; но, странно сказать, онъ ни разу еще не остановился на нихъ серьезно. Сердце къ нимъ не лежало, отъ нихъ вѣяло холодомъ полной разлуки съ прошедшимъ, полного изгнанія изъ круга обычной жизни въ область

загадокъ и неизвѣстностей всякаго рода. Въ Петербургѣ остаться, конечно, нельзя; онъ зналъ это хорошо. Когда-нибудь да придется уѣхать оттуда, чтобъ искать болѣе прочной основы и болѣе безопаснаго поля дѣйствія; но до этого еще не такъ близко, это все еще впереди, а покуда ему нужна только станція послѣ трудной дороги, нуженъ пріютъ, гдѣ бы онъ могъ отдохнуть и пожить на свободѣ и обдумать свое положеніе на досугѣ; а такой пріютъ, гдѣ скорѣе всего найдешь какъ не въ старомъ, знакомомъ гнѣздѣ? Изъ всей Россіи, кромѣ Торопца, изъ котораго онъ бѣжалъ, одинъ Петербургъ былъ знакомъ ему хорошо. Петербургъ, для него, конечно, не родина; но въ Петербургѣ онъ жилъ восемь лѣтъ; и хотя, въ это долгое время, не успѣлъ прилечь къ нему ни съ какой стороны, кромѣ университета, съ которымъ теперь всѣ прежнія его отношенія были разорваны навсегда, а все-таки тутъ онъ чувствовалъ себя какъ-будто не вовсе чужимъ. Отъ людей онъ скрывался покуда; но кромѣ людей, тутъ были другіе предметы, съ которыми онъ сжился, и среди которыхъ ему казалось какъ будто теплѣе. Улицы, дома, сады, театры, Нева, все это носило знакомую физиономію и по нуждѣ замѣняло для сердца живыхъ пріятелей. Последнихъ онъ не желалъ бы встрѣчать, а при нечаянной встрѣчѣ боялся быть унаннымъ; правда, но все же вѣдь это были пріятели, добрые люди, и ни одинъ изъ нихъ не желалъ ему зла, и многіе, встрѣтаясь, не стали бы спрашивать: откуда досталъ онъ свой паспортъ и деньги, а были бы искренно рады. Онъ самъ хоть и бѣжалъ отъ нихъ; а между тѣмъ ему все-таки было пріятно, если не встрѣтить ихъ нечаяннѣе, то по крайней мѣрѣ знать, что они живутъ тутъ, въ одномъ городѣ съ нимъ, и что онъ можетъ со всякимъ увидѣться тотчасъ, какъ только захочетъ. Самая опасность, его окружавшая, не была для него отвратительна. Напротивъ, она имѣла въ глазахъ его что-то заманчивое и соблазнительное. Онъ надѣленъ былъ сильнымъ инстинктомъ самосохраненія и чуялъ близость опасности всѣми порами своего существа; но онъ былъ ловокъ, находчивъ, смѣлъ, владѣлъ собой въ высшей степени; короче, имѣлъ всѣ средства бороться успѣшно и потому не бѣжалъ отъ борьбы. Она ему нравилась бессознательно, нужна была для него какъ живой элементъ интереса, живая связь съ обществомъ, отъ котораго онъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ былъ отрѣзанъ. Затѣмъ, опасность въбави и на дѣлѣ была далеко не такъ ве-

линка какъ издали это казалось. Впервыхъ, онъ былъ свободенъ какъ птица, онъ могъ вспорхнуть при первой тревогѣ, вспорхнуть и скрыться изъ виду безъ всякихъ слѣдовъ; а вторыхъ, онъ ужъ не въ первый разъ выходилъ днемъ на улицу. Онъ былъ уже въ банкѣ, благополучно вынулъ оттуда деньги и внесъ ихъ въ другой банкъ, оставивъ въ карманѣ довольно значительный кушъ, и послѣ нѣсколькихъ разъ, являлся въ разныхъ мѣстахъ и успѣлъ уже встрѣтить двухъ человѣкъ, которые оба знали его въ лицо, но оба они прошли отъ него въ двухъ шагахъ, не обративъ никакого вниманія на его особу, а между тѣмъ одинъ изъ нихъ былъ опасенъ. То былъ ни болѣе, ни менѣе какъ бывший его субъ-инспекторъ, истинный сыщикъ въ душѣ, къ тому же имѣвшій съ нимъ нѣсколько разъ враждебныя столкновенія. Другой былъ старый его товарищъ по гимназiи. Оба, конечно, легко могли бы его узнать во всякомъ нарядѣ, еслибы только имѣли малѣйшее подозрѣнiе; еслибы кто-нибудь, напримѣръ, указавъ имъ на улицѣ Лукина, спросилъ: узнаете? Но никакого подобнаго повода всматриваться внимательно въ лицо одного изъ тысячи мимоидущихъ людей ни тотъ, ни другой не имѣли; а безъ этого, то-есть безъ пристальнаго осмотра, прiятеля ихъ мудрено было вдругъ узнать: такъ сильно измѣнили его на взглядъ усы, бакенбарды, новый костюмъ и даже какое-то новое, болѣе строгое и сосредоточенное выраженiе лица, вынесенное имъ изъ недавнихъ его приключенiй.

Лукинъ шелъ по набережной безъ всякой опредѣленной цѣли. Какъ птица, вылетѣвшая изъ кѣтки, онъ расправлялъ свои крылья и пробовалъ силу ихъ, озираясь кругомъ съ полною охотой, съ полною готовностію полетѣть, но безъ всякаго плана. День былъ похожъ на лѣтній: тихо, тепло, солнце играло ярко на золотой иглѣ Петропавловскаго собора, голубая поверхность Невы сіяла какъ зеркало; по ней скользили пестрые ялики; вдоль берега тѣснились рядами или тянулись на бичевѣ плоскія барки съ сѣномъ, съ дровами, съ известкой и углемъ; по длинному мосту съ громомъ неслись запыленные экипажи, мѣстами пестрѣли везы, нагруженные мебелью. Осень стояла уже на дворѣ, но въ городѣ еще мало была замѣтна; одни деревья только носили ея либрею. Лукинъ оглянулся на Лѣтній Садъ. Густой навѣсъ, его осыпавшій, мѣстами ужъ началъ пестрѣть. На плитахъ тротуара, воагь чугушной рѣшетки, видны были издали желтые листья. Онъ во-

шелъ въ садъ и сѣлъ на скамейку. Какой-то сонный покой царствовалъ въ темныхъ аллеяхъ; нрѣдка до ушей долетали дѣтскіе голоса, нрѣдка уединенный прохожій шелъ мимо, на Царицыной площади пыль стояла столбомъ. Онъ опустилъ глаза на песокъ и сталъ чертить на немъ палкой узоры. Чувство полнѣйшаго уединенія давило его со всѣхъ сторонъ. Въ былое время, когда случалось сюда заходить, онъ радъ былъ найти тишину; теперь, она почти испугала его. Онъ посмотрѣлъ на часы, всего четверть третьяго, онъ завтракалъ въ часъ, обѣдать рано, а до обѣда чтò дѣлать? Куда дѣваться? Съ кѣмъ сказать слово? Одинъ, одинъ въ цѣломъ мірѣ, безъ семьи, безъ друзей, безъ занятія. Сотни тысячъ людей живутъ близко, но онъ имъ совершенно чужой, онъ изгнанникъ среди ихъ, ему нѣтъ доступа никуда, и это тянется ужь давно. Сначала, оно не такъ еще было примѣтно. Покуда онъ бѣгалъ къ портному, а отъ портнаго къ сапожнику, а отъ сапожника въ мебельный рядъ, заказывалъ, торговалъ, покупалъ, возился съ деньгами въ банкахъ, искалъ квартиру, лакея, время было разобрано, была какая-нибудь цѣль впереди, было чего ожидать и о чемъ позаботиться, а теперь?... Теперь, все окончено, онъ успѣшно выбился изъ сѣтей; онъ вольный казакъ, карманъ его набитъ деньгами; дворянскій паспортъ лежитъ въ карманѣ, онъ можетъ ѣхать куда угодно, дѣлать съ собой все чтò вздумается, — да только, чтò жь наконецъ? Съѣздить въ Павловскъ, послушать Цыганъ? Сходить въ трактиръ пообѣдать или въ театръ позѣвать? Нѣтъ, этого мало, съ этимъ не обойдешься. Надо выступить изъ затишья, выѣзжаться въ толпу, ворваться въ центръ ея жизни и взять себѣ свою часть. А для этого денегъ однѣхъ недостаточно, люди нужны. Для этого надо сойтись съ кѣмъ-нибудь... Но здѣсь, въ Петербургѣ, безъ всякаго повода, оставить знакомство, куда мудрено! Были у него въ старые годы... въ старые годы! хмъ, всего какой-нибудь мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ, но въ этотъ мѣсяцъ много воды утекло, и онъ стоимъ годовы!... Да, были тутъ въ старые годы два, три семейства, которыхъ онъ посѣщалъ; да нѣтъ, теперь они не годятся. Вопервыхъ, тамъ до смерти скучно; а во вторыя теперь объ этомъ и думать нельзя. Нѣтъ, старое кончено, не годится ни къ чорту, надо все сызнова начинать.

На этомъ мѣствѣ своего размышленія, онъ сильно задумался, а рука его между тѣмъ бессознательно продолжала работать;

она чертила узоры и буквы на мягкомъ пескѣ, и между ними были довольно красныя. Вотъ капиталь съ дорическими украшениями, а вотъ вензель съ кудрявыми завитками. С М... гдѣ-то онъ видѣлъ его точь-въ-точь. А какъ онъ тутъ нарисованъ... С. М? а, это вензель того экипажа, который онъ видѣлъ на станціи, вензель его знакомой, Софьи Маевской... Гдѣ-то она теперь? Должно-быть еще въ Петербургѣ. Помнится, она говорила, что у нихъ нанята тутъ квартира до февраля... Квартира въ Большой Милліонной! Мужъ губернаторъ! Должно-быть богатые люди и славно живутъ... Эх! вотъ бы куда попасть! Да только какъ это сдѣлать? Квартиру немудрено отыскать, но она не знала. Нельзя же штурмомъ ворваться въ гостиную; Богъ знаетъ, какъ примутъ. Она сказала однако: *надѣюсь, что мы съ вами встрѣтимся*; значить, она не прочь; но въ Петербургѣ, въ Милліонной, не то, что въ дорогѣ, гдѣ все приличія вмѣстѣ съ корсетомъ запрятаны въ чемоданъ, гдѣ всякій капризъ сходитъ съ рукъ, такъ много на все оправданій: скука, случайная встрѣча, нужда. Слова и поступки имѣютъ совсѣмъ другой смыслъ, если отъ нихъ не ждутъ продолженія. Въ дорогѣ, отъ скуки, можно со всякимъ заговорить. Здѣсь, въ Петербургѣ, въ строю, въ парадномъ мундирѣ обычаевъ и приличій, это сочтутъ вродствомъ, если не преступленіемъ. Надо однакоже постараться. Другаго выхода нѣтъ, да еслибы и былъ, те удобнѣе трудно найти. Что еслибы встрѣтить ихъ гдѣ-нибудь? Можетъ-быть позвовать... Но вопросъ—гдѣ? Отыскать ихъ квартиру въ Милліонной и караулить у входа—смѣшно! Пожалуй подумаютъ, что влюбленъ. Торчатъ на всѣхъ сходкахъ, гуляньяхъ, въ Павловскѣ, на публичныхъ концертахъ, на Невскомъ, въ театрѣ?... Но этакъ, можно побиться на сто противъ одного, что прежде ихъ встрѣтишь кого-нибудь, кого совсѣмъ не хочешь встрѣчать... Глупое положеніе! Точно въ карантинѣ! Точно какъ зачумленный, прячешься отъ всѣхъ! Еслибы не эта загвоздка, чортъ бы ее побралъ! дѣло бы скоро можно устроить. Стоитъ только шепнуть два слова Зыкову или другому изъ этихъ франтовъ, что знаютъ весь городъ наперечетъ. Разомъ отыщутъ дорогу, разкажутъ, укажутъ, съ кѣмъ нужно сведуть. Уладятъ все такъ, что съ своей стороны останется только жать руки, да кланяться; думать ненужно ужъ ни о чемъ, все за тебя придумаютъ. Они на этотъ счетъ преловкій народъ; да жаль, въ другомъ отношеніи не надежны, держать языка на привязи.

не умиютъ; точь-въ-точь какъ тѣ бабы, про которыхъ станціонный смотритель мнѣ говорилъ... Славный старикъ!... Что-то онъ тамъ подѣлываетъ? Какъ развязался съ этою исторіей?... Лукинъ задумался. Проншества дня, проведеннаго имъ на станціи, одно за другимъ повторилось въ его головѣ. Дошла очередь и до двухъ путешественницъ. Ихъ лица и рѣчи воскресли въ памяти его какъ живыя; онъ вспомнилъ свой разговоръ на крыльцѣ, вспомнилъ бѣлую ручку, украденный поцѣлуй, и сильное желаніе встрѣтить ихъ снова загорѣлось въ немъ жарче прежняго. Но какъ исполнить его? Прямой, разумной дороги нѣтъ, это ясно; надо ждать случая. Эта слѣпая лошадка, подчасъ, лучше зрячей дорогу найдетъ. Она уже разъ его вывезла; авось вывезетъ и въ другой. Но ждать, ждать сложа руки, шатаясь по городу безъ всякаго дѣла... Боже, какая тоска!...

Въ досадѣ онъ стукнулъ палкою о землю и всталъ со скамьи. Четверть часа спустя, Лукинъ шелъ по Милліонной. Онъ самъ не могъ бы сказать, зачѣмъ онъ туда попалъ. Возможность встрѣтить Маевскихъ мелькала неясно въ его умѣ. Такъ, надо было идти куда-нибудь,—вотъ онъ и пошелъ въ эту улицу. Два раза прошелъ онъ по ней въ раздумьѣ, посматривая на окна высокихъ домовъ. У воротъ одного изъ нихъ стоялъ дворникъ, рябой, бородатый мужикъ, въ широкихъ, плисовыхъ шароварахъ и въ синемъ суконномъ жилетѣ сверхъ пестрой рубахи.

— Кого вамъ угодно? спросилъ онъ, замѣтивъ, что тотъ оглядывается по сторонамъ.

— Генераль-майора Маевского, не задумываясь отвѣчалъ Лукинъ.

Тотъ равнодушно пожалъ плечами.

— Здѣсь нѣтъ, проворчалъ онъ сквозь зубы и отвернулся.

— Слушай, парень, сказалъ Лукинъ, вынимая изъ кошелька дѣлковый,—Маевскій живетъ въ этой улицѣ, и я могу самъ его отыскать, да мнѣ времени нѣтъ. На, вотъ, возьми; завтра чтобы ты зналъ квартиру; я приду сюда въ три часа, слышишь?

— Слушаю, сударь; до завтра найдемъ, какъ не найти,—отвѣчалъ дворникъ, снимая шапку.

Лукинъ поглядѣлъ съ минуту на домъ и отправился далѣе. «Это шалость, подумалъ онъ; но отъ-нечего-дѣлать и это годится. Все же не даромъ, по крайней мѣрѣ, ходилъ въ Мил-

любною; что-нибудь сдѣлать, и на завтра есть что-нибудь впереди;—а сегодня довольно утаптывать мостовую, надо как-нибудь иначе время убить.»

Онъ вышелъ на набережную, сѣлъ въ яликъ и велѣлъ ѣхать на острова. Тамъ, онъ бродилъ часовъ до шести, перебирая въ умѣ различные планы, сперва по Каменному, потомъ по Елагину, вышелъ на Стрѣлку, просидѣлъ тамъ минутъ пять, потомъ вернулся назадъ, и пошелъ на Крестовскій. Народу мало; сухіе листья шумятъ подъ ногой; дачи смотрятъ уныло, пустынно; но въ трактирахъ и около замѣтна еще довольно шумная жизнь. Въ одномъ изъ нихъ, ему подали скверный холодный обѣдъ, до котораго онъ едва дотронулся. Послѣ обѣда, онъ сѣлъ на воздухъ, у берега, на скамью, закурилъ сигару и просидѣлъ такимъ образомъ часа два. На дворѣ была уже ночь, когда онъ собрался идти домой. Дорогой звуки оркестра отвлекли его въ сторону. Въ какомъ-то саду висѣли ряды цвѣтныхъ фонарей, и толпился народъ. Сквозь вѣтви кустовъ, видѣлся ярко-освященный павильонъ. Въ павильонѣ слыѣла музыка, только-что отвалившая какой-то модный галлопъ; вокругъ скамейки толпа, а дальше, за павильономъ, трактиръ съ длиннымъ рядомъ свѣтящихся оконъ, въ которыхъ чернѣютъ тѣни. Звенятъ тарелки, мелькаютъ прислуга съ подносами, мелькаютъ пестрыя шляпки дамъ, и молодежи загнута на бекрень фуражки офицеровъ. Стукъ сабель и шпоръ, запахъ сигаръ и пушшу, и смутный говоръ многихъ голосовъ, — словомъ, осенній кутежъ въ полной формѣ. Лукинъ не любилъ этихъ праздниковъ; но сидя ночью, на берегу, онъ прозябъ и чувствовалъ нужду согрѣться. Къ тому же, ему хотѣлось увидѣть людей, хотѣлось выйдти хоть на минуту изъ той волшебной черты, которая отдѣляла его отъ всѣхъ. Онъ заплатилъ полтинникъ за входъ, пошелъ въ буфетъ и спросилъ себя чаю... Буфетъ, сосѣднія комнаты и общество, ихъ наполнявшее, все это было неслишкомъ чисто. Женщины, находившіяся тутъ въ довольно большомъ числѣ, имѣли весьма двусмысленный видъ; изъ мужчинъ нѣкоторые казались совсѣмъ *готовы*, а нѣкоторые еще только навеселѣ. Изъ заднихъ комнатъ слышны были громкіе голоса и стукъ киевъ на бильярдѣ. Лукинъ отошелъ въ сторонку и сѣлъ у отвореннаго окна. Подъ окномъ, на травѣ, стоялъ столикъ, вокругъ котораго нѣсколько человекъ мужчинъ, повидимому коротко-знакомыхъ между собой, вели живой разговоръ. Между ними были

два юнкера, одинъ офицеръ, и нѣсколько лицъ въ гражданскихъ костюмахъ. Большой подносъ съ бутылками и стаканами стоялъ на столѣ.

— Что же наши дамы нейдутъ? сказалъ, поглядывая вокругъ себя, одинъ изъ присутствовавшихъ, полный мужчина лѣтъ тридцати съ румянымъ лицомъ и маленькими проворными глазами.

— Это надо у васъ спросить, отвѣчалъ офицеръ:—вы ихъ водили въ буфетъ.

— Я ихъ оставилъ на двѣ минуты съ Федоромъ Иванычемъ;—Федоръ Иванычъ кормилъ ихъ слоеными пирожками, и обѣщалъ сейчасъ привести.... Ба! да вотъ онъ и самъ. Эй! Федоръ Иванычъ! остановилъ онъ какого-то господина въ усахъ и въ очкахъ, который спускался съ крыльца.—Федоръ Иванычъ! Куда вы дѣвали Анну Егоровну съ Лизой?

— Никуда; онѣ тамъ на диванѣ сидятъ съ какимъ-то шутомъ.

— Съ кѣмъ?

— Не знаю, право; чортъ его знаетъ кто онъ такой; должно быть ихъ старый знакомый; оборвышъ какой-то, поретъ имъ дичь, а онѣ себѣ держатся за бока, да хохочутъ какъ сумашедшія.

— Да зачѣмъ вы ихъ тамъ оставили? Притащили бы ихъ сюда.

— Легко сказать: притащили бы! подите-ка, сами попробуйте притащить. Анну Егоровну вы такъ угостили, что едва на ногахъ стоитъ, а Лиза та чуть глаза мнѣ не выпарапала, когда я хотѣлъ ее увести.

Всѣ засмѣялись. Рѣшились послать депутацію къ дамамъ.

— А съ кавалеромъ что дѣлать? кто-то спросилъ.

— А кавалеръ пусть убирается къ чорту.

Минуту спустя, въ сосѣдней комнатѣ послышался споръ и вслѣдъ за тѣмъ громкій хохотъ. Депутаты вернулись съ отвѣтомъ, что *кавалеръ*—буянъ страшный; не хочетъ пустить ни Лизу, ни Анну Егоровну, и самъ не хочетъ къ чорту идти.

— Да вы бы его за окошко выбросили, сказалъ одинъ изъ двухъ юнкеровъ.

— Подите, попробуйте, былъ отвѣтъ.

— Пойдемъ, Александръ.

— Пойдемъ, отвѣчалъ офицеръ.

— Эй, господа! Нѣтъ ли еще охотниковъ?

Все общество встало и цѣлою ватагой нахлынуло въ комнату. Комната эта, довольно тѣсная, выходила балкономъ въ садъ и набита была народомъ, ббольшая часть котораго шла въ буфетъ или шла изъ буфета, и шумъ, производимый этимъ движеніемъ, вмѣстѣ съ оркестромъ, игравшимъ въ саду, мѣшали разслушать явственно разговоръ, который шелъ въ уголку на софѣ, занятой двумя дамами съ ихъ знакомымъ. Дамы были довольно молоды, съ лица не дурны и нарядно одѣты; но отъ нихъ вѣяло вѣдкимъ букетомъ той сѣеры, въ которой они цвѣли. Рядомъ съ ними сидѣлъ, разваливъ, съ грошевою сигаркой во рту и въ старой, измятой, шелковой шляпѣ, надвинутой ухарски на бекрень, ихъ *кавалеръ*. Это былъ маленькій, сухощавый, но коренастый и бойкій мужчина съ большими, сверкающими глазами на выкатѣ, и съ массой густыхъ, включенныхъ, русскихъ волосъ на очень забавномъ лицѣ. Безпечная улыбка и ясный взоръ какъ-будто нечаянно встрѣчались на немъ съ слѣдами частыхъ попоекъ и буйныхъ ночей; а странная смѣсь дѣтскаго простодушія съ невыразимымъ безстыдствомъ мартышки, на зло густымъ бакенбардамъ, давала ему видъ школьника, только-что выбѣжавшаго на улицу и затѣвющаго какую-нибудь наглую шалость. Бѣлье на немъ было грязное: помятые воротнички изъ-за галстука выскакивали на авось, манишка растрепана; на жилетѣ висѣла оборванная пуговица; жиденькій сюртучокъ на распашку имѣлъ потертый оципанный видъ; но всѣ эти явные недостатки костюма покрыты были лихимъ и молодецки самоувѣреннымъ видомъ, съ которымъ маленькій чело-вѣкъ носилъ его на себѣ. Мысль о томъ, что онъ одѣтъ скверно, и что это ставить его ниже другихъ, казалось, не разу не приходила ему на умъ.

— Анна Егоровна! Эхъ Анна Егоровна! говорилъ онъ, покачивая головой, одной изъ двухъ дамъ, которая только-что кончила хохотать.—Ахъ, Анна Егоровна! послушайте вы моего совѣта..... да что вы смѣтетесь-то? Смѣяться нечего, я вамъ не шутя говорю: выходите вы поскорѣе замужъ; да именно замужъ, замужъ! Надо спѣшить, а то будетъ поздно; вонъ ужъ у васъ куринны лапки пошли вокругъ глазъ.

Анна Егоровна посмотрѣла на него въ недоумѣніи, не зная шутить ли онъ, или серьезно говорить.

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не шучу. Я серьезно вамъ говорю. Ломаться тутъ нечего; свой чело-вѣкъ говорить, приятель, другъ говорить... Чего тутъ! Мы съ вами не въ Смоль-

номъ воспитаны; намъ вѣдь не въ первый разъ. Такъ вотъ послушайте вы меня. Мой вамъ советъ: ищите скорѣе себѣ штатнаго мѣста; а то что толку въ этой цыганской жизни? Сегодня въ трактирѣ тутъ до зари промаячите; завтра въ Павловскомъ или въ Лѣтнемъ Саду; сегодня шампанскимъ нальютъ васъ до невозможности; завтра мозоли себѣ натрете, отплясывая канканъ гдѣ-нибудь на шершавомъ полу. Оно весело, спору нѣтъ; да вѣдь все это прахъ, суета!....

— Суета! насмѣшливо повторила дама, сжимая и вытягивая свои румяныя губы.—Смотрите, какую проповѣдь говорит! Что вы, въ монахи что ли хотите идти? Вы на себя посмотрите; вы-то что? Ужъ нечего сказать—хорошъ!

— Хорошъ! хорошъ! повторила Лиза, смѣясь.

— А что жь? чѣмъ не хорошъ? Да рѣчь-то не обо мнѣ. Мнѣ что? Съ меня это все какъ съ гуся вода; а вѣдь вы, Анна Егоровна, женщина, хрупкое существо; вамъ надо себя побереечь, надо подумать о будущемъ. Вотъ и сестрица тоже теперь подросла, вы ей примѣромъ должны служить... Знаете что? Хотите я васъ сосватаю?

Дамы опять засмѣялись.

— Что жь! Сватайте пожалуй, отвѣчала Анна Егоровна.

— Серіозно хотите?

— Серіозно хочу.

— Славная партія у меня для васъ есть, Анна Егоровна, солидный, зажиточный человекъ на примѣть.

— О! въ самомъ дѣлѣ?

— Честію вамъ клянусь. Лѣтами, онъ правда, не такъ чтобы очень молодъ, а впрочемъ...

— Что вы тутъ дѣлаете, mesdames? Пойдемте въ садъ къ нашимъ, васъ тамъ всѣ ждуть, перебилъ высокій мужчина въ модномъ плащѣ, съ лорнетомъ въ глазу, подходя къ нимъ вдвоемъ съ другимъ господиномъ. Это были два депутата. Анна Егоровна встала; но, посмотрѣвъ съ минуту на говорившаго, засмѣялась какимъ-то особеннымъ смѣхомъ и опустилась опять на диванъ.

— Анна Егоровна предпочитаетъ сидѣть, ей тутъ спокойнѣе на диванѣ, замѣтилъ маленькій человекъ.

— Васъ не спрашиваютъ, отвѣчалъ депутатъ, окинувъ его презрительнымъ взоромъ. — Лиза, пойдемте.—Онъ взялъ-было подъ руку другую изъ дамъ, но та проворно освободилась,

сдѣлавъ при этомъ такое движеніе, что онъ отскочилъ шага на два назадъ.

— Оставьте меня; убирайтесь къ дьяволу!

— Милостивый государь! вѣшался опять маленькій человекъ.
— Оставьте въ покоѣ дамъ. Вы сами видите, что онъ не хотѣтъ идти въ садъ. Онъ предпочитаютъ мою компанію вашей; это кажется ясно.

— Молчите, я съ вами не говорю.

— А съ кѣмъ же вы говорите?

— Не ваше дѣло.

— Ого! Да что у васъ тутъ дѣловая-то часть, на откупъ что ли взята?

— Брось, Петръ Ивановичъ, охота тебѣ ввязаться, сказалъ другой депутатъ, стараясь увести товарища въ садъ.

— Бросьте, Петръ Ивановичъ, охота вамъ въ самомъ дѣлѣ ввязаться! повторилъ маленькій человекъ, съ невыразимою насмѣшкой уставивъ глаза на высокаго господина.

— Онъ пьянъ, сказалъ тотъ, брюзгливо пожавъ плечами.

— Легко можетъ быть, отвѣчалъ *кавалеръ*. — Смотрите, остерегитесь, бонъ-тонъ свой какъ бы не уронить... Того и гляди выйдетъ исторія.

Депутаты шепнули другъ другу на ухо что-то, и въ ту же минуту ушли. Какой отчетъ дали они въ своемъ порученіи и какъ онъ былъ принятъ, это уже разказано. Общество встало и отправилось выручать своихъ дамъ; но въ самую ту минуту какъ партія, сидѣвшая подъ окномъ, входила въ комнату съ одной стороны, Лукинъ вошелъ туда же съ другой. Сидя въ пяти шагахъ, за тонкою досчатою перегородкой, онъ слышалъ послѣднюю часть разговора, и голосъ, который звучалъ въ немъ такъ звонко и смѣло, невольно привлекъ на себя его вниманіе. Ему показалось какъ-будто онъ прежде когда-то его слышалъ.

— Хмъ! Такъ и есть! шепнулъ онъ самъ про себя, усмѣхаясь, какъ только курчавая, небольшая фигурка съ измятою шляпой на бекрень попалась ему на глаза. — Матюшка! Кому больше быть! Ахъ ты горе-богатырь! Мало ты на вѣку своемъ натерпѣлся!

Матюшка или точнѣе Борисъ Матюшкинъ былъ старый его знакомый. Они учились вмѣстѣ въ гимназіи, гдѣ Матюшкина очень любили товарищи, именно за такія черты, за которыя его не терпѣло начальство. Послѣднее чувство расло, по мѣрѣ

того какъ предметъ его вырасталъ, проявляя себя различными столкновениями и наконецъ разразилось. Изъ передпослѣдняго класса Матюшкинъ былъ выгнанъ за какую-то шалость, послѣ чего Лукинъ рѣдко встрѣчалъ его.

Едва успѣлъ онъ узнать эту особу, какъ въ грязныхъ стѣнахъ увеселительнаго заведенія началась одна изъ тѣхъ дикихъ сценъ, которыя очень не рѣдко случаются въ подобныхъ мѣстахъ.

— Гдѣ эта бестія? громко спросилъ одинъ изъ двухъ юнкеровъ, замѣтно нагрѣтый шампанскимъ.

— А вотъ, честь имѣю рекомендовать, отвѣчалъ господинъ съ дорнетомъ въ глазу, указывая на Матюшкина.

Человѣкъ семь, съ военною силой впереди, подошли къ той софѣ, гдѣ находились двѣ дамы и ихъ кавалеръ. Послѣдній сидѣлъ, развалился съ окуркомъ сигары во рту и съ прищуренными глазами. Онъ чуялъ грозу; но одна только бровь его, какъ-то забавно приподнятая, могла служить признакомъ, что онъ не совсѣмъ спокоенъ насчетъ результата.

— Это вы не пускаете дамъ идти въ садъ? спросилъ юнкеръ, откинувъ голову и подходя къ нему съ самымъ зловѣщимъ видомъ.

— Я!... Да развѣ я ихъ держу? Я не держу; могутъ идти куда вадумаютъ. Я только насильно тащить не позволю.

Густая толпа народу, чуя скандалъ, нахлынула изъ сосѣднихъ комнатъ. Анна Егоровна, не трогаясь съ мѣста, съ бессмысленною улыбкой смотрѣла на происходившее; но Лиза, испуганная, вскочила съ софы. — Анюта, смотри, они хотятъ его бить! шепнула она сестрѣ, и догадка ея казалась близка къ оправданію.

— Ты не позволишь? Ты? да я тебя въ комокъ сверну, оборвышь поганый! задорнымъ теноромъ вскрикнулъ юнкеръ, подсакивая со сжатыми кулаками. Но Матюшкинъ былъ опытный человѣкъ, онъ мигомъ спрыгнулъ съ дивана и сталъ на безопасное разстояніе.

— Вы, кажется, силу хотите пробовать? сказалъ онъ, швырнувъ сигару подъ стулъ. — Что жь, я не прочь; да только васъ семеро, со всѣми за разъ неловко, а не угодно ли кому-нибудь одному?

— Катай его! Нечего тутъ разсуждать, сказалъ кто-то сзади.

Три человѣка бросились разомъ на маленькаго героя, но въ ту же минуту и противъ всякаго ожиданія, одинъ изъ нихъ

полетѣлъ, сбитый съ ногъ ударомъ сильной руки, а двое другихъ отскочили. Женщины взвизгнули, нѣсколько постороннихъ бросилось разнимать. Все сбилось и спуталось, въ общей сумятицѣ слышны были разные голоса... «Катай его...» «Охъ!» «Стойте, куда вы? это не онъ, другой ударилъ, другой!..» «Господа, это мерзость! это кабакъ!..» «Бросьте, уйдемъ!» «Какъ бросить! да онъ разбилъ его въ кровь!... надо ему всѣ кости переломать!»—«Да кому? Говорятъ тебѣ это не онъ.»—«Какъ не онъ? Кто же?» «Кто?» «Развѣ ты не видалъ? Вонъ этотъ черный, плечистый; вонъ, вонъ проходить въ дверяхъ!»—«Стой! Стой! Держите его! Бутягинъ! Волковъ! держите!».... «Идемте за нимъ, господа; этого такъ нельзя пропустить»..... Къ первымъ виновникамъ драки пристало еще нѣсколько лицъ, большею частью военныхъ, и всѣ они вмѣстѣ яростно кинулись въ садъ, но густая толпа, валившая имъ на встрѣчу, замедлила ихъ движеніе, а минутою спустя, когда эта шайка успѣла выбиться на просторъ, она не нашла уже никого. И маленькій и большой оба исчезли какъ дымъ. Въ саду и въ комнатахъ между тѣмъ бродили странные слухи. Дѣло, какъ оно было, видѣли очень немногіе, да и тѣ не могли хорошенько понять, что такое случилось. Одни увѣряли, что это былъ Англичанинъ, притравленный, кровный боксеръ, котораго напоили въ буфетѣ и который одинъ въ состояніи избить въ пуддингъ дюжины двѣ обыкновенныхъ людей. «Да зачѣмъ онъ вмѣшался?» «А такъ, онъ видите рутинеръ, инстинктивно не можетъ терпѣть отступленія отъ законовъ того, что у нихъ называется *честною мирой*. Это все то же, какъ вотъ, я вамъ разкажу, у одного изъ моихъ знакомыхъ былъ водолазъ, такъ тотъ купаться ему не давалъ. Какъ только увидитъ бывало въ водѣ, такъ тотчасъ за нимъ и ловить за волосы, чтобы вытащить на берегъ.» Но многимъ не нравилось это объясненіе; съ патріотической точки зрѣнія его находили неправдоподобнымъ, и толковали о шайкѣ воровъ, одѣтыхъ будто бы въ разное платье и затѣвающихъ драку нарочно, чтобы въ свалкѣ очистить карманы. Цѣлый часъ послѣ того, какъ все уже стихло, и публика снова усѣлась и музыка снова играла какой-то маршъ, квартальный съ городовымъ, какъ водится опоздавшіе, ходили еще въ саду и въ трактирѣ, съ встревоженнымъ видомъ осматривая пустыя дорожки и заднія комнаты, и дѣлая видъ, какъ будто бы ищутъ кого.

Но тотъ или тѣ, кого они могли бы найти, въ ту пору были уже далеко.

Прежде чѣмъ въ свалкѣ успѣли хватиться откуда пришелъ ударъ, Лукинъ, который нанесъ его, протолкался и вышелъ въ садъ, а изъ саду на пыльную, загородную дорогу. Погони не было; онъ это зналъ, и потому шелъ тихо, не торопясь, какъ вдругъ услышалъ, что кто-то за нимъ бѣжитъ.

— Пойдите, пойдите, эй! какъ васъ? Да дайте же хоть спасибо сказать!

Лукинъ обернулся.

— Матюшкинъ, ты?

— Я самъ, клянусь Богомъ, я самъ!

Матюшкинъ догналъ его на углу, подъ окномъ какой-то лавченки, изъ котораго тусклый лучъ свѣта падалъ на нихъ обонхъ.

— Знакомый! Знакомый!.. Вотъ славная штука! Дайте-ка посмотрѣть... ей Богу знакомый! твердилъ онъ, схвативъ его за руки и стараясь взглянуть...— Ба! ба! ба! Ахъ, я оселъ! Скажите, совсѣмъ ослѣпъ!.. Лукинъ! товарищъ, другъ дорогой! Какъ это я не узналъ! Впрочемъ, по правдѣ сказать, я видѣлъ только одну спину; а по спинѣ не всякаго различишь. Я, знаешь, какъ эта солдатчина на меня кинулась, норовилъ промежъ нихъ нырнуть, глядь, а тутъ сзади кто-то какъ хватить съ плеча; такъ даже подъ сердцемъ ёкнуло, думалъ въ меня. Анъ нѣтъ, не въ меня. Смотрю: летитъ одинъ кувырькомъ, а другіе опѣшили. Только тогда догадался назадъ посмотрѣть. Вижу, кто-то работаетъ въ свалкѣ локтями, направо, налево, такъ все и пятится въ сторону. А! значить вотъ онъ молодчикъ-то гдѣ! Ну, думаю, чорта я стану тутъ дожидаться? Лучше скорѣй за нимъ, можетъ и я ему еще пригожусь. А тутъ кутерьма такая кругомъ пошла, на меня уже никто и не смотритъ кричать, на тебя указываютъ другъ другу. Я шмыгъ, да насилу пробился; народъ такъ и валитъ на встрѣчу, всѣ въ двери, ты одинъ изъ дверей, только поэтому и узналъ. Да покуда я до крыльца добрался успѣлъ, ты былъ ужъ въ концѣ аллеи, у самаго выхода, такъ что я долженъ былъ за тобою бѣгомъ...

Матюшкинъ такъ запыхался, что больше не могъ говорить.

— Ты въ городъ? спросилъ Лукинъ.

— Да, въ городъ.

— Ну, если такъ, то вмѣстѣ идемъ.

Они отправились рядомъ.

— Жаль; что мы остальныхъ не отдули, замѣтилъ маленькій человѣкъ.

— Нашелъ о чемъ сожалѣть! Ахъ, ты побѣдная голова! Скажи слава Богу, что насъ не прибили. Ихъ тутъ было съ полдюжины. Хватись только во время, да они могли бы насъ такъ угостить; что на обоихъ бы вдоволь пришлось.

— На насъ обоихъ? Желалъ бы я посмотреть! Дай-ка ты мнѣ на четверть часа свои плечи, да я бы...

— Да, ты бы ихъ въ славномъ видѣ мнѣ воротилъ! Хочешь, вернемся, попробуемъ чья вывезеть?

Матюшкинъ захохоталъ.

— А что, шутки въ сторону, вѣдь ты пожалуй пойдешь, я тебя знаю. Ахъ, золотой человѣкъ! Люблю я такихъ людей! Другъ! Пріятель! Дай руку, будь я подлецъ, если я эту услугу забуду. На, бери меня всего, какъ я есть; дѣлай со мной, что хочешь, въ огонь и въ воду готовъ за тебя! Чего смѣешься? Ей Богу пойду, я отъ души говорю. Попробуй скажи: чего хочешь? Хочешь сейчасъ брошусь съ мосту въ рѣку? Хочешь вонъ этому полицейскому въ рожу дамъ?

— Да полно дичь-то пороть. Ну, что мнѣ въ томъ проку, что онъ тебя въ будку возьметъ или что ты окунешься въ водѣ? Скажи-ка лучше, съ тобою часто такія продѣлки бывали?

— Часто не часто, а правду сказать, случилось раза три.

— Ну и что жь, всякій разъ также легко съ рукъ сходило?

Матюшкинъ замался.

— Случалось, что и сойдесть, ну а иной разъ... того...

— Что это значить, тою?

— Да такъ, того, потреплютъ маленько... Конечно, и я на руку охудки не кладъ, прибавилъ онъ, глядя себѣ бакенбарды. — Я бъ и сегодня въ долгу у нихъ не остался, еслибы на то пошло.

Лукинъ покачалъ головой.

— Ну, братъ, я вижу, ты мало переѣнился съ тѣхъ поръ какъ въ гимназіи, на скамейкѣ сидѣлъ.

— Да съ чего мнѣ мѣняться-то? Худъ ли, хорошъ ли, какъ Богъ сотворилъ, таковъ я и есть.

— Да, это само собой разумѣется. Ну, а скажи пожалуйста, что за женщины это были, изъ-за которыхъ у васъ вышелъ споръ? Онѣ, кажись, немножко того...

— Нѣтъ, не немножко, а очень того...

— Ты съ ними знакомъ?

— Я съ кѣмъ незнакомъ! Что дѣлать, братецъ! Съ моими средствами къ свѣтскимъ барынямъ я не суйся, у нихъ тамъ претензіи разныя. Фракъ чтобъ сшитъ былъ по модѣ, въ обтяжку; штрибки чтобы были во всю подошву, перчатки чтобы были и днемъ и ночью у тебя на рукахъ, да еще чтобъ и чистыя были... гдѣ мнѣ за всѣмъ этимъ угоняться! Я человекъ простой, живу на мѣдныя деньги; а женщинъ и общество тоже люблю. Аппетиты, потребности разныя, все это также какъ у другихъ. Только я не брюзгливъ. Мнѣ что за дѣло какая она тамъ такая, я ей не судья. На мой вкусъ: чѣмъ проще баба, тѣмъ лучше. У этихъ по крайности все на лицо, всѣ грѣхи на показъ, а чего и невидно такъ догадаться легко, а у тѣхъ, у приличныхъ... поди разбери, что она тамъ подъ кружевомъ прячетъ, такъ можетъ, что и похуже еще откапашь. Вотъ оно что. Да вотъ Анна Егоровна напримѣръ..

— Хмъ! это та, у которой лиловая шляпка была на бекрень?..

— Да; ну, она, правду сказать, сегодня немножко лизнула; да мнѣ до этого чтò? Развѣ я пьянъ никогда не бывалъ? Мнѣ чтò за дѣло, какъ тамъ у ней шляпа торчитъ? Хоть задомъ ее напередъ надѣнь... Я знаю одно. Три года тому назадъ, какъ я въ горячкѣ лежалъ... въ кою пору, бывало, товарищъ-художникъ на пять минутъ забѣжитъ; одинъ, ни души возлѣ; не кому бы напиться подать, кабы не она. Ну, а она, спасибо ей, не забыла. И доктора привела, и сама разъ пять на день, бывало, ко мнѣ забѣжитъ; все, чтò нужно, своими руками сдѣлаетъ. А въ ту пору, ей было всего двадцать три; такъ вотъ оно, сердце-то, подитка такихъ пощипи! Скажутъ, шлюха... оно пожалуй и такъ, да шлюха-то эта, по моему, лучше пяти графинь.

— А ты почему знаешь графинь?

— Какихъ тамъ графинь! Мнѣ чтò за дѣло до нихъ; я такъ, для примѣра, сказалъ.

— Скажи, пожалуйста, ты съ художниками знакомъ? Чтò, ты ужь самъ не малюешь ли чего?

— Какъ же, братецъ. Я вотъ уже пятый годъ въ Академіи занимаюсь. Чѣмъ-нибудь надо же промышлять. Уроки имѣю, портреты пишу съ купцовъ на заказъ.

— Чтò жь они много тебѣ даютъ?

— Купечество-то?

— Ну да, за портреты и за уроки?

— Кой чортъ, много. До обморока торгуются, подлецы.

Иной разъ, конечно, бываетъ копѣйка въ карманѣ; да какъ заплатишь долги, останется малость такая, что и беречь ужъ какъ-то смѣшно. Въ одну недѣлю съ друзьями пропьешь, а тамъ опять мѣсяца три на кредитъ. Чайкомъ въ прикуску, да ломтикомъ чернаго хлѣба питаешься. Бумагу, краски, карандаши, все въ долгъ; ночуешь въ нетопленной комнатѣ, а днемъ въ классахъ или къ кому-нибудь изъ художниковъ погрѣться зайдешь...

— Ну, а другихъ знакомыхъ, кромѣ художниковъ, у тебя много?

— Да, есть. Съ актерами я большой пріятель, со швейками тоже.

— А съ студентами ты знакомъ?

— Нѣтъ. Есть тамъ, правда, нѣсколько человекъ, нашихъ старыхъ товарищей-гимназистовъ, да все это важно ужъ, слишкомъ стало съ тѣхъ поръ, какъ при шпагѣ; въ чиновники, въ бары глядитъ. А я, видишь, вонъ какъ одѣтъ. Вонъ, теръ-десяномъ рукавъ замазанъ. Шинелишка, тоже, что зимой носишь, не слишкомъ казиста; купилъ на толкучкѣ подержанную за тридцать рублей... такъ вотъ, они ужъ и знаться со мной не хотятъ. Идетъ, понимаешь ли, въ треуголкѣ; морскимъ офицеромъ такимъ глядитъ, да какъ встрѣтитъ тебя, тотчасъ глаза куда-нибудь въ сторону, приметъ такой разсѣянный видъ, точно и не замѣтилъ... А мнѣ-то что до него? Мнѣ на такихъ пріятелей наплевать!.. То-есть я это такъ говорю... я не хвѣлъ...

Матюшкинъ опять замаялся.

— Ты меня извини, Лукинъ, я совсѣмъ и забылъ, что ты самъ...

— Ничего, братецъ, я ужъ болѣе не студентъ, да если хочешь, то даже и не Лукинъ.

— Какъ такъ?

— А такъ; дѣло вотъ видишь какого рода. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ умеръ отецъ, и по смерти оставилъ долговъ тьму-тьму-щую, то-есть не то чтобы занялъ да не отдадъ, нѣтъ, онъ былъ честный баринъ; а такъ, взысканія разныя, клаузы, счета аптекарскіе на него навели, и все это требуютъ теперь отъ меня. А у меня капитадецъ въ карманѣ есть небольшой; жидакъ этимъ весь отдать, самъ безъ гроша останешься. Вотъ оно дѣло-то и выходитъ, что я отъ нихъ прятаться долженъ,

а они меня ищутъ; по всей Россіи съ собаками ищутъ и сюда въ Петербургъ дали знать.

— Вотъ подлецы! Раз...

— Да, подлецы; а что съ ними сдѣлаешь! По закону, они имѣютъ право. Такъ вотъ, братъ, я нечего дѣлать студентскій мундиръ свой по боку, да и отцовскую фамилію вмѣстѣ съ нимъ. Фамилію, впрочемъ, на время, покуда тревога пройдетъ.

— Хмъ! понимаю. Ну, братъ, я тебѣ скажу, ты молодецъ! Штуку лихую удралъ. Да какъ же? Какъ же тебя теперь-то зовутъ?

— А такъ же, какъ звали, только короче.

— Какъ такъ короче?

— Такъ. Прежде я былъ Григорій Алексѣвичъ Лукинъ, а теперь просто Григорій Алексѣвъ.

— Ха! ха! ха! Лукина по боку! Просто Григорій Алексѣвъ! Ну, а какъ же по батюшкѣ?

— А такъ же. Григорій Алексѣвичъ Алексѣвъ, вотъ-те и все.

— Bravo! И паспортъ фальшивый досталъ?

— На что мнѣ фальшивый? У меня есть въ деревнѣ сосѣдъ, близкій родственникъ, Алексѣвъ; а зовутъ его Алексѣй Никитичъ, и есть у него сыновья: одинъ—Алексѣй, другой—Павель, третій—Григорій. Теперь понимаешь? Григорью-то паспортъ его зачѣмъ? Онъ тамъ, въ деревнѣ своей, безъ виду можетъ прожить хоть сто лѣтъ. Понимаешь? Вотъ онъ мнѣ видѣ-то свой и ссудилъ.

— Брависсимо! Вотъ что называется начисто всѣхъ надугъ. Только смотри, братъ, ухо держи востро. Узнаютъ, такъ можетъ достаться.

— Кой чортъ узнаетъ? Ты развѣ узналъ?

— Узналъ, божусь Богомъ, узналъ.

— Полно врать. Смотрѣяъ минутъ пять носомъ къ носу, да и то уже послѣ, какъ я сказалъ... Ну, смотри же, Матюшкинъ, чуръ, нигугу! Трезвый, я знаю, что ты товарища не продашь, объ этомъ и говорить не стѣбитъ; да только съ пьяныхъ-то глазъ, ради Бога, ты какъ-нибудь не сболтни.

— Что за вздоръ! Развѣ я баба, чтобъ языкомъ своимъ не владѣть?

— То-то же, помни, что я сказалъ; на носокъ себѣ заруби.

— Не бойся; я съ тѣхъ поръ, какъ на свѣтъ живу, ни разу еще никого не впуталъ въ бѣду.

— Ну, баста! Объ этомъ нечего больше говорить. Четверть одиннадцатаго; я находился сегодня вдоволь и вѣсть до смерти хочу. Садись, поѣдемъ ко мнѣ.

Онъ кликнулъ пустую коляску, которая шагомъ плелась мимо нихъ, и они поскакали.

Лукинъ былъ въ духѣ. Скука его исчезла. Тысячи плановъ, тысячи разныхъ затѣй бродили въ его головѣ. Случай какъ будто подслушалъ его желанія и быстро вывелъ его за порогъ карантина, въ которомъ онъ былъ до сихъ поръ заключенъ. Матюшкинъ, конечно, находка сама по себѣ не очень блестящая, но обстоятельства дѣлали ее драгоценною. Теперь онъ былъ уже не одинъ; онъ нашелъ себѣ точку опоры и ловкій рычагъ въ собственнаго лица, съ которымъ опасно было соваться впередъ. Матюшкинъ былъ бойкій, толковый и преданный человекъ. Онъ сдѣлаетъ для него все, что нужно. Онъ будетъ первою ступеню къ той крѣпкой позиціи, которую онъ хотѣлъ штурмовать. Но надо, конечно, чтобы онъ не остался въ накладѣ; надо, чтобы онъ награжденъ былъ сполна за все, чего Лукинъ ждетъ отъ него. А это не трудно. Начало уже положено: онъ выручилъ его изъ бѣды, онъ спасъ его отъ такой переборки, въ которой не только рукавъ, запачканный теръ-де-сьеномъ, а вмѣстѣ и весь костюмъ его съ бакенбардами и съ усами и съ прочими какъ искусственными, такъ и природными принадлежностями, могли пострадать жестоко. Но этого мало. Лукинъ зналъ хорошо, что пріятель его любитъ кутнуть, но что карманъ его пустъ, что онъ нуждается очень во многомъ; и вотъ, онъ рѣшился, вопервыхъ, на славу его угостить.

Квартира его была на Фонтанкѣ, между Измайловскимъ и Обуховымъ мостомъ. Третій этажъ, двѣ чистыя, свѣтлыя комнаты, окошками на рѣку, удобная мебель, обои, гардины, каминъ. Какъ только успѣли они войти, и мальчикъ-лакей зажегъ свѣчи, хозяинъ тотчасъ же отдалъ ему всѣ нужныя приказанія.

— Слушай, Вася; вотъ видишь, я гостя съ собой привелъ: надо намъ пиръ задать; такъ ужъ ты постарайся. Вотъ деньги; сейчасъ же бѣги бѣгомъ къ кухмистеру. Чтобы ужинъ на двухъ готовъ былъ духомъ; да не какой-нибудь жиденькій, постный, а чтобы бы было за что спасибо сказать. Баринъ, молъ, именинникъ сегодня, гостей принимаетъ; самое лучшее, что только можетъ достать, все чтобы было тутъ. Да скажи, чтобы при-

слазь отъ себя чловѣка съ приборомъ со вѣзмъ, слышишь ли?

— Слушаю, сударь.

— А отъ кухмистра ты бѣги въ фруктовую лавку; знаешь, тамъ, за мостомъ?

— Знаю-съ.

— Тутъ же и винный погребъ внизу. Въ лавкѣ возьми икры и швейцарскаго сыру, а въ погребѣ... въ погребѣ ты купи три бутылки вина. Матюшкинъ, какого хочешь заказывай.

Матюшкинъ слушалъ, облизываясь, да пощелкивая языкомъ. Желудокъ его предчувствовалъ страшное наслажденіе.

— Все равно, какого; я всякое пью.

— Шампанское любишь?

— Люблю, чортъ возьми! адски люблю!

— Ну, хорошо; возьми три бутылки шампанскаго. Ну а еще чего? Не хочешь ли портеру?

— Хочу, братецъ, очень хочу!

— Слышишь, Вася? Три бутылки шампанскаго, да одну портеру. Смотри, не забудь. Веди при себѣ уложить въ корзину, вмѣстѣ съ икрой и съ сыромъ, и тотчасъ носи сюда. Ну, ступай, живо, бѣгомъ!

Мальчикъ кинулся со вѣсѣхъ ногъ, и минутъ черезъ десять вернулся, исполнивъ всѣ данныя порученія. Вмѣстѣ съ нимъ пришли отъ кухмистра двое. Столъ былъ накрытъ, каминъ затопленъ, бутылка портеру выпита еще до ужина. Вслѣдъ за ней появилось шампанское, подали супъ, и ужинъ пошелъ своимъ чередомъ. Матюшкинъ, вниманіе котораго долго поглощено было исключительно тарелкою и стаканомъ, на первыхъ порахъ велъ себя очень чинно; но пять или шесть бокаловъ шампанскаго привели его вдругъ въ неистово-шумное и веселое настроеніе духа. Шутки и выходки брызнули изъ него, какъ пѣна изъ полуткупоренной бутылки.

— Чудо! прелесть! великолѣпіе! кричалъ онъ въ неудержимомъ восторгѣ, глотая шипучую жидкость.—Ощущеніе нисъ чѣмъ въ мірѣ несонамѣримое. Эй! Васька! Поди сюда, собачій сынъ!

Мальчикъ пришелъ.

— Знаешь ли ты... поди сюда, ближе... стань здѣсь... знаешь ли ты, гдѣ руки зимуютъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ тотъ, косясь на тарелку съ

фруктовымъ желе, въ серединѣ котораго горкой наложено было варенье.

— Куда ты глядишь, мошенникъ? Ты думаешь, тамъ? А вотъ и не тамъ. Смотри сюда: видишь, вонъ они гдѣ зимуютъ.— Онъ стукнулъ ножомъ по бутылкѣ.—А какъ ихъ изъ норки на чистую воду выводить, знаешь?

— Знаю-сь, отвѣчалъ Васька.

— А нутка, выведи, покажи.

Бойкій мальчикъ взялъ въ руки бутылку и налилъ въ пустой бокалъ.

— Молодецъ! Будетъ прокъ... на, пей!

— Полно, къ чему ты его балуешь? сказалъ Лукинъ.

— Оставь, братецъ, не мѣшай. Я хочу его поучить; не бось, не испорчу. Пей, говорить тебѣ!

Васька хлѣбнулъ.

— Ну, что? Каково?

— Нѣтъ-сь, не кисло-сь.

— Что жь, хорошо?

— Хорошо-сь.

— А нутка, хлѣбни еще... Стой! стой! Что это ты кучу какую выпилъ? Подай назадъ половину... подай сейчасъ, говорить тебѣ, плутъ!

— Нельзя-сь; назадъ не хочетъ идти.

— Не хочетъ? Ну такъ пошли курьера въ догонку, чтобы воротилъ.

Васька хватился было опять за рюмку, но Лукинъ, которому шутка эта не нравилась, стукнулъ пальцами по столу и велѣлъ ему идти вонъ.

— Эхъ, братецъ, ну зачѣмъ ты его усламя? Я бы его разомъ выучилъ пить.

— Очень нужно!

— Еще бы не нужно! Онъ бы тутъ же, съ мѣста не трогаюсь, высказалъ намъ всю душу, все, что въ немъ есть. Какъ внять, можетъ-быть, въ этомъ щенкѣ великій человекъ кроется. А нынѣшнѣмъ не напоишь, ничего не узнаешь. Подъ спудомъ гаснетъ огонь; мелочи, дразги будничныя давятъ къ землѣ. Великіе люди всѣ это понимали, всѣ этимъ путемъ узнали свое призваніе, и отъ этого всѣ были горькіе пьяницы. Я самъ давно бы за это принялся, чтобы себя разузнать, да жаль, денегъ нѣтъ. А вотъ, подожди, когда-нибудь въ добрый часъ, какъ съ средствами соберусь, увидишь, какую штуку выкину,

всѣхъ удивлю. Запоемъ запью, на цѣлый мѣсяць запрусь у себя; картину такую имъ напишу, что разомъ первую золотую дадутъ. Въ Римъ увѣду... оттуда пришлю сюда на профессора...

— Хорошъ ты будешь профессоры!

— А ты какъ думаешь? Профессоръ буду такой, что всѣ ко мнѣ перейдутъ. Другъ и товарищъ буду съ учениками... всю академію съ круга спюю. Я врагъ педантскимъ системамъ и деревянному стилю! Я школу свою особую заведу, школу естественной непосредственности. Все нараспахну! Всѣ пробки вонь! Все, что въ печи, то и на столъ мечи!... Я имъ покажу, что значитъ художникъ!

— А что? спросилъ, усмѣхаясь Лукинъ.—Нельзя ли мнѣ по секрету открыть?

— Художникъ... Слушай, братъ, художникъ, это—младенецъ, голубъ душой. Ни къ чему не причастенъ, ни съ чѣмъ не знакомъ; глупъ, простъ до пошлости; во всемъ выливается весь, цѣликомъ, всему отдается сполна, себя не жалѣя; не мыслить, не разсуждаетъ, живетъ безсознательно, со дня на день, съ часу на часъ, съ руки прямо въ ротъ.

— Тѣбу, гадость какая! Да это какой-то юродивый! Какой-то баранъ! идиотъ!

— Постой, постой, больно прытокъ! Это все такъ, юродивый, идиотъ съ одной стороны, да съ другой-то вѣдь это змѣя подколодная, ехидна, хитерь какъ бѣсъ... все видитъ насквозь, все знаетъ заранее наизусть; все пережилъ, почувствовалъ и отвѣдалъ, и послѣ на все наплевалъ. Своя жизнь наскучила, онъ чужою живетъ; десять тысячъ всякаго рода жизней въ одну минуту сожретъ и все еще голоденъ, все ему мало!.. Въ своей шкурѣ тѣсно, вотъ онъ, каналья, въ чужую ползеть; сокъ-то весь высосетъ, а кожуцу шлепъ за окошко...

— Матюшкинъ! помилуй, да это вампиръ!

— А ты думалъ, какъ? Да, братецъ, да, художникъ! вампиръ, и нѣтъ, братецъ, нѣтъ не вампиръ! Художникъ—это змѣя и голубъ, младенецъ и бѣсъ... и все это смѣшано въ немъ, какъ была съ олонецкою костью, въ скромненькій, сѣренькій полутонъ... Художникъ—это Матюшкинъ... Матюшкинъ свинья, бездѣльникъ, пьяница, мотъ, оборванецъ! и Матюшкинъ—великій человекъ! Матюшкинъ—геній, профессоръ Санктъ-Петербургской Академіи художествъ, надворный совѣтникъ и кавалеръ! Урра!

Онъ вскочилъ съ бутылкой въ рукахъ на стулъ и сталъ лить вино себѣ прямо въ горло. Лукинъ хохоталъ, держась за бока.

За выходками пошли разказы и анекдоты, за анекдотами цѣлыя представленія. Било ужъ два часа пополуночи; остатки ужина только что вынесли вонъ; Матюшкинъ только что кончилъ какой-то разказъ, его разбирало. Въ неудержимомъ порывѣ, придвинувъ къ комоду стулъ, онъ вскочилъ на него и началъ разыгрывать дикую сцену.

Натурщикъ, парень лѣтъ за сорокъ, мѣщанинъ, съ краснымъ носомъ, съ обрюзглою рожей и съ маленькими, подслѣповатыми глазами, позируетъ въ мастерской старичка-живописца, который, за недостаткомъ женской натуры, пишетъ съ него фигуру Евы въ раю. Старикъ поставилъ его въ граціозную позу, а самъ сидитъ у холста и работаетъ очень усердно. Но онъ не доволенъ, онъ сердится и ворчитъ, потому что натурщикъ пришелъ къ нему пьяный, съ трудомъ стоитъ на ногахъ, безпрестанно мѣняя позу; зѣваетъ, потягивается, икаетъ, смѣется, прищуря глаза и дѣлая глупую рожу; почесываетъ украдкой то спину, то локоть, то голову; наконецъ, дремлетъ, расклевываясь, съ большою опасностію полетѣтъ и опрокинуть картину; а старичокъ, съ очками на лбу, уткнувъ носъ въ работу, читаетъ ему мораль и безпрестанно его поправляетъ.

— Кисточку, кисточку, Сенька, поженственнѣе, помягче... да что это палець-то у тебя какъ распухъ? Валался гдѣ-нибудь, бестія, на мостовой... вишь синяки-то какіе наколотилъ на вискахъ!

Сенька фыркаетъ и третъ себѣ локоть, который тоже распухъ.

— Охота вамъ, Осипъ Григорьичъ, съ этой скотины писать! говорить ученикъ, присутствующій при работѣ. — Какую изъ него Еву сдѣлаешь? Вѣдь въ немъ-то отъ [Евинаго-то рода только и есть что грѣхъ.

— Хмъ, грѣхъ! ворчитъ старикъ, занятый своимъ дѣломъ... Грѣхъ!.. Много ты смыслишь, молокососъ!.. А линіи-то какія? А тонъ?.. Сенька, не спи, подлець. (Сенька потягивается и зѣваетъ.) Смотри, вонъ, вишь, по торсу-то отъ плеча, вишь выгибъ какой идетъ!.. Женственно, нѣжно!..

— Тѣбу, пакость! шепчетъ отплеываясь молодой человекъ.

— Ахъ ты, глупецъ, глупецъ. Да тебѣ женщину-то по-

ставь, такъ ты и двухъ мазковъ по холсту не сдѣлаешь, весь тутъ растаешь...

— Вы не я, Осипъ Григорьичъ, ваши лѣта не тѣ. Неужто и вы растаете?

— Растаю! Какъ же, такъ вотъ я тебѣ и растаялъ... Ай Сенька! Сенька! Ахъ, бестія! Ахъ, подлецы!..

Сенька, который уснулъ, летитъ съ подмостковъ внизъ головой и роняетъ картину.

Спрыгнувъ со стула. Матюшкинъ началъ плясать, потомъ запѣлъ во все горло, потомъ легъ на полъ, и сталъ представлять какъ Англичанинъ плаваеъ на шесть манеръ; потомъ какъ онъ катаеъ на конькахъ, потомъ какъ ѣздитъ верхомъ и т. д. Съ полчаса еще длилась потѣха. Лукинъ хохоталъ до упаду; наконецъ онъ и самъ началъ чувствовать, что становится пьянъ. Матюшкинъ совсѣмъ былъ *готовъ*. Косматые волосы длинными клокъями висѣли у него на глазахъ; изъ подъключевъ глаза смотрѣли безумно съ какими-то особеннымъ напряженіемъ, какъ будто собираеъ выскочить изъ орбиты. Васька, который въ передней доѣдалъ всѣ остатки отъ ужина и допивалъ аккуратно подонки отъ всѣхъ бутылокъ, былъ тоже пьянъ и успѣлъ ужъ разбить двѣ тарелки. Пора было кончить кутежъ. Вдругъ ему въ голову пришла какая-то мысль.

— Эй! Матюшкинъ! Матюшкинъ! сказалъ онъ, кидаясь къ нему и хватая его за рукавъ.—Матюшкинъ! Ты знаешь меня?

— Знаю, чортъ тебя побори! Еще бы не знать!

— А ну-ка, скажи, какъ зовутъ?

— Какъ зовутъ? Ха! ха! ха! Зовутъ тебя... тсс! ни гугу!...

Хмъ! вотъ оно что! Хмъ! понимаю... Значить нельзя, не должно; ну такъ и нечего говорить...—Онъ вдругъ опомнился и сталъ тереть себѣ лобъ; потомъ взглянулъ на пріятеля очень серьезно.—Не бойся, братъ, Алексѣичъ, сказалъ онъ:—Матюшкинъ часто бываетъ пьянъ; на этотъ счетъ грѣшенъ... но выдать товарища... Н-никогда!.. Хмъ! Такъ-то-съ. Да, это такъ, въ этомъ не сомнѣвайся, пожалуста... Н-не сомнѣвайся, чортъ побори!..

Съ минуту, онъ бормоталъ еще что-то невнятно себѣ подъ носъ, потомъ опрокинулся на диванъ и заснулъ мертвымъ сномъ.

II. Розыскъ.

На другой день, поутру, довольно поздно, Лукинъ съ своимъ пріятелемъ пили чай. Матюшкинъ сидѣлъ на окнѣ съ сигарой во рту, а Лукинъ на диванѣ.

— Такъ вотъ, братецъ, дѣло какого рода, Лукинъ говорилъ:— Квартира вздоръ; квартиру я самъ отыщу, а нуженъ мнѣ человекъ, который бы лично ихъ зналъ, или знакомый этого человека, или знакомый его знакомаго, кто-нибудь все равно, лишь бы дорожку найти, да за что-нибудь уцѣпиться, а тамъ ужъ я самъ доберусь.

— Такъ-съ, отвѣчалъ Матюшкинъ, лукаво прищуря глаза, — такъ-съ понимаемъ-съ, приложимъ стараніе всевозможное, будемъ разнюхивать на всѣ стороны, и какъ только почувемъ слѣдъ, тотчасъ, къ вашему благородію съ рапортомъ... А позвольте спросить: что это за Маевскіе, и на что они вамъ?

— Вотъ видишь ли братецъ... Лукинъ — немножко замаялся:— это двѣ барыни, которыхъ я встрѣтилъ на станціи и съ которыми я хочу покороче сойдтись.

— А! Такъ вы стало-быть ужъ знакомы! Скажи пожалуйста, да изъ чего жъ ты еще хлопчешь? Знакомы, такъ и ступай прямо въ домъ.

— Нельзя, братецъ. Это не швейки какія-нибудь, къ которымъ ходятъ безъ спроса... Свѣтскія дамы, мужъ губернаторъ. Въ ихъ кругу это не принято. Мало ли съ кѣмъ въ дорогѣ заговоришь; это еще не даетъ тебѣ права, безъ приглашенія, лѣзть въ гостиную. У нихъ тамъ на все свои формы есть.

— О! чортъ побери эти формы! Есть изъ чего затрудняться! Дѣло простое, естественное... встрѣтилъ въ дорогѣ... бабенка смазливенькая... понравилась... приволокнуться смерть хочется... ну и приволокнись.

— Ба! что за вздоръ! Матюшкинъ, ты сдѣлай милость не думай...

— Вотъ еще, стану я думать. Мнѣ-то до этого что? Я не баба чтобы сплетнями заниматься. Мое дѣло тутъ сторона. Я тебѣ ихъ отыщу, а тамъ дѣлай съ ними что хочешь, хоть

ладонью нмъ надѣ.. Я тебя только одно скажу: плутъ ты братаецъ, Григорій Алексѣичъ, большой руки плутъ!

Лукинъ засмѣялся.

— Ну нечего тутъ говорить, сказалъ онъ, махнувъ рукой, — объ этомъ съ тобой не стоикуешься. Я тебя только прешу, когда станешь развѣдывать, чуръ обо мнѣ ни полслова. Придумай темъ первое что тебѣ въ голову попадетъ, какой угодно предлогъ.

— Это зачѣмъ?

— Да такъ, на случай, если кто спросить, зачѣмъ ты о нихъ спрашиваешься.

— Вотъ еще! очень тутъ нуженъ предлогъ! Такъ, просто, справляюсь безъ всякаго повода... На улицѣ слышала фамилію, видѣлъ въ театрѣ тамъ что ли... А если замѣчу, что кто-нибудь соблазнился, я ему тотчасъ по твоему: вы, дескать, сдѣлайте милость не думайте, вотъ и все.

— Отлично!

Они говорили еще съ полчаса. Замѣтивъ, что тотъ собирается уходить, Лукинъ искусно навелъ разговоръ на денежные обстоятельства. Оказалось, какъ можно было легко угадать, что они очень плохи.

— Знаешь ли что, Матюшкинъ, возьми у меня въ займы.

— А что, въ самомъ дѣлѣ? Дай, братаецъ, пожалуйста сколько-нибудь, хоть пять или десять рублей, а то въ карманѣ такъ пусто, что просто тошнить.

— Десять рублей! Ну, нечего сказать, запросялъ!

Матюшкинъ сконфузился.

— Что ты сдѣлаешь на десять рублей? Издержишь помочамъ въ какую-нибудь недѣлю, а тамъ опять останешься безъ копѣйки.

— Да, оно правда; такъ какже дѣлать-то, братаецъ? Я правда не знаю.

— А вотъ какъ. Мы вѣдь съ тобой товарищи?

— Правда.

— И церемониться намъ другъ съ другомъ глупо?

— Конечно глупо.

— Такъ вотъ, ты знаешь, что у меня теперь деньги есть; вотъ ты мнѣ запросто и скажи, сколько тебѣ тамъ нужно на все, чтобы до перваго срока хватило.

Матюшкинъ повеселѣлъ.

— Ну-ка, давай считать, продолжалъ Лукинъ.—Сколько ты долженъ всего?

— Это зачѣмъ?

— Зачѣмъ чтобы заплатить. Я буду твой кредиторъ, а всѣхъ остальныхъ мы по боку; ладно?

— Ладно, идетъ; только братъ ты сдѣлай милость не думай, чтобъ я того... я только что получу, все выплачу.

— Ну, ну, конечно. Считаю-ка.

Матюшкинъ началъ считать, но пріятель перебилъ его. Ну а на платье тебѣ сколько нужно?

— На платье? Зачѣмъ? Годится и это.

— Нѣтъ, не годится. Поди-ка, стань къ зеркалу, посмотри. Вонъ видишь: ворсѣ вытерты, петли дерутся, воротникъ грязный, засаленные рукава тоже. Я не на счетъ щегольства тебѣ говорю, а все же надо, чтобъ было хоть чисто, да цѣло вездѣ. А это ты хоть кого спроси, это все—брюки, жилетъ, бѣлье, куртка, шляпа,—все отслужило свой срокъ и не годится ни къ чорту, надо все новое шить.

— Шить-то не штука, пожалуй можно и шить, да только вѣдь это все стѣить...

— Объ этомъ не хлопочи, считай сколько стѣить.—Матюшкинъ опять сталъ считать, выкладывая по пальцамъ.—Постой, приложи еще на квартиру, на столъ, чай, сахаръ и проч. считай на три мѣсяца.

— Вотъ те на! Да вѣдь это выходитъ, что я на твой счетъ буду жить, потому что когда же я все это выплачу?

— Объ этомъ послѣ поговоримъ; считай.

— Пожалуй, счетъ сдѣлать не трудно.

Такъ думалъ Матюшкинъ, но на повѣрку вышло труднѣе чѣмъ онъ полагалъ. Около часу прошло прежде чѣмъ онъ успѣлъ свести итоги. Вышло что денегъ нужно ему всего четыреста пятьдесятъ рублей съ чѣмъ-то. Считали они, какъ всѣ въ ту пору, на ассигнаціи; тѣмъ не менѣе, когда пришлось выговорить всю сумму, Матюшкинъ опять сконфузился.

— Четыреста! онъ бормоталъ: — вонъ оно, вонъ куда повезло! Четыреста пятьдесятъ!.. Нѣтъ, братъ Григорій Алексѣичъ, шутишь, не по карману!

— Это отчего? Въ карманъ что ли не влѣзеть? Или карманъ дырявый, не сбережешь?

— Да если хочешь, то можетъ и это случиться. Я деньги беречь не привыкъ,

— Ну такъ я за тебя сберегу, а ты приходи и бери когда нужно.

— Спасибо, да только прежде чѣмъ мы порѣшимъ, ты мнѣ скажи откровенно... на сколько, то-есть когда я долженъ буду отдать?

— А когда хочешь, мнѣ все равно.

— Какъ все равно?

— А также. У меня денегъ теперь гораздо больше чѣмъ нужно. Все равно, будутъ лежать безъ пользы...

— Ну а проценты?

— Какіе проценты! Что я жидъ, что ли, чтобы товарищу на проценты давать? Да и что тамъ, съ пяти сотъ рублей, много ли ихъ накопишь?

— Да какже? Ну а если надолго затянется, на нѣсколько лѣтъ?

— Такъ чтожь?

— Да такъ! Оно какъ-то совѣстно.

— Это отчего? Вѣдь ты не выпрашивалъ, я самъ тебѣ предложилъ. Послушай, Матюшкинъ, еслибы ты былъ съ деньгами, а я безъ копѣйки, неужли ты не далъ бы мнѣ такихъ пустяковъ?

— Я?... Чортъ знаетъ, братецъ... мнѣ и во снѣ никогда не снилось, чтобъ я былъ съ деньгами... Почему я знаю, что было бы въ такомъ случаѣ. Я можетъ-быть сталъ бы не тотъ человекъ, чтò теперь, сталъ бы копѣчникъ, скряга... а впрочемъ что на себя клепать! Теперь, въ эту минуту, случись у меня капиталъ, конечно я въ ростъ бы его не пустилъ. Я бы ему протеръ глазки.

— Ну и товарищу далъ бы займы? спросилъ Лукинъ.

— Конечно далъ бы; вотъ ты же даешь.

— Ну такъ чего жъ толковать! Подумай, Матюшкинъ, вѣдь это глупо. Деньги на то и сдѣланы, чтобъ ихъ тратить. Деньги не любятъ лежать. Онѣ хороши только тогда, когда отъ нихъ польза кому-нибудь есть, а безъ этого деньги чтò? Тьфу! Добраго слова не стѣять.

— Вотъ правда, славно сказалъ! воскликнулъ Матюшкинъ, спрыгнувъ съ окна.—Да я то что чушь несу, совсѣмъ ошалѣлъ, ей Богу! Человекъ хорошее дѣло дѣлаетъ; деньги даетъ товарищу въ долгъ, а товарищу кобенится, упирается какъ баранъ. Нечего меледить! Нечего жаться, да лицемѣрить! Надо вести-

себя откровенно. Деньги нужны, деньги дають отъ души, ну и бери отъ души, вотъ и все.

— Берешь стало-быть?

— Беру, Григорій Алексѣвичъ, беру! Спасибо тебѣ, дай руку. Пусть будетъ по твоему, пусть буду я долженъ тебѣ со всѣхъ концовъ,

— Не хлопочи, сочтемся когда-нибудь,

— Дай Богъ! Ну прощай, пора до дому, дѣло есть.

— Теперь возьмешь что-нибудь?

— Возьму. Давай пожалуй, только не все. Давай двѣсти рублей.

Лукинъ отсчиталъ ему деньги и отпустилъ его. Часа черезъ два, онъ отправился въ Лѣтній Садъ, а оттуда опять въ Большую Милліонную. Дворникъ стоялъ опять у воротъ. Завидѣвъ его, онъ издали еще снялъ шапку.

— Ну что, отыскалъ?

— Отыскалъ, сударь. Вонъ прямо, за переулкомъ, четвертый домъ. Съ улицы, въ первый подъездъ, извольте идти на двѣстницу; тамъ, во второмъ этажѣ, будетъ дверь. Тутъ они и живутъ. Всего два мѣсяца какъ самъ генераль переѣхалъ, а барыня ихъ съ сестрицей недавно изволили быть.

Лукинъ пошелъ прямо къ дому. Безъ всякой цѣли въ виду, онъ просто хотѣлъ убѣдиться въ своей находкѣ.

— Кого вамъ угодно? спросилъ швейцаръ, встрѣчая его въ дверяхъ.

— Маевскіе здѣсь живутъ?

— Здѣсь сударь, только ихъ дома нѣтъ. Федоръ Леонтычъ къ министру уѣхалъ, а Софья Осиповна съ сестрицей отправились Эрмитажъ смотрѣть.

— Онѣ однѣ тамъ?

— Нѣтъ-съ не однѣ, капитанъ Левель съ ними.

— А, Левель! Ну, хорошо, прощай.

— А какъ прикажите о васъ доложить?

— Не нужно; я ихъ увижу прежде тебя.

Онъ вышелъ къ старому аданію Эрмитажа. Какая досада! Билета нѣтъ! думалъ онъ, а впрочемъ на что билетъ? Новая встрѣча меня не подвинетъ впередъ, а скорѣе испортитъ мой планъ. Швейцаръ пожалуй разкажетъ; онѣ дагадаются, что я ихъ искалъ, и выйдетъ глупо, смѣшно. Вотъ Левель другое дѣло. Левель—дорожка, которая ближе меня приведетъ... Гвардеецъ конечно... какъ бы взглянуть на мундиръ?.. Что жъ, по-

дождемъ: если только онъ еще тутъ, то я увижу ихъ издали непременно. Ба! это что за коляска?.. Эй! кучеръ! чей экипажъ?

— Генеральши Маевской.

Рядомъ съ коляской стояли дрожки.

— А ты чей? спросилъ Лукинъ.

— Левеля, капитана.

— Хм! Левель... фамилія мнѣ знакома. Капитанъ Левель... какого полка?

— У нихъ нѣтъ полка, они служатъ по антирелии.

Лукинъ повернулся и пошелъ прочь. Ждать было незачѣмъ; онъ узналъ все что нужно. Всю дорогу домой имя *Левеля* не выходило у него изъ мыслей. Онъ не солгалъ кучеру, утверждая, что имя ему знакомо. Въ звукъ было дѣйствительно что-то знакомое; что-то такое, что онъ слыхалъ когда-то, давнымъ давно. Въ гимназій можетъ-быть?.. Нѣтъ, кажется не въ гимназій... скорѣе въ деревнѣ. Онъ началъ припоминать, и что-то неясное зашевелилось въ потемкамъ прошедшаго, гдѣ-то далеко, далеко, какая-то слабая радуга красокъ, безъ всякаго очертанія, какой-то хаосъ бессознательныхъ ощущеній... «*Левель?*...» твердилъ онъ себѣ, какъ проснувшійся человекъ, который усиливается припомнить свой сонъ... И вотъ, вслѣдъ за звуками этого слова, какъ вслѣдъ за таинственнымъ заклинаніемъ чернокнижника, начали выходить изъ хаоса, одинъ за другимъ, знакомые образы съ старыми, хорошо знакомыми очертаніями... Лѣто и зелень... тихій іюльскій вечеръ... смолистый запахъ деревьевъ... сосновая роща... рѣка... Вотъ, онъ сидитъ у берега съ удочкой, а возлѣ Андрей... Поплавокъ у него нырнулъ, и въ то же мгновеніе длинный конецъ удилица согнулся до самой воды... «Легонько, легонько! отдайте! не вдругъ! шепчетъ Андрей весь вспыхнувъ. — Большущая рыбина!.. Крѣпче держите, крѣпче! утянетъ!..» Онъ выдался весь впередъ, пестрая спинка щуки мелькнула на мигъ изъ воды, рыба дала скачокъ, онъ съ дуру дернулъ въ противную сторону, и въ ту же минуту все кончилось. Хвостикъ оборванной леси болтался на воздухѣ; онъ и Андрей смотрѣли другъ другу въ глаза, широко разинувъ рты; рыба ушла!—Гдѣ это было? Позвольте... не слишкомъ далеко отъ Жгутова, — гдѣ-то верстахъ въ двадцати, въ какомъ-то имѣніи на Двинѣ... Они отправились на рѣку изъ маленькой деревушки, за Рябовымъ озеромъ, которую звали... какъ бишь?.. Верехино, ка-

жется—да, точно, Вережино. Они его долго искали. Онъ помнить какъ вечеромъ, въ сумерки, когда они подъѣзжали къ Вережиноу лѣсомъ, попался имъ маленькій, старенькій мужичокъ, котораго онъ допрашивалъ и который сказалъ... А! вотъ оно гдѣ! Поималъ наконецъ! У нихъ былъ въ уѣздѣ одинъ сосѣдъ Левель. Въ имѣніе этого Левеля они ѣздили удить, давнымъ-давно и всего раза два;—но одинъ разъ онъ помнить; потому что въ тотъ разъ, у него сорвалась рыба первой величины, и онъ съ досады едва не плакалъ... Но чтò жъ изъ того? Левель, еслибы даже и тотъ, или сынъ того самаго, все-таки съ нимъ не знакомъ; ни онъ, ни отецъ никогда его не видали, да еслибъ отецъ и видѣлъ, то чтò жъ изъ того? Рѣшительно ничего, —пустяки! все старое ни къ чему не ведетъ. Старое надо забыть, вымести, вычеркнуть, выскоблить, чтобъ оно не совалось куда не требуютъ.

Въ тотъ же день вечеромъ, онъ отправился на Васильевскій Островъ къ Матюшкину. Онъ долго его искалъ; наконецъ гдѣ-то, за Среднимъ Проспектомъ, на заднемъ дворѣ, ему указали грязную, темную лѣстницу, по которой онъ долженъ былъ ощупью идти вверхъ. На лѣстницѣ пропасть дверей. Разъ пять онъ звонилъ и стучался то въ ту, то въ другую, пока наконецъ въ какой-то кухнѣ, какая-то судомойка, сжалась надъ нимъ, не указала куда идти. Опять онъ попалъ на кухню.

— Матюшкинъ, Борисъ Петровичъ, тутъ? спросилъ онъ у дѣвочки, отворившей двери.

— Здѣсь, вотъ сюда идите, направо; вотъ я сейчасъ посвѣчу. Она повела его въ корридоръ, загроможденный шкапами; два раза, онъ чуть не разбилъ себѣ лобъ, спотыкаясь о разную дрянъ. Наконецъ провожатая указала ему на какую-то дверь. «Вотъ здѣсь,» сказала она. Лукинъ отворилъ и увидѣлъ густое облако дыма. Дымъ былъ табачный. Въ дыму мерцали двѣ салныя свѣчки. При красномъ заревѣ ихъ, мелькало множество юныхъ, веселыхъ лицъ. Цѣлое общество, въ разныхъ позахъ, сидѣло, лежало, стояло вокругъ небольшого стола, безъ скатерти, уставленного стаканами, мѣстами прожженного и страшно засыпаннаго табачною золой. На столѣ стоялъ кривоногій, пузатый маленькій самоваръ, весь закопченный и почернѣвшій отъ старости. У самовара сидѣлъ Матюшкинъ, въ рубахѣ, съ сигарой во рту. Передъ Матюшкинымъ откупоренная бутылка рому и штофъ съ очищеннымъ, только-что начатой. Возлѣ штофа, краюха ситнаго хлѣба и нѣсколько бѣлыхъ булокъ. Въ другомъ углу комнаты — мольбертъ; на мольбертѣ

ветхая папка; на папкѣ налѣпленъ рисунокъ: натурщикъ, въ мудреной позѣ, стоитъ растопыривъ до-нельзя свои мускулистыя ноги, и пальцемъ указываетъ куда-то.

— Кого я вижу! воскликнулъ Матюшкинъ, вскочивъ. — Григорій Алексѣичъ! Вотъ славно! Вотъ истинно одолжилъ! А у меня тутъ товарищи... вмѣстѣ изъ классовъ зашли... все славный народъ. Эй, господа! Честь и мѣсто... Мой другъ,— мой истинный другъ и пріятель, Григорій Алексѣичъ Алексѣевъ; прошу любить да жаловать;—еще въ гимназiи на одной скамейкѣ сидѣли. Григорій Алексѣичъ, садись, братъ; спасибо тебѣ, что пришелъ; садись сюда на диванъ; вотъ я сейчасъ тебѣ чаю налью.

Лукинъ сѣлъ, съ любопытствомъ осматриваясь кругомъ. Все притихло, когда онъ вошелъ. Художники, бѣлая часть которыхъ, одѣтая довольно мизерно, сидѣла безъ сюртуковъ и безъ галстуконъ, дичились, застѣнчиво поглядывая на его щегольской сюртукъ. Онъ самъ не зналъ, въ какой кругъ попалъ, и что ему дѣлать тутъ съ этими господами. Но бойкій хозяинъ проворно вывелъ изъ затрудненiя всѣхъ. Онъ началъ съ того, что выругалъ двухъ или трехъ за то что они мало рому пьютъ.

— Григорій Алексѣичъ, рому?

— Давай.

— Эй, господа! Вы чего тамъ молчите? Что я къ вамъ ректора что ли привелъ? продолжалъ Матюшкинъ. — Зиновьевъ! Будкинъ! Вѣдь вы сейчасъ во все горло орали. Чего жъ вы сконфузились-то; небось не укусить... Ужъ это, братъ, надо тебѣ сказать, такой народъ у насъ тутъ. Между своими кутила, бунтъ, трезвонить безъ умолку, такъ что на улицѣ уши себѣ заткнешь; а при чужомъ человѣкѣ тише ягненка, каналья, прикинется, маленькимъ, безсловеснымъ такимъ глядитъ; водой не замутишь...

— Славно онъ росписалъ! сказалъ Зиновьевъ, малый лѣтъ двадцати, съ голубыми глазами и свѣжимъ, румянымъ лицомъ, по которому русый пухъ входилъ обильнымъ посѣвомъ.

— А что жъ? развѣ портретъ не похожъ?

— Похожъ на Сидора писанъ съ Архипа. А Сидоръ-то кто? Сидоръ-то самъ маляръ.

— Я?

— Ну да, ты. Недаромъ Василій Назарычъ вечеръ тебѣ говорилъ, что твои всѣ рисунки мурломъ на тебя похожи.

Все общество засмѣялось.

— Василій Назарычъ!.. вона!.. Нашелъ на кого сослаться! Старикъ десять лѣтъ какъ ослѣпъ и все это время дѣльше руки своей ничего не видалъ. Щурить, щурить, глаза-то; ты думаешь онъ на натуру глядитъ; а онъ только такъ, по привычкѣ, видъ дѣлаетъ будто смотреть. Стоитъ Кондратій, а онъ тебѣ Аполлона на память чертить!

— Есть этотъ грѣшокъ, замѣтилъ одинъ художникъ.

— Василій Назарычъ—живописецъ? спросилъ Лукинъ.

— Да, былъ живописцемъ еще при царѣ Горохѣ и умеръ давнымъ-давно, да забыли изъ списковъ вычеркнуть,—такъ и остался.

— А много у васъ такихъ?

— На половину.

— Чтò жъ вы съ ними дѣлаете?

— Да что съ ними дѣлать-то!.. Какъ больно ужъ станеть отъ котораго землей пахнуть, такъ возьмемъ да на кладбище и свеземъ. Вы въ классахъ у насъ никогда не бывали?

— Нѣтъ, не бывалъ

— Такъ вотъ зайдите когда-нибудь, покажемъ.

— Зайду, когда будетъ возможность; да скучно, билетъ надо брать.

— На что вамъ билетъ? Развѣ сами хотите порисовать?

— Нѣтъ, я такъ думалъ... У насъ вѣдь вездѣ формальности, да секреты, и постороннему дверь заперта.

— Оно пожалуй и такъ, да только у насъ въ рисовальныхъ классахъ народу такая гибель, что всѣхъ не сочтешь. Словно на рынокъ иной разъ привалеть. Гдѣ тутъ разобрать: кто посторонній, кто нѣтъ; ходить къ намъ всякіе рисовать.

— То-есть, какъ всякіе?

— Да такъ... есть и чиновники въ вицъ-мундирахъ, есть и купцы въ армячкахъ. Дьячки, военные есть, а нынче даже какой-то монахъ затесался.

— Гдѣ? спросилъ одинъ молодой художникъ.

— А въ гипсовыхъ головахъ... Да ты гдѣ былъ?.. На него всѣ смотрѣть ходили.

— Военныхъ много у васъ бываетъ? спросилъ Лукинъ.

— Да, есть. Съ поддюжины наберется.

— Офицеры?

— Да, больше офицеры.

— Есть и гвардейцы?

— Есть. Почему жь бы и имя не быть?

— Да такъ. У нихъ дѣла много: и безъ академій.

— Бѣлоручки! замѣтилъ Матюшкинъ. — Пальцемъ до чернаго карандаша не дотронется; а станетъ чинить — перчатки натанеть, да тутъ же и пуговицу востегнетъ. Нѣтъ, это что за художники! Вотъ какъ нашъ братъ, изъ класса, руки не вымывъ, чаю не выпивъ, бѣгомъ бѣжитъ въ оперу въ параднѣ, — вотъ это художникъ! Значить онъ любитъ искусство какое оно тамъ ни есть; а то что!

— Давеча, въ Эрмитажѣ, замѣтилъ кто-то, — даму одну я видѣлъ. Въ бархатномъ платѣ и въ желтыхъ перчаткахъ писала.

— Съ чего?

— Да съ Греза, какую-то головку. Ужъ я вилялъ, вилялъ около, чтобы на холстъ-то ей заглянуть.

— Врешь ты все, Иванъ Павлычъ, перебилъ Матюшкинъ. — Знаешь ли чего тебѣ было нужно? Вишь сказки рассказываетъ на золотъ! Просто хотѣлось приволокнуться.

— Ей-Богу, и въ мысляхъ не было!

— А ну, побожись еще разъ.

— На что божиться? Мнѣ и безъ этого люди повѣрятъ. А вотъ вашъ братъ, что въ Любекѣ до зари гудеть... такъ васъ-то надо бы допросить.

— Чего допрашивать-то? Отпѣтый! прибавилъ Зяновъ, махнувъ рукой.

— А что, господа-братцы, спросилъ одинъ изъ присутствовавшихъ, высокой парень, съ угрюмымъ лицомъ, все время безмолвно тянувшій водку: — что нынче, въ Любекѣ, музыка есть?

— Есть, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Я иду; кто хочетъ со мной?

Человѣкъ пять встало.

— Куда вы? Чортъ васъ возьми! Поедете!

Но какъ ни старался Матюшкинъ ихъ удержать, а бѣльшая часть разошлись; осталось два или три человѣка, да и тѣ сидѣли не долго. Каной-нибудь часъ спустя, Лукинъ остался одинъ съ товарищемъ.

— Матюшкинъ, я, братецъ, опять къ тебѣ съ просьбой.

— А что?

— Да все о томъ же предметѣ.

— Дай срокъ. Я ужъ справлялся; да только въ одинъ день выслѣдить...

— Нѣтъ, не въ одинъ день; это само собой, разумѣется;

а вотъ видишь ли я хочу тебѣ что сказать. Дѣло наше выходить гораздо проще чѣмъ я ожидалъ. Маевскихъ искать не нужно.

— Какъ такъ?

— Да такъ; я ужъ нашелъ одного человѣка, который съ ними знакомъ. То-есть нашелъ не его самого, а узналъ его имя.

— Ладно. Кто жъ онъ такой?

— Какой-то артиллеристъ, капитанъ Левель. Вотъ видишь: къ вамъ ходитъ много народу и между тѣми, которые ходятъ, конечно, есть кто-нибудь, кто знаетъ, если не прямо его, то, кого-нибудь изъ его товарищей. Вотъ этого-то, знающаго-то надо намъ прежде всего найти; а тамъ не трудно будетъ добраться и до него самого.

Матюшкинъ задумался.

— Артиллеристъ? повторилъ онъ.—Постой, братъ, постой! Къ намъ ходитъ какой-то артиллеристъ... я съ нимъ незнакомъ, да это пустое. Постой, я завтра же до него доберусь; а послѣзавтра приду къ тебѣ дать отвѣтъ. Найдёмъ, братецъ, непременно найдёмъ; дай только время.

— Что тутъ о времени толковать! Спѣшить, разумѣется, глупо; можно все дѣло испортить. Нѣтъ, ты примись за это подумавши, толкомъ. Выбери случай. Да сшей себѣ платье сперва. А то не въ обиду тебѣ сказать; твоя особа въ тѣхъ тряпкахъ, въ которыхъ я видѣлъ ее недавно, не слишкомъ способна расположить къ себѣ человѣка... который... ну да что тутъ, — который привыкъ видѣть людей, одѣтыхъ немного почище.

— Хмъ! Вотъ оно что!.. Ты думаешь? проворчалъ тотъ, немного сконфуженный.

— Не думаю, а навѣрно знаю. Я не насчетъ себя говорю. Я твой товарищъ; я зналъ тебя еще въ куртки; такъ мнѣ, разумѣется, все равно что у тебя на плечахъ. Напаялъ на себя хоть кулъ дыравый... Ну, а для новаго человѣка... ты самъ разсуди. Съ непривычки оно того...

— Такъ, такъ, братецъ, понимаю. Значить до слѣдующей недѣли отложить нужно... Ну, ладно; не бойся, въ грязь липомъ не ударимъ: и платье сошьемъ, и узнаемъ; все сдѣлаемъ, все.

Часа полтора спустя послѣ того какъ Лукинъ, на набережной, допрашивалъ кучеровъ, господъ ихъ, насмотрѣвъ до упаду на живопись разныхъ школъ, спустились зѣвая по лестницѣ и вышли на старый подъездъ.

— Надѣюсь, что вы будете обѣдать у насъ? сказала *Hélène* своему чичероне, ловкому, статному гвардейскому офицеру лѣтъ тридцати.

— *Merci, cousine*, сегодня это рѣшительно невозможно.

— Отчего невозможно?

— Садитесь, послѣ будете говорить, зѣвая поребила *Софья*.— Я такъ устала, что едва стою на ногахъ. Садитесь въ коляску, Поль.

Поль—иначе Павелъ Петровичъ Левель—посадила своихъ дамъ и сѣлъ напротивъ.

— Домой, сказала *Софи*.— Я неспособна болѣе ни на что. Вашъ Эрмитажъ прекрасенъ; но онъ меня такъ утомилъ, что я его ненавижу. Удивляться цѣлое утро... пять тысячъ разъ сряду приходять въ восторгъ безъ отдыха. Уфъ! *Je n'en puis plus!*.. У меня шея болитъ отъ восхищенія!..

Она опустила на спинку экипажа и громко зѣвнула.

— Кстати, Поль, я помѣшала вамъ отвѣчать... Отчего это тамъ невозможно?

— Нельзя, *cousine*; по пятницамъ я всегда обѣдаю у тетки *Варвары Павловны*.

— Всегда? Развѣ тамъ такъ весело?

— Не очень; но...

— Но веселѣи чѣмъ у насъ?

— О! нѣтъ! У ней собираются родственники, люди все стараго вѣка и очень почтенныхъ лѣтъ... очень добрые, чинные...

— И скучные, досказала *Софи*.

— Я этого не говорю.

— Но вы это думаете? Зачѣмъ же вы ѣдите къ ней такъ часто?

— Долгъ, *Софья Осиповна*, старый семейный обычай...

— А! понимаю... вы вѣрно ея наследникъ, и вы за ней ухаживаете? Ф! это низко!

— *Софья Осиповна*, это ужь слишкомъ скоро! Я точно ея наследникъ, но развѣ всякій наследникъ необходимо долженъ быть лицемеръ? Можно любить старуху, родственницу, не смотря на то, что въ домѣ у ней не слишкомъ весело, и не смотря на то, что она завѣщала намъ свое состояніе.

— Любить и обѣдать по пятницамъ, двѣ вещи розныя.

— Но розныя вещи встрѣчаются... Семейныя сходки—это старинный обычай, которому можно не слѣдовать у себя, если

онъ намъ не нравится, но который нѣтъ надобности осуживать у другихъ только за то, что онъ старъ, и что мы отъ него отстали.

— О! знаю, знаю! Я знаю васъ, Поль. У васъ на все есть цѣлый магазинъ систематическихъ доказательствъ. Вы моральность и—не скажу лицемеръ, потому что я этого не знаю,—но педантъ; въ этомъ я совершенно увѣрена.

— Моральность, лицемеръ и педантъ! Вотъ что значитъ по-пасться на язычокъ женщины въ такую минуту, когда она не въ духѣ!

— Я не сказала лицемеръ...

— Но вы это думаете, шегси, это отличный урокъ! Ни за что другой разъ не поведу дамъ въ Эрмитажъ.

— Sophie, какая неблагодарность! сказала Hélène.

— Неблагодарность, которая ведетъ за собою несправедливость, прибавилъ Левель.

— Paix, оставьте меня въ покоѣ, дѣти; я спать хочу.

Коляска остановилась въ Большой Миллионной; всѣ вышли; Левель раскланялся.

— Куда жъ вы? Успѣете еще къ обѣду. Зайдите къ намъ на минуту, иначе я буду думать, что вы сердиты на меня, сказала Елена.

— Поль развѣ можетъ сердиться! Еслибъ я это думала я бъ не позволила себѣ съ намъ шутить. Нѣтъ, онъ слишкомъ рассудителенъ и слишкомъ добръ, вообразила Софи, протянувъ ему руку.—Войдите, Поль, у меня есть къ вамъ просьба.

Они вошли.

— Федоръ Леонтьичъ еще не вернулся? спросила Софи.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Поль, подите сюда... Нѣтъ ли у васъ, между вашими знакомыми, одного мосье Алексѣева?

— Алексѣева? Нѣтъ.

— Если нѣтъ, то сыщите мнѣ его непременно и какъ можно скорѣе.

— Алексѣева? Да кто онъ такой? Алексѣевыхъ въ Петербургѣ есть сотни три; за это я вамъ головой отвѣчаю.

— Онъ... кандидатъ... на что-то такое—право не помню... Hélène, чего ты смѣешься?

— Такъ, ничего; я вспомнила... Хотите я вамъ окажу пріемы, Поль? Брюнетъ, лѣтъ двадцати пяти, высокаго роста, смуглый, съ небольшимъ лбомъ...

— Неправда, перебила Софи.

— Съ небольшимъ лбомъ, продолжала Héléne, — но за то съ большимъ носомъ и съ очень-густыми, черными волосами... Руки и плечи какъ у носильщика... лицомъ похожъ на Рауля Синюю Бороду, по крайней мѣрѣ у него эта часть лица, гдѣ растетъ борода, была положительно синяя... Мы встрѣтились съ нимъ на станціи и должны были раздѣлить единственную комнату, въ которой застали его на софѣ, крѣпко спящимъ... Тогда лицо у него было испарано, не знаю по какому-то случаю, и это сдѣлало на Софи очень сильное впечатлѣніе.

Всѣ засмѣялись.

— О! въ самомъ дѣдѣ? оказалъ капитанъ. — Я не зналъ, что Софья Осиповна такъ впечатлительна.

— Я? что за вздоръ! краснѣя перебила Софи. — Héléne шутить! Неужели вы не догадываетесь, что она рассказываетъ о себѣ?.. Она думала, что причиной царапинъ было какое-нибудь романическое приключеніе... вышло все вздоръ; онъ просто свалился съ телеги.

— Что же могло васъ такъ сильно расположить въ его пользу?

— Ничего; такъ, просто прихоть. Я просто хочу, чтобы вы его отыскали и представили мнѣ, — больше рѣшительно ничего.

— Постараюсь исполнить ваше желаніе.

— Стараться совсѣмъ не надо; надо просто исполнить.

— А если это мнѣ не удастся?

— Тогда я буду думать, что вы не хотѣли, потому что ревнуете его къ которой-нибудь изъ насъ.

— Но еслибъ и такъ, это было бы очень естественно.

— Естественно, можетъ быть, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень глупо.

Капитанъ разсмѣялся.

— Съ вами нѣтъ никакой возможности спорить!

— Отчего? Развѣ я такъ глупа?

— О! нѣтъ; но вы деспотъ.

— Про женщину нельзя сказать *деспотъ*. То, что въ мужщинѣ было бы деспотизмъ, въ ней не болѣе какъ сознаніе своихъ правъ.

— На безусловное послушаніе?

— Нѣтъ, только на полную свободу.

— Противъ этого я не смѣю сказать ни слова, отвѣчалъ Левель, кланаясь.

Въ тотъ же день, онъ спросилъ у одного изъ многочисленныхъ своихъ родственниковъ, студента С*, не знаетъ ли онъ Алексѣева?

— Знаю трехъ, отвѣчалъ тотъ.

— А нѣтъ ли между ними одного, кандидата?

— Былъ одинъ, да только его давно ужъ не видать.

— Узнай, сдѣлай милость, гдѣ онъ?

— На что тебѣ?

— Такъ, нужно; меня просили представить его въ одинъ домъ.

Студентъ общалъ и недѣлю спустя сообщилъ ему слѣдующее: «Кандидатъ Алексѣевъ, если только былъ тотъ, о которомъ шла рѣчь, уѣхалъ отсюда весной и съ тѣхъ поръ его не видали; стало-быть не вернулся.»

— Не можетъ быть; онъ давно здѣсь.

— Можетъ-быть это не тотъ. Онъ изъ нашего университета?

— Я думаю, а впрочемъ, легко можетъ быть, что и нѣтъ.

Онъ поѣхалъ къ Маевскимъ и повторилъ имъ вопросъ.

— Ma foi, я право не знаю. Hé!ène, ты не помнишь? Онъ, кажется, говорилъ, что изъ здѣшняго?..

Но Hé!ène развѣ могла помнить о такихъ пустякахъ? Она не помнила рѣшительно ничего.

Что дѣлать? Окончить на этомъ Левель и радъ бы былъ да не смѣлъ. Онъ зналъ Софью Осиповну и зналъ хорошо, что если онъ не исполнитъ ея желаніе, то это даромъ ему не пройдетъ. «Чортъ съ нимъ съ этимъ Алексѣевымъ! думалъ онъ. «Вотъ навязали обузу! Онъ не знаетъ, что такое Петербургъ, и какъ трудно въ немъ отыскать неизвѣстнаго человѣка. Онъ думаютъ, что здѣсь тоже, что у нихъ тамъ, въ какомъ-нибудь польскомъ мѣстечкѣ!»

Но Левель былъ ловкій человѣкъ; еще въ школѣ ему случилось рѣшать такія задачи, надъ которыми всякой другой становился въ тупикъ. Подумавъ немного, онъ сѣлъ на дрожки. — Ступай къ Янцевичу, сказалъ онъ. Кучеръ сталъ поворачивать. — Нѣтъ, стой, не къ Янцевичу, — къ Реймерсу. Кучеръ опять поворотилъ.

Реймерсъ былъ одинъ изъ его пріятелей, который, по его соображенію, имѣлъ наибольшее число знакомыхъ послѣ Ян-

цевича; но былъ гораздо толковѣе и расторопнѣе этого господина.

Недѣлю спустя, въ одномъ изъ длинныхъ, мрачныхъ корридорѣвъ академіи художествъ, слабо-освѣщенномъ тремя фонарями, толпилось нѣсколько сотъ человѣкъ. Кто былъ въ пальто, кто въ шинели, бѣльшая часть въ фуражкахъ, блиномъ лежавшихъ на головѣ. Очень многіе съ усами, нѣсколько человѣкъ съ бородой, все съ огромными свертками толстой бумаги въ рукахъ. Шумный говоръ носился по корридору. Главная масса народу стояла тѣсною толпою въ углу, у дверей, которыя были заперты; но сквозь окошко, вверху, свѣтился свѣтъ, и за дверьми слышны были голоса. Вся толпа горѣла какимъ-то особеннымъ нетерпѣніемъ; въ авангардѣ, нѣсколько разъ поднимался неистовый шумъ, стучали, ломались, кричали. «*Пора! отворай! звони!*» и проч. Но все это не вело ни къ чему, и только когда шумъ доходилъ до крайней степени, небольшое окошко въ дверяхъ отворилось и изъ него высовывалась красивая, бородатая голова натурщика, съ спокойною улыбкой на губахъ.

— Нельзя; не звонили. Шести часовъ еще нѣтъ.

Покуда это происходило у входа, по корридору, въ разныхъ мѣстахъ, стояли, ходили, сидѣли на подоконникахъ безчисленные группы не менѣе усердныхъ, но болѣе терпѣливыхъ людей. Къ одной изъ этихъ группъ подошелъ маленькій человѣкъ.

— Ба! ба!.. Матюшкинъ! Смотрите-ка, господа!..

— Матюшкинъ! Ты ли это?

— Я самъ.

— Да что, ты наследство что-ли получилъ?..

— Или женился?

— Смотри-ка! Смотри-ка!—что за пальто!

— И шляпа какая!

— А жабо-то, жабо какое выпустилъ! Ха! ха! ха!

— Да полно вамъ, чортъ васъ возьми! Ну чего разорались! Платя новаго не видали? Не все же въ старомъ ходить! Сукно вещь брэнная, пожалуй разлѣзется наконецъ, наготу не прикроешь...

— Ха! ха! ха! Что за ерантъ! Боже ты мой, что за ерантъ!

Продолжать было невозможно. Сторожъ съ колоколомъ, величиной котораго не побрезгала бы иная уѣздная колокольня, явился вдругъ, неизвѣстно откуда, по самой серединѣ толпы и

началъ звонить съ увлеченіемъ, страстнаго аматера. Передъ дверьми и за дверьми поднялся хохотъ; задвижка въ ту же минуту была откинута, и масса народу хлынула въ двери, двѣ и толкая другъ друга. Минуты не успѣло пройти, какъ всѣ рисовальныя классы были полны. Въ одномъ изъ нихъ, гласная статуя *Бойца* стояла на круглой платформѣ, ярко освѣщенная большою лампой. Передъ платформой, амфитеатромъ, тѣнулись скамейки, а надъ скамейками, длинный люстриръ, за которыми рисующіе стояли. Въ числѣ этихъ рисующихъ находился одинъ офицеръ. Онъ не былъ въ классахъ прошедшій мѣсяцъ, и потому съ трудомъ нашелъ себѣ мѣсто. Прежде всего надо было узнать, которые нумера не заняты; потомъ отыскать и выбрать изъ нихъ какой-нибудь поудобнѣе. Офицеръ былъ совсѣмъ не похожъ на тѣхъ франтовъ, про которыхъ Магмыкинъ разсказывалъ, будто они чинятъ на перчаткахъ своей карандашъ. Это былъ скромный мушкетеръ дѣтъ, эс тридцать, средняго роста, съ блѣднымъ лицомъ и съ большими висячими усами. Дѣтъ онъ былъ не по формѣ, безъ адолега, безъ шпаги, въ потертомъ, старомъ военномъ сюртукѣ и въ широкихъ, казачьихъ шараварахъ. Не успѣвъ онъ начать свой контуръ, какъ вдалѣ него ошутливо забавная, маленькая фигурка, съ пушистыми русыми бакенбардами и курчавыми волосами. Фигурка эта имѣла въ тогѣ видъ какой-то праздничной вѣдь.

— Нѣтъ ли тутъ мѣста свободнаго, господи? сказала она, поглядывая на *Бойца*. — У насъ тамъ такая баня, что нѣтъ никакой возможности. Другъ другу шапки кладутъ на голову, на шею садятся верхомъ.

— А вы изъ натурнаго? спросилъ офицеръ улыбаясь.

— Да, изъ натурнаго, отдалъ Магмыкинъ.

— Вотъ этотъ номеръ не занятъ, да только что за охота *Бойца* рисовать, когда у васъ тамъ стоитъ натура?

— *Бойца*?.. Да вы что думаете о *Бойцѣ*? *Бойца* те больше на человека похожъ чѣмъ Никита. Тотъ, какъ обормоченный боровъ, весь жаромъ запыль, а этотъ.. воль онъ! Взгляните: летитъ! Всѣ мускулы въ дѣлѣ, какъ у жидога, всякая косточка, всякая жидна видна!

— Такъ вы не шутя хотите тутъ рисовать? спросилъ офицеръ, замѣтивъ, что тотъ развертываетъ бумагу.

— А почему жъ бы и нѣтъ? Мнѣ номеръ не нуженъ, у меня номера въ этомъ классѣ вѣдутъ.

— Ну, если такъ, то я очей радъ имѣть васъ сосѣдомъ; отъ васъ можно узнать что-нибудь, чему-нибудь выучиться.

— Отъ всякаго можно узнать что-нибудь.

Они начали рисовать. Офицеръ безпрестанно заглядывалъ на работу сосѣда, стараясь подмѣтить его приемы, чтобъ облегчить себѣ собственный трудъ. Онъ былъ большой энтузіастъ и ревностный жрецъ искусства; бредилъ академическою техникой, видѣлъ во снѣ медали и выставку... Брюновъ, Италия, Римъ,—великіе образцы искусства, все это были предметы, о которыхъ онъ могъ говорить безъ умолку цѣлый день на пролетъ. Его сосѣды, ученики натурнаго класса, казались ему счастливецомъ, неизмѣримо опередившимъ его и всѣхъ настоящихъ товарищей. Онъ скромно дѣлалъ ему вопросы и слушалъ его какъ оракула. Матушининъ разомъ смекнулъ всю выгоду своего положенія, но помня совѣтъ Лукина, не отишалъ. На первый разъ, у нихъ шелъ разговоръ объ одномъ только предметѣ искусствъ; а постороннихъ вещахъ не сказано было ни полслова. Но какъ только кончился классъ, Матушининъ бегомъ побѣжалъ въ Лукину.

— Ну что? спросилъ тотъ.

— Ничего; дѣло идетъ на ладъ. Артиллериста добылъ, и если удастся, то завтра онъ будетъ ужь у меня.

— Какого артиллериста?

— А, ну, какого. Богъ послалъ. Птица, конечно, не велика... Приходи завтра, увидишь самъ. Такъ или сакъ, а ужь я постарюсь его къ себѣ затаскать.

— Хорошо, буду... А что ты у него ни о чемъ не разспрашивалъ?

— Нѣтъ еще; ни о чемъ. Вчера только, въ классѣ, первый разъ въ жизни съ нимъ слово сказала. Я и не буду разспрашивать ничего, это ты самъ можешь сдѣлать; а я только васъ сведу.

— Хорошо. Да какъ же ты его къ себѣ приведешь, если ты съ нимъ вчера первый разъ встрѣтился?

— Объ этомъ не беспокойся, это мое дѣло. У меня есть такая приманка, что онъ какъ только нюхаетъ, тотчасъ пойдетъ на нее; иначе и сдѣлать не можетъ.

— Посмотримъ; въ которомъ часу мнѣ вриди?

— Въ началѣ девятаго. Приходи тамъ, просто, какъ будто самъ отъ себя, безъ зову зашелъ; а то онъ какъ разъ догадается, что у насъ тутъ затѣи.

На другой день, контуръ у Матюшкина былъ ужъ готовъ, и онъ началъ его тушевать. Офицеръ смотрѣлъ съ любопытствомъ.

— Вы, стало-быть, не намѣрены переводить на другую бумагу? спросилъ онъ.

— Зачѣмъ? И эта хороша.

— А фонъ будете дѣлать?

— Нѣтъ, не буду... На что ему фонъ? Слишкомъ много чести; обойдется и безъ того.

— Да какъ же такъ?

— Да такъ! Фонъ вѣдь для номера только и нуженъ, а номеръ мнѣ здѣсь зачѣмъ? Фонъ вѣдь только теперь въ моду вошелъ, а прежде за этимъ никто не гонялся... Вы видѣли когда-нибудь классные рисунки Егорова и другихъ стариковъ?

— Нѣтъ, а что?

— Да то, что иные изъ нихъ советъ безъ фону; въ ту пору эффекту недобивались. Въ ту пору, главное дѣло рисунокъ былъ, на него все вниманіе обращали, за то и были у насъ рисовальщики... Старый рисунокъ, я вамъ скажу, прелюбопытная вещь. На первый взглядъ, такъ себѣ, ничего не заметишь особеннаго, а какъ присмотришься, такъ глаза не захочется отвести. Скромно, легко, не то что у нашего брата—глаза дергать, не то, чтобы сажи этой, что нынче въ палецъ набѣспать—тушовки почти не видать, а между тѣмъ каждая жилка, каждая косточка—все на лицо!

Офицеръ слушалъ съ возрастающимъ одушевленіемъ. Онъ не смотрѣлъ уже на *Войца*; онъ положилъ карандашъ; его художественное любопытство было жестоко раздражено.

— Ради Бога! Гдѣ вы ихъ видѣли? Скажите, можетъ-быть, и мнѣ удастся когда-нибудь имѣть это счастье!

— Видѣлъ я въ разныхъ рукахъ, а впрочемъ и самъ имѣю. Въ прошедшемъ году, у Гаврилы двѣ штуки купилъ:—одинъ Егорова, другой—Карла Павловича Брюлова. Последнія деньги, что были въ карманѣ, за нихъ ему заплатилъ.

— Еще бы не заплатить! Я бы дорого далъ, не то чтобъ ихъ имѣть, а такъ, просто, хоть бы взглянуть-то на нихъ когда-нибудь!

— Взглянуть советъ не такъ трудно; это вы можете одѣлать сегодня же, послѣ класса, если вы не спѣшите домой. Приходите ко мнѣ пить чай.

— Покорно благодарю. Я, конечно, сочту за особенное удовольствие.

— И я тоже.

Сейчас послѣ класса, Матюшкинъ повелъ офицера къ себѣ. Рисунки тотчасъ же вынуты были изъ старой, засаженной папки, торжественно разложены на полу и прилично освѣщены. Офицеръ жадно впился въ нихъ глазами и долго ни слова не говорилъ; а Матюшкинъ возился за самоваромъ. Въ такомъ положеніи засталъ ихъ Лукинъ.

— Ба, ба, ба! Григорій Алексѣичъ! Какими судьбами!.. Вотъ не гадалъ и не думалъ увидѣть сегодня.

Лукинъ засмѣялся.

— Ну, это не очень любезный приемъ, сказалъ онъ, — а впрочемъ долгъ платежомъ красенъ. Я, братъ, и самъ не думалъ быть у тебя сегодня. Я только-что воротился изъ Павловска; да человекъ мой куда-то ушелъ... все подъ ключомъ, даже въ двери не могъ попасть. Вотъ я и отправился къ тебѣ чай пить.

— И славно сдѣлалъ, а у меня здѣсь товарищъ по академіи, господинъ Васильковъ, который, по добротѣ души, удостоилъ меня посѣтить.

— Доброта небольшая, съ улыбкою отвѣчалъ офицеръ.

— Ну, мы объ этомъ спорить не будемъ. Я радъ, что я не одинъ; по крайней мѣрѣ вамъ скучно не будетъ. Позвольте васъ познакомить съ моимъ пріателемъ: Григорій Алексѣичъ Алексѣевъ, большой цѣнитель искусства.

Лукинъ и новый его знакомый раскланялись.

— Борисъ Петровичъ, *по добротѣ души*, прибавилъ немножко, сказалъ Лукинъ. — Я долженъ его поправить. Я уважаю искусство отъ всей души; но цѣнитель я очень плохой.

— Все вретъ, перебилъ Матюшкинъ, — такой знатокъ, какихъ въ Петербургѣ мало.

Офицеръ посмотрѣлъ съ любопытствомъ на Лукина, не зная шутить Матюшкинъ или серьезно говорить; но любопытство скоро смѣнилось другимъ интересомъ. Онъ былъ художникъ въ душѣ, и смуглая, атлетическая фигура гостя, живописно освѣщенная снизу двумя свѣчами, стоящими на полу, произвела на него замѣтное впечатлѣніе. За чаемъ, онъ часто поглядывалъ на это лицо. Вотъ бы съ кого портретъ списать! думалъ онъ.

— Вы конечно художникъ? спросилъ Лукинъ, желая начать разговоръ. Офицеръ грустно вздохнулъ.

— Желалъ бы отъ всей души носить это званіе; да только Богъ знаетъ, имѣю ли право?

— Почему жь нѣтъ?

— Такъ, это, вотъ видите ли вопросъ, который я самъ еще не рѣшилъ. Можегъ ли быть художникомъ человекъ, по рукамъ и ногамъ связанный скучными обязанностями своей службы?

— Почему жь нѣтъ? Если только вы не смотрите на сословіе художниковъ какъ на касту, избавленную отъ обыкновенныхъ заботъ, выпадающихъ на долю всякаго, не обезпеченнаго какими-нибудь исключительными привилегіями, то вы согласитесь, что всякій чѣмъ-нибудь связанъ, всякій долженъ что-нибудь дѣлать чтобы жить, и этого долгъ для него обязанъ.

— Да, но быть связану такимъ дѣломъ, которое любишь, или чѣмъ-нибудь совершенно чужимъ для души, это двѣ вещи разные. Ремесло и искусство плохо уживаются между собой.

— Напротивъ, мнѣ кажется, что искусство безъ ремесла и существовать не можетъ.

— Это отчего?

— А оттого, что искусство одно, по натурѣ своей, слишкомъ воздушно, чтобы наполнить всю жизнь. Жизнь требуетъ болѣе плотнаго матеріала, ей нужно кромѣ эссенціи, кромѣ летучаго элемента, чего-нибудь, что въ состояніи было бы опредѣлять этотъ элементъ и дать ему твердую точку опоры.

— Да развѣ искусство ея не даетъ?

— Не знаю, какъ вы это понимаете, мнѣ кажется, не даетъ. Однимъ чистымъ искусствомъ питаться нельзя; оно, само по себѣ и корки сухаго хлѣба не дастъ: ясный знаетъ, что въ немъ нѣтъ всего, что для жизни нужно.

— Не хлѣбомъ единымъ сытъ будешь, сказалъ Васильковъ.

— Такъ, а безъ хлѣба вѣдь тоже не проживешь.

— Но можно и хлѣбъ имѣть. Между художниками есть люди съ достаткомъ, которые нажили себѣ состояніе своимъ....

Васильковъ невольно остановился, прискивая слово.

— Своимъ ремесломъ? добавилъ Лукинъ.

— Не ремесломъ, а искусствомъ.

— Едва ли, Лукинъ отвѣчалъ.— Богатство, конечно, могло имъ достаться случайно; но случай не ведетъ еще къ правилу, а

по правилу, деньги даются только тому, кто их ищетъ. Н это въ программу чистаго искусства не входитъ; стало-быть надо имѣть другую цѣль; надо искусство оборотить въ ремесло, чтобъ оно приносило доходъ. Да вѣтъ, возьмемъ напри- мѣръ хотъ Бориса Петровича. Онъ службой не связанъ; но я увѣренъ, онъ скажетъ вамъ тоже, что однимъ чистымъ искус- ствомъ существовать нельзя.

— Невозможно! отвѣчалъ маленькій человекъ.—Надо писать портреты съ какихъ-нибудь свиныхъ рылъ, давать уроки слѣ- пымъ щенкамъ, малевать суздальщину на заказъ, или имѣть пріятеля, который даетъ взаймы, иначе съ голоду околѣешь. Это дѣйствительно такъ, я это самъ на себѣ испыталъ.

— Хмъ, на что вы пріятеля тутъ привѣшали? Пріятели де- негъ взаймы не даютъ, это я положительно знаю, а что ка- сается до портретовъ и прочаго, такъ вѣдь это со службой нельзя сравнить. Это не тжнетъ васъ въ сторону, это по той же дорогѣ лежитъ, у васъ, такъ сказать, подъ ногами ростетъ. Нечего тратить времени, чтобъ искать, наклонился, да под- нялъ, вотъ и весь трудъ.

— Вотъ оно тотчасъ и видно, что вамъ наклониться-то не случилось, замѣтилъ Матюшкинъ,—а тобъ вы узнали, сколько разъ нужно спину согнуть, чтобъ одинъ разъ что-нибудь съ полу поднять. Ваше-то дѣло другаго рода. Служба, конечно, не дружба; служба, что говорить, можетъ она и скучна и вре- мени много беретъ, да за то дѣло вѣрное. Какъ мѣсяць кон- чился, идешь себѣ къ казначею, пожалуйста молъ что мнѣ слѣ- дуетъ, ну и дѣло въ шляпѣ.

— Такъ, да вотъ видите шляпа-то эта голову давить, ска- залъ офицеръ, безсознательно потирая свой блѣдный лобъ.

— Вы во орунтѣ служите?

— Считаюсь,.... моя батарея въ Ц** стоять, а оттуда я по технической части прикомандированъ сюда въ Петербургъ къ *** заводу.

— А въ Ц** вы часто бываете?

— Почти никогда.

— Вашихъ товарищей стало-быть рѣдко видите?

— Нѣтъ, случается таки частенько. Они пріѣзжаютъ сюда въ Петербургъ. Двухъ или трехъ тутъ всегда найдешь. Впро- чемъ они мнѣ товарищи болѣе по мундиру чѣмъ по душѣ. Мои настоящіе товарищи вотъ гдѣ, онъ указалъ рукой на Матюшкина.

— А изъ гвардейскихъ офицеровъ вашей службы, вы знаете многихъ?

— Нѣтъ, очень не многихъ; но знаю нѣсколько человекъ.

— Капитанъ Левель вамъ не знакомъ?

— Левель? нѣтъ. Куда мнѣ за этими барами? У нихъ карманъ золотомъ выстланъ, а я на мѣдные деньги живу. Пословица говорить: пѣши конному не товарищъ.... Впрочемъ, я видѣлъ этого господина и слышалъ о немъ кое-что. Человекъ онъ, какъ кажется, дѣльный, рисуетъ, науками занимается, и у товарищей на хорошемъ счету. Но мое мнѣніе можетъ-быть вамъ покажется лишнимъ, вы сами можетъ-быть съ нимъ знакомы?

— Нѣтъ, я такъ.... слышалъ о немъ.

На этомъ мѣстѣ ихъ разговора, Матюшкинъ подалъ стаканы съ чаемъ. Гости сидѣли долго, и разстались пріятелями, давъ адреса и сказавъ: *до свиданія*.

Не прошло и двухъ дней, какъ Лукинъ навѣстилъ Василькова и просидѣлъ у него весь вечеръ; но кромѣ хозяйна не видалъ ни души. Тотъ принялъ его самымъ любезнымъ образомъ, показавъ ему всѣ свои этюды, рисунки, портреты, эскизы, и долго, съ большимъ увлеченіемъ, говорилъ сперва объ искусствѣ, потомъ о службѣ, которая надоѣла ему ужасно, и наконецъ, слѣдуя безсознательно за направлениемъ разговора, который Лукинъ держалъ постоянно въ рукахъ, упомянулъ о товарищахъ, которые часто приходятъ мѣшать ему по утру. Какъ разъ въ тотъ часъ, который онъ назвалъ при этомъ, Лукинъ явился къ нему черезъ день, извиняясь, что можетъ-быть онъ ему помѣшалъ и приглашая его въ воскресенье къ себѣ на обѣдъ, на которомъ ихъ общій знакомый, Матюшкинъ, уже обѣщалъ ему быть. Приглашеніе, разумѣется, принято было очень охотно. Между тѣмъ, пришли два офицера, разбитые, веселые люди, готовые въ четверть часа сойдтись и подружиться со всякимъ, кто только самъ не пятится отъ нихъ прочь, а такъ какъ Лукинъ не пятился, то въ этотъ день число его новыхъ знакомыхъ удвоилось.

Такимъ образомъ, наконецъ, ледъ былъ прорванъ, и стѣна, отдѣлявшая его отъ общества, рушилась. Онъ скоро попалъ въ новый кругъ, въ которомъ, конечно, онъ могъ столкнуться и съ кѣмъ-нибудь изъ прежнихъ своихъ знакомыхъ; но этотъ рискъ, съ его стороны вполне сознанный, не въ силахъ былъ удержать его. Волка бояться—въ лѣсъ не ходить, думалъ онъ.

Съ первой встрѣчи, конечно, придется все бросить и ѣхать изъ Петербурга куда-нибудь въ глушь; ну да тогда и оставить игру будетъ достаточная причина, а теперь, безъ всякаго явнаго повода, отказаться отъ всѣхъ своихъ плановъ и сдаться безъ боя—была бы жалкая трусость. Съ такими чувствами, смѣло глядя въ лицо разнаго рода опасностямъ, Лукинъ шелъ впередъ, къ задуманной цѣли, не подозревая, что цѣль съ своей стороны сама стремится къ нему навстрѣчу.

Ровно мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ отдано бы извѣстное деспотическое приказаніе: отыскать и представить такого-то, Алексѣева, куда слѣдуетъ, капитанъ Левель исполнилъ первую его половину съ отличнымъ успѣхомъ.

— Ну что? спросилъ онъ разъ поутру у Реймерса, который попался ему на Невскомъ.

— Нашелъ, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ, не шутя? Гдѣ это тебѣ удалось?

— Нашелъ у Карцева, который впрочемъ и самъ познакомился съ нимъ недавно.

— Да полно, тотъ ли это?

— Тотъ самый.

— Онъ кандидатъ?

— Да, кандидатъ.

— И былъ въ дорогѣ, пріѣхалъ сюда недавно?

— Недавно; всего какихъ-нибудь семь или восемь недель.

— И встрѣтилъ Маевскихъ?

— Ну, этого я не спрашивалъ. Къ какой стати?

— Да, правда; а впрочемъ это навѣрно долженъ быть онъ.

Ну что, какъ онъ тебѣ показался на взглядъ?

— Да какъ тебѣ сказать? Онъ не изъ тѣхъ, у которыхъ все видно насквозь, а впрочемъ онъ мнѣ понравился. Лихой, бойкій малый, одѣтъ хорошо и держитъ себя прилично; вообще, кажется, человѣкъ порядочный.

— Ты думаешь стало-быть, что его можно принять къ себѣ?

— Хм! да, я думаю. Карцевъ объ немъ хорошо отзывался.

— Ну, Карцевъ не слишкомъ разборчивъ на вкусъ. Эти гусары старыхъ временъ народъ далеко не тонкій. Имъ лишь бы съ виду былъ хватъ.

— Карцевъ порядочный человѣкъ.

— О, кто говорить! Карцевъ золото, только на вкусъ его положиться трудно. Ну, да что тутъ о вкусѣ? Я радъ, что мы до него добрались наконецъ; этотъ розыскъ наскучилъ мнѣ

до смерти. Теперь, Реймерсъ, какъ бы устроить такъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ *случайно*? Миѣ не хочется, чтобы онъ зналъ, что я отыскиваю его по порученію; это неловко.

— Конечно; тѣмъ болѣе что очень легко и безъ этого обойдтись.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто. Они съ Карцевымъ собираются въ Ц* къ Сергѣю Ивановичу Находкину, у котораго будетъ кутежъ. Когда? это я не успѣлъ хорошенько узнать, но должно быть на этой недѣлѣ. Стоитъ съѣздить къ Находкину; онъ непременно меня позоветъ, а я тебя приведу.

— Хорошо; только дай знать заранее.

Тотъ обѣщаль, и дней черезъ пять, сдержалъ свое слово. 4 октября, вечеромъ, они отправились въ Ц* по желѣзной дорогѣ.

Городокъ Ц* лежалъ смиренно и тихо, закутанный въ темноту, осеннюю ночь. На улицахъ ни души, ни звука не слышно съ какой-либо стороны; только изрѣдка рѣзкій, протяжный свистъ и фырканье локомотива долетали со станціи, да какія-нибудь гусарскія дрожки парой проносились стрѣлой, но стукъ ихъ колесъ и топотъ копытъ пропадали на мягкомъ, гладкомъ какъ бархатъ шоссе, по которому мелкій дождь сбѣгалъ струями на обѣ стороны. Изрѣдка, тусклый фонарь перцалъ гдѣ-нибудь на углу; но онъ горѣлъ тамъ напрасно, ему нечего было освѣщать. Вся жизнь давно ушла съ улицы въ комнату и заперлась по домамъ. Снаружи ее можно было замѣтить только по освѣщеннымъ окнамъ, да и тѣхъ оставалось немного, потому что двѣ трети жителей, проводившихъ тутъ лѣто, давно переехали въ Петербургъ. Къ числу немногихъ исключеній принадлежалъ одинъ скромный, одноэтажный домикъ въ Московской улицѣ. Изъ оконъ его сіяло яркое освѣщеніе. На спущенныхъ сторахъ мелькали китайскія тѣни; то были тѣни гостей, собравшихся на вечеръ къ хозяину дома, поручику Сергѣю Ивановичу Находкину.

Трудно опредѣлить, что это былъ за вечеръ, по немыслимо класснаго чина, усвоеннаго ему на русскомъ языкѣ. Вѣрнѣе всего сказать, что это былъ вечеръ изъ рода *неправильныхъ*; но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ домѣ поручика происходило какое-нибудь безчинство, не принятое между порядочными людьми. Въ хорошемъ обществѣ, гдѣ умѣние жить развито въ очень-высокой степени, и гдѣ все основано на

строжайшихъ законахъ приличія, ничего подобнаго, безалабернаго и безчиннаго, разумѣется, нѣтъ и не можетъ быть; а если и допускаются иногда отступленія отъ общаго правила, то они въ свою очередь тотчасъ подводятся подъ законы неменше строгіе, законы, нарушить которые не дерзнуть никакой паручикъ въ мірѣ, будь онъ хоть вдвое моложе и вдвое отважнѣе посподина Находкина, само-собой, разумѣется, если только онъ принадлежитъ въ хорошему обществу, нѣтъ котораго нѣтъ спасенія. Въ суммѣ, это похоже немножко на *неправильные глаголы* въ грамматикѣ какого-нибудь образованнаго языка, латинскаго напримѣръ. Ихъ только такъ называютъ неправильными, потому что они на другіе не похожи; но это еще не значить, чтобъ ихъ можно было спрягать какъ *вздумается*, или чтобы произвольное ихъ спряженіе найдено было менше неприличнымъ чѣмъ какая-нибудь ошибка въ *ато*, *атави*, или другомъ классическомъ образцѣ.

Итакъ поручикъ Находкинъ давалъ *неправильный* вечеръ, на которомъ все шло очень правильно.

Въ числѣ гостей находилась Лукинъ. Онъ сидѣлъ на софѣ возлѣ хорошенькой, бѣлокурой шалуньи лѣтъ девятнадцати, которая вертѣлась около него, какъ котенокъ. Шумъ, говоръ и хохотъ только что стихли вокругъ. Фаворитка столичной публики того времени, цыганка Тани, сидѣла въ кругу молодыхъ людей, съ гитарой въ рукахъ, и напѣвала лѣниво какой-то страстный романсъ, иногда наклоняясь и щуря томные глазки и пожимая плечами въ тактъ. Въ промежуткахъ пѣнія, поднимался неистовый шумъ: человекъ десять любителей хлопали, топали, громко кричали: *браво!* и пили шампанское за здоровье балованкой Тани, которая запросто кивала и въ головой въ отвѣтъ. Цыганка пѣла въ гостиной, а возлѣ, въ затѣливо-убранномъ кабинетѣ, метала банкъ, и оттуда слышны были восклицанія совершенно иного рода. «Дама взяла!...» «Позвольте, плаіе!» «Шестерка убита!...» «Тьфу, подлая карта! три сотни сегодня на ней просадил!»

Но не въ одномъ кабинетѣ играли. Лукинъ, толкая локтемъ сосѣдку, шепталъ ей на ухо что-то, и оба смѣялись изъ-подтишка, поглядывая на парочку, которая тутъ же, за маленькимъ ломбернымъ столикомъ, играла въ пикетъ. Партія шла между юнымъ, румянымъ какъ яблоко, пушистымъ какъ персикъ корнетомъ и немного подержанною, немного подкрашеною, но прелестно-одѣтою Французенкой лѣтъ тридцати, съ

густыми бровями дугой и съ остатками замѣчательной красоты во всей своей бойкой, вертлявой особѣ. Противникъ ея сидѣлъ развалился въ позѣ безпечнаго, опытнаго игрока, *d'un beau joueur*, какъ сказалъ бы Французъ; но щеки его, пылавшія какъ жакъ, и масляный, отуманенный взоръ говорили противное. Онъ проигрывалъ крѣпко, а Француженка была въ духѣ и болтала безъ умолку; но не трудно было замѣтить, что главная доля ея вниманія сосредоточена на игрѣ. Осыпая его любезностями и шутками, на которыя тотъ едва поспѣвалъ отвѣчать, она ни на мигъ не переставала сдавать, прикупать, объявлять и считать, съ удивительною ловкостью и проворствомъ соединяя все это въ одинъ, непрерывный процессъ.

— Вы, кажется, въ выигрышѣ, мадамъ Салья? спросила Эмилія.

— Да, въ выигрышѣ; не мѣшайте пожалуйста... пять и пятнадцать, годится? *Merci*... Пять и пятнадцать, двадцать, три терца и три короля, 26, 27, 28, 29 и шестьдесятъ; это ваша. *Ah-ça!* Мосье Поводовъ, откуда пришло къ вамъ это кольцо?

— Спросите скорѣе: куда идетъ? отвѣчалъ Поводовъ съ самолюбивою улыбкой.—Одинъ, два, три; ваша.

— Хи, хи! Я васъ понимаю, а впрочемъ, оно и на вашей рукѣ очень мило; у васъ рука маленькая и бѣлая какъ у женщины... 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, лева 77, да три восемьдесятъ.

Она быстро смѣшала карты, сдала и стала откидывать сносъ.

— Спросите, много ли она выиграла? шепнулъ Лукинъ.

— Много вы выиграли, мадамъ Салья?

— Немного, оставьте меня въ покоѣ, Эмилія... *Comment, monsieur!*... Вы опять отдаете мнѣ двѣ?... *Pardieu!* вы смѣлы и великодушны какъ левъ!

— Бѣдный левъ! вздохнувъ сказала Эмилія:—его стригутъ какъ барашка!

Поводовъ оглянулся съ туманною улыбкой на губахъ.

— Что такое она говоритъ? спросилъ онъ разсѣянно.

— Ничего, пустяки. Молчите, Эмилія! Это глупо! Потому что вѣдь это не ваше; я знаю откуда къ вамъ это идетъ: вамъ шепчетъ сосѣдъ вашъ направо, а вы, *ma foi! vous êtes trop stupide*, чтобы сказать отъ себя какую-нибудь злость.

— Что жъ, умъ приходитъ съ годами, а въ этомъ, я вамъ должна уступать.

Француженка злобно нахмурила брови.

— Ого! возразила она, не переставая играть,—вы хотите доказать, что и у васъ есть жало, моя маленькая экидночка!... Вашъ терцъ не годится, кварта отъ туза и четырнадцать королей... Смотрите, я могу дорого заставить васъ заплатить за вашъ умъ, если только онъ точно вашъ... двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь...

— О! разумѣется, насмѣшливо отвѣчала Эмилия,—вы заставляете платить вамъ за все: за умъ и глупость, за злость и дружбу... чуть не сказала—любовь, но это ужъ прошлое, товаръ сильно упалъ въ цѣнѣ, *raucue dame!*... Пришло время играть въ пикиетъ или устраивать нѣжныя встрѣчи...

Она не успѣла кончить, какъ сильно разгнѣванная Сальи, въ ту пору державшая карты въ рукахъ, швырнула въ нее колодой. Та отвернулась проворно и десятки, валеты, тузы, весь пестрый букетъ зеленого поля посыпался на скрутку Лукина. Онъ громко захохоталъ.

— Ну, вѣтъ, здѣсь опасно сидѣть! сказалъ онъ вставая. Поводовъ тоже вскочилъ. Онъ частію не разслушалъ, а частію не понялъ предшествующаго разговора.

— Чтò это! Чтò это вы, *sevadames?*... Мадамъ Сальи, Эмилия! Чтò съ вами?

— Ничего, отвѣчалъ усмѣхался Лукинъ.—Двѣ милыя пастушки поссорились за ваше золотое руно.

— А чтò такое *золотое руно?* спросилъ Поводовъ, плохо знакомый съ миеологическими эмблемами.

— *Золотое руно*, смѣясь отвѣчалъ Лукинъ,—это такая тонкая, теплая шерстка, которая тихо растетъ, но быстро стрижется.

— А, понимаю! сказала оеицеръ, считая мелкомъ на столѣ.— Вы намекаете на мой проигрышъ... Тысяча триста двадцать четыре *points* по гривеннику, сколько это будетъ?...

— Я полагаю, сто тридцать два рубля сорокъ копѣекъ серебромъ, отвѣчалъ Лукинъ.

— Покорно васъ благодарю, мадамъ Сальи, получите... Вы *можеть-быть* думаете, что для меня это составляетъ значительный счетъ? продолжалъ Поводовъ.— Мнѣ это ровно ничего не значить, ей Богу! я хоть сейчасъ готовъ проиграть втрое болѣе.

— Въ *самомъ дѣлѣ?*

— Клянусь честію.

— Хм! Это приятно для тѣхъ, кто можетъ воспользоваться... усноковываетъ ихъ совесть.

Поводовъ поглядѣлъ на него нерѣшительно. Онъ смутно догадывался, что надъ нимъ смѣются, но точнаго смысла высказаннаго не могъ уловить. Немного надумшись, онъ спряталъ бумажникъ въ карманъ и отправился въ кабинетъ. Сальи была уже тамъ. Она стояла въ граціозной позѣ передъ однимъ изъ зеленыхъ столовъ и яростно похитривала на выигрышныя деньги.

— Что у васъ тутъ случилось? спросилъ толстый, усатый артиллерійскій полковникъ, садясь на диванъ возлѣ Эмили, которая хохотала.

— Пусти, эти Сальи такъ уморительно разбѣсилась!

— О! эта Сальи, пребойкая баба! Ей пальца въ ротъ не владн... Но, съ чего она такъ? Вы вѣрно ее раздражили?

— Да, было немножко. Она, вѣдь видите ли, не любитъ, чтобъ ей ивѣшали обыгрывать ковричювъ... Впрочемъ, это вѣдь онъ во всемъ виноватъ. Она указала на Лукина.

— Если не виноватъ, то, по крайней мѣрѣ, наказанъ какъ виноватый. Колода назначена была чисто вамъ, а попала въ меня.

— И по дѣломъ, оубѣчала Эмили.—Фя, злой! Вы, кажется, сожалѣете, что карты попали не мнѣ въ лицо?

— О, нѣтъ, но я не люблю приносить чужую собственность, вѣдь и все.

Отъенокъ досады мелькнулъ на детскомъ лицѣ Эмили:

— Какъ это любезно! сказала она кувая губы.

— Ну, ну, не сердитесь, моя курочка, перебилъ толстый полковникъ, выхуя и старался подсесть въ ней поближе.—Успокойтесь, вѣдь я сейчасъ вамъ дамъ прохладительнаго.

Онъ налилъ рюмку шампанскаго и ловко поднесъ ей къ губамъ.

— Подите вы прочь! Вы, толстый, старый Фальстафъ!

— Я, старый?...

Полковникъ хотѣлъ сказать еще что-то, но въ эту минуту нѣсколько новыхъ лицъ вошло въ комнату.

— А! Лефель!... Bonjour!

Лукинъ оглянулся. Въ пяти шагахъ отъ него стоялъ ловкій, красивый гвардеецъ, лѣтъ тридцати, ростомъ почти съ него, но легче, стройнѣе его сложенный.

— Ага! Нашелъ-таки наконецъ! подумалъ онъ про себя.

— Здравствуйте, Алексѣевъ! сказалъ подходя къ нему другой офицеръ.

Услыхавъ эту фамилію, капитанъ въ свою очередь оглянулся. Фигура, которую онъ увидѣлъ, поразила его своимъ рѣзкимъ, типическимъ очертаніемъ. Сказавъ слова два съ Находкинскимъ, вышедшимъ къ нему на встрѣчу, онъ сѣлъ на мѣсто полковника, котораго увели въ кабинетъ.

— Вы, кажется, не узнаете меня, капитанъ? сказала Эмилія, протянувъ ему руку.

— Ah! bonjour petite! Я не думалъ найти тебя здѣсь.

— Отчего это?

— Такъ, я думалъ, что ты еще до сихъ поръ на сценѣ.

— О, нѣтъ, мнѣ надоѣло долбить ихъ глупыя роли, я лучше люблю играть словъ.

— Какую же это свою? Смотри хороша ли?

— Не хуже твоей... Брось ты свою мораль, mon vieux papa! Тебѣ это не къ лицу, потому что вѣдь ты совсѣмъ еще не такъ старъ. Полно лобъ хмурить, посмейся немножко... Знаешь, я тоже не думала встрѣтить тебя такъ скоро.

— Что жь, развѣ не рада?

— О, нѣтъ, очень рада! Я очень тебя люблю, потому что ты добрый, совсѣмъ не похожъ на другихъ.

Она посмотрѣла, слегка надунъ губы, на Лукина.

— На какихъ же это другихъ?

— Такъ, я знаю.

— Ты вѣрно поссорилась съ кѣмъ-нибудь, по старой привычкѣ?

— Меня обидѣли... Эта вѣдьма, Сальи, пустила въ меня колодой. Смотри, вонъ карты еще лежать на полу.

— За что это?

— Я развѣ знаю! Спроси вонъ этого чорнаго, вонъ что стоитъ возлѣ Реймерса, это онъ виноватъ.

Капитанъ оглянулся. Пользуясь этимъ случаемъ, Реймерсъ назвалъ ихъ другъ другу.

— На васъ тутъ объявлена маленькая претензія, оказалъ капитанъ.

Лукинъ пожалъ плечами.

— Что прикажете дѣлать? отвѣчалъ онъ смѣясь. — Хорошенькая женщина вся состоитъ изъ претензій, это одна, несомнѣваемая претензія.

Эмилія посмотрѣла на него украдкой и улыбнулась едва примѣтно.

— Слышишь, что про тебя говорятъ, Эмилія? сказалъ Реймерсъ.

— Говорятъ вздоръ.

— Какой вздоръ? Говорятъ, что ты хороша, развѣ это не правда?

Она засмѣялась.

— Если претензія хороша, то надо ее удовлетворить.

— Мосъе Алексѣевъ отъ этого не откажется.

— Конечно, не откажусь; претензія слишкомъ мила.

Онъ подвинулся, собираясь ее обнять, но Эмилія ускользнула, вся вспыхнувъ.

— *Allez vous en, méchant noir, je vous crains!* отвѣчала она убѣгая.

Реймерсъ, Лукинъ и Левель остались втроемъ.

— Забавная дѣвочка! сказалъ Лукинъ.—Вы, кажется, съ ней знакомы? спросилъ онъ у Левеля.

— Да, знаю немножко.

— Это актриса?

— Нѣтъ, она была на сценѣ всего полгода, а потомъ бросила. Вы слышали: свою роль, говорить, играть хочутъ. Подите, толкуйте съ этимъ чертенкомъ!

— Какой она нація?

— Богъ ее знаетъ. Какая-то помѣсь. Она родилась здѣсь, но отецъ у нея былъ Жидъ, ювелиръ, женатъ на Французкѣ, обанкрутился, умеръ; а мать помѣстила ее на сцену, чтобы сбыть съ рукъ, и уѣхала въ Брюссель. Она, конечно, разчитывала на то, что случилось. Прошедшею зимой, дѣла сыскала себѣ попечителя, старичка, въ родѣ Бартоло, который ее одѣваетъ какъ куколку и возить съ собою въ театръ.

— Ты былъ вчера въ оперѣ? спросилъ Реймерсъ.

— Былъ.

— Въ партерѣ?

— Нѣтъ, въ ложѣ, Маевскіе не пустили въ партеръ...

«Браво!» подумалъ Лукинъ, «случай самъ въ руки попался!»

— Позвольте васъ перебить, канитанъ, сказалъ онъ, — вы назвали фамилію, которая мнѣ немножко знакома. Въ августѣ, я имѣлъ удовольствіе встрѣтить дорогой двухъ дамъ и въ об-

ществѣ ихъ провелъ нѣсколько времени самымъ пріятнымъ образомъ. Одну изъ нихъ звали, кажется, Софья Осиповна...

— Софья Осиповна мнѣ родственница, отвѣчала Левель.

— Другую Елена Осиповна.

— Это ея сестра.

— Прошу васъ, когда вы увидите съ ними, передайте имъ отъ меня поклонъ.

Капитанъ отвѣчалъ: «съ удовольствіемъ».

Слово за словомъ, у нихъ завязался довольно живой разговоръ; одинъ изъ такихъ, послѣ которыхъ порядочный человѣкъ считаетъ возможнымъ сдѣлать визитъ другому порядочному человѣку. Но имъ не дали разговаривать слишкомъ долго. Шумное общество высыпало изъ залы въ гостиную.

Молодой человѣкъ во фракѣ, съ еврейскою физиономіей, сѣлъ у піано и начали играть кадрилъ. Дамы, съ блюдечками мороженого въ рукахъ, окружили его смѣясь и притопывая. Въ залѣ прислуга проворно отодвигала стулья. Нѣсколько человѣкъ подошли къ нимъ съ извѣстіемъ, что хотятъ канканировать. Лукинъ всталъ и ушелъ въ кабинетъ. Въ кабинетѣ играли на двухъ столахъ. За однимъ изъ столовъ, Находкинъ, вдвоемъ съ какимъ-то присяжнымъ любителемъ, метали бѣнокъ, смѣняя другъ друга, когда одинъ изъ двухъ уставалъ, или первый считалъ приличнымъ на время оставить игру, чтобы заняться съ своими гостями. Находкинъ игралъ очень часто и проигрывалъ почти сплошь, но на этотъ разъ счастье ему везло. Пачки бумажекъ и золото горкой лежали съ его стороны, и горка эта росла, опустошая карманы понтеровъ. Между послѣдними находилась Салли. Она играла съ такою же страстію, съ такимъ же жаднымъ, неутомимымъ вниманіемъ, какъ и прежде, но это ужъ былъ не пикетъ, и противники не похожи были на юныхъ барашковъ, охотно дающихся стричь. Въ полчаса съ небольшимъ, она успѣла спустить все деньги, выигранныя у Поводова, и съ бѣшенствомъ на лицѣ, худо скрытымъ подъ вынужденною улыбкой, со страхомъ въ глазахъ, на которыхъ порой навертывались слезы, проигрывала симпелями рублей пятьдесятъ своихъ собственныхъ, кровныхъ денегъ. Нѣсколько человѣкъ любопытныхъ собрались вокругъ нея. Смѣясь и подшучивая, они слѣдили за рѣзкими перемѣнами выраженія, появлявшимися у нея на лицѣ при неожиданныхъ оборотахъ счастья. Порою, сдержанный хохотъ или лукавое

замѣчаніе въ полголоса слышны были между ними, но это повидимому нисколько не развлекало ея вниманія.

— На шесть кушей, сказала она, взявъ двѣ карты еряду и загибая семерку; но не успѣла отнять руки, какъ карта была убита.

— *Malédiction!* прошептала Сальи, проворно схвативъ ее со стола и разрывая на мелкіе доскутки. Шепотъ и смѣхъ послышались у нея за спиной, она оглянулась; за ней сидѣли опять Эмилія и Лукинъ.

— *Al!* это вы, *monsieur!* и вы, моя милая! Отнего это вы не танцуете, вы, такая охотница до *sansan* во всевозможныхъ его значеніяхъ?

Эмилія покраснѣла.

— *Bien!* Понимаю! продолжала Француженка:—предмета, который удерживаетъ васъ сегодня, не нужно далеко искать. Онъ тутъ, возлѣ васъ... А вы, *monsieur,* извините, не знаю вашего имени, но судя по вниманію, съ которымъ вы смотрите на игру, можно подумать, что она вамъ ужасно нравится.

— Въ самомъ дѣлѣ, отчего это вы не играете, *мосье Алексѣевъ?* спросилъ по-французски хозяинъ.

— Плохо знаю эту игру, отвѣчалъ Лукинъ,—вотъ поучусь, тогда къ вашимъ услугамъ.

— Да глядя со стороны, во сто лѣтъ не выучитесь, сказалъ Поводовъ,—а вы попробуйте, какъ сотъ пять или шесть спустите, такъ вотъ тогда и будете знать.

— Попробуйте, *мосье Алексѣевъ,* прибавила бойко Сальи,—а то мы пожалуй подумаемъ, что вы трусите.

Лукинъ кусалъ губы.—Пожалуй попробую, отвѣчалъ онъ схвативъ колоду. *Attendez,* двойка идетъ.

— На сколько прикажете? спросилъ улыбаясь Находкинъ.

— Идетъ на двѣсти рублей.

— Ого! сказалъ Поводовъ; Сальи завистливо на него посмотрѣла.

— Ваша, сказалъ хозяинъ, прокинувъ два абцуга и вскрывая на лѣво двойку.

— Для начала не дурно, замѣтилъ кто-то.

— *Уголь,* сказалъ Лукинъ, снявъ двойку и загибая туза. Опять онъ выигралъ, перегнулъ туза вдвое, взялъ на него еще разъ и записалъ мелкомъ на столѣ тысячу двѣсти.

Все стихло, понтеры переглянулись; улыбка исчезла съ лица хозяина.

— Иванъ Васильичъ, сказалъ онъ товарищу,—садитесь-ка вы; мнѣ что-то плохо везетъ.

Иванъ Васильевичъ—красивый, полный мужчина, лѣтъ подь сорокъ, въ синемъ фракѣ стариннаго покроя, въ очкахъ, съ большимъ орлинымъ носомъ, и съ парой густыхъ, высокихъ бровей, садясь, окинулъ глазами столъ.

— Ну! всѣ понтерки попрытались!

— Это вашъ тузъ, сударь, всѣхъ распугалъ.

— Чтò жь, милости просимъ, пожалуйста, выводите его опять въ походъ.

Лукинъ съ минуту смотрѣлъ ему прямо въ глаза, какъ будто стараясь прочесть въ нихъ что-то, потомъ вынулъ трефоваго короля и медленно положилъ его на то мѣсто, гдѣ у него записанъ былъ выигрышъ.

— *Malbrough s'en va-t-en guerre...* запыла Сальи вполголоса.

— На *Пе?* спросилъ банкومترъ.

— *Ва-Банкъ!* сказалъ громко Лукинъ.

— Bravo! Кто это тамъ понтируетъ такъ лихо? закричалъ ротмистръ Карцевъ, бросивъ свою игру на другомъ столѣ и подбѣгая къ Ивану Васильевичу. За нимъ вскочило все общество, сидѣвшее въ кабинетъ; густая толпа окружила играющихъ, и вслѣдъ затѣмъ все стихло; только изъ залы слышенъ былъ легкій, веселый кадансъ французской кадрили.

«*Malbrough s'en va-t-en guerre,
Mizon ton, ton, ton, mirontaine!
Malbrough s'en va-t-en guerre,
Dieu sait quand reviendra!...*»

продолжала Сальи вполголоса.

— Принажете начинать? спросилъ банкومترъ.

— Прошу покорибѣйше.

Иванъ Васильевичъ кашлянулъ и началъ метать. По пятому абцуту, на лѣво упалъ король.

— Карта ваяда! сказалъ Лукинъ.

Громкое bravo хорошо раздалось вокругъ. Иванъ Васильевичъ взглянулъ на Находкина, который сидѣлъ весь красный, кусая губы. «Капуть», сказалъ онъ, бросая карты.

— Капуть, отвѣчалъ тотъ. Разбиты въ прахъ! Потрудитесь пожауста разчитаться, добрѣйшій Иванъ Васильичъ... Тутъ,

по запискѣ, намъ слѣдуетъ еще получить кой съ кого... Чего тебѣ, Осипъ?

— Ужинать подано, ваше благородіе, отвѣчалъ деньщикъ. Находкинъ всталъ и ушелъ.

Вся горка, лежавшая на столѣ, пошла въ карманъ къ Лукину. Въ ней было три тысячи слишкомъ; да сверхъ того, по разчету, съ понтеровъ онъ долженъ былъ получить сотенъ пять. Одни заплатили; но нѣсколько человекъ, игравшихъ на слово, просили его подождать. Въ числѣ должниковъ его очутилась Сальи. За ней оставалось рублей полтораста, которые, хотя и лежали у ней въ карманѣ сполна, но разстаться съ ними, по разнымъ соображеніямъ, она не желала.

— Мосье Алексѣевъ, сказала она, подавая ему свою карточку съ адресомъ, — послѣ своей блестящей побѣды, надѣюсь, будетъ великодушень и дастъ мнѣ срокъ.

Лукинъ просилъ не беспокоиться о такихъ пустякахъ. Въ награду, она подарила его очень нѣжною улыбкой. — Надѣюсь, прибавила она, — что этотъ случай доставитъ мнѣ удовольствіе видѣть васъ у меня?

Лукинъ поклонился. — Только въ такомъ случаѣ, онъ отвѣчалъ, — если вы общаете, что о вашемъ маленькомъ должкѣ не будетъ болѣе и рѣчи.

— Oh! mais vous êtes un trésor de galanterie! сказала она, схвативъ его подъ руку. — Я васъ обожаю; пойдите ужинать.

Лукинъ оглянулся. Въ пяти шагахъ, отъ него стояла Эмилія. Губы ея были стиснуты, ноздри раздуты; облако ревности и досады омрачило ея хорошенькое, почти дѣтское личико.

— Одну минуту, сказалъ Лукинъ, подходя къ ней съ Француженкой. — Эмилія, чтѣ съ вами? Но та отвернулась проворно, не отвѣчая ни слова, и тотчасъ же начала разговоръ съ какимъ-то бариниошъ, очень замѣтно уже вкусившимъ отъ сока лозы.

— Не хлопчите объ этомъ, шепнула Француженка. — Это не стѣбитъ труда. Если она вамъ такъ нравится, то, je vous donne ma parole, она будетъ ваша. Un beau matin, passez chez moi, nous en parlerons... Я вижу вы еще новичокъ; но головой отвѣчаю, вы имъ не долго останетесь.

На мигъ ему стало гадко. На мигъ онъ почувствовалъ инстинктивное побужденіе плюнуть въ это раскрашенное лицо, но этотъ мигъ прошелъ безъ слѣда, а на слѣдующій всѣ сидѣли заужиномъ. Ужинъ начался чинно, скромнымъ бульйономъ съ слоеными пирожками, а кончился пламенною жженкой,

послѣ которой оргія тянулась до поздней ночи. Левель уѣхалъ сейчасъ послѣ ужина. Лукинъ оставался вплоть до конца. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые вышли изъ дома, хотя и не твердою поступью, но все-таки на своихъ ногахъ.

III. Визитъ.

— Что вы сегодня дѣлаете, кузина? спросилъ Павелъ Петровичъ Левель, садясь на стулъ возлѣ Софьи Осиповны, которая вертѣла въ рукахъ какую-то русскую книгу, не раскрывая ея.

— Скучаю, Поль.

— Это дурно.

— Очень дурно; я знаю сама, да только я въ этомъ не виновата. Что прикажете дѣлать въ вашемъ большомъ, сонномъ городѣ, съ вашимъ жеманнымъ, чопорнымъ, соннымъ народомъ?

— Отчего соннымъ?

— Развѣ я знаю? Это у васъ скорѣе можно спросить... Она засмѣялась.—Поль, сыщите вы мнѣ наконецъ живую душу! продолжала она, полусуто, полусеріозно. — Что это такое? Вѣдь это все мертвецы, покойники! Если имъ кожу разрѣзать, я думаю кровь не пойдетъ.

— Попробуйте, можетъ-быть, вы ошибаетесь, отвѣчалъ Левель.

Она схватила булавку.

— Знаете, Поль, если ужъ пробовать, то пробовать съ васъ. Вы меня бѣсите съ вашею мороженою улыбкой! Она сидѣтъ какъ снѣгъ у васъ на лицѣ, и что тамъ, подъ этимъ снѣгомъ, одинъ Богъ вѣдаетъ! Скажите мнѣ откровенно: смѣялись ли вы когда-нибудь отъ души, во все горло, плакали ли вы когда-нибудь съ тѣхъ поръ, какъ вамъ минуло десять лѣтъ? Есть ли какая-нибудь возможность вывести васъ изъ себя?

— Попробуйте, повторилъ онъ опять.

— Вы не отвѣчаете на вопросъ. Я увѣрена, что вы не были никогда ребенкомъ.

— Это было бы неестественно, а все-таки было бы лучше тѣмъ оставаться ребенкомъ всю жизнь.

— Вы хотите сказать, что я ребячусь?

— C'est vous qui le dites.

— Молчите, vous êtes un impertinent! Вы считаете себя серьезнымъ человѣкомъ; а между тѣмъ, я пари держу, что вы не болѣе какъ холодный человѣкъ. Я бы хотѣла, чтобы вы когда-нибудь растаяли, тогда можно было бы узнать, что у васъ тамъ такое въ сердцѣ: вода или кровь... Я бы хотѣла, чтобы вы влюбились въ кого-нибудь, влюбились по уши, до безумія, это было бы очень забавно! Куда бы вы дѣли тогда вашу эквилибристику, ваше философическое, невозмутимое, отвратительное равнодушіе?

— Вы хотите, чтобы я сошелъ съ ума, и спрашиваете, куда бы я дѣлъ разумокъ?

— Ah! Je vous tiens. Ah! Вы любовь называете сумасшествіемъ?

— Если она доходить до сумасшествія, то какже ее назвать?

— Мало ли что до чего доходить! Я иногда дохожу до Лѣтняго Сада, что жъ изъ этого слѣдуетъ?

— Только то, что вы шутите, больше рѣшительно ничего.

— Неправда, еще кое-что, сказала Нелѣне входя.

— Что же еще?

— То, что вы съ Софи вѣчно спорите. Я боюсь, что вы съ ней когда-нибудь не на шутку поссоритесь.

— Нѣтъ, возразила Софи,—я этого не боюсь. Социнъ Поль серьезный человѣкъ, онъ не будетъ ссориться съ такими дѣтьми, какими онъ насъ считаетъ.

— А! вотъ какъ! сказала Нелѣне нерѣшительно. Она была еще въ такомъ возрастѣ, въ которомъ дѣвушка сильно боится быть принятой за дитя.

— Кстати, Поль, что вы сдѣлали съ моею просьбой? сказала Софи.

— Съ какою? спросилъ Левель, притворяясь, что онъ забылъ.

— Какъ это мило! Вы заставляете меня повторять!.. Съ просьбой найти намъ этого Алексѣева?

— А! Синюю Бороду?.. Синюю Бороду я нашелъ.

— Вы шутите? сказала Софи, краснѣя.

— Нисколько, онъ былъ у меня на дняхъ, и мы говорили о васъ. Онъ горитъ нетерпѣніемъ имѣть счастье...

— Итакъ—даже? сказала Софи.

— Итакъ дагѣ, повторилъ капитанъ.

— Чтѣ жь вы ему отвѣчали? Надѣюсь, что вы ему не сказали какой-нибудь глупости?

— Покорно благодарю, отвѣчалъ Левель, кланяясь.

— Перестаньте шутить; серьезно, чтѣ вы ему сказали?

— Сказалъ, что я съ вами поговорю, что хотѣ, кажется, вы и не вовсе къ нему равнодушны, но что все-таки я не знаю, найдете ли вы приличнымъ такъ скоро...

— Ахъ, фи! Какъ вамъ не стыдно! Фи! Можно ли было сказать такой вздоръ! въ одинъ голосъ воскликнули обѣ сестры, сильно сконуженныя.

Левель смѣялся, съ довольнымъ видомъ потирая руки. Онѣ посмотрѣли ему въ глаза и тоже захохотали.

— Вы ждете! Вы ждете, Поль! Дайте мнѣ слово, что вы не говорили никакихъ вздоровъ.

Левель смѣялся, не отвѣчая ни слова.

— Ah! de par Dieu! Если только я что-нибудь узнаю!..

— Успокойтесь кузина, вы не узнаете ничего... то-есть ничего такого, чтѣ бы могло навлечь на меня вашу гнѣвъ. Когда прикажете представить мою находку?

— Когда вамъ угодно; пожалуй хотѣ завтра, только не ранѣе двухъ; потому что намъ надо еще побывать у этой... какъ ее?... ну, просто сказать, у нашей корсетницы; а потому мы хотѣли захватить... но все равно, если вы насъ не застанете, подождите, мы будемъ минутъ черезъ пять...

Поль поклонился.

— А теперь, cher cousin, продолжала она, минутой спустя, — скажите мнѣ откровенно: какъ вамъ понравился вашъ знакомый.

— Такъ, ничего.

— Такъ, ничего!, повторила она, передразнивая его равнодушный тонъ голоса—Allons donc! Терпѣть не могу такого отвѣта! Это только у васъ въ Петербургѣ такъ говорить, но изъ этого ничего не поймешь. Чтѣ это значить: понравился или нѣтъ?

— Чтѣ жь вы хотите, чтобъ я вамъ сказалъ? Я видѣлъ его всего раза три.

— А сколько же разъ надо видѣть?

— Не знаю, смотря по обстоятельствамъ, но по первому впечатлѣннѣ судить не возможно.

— Судить и не нужно, скажите мнѣ просто ваше первое впечатлѣннѣ.

— Извольте. Первое впечатлѣніе было выгодное. Муштина здоровый, свѣжій, росту хорошаго, смотритъ такимъ молодцомъ, что хоть сейчасъ въ первую Преображенскую роту.

— Фн! Я развѣ у васъ объ этомъ спрашивала?

— Въ добавокъ не глупъ и въ обществѣ держитъ себя прилично... Одѣтъ хорошо...

— А! фн! молчите. Поль, я считала васъ умнымъ человекомъ, а вы говорите мнѣ пошлости.

Левель расхохотался.

— Чего же вы отъ меня хотите, кузина, я право не понимаю... Ну, дѣлать нечего, попробую еще разъ.. Онъ очень порядочный и, если хотите, интересный человекъ, но въ немъ есть что-то странное, чтобъ не сказать таинственное. Во первыхъ, онъ очень скрытенъ. Кто онъ такой? Откуда? какія у него средства, и что онъ дѣлаетъ или что думаетъ дѣлать, ничего не узнаешь путемъ, все надо угадывать, а угадывать можно что хочешь. Можно думать пожалуй, что онъ съ трудомъ выбился на просторъ изъ какой-нибудь темной и тѣсной сферы, о которой ему неприятно упоминать, или что онъ остатокъ, щепка, уцѣлѣвшая отъ крушенія какого-нибудь богатаго корабля, сынъ раззорившагося помѣщика... что-нибудь въ этомъ родѣ, что именно трудно сказать, но навѣрно его положеніе въ обществѣ имѣетъ какую-нибудь шаткую сторону, какой-нибудь *икс* или вопросительный знакъ. Съ другой стороны, наружность его обманчива, онъ кажется старѣе и гораздо солиднѣе чѣмъ онъ есть. Судя по лицу, манерамъ и разговору, я далъ бы ему лѣтъ тридцать, но стоить взглянуть на него за картами или за бутылкой вина, чтобъ убѣдиться, что онъ еще очень молодъ. Гдѣ только дойдетъ до дѣла, тамъ вы его не узнаете, горять, крутъ, скоръ какъ мальчикъ и падохъ какъ мальчикъ на всякую всячину.

— *Qu'est ce que c'est вслщина?* спросила *Hélène*.

— Извините, отвѣчалъ капитанъ, улыбаясь,— я вамъ своихъ словъ не выдаю за готовое мнѣніе и потому не берусь объяснять ихъ подробно. Это не болѣе какъ догадки, составленныя по первому впечатлѣнію.

— И потому можетъ статья ошибочныя? сказала Софи.

— О! легко можетъ быть. Совѣтую вамъ провѣрить ихъ собственнымъ наблюденіемъ, прежде чѣмъ вы сдѣлаете изъ нихъ какіе-нибудь выводы.

— Merci, Paul, отвѣчала Софи. — Вы были очень добры. Скажите, я много хлопотъ вамъ надѣлала съ моею просьбой?

— Дѣло прошлое, отвѣчалъ капитанъ усмѣхаясь, — не стоить о немъ говорить теперь, а можно бы кое-что разказать, потому что отыскивать здѣсь, въ Петербургѣ, лицо никому неизвѣстное, это такая задача, о трудностяхъ которой, ma chère cousine, вы не можете составить себѣ ни малѣйшаго представленія. Это не то, что въ какомъ-нибудь губернскомъ городкѣ, гдѣ вся дворянская часть народонаселенія извѣстна наперечетъ. Здѣсь надо имѣть, какъ я, цѣлый полкъ пріятелей и друзей. и всѣхъ поставить на ноги, всѣхъ пустить по слѣдамъ, всѣмъ имъ твердить каждый день вашу просьбу, чтобы, наконецъ, послѣ долгаго времени, добиться до какого-нибудь положительнаго результата.

— Поль, признайтесь, вы вѣрно меня проклинали не разъ съ моими капризами?

— До этого еще не дошло, кузина, отвѣчалъ Левель смѣясь; — но признаюсь иной разъ досадно было немножко.

— Ну, а теперь?

— Теперь, я очень доволенъ, что мнѣ удалось исполнить ваше желаніе.

— Oh! Vous êtes bien bon, mon ami! Venez que je vous embrasse!

Этимъ окончился разговоръ.

На другой день, поутру, часовъ около двухъ, въ прихожей Маевскихъ раздался звонокъ.

— Павелъ Петровичъ и господинъ Алексѣевъ, сказалъ слуга, входя въ кабинетъ къ генералъ-майору Маевскому.

— Скажи Софѣ Осиповнѣ, отвѣчалъ генералъ.

— Софьи Осиповны нѣтъ дома-съ.

Генералъ проворчалъ что-то очень нетерпѣливо.

— Проси, сказалъ онъ вставая и вышелъ изъ кабинета въ гостиную.

Федоръ Леонтьевичъ Маевскій былъ очень приличный генералъ. По чину, онъ не былъ ни слишкомъ старъ, ни черезчуръ уже молодъ. Ему было ровно пятьдесятъ лѣтъ. Двойной подбородокъ не выползалъ у него изъ-за галстука, брюхо не выдавалось впередъ, волосы на вискахъ и на лбу не торчали насаленными крючками, а лежали такъ мягко и ровно, какъ цѣнный боберъ, и какъ боберъ пестрѣли красивою просѣдью. Въ лицѣ видна была важность и полное сознаніе собственнаго величія, правда,

но это сознаніе было спокойно. Взглядъ не грозилъ суетелями или начальническимъ распеаньемъ. Онъ не любилъ, чтобы ему говорили за каждымъ словомъ ваше превосходительство, и самъ не повторялъ этого титула, разказывая свой разговоръ съ какимъ-нибудь низшимъ по чину лицомъ. Онъ даже не говорилъ ты никому кромѣ своей жены да лакея, и вообще былъ достаточно вѣжливъ. Федоръ Леонтьевичъ зналъ три языка: французскій, польскій и русскій, учился когда-то прилежно и помнилъ пройденое въ школахъ на столько, чтобы не смѣшать Карла Великаго съ Карломъ XII, а математику зналъ даже такъ аккуратно, что могъ во всякое время довольно вѣрно опредѣлять различіе между хордою, радіусомъ и діаметромъ, между прямымъ и острымъ угломъ, между арифметическою и геометрическою прогрессіей. Мало того, лѣтъ двадцать тому назадъ, принявъ въ наслѣдство послѣ отца довольно значительное имѣніе, онъ счелъ за нужное прочесть отъ доски до доски полный курсъ сельскаго хозяйства Тера, да не такъ давно еще какую-ту русскую книжку о политической экономіи, что дало ему нѣкоторую возможность судить о разныхъ серьезныхъ вещахъ, выходящихъ изъ сферы его служебной дѣятельности. Служилъ онъ во оружіи, по кавалеріи, тридцать лѣтъ, былъ въ польскомъ и турецкомъ походахъ, былъ раненъ куда-то слегка и по поводу этого случая имѣлъ право носить камышевую трость съ золотымъ набалдашникомъ; словомъ, былъ человекъ уважительный и приличный. Въ молодые годы, онъ былъ бокашій волоките, имѣлъ длинный рядъ романическихъ похожденій и вынесъ изъ нихъ сытое самолюбіе съ одной стороны, съ другой — сердечную преданность къ прекрасному полу, съ которымъ всегда былъ рыцарски вѣжливъ, лукаво шутивъ, развязенъ и веселъ. Женился онъ года четыре тому назадъ, въ Минской губерніи, въ которой онъ долго стоялъ съ своею бригадою. Попавъ случайно въ село одного, когда-то богатаго, но въ ту пору разореннаго пана, онъ страстно влюбился въ старшую его дочь, и чтобъ привлечь сердце дѣвушки, пустилъ въ ходъ всю опытность прежнихъ годовъ; но долго дѣло не шло на ладъ. Рѣзвая, умная, ловкая Зося скользила какъ змѣйка изъ рукъ. Долго водила она почтеннато стараго воина за его старый, почтенный носъ, смѣялась надъ нимъ жестоко, кокетничала, шалила и наконецъ, уже натѣшившись досыта, уступила настойчивымъ просьбамъ отца. Софья Осиповна минуло ровно двадцать два года въ ту пору, когда она вышла за мужъ. Она любила Федора

Леонтьевича какъ добраго малаго, свѣтскаго человѣка и уважала какъ мужа, за что съ своей стороны требовала полной покорности, полнаго, безусловнаго послушанія. Требованіе это было безмолвно, оно само собою подразумѣвалось, это была не больше какъ разница во взаимномъ, сердечномъ отношеніи влюбленнаго стараго волокиты къ молодой, бойкой, слегка привязанной женщинѣ, разница, сама по себѣ составлявшая естественное право въ пользу послѣдней. По какому случаю Федоръ Леонтьевичъ назначенъ былъ губернаторомъ въ Сольскъ, объ этомъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, но достоверно извѣстно, что онъ имѣлъ связи. Изъ старыхъ его товарищей, пріятелей, родственниковъ, многіе въ Петербургѣ служили на видныхъ мѣстахъ; съ иными онъ велъ переписку, въ которой не разъ повторялъ, что кочевая жизнь въ польскихъ губерніяхъ и военное поприще въ жирное время надѣли ему ужасно, что онъ желалъ бы подъ старость пожить спокойно на постоянной квартирѣ и по примѣру другихъ его сверстниковъ быть полезнымъ отечеству не на однихъ смотрахъ и маневрахъ, что онъ не разъ, въ теченіи своей службы, исполнялъ важныя порученія, по хозяйственной, слѣдственной и другимъ частямъ, при чемъ успѣлъ изучить порядокъ гражданской администраціи и т. д. Желанія его наконецъ сбылись. Въ одно прѣкрасное утро, онъ былъ увѣдомленъ частнымъ образомъ о новомъ своемъ назначеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашенъ въ Петербургъ для личныхъ переговоровъ. Изъ нихъ, Маевскій увидѣлъ необходимость заблаговременно ознакомиться съ ходомъ дѣлъ въ Сольской губерніи. Кипы бумагъ, уставовъ, проектовъ, меморій, отчетовъ и смѣтъ появились у него на столѣ. Все это надо было пересмотрѣть хоть мелькомъ, и во всемъ этомъ заключалось такъ много темнаго, незнакомаго для него, такъ много справокъ о разныхъ предметахъ необходимо было собрать, чтобы прикрыть хоть немного свое незнаніе въ глазахъ своихъ новыхъ начальниковъ и будущихъ подчиненныхъ, что въ головѣ у него пошло колесомъ. А между тѣмъ время, которое было ему дано, чтобы собрать всѣ нужныя свѣдѣнія въ центрѣ администраціи, летѣло съ ужасною быстротой, и тысяча постороннихъ вещей, отъ которыхъ нельзя отказаться, обѣды, визиты, пріемные дни, разносили его по частямъ, разрывали на мелкіе лоскутки. Часто, по цѣлымъ утрамъ, онъ прятался у себя въ кабинетъ подъ разными предлогами, но наконецъ докладъ о пріѣздѣ какого-нибудь чело-

вѣка, отъ котораго трудно было отдѣлаться, или внезапное появленіе Софьи Осиповны съ словами: «Мой другъ, надо выйдти, такая-то и такой-то тутъ,» заставляли его вздрогнуть, отпра- вляться въ гостиную и съ головою, отуманенною дѣловыми подробностями, вести разговоръ о самыхъ пустопорожнихъ вещахъ. Въ такія минуты, Федоръ Леонтьевичъ мысленно про- клиналъ свое замѣтное положеніе въ обществѣ, своихъ знако- мыхъ, родныхъ и даже сердился подѣ-часъ на жену, но гнѣвъ его продолжался недолго. Онъ былъ веселый, уживчивый, общежительный человекъ. Нахмурить бывало брови, покру- тить усы, поклонится холодно, а четверть часа спустя покр- ится своей судьбѣ и станетъ такимъ любезнымъ хозяиномъ, какихъ въ Петербургѣ мало.

— Очень радъ, очень радъ! сказалъ Федоръ Леонтьевичъ, когда Левель представилъ ему Лукина. — Мое семейство, если не ошибаюсь, имѣло удовольствіе познакомиться съ вами немного пораньше чѣмъ я?

Лукинъ отвѣчалъ, что дѣйствительно, на одной станціи въ Псковской губерніи, онъ имѣлъ счастье ждать лошадей вмѣстѣ съ семействомъ его превосходительства.

— А вы давно пріѣхали въ Петербургъ? спросилъ Федоръ Леонтьевичъ.

— Въ половинѣ августа.

— Вы здѣсь служили когда-нибудь.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лукинъ. — Я вовсе еще не служилъ, но когда-нибудь надо отвѣдать этого удовольствія, вотъ ужъ два года какъ я собираюсь.

— Два года! съ большимъ удивленіемъ повторилъ Фе- доръ Леонтьевичъ.

— Что жъ, это время не даромъ было истрачено. Я про- шилъ его въ деревнѣ, въ развѣздахъ... Прежде чѣмъ окунуться въ омутъ служебныхъ воззрѣній и дѣлать съ ихъ неподвиж- ными формулами, мнѣ казалось не лишнимъ узнать хоть не- много ту жизнь, которая въ нихъ укладывается иногда не со- всѣмъ проторно.

— Хм! да, оно, конечно, не лишнее, отвѣчалъ Федоръ Ле- онтьевичъ;—и въ отношеніи къ здѣшнимъ, столичнымъ чинов- никамъ, кромѣ своихъ департаментовъ не выдавшимъ рѣши- тельно ничего, вы правы. Но служба въ губерніи, это другое дѣло.

Лукинъ отвѣчалъ, что служба въ губерніи кажется ему въ десять разъ интереснѣе здѣшней.

— Тамъ они дѣло дѣлають, сказалъ онъ; — а здѣсь только толкуютъ о дѣлѣ, да и то о такомъ, котораго не видали въ глаза.

Замѣчаніе это очень понравилось Ѳедору Леонтьевичу. Онъ отозвался довольно лестно насчетъ молодыхъ людей съ свѣжимъ взглядомъ.

— Приятно видѣть какъ нынче все это двигается впередъ!.. заключилъ онъ. — Вы гдѣ воспитывались?

— Я кончилъ курсъ въ здѣшнемъ университетѣ.

— И послѣ уѣхали изъ столицы?

— Да, уѣзжалъ раза два.

— Гдѣ же вы жили?

— Въ деревнѣ... большею частію.

— Въ какой губерніи?

— Въ Полтавской.

— А, помню, живаль... Мѣста довольно унылыя... скука!..

— Скука зависитъ отъ случая, замѣтилъ Лукинъ.

— Правда, чистѣйшая правда! Я самъ это испыталъ. Скучаешь часто безъ всякихъ замѣтныхъ причинъ, совсѣмъ противъ ожиданія. Ну и навыворотъ то же случается. Назадъ тому лѣтъ двадцать пять, господа, когда я былъ вашихъ лѣтъ и служилъ еще въ Н—скомъ уланскомъ полку, мы стояли съ полгода въ одномъ изъ самыхъ глухихъ уѣздовъ Литвы; стояли въ глухую осень, въ жидовскомъ мѣстечкѣ, въ грязи, да какъ нарочно еще финансы въ ту пору у всѣхъ были плохи. Ну, разумется, ждали убійственной скуки, а вышло наоборотъ. Вѣрите ли, это время осталось въ памяти до сихъ поръ какъ самое счастливое время жизни?

— Осталось ужъ вѣрно не даромъ, замѣтилъ Левель, съ усмѣшкой поглядывая на стараго улана. — Вспомните, Ѳедоръ Леонтьичъ, что-нибудь было въ мѣстечкѣ или по близости, чего вы не ждали, собираясь скучать?

Маевскій молчалъ съ минуту, лукаво посмѣиваясь и съ очень довольнымъ видомъ покручивая усы.

— Хм, да, по правдѣ сказать, были двѣ три сосѣдки, замужнія барышни, у которыхъ нашъ кругъ собирался порой... ну, да гдѣ же ихъ нѣтъ?.. Люди вездѣ живутъ, да не вездѣ умѣютъ жить весело. Вотъ, хоть, у васъ тутъ, въ столицѣ, блестящее общество, балы, вечера каждый день, а между тѣмъ

нигдѣ въ Россіи не видишь такого множества молодыхъ людей, одержимыхъ смертельною скукой. Если бы я былъ ихъ докторомъ, кланусь честию, я бы ихъ всѣхъ отправилъ въ провинцію года на три. Тамъ бы ихъ вылѣчили, тамъ бы съ нихъ скуку порастрясли, потому что тамъ люди умѣютъ жить лучше чѣмъ здѣсь... Не правда ли? сказалъ онъ, обращаясь опять къ Лукину.

— Да, люди тамъ менѣе избалованы, у нихъ меньше претензій и общество связано крѣпче чѣмъ здѣсь. Здѣсь, у него нѣтъ центра, все это какъ песокъ ползетъ эрозію. Здѣсь люди сходятся чисто случайно и расходятся тоже, въ ихъ жизни нѣтъ ничего, чтобы сближало ихъ необходимымъ путемъ.

— Другими словами, замѣтилъ Маевскій,—у васъ тутъ нѣтъ общества въ собственномъ смыслѣ слова, потому что какое же это общество, у котораго нѣтъ центра?

— Нѣтъ одного, но за то ихъ есть тысячи, сказалъ Левель.

— Покорно васъ благодарю, за ваши тысячи! Если ихъ сосчитать, то можетъ-быть на повѣрку окажется, что всякій здѣсь самъ себѣ центръ, или лучше сказать, что у васъ тутъ другъ друга и знать не хотятъ. Я этого право не понимаю. У васъ тутъ царствуетъ какая-то страшная апатія ко всему, все дѣлается какъ-то нехотя, по заказу, такъ вяло и медленно какъ будто у всякаго тысяча лѣтъ впереди, а между тѣмъ какая тамъ тысяча! Въ тридцать вы смотрите уже стариками!

— Повѣрьте, Федоръ Леонтычъ, возразилъ Левель,—здѣсь люди такіе же какъ вездѣ и также долго бываютъ молоды и живутъ такъ же скоро, только ихъ жизнь не бросается такъ въ глаза, какъ въ провинціи, потому что у ней здѣсь нѣтъ одной вынужденной, казенной рамки, въ которой глазъ могъ бы разомъ охватить ее всю. Она течетъ пестро, широко, по разнымъ путямъ, которые тутъ встрѣчаются, тамъ расходятся, тутъ дно выходятъ наружу, а тамъ спутываются и переплетаются въ какой-то безвыходный лабиринтъ...

— Ну, я на это скажу, что я не охотникъ до лабиринтовъ. Оно можетъ-быть интересно, не спорю, другому, досуужему человѣку, а для того, кто дѣломъ занять по горло какъ я, нуженъ прямой, ясный путь.

Не успѣлъ онъ окончить, какъ изъ прихожей раздался опять звонокъ, и минутой спустя, двѣ дамы вбѣжали въ комнату, веселыя, ловкія, обѣ съ живымъ румянцемъ отъ скорой ходьбы и съ холодомъ свѣжаго осенняго утра въ широкихъ складкахъ

ихъ шелковыхъ платьевъ. Въ одну минуту, густое жужжаніе мужскихъ голосовъ покрыто было ихъ звонкою, милою болтовней, бѣглая музыка которой, какъ трели щебечущихъ птицъ, веселымъ тономъ вознаграждала за маленькій недостатокъ логической связи.

— Даю вамъ слово, monsieur, сказала Софья Осиповна, садясь на софу,—я никогда бы васъ не узнала; вы такъ... заросли!

— Однако жь узнали, сударыня, отвѣчалъ онъ,—и я благодаренъ за это маленькое исключеніе хоть на сегодняшний разъ.

— О! сегодня мы ждали васъ, и потому ошибаться было довольно трудно, но еслибы мы встрѣтились гдѣ-нибудь невзначай...

— Vraiment, monsieur, мы бы васъ не узнали! проворно договорила Héléne.

— Вы находите стало-быть, кузина, что мосье Алексѣевъ теперь уже не похожъ на Синюю-Бороду? спросилъ Левель.

— На какую Синюю-Бороду? проговорила она краснѣя.

Лукинъ посмотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ. Федоръ Леонтьевичъ тоже. Софи улынулась.

— Это, то-есть этотъ цвѣтъ бороды... вы извините, Григорій Алексѣичъ, была одна изъ примѣтъ, оставшихся въ памяти у Елены Осиповны послѣ вашей дорожной встрѣчи.

Лукинъ засмѣялся. Но я былъ vybrить въ ту пору, замѣтилъ онъ. Héléne покраснѣла еще сильнѣе.

— Какой вздоръ, Поль! перебила она.—Какъ вамъ не совѣстно сочинять! Я право не помню, чтобъ я... можетъ-быть это Софи вамъ сказала? прибавила она, бросивъ лукавый взглядъ на сестру.

— Я? что за выдумка, Поль, pas de bêtises, je vous prie!.. довольно строго сказала Софи.

— Ну, кто изъ васъ виноватъ, это совѣтую вамъ обстоятельно разъяснить, произнесъ Маевскій вставая,—а меня Григорій Алексѣичъ извинить, потому что я право заваленъ работой по горло. Впрочемъ, прибавилъ онъ, радушно протягивая гостю руку,—это, надѣюсь, не помѣшаетъ мнѣ видѣть васъ часто у насъ... Прошу покорнѣйше когда-нибудь вечеромъ... Федоръ Леонтьевичъ раскланялся и ушелъ.

— Теперь, мосье Алексѣевъ, сказала Софи,—вы намъ должны описать ваши дорожныя приключенія. Надѣюсь, вы больше не падали изъ телѣги?

— Некогда было, Софья Осиповна, очень спѣшилъ.

— Вотъ это благоразумно! замѣтила Héléne. Такія вещи можно позволить себѣ на досугѣ, какъ развлеченіе, но если есть какая-нибудь особенная причина спѣшить... у васъ, конечно, была особенная причина, мосье Алексѣевъ?

— О! совершенно особенная. Въ дорогѣ обыкновенно спѣшать пріѣхать на мѣсто, а я спѣшилъ напротивъ уѣхать съ мѣста.

— Вамъ сталобыть все равно было въ какую сторону ѣхать?

— Все равно.

— Отчего жъ вы пріѣхали въ Петербургъ?

— Да куда жъ было больше пріѣхать? Петербургъ это центръ тяготѣнія въ русскомъ мірѣ, и все что летитъ безъ собственной цѣли въ пространствѣ, попадаетъ сюда механически по естественному закону движенія.

— Но вѣдь вы ѣхали же сюда за чѣмъ-нибудь? сказалъ Левель смѣясь.

— Да, ѣхалъ за чѣмъ-нибудь, но ей Богу, не знаю за чѣмъ.

— А служба?

Лукинъ въ свою очередь усмѣхнулся.

— Служба загадка, онъ отвѣчалъ.

— Но вы готовите себя къ рѣшенію этой загадки?

— Да, только какъ я ее разрѣшу, одинъ Богъ вѣдаетъ. Я готовлю себя ко всякому случаю, а случай нестеръ.

— Но вы имѣете же какой-нибудь планъ насчетъ будущаго? сказала Софи.

— Никакого, сударыня. Я по опыту убѣдился, что безъ плана живется гораздо пріятнѣе. Планъ это прежде всего потерянный трудъ, потому что ни йоты изъ будущаго не угадаешь, а вотъ которыхъ всякій планъ портитъ жизнь. Если не сбудется, какъ это бываетъ обыкновенно, мы считаемъ себя несчастными, если сбудется, вся прелесть непредвидѣннаго удовольствія изматъ, весь аппетитъ притупленъ ожиданіемъ.

— Бываетъ и такъ, сказалъ Левель;—да не отъ насъ зависеть, чтобъ было иначе? Планъ это не болѣе какъ рядъ связанныхъ желаній; а желаніе—вещь невольная. Желаніе въ сердцѣ растетъ какъ трава на землѣ, несѣянное, незванное.

— Да, только траву не прячутъ, потому что трава хорошая вещь, которая имѣетъ свой смыслъ, а изъ пяти желаній четыре по меньшей мѣрѣ бываютъ такъ глупы или такъ

гадки, что мы стыдимся о них говорить и прячем их инстинктивно.

— Не всегда удастся спрятать, сказала Софи.— Чего язык не досказывает, то часто написано на лицѣ. Берегитесь, мосье Алексѣевъ, я умѣю читать эту грамоту.

— Это не трудно, замѣтилъ Лукинъ,—когда на лицѣ дѣйствительно написано что-нибудь, да сверхъ того еще написана правда; но что если оно молчитъ какъ пустая страница или, еще хуже, жметъ?

— Въ такомъ случаѣ, это ужь не лицо, а маска. Надѣюсь, что вы не носите ее, мосье Алексѣевъ?

— Случается, Софья Осиповна, но я не вижу въ томъ зла. Маска, это—законное орудіе обороны въ рукахъ у всякаго, кто имъ умѣетъ владѣть. Ни вы, ни я, никто, кромѣ ребенка, не открываетъ себя вполнѣ и не высказываетъ всего, что у него на душѣ.

— Правда, отвѣчала она смѣясь,—всего сказать невозможно. Мало ли какой вадоръ иногда придетъ въ голову!

— Что тамъ? спросила она, замѣтивъ слугу, который вошелъ въ гостиную.

— Пакетъ прислали изъ магазина, сударыня.

Пакетъ былъ съ нотами. Нелѣпе схватила его и начала разбирать.— Вотъ этотъ *nocturne*, Поль, который вы мнѣ хвалили вчера, я нарочно достала. Сыграйте, мнѣ хочется знать...

— Пожалуй.— Левель взялъ ноты, и они вмѣстѣ ушли въ сосѣднюю комнату.

Лукинъ остался вдвоемъ со старшею сестрой.

— Нашъ разговоръ о маскѣ не конченъ, сказала она.— Вы носите ее не на шутку; я это знала давно.

Она открыла рабочій ящикъ и занялась какою-то бездѣлкой. Полные тоны рояля, долетавшіе къ нимъ изъ залы, почти покрывали звукъ ея голоса.

Лукинъ молчалъ, устремивъ на нее вопросительный взоръ.

— Я это знала давно, повторила она,—и давно оправдала васъ, потому что я знаю причину.

Онъ вздрогнулъ и опустилъ глаза. Усмѣшка, игравшая у него на лицѣ, исчезла.

— Не бойтесь, мосье Алексѣевъ, продолжала она мѣстами серьезно, мѣстами шутя.— Я не потребую отъ васъ исповѣди. Если хотите, я любопытна какъ всякая женщина, но я не такъ мелочно любопытна, чтобы мучить васъ скучными при-

вязчивыми разспросами. Ваше прошедшее, если вы помните, стало извѣстно мнѣ въ общихъ чертахъ вслѣдствіе одного, маленькаго, невольнаго признанія, которое у васъ вырвалось тамъ, на станціи. Этотъ взрывъ, *cette courte explosion de sentiment*, потому ли что онъ былъ неожиданъ или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, не знаю, но все это тронуло меня въ ту пору гораздо глубже чѣмъ я могу разказать. Мосье Алексѣевъ, не будьте злы, не смѣйтесь, прошу васъ; повѣрьте, не любопытство, а чувство другаго рода заставляетъ меня говорить. Вы можетъ-быть спросите: чего я хочу отъ васъ? Очень немногаго. Я хочу, чтобы вы дали мнѣ право знать... то чтò я знаю, и при мнѣ не душили себя напрасно подь маской...

Лукинъ слушалъ съ жаднымъ вниманіемъ. Пульсъ забился у него сильнѣе, что-то мелькнуло въ душѣ неясное, но заманчивое. Онъ сказалъ ей въ отвѣтъ какую-то странность, что-то безсвязное, непонятное, но тонъ его голоса и пристальный, огненный взглядъ придавали словамъ такой смыслъ, отъ котораго краска вспыхнула у нея на лицѣ.

— Вы, кажется, бредите, мосье Алексѣевъ?

— Можетъ-быть, но если и такъ, то вы должны извинить. Вы хорошо угадали мое прошедшее, но вы не знаете еще настоящаго... Я здѣсь одинъ, безъ семьи, безъ друзей, безъ вѣрной точки опоры у себя подь ногами... Въ такомъ положеніи, сердце хватается жадно за все, чтò выходитъ хоть на волосъ изъ рамки холодныхъ приличій, чтò похоже хоть издали на теплое чувство. Безъ этой пищи ему невозможно жить: оно ее ищетъ вездѣ, но иногда, вмѣсто хлѣба, ему шутя сунуть камень; иногда ему кажется, чтò оно что-то нашло, а наповѣрку выходитъ, что его забавляли игрушками...

— Мосье Алексѣевъ, я не шучу...

— Но вы назвали бредомъ мои впечатлѣнія.

— Я и теперь готова назвать ихъ бредомъ, если не буду убѣждена, что вы меня поняли совершенно.

— Какъ же я долженъ васъ понимать?

— Какъ можно проще. Я высказала вамъ чувство очень естественное и высказала безъ всякаго опасенія; потому что не вижу нужды его прятать, потому что оно не изъ тѣхъ, которыя требуютъ тайны. Надѣюсь, что вы поймете меня вполнѣ и не сдѣлаете какихъ-нибудь опрометчивыхъ выводовъ... Это была бы дурная награда за мою искренность.

Онъ понялъ урокъ, заключенный въ ея словахъ, и ему стало неловко. «Ухъ! какіе у ней шипы! подумалъ онъ. Сколько! Надо вести себя осторожнѣе.»

— Чтò вы молчите? спросила она, улыбаясь лукаво.— Вамъ не понравилось мое замѣчаніе?

— Я боюсь, чтобы вы не сочли меня дуракомъ.

Она засмѣялась.— О! будьте спокойны. Я вѣрю твердо въ вашъ умъ, иначе я не рѣшилась бы говорить такъ открыто, но ошибиться можетъ и умный человѣкъ; къ тому же я вовсе не утверждаю, чтобы вы ошиблись, я только предвидѣла близость ошибки и хотѣла предостеречь... Allons, ne vous fâchez pas, monsieur, оставимъ этотъ вопросъ. Скажите мнѣ, чтò вы дѣлали въ Петербургѣ съ тѣхъ поръ какъ вернулись сюда? Это было давно, почти въ одно время съ нами, можетъ-быть въ одинъ день?

— Да, дѣйствительно, въ одинъ день. Въ Гатчинѣ, я немножко васъ не догналъ. Я видѣлъ издали какъ вашъ дормезъ ускакалъ со станціи. Съ тѣхъ поръ мы разъѣхались въ разныя стороны.

— И не встрѣтились до сихъ поръ? Какимъ образомъ это могло случиться?

— Хм! Вы не знаете Петербурга, иначе вы бы не спрашивали. Въ Сибири, въ Киргизской степи, легче встрѣтиться чѣмъ здѣсь, на пространствѣ какихъ-нибудь пяти верстъ. Здѣсь горы непроходимыя раздѣляютъ людей другъ отъ друга.

— Какія тамъ горы! Все плоско какъ на тарелкѣ!

— Горъ этихъ мы не замѣчаемъ, покуда не стукнемся о нихъ лбомъ. Это невидимыя заставы, рогатки и западни, устроенныя на нашемъ пути педантствомъ и спѣсью, двумя могущественными рефрижераторами нашей общественной жизни.

— Pardon, чтò такое рефрижераторъ?

-- Это сосудъ, наполненный льдомъ или снѣгомъ для быстрого охлажденія того, чтò въ него опускають.

— О! Въ самомъ дѣлѣ? Такъ вотъ отчего, съ тѣхъ поръ какъ мы здѣсь живемъ, я чувствую себя такъ какъ-то немножко холодновато.

— Будетъ еще холодноватѣе, какъ поживете подолѣе.

— Покорно благодарю; я постараюсь уѣхать отсюда какъ можно скорѣе?

— Очень хорошо сдѣлаете.

— А вы остаетесь?

— Я остаюсь.

— Зачѣмъ. Вѣдь вы говорите, что тутъ слишкомъ холодно?

— Холодно для того, кто захочетъ себя морозить ради приличія; а я не хочу. Я вольный козакъ, найду гдѣ согрѣться, и въ рамки вставлять себя не позволю.

— Вотъ какъ! Вы, стало-быть, намѣрены жить внѣ общества?

— А чтожь? Развѣ внѣ общества нтъ и жизни? Внѣ общества не значить еще безъ общества; а только внѣ всякихъ заставъ и рогатокъ.

— Но развѣ изъ нихъ выходятъ?

— Конечно. Неужели вы думаете, что за заставой пустыня? Такіе же люди живутъ, и живутъ очень весело. Быть ихъ— это какая-то загородная прогулка *en promenade*.

— Пикникъ, то-есть? Чтѣ жь! это довольно весело; но рядъ пикниковъ не составитъ карьеры. Чтобы сдѣлать карьеру, надо жить въ обществѣ, въ городѣ; а не за городомъ. Надо служить въ военной или гражданской службѣ или родиться поэтомъ, художникомъ и посвятить себя какому-нибудь искусству. Вы стиховъ не пишете, мосье Алексѣевъ?

— Нѣтъ, Софья Осиповна, не пишу!

— И живописью не занимались?

— Не занимался.

— Чтѣ жь вы намѣрены дѣлать? Какой родъ службы вы думаете избрать?

— Чисто личный. Я собираюсь служить себѣ, своимъ интересамъ, страстямъ, желаніямъ... а какимъ образомъ, это заранѣе невозможно сказать. Пойду, куда вѣтеръ подуетъ и буду дѣлать чтѣ нравится; а чтѣ не понравится или надобѣтъ, — брошу. Буду самъ своимъ прокуроромъ, судьей, казначеемъ и стряпчимъ, и самъ своимъ губернаторомъ.

Она засмѣялась.

— Какой же вы эгоистъ!

— Не болѣе какъ и всякій другой.; Всѣ служить себѣ; на этотъ счетъ всѣ одинаковы. Разница только въ томъ, чѣмъ эта служба оправдывается. Одинъ оправдываетъ отечествомъ, другой семействомъ, третій наукою и такъ далѣе.

— А вы чѣмъ намѣрены оправдать?

— Я не намѣренъ оправдывать, потому что я въ этомъ не виноватъ. Жить для себя одного—скверно; но все-таки лучше

чѣмъ вовсе не жить. Дилемму эту не я сочинилъ; это дѣло исторіи.

— Но развѣ изъ этой дилеммы нѣтъ выхода?

— На словахъ можетъ-быть;—на дѣлѣ нѣтъ никуда.

— Кто жъ вамъ мѣшаетъ на дѣлѣ жить для другихъ?

— Мѣшаютъ... всѣ. Впервыхъ, кому это нужно, чтобы я жилъ? Развѣ кто-нибудь этого требуетъ? Никогда... Гнить для другихъ, умирать для другихъ, быть ихъ лакеемъ, чернорабочимъ, служить простымъ механическимъ колесомъ или палкою, рычагомъ—вотъ чтó требуется; а остальное ненужный товаръ; за остальное вамъ гроша никто не дастъ.

— О, да какой же вы софистъ! Какъ! Развѣ гражданскій чиновникъ или солдатъ, офицеръ—не живутъ для другихъ, не служатъ другимъ?

— Живутъ для себя и служатъ себѣ; а кто иначе дѣлаетъ, по собственной волѣ или по волѣ другихъ, тотъ развѣ живетъ? Попробуйте-ка служить по совѣсти, да васъ заѣдятъ или съ голоду уморятъ или прославятъ педантомъ, глупцомъ, и будутъ старательно обходить, осыпая насмѣшками; вы мѣста себѣ не найдете на свѣтѣ, — и по дѣломъ! Зачѣмъ дѣлать на зло другимъ то, чего другіе не требуютъ, не хотятъ, и чтó остается безъ пользы, потому что на зло общественному порядку, на перекоръ всему свѣту, пользы не сдѣлаешь; а можно воду толочь, пожалуй, и думать что жертву приносишь, пожалуй и такъ; да что толку въ жертвѣ, которая никому не нужна? Еслибы кто-нибудь вамъ предложилъ, въ доказательство безграничной преданности, броситься съ моста въ рѣку или выскочить изъ окошка, чтó бы вы ему сказали?

— *Ma foi!* Я бы просто ему сказала, что онъ очень глупъ.

— Ну, вотъ видите, наше общество то же самое говорить тому, кто рвется ему служить на зло его собственной волѣ.

— Можетъ-быть... а все-таки вы софистъ.

— Мы стало-быть оба софисты; потому что вы соглашаетесь со мной въ сущности?

— Да; покуда я слушаю васъ, мнѣ кажется что вы правы; но какъ только вы кончите, и я стану соображать все то, чтó вы говорили,—простой здравый смыслъ подсказываетъ мнѣ, что это не такъ... а почему не такъ, право не знаю. Знаю только, что выводы ваши странны, что они идутъ на перекоръ всему принятому; однимъ словомъ, царапаютъ глаза.

— А то, что царапаетъ намъ глаза, мы называемъ софизмами; не правда ли? прибавилъ Лукинъ.—Мы хотимъ, чтобы истина была утѣшительна, иначе это не истина?

— Конечно, не истина.

— Ну, такъ; я это зналъ. Это обыкновенная логика женщинъ.

— Чѣмъ же она хуже вашей?

— Тѣмъ, что она гнется по обстоятельствамъ.

— Это-то и хорошо; это значить она живая, а не деревянная, не желѣзная какъ у васъ.

— Логика приличій! сказалъ Лукинъ.

— Лучше чѣмъ ваша логика неприличія, отвѣчала она.

Лукинъ засмѣялся.

— Это послѣднее слово зажимаетъ мнѣ ротъ, сказалъ онъ.— Всякое возраженіе противъ логики приличій не позволительно; потому что въ вашихъ глазахъ, оно можетъ-быть найдено неприличнымъ

— Легко можетъ быть... Скажите, мосье Алексѣевъ, вы стало-быть не намѣрены вовсе служить?

— Я этого не говорю. Я никакихъ зароконъ не дѣлаю. Когданибудь, легко можетъ случиться, что вы увидите меня въ вицъ-мундирѣ.

— О! Въ самомъ дѣлѣ? О чемъ же мы спорили?

— Право, не знаю. Вы, кажется, требовали, чтобы я служилъ для другихъ; а я говорилъ, что если буду служить, то буду служить для себя, какъ всѣ это дѣлаютъ. Но былъ не правъ. Зачѣмъ говорить о томъ, что всѣ знаютъ не хуже насъ, но о чемъ всѣ рѣшились молчать, изъ приличія?

— Tenez, вы опять начинаете вашу войну противъ цѣлаго свѣта?

— О, нѣтъ! Я совсѣмъ не такъ храбръ какъ вы думаете... Вы видите, я бѣгу... онъ взялъ шляпу и всталъ.

— Отъ кого? Неужели отъ меня?

— Я могу сказать да, потому что вы, разумѣется, не повѣрите... До свиданія.

— До свиданія, отвѣчала она, протянувъ ему руку.

— Куда вы? спросилъ его Левель, когда они вышли въ залу.

— Къ *Сень-Жоржу*.

— Пойдите, вмѣстѣ пойдѣмъ. И минутъ черезъ пять, они ушли вмѣстѣ.

Н. Ахшарумовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ОБЪ

УГОЛОВНЫХЪ СЛѢДСТВІЯХЪ

Учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей создается у насъ въ служебной сферѣ новая спеціальная дѣятельность. Производство слѣдствій перестаетъ быть дѣломъ людей, на которыхъ и безъ того лежитъ миллионъ другихъ, самыхъ разнообразныхъ занятій. Одно уже это обстоятельство, вмѣстѣ съ нѣкоторою независимостію, предоставленною новымъ слѣдователямъ, говорить много въ пользу новаго учрежденія. Кромѣ того, распоряженіе, которымъ сопровождалось учрежденіе, требуетъ, чтобы въ судебные слѣдователи выбираемы были люди съ высшимъ образованіемъ. И дѣйствительно, слухи увѣряютъ, что большинство лицъ, выбранныхъ по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ губерніяхъ хорошо управляемыхъ, составляютъ воспитанники университетовъ, при томъ недавно кончившіе курсъ, люди, правда, неопытные, но которыхъ самая *неопытность драгоценна*, по счастливому выраженію одного изъ судебныхъ практиковъ. Эта неопытность есть, въ то же время, признакъ сердца еще не очерствѣлаго, не огрубѣвшаго, участія къ правдѣ еще не охлажденнаго привычкою видѣть преступниковъ.

Итакъ, будемъ надѣяться, что скоро у насъ будутъ слѣдователи, специально посвятившіе себя этому дѣлу, люди независимо поставленные, образованные, добросовѣстные. Конечно, всего этого еще недостаточно. Чтобы быть вполне хорошимъ слѣдователемъ, нужна сверхъ того природная наблюдательность, нужно знаніе человѣческой природы, нужна сноровка открывать истину, не только по очевиднымъ даннымъ, но иногда за неимѣніемъ ихъ по аналогіи и по простой вѣроятности, разумѣтся, гдѣ это возможно, не нарушая законности. Слѣдователю необходима притомъ особенная находчивость въ изысканіи слѣдовъ и полныхъ обстоятельствъ событія, быстрота въ исполненіи принимаемыхъ мѣръ, энергія въ доведеніи ихъ до предполагаемой цѣли сквозь всевозможныя трудности и препятствія. Словомъ, мы почти не преувеличимъ, когда скажемъ, что истиннымъ слѣдователемъ надобно родиться. Но важно уже то, что уничтожаются препятствія, которыя могли связывать и уклонять отъ цѣли способнаго чиновника; дается возможность вступить на это поприще лучшимъ и благонамѣреннѣйшимъ или по крайней мѣрѣ неиспорченнымъ людямъ.

Возникаетъ вопросъ: улучшеніе въ личномъ составѣ слѣдователей содѣйствовать улучшенію нашего судопроизводства? Намъ приходилось неоднократно слышать противное мнѣніе.

Печатный образчикъ такого мнѣнія, впрочемъ еще до учрежденія судебныхъ слѣдователей, удалось намъ прочесть между прочимъ въ замѣткѣ г. С., помѣщенной въ № 216 *Московскихъ Вѣдомостей* 1859 года. Указывая на гуманность нашего Уложенія о наказаніяхъ, авторъ замѣчаетъ, что она «была бы разумна и необходима, тамъ, гдѣ нравственное убѣжденіе (conviction morale) рѣшаетъ участь подсудимаго;» словомъ—дополнимъ мысль автора — тамъ, гдѣ существуетъ судъ присяжныхъ. «Но тамъ, говоритъ г. С., гдѣ форма и мертвая буква опредѣляютъ и рѣшаютъ судьбу подсудимаго, тамъ, гдѣ судья не есть живое и разумное содержаніе, но мозаистъ, прилагающій къ дѣлу кусочки того, что написано въ книгѣ, машина, только повторяющая изустно то, что напечатано,—форма безъ содержанія, безъ живыхъ отношеній къ обществу, но рабъ извѣстныхъ обрядовъ, большею частію неподвижныхъ и мертвыхъ ея приложеній; тамъ гуманность эта скорѣе вредна, ибо даетъ возможность опытному преступнику, из-

учившему на дѣлѣ эти формы и обряды, большею частію ускользая отъ рукъ правосудія, тогда какъ новички въ преступленіи или люди, случайно завлеченные въ преступленіе, преступники поневолѣ, будутъ всегда жертвою неумолимости закона.» Словомъ, если признать слова г. С. безусловно справедливыми, слѣдуетъ придти къ печальному убѣжденію, что никакое улучшеніе въ личномъ составѣ судей и слѣдователей, никакая добросовѣстность тѣхъ и другихъ въ исполненіи закона не двинетъ на шагъ нашего судопроизводства, если не будетъ оно измѣнено въ самомъ основаніи. Выходить даже, что точное исполненіе закона можетъ скорѣе вредить правосудію, ибо многіе не совѣтъ виновные «будутъ всегда жертвою неумолимости закона».

Мнѣніе это мы находимъ нѣсколько преувеличеннымъ. Нельзя оспаривать превосходство суда присяжныхъ передъ всякимъ другимъ судопроизводствомъ; нельзя не отрицать совершенства нашихъ судебныхъ учреждений; нельзя не согласиться, что именно отсутствіе гласности и формализмъ составляетъ ихъ существенный недостатокъ; но все таки можно думать, что главная причина неудовлетворительнаго правосудія заключалась у насъ въ характерѣ дѣателей.

Г. С. жалуется въ особенности на обычай нашихъ судовъ оставлять подсудимыхъ въ *подозрѣніи* преступленія, — обычай, дозволяемый и предписываемый самимъ закономъ. Дѣйствительно, это большое мѣсто нашего законодательства, хотя съ другой стороны нельзя не замѣтить, что и самые суды присяжныхъ, правда очень рѣдко, впадаютъ иногда въ этотъ недостатокъ обыкновенныхъ судовъ. Случается именно, что они не просто рѣшаютъ, виновенъ или невиновенъ подсудимый, а оговариваютъ свой приговоръ недостаткомъ въ доказательствахъ. Такъ напримѣръ, въ недавнее время, по дѣлу объ отравленіи, въ Лондонѣ, одного иностранца, присяжные объявили, «что подозрѣваемая невиновна; за неимѣніемъ въ дѣлѣ достаточныхъ доказательствъ къ ея обвиненію:» этотъ приговоръ не то же ли почти, что оставленіе въ подозрѣніи?

Но обращаясь къ сущности дѣла позволяемъ себѣ спросить: кто большею частію бываетъ виноватъ въ томъ, что подсудимые у насъ оставляются въ подозрѣніи, — законъ, ли, допускающій подобные приговоры, или лица, которые его примѣняютъ? Г. С. говоритъ, «что изъ оставляемыхъ судомъ въ подозрѣніи 8 достойны бываютъ ссылки, но остаются и

продолжаютъ мошенничать, потому только, что улика не есть доказательство. Многіе видѣли какъ воръ выскочилъ изъ окна, сотни погнались за нимъ, поймали, нашли въ карманѣ краденое или видѣли какъ онъ бросалъ дорогой краденныя вещи. Иной самъ признавался при поимкѣ, что онъ укралъ; при этомъ былъ и квартальный надзиратель, — но только прежде нежели получилъ предписаніе о производствѣ слѣдствія; въ качествѣ частнаго лица былъ даже тетя, кто завтра при слѣдствіи будетъ добросовѣстнымъ свидѣтелемъ. Всѣ они подтвердили пожалуй присягой, что воръ имъ чистосердечно признавался; судъ однако же не обвинить вора, а оставить въ сильномъ подозрѣніи...» Прекрасно, но именно въ этихъ-то случаяхъ, на возможность которыхъ указываетъ г. С., и не виновать будетъ законъ, если оставятъ подсудимаго только въ подозрѣніи. Уголовнаго судопроизводства статьи 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 313, 314, 315, 327 и 329 постановляютъ: «Никто не долженъ быть присужденъ къ наказанію безъ точныхъ доказательствъ, или явныхъ уликъ въ преступленіи. Доказательства виновности считаются совершенными, когда они исключаютъ всякую возможность къ показанію невинности подсудимаго. Одно несовершенное доказательство виновности вибняется только въ подозрѣніе; *нѣсколько несовершенныхъ доказательствъ, совокупно взятыхъ, могутъ составить совершенное доказательство, когда они исключаютъ возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго.* Если доказательства недостаточны для совершенной достовѣрности въ винѣ подсудимаго, то не осуждать его къ тому наказанію, которое законъ опредѣляетъ за доказанное преступленіе, по тому общему правилу, что лучше освободить отъ наказанія десять виновныхъ нежели приговорить невиннаго. Если подсудимый, оговоренный въ преступленіи, при повальномъ обыскѣ не одобренъ, и по суду, хотя совершенно не уличенъ, но признанъ подозрительнымъ, то *оставленіе его въ мѣстѣ жительства, или выселеніе изъ онаго въ Сибирь для водворенія, зависитъ отъ общества или помѣщика.* Личный осмотръ на мѣстѣ преступленія и удостовѣряющій дѣйствительность событія имѣетъ такую же силу, какъ и свидѣтельство достовѣрныхъ постороннихъ лицъ. Свидѣтельство двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, не отведенныхъ подсудимымъ и совершенно согласныхъ въ своихъ показаніяхъ, составляетъ совершенное доказательство» и пр. Словомъ,

наши законы объ уголовномъ судопроизводствѣ, въ особенностяхъ статьи 308, 309, 357 и 398, предоставляютъ суду разумное право соображать вину преступника со всѣми обстоятельствами и личнымъ его характеромъ, и не обращаютъ, какъ говоритъ г. С., уголовного судью въ мозаиста, складывающаго приговоръ по дѣлу изъ кусочковъ того, что написано въ книгѣ. Слѣдовательно, если, при этой свободѣ соображать дѣло со всѣми обстоятельствами, судъ въ случаѣ, подобномъ вышепоименованному, оставить подсудимаго только въ подозрѣніи, то виноватъ будетъ уже не законъ, а самъ судья, который не умѣетъ приложить его, или по меньшей мѣрѣ слѣдователь, который неудовлетворительнымъ слѣдствіемъ отнялъ у судьи возможность къ правильному приложенію закона.

Но г. С. отрицаетъ самую возможность законно произвести слѣдствіе вполне удовлетворительное. «Полицейскій (чиновникъ), говоритъ онъ, посвятившій себя, даже хотя соп ашого, на поимку воровъ, непременно кончить тѣмъ, что попадетъ самъ подъ уголовный судъ, за несоблюденіе какихъ-нибудь формъ и обрядовъ, которые написать въ книгѣ легко, но исполнить на дѣлѣ не только трудно, но даже невозможно. Да и какая охота ловить вора, не спать для этого ночи, рисковать быть избитымъ, а чего добраго, пожалуй, даже и убитымъ вовсе, въ какомъ-нибудь вертепѣ, называемомъ Мареутка или Тычокъ, гдѣ собираются шайки и дѣлятся награбленное,—когда судъ, да котораго дойдетъ дѣло о такомъ пойманномъ господинѣ, слѣдимомъ полиціею недѣли, а можетъ и мѣсяцы, торжественно оставить его въ сильнѣйшемъ подозрѣніи...» Но вѣдь судъ, если будетъ дѣйствовать законно, тогда только и оставитъ преступника въ подозрѣніи, когда самъ слѣдователь своимъ слѣдствіемъ представитъ недостаточные матеріалы къ обвиненію? Итакъ, опять, кто же будетъ болѣе виноватъ, само ли учрежденіе, или лицо своею плохою исполнительностію? Что же касается до соображеній, есть ли охота не спать и рисковать собою для поимки вора, то, намъ кажется, они со стороны полицейскаго чиновника неумѣстны. Вѣдь полицейскій чиновникъ не ради пріятнаго препровожденія времени берется за предупрежденіе и престъченіе преступленій, за охраненіе законности, порядка, тишины и безопасности всѣхъ и cadaго. Еслибъ ему, положимъ, и представлялась опасность быть избитымъ, даже убитымъ, долженъ

ли онъ останавливаться отъ исполненія долга? А тѣмъ менѣе онъ долженъ останавливаться такими соображеніями, что можетъ-быть не оцѣнять его самоотверженія, или что пойманный преступникъ будетъ выпущенъ, не взирая на очевидную свою виновность.

прочемъ, самая опасность, о которой говорить г. С. большею частію бываетъ только мнимая. Увѣряю его въ этомъ своимъ семнадцатилѣтнимъ опытомъ. Въ продолженіе столь длиннаго періода времени, мнѣ приходилось исправлять полицейскія обязанности въ разныхъ городахъ; довелось произвести до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ слѣдствій, не рѣдко очень трудныхъ и щекотливыхъ: и я не встрѣчалъ неизбѣжной опасности попасть подъ судъ за правильное исполненіе должности. Да и самыя правила, предписанныя закономъ для полиціи вообще и для слѣдователей въ особенности, не въ такой степени невозможны, какъ представляетъ это г. С.; бѣольшая часть ихъ становится затруднительными отъ собственной же небрежности чиновниковъ. Такъ напримѣръ, сама же полиція обыкновенно бываетъ виновата, что существуютъ предъ ея глазами какіе-нибудь Мареутка или Тычокъ; вслѣдствіе ея же небрежности они и опасны. Полиція виновата именно въ томъ, что допустила образованіе такихъ притоновъ; и за это, а не за что другое, полицейскій чиновникъ заслуживаетъ по всей справедливости быть отданнымъ немедленно подъ судъ. Онъ не долженъ былъ дозволить гнѣздиться въ своемъ участкѣ вертепу злодѣйской шайки, а тѣмъ менѣе запускать до того, чтобы онъ существовалъ даже нѣсколько лѣтъ, подъ общеизвѣстными названіями: Тычокъ и Мареутка. На все это указаны ясныя правила и дано полномочіе для каждаго чиновника полиціи: въ Сводѣ Законовъ изд. 1857 г. т. II, въ ст. 119—4132, т. XII, Уст. Пожарн. въ ст. 27—43, т. XIII Уст. Медіц. Полиц. ст. 844—965, 1736—1865, т. XIV, Уст. Предупрежденія преступленій въ ст. 186—518, Уложенія о наказаніяхъ въ ст. 371—550 и о производствѣ слѣдствій, въ ст. 70—278. Эти правила, по настоящему, должны бы находиться у каждаго полицейскаго чиновника въ сокращенномъ видѣ, въ особой инструкціи относительно его обязанностей. Исполняя ихъ въ точности, полицейскій чиновникъ можетъ считать себя въ безопасности отъ суда. Во всякомъ случаѣ, онъ найдетъ въ себѣ утѣшительное сознаніе исполненнаго долга; а съ тѣмъ вмѣстѣ увѣренность, что сохранитъ

право на участіе и уваженіе честныхъ людей. Болѣе этого, кажется, желать нельзя и не должно.

Повторяемъ, мы вполнѣ раздѣляемъ съ г. С. мнѣніе о превосходствѣ суда присяжныхъ передъ судомъ обыкновеннымъ. Но при разсужденіи о дурномъ отпращиваніи правосудія, нельзя сваливать всю бѣду на одни учрежденія. Такого рода одностороннія обвиненія влекутъ къ безнравственнымъ послѣдствіямъ. Они воспитываютъ ложное самодовольство въ исполнителяхъ, легкія оправданія собственной оплошности или даже недобросовѣстности, небрежность въ исполненіи долга и упадокъ энергіи, а за тѣмъ и увеличеніе общественнаго зла, на которое жалуемся.

Имѣя въ виду эти мысли, считаю не лишнимъ разказать нѣсколько уголовныхъ слѣдствій, въ которыхъ дѣятелемъ былъ одиноймой пріятель. Разказы эти, извлеченные изъ собственныхъ его записокъ, надѣюсь, послужатъ отчасти доказательствомъ что удовлетворительные результаты въ уголовныхъ слѣдствіяхъ могутъ быть достигаемы и при нынѣшнемъ нашемъ Уложеніи о Наказаніяхъ. Правила, указанные въ немъ когда пользуются ими безъ опрометчивости и безъ предубѣжденія, даютъ довольно средствъ какъ для отысканія уликъ и доказательствъ виновности, такъ и для полной очистки отъ подозрѣнія, иногда вопреки явнымъ обличительнымъ признакамъ (статья 175, уголов. зак.), и даже вопреки собственному сознанію (ст. 70 и 320). А съ другой стороны случаи, о которыхъ я буду разказывать, послужатъ можетъ-быть отчасти въ пользу тѣмъ молодымъ людямъ, будущимъ слѣдователямъ, которые, приносясь собою на новую должность всѣ качества отличнаго слѣдователя, лишены будутъ одного—зрѣлой опытности.

Выбираю случаи наиболѣе щекотливые и затруднительные, какъ по мѣстности, гдѣ производимы были слѣдствія, такъ и по особой важности дѣлъ, которыхъ они касались.

Пріятелю моему случилось быть полицеймейстеромъ въ одномъ изъ пограничныхъ городковъ на югѣ Россіи. Городки эти, какъ извѣстно, представляютъ сбродъ населенія всякаго рода и всевозможнаго происхожденія. Болѣе другихъ они наполнены бывають людьми способными на преступленія, въ особенности контрабандистами. Близость границы особенно облегчаетъ преступленія, предоставляя всегдашнюю возможность къ побѣгу; а это самое затрудняетъ для полиціи средства къ оты-

сканію и изобличенію преступника. Неудивительно, что, при подобной обстановкѣ, преступленія въ этихъ городахъ случаются сравнительно очень часто.

Въ городѣ, гдѣ онъ былъ полицеймейстеромъ, случилось, разъ слѣдующее происшествіе.

Ночной полицейскій дозоръ, проходя мимо одного изъ отдаленныхъ домовъ предмѣстія, услышалъ крикъ. Войдя въ домъ, дозоръ нашелъ тамъ солдата, который квартировалъ въ этомъ домѣ: онъ лежалъ на полу, связанный назадъ по рукамъ и по ногамъ, и кричалъ о помощи. Хозяинъ дома, съ женою и четверыми дѣтьми, найдены убитыми; видны были слѣды покражи. Дано было знать тотчасъ объ этомъ происшествіи полицеймейстеру. Полицеймейстеръ, въ ту же минуту прибывъ на мѣсто, распорядился объ общихъ мѣрахъ розыска и преслѣдованія убійцъ; а между тѣмъ занялся подробнымъ осмотромъ происшествія и составленіемъ предварительнаго протокола.

Обстоятельства открывались слѣдующія. Убитый хозяинъ былъ мѣняла; былъ человекъ степенный и осторожный. Родственники его, спрошенные полицеймейстеромъ, сказывали между прочимъ, что покойный имѣлъ обыкновеніе тщательно запираеть всѣ двери, не только что ночью, но и днемъ; приходившимъ къ нему онъ отпиралъ двери не иначе, какъ опросивъ предварительно кто пришелъ. Слѣдовательно, чтобы войти въ домъ, убійцы должны были сломать дверные запоры, крючья и задвижки или самую дверь, или же окно, или подкопаться сквозь полъ, потолокъ, или наконецъ пролѣзть сквозь трубу. Но всѣ задвижки, крючья, двери, потолоки и полы были въ цѣлости; окна обмазаны были на зиму замазкой; труба была слишкомъ узка, и пролѣзть въ нее не было возможности. Итакъ, двери отперты кѣмъ-либо изъ домашнихъ; но при осторожности хозяина, о какой разказывали его родственники, этого нельзя было предположить. Родственники прибавляли, что ночью жена и дѣти покойнаго обыкновенно даже вовсе не выходили за дверь на улицу.

Итакъ, возникало сомнѣніе: не отперъ ли дверей квартировавшій въ этомъ домѣ самъ солдатъ Га—ловъ, котораго нашли связаннымъ? Но онъ отъ этого отрекался.

До объясненія дѣла, за солдатомъ учрежденъ секретный надзоръ. Разрѣшеніе вопроса, какъ вошли убійцы, было осо-

бенно важно; оно должно было заключать въ себѣ и средства къ открытію, кто они.

Вещественныя послѣдствія и признаки событія показывали, что убійство произведено было разными орудіями. Были разрѣзы и проколы ножомъ, раны топоромъ; черепъ разбитъ тяжелымъ длиннымъ орудіемъ, какъ казалось, желѣзнымъ ломомъ. При тщательномъ обыскѣ въ домѣ, на дворѣ и въ саду, нашли въ колодецѣ топоръ, а въ саду окровавленную дубину. Въ сторону, гдѣ найдены эти вещи, тотчасъ послана конная погоня, съ опытнымъ чиновникомъ. Между тѣмъ, слѣдователь, разумѣется при понятыхъ, сталъ спрашивать Га—дова обо всѣхъ подробностяхъ происшествія, которому онъ былъ свидѣтелемъ. Изъ отвѣтовъ его замѣтна была какая-то какъ бы поспѣшность или заученность впередъ отвѣчать на всѣ вопросы незнаніемъ ничего, непамятованіемъ и испугомъ. Это еще болѣе усиливало подозрѣніе, что Га—ловъ, если не участвовалъ въ убійствѣ, то впускалъ убійцъ въ домъ своего хозяина.

Слѣдователь потребовалъ, чтобы Га—ловъ разказалъ подробно и обдуманно, ни слова не убавляя и не прибавляя: какимъ образомъ онъ увидѣлъ первоначально входившихъ убійцъ и былъ ими связанъ? Га—ловъ отвѣчалъ, что онъ спалъ и вдругъ былъ пробужденъ словами: «руби его!» Открывъ глаза, онъ увидѣлъ предъ собою двухъ неизвѣстныхъ людей: у одного была зажженная свѣча въ рукѣ, а другая съ поднятымъ топоромъ. Га—ловъ бросился предъ ними на колѣни, просилъ пощады и божился, что не будетъ мѣшать имъ. Потребована была отъ него сильнѣйшая клятва, и послѣ того всѣ неизвѣстные, числомъ четыре человека, связали его крѣпко веревкой, прикрѣпили къ ножкамъ тяжелой скамейки и оставили на полу въ первой комнатѣ, въ томъ положеніи, въ какомъ онъ былъ найденъ полицейскимъ дозоромъ. Одинъ изъ убійцъ оставался въ этой комнатѣ съ топоромъ, и по приказанію товарищей долженъ былъ убить Га—дова, если онъ пошевелится или крикнетъ. Потомъ, разказывалъ Га—ловъ, онъ слышалъ удары; слышалъ стоны и вопли умиравшихъ хозяевъ; затѣмъ, взломъ сундуковъ. Послѣ того, убійцы вышли съ узлами въ рукахъ, и проходя поспѣшно мимо его, подтверждали ему, чтобъ онъ молчалъ, или же будетъ тотчасъ убитъ.

Разказъ былъ неестественъ. Мало того, что онъ не объяснялъ, какимъ образомъ убійцы могли закрасться, неизвѣстно

какъ въ запертой изнутри домъ; но неестественно было, чтобъ убійцы пустились въ продолжительный разговоръ съ построннымъ для нихъ человѣкомъ, и даже занялись тщательнымъ связываніемъ его, когда еще въ другой комнатѣ находился живой хозяинъ дома съ женою и троио дѣтьми. Отъ свѣта и разговора, кто-нибудь изъ нихъ могъ проснуться, надѣлать тревоги, разбить окно, или даже придумать другія средства къ отчаянной оборонѣ. Убійцы должны были это хорошо сообразить, и слѣдовательно не могли допустить такого безразсуднаго съ своей стороны поступка. Да и странно вообще было, что хозяинъ съ женою и дѣтьми, какъ выходило изъ показаній солдата, не проснулся, пока происходилъ шумъ, положимъ хоть и не большой, въ сосѣдней комнатѣ.

Спросили потомъ солдата о числѣ, примѣтахъ и одеждѣ убійцъ, а также о томъ, гдѣ, при входѣ, каждый изъ нихъ стоялъ, чтѣ дѣлалъ; наконецъ спросили Га—лова и о томъ, есть ли у него какія не солдатскія вещи и деньги. На послѣднее Га—ловъ отвѣчалъ, что ни вещей никакихъ кромѣ солдатскихъ, ни денегъ у него нѣтъ. Когда прибавилъ онъ къ этому, что болѣе о дѣлѣ не знаетъ ничего, слѣдователь велѣлъ ему подписать показаніе, и скрѣпилъ его самъ.

Затѣмъ стали тщательно осматривать Га—лова. Оказалось, что на рубахѣ съ лѣвой стороны, ниже галстука у него было кровавое пятно, величиною съ небольшой орѣхъ. «А кровь на тебѣ отчего?» внезапно спросилъ слѣдователь. Га—ловъ первоначально утверждалъ, что это не кровь, а такъ. Потомъ добавилъ, что это вѣрно изъ зубовъ.

Стали осматривать его далѣе кругомъ, со свѣчею въ рукѣ: открылись еще кровавые признаки четырехъ пальцевъ на рубахѣ надъ лѣвою лопаткой. Слѣдователь спросилъ Га—лова и объ этомъ, замѣтивъ, что сюда кровь изъ зубовъ уже не могла попасть, и притомъ въ отпечаткѣ пальцевъ. Солдатъ замѣтно смутился, и подумавъ, сказалъ: «Такъ это вѣрно отъ ихнихъ рукъ, когда они вязали меня, потому что когда они выходили изъ комнатъ хозяина, то были окровавлены.»

Эти слова очевидно уже противорѣчили первоначальному показанію: по первому показанію, убійцы связали солдата, и послѣ вошли уже въ комнаты хозяина дома, а оттуда послѣ убійства вышли поспѣшно, не касаясь Га—лова. Слѣдователь, впрочемъ, не сталъ оспаривать открывавшагося противорѣчія, но только напомнилъ Га—лову, чтобъ онъ говорилъ

обдуманно и одну чистую правду: слова его были записаны однако, въ дополненіе къ первому показанію и подписаны.

Послѣ того, въ сапогахъ солдата нашлось, по три рубли серебромъ въ каждомъ. На вопросъ: какже онъ говорилъ, что у него денегъ вовсе нѣтъ? Га—ловъ сказалъ, что онъ отъ испуга забылъ о нихъ. «Откуда ты ихъ взялъ?» спросили его. Га—ловъ отвѣчалъ, что собралъ изъ жалованья. Это равномерно введено въ показаніе, какъ дополненіе и отмѣна первоначальныхъ отвѣтовъ, и подписано солдатомъ, слѣдователемъ и прибывшимъ тогда по его приглашенію начальникомъ солдата.

Послѣ того, подозрѣваемый былъ введенъ въ комнату, гдѣ лежали изтерзанные и скровавленные трупы убитыхъ. Тутъ слѣдователь объявилъ Га—лову его противорѣчіе въ показаніяхъ; напомнилъ о кровавыхъ знакахъ; объ утайкѣ денегъ, и просилъ его объявить истину.

На лицѣ подозрѣваемого можно было замѣтить сильное внутреннее волненіе; начавъ новыя объясненія, онъ по временамъ глубоко вздыхалъ и впадалъ въ новыя противорѣчія при повтореніи вопросовъ: гдѣ онъ увидѣлъ первоначально убійцъ? кто изъ нихъ вязалъ его? во что былъ одѣтъ? кто оставленъ былъ при немъ? кто изъ нихъ что говорилъ? и проч. Когда же повторили вопросъ о главномъ обстоятельстве, въ которомъ открывалось противорѣчіе, то-есть, прежде или послѣ убійства связали его: онъ отвѣчалъ, что отъ испуга смѣшался, и первоначально объяснилъ дѣло неправильно; что убійцы вязали его дѣйствительно не при входѣ, а при выходѣ своемъ. А о деньгахъ объявилъ, что точно собралъ ихъ изъ жалованья, но умолчалъ было о нихъ для того, чтобы никто не зналъ, что они есть у него, чтобы кто у него ихъ не взялъ.

Тогда слѣдователь объяснилъ ему всю невѣроятность его показаній. Если онъ, ложась спать, видѣлъ двери запертыми: убійцы не могли бы войти иначе, какъ сломавъ крючья и задвижки на наружной и на внутренней двери; а это не обошлось бы безъ стука. Какъ же бы тогда не проснулся онъ, Га—ловъ, спавшій подлѣ самой двери? Да и задвижки съ крючками тогда были бы сломаны, а онъ цѣлы; слѣдовательно, двери отперты изнутри дома. Кто же это могъ сдѣлать, опять, кромѣ него самого? По его же показанію, хозяева всѣ спали при входѣ убійцъ; да притомъ, они и днемъ не отпирали дверей проходящимъ, не спрося—кто и зачѣмъ? Къ этому указано на разнорѣчіе съ самимъ собою въ прочихъ подроб-

ностяхъ; замѣчено объ улики кровавыхъ знаковъ и объ утайкѣ денегъ. Послѣ всѣхъ этихъ разнорѣчій и уликъ, объяснялъ ему слѣдователь, судъ не повѣритъ упорному его запирательству въ незнаніи убійцъ, да еще возложитъ на него наиболѣе тяжкое наказаніе, осудитъ его за два преступленія, за убійство и за сокрытіе прямыхъ виновныхъ, да сверхъ того еще за невыполненіе долга присяги. вмѣсто того чтобы сопротивляться злодѣямъ, кричать и будить крикомъ хозяевъ; вмѣсто того чтобы обороняться потомъ съ ними: онъ отдался убійцамъ, какъ самъ признается, и слѣдовательно помогалъ имъ своимъ молчаніемъ. А по второму показанію онъ не былъ даже связанъ, когда злодѣи совершали убійство. За все полагается самая высшая мѣра наказанія. А между тѣмъ, можетъ-быть, онъ впустилъ злодѣевъ только обокрасть хозяина, за что законъ назначаетъ гораздо легчайшее наказаніе; да при искреннемъ раскаяніи и откровенномъ сознаніи, оно можетъ быть было бы еще ослаблено.

Въ продолженіе этихъ увѣщаній, подозрѣваемый нѣсколько разъ вздыхалъ глубоко и наконецъ проговорилъ: «Виноваты ваше высокоблагородіе. Точно, я впустилъ ихъ только поворовать, а они порѣзали хозяевъ моихъ!»

Первымъ стараніемъ слѣдователя было тотчасъ утвердить это сознаніе подпискою преступника, а потомъ, узнать кто именно убійцы, и гдѣ они?

На вопросъ объ этомъ Га—довъ отвѣчалъ, что убійцъ было собственно трое, а не четверо какъ онъ говорилъ прежде; что онъ познакомился съ ними недавно, въ питейномъ домѣ, гдѣ и условились обворовать мѣнялу; что онъ знаетъ только одного и то только по имени его зовутъ Иванъ; другаго хозяинъ питейнаго дома называлъ Ефремомъ. А какъ ихъ прозваніе и какъ зовутъ третьяго, кто они всѣ, и гдѣ теперь находятся—ничего этого онъ не знаетъ.

Записавъ эти неудовлетворительныя свѣдѣнія, слѣдователь спросилъ о примѣтахъ и объ одеждѣ убійцъ, спросилъ, когда и въ которомъ питейномъ домѣ они условливались на злодѣяніе; потомъ передалъ Га—дова приставу, для отобранія тогда же дальнѣйшаго подробнаго перепроса. А самъ взялъ одного чиновника и четырехъ человекъ изъ коннаго дозора, и тотчасъ поспѣшилъ на мѣсто, гдѣ сговаривались убійцы.

Прибывъ туда на разсвѣтѣ въ ту же ночь, слѣдователь вызвалъ хозяина, еще не знавшаго о происшествіи, отвелъ его

въ сторону, и спрашивалъ: что за люди, въ такое-то время, съ солдатомъ Га—ловымъ, были у него въ этомъ питейномъ домѣ; еще одного онъ называлъ Ефремомъ?

Послѣ нѣкотораго колебанія, хозяинъ объявилъ, что знаетъ изъ этихъ людей только Ефрема, и то потому только, что Ефремъ этотъ угощалъ у него своихъ поручителей.

Все это было записано; записано было и время, когда Ефремъ угощалъ поручителей. Слѣдователь оставилъ потомъ хозяина на улицѣ, вошелъ въ домъ и опросилъ также работника. Но тотъ объявилъ, что вовсе не знаетъ людей, о которыхъ спрашивали, даже не припомнить ихъ, такъ много ходитъ всякаго народа въ этотъ питейный домъ.

— Да кто же это такой Ефремъ, и какіе такіе поручители?

— Ничего и никого не знаю, отвѣчалъ хозяинъ; слышалъ я только въ разговорѣ промежь ними, что дѣло стало изъ-за коровы. На Ефрема было подозрѣніе, что онъ укралъ; однако его выпустили на поруки. Такъ вотъ поручителей онъ и угощалъ; а какіе они такіе, право не знаю.

При всей неопредѣлительности собранныхъ данныхъ, къ скорому открытію виновныхъ представлялось однако же слѣдующее средство. Ефремъ былъ отданъ на поруки, по приказамъ хозяина питейнаго дома, недѣли за двѣ передъ тѣмъ; слѣдовательно, въ полиціи должны быть и свѣдѣнія, какъ о самомъ Ефремѣ, такъ и о поручителяхъ его. А потому, дорога въ особенности временемъ, чтобы убійцы не успѣли скрыться за-границу, слѣдователь обратился тотчасъ въ полицію. Тамъ нашлось, что дѣйствительно, двѣ недѣли тому назадъ былъ отданъ на поруки по подозрѣнію въ воровствѣ коровы нѣкто Ефремъ Ча—ненко; что поручителями быть взялись двое хозяевъ изъ селенія Бро—ки, верстахъ въ пяти отъ города; тамъ же проживаетъ и самъ Ча—ненко.

Тотчасъ же слѣдователь отправился поспѣшно, съ тѣмъ же конвоемъ, въ село Бро—ку. Тамъ онъ обратился прямо къ старостѣ, узналъ отъ него, въ которомъ домѣ живетъ Ча—ненко, и зачѣмъ мгновенно оцѣпилъ весь дворъ конвоемъ. Оставивъ для наблюденія чиновника, самъ слѣдователь съ однимъ казакомъ и старостою вошелъ между тѣмъ въ домъ. Ча—ненко спалъ, хотя тогда былъ уже часъ 9 утра. Слѣдователь разбудилъ преступника, и чтобы смѣшать его неожиданностію, спросилъ у него сурово:

— Гдѣ деньги и вещи?

Ча—ненко (съ замѣшательствомъ). — Какія деньги ваше высокоблагородіе?..

Слѣдователь. — Деньги и вещи мѣнялы, котораго ты убилъ нынѣшнюю ночь.

Ча—ненко. Никакъ нѣтъ! я этого ничего не знаю!..

Слѣдователь. А гдѣ же ты провелъ нынѣшнюю ночь!

Ча—ненко (нерѣшительно) — Кто? я?

Слѣдователь. — Да, ты!

Ча—ненко. Я ночевалъ на селѣ...

Это показаніе опровергнуто. А при осмотрѣ одѣянія Ча—ненки, найдено на немъ новое бѣлье.

— А гдѣ же бѣлье, которое ты снялъ?

— Я кинулъ его, отвѣчалъ Ча—ненко, оно ужь никуда не годилось.

— Куда же ты его кинулъ?

— Не помню куда; такъ куда-то закинулъ.

На рукавахъ кафтана у Ча—ненки найдены потомъ замытыя пятна, бураго цвѣта.

— Что ты запираешься сказалъ слѣдователь, товарищи твои: солдаты Га—ловъ и Иванъ, уже пойманы, и оба уже сознались во всемъ. Только они говорятъ, что семейство мѣнялы порѣзалъ будто ты одинъ. Они говорятъ, что у тебя всѣ и деньги и вещи. Дѣлежь, говорятъ, у васъ сегодня, здѣсь въ Бро—кѣ. Стало-быть запирательство твое не поможетъ тебѣ; будешь отвѣчать за все одинъ, когда другіе тутъ не причастны, и даже не входили въ домъ мѣнялы...

Ча—ненко (съ озлобленіемъ и скоро). Кто, я?.. Никакъ нѣтъ!.. Мнѣ Иванъ отдавалъ какой-то узелъ нынче рано утромъ; на, говоритъ, спрячь до вечера и выходи, какъ станеть смеркаться, къ Дунаю; будетъ магарычъ и тебѣ. Но я сказалъ ему, что можетъ быть это краденныя вещи, и что я не хочу съ нимъ связываться, и не взялъ узла. Ну, говоритъ, чортъ съ тобой. Вынеси, говоритъ, мнѣ хлѣбушка на гумно хозяйское: дамъ тебѣ горсть цѣлковыхъ. Да я не пошелъ!

Слово-за-слово, слѣдователь выпросилъ подробно о знакомствѣ Ча—ненки съ Иваномъ; мало-по-малу Ча—ненко сознался, что онъ былъ, по приглашенію Ивана, пьяный, но только будто не въ домѣ, а подлѣ дома, гдѣ сдѣлано убійство, и притомъ будто самъ не зная зачѣмъ.

Ча—ненко былъ арестованъ; а потомъ на гумнѣ, о которомъ онъ говорилъ, на скирдѣ пшеницы, найденъ былъ еще

одинъ убійца, Иванъ, по прозванію Черный: онъ былъ вооруженъ пистолетомъ и кинжаломъ; у него оказался мѣшокъ денегъ и узелъ съ серебряными вещами и еврейскимъ женскимъ жемчужнымъ наличникомъ.

Этотъ убійца былъ бродяга изъ шайки молдавскаго разбойника Тоболтака, извѣстнаго въ Бессарабіи своими дерзкими наѣздами въ 1834—1837 годахъ, въ послѣдствіи пойманнаго и казненнаго въ Кишеневѣ.

Послѣ того, слѣдствіе получило совершенную ясность и полноту. Убійцъ было всего трое, считая тутъ и солдата. На очныхъ ставкахъ раскрыты были всѣ подробности; раскрыто было между прочимъ и то, что солдата связали собственно для сокрытія участія его въ убійствѣ. Уголовному суду, конечно, уже не представлялось затрудненій, кого слѣдуетъ признать виновными.

Въ томъ же городѣ случилось происшествіе, замѣчательное, какъ мнѣ кажется, ничтожностію признака, по которому отысканы преступники. Въ полночь, въ декабрѣ мѣсяцѣ, полицейскій дозоръ проходилъ мимо шинка. Дверь шинка была отворена; виднѣлся свѣтъ. Дозоръ вошелъ въ домъ: оказалось, что шинокъ ограбленъ, хозяинъ убитъ и лежитъ распростертый на полу съ раздробленною головою. По введенному правилу, дозоръ въ ту же минуту донесъ объ этомъ полицеймейстеру; а тотъ, сейчасъ же прибывъ на мѣсто, занялся изысканіемъ данныхъ, по которымъ бы можно было открыть ближайшіе слѣды этого событія.

Призваны были сосѣди убитаго и племянница. Слѣдователь разспрашивалъ ихъ объ отношеніяхъ убитаго къ знакомымъ, старался узнать: не имѣлъ ли кто съ нимъ денежныхъ счетовъ, ссоры, вражды? Не успѣвъ открыть ничего подобнаго, слѣдователь занялся осмотромъ убитаго и обыскомъ по всему дому. Въ углу, на лавкѣ, онъ увидалъ кисетъ съ табакомъ: табакъ былъ простой, мѣстнаго произрастенія, и дурно искрошенный. Убитый былъ Грекъ, а Греки обыкновенно курятъ турецкій табакъ. Слѣдователь спросилъ племянницу убитаго: не знаетъ ли она, какой табакъ курилъ ея дядя, и его ли это кисетъ? Она отвѣчала, что покойный дядя курилъ всегда турецкій табакъ, и что кисетъ, который ей показываютъ, не его. Слѣдователь началъ высыпать табакъ изъ кисета на столъ: съ табакомъ выпала оттуда мѣдная, солдатская пуговица. Этимъ представлялось сильное подозрѣніе, что преступленіе совершено сол-

датами. Такая догадка подтверждалась и тѣмъ еще, что вся зимняя одежда убитаго была унесена, а оставлено довольно другихъ вещей, имѣющихъ большую цѣнность.

Итакъ, простая пуговица послужила первымъ указаніемъ преступника. Затѣмъ, можно было догадываться и о томъ, гдѣ его искать. Обыкновенно подобные преступники скрывались на большіе, не заселенные острова Чаталь и Лети, а оттуда за Дунай. Тотчасъ въ эту сторону преимущественно и направлено было преслѣдованіе съ квартальнымъ и восемью казаками; полицеймейстеръ самъ сдѣлалъ объездъ къ сторонѣ Чатала.

По счастью, въ ту ночь выпало нѣсколько снѣга; слѣды были видны; скоро объездъ напалъ на слѣдъ, возбуждавшій сильное подозрѣніе. Слѣдъ, во первыхъ, велъ именно изъ города на островъ. Но, главное, въ немъ подозрительна была та особенность, что въ ступнѣ одного человѣка отпечатлѣвались большія и меньшія ступни еще нѣсколькихъ человѣкъ: нигдѣ почти ни одна изъ нихъ не ступала на новое мѣсто: очевидно тутъ былъ умыселъ скрыть, сколько людей шло этимъ слѣдомъ.

Подозрѣніе оправдалось. Веротъ за восемь, чрезъ нѣсколько часовъ, еще раннимъ утромъ, достигнуты были въ камышахъ пятеро преступниковъ. Четверо изъ нихъ были солдаты съ заряженными ружьями, а пятый Еврей. Всѣ они крѣпко спали, кромѣ одного солдата Аксенова. Послѣдній схватилъ ружье, хотѣлъ было взвести курокъ, но былъ обезоруженъ прежде нежели успѣлъ выстрѣлить. Всѣ они были взяты въ одеждѣ и съ вещами убитаго, связаны, разведены порознь, чтобы не могли сговариваться, изобличены на допросахъ и очныхъ ставкахъ, и переданы съ дѣломъ въ судъ. Суду опять не предстояло уже никакого затрудненія произнести прямой и рѣшительный приговоръ.

Вотъ еще два примѣра слѣдствій, замѣчательныхъ тѣмъ, что одно изъ нихъ произведено, такъ-сказать сокращеннымъ порядкомъ, и притомъ, на основаніи простыхъ вѣроятностей, а другое касалось дѣла запутаннаго и крайне прекотливаго.

Для повѣрки народной переписи 1835 года, въ Из—комъ градоначальствѣ была назначена коммиссія; въ составъ ея находился и полицеймейстеръ. Дѣло это требовало поспѣшной и большой работы: нужно было допросить болѣе 10.000 человѣкъ и открыть, кто они, и откуда, такъ какъ уже было дознано, что многіе приписались неправильно въ число Из—скихъ жителей, присвоивъ себѣ имена умершихъ, или даже

просто подъ вымышленными именами. Занятія комиссіи продолжались съ 8 часовъ утра до 10 вечера, а иногда и долѣе.

При такомъ положеніи, полицеймейстеру оставалось изъ каждыхъ сутокъ не болѣе нѣсколькихъ часовъ ночи на отправленіе обязанностей, прямо относившихся къ его должности. А обязанностей этихъ было не мало. Нужно было дѣлать распоряженія по разнымъ происшествіямъ и требованіямъ, прочитывать по нѣскольку сотъ вступившихъ и исходящихъ бумагъ; класть резолюціи по дѣламъ; нужно было распоряжаться и ночными дозорами по городу, и разъѣздами верстъ на 40 по берегу Дуная по принадлежащимъ къ городу селеніямъ. Последнее было необходимо чтобъ обуздать покушенія къ тайнымъ переправамъ за Дунай и обратно. А это было очень важно тогда: на противоположномъ берегу Дуная и на всей прилегающей къ нему сторонѣ продолжалась, года съ три, самая опустошительная чума; она появлялась было уже двукратно и въ нѣ—комъ карантинѣ.

Итакъ, въ продолженіе одного изъ засѣданій комиссіи, повѣрившей перепись, къ полицеймейстеру пріѣхалъ туда тамошній купецъ Агопъ.

Агопъ просилъ полицеймейстера помочь отыскать его пропажу. Дѣло въ томъ, что за три дня передъ тѣмъ, ночью, въ сильную бурю, изъ его лавки украдено было на нѣсколько тысячъ товара. Слѣдствіе было уже поручено частному приставу; онъ былъ хотя и очень порядочный человекъ, но еще новый на этомъ родѣ службы: не нашелъ слѣдовъ воровства и донесъ, по обыкновенію, «что, за розысканіемъ, виновныхъ въ томъ не оказалось.» Итакъ, Агопъ упрашивалъ полицеймейстера, чтобъ онъ самъ произвелъ это слѣдствіе. «Если вы, говорилъ онъ, возметесь, товары будутъ отысканы.»

На такой обязательный вызовъ неловко отказываться неимѣніемъ времени. Полицеймейстеръ взялъ Агопа съ собой на дрожки, и поѣхалъ въ его лавку. Послано было за частнымъ приставомъ, а между тѣмъ самъ полицеймейстеръ занялся осмотромъ.

Оказалось слѣдующее. Лавка, гдѣ сдѣлана покража, находилась въ нижнемъ этажѣ каменнаго дома Агопова, на углу; уголъ этотъ былъ нѣсколько округленъ, и въ немъ были толстыя деревянныя створчатыя двери, окованныя часто желѣзными планками; онѣ запирались изнутри толстою желѣзною задвижкой, и кромѣ того, поверхъ задвижки, двумя большими

желѣзными крючьями. Окна лавки съ толстыми желѣзными рѣшетками были не повреждены. Другая дверь изъ лавки вела во внутреннія комнаты: въ ночь, когда произведено воровство, въ этихъ комнатахъ спалъ сынъ Агопа съ прикащикомъ и мальчикомъ. Третья дверь, внутренняя, вела во дворъ; она была заперта изъ сѣней. Воровство, по показанію сына Агопова, сдѣлано черезъ наружныя двери. Утромъ ихъ нашли растворенными; а на одной половинкѣ ихъ, надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ соединялись желѣзныя крючья и задвижка, были провернуты два отверстія сряду большимъ буравомъ, какими пробуравливаются жолоба для колодцевъ.

Ни сына Агопова, ни прикащика съ мальчикомъ, не представлялось никакого основанія подозрѣвать въ способствованіи ворами.

При такихъ данныхъ становилось вѣроятнымъ, что воры вошли дѣйствительно черезъ наружную дверь. Но это ясно указывали въ особенности, упомянутыя отверстія: онѣ были такъ велики, что легко было просунуть руку, выдвинуть задвижку и отложить крючья. Воровству должно было способствовать и то, что на ту пору была самая бурная, темная ночь.

Но проверить дверь именно въ томъ мѣстѣ, откуда можно достать рукой задвижку, и отложить крючья, очевидно, могъ только знающій всѣ размѣры дверей и мѣсто, гдѣ находились внутреннія дверныя запоры. Слѣдовательно, оставалось дознать: не появлялся ли въ лавку Агопа, для изученія дверныхъ запоровъ, кто-либо изъ лицъ извѣстныхъ подозрительнымъ поведеніемъ?

Съ этого слѣдователь и началъ. Взявъ листъ бумаги и отозвавъ на сторону, прежде сына Агопова, а потомъ прикащика, онъ разспросилъ ихъ порознь и подробно: кто именно бывалъ у нихъ въ лавкѣ, въ послѣднее время, начиная недѣли за двѣ до покражи?

Изъ отвѣтовъ ихъ, почти совершенно сходныхъ, составилъ порядочный списокъ лицъ. Въ числѣ ихъ были и такія, которыя навлекали на себя сильное подозрѣніе по предшествующему роду жизни, и особенно выходецъ Краснобаевъ и жена вольноцеховаго матроса Бѣлинская. Последняя появлялась дня два сряду передъ самою покражею; говорила, что поджидаетъ мужа съ деньгами, и намѣрена купить ситца и большой шелковый платокъ; подъ этимъ предлогомъ, она верте-

лась около дверей, поглядывала на улицу, не идетъ ли мужъ; потомъ не купила ничего и ушла.

Полицеймейстеръ съ Агопомъ и частнымъ приставомъ поѣхалъ прямо въ квартиру Краснобаева; но послѣдній уѣхалъ, за деньгъ ередъ тѣмъ, на ярмарку, въ колонію Анчокракъ. Полицеймейстеръ зналъ, что Краснобаеву, по его состоянію и роду жизни, не зачѣмъ было ѣхать на ярмарку, развѣ только сбыть что воровское; поэтому предположилъ послать тотчасъ за нимъ чиновника полиціи, съ сыномъ Агопа и съ бумагою, чтобы при содѣйствіи тамошняго начальства Краснобаевъ былъ обысканъ. Но предварительно онъ считалъ нужнымъ повѣрить еще и жилище Бѣлинскаго.

Не застали дома и Бѣлинскаго. По отзыву жены, и онъ уѣхалъ на ту же ярмарку, промѣнять лошадь. Полицеймейстеръ спросилъ, знаетъ ли она лавку Агопа. Бѣлинская отвѣчала, что не знаетъ. Ей описали подробно эту лавку и спросили опять, была ли она въ ней.

— Не припомню, отвѣчала она, — да недѣли двѣ, а пожалуй и мѣсяцъ, я вовсе и ни въ какой лавкѣ не была.

На дальнѣйшіе разпросы: когда, съ кѣмъ, на чѣмъ поѣхалъ мужъ на ярмарку, Бѣлинская объявила, что онъ отправился на своей лошади, вмѣстѣ съ знатокомъ въ лошадяхъ Краснобаевымъ.

Всѣ эти свѣдѣнія и народная молва о занятіяхъ Бѣлинскаго и Краснобаева, а болѣе всего отпирательство Бѣлинской, будто она не была въ лавкѣ Агопа, уполномочивали слѣдователя сдѣлать обыскъ въ жилищѣ Бѣлинскаго.

Созваны понятые, объявлено имъ, что есть сильное подозрѣніе на Бѣлинскаго въ воровствѣ, почему они и призваны въ свидѣтели. Одинъ изъ понятыхъ, старикъ изъ отставныхъ солдатъ, почтенной наружности, отвѣчалъ: «Праведно, ваше высокоблагородіе; намъ отъ него житья нѣтъ; нельзя завести ни лошади, ни коровы.»

При обыскѣ, хотя и найдены у Бѣлинскаго нѣкоторыя воровскія вещи, напримѣръ хрустальная сахарница въ серебрѣ и дорогой коверъ; но Агопъ объявилъ, что эти вещи не изъ числа покраденныхъ у него.

Пока составляли протоколъ обыска, частный приставъ выразился, какъ бы съ удовлетвореннымъ самолюбіемъ, что онъ и самъ былъ у Бѣлинскаго, и у другихъ подозрительныхъ людей, но ничего изъ товаровъ Агопа найдти нельзя. Вѣроятно, ихъ

уже нѣтъ вовсе и въ городѣ; они отправлены конечно за Дунай; здѣсь не то, что въ другихъ мѣстахъ, и проч. Полицеймейстеръ не отвѣчалъ на это ни слова: онъ спѣшилъ домой, распорядиться секретно предположенною погонею за Бѣлинскимъ и Краснобаевымъ, и потомъ возвратиться въ комиссію. На дворѣ онъ увидѣлъ вдали, пустую русскую кибитку безъ лошадей. Постановивъ себѣ разъ на всегда правиломъ, при слѣдствіяхъ не оставлять самаго мѣшкого предмета безъ полнаго разъясненія, полицеймейстеръ подошелъ къ кибиткѣ; назади у ней былъ ящикъ съ крышкою, и запертъ замкомъ.

Полицеймейстеръ позвалъ Бѣлинскую и велѣлъ ей отпереть ящикъ. Съ какою-то неестественною поспѣшностію она отвѣчала, что туда обыкновенно кладутся съѣстные припасы въ дорогу, и что теперь тамъ нѣтъ ничего.

— Да ты мнѣ все-таки отопрѣ.

— Но у меня и ключа отъ этого ящика нѣтъ; мужъ увезъ съ собою.

— Такъ я велю отломать крышку, если не отопрешь сейчасъ же.

Бѣлинская пробовала еще отклонить вскрытіе ящика и съ видомъ простодушія сказала: «мужъ ея скоро пріѣдетъ и отопретъ самъ.»

Истоивъ всѣ убѣжденія, полицеймейстеръ приказалъ наконецъ отломать крышку съ ящика. Бѣлинская измѣнилась въ лицѣ.

Въ ящикѣ оказались самыя лучшія изъ похищенныхъ у Агопа турецкія шали.

Послѣдовало за тѣмъ обозрѣніе и другихъ частей кибитки. Замѣта, что задняя стѣнка необыкновенно отдулась по срединѣ. Полицеймейстеръ велѣлъ распороть кожу. Тамъ оказались почти всѣ остальные лучшіе товары Агопа.

Счастливая находка занесена была въ протоколъ обыска, съ обозначеніемъ каждой найденной штуки товара; вещи отданы подъ росписку Агопа, съ тѣмъ чтобъ были въ цѣлости до оцѣнки. Бѣлинская была арестована. Тогда въ свою очередь полицеймейстеръ сказалъ частному приставу: «Вотъ видите, розыскъ вашъ у Бѣлинскаго былъ не удовлетворителенъ, и вы опрометчиво донесли, что похищенныхъ товаровъ отыскать не оказалось возможности.»

Приставъ оправдывался: «оне придетъ на мысль, говорилъ

онъ, чтобы такіе дорогіе товары спрятаны были въ битку, среди открытаго двора.»

Агопъ былъ въ восхищеніи, цѣловалъ всѣхъ и каждаго, плакалъ и смѣялся какъ дитя: «остальная пропажа говорилъ онъ, уже не стоитъ того чтобы затрудняться ею». Но полицеймейстеръ исполнилъ первоначальное предположеніе и успѣлъ захватить Бѣлинскаго и Краснобаева на ярмаркѣ, почти со всѣми остальными товарами Агопа.

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ открыто, что жена Бѣлинскаго действительно приходила въ лавку, по порученію Краснобаева и Бѣлинскаго, измѣрить высоту мѣста, откуда можно выдвинуть въ двери задвижку и отложить крѣчья, если просунуть руку снаружи. Она принесла съ собою кусокъ мѣла; стоя у дверей, постаралась сперва придавить мѣлъ къ пробю; а потомъ, прислонилась къ тому же пробю плечомъ, и такимъ образомъ унесла на рукавѣ отпечатокъ его высоты. Дома Краснобаевъ, по принесенному живому образцу, смѣрилъ высоту шнуркомъ; и по этой мѣркѣ уже пробуравлена была дверь.

Менѣе нежели въ мѣсяць времени слѣдствіе это было кончено и отослано въ судъ.

Другое слѣдствіе, какъ мы сказали, было замѣчательно особенною запутанностію и щекотливостію дѣла, по которому оно производилось. Къ первоначальному преступленію неожиданно прѣмъшалось другое; а потомъ, самое лицо, подозрѣваемое въ преступленіи, принадлежало къ такому классу, что преслѣдованіе и изобличеніе требовало особенной осторожности со стороны слѣдователя. Но будемъ говорить по порядку.

Въ одномъ изъ значительныхъ портовыхъ городовъ, тоже на югѣ Россіи, появилась шайка разбойниковъ и зажигателей. Она производила по ночамъ набѣги на городъ, сопровождая ихъ обыкновенно пьянствомъ и всевозможными злодѣянiami. Дерзость ихъ была необыкновенна. Совершивъ рядъ злодѣйствъ, грабежъ, убійство, поджогъ, почти въ виду у всѣхъ, шайка эта скрывалась потомъ на морѣ. Последнему обстоятельству положеніе города представляло полное удобство. Несмотря на неуныпныя мѣры и личную настойчивость тогдашняго градоначальника, который даже самъ съ полиціей иногда ѣздилъ по городу, изловить эту шайку и прекратить ея дѣйствія долго не удавалось.

Среди такихъ обстоятельствъ моему пріятелю пришлось быть перемѣщеннымъ въ этотъ городъ. Временными усиленными поли-

цейскими дозорами и разъездами, секретными ночными караулами особенно со стороны моря, скоро поджоги и убійства были наконецъ прекращены. Воровство хотя и появлялось еще, однако рѣдко.

Но мѣсяца черезъ два послѣ того, въ полночь, въ квартирѣ купца С—и, была убита его работница; разломаны комоды и сундуки; похищены деньги, золотыя и брильянтовыя вещи, новый атласный жилетъ и три заграничныхъ черныхъ платка съ замѣтными каемками.

Происшествіе это совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Купецъ С—и, человекъ одинокій, очень аккуратный и даже нѣсколько скупой, производилъ оборотъ наличными деньгами, отдавая ихъ подъ ручныя залого. Онъ проводилъ обыкновенно цѣлый день, съ утра до 12 часовъ ночи, въ купеческомъ клубѣ; возвращался домой только спать. Квартиру изъ разчетливости онъ нанималъ въ глухомъ переулкѣ. Это былъ небольшой отдѣльный домикъ, съ прочными желѣзными запорами. Прислуга состояла въ одной работницѣ. Извѣстно было между прочимъ, что работницѣ приказано было имѣть двери всегда на заперти, и не отпирать никому. Даже когда возвращался самъ хозяинъ, она обязана была прежде удостовѣриться, онъ ли это, а потомъ уже отпирать. Небольшое стеклянное окно у самыхъ дверей, ведущихъ въ сѣни, давало ей возможность узнать всегда, что точно пришелъ хозяинъ, а не другой кто.

Но въ этотъ разъ С—и, возвратясь домой, въ 12 часовъ ночи, нашелъ дверь отворенною, и на призывъ его, работница не только не появлялась се свѣчею, но и не отвѣчала.

С—и побоялся войти въ домъ, а отправился къ сосѣду, взялъ у него фонарь, и вмѣстѣ съ его сыномъ и кучеромъ вошелъ въ домъ. На полу, во второй комнатѣ, лежала работница его, уже мертвая, израненная въ нѣсколькихъ мѣстахъ; комоды и сундуки были изломаны, деньги и лучшія вещи похищены.

С—и тогда же послалъ объявить объ этомъ частному приставу, а тотъ, по введенному правилу, тотчасъ же явился съ донесеніемъ къ полицеймейстеру. Послѣдній поспѣшилъ въ ту же минуту на мѣсто происшествія, и распорядясь о мѣрахъ общаго розыска, занялся изысканіемъ ближайшихъ слѣдовъ преступленія.

Изъ предварительнаго осмотра открывались слѣдующія данныя:

а) Судя по наружному виду ранъ, убійство совершено было кинжаломъ, или же большимъ ножомъ.

б) Убитая женщина была лѣтъ тридцати отъ рода; въ ней еще оставалась нѣкоторая теплота и гибкость въ членахъ; подлѣ нея, на полу, образовалась довольно большая лужа крови.

в) Убійца было не менѣе двоихъ; не обративши вниманія на лужу крови подлѣ убитой и расхаживая отъ одного комода къ другому, они ступали въ эту лужу, и оставили на полу слѣды своей обуви.

г) По слѣдамъ видно было, что одинъ изъ злодѣевъ былъ въ небольшихъ хорошаго покроя сапогахъ, съ подошвами, какъ говорится, на одну ногу; а другой въ простыхъ.

При изложенномъ образѣ жизни купца С., предтояло открыть, не было ли кого-нибудь, кромѣ хозяина, кому бы женщина эта могла отпереть двери добровольно? Всѣ запоры на двери были цѣлы, слѣдовательно убійцы не силою вторглись, и нападеніе на работницу не было внезапно.

Слѣдователь отозвалъ С. въ другую комнату, и расспрашивалъ его: не замѣтилъ ли онъ, не былъ ли кто въ короткихъ сношеніяхъ съ убитою? С. отвѣчалъ, что безъ него работница никогда не отлучалась изъ дома; но что къ ней приходила иногда по праздникамъ кухарка сосѣда его, Д. Съ этою кухаркою покойная была въ большой пріязни.

Положеніе убитой показывало, что преступленіе совершено не болѣе какъ за часъ времени. Потому слѣдователь, дорожа временемъ, сказалъ С., что хорошо бы сейчасъ же спросить пріятельницу убитой, но что въ теперешнюю пору полиція не въ правѣ тревожить домъ Д., поэтому не можетъ ли С. самъ съѣздить къ Д., и попросить сюда на минуту его кухарку, не для допроса, а только для короткаго переговора. «Кстати, для скорости, и дрожки мои къ вашимъ услугамъ, прибавилъ слѣдователь. Да пожалуста, дайте за меня честное слово и самому Д. и его кухаркѣ: я не буду вовлекать ее ни въ какія формальности по дѣлу; ее отвезуть назадъ, сейчасъ же.»

С. охотно согласился. «Д. вѣроятно тоже еще не спитъ» сказалъ онъ: «мы вмѣстѣ вышли изъ клуба.»

Въ отсутствіи С., частный приставъ съ писаремъ исправлялъ и переписывалъ составленный реестръ объ ограбленныхъ вещахъ; а слѣдователь, взявъ подлиста бумаги, вырѣзывалъ мѣрку съ кроваваго слѣда, отпечатавшихся сапоговъ.

Изъ взглядовъ частнаго пристава на то, какъ полицеймейстеръ ползалъ по полу, чтобы точнѣе снять мѣрку со слѣда убійцы, можно было замѣтить какъ бы родъ сожалѣнія о безполезности такого труда. Не обращая на это вниманія, слѣдователь кончилъ свое занятіе и положилъ мѣрку къ себѣ въ боковой карманъ.

Въ это время вошелъ С. съ кухаркой Д. Слѣдователь разспросилъ эту женщину о ея имени и знакомствѣ съ убитою; разказалъ ей чтó случилось; отозвалъ въ другую комнату, и старался снова, лично уже обнадежить, что все, о чемъ онъ будетъ говорить съ нею, не будетъ извѣстно никому: ее не потребуютъ къ формальнымъ допросамъ. Послѣ того, спросилъ ее: — какъ ты дружна была съ Дарьей (имя убитой)?

Наталья (имя спрашиваемой).—Такъ чтó же, что была?

Слѣдователь.—Не говорила ли она тебѣ, когда-нибудь, о какомъ-нибудь знакомомъ ей муцинѣ?

Наталья (не рѣшительно).—Нѣтъ, не говорила.

Слѣдователь.—Припомни хорошенько; это необходимо; иначе не откроешь злодѣевъ, а смотри, какъ они истиранили и замучили ее до смерти.

Наталья.—Да чтó же что говорила! Она сказывала только, что у нея есть знакомый какой-то, и все набивается съ подарками. Да она не принимаетъ; такъ онъ о праздникахъ свѣтлаго Христова Воскресенья принесъ ей шелковый платокъ да и бросилъ, а самъ ушелъ.

Слѣдователь.—Это было на Святой Недѣли нынѣшняго года?

Наталья.—Новешнева.

Слѣдователь.—А ты видѣла этотъ платокъ?

Наталья.—Видѣла.

Слѣдователь.—И можешь узнать его?

Наталья.—Могу.

Слѣдователь.—Какой же онъ?

Наталья.—Шелковый, клѣтчатый, красный съ бѣлымъ.

Слѣдователь.—А величиною?

Наталья.—Побольше аршина.

Слѣдователь.—Не говорила ли она тебѣ еще чего-нибудь про этого знакомаго? Напримѣръ: кто онъ, каковъ собою, какъ его имя, или прозваніе?

Наталья.—Нѣтъ, этого она не сказала мнѣ, а только говорила, что онъ молодой человѣкъ, очень хорошъ собою, изъ

иностранцевъ, одѣвается какъ баринъ; онъ куда-то было уѣхалъ вовсе, а нонѣшнею весною воротился опять.

Слѣдователь записалъ тщательно всѣ послѣднія слова Натальи: *молодой человекъ, очень хорошо собою, изъ иностранцевъ, одѣвается какъ баринъ (что совпадало съ мѣркою сапога), куда-то было совсемъ уѣхалъ; но нынѣшнею весною возвратился.*

На всѣ дальнѣйшіе разспросы, Наталья отвѣчала, что больше ничего не знаетъ. Когда показали ей вещи убитой, она тотчасъ узнала платокъ, о которомъ говорили. Онъ оказался тѣхъ самыхъ примѣтъ и размѣровъ. Платокъ тотчасъ присоединенъ къ дѣлу для дознанія, не отыщется ли, кѣмъ и кому онъ былъ проданъ.

Въ это самое мгновеніе, слѣдователь услышалъ торопливый крикъ своего кучера; онъ тотчасъ поручилъ частному приставу узнать: что случилось? Тотъ, вбѣжавъ поспѣшно обратно, объявилъ, что разбойники, вѣроятно за остальнымъ имуществомъ С., подкрадывались опять на двухъ тройкахъ, но были окликнуты полицейскимъ солдатомъ и понеслись назадъ.

Слѣдователь поспѣшилъ на дрожки и бросился въ погоню за этими злодѣями, приказавъ ѣхать за собою и частному приставу.

Но при тогдашней необыкновенно дурной дорогѣ отъ продолжительныхъ дождей и чрезвычайной темноты туманной ночи, погоня была затруднительна. Мало-по-малу шумъ скакавшихъ впереди повозокъ началъ отдаляться.

Слѣдователь остановилъ дрожки; велѣлъ кучеру выпрячь обѣихъ лошадей, и предположилъ броситься дагѣ верхомъ, Пока выпрягали лошадей, частный приставъ, поровнявшись, сказалъ полицеймейстеру: «мы одни ничего не сдѣлаемъ; разбойниковъ много, кучеръ замѣтилъ, что обѣ повозки наполнены ими.»

— Сдѣлаемъ что можемъ, отвѣчалъ полицеймейстеръ. Вы чтобы не потерять слѣда продолжайте погоню по прежнему хоть издали; смотрите только, чтобы они не обманули насъ и не повернули назадъ. А я поскачу.

Съ направленія, какое приняли разбойники, на лѣво поворотить было невозможно—тамъ было море. Направо поворотъ хотя и былъ но еще далеко. Слѣдователь надѣялся поспѣть туда, если пустится верхомъ наперерѣвъ. Итакъ, важнѣе всего было, чтобы разбойники не повернули назадъ.

Вспрыгнувъ на лошадь, слѣдователь поскакалъ на избранный пунктъ, а кучеру велѣлъ, бросить дрожки, скакать во весь духъ на другой лошади, въ пожарную команду и прислать въ ту же минуту оттуда верховыхъ, наскоро, безъ сѣделъ четырехъ солдатъ, извѣстныхъ въ полиціи своею ловкостію и смѣлостію, на лучшихъ лошадяхъ. Сборнымъ мѣстомъ назначена дорога въ полѣ у кладбища.

Продолжая скакать къ избранному пункту, слѣдователь старался всячески попасть прямо на него; но темнота ночи и густота тумана были чрезвычайныя; лошадь падала не однократно въ ямы и канавы; это нѣсколько сбивало съ направленія, и разбойникамъ давалось время убѣжать.

Проскакавъ кладбище и поворота къ морю, влѣво, слѣдователь остановился и началъ прислушиваться.

Вскорѣ послышался топотъ нѣсколькихъ скачущихъ лошадей, но только казалось, что шумъ этотъ приближается не со стороны города, а напротивъ съ поля, какъ будто кто-то ѣхалъ къ морю. Впрочемъ, при тогдашней темнотѣ, легко можно было ошибиться въ опредѣленіи направленія.

Когда скачущіе поровнялись со слѣдователемъ, онъ окликнулъ ихъ именами нѣкоторыхъ изъ ожидаемыхъ солдатъ, приказывая остановиться. Но ни отвѣта, ни исполненія приказанія не послѣдовало. Не тѣ же ли это самые разбойники, скачутъ верхомъ, подумалъ онъ; можетъ быть они бросили повозки, для удобства. Съ саблею въ рукѣ, онъ бросился въ погоню; но разсмотрѣть, при чрезвычайной темнотѣ, никого не было возможности. Настигая скачущихъ, слѣдователь вновь закричалъ громко: стой! И наконецъ, схватилъ за узду одну изъ лошадей; но уже безъ сѣдока. Въ то же мгновеніе, на крикъ его прискакали подоспѣвшіе солдаты, и поймали еще одну лошадь, но тоже безъ сѣдока. Обѣ лошади были въ хомутахъ; представлялось, слѣдовательно, сильное подозрѣніе, что онъ изъ тѣхъ самыхъ телѣгъ, на которыхъ ѣзжали разбойники. Вѣроятнымъ представлялось, что видя за собою погоню со всѣхъ сторонъ, разбойники бросили повозки и хотѣли ѣздить верхомъ; а когда встрѣтили слѣдователя, то предположивъ въ темнотѣ, что онъ былъ не одинъ, а потомъ, услышавъ скакавшихъ на встрѣчу солдатъ, спрыгнули и бросились въ крутой и глубокой оврагъ.

Оврагъ этотъ шель къ морю, мимо тюремнаго замка. Рѣшено было тотчасъ отправиться къ тюремному замку, чтобы у квар-

тировавшаго вблизи оттуда баталіоннаго командира взять нѣсколько солдатъ и обыскать оврагъ. Между тѣмъ двое верховыхъ посланы тогда же въ объѣздъ къ исходу оврага. Выйти въ другомъ мѣстѣ, въ тогдашнее дождливое время, разбойникамъ не было возможности, ни съ боковъ, ни назадъ, по чрезвычайной отвѣсной крутизнѣ оврага и глинистой почвѣ.

При переѣздѣ черезъ ровъ упраздненной крѣпости, одинъ изъ провожавшихъ слѣдователя солдатъ замѣтилъ что-то черное, и подѣхавъ ближе, вскричалъ: «Ваше высокоблагородіе! повозка какая-то, съ поклажею.»

Въ повозкѣ оказалось нѣсколько мѣшковъ, съ чѣмъ-то мягкимъ; въ другихъ попадались подъ руку зерна кофе и сахарныя головы въ тонкой бумагѣ, какія привозятъ изъ-за границы шкипера, подъ видомъ провизіи.

Сдѣлалось очевиднымъ, что преслѣдуемая двѣ повозки принадлежали контрабандистамъ, а не тѣмъ разбойникамъ, которые совершили убійство въ домѣ С—и; очевидно, онѣ появились туда случайно, передать кому-либо изъ живущихъ въ той сторонѣ принятую съ моря контрабанду. Итакъ, вмѣсто одного преступленія, открывалось два.

Между тѣмъ подоспѣлъ частный приставъ; ему велѣно было привязать кое-какъ повозку къ пойманнымъ лошадямъ, дотащить въ полицію, опечатать потомъ, и сдать дежурному. Самъ полицеймейстеръ обратился къ розыску другой повозки. Скоро и она была найдена на берегу моря, съ переломившеюся осью, при епускѣ съ горы изъ города къ карантину.

Для скорѣйшаго открытія контрабандистовъ двѣ пойманныя лошади выведены были на то мѣсто, гдѣ онѣ встрѣчены; потомъ, ихъ пустили, на волю подогнавъ немного къ городу. Одна постарше, побѣжала довольно скоро, и прямо къ двору мѣщанина Во—кова. При допросѣ Во—ковъ сознался было подробно въ своемъ поступкѣ, хотя и срывалъ товарищей; но потомъ, когда слѣдствіе, за отсутствіемъ градоначальника, попало подъ распоряженіе одного чиновника, дѣло это потеряло невозвратно свое успѣшное направленіе.

Съ утра вновь начать былъ розыскъ разбойниковъ, совершившихъ убійство и грабежъ въ квартирѣ С—и. Кромѣ обычныхъ формальныхъ мѣръ къ этому, употреблены были еще нижеслѣдующія.

Поручено было, порознь, двоимъ дѣятельнымъ бѣднякамъ отыскать (не объявляя для чего), въ чьемъ домѣ живетъ

молодой человекъ изъ иностранцевъ, недавно возвратившійся изъ долговременнаго отсутствія за границу, который притомъ очень хорошъ собою и вѣроятно одѣвается побарски. Какъ только найдется подобный человекъ, велѣно, не говоря о томъ никому ни слова, тотчасъ дать знать полицеймейстеру. За это имъ обѣщано было вознагражденіе; но только въ такомъ случаѣ, когда всѣ отмѣтки будутъ удовлетворяться въ точности отысканною личностью. Примѣты отыскиваемаго велѣно для каждаго изъ комисіонеровъ записать.

Между тѣмъ, по сдѣланному отъ полиціи сообщенію, слѣдили за пропажей въ окружныхъ мѣстахъ. Въ армянскомъ городкѣ На—ванѣ замѣченъ подозрительный человекъ, продававшій нѣкоторыя вещи изъ числа ограбленныхъ у С—и. Членъ и секретарь на....ванскаго магистрата, съ чиновникомъ, который командированъ для выемки этого поличнаго, нашли продавца въ питейномъ домѣ. Но когда спросили его о вещахъ, онъ отвѣчалъ, что не имѣлъ и не имѣетъ никакихъ. Слѣдователи распорядились обыскать подозрѣваемаго, и за годенищами въ сапогахъ нашли у него золотыя часы съ эмалью и жемчугомъ, золотыя цѣпочки, запонки съ брилліантами и пр. Довольные успѣхомъ, слѣдователи тотчасъ повели продавца въ присутственную комнату своего магистрата къ допросу; разложили вещи, какъ поличное, на столъ присутствія, и начали отбирать форменный допросъ. Продавецъ отвѣчалъ на всѣ вопросы очень охотно и прямо, даже не утаилъ, что онъ уже бывалъ подъ судомъ и не такъ давно взятъ на поруки изъ Ро—вскаго тюремнаго замка. Но какъ только предложили ему вопросъ: гдѣ онъ взялъ найденныя при немъ вещи? онъ самъ въ свою очередь спросилъ съ видомъ удивленія «какія вещи?—» Какъ, какія? Да вотъ эти самыя, что лежали предъ тобой на столѣ, что нашли давеча у тебя въ сапогахъ. Опытный преступникъ отвѣчалъ съ видомъ простодушія: «Эти вещи не мои, а ваши; мнѣ почему знать, откуда онѣ взяты?» Дѣло въ томъ, что слѣдователи не исполнили закона, произвели обыскъ безъ понятыхъ и не потрудились составить актъ обыска.

Съ этимъ запутаннымъ началомъ, подозрѣваемый былъ переданъ въ Ро—вскій острогъ для пересылки на мѣсто преступленія. Но притворно, или же въ самомъ дѣлѣ онъ сдѣлался боленъ; только присланъ онъ былъ уже тогда, когда главный двигатель дѣла былъ найденъ.

Личность поверхностно очерченная подругою убитой женщины, мало-по-малу отыскалась. Коммиссіонеры указали молодого человѣка, очень красиваго собой, иностранца, недавно возвратившагося изъ-за границы. Даже мѣрка сапога, снятая съ кроваваго слѣда, была секретно повѣрена и оказалась совершенно сходною съ сапогами этого молодого человѣка. Итакъ, подозрѣніе на этого молодого человѣка восходило на степень полной достовѣрности. Но задержать его безъ полицнаго, значило подпасть самому подъ слѣдствіе, а вмѣстѣ и потерять возможность къ удовлетворительному концу. Это былъ сынъ одного изъ иностранныхъ консуловъ, Н. Р., человѣка притомъ въ высшей степени гордаго и строптиваго. Онъ никакъ не дозволялъ бы взять сына по одному подозрѣнію.

Молодой Р. еще въ бытность свою въ училищѣ оказалъ себя въ высшей степени безнравственнымъ, дерзкимъ до необузданности и готовымъ на самые отчаянные поступки для пріобрѣтенія денегъ на гульбу и мотовство. Самъ отецъ выгналъ было его вовсе за границу. Въ Италіи онъ былъ тоже пойманъ въ преступленіи, и, по собственнымъ разказамъ, бѣжалъ въ Алжиръ. Тамъ онъ опредѣлился было во французскія войска, но за какой-то дерзкій поступокъ съ офицеромъ отданъ былъ подъ военный судъ. Онъ нашелъ однако средство бѣжать и оттуда; добрался до Константинополя и возвратился къ отцу. Отецъ, впрочемъ, не далъ ему ничего, кромѣ убѣжища въ своемъ домѣ.

Итакъ, для полнаго успѣха слѣдствія, предстояла трудная задача—схватить этого убійцу непременно съ полицнымъ.

Продолжая слѣдить за дѣломъ, полицеймейстеръ узналъ между прочимъ, что изъ Ро—ва пріѣхалъ Еврей съ нѣсколькими коробочками колець, цѣпочекъ, запонокъ и подобныхъ вещей. По разказамъ, у него было девять нитокъ жемчуга. Подобныя вещи находились и въ числѣ ограбленныхъ у С—и. Слѣдователь послалъ пригласить къ себѣ въ квартиру полицейскаго ратмана Г—ва и ограбленнаго купца С—и, а самъ поѣхалъ въ квартиру пріѣзжаго изъ Ро—ва Еврея, удостоившись предварительно, что онъ дома.

Слѣдователь попросилъ Еврея показать ему перстни и кольца, объяснивъ, что ему желательно купить что-нибудь изъ подобныхъ бездѣлушекъ. Еврей показалъ три коробочки; но въ нихъ жемчуга не было.

Торгуя одно кольцо съ жемчужиною, слѣдователь спросилъ

у Еврея, нѣтъ ли у него жемчуга нитокъ 10 или 12? «Есть отвѣчалъ Еврей, но только 9 нитокъ.» Съ этими словами онъ досталъ изъ своего дорожнаго мѣшка еще коробочку, вынулъ изъ нея жемчугъ. По описанію, сдѣланному въ реестрѣ вещей ограбленныхъ у С—и, жемчугъ казался очень схожъ съ похищеннымъ.

— Что это стоитъ? спросилъ слѣдователь, взявъ жемчугъ къ себѣ въ руки.

Еврей. По восьми рублей золотникъ.

Слѣдователь. Отчего такъ дорого? Но впрочемъ я вѣдь покупаю это не для себя, а для одной дамы. Если только жемчугъ понравится ей, пожалуй въ цѣнѣ мы и сойдемся. Возьми вещи, поѣдемъ-ка къ ней со мною; можетъ-быть она купитъ у тебя и еще что-нибудь.

Еврей охотно согласился. Слѣдователь привезъ его въ свою квартиру. Ратманъ Г—въ и купецъ С—и, между тѣмъ, уже ожидали его тамъ.

Слѣдователь сталъ снова разсматривать вещи, торговалъ нѣкоторые изъ нихъ. Въ разговоръ вступилъ ратманъ, и покамѣстъ Еврей занялся съ послѣднимъ, слѣдователь далъ знать незамѣтно С—и, что его жемчугъ найденъ, но чтобъ онъ не подавалъ ни малѣйшаго вида, что узнаетъ его. Развернувъ бумагу съ жемчугомъ, слѣдователь спросилъ у Еврея: такъ какая же крайняя цѣна за этотъ жемчугъ? Тотъ повторилъ, что менѣе 8 за рублей золотникъ отдать не можетъ; жемчугъ этотъ данъ ему въ Ро—въ, на комиссію, конторщикомъ торговаго дома Ск—га; дешевле продавать ему не велѣно.

Послѣ подробныхъ объясненій, оказалось, что продавецъ не знаетъ, точно ли молодой человекъ, давшій ему жемчугъ для продажи, конторщикъ дома Ск—га. Онъ самъ себя, по крайней мѣрѣ, такъ называлъ; далъ ему на комиссію жемчугъ и взялъ вещей на половину цѣнности жемчуга. Примѣты мнимаго конторщика, описанныя Евреемъ, были совершенно сходны съ личностью подозрѣваемаго убійцы.

— Да конторщика этого я знаю, сказалъ слѣдователь: онъ здѣсь, я пошлю за нимъ; хозяинъ жемчуга, вѣроятно, уступитъ его дешевле. А покамѣстъ принесутъ вѣски, мы жемчугъ взвѣсимъ.

Предоставивъ С—и и ратману пересмотрѣть всѣ остальные вещи Еврея, слѣдователь послалъ бывшаго при немъ надежнаго квартальнаго надзирателя, съ ассистентомъ, за подозрѣ-

ваемымъ убійцею. Извѣстно было, что онъ обыкновенно проводилъ время въ кофейнѣ. Итакъ посланные должны были отправиться туда, и просить Р. убѣдительноше, на одну минуту, къ полицеймейстеру. Еслибы всѣ убѣжденія остались тщетными, ассистентъ долженъ былъ возвратиться, а чиновникъ остаться при подозрѣваемомъ, не выпуская его изъ вида.

Затѣмъ полицеймейстеръ попросилъ Еврея убрать вещи, кромѣ жемчуга, и подождать въ особой комнатѣ; между тѣмъ, распорядился призвать къ себѣ двухъ человекъ въ понятые, а С—и велѣлъ подождать въ смежномъ домѣ.

Р. не усомнился пріѣхать. Не замѣчая за собою преслѣдованія, онъ полагалъ, что преступленіе окончательно сокрыто. Прибыли и понятые, и одинъ изъ нихъ принесъ вѣски для взвѣшивания жемчуга. Слѣдователь и ратманъ сидѣли подлѣ столика; на столѣ были жемчугъ, бумага и чернилица съ перомъ.

Р. войдя, обратился къ слѣдователю съ обычными привѣтствіями на французскомъ языкѣ. Не отвѣчая на нихъ, слѣдователь спросилъ Р. внезапно: «Скажите, пожалуста, рѣшительную цѣну за этотъ жемчугъ?»

Р. (съ видомъ удивленія). Какой жемчугъ?

Слѣдователь. Да вотъ этотъ, который вы дали на комиссію въ Ро—вѣ, Еврею З.

Р. Совсѣмъ нѣтъ! Я не знаю вовсе никакого Еврея З.

Слѣдователь. Ну, да вѣрно вы забыли! Я покупаю жемчугъ этотъ, а комиссіонеръ вашъ требуетъ съ меня по 8 рублей за золотникъ, тогда какъ его можно купить за шесть; вотъ и бриллианщикъ говорить тоже. А чтобы вамъ скорѣе припомнить, такъ это тотъ самый жемчугъ, за который вы даже взяли половину уплаты вещами, назадъ тому съ мѣсяцъ времени въ Ро—вѣ. И продавецъ здѣсь. З. войди сюда.

Еврей вошелъ.

Р. А!... Теперь я вспомнилъ про эту дрянъ. Это жемчугъ педарила мнѣ сестра; извольте, я согласенъ отдать его вамъ за сколько хотите.

Слѣдователь. Нѣтъ, какъ это можно! Здѣсь вышло 16 золотниковъ: такъ, если вамъ угодно взять по 6 рублей, составитя 96 рублей. Они будутъ вамъ уплачены, если жемчугъ понравится особѣ, для которой я хочу купить его.

Р. Ну, какъ хотите.

Слѣдователь. Стало быть дѣло кончено! (Подвигая къ Р.

бумагу съ чернилицей и перомъ.)—Напишите же, что жемчугъ проданъ мнѣ вами за 96 рублей.

Р. (съ замѣтнымъ замѣшательствомъ). Для чего это?

Слѣдователь. Такъ водится. Знаете, чтобы не подумали, или же не сказали, будто я купилъ у васъ жемчугъ этотъ за безцѣнокъ, или пожалуй взялъ вовсе даромъ.

Послѣ нѣсколькихъ колебаній и послѣ увѣреній со стороны одного изъ понятыхъ, что при покупкѣ драгоценныхъ вещей принято за правило давать записки покупателю, Р. сѣлъ и написалъ подѣ диктовку слѣдователя: такого-то года, мѣсяца и числа, при такихъ-то свидѣтеляхъ, онъ Р. продалъ ему такой-то жемчугъ, за такую-то цѣну. Но къ этому Р., вмѣсто перваго, словеснаго объявленія, что жемчугъ подаренъ ему сестрою, добавилъ, что жемчугъ полученъ въ подарокъ отъ одной дамы, въ Марселѣ.

Пока онъ писалъ, слѣдователь тщательно разсматривалъ бывший на немъ атласный, черный жилетъ. По реестру С — и, въ числѣ ограбленныхъ вещей находился точно такой жилетъ. Отличительная примѣта должна была заключаться въ складкѣ назади воротника. Но складки этой подѣ воротникомъ фрака разсмотрѣть не было возможности; а черные атласные жилеты носятъ многіе. Повѣрку этого обстоятельства слѣдователь отложилъ до окончательной развязки съ жемчугомъ.

Когда Р. кончилъ писать, слѣдователь, оставивъ себѣ мѣсто для подписи, велѣлъ Г—ву и понятымъ подписаться свидѣтелями. Это потревожило Р. Концы жемчужныхъ нитокъ между тѣмъ были припечатаны полицеймейстерскою печатью; полицеймейстеръ попросилъ Р., чтобы другіе концы и онъ припечаталъ своею.

Р. (Съ большимъ замѣшательствомъ). Но скажите пожалуйста, къ чему все это? Изъ такой дряни!

—Этого непременно требуетъ порядокъ. Быть-можетъ жемчугъ не понравится: его надобно будетъ возвратить въ цѣлости.

Р. Но я не ношу съ собою печати, она у меня дома.

Этотъ отвѣтъ давалъ возможность взглянуть на вещи Р. въ его квартирѣ, не въ видѣ полицейскаго обыска. Полицеймейстеръ былъ радъ этому случаю.

— Прекрасно, сказалъ онъ, — кстати мнѣ нужно проѣхать въ квартирную комиссію, а это подлѣ вашего дома. Пройдемтесь вмѣстѣ.

Всѣ вмѣстѣ, кромѣ С.—и, отправились въ домъ къ Р. Квартальный съ ассистентомъ слѣдовали издали незамѣтно; Г—въ, понимая нѣсколько права иностраннаго консула и зная строптивый характеръ отца Р., хотѣлъ было уйти; но слѣдователь удержалъ его, успокоивая знаками.

Позвонили у дверей дома Р.; но никто не появлялся.

— Теперь унасъ нѣтъ никого дома, сказалъ Р.—Папа со всею семьей на хуторѣ, но я сейчасъ отопру вамъ, пройдя черезъ кухню.

Съ этими словами Р. отправился.

Понятно было, что Р. покусится бѣжать. Полицеймистеръ не безпокоился этимъ, зная, что въ случаѣ побѣга поимка будетъ легка. Но нужно было успокоить бѣднаго Г—ва, который замѣтно былъ встревоженъ; а это возможно было только въ отсутствіи Р. Дѣйствительно, только что тотъ вошелъ въ кухню, Г—въ разразился цѣлымъ потокомъ опасеній, добавляя, что, судя по виду Р., онъ долженъ быть невиноватъ; а если такъ, то бѣда всѣмъ будетъ. •

Слѣдователь спѣшилъ увѣрить Г—ва, что Р. несомнѣнно убійца.—Вотъ вамъ доказательство, прибавилъ онъ; Р. уже вѣрно бѣжалъ отъ насъ пока мы разговариваемъ; иначе онъ уже успѣлъ бы дѣйти чрезъ кухню до дверей, сюда.: Обращаясь къ воротамъ, слѣдователь спросилъ у стоявшаго на улицѣ асистента:

— Куда бѣжалъ?

— Проулкомъ позади дома, къ морю, отвѣчалъ тотъ: — за нимъ уже погнался частный приставъ.

Тотчасъ отдано было приказаніе призвать въ полицію присутствующаго пристава, стряпчаго и письмоводителя. Успокоивъ еще разъ Г—ва, слѣдователь вскочилъ на дрожки и погнался по указанному направленію. Нагнавъ пристава, онъ узналъ что Р. бѣжалъ въ бывшій недалеко отъ нихъ домикъ, надъ самымъ обрывомъ къ морю.

Пошли туда; вошли въ домъ. Р. сидѣлъ у столика, передъ нимъ на столѣ лежало нѣсколько пороха и пуль, онъ поспѣшно заряжалъ двухствольный пистолеть и уже опускалъ въ одинъ изъ стволовъ пулю. Въ этомъ положеніи онъ былъ схваченъ и обезоруженъ.

— Зачѣмъ вы бѣжали, для чего заряжали пистолеть?

— Я знаю, что меня ожидаетъ, по вашей милости; такъ я хотѣлъ погибнуть не одинъ!..

Чтобъ обыскать Р., нужно было избѣжать ошибки, допущенной въ На—нѣ съ его товарищемъ, нужно было подождать ратмана и понятыхъ. Слѣдователь взглянулъ только на складку жилетнаго воротника и убѣдился, что жилетъ именно тотъ, какой былъ украденъ у С—и, въ числѣ прочихъ вещей.

До прибытія ратмана и понятыхъ, Р. былъ порученъ прибывшему полицейскому чиновнику, извѣстному физическою силой, онъ не долженъ былъ дозволить Р. сходить съ мѣста.

Явно было однако, что Р. вошелъ въ домъ, не совсѣмъ ему чужой: онъ не могъ бы найти въ немъ пистолета, пороха и пули. Поэтому, поручено было частному приставу заняться тотчасъ осмотромъ дома. Тогда найдено было принадлежавшее Р. одѣяніе сѣраго цвѣта, въ большихъ бурыхъ пятнахъ. Пятна въ послѣдствіи Р. объяснилъ тѣмъ, что у него недавно шла кровь изъ носа. Въ другомъ мѣстѣ найдены три новыхъ заграничныхъ шелковыхъ платка; они упоминались то же въ реестрѣ похищенныхъ вещей. Въ это самое время, подлѣ частнаго пристава, упала на полъ маленькая, аптекарская баночка. На днѣ ея виденъ былъ не большой остатокъ бѣло-желтоватаго порошка.

— Кто бросилъ эту баночку? спросилъ слѣдователь.

— Я, отвѣчалъ Р.

Оказалось, что Р. упросилъ полицейскаго чиновника подать стаканъ воды. Когда стаканъ былъ поданъ, Р. выпилъ воду, и вдругъ бросилъ банку. Изъ банки онъ, должно-быть, тоже принялъ что-нибудь, но это было сдѣлано такъ быстро, что нельзя было успѣть выхватить банку.

— Что такое было у васъ въ баночкѣ? спросилъ полицеймейстеръ, обращаясь къ Р.

— Ничего, отвѣчалъ тотъ угрюмо:

Явно было, что Р. принялъ ядъ. Пospѣшили въ полицію; послали оттуда за городовымъ лѣкаремъ, стряпчимъ, отцемъ Р. и католическимъ священникомъ; взяты и приведены порознь: хозяйка домика, гдѣ былъ арестованъ Р. и дочь ея.

Въ засѣданіи полного состава полиціи, при стряпчемъ, слѣдователь передалъ: преступника, актъ о продажѣ жемчуга, самый жемчугъ, пистолетъ, паспортъ на выѣздъ вновь за границу, три новыхъ шолковыхъ платка, аптечную баночку и куски обломковъ отъ перстней и колець, изъ которыхъ брилліанты были уже вынуты. При этомъ полицеймейстеръ предлагалъ обратить вниманіе и на жилетъ Р. (Тожество его съ

похищеннымъ у С—и подтверждено въ послѣдствіи самимъ С—и, а потомъ портнымъ, который шилъ жилетъ.)

Тотчасъ приступлено было къ отобранію допроса. Въ это время пріѣхалъ докторъ и, осмотрѣвъ баночку, объявилъ, что по наружному виду не возможно опредѣлить достоверно оставшагося на двѣ порошка; но что онъ похожъ на мышьякъ. Тотчасъ назначена была мыльная вода съ яичными бѣлками и другія домашнія противоядія. Лѣкарь между тѣмъ, поспѣшилъ съ баночкою въ аптеку, положительнѣе дознать, точно ли это мышьякъ, и за тѣмъ добыть болѣе дѣйствительный антидотъ.

Отецъ Р. не появлялся. За нимъ вновь былъ посланъ чиновникъ полиціи съ объясненіемъ, въ какомъ положеніи его сынъ. Но чиновникъ, возвратясь, объявилъ, что отецъ Р. отвѣчалъ ему грубостью и угрозами.

У преступника начали показываться припадки, доказывавшіе несомнѣнно, что онъ принялъ ядъ. Только тогда уже, и то съ величайшимъ трудомъ, удалось убѣдить его принимать пособія. До того онъ утверждалъ упорно, что баночка была пустая у него въ карманѣ, и онъ бросилъ ее, какъ не нужную. И теперь, онъ не хотѣлъ сказать, какой ядъ принялъ.

— У меня просто дурнота, говорилъ онъ, когда, начинали показываться припадки отравленія.—Я нынче съ утра лишнее выпилъ.

Преступникъ помѣщенъ былъ на постель, въ особой комнатѣ. Въ промежуткахъ отъ припадковъ успѣли кончить допросы; дали очныя ставки съ двумя женщинами, у которыхъ онъ былъ задержанъ.

Въ продолженіи этого времени возвратился докторъ и объявилъ, что по испытанію надъ остаткомъ порошка оказалось, что въ баночкѣ былъ точно мышьякъ. Докторъ просилъ ласково принять антидотъ и сказать: сколько онъ принялъ порошка, и былъ ли это одинъ мышьякъ, или смѣшанъ съ чѣмъ-нибудь.

Р. отвѣчалъ грубо и съ ожесточеніемъ: «Ну да! мышьякъ, чистый, и столько, что девять лошадей не вынесутъ этой порціи: отойдите отъ меня прочь, съ вашимъ антидотомъ!»

Однако, при усилившихся припадкахъ, страдая невыносимою жаждою, Р. пилъ все, что ему подавали. Такимъ образомъ успѣли давать ему лѣкарства; поставили также пивокъ на животъ.

На допросѣ и очныхъ ставкахъ преступникъ продолжалъ утверждать, что получилъ жемчугъ въ подарокъ отъ одной дамы

въ Марсель. Потребовали, чтобъ онъ сказалъ имя дамы, и опредѣлили время, когда полученъ подарокъ; тогда онъ началъ утверждать, будто жемчугъ купленъ имъ за безцѣнокъ у неизвѣстнаго матроса, на пристани въ Бокка-ди-Каттаро; то же сказалъ и о черномъ атласномъ жилетѣ. А о шелковыхъ платкахъ сначала говорилъ, что вовсе ихъ не знаетъ. Ему сказали, что безбожно наконецъ вовлекать въ отвѣтственность за убійство и грабежъ бѣдную женщину, которая, быть-можетъ, все не зная того, принимала его къ себѣ въ домъ.

— Ну, коли такъ, пишите, сказалъ онъ,—что платки точно мои, но что я купилъ ихъ у неизвѣстнаго мнѣ Грека.

Пока отбирались допросы отъ женщины, слѣдователь предложилъ католическому священнику войти къ Р., исповѣдать, причастить его, и попытать склонить къ чистосердечному сознанию. Но Р., съ крайнимъ ожесточеніемъ разбилъ священника и требовалъ, чтобы тотъ немедленно вышелъ вонъ.

Слѣдователь вошелъ къ преступнику, старался пробудить въ немъ сознание въ преступленіи и раскаяніи.

— Отойдите отъ меня съ вашимъ непрошенымъ участіемъ, отвѣчалъ Р.—Еслибы вы точно не хотѣли губить меня, я бы не былъ въ теперешнемъ положеніи.

— Я долженъ былъ васъ преслѣдовать какъ преступника, по долгу своему, отвѣчалъ слѣдователь.—Но этотъ долгъ не препятствуетъ мнѣ сожалѣть о васъ, какъ о человѣкѣ; искренно желалъ бы я доставить вамъ возможность примириться съ Богомъ и совѣстію. Если вы не любите своего священника, не угодно, ли я пришлю къ вамъ другаго, православнаго?

— Дѣлайте чтò хотите.

Приглашенъ былъ православный священникъ, но то же не могъ смягчить ожесточенія Р. Оба священника, католическій и нашъ, дали отъ себя въ полицію, къ этому дѣлу, письменныя свѣдѣнія.

Изъ повального обыска открылось, что передъ убійствомъ работницы С.—и, Р. не имѣлъ вовсе денегъ и не рѣдко занималъ ихъ даже по 20 копѣекъ, а послѣ случившейся покражи, онъ гулялъ и тратилъ деньги по кофейнямъ и трактирамъ.

Не взирая на всѣ употребленныя противодія, на все возможное стараніе доктора и безостановочное попеченіе его помощника, на другой день преступникъ умеръ, не открывъ соучастника.

Оставалось вытребовать изъ На-на продавца, такъ неудачно

тамъ обысканнаго и допрошеннаго. Спустя мѣсяцъ послѣ смерти Р., онъ былъ доставленъ. Показанія его и здѣсь были тѣ же, что и въ на-нскомъ магистратѣ. Онъ говорилъ притомъ, что преступника Р. вовсе не знаетъ, и никогда не видалъ. Спросили его: гдѣ и съ кѣмъ онъ былъ въ ночь убійства. Онъ отвѣчалъ, что провелъ ту ночь въ Р—вѣ у тамошняго полицейскаго солдата. Къ этому прибавлялъ, что наканунѣ его видѣли тамъ двое жителей, такіе-то. А въ Т—гѣ, говорилъ онъ (гдѣ совершилось убійство), вовсе и не былъ съ прошлаго года.

Послано требованіе въ Р—ую полицію о произведеніи дознанія подъ присягою: точно-ли К—въ, на 26 мая, ночевалъ въ Р—вѣ у полицейскаго солдата, и точно ли того числа видѣли его тамъ въ питейномъ домѣ названные имъ мѣщане? Требуемо было также, чтобы составили о К—вѣ повальный обыскъ, и увѣдомили, за что онъ содержался въ тюрьмѣ и отданъ на поруки.

Отвѣтъ не замедлилъ.

Изъ присланнаго повальнаго обыска поведеніе К—ва оказывалось чрезвычайно развратнымъ Р—овская полиція прибавляла, что въ тюрьмѣ К—въ содержался по подозрѣнію въ воровствѣ, и дѣло о томъ еще не окончено. Но тѣмъ не менѣе, по присяжному дознанію, произведенномъ въ Р—вѣ, подтверждалось, что въ ночь убійства, К—въ дѣйствительно будто находился у названнаго имъ полицейскаго солдата, и наканунѣ будто дѣйствительно видѣли его въ Р—вѣ извѣстные два жителя.

Однако же подъ рукой извѣстно было, что видѣлъ К—ва во дворѣ у отца одинъ достойный довѣрія человекъ Р., за два дни до убійства. Какъ было изобличить преступника? И какъ опровергнуть присяжное подтвержденіе его словъ, данное Р—вскими жителями? Новыя присяжное дознаніе было бы для суда неудовлетворительнымъ: пребываніе К—ва въ Р—вѣ въ ночь убійства подтверждено троими свидѣтелями, а противное тому показывалъ бы одинъ свидѣтель. Сочтено было лучшимъ обратиться къ другому способу открытія.

Самое удобное, скорое и дешевое сообщеніе Т—га съ Р—ономъ, производилось посредствомъ парохода. Полиціймейстеръ обратился къ начальнику парохода и просилъ доставить полную выписку обо всѣхъ пассажирахъ за недѣлю до убійства, и за двѣ недѣли послѣдующія.

Выписка показывала, что на другой же день по совершеніи убійства у С—и, и не однократно послѣ того (на пароходѣ) въ числѣ пассажировъ были Р. и К—въ. Этимъ прямо опровергалось присяжное показаніе, будто-бы К—въ былъ въ Р—въ, въ ночь, когда сдѣлано Т—гское убійство. А съ другой стороны, этимъ очевидно доказывалась связь обоихъ преступниковъ. Знакомство ихъ подтверждалось еще и тѣмъ, что К—ва, видывали въ дворѣ отца Р. Все это было введено въ дѣло.

Между тѣмъ о самомъ Р. наведена была справка въ карантинѣ, когда онъ возвращался изъ Константинополя, былъ ли въ числѣ вещей его жемчугъ? По увѣдомленію карантина въ числѣ вещей Р. никакого жемчуга не было.

Потомъ открыто было еще, что убитая у С—и женщина, года за три, жила въ работахъ у отца Р.,

Въ этомъ видѣ, дѣло, вмѣстѣ съ оставшимися въ живыхъ преступникомъ, препровождено было въ судъ.

Должно прибавить, что отецъ Р., въ продолженіи хода дѣла, подавалъ неоднократныя жалобы. Какъ консулъ уважаемой державы, онъ имѣлъ большую силу. По жалобамъ его послѣдовала даже нарочная ревизія дѣла, посредствомъ особаго чиновника. Но при способѣ, какимъ произведено было слѣдствіе, навѣты отца Р. естественно должны были остаться безъ слѣдствій.

Приведенные примѣры слѣдствій, какъ намъ кажется, достаточно могутъ убѣдить, что при внимательности слѣдователя виновный рѣдко можетъ укрыться отъ правосудія, особенно когда преступленіе довольно важно. Они же показываютъ, что какъ ни затруднительны, правда, существующія у насъ правила для слѣдствій: однакожь они не представляютъ *неодолимой* помѣхи къ изобличенію преступника. Можно сказать навѣрное, что большинство неудовлетворительныхъ слѣдствій, т. е. такихъ, въ которыхъ преступникъ остается не открытымъ, должно приписать безпечности или неспособности слѣдователя. Навѣрное что-нибудь было упущено изъ вида, иногда какая-нибудь мелочь; но часто и мелочь, какъ читатель видитъ изъ нашихъ разказовъ, можетъ вести къ важнымъ открытіямъ. Въ собственной моей дѣятельности, я всегда руководствовался слѣдующею, составленною для себя программой: Я старался по возможности опредѣлить, время преступ-

ленія, когда оно совершено? Если можно, — опредѣлить даже минуту изслѣдуемаго событія; 2, мѣсто: гдѣ? со всѣми топографическими подробностями и точностью; 3, послѣдствія и характеръ событія: кѣмъ, чѣмъ, надъ кѣмъ, или надъ чѣмъ сдѣлано преступленіе? 4, характеръ и предшествовавшую жизнь жертвы и подозреваемаго; 5, возможные побудительныя причины, психологическую естественность событія и сопровождавшихъ его обстоятельствъ; 6, вещественныя признаки, улики и доказательства виновности или безвиновности подозреваемаго. Я спѣшилъ притомъ всегда идти по горячимъ слѣдамъ, не откладывая дѣла ни на минуту, и съ тою же поспѣшностію старался изслѣдовать тотчасъ всякое новое, представлявшееся въ дѣлѣ обстоятельство. Результаты бывали всегда удачныя.

Въ началѣ статьи мы уже намекнули, что если иногда и случается трудность и даже опасность въ изслѣдованіи преступленія, то она зависитъ все-таки отъ того, что не приняты вовремя предупредительныя противъ преступленій мѣры, ясно указанныя въ законѣ. Прибавимъ здѣсь, что еслибъ эти мѣры въ точности исполнялись полиціей, то конечно не только число дѣлъ сомнительныхъ, по которымъ виновныхъ не отыскивается, но и вообще число всѣхъ уголовныхъ дѣлъ уменьшилось бы, по крайней мѣрѣ, на половину, если не болѣе. Впрочемъ, пусть и здѣсь говорятъ за высказанную мысль живые факты.

Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, мнѣ довелось быть членомъ тюремнаго комитета въ городѣ, имѣвшемъ менѣе ста тысячъ жителей. Сравнивая число ежегодно заключаемыхъ подъ стражу въ этомъ городѣ, съ подобнымъ же числомъ въ другомъ, имѣющемъ болѣе 400,000 жителей, я пришелъ къ странному выводу. Пропорціонально населенію, въ нашемъ городѣ ежегодно заключалось въ тюрьму почти въ семнадцать разъ больше чѣмъ въ городѣ, имѣющемъ до 400.000 жителей.

Что значить эта безпримѣрная разность статистическая? думалъ я. Число арестантовъ простирается въ годъ почти до $\frac{1}{2}$ всего народонаселенія! Не изъ чего нельзя было заключить, чтобы нравственность жителей вообще здѣсь была хуже чѣмъ въ другихъ городахъ.

По внимательномъ изслѣдованіи оказывалось, что безпримѣрное статистическое явленіе, могшее подать поводъ къ плачевнымъ заключеніямъ о народной нравственности, зависѣло

просто отъ невѣжества и безпечности полицейскихъ мѣстъ и лицъ. Въ тюрьму заключались лица зря, а не на основаніи точныхъ правилъ закона. Оказывалось, напримѣръ, что какая-нибудь неграмотная женщина, взятая за представленіе непринадлежащаго ей вида, содержится болѣе пяти лѣтъ съ груднымъ ребенкомъ: ребенокъ даже и умеръ въ тюрьмѣ! Какая-нибудь вдова губернскаго секретаря сидитъ за купленное ею на три рубля бѣлье, оказавшееся воровскимъ. Словомъ, оказывалось, что однихъ заключенныхъ собственно за просрочку и неимѣніе законныхъ видовъ, слѣдственно въ противность 556, 587 и 593 статьямъ Устава о паспортахъ и бѣглыхъ, содержалось постоянно до 200 человекъ и болѣе. Оказывалось потому, что въ тюрьмѣ есть цѣлое отдѣленіе подъ названіемъ бродяжескаго, опять въ нарушение упомянутой 593 статьи, по которой бродягъ вовсе не должно содержать въ тюрьмѣ, а слѣдуетъ распредѣлять годныхъ къ работѣ въ арестантскія роты, а стариковъ, женщинъ и дѣтей передавать въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія.

Итакъ, съ одной стороны, полиція являла неосновательную поспѣшность во взятіи мирныхъ лицъ подъ стражу, безъ достаточныхъ основаній. А съ другой, та же полиція смотрѣла сквозь пальцы на ежедневное нарушеніе того, что было законнымъ предметомъ ея обязанностей. А это опять влекло за собою чрезмѣрное наполненіе тюремъ. Напримѣръ, полицейскіе дозоры каждую ночь забирали большое число людей за нетрезвость. Но въ то же время, въ питейныхъ и трактирныхъ заведеніяхъ, допускалась торговля не только позднѣе законнаго срока, но и не ограниченно, на всю ночь.

И потому, питейная торговля допускалась днемъ и по ночамъ не только въ мѣстахъ, дозволенныхъ закономъ, но повсюду, въ трактирахъ, кофейняхъ, винныхъ погребахъ, и т. п.

Далѣе, въ торговые и праздничные дни, на базарахъ и на рынкахъ, безпрепятственно продавались старья, и въ числѣ ихъ, краденая вещи. Источникъ зла легко было открыть, но онъ оставался какъ бы незамѣченнымъ. Большая часть краденаго продавалась солдатами, и стоило только, по сношенію съ военными командами, ввести въ силу узаконенное въ *Сводѣ Военныхъ Постановленій*, правило, чтобы нижніе чины не выносили на продажу ничего, безъ ясной записки, за подписомъ и съ печатью своего офицера.

Мы указали только на случаи невѣжества и безпечности въ исполненіи обязанностей. Если же бы подробно коснуться другихъ случаевъ, гдѣ другія, гораздо менѣе благовидныя побужденія были причиной злоупотребленій, то еще яснѣе открылось бы, какимъ громаднымъ вліяніемъ можетъ отзываться невниманіе полиціи къ своимъ обязанностямъ. Открылось бы, какъ много содѣйствуетъ это невниманіе къ проволочкѣ пустыхъ дѣлъ; на сколько, въ то же время, отнимаетъ оно этимъ самымъ досуга заняться должнымъ образомъ дѣлами дѣйствительно важными. Открылась бы потомъ истинная причина, почему большинство уголовныхъ слѣдствій производится у насъ неудовлетворительно; а затѣмъ само собою оказалось бы, гдѣ лежитъ, какъ по крайней мѣрѣ мы думаемъ, ближайшая причина неудовлетворительности всего нашего уголовного судопроизводства.

Отдѣленіемъ слѣдственно-судебной части отъ полиціи сдѣланъ важный шагъ. Для болѣе полнаго успѣха этой самой мѣры, и вообще въ видахъ улучшенія нашей полиціи, слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, дополнить сдѣланную реформу еще другимъ, болѣе спеціальнымъ распредѣленіемъ полицейскихъ обязанностей. слѣдовало бы, кажется, отдѣлить въ полиціи часть исполнительную отъ охранительной. Таково по крайней мѣрѣ мнѣніе, вынесенное нами изъ собственного семнадцатилѣтняго опыта.

На этомъ основаніи, полиція (или назовите это какъ хотите) раздѣлилась бы собственно на три независимые разряда: 1) полицію исполнительную, 2) охранительную и 3) слѣдственную. Первая занялась бы исполненіемъ начальственныхъ распоряженій, а также законныхъ требованій отъ равныхъ и подчиненныхъ мѣстъ и лицъ она же; представляла бы нужные отчеты и свѣдѣнія. Вторая обратилась бы исключительно къ охраненію порядка, безопасности, общественной нравственности и здоровья жителей, передавая дѣла о случившихся преступленіяхъ и происшествіяхъ чиновникамъ полиціи слѣдственной. Эта послѣдняя занималась бы только производствомъ слѣдствій.

Затѣмъ, для наполненія полиціи знающими и надежными дѣятелями, разумѣется, нѣтъ лучше средства, какъ провести начало спеціальности послѣдовательно сколько можно далѣе. А именно, полезно было бы постановить правиломъ, чтобы высшія полицейскія должности не иначе пополнялись, какъ отличившимися на низшихъ должностяхъ той же сферы, а не

изъ постороннихъ вѣдомствъ. Каждый чиновникъ полиціи тогда имѣлъ бы въ виду не одну занимаемую имъ должность, напримѣръ, надзирателя или становаго, но и возможность идти далѣе, по всѣмъ степенямъ полицейской службы. Тогда и люди съ отличными дарованіями не имѣли бы, какъ теперь, причинъ уклоняться отъ низшихъ полицейскихъ должностей.

Впрочемъ объ этомъ предметѣ можно бы еще наговорить много...

Н. Полозовъ.

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ

I.

ФИЗИОНОМИИ И СИЛЫ.

О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благославляя?

Жуковский.
Наперечетъ сердца благія,
Которымъ родина свята.

Некрасовъ.

Я живу теперь жизнію уединенною, семейною и свободною, разумѣя это слово въ смыслъ свободы домашней. Въ выборѣ мѣста моего пребыванія, я руководствуюсь собственными своими соображеніями, по крайней мѣрѣ до сего времени. Если чтеніе, или какая-нибудь работа сильно занимаютъ меня, я не прерываю ихъ неспѣшнымъ бѣгствомъ изъ дому для дѣла никому не нужнаго; напротивъ, я выхожу со двора когда хочу, и отправляюсь туда, гдѣ меня ожидаетъ удовольствіе или польза. Добровольно подчиняюсь обязанностямъ, признаваемымъ мною за разумныя, я отстраняю отъ себя тѣ, исполненіе которыхъ есть, по моему убѣжденію, не что иное, какъ пустая, рутинная обрядность, не приносящая пользы ни мнѣ, ни другимъ.

Словомъ, я сложилъ съ себя узы и свѣтскія и офиціальныя. Это мнѣ стоило труда, потому что онѣ отъ времени перепутались ужасно и, во многихъ мѣстахъ затянувшись крѣпкими и толстыми узлами, тѣснили и давили меня самымъ непріятнымъ образомъ.

Замѣчательно и странно то, что по освобожденіи отъ этихъ узъ, первое испытанное мною ощущеніе было чисто матеріальное. Я немедленно почувствовалъ желаніе и возможность увеличить размѣръ своихъ шаговъ, и дѣлать во время разговора новые жесты, которые показались мнѣ тогда довольно выравнительными и даже смѣлыми. Мѣсяцевъ черезъ пять послѣ того какъ я подарилъ слугѣ свой виць-мундиръ, сдѣлавъ, разумѣется, предварительное распоряженіе, чтобъ онъ споролъ съ него пуговицы, я получалъ, неожиданно для себя и безъ пособія всякихъ уроковъ, способность плавать, которой добивался постоянно, но безуспѣшно до тридцати шестого года моей жизни. Я убѣжденъ, что умѣнье плавать пришло бы ко мнѣ на другой день послѣэтого подарка, если бы я могъ сдѣлать его въ концѣ мая, а не въ началѣ января. Послѣ, попривыкнувъ уже къ ощущенію тѣлеснаго благосостоянія, я началъ замѣчать въ себѣ большую противъ прежняго живость чувствъ и развязность мыслей.

Скоро минетъ три года съ того дня, какъ измѣнился образъ моей жизни. На досугѣ и вдали отъ прежнихъ бесплодныхъ тревогъ, я успѣлъ одуматься и оглядѣться и, если не ошибаюсь, насчетъ того, что видѣлъ прежде и вижу теперь, имѣю сказать кое-что не лишнее, быть-можетъ, интереса.

Приступая къ составленію своихъ замѣтокъ, я чувствую необходимость прежде всего отдѣлаться отъ неотступно преслѣдующей меня фивіономіи нашего общества. Уже давно кругъ моего знакомства сдѣлался весьма ограниченъ, такъ что портреты лицъ, съ которыми я связанъ взаимною дружбой или уваженіемъ, могли бы занять пространство одной и то неполной стѣны моего кабинета, причемъ они, конечно, послужили бы ему лучшимъ украшеніемъ; но такъ было болѣзненно и глубоко впечатлѣніе, произведенное нѣкогда на меня толпою самыхъ разнородныхъ личностей, среди которыхъ я вращался по моимъ прежнимъ житейскимъ отношеніямъ, что оно до сихъ поръ не можетъ во мнѣ изгладиться. Вообще моимъ читателямъ не трудно будетъ замѣтить, что я прожилъ не даромъ въ этомъ обществѣ около двадцати лѣтъ

сряду. Мнѣ вспомнилась по этому случаю полированная, металлическая поверхность, являющая иногда изображеніе прежде лежавшаго на ней тѣла, о которой говоритъ Льюисъ въ своихъ прелестныхъ очеркахъ животной жизни; такъ ясность той нравственной сферы, въ которой живутъ теперь мои помышленія, тускнѣеть, когда повѣтъ на нее прошедшимъ, и на моей душѣ какъ будто выступаютъ пятна, слѣды тѣхъ грубыхъ прикосновеній, которыми она когда-то подвергалась.

При изученіи произведеній художниковъ всѣхъ странъ и вѣковъ, замѣчено, между прочимъ, что духъ времени и нравы налагаютъ свою печать на физиономію человѣка, такъ что одна эпоха представляетъ намъ такое-то преимущественно выраженіе лица и даже такіа-то въ особенности черты; въ другую, эти черты и это выраженіе уже смѣняются иными. У насъ, въ былое время,—въ то время, о которомъ еще столь многіе сосредоточенно вздыхаютъ и теперь,—у насъ отличительный и прочно установившійся характеръ физиономіи состоятъ, по моему мнѣнію, въ отсутствіи духовности выраженія.

То выраженіе духовности, о которомъ я говорю, бываетъ плодомъ умственной дѣятельности, составляющей и святое, неприкосновенное право, вполне сознаваемое, и насущную потребность, безъ которой жизнь невозможна, въ которой заключается вмѣстѣ и обычный, благородный трудъ, и вѣчно-свѣжее, высокое наслажденіе. Оно бываетъ плодомъ глубокаго, нравственнаго чувства, богатства познаній, независимости и силы убѣжденій,—наконецъ сознанія своего достоинства, какъ гражданина своей страны и какъ человѣка. Стало-быть понятно, почему наше общество не носило на себѣ печати этой красоты, хотя и могло изобиловать образцами красоты чисто-физической; и дѣйствительно, въ немъ попадались, чуть ли не на каждомъ шагу, такіе стройные и эффектные красавцы, что смотрѣть на нихъ было даже совѣстно и какъ-то неловко.

Жизнь и дѣятельность въ то время были двоякія: одна жизнь текла широко и безпрепятственно по всему безграничному пространству нашей русской равнины, подъ открытымъ небомъ, торжественна и видима для всѣхъ; другая пробиралась тайно, въ сторонѣ и въ тѣни, какъ источникъ, который сочится почти непримѣтно сквозь землю, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, да и то въ минуты всеобщаго безмолвія, даетъ

о себѣ знать боязливымъ журчаньемъ; одна дѣятельность была смѣла, откровенна, отважна, сильна и почетна; другая—робка, стыдлива, слаба и, по общему мнѣнію, презрѣнна. Первая жизнь и первая дѣятельность принадлежали почти всей массѣ нашего общества; это доказывается ихъ привилегированнымъ характеромъ. Другая жизнь и другая дѣятельность были удѣломъ лучшихъ людей, то-есть ничтожнаго меньшинства, о которомъ поговорю въ свое время; а теперь обращусь къ огромному большинству, которое, на основаніи его огромности, и буду называть обществомъ. Итакъ лица, его составлявшія, пользовались тою общою всѣмъ имъ выгодой, что жизнь ихъ была признана, по крайней мѣрѣ не оспорена, а дѣятельность, такъ-сказать, патентована. Но все же эта дѣятельность обращена была на различные предметы, и проявлялась не совсѣмъ одинаково; точно также и образъ жизни цѣлаго общества не былъ вполнѣ однообразенъ, а потому оно могло быть раздѣлено на разряды. По личному впечатлѣнію, произведенному на меня умственною и нравственною жизнью нашего тогдашняго общества, оно представляется мнѣ состоявшимъ въ то время изъ четырехъ разрядовъ, которые впрочемъ не отдѣлялись другъ отъ друга границами рѣзко обозначенными. Напротивъ, часто одно лицо, въ различные фазы своего существованія, переходило послѣдовательно изъ одного разряда въ другой; или принадлежало, по многообразнымъ своимъ свойствамъ, къ двумъ или тремъ разрядамъ вмѣстѣ.

Къ первому разряду относилось несмѣтное число нашихъ соотечественниковъ, ставящихъ въ тупикъ всякаго, кто захотѣлъ бы сдѣлать ихъ опредѣленіе. О нихъ весьма удобно молчать, но сказать хоть что-нибудь необыкновенно трудно. Да что могли бы сказать намъ сами члены этого громаднаго отдѣла нашего общества? Еслибы мы, вступивъ въ разговоръ съ однимъ изъ нихъ, пожелали узнать, напримѣръ: каковы его познанія? онъ показалъ бы намъ аттестатъ учебнаго заведенія, нерѣдко высшаго, въ которомъ онъ воспитывался и учился;—какого онъ мнѣнія о положеніи своего отечества? онъ намъ сказалъ бы, что при сдачѣ своего дежурства, имъ поданъ рапортъ, что все обстоитъ благополучно;—какого онъ мнѣнія о самомъ себѣ? онъ угостилъ бы насъ цитатою изъ своего формуляра или кондуктнаго списка;—какая польза отъ его службы? онъ намъ объявилъ бы о своемъ чинѣ, и указалъ бы на знаки отличія;—въ чемъ состоятъ его нравственныя убѣжденія? онъ

съ гордостью объяснилъ бы намъ, что наказаніямъ и штрафамъ по суду и безъ суда не подвергался;—какая цѣль его жизни? на это онъ намъ не отвѣтилъ бы ничего, или можетъ-быть отвѣтилъ бы, что радъ стараться.

Вы видите, что попытка наша опредѣлить, въ чемъ состояла общественная дѣятельность этихъ людей, равнявшихся своею числительностью цѣлому населенію какой-нибудь европейской державы, привела бы насъ къ одному указанію на бессознательную, механическую работу и на исполненіе многочисленныхъ внѣшнихъ обрядностей; и что плодомъ изученія ихъ внутренней, духовной жизни могло бы быть не что иное, какъ дневникъ процесса ихъ физическихъ отправленій. При всемъ томъ я долженъ сознаться, что привыкъ останавливаться на этихъ людяхъ съ нѣкоторымъ спокойствіемъ, потому во-первыхъ, что такъ какъ въ нихъ ничего нѣтъ, то на нѣтъ и суда нѣтъ, по русской пословицѣ; а вовторыхъ, что если ужъ непременно надобно отыскать въ нихъ хорошую сторону, то въ этомъ безмолвіи и бездѣйствіи, въ этомъ-то отсутствіи всего, она именно и заключается. Спасибо имъ и за то, что въ пылу своихъ упражненій они не заносили ни локтя, ни ноги въ миниатюрную область нашей нравственной и умственной жизни. Вѣдь этихъ ногъ и локтей не перечесть. Что жъ бы случилось съ этою областью, еслибы вздумали въ ней расползаться и хозяйничать всѣ ненужные для нея члены человеческого тѣла?

Перейдемъ къ разряду второму. Къ нему принадлежали люди, точно также ничего не значащіе и ничтожные, но только въ другомъ родѣ. Эти слышали, что въ другихъ странахъ бываютъ и мыслители, и общественные дѣятели, а потому, обладая еяльною долей самолюбія и въ особенности ничѣмъ неутолимою жаждой разныхъ почестей, они приняли на себя роль и тѣхъ и другихъ. Вслѣдствіе этого, оказалось нужнымъ изъ приличія и для виду предъявить претензіи на познанія, мысли, высшія соображенія, и т. п. Но дѣло въ томъ, что они остались при одной только претензіи на всѣ эти качества, которыхъ у нихъ все-таки не было, а если и были, то въ какомъ-то извращенномъ образѣ. Люди втораго разряда похожи на тѣ зеркала, въ которыхъ находящіеся въ действительности предметы отражаются кверху ногами и въ маленькомъ видѣ. Этотъ крошечный разрывъ понятій и мыслительныхъ способностей, эта мышьяная хлопотливость, эти

серные труды и сюрпризы, изобрѣтаемые въ видахъ общественной пользы, составляли въ нихъ черту тѣмъ болѣе паразитическую, что, занимаясь подобнаго рода дѣятельностію, они смотрѣли на нее какъ на нѣчто важное, прочное и обширное.

Мнѣ кажется, что умъ тысячи такихъ головъ можно было бы размѣстить по головкамъ полсотни карликовъ, безъ всякаго для нихъ отягощенія.

Но за то, что касается до суетливости, хитрости, наглости и злости, то каждая изъ такихъ особъ обладала этими свойствами въ той мѣрѣ, какая придется на десять самыхъ избалованныхъ и капризныхъ дамскихъ собачекъ.

Когда мнѣ, бывало, случилось видѣть одного изъ этихъ господъ, озабоченнаго и утомленнаго, трудящагося безъ устали, или, какъ говорится, неуспынно, я вспоминалъ о встрѣтившейся мнѣ на улицѣ дурочкѣ, старой, жалкой, но также весьма трудолюбивой. Ползая по мостовой, она подбирала валявшіяся щепочки, тряпочки, прутики, бумажки, и бережно клала ихъ къ себѣ въ подолъ; потомъ заходила куда-нибудь во дворъ и тамъ опять рылась въ кучкахъ сора и навоза; находила въ нихъ какую-нибудь ленточку или пуговку и отправлялась дальше, запыхавшись, утомленная, безъ умолку разсуждая сама съ собою и глядя въ землю бессмысленнымъ взглядомъ, ни разу не поднявшимъ на сверкавшее надъ нею чистое, безоблачное небо. И, вспоминая о ней, я смотрѣлъ на общественнаго дѣятеля и думалъ: станьте рядомъ, ты и она, и совершайте путь вашей жизни вмѣстѣ; она, ковыляя, а ты, выходящая важно; она въ общипанномъ, коротенькомъ салопѣ, а ты въ блестящемъ костюмѣ; она, преслѣдуемая криками мальчишекъ, а ты, сопутствуемый хвалебными гимнами соотчичей; дорога и тебѣ и ей одна; ступайте же дружно, рука въ руку; и когда дойдете до могилы, мы положимъ васъ рядомъ, ее въ салопчикѣ, тебя въ костюмѣ, и воздвигнемъ надъ вами одинъ, общій холмъ изъ всего, что вы оба такъ нѣжно при жизни любили; тамъ будутъ и тряпочки, и ленточки, и пуговки, и бумажки, и много, много всякаго сора и всякаго хлама.

Къ третьему разряду я отношу людей, отличавшихся отъ бюрократическихъ теоретиковъ и идеалистовъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, болѣе спокойнымъ и практическимъ взглядомъ на жизнь, не лишеннымъ однако, въ извѣстныхъ случаяхъ, нѣкоторой поэзіи и сентиментальности. Въ многолюдныхъ собраніяхъ и на перекресткахъ они громко провозглашали себя

вѣрными слугами и сынами отечества, при чемъ ударили себя въ грудь съ истиннымъ самоотверженіемъ, или подымали къ небу слезливые глаза. Кромѣ этихъ театрално-наглыхъ приемовъ, отъ которыхъ, странное дѣло! въ то время не коробило даже и того, кто не былъ охотникомъ до публичныхъ непристойностей, они намъ еще оставили въ наслѣдство особое ученеіе о патриотизмѣ, не допускавшее въ этой добродѣтели участія ни головы, ни сердца. За то, по ихъ словамъ, они всегда готовы были положить за Русь святую *своей жизнью* и все свое достояніе на *алтарь* любезнаго отечества. Мнѣ кажется, что они, какъ люди по преимуществу практическіе, принимали слово алтарь въ буквальномъ смыслѣ и, когда дѣло шло объ общей пользѣ, они не хотѣли класть пожертвованій изъ своего кармана ни на какое другое мѣсто, какъ именно на воздвигнутый гдѣ-то отечественный алтарь. Разговоръ ихъ не отличался разнообразіемъ; въ немъ слышались все одни и тѣ же слова, но слова эти были звучны: родина, добродѣтель, покорность, честь русскаго имени, религія, присяга, порядокъ, долгъ. Эти слова, подобно колодѣ картъ въ рукахъ искуснаго игрока, съ помощью подтасовки и передергиванья приносили имъ великія выгоды. Многіе изъ вѣрныхъ сыновъ отечества, усердствуя на разныхъ поприщахъ общественной или частной дѣятельности, основали свое благосостояніе на развратѣ и нищетѣ народа. Тогдашнее общество могло бы назвать ихъ весьма мѣтко патриотами-шулерами, еслибъ оно уже не дало имъ другаго названія—благонамѣренныхъ людей.

Четвертый разрядъ составляло многое множество людей, о которыхъ говорить также очень трудно, но не потому чтобъ о нихъ нечего было сказать какъ о людяхъ перваго разряда, а по другой причинѣ. Приступая къ нимъ, надобно сладить сперва съ чувствомъ стыда и отвращенія, которое нахлынетъ и отуманитъ васъ при одномъ къ нимъ приближеніи; надобно вооружиться рыбимъ хладнокровіемъ, чтобъ опредѣленіе свойствъ этихъ людей не перешло въ негодованіе и проклятіе.

Повидимому единственная задача ихъ жизни состояла въ истребленіи всего, чтд чловѣку дорого и свято. Поприщемъ для своихъ разрушительныхъ подвиговъ они избрали то, которое было поближе, подъ рукою — свое отечество. И они были дѣятельны. Они выходили на нашу умственную ниву рано, до звѣзды; и рукой нечистою и безчестною обращали ее въ пустыню, вырывая одинъ за другимъ всѣ богатые,

зрѣвающіе колосья, и любясь на тѣ, которые уже чахли и умирали, заглушенные терніемъ и сорною травой. Вся жизнь этихъ людей была постояннымъ оскорбленіемъ челоѳического величія и поруганіемъ Божества. Они были позоромъ и бѣдствіемъ для нашего общества и вмѣстѣ справедливымъ ему наказаніемъ за то, что для созданія ихъ въ немъ нашлись и матеріалы, и орудія.

Прежде чѣмъ идти далѣе, постараемся успокоить волненіе, возмущающее нашъ духъ при одномъ воспоминаніи объ этихъ существахъ, въ которыхъ пользованіе званіемъ челоѳика представляется намъ дерзкимъ подлогомъ...

Итакъ, предоставляю судить каждому, каково должно быть выраженіе физиономій перваго, втораго, третьаго и четвертаго разрядовъ нашего общества. Мнѣ случилось однажды предаться вдоволь наученію этихъ выраженій. Это было въ академіи, на выставкѣ художественныхъ произведеній.

Образчики физиономій всѣхъ четырехъ отдѣловъ соединились тамъ въ одной, или въ двухъ залахъ, какъ бы нарочно для насощренія наблюдательности и въ назиданіе общества. Не помню только, въ которомъ именно это было году; кажется мнѣ, что тогда же въ другомъ мѣстѣ показывали азѣринецъ; впрочемъ, не ручаюсь за достовѣрность и этого указанія.

Впечатлѣніе, произведенное на меня выставкою портретовъ, было поразительно. Я прожилъ среди этихъ физиономій много лѣтъ, но никогда не были онѣ такъ хорошо мною поняты, такъ вѣрно разгаданы какъ теперь, когда я видѣлъ ихъ передъ собой воспроизведенныя на полотнѣ, приварженныя и разукрашенныя, предавшія мнѣ на свободный осмотръ каждую свою черту и принявшія на себя свое любимое выраженіе, преднамѣренно усиленное, чтобъ оно не ускользнуло отъ нашего вниманія. Это выраженіе такъ и осталось, неподвижное, неизмѣнное, неисправимое. Одинъ, напримѣръ, сохранить уже навсегда печать важности, ничѣмъ не оправдываемой, потому что тутъ же можно видѣть и другое выраженіе: отсутствіе истиннаго достоинства и благородства. Другой вѣчно будетъ смотрѣть куда-то въ сторону, съ общеизвѣстнымъ и, такъ-сказать, казеннымъ выраженіемъ храбрости, которая не имѣетъ никакой причины и останется безъ всякихъ послѣдствій, кромѣ развѣ проявленій грубости и насилія. Смотри на третьаго, принявшаго передъ живописцемъ видъ глубокомыслия и задумчи-

восте, мы видимъ ясно, что онъ все-таки ничего не успѣлъ выдумать до самаго послѣдняго сеанса, который, однако, весьма легко могъ быть двадцать пятимъ сеансомъ. Но два или три портрета меня особенно оскорбили. Какъ? подумалъ я, эти лица, эти головы принадлежать моимъ соотечественникамъ? Я уже начиналъ находить это невозможнымъ. Мнѣ пришло на мысль, что желчный и злобный художникъ написалъ не портретъ, а ядовитую насмѣшку надъ человекомъ, можетъ-быть, съ цѣлью уязвить наше національное чувство; но каково же было мое удивленіе, когда, среди этихъ тревожныхъ размышленій, я услышалъ слѣдующую французскую фразу: «oui, c'est ressemblant, mais c'est flatté!»

Пораженный этимъ замѣчаніемъ, я началъ всматриваться вновь, и съ другимъ уже настроеніемъ духа, въ весьма-знакомыя мнѣ черты, и мало-по-малу пришелъ самъ къ полному убѣжденію, что глядяшій на меня изъ рамки портретъ былъ дѣйствительно flatté.

И передъ такими портретами оставалась почти всѣ въ самомъ спокойномъ созерцаніи, безъ негодованія, безъ презрѣнія, даже безъ смѣха; напротивъ того, многіе, приближаясь къ нимъ, внезапно измѣняли свою развязную наружность и принимали видъ степенный и почтительный, какъ передъ живыми начальниками; или смотрѣли на эти лица съ завистью, и припоминали и высчитывали въ хронологическомъ порядкѣ всѣ событія ихъ жизни, которыя довели ихъ наконецъ до возможности обладать подобными физиономіями; а иные воспламенялись желаніемъ соревнованія и, въ надеждѣ на успѣшность собственной карьеры, присанивались и выпрямлялись, предпримчиво одергивая фалды, или стараясь съ достоинствомъ упрятать въ галстухъ свои глянцовитые подбородки.

Однажды я призадумался о значеніи и причинѣ того характера, который приняла наша портретная живопись, и мнѣ показалось, что школа, обращающая столь большое вниманіе и всю свою любовь на такъ-называемые аксесуары и, повидимому, вовсе пренебрегающая физиономіей и экспрессіей, обязана своимъ происхожденіемъ не одному только ложному взгляду на искусство, но и самому свойству физиономій. Представляя богатое содержаніе для живописца-сатирика, который захотѣлъ бы, подобно Гоголю въ *Ревизорѣ* и въ *Мертвыхъ Душахъ*, осмѣять пошлость и порочность нашихъ нравовъ, эти физиономіи не даютъ художественнаго матеріала для портре-

тиста, дѣло котораго состоитъ, разумѣется, не въ томъ, чтобы выставить на публичное осмѣяніе лицо, послужившее ему оригиналомъ. Въ этомъ случаѣ искусство ухватилося можетъ-быть невольнo и инстинктивно за то, въ чемъ находило для себя болѣе содержанія. Не съ отчаянія ли посвятило оно себя на воспроизведеніе, съ ужасающею вѣрностью и отчетливостью и съ микроскопическими подробностями, волосъ, сукна, кожи, мѣха, золота, серебра, и т. п.?

Вѣроятно, оно нашло въ бездушныхъ предметахъ болѣе красоты и жизни нежели въ живой физиономіи. Вещь оказалась лучше и интереснѣе человека. Вотъ почему живописная выдѣлка бобровыхъ воротниковъ доведена до такого совершенства, что надо, говорятъ, пересыпать ихъ на картинѣ табачкомъ и камфорой для предохраненія отъ моли, которую они могутъ ввести въ заблужденіе.

Впрочемъ такое направленіе искусства, прилагающее одни и тѣ же приемы ко всѣмъ лицамъ безъ разбора, не можетъ быть оправдано совершенно; въ немъ все-таки видна ремесленническая уступка пошлымъ требованіямъ и безвкусію современнаго большинства. Пожалуй, простительно позаботиться при отдѣлкѣ глазъ о вѣрномъ по всѣмъ правиламъ отраженіи въ нихъ какой-нибудь близъ стоящей вазы или лампы, но только въ такомъ случаѣ, когда у оригинала не оказывается другаго предмета, которому глаза служатъ обыкновенно зеркаломъ.

Безъ сомнѣнія, весьма многіе изъ моихъ читателей не были со мною на академической выставкѣ, а потому я желаю представить имъ, во сколько достанетъ у меня живописной силы и умѣнья, образцы нѣкоторыхъ физиономій, встрѣчавшихся въ обществѣ въ то бывшее время, о которомъ я говорю.

Фонъ моей картины изображаетъ поприще жизни. По немъ идутъ отдѣльно или группами лица разнаго рода, и притомъ съ различною цѣлью. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ никакой цѣли и просто прогуливаются по этому жизненному поприщу какъ по парку или плацъ-параду.

Остановимся прежде всего передъ этими разнаго званія людьми, идущими въ сторонѣ отъ прочихъ; они принадлежатъ къ семьѣ честныхъ, правдивыхъ людей и мыслящихъ дѣятелей на пользу своего отечества. Поклонимся же имъ съ искреннимъ и глубокимъ уваженіемъ. Чувство личнаго авторитета, ими пріобрѣтеннаго, успѣло дать ихъ выраженію нѣкоторую твердость и рѣшимость; но, всмотрѣвшись пристальнѣе, мы

замѣтимъ въ нихъ оттѣнокъ постоянной грусти и безпокойства. У нихъ нѣтъ непреклонной увѣренности въ своихъ силахъ и въ общемъ сочувствіи. Имъ не достаетъ вѣры въ торжество благороднаго дѣла. На лицахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ видна печать чего-то фаталистическаго, неизбѣжнаго. Кажется, они должны умереть, исчезнуть, не совершивъ и половины своего подвига.

Между этими лицами, болѣе или менѣе обществу извѣстными, находятся и такія, которыхъ я вовсе не знаю, но которыхъ знаете вы, читатель; есть и такія, которыхъ знаю я, но которыя неизвѣстны вамъ. Лѣта ихъ различны; есть между ними и сѣдоволосые старцы и юноши; но всѣхъ ихъ вмѣстѣ слишкомъ мало на нашей пошлой и мрачной картинѣ. Они составляютъ на ней меньшинство, о темной жизни и о боязливой дѣятельности котораго я упомянулъ выше. Нѣкоторые изъ нихъ, окруженные своими семействами, ушли на самый послѣдній планъ; другіе, совсѣмъ одинокіе, стоятъ также въ сторонѣ отъ общаго движенія, печальные, задумчивые, никому не нужные и всеми позабытые. Это люди, страдающіе тою нравственною болѣзнію, которая должна бы быть недугомъ цѣлой страны въ такое время, когда наслажденіе полнымъ здоровьемъ объясняется только тупоуміемъ или отвратительнымъ згоизмомъ. Но посмотрите на тѣхъ изъ нихъ, которые рѣшились смѣшаться съ толпою. Какъ походка ихъ робка и не ровна! Они то останавливаются, внимательно и безпокойно прислушиваясь къ окружающему ихъ говору; то скрываются въ толпѣ, старательно избѣгая встрѣчи и взоровъ прохожихъ; то ускоряютъ шагъ и идутъ прямо, безъ оглядки, съ какою-то судорожною торопливостью. По ихъ пугливымъ движеніямъ, по выраженію озабоченности и страха на нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, можно подумать, что на душѣ ихъ лежитъ преступленіе, которое давить ихъ совѣсть невыносимымъ гнетомъ и мѣшаетъ имъ и смотрѣть на свѣтъ и дышать свободно; они какъ будто находятся въ непрестанномъ, тревожномъ ожиданіи, что вотъ сейчасъ грянетъ обличающій голосъ и беспощадная общественная кара застигнетъ ихъ на пути и обрушится надъ ихъ головою. А между тѣмъ постарайтесь поймать выраженіе ихъ лицъ въ минуту спокойствія, отдохновенія и мимолетной радости. Какъ черты ихъ благородны и умны! Какое дышетъ въ нихъ неистощимое добродушіе! Какая сострадательность и горячая любовь къ человѣку! Но, видно, во время оно такими свой-

ствами не пріобрѣталось свидѣтельство на безпрепятственное жительство на бѣломъ свѣтѣ; видно эти люди, не успѣвшіе добиться авторитета, смотрѣли сами на себя какъ на какихъ-то беспаспортныхъ бродягъ; видно не считали они себя огражденными отъ разныхъ нападений

Въ ночи, которую теперь
Мірѣ доживаетъ бояливо,
Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человекъ бродилъ пугливо...

Перейдемъ къ рыскавшимъ свободно.

Различныя лица, на которыя я здѣсь укажу, конечно, не дадутъ полнаго понятія е физиономіи цѣлаго общества; это будутъ только нѣкоторые его представители, изболнчающіе своими чертами и выраженіемъ отсутствіе въ себѣ нравственныхъ началъ и умственной работы. Начнемъ хоть съ этой группы, состоящей также изъ стариковъ, людей зрѣлыхъ и юношей. Первые представляются намъ или въ видѣ потрескавшихся портретовъ, съ которыхъ выпѣбли и осыпались плохія краски, такъ что нельзя подмѣтить въ нихъ ни одной, хоть сколько-нибудь характерной, черты; или обладаютъ физиономіей, въ которой недостатокъ духовности выражается положительнымъ преобладаніемъ мяса надъ умомъ и притомъ съ наивною увѣренностію въ безусловномъ превосходствѣ перваго надъ послѣднимъ. Вторые имѣютъ выраженіе весьма несложное, безъ всякихъ тонкостей и безъ оттѣнковъ; это выраженіе круглаго ничтожества, соединеннаго съ полнымъ здоровьемъ. Всѣ согласны, кромѣ ихъ самихъ, что они могли бы служить приличными оригиналами для живописныхъ произведеній, украшающихъ наши улицы, не исключаая и тѣхъ, которыя изображаютъ нагихъ дикарей съ толетою, дымящеюся сигарой въ рукѣ и съ юшкой изъ бѣлыхъ перьевъ на бедрахъ. Третьи, по своей безцвѣтности, походятъ на издѣліе лишеннаго воображенія рисовальщика. Точно будто-бы какая-нибудь бездарная рука, захвативъ всѣми пятью пальцами сильно намусленный карандашъ, начертыва носъ, глаза, ротъ, не умѣла сладить съ лбомъ, но за то тщательно занялась выдѣлкою височковъ и бакенбардовъ. Эти всѣ на одно лицо, то-есть безхарактерны до безличности. Они не имѣютъ даже того обмана жизни, который замѣчается въ ихъ здоровенныхъ и болѣе зрѣлыхъ товарищахъ. Еще для

большаго контраста съ этими послѣдними, тутъ же, не вда-
 лясь отъ нихъ, мы видимъ лица истощенныя, оупутившія, со-
 всѣмъ разочарованныя въ возможности посоперничать въ тѣ-
 лесныхъ наслажденіяхъ съ какимъ-нибудь животнымъ, болѣе
 крѣпкимъ нежели человекъ. Далѣе: многочисленное собраніе
 физиономій, въ которыхъ выраженіе важности и глубокомыслія
 доведено до такого истиннаго комизма, что на нихъ нельзя
 смотрѣть безъ хохота. Нѣкоторыя изъ нихъ также утомлены,
 или, лучше сказать, хотять выразить: ахъ, какъ я утомленъ!
 Это тѣ общественные дѣятели, которымъ я предлагаю сумаш-
 едшихъ садопницъ въ помощницы и въ спутницы ихъ тре-
 вожной жизни. Вотъ еще лица до такой степени тупо-мечти-
 тельныя или нагло-покорныя, что вы можете легко оши-
 биться въ ихъ званіи, впрочемъ по моей винѣ, такъ какъ я
 не описываю, что на комъ надѣто—пальто или ливрея, и что
 у кого въ рукѣ: трѣсть ли съ богатымъ набабдашиникомъ, бу-
 лава ли привратника, или просто половая щетка. А вотъ фи-
 зиономія, пропитанная какимъ-то дряблымъ недовольствомъ и
 вялою, кислою тоскою по чемъ-то лучшемъ, но неопредѣлен-
 номъ. Если не ошибаюсь, утѣшить этихъ людей гораздо легче
 нежели это кажется имъ самимъ; еслибъ имъ дали деньжо-
 нокъ или какую-нибудь бездѣлку въ видѣ награды, я ду-
 маю, они бы внезапно почли себя счастливыми и просіяли.
 Вотъ еще физиономія, которая смотритъ такъ умильно и съ
 такимъ выраженіемъ благонамѣренности и почти дѣтской не-
 винности, что на всякій случай я совѣтовалъ бы людямъ, даже
 никогда не мыслящимъ, остерегаться говорить о чемъ бы то
 ни было съ ними или при нихъ, дабы не оскорбить какинъ-
 нибудь неосторожнымъ словомъ ихъ дѣвственной души и
 чистоты, и не навлечь на себя—отъ чего сохрани Боже!—ихъ
 нерасположенія.

Вотъ, наконецъ, послѣдняя группа, состоящая изъ людей
 разныхъ лѣтъ и разнаго званія. Остановимся на нихъ по-
 дальше. Обратите вниманіе на ихъ походку: у однихъ она
 важна до торжественности; у другихъ тверда и рѣшительна
 до бойкости и до буйства. Они смотрятъ прямо, во всѣ
 глаза и такъ самоувѣренно и смѣло, что, кажется, обладаютъ
 способностью вглядѣть на солнце, не щурясь и не жигая. Ихъ
 осанка выражаетъ полное спокойствіе совѣсти и сознаніе въ
 себѣ чего-то высшаго и прочимъ смертнымъ недоступнаго.
 Такой видъ,—да и то не такой, а поприличію и поскром-

нѣе,—могъ бы имѣть лордъ Грей или Пиль при выходѣ изъ парламента, гдѣ, среди рукоплесканій и кликовъ одобренія, онъ только что одержалъ побѣду въ преніяхъ, касавшихся могущества и достоинства своей свободной страны. Смотри на этихъ людей, вы чувствуете, что въ нихъ есть какое-то преимущество, какая-то власть надъ прочими, ихъ окружающими людьми; та власть, которую имѣютъ богачи надъ бѣдняками. И дѣйствительно, эти люди богаты, но страннымъ богатствомъ. Всмотритесь въ нихъ какъ можно внимательно и пристально. Невѣжество, отсутствіе мысли и пустота, которыя мы видимъ сейчасъ въ другихъ лицахъ, не принадлежать въ этихъ людяхъ къ недостаткамъ, къ отрицательнымъ свойствамъ, но перешли уже въ степень качества положительнаго. Это просто тупоуміе, которое не представляется въ видѣ пустоты, требующей пополненія, но которое само есть грузъ, лежащій въ головѣ тяжело и прочно и наполнившій такъ туго всё впадины черепа, что, кажется, онъ готовъ треснуть отъ этого, постоянно усиливающагося, напора. Глупость, по своему началу, есть проявленіе все-таки умственной, духовной природы человѣка; но это тупоуміе сдѣлалось уже чѣмъ-то матеріальнымъ; оно не только стало недоступно ваіанію и дѣйствію на него другаго ума, но само ускользаетъ отъ умственнаго анализа. Понять это тупоуміе невозможно; хочется ткнуть въ него пальцемъ, чтобъ ощупать какъ вещь. Такъ и видно, что оно съ какою-то неудержимою наглостью претъ и лѣзетъ вошь изъ сферы проявленій умственныхъ, и силится перешагнуть въ предѣлы животныхъ отправленияхъ. Посмотрите, вотъ двое изъ нихъ задумались. Глубокомысліе одного не есть ли глубокомысліе вола, смотрящаго на васъ своими тупыми и мутными глазами, и меланхолически пережевывающаго свою жвачку? А у другаго, что замѣчаете вы вмѣсто облака задумчивости, осѣняющаго человѣчскій лобъ въ минуту зарожденія мысли? Вы видите, по нахмуреннымъ бровямъ и по движенію головы, что въ ней происходитъ трудная работа, и вамъ кажется, что на этомъ лобѣ готовится и какъ-будто зрѣетъ болѣзненно мѣсто, изъ котораго, можетъ-быть, начнетъ расти и наконецъ вырастетъ длинный, крѣпкій рогъ. Говорятъ, мысль есть сила; но развѣ рогъ не сила? Это тупоуміе имѣетъ крѣпость и силу несокрушимую. Оно очень похоже на тотъ снарядъ, который называется у насъ бабой. Вы видите, что она виситъ въ воздухѣ глупа и спокойна, но какъ бы сознавая

свою тяжесть и могущество, какъ бы выжидая время, когда дозволить ей двинуться; и тогда, однообразно опускаясь и подымаясь, она начнетъ неторопливо и равномернo колотить, колотить до тѣхъ поръ, пока стонущая подъ глухими ударами свая не уйдетъ въ трясину на столько, сколько потребно для того, чтобъ она увязла въ ней, съ надлежащею прочностью и основательностью.

Подобное тупоуміе наводитъ насъ на весьма любопытное наблюденіе надъ законами природы. Эти законы сохраняютъ поразительную логичность и правильность при самомъ уродливомъ развитіи искаженной природы, при самыхъ, повидимому, нелогичныхъ ея уклоненіяхъ.

Такъ, напримѣръ, слово дано человѣку для выраженія его мысли и чувства; безъ нихъ не нужно и слово. Но какъ же быть, когда человѣкъ доходитъ до того, что слово ему не доступно за отсутствіемъ чувства и мысли, а между тѣмъ молчаніе для него не возможно, потому что избытокъ тупоумія, независимо отъ дѣйствія кулака и тому подобныхъ упражненій, требуетъ все-таки выраженія посредствомъ голоса и языка? На дѣлѣ вышло такъ, что тупоуміе, перешедшее изъ отвлеченнаго свойства въ вещественное, нашло для себя способъ изъясненія, который точно такъ же относится къ слову, какъ вещественное тупоуміе къ отвлеченной мысли. Это новое орудіе изъясненія состоитъ изъ неуловимыхъ, не подлежащихъ опредѣленію и похожихъ на мычаніе звуковъ, переродившихся изъ слова и потерявшихъ всѣ его существенныя свойства. Въ этихъ звукахъ нельзя различить ни гласныхъ, ни согласныхъ, ни членораздѣльности, и они имѣютъ только свой мѣстный, временной, условный смыслъ, если можно употребить здѣсь это слово.

Кстати замѣчу, что я встрѣчаю почти непобѣдимое затрудненіе въ выборѣ терминологіи, необходимой для яснаго представленія моего предмета. Говоря о тупоуміи какъ о массѣ, почти доступной осезанію, и принужденный употреблять выраженія, относящіяся къ области мышленія, я нахожусь въ такомъ же странномъ положеніи какъ тотъ, который, послѣ долгаго толкованія одному военному господину о свойствахъ гражданской доблести, услышалъ отъ него слѣдующія слова: не понимаю; нарисуйте-ка мнѣ все это на бумажкѣ.

Продолжаю. Смыслъ этихъ звуковъ до того условенъ, что человѣкъ не въ состояніи его понять. Его понимаютъ только подчиненные, и то одного, извѣстнаго вѣдомства. Еслибъ эти

звуки могли дойти въ будущія времена,—что очень трудно, потому что написать ихъ невозможно,—они привели бы нашихъ потомковъ въ совершенное недоумѣніе. И намъ, которые со стороны внимали этимъ звукамъ собственными ушами, не казалось ли, что они имѣютъ свое зарожденіе и причину не въ головѣ, не въ сердцѣ, а въ брюшной полости? Но если бы кого-нибудь изъ васъ постигло униженіе стоять лицомъ къ лицу съ однимъ изъ обладателей такого тупоумія въ минуту его бѣшенства и раздраженія,—эти грубые, отрывистые звуки представились бы вамъ въ видѣ неистово вылетающихъ комковъ грязи, падающихъ на все, что въ васъ есть чистаго, честнаго и святаго. Еслибы вы наплись въ несчастной необходимости выслушать отъ такого господина пѣлую рѣчь, имѣющую притязаніе на логическую послѣдовательность, вы сказали бы: это не рѣчь; это пенька, вылъзающая и бесконечно тлущаяся изо рта балаганнаго напца.

Мы занялись умственною стороною тѣхъ людей, которые на набросанной мною картинѣ представляются намъ богаче и сильнѣе прочихъ; осмотрѣвъ ихъ и со стороны нравственной, мы придемъ къ подобному же результату.

Точно также и въ этомъ случаѣ то, что у другихъ представляется недостаткомъ, у нихъ составляетъ содержаніе. Вотъ почему подлость и выражается въ нихъ величаво и надменно, какъ преимущество, какъ право, до котораго другіе еще не достигли, и притомъ выражается не въ данную только минуту или по какому-нибудь особенному, удобному случаю,—а постоянно, всегда, во всякомъ случаѣ. Нельзя и не выразиться такой подлостью, еслибы даже ея обладатель и вздумалъ но-секретничать. Присутствіе ея слишкомъ несомнѣнно; слишкомъ великъ ея объемъ; черезчуръ ужь сочна ея сущность; она бьетъ и прыщетъ ежеминутно и во всѣ стороны, независимо отъ воли и безъ всякой причины. Такъ воспаленная пылствомъ и развратомъ кровь заявляетъ о себѣ всегда, хотя бы зараженный болѣзнями чедовѣкъ говорилъ о небесныхъ свѣтлахъ или о бессмертін души. Эта подлость не ограничивается всепокорностью, самоуниженіемъ, младенческими улыбками, лобзаніемъ рукъ и колѣнъ, что, какъ извѣстно, должно служить доказательствомъ почтительности, соединенной съ чистотой совѣсти; она не довольствуется самонаслажденіемъ и состояніемъ созерцательнаго блаженства, доходящаго до слезъ, до расслабленія нервъ, до сладострастія; нѣтъ, она жаждетъ

труда, она проситъ работы; и, одаренная энергическимъ характеромъ дѣятельности и инициативы, производитъ то, что могло бы быть подъ силу одному только Геркулесу, да и то обезумѣвшему. Она можетъ втиснуть въ сутки сорокъ восемь часовъ и болѣе; она же въ состояніи уничтожить цѣлыя десятки лѣтъ, и такъ ихъ вычеркнуть изъ человѣческой жизни, что и слѣда имъ не отыщешь; одна только эта пометка и останется. Крімъ того, она одаряетъ крыльями безногихъ и даетъ тысячу лошадиныхъ силъ какому-нибудь хилеку съ ваточными мышцами старичку; она помираетъ время и пространство и соперничаетъ одна и съ паровыми машинами, и съ желѣзными дорогами, и съ телеграфомъ; словомъ, для ней невозможное возможно. Наконецъ сила и искренность этой подлости таковы, что онѣ даже внушаютъ презрѣніе къ соблазнамъ и благамъ сего міра, и доводятъ человѣка до такихъ героическихъ подвиговъ самоотверженія, что онѣ нерѣдко умираетъ изъ подлости и подлостью покрытый, какъ другіе умираютъ изъ убѣжденія и покрытые славой. Говорятъ, былъ даже случай, что одна, уже совсѣмъ было умершая, дѣва изъ подлости воскресла.

Тупоуміе есть сила; подлость—другая. Высказывая это, я говорю не новость; но истина того, что я говорю, не признается однако большинствомъ людей, въ умѣ и чести которыхъ нѣтъ впрочемъ причины сомнѣваться. Мы находимся, не знаю почему, въ какомъ-то черезчуръ спокойномъ состояніи.

Мы расположены видѣть отсутствіе теплоты тамъ, гдѣ стоитъ тридцати-градусный морозъ; мы принимаемъ за недостатокъ жизни повсемѣстное гніеніе, поражающее повальной смертью почти все, что должно и имѣть право жить,—все, что хранить тѣ чистыя и разумныя черты, которыя еще называютъ на нашу связь съ человѣчествомъ XIX вѣка.

Сила тупоумія и сила подлости, дружно между собою соединенныя, составляютъ такую одну громадную силу, что и подумать о ней нельзя безъ трепета. Подлость есть рычагъ, которымъ можно перевернуть весь міръ кверху дномъ, и тупоуміе послужитъ для этой операціи тою надежною точкой опоры, которой Архимедъ искалъ и не нашелъ. Это мнѣ представляется до такой степени возможнымъ, при отсутствіи равносильнаго сопротивленія ума и чести, что я чувствую головокруженіе, и меня начинаетъ тошнить, какъ будто бы земля

уже кричатъ и стонетъ, и какъ-то странно колышется подо мною, готовясь кувырнуться.

Я старался представить въ своемъ очеркѣ нѣкоторыя черты изъ общества не настоящаго, но какимъ оно было. Время, въ которое мы живемъ, нельзя не признать, относительно нѣкоторыхъ сторонъ нашей жизни, временемъ пробужденія и совѣсти, и мысли. Однако нельзя не сознаться и въ томъ, что вслѣдъ за этимъ пробужденіемъ не наступило еще для насъ состояніе бодрого и сознательнаго бдѣнія.

Въ какое, напримѣръ, поставили мы себя положеніе къ тѣмъ двумъ силамъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ? Способъ нашъ относиться къ нимъ и считаться съ ними доказываетъ, что мы или не понимаемъ ихъ важности и могущества и не сознаемъ опасности, угрожающей нашей пробудившейся мысли и вострепенувшейся чести, или понимаемъ все это, но, зараженные глубокою, застарѣлою нравственною порчей, еще не уважаемъ по достоинству ни чести, ни ума.

Или, можетъ-быть, чувствуя, что мы и наши знакомые стали теперь нѣсколько лучше, или, пожалуй, даже гораздо лучше прежняго, мы пришли къ убѣжденію, что и все общество переродилось вмѣстѣ съ нами?

Подобныя перерожденія не совершаются въ такое короткое время и сами собою. Неестественно предполагать, чтобы члoвѣкъ тупой и низкій, нѣсколько не разочарованный общественнымъ мнѣніемъ насчетъ высокаго достоинства своей персоны, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, подойдя съ величавою осанкой къ зеркалу, плюнулъ въ свое изображеніе, и сказалъ: тѣу, какая невыразимая мерзость!

Нѣтъ, нашъ глазъ слишкомъ привыкъ видѣть общество, которое покоится и нѣжится на тупоуміи, какъ на широкомъ диванѣ; и не достаточно намъ гадохъ этотъ старый, протертый диванъ, служащій чуть ли не единственною основой общественнаго комфорта. Наша чувствительность слишкомъ пригнулася отъ частыхъ и продолжительныхъ оскорбленій нашего достоинства и чести. Мы не противодействуемъ этимъ враждебнымъ нашему развитію силамъ; мы не боремся съ ними; иногда мы противъ нихъ протестуемъ, но какъ-то мимоходомъ и свысока, какъ будто глупцы и безчестные люди играютъ въ нашемъ обществѣ роль случайныхъ и рѣдкихъ гостей. Мы презрительно смѣемся надъ тупоуміемъ въ то время, когда оно бьетъ по уму тѣмъ ни пошло.

съ подлостью, мы позволяемъ себѣ сдѣлать ей брызгливую гримасу, которой она даже не замѣчаетъ, проходя мимо съ высоко-поднятою головой.

Вѣдь каждый изъ насъ убѣжденъ, что живутъ еще между нами люди, готовые отстаивать родной развратъ съ воинственнымъ увлеченіемъ героевъ, и охранять туземное отупѣніе съ систематическимъ упорствомъ протекціонистовъ. Что же значать послѣ того наши презрительныя или брызгливыя гримасы?

Если мы дѣйствительно хотимъ торжества разуму и чести, если мы искренно чувствуемъ необходимость этого торжества для спасенія нашего общества, мы должны возненавидѣть и тупоуміе, и подлость непримиримую, безпощадную, жгучую ненавистью. Только тогда они перестанутъ быть силами, и тогда всякая ихъ попытка подняться изъ праха можетъ быть остановлена однимъ презрительнымъ или насмѣшливымъ словомъ. Это слово будетъ производить на тупыхъ и низкихъ людей такое же дѣйствіе, какъ палецъ великана на картинкѣ въ какой-то дѣтской книжкѣ. Великанъ не счелъ нужнымъ показаться весь маленькимъ повѣсамъ; онъ погрозилъ имъ только своимъ огромнымъ пальцемъ изъ-за горы, и вотъ всѣ шалуны, совсѣмъ было позабывшіе о своихъ урокахъ, пустились бѣжать опрометью въ разныя стороны, разбросавъ по землѣ свои шпажонки и барабаны....

Не много болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, со мной случилось слѣдующее происшествіе: я вѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, и на одной изъ станцій вышелъ изъ вагона покурить. Въ это время я увидѣлъ одного знакомаго мнѣ господина, котораго не считалъ достойнымъ ни малѣйшаго уваженія, но который занималъ довольно видное мѣсто на нашей іерархической лѣстницѣ. Въ толпѣ я весьма легко могъ не подойти къ нему; но однако я къ нему подошелъ и поклонился даже съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Онъ удостоилъ меня какою-то шуткой, которая была не смѣшна, и въ особенности не умна, но я счелъ нужнымъ улыбнуться.

Я улыбнулся не искренно, натянуто, криво однимъ словомъ, это правда; но все же улыбнулся.

Говорятъ, почтительный поклонъ, кривая улыбка и прочія маловажныя уступки бываютъ необходимы для достиженія важныхъ цѣлей. Положимъ, такъ; но я долженъ сознаться, что не могу привести въ свое оправданіе и это политическое сооб-

раженіе. Для чего же я такъ поступилъ? Думаю, что никто изъ моихъ читателей не въ состояніи удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ, и что, несмотря на это, мой поступокъ знакомъ и понятенъ почти всѣмъ имъ. По крайней мѣрѣ могу ли я ручаться, послѣ всего, что написалъ въ этой главѣ, что ничего подобнаго со мною не случится впредь? Какъ-то страшно сказать: да! Но еще страшнѣе сказать: нѣтъ, не могу.

Видно, въ самомъ дѣлѣ не даромъ прожилъ я около двадцати лѣтъ въ томъ обществѣ, которое сейчасъ описывалъ!

Надѣюсь, что сдѣланное мною признаніе ограждаетъ меня со стороны читателей отъ подозрѣнія въ гордости и въ высокомъ мнѣніи о самомъ себѣ. Такое сужденіе было бы несправедливо и не соответствовало бы цѣли, съ которою я предпринялъ составленіе моихъ замѣтокъ. Да притомъ, ужели выраженіе ненависти и негодованія къ подлости и тупоумію еще можетъ служить у насъ признакомъ гордости? Вѣдь человѣкъ, который бы думалъ и чувствовалъ иначе, по настоящему не годился бы даже для производства канцелярской переписки. Что же касается до людей, которымъ мои нападенія на эти гнусныя силы покажутся святотатственными, то я вѣдь обращаюсь вовсе не къ нимъ. Я не смерть, чтобы возимѣть претензію лѣчить горбатыхъ. Итакъ, мнѣ очень желательно, чтобы мои читатели повѣрили мнѣ искренно, что я не считаю ни безукоризненнымъ самого себя, ни безошибочными моихъ сужденій.

Мысли и убѣжденія, которыя встрѣтятся въ моихъ замѣткахъ о нравственномъ состояніи нашего общества, сдѣлались моею неотъемлемою и вполне сознаною собственностію послѣ долголѣтней борьбы, въ продолженіе которой, особенно въ началѣ, было много безславныхъ сраженій, отбитаго оружія, ненужныхъ отступленій, постыдныхъ перемирій. Я посвящаю свои записки тѣмъ, которые подобно мнѣ стоятъ на перепутьи, уже далеки отъ покинутой ими дряни, но дальше отъ идеала, къ которому они идутъ. Пусть всѣ жаждущіе добра и правды, всѣ чающіе движенія воды, смотрятъ на меня какъ на человѣка, который ждетъ и жаждетъ того же, который сочувствуетъ имъ всею душой, подаетъ имъ дружескую руку

И душу дѣлать пополамъ
Съ такими жъ нищими, какъ самъ.

Увѣренность въ сильномъ и искреннемъ сочувствіи общества—великое дѣло! Я вѣрю въ помощь и всемогущество сочувствія не тогда только, когда оно мнѣ высказывается и предлагается моими друзьями, но и когда оно существуетъ для меня неслышимо и незримо, когда просто чувствуется, что оно здѣсь, вокругъ меня, и сопутствуетъ мнѣ всюду, всегда, при всякомъ благомъ начинаніи и трудѣ.

Между многими сказаніями, вышедшими изъ нашего сельскаго быта, мнѣ особенно нравится одно, которое намъ современно и передано мнѣ за достовѣрное происшествіе. Тайная сила общаго сочувствія выражается въ немъ особенно умирительно.

Молодая крестьянская дѣвушка везла съ поля домой тяжелый возъ сжатаго хлѣба; но, при спускѣ съ горы, телега на косогорѣ взвалилась. Помочь бѣдной дѣвущкѣ было некому; она была одна. Не видя ни души на всемъ необозримомъ пространствѣ, ее окружавшемъ, она поклонилась на всѣ четыре стороны и громко просила добрыхъ людей помочь ей въ безвыходномъ горѣ. Ея мольба произнесена была среди полей, воздѣланныхъ людьми, понимающими, что значитъ трудъ, и потому умѣющими оцѣнить помощь; ея слова раздались въ воздухѣ, который искони оглашается словами: Богъ помочь! И, полная несокрушимой вѣры въ искреннее къ себѣ сочувствіе всѣхъ трудящихся и горюющихъ, она бодро принялась за работу и подняла упавшій возъ. Тогда, снова низко поклонясь на всѣ четыре стороны, она поблагодарила приходившія къ ней невидимыя силы.

Тяжелый возъ, поднятый съ земли одною слабою дѣвущкой, вѣдь это евангельская гора, сдвинутая вѣрой!

Повѣрьте, и мы бы всѣ чувствовали, что наши честныя и разумныя силы удесятерились, еслибы знали, что и насъ окружающій воздухъ наполненъ точно также искренними благословіями и добрыми словами: Богъ помочь!

Алексѣй Жемчужниковъ.

БОЛЬШАЯ ОЖИДАНИЯ

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

I.

Фамилія моего отца была Пирипъ; меня звали Филиппъ; мой дѣтскій языкъ изъ сочетанія этихъ двухъ именъ не могъ ничего произвести длиннѣе или выразительнѣе Пипа; итакъ я звалъ самъ себя Пипомъ; и съ тѣхъ поръ всѣ называли меня также Пипомъ.

Я сказалъ, что фамилія моего отца была Пирипъ, полагаюсь на свидѣтельство его надгробнаго камня и показаніе моей сестры, мистрисъ Джо Гарджери, вышедшей замужъ за кузнеца. Я никогда не видалъ ни моего отца, ни матери, не видалъ даже портретовъ ихъ (они жили задолго до временъ фотографіи): и мое дѣтское воображеніе, рисуя ихъ, естественно, брало матеріалы съ ихъ надгробныхъ камней. Форма буквъ на камнѣ моего отца подавала мнѣ странную мысль, что онъ былъ полный, приземистый человекъ, смуглый, съ курчавыми черными волосами. По характеру и шрифту надписи *Джорджіана жена упомянутой*, я вывелъ дѣтское заключеніе, что моя мать была болѣзненная и покрыта веснушками. Пять миниатюрныхъ плитъ, около полтора фута длиною каждая, аккуратно стоя-

шихъ рядышкомъ возлѣ ихъ могилы и посвященныхъ памяти пяти моихъ маленькихъ братьевъ, которые было попробовали пожить среди всеобщей борьбы, поселили во мнѣ убѣжденіе, свято хранимое мною, что они всѣ родились лежа на спящѣ, съ руками, запущенными въ карманы панталонъ, изъ которыхъ они ихъ ни разу не вынули въ продолженіи этой жизни.

Мы жили въ болотистомъ мѣстѣ, при рѣкѣ, миляхъ въ двадцати отъ моря. Мнѣ кажется, я получилъ мои первыя и самыя живыя впечатлѣнія объ окружающихъ предметахъ въ одинъ достопамятный, сырой вечеръ. Тогда я положительно нашелъ, что это холодное мѣсто, поросшее крапивой, было кладбище, что Филиппъ Пярипъ, вѣкогда принадлежавшій къ этому приходу, и Джоржіана тожь, жена упомянутого, умерли и схоронены, что Александръ, Вареломей, Абрамъ, Веніаминъ и Роджеръ, младенцы, дѣти выше-названныхъ, также умерли и схоронены; что мрачная, плоская пустыня за кладбищемъ, пересѣченная плотинами, насыпями, на которой пасся скотъ, было болото, что отдаленная свинцовая черта была рѣка, что логовище, откуда подымались вѣтры, было море, и что маленькое существо, дрожавшее отъ холода, болышеея всего этого, и уже начинавшее плакать—было Пипъ.

— Перестань реветъ, раздакъ страшный голосъ, и человекъ вдругъ выросъ между могилъ, у церковной паперти.—Замолчи, дьяволенокъ, вотъ такъ и перережу глотку!

Это былъ страшный человекъ, въ грубой сѣрой одеждѣ, съ большимъ желѣзомъ на одной ногѣ, онъ былъ безъ шляпы, въ разорванныхъ башмакахъ; голова его была повязана старою тряпкой. Человекъ этотъ, казалось, былъ вымоченъ въ водѣ, полузадушенъ въ грязи, разбитъ камнями, изрѣзанъ щепенкою, выжженъ крапивой, весь истерзанъ остролистникомъ. Онъ и хромалъ, и ворчалъ, и дрожалъ, и хотѣлъ какъ будто съѣсть меня глазами; зубы стучали въ его черепъ, когда онъ схватилъ меня за подбородокъ.

— О! не рѣжьте меня, сэръ, молилъ я его съ ужасомъ.— Пожалуста не дѣлайте этого, сэръ.

— Говори, какъ тебя зовутъ! сказалъ человекъ.—Скорѣй!

— Пипъ, сэръ.

— Повтори-ка еще разъ, сказалъ человекъ.—Разъвай свою часть пошире.

— Пипъ, Пипъ, сэръ.

— Покажи, гдѣ ты живешь, сказалъ человѣкъ.—Укажи на самое на мѣсто.

Я показалъ пальцемъ, гдѣ находилась деревня, на плоскомъ берегу, въ разстояніи около мили отъ церкви, между дубками и олешиникомъ.

Человѣкъ, посмотрѣвъ на меня съ минуту, повернулъ меня вверхъ ногами и опорожнилъ мои карманы. Въ нихъ ничего не было кромѣ ломтя хлѣба. Когда церковь приняла въ мои глаза прежнее положеніе,—мой противникъ былъ такъ силенъ, такъ быстръ и внезапенъ въ своихъ движеніяхъ, что она завертѣлась колесомъ передо мной, и шпиль ея очутился вдругъ у меня подъ ногами,—когда церковь, говорю я, заняла опять свое прежнее мѣсто, я сидѣлъ уже на высокомъ надгробномъ камнѣ, дрожа весь отъ страха, между тѣмъ какъ онъ жадно пожиралъ мой хлѣбъ.

— У-у-у, щенокъ, сказалъ человѣкъ облизываясь,—какія у тебя жирныя щеки.

Я полагаю, онѣ были довольно жирны, хотя въ то время я былъ малъ не по лѣтамъ и не слишкомъ крѣпокъ.

— Чортъ меня побери, вотъ такъ бы и съѣлъ ихъ, сказалъ человѣкъ, грозно покачивая головой,—да я почти и думаю объ этомъ.

Я искренно высказалъ мою надежду, что онъ этого не сдѣлаетъ, и крѣпче прижался къ надгробному камню,—онъ посадилъ меня на надгробный камень,—чтобы не свалиться съ него, и также, чтобы удержаться отъ слезъ.

— Ну, теперь смотри сюда, сказалъ человѣкъ.—Гдѣ твоя мать?

— Вотъ тутъ, сэръ! сказалъ я. Онъ вкочилъ, далъ было тигу и остановился, поглядывая изъ-за плеча.

— Тутъ, сэръ! объяснилъ я кратко.—Джорджіана то жъ. Это моя мать.

— О! сказалъ онъ, возвращаясь назадъ:—а это твой отецъ лежитъ вмѣстѣ съ твоею матерью?

— Да, сэръ, сказалъ я,—онъ также былъ здѣшняго прихода.

— А! промычалъ онъ, въ раздумьи.—Съ кѣмъ же ты живешь, если я только еще по своей добротѣ оставляю тебя въ живыхъ, чего я вовсе не думаю?

— Съ моею сестрой, сэръ, мистриссъ Джо Гарджери, женою Джо Гарджери, кузнеца, сэръ.

— Кузнеца, э? сказалъ онъ и взглянулъ на свою ногу.

Мрачно поглядывая то на меня, то на ногу, онъ подошелъ ближе къ моему надгробному камню, взялъ меня за обѣ руки и оттолкнулъ меня далеко назадъ, не выпуская однако и моихъ рукъ, могущественно вперивъ въ меня глаза свои, между тѣмъ какъ мои глаза обращали къ нему безпомощные умоляющіе взоры.

— Ну, смотри сюда, сказалъ онъ, — дѣло идетъ теперь о томъ, жить ли тебѣ или нѣтъ. Знаешь ты, что такое напитокъ?

— Да, сэръ.

— Знаешь ты, что такое ѣда?

— Да, сэръ.

При каждомъ вопросѣ онъ отталкивалъ меня сильнѣе, какъ бы желая дать мнѣ болѣе почувствовать все мое безсиліе и мою опасность.

— Достань мнѣ напитокъ. Онъ оттолкнулъ меня еще разъ. — И достань мнѣ чего поѣсть. Онъ оттолкнулъ меня еще разъ. — И принеси сюда. Онъ оттолкнулъ меня еще разъ. — Или я вырву сердце и печеньку. И еще разъ оттолкнулъ онъ меня.

Я былъ страшно перепуганъ; голова у меня такъ кружилась, что я прильнулъ къ нему обѣими руками и сказалъ:

— Если вы сдѣлаете милость, сэръ, позвольте мнѣ сидѣть прямо, то можетъ-быть меня не будетъ такъ мутить, и я буду въ состояніи слушать васъ внимательнѣе.

Тутъ онъ мнѣ далъ такого толчка, что церковь снова у меня перевернулась въ глазахъ. Потомъ онъ поднялъ меня за руки въ вертикальномъ положеніи надъ плитою, и произнесъ слѣдующую страшную рѣчь:

— Завтра рано утромъ, ты принесешь мнѣ напитокъ и чего-нибудь поѣсть. Все это принесешь ты туда на старую батарею. Сдѣлаешь ты это непременно; и не посмѣй ни слова сказать, ни знакомъ показать, что ты меня или кого-нибудь видѣлъ, не оставлю тебя въ живыхъ. Ослушайся только или сколько-нибудь, хоть въ мелочи самой, измѣни противъ моихъ словъ, я вырву у тебя сердце и печеньку, сжарю и съѣмъ. Видишь какой я жадный; у меня спрятанъ малецъ, а въ сравненіи съ этимъ мальцемъ я ангелъ. Этотъ малецъ слышитъ каждое мое слово. У этого мальчика есть своя особенная сноровка, какъ добратся до мальчугана и до его сердца и печеники. Мальчуганъ не укроется отъ этого мальчика; пусть и не пытается. Мальчуганъ себѣ пожалуй запретъ дверь, заберется въ теплую постель, закутается въ одеяло съ головой

и подумаетъ, что онъ спокоенъ и безопасенъ; не тутъ-то было, малецъ потихоньку подкрадется къ нему да и распластаетъ его. Я теперь едва сдерживаю этого мальчика, чтобы онъ тебѣ никакого вреда не сдѣлалъ. Такъ онъ и подбирается къ твоей внутренности. Ну, что ты на это скажешь?

Я сказалъ, что я достану ему напильокъ и достану также остатки отъ нашего стола, какіе тамъ найду, и приду къ нему рано поутру на батарею.

— Скажи: порази меня Господь, если я этого не сдѣлаю! сказалъ человекъ.

Я повторилъ клятву, и онъ снялъ меня съ надгробнаго камня.

— Теперь, продолжалъ онъ,—помни, что ты общалъ, да не забывай также про мальчика и ступай домой.

— Доб-добрая ночь, сэръ, пробормоталъ я.

— Оно похоже на это! сказалъ онъ, оглядывая вокругъ себя холодную, сырую плоскость.—Хотѣлъ бы теперь быть лягушкой или угремъ!

Онъ схватилъ обѣими руками свое дрожащее тѣло, сжалъ его, какъ будто боясь, чтобы оно не развалилось, и заковылялъ къ низенькой церковной оградѣ. Когда я смотрѣлъ на него, какъ онъ выбиралъ себѣ дорогу между крапивой и колючими растеніями, окаймлявшими зеленыя могилы, моимъ дѣтскимъ глазамъ представлялось, будто онъ укрывался отъ рукъ мертвецовъ, осторожно протягивавшихся изъ могилъ, чтобы схватить его за ногу и затащить подъ землю.

Подойдя къ церковной оградѣ, онъ неуклюже перелѣзъ черезъ нее, будто ноги у него онѣмѣли, и потомъ обернулся, чтобы взглянуть на меня. Когда я замѣтилъ это, я наострилъ лыжи домой. Но потомъ опять я оглянулся и увидѣлъ, что онъ шелъ къ рѣкѣ, попрежнему охвативши себя вокругъ руками и пробираясь между огромными камнями, нарочно разбросанными по болоту, и которые служили переходными пунктами во время полноводья отъ сильныхъ дождей или прилива морскаго. Болото представлялось мнѣ длинною черною линіей. Когда я остановился, чтобы взглянуть на него, рѣка рисовалась другою такою же линіей на горизонтѣ, только она была далеко не такъ широка и черна; на небѣ видѣлся рядъ багровыхъ продолговатыхъ черточекъ, перемежавшихся толстыми мрачными полосами. На краю рѣки я могъ различить только два темные предмета, подымавшіеся въ цѣлой перспективѣ; одинъ

изъ нихъ былъ баканъ, указывавшій путь морякамъ, похожій очень на боченокъ безъ обручей, воткнутый на шесть,—очень уродливая вещь, когда вы смотрите на нее вблизи; другой предметъ была висѣлица, съ цѣпами, въ которыхъ когда-то былъ повѣшенъ пиратъ. Человѣкъ видимо ковылялъ къ ней, какъ будто это былъ самъ пиратъ, ожившій на время, и теперь возвращающійся, чтобы снова на ней повиснуть. Меня такъ и повернуло внутри, когда я подумалъ объ этомъ: и видя, какъ скотина педымала морды и глазѣла на него, я невольно воображалъ, что и она думала то же самое. Я посмотрѣлъ во-кругъ, не увижу ли гдѣ-нибудь ужаснаго мальчика—не было и слѣдовъ его. Но теперь страхъ снова овладѣлъ мною, и я побѣжалъ домой, уже не останавливаясь.

II.

Моя сестра, мистриссъ Джо Гарджери, была двадцатью годами старше меня и составила себѣ особенную репутацію между сосѣдями тѣмъ, что она выкормила меня «рукою». Мнѣ самому предоставлено было въ то время объяснить себѣ значеніе этого выраженія, и, зная по опыту, что у сестры тяжелая рука, которую она имѣла привычку налагать на своего мужа и на меня, я предполагалъ, что мы оба съ Джо Гарджери были вскормлены ея рукою.

Сестра моя была женщина не очень красивая; и вообще я былъ того мнѣнія, что она рукою же заставила Джо Гарджери жениться на ней. Джо былъ бѣлокурый, съ свѣтлыми локонами, окаямлившими его гладкое лицо, и голубыми глазами, до того блѣдными, что казалось, будто зрачки ихъ почти совѣтъ сливались съ бѣлками. Это былъ кроткій, добродушный, сговорчивый малый, Геркулесъ по силѣ, а также и по слабости.

У моей сестры, мистриссъ Джо, были черные глаза и волосы и такой багровой цвѣтъ лица, что я думалъ иногда, не моется ли она теркою вмѣсто мыла. Она была высока и костлява, и всегда носила толстый фартукъ, который застегивался сзади на двухъ петляхъ, а спереди представлялъ непроницаемый нагрудникъ, весь утыканный булавками и иголками. Она безпрестанно хвалилась, и упрекала Джо тѣмъ, что она не скидывала съ себя этого передника, хотя право я не вижу причины,

зачѣмъ ей было носить его, или отчего ей было не снимать его каждый день.

Кухинца Джо примыкала къ нашему дому; это былъ деревянный домикъ, какъ большая часть строеній въ нашей деревнѣ; въ то время, когда я прибѣжалъ домой съ кладбища, кухня была заперта и Джо сидѣлъ одинъ въ кухнѣ. Мы были съ Джо два страдальца, и были откровенны между собою; какъ только я приподнял задвижку двери и взглянулъ на него, онъ сидѣлъ противъ въ углу, у камина, и сообщалъ мнѣ сейчасъ же по секрету:

— Мистриссъ Джо уже разъ двѣнадцать выходила посмотрѣть, гдѣ ты, Пипъ. Теперь она вышла уже въ тринадцатый разъ.

— Неужели?

— Да, такъ, сказалъ Джо; — и что еще хуже, она взяла съ собою щупъ.

При этомъ горестномъ извѣстїи, я принялся вертѣть единственную пуговочку, остававшуюся на моей жилеткѣ, и пискливо посматривалъ на огонь. Щупомъ называлась камышизна, заканчивавшаяся навощеннымъ хлыстикомъ, и которая была совершенно выполирована отъ частаго соприкосновенїя съ моимъ бѣднымъ тѣломъ.

— Она было приѣхала, сказалъ Джо, — потомъ опять встала, распѣтушившись, и принялась искать щупъ и вытащила его. Вотъ что, сказалъ Джо, медленно расчищая огонь кочергомъ между нижними полосками рѣшетки камина и посматривая на него:—она распѣтушилась, Пипъ.

— Давно ушла она, Джо? Я всегда на него смотрѣлъ, какъ на взрослого ребенка, и считалъ его себѣ равнымъ.

— Да, сказалъ Джо, посматривая на стѣнные часы, — пожалуй, она распѣтушилась минутъ пять тому назадъ, Пипъ. Вотъ она идетъ! Убирайся-ка за дверь, дружище, да подсуни за спину полотенце.

Я послѣдовалъ его совѣту. Моя сестра, мистриссъ Джо, откинула дверь настѣжь, и видя, что она не поддается далѣе, сейчасъ же угадала причину и принялась изслѣдывать ее щупомъ; она кончила, бросивъ мною въ Джо, который радъ былъ случаю спасти меня, засадилъ меня къ камину и загородилъ своею огромною ногой.

— Гдѣ ты пропадалъ, мартышка этакая? сказала мистриссъ Джо, топая ногою.—Скажи мнѣ, сейчасъ же, гдѣ ты былъ; я

тутъ вся измучилась отъ страха; говори же, или я тебя вытащу оттуда изъ угла, будь васъ тамъ пятьдесятъ Пиповъ и пятьсотъ Гарджери.

— Я только зашелъ на кладбище, проговорилъ я съ моею табуретки, плача и потираясь.

— На кладбище! повторила моя сестра.— Не будь меня, давно бы ты попалъ на кладбище. Кто выкоренилъ тебя рукою?

— Вы! сказалъ я.

— А зачѣмъ я это сдѣлала, хотѣла бы я знать? воскликнула моя сестра.

Я прехныкалаъ.

— Я не знаю.

— Я не знаю! сказала моя сестра. — Я только знаю, что въ другой разъ уже этого я не сдѣлаю! По правдѣ могу сказать, я этого фартука не спускала съ себя, съ тѣхъ поръ, какъ ты родился. Счастье небольшое выйти замужъ за кузнеца, да енце Гарджери, и не бывши тебѣ матерью.

Мысли мои отдѣлялись отъ этой рѣчи, когда я смотрѣлъ въ глубокой печали на огонь: раскаленные уголья приводили мнѣ на память бѣглаго въ болотѣ съ желѣзомъ на ногѣ, таинственнаго молодого человѣка или мальчика, шилу, пищу и мое страшное обязательство обокрасть этотъ домъ, пріютившій меня.

— А! сказала мистриссъ Джо, кладя щупъ на мѣсто. — На кладбище, право! оба вы могли бы это сказать.— Одинъ изъ насъ, замѣчу мимоходомъ, и не думалъ говорить про кладбище.— Въ одинъ изъ этихъ дней, вы отправите меня на кладбище, славная вы останетесь парочка безъ меня.

Она принялась готовить чай. Джо посмотрѣлъ на меня, какъ будто онъ въ умѣ складывалъ себя самого и разчитывалъ, какая пара выйдетъ изъ насъ при указанномъ несчастномъ событіи; послѣ этого онъ продолжалъ сидѣть, ощупывая свои свѣтлые волосы и бакенбарды и слѣдуя за мистриссъ Джо своими голубыми глазами, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, во время бури.

У моей сестры была всегда одна манера рѣзать для насъ хлѣбъ съ масломъ, и манера эта никогда не неизмѣнялась. Сначала она крѣпко прижимала хлѣбъ лѣвою рукою къ своему нагруднику, откуда въ него попадала подчасъ иголка или булавка, переходившая потомъ въ наши рты. Далѣе она захватывала ножомъ масло (не слишкомъ щедро) и размазывала его по хлѣбу, какъ пластырь, дѣйствуя ножомъ съ обѣихъ сторонъ,

съ необыкновенною ловкостью и аккуратно подчищая масло кругомъ корки. Потомъ она окончательно обтирала ножъ съ краю этого пластыря и тогда уже отпиливала толстый ломоть во всю ширину хлѣба, который въ заключеніе разсѣкала пополамъ: одна половина доставалась Джо, а другая мнѣ.

Въ настоящемъ случаѣ, хотя я былъ очень голоденъ, но я не смѣлъ ѣсть моего куска. Я чувствовалъ, что я долженъ имѣть въ запасѣ что-нибудь для моего страшнаго незнакомца и его союзника, еще страшнѣйшаго молодого человѣка. Я зналъ, мистриссъ Джо была скопидомка въ своемъ хозяйствѣ, и мои поиски могли ничего не открыть въ кладовой. Поэтому я рѣшился припрятать въ штанину мой ломоть хлѣба съ масломъ.

Это требовало отъ меня однакоже, я находилъ, страшной рѣшительности, мнѣ это было такъ же тяжело сдѣлать, какъ будто я рѣшался спрыгнуть съ верхушки высокаго дома или нырнуть въ самую глубину морскую. И ничего не подозревавшій Джо еще болѣе затруднялъ мое положеніе. Связанные между собою узами страданія и прилени, мы обыкновенно каждый вечеръ сравнивали наши ломти, послѣ каждого откуса молча выставляя ихъ на удивленіе другъ друга и для поощренія къ дальнѣйшимъ усиліямъ. Сегодняшній вечеръ Джо нѣсколько разъ приглашалъ меня приступить къ нашему обычному дружескому состязанію, выставляя свой быстро уменьшавшійся ломоть, и каждый разъ онъ видѣлъ меня съ моею желтою кружкой чая на одномъ колѣнѣ и нетронутымъ кускомъ хлѣба съ масломъ на другомъ. Наконецъ я съ отчаяніемъ размыслилъ, что задуманное мною дѣло должно быть исполнено, и что лучше всего будетъ исполнить его самымъ неправдоподобнымъ образомъ, согласно съ обстоятельствами. Я воспользовался минутою, когда Джо не глядѣлъ на меня, и спустилъ ломоть въ штанину.

Джо, очевидно, безпокоила потеря моего аппетита, и онъ задумчаво кусалъ свой ломоть, повидимому безъ всякаго смака. Онъ ворочалъ кусокъ въ своемъ ртѣ долѣе обыкновеннаго, раздумывая надъ нимъ, и въ заключеніе проглотилъ его какъ пилюлю. Онъ готовъ былъ уже снова приняться за ту же работу, какъ вдругъ его глаза остановились на мнѣ, и онъ увидѣлъ, что мой хлѣбъ съ масломъ исчезъ.

Удивленіе Джо, остановившагося посерединѣ своего дѣла и выпялившаго на меня глаза, было такъ замѣтно, что не могло не привлечь вниманія моей сестры.

— Чтò еще не такъ? сказала она отрывисто, ставя свою чашку.

— Послушай, ты знаешь, бормоталъ Джо, покачивая мнѣ головой съ упрекомъ,—Пипъ, старый дружище! Вѣдь ты эдакъ себѣ вредъ сдѣлаешь; онъ эдакъ застрянетъ гдѣ-нибудь. Ты не могъ прожевать его, Пипъ.

— Чтò еще? повторила моя сестра рѣзче прежняго.

— Прокашлай хоть немножко, Пипъ, если можешь, советую тебѣ, сказалъ Джо, въ совершенномъ изумленіи. — Здоровье прежде всего.

Моя сестра пришла въ совершенное отчаяніе, накинулась на Джо, схватила его за бакенбарды и принялась дубасить его голову и спину, а между тѣмъ, я сидѣлъ въ углу, виновно на него поглядывая.

— Теперь можетъ-быть ты разкажешь мнѣ, чтò у васъ тамъ такое, сказала сестра, едва переводившая духъ.—Толстый боровъ, чего выпялилъ свои буркалы?

Джо посмотрѣлъ на нее съ совершенною безпомощностью; потомъ укусилъ ломоть и взглянулъ снова на меня.

— Ты знаешь, Пипъ, сказалъ Джо, торжественно заложивъ послѣдній кусокъ за щеку и говоря мнѣ тихимъ голосомъ, какъ будто мы были только вдвоемъ:—мы съ тобою всегда были друзьями, я никогда не сталъ бы на тебя жаловаться. Но вѣдь это такой,—онъ подвинулъ стулъ и посмотрѣлъ кругомъ на полъ и потомъ на меня,—такой необыкновенный глотокъ это!

— Проглотилъ свой хлѣбъ, а? закричала моя сестра.

— Ты знаешь, старый дружище, сказалъ Джо, посматривая то на меня, то на мистриссъ Джо, и держа все еще кусокъ за щекою.—Я самъ часто глоталъ, когда былъ твоихъ лѣтъ, и былъ мастеръ на эте мальчишкой; но такого глотка, какъ твой, я еще не видалъ, Пипъ, только по Божіей милости ты не умеръ отъ него.

Сестра моя набросилась теперь на меня и вытацила за волосы, произнося страшныя слова:

— Ступай сюда, я тебѣ дамъ лѣкарства.

Какой-то скотина докторъ рекомендовалъ въ то время дегтарную воду, какъ отличное лѣкарство противъ всѣхъ болѣзней; и мистриссъ Джо всегда держала ее въ запасъ въ шкапу, вполнѣ вѣря, что ея сила соответствовала ея отвратительному вкусу. Подчасъ, я помню, мнѣ задавали такой приѣмъ этого

элексира, что отъ меня воняло какъ отъ вневъ-осмоленнаго забора. Въ этотъ вечеръ важность моего припадка требовала приѣма цѣлой полбутылки этой микстуры, которую мистриссъ Джо вылила мнѣ въ глотку, защемивъ мою голову подъ рукою. Джо отдѣлался однимъ стаканомъ, который она заставила его проглотить, къ величайшему его неудовольствію, пока онъ жевалъ и раздумывалъ передъ огнемъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто его тошнило. Судя по себѣ, я могъ бы утвердительно сказать, что его стошнило послѣ, если онъ прежде ничего не чувствовалъ.

Совѣсть страшная вещь, когда она обвиняетъ взрослого ли человѣка, или мальчика; но когда съ этою невидимою тягостью дѣйствуетъ за одно другая тягость, запрятанная въ кафтанѣ, то (я могу засвидѣтельствовать) это невыносимая кара,—преступное сознание, что я рѣшился обокрасть мистриссъ Джо,—мнѣ и въ голову не приходило, что я обрадовалъ самого Джо; я никогда не считалъ ни одной вещи въ хозяйствѣ его собственностью. Необходимость придерживать снаружи рукою мой ломоть хлѣба съ масломъ, сидя на мѣстѣ или когда посылали меня за чѣмъ-нибудь въ кухню, рѣшительно сводила меня съ ума. Потомъ каждый разъ какъ подуетъ вѣтеръ съ болота и огонь разгорится жарче въ каминѣ, мнѣ казалось, я слышалъ голосъ человѣка съ желѣзомъ на ногѣ, который связалъ меня клятвой, и который кричалъ мнѣ, что онъ не можетъ и не хочетъ голодать до утра; но что я долженъ накормить его сейчасъ же. По временамъ я думалъ: что если тотъ молодой человѣкъ, котораго онъ сдерживалъ съ такимъ трудомъ, чтобъ онъ не запустилъ въ меня своихъ рукъ, вдругъ уступить своему врожденному нетерпѣнію или ошибется временемъ и, не дожидаясь утра, напустится на мое сердце и печенку! Если у кого-нибудь когда-либо подымались волосы дыбомъ отъ страха, то уже конечно мои волосы стояли тогда торчмя; но можетъ-быть этого ни съ кѣмъ никогда не случилось.

Это былъ канунъ Рождества; и мнѣ приходилось мѣшать пуддингъ къ завтрашнему дню отъ семи до восьми часовъ. Я было попробовалъ дѣлать это съ моимъ грузомъ въ штанинѣ (а это снова напомнило мнѣ человѣка съ желѣзомъ на ногѣ), но отъ такого упражненія ломоть все норовилъ спуститься къ щиколкѣ. По счастью, я успѣлъ ускользнуть и спрятать эту дѣйствительную часть моей совѣсти на чердакѣ, въ моей спальнѣ.

— Слышите, сказалъ я, окончивъ мое мѣшанье и грѣясь теперь въ углу около камина, въ ожиданіи пока меня пошлютъ спать:—пушка выстрѣлила, Джо?

— А! сказалъ Джо:—значить, другой каторжникъ далъ тягу.

— Чтò это значить, Джо? сказалъ я.

Мистриссъ Джо, всегда принимавшая на себя обязанность объяснять, сказала съ сердцемъ:—Убѣжалъ, убѣжалъ,—передавая это толкованіе, какъ дегтярную воду.

Мистриссъ Джо сидѣла, наклонивъ голову надъ работой. Я вытянулъ мои губы и шепотомъ спросилъ Джо: «Чтò значить каторжникъ?» Джо скривилъ свой ротъ и прошепталъ мнѣ необыкновенно сложный отвѣтъ, изъ котораго до меня долетѣло только одно слово: «Пипись».

— Вчера бѣжалъ одинъ каторжникъ, сказалъ Джо вслухъ,—послѣ заревой пушки. Тогда тоже стрѣляли сигналъ. Теперь стрѣляютъ о другомъ.

— Кто это стрѣляетъ? сказалъ я.

— Пропади этотъ мальчишка! ввернула свое слово моя сестра, грозно смотря на меня изъ-за работы:— чтò за допрощикъ такой! Не спрашивай, такъ тебѣ не солгутъ.

Я подумалъ, что она не слишкомъ вѣжливо относилась и о себѣ, намекая, что она будетъ мнѣ лгать, еслибъ я сдѣлалъ ей вопросъ. Но она была вѣжлива только при гостяхъ.

Въ эту минуту Джо еще усилилъ мое любопытство, стараясь какъ можно шире разинуть свой ротъ и придать ему форму слова, которое мнѣ казалось «скотъ». Естественно, я указалъ на мистриссъ Джо и прибавилъ движеніемъ рта: «она». Но Джо и слышать этого не хотѣлъ, а только развѣвалъ свой ротъ все шире и шире, повторяя, повидимому, необыкновенно сильное слово. Но я ничего не могъ понять.

— Мистриссъ Джо, сказалъ я, хватаясь за послѣднее средство.—Мнѣ бы хотѣлось знать, если вы только не разсердитесь, откуда это стрѣляютъ?

— Господь благослови этого мальчика! воскликнула моя сестра такимъ тономъ, какъ будто она думала вовсе не то и скорѣе совершенно противное.—Съ плашкота.

— О, о! сказалъ я, глядя на Джо.

Джо прокашлянулъ съ упрекомъ, какъ бы желая этимъ сказать:—зѣдь я это и говорилъ тебѣ.

— А позвольте спросить, чтò такое плашкотъ? сказалъ я.

— Вотъ какой этотъ мальчикъ! воскликнула моя сестра,

указывая на меня иголкой и грозно покачивая головой: — отвѣтъ ему на одинъ вопросъ, онъ забросаетъ тебя дожиной. Это тюремный корабль, тамъ за болотомъ.

— Кого же это и зачѣмъ сажаютъ въ тюремный корабль? сказалъ я, вообще не обращаясь ни къ кому особенно, съ видомъ совершеннаго отчаянія.

Это было уже слишкомъ для мистриссъ Джо, которая немедленно поднялась съ своего мѣста.

— Вотъ что я скажу тебѣ, мой милый, объявила она мнѣ. — Я выкормила тебя рукою не для того, чтобы ты до смерти мучилъ людей. Людей сажаютъ на плашку за то, что они убиваютъ, грабятъ и дѣлаютъ всякаго рода злодѣйства, и начинаютъ они обыкновенно съ разспросовъ. Теперь убивайся спать!

Мнѣ не давали никогда свѣчки, и я отправился наверхъ въ потемкахъ; голова моя звенѣла отъ на перстка мистриссъ Джо, которая по ней отбивала имъ трель, какъ на тамбуринѣ, пристукивая при каждомъ словѣ. Я съ ужасомъ сознавалъ, что я былъ на дорогѣ къ плашку; я началъ съ разспросовъ, теперь готовился обокрасть мистриссъ Джо.

Съ тѣхъ поръ, а это было очень давно, я часто думалъ, — не многіе знаютъ, какая скрытность развивается въ ребенкѣ, когда онъ находится подъ вліяніемъ страха, какъ бы неоснователенъ ни былъ этотъ страхъ. Я до смерти боялся молодого человѣка, который зарился на мое сердце и печенку. Я смертельно боялся моего стараго собесѣдника съ ногой, закованною въ желѣзо; я смертельно боялся самого себя, послѣ страшнаго даннаго мною обѣщанія; я не имѣлъ никакой надежды избавиться отъ него съ помощію моей сестры, которая на каждомъ шагу меня отталкивала; мнѣ страшно было даже подумать, чего бы я не сдѣлалъ, по первому требованію, въ состояніи этой скрытности, подъ вліяніемъ страха.

Если я засыпалъ въ эту ночь, то мнѣ мерещилось будто сильный весенній приливъ несъ меня по рѣкѣ къ плашку; привидѣніе пирата кричало мнѣ въ рупоръ, когда я плылъ мимо висѣлицы, чтобъ я лучше выходилъ на берегъ и разомъ поднялся на висѣлицу. Я боялся спать; я зналъ, что на разсвѣтѣ предстояло мнѣ обокрасть кладовую. Ночью сдѣлать это было невозможно; спичекъ въ то время не знали, я долженъ былъ высѣчь огонь кремнемъ и огнивомъ, и нашумѣлъ бы не мѣнѣе самого пирата, гремѣвшаго своими цѣпами.

Какъ только черный бархатный покровъ, заслонявшій снаружи мое маленькое окошечко, началъ сѣрѣть, я поднялся съ постели и сошелъ внизъ; каждая доска, каждая трещина подъ моими ногами кричала мнѣ вслѣдъ: «держи вора! вставайте, мистриссъ Джо!»

Въ кладовой, которая ради праздника была снабжена изобильнѣе обыкновеннаго, меня до смерти перепугалъ заяцъ, повѣшенный за заднія лапы, который, мнѣ показалось, будто подмигивалъ мнѣ. Я не имѣлъ времени ни повѣрнуть себя, ни выбрать, не имѣлъ времени ни на что; у меня было его слишкомъ мало. Я укралъ хлѣба, нѣсколько корокъ сыру, полъ-банки сладкой начинки для гуддинга, которую я завязалъ вмѣстѣ съ моимъ вчерашнимъ ломтемъ въ носовой платокъ, отлилъ водки изъ каменной бутылки въ стеклянный пузырекъ и долилъ ее изъ кружки, стоявшей въ кухнѣ, потомъ я взялъ еще кость, едва покрытую мясомъ, и красивый, круглый пирогъ съ свиной. Я ушелъ было безъ пирога, но любопытство привлекло меня взобраться на полку, взглянуть что было тамъ такъ тщательно спрятано въ углу подъ глинянымъ блюдомъ; я увидѣлъ, что это былъ пирогъ, и похитилъ его въ надеждѣ, что его не скоро хватятся.

Кухня сообщалась черезъ дверь съ кузницей; я отперъ эту дверь и досталъ напилокъ между инструментами Джо; потомъ я заперъ ее засовомъ, отперъ дверь, въ которую я вчера пришелъ домой, затворилъ ее и побѣжалъ къ туманному болоту.

III.

Утро было холодное и сырое: сырость застилала снаружи мое маленькое окошечко, какъ-будто кикимора проплакалъ тутъ всю ночь и утирался имъ вмѣсто носоваго платка. Сырость лежала толстою паутиной на обнаженныхъ изгородахъ и скудной травѣ, перекадывалась бахромой съ вѣтви на вѣтку, видалась между былинками. Каждая перекадина, каждая калитка, была пропитана сыростью; и надъ болотомъ висѣлъ также тяжелый туманъ, такъ что я не видѣлъ вѣстоваго столба, указывающаго дорогу въ нашу деревню, я почти на него наткнулся, и онъ показался мнѣ тогда мокрымъ привидѣнiемъ, обрекавшимъ меня на плашкоть.

Туманъ былъ еще гуще, когда я вошелъ въ самое болото;

мнѣ представлялось, будто всѣ предметы бѣжали на меня. Это было очень непріятное чувство для нечистой совѣсти. Плотины, насыпи, шлюзы, кидались на меня сквозь туманъ, крича: «мальчикъ съ чужимъ пирогомъ, держи его!» Скотина бросалась на меня, пляя глаза и обдавая паромъ изъ ноздрей, и мычала: «У-у-у, воришка!» Одинъ черный быкъ, съ бѣлою полосой на шеѣ, на подобіе бѣлаго галстука, поражавшій мою возмущенную совѣсть своею пасторскою наружностью, уставилъ въ меня такъ свои глаза и поворачивалъ свое тупое рыло такъ укоризненно, что я прохныкалъ ему, обходя вокругъ: «право, сэръ, я принужденъ былъ это сдѣлать! Я взялъ это не для себя!» Онъ опустилъ на это голову, обдалъ меня цѣлымъ облакомъ пара изъ своихъ ноздрей и исчезъ, лягая задними ногами и вертя хвостомъ.

Все это время я пробирался къ рѣкѣ; но хотя я шелъ очень скоро, я не могъ согрѣть моихъ ногъ; казалось, холодъ былъ привинченъ къ нимъ, какъ желѣзо къ ногѣ человѣка, которому я бѣжалъ на встрѣчу. Я хорошо зналъ мою дорогу на батарею, я былъ тамъ съ Джо, въ воскресенье, и Джо говорилъ мнѣ, посадивъ меня на старую пушку, что мы тамъ будемъ славно потѣшаться, когда я совсѣмъ поступлю къ нему въ ученье. Среди тумана однакоже я увидѣлъ наконецъ, что зашелъ слишкомъ далеко, и мнѣ приходилось вернуться назадъ вдоль рѣки, по спуску, усыпанному щебнемъ и уставленному шестами, обозначающими предѣлы пролива. Пробираясь тутъ какъ можно скорѣе, я перепрыгнулъ черезъ канаву, которая, я зналъ, была возлѣ старой батареи, и вскарабкался уже на насыпь, находившуюся за канавой, какъ вдругъ я увидѣлъ человѣка, сидѣвшаго передо мной. Онъ сидѣлъ спиной ко мнѣ сложа руки, и кивалъ головой во снѣ.

Я подумалъ, ему будетъ пріятнѣе, если я вдругъ подойду къ нему, неожиданно, съ завтракомъ, и вотъ я тихонько подкрался и коснулся его плеча. Онъ вдругъ вскочилъ. Но это былъ не тотъ самый человѣкъ, это былъ другой!

Онъ былъ однакоже одѣтъ также въ сѣромъ, съ тяжелымъ желѣзомъ на ногѣ, онъ также хромалъ, дрожалъ отъ холода, короче, всѣмъ былъ похожъ на моего незнакомца, кромѣ лица, и носилъ плоскую, широкополую пуховую шляпу. Все это я успѣлъ окинуть взглядомъ въ одну минуту, потому что онъ оставался передо мною не долѣе минуты; онъ выругалъ меня, замахнулся было кулакомъ, но это былъ слабый ударъ, до меня

не дошедшій, отъ котораго онъ оступися и почти упалъ,—и потомъ онъ исчезъ въ туманѣ, еще оступившись нѣсколько разъ.

«Это должно-быть тотъ молодой человекъ», подумалъ я, чувствуя, какъ екнуло мое сердце, когда я призналъ его. Я полагаю, я почувствовалъ бы также боль въ печени, еслибъ я только зналъ, гдѣ она находилась у меня.

Вскорѣ послѣ этого я достигъ батареи и нашелъ тамъ моего настоящаго незнакомца. Онъ ковылялъ взадъ и впередъ, по прежнему охвативъ себя руками, какъ будто въ этомъ прошла у него цѣлая ночь, и поджидая меня. Навѣрное ему было страшно холодно. Я ожидалъ, вотъ такъ онъ и упадетъ передо мной и умретъ отъ холода. По глазамъ его было видно, что его мучить также страшный голодь. Когда я подалъ ему пилу, мнѣ пришло въ голову, не попробуетъ ли онъ ее съѣсть, если не замѣтитъ моего узелка. Этотъ разъ онъ не перевернулъ меня вверхъ ногами, чтобъ очистить мои карманы, но выждалъ пока я развязалъ узелокъ и вынулъ чтò у меня было въ карманахъ.

— Чтò это въ бутылкѣ, мальчикъ? сказалъ онъ.

—Водка, отвѣчалъ я.

Онъ уже набивалъ себѣ ротъ сладкою начинкой, необыкновенно куріознымъ образомъ, какъ будто онъ ея не ѣлъ, а только второпяхъ пряталъ ее; но онъ оставилъ ее, чтобы выпить водки. Все это время онъ дрожалъ такъ сильно, что едва не откусилъ шейки у пузырька.

— Я полагаю, у васъ лихорадка, сказалъ я.

— Да, я того же мнѣнія, мальчикъ, отвѣчалъ онъ.

— Здѣсь скверно, сказалъ я ему.—Вы лежали на болотѣ; а отъ него такъ и несетъ лихорадкой, да еще ревматизмомъ.

— Я справлюсь съ завтракомъ, прежде чѣмъ смерть справится со мной, отвѣчалъ онъ.—Я его все-таки съѣмъ, хотя бы мнѣ пришлось сейчасъ же потомъ висѣть на висѣлицѣ; я справлюсь и съ ознобомъ также, держу съ тобой пари.

Онъ уписывалъ разомъ сладкую начинку, мясо, хлѣбъ, сыръ, пирогъ съ свининой, недоувѣрчиво посматривая на туманъ, окружавшій насъ, и останавливаясь по временамъ, даже останавливая движеніе своихъ челюстей, чтобы прислушиваться при каждомъ звукѣ, дѣйствительномъ или воображаемомъ, при каждомъ плескѣ рѣки или дыханья скотины, пасшейся на болотѣ, онъ вздрагивалъ, и вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Да ты не надуваешь меня, бѣсенокъ? Никого ты не привелъ съ собой?

— Нѣтъ, сэръ! никого!

— И никому не велѣлъ за собой слѣдовать?

— Нѣтъ!

— Ну, сказалъ онъ, — я вѣрю тебѣ. Вправду, злой былъ бы ты псенокъ, еслибы въ твои лѣта ты сталъ помогать травить жалкую тварь, почти до смерти загнанную.

Что-то забвенно у него въ горлѣ, какъ-будто тамъ у него былъ часовый ходъ, сейчасъ готовый пробить. И онъ махнулъ оборваннымъ рукавомъ по своимъ глазамъ.

Сочувствуя его несчастіямъ и посматривая какъ уписывалъ онъ пирогъ, я собрался съ духомъ, чтобы сказать ему:

— Я очень радъ, что пирогъ пришелся вамъ по вкусу.

— Ты говорилъ?

— Я сказалъ, что я очень радъ, что пирогъ пришелся вамъ по вкусу.

— Благодарю тебя, мой мальчикъ, очень пришелся.

Часто я бывало наблюдалъ, какъ ѣла наша большая собака, и теперь я замѣтилъ рѣшительное сходство между собакой и этимъ человѣкомъ. Онъ совершенно какъ собака рвалъ пищу зубами и съ необыкновенною поспѣшностью проглатывалъ каждый кусокъ, посматривая искоса, какъ будто онъ ожидалъ опасности со всѣхъ сторонъ, что вотъ кто-нибудь придетъ и унесетъ его пирогъ. Я думалъ, его мысли были слишкомъ разстроены, что онъ не могъ спокойно наслаждаться пищею или раздѣлить ее съ кѣмъ-нибудь, не оскала зубы на непрошеннаго гостя! Во всѣхъ этихъ мелочахъ, онъ былъ очень похожъ на собаку.

— Я боюсь, вы ему ничего не оставите, сказалъ я кротко, послѣ нѣкотораго молчанія, удерживаясь до сихъ поръ одною вѣжливостью отъ такого намека. — Достать болѣе невозможно.

— Оставить ему? Кому ему? сказалъ мой пріятель, переставъ на минуту глотать корку пирога.

— Молодому человѣку, о которомъ вы говорили, который былъ у васъ.

— А! отвѣтилъ онъ, съ грубою усмѣшкой. — Ему. Да, да! Онъ не хочетъ ѣсть.

— А я такъ видѣлъ по лицу его, будто ему хотѣлось, сказать я.

Человѣкъ пересталъ ѣсть и посматривалъ на меня подозрительно и съ изумленіемъ.

— Видѣлъ, когда?

— Вотъ теперь, сейчасъ.

— Гдѣ?

— Тамъ, сказалъ я, указывая, — тамъ я нашелъ его; онъ спалъ, я думалъ, что это были вы.

Онъ схватилъ меня за шиворотъ и до того вперилъ свои глаза, что я подумалъ, не пришла ли ему опять мысль переѣзжать мнѣ глотку.

— Знаете, одѣтъ совершенно какъ вы, только въ шляпѣ, объяснялъ я дрожа, — и — и, — я желалъ ему сказать это какъ можно поделикатнѣе, — и ему также нужна пила. Не слышали вы развѣ, какъ изъ пушки вчера вечеромъ стрѣляли?

— Такъ стрѣляли! сказалъ онъ про себя.

— Удивляюсь, какъ вы этого не знали навѣрное, отвѣчалъ я; — мы слышали выстрѣлъ дома, а это далѣе, и потомъ мы сидѣли запершись.

— Видишь, сказалъ онъ, — когда человѣкъ одинъ на этомъ болотѣ, да еще съ пустымъ желудкомъ и не твердою головою, погибаетъ отъ холода и голода, ему только слышатся выстрѣлы да голоса, да мерещатся солдаты, въ красныхъ мундирахъ съ факелами. Ему слышится, какъ вызываютъ его номеръ, какъ окликаютъ его самого; онъ слышитъ стукъ ружей, слышитъ команду: готовься! подходи! накрывай! и вотъ они наложили на него руки, и все кончено! Вчера ночью мнѣ представилась не одна партія сыщиковъ, приходившихъ сюда строемъ, чортъ побори ихъ маршировку! — мнѣ мерещились цѣлыя сотни ихъ. А чтó до выстрѣловъ, такъ мнѣ казалось туманъ еще дрожалъ отъ нихъ, когда уже былъ бѣлый день. Но этотъ человѣкъ — онъ проговорилъ эту рѣчь, какъ будто онъ забылъ, что я находился тутъ — замѣтилъ ты въ немъ что-нибудь?

— Лицо его было разбито, сказалъ я, припоминая обстоятельство, въ которомъ я самъ былъ не совершенно увѣренъ.

— Не здѣсь ли? воскликнулъ человѣкъ, безжалостно ударивъ себя ладонью по лѣвой щекѣ.

— Да, здѣсь.

— Гдѣ онъ?

Онъ запряталъ себѣ за пазуху оставшуюся у него пищу.

— Покажи мнѣ, куда онъ ушелъ. Я затравлю его какъ гон-

чая собака. Будь проклято это желѣзо на моей ногѣ! Давай мнѣ напилоть, мальчикъ.

Я показавъ въ какомъ направленіи скрылся другой человекъ въ туманѣ, и онъ посмотрѣлъ туда съ минуту. Но вотъ онъ бросился на сырую траву и принялся, какъ сумашедшій, пилить желѣзо на ногѣ, не обращая вниманія ни на меня, ни на натертую, окровавленную ногу, какъ будто въ ней было чувства не болѣе чѣмъ въ самой пилѣ. Я опять былъ страшно перепуганъ, видя до какого раздраженія онъ довелъ себя. Я сказалъ ему, что мнѣ пора идти; но онъ не обращалъ на это вниманія, и я подумалъ, что лучше всего для меня—дать теперь тягу. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его, какъ онъ стоялъ, наклоня голову надъ колъномъ и усердно работалъ надъ колодкой, проклиналъ ее и свою ногу. Я остановился еще, чтобы послушать съвозъ туманъ, и пила, я слышалъ въ послѣдній разъ, продолжала визжать.

IV.

Я былъ увѣренъ, что найду въ нашей кухнѣ полицейскаго, ожидавшагося меня, чтобъ арестовать. Но полицейскаго не было, и даже покража не была еще пока замѣчена. Мистриссъ Джо была страшно занята чисткою дома и приготовленіями къ наступившему празднику. Джо выслали на крыльцо, чтобъ онъ не попадалъ въ сорный ящикъ, который онъ обыкновенно въ заключеніе опрокидывалъ, пока сестра моя усердно чистила столы.

— А куда нелегкая тебя носила? услышалъ я отъ мистриссъ Джо, вмѣсто рождественскаго привѣтствія, когда мы съ моею совѣстью показали въ кухню.

Я сказалъ, что уходилъ послушать коляду.

— Ну, это еще хорошо, замѣтила мистриссъ Джо,—а то могло случиться чтѣ и хуже.

Совершенная правда, подумалъ я.

— Можетъ-быть, не будь я только женою простаго кузнеца, которая фартука съ себя не спускаетъ, я бы также послушала коляду, сказала мистриссъ Джо.—Люблю сама коляду;

вотъ поэтому-то видно никогда и не удастся мнѣ ее послушать.

Джс рѣшился войти за мной въ кухню, когда ящикъ съ соромъ исчезъ, и съ примирительнымъ видомъ провелъ рукой по носу, встрѣтя суровый взглядъ мистриссъ Джо. Когда она свела съ него глаза, онъ тайкомъ скрестилъ два пальца и показалъ мнѣ ихъ въ знакъ, что мистриссъ Джо находилась въ худомъ расположеніи духа. Это было ея нормальное состояніе, и часто, по этому случаю, пальцы у насъ съ Джо оставались скрещенными въ продолженіи цѣлыхъ недѣль, какъ ноги надгробныхъ статуй крестоносцевъ.

Въ этотъ день у насъ готовился великолѣпный обѣдъ, состоявшій изъ варенаго окорока ветчины, зеленой капусты и пары жареныхъ куриць; великолѣпный пирогъ съ сладкою начинкой былъ испеченъ еще вчера (поэтому не хватились сладкой начинки, которую я унесъ), и пуддингъ уже стоялъ на огнѣ; несмотря на эти приготовления, нашъ завтракъ былъ обрѣзанъ очень не церемонно.

— Вотъ еще, стану я, говорила мистриссъ Джо,—церемониться съ вами, чтобы вы набивали себѣ брюхо, и мыть послѣ васъ; у меня и безъ того дѣла по горло.

Итакъ намъ дали наши ломти, какъ будто мы были войско, двигающееся форсированнымъ маршемъ, и мы запивали ихъ глотками молока съ водой, изъ кружки, поставленной для насъ на кухонный столъ. Между тѣмъ мистриссъ Джо повѣсила къ окошку чистыя занавѣски, прибила гвоздочками новую оборку къ камину и отворила дверь въ парадную гостиную, которая оставалась закрытою и не топленною цѣлую зиму, такъ что холодъ серебрястыхъ ея обоевъ сообщался четыремъ бѣлымъ фарфоровымъ пуделямъ, симметрично разставленнымъ на каминѣ и державшимъ въ своихъ черныхъ мордахъ корзинки съ цвѣтами. Мистриссъ Джо была очень опрятная хозяйка, но у ней былъ удивительный талантъ дѣлать самую чистоту еще неприятнѣе грязи. Ея опрятность въ этомъ отношеніи была похожа на набожность нѣкоторыхъ людей, умѣющихъ сдѣлать неприятною самую религіозность.

Сестра моя, имѣя столько работы на рукахъ, послала насъ въ церковь вмѣсто себя. Джо въ своемъ рабочемъ костюмѣ смотрѣлъ ловкимъ, бравымъ кузнецомъ, но въ своемъ праздничномъ платьѣ онъ былъ болѣе похожъ на воронье пугало, принаряженное. Ни одна часть его костюма не приходилась по немъ, казалось, не принадлежала ему, и каждая жала его.

Что касалось до меня, то, я полагаю, моя сестра имѣла неопредѣленное сознание, будто я былъ важный преступникъ, котораго полицейскій акушеръ принялъ при самомъ рожденіи и передалъ ей, чтобъ она поступила со мною, согласно съ мѣровъ оскорбленнаго мною величія закона. Со мной всегда обращались такъ, какъ будто я родился насильно, вопреки законамъ разума, религіи и морали, вопреки настоятельнымъ убѣжденіямъ моихъ лучшихъ друзей. Даже, когда мнѣ заказывали новую пару платья, портному отдавали приказаніе, чтобъ онъ его сдѣлалъ какъ исправительное одѣяніе, и чтобъ оно ни подъ какимъ видомъ не позволяло мнѣ свободно двигаться.

Мы съ Джо, поэтому, идя въ церковь, вѣроятно представляли изъ себя трогательное зрѣлище для сострадательныхъ душъ. Что я перестрадалъ дорогой, далеко не можетъ сравниться съ мученіями, которыя я испыталъ дома. Страхъ, преслѣдовавшій меня каждый разъ, какъ мистриссъ Джо подходила близко къ кладовой или выходила изъ комнаты, только соответствовалъ угрызениямъ совѣсти, меня мучившей, когда я думалъ о моемъ поступкѣ. Удрученный тягостію моей преступной тайны, я раздумывалъ, была ли самая церковь достаточно могущественна, чтобы защитить меня отъ мстительности страшнаго *молодаго челоуька*, еслибъ я объявилъ эту тайну внутри ея. Мнѣ пришло въ голову, когда дѣлалось оглашеніе, и священникъ прибавилъ: «вы обязаны теперь объявить»,—встать съ моего мѣста и пригласить его на объясненіе въ ризницу. Я почти увѣренъ, что я поразилъ бы нашу малую паству, и прибѣгъ бы даже къ этой крайней мѣрѣ, будь сегодня обыкновенное воскресенье вмѣсто Рождества.

Мы ожидали къ обѣду мистера Вопсла, дьячка, и также мистера Гебля, колеснаго мастера, и мистриссъ Гебль и дядю Пемблчука (дядю Джо, но мистриссъ Джо присвоила его себѣ); это былъ богатый хлѣбный торговецъ, въ ближайшемъ городѣ, имѣвшій свою собственную кабриолетку. Обѣдъ былъ назначенъ въ половинѣ втораго. Когда мы съ Джо вернулись домой, столъ уже былъ накрытъ, мистриссъ Джо одѣта, обѣдъ готовъ, и парадная дверь отворена въ ожиданіи гостей, и все было необыкновенно какъ великолѣпно. О покражѣ пока еще не было и помину.

Обѣденное время наступило, не принося облегченія моимъ чувствамъ, и гости собрались. У мистера Вопсла, соединявшаго съ римскимъ профилемъ широкій лоснящійся лобъ, былъ глу-

бокій басъ, которымъ онъ необыкновенно гордился. Да, его знакомые знали, поотпусти только ему поводья, такъ онъ загонялъ бы до смерти самого священника; онъ самъ говорилъ, еслибы только поприще церковное было открыто для всѣхъ, то онъ пожалуй не отчаивался бы занять на немъ замѣтное мѣсто. Но поприще церковное не было открыто, и онъ оставался, какъ я сказалъ, нашимъ дьячкомъ. Громовымъ голосомъ возглашалъ онъ аминь, и называя псадомъ, онъ всегда произносилъ весь первый стихъ, оглядывая кругомъ все собраніе, какъ бы говоря: «слышали вы своего друга наверху, обяжите меня вашимъ отвѣтомъ!»

Я отворялъ двери для гостей, какъ будто это было мое всегдашнее занятіе. Перваго я впустилъ мистера Вопсля, потомъ мистера и мистриссъ Гебль и наконецъ дядю Пембльчука. Замѣьте, мнѣ не позволяли подъ строгимъ наказаніемъ называть его дядей.

— Мистриссъ Джо, сказалъ дядя Пембльчукъ (это былъ огромный, неповоротливый человекъ среднихъ лѣтъ, съ одышкой, ротъ у него былъ широкій, какъ у рыбы, глаза тусклые навывкатъ, и волосы песочнаго цвѣта, стоявшіе торчмя; онъ выглядѣлъ словно подавился и только-что пришелъ въ себя).— Я принесъ вамъ подарокъ для праздника; я принесъ вамъ, сударыня, бутылку хереса; я принесъ вамъ, сударыня, бутылку портвейна.

Каждое Рождество онъ являлся, повторяя тѣ же самыя слова и неся двѣ бутылки, какъ гири, и каждое Рождество также мистриссъ Джо давала ему тотъ же самый отвѣтъ, какъ и теперь.

— О, дя-дя Пем-бль-чукъ! Какъ вы добры!

Каждое Рождество тоже онъ возражалъ на это какъ и теперь:

— Это такъ слѣдуетъ вамъ. Ну, теперь, какъ вы пробавляетесь? каковъ ты золотникъ мѣди? разумѣлъ онъ меня.

Мы обѣдали обыкновенно, въ эти торжественные случаи, на кухнѣ и приходили для десерта въ гостиную. Эта перемена совершенно соответствовала переодѣванью Джо изъ рабочаго въ праздничное платье. Моя сестра, при настоящемъ случаѣ, была необыкновенно жива, и вообще она была гораздо любезнѣе въ обществѣ мистриссъ Гебль нежели съ другими гостями. Я припоминаю себѣ, мистриссъ Гебль была низенькая, кудрявая, остроугольная барыня, въ платьѣ небесно-голубаго цвѣта; она вѣчно молодилась, потому что она вышла за-

мужъ замистера Гебль,—я не знаю, какъ давно это случилось,— когда она была гораздо его моложе; я припоминаю, мистеръ Гебль былъ кражистый, широкоплечій, сутуловатый человѣкъ, пожилыхъ лѣтъ, съ раскаряченными ногами, отъ котораго пахло сырими опилками; я бывало видалъ цѣлыя мѣли перспективы промежъ его ногъ, когда мнѣ случалось встрѣчаться съ нимъ въ просалкѣ.

Среди этого высшаго общества я чувствовалъ бы свое фальшивое положеніе, еслибы даже я и не обокралъ кладовой,— не потому что меня сдавили на самомъ углу стола, который своимъ острымъ концомъ впивался въ мою грудь, между тѣмъ какъ локоть Пембльчука прямо норовилъ мнѣ въ глазъ; не потому что мнѣ не позволяли говорить (я вовсе и не желалъ говорить); не потому что меня угощали чешуйчатыми кончиками куриныхъ ножекъ и неизвѣстными обрѣзками свинины, которыми всего менѣе могло бы хвастаться животное при своей жизни. Нѣтъ, на все на это я не обратилъ бы вниманія, если бы только меня оставили въ покоѣ. Но они меня не оставляли. Какъ было потерять имъ случай сдѣлать меня предметомъ разговора и колоть меня? Я представлялъ совершенное подобіе молодого быка на испанской аренѣ, и больно терзали меня эти нравственные бандерильесы.

Моя мука началась съ той самой минуты, какъ мы сѣли за обѣдь. Мистеръ Вопсль прочелъ молитву съ театральной декламацией, нѣсколько въ тонѣ, какъ мнѣ теперь кажется, гамлетовскаго привидѣнія и Ричарда III, и окончилъ приличнымъ придыханіемъ, которое совершенно преисполнило насъ благодарностью. Сестра моя послѣ этого обратила на меня свой взглядъ, и сказала тихимъ голосомъ, исполненнымъ упрёка:

— Слышишь ты? Будь благодарень.

— Особенно, сказалъ мистеръ Пембльчукъ,—будь благодарень тѣмъ, кто выкормилъ тебя рукой.

Мистриссъ Гебль покачала головой, и посматривая на меня съ мрачнымъ предчувствіемъ, какъ будто изъ меня не выйдетъ добра, спросила:

— Отчего это молодые люди никогда не бываютъ благодарны?

Эта нравственная тайна повидимому озадачила всю компанію, пока мистеръ Гебль не порѣшилъ ея, говоря:

— Природа испорчена.

Каждый теперь пробормоталъ «справедливо!» поглядывая на меня особенно неприязненнымъ взглядомъ.

Положеніе и вліяніе Джо было еще слабѣе, если это возможно, когда у насъ бывали гости. Но онъ всегда выручалъ меня и утѣшалъ какъ могъ, даже и за столомъ, подливая мнѣ соуса. Джо налилъ мнѣ теперь съ чашку.

Позже мистриссъ Вопсль началъ критиковать сегодняшнюю проповѣдь съ особенною строгостью и объявилъ, по своему обыкновению, что еслибы церковное поприще было открыто для всѣхъ, какую бы онъ проповѣдь сказады! Сообщивъ имъ главныя статьи своего воображаемаго произведенія, онъ замѣтилъ, что самый сюжетъ сегодняшняго поученія былъ неудачно выбранъ, и это тѣмъ менѣе извинительно, когда встрѣчается повсюду такая бездна сюжетовъ.

— Опять справедливо, сказалъ дядя Пембльчукъ.—Вы мѣтко попали, сэръ! Бездна сюжетовъ попадаютъ тому, кто умѣетъ посыпать имъ соли на хвостъ. Вотъ въ чемъ главное. Человѣку не нужно далеко ходить, чтобы найти сюжетъ, если только у него солонка наготовѣ. Посмотрите на эту свинину, прибавилъ мистеръ Пембльчукъ, послѣ нѣкотораго размышленія.—Вотъ вамъ сюжетъ! Чтò же вашъ сюжетъ лучше этой свинины?

— Справедливо сэръ. Великая мораль для молодежи, возразилъ мистеръ Вопсль,—и я напередъ зналъ, что онъ непременно меня втащитъ сюда, прежде нежели онъ даже сказалъ это,—можетъ быть выведена изъ этого текста.

— Изволь у меня слушать, сказала мнѣ сестра съ строгостью.

Джо подлилъ мнѣ еще соуса.

— Свинья, продолжалъ мистеръ Вопсль, густымъ басомъ, указывая вилокъ на мои покраснѣвшія щеки, какъ будто онъ называлъ меня по имени:—свинья были сообщниками блуднаго сына. Пророчество свиней приводится здѣсь, какъ примѣръ для молодежи. (А онъ еще такъ похвалявалъ свинину за ея жиръ и сочность.) Чтò отвратительно въ свиныхъ, еще отвратительнѣе въ мальчикѣ.

— Или въ дѣвочкѣ, подсказала мистриссъ Гебль.

— Конечно, въ дѣвочкѣ, мистриссъ Гебль, поддакнулъ мистеръ Вопсль, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ;—но здѣсь нѣтъ дѣвочки на лицо.

— Кроме того, сказалъ мистеръ Пембльчукъ, вдругъ обра-

тившись ко мнѣ,—подумай, какъ ты долженъ быть за это благодаренъ. Еслибы ты родился пискуномъ...

— Онъ былъ пискунъ, какъ ни одинъ изъ дѣтей, сказалъ моя сестра съ особенною силой.

Джо подлилъ мнѣ еще соуса.

— Можетъ-быть, но я разумѣю четвероногого пискуна, сказалъ мистеръ Пемблчукъ. Еслибы ты родился имъ, гдѣ бы ты былъ теперь?

— На столѣ, сказалъ мистеръ Вопслъ, указывая на окорокъ.

— Я хитро это говорю, сэръ, возразилъ мистеръ Пемблчукъ, не любившій, чтобъ его прерывали.—Онъ не наслаждался бы теперь съ старшими и высшими, не изощрялъ бы своихъ способностей въ бесѣдѣ съ ними, не жилъ бы въ роскоши. Конечно, нѣтъ. И какова была бы твоя судьба? прибавилъ онъ, опять обращаясь ко мнѣ. — Тебя бы продали за нѣсколько шиллинговъ, смотря по рыночной цѣнѣ; мясникъ Денстабль пришелъ бы за тобою, подхватилъ бы тебя подъ лѣвую руку, а правую досталъ бы перочинный ножикъ изъ своего жилетнаго кармана и выпустилъ бы изъ тебя кровь. Ужь онъ не сталъ бы выкармливать тебя рукою, нѣтъ, этого и не ожидай.

Джо предложилъ мнѣ еще подливки, но я боялся и взять.

— Я думаю, у васъ было съ нимъ бездна хлопотъ, сударыня, сказала мистриссъ Гебль, сожалѣя мою сестру.

— Хлопотъ? повторила моя сестра:—хлопотъ? И потомъ начала страшный каталогъ всѣхъ болѣзней, въ которыхъ я оказался виновенъ, всѣхъ высокихъ предметовъ съ которыхъ я сваливался, всѣхъ низенькихъ предметовъ, о которые я спотыкался, всѣхъ ушибовъ, которыми я пугалъ ее, и сколько разъ желала она, чтобъ я слегъ въ могилу, но я упорно отказывался исполнить ея желанія!

Я полагаю, Римляне часто досаждали другъ другу своими носами. Можетъ-быть, вслѣдствіе этого они сдѣлались спокойными людьми. Какъ бы то ни было, но римскій носъ мистера Вопсля страшно досаждалъ мнѣ въ продолженіи этого перечета моихъ проступковъ, и у меня была большая охота схватить его за носъ и ущипнуть до слезъ. Но всѣ мои мученія пока были ничто въ сравненіи съ страшными ощущеніями, овладѣвшими мною, когда наконецъ было прервано молчаніе, наступившее послѣ разказа моей сестры, въ продолженіе котораго всѣ на меня глядѣли съ негодованіемъ и отвращеніемъ.

— Однакоже, сказалъ мистеръ Пембльчукъ, возвращаясь снова къ сюжету, отъ котораго они отдалились:—свинья вареная, разумеется, также очень жирна, не правда ли?

— Хотите водочки, дядя? сказала моя сестра.

О небо, наконецъ мое время пришло. Онъ сейчасъ узнаеть, что водка слаба, скажетъ это, и я пропадъ! Я крѣпко ухватился обѣими руками за ножку стола подъ скатертью и выжидалъ моей судьбы.

Сестра моя вышла за глинянымъ кувшиномъ, возвратилась съ нимъ и налила дядѣ Пембльчуку водки. Проклятый чловѣкъ! онъ еще вздумалъ тѣшиться съ своею рюмкой, поднялъ ее вверхъ, посмотрѣлъ на нее на свѣтъ и поставилъ опять, продолжая мои мученія. Все это время мистриссъ Джо и ея мужъ очищали столъ для пирога и пуддинга.

Я не могъ свести глазъ съ дяди Пембльчука. Все продолжая держаться по прежнему руками и ногами за ножку стола, я наблюдалъ, какъ этотъ гнусный чловѣкъ игралъ рюмкой, потомъ взялъ ее со стола, съ улыбкой откинулъ назадъ голову и выпилъ водку залпомъ. Минуту спустя, вся компанія была повергнута въ невыразимое изумленіе. Онъ выскочилъ изъ-за стола, завертѣлся въ страшномъ припадкѣ кашая и бросился въ дверь; мы увидѣли потомъ въ окошко, какъ онъ сгибался въ три погибели, плевалъ и дѣлалъ отвратительнѣйшія гримасы, словно сумашедшій.

Я держался крѣпко. Мистриссъ Джо и ея мужъ побѣжали за нимъ. Я не зналъ, какъ я это сдѣлалъ; но я не сомнѣвался, что какимъ-нибудь образомъ я его убилъ. Въ моемъ страшномъ положеніи, мнѣ было отраднo, когда его привели назадъ, и, посматривая на цѣлую компанію, съ такимъ видомъ какъ будто ему было тошно, онъ опустился на стулъ и судорожно произнесъ многозначительное:

— Деготь!

Я долилъ бутылку изъ кружки съ дегтярною водой. Я двгалъ столомъ, какъ посредникъ духовъ нашего времени силой невидимыхъ рукъ.

— Деготь! вскричала моя сестра въ удивленіи.—Какъ попалъ сюда деготь?

Но дядя Пембльчукъ былъ всемогущъ въ нашей кухнѣ, онъ не хотѣлъ слышать ни слова болѣе объ этомъ предметѣ, повелительно махнулъ рукой и потребовалъ джину. Сестра моя, уже начинавшая раздумывать, сейчасъ же отправилась за жи-

номъ, горячею водою, сахаромъ, лимонною коркой, и принялась смѣшивать эти снадобья. Я былъ спасенъ на время, по крайней мѣрѣ. Я продолжалъ однако держаться за ножку стола, но теперь я сжималъ ее со всѣмъ жаромъ благодарности.

Я успокоился мало-по-малу и принялся за пуддингъ. Мистеръ Пемблчукъ также ѣлъ пуддингъ. Всѣ ѣли пуддингъ. Обѣдъ кончился, и мистеръ Пемблчукъ просіялъ подъ отраднымъ вліаніемъ джина съ водою. Я уже начиналъ думать, что день пройдетъ для меня спокойно, какъ вдругъ сестра моя сказала Джо:

— Чистыя тарелки.

Я сію же минуту снова схватился за ножку стола, и она прижалась къ моей груди, какъ будто она была спутникомъ моего дѣтства, подругой моего сердца. Я предвидѣлъ что приближалось, и чувствовалъ, что на этотъ разъ я въ самомъ дѣлѣ погябъ.

— Вы должны отвѣдать, сказала моя сестра, обращаясь къ гостямъ съ необыкновенною любезностью, — вы должны въ заключеніе отвѣдать подарка дяди Пемблчука!

Да, какъ бы не такъ!

— Я вамъ должна сказать, объявила моя сестра, подымаясь съ мѣста, — это пирогъ, это необыкновенно вкусный пирогъ съ свиной.

Компанія бормотала свои привѣтствія. Дядя Пемблчукъ, чувствуя, что онъ сдѣлалъ великую услугу своимъ ближнимъ, сказалъ съ удивительною живостью:

— Постараемся, мистриссъ Джо; пожалуйста намъ кусочикъ пирога.

Моя сестра вышла, чтобы достать его. Я слышалъ ея шаги, какъ приближалась она къ кладовой. Я видѣлъ, какъ мистеръ Пемблчукъ игралъ ножомъ. Я видѣлъ, какъ аппетитъ пробуждался въ римскихъ ноздряхъ мистера Вопера. Я слышалъ замѣчаніе мистера Гебля, что «кусочекъ вкуснаго пирога ляжетъ поверхъ всякой ѣды и не сдѣлаетъ вреда.» Я слышалъ, Джо говорилъ мнѣ: «тебѣ дадутъ кусочекъ, Пипъ». Я не знаю положительно, заревѣлъ ли я въ самомъ дѣлѣ отъ ужаса, или это было только мое воображеніе, но я чувствовалъ, что далѣе я не могъ вынести, и долженъ былъ бѣжать. Я выпустилъ ножку стола и бросился опрометью какъ отъ смерти.

Но я добѣжалъ не далѣе дверей, меня встрѣтилъ здѣсь отрядъ солдатъ съ ружьями, и одинъ изъ нихъ, протягивая мнѣ кандалы, говорилъ:

— Стой, равняйся, заходи!

V.

Появленіе солдатъ, застучавшихъ о нашъ порогъ прикладами своихъ заряженныхъ ружей, заставило всю нашу компанію подняться изъ-за стола въ смущеніи; мистриссъ Джо между тѣмъ вернулась въ кухню съ пустыми руками, и восклицая:

— Боже милостивый, кто это поддѣлъ мой пирогъ?

Сержантъ и я были въ кухнѣ, когда вошла мистриссъ Джо. Въ эту трагическую минуту я успѣлъ собраться съ духомъ. Сержантъ оглядывалъ всю компанію, любезно протягивалъ правой рукой кандалы, опершись лѣвою рукой на мое плечо.

— Извините меня, госпожи и господа, сказалъ сержантъ, — но, какъ я замѣтилъ въ дверяхъ этому лихому малому (чего вовсе не было), я посланъ въ погоню по службѣ королевской, и мнѣ нужно кузнеца.

— А позвольте узнать, зачѣмъ вамъ его нужно? возразила моя сестра съ сердцемъ, досадуя, что онъ понадобился имъ.

— Миссисъ, отвѣчалъ ловкій сержантъ, — еслибъ я говорилъ отъ себя, то я сказалъ бы вамъ: онъ мнѣ нуженъ, ради чести и удовольствія знакомства съ его достойною супругой; ведя рѣчь отъ короля, я отвѣчу просто: у меня есть для него работа.

Эта любезность сержанта произвела пріятное впечатлѣніе; и даже мистеръ Пемблѣчукъ закричалъ вслухъ:

— Превосходно!

— Видите, кузнецъ, сказалъ сержантъ, открывшій между тѣмъ Джо, — у насъ случился казусъ; а я вижу, замокъ одной колодки испорченъ, да и связи дѣйствуютъ не совсѣмъ легко, а онѣ требуются немедленно; будьте такъ добры, взгляните на нихъ.

Джо на нихъ взглянулъ и объявилъ, что для этой работы придется развести огонь въ его горнѣ, и она возьметъ часа два.

— Право? такъ принимайтесь же за нее разомъ, кузнецъ, сказалъ развязный сержантъ.— Это дѣло требуется для королевской службы. Но если мои люди могутъ помочь вамъ, то они къ вашимъ услугамъ.

Онъ позвалъ тутъ своихъ людей, которые столпились въ кухнѣ и поставили свои ружья въ углу. Потомъ расположились они, какъ обыкновенно дѣлаютъ солдаты: кто вольно складывалъ руки, кто разминалъ колѣно или плечо, для отдыха; кто спускалъ португезю или сумку, кто наконецъ отворялъ дверь и неповоротливо плевалъ на дворъ, съ высоты своихъ галстуковъ.

Я видѣлъ все это, не сознавая въ ту пору того, что видѣлъ, потому что я оставался еще въ агоніи страха. Не замѣчая теперь, что колодки были подлѣ меня, и что явившееся воинство отодвинуло пирогъ на задній планъ, я понемногу собралъ мои разбѣянные мысли.

— Можете вы мнѣ сказать, сколько теперь времени? спросилъ сержантъ, обращаясь къ мистеру Пемблчуку, какъ къ чело-вѣку, сознававшему болѣе всѣхъ цѣну времени.

— Ровно половина третьяго.

— Это еще не худо, сказалъ сержантъ въ раздумьѣ;— мы успѣемъ, если даже придется намъ пробить здѣсь около двухъ часовъ. Какъ далеко отсюда до болота? Я полагаю, не болѣе миль?

— Ровно миль, сказала мистриссъ Джо.

— Хорошо. Мы начнемъ оцѣплять ихъ около сумерекъ. Мнѣ приказано, сейчасъ передъ сумерками. Хорошо, успѣемъ.

— Каторжники, сержантъ? спросилъ мистеръ Воесль положительнымъ тономъ.

— Да! отвѣчалъ сержантъ,— двое. Очень хорошо известно, что они на болотѣ до сихъ поръ; и они не рискнутъ выйдти оттуда до сумерекъ. Видѣлъ кто-нибудь изъ васъ такого краснаго звѣря?

Всѣ, за исключеніемъ меня, сказали съ полною увѣренностью: нѣтъ. Никто не подумалъ обо мнѣ.

— Ну, сказалъ сержантъ, — я полагаю, они попадутъ въ цѣпи прежде чѣмъ думаютъ. Теперь, кузнецъ, если вы готовы, его величество король ожидаетъ вашей службы.

Джо снялъ свой сюртукъ, жилетъ, галстукъ, надѣлъ кожаный фартукъ и отправился въ кузницу. Одинъ изъ солдатъ открылъ деревянную ставню, другой разложилъ огонь, третій

принялся за мѣхи, остальные расположились около огня, который вскорѣ запылалъ. Джо началъ ковать, и мы всё глядѣли на него.

Интересъ работы не только поглащалъ всеобщее вниманіе, но расположилъ мою сестру къ особенной щедрости. Она нацѣдила изъ боченка кувшинъ пива солдатамъ и предложила сержанту рюмку водки. Но мистеръ Пемблѣчукъ сказалъ ей рѣзко:

— Дайте ему вина, сударыня, я ручаюсь, по крайней мѣрѣ, что въ немъ нѣтъ дегтя!

Сержантъ поблагодарилъ его и сказалъ, что онъ предпочитаетъ напитокъ безъ примѣси дегтя, и лучше выпьетъ вина, если это не сдѣлаетъ разницы. Когда ему подали его, онъ выпилъ залпомъ, за здоровье его величества, пожелавъ присутствующимъ счастливаго праздника, и зачмокалъ губами.

— Хорошо, сержантъ, э? сказалъ мистеръ Пемблѣчукъ.

— А я думаю, отвѣчалъ сержантъ:—что вино-то должно быть ваше.

Мистеръ Пемблѣчукъ засмѣялся такъ сдобно и сказалъ:

— Э, э? Почему же?

— Да потому, отвѣчалъ сержантъ, трепля его по плечу,— что вы человекъ, знающій въ вещахъ толкъ.

— Вы думаете? сказалъ мистеръ Пемблѣчукъ, съ прежнимъ смѣхомъ.—Выпейте же еще рюмку.

— Съ вами? извольте, чокнемся, сказалъ сержантъ.— Ну, край вашей рюмки къ ножкѣ моей, край моей рюмки къ ножкѣ вашей. Разъ ударьте, другой ударьте, лучшей музыки не надо! Ваше здоровье! Тысячу лѣтъ вамъ жить да всегда быть такимъ же судьбою въ вещахъ, какъ теперь!

Сержантъ снова осушилъ свою рюмку, и повидимому былъ совершенно готовъ для слѣдующей. Я замѣтилъ, мистеръ Пемблѣчукъ, въ порывѣ своего гостепріимства, забывъ, какъ кажется, что онъ подарилъ вино; онъ взялъ бутылку у мистриссъ Джо и подчивалъ всѣхъ кругомъ съ необыкновеннымъ радушіемъ. Даже досталось и на мою долю. И онъ былъ такъ щедръ на вино, что даже потребовалъ вторую бутылку и подчивалъ изъ нея всѣхъ такъ же радушно, когда была осушена первая.

Смотря на нихъ, какъ они толпились и наслаждались-себѣ около кузнечнаго горна, я думалъ, что мой пріятель, бѣглый на болотѣ, былъ удивительною приправой къ обѣду. Они и

въ половину не были такъ веселы, пока новое развлеченіе, которое онъ доставлялъ имъ теперь, не оживило пира. И въ эти минуты, когда они всё ожидали съ восторгомъ, какъ поймаютъ мерзавцевъ, когда самые мѣхи, казалось, съ ревомъ требовали бѣглецовъ, пламя освѣщало ихъ, дымъ торопился по ихъ слѣдамъ, Джо отковывалъ ихъ молоткомъ, и ирраціональныя тѣни по стѣнамъ грозили имъ всякій разъ, какъ подымалось пламя и красныя искры разсыпались, замирая,—въ эти минуты, говорю я, сѣрый полдень, какъ представлялось моему дѣтскому, сострадательному воображенію, сильнѣе еще блѣднѣлъ за этихъ двухъ несчастныхъ.

Наконецъ Джо кончилъ свою работу; звонъ и ревъ прекратились. Джо надѣлъ свой сюртукъ и собрался съ духомъ, чтобы предложить идти вмѣстѣ съ солдатами, посмотреть, чѣмъ кончится поискъ. Мистеръ Пембльчукъ и мистеръ Гебль отказались, предпочитая трубку и общество дамъ. Но мистеръ Воецъ сказалъ, что онъ посаждаетъ за Джо; Джо это было очень пріятно, онъ хотѣлъ взять и меня, если мистриссъ Джо не будетъ противъ. Я увѣренъ, никогда не добился бы мы ея позволенія, еслибы не примѣшалось тутъ ея любопытство узнать подробно обо всемъ и также чѣмъ все это кончится. Она прибавила только въ видѣ условія:

— Если вы принесете мальчика съ разможенной головой отъ выстрѣла, такъ не ожидайте, чтобы я починила ее.

Сержантъ вѣжливо простился съ дамами и разстался съ мистеромъ Пембльчукомъ, какъ съ старымъ товарищемъ, хотя я сомнѣваюсь, чтобы въ сухоматку онъ также совершенно оцѣнилъ всѣ достоинства этого джентльмена. Люди его взяли свои ружья и удалились. Мистеру Воецлю, Джо и мнѣ было наказано, чтобы мы держались позади и ни слова не говорили, когда войдемъ въ болото. Выйдя на сырой воздухъ и твердо идя теперь къ нашей цѣли, я измѣнически шепнулъ Джо:

— Я надѣюсь, Джо, мы не найдемъ ихъ.

И Джо шепнулъ мнѣ:

— Шиллингъ готовъ дать, если они утекли, Пипъ.

Къ намъ никто не присоединился изъ деревни; погода была холодная и суровая, дорога пустынная и скользкая; становилось темно; огни привѣтливо свѣтились въ домахъ; люди праздновали Рождество. Нѣсколько лицъ показались у освѣщенныхъ окошекъ и посмотрѣли вслѣдъ намъ, но никто не вышелъ. Мы прошли вѣстовой столбъ и направились прямо къ кладбищу.

Сержантъ далъ намъ знать рукой, чтобы мы остановились здѣсь на нѣсколько минутъ; тѣмъ временемъ двое или трое солдатъ разошлись между могилъ и осмотрѣли также паперть. Они вернулись, не открывъ ничего, и мы двинулись тогда въ болото, черезъ калитку кладбища. Здѣсь подулъ на насъ рѣзкій восточный вѣтеръ, пошелъ дождь съ снѣгомъ, и Джо взялъ меня на спину.

Когда мы вступили въ эту безотрадную пустыню, гдѣ, чего никто не подозрѣвалъ, я былъ восемь или девять часовъ тому назадъ и видѣлъ обоихъ бѣглецовъ, я подумалъ, въ первый разъ съ ужасомъ, что если мы попадемъ на нихъ, не будетъ ли подозрѣвать мой каторжникъ, что я привелъ сюда солдатъ? Онъ спрашивалъ меня, не лукавый ли я бѣсенокъ, и сказалъ, что я вправду буду злою собакой, если стану гоняться за нимъ за одно съ другими. Не подумаетъ ли онъ теперь, что я въ самомъ дѣлѣ бѣсенокъ и собака, и въ самомъ дѣлѣ предалъ его?

Теперь было нечего задавать себѣ подобные вопросы. Я сидѣлъ на спинѣ Джо, Джо былъ подо мною, прыгая черезъ канавы, какъ ретивая охотничья лошадь, и подстрекая мистера Вопсля, чтобъ онъ не отставалъ отъ насъ и не падалъ на свой римскій носъ. Солдаты шли впереди насъ, растянувшись въ довольно-длинную цѣпь съ значительными промежутками. Мы шли по тому же направленію, которое я выбралъ-было сначала и отъ котораго я удалился въ туманъ. Туманъ еще не поднялся, а можетъ-быть и вѣтеръ разогналъ его. При красномъ освѣщеніи заката, баканъ, висѣлица, батарея и противоположный берегъ были совершенно видны, хотя казались свинцовою цѣтѣ.

Сердце мое билось, словно кузнечный молотъ, на широкомъ плечѣ Джо. Я высматривалъ вездѣ слѣды каторжниковъ, и ничего не видалъ, ничего не слышалъ. Мистеръ Вопсль безпрестанно пугалъ меня своею одышкой и сморканьемъ, но въ заключеніе я приучилъ себя къ этимъ звукамъ и могъ отдѣлать ихъ отъ цѣли нашего поиска. Меня стала бить лихорадка, когда мнѣ показалось вдругъ, что я слышу визжанье пилы; но это былъ колокольчикъ на шеѣ овцы. Бараны перестали ѣсть и боязливо посматривали на насъ; скотъ повернулъ голову отъ вѣтра и снѣга и сердито глядѣлъ на насъ, какъ-будто мы были виновны въ обѣихъ этихъ неприятностяхъ; но за исключеніемъ замиранья дня, еще дрожавшаго въ каждой былинкѣ ничто не нарушало холоднаго спокойствія болота.

Солдаты двигались въ направленіи къ старой батарее; мы шли нѣсколько поодаль отъ нихъ, какъ вдругъ мы все остановились. Продолжительный крикъ достигъ теперь до насъ на крыльяхъ вѣтра и дождя. Крикъ повторился, онъ доходилъ къ намъ съ восточной стороны. Это былъ громкій, продолжительный крикъ; судя по смѣшенію звуковъ, казалось даже, что это были два или нѣсколько криковъ, поднятыхъ въ одно время.

Сержантъ и ближайшіе къ нему солдаты разговаривали вѣроятно объ этомъ, прикрывъ рукой ротъ, когда мы съ Джо подошли къ нимъ. Прислушавшись еще минуту, Джо (который былъ хорошій судья) подавъ свое согласіе, и мистеръ Вонель (который былъ плохой судья) также согласился. Сержантъ, человѣкъ рѣшительный, приказалъ не отвѣчать на этотъ крикъ, но переменить направленіе и идти ускореннымъ шагомъ въ ту сторону, откуда онъ выходилъ. Итакъ, мы повернули направо, на востокъ, и Джо зашагалъ такъ проверно, что я долженъ былъ ухватиться за него крѣпче, чтобы не упасть.

Да, теперь это былъ бѣгъ взапуски: съ насыпей вверхъ по насыпямъ, черезъ шлязы, въ канавы, между камышами,—никто не обращалъ вниманія, куда онъ шелъ. Ближе подходи на крикъ, мы видѣли, что его подымали нѣсколько голосовъ. Иногда онъ совершенно замолкалъ, и тогда солдаты останавливались. Когда онъ снова прорывался, солдаты еще поспѣшнѣе бросались по слѣду, и мы за ними. Послѣ нѣкотораго времени, мы подошли такъ близко, что ясно могли слышать, какъ одинъ голосъ кричалъ: «рѣжутъ», а другой—«каторжники! бѣгле! сторожа! эй сюда! здѣсь бѣгле каторжники!» Потомъ оба голоса, казалось, будто замерли въ борьбѣ, но вотъ они снова прорывались, и тогда солдаты и мы съ Джо лѣтели съ быстротой оленя.

Сержантъ первый прибѣжалъ на мѣсто; почти вмѣстѣ съ нимъ прибѣжали два солдата и уже взвели курки, когда мы все подошли къ нимъ.

—Здѣсь они оба! говорилъ сержантъ, задыхаясь и барахтаясь на днѣ канавы.—Сдавайтесь! Пропадайте вы, дикіе звѣри! Да разойдется ли вы?

Брызги воды, комья грязи лѣтели во все стороны, слышались проклятія, сыпались удары; нѣсколько солдатъ сошли въ канаву, чтобы помочь сержанту, и вытащили по одиночкѣ сна-

чала моего каторжника, потомъ другаго; оба они задыхались, проклинали, барахтались, оба были покрыты кровью, но, разумѣется, я ихъ сейчасъ узналъ обоихъ.

— Помните! сказалъ мой каторжникъ, утирая кровь съ лица своими оборванными рукавами и отряхивая съ пальцевъ вырванные волосы.—Я взялъ его, я выдаю вамъ его теперь Помните это!

— Большой тутъ важности нѣтъ, сказалъ сержантъ.—Тебѣ отъ этого пользы большой не будетъ, любезный, ты самъ попался въ ту же бѣду. Эй, колодки!

— Я себѣ и не ожидаю никакой пользы. Я и не желаю себѣ лучше этой награды, сказалъ мой каторжникъ съ жаднымъ смѣхомъ.—Я взялъ его. Онъ это знаетъ. Съ меня довольно этого!

Другой каторжникъ весь посинѣлъ. Онъ былъ теперь совершенно избитъ и оборванъ. Онъ едва могъ собраться съ духомъ, чтобы вымолвить слово, пока имъ надѣвали колодки, и стоялъ, опершись на солдата.

— Забѣйте, сторожъ! онъ пытался меня убить, были первые его слова.

— Пытался убить его? сказалъ каторжникъ съ пренебреженіемъ.—Пытался и не успѣлъ? Я взялъ его и выдаю теперь, вотъ что я сдѣлалъ. Я не только помѣшалъ ему уйдти съ болота, я притащилъ его сюда. Этотъ мерзавецъ—джентльменъ, съ вашего позволенія. Теперь черезъ меня на плашкотъ опять попалъ джентльменъ. Убить его? Стоило убить его, когда я могъ для него сдѣлать хуже и притактить его назадъ!

Другой только повторялъ, задыхаясь:

— Онъ старался, онъ старался убить меня, да. Будьте, будьте свидѣтелями.

— Посмотрите сюда, сказалъ мой каторжникъ сержанту:—безъ всякой помощи я ускользнулъ изъ тюрьмы; я могъ бы утянуть и изъ этого чортова болота,—взгляните мнѣ на ногу: что, много на ней желѣза?—еслибъ я не открылъ, что онъ здѣсь. Пустить его на волю? Дать ему воспользоваться средствами, которыя я нашелъ? Позволить ему снова сдѣлать изъ меня орудіе? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Умирая здѣсь, на днѣ этой канавы, я бы такъ крѣпко его захватилъ, что вы навѣрное нашли бы его въ моихъ рукахъ.

Другой бѣглый, очевидно страшно боявшійся своего товарища, повторялъ:

— Онъ пробоваль убить меня; я погибъ бы, еслибы вы не пришли.

— Лжетъ онъ, сказалъ мой каторжникъ съ яростью.—Онъ лжетъ отъ рожденья и умретъ такимъ; посмотрите на его лицо, у него написано это; пусть онъ взглянетъ на меня, нѣтъ, небось, не посмѣетъ.

Другой сидился презрительно улыбнуться, но не могъ однакоже придать какое-нибудь выраженіе нервнымъ движеніямъ своего рта, и посматрѣлъ на солдата, на болото, на небо, но конечно не взглянулъ на говорившаго.

— Вы теперь видите, продолжалъ мой каторжникъ,—видите, что это за мерзавецъ? Видите эти пресмыкающіеся, блуждающіе глаза? Вотъ такъ онъ сматрѣлъ, когда насъ судили, ни разу не взглянулъ на меня.

Другой все продолжалъ работать своими засохшими губами и безпокойно ворочалъ кругомъ свои глаза; наконецъ, остановивъ ихъ на минуту на говорившемъ, онъ сказалъ:

— Стбитъ на тебя и глядѣть!—и бросилъ укоризненный взглядъ на связанные руки.

Въ эту минуту мой каторжникъ пришелъ въ совершенное изступленіе; онъ бросился бы на него непременно, еслибъ его не удержали солдаты.

— Не говорилъ ли я вамъ, сказалъ тогда другой каторжникъ,—что онъ убилъ бы меня, еслибы только могъ?

И каждый видѣлъ, что онъ дрожалъ отъ страха, на губахъ у него показались какія-то бѣлыя пленки, похожія на тонкій иней.

— Ну, довольно этой болтовни, сказалъ сержантъ,—засвѣтите факелы.

Одинъ изъ солдатъ, который несъ корзину вмѣсто ружья, сталъ на колѣни, чтобы раскрыть ее; мой каторжникъ посматрѣлъ въ первый разъ вокругъ себя и увидѣлъ меня. Я слѣзъ со спины Джо, на краю канавы, когда мы подошли, и не сдвинулся съ моего мѣста. Я пристально посматрѣлъ на него, когда онъ на меня взглянулъ и слегка провелъ рукой и покачалъ головой. Я выжидалъ нарочно, чтобъ онъ увидѣлъ меня и чтобъ я могъ удостовѣрить его въ моей невинности. Мнѣ не было очевидно, понялъ ли онъ даже мое намѣреніе; онъ бросилъ на меня такой взглядъ, котораго я не могъ тогда себѣ объяснить, и все это прошло въ одну минуту. Но смотри онъ

цѣлый часъ, цѣлый день даже, то лицо его и тогда, сколько я припомню, не могло бы выразить болѣе напряженное вниманіе.

Солдаты съ корзиной скоро достали огня и засвѣтили три или четыре факела, взявъ одинъ и роздали остальные другимъ; теперь уже совершенно стемнѣло. Прежде нежели мы покинули это мѣсто, четыре солдата, ставшіе въ кружокъ, два раза выстрѣлили на воздухъ: и позади насъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, за болотомъ и на противоположномъ берегу, также засвѣтились факелы.

— Все исправно, сказалъ сержантъ,—маршъ!

Еще мы прошли не много, какъ надъ нашими головами раздались три пушечные выстрѣла съ такою силой, что мнѣ показалось, будто у меня что-то въ ушахъ треснуло.

— Васъ ожидаютъ, сказалъ сержантъ моему каторжнику.— Знаютъ уже, что вы пожелаете. Не отставать. Сомнись!

Оба каторжника были раздѣлены, и каждый изъ нихъ шелъ, окруженный особою стражей. Джо велъ меня теперь за руку и несъ факель. Мистеръ Вопсль предлагалъ вернуться, но Джо рѣшился досмотрѣть до конца, и мы послѣдовали за партией. Теперь мы шли по удобной тропинкѣ, по берегу рѣчки, отъ которой мы уклонялись только когда намъ встрѣчалась плотина, съ миниатюрною вѣтряною мельницей и грязнымъ шлюзомъ. Большія огненные пятна падали съ факеловъ на дорожку, и я видѣлъ, какъ они горѣли и дымились на ней. Я не могъ ничего различить кромѣ чернаго мрака. Факелы своимъ пламенемъ согрѣвали воздухъ около насъ; это, казалось, нравилось плѣнникамъ, ковылявшимъ посреди стражи. Мы не могли идти слишкомъ скоро, они хромали и выбивались изъ силъ; раза два или три мы принуждены были даже остановиться, чтобы дать имъ отдохнуть.

Часъ спустя, мы достигли деревяннаго шалаша, находившагося на пристани. Въ шалашѣ была стража, которая окликнула насъ; сержантъ отвѣтилъ, и мы вошли въ него. Здѣсь мы нашли атмосферу табаку и штукатурки, свѣтлый огонь въ каминѣ, лампу, стойку съ ружьями, барабанъ и низенькія деревянные нары, на которыхъ могли умѣститься около дюжины солдатъ. Трое или четверо лежали на нихъ, закутавшись въ свои шинели; они мало интересовались нами, только приподняли головы, взглянули на насъ въ просонкахъ и снова улеглись.

Сержантъ сдѣлалъ свой рапортъ и записалъ въ книгу; а другой каторжникъ былъ отправленъ подъ стражею на плашкотъ.

Мой каторжникъ не смотрѣлъ на меня послѣ того раза; пока мы были въ шалашѣ, онъ стоялъ у огня, въ раздумьи глядя на него и грѣя свои ноги поочередно на рѣшеткѣ камина. Вдругъ онъ обратился къ сержанту, и сказалъ:

— Я хотѣлъ бы кой-что разказать о моемъ побѣгѣ, чтобы не подозрѣвали со мною другихъ.

— Вы можете говорить здѣсь, что хотите, отвѣчалъ сержантъ, стоявшій сложа руки и хладнокровно глядя на него.— Но вы не обязаны къ этому; у васъ будетъ еще случай говорить объ этомъ и слышать про это, пока съ вами не порѣшуть. Вы это знаете?

— Я знаю; но это совершенно другая, особенная статья. Человѣку не приходится умирать съ голоду. Я взялъ кой-что себѣ поѣсть въ деревнѣ, тамъ, гдѣ церковь поднимается почти изъ болота.

— То-есть укралъ, сказалъ сержантъ.

— И я скажу вамъ, гдѣ. У кузнеца.

— Ого! сказалъ сержантъ, посматривая на Джо.

— Ого, Пипъ! сказалъ Джо, поглядывая на меня.

— Это были кой-какіе остатки, нѣсколько глотковъ води и пирога.

— Не хватились ли вы пирога, кузнецъ? спросилъ сержантъ по секрету.

— Жена хватилась въ ту самую минуту, какъ вы вошли. Не такъ ли, Пипъ?

— Такъ, сказалъ мой каторжникъ, бросая сердитый взглядъ на Джо, и вовсе не глядя на меня.—Такъ вы кузнецъ, право? Сожалѣю очень, но я съѣлъ вашъ пирогъ.

— А на здоровье, Богъ свидѣтель, отвѣчалъ Джо.—Не знаемъ мы, что вы тамъ сдѣлали, но не хотѣли бы, чтобы бѣдный человѣкъ умиралъ съ голоду. Не такъ ли, Пипъ?

Что-то снова зазвенѣло въ горлѣ у этого человѣка, какъ я уже разъ замѣтилъ, и онъ повернулся спиной. Лодка вернулась; его стража была готова, мы послѣдовали за нимъ на пристань и видѣли какъ его посадили въ лодку, на которой гребли такіе же каторжники. Казалось, никто изъ нихъ не удивился, увидя его, не обрадовался ему, не сожалѣлъ о немъ; кто-то проворчалъ только, какъ собакамъ: «отваливай!» и весла опустили. При свѣтѣ факеловъ, мы увидѣли черный плашкотъ,

лежавшій не далеко отъ грязнаго берега, какъ преступный Ноевъ ковчегъ. Обитый желѣзомъ, зашвартовленный тяжелыми заржавленными цѣпями, этотъ плашкотъ, казалось мнѣ дѣтскимъ глазамъ, былъ самъ окованъ, какъ содержавшіеся на немъ заключенники. Мы видѣли, лодка подъѣхала къ нему; моего каторжника приняли на бортъ, и онъ исчезъ. Потомъ обгорѣлые концы факеловъ были брошены въ воду, и потухи съ шипѣніемъ, какъ будто все кончилось съ нимъ.

VI.

Состояніе моихъ мыслей относительно покражи, въ которой я былъ такъ неожиданно оправданъ, не вынудило меня къ откровенному признанію; но я надѣялся, что на днѣ этого преступления былъ все-таки свой осадокъ добра.

Я не припомню, чтобы меня особенно мучила совѣсть въ отношеніи къ мистриссъ Джо, когда я пересталъ опасаться открытія. Но я любилъ Джо можетъ-быть потому только, что въ эти дѣтскія лѣта милый малый позволялъ мнѣ любить себя, и передъ нимъ мнѣ было не такъ легко успокоить мое сердце; меня преслѣдовала мысль (особенно когда я увидѣлъ въ первый разъ, какъ онъ искалъ своего напилка), что Джо я долженъ былъ высказать всю правду. Но я этого не сдѣлалъ; я подозрѣвалъ, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ обо мнѣ худшаго мнѣнія нежели я этого дѣйствительно заслуживалъ. Опасеніе потерять довѣріе Джо, быть осуждену, потомъ сидѣть по вечерамъ въ одиночествѣ, въ углу у камина, тоскливо поглядывая на прежняго моего друга и сотоварища, оторвавшагося отъ меня, завязало мнѣ языкъ. Я болѣзненно воображалъ себѣ, что если Джо узнаетъ это, то всякій разъ, когда я увижу его у огня, мнѣ будетъ представляться, что и онъ объ этомъ думаетъ. Я воображалъ, что еслибъ онъ узналъ объ этомъ, то всякій разъ, глядя на вчерашній пуддингъ или говядину, появившіеся на другой день на нашемъ столѣ, онъ станетъ непременно думать, не заходилъ ли я въ кладовую: Я воображалъ, что еслибы Джо узналъ объ этомъ, то въ послѣдствіи всякій разъ, когда его пиво выдыхалось бы или густѣло, онъ будетъ подозрѣвать въ немъ примѣсъ дегтя. Словомъ, трусость удерживала еперъ меня отъ хорошаго поступка, какъ прежде навела она

меня на худой поступокъ. Въ то время я не имѣлъ никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ; я не подражалъ здѣсь многимъ обитателямъ его, дѣйствующимъ совершенно такимъ же образомъ. Какъ гений-самоучка, я самъ начерталъ себѣ планъ моего поведенія.

Мнѣ очень хотѣлось спать, когда мы оставили плашки; Джо опять взялъ меня на спину и понесъ домой. Я полагаю, даже и для него' это было утомительное похождение, но мистеръ Вопсль рѣшительно выбился изъ силъ и былъ въ такомъ расположеніи духа, что будь теперь церковное поприще открыто для всѣхъ, то вѣроятно онъ предалъ бы анаемѣ всю нашу экспедицію, начиная съ Джо и меня. Въ силу своего въ свѣтѣ положенія, онъ съ безумнымъ упрямствомъ безпрестанно садился на сырую землю, и когда, вернувшись, онъ снялъ сюртукъ, чтобы просушить его у огня, его панталоны представляли такую сильную улику, что его непременно бы повѣсили на основаніи ея, будь это уголовное преступленіе.

Меня поставили на ноги, я вдругъ пробудился изъ глубокаго сна, отъ жара, свѣта и шумнаго разговора, и повалился на полъ. Придя въ себя, при помощи тяжелаго кулака въ спину и восклицанія сестры: «ну видѣлъ ли кто-нибудь такого мальчика?» я услышалъ, какъ Джо передавалъ признаніе каторжника, и гости придумывали, какими путями онъ могъ забраться въ кладовую. Мистеръ Пембльчукъ, тщательно осмотрѣвъ мѣстность, объявилъ, что сначала онъ должно-быть взлѣзъ на крышу кузницы и потомъ спустился черезъ трубу по веревкѣ, которую онъ свилъ изъ простынь. Мистеръ Пембльчукъ былъ необыкновенно положителенъ въ своихъ словахъ; онъ ѣздилъ въ своемъ собственномъ кабриолетѣ, гордо наѣзжая на прохожихъ, и потому всѣ согласились съ нимъ, что это было дѣйствительно такъ.

Правда, мистеръ Вопсль дико заревѣлъ: «нѣтъ!» со всею злобой уставшаго человѣка; но у него въ запасѣ не было никакой теоріи, не было также сюртука на плечахъ, и всѣ единодушно забаллотировали его, не говоря уже о томъ, что паръ валилъ клубами изъ его спины, когда онъ стоялъ задомъ къ огню; это обстоятельство, конечно, также не внушало довѣрія.

Вотъ все, что я слышалъ въ этотъ вечеръ, пока сестра моя не схватила меня, какъ бѣльмо съ глазу честной компаніи, и не потащила спать такую сильною рукой, что мнѣ казалось,

будто у меня пятьдесят сапогъ на ногахъ, которые всѣ разомъ стучали по краямъ ступенекъ.

Мысли мои только на слѣдующее утро пришли въ то состояніе, которое я выше описалъ, и они тянулись долго потомъ, когда происшествіе было уже забыто и о немъ упоминали лишь въ особыхъ случаяхъ.

VII.

Въ то время, когда я стоялъ на кладбищѣ и читалъ надписи на памятникахъ моей семьи, вся моя ученость шла на далѣе складовъ. Я понималъ даже очень не точно простой смыслъ этихъ надписей, которыя я прочитывалъ по складамъ; такимъ образомъ, слова: «жена вышеупомянутаго», я объяснялъ себѣ, указывали на достойное возвышеніе моего отца въ высшій міръ, и еслибы про одного изъ моихъ родственниковъ было сказано: «нижеупомянутый», то, нѣтъ сомнѣнія, я вывелъ бы самое худое мнѣніе объ этомъ членѣ семейства; мои богословскія познанія, почерпнутыя изъ катехизиса, также были не совсѣмъ точны. Я очень живо помню, мнѣ казалось, что слова: «соблюдать заповѣди Господни и ходить въ нихъ во вся дни живота моего», обязывали меня проходить черезъ нашу деревню въ одномъ извѣстномъ направленіи, не сворачивая съ него ни у мельницы, ни у лавки колесника.

Когда подросту, мнѣ предстояло поступить въ ученье къ Джо, а до тѣхъ поръ мистриссъ Джо говорила, что меня не слѣдовало баловать и холить. Поэтому я не только помогалъ при кузницѣ, но если кому изъ сосѣдей бывалъ иногда нуженъ мальчикъ, чтобы пугать птицъ или собирать въ полѣ камни, то такое дѣло всегда поручалось мнѣ. Но чтобъ это не могло унижить нашего высокаго положенія, сестра моя держала на каминѣ кружку, куда, всѣмъ было извѣстно, опускались мои заработки. Можетъ-быть эти экономіи были предназначены для погашенія государственнаго долга, но я знаю, я не имѣлъ ни малѣйшей тогда надежды сдѣлаться обладателемъ такого сокровища.

Бабка мистера Вопсла держала въ нашей деревнѣ вечернюю школу; сказать правду, это была полоумная старуха съ очень ограниченными средствами и неограниченными болѣзнями,

которая имѣла привычку спать каждый вечеръ отъ шести до семи часовъ въ сообществѣ юношества, платившаго ей два ценса въ недѣлю за такое поучительное зрѣлище. Она наняла маленькій коттеджъ; мистеръ Вопсль жилъ наверху, и ученики слышали, какъ онъ читалъ тамъ громко, съ необыкновеннымъ достоинствомъ и грозно стуча намъ въ потолокъ. Въ нашей деревнѣ существовало всеобщее заблужденіе, будто мистеръ Вопсль экзаминовалъ учениковъ каждые три мѣсяца. Но вотъ чтò онъ обыкновенно дѣлалъ при этомъ случаѣ: онъ заворачивалъ обшлага, взъерошивалъ себѣ волосы и читалъ намъ рѣчь Марка-Антонія надъ трупомъ Цезаря. Затѣмъ обыкновенно слѣдовала ода Калинса о страстяхъ, въ которой мистеръ Вопсль особенно поражалъ меня своимъ олицетвореніемъ мести, причемъ онъ обыкновенно бросалъ съ страшнымъ громомъ свой окровавленный мечъ. Тогда я чувствовалъ совершенно иначе нежели въ позднѣйшее время, когда дѣйствительно я былъ въ сообществѣ страстей, и, сравнивая ихъ съ Калинсомъ и Вопслемъ, выводилъ невыгодныя заключенія для обоихъ джентльменовъ.

Бабка мистера Вопсля, кромѣ того, держала въ той же самой комнатѣ лавочку. Она не имѣла ни малѣйшаго понятія, какой былъ у ней товаръ, ни также сколько онъ стоилъ; но въ ящикѣ лежала засаленая книжка, служившая преишь-курантомъ, и, съ помощью этого оракула, Бидди справляла всѣ торговыя операціи; Бидди была внучка бабушки мистера Вопсля. Какъ она приходилась мистеру Вопслю, признаюсь, я не могъ рѣшить этой задачи. Она была сирота подобно мнѣ, и подобно мнѣ была *выкормлена рукой*. Я думалъ, каждому особенно бросались въ глаза ея оконечности; потому что волосы у ней всегда были нечесанные, руки невымытыя, башмаки изорванные и истоптанные. Это замѣчаніе однакоже относилось только къ буднямъ. Въ воскресенье она являлась въ церковь совершенно отчищенная.

Отчасти самоучкою, отчасти при помощи Бидди и безъ всякаго содѣйствія бабки мистера Вопсля, я успѣлъ пробраться черезъ азбуку, какъ будто это былъ кустъ терновый, измучившись и испарапавшись вдоволь на каждой буквѣ. Послѣ этого я попалъ къ этимъ разбойникамъ, девяти цигарамъ, которыхъ каждый вечеръ являлись передо мной въ новомъ видѣ, такъ что я никакъ не могъ признать ихъ. Наконецъ, я на-

чалъ оцупью читать, писать и считать въ самыхъ малыхъ размерахъ.

Однажды вечеромъ я сидѣлъ въ углу у камина съ моею аспидною доскою, прилагая необыкновенныя старанія, чтобы сочинить письмо къ Джо. Я думаю, это было годъ спустя послѣ нашей экспедиціи въ болото; на дворѣ стояла зима съ сильнымъ морозомъ: положивъ азбуку у ногъ, для справокъ, я успѣлъ часа въ два отпечатать слѣдующее посланіе:

мой лебезны ДЖО наДюС, Вы соВершено ЗДорОВ наДюС
СКрО Будучит Вы ДЖО и тогда радБудочено когда Будуче-
ник ВАш ВотТо ВеСеЛ И Я любЩИ Васъ

ПиП.

Особенной необходимости писать къ Джо мнѣ не было, потому что онъ сидѣлъ возлѣ и мы были одни. Но я передалъ ему мое посланіе собственноручно, и Джо принялъ его какъ чудо учености.

— Слушай, Пипъ, старый дружище! воскликнулъ Джо, тараща свои голубые глаза. — Да ты у меня, братъ, ученый! Право!

— Хотѣлъ бы я быть ученымъ, сказалъ я, поглядывая на аспидную доску, съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ, что мое писаніе лгало слишкомъ въ гору.

— Помилуй, вотъ тутъ П, сказалъ Джо, — а тутъ О, какъ нельзя быть лучше. Пипъ Джо.

Я никогда не слышалъ, чтобы Джо читалъ вслухъ что-нибудь кромѣ этого односложнаго слова; я замѣтилъ также, въ прешедшее воскресенье въ церкви, когда ненарочно повернулъ молитвенникъ навыворотъ, что для него это было все равно. Желая узнать при этомъ удобномъ случаѣ, не придется ли мнѣ начать учить Джо съ самаго начала, я сказалъ:

— Да вы прочтите до конца, Джо.

— До конца, Пипъ, э? сказалъ Джо, поглядывая на доску съ медленнымъ испытующимъ взглядомъ. — Разъ, два. Да тутъ два Ж и два О, два Джо Пипъ!

Я нагнулся къ Джо, и указывая пальцемъ, прочелъ ему цѣлое письмо.

— Удивительно! сказалъ Джо, когда я кончилъ. — Ты ученый!

— Ну, Джо, какъ вы сложите Гарджери? спросилъ я его съ покровительствующимъ тономъ.

— Да никакъ не складываю, сказалъ Джо.

— Но, положимъ, вы стали бы складывать?

— И предположить этого невозможно, сказалъ Джо, — хотя я страшный охотникъ читать.

— Вправду, Джо?

— Какой еще охотникъ! Дайте мнѣ только, сказалъ Джо, — хорошую книгу или газету, да посадите меня къ хорошему огню. Лучшаго я и не прошу. Богъ ты мой! продолжалъ онъ, потирая колѣна. — Вдругъ встрѣтишь Ж, да потомъ О, и говоришь себѣ: вотъ и Джо!

Я заключилъ отсюда, что воспитаніе Джо пребывало еще въ состояніи младенчества.

— Ходили вы въ школу, Джо, спросилъ я его, — когда вы были моихъ лѣтъ?

— Нѣтъ, Пипъ.

— Отчего же это, Джо, вы не ходили въ школу, когда вы были моихъ лѣтъ?

— Пожалуй, Пипъ, сказалъ Джо, взявъ кочергу и начиная поправлять огонь между нижними полосами камина, какъ это обыкновенно бывало съ нимъ, когда задумывался, — я разкажу тебѣ. Отецъ мой, Пипъ, любилъ выпить, и когда онъ запивалъ, онъ отработывалъ мою мать безъ всякой жалости; правду сказать, это была единственная работа, кромѣ того, что доставалось отъ него на мою долю. А ужъ меня-то онъ отдѣлывалъ такъ, какъ никогда онъ не работалъ своимъ молотомъ по наковальнѣ. Слышишь ты да смѣкаешь, Пипъ?

— Да, Джо.

— Мы съ матерью много разъ бѣгали отъ отца; мать бывало наймется въ работу и говоритъ мнѣ: «ну, Джо, съ Божьею помощію, теперь будешь ты учиться у меня, дитя мое,» и отдастъ меня въ школу. Но у отца-то моего было золотое сердце; никакъ онъ не могъ жить безъ насъ. Вотъ онъ придетъ за нами съ ватагой рабочихъ, да подыметъ передъ домомъ, гдѣ мы жили, такой гвалтъ, что насъ поневолѣ ему выдадутъ, и поведетъ насъ онъ домой, и начнетъ по своему отработывать. Вотъ видишь ли, Пипъ, сказалъ Джо, на минуту переставъ мѣшать огонь и поглядывая на меня, — это и мѣшало моему ученію.

— Да, да, бѣдный Джо!

— Хотя помни, Пипъ, сказалъ Джо, пристукнувши догматически раза два кочергою по верхней полосѣ, — отдавалъ всякому должное по достоинству, и одинаково справедливо судя

всѣхъ людей, ты самъ видишь, сердце-то у моего отца было золотое.

Я не видалъ этого, но не противорѣчилъ Джо.

— Ну, продолжалъ Джо,—видишь, Пипъ, кто-нибудь долженъ подумать, чтобы было, что ѣсть, а то придется пальцы сосать.

Я это видѣлъ и соглашался съ Джо.

— Вотъ, отецъ мой и не мѣшалъ мнѣ идти работать; я и принялся за кузнечное ремесло; оно было и его промыселъ, еслибы только онъ занимался имъ. Увѣряю тебя, Пипъ, работалъ я крѣпко. Я могъ содержать его и содержалъ его, пока его не хватило апоплексическимъ ударомъ. И мое намѣреніе было вырѣзать на его памятникъ:

«Что если было въ немъ худое,
Читатель, помни, сердце у него было золотое.»

Джо произнесъ это двустипшіе съ такою гордостію и выраженіемъ, что я спросилъ у него, не было ли это его собственное произведеніе?

— Я его самъ сочинилъ, сказалъ Джо,—сочинилъ его въ одну минуту, словно выковалъ подкову съ одного удара. Въ жизнь мою, никогда я такъ не дивился самъ на себя, не вѣрилъ, чтобы это была моя собственная башка, право не вѣрилъ. Какъ я сказалъ тебѣ, Пипъ, мое намѣреніе было вырѣзать это на надгробномъ памятникъ; но стихи стоятъ денегъ, какъ ихъ ни вырѣзывай, крупно или мелко,—я и бросилъ это. Не говоря уже про похороны, всѣ деньги, какія тамъ были, нужны были моей матери. Здоровье ея совсѣмъ разстроилось, она исчахла и, бѣдная, скоро отправилась вслѣдъ за мужемъ; наступилъ миръ наконецъ и для ея души.

Голубые глаза Джо покрылись влагой, и онъ вытиралъ ихъ очень не нѣжно, сначала одинъ, потомъ другой, округленнымъ наконцомъ кочерги.

— Скучно было, сказалъ Джо,—жить здѣсь одному; я познакомился съ твоею сестрой. Ну, Пипъ!—Джо посмотрѣлъ на меня пристально, какъ будто онъ предчувствовалъ, что я не соглашусь съ нимъ:—твоя сестра—красивая женщина.

Я смотрѣлъ на огонь, очевидно, въ состояніи сомнѣнія.

— Что бы тамъ ни думали родственники, Пипъ, и цѣлый свѣтъ съ ними, но сестра твоя,—и Джо при каждомъ словѣ

ударялъ теперь кочергой по верхней полосѣ камня, — очень красивая женщина!

Я могъ сказать на это только:

— Очень радъ, что вы такъ думаете, Джо.

— И я также, отвѣчалъ Джо, — я также очень радъ, что я такъ думаю. Пожалуй, она немного красновата, немного костлява; да что это значитъ для меня?

Я замѣтилъ остроумно, что если для него это ничего, то кому можетъ быть до этого дѣло?

— Конечно, подтвердилъ Джо. — Въ томъ-то и дѣло. Ты правъ, старый дружище! Когда я познакомился съ твоею сестрой, всё только и говорили о томъ, какъ она тебя выкармливала отъ руки. Всё ее хвалили за доброту, и я хвалилъ за другихъ. Ну а ты, продолжалъ Джо, съ выраженіемъ лица, какъ будто представлялась ему какая-то гадина, — еслибы ты подозрѣвалъ, какой ты былъ маленькій, жиденькій, невзрачный, такъ ты получилъ бы о себѣ самое жалкое мнѣніе.

Мнѣ это было не совсѣмъ по вкусу, и я сказалъ:

— Ну, что говорить про меня!

— Но я говорилъ про тебя, Пипъ, отвѣчалъ Джо съ нѣжнымъ простосердечіемъ. — Когда я познакомился съ твоею сестрой и когда потомъ заводилъ съ нею рѣчь о свадьбѣ, всякій разъ какъ бывало она заходила въ кузницу, я замѣчалъ ей: и мальчугана-бѣдняжку принесите съ собою; Господь съ нимъ, говорилъ я твоей сестрѣ — мѣсто для него найдется въ кузницѣ.

Я зарыдалъ, просилъ прощенія и обнималъ Джо, который бросилъ кочергу, чтобы прижать меня къ себѣ, и сказалъ:

— Мы всегда были друзьями, Пипъ, не такъ ли? Не плачь, старый дружище!

Послѣ этого короткаго промежутка, Джо продолжалъ:

— Вотъ такъ-то мы и зажили, Пипъ! Такъ-то мы и зажили! Теперь, Пипъ, когда ты возьмешь меня къ себѣ въ науку (я напередъ тебѣ говорю, я страшно тупъ, необыкновенно какъ тупъ), мистриссъ Джо не должна видѣть, что мы съ тобою говоримъ. Дѣло надо дѣлать, я тебѣ скажу, втихомолку. И знаешь, почему втихомолку? Я тебѣ скажу, Пипъ, почему.

Онъ снова взялъ кочергу, безъ которой, я сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ продолжать свое объясненіе.

— Сестра твоя ужъ больно любить правительство.

— Правительство, Джо?— Меня это поразило, мнѣ теперь представлялась неясная идея и даже надежда, что Джо развелся съ нею, предоставивъ ее лордамъ адмиралтейства или казначейства.

— Да, любить, сказалъ Джо, — я, то-есть, хочу сказать: любить поцарствовать надъ нами съ тобой.

— О!

— И она не потерпитъ ученыхъ въ домѣ, продолжалъ Джо, — особенно не понравится ей, что я тоже моровлю въ ученые; она побойтся, что я взбунтуюсь противъ нея. Смѣкаешь?

Я готовъ былъ отвѣчать на этотъ вопросъ и уже сказалъ: «зачѣмъ», но Джо остановилъ меня.

— Пстой на минуту, знаю, что ты хочешь сказать, Пипъ, пстой на минуту! Я не противъ того, что твоя сестра распрягается иногда нами, какъ Великій Моголь, я не противъ того, что она держитъ насъ въ черномъ тѣлѣ, и что она сильно нападаетъ на насъ. При такихъ оказіяхъ, когда сестра твоя распѣтушатся, Пипъ (Джо понизилъ тутъ свой голосъ и посмотрѣлъ на дверь), справедливость потребуетъ сказать, что она раздуй-баба.

Онъ произнесъ это слово, какъ будто въ немъ была дюжина р.

— Зачѣмъ я терплю? Ты вѣдь это хотѣлъ сказать, Пипъ?

— Да, Джо.

— Ну, сказалъ Джо, взявъ въ лѣвую руку кочергу, а правою ощупывая бакенбарды (я терялъ обыкновенно всякую надежду, когда онъ принимался за это мирное занятіе);— у сестры твоей необыкновенный умъ. Необыкновенный умъ.

— Что это значитъ? спросилъ я, надѣясь, что мой вопросъ остановитъ его; но Джо продолжалъ:

— А у меня нѣтъ необыкновеннаго ума. И потомъ, Пипъ, я тебѣ это говорю не шута, старый дружище. Глядя на мою бѣдную мать, я уже посмотрѣлся довольно какъ эта женщина работала хуже каторжника, всю жизнь надрывала свое сердце и не имѣла ни одной спокойной минуты, вотъ я и до смерти боюсь, чтобъ и мнѣ не свихнуться, да не обидѣть женщины; такъ ужъ лучше, думаю, буду я послабѣе, да стану самъ терпѣть. Хотѣлъ бы я только, Пипъ, чтобъ я одинъ оттерпѣвался, чтобы къ тебѣ-то не была она окупа, старый дружище; пусть бы ужъ все на мнѣ обрывалось; но не все ходить по

гладкому да по ровному, Пипъ; и я надѣюсь, ты за это не взыщешь.

Какъ ни былъ я молодъ, но, я полагаю, съ этого вечера я сталъ еще болѣе удивляться Джо. Мы остались равными по-прежнему, но только потому, когда я сидѣлъ и смотрѣлъ на него, въ спокойныя минуты, и думалъ о немъ, во мнѣ пробуждалось новое чувство сознанія, что я глядѣлъ на Джо изъ глубины моего сердца.

— Однакоже, сказалъ Джо, вставая, чтобы подсыпать угольевъ,—вотъ часы уже собираются пробить восемь, а ея еще нѣтъ!

Мистриссъ Джо иногда ѣзжала въ городъ въ базарные дни съ дядей Пембльчукомъ, чтобы помогать ему въ различныхъ хозяйственныхъ закупкахъ, требовавшихъ женскаго глаза; дядя Пембльчукъ былъ холостякъ, и не полагался на свою служанку. Это былъ базарный день, и мистриссъ Джо уѣхала съ нимъ.

Джо поправилъ огонь, вымелъ очагъ, и потомъ мы вышли за дверь прислушаться не ѣдетъ ли кабриолетъ. Это былъ сухой, холодный вечеръ; дулъ рѣзкій вѣтеръ; морозъ оковалъ землю и покрылъ ее бѣлою пылью. Человѣкъ, подумалъ я, умереть въ такую ночь на болотѣ; я взглянулъ на звѣзды, и мнѣ пришло въ голову, какъ страшно должно-быть человѣку, умирая отъ холода, смотрѣть на эти миллионы свѣтилъ и не видѣть въ нихъ ни состраданія, ни помощи.

— Вотъ и кобыла, сказалъ Джо, — звенить словно колокольчикъ!

Желѣзныя подковы ея пріятно звенѣли о твердую дорогу; она приближалась легкою рысью, быстрѣе обыкновеннаго. Мы вынесли стулъ, чтобы мистриссъ Джо было легче выйти изъ экипажа, поправили огонь, чтобы онъ отграднѣе свѣтилъ имъ въ окошко, кинули послѣдній взглядъ, чтобы посмотреть, всѣ ли вещи на мѣстѣ. Когда мы кончили эти приготовления, они подѣхали къ крыльцу, совершенно закутанные. Мистриссъ Джо быстро спустилась на землю; мистеръ Пембльчукъ сошелъ также скоро, покрылъ кобылу попоной, и мы сейчасъ очутились въ кухнѣ, принеся съ собою массу холоднаго воздуха, который повидимому отнялъ все тепло у огня.

— Ну, сказала мистриссъ Джо, раскутываясь съ поспѣшностію и необыкновеннымъ волненіемъ, и отбрасывая на плечи

свою шляпку, которая повисла уже на завязкахъ,—если этотъ мальчикъ теперь не будетъ благодаренъ, такъ онъ никогда не исправится.

Я старался казаться по возможности благодарнымъ мальчикомъ, который совершенно не зналъ за что еще ему быть особенно признательнымъ.

— Надѣюсь только, сказала моя сестра,—что его не стануть слишкомъ ходить. Этого только я боюсь.

— Она не изъ такихъ, сударыня, сказалъ мистеръ Пемблчукъ.—Она понимаетъ вещи.

Она? Я посмотрѣлъ на Джо, двигая и губами, и бровями, какъ бы говоря: *она?* Джо поглядѣлъ на меня, повторяя вопросительно тѣмъ же движеніемъ губъ и бровей: *она?* Моя сестра подмѣтила это; онъ провелъ рукой по носу, съ своимъ обыкновеннымъ примирительнымъ видомъ, который онъ принималъ въ такихъ случаяхъ, и посмотрѣлъ на нее.

— Ну? сказала сестра отрывисто. — Чего выпялили глаза? Пожаръ что ли въ домѣ?

— Кто-то, замѣтилъ Джо вѣжливо,—сказалъ: *она*.

— Да, она, сказала моя сестра,—развѣ вы скажете онъ про миссъ Гевишамъ; я полагаю, однако, что и вы такъ далеко не пойдете.

— Миссъ Гевишамъ, которая живетъ тамъ въ городѣ? сказала Джо.

— Да развѣ есть еще другая миссъ Гевишамъ, которая жила бы за городомъ? возразила моя сестра.—Она зоветъ этого мальчика къ себѣ играть. И конечно, онъ пойдетъ туда, и пусть онъ изволеть у меня тамъ играть, сказала моя сестра, покачивая мнѣ головой въ видѣ пріятнаго поощренія,—или отработай его.

Я слышалъ про миссъ Гевишамъ, жившую въ городѣ; всѣ слышали про эту миссъ Гевишамъ; это была очень богатая, суровая леди, которая жила въ совершенномъ уединеніи, въ большомъ мрачномъ домѣ, наглухо запертомъ отъ воровъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ! сказалъ удивленный Джо.—Удивляюсь только, какъ она знаетъ Пипа?

— Болванъ! закричала моя сестра. — Кто сказалъ, что она его знаетъ?

— Кто-то сказалъ, замѣтилъ опять Джо очень вѣжливо, — что она зоветъ его къ себѣ играть.

— А не могла она развѣ спросить дядю Пембльчука, не знаетъ ли онъ какого-нибудь мальчика, который приходилъ бы къ ней играть? Развѣ не могло случиться, что дядя Пембльчукъ нанималъ у ней домъ, что иногда онъ приходилъ къ ней платить за наемъ, а не говорю каждую четверть, или каждые полгода, — твоей башкѣ этого не понять, — но иногда не могъ ли дядя Пембльчукъ, который всегда такъ думаетъ о насъ, хотъ вы, Джозефъ, можетъ-быть и другаго мѣшя, прибавила она съ тономъ глубокаго упрека, какъ будто Джо былъ самый нечувствительный племянникъ, — когда у него спросили про мальчика, не могъ ли онъ сказать про этого негодая, который тутъ скачетъ на одной ногѣ (чего я вовсе не дѣлалъ, торжественно васъ увѣряю), и которому я была вѣчно рабой?

— Удивительно! закричалъ дядя Пембльчукъ. — Превосходно высказано! Ловко сказано! Право удивительно! Ну, Джозефъ, теперъ вы знаете въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ, Джозефъ, сказала моя сестра съ прежнимъ укоризненнымъ тономъ, между тѣмъ какъ Джо проводилъ рукой по носу, — вы еще не знаете въ чемъ дѣло, хотя вы и не предполагаете можетъ-быть, что не знаете въ чемъ дѣло; вы думаете, что вы все уже знаете, нѣтъ, Джозефъ, вы еще не знаете всего. Вы не знаете, что дядя Пембльчукъ, чувствуя какое отъ этого можетъ выйти счастье для мальчика, предложилъ взять его съ собою сегодня же вечеромъ въ своемъ кабриолетѣ, оставить его у себя ночевать и завтра поутру отвезти къ миссъ Гевшамъ. Ахъ ты Господи! закричала вдругъ моя сестра, бросая свою шляпку во внезапномъ порывѣ отчаянія. — Я стою здѣсь и толкую съ этими олухами; дядя Пембльчукъ ждетъ, и его кобыла еще простудится, а мальчикъ съ ногъ до головы въ сажѣ и грязи!

Съ этими словами она накинулась на меня какъ орелъ на ягненка, и мое лицо вдругъ очутилось въ деревянной лоханкѣ въ прачешной, голова подъ краномъ кадки съ водою; меня мылили, мѣсили, тыкали, бороздили, терли до того, что я рѣшительно не чувствовалъ себя (замѣчу здѣсь кстати: вѣроятно не многіе лучше меня знаютъ всѣ неприятныя дѣйствія обручальнаго кольца, когда имъ не симпатически проводятъ по лицу).

Когда кончилось мое омовеніе, я былъ облеченъ въ чистое бѣлье, необыкновенно жесткое, какъ кающійся грѣшникъ во власяницу, и затянуть въ самое узкое платье. Потомъ меня пере-

дали мистеру Пемблчуку, который формально принял меня как шерифа преступника, и обратился ко мнѣ съ словами, уже давно бывшими у него на языкѣ, а это зналъ.

— Мальчикъ! будь благодаренъ твоимъ роднымъ, особенно тѣмъ, кто выкормилъ тебя рукой.

— Прощайте, Джо!

— Господь благослови тебя, Пипъ, старый дружище!

Я никогда еще съ нимъ не разставался до сихъ поръ; чувства мои были слишкомъ взволнованы; мыло ѣло мнѣ глаза, и сначала я не могъ видѣть звѣздъ изъ кабриолета. Но вотъ онѣ засверкали одна за другою, не проясняя мнѣ однакоже ни сколько: зачѣмъ я ѣхалъ играть къ миссъ Гевисамъ, и въ какую это игру?

ДВА МѢСЯЦА ВЪ ЛИВОРНО

Морское купанье въ Ливорно совершается совершенно иначе чѣмъ въ приморскихъ городахъ сѣверной Франціи, Остенде и южной Англій. Средиземное море не имѣетъ ни приливовъ, ни отливовъ, или имѣетъ ихъ въ такомъ маломъ видѣ, что дѣйствіе ихъ совершенно не замѣтно. Отъ этого огромная разница въ способѣ купанья. На сѣверо-западѣ Европы въ употребленіи небольшіе домики на колесахъ, которые помощію лошадей, или канатовъ, какъ въ Торке (Devonshire), ввозятся въ море; въ Ливорно купальни постоянныя. Онѣ устроены на прибрежныхъ скалахъ и соединены съ берегомъ каменными или деревянными плотинами, которыя, покрытыя полотняными навѣсами, представляютъ мѣста для прогулки и отдыха купальщиковъ. Самыя скалы превращены въ обширныя и разнообразныя площадки, къ бокамъ которыхъ придѣланы полотняныя каморки, служащія мѣстомъ купанья. Изъ этихъ каморокъ, называемыхъ бараками, можно выходить въ море и плавать гдѣ угодно. Впрочемъ многія изъ этихъ палатокъ такъ обширны, что въ нихъ свободно могутъ плавать нѣсколько человекъ.

Не считая купальни въ самомъ портѣ, по дорогѣ отъ города до Арденцы четыре обширныя купальни. Самая большая и вѣсть самая модная изъ нихъ, это *Vagni Vincenzo Pampaldi*; она находится въ разстояніи полуверсты отъ городскихъ воротъ, *Porta di Mare*. Пампальди, какъ обыкновенно называютъ въ сокращеніи это мѣсто, имѣетъ огромное значеніе въ лѣтней жизни Ливорно. Это центръ дѣятельности всего города и окрестностей. Не будь Пампальди, ливорнискій сезонъ потерялъ бы все свое значеніе, да мнѣ кажется и не могъ бы существовать. Сезонъ купанья въ Ливорно продолжается два мѣсяца, отъ 1 іюля до 1 сентября, самое жаркое время въ продолженіи всего лѣта. Одни Итальянцы почти исключительно составляютъ публику, посѣщающую Ливорно въ это время. Большею частью, всѣ посѣтители прѣбываютъ на мѣсяцъ, на 6 недѣль, очень мало такихъ, которые остаются въ продолженіи всего лѣта въ Ливорно. По заведенному обычаю въ Тосканѣ, принято жить въ городѣ до

іюля, потомъ отправляться на мѣсяцъ, на два, въ Ливорно, или Viarediо, или Bagni di Lucca; къ сентябрю всѣ возвращаются во Флоренцію, гдѣ живутъ недѣли три. Въ концѣ сентября, всѣ снова разъѣзжаются, и ѣдутъ въ свои деревни подѣ предложомъ уборки винограда. Въ ноябрѣ снова возвращаются во Флоренцію и уже остаются въ городѣ go San-Giovanni, т.-е. до 24 іюня (12 ст. ст).¹

Жизнь всякаго Італянца въ Ливорно дѣлится на двѣ части: первая до обѣда, т.-е. до 4 часовъ; вторая послѣ обѣда. Первая половина дня исключительно посвящена Панкальди. Послѣ полудня публика начинаетъ собираться подѣ полотняными навѣсами Панкальди. Многие даже не купаются, но ни за чтѣ не пропустятъ дня, чтобы не посидѣть у Панкальди отъ часу до 4-хъ. Въ это время физиономія средней, обширной площадки купальни совершенно мѣняется. Пустая о полудня, послѣ она наполняется краснородѣтыми дамами и муштинами въ самыхъ разнообразныхъ соломенныхъ шляпахъ. Все общество, раздѣлившись на нѣсколько кружковъ, сидитъ въ тѣни навѣсовъ. Смѣхъ, веселый говоръ, звуки фортепіано, которое помѣщено тутъ же, и на которомъ постоянно кто-нибудь играетъ, слышны издали. За среднею площадкой родъ небольшого залива, отдѣленнаго скалами отъ моря; тамъ купаются неопытные пловцы, обожъ половъ, которые боятся плыть въ открытое море. Часто завязывается разговоръ между тѣми, которые на берегу, и тѣми, которые въ водѣ. Отъ двухъ до 4-хъ, бассейнъ имѣетъ видъ весьма оживленный. Дамы съ распущенными волосами, рѣдко въ клеенчатыхъ чепчикахъ, большею частію въ черныхъ костюмахъ, окаймленныхъ разноцвѣтными лентами, мушщины въ болѣе-простой и первобытной одеждѣ, наконецъ дѣти, все это плаваетъ, иногда сталкивается, но постоянно шумитъ, болтаетъ и смѣется. Кромѣ этихъ двухъ пунктовъ купальни Панкальди, состоящая изъ нѣсколькихъ островковъ, соединенныхъ между собою мостиками, представляетъ нѣсколько меньшихъ площадокъ, корридоровъ между купальнями, гдѣ всюду стулья, на которыхъ сидятъ лица, не желающія быть на виду, или ожидающія свободной баракки. Въ противоположномъ къ морю концѣ средней площадки, кофейня, въ которой можно даже пообѣдать, предупредивъ хозяина часа за два.

Самъ Signor Vincenzo Pancaldi, мушщина лѣтъ за сорокъ, вы-

¹ Обыкновенно въ этотъ день во Флоренціи бываетъ бѣгъ въ колесницахъ на Piazza Maria Novella (coschi). Этотъ древній обычай относятъ ко временамъ Римлянъ. Великій герцогъ со всѣмъ дворомъ и дипломатическимъ корпусомъ присутствовалъ всегда на бѣгѣ. Въ этомъ году, по случаю пріѣзда короля, бѣгъ колесницъ происходилъ въ его присутствіи, ²²/₁₀ апрѣля.

роскій, толстый, въ обширной соломенной шляпѣ, постоянно прохаживается по средней площадкѣ, раскланиваясь съ однимъ, заговаривая съ другимъ, давая совѣты, лаская ребятъ, которые, не смущаясь присутствіемъ италіанской знати, бѣгаютъ и возятся между стульями; но при всемъ этомъ онъ съ важностью держитъ въ одной рукѣ карандашъ и листъ бѣлой бумаги. Два мѣсяца слишкомъ посѣщалъ я ежедневно Панкальди, и никогда не случилось мнѣ увидѣть что-нибудь написанное на этомъ листѣ бумаги, который постоянно былъ въ рукахъ любезнаго хозяина. Иной разъ приходилось долго ждать бараку, и, бывало, подойдешь къ синьору Винченцо съ вопросомъ, когда же № 31 или 32 будутъ свободны (мы постоянно брали одинъ изъ этихъ двухъ нумеровъ). Сейчас же съ любезнымъ видомъ онъ схватитъ свой листъ въ одну руку, карандашъ въ другую, и задумается. Карандашъ приближается къ бумагѣ. Вотъ, вотъ что-нибудь сейчасъ напишетъ. Нисколько; какъ будто свѣтлая мысль вдругъ пришла къ нему въ голову; онъ вскрикнетъ: Жижи! ¹ Такъ назывался старшій изъ его помощниковъ или, какъ ихъ величали служители купальни, министровъ. Жижи являлся, и завязывался разговоръ. Министръ объявлялъ, что такое-то семейство обладаетъ 31 или 32 нумеромъ въ настоящую минуту; но, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, они уже вышли изъ воды, одѣваются, и скоро барака будетъ свободна. Панкальди съ сладкою улыбкой указывалъ на своего расторопнаго помощника съ сѣдыми усами; причемъ провозносилъ обыкновенно рѣчь о томъ, что дамскій туалетъ требуетъ много времени, и въ заключеніе изъявлялъ надежду, что *саго signore* согласится подождать *un momentino*, только *un momentino*. Тѣмъ не менѣе листъ бумаги и карандашъ, не познакомившись между собою, возвращались въ одну руку, и любезный хозяинъ отправлялся раскланиваться, договаривать далѣе.

Въ 4 часа Панкальди пустиеть, но не надолго. Все общество расходится по домамъ обѣдать и приготовляться къ вечерней прогулкѣ, на Арденцѣ. Кстати можно замѣтить, что Италіанцы совсѣмъ не разборчивы насчетъ квартиры и обѣда. Англичанинъ всего болѣе хлопочетъ устроить свой домъ, какъ можно комфортабельнѣе, потому что для него его *home* есть первая, насущная необходимость, мѣсто, въ которомъ протекаетъ вся его жизнь, въ которомъ заключены всѣ близкіе сердцу его интересы. Италіанецъ составляетъ рѣзкую, въ этомъ отношеніи, противоположность. Для него домъ есть мѣсто ночлега — не больше. Если онъ женатъ, онъ забѣгаетъ домой пообѣдать; но

¹ Сокращенное отъ Luigi.

воздержный въ пищу по привычкѣ, а часто и по разчету, онъ не видитъ въ обѣдѣ серьезнаго дѣла, на которое собирается все семейство, а скучную необходимость, которую пріятно было бы какъ можно скорѣй исполнить, и быть скорѣй свободну. Въ то время, какъ я искалъ квартиры въ Ливорно, мнѣ привелось осмотрѣть кучу домовъ, и меня удивляло встречаемое мною постоянно неудобство, тѣснота, нечистота; о роскоши и комфортахъ и помину нѣтъ. Многія изъ этихъ квартиръ были заняты въ это лѣто итальянскими семействами достаточными и многочисленными; но никто не думалъ жаловаться на неудобство квартиры. Въ Россіи у насъ обыкновенно требуютъ отъ дачи, отъ лѣтняго жилища, чтобы былъ садъ, какаго-нибудь тѣнь по крайней мѣрѣ. Въ Ливорно двѣ-три дачи имѣютъ сады; затѣмъ меньшинство имѣетъ тощія цвѣтники; а большая часть дачъ не что иное какъ дома въ 3, 4 этажа какъ въ городѣ, которые тянутся вдоль шоссе, ведущаго отъ Porta di mare къ Арденцѣ. По образу жизни Итальянцевъ, такого рода помѣщенія все, что нужно; дачи съ садами нанимаются обыкновенно только иностранцами; Итальянцы предпочитаютъ даже жить въ городѣ. Когда иной разъ, въ разговорѣ, скажешь: да какъ можете вы жить въ городѣ: тамъ такъ жарко, душно.—Нисколько, отвѣчаетъ обыкновенно Итальянецъ;—я всего въ 5 минутахъ ѣзды отъ Панкальди. Очень удобно.

Главное—быть близко отъ Панкальди: а изъ города еще удобнѣе ѣздить ежедневно въ купальню; стоитъ около полудня послѣдѣть минутъ десять въ *café della Minerva*, на *Via grande*, тотчасъ найдешь себѣ спутниковъ, и за-ранкѣ или полтора всякій фіакръ везетъ цѣлое общество хоть изъ шести человекъ. Оно и весело, и не дорого.

Часовъ около семи вечера начинаютъ показываться экипажи на шоссе изъ города въ Арденцу. Число ихъ быстро увеличивается, такъ что иной разъ все это двухверстное разстояніе покрыто одною сплошною вереницею щегольскихъ колясокъ, фіакровъ и всякаго рода экипажей для прогулокъ, начиная отъ англійскаго *coach*, запряженнаго четырьмя лошадьми (*four in hands*), и кончая смиренною національною двухколесною одноколкой, запряженною корсиканскимъ клеперомъ. Все это ѣдетъ, перегоняется, спѣшитъ, вы спросите за чѣмъ? только для того, чтобы проѣхать шагомъ по эспланадѣ Арденцы.

Гулянье Арденцы расположено на берегу моря, и состоитъ изъ юнаго, обширнаго цвѣтника, раздѣленнаго на крестъ перестѣкающихъ аллеями, и окруженнаго также аллеей. Къ морю обширная площадь, великолѣпнаго макадама, на которой останавливаются экипажи, объѣхавъ цвѣтникъ, и тутъ, какъ на плацонѣ Кашинѣ

во Флоренціи, молодые люди подходят къ экипажамъ, дѣлають визиты, болтають, и рѣдко гуляють съ дамами по набережной, отдѣланной каменнымъ парапетомъ. Со стороны материка, гулянье окружено немногими дачами, изъ которыхъ всего болѣе дѣлають виду: казино, выстроенное подковой, и дача Монтанелли. Цвѣтникъ Арденцы наполненъ кустарникомъ, величиной въ человѣческой ростъ, и врядъ ли когда-нибудь будетъ давать онъ тѣнь гуляющимъ по нему. Сильный либечіо, который такъ часто дуетъ въ Ливорно, препятствуетъ росту всѣхъ древесныхъ растений; отъ этого берегъ моря въ окрестностяхъ Ливорно имѣетъ грустный, пустынный видъ; зелени, деревьевъ почти нѣтъ; одинъ *pinus maritima* выдерживаетъ силу вѣтра; отъ этого его одного и встрѣчаешь; но и онъ рѣдко вырастаетъ выше полуторы сажени ¹.

До совершенной темноты, а въ лунныя ночи и позже, все, что есть въ Ливорно, остается на Арденцѣ; оттуда, съ тою же поспѣшностью возвращается все общество тѣмъ же путемъ и останавливается у Панкальди, куда болѣе-недостаточные обитатели Ливорно уже дошли пѣшкомъ по бульвару, идущему вдоль морскаго берега. Въ это время у Панкальди (если только нѣтъ дожда) собирается столько народу, что надо имѣть много счастья, или пользоваться исключительной протекціей служителей купальни, чтобы получить стулъ. По главному корридору съ трудомъ проталкиваешься; а на средней площадкѣ только въ самомъ концѣ найдешь мѣсто, гдѣ можно поставить стулъ и усѣсться. Вся площадь, освѣщенная нѣсколькими фонарями, уставлена столиками, за которыми цѣлыя общества сидятъ и толкуютъ, ѣдятъ мороженое, пьютъ лимонадъ и пиво. ² Большею частью вечерніе потребители кофейной Панкальди принадлежать къ среднему классу; высшее общество разсаживается немного вдали, и безъ помощи столиковъ.

Раза два въ недѣлю, военная музыка играетъ у Панкальди; въ продолженіи гѣта у него было кромѣ того нѣсколько вокальныхъ и инструментальныхъ концертовъ разныхъ неизвѣстныхъ артистовъ. Хотя на эти концерты продавались билеты, но не воспрещался входъ и безъплатно, отчего они были очень многолюдны, но врядъ ли весьма выгодны для дающихъ. Вообще Италіянцы народъ, который легко аплодируетъ, любитъ всякаго рода увеселенія; но не совсѣмъ любитъ платить, особенно дорого.

Часовъ около десяти посѣтители средняго класса мало-помалу уходятъ; но высшее общество остается гораздо позже; а въ

¹ Замѣчательно, что даже въ порядочномъ разстояніи отъ моря листья дерева и трава имѣютъ соленый вкусъ.

² Ливорское пиво знаменито во всей Италіи.

послѣдніе дни августа, когда были великолѣпныя лунныя ночи, часто снаряжались около полуночи прогулки на лодкахъ въ море, и Панкальди пустѣлъ только незадолго передъ свѣтомъ.

Были вечера, особенно въ августѣ (іюнь былъ очень плохъ), до того чудные, что, кажется, всю бы ночь просидѣлъ на своемъ, съ трудомъ добытомъ, мѣстѣ у Панкальди. Луна на темносинемъ звѣздномъ небѣ, звукъ волнъ, разбивающихся объ окружающія скалы, легкій вѣтерокъ, который пробѣжить и замреть, въ этой веселой толпѣ людской говоръ, смѣхъ, пѣсни, — все вмѣстѣ имѣло что-то чарующее, что васъ невольно приковывало. Была еще у Панкальди одна небольшая площадка, которая дагѣ другихъ уходила въ море, вдали отъ баракъ и отъ средней площадки, на которой сосредоточивались посѣтители. Она смотрѣла уединенною и одинокою. Тамъ большею частью встрѣчались парочки, которыя разговаривали въ полголоса, тихо, избѣгали шума и общественныхъ удовольствій. Съ этой площадки видъ на море былъ обширнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ кушальни. Помню, однажды, я просидѣлъ тамъ цѣлый вечеръ, любуясь на море, освѣщенное луной. Рыбацкія лодки, вышедшія на ловлю, съ своими трехугольными парусами, поочередно входили въ столбъ свѣта, образуемаго на водѣ лунными лучами, и пройдя его пропадали въ темнѣющей дали. Долго бы я сидѣлъ и смотрѣлъ на эти переливы свѣта, прислушиваясь къ грустному говору волнъ, еслибы за мной не послышался легкій шумъ; я обернулся; за мной стояла какая-то женщина, опиравшаяся на руку барина съ бородкой, я всталъ и ушелъ, и увѣренъ, что эта парочка была мнѣ благодарна за это.

Вотъ вѣрное и справедливое описаніе дня въ Ливорно. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ ничто не мѣнялось нисколько, развѣ бывалъ проливной дождь; иначе каждый день повторялось одно и то же. Мѣнялись люди, тотъ уѣхалъ, тотъ пріѣхалъ, кого-нибудь не увидишь у Панкальди или кого-нибудь увидишь новаго, вотъ всѣ перемѣны: чтобы дополнить это описаніе, надо прибавить, что въ нѣкоторыхъ домахъ принимали по вечерамъ послѣ Панкальди. Три дня въ недѣлю были разобраны для постоянныхъ пріемовъ; изъ нихъ два принадлежали двумъ богатымъ негодіантамъ ливорнскимъ, двумъ Грекамъ. Остальное время нѣкоторыя изъ флорентинскихъ дамъ принимали по вечерамъ самыхъ близкихъ знакомыхъ; но все это не касается меня, такъ какъ я рѣшился избѣгать описанія личностей; притомъ, врядъ ли это и интересно.

Поэтому, описаніе ливорнскаго сезона могло бы остановиться здѣсь и не идти далѣе; но я намѣренъ возвратиться еще разъ къ Панкальди, и постараюсь описать то вліяніе, тѣ

толки, которые возбуждали извѣстія объ экспедиціи Гарибальди, тогда еще только овладѣвшаго частію Сициліи. Мнѣ кажется, это будетъ интересно для вашихъ читателей; собственно же въ жизни Ливорно въ продолженіи сезона ничего интереснаго не произошло, кромѣ 3-хъ фактовъ: первый—спусценіе двухъ канонерскихъ лодокъ ¹ въ присутствіи принца Кариньянскаго; второй—похороны одного молодого Ливорнца, Pelagi, убитаго подъ Мелачо, и, наконецъ, третій—дѣло о воюмтерахъ Castel Rusci. О послѣднемъ я поговорю въ концѣ.

Прежде чѣмъ описать измѣненія и состояніе общественнаго мнѣнія въ Ливорно, необходимо сказать нѣсколько словъ о партияхъ, къ которымъ принадлежало общество, которое я встрѣчалъ ежедневно. Ливорно имѣетъ репутацію республиканизма. Эта репутація осталась у него со времени казней, которыми ознаменовалось присутствіе Австрійцевъ въ 1849 году. Мнѣ показывали мѣсто, на которомъ Австрійцы разстрѣляли нѣсколько человекъ ², во имя законнаго герцога тосканскаго. Главный аргументъ кодиновъ въ пользу Granduca, это, что правительство герцога было чисто отеческое; по ихъ словамъ, Granduca не подписалъ ни одного смертнаго приговора во все свое царствованіе. При этомъ вамъ обыкновенно разказываютъ случай съ однимъ Англичаниномъ, убитымъ своимъ слугою Итальянцемъ. 1855 г. въ Ноябрь мѣсяцѣ, нѣкто Fambriani зарѣзалъ бритвой Англичанина, который ввѣлъ его изъ состраданія въ услуженіе. Въ августѣ 1856 Фамбрини былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію. Англіійскій посланникъ требовалъ смерти убійцы. Леопольдъ, который обѣщалъ своему отцу никогда никого не подвергать смертной казни, отказалъ наотрѣзъ кровожадному посланнику. Вотъ какой былъ человекъ герцогъ, обыкновенно прибавляютъ кодины; онъ рисковалъ поссориться съ Англіею, и только чтобы спасти жизнь одного изъ своихъ вѣроподданныхъ. Я какъ-то спросилъ кодина, который мнѣ разказывалъ этотъ случай: а какъ же это случилось, что въ Ливорно, во имя милосердаго герцога, разстрѣливали, палками били до полусмерти, или, лучше сказать, до потери здоровья на всю жизнь? Это, перебилъ меня кодинъ, виноватъ не герцогъ, это Австрійцы, одни Австрійцы. Герцогъ душевно сожалѣлъ объ этомъ несчастномъ происшествіи, даже просилъ, умолялъ; но его не послушали.

(¹) Палестро и Куртатоне спущены были въ ливорнскомъ портѣ, ⁷/₁₀ іюля.

(²) 11-го мая 1849 г. австрійскій генералъ, баронъ д'Аспръ, вступилъ въ Ливорно, и до 150 человекъ были разстрѣляны. 300 *Vittime Toscane dell' I. e R. Casa Austro-Lorenese*, стр. 7. Интересна также брошюрка *Gli Ultimi 40 Anni del Governo Austro-Lorenese*, Firenze 1859.

Согласитесь, что при всеѣмъ волненіи невозможно имѣть хорошаго мнѣнія о какомъ бы то ни было главѣ государства, ограждающемъ мошенника отъ казни, которой онъ подлежитъ по законамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ допускающимъ, чтобы чужеземцы въ его отечествѣ разстрѣливали, били и притѣсняли честныхъ людей, которыхъ вся вина была въ томъ, что они находили, что Тосканское герцогство не нуждается въ австрійскихъ штыкахъ.

Но возвратимся къ республиканизму въ Ливорно. Въ два слишкомъ мѣсяца, я почти не встрѣтилъ ни одного чистаго республиканца. Часто въ разговорахъ, особенно въ концѣ августа и началѣ сентября, въ то время какъ партія Мадзини овладѣла довѣріемъ диктатора, до кампаніи въ Мархіяхъ и Умбріи, проглядывало нѣкоторое недовѣріе къ министерству Кавура, недовѣріе, основанное на продажѣ Савоіи и Ниццы, какъ тогда было принято выражаться; ходили слухи, что Сардинія и Эльба уже проданы Кавуромъ Франціи, для приобрѣтенія помощи Наполеона; но всѣ эти толки никогда не доходили даже въ самыхъ горячихъ спорахъ до отверженія монархическаго начала. Имя Виктора Эммануила представляло и представляетъ единство Италіи для каждаго настоящаго Италіянца, къ какому бы оттѣнку либеральнаго мнѣнія онъ ни принадлежалъ. Несомнѣнно, что партія республиканцевъ была оченьъ многочисленна; но въ послѣднія десять лѣтъ, чисто италіянская политика Піемонта указала имъ, что единственная возможность добиться единства Италіи и освобожденія ея отъ tedesковъ всякаго рода это соединеніе подъ скипетромъ лучшаго изъ королей. Собственно республиканской партіи въ Тосканѣ нѣтъ, она слѣдась съ тѣмъ большинствомъ, которое еще недавно такъ блистательно высказалось въ пользу министерства Кавура въ національномъ парламентѣ. Но если гдѣ-нибудь сохранились остатки ея, то это скорѣй во Флоренціи, чѣмъ въ Ливорно. Тамъ чаще случается услышать слѣдующее мнѣніе: теперь намъ необходимо создать Италію; послѣ, обязанность каждаго патріота будетъ состоять въ томъ, чтобъ оказывать всякую поддержку національному правительству въ дѣлѣ уніфикаціи всѣхъ частей нашего отечества. По достиженіи полнаго единства, только тогда можетъ быть рѣчь о коренныхъ реформахъ; но это придетъ еще не скоро, и врядъ ли мы увидимъ это.

Народъ въ Ливорно не только душой преданъ королю Виктору-Эммануилу, но и Кавуру. Это ясно высказалось по поводу недоразумѣнія, происшедшаго съ волонтерами Castel Pucci. Губернаторъ ливорнскій боялся безпорядковъ, была собрана національная гвардія, выписали по телеграфу изъ Флоренціи эскадронъ кирасиръ; одинъ пѣхотный полкъ былъ весь въ сборѣ; въ

субботу вечеромъ выстроили всю національную гвардію на Piazza d' Armi. Что же случилось? не только не было беспорядковъ, но народъ, собравшійся вокругъ національной гвардіи, воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ покричать viva il Re; viva Vittorio. Emanuele. Многие на другой день у Панкальди смѣялись надъ этою военною манифестаціей губернатора. Шуткамъ не было конца по поводу вчерашней революціи. Дѣйствительно, сборъ всѣхъ этихъ войскъ не имѣлъ никакой причины. Если губернаторъ боялся волонтеровъ, которые всѣ были уже на корабляхъ; то, мнѣ кажется, для охраненія орода отъ нихъ, было достаточно бывшихъ въ портѣ двухъ канонерскихъ лодокъ и корветта.

Все время, проведенное мною въ Ливорно, я нѣсколько разъ присутствовалъ при манифестаціяхъ народныхъ по поводу разныхъ случаевъ. Когда спускали канонерскія лодки въ присутствіи принца Кариньянскаго, въ дневныхъ театрахъ, посѣщаемыхъ исключительно низшимъ классомъ, если въ піесѣ упоминалось что-нибудь касающееся настоящихъ событій, виваты королю и Италіи гремѣли съ самымъ искреннимъ единодушіемъ. Кодины увѣрили, что энтузіазмъ, высказанный всею Тосканой въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая этого года, во время пребыванія короля во Флоренціи, скоро охладѣетъ. Однако виваты, слышанные мною въ Ливорно и еще недавно во Флоренціи, по поводу пріѣзда подвижной національной гвардіи Бергама и Брешии, ничѣмъ не разнились отъ слышанныхъ мною весной. Можно рѣшительно сказать, что средній и низшій классы ливорнскаго народонаселенія чистѣйшіе аннексіонисты. Нельзя того же сказать о высшемъ обществѣ ливорнскомъ. Собственно въ Ливорно нѣтъ мѣстной аристократіи. Высшій классъ его народонаселенія состоитъ исключительно изъ банкировъ и негодіантовъ, между которыми большинство—иностранцы. Въ числѣ этихъ иностранцевъ всего болѣе Грековъ, многие изъ нихъ родились въ Италіи и сдѣлались совершенно Италіянцами, но сохранили религію отцовъ, которой, сколько мнѣ извѣстно, не измѣнялъ ни одинъ ливорнскій Грекъ. Между ними большинство—кодины, съ множествомъ отгѣнковъ: иной закоснѣлый кодинъ, другой немного менѣе; третій не прочь бы пристать къ большинству, еслибы кто-нибудь изъ своихъ показалъ примѣръ, и наконецъ, подымался по этой лѣстницѣ, дойдешь до людей, признанныхъ либералами, но которые въ разговорѣ со вздохомъ говорятъ: „Все это отлично, но чѣмъ все это кончится? вотъ вопросъ, а покаместъ, вотъ Генуя насъ совсѣмъ добыла. Если такъ дѣло будетъ продолжаться, то скоро въ Ливорно почти никакой торговли не будетъ.“ Не одни Греки—кодины, но почти все высшее комерческое сословіе въ Ливорно, безъ различія національностей, исключая Англичанъ, между

которыми есть нѣкоторые либералы, принадлежить къ этой партіи. Сколько я могъ разобратъ, причина любви къ прежнему порядку вещей у всѣхъ та же: невѣрность будущаго, настоящее неспокойное положеніе—причины достаточныя для торговаго сословія, которое консервативно по своему положенію. Если къ этому прибавить у нѣкоторыхъ личныя хорошія отношенія къ велико-герцогскому семейству, то у этихъ счастливцевъ кодизмъ доходитъ до смѣшнаго.

Въ отношеніи къ прочему народонаселенію, партія кодизовъ въ Ливорно, какъ и во всей Тосканѣ, такъ ничтожна, что о ней не стоило бы и говорить, еслибы не было другой значительной партіи, о которой намъ теперь приходится сказать нѣсколько словъ. Эту партію можно назвать индифферентною. Классъ людей который къ ней принадлежитъ, очень хорошо обрисованъ слѣдующимъ двухстишіемъ народнаго поэта Guadagnoli:

Guelfo non son, ne Ghibellin m' appello;
A chi mi paga ben, fo di cappello. ¹

Я нисколько не хочу этимъ сказать, что партія индифферентовъ всего болѣе падка на подкупъ, какъ выражается поэтъ; да мнѣ кажется, и самъ поэтъ не придавалъ такого значенія своей мысли. *Chi mi paga ben* значитъ здѣсь: тотъ, съ которымъ я имѣю выгодное дѣло, отъ котораго что-нибудь надѣюсь получить. Партія индифферентовъ, по моему, главное зло Тосканы, впрочемъ и не одной Тосканы. Она многочисленна въ Тосканѣ; но представителей ея найдешь повсюду въ Италіи, за исключеніемъ развѣ Венеціанской области, гдѣ придирчивый, инквизиторіальный деспотизмъ Австріи заглушилъ всѣ частныя интересы въ общей ненависти къ иностранной оккупаци.

Въ настоящее время, индифференты присоединились къ большинству. Они аннексіонисты не потому, что это ихъ убѣжденіе, а потому что присоединеніе Тосканы къ Пиемонту свершилось, и что партія единства Италіи одержала побѣду, что она многочисленна и что она приобрѣла власть, и вѣрно король Викторъ Эммануилъ и графъ Кавуръ, теперь, когда успѣхъ содвигаетъ ихъ политику, не имѣютъ болѣе жаркихъ приверженцевъ, какъ эти индифференты, которые года два тому назадъ были вѣрными слугами герцога и друзьями Австрійцевъ. Но случись, что завтра Австрія овладѣетъ Тосканой и возстановитъ Леопольда или Франциска на тронѣ Медичисовъ, индифференты сдѣлаются столь же жаркими приверженцами герцога и съ тою же любез-

¹ Я не Гвельфъ, и Гибеллиномъ не называюсь; но кто мнѣ платитъ хорошо, передъ тѣмъ снимаю шляпу.

ностью будутъ жать руку австрійскимъ офицерамъ, какъ теперь Пиемонтцамъ. Довольно странное явленіе, что представителей этой партіи часто встрѣчаешь между мелкими чиновниками настоящаго правленія въ Тосканѣ. Многіе изъ нихъ были на службѣ еще при герцогѣ и теперь продолжаютъ свои служебныя занятія, какъ будто ничего не измѣнилось въ Тосканѣ и добрякъ Лепольдъ все еще занимаетъ дворець Питти. Говоря съ однимъ Италіянцемъ, я высказалъ ему мое удивленіе, что правительство употребляетъ такихъ агентовъ, въ преданности которыхъ оно не можетъ быть увѣрено. Италіянецъ отвѣчалъ мнѣ: «Что вы хотите? это почти все люди привычныя и знающіе по своей части. Наконецъ Кавуръ (надо прибавить, что теперь въ Италіи все, что ни сдѣлаетъ правительство, приписываютъ Кавуру; какая бы мѣра ни была принята, это все Кавуръ) очень хорошо понялъ, что настѣ либераловъ извѣстныхъ, которые страдали, и были притѣсняемы при прежнемъ правленіи, нечего опасаться, и нечего награждать. Мы не перемѣнимъ нашихъ убѣжденій. Этихъ же господъ, которые имѣли и мѣста, и награды при герцогѣ, стараются ласкать и привязать къ настоящему порядку. Отъ этого имъ даютъ и мѣста, и ходъ; еслибъ ихъ уволить, они бы стали интриговать противъ правительства и увеличили бы число недовольныхъ».

Не одни прежніе чиновники Granduca равнодушны къ судьбамъ своего отечества, то же самое чувство встрѣчается у многихъ. Казалось бы, оно всего болѣе должно проявляться въ высшемъ классѣ народонаселенія, въ аристократіи, которая во Флоренціи, какъ впрочемъ и всюду, кромѣ Англии, имѣетъ главнымъ дѣломъ удовольствіе, веселую жизнь, а затѣмъ занимается политикой и имѣетъ политическія убѣжденія только какъ средство службой на розовой водицѣ дополнить блестящую обстановку своей жизни. Нисколько: во флорентинской мѣстной аристократіи, обѣ партіи, кодиновъ и либераловъ или аннексіонистовъ, резко отѣнены; людей, которые бы не принадлежали ни къ одной изъ этихъ двухъ партій, или такихъ, которые принадлежали бы къ обѣимъ, смотря по обстоятельствамъ, почти не встрѣчаешь. Всего болѣе попадаются такого рода люди между мелкими торговцами и нѣкоторыми фермерами (contadini); народъ въ городахъ (citadini) истые аннексіонисты.

Значеніе этой партіи трудно опредѣлить. Она такъ неясно, неопредѣленно разграничена съ обѣими противоположными партіями кодиновъ и либераловъ, что невозможно съ точностью указать на характеристическія ея черты. Теперь она сливается съ большинствомъ. Если настоящій порядокъ окончательно утвердится и продолжится, если единство Италіи перестанетъ быть вопросомъ, и

перейдетъ въ дѣйствительность, нѣтъ сомнѣнiя, что индифференты окончательно примкнутъ къ либераламъ, и наконецъ, когда невѣрность настоящаго положенiя исчезнетъ, и правильная жизнь конституціональнаго государства направитъ умы на мелкiе вопросы мѣстныхъ реформъ, и отвлечетъ ихъ отъ вопросовъ существованiя той или другой формы правленiя: автономiи, или единства, индифференты исчезнутъ совершенно, а если и останутся, что врядъ ли возможно, то они будутъ не только безвредны, но напротивъ составлять классъ лучшихъ гражданъ, классъ, именуемый во Францiи *parti de l'ordre*, классъ всегда готовый поддержать и признать существующiй порядокъ. Собственно говоря, и теперь можно назвать безвредною эту партiю, еслибы равнодушiе къ общественному дѣлу при настоящемъ положенiи Италiи, когда ея единство можетъ быть достигнуто только дружнымъ содѣйствiемъ всего народонаселенiя, не было истиннымъ, дѣйствительнымъ вредомъ. Въ государствѣ устроеншемся, еще мыслимо равнодушiе, хотя, мнѣ кажется, извинительнымъ оно никогда быть не можетъ; но теперь въ Италiи, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ или зажить новою, собственною жизнью, или снова подпасть подъ чужеземное иго, равнодушiе къ разрѣшенiю такого вопроса непростительно.

Въ близкомъ сосѣдствѣ съ этою партiей, находится классъ людей, которые желаютъ единства Италiи; но имъ бы хотѣлось, чтобъ осуществленiе этого единства было достигнуто безъ жертвъ, безъ потерь. Они желаютъ имѣть большую италiанскую армiю; но, если возможно, безъ конскрипцiи и безъ налоговъ, которыхъ требуетъ устройство такой армiи. Стыдась проявляться открыто, эта скупость высказывается окольнымъ путемъ. «Нѣтъ сомнѣнiя, говорятъ они, что намъ необходимо къ этой веснѣ по крайней мѣрѣ 300 тысячъ хорошаго войска, и что на это необходимы огромныя средства. Противъ этого никто не споритъ, но правительство плохо распорядилось. Оно бы могло все это имѣть, не отягощая насъ такими налогами. Возьмите, мы въ Тосканѣ при герцогѣ платили втрое меньше, чѣмъ теперь. Зачѣмъ же теперь сразу такъ увеличивать наши налоги?» Разговоръ обыкновенно кончался такими словами: «Тоскана никогда не хотѣла сдѣлаться владѣнiемъ, провинцiей Пiемонта; она съ нимъ соединилась на равныхъ правахъ; почему же отняты у насъ учрежденiя, которыя были дѣйствительно полезны, и введенъ безъ измѣненiя сардинскiй статутъ? Наша исторiя, наше развитiе ставятъ насъ выше Пiемонта,» и т. д. Намъ часто у Панкальди случалось слышать такія рѣчи, по разнымъ неведенiямъ, особенно, когда, послѣ дѣла волонтеровъ Никотеры и раскаспированiя пармезанскихъ волонтеровъ, возбуждилось сильное негодо-

ваніе противъ министерства Кавура, котораго чуть не обвиняли въ предательствѣ, въ слѣпомъ повиновеніи Наполеону и въ желаніи увеличить Піемонтъ, а не основать единство Италіи. Прежніе республиканцы, настоящіе ультра-либералы, первые начали выражать свое негодование и критиковать мѣры министерства; но къ нимъ немедленно примкнулъ хоръ индифферентовъ и эгоистовъ, къ величайшему удовольствію коджинновъ, которые, при видѣ раздора и явнаго противодѣйствія національному правительству, чуть не запѣли побѣдный гимнъ, и вѣрили, что близко время, когда Австрія, пользуясь внутренними беспорядками, возстановитъ прежніе власти. Не разъ въ то время, у Панкальди, слыхалъ я отъ нѣкоторыхъ коджинновъ: «Вы видите, что начинается; а вамъ говорилъ, что единство, единодушіе невозможно въ Италіи. То ли еще будетъ, подождите. Я васъ увѣряю, что года не пройдетъ и дворець Питти возвратится къ прежнему владѣльцу.»

Къ счастью, кстатъ-начатый походъ въ Мархіяхъ и Умбріи такъ сильно подѣйствовалъ на общественное мнѣніе, такой произвелъ энтузіазмъ въ Италіи, что всѣ раздоры смолкли, исчезли, все съ жадностью слѣдило за короткою кампаніей, которая кончилась сраженіемъ подъ Кастельфидардо и взятіемъ Анконы. Противодѣйствіе маджинистовъ, овладѣвшихъ довѣріемъ диктатора, министерству Кавура перестало волновать умы. Всѣ вѣрили въ быстрое разрѣшеніе этихъ недоразумѣній, которымъ перестали придавать большое значеніе.

Теперь мнѣ слѣдовало бы говорить о либералахъ; но мнѣ кажется это лишнимъ; партія эта въ настоящее время своими дѣйствіями въ Италіи такъ краснорѣчиво говоритъ сама за себя, что не нуждается въ поясненіяхъ моего неопытнаго пера. Одно могу сказать: всѣ мною встрѣченные люди, принадлежащіе къ этой партіи, люди истинно достойные уваженія по своему патриотизму и развитію.

Чтобъ окончить этотъ краткій эскизъ, приведу мнѣніе одного старика Швейцарца, который болѣе 15 лѣтъ живетъ въ Италіи и преимущественно во Флоренціи; знакомый давно почти со всею италіанскою аристократіей, онъ еще въ 1848 году былъ дѣятелемъ на общественномъ поприщѣ, будучи сотрудникомъ одного ежедневнаго журнала; теперь лѣта, болѣзни отыекли его отъ дѣятельной жизни, и кавалеръ Д. тихо, почти уединенно живетъ во Флоренціи, слѣдя только съ глубокимъ интересомъ за совершающимися въ Италіи событіями. Его знаніе людей и событий въ Италіи были для меня большою помощію, для пониманія и классификаціи слышанныхъ мною ежедневно различныхъ мнѣній и толкованій.

Д. вѣритъ въ достиженіе единства Италіи, въ соединеніе ея подъ

скипетромъ Виктора-Эммануила. При высадкѣ Гарибальди на континентъ, онъ сначала сомнѣвался въ успѣхѣ его, и часто тогда говорилъ мнѣ: «Охъ, Неаполитанцы хорошіе солдаты и ихъ много; энтузіазмомъ и горстью отчаянныхъ храбрецовъ не возможно побѣдить болѣе чѣмъ 50-тысячную регулярную армію, которая у себя дома и опирается на всѣ ресурсы устроеннаго государства.» Теперь Д., убѣжденный быстрыми, непонятными событіями, которыми ознаменовалось время отъ высадки Гарибальди въ Реджіо до вступленія его въ Неаполь, вѣрить даже, что рано или поздно, тѣмъ или другимъ способомъ, Австрія оставитъ Италію, и Венеціанская область присоединится къ Италианской монархіи.

«Все это осуществится, говорить онъ, я въ это вѣрю; меня пугаетъ одно: какимъ образомъ прекратится и утихнетъ это исключительное настроеніе умовъ въ Италиі, по достиженіи единства Италиі? Столько мѣстныхъ интересовъ пострадаютъ отъ соединенія Италиі въ одно государство, что духъ муниципальнаго разединенія, подавленный теперь всеобщимъ энтузіазмомъ, проснется можетъ-быть и будетъ причиной безпорядковъ, можетъ-быть междоусобій, которыя снова причинятъ гибель и раздѣленіе Италиі. Наконецъ, непривычность Италианцевъ къ свободной жизни конституціоннаго государства, недостатокъ въ нихъ политическаго воспитанія, которое необходимо для умѣнія пользоваться въ законныхъ предѣлахъ свободой слова, печати, правомъ ассоціаціи и прочими прерогативами свободнаго государства,— всего этого по моему достаточно, чтобы произвести серіозные безпорядки, которые, Богъ знаетъ, къ чему приведутъ. Партія реакціонеровъ усилится тогда, начнутся мятежи, революціи, которыя снова возвратятъ Италію, если не въ прежнее положеніе, то по крайней мѣрѣ въ подходящее къ нему.»

Я нисколько не раздѣляю мнѣнія почтеннаго кавалера. Нѣтъ сомнѣнія, что, за исключеніемъ Пиемонта, политическое воспитаніе въ Италиі ничтожно, въ сравненіи съ такимъ древнимъ конституціоннымъ государствомъ, какъ напримѣръ Англія, но тѣмъ не менѣе событія 1859 и 1860 года ясно показали, что народъ въ Италиі созрѣлъ къ принатію свободныхъ учрежденій. Не говоря уже объ удивительной революціи во Флоренціи въ апрѣлѣ 1859 года, гдѣ произошла коренная переимѣна правительства безъ проявленія малѣйшаго безпорядка, настоящія событія въ Сициліи и Неаполѣ достаточно показываютъ, что даже полудикій народъ королевства Обѣихъ Сицилій умѣетъ пользоваться свободой. Безпорядки мѣстные, по всему вѣроятію, будутъ, и то въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ; но реакція, настоящая, сильная реакція, которая могла бы быть опасною для

будущаго порядка вещей, въ Италіи немислима, развѣ съ иностранною оккупаціей. Напротивъ, мнѣ кажется, что съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, которыя соединять между собою главные города Италіи, съ усиленіемъ промышленности и торговли, которое неминуемо послѣдуетъ по водвореніи спокойствія въ Италіи, при просвѣщенномъ содѣйствіи правительства, единство Италіи будетъ не только политическое и административное, но сдѣлается и общественнымъ. Уже теперь подвижные батальоны національной гвардіи, перемѣщенные въ разные города для занятія карауловъ, всюду получали задушевные приемы, и ясно было видно, что близко время, когда не будетъ болѣе ни Ломбардцевъ, ни Тосканцевъ, ни Піемонтцевъ, ни Сицилійцевъ, а будутъ только Италіянцы. Намъ случилось присутствовать на станціи ливорнской желѣзной дороги во Флоренціи при приѣмѣ Бергамасковъ и Брешианцевъ Флорентинцами. Невозможно представить себѣ болѣе радушнаго, задушевнаго приѣма. То же самое радшіе встрѣтили два батальона тосканской національной гвардіи, посланные одинъ въ Туринъ, а другой въ Миланъ, какъ мнѣ случилось прочесть въ письмахъ нѣкоторыхъ офицеровъ и солдатъ къ своимъ здѣшнимъ роднымъ. А какъ же возможна реакція, сколько-нибудь значительная, теперь, послѣ того какъ кодинны и клерикалы, еще такъ недавно имѣвшіе опору въ арміи славнаго генерала Ламорисыра и въ правительствѣ короля неаполитанскаго, не только не могли, несмотря на всѣ старанія, несмотря на *Contemporaneo*, ¹ издаваемый во Флоренціи, остановить настоящій ходъ событій; но даже и не достигли никакихъ результатовъ, развѣ только того, что въ прошломъ сентябрѣ мѣсяцѣ народъ чуть не разбилъ станки въ типографіи *Contemporaneo*? Еслибы не полиція, которая тотчасъ явилась на мѣсто, самъ редакторъ рисковалъ не малою опасностью, несмотря на револьверъ, съ которымъ явился въ окнѣ, для произнесенія спича. Взгляды кодиновъ и клерикаловъ обращены теперь на четырехугольникъ, и на благодѣтелей человѣчества, Бенедика и Тогенбурга. Близко можетъ-быть время, когда кровь польется на берегахъ По и Минчіо; но я вѣрю, что національная армія съ храбростью будетъ защищать свое отечество, и каковы бы ни были приготовленія, несостоятельной Австріи, средства юной Италіи огромны; потому что они основаны на единодушіи всего народа. Если успѣхъ будетъ сопровождать дѣйствія національной арміи, кодинны исчезнутъ мало-по-малу; если же побѣда останется на сторонѣ грубой силы, то до прихода Австрійцевъ на мѣсто легко можетъ

¹ Главный органъ кодиновъ въ Тосканѣ, журналъ, который началъ свое существованіе лѣтомъ 1860 года.

быть кровавое возмущеніе, въ которомъ кофны и клерикалы на этотъ разъ будутъ рисковать живнью.

Описавъ, хоть очень коротко, тѣ классы, на которые дѣлилась публика, посѣщавшая Панкальди, я этимъ, думаю, достаточно далъ понятіе о разговорахъ, которые тамъ происходили ежедневно по случаю получавшихся депешъ съ юга Италіи; толкованіе и критика заключающихся въ нихъ извѣстій дѣлались не одними мужчинами: дамы принимали въ этомъ не послѣднее участіе.

Но возвратимся къ ливорнскому сезону. Собственно развлеченіями для человѣка, не имѣющаго знакомства, Ливорно не можетъ похвалиться; однако есть кое-какія. Начнемъ съ театровъ. Ихъ въ Ливорно 5: San Marco, на которомъ бывають представленія только во время карнавала; это одинъ изъ красивѣйшихъ театровъ въ Италіи; онъ исключительно посвященъ оперѣ; послѣ него первое мѣсто занимаетъ Teatro Rossini ¹, довольно красивый, небольшой театръ, на которомъ круглый годъ играютъ комедію и драму, а зимой и оперу. Театръ Goldoni занимаетъ среднее мѣсто между собственно театрами и тѣмъ, что въ Италіи называется аена, то-есть театръ открытый, на которомъ даются представленія днемъ, подъ открытымъ небомъ. Гольдони закрытъ отъ непогоды; но крыша его стеклянная; такъ что на немъ можно играть днемъ. Въ концѣ сезона Ристори съ своею труппой дала три представленія на Гольдони; передъ этимъ же тамъ нѣсколько разъ были представленія французскихъ бойцовъ. Театръ обширенъ и акустически очень хорошо устроенъ; но далеко не роскошенъ.

Теперь мы доходимъ до одного изъ самыхъ характеристическихъ италіанскихъ увеселеній — дневныхъ спектаклей, такъ называемыхъ teatro diurno. Арены, на которыхъ происходятъ эти дневныя представленія, устроены такъ, что только одна сцена покрыта, остальная же часть театра подъ открытымъ небомъ имѣетъ видъ внутренняго двора въ домахъ: стѣна идетъ отъ каждой кулисы полукругомъ; огороженное мѣсто составляетъ партеръ. Въ стѣнѣ сдѣланы углубленія въ два или три ряда: это ложжи. Въ партерѣ скамьи, которыхъ первые три ряда носятъ названіе: posti distinti; чтобы получить такое мѣсто, надо заплатить полъ-паола, то-есть семь коп. сер., сверхъ платы за входъ, которая тоже всего на всего семь коп. сер. Остальные два ливорнскіе театра: Arena Labronica и Alfieri, принадлежатъ

¹ Въ іюль на России давалъ представленія знаменитый италіанскій актеръ Модена. Лучшая роль Модены .Лудовикъ XI; талантъ его чрезвычайно симпатиченъ и простъ. Несмотря на свои 60 лѣтъ, Модена еще свѣжъ, бодръ, и успѣхъ ему не измѣняется.

къ этому разряду дневныхъ театровъ. Въ продолженіи всего лѣта Лаброника и Алфіери давали представленія съ самыми замысловатыми и длиннѣйшими афишами; репертуаръ этихъ двухъ театровъ состоитъ преимущественно изъ историческихъ драмъ; бывали также и трагедіи, изрѣдка піесы комическаго содержанія, какъ напримѣръ *Stenterello flagello dei codini*¹. Чтобы получить полное и основательное понятіе о дневныхъ театрахъ, надо въ нихъ побывать въ воскресенье, или въ какой-нибудь праздникъ, ихъ же въ Италіи такъ много. Въ первый разъ, я былъ въ Ливорно на такомъ театрѣ, и именно въ Лаброникѣ, въ воскресенье. Народу было множество; партеръ былъ биткомъ набитъ; не нашедшіе мѣста на скамьяхъ стояли, и въ антрактахъ усаживались какъ могли, на землѣ. Давали драму *Baccanale di Roma* (Римскія Вакханаліи); въ этой піесѣ подъ предлогомъ таинствъ Бахуса, на каждомъ шагѣ были намеки на настоящее римское духовенство; первосвященникъ Бахусова культа, и вмѣстѣ тиранъ драмы былъ не кто иной, какъ самъ Pio Nono. Когда мы вошли въ нашу ложу, за которую заплатили пять паоловъ, что составляетъ 70 коп. сер., занавѣсъ еще не поднимался; шумъ въ партерѣ былъ оглушающій. Кромѣ говора всей публики, которая какъ будто старалась другъ друга перекричать, раздавались пронзительные голоса продавцовъ всякихъ сластей. Преимущественно предметомъ всеобщаго употребленія были тыквенныя сѣмечки, которыя очень любитъ простой народъ въ Италіи. У единственнаго входа, два карабинера, то-есть жандарма, стояли съ невозмутимымъ хладнокровіемъ; но беспорядковъ не было замѣтно нисколько. Все толковало, смѣялось, кричало даже; но вело себя прилично, и ни одного толчка, брани и ссоры я не видалъ. Человѣкъ шесть музыкантовъ протрубили что-то, и занавѣсъ взвился. Мгновенно воцарилась тишина. Актеры могли бы быть хороши, если бы не злоупотребляли жестикюляціей, и не кричали такъ неистово. Последнее впрочемъ необходимо; потому что иначе вряд ли вся публика могла бы слышать ихъ; притомъ жестикюляція присуща всѣмъ актерамъ въ Италіи, даже сама Ристори много бы выиграла, если бы не утрировала такъ свои жесты. Италіянцы же это любятъ; для нихъ мимика одна изъ первыхъ вещей; знаменитый хореграфъ *Ротта*, котораго балеты такъ цѣнятся въ Италіи, часто ставитъ балеты совершенно безъ танцевъ.

Первый актъ *Вакханалій* прошелъ безъ особеннаго эффекта; но не такъ послѣдующіе. Когда открылись злыя козни первосвя-

¹ Стентерелло—бичъ кодиновъ, Стентерелло—флорентинская маска, какъ Арлекинъ въ Бергамо, Полишинель въ Неаполь, Паскино въ Римѣ, Менегино въ Миланѣ, Панталоне въ Венеціи, и Джироламо, также называемый *Gianduja*, въ Туринѣ.

щенника, то присутствіе этого святаго лица прѣдствовалось свистками и криками; эта манифестація нисколько не относилась къ актеру, исполнявшему роль, а къ первосвященнику, преслѣдующему всякими способами нѣкую юную чету. Такъ же точно встрѣчалось громкими рукоплесканіями всякое дѣйствующее лицо въ піесѣ, которое пыталось защитить слабого противъ сильнаго и спасти угнетенную невинность. Но когда въ послѣднемъ актѣ является консуль, окруженный ликторами (2 оборванныхъ господина скорѣй въ одеждѣ среднихъ вѣковъ) и спасаетъ юную чету, которую чуть не зарѣзали вѣроломные жрецы; то рукоплесканія гремѣли минуты двѣ. Когда же консуль въ пламенной рѣчи укорялъ первосвященника, что тотъ, вмѣсто религіозныхъ священныхъ обязанностей, которымъ онъ долженъ себя исключительно посвятить, занимается преступными кознями, несвойственными его сану и положенію, то не только рукоплесканія, но даже восторженные крики встрѣтили эту часть рѣчи консула.

Интересенъ въ этихъ театрахъ переходъ отъ оглушающаго шума къ совершенной тишинѣ, которая воцаряется мгновенно въ ту минуту какъ подымается занавѣсъ. Избави Богъ, если, во время представленія, кто-нибудь зашумитъ, или заговоритъ громко: такое поднимется шиканье, что хоть кого заставитъ замолчать. Но какъ только опускается занавѣсъ, еще она не коснулась пола, какъ все уже вскочило съ мѣсть, зашумѣло; *semen, semen*, кричитъ продавецъ тыквенныхъ сѣмечекъ; *birra, birra*, визжатъ оборванные мальчишки, постукивая штопоромъ о бутылку и держа по стакану подъ мышками; тутъ Венеціанецъ съ трудомъ перетаскиваетъ черезъ голову присутствующихъ корзину съ обсахаренными фруктами; а ужъ говоръ какой, какая жизнь! и все-таки ни брани, ни ссоры, карабинеры все съ тѣмъ же хладнокровіемъ неподвижно стоятъ у входа.

Интересенъ былъ также эффектъ, произведенный въ Лаброника піесой подъ заглавіемъ *Lo sbarco di Garibaldi* ¹. Піеса была принята съ неописаннымъ восторгомъ. Рукоплесканія, виваты не прекращались, особенно когда въ концѣ является самъ освободитель Сициліи во главѣ своего храбраго, но не многочисленнаго войска; въ этомъ отношеніи была строго соблюдена историческая вѣрность; войско дѣйствительно было далеко не многочисленно. Но въ началѣ піесы, когда неаполитанскіе сбирры еще полновластны въ Сициліи, они арестуютъ и допрашиваютъ одного молодаго рыбака, чтобы заставить его указать, гдѣ скрывается одинъ изъ патріотовъ; сбирры увѣряютъ рыбака, что отецъ его въ ихъ рукахъ, и въ случаѣ неисполненія требованія начальства, они его повѣ-

¹ Высадка Гарибальди.

сать; рыбакъ колеблется, и чтобы спасти жизнь отца, готовъ указать убѣжище патріота; негодованіе публики, которой было извѣстно, что сбирры не могли поймать отца, возросло до того, что, не довольствуясь свистками и шумомъ, она кричала легковѣрному рыбаку: не вѣрь, отецъ въ безопасности, они лгутъ. Къ несчастію, по ходу пьесы, молодой рыбакъ не могъ повѣрить публикѣ, а долженъ былъ выдать патріота. Партеръ засвисталъ такъ нештовато, что окончаніе допроса невозможно было разслышать.

Арена Алфіери далеко не была посѣжаема такою многочисленною публикой, какъ Лаброника. На первой большею частью были пьесы комическаго содержанія; на второй только въ пять и болѣе актовъ драмы, въ которыхъ убійства и проч. были ни почемъ. Странно и непонятно то явленіе, почему народъ, менѣе образованный классъ, всюду любитъ въ зрѣлищахъ болѣе то, что заставляетъ его плакать, чѣмъ то, что заставляетъ смѣяться. Казалось бы, слѣдовало быть наоборотъ. Быть рабочаго класса имѣеть такъ мало развлеченій въ своей будничной ежедневной жизни, что трудно объяснить это предпочтеніе къ слезамъ, когда смѣхъ такъ же дешевъ и такъ же доступенъ. Сколько разъ мнѣ ни случалось по праздникамъ заходить въ оба театра, всегда замѣчалъ я то же; въ Лаброника биткомъ набито, и въ строгомъ молчаніи слушаюгъ 5 или 6 актовъ ужасающей драмы; а въ Алфіери смѣшные водевили, очень не дурно разыгранные, слушаются публикой вчетверо меньшею, такъ что едва наполненъ обширный партеръ. Несмотря на это, дирекція Алфіери имѣла также свои свѣтлые дни. Пьеса *Stenterello, flagello dei codini*, привлекла огромное стеченіе народа. Эта пьеса, написанная еще въ прошломъ году въ то время, какъ всю Италію занималъ вопросъ о присоединеніи Тосканы, герцогствъ и Романьи къ Пьемонту, чисто аллегорическая. Старая вдова (Австрія), одѣтая въ платье желтое съ чернымъ, желаетъ воспользоваться съ помощью одного іезуита (паны) имѣніемъ трехъ дѣвицъ, одѣтыхъ въ платья, въ которыхъ разнообразно сочетались краски трехцвѣтнаго національнаго знамени, и выдать ихъ за своихъ родственниковъ. Дѣвицы—это герцогства; родственники вдовы—это эксъ-герцоги. Планъ вдовы почти удается; но вдругъ является родственникъ дѣвицъ (король Викторъ-Эммануилъ) и съ помощью своего друга (императора Наполеона), послѣ разныхъ затрудненій, освобождаетъ своихъ родственницъ. Актеръ, исполнявшій роль избавителя, сколько могъ, старался гримировать себя такъ, чтобы быть похожу на *Re Galantuomo*. Сходства не было никакого; но было достаточно длинныхъ усовъ и такой же бородки, чтобы публика рукоплескала при каждомъ появленіи якобы короля. Также, чтобы представить Наполеона, актеръ ни сколько не затруднился:

приклеилъ себѣ усы, завитыя въ тоненькія трубочки, и всѣ поняли, что сей есть Наполеонъ.

Въ концѣ піесы, тирады, которыми сопровождалось изгнаніе злой вдовы и ея клеветы, были встрѣчены съ энтузіазмомъ неописаннымъ; а уходящей вдовѣ и ее окружающимъ свистали съ энергіей и такою силой, что меня просто оглушило. Собственно говоря, я никакъ въ толкъ не могъ взять названіе піесы; потому что Стентерелло игралъ въ ней совсѣмъ не главную роль и былъ только весельчакомъ-лакеемъ, въ родѣ мольтеровскихъ, который помогаетъ своимъ господамъ устроить свои дѣла; но бичомъ кодиновъ онъ отнюдь не былъ, для того чтобы заслужить такой пышный титулъ въ главѣ эфиши.

Въ Италіи народъ до того привыкъ къ театру, что онъ для него необходимость. Дешевизна цѣнъ въ театрахъ, предназначенныхъ для народа, сдѣлала ихъ доступными самому бѣдному карману; разчитываютъ, что зимой дороже просидѣть весь вечеръ дома чѣмъ въ театрѣ. Оно дѣйствительно такъ; дома надо зажечь лампу, а въ холодный вечеръ по крайней мѣрѣ наполнить горячимъ углемъ *брачіере*², или затопить каминъ, если онъ есть. Масла и угля выйдетъ по крайней мѣрѣ на полъ-паола, и работникъ будетъ сидѣть одинъ, тогда какъ въ театрѣ за меньшую цѣну, если онъ абонированъ, онъ имѣетъ теплый уголь и еще слышитъ хорошую музыку первыхъ маэстро. Въ театрѣ Национале, во Флоренціи, гдѣ за входъ платятъ полъ-паола (при абонементѣ гораздо дешевле), давали въ эту осень поочередно двѣ оперы Россини, *Barbiera* и *Senegentola*, да кромѣ того балетъ въ шести картинахъ. Представленіе идетъ по крайней мѣрѣ четыре часа. Рабочій, пробывъ въ трудѣ весь день, приходитъ въ театрѣ отдохнуть, погрѣться, послушать, потолковать. За такую ничтожную цѣну нельзя требовать первыхъ пѣвцовъ, великолѣпной постановки и удивительнаго исполненія; но нельзя сказать, чтобы въ

¹ Кстати разказать анекдотъ про флорентинскаго знаменитаго Стентерелло Каннелли (Cannelli). Во Флоренціи три театра, которые во время карнавала даютъ представленія съ Стентерелло, это *Borgognisanti*, *Leopoldo* (теперь *Nazionale*) и *Vecchio*. Каннелли былъ либераль, и при Леопольдѣ рѣдкій карнавалъ обходился безъ того, чтобы Каннелли не посидѣлъ въ тюрьмѣ за всякія остроты на счетъ двора и герцога. Однажды въ одной піесѣ Каннелли явился очень грустный; актеръ, дающій ему реплику, спросилъ о причинѣ этой грусти. Каннелли отвѣчалъ, что долженъ оставить ремесло, потому что много развелось Стентерелло. Да сколько же? спрашиваетъ актеръ. *Siamo tre stenterelli*, отвѣчаетъ Каннелли: *Borgognisanti*, primo, son io; *Leopoldo* secondo; *Piazza Vecchia* terzo (Боргогнйсанти—я—первый; Леопольдъ—второй; Пьяцца-Веккіа—третій). Рукописканія были необычайныя; но за это почти мѣсяцъ просидѣлъ бѣдный Каннелли въ тюрьмѣ.

² *Брачіере* (*brassere*, также *caldaio*) металлическій сосудъ, наполненный горячею золой и углемъ, который ставятъ въ комнату для тепла въ бѣдныхъ семействахъ. Отъ него часто угораютъ.

Национале и ему подобныхъ дурно пѣли, напротивъ не понимаешь, какимъ образомъ можетъ антрепренеръ, притакимъ ничтожныхъ средствахъ, имѣть какую-нибудь труппу. Это объясняется только тѣмъ, что Национале, какъ и многіе другіе ему подобные¹; театръ дебютантовъ; часто антрепренеръ не только ничего не платитъ своимъ артистамъ; но даже беретъ съ нихъ ничтожную сумму, чтобы доставить имъ дебютъ. Бóльшая часть первыхъ пѣвцовъ Италіи начали свое поприще на такихъ театрахъ; народъ, бѣдная публика, много выигрываетъ отъ этого, и вмѣстѣ, своими восторженными рукоплесканиями, дѣлаетъ репутацію своихъ артистовъ, которые часто прямо съ такого дешевенькаго театра идутъ на театры *di primo cartello*.

Многіе изъ иностранцевъ, посѣщающихъ Италію, и даже наши соотечественники, какъ мнѣ приходилось самому слышать, находятъ большой вредъ въ этой доступности театровъ для народа. Къ чему, говорятъ они, приучать народъ къ удовольствіямъ, которыя разнѣживаютъ его?—Это все *panem et circenses* древнихъ, все это и теперь дѣлаетъ изъ Италіянцевъ народъ, въ которомъ энергія, стойкость, сила воли не существуютъ.

Мнѣ кажется, что лучше просидѣть въ театрѣ, нежели въ праздникъ по пословицѣ: кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ, съ утра сидѣть въ кабацѣ, а къ вечеру валаться на улицѣ, какъ случается не въ одной Россіи. Въ Италіи пьяный большая рѣдкость, которую мнѣ въ 9 мѣсяцевъ моего пребыванія случилось встрѣтить всего раза два-три. *Panis et circenses*, имѣли преимущественно то вредное вліяніе, что рѣдко доставались даромъ, теперь за входъ въ театръ платится хотя мало, но тѣмъ не менѣе ощутительно для кармана рабочаго, получающаго, напримѣръ въ Тосканѣ, не болѣе 2 паоло въ день (около 30 коп. сер). Чтобы заплатить *ingresso*², ему надо разчесть хорошенько и пожалуй лишитъ себя чего-нибудь, въ своемъ дневномъ бюджетѣ, за удовольствіе послушать *Bartolo* и *Don Magnifico*. Что театръ изнѣживаетъ нравы, этого я не только не нахожу; но напротивъ мнѣ кажется, что театръ есть могущественное средство для распространенія образованія въ народѣ. Нигдѣ въ Европѣ народъ такъ общественно не образованъ какъ въ сѣверной и центральной Италіи. Не послѣдняя этому причина театръ. Нигдѣ, ни во Франціи, ни въ Германіи, ни даже въ Англіи, мнѣ не случалось видѣть въ толпѣ такой учтивости, приличности и достоинства, какъ въ Италіи. Италіянецъ знакомъ съ дѣ-

¹ Teatro Rossini, въ Туринѣ; Carcano, Fossati въ Миланѣ; Valle въ Римѣ; Fiorentini, S. Carlino въ Неаполѣ; San-Benedetto въ Венеціи.

² *Ingresso* собственно входъ; такъ называется плата за входъ въ италіянскихъ театрахъ.

тельностью историческихъ людей своей родины скорѣе изъ историческихъ драмъ, которымъ онъ рукоплещеть съ бѣшенствомъ, нежели изъ книжекъ, до которыхъ простонародье и мало охоты имѣеть. Изнѣженность же хоть бы Тосканцевъ еще *ad probandum*; потому что, начиная съ 1848 года по сіе время, они не разъ доказали, что энергія не совсѣмъ потухла въ народѣ; но наконецъ, если существуетъ изнѣженность, то скорѣй она объясняется дѣйствіемъ климата и вліаніемъ иностраннаго ига деспотическою властью правленія, которое такъ долго угнетало Италію и было особенно чувствительно въ мелкихъ государствахъ, на которыя такъ еще недавно дѣлилось отечество Данта, Тасса, Макиавеля и Петрарки.

При грядущемъ развитіи общественной самодѣтельности въ Россіи, вопросъ о народныхъ театрахъ непременно возбудится, устройство ихъ будетъ великій шагъ на пути народнаго образованія и смягченія нравовъ. Но въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, нужна частная предпримчивость людей знающихъ и заинтересованныхъ въ предпріятіи. Успѣхъ въ такомъ дѣлѣ зависитъ отъ публики, удовлетворять желаніямъ которой есть прямой интересъ антрепренера. Мнѣ кажется, что народные театры принесутъ столько же пользы горожанамъ, сколько общества трезвости деревенскимъ жителямъ.

Но мы удалились отъ ливорнскаго сезона и удалились по такому вопросу, который требуетъ серьезнаго и спеціального обсуждения, невозможнаго въ настоящей статьѣ, уже безъ того увеличившейся не въ мѣру.

Дай Богъ, чтобы вопросъ о народныхъ театрахъ возбужденъ въ нашей литературѣ и чтобы осуществленіе такого предпріятія пало на долю частной предпримчивости. Успѣхъ, мнѣ кажется, былъ бы вѣренъ, а польза несомнѣнна. Всякій согласится, я думаю, что время, проведенное въ театрѣ, гораздо полезнѣе нежели разговоры въ харчевняхъ и кабакахъ, въ которыхъ теперь протекаютъ свободные часы нашего столичнаго рабочаго класса.

Кн. Д. Д—ц—й.

ИСПЫТАНИЕ

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Александръ Ивановичъ Турчинъевъ, помощникъ окружнаго, временно исправляющій его должность. Двадцати восьми лѣтъ.

Вѣра, жена его. Двадцати одного года.

Матрена Алексѣевна, мать Турчинъева, Шестидесяти лѣтъ.

Николай Степановичъ Балыковъ, полный мущина, весьма прилично одѣтый, тридцати шести лѣтъ. Исправникъ. Говорить немного въ носъ.

Федоръ Васильичъ Лысковъ, отставной капитанъ. Судья. Плѣшивый, красный господинъ. Говорить скоро, съ жестами. Пятидесяти лѣтъ.

Варвара Павловна Маревская, молодая дама, двадцати пяти лѣтъ. Жена посредника по размежеванію земель. Съ претензіями на святость.

Управляющій откупомъ, тридцати лѣтъ, съ черною бородкой. Развязный по своему господинъ. Съ перваго взгляда плутъ.

Обираловъ, другой помощникъ окружнаго, тридцати четырехъ лѣтъ. Изъ военныхъ.

Анна, горничная Турчинъевой. Полная дѣвушка, лѣтъ девятнадцати. Не изъ далекихъ.

Писарь изъ окружнаго управленія, двадцати двухъ лѣтъ. Одѣтъ въ длинно-поломъ нанковомъ сюртукъ; подстриженъ въ кружокъ; рядъ на боку.

Дѣйствіе происходитъ въ уездномъ городѣ Многосельской губерніи..

ЯВЛЕНИЕ I.

Комната въ квартирѣ Турчинѣвыхъ. На заднемъ планѣ нѣсколько старинныхъ кресель и кушетка; передъ нею рабочій столыкъ, на немъ стаканъ съ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ. Направо дверь въ залъ, налѣво — во внутреннiя комнаты. У двери налѣво, къ авансенѣ, письменный столъ. По бокамъ стулья. Направо — ломберный столъ, стулья и вислая этажерка съ книгами и газетами. Утро. Изъ дверей налѣво входятъ

ВЪРА (*съ работою въ рукахъ*) и Матрена Алексѣевна.

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА. Какъ же быть, Вѣренька?.. Ты бы сказала Сашѣ-то! Вѣдь онъ, злодѣй, покою не дастъ. Вотъ ужъ другой разъ приходитъ нынче. Я его къ тебѣ и допускать не велѣла... Ты скажи Сашѣ-то! (*Садится на стулъ.*)

ВЪРА. Да что же я ему скажу, маменька?.. Развѣ вы не знаете, что до жалованья полторы недѣли осталось? (*Садится на кушетку и начинаетъ шить.*)

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА. То-то полторы. А онъ-то, злодѣй, вонъ что говоритъ: «не заплотють, говоритъ, сегодня, такъ пусть другую квартиру ищутъ;» а гдѣ ихъ тутъ найдешь у насъ? Здѣсь, по крайности, комнатка для ребенка есть... Вѣдь ты, глядишь, къ Покрову-то, Богъ дастъ, и внучкомъ меня подаришь...

ВЪРА (*подавляя вздохъ*). Это еще такъ далеко, маменька! Еще Богъ вѣсть, что будетъ.

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА. И, Вѣринька, живой о живомъ думаетъ... Ты бы вотъ лучше насчетъ откупа Сашѣ поговорила. Третьяго дни новый управляющій пріѣхалъ; человекъ добрый, говорятъ... Ну, съ прежнимъ-то шибаемъ пусть онъ не хотѣлъ никакого дѣла имѣть... а этотъ не такой! внимательный, говорятъ, ласковый, учился тоже гдѣ-то... Ты ему скажи, Вѣренька, что онъ фанаберіей своей ничего не возьметъ... Вѣдь вотъ скоро онъ отцомъ будетъ, новые расходы прибавятся... Ты думаешь, на его жалованье можно съ семьей-то жить? Какже!

ВЪРА (*нетерпливо*). Богъ дастъ, проживемъ какъ-нибудь.

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА. Проживете... точно! А вотъ какъ съ квартиры-то, чего добраго, сгонить, такъ не то заговорите... Ты можетъ не знаешь, онъ за цѣлые полгода ни копейки не платилъ... Мнѣ самъ хозяинъ сегодня сказывалъ.

ВЪРА (*съ удивленіемъ*). Не можетъ быть, маменька!

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА. Да! есть изъ чего врать хозяину-

то. *(Въ сторону)* Вмѣсто квартиры онъ вѣдь за нее доктору заплатилъ. *(Ей:)* А ты лучше спроси Сашу, за чѣмъ онъ самъ расходы сталъ вестъ?.. Ну, ты хворала, положимъ, а я-то за чѣмъ? развѣ сложа руки сидѣть?

ВѢРА *(нѣжно)*. Гдѣ же сложа руки, дорогая моя? Вы посмотрите, сколько вы разныхъ пеленокъ, да чулочковъ, да кофточекъ приготовили...

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА *(смѣлаясь)*. И, ангелъ мой, что это за много!.. Ты вотъ посмотрѣла бы, сколько у Анфисы Павловны, говорятъ, наготовили... Тамъ цѣлый ящикъ въ комодѣ для бѣлья этого разнаго отведенъ... *(Совершенно мякно)* А я, Вѣренька, хочу теперь тепленькую фуфаячку вязать. Ты скажи Сашѣ, пусть бумаги купить, вѣдь дѣло-то къ зимѣ будетъ идти.

ВѢРА. Скажу, маменька, непременно скажу.

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА. То-то скажу... Ахъ вы молодость, молодость! все-то придумай за васъ, обо всемъ позаботься... Ну, да Господь съ вами! хоть бы скорѣе Создатель привелъ понянчить моего голубчика... *(ВѢРА улыбается.)* Ну, чего улыбаешься-то? Ужъ я тебѣ говорю, что сынка родишь... Съ дочерью-то хлопоты только однѣ, а подмога какая отъ ней? Рости ее, да корми, а она все въ лѣсъ смотреть... И Саша-ворожка мнѣ говорила, что у меня внучекъ будетъ... Такъ-то! *(Встаетъ.)* Ну, семь же я пойду; надо еще въ сундукъ перебраться, можетъ еще, чтѣ и годное найду... А ты, Вѣренька, скажи Сашѣ-то, что хозяйнѣ приходилъ. Да посовѣтуй ему гордость свою неумѣстную бросить. Наши отцы не хуже его были... Да вотъ меня-то старуху онъ не слушаетъ — вся бѣда отъ этого. А кабы бросилъ свою фанаберію, да жилъ, какъ другіе, такъ и лучше бы было, и ты бы такъ не задумывалась и не грустила... Скажи ты ему, Вѣренька, посовѣтуй ему, милая!.. Да сама разговоръ-то его не слушай, а то вѣдь вотъ и ты то же, чтѣ и онъ, говоришь... Диви богачи какіе, благодарностью гнушаются: да и тѣ отъ добра не отказываются. вспомни, что у васъ вотъ дѣти пойдутъ... Такъ-то, милая! .. вѣдь любя васъ это говорю.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ВѢРА *(одна, продолжая работать)*. Хорошая старушка, какъ она любитъ насъ!.. Чтѣ же дѣлать, если она выросла въ другихъ понятіяхъ... *(Оставляя работу.)* Неужели Александръ

за полгода ничего не платилъ хозяйну? Какое! И мнѣ ни слова!.. Надо отдать, непременно отдать; маменька правду говорить, что удобнѣй этой квартиры не найдешь... Какъ только получить жалованье, сейчасъ же пусть заплатитъ... (*Въ раздумьи:*) А что же у насъ останется?.. Александръ на прошлой недѣлѣ говорилъ, что у него до жалованья хватить... Теперь заплатить хозяйну... и у насъ ни копѣйки, ни одной копѣйки!.. это ужасно! (*Вздыхаетъ.*) И въ это время думать еще о томъ, что я скоро буду матерью... Боже мой, Боже мой! (*Беретъ себя за голову.*) Неужели онъ меня обманываетъ?.. Неужели для того, чтобы скрыть отъ меня наше безденежье, онъ взялся самъ хозяйничать?.. И я думала, что ему совѣстно было беспокоить маменьку, что ему не хотѣлось тревожить ее на старости... Да и я давно ужъ выздоровѣла... А! теперь понимаю, отчего не заплочено хозяйну... Все ушло на лѣкарства и на доктора... вотъ куда!.. (*Грустно:*) Саша, Саша! Одинъ съ матерью ты могъ бы еще прожить здѣсь, еще хватило бы на васъ того жалованья... А теперь-то, теперь-то какъ? Въдѣ ты зналъ, что я бѣдная дѣвушка, что у меня, кромѣ этихъ тряпокъ, ничего нѣтъ, что кромѣ любви моей, я ничего не принесу тебѣ? Зачѣмъ же ты женился на мнѣ?.. Ну, мы честны съ тобой, ты служишь такъ, какъ никто не служитъ здѣсь; мы живемъ однимъ жалованьемъ... Да развѣ это жизнь? развѣ бѣдность не униженіе?.. Она отнимаетъ все: и здоровье, и душевную силу; она доводитъ до преступленія... Сколько женщинъ... (*Опомятъ:*) Господи! прости меня! Развѣ упреками я должна платиться за его любовь? Развѣ я не знаю, какъ тяжело ему отказывать мнѣ, какъ онъ груститъ, бѣдный, когда у насъ не достаетъ чего-нибудь?.. Развѣ такъ я должна помогать ему?.. Прости меня, мой милый! я виновата передъ тобой... Нѣтъ, нѣтъ! я все вынесу для тебя... (*Послѣ минутнаго молчанія:*) Да! а Михайловъ-то, я и забыла! (*Бросаетъ работу и задумывается.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ВѢРА и АННА (*объясаетъ*).

АННА (*торопливо*). Барыня!.. Посредница къ намъ идутъ-съ.. Уже въ калитку вошли.

ВѢРА (*вздраивая*). Ахъ, какъ ты меня напугала, Анята!.. Никогда не можешь сказать толкомъ, вбѣжишь слома голову. (*Оправляясь:*) Ну, ступай же, скажи, что дома... проси...

(*Анна уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВѢРА И МАРЕВСКАЯ (пышно разодѣтая).

МАРЕВСКАЯ. *Bonjour, madame!* (Жметъ ей руку.) Что это вы сидите, не стыдно ли?.. Вѣдь прелесть что за погода... тепло... *Charmant...* просто упоеніе! (Садится рядомъ съ Вѣрой, потомъ быстро встаетъ и беретъ нѣсколько цвѣтковъ изъ букета.) Ахъ, какая прелесть! (Нюхаетъ.) Чудо!.. и вѣрно мужъ?

ВѢРА. Да, онъ. Утромъ купался за рѣкой, и набралъ тамъ этотъ букетъ.

МАРЕВСКАЯ. Прелесть, прелесть!.. Нѣтъ, отъ моего этого не дождешься, такой увалены!.. *Imaginez-vous*, я теперь одна; вчера уѣхалъ на соглашеніе на двѣ недѣли, и я одна, совершенно одна, *toute seule!* Хотя бы кузина изъ Многосельска пріѣхала... (Разсматривая оставленную работу.) Ахъ, какой хорошенькій воротничокъ! Гдѣ это, *ma chère*, достали такой миленькій узорчикъ?.. Просто душка!.. Да и мастерица же вы, Вѣра Васильевна! Меня хоть убейте, я такъ не сдѣлаю.

ВѢРА. За то еслибы вы знали, какъ надоѣлъ мнѣ этотъ воротничокъ...

МАРЕВСКАЯ (перебивая). О! вѣроятно... Еще вы терпеливы, *ma chère*... Нѣтъ, я рѣшительно не способна ни къ какой работѣ. (Съ самодовольствіемъ.) Впрочемъ, мой Жоржъ балуетъ меня. Ну, конечно, похитришь немножко, приласкаешь лишній разъ, и непременно есть что-нибудь новенькое... Ахъ, да, *ma chère!* *Imaginez-vous*, я сейчасъ отъ Лепехиной... Ей на дняхъ бурнусъ изъ Москвы прислали... Роскошь! и она вѣд себя отъ восторга!.. Непременно нападу на своего! Какъ только вернется, покою не дамъ, а ужъ поставлю на своемъ... (Улыбаясь.) *Je sais ce qu'il vous plaît, monsieur*, когда вы пріѣзжаете домой!.. На другой же день пошлете деньги... (Кокетничая.) А гдѣ же Александръ Иванычъ?

ВѢРА. Теперь еще на службѣ. Вѣдь рано, и двѣнадцатая еще не било.

МАРЕВСКАЯ. И какъ ему не надоѣсть эта служба?.. Мнѣ мой Жоржъ сколько разъ говорилъ, что теперь ничего не выслужишь, доходовъ никакихъ нѣтъ... Вотъ и наша служба не то, что прежде. *Savez-vous*, посредниковъ теперь черезъ

четыре года выбирать станутъ, а мой мужъ ужь восемь лѣтъ служить... Ну, да я особенно и не хлопочу объ этомъ; мы и въ деревнѣ проживемъ, есть, слава Богу! Мы ее теперь на аренду отдали, ну а тогда дѣлать нечего!.. Скучно только, ни сада, знаете, ни рѣки нѣтъ... Конечно, посредникомъ все бы лучше. Къ тому же Жоржу почти дѣлать нечего, онъ только для развлеченія ѣздитъ; а насчетъ дѣлъ, это все письмоводитель. Жоржъ даже говорилъ мнѣ какъ-то, что онъ и не знаетъ, какія дѣла у него... Ну, а пятьсотъ рублей мнѣ на наряды очень и очень бы пригодились. *N'est ce pas, ma chère?.. (Ирра лорнетомъ.)* Да, я слышала, что вы намѣрены бросить насъ... Александръ Ивановичъ хочетъ, кажется, управляющимъ въ какомъ-то имѣніе поступить?.. Право, я слышала...

ВЪРА. Да... Но это еще не вѣрно. Можетъ-быть и не удастся. *(Въ сторону:)* Откуда это все извѣстно имъ, просто не понятно... Кажется, ни слова никому неговорили.

МАРЕВСКАЯ *(продолжая играть лорнетомъ)*. А вы бы желали?.. Вотъ такъ *merci!*.. добрая знакомая...

ВЪРА. Чтò жь дѣлать, Варвара Павловна? рыба ищетъ...

МАРЕВСКАЯ *(перобивая)*. Гдѣ глубже, а человекъ гдѣ лучше. *Où, je sais.* Ахъ, да! слышали вы, къ намъ назначаютъ военный постой?.. Нѣтъ? не слышали?.. Развѣ мужъ не говорилъ?.. Какже, какже! *j'ai reçu une lettre...* Еслибы только поскорѣе! Вѣрно есть молоденькіе, хорошенькіе... а то у насъ такая бѣдность на молодежь...

ВЪРА. Да, но кого еще назначать...

МАРЕВСКАЯ. Ахъ, нѣтъ! какъ можно... *Entre nous soit dit,* я всегда на сторонѣ военныхъ. Это не то чтò штатскіе, а въ особенности наши провинціальные... Всѣ до одного такіе мовешки, *fi!* *(Дѣлаетъ гримасу.)*

ВЪРА *(улыбаясь)*. Мерсі за комплименты! придетъ мужъ, непременно передамъ ему.

МАРЕВСКАЯ *(грозя пальцемъ)*. *Pas de quoi!* Объ Александръ Ивановичъ тутъ и разговору нѣтъ... *(Кокетливо:)* Вы знаете, что я къ нему неравнодушна? право, *je vous assure!*.. Еслибъ онъ былъ моимъ мужемъ, о! какая бы я была ревнивица? Я бы его растормошила, онъ пересталъ бы у меня серіозничать, да о дѣлахъ однихъ думать... *(Съ легкимъ вздохомъ:)* Что же это его нѣтъ до сихъ поръ?.. *(Съ маленькою гримасой:)* Ахъ, да! эта вѣчная служба... Да! вотъ вамъ новость, я и забыла. Пленкина на дняхъ своими руками отрѣзала косу у горничной, а мужу, говорятъ, такихъ сценъ надѣлала, что просто страхъ... Нашъ письмоводитель всю эту сцену засталъ. Пришелъ, знаете, къ нимъ вечеромъ, да слышитъ шумъ этотъ — и спрятался за дверь. И какъ онъ разказываетъ, еслибы вы знали! Я просто

умерла со смѣху. *Monsieur* Пленкинъ, этотъ толстякъ, — и она... ха, ха, ха! увидала, какъ онъ вошелъ въ дѣвичью и горничную эту ущищнулъ, знаете за... (*шепчетъ на ухо*) ха, ха, ха!.. А кто бы могъ подумать, что онъ куртизанъ такой?.. Моя Паша говорила, что за нимъ это и прежде водилось, но я не вѣрила.

ВЪРА. А помните пословицу: въ тихомъ омутѣ...

Маревская. Да, да, *je sais, je sais!* А на другаго нашего куртизана спячка, говорятъ, напала, *je vous jure!* Просто, походя спить, говорятъ. Жена изъ себя выходитъ, ей бы пошерлакурить хотѣлось, а онъ спить, спить и спить. Начнетъ говорить что-нибудь, разинетъ ротъ, да такъ и заснетъ. Жена чуть не плачетъ. Прежде ревность ее мучила, а теперь не знаетъ даже, чтó и самой-то дѣлать ей... (*Хохочетъ.*)

ВЪРА (*стараясь перемѣнить разговоръ*). Ахъ, да, Варвара Павловна, что, вамъ не высылали еще *Отечественныхъ Записокъ*?

Маревская. О, нѣтъ, ужъ получили. Я не знаю, впрочемъ, зачѣмъ Жоржъ выписываетъ ихъ. Все какія-то ученые статьи. О воспитаніи тамъ говорятъ... Не то что прежде. Мужъ выписываетъ ихъ ужъ дѣтъ пятнадцать, и я недавно пересматривала старыя... *Королева Марго*. Помните?.. *Вѣрный Жидъ*... *Монтекристо*... А принцъ Джалма! *souvenez-vous?* ахъ, душка, милашка! Да вы не хотите ли взять послѣднюю книжку? она свободна.

ВЪРА. Пожалуста, вы меня очень обяжете.

Маревская. *Avec grand plaisir!*.. Я даже вамъ сегодня пришла.

ВЪРА. *Merci, merci!*.. Если Александръ будетъ свободенъ, вечеромъ читать будемъ.

Маревская (*хватая себя за голову*). Ахъ, какая вѣтреница... Вообразите, я вѣдь вамъ и не сказала, что сегодня всѣ собираются въ рощу, версты за полторы. Какже, какже! Ко мнѣ заходилъ Пѣтушковъ и передавалъ все это... Ну, да! Хотятъ устроить *partie de plaisir*... будетъ мороженое... *des confitures*... мушцинамъ закуска... Нельзя не быть, *ma chérie!*.. это въ родѣ пинина, я зашла предупредить васъ... *Tout le monde va...*

ВЪРА (*стараясь отговориться*). Я не знаю, удобно ли это въ моеѣ положеніи. Туда дорога такая...

Маревская. Ахъ, да, да! Я вѣдь крестная мать вашего ребенка, *n'est ce pas?*.. Мнѣ страхъ какъ хочется съ вами покумиться... Но только вы не безпокойтесь, *ma chère*... Я, вы знаете, четыре раза дѣлалась матерью, и въ первый разъ даже за двѣ недѣли танцовала, *je vous jure!* А вамъ, кажется, еще

мѣсяца три слишкомъ?.. *Oh, ça ne fait rien! Une petite promenade* даже очень полезно... Экипажъ у меня покойный...

ВЪРА. Я право не знаю, будетъ ли Александръ свободенъ.

МАРЕВСКАЯ. О, пустяки, пустяки!.. Александръ Иванычъ вѣрно не откажетъ... И онъ васъ такъ любить притомъ, что готовъ исполнить всѣ ваши просьбы... *Enfin*, тутъ ничего особеннаго не нужно... Бутылка вина... сыръ... или еще что-нибудь... Пожалуста не отказывайтесь!

ВЪРА (*подавляя вздохъ*). Постараюсь, Варвара Павловна... Если будетъ можно.

МАРЕВСКАЯ. И слышать не хочу!.. Ахъ, да! *imaginez-vous*, новый управляющій откупомъ прѣхалъ, и онъ будетъ на гуляньѣ. Такой *bel homme*, такой *comme il faut*... И, говорятъ, образованный... Я, вы знаете, далека отъ этихъ предразсудковъ... отъ сословныхъ этихъ... Онъ, говорятъ, сегодня визиты дѣлаетъ... А у васъ не былъ еще? (*Въра дѣлаетъ отрицательный знакъ.*) О, такъ онъ, безъ сомнѣнiя, будетъ... Лѣтъ тридцати, черная бородка, носъ съ горбиной. *Tout-à-fait comme il faut*... *Mais il est temps déjà!* (*Встаетъ.*) *Au revoir*, надо еще къ Пленкинымъ.

ВЪРА (*поднимаясь*). Такъ скоро? А что же я не предложила вамъ кофе... Не хотите ли?

МАРЕВСКАЯ. О нѣтъ, нѣтъ, *merci!*.. Спѣшу къ Пленкинымъ, а отъ ней къ исправницѣ. *Au plaisir, ma chérie.* (*Цѣлуетъ Въру.*) Смотрите же, не обманите. (*Идетъ къ дверямъ, за ней Въра.*) *Mes compliments* Александру Иванычу. (*Въ дверяхъ:*) А если не будете (*грозитъ пальцемъ*), мы враги, *nous sommes des ennemies*, и я отказываюсь быть вашею кумой. Смотрите же!.. въ шесть часовъ я у васъ...

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

ВЪРА (*одна, возвращаясь къ кушеткѣ*).

Счастливая женщина!.. Всегда весела, состоянiе порядочное, ни о чемъ серьезно не раздумывается, и живетъ себя пригъ-ваючи... Право, позавидуешь иной разъ. (*Садится на кушетку.*) А въ самомъ дѣлѣ хорошо бы теперь въ роцу! Сегодня день какъ нарочно созданъ для прогулки... На небѣ ни облачка, солнце грѣветъ такъ мягко, будто и не въ июнѣ... (*Вздыхая:*) Да, хорошо бы! но и на это гулянье нужны средства, са-

мыя пустыя, положимъ; какихъ-нибудь четыре-пять рублей, а если и ихъ нѣтъ?.. Посмотримъ, что-то скажетъ Александръ... Неужели и теперь станеть скрывать отъ меня наше безденежье и согласится участвовать въ этой прогулкѣ?.. (*Помолчавъ:*) Бѣдный другъ мой, какъ мало еще ты знаешь меня!.. (*Принимается за работу.*) Ахъ, какъ надоѣлъ мнѣ этотъ воротъничокъ! вотъ ужъ третью недѣлю вожусь я съ нимъ, а все много работы...

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВѢРА и ТУРЧИНЪЕВЪ. (*Послѣдній входитъ молча, кладетъ фуражку и садится противъ жены.*)

ВѢРА (*продолжая работать*). Гдѣ былъ, Александръ?

ТУРЧИНЪЕВЪ. Сначала въ правленіи, а потомъ заходилъ къ Шнипгофу... Какой славный рояль привезли ему вчера! Вотъ, ВѢра, если удастся наше предположеніе, при первой же возможности куплю тебѣ хорошенькое фортепіано.

ВѢРА. Да! если удастся... но скоро ли это будетъ?

ТУРЧИНЪЕВЪ. Можетъ-быть и очень скоро. Вѣдь ужъ около трехъ недѣль, какъ я писалъ Михайлову; не будетъ ли сегодня.

ВѢРА. Нѣтъ, Саша! что-то не вѣрится... Какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что наша надежда напрасная.

ТУРЧИНЪЕВЪ. А можетъ-быть и нѣтъ.

ВѢРА. Можетъ-быть, можетъ-быть... (*Ласково:*) Александръ, ты необманываешь?

ТУРЧИНЪЕВЪ. А развѣ ты замѣчала, что я способенъ обманывать? (*Смотритъ на жену и говоритъ въ сторону:*) Чтò это за вопросъ? Тутъ что-нибудь да кроется... (*Переменяя разговоръ, ей:*) Да, у тебя была Маревская...

ВѢРА. Я сейчасъ только проводила ее.

ТУРЧИНЪЕВЪ. Мы съ ней встрѣтились. Ну, что эта трещотка нащелкала тебѣ?

ВѢРА. Ничего особеннаго. По обыкновенію нѣсколько новостей, вовсе не интересныхъ, да говорила, что сегодня всѣ собираются въ рощу. Звала и меня.

ТУРЧИНЪЕВЪ (*нехотя*). Да, я слышалъ отъ Шнипгофа объ этомъ гуляньѣ.

ВѢРА (*глядя пылко на мужа*). Это, знаешь ли, на общій счетъ, каждый долженъ взять съ собою что-нибудь. А мы поѣдемъ, Александръ? Мнѣ бы хотѣлось, теперь такъ хорошо въ рощѣ.

Турчинъевъ (*избывая взгляда жены*). Пожалуй! Только дорога туда тряская. Хорошо ли это въ твоёмъ положеніи? А безъ тебя я не поѣду. (*Въ сторону:*) А въ карманѣ всего три цѣлковыхъ!

ВѢРА (*будто не замѣчая смущенія мужа*). Ахъ, да, Александръ! Сегодня былъ хозяинъ нашей квартиры; требуетъ денегъ. Онъ сказалъ маменькѣ, что ему не плачено будто бы за шесть мѣсяцевъ.

Турчинъевъ (*смущаясь все болѣе*). Да, то-есть я просилъ его, а впрочемъ, въ концѣ мѣсяца онъ получить все сполна. Деньги не очень большія. (*Въ сторону:*) Каковъ! далъ слово ждать цѣлый годъ и не говоритъ моимъ ни слова.

ВѢРА. Саша, Саша! Не грѣхъ ли тебѣ скрывать отъ меня наше положеніе? Развѣ ты не знаешь, какъ я люблю тебя? Ну, скажи, зачѣмъ ты взялъ на себя хозяйство, зачѣмъ не передалъ маменькѣ, когда я болѣла? Ты говорилъ мнѣ, что она стара, что ее надо покоить. Такъ ли это, Александръ? Скажи мнѣ, другъ мой!

Турчинъевъ (*встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ*). Разумѣется... другой причины и быть не могло. (*Въ сторону:*) Боже мой! Она все узнала. Это маменька вѣчно все вывѣдаетъ. (*Ей:*) Неужели ты думаешь, что я... Повѣрь, мнѣ даже очень пріятно.

ВѢРА (*сквозь слезы*). Нѣтъ, неправда, Александръ, не правда! Я стою большей довѣренности, я готова на все для тебя... Наймемъ другую квартиру, будемъ жить и безъ знакомыхъ,—ну, пусть осуждаютъ насъ, пусть называютъ какимъ хотятъ именемъ, только, Саша! (*удерживаясь, чтобы не зарыдать*) умоляю тебя, не дѣлай ничего лишняго для меня.

Турчинъевъ (*лаская ее*). Успокойся, другъ мой!... Мы скоро... Полно же, полно! Тебѣ это вредно. Вспомни, ты скоро будешь матерью. (*Въ сторону:*) Нѣтъ, не выдамъ себя! пройдетъ же наконецъ это испытаніе. (*Ей:*) Ты преувеличиваешь все. Тебѣ, вѣрно, взгрустнулось тутъ, вотъ ты и надумала какіе-то небывалые ужасы.

ВѢРА (*умоляющимъ голосомъ*). Нѣтъ, Саша, нѣтъ. Прошу тебя, если ты любишь меня, если тебѣ дорого...

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ И АННА (*вбѣгаетъ. Турчинъевъ быстро отходитъ въ сторону, а ВѢРА наклоняется къ работѣ*).

Анна (*торопливо*). Федоръ Василичъ идуть-сь!

Турчинъевъ (*сердито*). Ну; что жъ изъ этого? Вбѣжала, какъ сумашедшая. Ступай. (*Анна хочетъ что-то сказать, но запинается и уходитъ.*) Вотъ чортъ несетъ этого каштанана, надоѣлъ своимъ враньемъ, какъ горькая рѣдька!

Въра (*оправившись, тихо*). Полно, Александръ! Онъ можетъ услышать.

Турчинъевъ. И прекрасно!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И ЛЫСКОВЪ (*входитъ.*)

Въра (*тихо мужу*). Ну, будетъ же сердиться. (*Лыскову*) А, Ѳедоръ Васильчъ! Здравствуйте.

Лысковъ (*расклаиваясь*). Мое почтеніе, сударыня! (*Протягивая руку Турчинъеву:*) Здорóвеньки были?

Турчинъевъ. Такъ себѣ, Ѳедоръ Васильчъ. Какъ вы живете?

Лысковъ (*сядясъ*). Да слава Богу! помаленечку. Прямо со службы къ вамъ. (*Поправляетъ волосы, надвигая ихъ съ затылка ко лбу.*)

Турчинъевъ. Кладите-ка фуражку, да не хотите ли папиросу. Извините, сигаръ нѣту. (*Передаетъ ему папиросу.*)

Лысковъ (*закуривая*). Ничего-съ, покорно благодарю. Я, вы знаете... (*Продолжаетъ раскуривать.*)

Турчинъевъ. Ну, что новенькаго, Ѳедоръ Васильчъ? Много дѣла у васъ?

Лысковъ (*куритъ, выпуская дымъ мелкими струйками*). Да, довольно-таки. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ дѣлъ пятьдесятъ, кажется, поступило. Пустыя все дѣла, впрочемъ. Плохая нынче служба стала, Александръ Иванычъ; выгодъ почти никакихъ нѣту. Вотъ прежде такъ и служить было веселѣе. Хоть губернское и уголовная одолѣвали, а все.... Нѣтъ-съ, я вамъ скажу, далеко теперь до прежняго! Ей-Богу, правда. (*Оставляетъ папиросу.*)

Турчинъевъ. И слава Богу! А вотъ какъ гласное судопроизводство введутъ...

Лысковъ (*улыбаясь*). И, повѣрьте, Александръ Иванычъ, еще далеко до этого. А и будетъ оно, это гласное, какъ вы говорите, судопроизводство, все безъ доходовъ нельзя. Такъ на свѣтъ не проживете, ей-Богу правда. (*Вынимаетъ табакерку и нюхаетъ.*)

Турчинъевъ (*съ ироніей*). Да, дѣйствительно. Что и за

служба безъ выгодъ; кстати и время теперь такое. (*Обыкновеннымъ тономъ:*) Нѣтъ, Федоръ Васильичъ, пора теперь перестать мѣрять службу доходами, право пора.

Лысковъ. Да что вы говорите? Вы думаете, правдою что ли нынче живутъ? Все это только одни разговоры... (*Нюхаетъ табакъ*). А то.... Да вотъ я про себя вамъ скажу: вѣдь я изъ военной съ шишомъ вышелъ, а отчего? Оттого, что не дѣлалъ, какъ другіе.

Турчинъевъ (*съ стороны*). Разказывай, голубчикъ! просто проигрывалъ всѣ деньги, которые кралъ у своихъ солдатъ.

Лысковъ. Ей-Богу, правда! Развѣ капитаномъ что ли бы я вышелъ въ отставку, еслибы служилъ-то? (*Вѣрль:*) Нѣтъ, я вамъ скажу, сударыня, я хорошо служилъ! Да завелась тамъ, знаете, разныя пашни. Э ну васъ совсѣмъ, думаю. Взялъ да и вышелъ въ отставку. Въ турецкую кампанію я былъ только штабсъ-капитаномъ, а разомъ пять полкомъ командовалъ, ей-Богу правда. (*Вынимаетъ табатерку.*) Тутъ, знаете, разъ вышло дѣло вотъ какое. (*Нюхаетъ.*)

Турчинъевъ (*тихо женъ*). Ну, заведи машину, теперь только слушай. (*Беретъ газету и читаетъ.*)

ВѢРА (*улыбаясь*). Ну-те, Федоръ Васильичъ. (*Работаетъ.*)

Лысковъ. Вы, можетъ-быть, не вѣрите, сударыня? Нѣтъ, ей-Богу правда! (*Поправляетъ съ затылка волосы, которые во время ея монологовъ безпрестанно спадаютъ на шею.*) Это, изволите видѣть, было недалеко отъ Силистріи. Вотъ, знаете, нашъ полковой командиръ заболѣлъ такъ, что ни съ мѣста. Ну, тутъ туда, сюда, какъ быть? Я въ дивизионный штабъ. Прискакалъ: встрѣчаю адъютанта. «Что ты, Федоръ Васильичъ?» спрашиваетъ. — Да что, братъ, говорю: полковникъ-то нашъ тово, плохо, съ донесеніемъ пріѣхалъ къ генералу; доложи, пожалуста, поскорѣй! «Нельзя братъ, говорить, занятъ очень.» — Да что ты тамъ разказываешь, занятъ, говорю; у насъ, братъ, билиберда такая идетъ, что просто бѣда—дѣло нужное. Ну, тутъ онъ доложилъ. Являюсь я, знаете, къ генералу. «Что вы, Федоръ Васильичъ?» спрашиваетъ. — Такъ и такъ, говорю, ваше превосходительство, полковой командиръ опасно заболѣлъ; вотъ-вотъ умретъ, говорю. «Ну, что жъ, говорить генералъ, надо передать полкъ другому, говорить. А кому передать? ей-Богу право! просто голова кругомъ идетъ.» Тутъ вбѣгаетъ адъютантъ: курьеръ прискакалъ съ приказаніемъ отъ корпуснаго командира идти навстрѣчу къ непріятелю. (*Терлетъ концы разговора и вынимаетъ табатерку.*) Ну, тутъ генералъ сдѣлалъ сейчасъ распоряженіе. Мы тутъ поговорили, поговорили. (*Нюхаетъ съ разстановкой; скоро:*) Ну, онъ мнѣ ничего не сказалъ. Ну, вотъ-съ! (*Поправляетъ волосы.*) Это,

значить, на другой ужь день. Да, точно. Тутъ было маленькое дѣло, меня посылали съ отрядомъ... Все это хорошо, неприятель отступилъ. Ёдемъ мы, эдакъ, шажкомъ: вижу, скачетъ кто-то впереди, смотрю: вѣстовой. Чтò ты, братецъ? спрашиваю я. «Пожалуйте къ корпусному командиру, говорить, ваше благородіе!» Ну, я сейчасъ передалъ отрядъ старшему поручику, Степанову, какъ теперь помню, славный былъ офицеръ, царство небесное, его послѣ подъ Журжей убили, а самъ посккалъ. Иду къ корпусному командиру. Чтò прикажете, ваше высокопревосходительство? говорю. «Примите, говорить, полкъ.» Какъ угодно, ваше превосходительство, говорю; только старше меня есть, говорю. Ну, тутъ я сталъ отказываться, корпусный командиръ разсердился. Вижу, дѣлать нечего, надо принять. Выхожу я, знаете, тутъ мнѣ на встрѣчу дивизионный адъютантъ.—Чтò, братъ, говорю я ему, какъ быть? Вѣдь полкъ велѣлъ принимать. Ну, онъ ужь объ этомъ слышалъ. Только пошли мы, знаете. Только, какъ разказалъ онъ мнѣ про чудеса, какія у насъ въ полку дѣлаются: ящикъ тамъ, знаете, ну я все—я просто ошалѣлъ. Какъ тутъ быть! *(Вынимаетъ табатерку; съ разстановкой:)* Ну, тутъ мы зашли по дорогѣ къ адъютанту, выжили тамъ, закусили. *(Нюхаетъ.)* Только.... *(Припоминаетъ:)* Вотъ я отъ него сейчасъ къ корпусному. Ваше превосходительство, говорю, какъ вамъ угодно! А я не могу принять полкъ, говорю. Тамъ ужасные безпорядки.—Какіе тамъ, кричить, безпорядки? Ктò вамъ это насказалъ? говорить. Ну, тутъ знаете, дѣлать нечего! я ему все какъ слѣдуетъ и разказалъ. Только.... *(Смѣется.)* Чудной былъ человекъ, ей-Богу право, вспылалъ такъ, что просто бѣда. *(Поправляетъ волосы.)* Одинъ разъ увидѣлъ онъ меня на улицѣ. Я, знаете, пелъ съ нашимъ казначеемъ. *(Сморкается.)*

ВѢРА *(тихо смѣется)*. А полкъ-то, Федоръ Васильичъ? что жъ вы не досказали?

Турчинъ-вѣвъ *(тихо)*. Да ты развѣ забыла, что всѣ его разказни безъ конца.

Лысковъ. Да-съ, сударыня! не захотѣлъ принять полкъ и не принялъ. *(Съ юрчностію:)* Вѣдь это хорошо, право, такъ говорить: прими! А послѣ отвѣчай? Э, да что тутъ говорить Я, сударыня, разъ съ дивизиономъ въ атаку пошелъ, вотъ ей-Богу, право, сударыня! Только иду я, знаете, а тутъ дивизионный генералъ скачетъ. «Куда вы? кричить. Куда? нельзя, говорить. Стой!» Убирайтесь къ чорту, говорю, ваше превосходительство! а самъ дальше. Чтò жъ вы думаете, сударыня? вѣдь я съ моимъ дивизиономъ просто чудеса надѣлалъ; вотъ ей-Богу, право! Взялъ все это, разбилъ, разогналъ, уничтожилъ. Вѣдь это хорошо разказывать-то такъ: стой!.. *(Послѣ негра-*

читальной паузы:) Вотъ тоже въ польскую кампанію... Подходили мы къ Варшавѣ. Только это, знаете, погода была такая сѣверная—осень, грязь... Вотъ-съ... *(вынимаетъ табатерку)* послали насъ развѣдать непріятеля... Назначили насъ троицхъ, меня, поручика Арапова и... дай Богъ память! какъ бишь его? *(Прикладываетъ руку ко лбу.)* Да! Буйнова... Назначили все это, какъ сдѣлать, гдѣ соединиться... Выступили мы, эдакъ, ночью, часовъ въ девять, по разнымъ направлѣніямъ... Мнѣ, кромѣ взвода, дали еще шесть человекъ казаковъ... Генераль приказалъ во чтѣ бы то ни стало развѣдать непріятельскую позицію. *(Нюхаетъ.)* Ну, вотъ мы выступили, а ночь, ей-Богу право! темная, претемная! просто ничего не видать... Только я, знаете, сударыня, мѣста-то эти всѣ хорошо зналъ.... Черезъ часть, этакъ, пришли мы въ польскую деревеньку, какъ бишь ее? забылъ право!... Калишь, что ли?... нѣтъ! *(Машнетъ рукою:)* Ну, да все равно! Только, тутъ, знаете, такое дѣло вышло... *(открываетъ табатерку)* смѣху-то, смѣху сколько было, ей Богу, право!.. Я ихъ, сударыня, такъ напугалъ, что безъ выстрѣлу всѣ сдались... Вѣдь вотъ вы не повѣрите, а ей-Богу правда, вотъ точно такъ было!... *(Поправляетъ волосы.)* Да ужъ къ утру, знаете, и товарищи подошли... Проплутали всю ночь и ничего не видѣли... «Какъ же это, братъ?» спрашиваетъ Араповъ.—Да такъ, братъ, говорю. А то по твоему что-ль? *(Нюхаетъ.)* Ну, тутъ мы постояли, знаете, поговорили... выпили рюмку... ну *(нюхаетъ)* генераль отдалъ мнѣ благодарность... И ужъ послѣ, знаете, всегда: если нужно открыть непріятеля, такъ такъ ужъ меня и назначали, ей-Богу правда! *(Поправляетъ волосы, сильно растрепавшіеся во время этого монолога.)* Да я!... э! да чтѣ тутъ говорить! *(Машетъ рукою.)*

Турчинъевъ *(бросившій газету до окончанія монолога)*. Чтѣ и говорить, Ѳедоръ Васильчъ! Служи вы до сихъ поръ, и генераломъ бы были.

Лысковъ. Смѣйтесь, смѣйтесь, Александръ Ивановичъ! а кабы я вамъ разказалъ, какъ любили меня всѣ, такъ ей-Богу право...

Турчинъевъ. Да я и не думаю смѣяться. Мало ли есть на свѣтѣ генераловъ, а чтѣмъ они лучше васъ?.. Ей-Богу могли бы быть генераломъ.

Лысковъ *(вздыхая)*. Мало-ли бы чего не было! *(Машнетъ рукою:)* А!.. ужъ лѣта теперъ не тѣ.

Въра *(съ улыбкою)*. Чтѣ вы, Ѳедоръ Васильчъ! полноте... Чтѣ за лѣта ваши?.. А вотъ почему вы не женитесь до сихъ поръ?

Лысковъ *(умиляясь)*. Найдите невѣсту, сударыня... Я жду-съ...

Въра. Постараюсь, непременно постараюсь... Только прошу не отвѣчиваться.

Лысковъ (*полушутливо*). Нѣтъ, нѣтъ-съ! какъ только найдете, я сейчасъ же предложеніе дѣлаю, ей-Богу право... (*Полюхавъ табуку и обращаясь къ Турчиньеву:*) А я вѣдь къ вамъ съ просьбою, Александръ Иванычъ! (*Встаетъ и идетъ къ ассисцентъ.*)

Турчиньевъ (*подходя къ нему*). Чтò прикажете? (*Лысковъ недоверчиво смотритъ на Вѣру.*) О! не безпокойтесь, говорите, она не разкажетъ вашей тайны...

Лысковъ (*отводя его въ сторону, заискивающимъ голосомъ*). У насъ въ будущій вторникъ дѣльце подписать назначено-съ... О спорномъ лугѣ крестьянъ разоренскихъ съ помѣщикомъ Самодуровымъ.

Турчиньевъ. Да, помню. Я долженъ выслушать это рѣшеніе...

Лысковъ. Только знаете-ли-съ... (*Вынимаетъ табатерку.*) А вы не знакомы съ Самодуровымъ?

Турчиньевъ. Видѣлъ много разъ, а не знакомъ.

Лысковъ. Прекраснѣйшій человекъ! Живетъ, знаете, такъ хорошо, хлѣбосоль большой... Сегодня къ намъ пріѣхалъ. (*Нюхаетъ.*) Да-съ, такъ о дѣль-то. Это дѣло, знаете, такое сбивчивое, что просто бѣда, ей-Богу! всѣ законы, знаете, перерыли. Мужички сначала заговорили, слышалъ я стороною, что лугъ этотъ они ни за чтò не уступятъ; только повѣренный былъ ужь у насъ, и, знаете, видить, что сдѣлать ничего нельзя. Законы всѣ противъ нихъ, ей-Богу право!.. Никакъ нельзя иначе, Александръ Иванычъ... (*Умильно:*) Вы ужь, пожалуста, Александръ Иванычъ, аппеляцію-то не берите...

Турчиньевъ (*припоминая*). Ахъ, да! Помню, помню... Это тотъ лугъ, которымъ завладѣлъ у Разоренскаго общества дѣдъ Самодурова. Ну, Ѳедоръ Васильичъ, вы что-то не такъ говорите. Этотъ лугъ, помнится мнѣ, долженъ принадлежать крестьянамъ.

Лысковъ. А повѣренный не то говорить-съ, ей-Богу право! Онъ видѣлъ все дѣло.

Турчиньевъ. Да чтò повѣренный! Онъ такой мерзавецъ, виляетъ на всѣ стороны, и пожалуй, стакнулся съ Самодуровымъ.

Лысковъ (*тихо*). Меня, знаете, Самодуровъ просилъ хлопотать у васъ, Александръ Иванычъ. Лугъ-то этотъ ему нуженъ, такъ чтобы придирокъ, говорить, хоть не было. А въ палатѣ вашей онъ обдѣлаетъ. (*Нерешительно и почти шепотомъ:*) Вы, пожалуста, найдите противъ, ну ихъ, совсѣмъ!... А онъ триста рублей вамъ готовъ хоть сегодня же прислать... Вѣдь это кушъ-то хорошій, ей-Богу право!

Турчинъевъ (*отступая, въ поллюсо*). Чтò такое? Развѣ я давалъ кому-нибудь поводъ предлагать мнѣ взятку? Стыдитесь, Ѳедоръ Васильчъ! Я вовсе не хочу увеличивать собою корпорацию взяточниковъ... Берите, если вамъ угодно, но ко мнѣ-то зачѣмъ вы обращаетесь съ подобными предложеніями? (*Въ волненіи ходитъ по комнатѣ*.)

Лысковъ (*потерявшись*). Да нѣтъ, Александръ Ивановичъ... Я, ей-Богу правда... Вѣдь вотъ вы подумаете, что это... (*Начиная горячиться*.) Нѣтъ! вѣдь я подлецомъ никогда не былъ, Александръ Ивановичъ... Да какой тамъ чортъ-то и возьмешь у насъ теперь?... А про меня никто не скажетъ, ей-Богу правда!... Вѣдь это, пожалуй, мало ли чтò можно наговорить... Языкъ-то безъ костей, болтай имъ сколько угодно. (*Вынимаетъ табатерку*.) Вѣдь это я вамъ такъ только сказалъ, а по мнѣ какъ хотите. (*Утихая*.) Э! да чтò тутъ толковать! (*Машетъ рукой*.) Сами увидите дѣло, узнаете, правду ли я говорю. (*Въ сторону*.) Ну, чортъ съ тобой, и въ Многосельскѣ обдѣлаешь, а мы своего не упустимъ. (*Нюхаетъ*.)

ВѢРА (*тихо мужу, который остановился передъ нею*). Ахъ, Александръ, Александръ! Ну, зачѣмъ это? Пусть себѣ говорить, чтò хочетъ.

Турчинъевъ (*также*). Да, вѣдь это ужъ изъ рукъ вонъ! вѣдь это все равно, что сказать: сдѣлайся подлецомъ и мошенникомъ...

ВѢРА (*также*). Ахъ, Боже мой! да развѣ всѣхъ передѣлаешь? (*Громко Лыскову, который уже успокоился*.) Чтò жъ вы не курите, Ѳедоръ Васильчъ? Вотъ папиросы, курите пожалуйста. (*Лысковъ подходит къ кушеткѣ*.) О чемъ это вы такъ горячо разказывали? Я такъ занялась работой, что ровно ничего не слыхала.

Лысковъ. Это такъ, сударыня. Вѣдь Александръ Ивановичъ вѣчно готовъ спорить...

ВѢРА (*улыбалась*). Ну, зачѣмъ спорить, Александръ? Ахъ ты горячка!

Турчинъевъ (*также улыбалась*). Въ самомъ дѣлѣ не о чемъ!...

Лысковъ. Э, да я и не помню ничего, чтò вы говорили!...

ВѢРА (*съ тонкою ироніей*). О, да!... Я знаю, что вы человѣкъ не злопамятный... Разкажите-ка лучше что-нибудь...

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И БАЛЫКОВЪ (входитъ тяжело дыша).

Турчинъевъ (идя къ нему на встрѣчу). А, Николай Степанычъ! здравствуйте!... Вотъ спасибо, что зашли. (Протягиваетъ руку.)

Балыковъ. Какъ можете, Александръ Ивановичъ? (Крѣпко жметъ его руку, кланяясь Вѣрѣ.) Вѣра Васильевна!.. Жена вамъ кланяется. (Лыскову:) А, капитанище, здравствуй!.. какъ поживаешь? (Беретъ его за руку.) Ну, что, много дѣлъ порѣшили? Уфъ, усталъ!.. И не жарко особенно, да съ нашею худобою все какъ-то плохо ходитъ... А давненько-таки я не былъ у васъ! (Садится и отираетъ лицо платкомъ.)

Вѣра. Какъ здоровье Марьи Львовны? Я тоже давно ее не видала.

Балыковъ. Да все хвораетъ, Вѣра Васильевна! зубы мучать... Да у васъ съ ней чуть ли не одна причина болѣзни. (Смѣется.)

Турчинъевъ (Балыкову). Ну-съ! гдѣ были это время?

Балыковъ. Дней съ пять пробылъ въ уѣздѣ, вчера послѣ обѣда только пріѣхалъ. Все насчетъ свѣдѣній комитетскихъ хлопочемъ.

Турчинъевъ (сидясь). Когда же наконецъ комитетъ вашъ откроетъ свои занятія?

Балыковъ. Теперь-то скоро, должно-быть.

Турчинъевъ. Да, слава Богу! дождались и мы обѣтованной эпохи. Сколько милліоновъ сердецъ бьется теперь радостною надеждой!

Лысковъ. Э, да что вы говорите, Александръ Ивановичъ!... Вѣдь вотъ, ей-Богу правда, у кого...

Балыковъ (Лыскову). Ну, капитанъ, занесешь! (Всплзъ:) Нѣтъ, вы лучше послушайте, какъ меня обработали вчера...

Турчинъевъ. Какъ?

Балыковъ. Да зашелъ вечеромъ Ловицкій; двое помѣщиковъ по пути завернули; составила пулька, а тамъ въ скоренькую. Да въ эти пятьдесятъ два разбойника—двухъ сотъ сорока цѣлковыхъ какъ не бывало.

Лысковъ. И вѣчно этотъ Ловицкій обыгрываетъ... Онъ, просто, шулеръ, ей-Богу правда.

Балыковъ. Только ужъ теперь кончено! (Съ разстановкой:)

Будь я анаеема-проклять, если поставлю противъ него хоть одну карту. Нѣтъ, баста! мы ему не оброчные... Капитанъ, нѣтъ ли у тебя пистолетовъ?

Лысковъ. А что?

Балыковъ. Просто въ упоръ готовъ застрѣлить Ловицкаго, вотъ какъ!

Лысковъ (*смѣется*). Экой шутникъ какой!

Балыковъ. Вотъ тебѣ и шутникъ! Нѣтъ, вѣдь это просто разбой. Бьетъ такъ, что хоть кого выведетъ изъ терпѣнія. Изъ пятнадцати картъ не далъ ни одной!... Да это бы ничего, чортъ съ нимъ! а то вѣдь выигралъ двѣсти сорокъ цѣлковыхъ,—и баста! Ужь я просилъ, просилъ: пожалуста, Эрастъ Игнатьичъ, ну промечите еще! «Нѣтъ, баста!»—Да, ну же! «Нѣтъ, баста!» Съ алтыномъ не разстанется. (*Вынимаетъ серебряный портъ-сигаръ и закуриваетъ папиросу. Въ это время, съ дверяхъ, налево, появляется Анна и манитъ Турчиньсеу. Впра уходитъ*). Но за то теперь (*крестится*), вотъ ей-Богу! будь я анаеема-проклять, если поставлю противъ него хоть одну копѣйку, даже денежку.

Лысковъ. А съ меня-то развѣ онъ мало побралъ денегъ? Нѣтъ, ужъ ему что попадетъ, такъ навадь не вернешь! (*Балыкову:*) Вѣдь вотъ я и тебѣ проигрывалъ... Ну, что жь? и ничуть не жалѣю, ей Богу правда... А ему? Э! (*Мажнуетъ рукой.*) Да что и говорить!

Турчинъевъ (*иронически*). Что это вамъ не везетъ у насъ, Федоръ Васильичъ?... Вѣдь вотъ въ полку вы иначе играли. Счастіе переѣнилось.

Балыковъ (*подмигивая на Лыкова*). За те въ любви счастливъ! (*Лыкову:*) Такъ что ли, капитанище?... а?... Да что жь ты, скоро купишь себѣ парикъ-то?

Лысковъ (*обидѣлся*). Э! ну тебя совсѣмъ...

Балыковъ. Ну, вотъ ужъ и обидѣлся, эка какой! А хочешь, буду сватать Мухину, а? Вѣдь чудо дѣвушка. Хоть не молодая, да сдобная. (*Показывая руками:*) Вѣдь вотъ какая!... Да и земли ваши сходятся, а ты знаешь: «дорога борода къ заgonу».

Лысковъ (*обиженный*). Полно, пожалуста, съ своими шутками.

Балыковъ. Ха, ха, ха! онъ въ самомъ дѣлѣ обидѣлся... Ха, ха, ха! Брось, капитанъ! твое дѣло не погретъ.

Лысковъ (*смилаясь*). Кто тамъ обидѣлся? Изъ чего выдумалъ? (*Совсѣмъ мягко:*) Я, братъ, не такой, ей-Богу правда!

Балыковъ. Да развѣ ты не видишь, что съ тобой шутятъ? (*Турчиньсеу:*) Ну, батюшка мой! какую мнѣ привезли пролетку съ верхомъ, прелесть! (*Цѣлуетъ кончики пальцевъ.*)

Двѣсти восемьдесятъ пять цѣлковыхъ вѣдь... На дняхъ привезутъ малиновую сѣтку на лошадей, чудо!

Турчинъевъ. Правду сказать, ваши вороныя вышли хоть куда!

Балыковъ. Еще бы! теперь на парѣ полтора ста цѣлковыхъ барышей дадутъ... А на зиму оклеиваю домъ новыми обоями, выписываю новую мебель, женѣ къ именинамъ сюрпризъ хочу сдѣлать... Денегъ только много надо, вотъ бѣда!

Лысковъ (*лукаво*). А изъ уѣзда развѣ не привезешь, брать?

Балыковъ (*съ усмѣшкой*). Изъ уѣзда... Эхъ ты!... Подика самъ привези! своихъ еще тамъ оставишь. (*Смотритъ на часы и говоритъ Турчинъеву:*) А я вамъ имѣю передать кой-что, Александръ Иванычъ, да ужь, вѣрно, послѣ зайду...

Турчинъевъ. Говорите, говорите, пожалуйста...

Балыковъ (*подмигивая на Лыскова*). Нѣтъ, нѣтъ!... еще время терпите. (*Беретъ фуражку.*) Ну, а ты, Федоръ Васильичъ, ко мнѣ что ли?... Пойдемъ-ка щи хлебать...

Лысковъ (*взявшись за фуражку*). Да, что жь, пожалуй!... Хотѣлъ было еще въ судъ зайти.

Балыковъ. Какой тамъ еще судъ? успеешь, не торопись! всего разомъ не заберешь. (*Турчинъеву:*) Ну, до свиданія, Александръ Иванычъ!... еще увидимся. (*Протягиваетъ руку.*)

Лысковъ (*дѣлая то же*). Будьте здоровеньки.

Турчинъевъ. Прощайте, господа! (*Провожаетъ ихъ до дверей. Балыковъ и Лысковъ уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Турчинъевъ (*однимъ*). Вотъ вамъ и знакомство!... а дѣлать нечего, все же люди... Нѣтъ, Вѣра! безъ знакомыхъ не проживешь, не такъ устроенъ человекъ... Вѣдь семья, да наша служба, не могутъ же поглотить всѣ интересы человека; да и какая еще служба? Вѣчная возня съ мошенниками, вѣчное зрѣлище угнетенія!... Положимъ, крестьяне и любятъ меня, я дѣлаю для нихъ все возможное, я стараюсь сблизить ихъ съ собою, но между нами бездна! Одно ужь слово *начальникъ* — и пропасть готова! Ни откровенности, ни доверія, а какая-то боязнь, какое-то омиданіе преслѣдованія, вотъ что чувствуетъ нашъ мужичокъ при видѣ начальника, вотъ что надѣлади мы своимъ начальничаньемъ! (*Вздыхая:*) О моя юность, о моя свѣжесть! Того ли я ждалъ? Вамекивай подати; производи

пустѣйшія дознанія; депутатствуй, да смотри, какъ мошенничаютъ становые; бросайся, какъ угорѣлый, изъ стороны въ сторону, нигдѣ ничего не дѣлая, все начиная, ничего не оканчивая; сдѣлай въ одинъ день то, чего не успѣли сдѣлать годами; смотри на мошенничества писарей, а замѣнить ихъ другими и не думай, не твое дѣло, пусть окружной самъ распоряжается: вотъ тебѣ и служба вся!... Да, въ добавокъ, давай, плати, а не то жди выговора изъ Многосельска. Хороша служба! А тутъ еще жить нечѣмъ! *(Хватаетъ себя за голову.)* Что если надежда наша не сбудется, куда обратиться, что дѣлать?... Неужели оставаться въ этомъ омутѣ? *(Ходитъ въ раздумь по комнатѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Турчинъевъ и Балыковъ.

Балыковъ *(входя)*. А вотъ я и опять у васъ. Да что это вы такой сумрачный? А я нарочно спровадилъ капитана, чтобы передать вамъ кой-что по секрету. При немъ-то не хотѣлось, болтливъ вѣдь, каналья, вода не удержится... Да что съ вами? *(Беретъ его за руку.)*

Турчинъевъ. Такъ, знаете, раздумался кой-о-чемъ, и грустно какъ-то стало...

Балыковъ. Э, полноте! *(Вынимаетъ часы и смотритъ.)* А знаете что, Александръ Ивановичъ, вѣдь ужъ адмиральскій часъ наступилъ, время бы и тово... Да, да, да! вы раскольникъ у насъ, не пьете...

Турчинъевъ *(смутившись)*. Ахъ, извините, пожалуйста! Дѣйствительно вѣдь первый часъ... Впрочемъ, я сію минуту. *(Подходитъ къ двери нальво.)* Вѣра!... ахъ, она, кажется, занята чѣмъ-то... впрочемъ... Аннушка! *(Слышно: «сейчасъ».)* Поди сюда скорѣй! *(Анна показывается въ дверяхъ. Турчинъевъ, подойдя къ ней, говоритъ почти шепотомъ:)* На вотъ три четвертака, да скажи Сергѣю, чтобы мигомъ слеталъ въ питейный; пусть возьметъ штофъ водки, да не забудь пять копѣекъ сдачи, слышишь? *(Громко:)* Попроси маменьку, чтобы закусить чего-нибудь приготовили, да водки подашь...

Анна. Слушаю-съ, сію минуту! *(Уходитъ поспышно.)*

Балыковъ *(садится)*. А что окружной вашъ?

Турчинъевъ. Еще на четырнадцать дней отсрочку взялъ... Да, скажите, Николай Степанычъ, о чемъ вы хотѣли мнѣ передать?

Балыковъ. Да, вотъ видите ли, Александръ Ивановичъ, дѣло какое... Встрѣтился я въ уѣздѣ съ вашимъ палатскимъ чиновникомъ,—дознаніе что ли онъ тамъ производилъ, хорошенько не знаю. Только поразговорились мы съ нимъ, да и про васъ рѣчь зашла... Управляющій вашъ что-то на васъ крѣпко сердится, говорилъ онъ мнѣ. Къ каждому донесенію вашему придирается; какая-то черная кошка между вами пробѣжала...

Турчинъевъ. Это не новость, Николай Степанычъ! Съ самага пріѣзда его эта кошка между нами бѣгаетъ... Я сначала удивлялся, какъ это поручили мнѣ исправлять должность окружнаго, а теперь дѣло объясняется: выговоръ за выговоромъ и одинъ неосновательнѣй другаго. *(Садится.)*

Балыковъ. Да, сердится, крѣпко сердится, говорятъ. *(Послѣ небольшого молчанія:)* А между нами будь сказано, вѣдь вы и сами отчасти виноваты. Ну, на кой вамъ чортъ строгости эти противъ пьянства заводить? Пріѣдетъ окружной, все опять пойдетъ по старому, и ваши строгости на бумагѣ только останутся... Вѣдь вы не полиція, Николай Степанычъ, вамъ бы и ввязаться тутъ не къ чему...

Турчинъевъ *(холодно)*. Я дѣйствую по закону, Николай Степанычъ! И, мнѣ кажется, тутъ всякій совѣтъ неумѣстенъ.

Балыковъ *(не замѣчая)*. Да, батюшка мой, все это на бумагѣ хорошо, а на дѣлѣ-то вамъ же плохо приходится... *(Закуриваетъ папиросу.)* Чиновникъ-то говорить, что управляющій всѣ эти общества трезвости только въ донесеніяхъ желалъ бы видѣть.

(Анна приноситъ на поднось закуску, ставитъ на столъ и уходитъ.)

Турчинъевъ. Онъ можетъ желать, что ему угодно, а я буду дѣлать, что слѣдуетъ. Въмѣсто того, чтобы поддержать мужичка въ его добрыхъ намѣреніяхъ, онъ, пожалуй, начнетъ еще преслѣдовать ихъ за это? У насъ въ Многосельскѣ и не такія диковинки случаются!.. *(Подходитъ къ столу и наливаетъ рюмку водки.)* Не угодно ли?

Балыковъ. Можно, и очень можно... *(Всатетъ.)* У меня что-то и на желудкѣ не хорошо. *(Пьетъ и сплевываетъ въ сторуку.)* Ухъ, какъ славно пошла! *(Водитъ рукою по груди и желудку.)* А вы-то что же? да бишь *(улыбаясь)* общество трезвости и воздержанія. *(Закусываетъ.)* А водка добрая; мнѣ, каналы, хуже отпускаютъ... Эта и крѣпче, и свѣтлѣе какъ-то.

Турчинъевъ. Штофами-то, кажется, они всегда лучше продаютъ, особенно въ городѣ, да еще и чиновнику въ добавокъ.

Балыковъ. Та-та-та! вы вѣдь не берете. Вотъ ужъ это-то, батюшка, совсѣмъ неумѣстно...

Турчинъевъ (*будто не слышавъ*). А по первой, кажется, не закусываютъ, Николай Степанычъ, не такъ ли?

Балыковъ. Чтò жь, можно и по другой... (*Наливаетъ и пьетъ такъ же, какъ первую.*) Вотъ вы, Александръ Ивановичъ, и всѣ присловья знаете, а все не нашего поля ягода... (*Закусывая:*) Подожимъ, хоть откупъ, напимъ. Ну, чего вамъ его жалтъ, скажите пожалуста? Развѣ они жалбуютъ кого-нибудь? Вреда вы особенно не сдѣлаете, въ этомъ ужь вы, я думаю, увѣрились, а они все-таки свою механику будутъ смолить. Противъ рожна трудно прать, батюшка, небось сами знаете!.. Вѣдь этимъ никого не удивите, а свои доходы только упустите!.. Да и доходы-то совершенно безгрѣшные. Было время, что и я думалъ по вашему, а какъ увидѣлъ, что этимъ ничего не возьмешь, что безъ доходовъ у насъ и службы не можетъ быть... подумалъ, подумалъ—да и бросилъ всѣ эти мечтанія... Одинъ въ полѣ не воинъ, батюшка мой! Вы извините меня за откровенность, я уважая васъ это говорю.

Турчинъевъ. Послушайте, Николай Степанычъ! вы не разсердитесь на меня за правду, нѣтъ? Грустно мнѣ слышать такія рѣчи отъ человѣка образованнаго, отъ человѣка, сидѣвшаго на университетской скамьѣ. (*Увлекаясь:*) Неужели же доходы мирятся съ мыслию о правдѣ, за которую такъ восторженно билось наше сердце, къ которой такъ горячо стремились мы всѣми нашими помыслами? Вы сами же сказали, что прежде думали объ этомъ иначе!.. (*Грустно:*) Или ужь такъ суждено, что вся наша жизнь должна идти діаметрально противоположно убѣжденіямъ юности, чистой, святой вѣрѣ во все доброе и прекрасное? Неужели всѣмъ намъ суждено наплевать на свою молодость?.. Больно, невыносимо больно!

Балыковъ. Александръ Ивановичъ! Идеалистъ вы, вотъ чтò! (*Наливаетъ рюмку водки и пьетъ.*) Чѣмъ же жить-то, скажите пожалуста? Если у васъ есть состояніе—ну, тогда дѣло другое! а безъ него, эхъ какъ горько! Вѣдь въ одиночку не проживешь, да и самому, наконецъ, захочется то того, то другаго, а нуте-ка на ваше жалованье, киньтесь-ка!.. Хорошо вотъ у васъ дѣтей пока нѣтъ, а пойдутъ дѣти—потребуется няньки, мамки: запоете другую пѣсню!.. Впрочемъ, до этого-то вамъ не долго, скоро на опытъ узнаете, правду ли я говорю... (*Садится.*)

Турчинъевъ (*подаваяляя вздохъ*). И дѣти будутъ, но ради ихъ я все-таки не рѣшусь пользоваться безчестными доходами.

Балыковъ. Зачѣмъ безчестными! это дѣло другое. Кто скажетъ, что я пользуюсь безчестными доходами? никто!.. А сдѣлаю дѣло—и возьму за то, чтò сдѣлалъ...

Турчинъевъ (*впадая въ рѣчь Балыкова*). Въ пользу одного и во вредъ другому, хотя часто другой-то и есть правый.

Балыковъ. Чтò дѣлать, батюшка! Всѣхъ уравниять нельзя...

Турчинъевъ (*иронически*). А совѣсть-то что же скажетъ? Вѣдь проснется же она когда-нибудь?

Балыковъ. Моя совѣсть совершенно покойна! Вреда я никому не хочу дѣлать, да, наконецъ, я своими руками ни съ кого еще и не взял! На то у меня, батюшка, есть письменодитель; а за нимъ я смотрю въ оба. Вы взгляните-ка лучше, какъ другіе дѣлаютъ! Вотъ, хоть, про одного городничаго я вамъ скажу. Придетъ къ нему, бывало, проситель: занять, не принимаетъ. Проситель къ женѣ. «Такъ, и такъ, сударыня, говорить; человѣкъ не богатый, умилостивьте вашего супруга, повѣкъ будемъ за васъ Бога молить,» да и ставить передъ ней голову сахару. Ну, она, конечно, не отказывается, беретъ. «Карашо, говорить, галюпчикъ, будь покоенъ,» и прямо къ мужу, а за ней и проситель. «Послушай, mein lieber, говорить она мужу-то: онъ человѣкъ не богатый—проситель кланяется—восьми съ него салатой!» Какъ ни вертится проситель, золотой таки выскочить, а сахаръ само собой. Такъ ужъ у него все было устроено, и то безчестнымъ не считали... А вѣдь это, по моему, подлость, чистѣйшій обманъ: вдвое съ человѣка брать!.. Ну, у меня-то ужъ это не водится: я держусь пословицы, чтобъ и овцы были сыты, и волки цѣлы... (*Смѣется.*)

Турчинъевъ. И вамъ не тяжело разказывать подобныя вещи?

Балыковъ. Вѣдь я служу, батюшка! А вы знаете пословицу: «сдѣлался грибомъ — полѣзай въ кузовъ», вотъ вамъ и отвѣтъ.

Турчинъевъ. Хорошее примѣненіе пословицы, нечего сказать!

Балыковъ. Не мы первые, и не мы послѣдніе, Александръ Ивановичъ!.. (*Наливаетъ рюмку водки и пьетъ.*) Посмотрите-ка кругомъ: кто здѣсь не беретъ? развѣ только тотъ, кто не хочетъ, да и то нѣтъ: хочетъ-то чуть ли не всякій; а развѣ кто не умѣетъ!.. Да, наконецъ, извините! глупо не брать, если даютъ... Достаточно ужъ того, что вы чиновникъ, и никто не повѣритъ, что вы не берете!.. (*Смотритъ на часы.*) Эге, какъ я засидѣлся! ужъ скоро часъ... Пора и домой; капитанъ, я думаю, заждался меня совѣмъ... (*Беретъ фуражку.*) А вы подумайте хорошенько, право, я дѣло говорю. Берите хоть съ откупа-то; 300 рублей, очень и очень пригодятся... И управляющій вашъ ужъ не тѣми глазами станетъ смотреть... (*Протягивая руку:*) А не хотите, такъ службу бросайте, вотъ вамъ мой совѣтъ! а съ вашими правилами далеко не уѣдете...

Можетъ, они и нужны, да не здѣсь только... Ну, до свиданія! (*Жметъ его руку.*)

Турчинъевъ (*зрустно*). Прощайте, Николай Степанычъ.

Балыковъ. Да, когда же вы къ намъ?.. Нынче-то вѣрно будете на гуляньѣ, а вы приходите-ка завтра обѣдать... (*Съ увлеченіемъ:*) Какихъ мнѣ сегодня стерлядей принесли, (*разводя руками*) вотъ!.. Велю сдѣлать подь соусомъ съ капорцами и оливками, а на жаркое молодыхъ цыплятъ съ свѣжими огурчиками. (*Цѣлуетъ кончики пальцевъ.*) Отлично будетъ, приходите... Такъ до свиданія!.. Я васъ жду. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Турчинъевъ (*одинъ*). И вотъ такъ всѣ!.. Если не стануть прямо предлагать тебѣ взятки, какъ Лысковъ, или убѣждать, что взятка необходима, что безъ нея и прожить нельзя, такъ навѣрное разкажутъ съ циническою откровенностію про разные подвиги своихъ сослуживцевъ... Да еще какъ разкажутъ! Чтѣ, каковы, молъ, молодцы? вотъ, молъ, какъ служить-то надо!.. А этотъ (*указывая на дверь, въ которую вышелъ Балыковъ*) еще съ университетскимъ образованіемъ, еще семьянинъ прекрасный, какихъ не много вообще, чтѣ же другіе?.. (*Ходитъ по комнатѣ.*) Вотъ вамъ и служба, вотъ и ищи себѣ сослуживцевъ! Коли вы бѣдны, да хотите служить,—ну, берите взятки, дѣлайте по нашему—вотъ вамъ и слово участія, а съ вашими правилами далеко не уѣдете... (*Останавливаясь среди комнаты:*) Да, чтѣ ни говори, а бѣдняку много нужно воли, много твердости, чтобы не впасть въ искушеніе, и оставаться равнодушнымъ при такихъ совѣтахъ... (*Жолчно:*) Равнодушнымъ!.. равнодушнымъ! Развѣ тутъ есть мѣсто равнодушію? Развѣ душа не должна кипѣтъ негодованіемъ, слушая, какъ легко говорятъ о совѣсти и чести?... А между тѣмъ это такъ!.. Равнодушіе, полное равнодушіе! Ты уже осѣнило меня своими проклятыми крыльями! Шагъ сдѣланъ... Мало-по-малу очерствѣетъ душа, оупѣетъ сознаніе всѣхъ этихъ гадостей, какъ оупѣло уже мое ухо, слушая рѣчи этихъ господъ... Развѣ волнуютъ онѣ меня, развѣ я не выслушиваю ихъ часто какъ самую простую вещь, о которой можно говорить всегда и вездѣ? (*Съ горечью:*) Да, наконецъ, развѣ не завидую иногда этимъ людямъ? Вотъ сегодня, увидя роаяль, развѣ не разгорѣлись мои глаза, развѣ подленькій голосъ не

шепталъ вънутри меня: живи какъ они, дѣлай какъ они, и у тебя будетъ то же, и твоя жена будетъ прыгать вокругъ тебя и цѣловать твои руки за этотъ подарокъ!.. А Вѣратакъ молода еще, заря жизни только началась для ней... и какая мрачная, тяжелая заря!.. Нужда, горе, лишенія!.. Скрывать тутъ нечего, не удастся Михайлову исполнить свое обѣщаніе, и рано или поздно надо будетъ сказать ей, въ какомъ безотрадномъ положеніи мы находимся... А когда пройдутъ тучи, выяснится горизонтъ—сколько воды утечетъ, сколько силы и свѣжести унесутъ они за собою!.. (*Хватаетъ себя за голову.*) Tu l'a voulu, George Dandin, tu l'a voulu!.. Да, Балыковъ, ты сказалъ великую правду! Бѣжать, бѣжать отсюда!.. Вотъ и хочу бѣжать; а если не удастся, если другой ужъ занялъ мое мѣсто, что тогда-то дѣлать? (*Съ отчаяніемъ.*) Вѣдь я казенный воспитанникъ, вѣдь у меня обязательная служба, вѣдь у меня, кромѣ долговъ, ничего нѣтъ!.. Вотъ оно испытаніе-то! Господи! поддержи меня! (*Опускается на стулъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТУРЧИНЪЕВЪ И МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА.

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА (*робко*). Саша! а, Саша!

ТУРЧИНЪЕВЪ. А?.. что такое?.. (*Опомнившись.*) Ахъ, извините, маменька! Что вамъ угодно?

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА. Да тутъ вотъ у тебя гости были, а къ тебѣ мужичокъ изъ Арбузовки приходилъ... Дѣло, говорить, какое-то въ селѣ у нихъ случилось,—писарь что-ли на него нападаетъ, Богъ ихъ вѣдаетъ... Я велѣла ему около вечерень придти.

ТУРЧИНЪЕВЪ (*встаетъ*). Ну, какъ же вамъ не грѣхъ, маменька! Гости бы и безъ меня могли посидѣть, а мужичокъ-то нарочно изъ села ѣхалъ...

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА. Не велика важность, и послѣ придетъ... Вѣдь и тебѣ не растянуться же для нихъ!.. (*Нерешительно.*) Да вотъ что, Сашенька! онъ спрашивалъ, не позволишь ли ты гостинчика принесть?.. Я, говорить, дорогою душой готовъ... Такъ, знаешь, просилъ меня, чтобъ я уговорила тебя-то.

ТУРЧИНЪЕВЪ (*нетерпливо*). Ну-съ! что же вы?

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА (*съ неудовольствіемъ*). Ты ужь опять за свое! сейчасъ сердиться вздумаешь.

ТУРЧИНЪВЪ. Маменька, поймите же наконецъ...

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА (*перебивая*). Знаю, батюшка, знаю, что говорить-то станешь; не первый годъ съ тобой живу!.. А ты лучше послушалъ бы, что мужичокъ-то говорить... Мы, говорить, матушка, за этимъ не гонимся, мы, говорить, и душой покойнѣй, какъ начальникъ нашимъ подаркомъ не брезгаетъ, а то все кабытъ сомнѣваешься, что не съѣлаютъ для насъ ничего; пообѣщать, молъ, пообѣщаютъ, да на томъ и съѣдешь... Вотъ что старые люди-то говорятъ...

ТУРЧИНЪВЪ (*вздыхая*). Ахъ, Господи Боже мой!

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА. То-то, Господи!.. Молитесь-то вы рѣдко ему!.. Хорошо вотъ у тебя мать есть, хоть она ежечасно Царицу Небесную молить за васъ... А что бы вы безъ матери-то дѣлали?

ТУРЧИНЪВЪ. Молитесь, маменька, молитесь!.. Она услышитъ вашу молитву, не введетъ насъ во искушеніе.

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА. То-то, молитесь!.. Вѣдь вотъ и Священное Писаніе говорить: «всякое даяніе благо», а ты отъ добра своего отказываешься... Вѣдь сказать стыдно! Помощникомъ служишь, а все съ копѣчки, да съ копѣчки... Ты посмотри-ка другіе-то какъ служивали? Вотъ Николай Семеновичъ хоть! Не нахвалится имъ никто, въ поминаніяхъ у всякаго записанъ, а тоже отъ благодарности не отказывался, за то вотъ и живетъ теперь покойно въ своемъ имѣніи... Въ городъ пріѣдетъ, всѣ съ почетомъ къ нему, нищая-то братія какъ отца роднаго его ждетъ, а мы только долги дѣлаемъ... Вѣдь я все знаю, голубчикъ мой, да молчу только, не хочу смущать-то васъ!... Вѣринька-то говорила что ли тебѣ, что хозяинъ три раза приходилъ, деньги требуетъ?.. Шутка ли, за цѣлые полгода не платилъ! вѣдь это никакъ подтораста рублей на ассигнаціи-то?

ТУРЧИНЪВЪ. Не безпокойтесь, заплачу; завтра же заплачу!.. впередъ возьму жалованье... А вотъ сегодня, можетъ-быть, и отъ Михайлова отвѣтъ получу, тогда и вовсе положеніе наше улучшится...

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА. Саша, Саша! ничего изъ этого не будетъ, попомни ты мое слово; нынче каждый о себѣ только думаетъ!.. Да и зачѣмъ тебѣ въ эти управляющіе идти? что ты безъ крестьянъ-то станешь тамъ дѣлать? Вѣдь самъ же говоришь, что ихъ скоро не будетъ совсѣмъ... А ты лучше меня, старуху, слушай, да гордость-то свою брось!.. Кинь ты ее, голубчикъ мой, живи какъ люди живутъ!.. Вотъ новый управляющій откупной пріѣхалъ... Охъ, охъ, охъ!.. Хотъ бы

Вѣриньку утѣшилъ: ты посмотри, какъ она плачетъ, блѣдная! Забилась-себѣ въ дѣтскую, да знай слезы утираетъ, голубушка!..

Турчинъевъ *(тревожно)*. Чтѣ съ ней?.. чтѣ случилось?.. Не вы ли наговорили ей чего?

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА. Да что она, ребенокъ что ли? и безъ меня чай видить, какое горькое житье-то ваше!.. Поневоля заплачешь...

Турчинъевъ. Еще этого не доставало! *(Быстро уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА *(одна, говоритъ ему вслѣдъ)*. Поди-ка, утѣшь хоть ее, горькую! *(Возвращаясь:)* Господи, Создатель мой! жена скоро родить собирается, а у него, моего голубчика, кромѣ долговъ, копѣйки нѣтъ... Люди нанятые всѣ; было своихъ два человекъ, такъ, видишь, грѣхъ! Уговорилъ, да уговорилъ,—отпустила... Чтѣ ты будешь дѣлать!.. Жалованьишко маленькое, всѣ-то окружновскіе не любятъ его, такъ бы и растерзали, кажется... Вотъ горе-то наше пришло!.. Тутъ бы ужъ всякій на твоѣмъ мѣстѣ отъ подарка не отказался, вѣдь не силѣмъ же ты его тянешь, сами несутъ... А онъ еще сердиться готовъ: зачѣмъ, молъ, носить, и такъ сдѣлаю. Только обижаетъ этимъ другаго-то!.. Онъ всею душой къ тебѣ, за доброту твою благодарить тебя хочетъ, а ты спиной къ нему норовишь... *(Подходитъ къ столу, на которомъ поставлена закуска, и беретъ графинъ съ водкой.)* А это, небось, хорошо, думаешь?.. Последнему приказному даромъ водку-то даютъ, а ты покупать изволишь!.. Только смѣхъ одинъ, ей-Богу! Экое дѣло, подумаешь!.. Господи, до чего мы дожили-то? *(Съ досадой ставитъ графинъ на прежнее мѣсто.)* А все въ книжкахъ это повывчиталъ!.. Ишь чему учать-то васъ! вѣдь это просто курамъ на смѣхъ!.. Охъ, чтобы вамъ пусто было и съ книжками вашими! Дочитаетесь вы до того, что въ однихъ рубашкахъ по міру пойдете... *(Подходитъ къ двери.)* Анютка! а, Анютка!.. Ну-ка иди скорѣй сюда!.. *(Слышно: сейчасъ-съ)*. Да ты скорѣй, а то вѣдь я знаю, каковъ твой часъ.

ЯВЛЕНІЕ XV.

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА И АННА.

АННА *(вбѣгая)*. Чего изволите-съ?

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА. Прибери закуску-то, да водку у

меня на лежанкѣ поставь; я сама запру ее. *(Анна хочетъ брать подносъ.)* Ну, куда ты торопишься-то, точно угорѣлая?.. Салфетку прежде сверни, а то вѣдь такъ и бросишь, знаю я тебя... *(Слышатъ шумъ подъѣхавшаго экипажа.)* Это еще кого Господь принесъ? Ишь нелегкая васъ разносила... *(Подходитъ къ окну. Анна осматривается, беретъ съ тарелки кусокъ сыру и кладетъ его въ ротъ. Въ это время оборачивается Матрена Алексѣвна.)* Поди-ка взгляни, кто тамъ еще?.. Да что это у тебя щека-то раздулась?.. *(Бьетъ себя по бедрамъ.)* Ужъ сцапала?

Анна *(едва выговаривая)*. Я, барыня-сь...

Матрена Алексѣвна *(качая головой)*. Ахъ ты, негодница этакая! Не дають разѣ тебѣ ничего?.. Сыру, видишь, захотѣла!.. Да ты и вкусу-то не знаешь въ немъ!.. Ну, чего жъ стала? Посмотри скорѣй, кто тамъ? *(Анна подходитъ къ двери направо и тотчасъ же возвращается.)*

Анна *(почти шепотомъ)*. Тамъ, барыня, баринъ какой-то... во фракѣ, съ бороδοю... Э! да это никакъ новый управляющій!

Матрена Алексѣвна *(въ полголоса)*. Ну, что жъ шепчешь-то?.. Скажи, что дома, молъ, пожалуйте! *(Анна уходитъ. Матрена Алексѣвна поправляетъ чепецъ и садится.)*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА И УПРАВЛЯЮЩІЙ ОТКУПОМЪ.

Управляющій *(расшаркиваясь)*. Извините, сударыня! я, кажется, помѣшалъ вамъ въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ?..

Матрена Алексѣвна *(кланяясь)*. Ничего, батюшка, ничего-сь!.. Это дѣло домашнее.

Управляющій *(рекомендуясь)*. Здѣшній управляющій откупомъ... Прошу любить и жаловать-сь! *(Подходитъ къ ручкѣ.)*

Матрена Алексѣвна. Очень рада, батюшка, очень рада... Давно изволили пожаловать?

Управляющій. Только вчера-сь!.. Поспѣшилъ засвидѣтельствовать мое почтеніе вѣсьмъ здѣшнимъ чиновникамъ... А Александръ Иванычъ? Онъ, кажется, сынокъ вашъ?

Матрена Алексѣвна. Да, батюшка, сынокъ мой... Прошу покорно садиться, я сейчасъ ему скажу... *(Идетъ къ двери направо и говоритъ въ сторону.)* Какой прекрасный человекъ! не прежнему чета. Ужъ если съ этимъ вамъ дѣла не имѣть, такъ зачѣмъ ужъ и на свѣтъ жить!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Управляющій (*одинъ*). Посмотримъ, посмотримъ, что это за феноменъ такой? (*Осматривая комнату:*) Да, квартира ничего-съ... жить можно... Желалъ бы я знать, какъ вы безъ насъ усидите на ней?.. (*Потирая руки:*) На первый разъ дѣльце отлично устроилось... Хозяинъ—братъ нашего дистаночнаго, и, конечно, по первому нашему слову васъ продавать, еслибъ и деньги заплатили, а тутъ еще за полгода не плачено... Отлично!.. Нѣтъ-съ, мусье Турчинъевъ, если вы противъ насъ хотите идти, такъ вамъ не одобровать-съ, повѣрьте, не одобровать-съ! Сила солону ломить-съ!.. Да что это окружной не ѣдетъ? Тотъ, говорятъ, ничего, любить съ нами хлѣбъ-соль водить?.. (*Подходитъ къ письменному столу и беретъ книгу.*) А? Современникъ!.. За мартъ, кажется.. (*Перелистываетъ и бормочетъ:*) «Новѣйшій оракулъ... не хочу я знать твоей любви... (*Декламируя:*) И графу тихо, мирно спит-ся, И до утра онъ будетъ спать!.. (*Продолжая перелистывать:*) Мы одно любимъ... Предметы, по которымъ запрещается производить пени... Подольско-витебскій откупъ... грабить, грабить...» (*Съ досадою тычетъ пальцемъ въ книгу.*) Ну ужъ статья!.. И какъ это позволяютъ печатать такіа статьи?.. Вотъ кто врагъ-то нашъ, эти господа писатели! Говорятъ, говорятъ, бранятъ, бранятъ, да и наговарятъ, что послѣ станешь жевать, да глядишь, и подавишься... (*Кладетъ книгу на прежнее мѣсто.*) Ну, да разказывайте, разказывайте, голубчики!.. еще на нашъ вѣкъ хватить... Только вотъ чиновниковъ портить стали... Вотъ хоть и этотъ гусь! (*Указываетъ на дверь.*) Небось, захлебывается отъ радости, читая статейки-то эти? И я, молъ, также думаю, и я, молъ, противъ васъ иду!.. Ну, да ничего-съ! Страшенъ чортъ, да милостивъ Богъ! Бодливой коровъ Онъ рогъ не даетъ... Одинъ-то ты не много сдѣлаешь... Ишь птица какая! помощникъ окружнаго!.. Такъ вотъ только попытать тебя хочу... (*Смотритъ на часы.*) Ого! ужъ половина втораго-съ... Долго заставляете ждать себя... А! вотъ, кажется...

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Управляющій и Турчинъевъ (*выходитъ изъ двери нальво. Онъ видимо разстроенъ, но старается быть покойнымъ*).

Управляющій (*съ шляпою въ обѣихъ рукахъ*). Имъю

честь рекомендоваться!.. Управляющій откупомъ, Андрей Демьянычъ Проныринъ.

Турчинъевъ (*отвѣчая на поклонъ, сухо*). Очень радъ.

Управляющій (*любезно*). Счелъ за особенное удовольствіе передать вамъ глубочайшее почтеніе-сь!.. Ради Бога, извините, если не во время-сь...

Турчинъевъ. О, нѣтъ, еще не такъ поздно...

Управляющій. Позвольте надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ своемъ расположеніи; я здѣсь человекъ новый-сь... (*Протягиваетъ руку.*)

Турчинъевъ (*подавая руку нехотя*). Очень радъ, очень радъ.

Управляющій. Я съ своей стороны употребляю все усилія, чтобы заслужить ваше расположеніе-сь... Вы, кажется, изволили воспитываться въ агрономическомъ заведеніи-сь?

Турчинъевъ. То-есть...

Управляющій. Винавать-сь, виновать-сь! Я знаю-сь, въ земледѣльческомъ... Имѣю нѣсколько человекъ знакомыхъ-сь.. Да-сь! слава Богу!.. Теперь у насъ и въ уѣздныхъ городкахъ между чиновниками есть много людей образованныхъ... Да и нельзя-сь, требованія времени не тѣ-сь!..

Турчинъевъ (*садясь*). Садитесь, пожалуста! (*Управляющій садится.*) А вы давно ужъ служите по откупамъ?

Управляющій. Семь лѣтъ-сь!.. Почти прямо съ гимназической скамейки поступилъ...

Турчинъевъ. Гмъ!

Управляющій. Да-сь, вотъ и наша служба какъ-то обогриваться стала-сь... Да вотъ-сь, говорятъ, и въ Черноборскъ одинъ изъ вашего заведенія поступаетъ-сь... Ну, знаете-сь, жалованье хорошее, казна такого дать не въ состояніи-сь... А вы прежде въ Многосельскъ изволили служить?

Турчинъевъ. Да, меня прямо туда отправили.

Управляющій. Такъ-сь!.. При палатѣ изволили занимать-ся... А давно ужъ помощникомъ-сь?

Турчинъевъ. Скоро три года. А всего ужъ шестой годъ служу.

Управляющій. Теперь, кажется, изволите исправлять должность окружнаго начальника-сь?

Турчинъевъ. Да, на самое короткое время, пока окружной возвратится. Мѣсяць, не болѣе.

Управляющій. Такъ-сь, такъ-сь... А вашъ товарищъ-сь?

Турчинъевъ. Онъ въ уѣздѣ.

(*Молчаніе.*)

Управляющій. А безпокойная служба ваша-сь, если дѣлать все, какъ слѣдуетъ. Требованій такъ много, что и времени свободнаго не останется.

Турчинъевъ. Чтѣ дѣлать! лежа на боку стыдно брать и жалованье.

Управляющій. Конечно, правда-сь... Только жалованье-то ваше маловато, а времени свободнаго нѣту-сь, чтобы другимъ чѣмъ заниматься. Я не говорю вообще про всѣхъ господъ чиновниковъ-сь; многіе, конечно-сь, держатся пословицы: дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжить-сь. *(Смѣется.)*

Турчинъевъ. Перебиваемся кой-какъ! *(Въ сторону.)* Вотъ онъ куда хватаетъ!

(Молчаніе.)

Управляющій. Ахъ, да, Александръ Иванычъ, мнѣ, право, такъ совѣстно было, когда я узналъ, что вы изволили присылать къ намъ, и сидѣлецъ осмѣлился... Будьте увѣрены, что этого никогда не повторится-сь.

Турчинъевъ. Чтѣ вы хотите этимъ сказать?

Управляющій. Вы насъ обижаете, Александръ Иванычъ! ей-Богу, обижаете! *(Указывая на графинь.)* Не грѣхъ ли вамъ покупать у насъ это? Мы за особенную честь поставимъ себѣ всегда и во всякое время, сколько прикажете-сь, кромѣ оклада.

Турчинъевъ *(смутившись)*. Нѣтъ, пожалуста не безпокойтесь!

Управляющій *(перебивая)*. Помилуйте, помилуйте!.. Ужъ если наши чиновники.., да нѣтъ-сь, я покорнѣйше васъ прошу.

Турчинъевъ. А я васъ въ свою очередь прошу.

Управляющій *(умоляющимъ голосомъ)*. Александръ Иванычъ!.. *(Въ сторону.)* Что за церемонія! *(Ему)*: Кромѣ особеннаго удовольствія засвидѣтельствовать вамъ мое личное почтеніе-сь, я имѣю порученіе переговорить съ вами и на счетъ оклада-сь. Я хотѣлъ даже съ собою захватить ваше жалованье-сь...

Турчинъевъ *(взволнованнымъ голосомъ)*. Жалованье?..

Управляющій. Помилуйте, помилуйте!.. Александръ Иванычъ! я уже слышанъ-сь!.. Но вѣдь у насъ всѣ эти расходы предусмотрѣнные, это, такъ-сказать, въ систему введено-сь... Вѣдь это не взятки-сь, сохрани меня Богъ оскорбить васъ подобнымъ предложеніемъ! *(Турчинъева начинаетъ поддерживать.)* Это, изволите видѣть... У насъ бываютъ иногда дѣлишки, вы намъ объясните, наставите насъ... А если вамъ не угодно пользоваться этимъ жалованьемъ на свои собственныя нужды-сь...

Турчинъевъ. Вы, конечно, въ этомъ еще сомнѣваетесь?..

Управляющій. О, нѣтъ, помилуйте-сь! Я только хотѣлъ сказать-сь: извольте обратить его на какое-нибудь благотворительное дѣло... Зачѣмъ же вы и насъ обижать хотите-сь...

Турчинъевъ. Я не отнимаю у васъ права обращать это жалованье на чтò угодно...

Управляющій. Какъ же это можно, Александръ Ивановичъ! Ужь это, такъ сказать, ваша собственность; какъ вамъ угодно-сь, такъ и извольте распорядиться... Я думаю, вамъ извѣстно-сь, что многіе начальники губерній получаютъ это содержаніе-сь... Конечно, не для себя, я не говорю этого-сь! а употребляютъ его на украшеніе города, на театр-сь, и на другія богоугодныя заведенія-сь... *(Въ сторону:)* Ухъ, какимъ звѣремъ смотреть!

Турчинъевъ *(удерживаясь)*. Скажите, г. управляющій, вамъ поручилъ кто-нибудь объяснить мнѣ все это?

Управляющій *(скороговоркою)*. Какже-сь, какже-сь!.. Довѣритель мой убѣдительно проситъ васъ не обижать ихъ. *(Откашливается.)*

Турчинъевъ *(въ сторону)*. Чтò дѣлать!.. Служба!.. Мало ли чего не говоримъ и мы по приказанію начальниковъ! *(Ему:)* Поблагодарите же вашего довѣрителя и передайте ему, что мои правила не измѣняются.

Управляющій. Весьма прискорбно-сь, что вамъ не угодно жить съ нами по Божьему-сь... Тѣмъ болѣе, что его высокородіе увѣрилъ насъ...

Турчинъевъ *(въ сторону)*. Попробую притвориться, что онъ заговорить... *(Ему:)* Впрочемъ, знаете ли, я вредить откупу не буду; я хорошо понимаю ваше положеніе... И если я, при разъѣздахъ по округу, убѣждалъ крестьянъ подражать Бѣлоруссамъ, то на это были особыя причины... А теперь я вижу, что это напрасно, и не намѣренъ больше настаивать...

Управляющій *(обрадовавшись)*. Я не знаю какъ благодарить васъ! *(Въ сторону:)* Ага, его высокородіе-то подѣйствовалъ!

Турчинъевъ. Вы больше ничего не намѣрены передать мнѣ?

Управляющій. О, нѣтъ-сь! на первыхъ-же порахъ вашъ челобитчикъ-сь, если позволите. Надо сознаться-сь, что въ послѣднее время дѣла наши немного поразстроились; эти общества разныя, приговоры—все это подорвало таки насъ... А вы сами изволите знать, казна не ждетъ, взносы должны быть... Вотъ-сь, я покорнѣйше просилъ бы васъ.

Турчинъевъ. Говорите! Говорите!.. *(Въ сторону:)* Наконецъ-то!

Управляющій *(переминаясь)*. Мнѣ передали-сь, что въ

прошедшее воскресенье три волости опять разрѣшили-сь... Оно этого и ждать нужно было-сь, не въ натурѣ вещей всё эти обѣщанія-сь... Только, вотъ изволите видѣть, теперь время рабочее, мужичокъ все въ полѣ... Оно даже, если угодно, это и вредно-сь, такъ знаете-сь, отдыхъ бы маленькій имъ сдѣлать-сь, а то вѣдь мужичокъ нашъ какъ принялся за работу, такъ ему и праздникъ не въ праздникъ-сь... Ихъ тоже пожалѣть-бы нужно-сь, вѣдь они кормильцы наши общіе-сь... Сходы бы кой-гдѣ что ли назначить; въ нѣсколькихъ селеніяхъ хоть... А это въ вашей волѣ-сь... Если можно (*кланяется*), вы безконечно насъ обяжите-сь... И повѣрьте...

Турчинъевъ (*вскакивая со стула*). Довольно, г. управляющій, довольно! Мнѣ хотѣлось только слышать, какъ далеко можетъ простираться ваша наглость... (*Показывая на дверь*;) Вашъ визитъ уже слишкомъ продолжителенъ... Надѣюсь, что въ другой разъ...

Управляющій (*растерявшись*). Помилуйте-сь!.. Я буду жаловаться... такой афронтъ... (*Нахально*;) Вашъ поступокъ сегодня же будетъ извѣстенъ въ Многосельскѣ и господинъ... (*Взглянувши на Турчинъева, который почти не можетъ владѣть собою, быстро уходитъ*.)

Турчинъевъ (*подойдя къ двери, кричитъ задыхающимся голосомъ*). Аннушка!.. Этого господина на порогъ не пускать... Слышишь!..

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Турчинъевъ и ВѢРА. (*Последняя быстро входитъ при послѣднихъ словахъ*.)

ВѢРА (*бросаясь къ мужу*). Саша!.. Александръ!.. Послушай... Что ты дѣлаешь? ради Бога!

Турчинъевъ (*въ сильномъ волненіи ходитъ по комнатѣ*). Это ужъ изъ рукъ вонъ!.. Въ систему, видишь, введено!.. Ахъ ты разбойникъ!

ВѢРА. Александръ!.. голубчикъ!.. вспомни, что у тебя и такъ много враговъ, вѣдь твоя честность—это живой упрекъ всѣмъ...

Турчинъевъ (*не слушая*). А!.. какъ вамъ это покажется).. Сходы назначить!.. (*Женъ*;) Вѣдь ты не знаешь, къ чему ведутъ эти сходы въ рабочее время? Мужичку теперь не до пьянства, а въ кабакахъ водка зацвѣла, ну, назначь сходы, да прoderжи его дня два—и водки какъ не бывало... Мужикъ

отъ бездѣля пить начнеть... Ты знаешь, какъ бывшій окружной это дѣлывалъ? Назначить въ рабочее время сходки, пошлетъ разсылнаго, что самъ будетъ, ну и ждать его эти сходки въ селеніяхъ, а онъ сидитъ себѣ у откупщика, да попиваетъ шампанское... А тамъ православные настой на *блѣомъ камень* тянуть... Вотъ она система-то! Сходки-то держать нельзя, окружной летучку—не прѣду молъ, распустить всѣхъ... Да несчастная эта летучка и явится въ селеніяхъ дня черезъ два, когда и водки въ кабакахъ не останется... Вотъ они предусмотрѣнные расходы-то! вотъ за какія дѣла дается жалованье на украшеніе городов!

Въра. Но, Александръ, зачѣмъ ты выгналъ его?.. Можно бы какъ-нибудь иначе, вѣдь ты знаешь въ какой онъ силѣ?.. Боже мой! чтѣ съ нами будетъ?

Турчинъевъ (*съ горячностью*). Неужели же мнѣ всякому подлецу потакать?

Въра (*сквозь слезы*). Развѣ я говорю тебѣ это? зачѣмъ ты обижаешь меня?.. Ты вспомни, въ какомъ мы положеніи...

Турчинъевъ (*съ досадою*). Ахъ, Боже мой! (*Быстро уходитъ въ двери калѣво. Въра идетъ за нимъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XX.

Анна (*входитъ*). Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день!.. Ну, ну, ну!.. Этотъ баринъ такъ прыгнулъ съ крыльца, точно его полѣномъ огрѣли... Да бурчить-то какъ, бурчить... Просто бѣда! «Я, говоритъ, тебѣ докажу, черезъ три дня тебя, говоритъ, здѣсь не будетъ... Ты, говоритъ, съ нами не шути!..» Да и нашъ-то осерчалъ; Господи, твоя воля!.. вотъ исторія-то... (*Подходитъ къ зеркалу и оправляется.*) Это тебѣ за то, что къ дѣвущкамъ не суйся... Какъ снимала я съ него пальто, а онъ лѣзетъ, лѣзетъ рукою-то... Нѣтъ, сударь, не про васъ писано! не изъ таковскихъ мы... не поглядимъ, что во фракъ ходите!.. (*Всплеснувъ руками.*) Ахъ, я безтолковая! закуска-то еще и не прибрана... Чего, скажутъ, смотрѣла? (*Подходитъ къ подносу и, убирая, ѣсть.*) Теперь старая барыня-то не увидать, на огородъ пошла, а молодая ничего! эта только пальцемъ погрозить... И добрая же барыня, ей-Богу! ужъ у сколькихъ я жида, а такой и не видала еще... Только вотъ чистоту любить, чтобы бѣлье это было какъ снѣгъ бѣлое, въ комнатахъ порядокъ вездѣ... Не то что у другихъ!.. Тѣмъ абы нарядиться, да по гостямъ шастать... А ужъ съ бариномъ-то живутъ какъ, ажно завидно становится... (*Раздается стукъ. Анна вздрагиваетъ и суетливо переставляетъ тарелки.*)

ЯВЛЕНІЕ XXI.

АННА И ПИСАРЬ (съ картономъ въ рукахъ).

ПИСАРЬ (робко). Анна Николавна!.. вы однѣ-съ?..

АННА (оборачиваясь). Охъ, чтобъ васъ совсѣмъ! напугали какъ... Я ужь думала и Богъ знаетъ кто...

ПИСАРЬ. Нѣтъ-съ, тутъ никого нѣту... Се ли вы въ добромъ здоровьи?

АННА (жемяясь). Слава Богу-съ, вашими молитвами!... Зачѣмъ припожаловали?..

ПИСАРЬ. Да съ бумагами-съ, почту принесъ... Александръ-то Иванычъ у себя-съ?

АННА. Извѣстно у себя, а то гдѣ жь ему быть... Ишь разносило васъ, ужь господамъ кушать пора...

ПИСАРЬ. Чтò жь дѣлать, Анна Николавна, такъ велѣно-съ! (Подходя ближе:) Да вотъ и съ вами словечко перемолвлю, ишь вы какія нынче разфранченныя...

АННА (манерничая). Люди были!.. Нельзя же при людяхъ волохой ходить...

ПИСАРЬ (заирывая). Какъ прыпцеса разодѣлиса... Вечеромъ-то нынче выйдете что-ль?

АННА. Какже! расставляйте карманъ... Каждый день, небось, выходи, а нѣтъ, чтобы гостинца принести.

ПИСАРЬ. Нынче безпремѣнно принесу-съ!.. Старшина изъ Разгулева прїѣзжалъ, пару полтинничковъ вручилъ.

АННА (съ участіемъ). Охъ, Алексѣй Митричъ, попадетесь вы барину, покажетъ онъ вамъ, гдѣ раки зимуютъ...

ПИСАРЬ. Ничего-съ, Анна Николавна, мы знаемъ, какъ эти дѣла-то дѣлаются, не сомнѣвайтесь... (Протягивая зубы.) Нельзя ли хоть разокъ?

АННА (отстраняясь обѣими руками). Ну, ну, ну, не поваживайтесь!.. вечеръ будетъ.

(Слышны шаги. Писарь быстро отходитъ къ двери, а Анна беретъ подносъ.)

ПИСАРЬ (официальнымъ голосомъ). Доложите, что я съ почтой пришелъ.

АННА (улыбаясь). Сейчасъ-съ! (Идетъ съ подносомъ и встрѣчается въ дверяхъ съ Турчиньевымъ.) Писарь, баринъ, почту принесъ-съ! (Уходитъ.)

Турчинъевъ (*садится у письменнаго стола*). Ефремовъ!

Писарь (*выходя изъ-за двери*). Чего изволите-съ?

Турчинъевъ. Когда пришла?

Писарь. Сію минуту-съ. (*Подаетъ бумаги.*)

Турчинъевъ. А газеты?

Писарь. Московская еще не приходила-съ, а письма почтальйонъ разноситъ пошелъ...

Турчинъевъ. Ну, хорошо!.. Теперь ступай; я черезъ два часа самъ приду въ правленіе... (*Писарь уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Турчинъевъ (*одинъ; на лицѣ остались еще слѣды бывшей сцены, но оно приняло грустно-покорное выраженіе*). Что-то еще палата скажетъ?.. вѣроятно и здѣсь безъ сюрприза не обойдется... (*Перебирая бумаги:*) А!.. конфиденціально!.. (*Вскрываетъ конвертъ и читаетъ въ полголоса.*) «До свѣдѣнія моего дошло, что государственные крестьяне... волости... не взирая на рабочее время, составляютъ сборища... одинъ изъ нихъ... Боголюбовъ... грозился даже нанести сидѣльцу... относя это къ бездѣйствію вашему...» (*Бросаетъ бумагу и говоритъ жельчно:*) Да и какъ же иначе? не даромъ все въ систему введено; шесть тысячъ что-нибудь да значать! Поневогѣ защищать станешь... (*Распечатываетъ другой конвертъ и читаетъ, постепенно возвышая голосъ:*) «Слушала: дознанія чиновника особыхъ порученій... между прочимъ обнаружено... такъ какъ объ этомъ лихоимствѣ волостнаго писаря вы недонесли... даетъ поводъ думать, что вы... объявляетъ вамъ строгій выговоръ, предупреждая на будущее время... будете удалены отъ должности, какъ неблагонадежный чиновникъ...» (*Бросаетъ бумагу и говоритъ съ негодованіемъ:*) Авы благонадежные?.. (*Смѣется жельчно.*) Да, удалайте, удалайте, ради Бога! вамъ ничего не стбитъ погубить какого-нибудь ничтожнаго помощника, я знаю это! знаю, что только подличанье, да угожденье сильны у васъ!.. Вѣдь надо же было попасть мнѣ въ Многосельскую, а не въ другую губернію? Надо же было узнать всю эту подлую ложь, всю эту официальную неправду, подъ которою скрываются такіа гадости, такое униженіе всѣхъ правъ человѣческихъ!.. Вѣдь есть же люди, но къ нимъ-то и не бросила меня судьба. Безжадостная, жестокая судьба!.. Тяжелое испытаніе послала ты на мою долю!.. (*Въ отчаяніи облакачивается на столъ обѣими руками.*)

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

ТУРЧИНЪЕВЪ и ВѢРА, ВѢРА *подходитъ къ мужу и кладетъ ему руку на плечо. Турчинъевъ вздрагиваетъ и оборачивается.*

ВѢРА *(съ испугомъ)*. Чтò съ тобой, мой другъ?.. На тебѣ лица нѣтъ.

ТУРЧИНЪЕВЪ *(стараясь придти въ себя)*. Нѣтъ, я ничего... Нужно распоряженіе сейчасъ сдѣлать, я и задумался... *(Встаетъ.)*

ВѢРА. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Вѣрно что-нибудь дурное... въ этихъ бумагахъ...

ТУРЧИНЪЕВЪ *(цѣлуя ее въ голову)*. Нѣтъ, ВѢра, нѣтъ!.. это такъ, пустяки... Вспомнилъ, знаешь, ну и взгрустнулось что-то...

ВѢРА. Ты что-то все скрываешь отъ меня. Я боюсь, Александръ!.. *(Турчинъевъ бросаетъ на нее умоляющій взглядъ)*. Нѣтъ, нѣтъ!.. я вѣрю тебѣ... А я вотъ письмо принесла, сейчасъ почтальионъ былъ.

ТУРЧИНЪЕВЪ *(поспѣшно)*. Отъ кого же?.. давай скорѣй!.. *(ВѢра подаетъ ему два письма.)* А! вотъ и Михайловъ пишетъ! *(Смотритъ нерышительно на печать, потомъ быстро срываетъ ее и пробѣгаетъ письмо.)*

ВѢРА *(живо, но съ замѣтною робостью)*. Ну, чтò?

ТУРЧИНЪЕВЪ *(упавшимъ голосомъ)*. Да чтò... неудача!.. *(Перечитывая вслухъ:)* «Проклятыя обстоятельства, какъ на зло, сложились такъ, что помѣщикъ, обѣщавшій мнѣ пригласить васъ управляющимъ и выслать впередъ полугодовое жалованье, пригласилъ уже другаго агронома и даже заключилъ съ нимъ условіе. А потому и хлопотать объ увольненіи васъ до срока обязательной службы...» *(Самъ съ собой:)* Вотъ тебѣ и надежда! А тутъ эти преслѣдованія, того и гляди изъ службы выгонять, или еще хуже—въ палату отзовутъ.

ВѢРА. Какія преслѣдованія?.. Александръ, голубчикъ! Чтò же ты мнѣ ничего не скажешь?

ТУРЧИНЪЕВЪ *(не слушая)*. «Не на радость, не на счастье!..» Стыдитесь, г. Турчинъевъ, не вы ли проповѣдуете безкорыстіе и правду, а за правду кто не терпѣлъ? ну-те, скажите-ка? *(Женѣ:)* ВѢра! другъ мой милый!.. прости меня... Я обманулъ тебя, я обѣщалъ тебѣ счастье, а тебя ждетъ теперь горе, горе и горе!

ВѢРА *(сквозь слезы)*. Полно же, милый мой! успокойся!..

Мы еще молоды, жизнь впереди!.. Не отчаивайся, авось все изменится...

Турчинъевъ. Нѣтъ, Вѣра, къ чему обманывать себя, къ чему несбыточные надежды?.. Не даромъ судьба бросила меня въ Многосельскъ... Нѣтъ, нѣтъ!.. Но ты, Вѣра, ты за что страдаешь?.. За что тебя втянулъ я въ эту пропасть?.. Чѣмъ мы жить будемъ, вѣдь у меня... Боже мой, Боже мой! (*Съ отчаянною рѣшимостью:*) А, пропадай все!.. я знаю чѣмъ жить, при мѣры передъ глазами: живутъ-же Балыковы, Лысковы, и какъ еще живутъ!.. Пойду къ Пронырину..

ВѢРА (*бросаясь къ нему на грудь*). Нѣтъ, нѣтъ! ни за что, ни за что!.. милый мой!.. Что бы ни случилось, какъ бы тяжело ни было испытаніе, а ты не долженъ быть безчестнымъ!. не можешь быть? слышишь ли?

Турчинъевъ (*смотритъ на нее пристально и говоритъ съ увлеченіемъ*). Будь же всегда путеводною звѣздой моею! (*Горько цѣлуетъ ее.*) Прости меня, я боялся твоего ропота, и вотъ почему скрывалъ отъ тебя и наше безденежье, и преслѣдованія управляющаго... Мнѣ тяжело было думать, что ты упрекнешь меня! (*Вѣра крикче прижимается къ его груди*). Спасибо же, спасибо, другъ мой! (*Цѣлуетъ ее.*)

ВѢРА. А другое письмо, что же не прочтешь ты?

Турчинъевъ (*тихо освобождаясь изъ объятій жены*). Теперь прочту, теперь скрывать нечего. Здѣсь также должно быть не много утѣшительнаго,—это пишетъ палатскій чиновникъ, дѣйствительный студентъ университета, подобно мнѣ заброшенный въ Многосельскъ. Вѣрно разказываетъ тамошнія подлости. (*Вынимаетъ изъ кармана письмо и читаетъ:*) «Ну, Александръ! послѣ двухъ мѣсяцевъ молчанія не много радостнаго скажу я тебѣ. Чѣмъ больше служу, тѣмъ больше убѣждаюсь, какъ правы мы были, чувствуя антипатію къ чиновникамъ. Да! у юношей сильно развитъ инстинктъ истины! Вотъ и нашъ Многосельскъ. Поволновался было немного, приуныли было наши мандарины, а тамъ опять пошло все постарому!.. Ну, да Господь съ ними, не намъ вѣрно ихъ передѣлывать! Будемъ крѣпиться, чтобы насъ-то не усыпило это бездѣйствіе, эта рутиня. Грустно, а дѣлать нечего! надо терпѣть... Заря началась, не далеко и до солнца. Ну, а пока взойдетъ оно, вотъ тебѣ въ утѣшеніе: нашъ мандаринъ до того озлобленъ противъ тебя за разныя твои представленія, а въ особенности за распространеніе трезвости, что готовъ-бы, кажется, живаго съѣсть. Пусть бы на бумагѣ, говорить, заводилъ тамъ хоть масонскія ложи, да на дѣлѣ-то зачѣмъ?.. Собирается, кажется, отзывать тебя въ палату и засадить за доклады, на 200 руб. содержанія... Во избѣжаніе этого подавай-ка за болѣзнію въ отставку;

дѣлопроизводитель нашъ проговорился, что мандаринъ съ удовольствіемъ будетъ ходатайствовать объ увольненіи тебя до срока обязательной службы...»

ЯВЛЕНІЕ XXV.

ТѢ ЖЕ И МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА.

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА (*сыну*). Саша!.. а вѣдь давешній мужичокъ опять пришелъ... Христомъ Богомъ просить гостинчикъ-то взять... Ты бы, голубч...

ТУРЧИНЪВѢВЪ (*нетерпѣливо*). Маменька!

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА (*обидѣвшись*). Ну, будетъ ужь, будетъ!.. для васъ же стараюсь... (*Вѣрь:*) Отъ кого это тебѣ почтальионъ письма-то отдалъ?

ВѢРА. Одно отъ Александрова товарища, а другое отъ Михайлова.

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА. Отъ Михайлова?.. (*Сыну, будто нехотя, но съ замѣтнымъ участіемъ:*) Ну, что же писать тебѣ Михайловъ?.. Поздравить что ли?

ТУРЧИНЪВѢВЪ. На обѣщанное мѣсто поступилъ ужь другой.

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА. Ну, такъ!.. (*Качая головой:*) Говорила я тебѣ... Сердце мое предчувствовало, что не будетъ изъ этого ничего хорошаго... А вѣдь какъ расписалъ-то! И служба-то частная лучше, и искушеній никакихъ нѣтъ, и пользы-то принесетъ больше, отъ взяточниковъ отъ этихъ избавишься... Далась имъ эти взяточники!.. Ему-то небось и горя мало, и въ усь себѣ не дуется... Писать-то мастера они; а вотъ кабы самъ на твоёмъ мѣстѣ былъ, небось не то бы заговорилъ... Эхъ, голубчикъ мой! нынче всякъ для себя живетъ, а до другаго никому и дѣла нѣтъ... Не вѣрь ты никому, я какъ мать тебѣ это говорю... Всѣ они мошенники, и Михайловъ твой такой же, прости Господи!

ТУРЧИНЪВѢВЪ (*холодно*). Я бы не желалъ слышать о немъ такихъ оскорбительныхъ словъ, маменька. Я его хорошо знаю и увѣренъ въ немъ; старость вѣчно подозрительна.

МАТРЕНА АЛЕКСѢВНА (*махнувъ рукой*). Ну, какъ себѣ знаете... Это ваше дѣло... Мнѣ ужь не много жить осталось.
(*Уходитъ разсерженная.*)

ЯВЛЕНИЕ XXVI.

Тъ же, безъ Матрены Алексѣевны.

Турчинъевъ (*пройдясь по комнатѣ, останавливается передъ женою*). Такъ какъ же, Вѣрочка?.. Что дѣлать намъ теперь?.. Или ужъ въ самомъ дѣлѣ въ отставку?.. Свидѣтельство о болѣзни докторъ дастъ; ему 10 цѣлковыхъ, и онъ напишетъ пожалуй, что я при смерти... Или ужъ отдаться на волю судьбы, терпѣть, въ надеждѣ на лучшія времена? Но будутъ ли они, будутъ ли?.. А? какъ ты думаешь?

Вѣра. Какъ знаешь, мой другъ! я пойду за тобой всюду...

Турчинъевъ (*береть ее за руку*). Нѣтъ, я хочу узнать твоё мнѣніе. Какъ ты объ этомъ думаешь?.. (*Въ передней слышится голосъ: «дома?»*) Это еще кто? (*Прислушивался.*) А! мой со-товарищъ.

ЯВЛЕНИЕ XXVII.

Тъ же и Обираловъ (*сходитъ послышко, и рас-шаркавшись съ Турчинъевой, протыкиваетъ руку мусу. Вѣра садится въ раздумьи*).

Обираловъ. Я, Александръ Ивановичъ, изъ уѣзда только сію минуту. (*Обращаясь къ Вѣрѣ:*) Извините!.. по дорожно-му-съ... (*Ему:*) Вообразите! въ двухъ селахъ опять сходы собираются, приговоры составляютъ... все на счетъ пьянства этого, знаете... А теперь время рабочее, каждымъ днемъ должны дорожить... Ну что тутъ прикажете дѣлать?.. Рожь высыпается, умолотъ будетъ ничтожный, хлѣбныхъ недоимокъ, сами знаете, цифра огромная... Я зашелъ предупредить васъ! Управляющій такъ строго слѣдитъ за этимъ...

Турчинъевъ. Ахъ, какъ смущаютъ васъ приговоры эти! Радоваться бы нужно, что мужички за умъ взялись...

Обираловъ (*съ зримасою*). Мое дѣло сторона-съ... Вы должность окружнаго правите, какъ бы неприяностей какихъ-нибудь не было... (*Въ сторону:*) Самъ съ откупа-то не берешь, такъ и всѣ должны дѣлать по твоему... (*Громя, съ усмѣшкою:*)

Да вѣдь особеннаго толку въ приговорахъ этихъ нѣту-сь. Вотъ хоть Подточенская волость... Ужъ на что крѣпилась, а вѣдь разрѣшила... Самъ видѣлъ, какъ мужички изъ кабака шли-сь.

Турчинъевъ (*съ ироніей*). Вотъ тутъ-то бы теперь и сходъ назначить, Петръ Петровичъ! а? какъ вы думаете?... У меня сейчасъ былъ новый управляющій откупомъ и такъ убѣдительно просилъ объ этихъ сходахъ... такъ убѣдительно, что я послѣ обѣда иду въ окружное управленіе и посылаю предписаніе, (*съ разстановкой*) чтобы сходы безъ моего разрѣшенія не назначали, чтобы кабаки запирались и открывались непременно въ узаконенное время... А завтра и самъ ѣду въ округъ... (*Улыбаясь*.) Можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ вся рожа высыпалась...

Обираловъ (*смутившись*). Какъ угодно-сь!.. Это совершенно отъ васъ зависитъ.

Турчинъевъ. Пока зависитъ, я и буду дѣлать мое дѣло. Не долго только протянется это, Петръ Петровичъ. Я сегодня получилъ извѣстіе, что на дняхъ меня отзовутъ въ палату, и кажется навсегда...

Обираловъ (*недовѣрчиво*). Не можетъ быть! вы шутите.

Турчинъевъ. Увѣрю васъ!.. Да вотъ бѣда! не здоровится что-то, грудь частенько побаливаетъ... Кажется, и вовсе выходить въ отставку надо...

Обираловъ. Жаль, очень жаль!.. (*Смотритъ на него испытующимъ взглядомъ.*) Такъ вы насъ въ самомъ дѣлѣ покидать хотите?

Турчинъевъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Петръ Петровичъ!.. И не хотѣлъ бы, да управляющій хочетъ; тутъ ужъ дѣлать нечего.

Обираловъ (*пожимая плечами*). Конечно, конечно-сь!..

Турчинъевъ. Да. Вѣроятно скоро даже и разстанемся съ вами, и мнѣ останется только желать вамъ служить здѣсь, не такъ какъ я служилъ—моя тяжелая служба была—да меньше думать о вредѣ этихъ приговоровъ и сходовъ, которые васъ такъ потревожили... Вотъ еслибы такіе сходы, о которыхъ просилъ меня Проныринъ...

Обираловъ (*торопливо*). Мое почтенье, однакоже. (*Раскланивается.*) Будьте здоровы! (*Пожимая руку, говоритъ съ худо-скрытою радостью.*) Такъ вы насъ покидаете?... Жаль, жаль-сь... (*Идетъ къ дверямъ и говоритъ въ сторону.*) Такъ вотъ какъ! Сжалился наконецъ Господь надъ нами!

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XXVIII и последнее.

Тъ же безъ Обиралова.

ВЪРА (*встаетъ и подходитъ къ мужу*). Ты спрашивалъ моего совѣта, я вотъ что думаю: пусть отзываютъ тебя въ палату, что же дѣлать? будемъ жить и на двѣсти рублей... Вѣдь не вѣчно же оставаться вашему мандарину. Назначать, Богъ дастъ, другаго, который оцѣнитъ тебя... Жаль только вотъ бѣдную маленьку!.. Обо мнѣ не заботься; твоя честь дороже всего для меня. Я люблю тебя, мой милый! И какъ бы тяжело ни было наше испытаніе, Господь милосердъ! Онъ подкрѣпитъ насъ... А то, самъ согласись: если люди честные стануть бросать службу, кто же останется? неужели все прежніе, все Обираловы?

Турчинъевъ (*въ раздумьи*). Да, ты говоришь правду... (*Беретъ ее за руку.*) Но если ты станешь раскаиваться... Вѣра! я не вынесу этого.

Вѣра. Никогда, милый мой, никогда! Ты помни, что я вѣрю въ тебя... (*Въ передней раздается шумъ и громкій голосъ кричитъ:*) Я знать ничего не хочу! Сегодня же къ вечеру чтобы квартира была очищена!

Ив. М—ъ.

1859 г.

НА КЛАДБИЩѢ.

Между густо-поросшихъ могилъ,
По кладбищу я долго бродилъ,
И весенняго солнца лучи
Были ласково такъ горячи.

Ароматной сирени кусты
Обнимали вѣтвями кресты,
И мелькалъ подъ навѣсомъ березъ
Бѣлый ангелъ съ гирляндой изъ розъ.

Надъ семьею печальныхъ гробницъ
Столько пѣло и рѣяло птицъ,
И деревья кудрявой листвою
Разговоръ заводили живой.

Съ ними въ ладъ, дружно съ разныхъ сторонъ,
Шелъ въ травѣ нескончаемый звонъ,
И все, точно могиламъ на зло,
Шевелилось, звучало, цвѣло!

Точно жизнь торопилась принять
Разлитую кругомъ благодать,
И съ природой во мнѣ заодно
Билось сердце, веселья полно.

И дышалъ я такъ сладко въ тотъ мигъ
Полнотой ощущеній живыхъ,
И душа молодая моя
Познавала всю власть бытія!

Что мнѣ было до темныхъ могилъ,
По которымъ я, веселья, бродилъ?
Надо мной золотые лучи
Были ласково такъ горячи;

А кругомъ зеленѣли кусты,
Обнимая вѣтвями кресты,
И мелькалъ тамъ, подъ сѣнью березъ,
Бѣлый ангелъ съ гирляндой изъ розъ...

В. ВЕРДЕРЕВСКІЙ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

СТАРЫЕ БОГИ И НОВЫЕ БОГИ.

Причина перестала дѣйствовать, а дѣйствіе еще продолжается; струны уже молчатъ, а звуки еще слышатся. Утратилась вѣра, и обряды потеряли смыслъ; всякъ источникъ чувства, и слово раздается мертвымъ звукомъ. Воевать съ тѣмъ, что отжило, что лишилось всякой внутренней силы, что держится лишь механически, воевать съ мертвымъ,—какъ это можно? Пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ: энтузіазма и страсти для такого дѣла не требуется. Всякое оружіе, тупое или острое, годное для борьбы съ живымъ, становится излишнимъ. когда требуется убирать трупы. Къ чему лукаво подмигивать, коварно намекать, завертываться въ аллегорію, расточать иронію, сыпать побасенками, когда дѣло просто, и нѣтъ ни малѣйшей надобности прибѣгать ко всемъ этимъ военнымъ хитростямъ?

Милая рутина, и еще болѣе милая уловка придавать значеніе тому, что не имѣетъ никакого, чтобы только придать значеніе себѣ и поважничать пустымъ дѣломъ!

Увы! люди борьбы, меча и сарказма, вы остаетесь безъ источника для вашего энтузіазма, безъ противника для вашей борьбы, безъ смысла для вашего сарказма! Ищите другихъ источниковъ, ищите другихъ противниковъ, и оставьте мертвымъ хоронить мертвыхъ, или, лучше, сложите ваши фальшивые доспѣхи и примитесь сами за это скромное дѣло.

Было время, когда г. Бланкъ былъ сила, г. магистръ Безобразовъ былъ сила, г. Андрей Муравьевъ былъ страшная сила,—а теперь и Иванъ Яковлевичъ уже не сила, г. Аскоченскій уже не сила. Г. Прыжовъ доказалъ блистательно, что Иванъ Яковлевичъ не сила; г. Прыжовъ издалъ въ свѣтъ *Житіе Ивана Яковлевича*¹, низвергъ его истуканъ, опрокинулъ его жертвенникъ, осмѣялъ его проричанія. А г. Аскоченскаго преслѣдуютъ и травятъ по всемъ стогнамъ и торжищамъ, и даже, если вѣрить слухамъ, кто-то изъ нашихъ Барнумовъ намѣренъ показывать его, прирученнаго и смирнаго, любопытной публикѣ.

Старые боги скончались и жрецы ихъ понизили и присмирѣли; старые боги скончались, не народились ли новые? *Le roi est mort, vive le roi!*

Въ самомъ дѣлѣ скончались. Одно, впрочемъ, очень почтен-

¹ *Житіе Ивана Яковлевича, известнаго пророка въ Москвѣ* (съ портретомъ.) Соч. И. Прыжова. Спб. 1860.

ное духовное лицо рѣшилось (зачѣмъ оно рѣшилось?) поднять голосъ и сказать слово въ защиту этого бѣднаго Ивана Яковлевича, пораженнаго беспощаднымъ противникомъ; но какой это былъ робкій голосъ, какое это было застенчивое слово! Какъ слабо и тонко прозвучалъ этотъ голосъ посреди того громоваго зыка, какимъ разразился г. Прыжовъ не только на всю Русь, но и на весь славянской міръ.

Итакъ, борьба здѣсь дѣло конченное. Надобно только убирать съ поля сраженія трупы побитыхъ. Г. Прыжовъ не безъ горькаго чувства указываетъ на одну даму, обучавшуюся въ Екатерининскомъ институтѣ и, несмотря на то, крѣпко вѣрующую въ Ивана Яковлевича, и съ религиознымъ чувствомъ хранящую въ своей шкатулкѣ его пророчанія. Бѣдная дама, сообщившая эти грязныя записочки г. Прыжову, не предчувствовала, что онѣ найдутъ въ немъ не сердце, нѣжное и вѣрующее, а грозный гнѣвъ изобличителя! «Мы явились къ этой дамѣ, пишетъ г. Прыжовъ, и просили ее сообщить намъ нѣкоторыя записки Ивана Яковлевича, чтобъ издать ихъ на поученіе человечеству съ приличною похвалою ихъ автору. Исполняемъ данное нами обѣщаніе,» заключаетъ авторъ *Жизніа Ивана Яковлевича*. И исполнилъ! И похвалилъ! Бѣдный Иванъ Яковлевичъ! Гдѣ-то прочли мы на дняхъ извѣстіе объ его смерти. Онъ врядъ ли что-нибудь читалъ, и конечно не читалъ своего житія, написаннаго съ приличною похвалою г. Прыжовымъ, а то какъ бы не подумать, что онъ испустилъ дыханіе подъ ударами своего торжествующаго побѣдителя.

Почтенная и добрая дама, кончившая курсъ въ Екатерининскомъ институтѣ, почерпала много жизненныхъ утѣшеній изъ устныхъ и письменныхъ бесѣдъ съ Иваномъ Яковлевичемъ. «Она, свидѣтельствуется авторъ *Жизніа*, или сама ѣздилъ къ нему за отвѣтами или посылала къ нему дѣвушку съ записочкой. Каждый мигъ въ жизни, вся участь ея дѣтей, все это подвергалось предварительно обсужденію Ивана Яковлевича. Задумаетъ ли что-нибудь о своемъ сынѣ, и напишетъ Ивану Яковлевичу записочку: будетъ ли счастливъ такой-то мой сынъ? И онъ на той же самой записочкѣ и отвѣтитъ ей: счастливъ будетъ, она и вѣритъ и поступаетъ какъ слѣдуетъ.» Слагатель *Жизніа* привелъ тридцать такихъ записочекъ и даже приложилъ fac-simile почерка своего героя. «Будутъ ли мнѣ рады въ Петербургѣ?» спрашиваетъ вышеупомянутая дама, отправляясь въ сѣверную Пальмиру. «Богъ лучше радуется о спасеніи брэннаго челоуѣка нежели девятьдесятъ праведныхъ соспасенныхъ,» отвѣчаетъ Иванъ Яковлевичъ. Чтожь? чѣмъ это не отвѣтъ? Бываютъ отвѣты и хуже. Вопрошающая была утѣшена, и славу Богу; съ помощію крѣпкой вѣры, она

сумѣла этимъ оракуломъ объяснить обстоятельства своей поѣздки въ Петербургъ, и осталась довольна. «Батюшка Иванъ Яковлевичъ, пишетъ она, скажи въ пользу ли рабы А. кончатся дѣло въ сенатѣ?» Прорицалище отвѣчаетъ: «Половину дѣла той маестъ кто доброй началъ обрѣтаетъ.» Это немножко неясно; но вѣра замѣнила смыслъ, и дама была утѣшена. «Женится ли Х.?» спрашивалъ еще кто-то у Ивана Яковлевича. «Безъ працы не бенды кололацы,» таковъ былъ отвѣтъ. *Кололацы*—мудрое слово, но вопрошавшій былъ вѣроятно удовлетворенъ имъ, не добираясь до смысла. *Кололацы*—слово безъ смысла. А прислушайтесь: эти *кололацы* встрѣтятся вамъ такъ часто, что вы не поставите ихъ въ упрекъ бѣдному обитателю сумашедшаго дома.

Кололацы! Кололацы! А развѣ многое изъ того что преподается и печатается—не *кололацы*? Развѣ философскія статьи, которыя помѣщаются иногда въ нашихъ журналахъ,—не *кололацы*?

Дѣло не въ томъ что вы говорите или пишете, во что вы вѣруете или не вѣруете, что полагаете или что отрицаете; дѣло не въ томъ, какія истины хотите вы проповѣдывать, суровыя или нѣжныя: а въ томъ, понимаете ли вы сами что говорите, способны ли вы мыслить или способны только вязать слова, которыя для людей немыслящихъ могутъ показаться очень эффектными, но которыя въ сущности не что иное какъ *кололацы* Ивана Яковлевича.

Впрочемъ, изреченіе преображенскаго оракула только на взглядъ безсмысленно, а въ сущности оно не безъ смысла. Иванъ Яковлевичъ съ даромъ прорицанія обладалъ, повидимому, и даромъ азыковъ, и на этотъ разъ онъ пророчествовалъ по-польски. Оно вышло не совсѣмъ удачно, но изреченіе его есть не что иное какъ польская пословица: имѣющая такой смыслъ: *безъ труда не будетъ калачей*. Что жъ? это не дурно. Не знаемъ соответствовало ли это изреченіе мыслямъ вопрошавшаго, который желалъ знать, женится ли его пріятель; но польская пословица имѣетъ смыслъ, и не худо, чтобъ этотъ смыслъ представлялся почаще нашимъ доморощеннымъ мыслителямъ. Безъ труда ничего не дается. Кто не знакомъ съ дѣломъ, тому не слѣдуетъ и говорить о немъ. Кому не случилось сознательно образоваться въ себѣ хоть одно понятіе, тому стыдно выдавать себя за мыслителя, и однимъ почеркомъ пера рѣшать вопросы, надъ которыми трудились вѣка, тысячи поколѣній, величайшіе умы, цѣлое человечество. Кто выдаетъ себя за мыслителя, тотъ не долженъ принимать на вѣру, безъ собственной мысли, ничего ни отъ г. Аскоченскаго, ни отъ г. Бюхнера, ни отъ Ивана Яковлевича, ни отъ Фейербаха. Это все равно, отъ кого бы вы ни принимали,—рѣшительно все равно.

Дѣло только въ томъ, какъ вы принимаете: со смысломъ ли, то есть съ участіемъ ли собственной мысли, съ яснымъ сознаниемъ, или безъ этого. Какимъ бы идоламъ вы ни поклонялись, идолы все идолы. Г. Прыжовъ громить московскихъ барынь, ходившихъ на поклоненіе къ Ивану Яковлевичу и принимавшихъ съ работъною вѣрой все, что онъ бывало ни скажетъ. Но только ли на свѣтъ прорицалищъ, привлекающихъ къ себѣ толпу работныхъ поклонниковъ, что желтый домъ въ Преображенскомъ? Только ли на свѣтъ идоловъ, что клякши и юродивые по деревнямъ и селамъ нашего обширнаго отечества? Однѣ ли только московскія барыни имѣютъ таинственныя шкатулочки, въ которыхъ хранить разныя абракадабры? Одинъ ли простой людъ исполненъ суевѣрія и чтить благоговѣнно изреченія юродивыхъ? Бѣдный народъ, все сваливаютъ на тебя, а ты менѣе всѣхъ виновенъ, ты даже совершенно не виновенъ. Ты не выдаешь себя за мыслителя, ты живешь въ скромной области преданій, безотчетныхъ вѣрованій, безсознательныхъ инстинктовъ. Земля изъ темныхъ нѣдръ своихъ даетъ то, что есть въ ея нѣдрахъ, не измышляя, не изобрѣтая, и не взмущаетъ на томъ чего нѣтъ! Здѣсь не только темное вѣрованіе естественно, но и суевѣріе извинительно. За то бессмысленное повтореніе чужихъ мыслей, мракобѣсіе во имя знанія, работничество во имя свободы, фанатическое поклоненіе идоламъ, которые созданы нашимъ собственнымъ невѣжествомъ, во имя просвѣщенія, оскверненіе мысли въ ея источникахъ, вотъ что противно, вотъ что возмутительно, вотъ что несравненно болѣе всякихъ Ивановъ Яковлевичей должно возбуждать негодованіе. Вотъ противники, которыхъ упустилъ изъ виду грозный біографъ Ивана Яковлевича, ополчившійся противъ всѣхъ суевѣрій русской земли. Съ г. Асоченскимъ легко воевать, а новые культы обладаютъ привилегіями; они окружены святыней неприкосновенности. Они сознаютъ свое исключительное положеніе, и пользуются его выгодами. Ивана Яковлевича легко изобличать, о немъ легко писать и столь же легко печатать. Попробуйте, также ли легко издать что-нибудь въ свѣтъ противъ какого-нибудь философа, не помѣщенного въ индексъ? Что одѣпеняетъ и убиваетъ мысль, то все ходитъ торными и удобными путями; что вымываетъ движеніе мысли въ какую бы то ни было сторону, то все должно приближаться съ невозможными усиліями, встрѣчая записки и задержки на каждомъ шагу.

Вотъ нѣкто г. Антоновичъ, въ послѣдней книжкѣ *Современника*, обнаруживаетъ пламенную ревность противъ матеріализма. Этотъ г. Антоновичъ написалъ критику на недавно-вышедшій томъ *Философскаго Лексикона*, издаваемаго въ Кіевѣ. Критикъ находитъ

въ цѣлой книгѣ только два живыя слова: *казнокрадъ* и *взяточникъ*, да и тѣ попали въ нее случайно. По его мнѣнію, *Философскій Лексиконъ* долженъ отзываться на современные вопросы. Зачѣмъ намъ знать обо всѣхъ этихъ Гераклитахъ и Гельвеціяхъ? Составителю *лексикона* слѣдовало поражать казнокрадъ и взяточниковъ, громить откупъ и избличать г. Кокорева. Но, Господь съ вами, г. Антоновичъ, развѣ мало для этого *Современника*? Неужели вы хотѣли бы внести свистокъ даже въ скромную тишь *лексикона*? Побойтесь Бога, оставьте въ литературѣ хоть пядень мѣста по крайней мѣрѣ для *лексикона*. Но критикъ, очевидно, впалъ въ такія крайнія сужденія по увлеченію; критикъ недоволенъ авторомъ за то, что онъ слишкомъ мало и слишкомъ слабо опровергаетъ ученія матеріалистовъ, и потому-то весь трудъ его представился критику въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Критикъ прямо бросился на тѣ статьи *Лексикона*, гдѣ можно было ожидать опроверженія матеріализма, и неудовлетворенный въ своихъ ожиданіяхъ, онъ рѣшился отдѣлать автора и освистать его трудъ. Какое излишество рвенія! Авторъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго сочувствія къ матеріалистическимъ ученіямъ, — но этого мало; составитель *лексикона* опровергаетъ ихъ гдѣ нужно, — но этого мало. Надо было избить наповалъ всѣ эти ученія, и прахъ ихъ развѣять по вѣтру.

Но чтó сдѣлали критику *Современника* эти несчастныя матеріалистическія ученія? Отчего у него такая беспощадная вражда къ матеріализму? Напрасно онъ такъ предубѣжденъ противъ него. Матеріализмъ вовсе не такъ-дурная вещь какъ ему кажется. Какъ извѣстное направленіе мысли, онъ имѣетъ значеніе; онъ даже необходимъ въ общей экономіи философскаго развитія, будь это сказано не во гнѣвъ г. Антоновичу.

Намъ кажется, что его слишкомъ рыная вражда къ матеріализму происходитъ отъ того, что онъ никогда еще не испытывалъ собственной мысли въ этомъ направленіи, и судить о немъ только по изреченіямъ оракуловъ, у которыхъ привелось ему справляться объ этомъ дѣлѣ. Когда г. Антоновичъ ознакомится съ тѣмъ отправлениемъ человѣческаго существа или пожалуй организма, которое зовется мышленіемъ, и при этомъ побольше кое-чего узнаетъ, то онъ, надобно думать, во многомъ измѣнитъ свои мнѣнія, свои симпатіи и антипатіи. Онъ, какъ кажется, воображаетъ себя, что матеріа-

¹ *Философскій лексиконъ*. Томъ второй. Г, Д, Е, Ж, З, И. Кіевъ. У. Литовъ 1861.

лизмъ, и только одинъ матеріализмъ, есть отрицаніе всѣхъ возможныхъ вѣрованій; какъ кажется, онъ этимъ отрицаніемъ измѣряетъ значеніе матеріализма, негодуя на него и требуя немедленной экзекуціи его. Критикъ *Современника* очень ошибается. Отрицаніе вовсе не составляетъ специальной принадлежности того, что обыкновенно вонуть матеріализмомъ; вѣрованія и идеалы уносятся въ бездну не однимъ матеріализмомъ, но столько же, и еще болѣе, такими системами, которыя онъ называлъ бы самымъ крайнимъ идеализмомъ. Есть идеалистическія системы, которыя приводятъ мысль къ такому нигилизму, какого не представить себѣ самый отчаянный изъ матеріалистовъ, и о какомъ, конечно, понятія не имѣетъ г. Антоновичъ, которому не знакомъ даже истинный смыслъ схоластическихъ софизмовъ. Съ другой же стороны, матеріалистическія школы вовсе не такъ враждебны ко всякаго рода вѣрованіямъ. Держа швейцара, съ суровымъ ликомъ, на парадномъ крыльцѣ, матеріалистическія школы радушно принимаютъ съ другаго подъѣзда множество вѣрованій. Знаетъ ли г. Антоновичъ, что у матеріализма бываетъ своя миеология, гораздо болѣе поработшающая умы чѣмъ та, которая наввно рождается изъ нѣдръ матери земли? Это самая лукавая миеология, тѣмъ болѣе лукавая, что ее можетъ замѣтить только вполне сознательная мысль. Даже самые нѣжные религиозные культы съ обрядами и церемоніями не чужды матеріализма, и жрецы этой религіи бываютъ иногда исполнены трогательнаго благочестія, иногда самаго яраго фанатизма.

Во всякомъ случаѣ, повторимъ, матеріализмъ совсѣмъ не такая негодная вещь, которая ничего другаго не заслуживаетъ кромѣ брани, порицанія и опроверженій. Даже самыя крайнія матеріалистическія ученія бываютъ иногда не дурнымъ признакомъ. Такъ напримѣръ въ Германіи, гдѣ чудовищное развитіе разныхъ идеализмовъ, абсолютныхъ и неабсолютныхъ, до того разслабило умы и смѣшало понятія, что реакція была дѣломъ неизбежнымъ и спасительнымъ; даже какой-нибудь Максъ Штирнеръ, этотъ помѣшанный Максъ Штирнеръ, былъ тамъ у мѣста и кстати. Нѣмецкіе умы, проголодавшись въ пустынѣ своихъ отвлеченій, изнуренные и исхудалые, бросились на мясо съ непонятнымъ для другихъ народовъ ожесточеніемъ. Мы помнимъ одного бурша въ Берлинѣ, который провелъ три года въ аскетическомъ трудѣ надъ Гегелевой логикой и почувствовалъ наконецъ такую пустоту во всей своей натурѣ, что не только бросилъ всѣ свои занятія и сжегъ свои тетради, но и возненавидѣлъ всякій умственный трудъ и поклялся никогда не возвращаться ни къ какой наукѣ. *Ich will mich in die Wirklichkeit werfen*, сказалъ онъ, и

дѣйствительно бросился. Перебѣсившись, онъ пришелъ наконецъ въ равновѣсіе, и сталъ добрымъ гражданиномъ своего отечества. Матеріализмъ, который такъ бойко разыгрался въ Германіи, есть нѣмецкая болѣзнь, или ея критическій симптомъ, за которымъ, Богъ дастъ, послѣдуетъ выздоровленіе. Это болѣзненное развитіе совершило свой циклъ и становится уже дѣломъ прошедшимъ. Признаки новой жизни и обновленной мысли начинаютъ тамъ появляться повсюду. Народы зрѣлые, жившіе умственно, имѣющіе характеръ и обладающіе мыслию, оставались простыми зрителями этого интереснаго болѣзненнаго кризиса, который, каждымъ изъ нихъ, былъ болѣе или менѣе испытанъ въ собственной жизни. За то общества порожнія, лишеныя собственныхъ интересовъ, не имѣющія своей мысли, не жившія умственно, безхарактерныя и слабыя, способны только замечать къ себѣ чужой соръ и щеголять въ чужихъ обносахъ.

Еще разъ, зачѣмъ такая ожесточенная ненависть противъ матеріализма? Каково бы ни было направленіе мысли, но если въ ней есть жизнь, если она точно мысль, а не фальшивое подобіе ея, то она всегда плодотворна и всегда оставляетъ добрыя послѣдствія. Въ умственномъ мірѣ, какъ и во всемъ на свѣтѣ, господствуетъ начало раздѣленія труда, и въ умственномъ мірѣ начало это раскрывается *en grand*. Здѣсь каждая подробность, каждый пунктъ, требуютъ особаго исключительнаго труда, особыхъ исключительныхъ системъ, цѣлыхъ наукъ, ревниво желающихъ замкнуть цѣлый міръ въ своихъ предѣлахъ и оспаривающихъ мѣсто у всякаго другаго вѣдѣнія. Вся жизнь много замѣчательнаго мыслителя, незамѣтно для него, обрекается лишь на усвоеніе одного какого-нибудь пункта, на образованіе одного какого-нибудь понятія, которое въ умѣ его разрываетъ всякую связь со всеми прочими понятіями и забываетъ всѣ пути къ нимъ. Иногда цѣлое поколѣніе умственныхъ силъ потребляется на такое дѣло. Сосредоточиваются всѣ наличныя умственныя силы на какую-либо сторону, на одну какую-либо связь понятій, на одну какую-либо систему фактовъ. Работники, въ напряженіи своей дѣятельности, поглощающей всѣ ихъ силы, могутъ имѣть самыя нелѣпыя мнѣнія о цѣлой машинѣ, для которой выдѣлываютъ одну какую-нибудь часть, одинъ какой-нибудь винтъ. Но нелѣпое остается нелѣпымъ, а сдѣланное дѣло, какъ бы дробно оно ни было, идетъ въ прокъ и пользу.

Одностороннія направленія мысли, которыя въ свое время были исполнены интереса и жизни, — именно въ то время, когда они вырабатывали какое-либо умственное дѣло и служили орудіемъ для цѣлей знанія, — послѣ превращаются въ мертвыя формулы, въ абракадабры, въ суевѣрія, и также свято хранятся безмыслен-

ными поклонниками, какъ изреченія Ивана Яковлевича хранились у знакомой г. Прижову дамы. Увы! этимъ и ограничивается сравненіе. Изъ разказа г. Прижова не видно, чтобы его знакомая обнаруживала какой-нибудь мрачный прозелитизмъ; она не понуждала его увѣровать въ преображенскаго пророка, не влекла его на поклоненіе и добродушно передала ему записочки, въ надеждѣ, что онъ возвѣститъ о нихъ міру съ приличною похвалою. Г. Прижовъ посѣщалъ Ивана Яковлевича изъ собственной любознательности. Обличитель пылливо и строго взиралъ на старика, и старикъ чувствовалъ, что передъ нимъ стоялъ не поклонникъ, а судія и обличитель; но онъ остался спокоенъ; меланхолически взглянувъ на своего противника, онъ только повернулся на другой бокъ. Онъ не пришелъ въ ярость, хотя это и было бы извинительно ему, какъ обитателю сумашедшаго дома; онъ не облилъ своего противника нечистотами, какъ обливалъ онъ иногда своихъ поклонниковъ,—и это очень разумно: съ поклонниками онъ могъ такъ поступать, они на то шли и принимали это съ любовью; относительно поклонниковъ это можетъ-быть требовалось самою сущностью поклоненія, какъ это и было объяснено въ *Домашней Бесѣдѣ*. Хорошо бы еще было, еслибы такъ велись дѣла и въ другихъ культахъ; но увы! новые культы, новые жрецы, новые поклонники, новые *кололацы*, новыя суевѣрія не такъ благодушны и кротки; они обругаютъ всякаго кто пройдетъ мимо, и оболъютъ нечистотами всякаго, кто рѣшится сказать свое слово, кто изъявитъ сомнѣніе, или потребуетъ испытанія; они зажмутъ себѣ уши, чтобы не слышать убѣжденій; они цинически скажутъ вамъ, что не знаютъ и знать не хотятъ того, что они осуждаютъ. Съ неслышанною въ образованныхъ обществахъ наглостью они будутъ называть всѣхъ и каждаго *узколобыми, жадными бднлясками*, — всѣхъ, кромѣ своихъ Ивановъ Яковлевичей и поклонниковъ ихъ.

Упрекая составителя *Философскаго Лексикона* за недостаточно-сильное опроверженіе матеріалистическихъ ученій, критикъ *Современника* не принялъ вышеупомянутаго обстоятельства въ расчетъ. Какъ онъ не сообразилъ, что не слѣдуетъ претендовать на неисполненіе такого требованія, которое не всегда бываетъ удобоисполнимо? Мы не рѣшаемъ, достаточно или недостаточно опровергалъ составитель *Лексикона* ученіе матеріалистовъ (лексиконъ его еще не дошелъ до буквы *ж*; тамъ можетъ-будетъ что-нибудь посильнѣе и удовлетворительнѣе для г. Антоновича); положимъ, что недостаточно сильно. Но вѣдь надобно вспомнить, что сопротивляться новымъ богамъ вовсе не такое пріятное дѣло, какъ нападать на старыхъ и отжившихъ. Жрецы новыхъ боговъ какъ разъ оболъютъ невѣрующихъ «жестокостями», по выраженію г.

Прыжова, а это конечно не можетъ быть приятно. Въ обществѣхъ, не жившихъ умственной жизнью, лишенныхъ сознаниа и мысли, дѣло не легкое бороться съ фанатизмомъ безсмыслиа, выдающаго себя за передовую, все порѣшившую мысль. Да и по многимъ другимъ причинамъ это дѣло нелегкое, даже не без-опасное, дѣло требующее не просто только *храбрости своихъ убѣжденій*, какъ выразился недавно одинъ журналъ.

Что касается до *Философскаго Лексикона* г. Г., то намъ тѣмъ приятнѣе отдать справедливость добросовѣстности его труда, что мы не согласны съ нимъ ни въ основаніяхъ его философскаго образа мыслей, ни въ самой необходимости подобнаго труда для нашего общества. Обширный *Философскій Лексиконъ*, какой предпринять имъ, есть фальшивая роскошь, а мы еще не имѣемъ хлѣба. Вообще это расположеніе предметовъ знанія по алфавиту не можетъ быть потребностью самой науки. Оно вызывается потребностями чуждыми ей. Да и вообще энциклопедія наукъ не имѣетъ у насъ смысла, за неимѣніемъ наукъ. Энциклопедія у насъ была всегда трудомъ, употребленнымъ совершенно непроизводительно. Все, что по этой части можетъ требоваться у насъ, должно ограничиваться содержаніемъ и размѣрами простой справочной книги. А справочная книга, чѣмъ кратче и не притязательнѣе, тѣмъ лучше; она должна состоять только изъ фактическихъ свѣдѣній и не пускаться ни въ какіе трактаты. Въ изложеніи системъ, составитель *Философскаго Лексикона* не обнаруживаетъ достаточной свободы и самодѣтельности мысли. Впрочемъ, наше замѣчаніе относится не столько лично къ самому автору, сколько къ той категоріи ученыхъ, занимающихся изложеніемъ философскихъ системъ, къ которой принадлежитъ нашъ авторъ. Нѣтъ ничего труднѣе какъ добратся до философіи въ философской литературѣ. Множество написано и пишется книгъ, исторій, изложеній, трактатовъ, характеризующихъ себя эпитетомъ философскихъ,—и однакоже большая часть всего этого, отличаясь разными достоинствами, не имѣетъ почти никакого философскаго значенія. Пока рѣчь идетъ о фактахъ, объ историческихъ подробностяхъ, все болѣе или менѣе идетъ хорошо, и мы получаемъ какія-нибудь положительныя свѣдѣнія. Но лишь только дѣло коснется характеристики самыхъ системъ мышленія, мы чувствуемъ себя поверженными въ самый смутный хаосъ словъ, словъ, словъ, въ которомъ исчезаетъ всякое различіе, всякая опредѣленность, всякая мѣра, всякій предметъ; мысль теряетъ упругость и нервъ; все облекается въ непроглядный туманъ; самыя глубокія противоположности смѣшиваются и исчезаютъ; совершенная апатія овладѣваетъ умомъ, и онъ впадаетъ въ немощь, въ дѣтство, въ одурѣніе.

А все это происходит оттого, что, принимаясь за изученіе, мы не видимъ передъ собою того, что хотимъ изучать; мы не имѣемъ предмета, и говоримъ, сами ясно не зная что и о чемъ говоримъ. Философскія системы суть факты, какъ и всякій другой фактъ, и вся задача изучающаго состоитъ только въ томъ, чтобы поставить свою мысль въ предметное отношеніе къ этимъ фактамъ; другими словами, требуется, чтобы наша мысль была вполне свободна, чтобы она возвышалась надъ даннымъ матеріаломъ, какого бы онъ ни былъ свойства, чтобы она ясно видѣла передъ собою все очерки и предѣлы предмета а не терлась въ немъ пассивно. Къ чему мы не можемъ стать въ такое отношеніе, того и изучать не можемъ, то и не можетъ быть, въ собственномъ смыслѣ, предметомъ знанія, предметомъ яснаго, т.-е. удовлетворительнаго мышленія, ибо мышленіе неясное все равно что не мышленіе и еще хуже. Философскія и всякія умственныя системы, какъ факты совершившіеся въ исторіи, и могутъ и должны быть поставлены въ такое отношеніе къ изучающему уму; но это задача весьма трудная. Эти факты трудно одолѣть, трудно возвыситься надъ ними изучающую мысль. Это было бы вовсе невозможно, еслибы зависѣло только отъ даровитости изучающаго лица. Но это однако становится вполне возможнымъ теперь вслѣдствіе цѣлой исторіи умственнаго движенія. Это движеніе совершило столько великихъ цикловъ, оно имѣетъ такую богатую исторію, оно представляетъ такое множество фактовъ, что для всякаго мыслящаго ума, приносящаго живой интересъ къ этому дѣлу и достаточно къ нему приготовленнаго, становятся возможными все приемы положительнаго изученія: и сравненіе, и анализъ, и обширное наведеніе. Это важная, великая, высоко интересная область; но она еще только начинаетъ обозначаться для науки. Потребность такого рода вѣдѣнія съ каждымъ днемъ чувствуется сильнѣе и сильнѣе, и оно не замедлитъ явиться, и, явившись, не замедлитъ приобрести и должныя размѣры, и должное значеніе. Назадъ тому нѣсколько десятилѣтій, кто могъ бы думать, что языкъ, бывшій тогда только предметомъ практическаго обученія или самою каменистою темой для пустыхъ разглагольствій, что языкъ, благодаря сравнительному анализу, станетъ предметомъ особаго, столько же положительнаго, сколько и богатаго вѣдѣнія?

Но мы забыли, что передъ нами лежитъ не исторія философіи или что-нибудь въ этомъ родѣ, а простой лексиконъ. Впрочемъ, авторъ виноватъ самъ, что заставилъ насъ забыть объ этомъ. Еслибы лексиконъ былъ только лексикономъ, еслибы онъ ясно и рѣшительно ограничилъ себя назначеніемъ служить простою справочною книгой, и содержалъ въ себѣ одни выш-

ніа историческія данныя, намъ бы не могли придти въ голову вышесказанныя замѣчанія. Но авторъ излагаетъ системы, точно такъ какъ это дѣлается въ исторіи философіи; онъ помѣщаетъ въ своемъ лексиконѣ особые трактаты о разныхъ философскихъ предметахъ; словомъ, онъ преподаетъ философію и исторію философіи въ формѣ лексикона. Но давъ своему труду такое значеніе, авторъ принялъ на себя излишнюю отвѣтственность; онъ поставилъ себя въ неудобное положеніе. Излагать философскія системы, трактовать о философскихъ предметахъ, какъ мы видѣли, есть дѣло очень трудное вообще и требуетъ слишкомъ много условій, которыя вовсе не входятъ въ обязанность составителя словаря. Въ этомъ второмъ томѣ самое обширное мѣсто принадлежитъ системѣ Гегеля. Изложеніе этой системы намъ кажется крайне неудачнымъ. Оно относится именно къ той категоріи трудовъ по части исторіи философіи, о которыхъ мы упоминали выше. Это изложеніе тѣмъ еще неудачнѣе, что какъ будто одна часть его писана лѣвою рукою, а другая правою, и какъ будто одна узко не знала, что творилось другою. Въ извѣстныхъ случаяхъ прекрасно, когда шуйца не знаетъ, что творить десница; но въ изложеніи философскихъ системъ этого не должно быть. Съ одной стороны авторъ излагаетъ систему Гегеля совершенно пассивнымъ образомъ, принося ей въ жертву свободу собственной мысли и становясь къ ней въ ученическое отношеніе; съ другой стороны, онъ вдругъ совершенно неожиданно являетъ себя критикомъ и обличителемъ. Изложеніе системы вселяетъ въ читателя мысль, которую впрочемъ авторъ прямо высказываетъ, что она внесла съ собою новое, великое начало знанія и разумѣнія, что діалектическій процессъ, который составляетъ ея сущность, есть величайшее, открытіе философскаго генія, которое творитъ неслыханныя вещи; въ другихъ мѣстахъ изложенія читатель узнаетъ, что этотъ діалектическій процессъ есть жалкое оболъщеніе и обманъ, и что слѣдовательно все это *великое развитіе абсолютнаго духа* основано чуть-чуть не на калямбурахъ и грубыхъ недоразумѣніяхъ. Впрочемъ авторъ и критикуетъ и излагаетъ дѣло такъ неясно, такъ неопредѣлительно, такъ отвлеченно, такъ безпредметно, что читатель, пожалуй, не замѣтитъ никакого противорѣчія въ показаніяхъ, и апатически приметъ какъ то, такъ и другое.

Жаль, что мы по сю пору не можемъ поставить себя въ свободныя отношенія къ системамъ германской философіи. Гегелева система давно уже подпала исторіи, а для нашихъ мыслящихъ людей она все еще остается догматомъ и принципомъ; всѣ историческія подробности и отношенія обозначились ясно, а мы твердимъ зады, повторяя наивно то, что говорилось уче-

никами философа, учениками, которымъ весьма естественно было не имѣть собственнаго сужденія и *in verba magistri jurare*. Составитель *Лексикона* съ такимъ благоговѣнiемъ относится къ излагаемой системѣ, что старается сохранить все идиотизмы нѣмецкаго языка, къ которымъ прибѣгалъ для выраженія своей мысли философъ, вообще не отличавшійся даромъ слова. Вы встрѣтите и *мнобытiе*, и *внѣположность*, и *вынаруженiе*, и *снятiе*, и *становленiе*. Уже одни эти слова свидѣтельствуютъ о несвободномъ отношенiи автора къ своему предмету. Мы искренно жалѣемъ объ этомъ, тѣмъ болѣе что въ нашей литературѣ господствуетъ и безъ того страшная путаница понятiй. Людямъ съ философскимъ образованiемъ должно вносить въ нашу литературу ясную, трезвую мысль, и по этой причинѣ лучше ограничиваться малыми, но строго опредѣленными задачами.

Напрасно авторъ думаетъ, замѣтимъ мы мимоходомъ, что системы такъ-называемой германской философи были опроверженiемъ Кантовой критики. Это повторенiе стараго фальшиваго мнѣнiя. Кантъ остается не опровергнутъ, да и не зачѣмъ было опровергать его. Системы вышеупомянутыхъ мыслителей представляютъ въ высшей степени интересное развитiе; но значенiе этого развитiя состоитъ вовсе не въ томъ, что думаетъ авторъ. Система Гегеля, въ свою очередь, представляетъ много поучительнаго и интереснаго, но она далеко не имѣетъ того значенiя, какое придаетъ ей авторъ *Лексикона*, повторяя опять старыя мнѣнiя самой школы.

Что касается до опроверженiя нѣкоторыхъ ученiй, не нравящихся г. Антоновичу, то мы можемъ рекомендовать одну статью, напечатанную въ *Трудахъ Кiевской Академiи*¹ Статья эта, подъ заглавiемъ: *Изъ науки о челоовчьемъ духѣ*, составляетъ довольно обширное сочиненiе. Авторъ ея, профессоръ Кiевской академiи, г. Юркевичъ. Сочиненiе это вызвано нѣкоторыми статьями о философскихъ предметахъ, появившимися въ *Современникѣ*. Г. Юркевичъ разоблачаетъ наглое шарлатанство, выдаваемое за высшую современную философию, и разоблачаетъ такъ, что даже зыскательный г. Антоновичъ можетъ остаться доволенъ. Нѣтъ худа безъ добра; спасибо шарлатанству по крайней мѣрѣ за то, что оно послужило поводомъ къ появленiю этого превосходнаго философскаго труда. Статья г. Юркевича не простое отрицанiе или обличенiе; но исполнена положительнаго интереса, и рѣдко случалось намъ читать порусски о философскихъ предметахъ что-нибудь въ такой степени зрѣлое. Впрочемъ о статьѣ г.

¹ *Труды Кiевской академiи*, 1860, прим. IV.

Юркевича мы не хотимъ говорить мимоходомъ. Въ слѣдующемъ номерѣ *Русскаго Вѣстника* мы представимъ обширныя выдержки изъ этого трактата, который отличается всѣми признаками зрѣлаго, самостоятельнаго, вполне владѣющаго собою мышленія.

Будемъ надѣяться, что философскія понятія господъ, пишущихъ въ *Современникѣ*, мало-по-малу прояснятся, и что они найдутъ наконецъ возможность обходиться безъ шарлатанства. И теперь ужъ по нѣкоторымъ частямъ замѣтенъ значительный прогрессъ. Г. Чернышевскій, повидимому главный вождь этой дружины, начинаетъ уже говорить человѣческимъ языкомъ по предметамъ политической экономіи. Il s'humanise, se monsieur. Въ послѣднихъ номерахъ этого журнала мы съ удовольствіемъ прочли статьи за его подписью; въ нихъ уже нѣтъ тѣхъ безсмыслицъ, которыя выдавалъ онъ прежде за глубокую мудрость, почерпаемую со дна таинственнаго кладязя. Онъ судитъ здраво и согласно съ началами политической экономіи, такъ что ему нѣтъ теперь надобности отдѣлять себя отъ тѣхъ экономистовъ, которыхъ онъ бывало называлъ *узколобыми бѣдьяжками*. Такимъ является онъ теперь и самъ въ статьяхъ, подписанныхъ его именемъ. Надобно отдать ему справедливость; онъ хорошо пользуется уроками и не даромъ проводитъ время въ предварительной школѣ.

Но если прежняя дичь остерегается заглядывать въ тѣ статьи г. Чернышевскаго, которыя подписаны его именемъ, то она еще отзывается въ другихъ, имъ не подписанныхъ. Тамъ еще тонкомъ шарлатанской ироніи говорится о *великихъ* русскихъ экономистахъ, гг. Вернадскомъ, Бунге, Ржевскомъ, Безобразовѣ, къ которымъ причисляется г. де-Моллиари, а наконецъ Каре (или какъ у насъ пишутъ Кери) и Бастіа. Статейка, о которой мы сейчасъ упомянули, очень куріозная статейка; это рецензія недавно вышедшей книги Каре. *Письма къ президенту Соединенныхъ Штатовъ*. Въ ней есть одно замѣчательное мѣсто. Авторъ прерываетъ нить своихъ экономическихъ разсужденій и съ очаровательнымъ краснорѣчіемъ разказываетъ исторію молодой, прекрасной вдовы, «какой другой не видывали люди»; всѣ преклонялись передъ ея непорочною чистотой. Но она вдругъ исчезла. Гдѣ она? А вотъ гдѣ: среди толпы безпутныхъ пьяницъ, она ласкается къ какому-то господину, который кажется знатнѣе и богаче всѣхъ. Она искусно завлекаетъ его въ свои сѣти, и овладѣваетъ мѣстомъ его прежней любовницы. Прежняя любовница осыпаетъ ее укорами; входитъ старикъ, знавшій прежде эту погнбшую вдову: онъ проклинаетъ ее. «Конечно не легко переносить этотъ позоръ; но дѣйствительно она добровольно подверглась ему; она впередъ знала, что запятнаетъ свою честь, и не пожалѣла запятнать ее. Какою новостію вздумали вы занн-

мать насть, прерываетъ авторъ свой неожиданный разказъ,—вы разказываете драму *Юдифь*, въ которой весь Петербургъ видѣлъ игру Ристори. Разумѣется, отвѣчаетъ авторъ самъ себѣ, я хотѣлъ только замѣтить, что *Юдифь* поступила не дурно....» «Историческій путь, продолжаетъ онъ, не тротуаръ Невскаго проспекта; онъ идетъ дѣликомъ черезъ поля, то пыльные, то грязные, то черезъ болота, то черезъ дѣбри. Кто боится быть покрытъ пылью и выпачкаться сапоги, тотъ не принимайся за общественную дѣятельность.»

Послѣ этого очаровательнаго эпизода, въ которомъ такъ и слышится скорбный вздохъ Юдифи, осквернившей себя для спасенія родины, рецензентъ снова обращается къ тарифу и свободной торговлѣ. Не могла бы эта прелестная поэзія ворваться сама собою въ такой сухой и прозаическій предметъ, еслибъ ея не призвало само сердце писавшаго. Она могла сказаться только изъ глубины души, она могла прорваться только неудержимою силой невольнаго откровенія. Столько слезъ и нѣжности въ этомъ разказѣ, который явился неожиданнымъ оазисомъ среди пустыни протекціонныхъ пошлостей, гдѣ вѣетъ совсѣмъ иной духъ, сухой и суровый!

Дѣйствительно, не есть ли и шарлатанство нѣкотораго рода оскверненіе? Не великую ли жертву приносятъ тѣ доблестные общественные дѣятели, которыхъ неразумная чернь зоветъ шарлатанами? Но, о, новыя Юдифи! повѣдайте намъ, ради какихъ великихъ благъ пятнаете вы свою непорочную чистоту, «какой другой не вѣдывали люди?»

О, господа, не пятнайте себя понапрасну! Не приносите ненужныхъ жертвъ! Не оправдывайте себя подвигомъ: никакого подвига не имѣется. Вы и себя обольщаете, и обманываете другихъ. Вы сами не знаете, вы сами не чувствуете, какая вы вредная задержка посреди этого общества съ неустановившимися силами, съ неокрѣпшею живнію. Тѣмъ хуже, если вы люди способные. Современемъ, можетъ-быть, вы откажетесь отъ шарлатанства; ваши понятія станутъ яснѣе (начинаютъ же разясняться мало-по-малу экономическія понятія г. Чернышевскаго, а это добрый задатокъ); послѣ вы хватитесь, но будетъ поздно. Съ презрѣніемъ оглянетесь вы на свое прошедшее, и можетъ-быть глубоко пожалѣете о шутовской роли, которую вы играете теперь.

ЗАМѢТКА О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

Періодическая литература наша много занимается общественными вопросами, но очень мало сама собою: часто высказываются въ печати мнѣнія объ отдѣльных ея явленіяхъ; но чрезвычайно рѣдко объ общемъ ея ходѣ и о такихъ чертахъ, которыя характеризуютъ большую часть ея органовъ. Наша литература бойко затрогиваетъ все, что лежитъ внѣ ея самой, но въ собственныя свои дѣла не вглядывается пристально. А между тѣмъ первый шагъ къ самоусовершенствованію есть самоизученіе, и для всего, что живетъ и мыслить, самое полезное дѣло есть занятіе ближайшими предметами. Здравая и дѣльная критика у насъ все еще не сдѣлалась насущною потребностью, необходимою принадлежностью литературы, хотя мы уже и далеко оставили за собой то время, когда критика считалась у насъ бесполезною, когда даже лучшіе наши писатели, напримѣръ, Карамзинъ, съ намѣреніемъ уклонились отъ критики и открыто высказывали свое мнѣніе противъ нея¹. Въ наше время, конечно, никто уже не станетъ оспаривать пользу критики; едва ли многіе не согласятся съ нами, что даже критика ошибочная лучше отсутствія всякой критики. Высказываніе какихъ бы то ни было

¹ Въ «Письмѣ къ издателю» въ № I *Вѣстника Европы* на 1802 г., между прочимъ сказано: «Точно ли критика научаетъ писать, не гораздо ли сильнѣе дѣйствуютъ образцы и примѣры?.. Пиши, кто умѣетъ писать хорошо: вотъ самая лучшая критика на дурныя книги... глупая книга есть небольшое зло въ свѣтѣ. У насъ же такъ мало авторовъ, что не стоить труда и дугать ихъ.» Въ объявленіи о продолженіи *Вѣстника Европы* на 1803 г. (см. № 23 1802 г.) Карамзинъ говоритъ: «Что принадлежитъ до критики новыхъ русскихъ книгъ, то мы не считаемъ ее истинною потребностію нашей литературы (не говоря уже о непріятности имѣть дѣло съ безпокойнымъ самолюбіемъ людей). Въ авторствѣ полезнѣе быть судимымъ нежели судить (!) Хорошая критика есть роскочъ литературы: она раждается отъ великаго богатства; а мы еще не Крезы. Лучше что-нибудь прибавить къ общему имѣнію нежели заняться его оцѣнкой. Впрочемъ не забываемся говорить иногда о старыхъ и новыхъ русскихъ книгахъ; только не входимъ въ рѣшительное обязательство быть критиками.» Еще ограниченнѣе были мнѣнія нѣкоторыхъ писателей нашихъ, по этому предмету, въ прошломъ столѣтіи. Такъ Богдановичъ, въ неизданномъ «Начертаніи къ заведенію общества руссіискихъ писателей», предполагалъ между прочимъ «поставить, чтобы въ общество пріемлемы не были критики на какія-либо сочиненія, ибо критики, по правиламъ чести, должны быть сообщаемы писателямъ прежде изданія въ свѣтъ ихъ сочиненій, а не тогда уже, когда правительство терпитъ ихъ печатаніе».

сужденій даетъ поводъ къ спорамъ, а изъ споровъ рождается истина и здравое убѣжденіе, тогда какъ молчаніе ведетъ только къ постепенному утвержденію ложныхъ понятій и началъ.

Движеніе, которымъ, лѣтъ шесть тому назадъ, оживилась русская литература, конечно, приведетъ ее къ самымъ счастливымъ результатамъ. Но что именно вслѣдствіе такого внезапнаго пробужденія она сдѣлалась, и до сихъ поръ еще остается, одностороннею, это, конечно, ясно всякому безпристрастному наблюдателю. Мы очень далеки отъ того, чтобы за это строго осуждать ее, мы отдаемъ ей полную справедливость въ томъ великомъ значеніи и въ той истинной заслугѣ, которыя она приобрѣла въ короткое время. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ скрыть отъ себя, что она въ самыхъ благородныхъ порывахъ своихъ показала заносчивость, которая свидѣлствуетъ о весьма еще незрѣлой юности.

И можетъ ли быть иначе? Въ умственномъ мірѣ всѣ явленія также послѣдовательны и необходимы, какъ и въ мірѣ физическомъ. Кто не помнитъ, какъ предъ крымскою войною, въ журналахъ нашихъ и газетахъ безпрестанно являлись стишки и статейки, въ которыхъ извѣстные и неизвѣстные авторы предсказывали врагамъ нашимъ неминуемую гибель и жестокое посрамленіе, грозили закидать ихъ шапками, однимъ словомъ, хвалились идучи на рать. Мы теперь смѣемся надъ этими ребяческими выходками; но вѣдь съ тѣхъ поръ прошло только семь лѣтъ; а въ семь лѣтъ радикально переражается, какъ утверждаютъ физиологи, тѣло человѣческое, но отнюдь не общество. Въ семь лѣтъ оно можетъ подвинуться нѣсколько впередъ, но не преобразоваться въ самомъ сердцѣ своемъ, въ своихъ нравахъ.

Общество малоразвитое естественно страдаетъ недостаткомъ *гуманности*. У насъ это слово стало употребляться только недавно, слѣдовательно недавно появилось и самое понятіе. До сихъ поръ еще есть между нами люди, которые сомнѣваются въ законности этого слова. За слово мы стоять не будемъ; пожалуй, если не нравится иностранное, пусть его замѣнятъ русскимъ *человѣчность*. Но важно понятіе: оно заключаетъ въ себѣ совокупность внутреннихъ признаковъ, которые человѣка дѣлаютъ человекомъ въ полномъ смыслѣ. Присутствіе этихъ признаковъ даетъ себя чувствовать преимущественно въ нашемъ соприкосновеніи съ другими. Названіе гуманнаго заслуживаетъ тогъ, кто во всѣхъ сношеніяхъ своихъ обнаруживаетъ полное уваженіе къ другому, какъ къ такому же человѣку — какъ и самъ онъ, полное уваженіе къ личности, достоинству и правамъ другаго, какъ человѣка вообще, а не какъ такого только, который пользуется извѣстнымъ внѣшнимъ положеніемъ или извѣстными преимуществами. Гуман-

ность требуетъ глубокаго образованія ¹, и потому бываетъ разлита въ массы только тѣхъ народовъ, у которыхъ образованіе успѣло развиться подъ вліяніемъ особенно благоприятныхъ обстоятельствъ.

Въ послѣдніе годы гуманность сдѣлала явные успѣхи въ нашемъ обществѣ; это выражается и въ частной, и въ публичной жизни нашей. Мы не имѣли случая, въ послѣдніе годы, наблюдать нашъ провинціальный бытъ; по крайней мѣрѣ, видимъ, что въ Петербургѣ многое въ нашихъ нравахъ начинаетъ измѣняться начальники (говоримъ объ общихъ, а не о частныхъ явленіяхъ) стали иначе обращаться съ подчиненными, разныя офиціальныя мѣста стали иначе принимать публику, тонъ полиціи рѣшительно измѣнился, по крайней мѣрѣ въ обращеніи съ образованнымъ классомъ людей. Грубая матеріальная сила сознала превосходство духовныхъ началъ и необходимость имъ подчиняться.

Но странно, и однакожъ справедливо, въ журнальной критикѣ нашей менѣе, нежели въ общественной жизни, замѣтны успѣхи гуманности. Въслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, въ нашей литературѣ утвердились извѣстные взгляды и мнѣнія, которые какъ будто присвоили себѣ монополію обращенія въ печатномъ мѣрѣ. Съ этимъ соединяется, подъ личиною презрѣнія къ авторитетамъ и требованія свободы мысли, самое слѣпое раболѣпство передъ извѣстными именами. Приведемъ примѣръ не новый. Журналы, положимъ А и Б, въ которыхъ участвуетъ такой-то писатель, положимъ В, успѣли доставить ему *романдую популарность*. Попробуй кто-нибудь, напримѣръ Г, сказать печатно что новое произведеніе этого писателя ему не нравится. Тотчасъ на Г посыплются насмѣшки, ругательства, чуть не проклятія: онъ невѣжа, глупецъ, отсталой:

«Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!»

Вотъ вамъ и свобода мнѣній, и презрѣніе къ авторитетамъ, и благотворная гласность. Такимъ образомъ, въ критикѣ нашей на тронѣ гуманности возсѣдаетъ покуда заклятый врагъ ея, нетерпимость. Проповѣдая свободу мнѣній, многіе журналы наши поступаютъ деспотически въ области мысли. Журнальная гласность должна быть обоюдосрая или, какъ богъ Янусъ, имѣть два лица, изъ которыхъ одно было бы обращено къ обществу

¹ Въ средніе вѣка, когда новыя народы только-что выходили изъ состоянія варварства, необходимымъ условіемъ такого образованія сдѣлались древніе языки, и оттого-то до сихъ поръ еще предметы классическаго образованія называются у Нѣмцевъ: *humaniora*,—у Французовъ: *les humanités*. Оттуда же и названіе гуманисты.

а другое къ самой литературѣ. Но, повторяемъ, наша литература любитъ преслѣдовать злоупотребленія только внѣ самой себя, а относительно собственныхъ своихъ темныхъ сторонъ предпочитаетъ скромное молчаніе.

Гуманность имѣетъ еще обширнѣйшее значеніе нежели какое мы въ предыдущемъ признали за нею. Она выражается не въ однихъ нашихъ сношеніяхъ съ лицами, но и въ томъ, какъ мы относимся къ цѣлому человечеству, къ чужимъ націямъ и къ собственному своему народу, къ его настоящему и прошлому. Истинная гуманность не презираетъ старины: она видитъ въ ней законное и необходимое звено цѣпи, гдѣ настоящее служить только продолженіемъ, чтобы самому сдѣлаться однимъ изъ тѣхъ безчисленныхъ звеньевъ, изъ которыхъ слагается исторія. Можно не сочувствовать прошлому, можно осуждать его,—нашего прошлаго нельзя не осуждать; но безотчетно смѣшивать и ставить на одну доску всѣ его явленія безъ разбора, отрицать необходимость основательнаго и всесторонняго изученія его есть признакъ невѣжества и пристрастія. Такимъ образомъ недостаткомъ гуманности объясняется многое въ нашей современной журналистикѣ, между прочимъ и безусловное презрѣніе къ прежнимъ нашимъ писателямъ, даже къ тѣмъ, которые сами отличались высокою гуманностью. Такъ журнальная критика давно уже обнаруживаетъ очень мало сочувствія къ Карамзину и Жуковскому, хотя они оказали русской литературѣ величайшія услуги и были, можетъ-быть, самыми гуманными ея личностями. Непониманіе достоинства этихъ истинныхъ образователей нашей литературы доходитъ до того, что недавно одинъ фельетонистъ позволилъ себѣ сказать, будто въ Карамзинѣ не было ничего *симпатичнаго*,—въ Карамзинѣ, который былъ надѣленъ самыми лучшими дарами природы, который съ самою пылкою, любящею душою соединялъ глубокой умъ, разностороннее образованіе и неутомимую дѣятельность. Гдѣ же симпатичные люди, если Карамзинъ не принадлежалъ къ разряду ихъ, и ужели точно симпатичнѣе тотъ, у котораго могло сорваться такое дикое мнѣніе? Нѣтъ, когда бы выше было наше образованіе, тогда мы иначе смотрѣли бы не только на этихъ писателей, но и вообще на нашу прежнюю литературу, при всѣхъ ея неоспоримыхъ недостаткахъ; тогда бы мы убѣдились, что не съ насъ же первыхъ начинается существованіе русскаго народа и русскіхъ людей. Если бы мы болѣе изучали нежели слѣпо вѣрили въ свою провинциальность, если бы мы прилежнѣе знакомились съ исторіей литературы, и хоть бы изрѣдка заглядывали въ старыя наши журналы, то увидѣли бы, что и прежде у насъ на Руси размышляли и трудились, и что не всѣ прежнія мысли и труды ми-

куда не годны, что во всѣ времена мнѣнія мѣнялись, что новое всегда считало себя лучше стараго, но въ свою очередь уступало мѣсто болѣе новому и дѣлалось старымъ; что во всѣ времена возникаютъ случайно огромныя репутаціи, но и падаютъ очень скоро, если не бываютъ основаны на истинныхъ заслугахъ обществу или отечеству. Сколько кумировъ нынѣшняго поколѣнія забудется, когда возстановится въ полномъ блескѣ честь многихъ изъ тѣхъ дѣятелей, которые теперь въ пренебреженіи!

Упомянувъ о нынѣшнемъ поколѣніи, не можемъ не остановиться еще на одномъ юношескомъ увлеченіи его. У насъ годность человѣка часто измѣряется только тѣмъ, принадлежитъ ли онъ къ старому, или молодому поколѣнію. Такимъ образомъ для оцѣнки внутренняго существа берется признакъ совершенно внѣшній. Нелѣпое мнѣніе, будто движеніе мысли, свойство убѣждений, сила характера и степень дѣятельности зависятъ отъ возраста, такое мнѣніе не встрѣчается ни въ одномъ вполне просвѣщенномъ обществѣ. Добро бы еще, еслибы людей различали у насъ по тому, принадлежать ли они, по своимъ понятіямъ, къ старому, или новому времени. Тутъ былъ бы смыслъ, но вѣдь и въ старомъ времени были люди почтенныхъ лѣтъ, понимавшіе его темныя стороны и потому встрѣтившіе радостно пробужденіе новаго, и въ новомъ времени довольно есть юношей, которые вмѣстѣ съ молокомъ матери всосали постыдныя наклонности и привычки прошлаго, и если не на словахъ, то на дѣлѣ всегда готовы оправдать мудрые уроки и примѣры своего воспитанія, да конечно, и сами еще будутъ нѣкогда воспитывать своихъ чадъ въ тѣхъ же спасительныхъ предавіяхъ! Однимъ поколѣніемъ не могутъ быть вырваны съ корнемъ вѣковѣчные нравы и обычаи, и если на современномъ намъ молодомъ поколѣніи взоры наши не могутъ не останавливаться съ надеждою и любовію, какъ на поколѣніи, въ которомъ мы видимъ возможность осуществленія многихъ изъ лучшихъ нашихъ упованій, то мы не можемъ забыть и того, что не въ этомъ одномъ поколѣніи заключается все умственное богатство націи, что перевѣсъ благоразумія, опытности, зрѣлости, находится на сторонѣ людей, болѣе или менѣе перешедшихъ за черту молодости. Названіе «человѣка почтенныхъ лѣтъ» сдѣлалось у насъ, въ устахъ многихъ, бранью, синонимомъ человѣка отсталаго, ни къ чему негоднаго. Не гораздо ли оправданнѣе считать такимъ всякаго, кто лѣнью, безпечностію, легкомысліемъ отстаетъ отъ быстрыхъ шаговъ вѣка, кто не понимаетъ, что одна изъ первыхъ потребностей сложной современной жизни есть ученіе и знаніе, кто вмѣсто употребленія времени на духовное свое развитіе тратитъ его на потѣху своего самолюбія, своей самонадѣянности, своей любви къ праздности

и наслажденіямъ, своего самообожанія? Такого человѣка, говорю, справедливѣе было бы называть отсталымъ и ни къ чему негоднымъ, будь онъ самый цвѣтушій юноша, будь онъ даже вѣчно юнъ, какъ сама Геба на Олимпѣ. Много остается нашему молодому поколѣнію сознать, много поработать надъ собой, чтобъ оправдать то обожаніе, которое часто воздается ему въ наше время.

И мы твердо надѣемся на это, несмотря на другое печальное и разительное явленіе, которое въ послѣднее время стало чаще и чаще повторяться въ нашей литературѣ: нѣкоторые наши журналы и газеты начали употреблять также въ видѣ насмѣшки и даже брани слово *ученый*. Но не есть ли это большая ошибка и дурной расчетъ въ такую эпоху, когда уваженіе къ наукѣ болѣе и болѣе распространяется, когда всѣ сознаютъ ея потребность для молодого поколѣнія, когда безпрестанно слышатся жалобы, что у насъ слишкомъ мало ученыхъ, что за недостаткомъ ихъ пустѣютъ университетскія кафедры, и что это обстоятельство даже препятствуетъ полному успѣху нашихъ университетовъ? Было время, когда ненависть къ ученымъ исходила у насъ изъ совершенно-другаго лагеря, это было грустное время, оставившее тяжелые слѣды въ исторіи нашего просвѣщенія и въ нынѣшнемъ, сейчасъ нами указанномъ, состояніи нашихъ университетовъ. Теперь сама литература, которая должна быть охранительницею знанія и просвѣщенія, грозитъ намъ тѣмъ же вандализмомъ!

Въ оправданіе свое намъ скажутъ, что воюютъ только противъ мертвой науки, противъ сухой, бесплодной учености. Если такъ, то зачѣмъ же безусловно употреблять слово ученый въ презрительномъ смыслѣ? Но развѣ и живая наука, то-есть плодотворная, примѣнимая къ жизни, возможна безъ долгихъ, сухихъ наслѣдованій? И не всякое ли изслѣдованіе, не всякій ли ученый трудъ кажется дилеттанту мертвеннымъ и мертвящимъ? Въ жизнь входятъ только окончательные результаты науки, но сама наука должна обхватывать все, и мелкое и крупное; она не можетъ заранѣе съ полною ясностію опредѣлить, что изъ всего этого приведетъ къ плодотворному результату; только медленнымъ шагомъ и всеобъемлющимъ, часто мелочнымъ, трудомъ она доходитъ до свѣта живой истины.

Конечно, нѣтъ такого нелѣпаго мнѣнія, которое бы не нашло своихъ приверженцевъ; но къ счастью, такіа благородныя поползновенія нашей журналистики уже не могутъ возбуждать общаго сочувствія въ публикѣ.

Вообще лучшая часть нашего общества часто совершенно расходится со взглядами нѣкоторыхъ органовъ нашей периодической литературы. Можетъ-быть, масса нашихъ читателей еще

читается и руководится журнальными мнѣніями, хотя ужъ и въ этой массѣ нѣтъ прежняго безусловнаго уваженія къ печатному слову. Но справедливо и то, что наше общественное мнѣніе, то-есть итогъ сужденій мыслящихъ круговъ, образуется независимо отъ журналовъ и по большей части не согласно съ ними. Взгляды и приговоры общества гораздо болѣе здравы и вѣрны нежели многіе журнальные отзывы. Тѣмъ значительнѣе разница между этими послѣдними и сужденіями здравомыслящихъ литераторовъ. Замѣчательно только, что рѣдко кто изъ этихъ литераторовъ рѣшается искренно высказывать свои мнѣнія въ печати. Причины того понятны. Съ одной стороны они боятся утратить популярность въ одной или нѣсколькихъ, довольно многочисленныхъ журнальныхъ партіяхъ, а популярность есть идолъ весьма многихъ въ такое время, когда массы начинаютъ пріобрѣтать вѣсъ и значеніе; съ другой стороны, нѣкоторые ужъ слишкомъ заботливо охраняютъ свое дорогое имячко отъ всякаго, даже и несправедливаго нападенія или упрека. Такимъ образомъ люди, ясно понимающіе дѣло, уклоняясь отъ полемики, не выражаютъ своихъ мыслей о томъ, что почти ежедневно видятъ въ литературѣ, и ложные взгляды развиваются на свободѣ.

Утѣшимся тѣмъ, что одна истина носить въ себѣ неодолимую силу живучести, и что во всякомъ человѣческомъ обществѣ она, посреди всѣхъ заблужденій, пролагаетъ себѣ путь хоть медленно, но твердо. Несмотря на частыя ея колебанія, несмотря на извилины, по которымъ общество подвигается впередъ, крѣпки еще и теперь, и всегда будутъ крѣпки вѣковыя основы его уваженія къ правдѣ и любовь къ добру, а противящіяся имъ похожи на тѣхъ безумцевъ, которые хотятъ забросать небо камнями, но сами поражаются ими.

Я. Гротъ.

Сочиненія И. С. Тургенева, исправленные и дополненные. Изданіе Н. А. Основскаго. Москва, въ тип. В. И. Рышкова. 1860, in-8. Томъ I, стр. 338. Томъ IV, стр. 456.

Въ современной русской литературѣ нѣтъ имени, которое пользовалось бы такимъ почетомъ, какъ имя г. Тургенева. У него нѣтъ партій, и самъ онъ не принадлежитъ исключительно ни къ какой партіи. Его партія—вся образованная, вся читающая и пишущая Россія. Достаточно его подписи подъ самою коротенькою статьей, чтобъ общій интересъ былъ возбужденъ, чтобъ она

вызвала разговоры, сужденія, въ которыхъ, если не всегда высказывается согласіе съ мнѣніемъ автора или безусловная похвала написанному имъ, все-таки выражается дань уваженія къ его таланту, все-таки признается его право на понужденіе самой дѣливой мысли проникнуть въ новое произведеніе, прослѣдить то, что въ немъ хотѣлъ сказать любимѣйшій изъ нашихъ современныхъ писателей. Имя г. Тургенева безъ преувеличенія можно назвать какимъ-то литературнымъ талисманомъ. Мы не нарушимъ никакихъ литературныхъ тайнъ, если скажемъ, что оно не только употребляется какъ приманка для читателей и подписчиковъ, но и служитъ лучшимъ залогомъ успѣха всякаго литературнаго предпріятія, публичнаго чтенія и т. п.; что симпатія и довѣренность къ нему таковы, что на судъ г. Тургенева полагаются лучшіе и извѣстнѣйшіе писатели, а всѣ новички дебютанты идутъ прямо къ нему за совѣтомъ и поддержкой, въ которыхъ никогда не встрѣчаютъ отказа, если облачаютъ какое-либо дарованіе. Последнее часто должно быть тяжкою обузой: сколько разъ приходится судѣ терять время и входить въ непріятныя даже объясненія! Но не вознаграждается ли это мыслию о приобрѣтеніи такого общаго сочувствія, сознаниемъ, что оно завоювано первокласснымъ талантомъ, служащимъ много дѣтъ честную службу литературѣ и истинному просвѣщенію?

Намъ кажется, что завидная роль, которая такъ законно выпала на долю г. Тургенева въ нашей литературѣ, основана не только на неотъемлемо-высокой степени его таланта, но еще болѣе на самомъ его качествѣ. Въ этомъ талантѣ столько искренности, столько гуманности, такое отсутствіе всякихъ сдѣлокъ, противныхъ хоть сколько-нибудь его натурѣ, что, читая произведенія г. Тургенева, чувствуешь въ умѣ и на сердцѣ ту полную гармонию впечатлѣній, которой не испытываешь при чтеніи многихъ даровитыхъ писателей, грѣшащихъ хоть сколько-нибудь и хотя иногда отсутствіемъ этихъ драгоценныхъ достоинствъ. Писатель и человекъ такъ удивительно сливаются въ г. Тургеневѣ! Отъ этого сліянія самъ онъ не можетъ безнаказанно отказаться. Онъ способенъ въ высшей степени къ этому рѣдкому сочетанію, и тамъ, гдѣ онъ не измѣняетъ такому прекрасному призванію, тамъ долженъ онъ ожидать наибольшаго успѣха. Онъ смѣло можетъ предаться вдохновенію своего генія, не избирая темы, не сочиняя на предвзятую мысль, которая можетъ только повредить цѣльности того, что напишетъ его увлекательное перо. За примѣромъ того, какъ малѣйшее отклоненіе отъ природы его таланта заставляетъ г. Тургенева становиться ниже того, чего отъ него можно ожидать, ходить недалеко. Пусть самъ онъ сравнитъ впечатлѣніе, произведенное

въ 1859 году *Дворянскимъ Гильдомъ* съ тѣмъ, которое сдѣлалъ въ прошломъ году романъ его *Наканунъ*, несмотря на всѣ его достоинства. Мы увѣрены, что авторъ самъ сознаетъ значительную разницу, отдѣляющую другъ отъ друга эти два произведенія.

Г. Тургеневъ началъ свое литературное поприще стихами и повѣстями, которыя были не лучше и не хуже того, что тогда требовалось отъ журнальныхъ стиховъ и повѣстей. Громкая извѣстность его началась въ 1847 году, когда стали являться въ *Современникѣ* его *Записки Охотника*. Тутъ талантъ его возмужалъ, попалъ на прямую дорогу и выработался въ тѣхъ привлекательныхъ особенностяхъ, о которыхъ мы говорили выше. *Записки Охотника* — произведеніе, которое, при всей своей безыскусственности и кажущейся легкости, составляетъ одинъ изъ самыхъ прочныхъ памятниковъ нашей литературы. Достоинства его, какъ печаль Пушкина, сравненная имъ съ виномъ, «чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй». Теперь это доказать легко, благодаря почти пятнадцатилѣтнему опыту и совершенно переимѣнившимся обстоятельствамъ. При появленіи *Записокъ Охотника* можно было не совсѣмъ довѣрять себѣ въ мнѣніи о безотносительномъ ихъ достоинствѣ и подозрѣвать, что мнѣніе это невольнo закуплено въ ихъ пользу гуманною тенденціей, такъ искренно и можно сказать невольнo высказывавшеюся въ этихъ разказахъ, которые тогда казались слишкомъ смѣлыми и возбудили такое множество нареканій при выходѣ ихъ отдѣльною книгой въ 1852 году. Но съ тѣхъ поръ утекло много воды. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ *листъ перевернулся*. *Записки Охотника* въ этомъ отношеніи далеко обогнаны разными произведеніями второй и даже третьей руки, послѣ которыхъ то, что казалось смѣлостью въ 1852 году, теперь стало общими мѣстами, всѣми признанными и не стѣсанными повтореніями. Цѣлые разряды людей, вызывавшихъ тогда гоненія на благородную господствующую тенденцію автора, не только измѣнились, но отчасти ударились въ противоположную крайность. Они не только принялись отыскивать и выставять тщательно все, что можетъ служить къ оправданію этихъ тенденцій, и что совершенно справедливо, но стали приводить съ торжествомъ въ подкрѣпленіе ихъ факты, происходящіе отъ совершенно-постороннихъ причинъ, примѣры, которые могутъ случиться вездѣ, что уже не очень добросовѣстно. Кричать, негодовать, обличать въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ бы по данному сигналу, очень легко. Въ короткое время мы успѣли уже присмотрѣться къ поучительному маскараду и выучились узнавать старыхъ знакомыхъ подъ новыми костюмами, и тѣхъ, которые надѣли новые, и тѣхъ, которые сняли прежніе, и очутились въ скрытыхъ когда-то тщательно подъ другими переодѣваніями. Мы прислушались къ хору тѣхъ,

которые такъ легко рѣшаютъ самые многосложные вопросы, упрощая ихъ подведеніемъ всѣхъ подъ одинъ, и преважно повторяютъ передѣланный по своему насмѣшливый припѣвъ Беражане о причинахъ событій 1789 года: «C'est la faute de Rousseau, c'est la faute de Voltaire.» Мы привыкли къ безконечнымъ возгласамъ дешевой лже-филантропіи, о которой недавно было упомянуто въ одной академической рѣчи. Послѣ всего этого *Записки Охотника* потеряли прелесть запрещеннаго плода: вкусъ нашъ, приученный къ болѣе-крѣпкимъ яствамъ, притупился. Надо, чтобы то, что подаютъ намъ безъ возбуждающихъ приправъ, было отменно тонко и превосходно, чтобы мы продолжали цѣнить по достоинству восхищавшее насъ за много лѣтъ тому назадъ. И *Записки Охотника* выдержали этотъ искусь съ полною честію; перепечатанныя въ 1858 году, онѣ имѣли тотъ же успѣхъ, а теперь выходятъ еще новымъ изданіемъ въ собраніи сочиненій г. Тургенева. Тутъ успѣхъ ихъ основанъ уже именно на высокомъ ихъ художественномъ достоинствѣ, въ которомъ слились и великое дарованіе поэта, и глубина наблюдателя и мыслителя, не ищущая доказывать то или другое положеніе, но создающая дружно съ поэтическими представленіями живыхъ, плѣнительныя картины дѣйствительности, говорящая сами собою и за себя. Попробуйте сдѣлать такой опытъ съ нѣкоторыми другими, даже весьма замѣчательными произведеніями литературы, напримѣръ хоть съ *Губернскими Очерками* г. Щедрина, которые стали появляться не далѣе какъ за пять лѣтъ, и вы увидите, выдержатъ ли они подобнаго рода испытаніе. Да, *Записки Охотника* одинъ изъ чистѣйшихъ перловъ русской поэзіи, одно изъ капитальнѣйшихъ твореній нашей литературы.

Въ новомъ изданіи сочиненій г. Тургенева, *Записки Охотника*, печатающіяся въ четвертый разъ (считая появленіе ихъ въ *Современникѣ*), составляютъ первый томъ. Къ нимъ присоединены: *О соловьяхъ*, статья, напечатанная первоначально въ 1855 году въ *Разказахъ и воспоминаніяхъ охотника* С. Т. Аксакова, и *Польска въ Шольсье*, помѣщенная въ *Библиотекѣ для Чтенія* 1859 года.

Вмѣстѣ съ первымъ томомъ вышелъ четвертый, въ которомъ находятся три большіе романа г. Тургенева: *Рудинъ*, *Дворянское Гильдо* и *Наканунъ*. *Рудинъ* появился въ *Современникѣ* 1856 года и въ томъ же году былъ перепечатанъ въ *Повѣстяхъ и разказахъ* И. С. Тургенева, изданныхъ П. В. Анненковымъ. *Дворянское Гильдо* украсило собою первый номеръ *Современника* за 1859 годъ и въ томъ же году вышло отдѣльною книгой, изданною Н. А. Основскимъ. Теперь этотъ романъ напечатанъ въ *третій разъ* въ теченіи *двухъ лѣтъ*; примѣръ рѣдкій у насъ, успѣхъ самый

блестящій и вполне заслуженный, потому что *Дворянское Гнѣздо chef d'oeuvre* автора. Романъ *Наканунъ* былъ помѣщенъ въ первомъ номерѣ *Русскаго Вѣстника* прошедшаго года и до этихъ поръ перепечатанъ еще не былъ.

Третій томъ выйдетъ на дняхъ и будетъ заключать въ себѣ повѣсти, появлявшіяся въ журналахъ и вошедшія въ изданіе 1856 года: *Дневникъ лжикаго челоуька*, *Два пріятеля*, *Переписка*, *Яковъ Пасынковъ*, *Фаустъ*; кромѣ того туда войдутъ не перепечатанная еще ни разу повѣсти: *Ася* изъ *Современника* 1858 года и *Первая любовь*, помѣщенная въ прошедшемъ году въ *Библиотекъ для Чтенія*.

Мы не знаемъ въ точности содержанія втораго тома, который также готовится къ выходу въ свѣтъ. Разумѣется, что мы найдемъ въ немъ остальные прекрасныя повѣсти г. Тургенева, помѣщенные въ изданіи 1856 года: *Муму*, *Постолый дворъ*, *Затишье*, и *Разговоръ на большой дорогѣ*. Но мы не знаемъ, будутъ ли перепечатаны изъ этого изданія первая, слабѣйшія произведенія г. Тургенева: *Андрей Колосовъ*, *Бреттеръ*, *Три портрета*, *Жидъ*, *Плутушковъ* и *Три встрѣчи*. Можетъ-быть мѣсто ихъ займутъ нѣкоторыя изъ статей смѣшаннаго содержанія, написанныя въ разное время г. Тургеневымъ, или драматическія его произведенія.

Намъ кажется, что и то и другое стоило бы быть собраннымъ. Не вдаваясь въ подробности, мы укажемъ, напримѣръ, на рецензію г. Тургенева на стихотворенія Ф. И. Тютчева въ *Современникѣ* 1854 года, на *Воспоминанія о Бѣлинскомъ* въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1859, на *Гамлета* и *Донъ-Кихота*, и пр. Статьи эти и нѣкоторыя другія сѣгати и письма, по разнымъ отношеніямъ, не должны оставаться похороненными въ старыхъ номерахъ журналовъ и газетъ.

Мы не охотники до драматическихъ опытовъ г. Тургенева, за исключеніемъ *Завтрака у предводителя*, который не болѣе какъ разказъ въ драматической формѣ. Остальные его комедіи и драмы: *Гдѣ тонко, тамъ и рвется*, *Провинціалка*, *Холостякъ*, *Нахльбникъ*, все это очень длинно и скучно на сценѣ. Мы предпочитаемъ комедію его *Мысляцъ въ деревнѣ*, не игранныю на театрѣ. Но это мнѣніе только относительное: мы считаемъ, что Тургеневъ-драматургъ совершенно блѣднѣетъ передъ Тургеневымъ-повѣствователемъ. Это, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ тому, что въ его комедіяхъ разсыпано много чертъ тонкихъ и занимательныхъ, и что литературное достоинство ихъ неотъемлемо. Притомъ же мы такъ бѣдны театральными піесами, что произведеніями г. Тургенева нельзя не дорожить; есть не мало людей, которымъ они очень нравятся; и мы увѣрены, что Те-

амръ г. Тургенева будетъ для нихъ истиннымъ подаркомъ, а потому и желаемъ, чтобъ онъ былъ собранъ и изданъ.

Итакъ, не говоря уже о переводѣ *Украинскихъ разказовъ* Маркі Вовчка, напечатанномъ г. Тургеневымъ въ 1859 году, о поэмкахъ и другихъ стихотворныхъ, иногда впрочемъ граціозныхъ грѣхахъ его юности, которые, вѣроятно, не будутъ перепечатаны теперь, на долю второго тома нынѣшняго изданія выпадаетъ все-таки слишкомъ много, чтобы все могло въ немъ помѣститься, даже если полагать, что первыя слабѣйшія повѣсти 1844.—1850 годовъ будутъ исключены. Признаемся, мы желали бы, чтобъ онѣ были сохранены, какъ свидѣтельства первоначальнаго развитія автора на томъ поприщѣ, гдѣ у него уже давно нѣтъ соперниковъ. Затѣмъ театръ и смѣхъ должны непремѣнно, по нашему мнѣнію, составить пятый, дополнительный томъ собранія сочиненій г. Тургенева, если издатель и авторъ хотя сколько-нибудь хотятъ удовлетворить законнымъ желаніямъ публики.

Новое изданіе *Сочиненій И. С. Тургенева* далеко отстало по изяществу отъ роскошнаго изданія его *Повѣстей и разказовъ*, напечатаннаго въ 1856 году. Оно очень опрятно, но не болѣе. Бумага порядочная, шрифтъ убористый, но не очень пріятный для чтенія. За то текстъ исправенъ; цѣна чрезвычайно дешавая, что, разумѣется, и составляетъ причину того, что изданіе далеко не роскошно. Жаль также, что въ немъ нѣтъ никакихъ бібліографическихъ и т. п. указаній и примѣчаній. Блестящее литературное поприще г. Тургенева принадлежитъ исторіи литературы, и такія приложенія къ его сочиненіямъ необходимы уже въ наше время. Какъ бы то ни было, будемъ благодарны и за то, что сдѣлано. Теперь по крайней мѣрѣ всякому доступны эти прекрасныя произведенія благороднѣйшаго изъ современныхъ талантовъ, творенія, въ которыхъ все дышетъ обаятельною прелестью поэзіи, неразлучною съ возвышенными стремленіями чувствъ и помысловъ.

М. Лонгиновъ.

Москва
19 января 1861.

Стихотворенія Надежды Тепловой (Терюхиной). Третье изданіе (дополненное). Москва, въ тип. Каткова и комп. 1860. in-18; стр. IV и 134.

Вотъ книжка, о выходѣ которой было какъ-то вскользь опубликовано мѣсяца два или болѣе тому назадъ, но долгое время не находившаяся въ продажѣ въ книжныхъ лавкахъ, что, кажется, продолжается и до сихъ поръ. Мы получили экземпляръ ея можно сказать случайно и хотимъ обратить на нее вниманіе публики или по крайней мѣрѣ тѣхъ читателей, которые не остаются равнодушными ни къ чему, что носить на себѣ отпечатокъ таланта, слѣдъ мысли, признакъ поэтическаго призванія.

Имя Тепловой когда-то пользовалось хотя не громкою, но почетною извѣстностію въ поэтической плеядѣ временъ Пушкина. Судьбой ея живо интересовались въ лучшихъ литературныхъ кругахъ. Талантъ поэта и личность женщины были одинаково замѣчательны въ Тепловой. Теперь имя ея забыто, и при нынѣшней наклонности къ литературнымъ реставраціямъ, кстади будетъ напомнить о стихотвореніяхъ и жизни Тепловой.

Надежда Теплова родилась въ Москвѣ 19 марта 1814 года. Она была, если не ошибаемся, дочь здѣшняго мѣщанина. Дѣтство ея прошло среди грустной обстановки; бѣдность удручала ея семейство; грубые нравы, окружавшіе ее, казалось, должны были подавить въ ребенкѣ всякое стремленіе къ міру идеальному, даже всякую наклонность входить въ себя и предаваться размышленіямъ и чувствамъ, выходящимъ изъ разряда обыденныхъ помысловъ о насущныхъ жизненныхъ потребностяхъ. Странное дѣло! Утѣшительное явленіе! Въ этой гнетущей средѣ успѣли уцѣлѣть и даже развиться двѣ чистыя поэтическія натуры, сестры по крови и по духу, связанныя узами неразрывной дружбы, составлявшей ихъ лучшее утѣшеніе—Надежда Теплова и сестра ея Серафима, также писательница.

Надежда Теплова писала стихи уже на тринадцатомъ году отъ роду. Талантъ ея былъ открытъ М. А. Максимовичемъ, поэтомъ въ душѣ, какимъ является онъ и въ историческихъ размыканіяхъ, и въ филологическихъ изслѣдованіяхъ, и въ разсужденіяхъ по естествознанію, и въ описаніяхъ древностей и природы его любезной Малороссіи, словомъ во всемъ, что вышло изъ-подъ его увлекательнаго и плодовитаго пера. Онъ напечаталъ первое стихотвореніе Тепловой: *Къ родной сторонѣ* (стр. 75), въ *Московскомъ Телеграфѣ* (1827, № 12, отд. 2, стр. 136.). Съ тѣхъ поръ онъ

сдѣлался покровителемъ сестеръ Тепловыхъ, поддерживалъ ихъ во всѣхъ печальныхъ случайностяхъ ихъ жизни и всячески старался быть имъ полезнымъ.

Съ именемъ Тепловыхъ связано происшествіе, когда-то надѣлавшее много шума. Къ новому 1830 году М. А. Максимовичъ издалъ альманахъ *Демница*. Тамъ были помѣщены стихотворенія обѣихъ сестеръ и между прочимъ (на стр. 121) напечатана была слѣдующая піеса Серафимы:

Къ ***

-Слезамъ горькими, тоскою
Твоя гибель почтена.
О вѣрь, о вѣрь, что надъ тобою
Стоишь скорби слышала волна!
О вѣрь, что надъ тобой почило
Прощенье, миръ, а не укоръ,
Что не страшна твоя могила
И не постыденъ твой позоръ!»

Неизвѣстно почему, въ этой невинной піесѣ заподозрили какой-то таинственный и преступный смыслъ. О. М. Сомовъ написалъ о томъ Дельвигу, бывшему тогда въ Москвѣ. Дельвигъ извѣстилъ объ этомъ М. А. Максимовича, который и объяснилъ, что стихи написаны къ утопленнику и не заключаютъ въ себѣ никакого особеннаго умысла. Такой же отзывъ доставленъ былъ издателемъ *Демницы* отъ автора стиховъ.....

Серафима Теплова не долго продолжала свое литературное поприще. Но имя сестры ея, которой стихотворенія теперь напечатаны, постоянно являлось въ журналахъ и альманахахъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ. Стихотворенія ея были собраны въ особую книжку (М. 1833) и потомъ вышли новымъ изданіемъ (М. 1837).

Надежда Теплова въ послѣдствіи была замужемъ за г. Терюхинымъ и умерла въ Звенигородѣ 16 іюня 1848 года. Нынѣшнее, третье изданіе ея стихотвореній, сдѣлано тою же заботливою рукой, которая поддержала первые ея опыты и содѣйствовала развитію ея дарованія. М. А. Максимовичъ собралъ піесы Тепловой, въ числѣ 81, и напечаталъ ихъ въ красивой книжкѣ, по поводу которой написана эта статья.

Если живое чувство, отъ котораго вѣетъ искренностью, исключаящею всякую тѣнь подозрѣнія въ искусственности и желаніи рисоваться, если мысли, внушенныя свѣтлымъ религіознымъ настроеніемъ, смягчающимъ грустное воззрѣніе на жизнь, отравленную горькими опытами, если стихи, оживленные неуловимую поэтическою струей, привлекаютъ васъ, то прочтите книжку стихотвореній Тепловой, и вы не будете сожалѣть о времени,

которое вы имъ удѣлите. Вѣроятно, вы еще возвратитесь къ нѣкоторымъ изъ этихъ свѣжихъ цвѣтовъ безыскусственного, скромнаго, но женственнаго и истиннаго вдохновенія. Размеры краткой библиографической статьи не позволяютъ намъ дѣлать много выписокъ. Мы ограничиваемся тѣмъ, что приведемъ наудачу хоть небольшую піесу *Весна* (47 стр.)

Придетъ весна—и садъ мой зацвѣтетъ;
Тамъ буду пить я воздухъ благовонный,
И въ тишинѣ, мечтанью благосклонной,
Ко мнѣ поэзія сойдетъ.

Придетъ весна—и птицъ залетныхъ пѣнье,
Жужжанье пчелъ и шумъ младыхъ деревьевъ,
Все на душу навѣетъ мнѣ волненье,
Все населить страну чудесъ.

Придетъ весна—черемухи дыханье,
И теплый дождь, и нѣжная свирень
Вновь разольютъ на жизнь очарованье,
Я буду счастлива хоть день!

Мы должны сказать, что стихотворенія Теплової очень часто не выдержаны. Но этотъ недостатокъ съ излішкомъ выкупается достоинствами, о которыхъ мы говорили выше, безпрестанно обличающими истинное поэтическое призваніе. Нѣкоторыя піесы, какъ напр. *Жажда молитвы* (стр. 64), *Звѣзда* (стр. 66), *Утѣреніе* (стр. 90) и многія другія могутъ даже быть названы безусловно прекрасными.

Отъ души желаемъ, чтобы наше указаніе на недавно-напечатанную книжку этихъ стихотвореній побѣдило равнодушіе, съ которымъ встрѣчено ея появленіе въ свѣтъ. Во всякомъ случаѣ, говоря о ней, мы только исполнили свой долгъ: мы дорожимъ каждымъ явленіемъ, приносящимъ хоть малую лепту въ общую сокровищницу чистой поэзіи, мы говоримъ съ любовью о каждомъ имени, какъ бы скромно оно ни было, если носившій его питалъ въ душѣ свое призваніе, не зарылъ въ землю и малаго таланта, и тѣмъ болѣе поминаемъ добромъ поэтическое поприще Теплової, достойное памяти всѣхъ друзей литературы.

М. Лонгиновъ.

Москва.

15 января 1861.

ГУБЕРНСКІЯ ПАМЯТНЫЯ КНИЖКИ ВЪ 1860 ГОДУ.

Въ 1859 году министерство внутреннихъ дѣлъ предложило начальникамъ губерній озаботиться объ изданіи ежегодно, или по крайней мѣрѣ черезъ каждые два или три года, губернскихъ памятныхъ книжекъ, съ цѣлью распространенія точныхъ статистическихкихъ, административныхъ, хозяйственныхъ и другихъ свѣдѣній о губерніяхъ. Но изданіе этихъ книжекъ соединялось до сихъ поръ съ значительными цензурными затрудненіями: надлежало непременно отсылать рукописи въ столицу на разсмотрѣніе тамошнихъ цензурныхъ комитетовъ. Для устраненія этихъ затрудненій, признано возможнымъ, по соглашенію министерства съ главнымъ управленіемъ цензуры, возложить цензурованіе памятныхъ книжекъ на училищныхъ чиновниковъ, цензующихъ неофициальную часть губернскихъ вѣдомостей, если въ городѣ нѣтъ цензурнаго комитета или отдѣльнаго цензора. При всемъ томъ остается въ силѣ прежнее правило о томъ, что программы книжекъ должны быть предварительно представляемы на разсмотрѣніе министерства и что памятные книжки не должны заключать въ себѣ ничего кромѣ того, что утверждено въ программахъ.

Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе предложенія со стороны министерства, число памятныхъ книжекъ, изданныхъ въ 1860 году, значительно умножилось противъ прежнихъ годовъ. Многія изъ этихъ книжекъ заслуживаютъ вниманія, какъ собраніе матеріаловъ для исторіи и статистики края. Въ минувшемъ году вышло всего 18 книжекъ, кромѣ новороссійскаго и кавказскаго календарей, появляющихся ежегодно уже съ давняго времени. Нѣкоторыя изъ этихъ книжекъ появились только въ первый разъ (симбирская, тобольская, орловская, вятская, херсонская, гродненская, минская, курская, рязанская, курляндская и екатеринославская); остальные—смоленская, псковская, олонецкая, вологодская, архангельская, виленская и новгородская появляются уже не въ первый разъ. Вотъ перечень статей, помѣщенныхъ въ тѣхъ книжкахъ, которыя, кромѣ адресъ-календарей и статистическихкихъ свѣдѣній и таблицъ, содержатъ въ себѣ отдѣлъ литературный. Первое мѣсто по достоинству и разнообразію статей и по тщательности редакціи принадлежитъ виленской и вятско книжкамъ. Въ *виленской* помѣщены: историческія воспоминанія о рѣкѣ Нѣманѣ, Кукольника, статья о пребываніи Петра Великаго въ Вильно и Лидскомъ уѣз-

дѣ, Шрейеръ Бирштанскія минеральныя воды, Красовскаго, кредитныя и благотворительныя учрежденія Виленской губ., Молоховца, трезвость въ Виленской губерніи, и Виленскія воспоминанія съ 1854 года; самая замѣчательная статья этой книжки: О Евреяхъ Виленской губерніи, принадлежитъ редактору ея, г. Кореву. Въ *вѣнской* книжкѣ находимъ статьи о древнихъ памятникахъ Вятской губерніи, объ основаніи города Колымска, объ исторіи города Котельничча и о Вотяхкахъ и Черемисахъ. Въ *олонецкой*: о путешествіи Государя Императора по губерніи, въ 1858 году, анекдотическія воспоминанія объ олонецкой старинѣ, о казенныхъ и общественныхъ постройкахъ въ губерніи,—историческій, географическій и статистическій очеркъ олонецкихъ заводовъ и краткая біографія Москвина, извѣстнаго по знаніямъ и опытности и мѣстнаго желѣзнаго заводчика, скончавшагося въ прошломъ году. Въ *архангельской*: Историческое обозрѣніе губерніи, ст. Якиша; законы Петра Великаго о торговыхъ судахъ арханг. порта, ст. Минейки; о водномъ пути къ Архангельску по сѣверо-двинскому бассейну, Василевскаго, Сійскій монастырь, изъ записокъ Михайлова,—статьи о кафедральномъ соборѣ въ Архангельскѣ и о почтовыхъ путяхъ Архангельской губерніи. Въ *псковской*: статьи г. Миротворцева, о Псково-Печерскомъ монастырѣ, о Спасо-Елеазаровскомъ монастырѣ и объ Эстахъ или полувѣрцахъ Псковской губерніи. Въ *смоленской*: Смоленскій дѣвичій монастырь и Аркадіевскій Вяземскій монастырь—статьи г. Макаревскаго; очеркъ бѣльскаго мѣстности, г. Ельчанинова, историко-статистическое описаніе Дорогобужа съ уѣздомъ, Никифорова и Невѣровича, и статистическія изслѣдованія о народонаселеніи Смоленской губерніи, генеральнаго штаба штабсъ-капитана Цебрикова. Въ *вологодской*: очеркъ населенныхъ мѣстностей Вологодской губерніи, Суворова; историческія воспоминанія XVII столѣтія, Латышова, и матеріалы для исторіи вологодской дирекціи училищъ. Въ *гродненской* двѣ большія статьи капитана генеральнаго штаба Бобровскаго: законы движенія народонаселенія Гродненской губерніи въ 15-лѣтній періодъ и историко-статистическій очеркъ г. Гродно. Въ *курской*: географическій очеркъ губерніи; историческое обозрѣніе; древности г. Курска; исторія курскаго Знаменскаго монастыря и Молчанской пустыни; жизнеописаніе епископа бѣлгородскаго Іоасафа Горника, умершаго въ 1754 году; статьи о владѣніяхъ гетмана Мазепы, о Коренной ярмаркѣ и объ окрестностяхъ города Курска.

Изъ этого краткаго перечня можно видѣть, что губернскія памятнаго книжки любопытны во многихъ отношеніяхъ для того, кто интересуется исторіей и статистикой Россіи. Къ сожалѣнію, книжки эти покуда доступнымъ весьма немногимъ. О выходѣ ихъ

въ свѣтъ можно узнать только изъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, да изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ съ 1859 года *Журналомъ министерства внутреннихъ дѣлъ*. Приобрѣтеніе этихъ книжекъ сопряжено съ большими затрудненіями: въ Петербургѣ есть еще возможность ознакомиться съ ними въ публичной библіотекѣ, но въ Москвѣ книжки эти едва ли кому попадаютъ. Ихъ не присылаютъ для продажи въ столичные книжныя лавки, такъ что желающій долженъ выписывать ихъ чрезъ частныхъ корреспондентовъ. Продажа книжекъ производится только въ мѣстныхъ губернскихъ правленіяхъ, и цѣна имъ назначена очень высокая, отъ 1 р. 50 к. до 2 рублей серебромъ.

КАРТА САМАРСКОЙ ГУБЕРНІИ, СОСТАВЛЕННАЯ ГУБЕРНСКИМЪ ЗЕМЛЕМѢРОМЪ ШАХЛАРЕВЫМЪ ВЪ 1858 ГОДУ.

Только десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ учреждена Самарская губернія. Она составлена изъ частей трехъ сосѣднихъ губерній, а именно къ ней отошли уѣзды Ставропольскій и большая часть прежняго Самарскаго, отъ Симбирской губерніи, уѣзды Бугульминскій, Бугурусланскій и Бузулукскій отъ Оренбургской, и степная сторона Саратовской губерніи, изъ которой вновь образованы уѣзды Николаевскій и Новоузенскій. На западъ границей губерніи отъ губерній Симбирской и Саратовской принято живое урочище—Волга. Не входя въ разсмотрѣніе того обстоятельства, въ какой степени судоходныя рѣки, такія какъ Волга, раздѣляютъ или соединяютъ интересы берегового населенія, необходимо принимать эту границу какъ фактъ, обуславливающій то, что мѣстности Ставропольскаго уѣзда, лежація противъ Симбирска и Новоузенскаго уѣзда, находяціяся противъ Саратова, принадлежатъ къ Самарской губерніи, точно также и то, что мѣстности, лежація прямо противъ Самары, принадлежатъ къ Симбирской губерніи только потому, что Волга ихъ отдѣляетъ ¹.

По своему положенію на Волгѣ, быстрому увеличенію населенія и его разноплеменности, по разнообразію почвы и климата, мѣстность, заключающаяся въ предѣлахъ нынѣшней Самарской губерніи, заслуживаетъ подробнаго изученія, и потому всякій

¹ Прежде Самарская лука принадлежала къ Самарскому уѣзду, а нынѣ отошла къ Сызранскому Симбирской губерніи.

добросовѣстный трудъ, бросающій свѣтъ на эту до сихъ поръ еще мало извѣстную страну, имѣеть не только мѣстное значеніе, но и научное.

Первый опытъ карты губерніи въ ея настоящемъ составѣ былъ сдѣланъ въ губернской чертежной подъ руководствомъ губернскаго землемѣра Федорова; но эта карта не была издана для публики, а составлена только для правительственныхъ цѣлей. Въ послѣдствіи другой губернской землемѣръ, Шахларевъ, занялся вновь составленіемъ карты Самарской губерніи, по встрѣтившимся ошибкамъ и неполнотѣ прежней карты; онъ рѣшился составить новую, гораздо подробнѣе, и на чертежѣ его карты обозначены не только города, села, раздѣленіе губерніи на уѣзды и станы, почтовые, скотопрогонныя и проселочныя дороги, но и всѣ дачи съ ихъ межами, горы и лѣса. При селеніяхъ особыми знаками отмѣчены становыя квартиры, волостныя правленія, удѣльные приказы, пристани, почтовые станціи. Кромѣ того, города и села обозначены настоящими ихъ планами въ маломъ видѣ, и на почтовыхъ дорогахъ выставлены цифры, означающія число верстъ каждой станціи. Карта эта составлена въ масштабѣ 10 верстъ въ англійскомъ дюймѣ. Всѣ дачи раскрашены въ три цвѣта по вѣдомствамъ, такъ что наглядно представлено расположеніе земель государственныхъ, удѣльныхъ и владѣльческихъ.

Г. Шахларевъ, желая сдѣлать карту доступною для публики, намѣревался сначала напечатать ее, но это оказалось слишкомъ дорого, почему онъ измѣнилъ свое прежнее намѣреніе, не надѣясь, что изданіе окупится, а рѣшился открыть подписку желающимъ и по числу заказовъ сдѣлать фотографическіе снимки карты. Для этого онъ вступилъ въ сношенія съ фотографическимъ заведеніемъ главнаго штаба въ Петербургѣ¹. Кромѣ того, для объясненія карты составлено было краткое описаніе всѣхъ земель губерніи, и предпринято напечатать его въ губернской типографіи. Но исполненіе всего этого было не безъ затрудненій и неудачъ. Такъ печатаніе описанія обошлось дорого, и надобно было сократить его до послѣдней возможности; первый фотографическій снимокъ съ образцоваго чертежа, совсѣмъ раскрашеннаго, оказался слишкомъ мелкимъ, надписи вышли нечетки, а краски темными полосами. Времени было потеряно не мало на то, чтобы составить новый чертежъ крупнѣе прежняго и уже безъ красокъ. Снимки вышли отчетливо, но не всѣ листы одинаково. Каждый экземпляръ карты составляетъ 19 фотографическихъ листовъ; значительное время нужно было употребить на то, чтобы всѣ полученные экземпляры раскрасить, то-есть обозначить на

¹ Пахитова, Водова и Ко.

нихъ рѣки, границы, города, скотопрогонныя дороги, земли по-вѣдомствамъ.

Наконецъ, послѣ многихъ мытарствъ карта готова, кончены хлопоты издателя, поѣздки его изъ Самары въ Петербургъ и обратно, въ концѣ лѣта прошлаго года экземпляры получены, иллюминированы, наклеены на холстъ и розданы подписчикамъ, и вотъ предъ нами плоды усиленныхъ трехлѣтнихъ трудовъ губернской чертежной,—подробная карта Самарской губерніи, карта, какой еще до сихъ поръ не было. Публикѣ нѣтъ никакого дѣла до этой черновой работы составителей карты, до этихъ хлопотъ ея издателя, предъ нею результатъ и дѣло критики произнести свой неумолимый судъ надъ нимъ, опредѣлить, составляетъ ли эта карта возможно полное и рельефное изображеніе данной мѣстности, или это не больше какъ матеріалъ, какъ подготовка для будущей карты Самарской губерніи; опредѣлить, дѣйствительно ли это географическая карта, или только совокупность межевыхъ плановъ дачъ, слѣдовательно спеціальная карта поземельнаго владѣнія. Если мы старались описать затрудненія и хлопоты при изданіи этой карты, то дѣлали это единственно для того, чтобы дать понятіе о томъ, какъ трудно въ провинціи сдѣлать что-нибудь, выходящее изъ обыденной, мелочной жизни, и возвыситься до общихъ интересовъ, и сколько обстоятельствъ охлаждающихъ всякое стремленіе встрѣчается на пути.

Повидимому, г. Шахларевъ имѣлъ въ виду дать этой картѣ всевозможную полноту и многостороннее значеніе; тутъ и гидрографія, и орографія, и пути сообщенія, и усадьбы, и межи, кажется чего тутъ нѣтъ? Но, несмотря на то, больше всего бросаются въ глаза межи, раскинутыя сѣтью по всей картѣ; онѣ выражены особенно рѣзко, а рѣки, горы, лѣса напротивъ сравнительно съ ними означены неясно и уходятъ на второй планъ. По свойству матеріаловъ, имѣющихся въ губернской чертежной, естественно, что карта, составленная землебрами подъ руководствомъ г. Шахларева, должна быть по преимуществу *межевая карта*, гдѣ главную роль должно играть расположеніе осѣлости и поземельнаго владѣнія. Въ этомъ заключается ея практической интересъ. По отчетливому обозначенію селеній и дачъ, по ясному разграниченію уѣздовъ и обозначенію разныхъ правительственныхъ учреждений, она можетъ принести значительную пользу для обыденныхъ мѣстныхъ надобностей правительства и землевладѣльцевъ. Но можетъ ли она служить для общихъ научныхъ цѣлей, для соображеній по какимъ-либо новымъ вопросамъ, напримѣръ, для изысканій по устройству новыхъ дорогъ, для стратегическихъ соображеній и т. п.? Кажется, что нѣтъ; по крайней мѣрѣ она будетъ въ этомъ отношеніи по-

собиемъ весьма незначительнымъ. Обозначить пространство и границы земель еще не значитъ составить географическую карту, это только абрисъ. Выпуклость почвы, ея возвышенности и углубленія, служащія основаніемъ распредѣленія водъ, а слѣдовательно климата и растительности и качества почвы,—вотъ главный элементъ при составленіи географической карты.

На этой картѣ замѣтно желаніе выразить рельефность почвы, и въ подробностяхъ можетъ-быть возвышенности выражены не безъ достаточнаго основанія. Такъ мы видимъ на ней небольшіе холмы, возвышенія, даже овраги, едва замѣтные глазу; но во всемъ этомъ не оказывается системы: почти нѣтъ и признаковъ того, что въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи распространяются отрасли Уральскаго хребта, нѣтъ постепенности въ выраженіи высоты почвы, и нѣтъ этихъ шатрообразныхъ террасъ, возвышающихся одна надъ другою, которая намъ случалось видѣть въ Бугурусланскомъ и Бузулукскомъ уѣздахъ. Возвышенности слегка обозначены, и то не вездѣ, но въ нихъ нѣтъ соразмѣрности, и потому не видится достаточнаго основанія, почему рѣки принимаютъ такое, а не иное направленіе, почему одні рѣки велики, другія малы. Къ довершенію неясности, рѣки на картѣ часто сливаются съ межами, такъ что нѣтъ возможности прослѣдить рѣку отъ начала до конца. Въ южной части губерніи, въ уѣздахъ Николаевскомъ и Новоузенскомъ, составляющихъ въ дѣйствительности непрерывную степь, съ едва-замѣтными плоскими возвышенностями, служащими водораздѣломъ немногихъ рѣкъ, на картѣ обозначены какъ будто горы, даже цѣлые хребты горъ. Здѣсь оказывается неизвѣстнымъ, почему въ этихъ мѣстахъ такъ мало рѣкъ, и гдѣ проходитъ Общій Сыртъ, раздѣляющій бассейнъ р. Иргица отъ бассейна рр. Большаго и Малаго Узеней. Только чрезвычайная извилистость теченія Иргица даетъ намекъ на то, какъ незначителенъ долженъ быть склонъ паденія этой рѣки; безъ этого, судя по картѣ, было бы легко принять эту степь за гористую мѣстность и вообразить тамъ Богъ знаетъ какую Аркадію. Запутанность еще больше увеличивается отъ фотографіи, потому что оттушовка горъ не на всѣхъ листахъ вышла одинаково, на иныхъ темнѣе, а на другихъ слабѣе.

Нельзя оставить безъ вниманія и то, что въ названіяхъ селеній встрѣчаются такіа, которыя звучатъ непривычно; такъ, нѣкоторыя села поименованы офіціальными названіями, неупотребительными въ обыкновенной народной рѣчи; напр. села Успенское, Никольское, Царевокурганское, обыкновенно называются Зубовка, Городокъ, Царевщина, и по всей вѣроятности на картѣ окажется не мало такихъ книжныхъ названій, которыя непонятны даже для жителей тѣхъ самыхъ селъ.

Ко всему этому надобно прибавить, что карта слишкомъ мало доступна по своей цѣнѣ, именно каждый экземпляръ карты стоитъ 25 р. и описанія 12 р. Въ этомъ отношеніи остается только пожалѣть, что подобныя изданія соединены у насъ со столькими хлопотами и стоить такъ дорого. Весьма возможно, что назначеніе такой высокой цѣны изданію обуславливается большими расходами по фотографической съемкѣ и по типографіи; но какъ уже изданіе это значительно окупилось, то полагаемъ, что не безъ выгоды для издателя и съ большою пользою для публики, могла бы быть вновь открыта подписка по значительно-пониженной цѣнѣ.

Высказавъ по своему крайнему разумѣнію свое мнѣніе о достоинствахъ и недостаткахъ карты, мы отнюдь не считаемъ его непогрѣшимымъ, и только льстимъ себя надеждой, что составители карты оцѣнятъ наше безпристрастіе и примутъ во вниманіе замѣчанія мѣстныхъ жителей при новомъ изданіи. Сочтутъ они нужнымъ или нѣтъ исправленіе этого изданія, но дополнить его во всякомъ случаѣ необходимо; при быстрой измѣняемости границъ поземельнаго владѣнія въ Самарской губерніи, уже теперь карта составляетъ анахронизмъ. Такъ на этой картѣ не могли быть обозначены межи земель, пожалованныхъ въ прошломъ году.

А. Самойловъ.

ЗАМѢТКА.

Журналъ Министерства Юстиціи принялъ къ сердцу замѣчанія наши о судебной статистикѣ Россіи¹, и мы можемъ только радоваться тому, что сказанное нами возбудило участіе того вѣдомства, до котораго относится часть судебная, и вызвало со стороны его сообщеніе нѣкоторыхъ свѣдѣній и указаній.

Но *Журналъ Министерства Юстиціи* хочетъ во что бы то ни стало обвинить насъ въ несправедливости, и для этого приписываетъ замѣткамъ нашимъ смыслъ, котораго онѣ не могли имѣть, и уличаетъ насъ въ невниманіи къ такимъ фактамъ, которые не были и не могли быть намъ извѣстны. Статья наша была писана по поводу помѣщеннаго въ *Журналъ Министерства Юстиціи* извлеченія изъ отчета министерства за 1858 годъ: очень естественно, что мы имѣли въ виду только тѣ статистическія данныя, которыя помѣщены въ этомъ извлеченіи, и располагая только этими данными, указывали на безплодіе, непрактичность и не-

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* 1860 г. № 19.

полноту тѣхъ категорій, по которымъ расположены были въ «извлеченіи» единственныя числа, какими можетъ въ настоящую минуту располагать судебная статистика въ Россіи. Официальныя таблицы и вѣдомости, посредствомъ которыхъ судебное вѣдомство въ замкнутомъ кругу своемъ производитъ надзоръ за дѣйствіями мѣстъ и лицъ подчиненныхъ, еще не составляютъ матеріала для науки, если недоступны для общаго свѣдѣнія: мало ли на какія еще графы раздѣляются эти вѣдомости и какими числами могутъ быть наполнены? Покуда эти акты скрываются подъ ключомъ и завѣсою, нѣтъ возможности наукѣ располагать ими и основывать на нихъ свои выводы. Поэтому, не находя въ томъ, что сообщается намъ, средства сдѣлать какіе-либо основательныя практическіе выводы, мы были въ правѣ указать на то, что еще слѣдуетъ намъ знать для того, чтобы наша судебная статистика была не пустою формою, не пустымъ перечнемъ чиселъ, которыя ничего не объясняютъ, или сообщаютъ только отрывочныя свѣдѣнія. Теперь, по мнѣнію *Журнала Министерства Юстиціи*, мы оказываемся виновными въ томъ, что не знали, на какія графы раздѣлены официальныя, никому кромѣ чиновниковъ недоступныя свѣдѣнія. «Авторъ статьи о судебной статистикѣ,—такъ выражается *Журналъ Министерства Юстиціи*,—упомянувъ о печатаніи статистическихъ свѣдѣній по судебной части отдѣльными книгами, говоритъ, что извлеченія изъ нихъ изрѣдка обнародывались для публики. Поэтому удобно полагать, что самыя книги эти были въ рукахъ писавшаго статью въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.» Сознаемся, что логика, на основаніи которой построено это умозаключеніе, повергаетъ насъ въ изумленіе. На подобномъ основаніи можно было бы, напримѣръ, заключить, что человѣкъ, знающій о существованіи луны, какъ отдѣльнаго тѣла, бывалъ на лунѣ, и долженъ знать, что тамъ дѣлается. Въ статьѣ нашей сказано дѣйствительно, что свѣдѣнія о движеніи дѣлъ судебного вѣдомства печатались у насъ особыми книгами;—это мы могли знать наравнѣ со всѣми, кто интересовался движеніемъ дѣлъ по судебному вѣдомству; но слѣдуетъ ли изъ этого, что самыя книги были намъ доступны? Редакціи *Журнала Министерства Юстиціи* должно быть извѣстно ближе чѣмъ кому-либо, что до 1847 года отчеты министерства юстиціи, печатавшіеся большими томами, in-4, разсылались по нѣкоторымъ присутственнымъ мѣстамъ, и что до сихъ поръ въ архивахъ этихъ мѣстъ, и въ нѣкоторыхъ библіотекахъ можно найти эти книги; но рядъ ихъ оканчивается 1847 годомъ. Съ 1848 года разсылка эта, по неизвѣстной причинѣ, прекратилась, и только три раза съ тѣхъ поръ сообщались публикѣ весьма краткія извлеченія изъ отчетовъ. Съ того времени, для всѣхъ, кромѣ спеціального вѣдомства, стало-быть и для насъ, остается непроницаемою тайной,

печатаются ли эти отчеты или нѣтъ, какія свѣдѣнія въ нихъ помѣщаются, на какія графы подраздѣляются вѣдомости, въ прежней ли формѣ онѣ ведутся, или введены для нихъ новыя формы, сложнѣе и разнообразнѣе прежнихъ. Понятно, что мы могли судить только по тому и о томъ, что признано за благо сообщать намъ въ «извлеченіяхъ». Въ интересъ науки, которой важность не отвергаетъ и *Журналъ Министерства Юстиціи*, мы въ правѣ были желать бѣльшаго, и за это желаніе, надѣмся, нельзя еще обвинять насъ въ излишней смѣлости воображенія.

Мы упоминали въ статьѣ своей, что кромѣ общихъ судебныхъ мѣстъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, есть не мало специальныхъ судовъ, состоящихъ въ разныхъ другихъ вѣдомствахъ, и что полезно было бы собирать свѣдѣнія о движеніи, количествѣ и видахъ производящихся въ нихъ дѣлъ. И это не понравилось *Журнала Министерства Юстиціи*. «Эти указанія и предположенія, говоритъ онъ, одинаково ошибочны: книги (отчетныя) прямо показываютъ, что означенныя выше судебныя учрежденія, состоя въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, обязаны были къ той же годовой отчетности какъ и другія судебныя палаты.» «Мы не приводимъ, говорится далѣе, статей Свода Законовъ о подчиненіи этихъ мѣстъ, на общемъ основаніи судебныхъ учрежденій, одному вѣдомству, почитая это излишнимъ.» Не можемъ не пожалѣть, что эта ссыла на статьи показалась излишнею въ настоящемъ случаѣ. Въ нашей статьѣ говорилось не о войсковомъ гражданскомъ судѣ, дѣйствующемъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ гражданскими палатами, но о мѣстныхъ судахъ, о станичныхъ правленіяхъ, производящихъ станичный судъ (474 ст. Уст. благ. въ казач. сел.), о цеховомъ разрядѣ и правленіи Тульскаго оружейнаго завода (Св. воен. постановл., кн. IV, разд. I), о судахъ горнозаводскаго вѣдомства, о сословныхъ крестьянскихъ судахъ, судоходныхъ расправахъ, цеховыхъ управахъ, и пр. Мы не знали,—и это нисколько не удивительно,—что по отчетнымъ книгамъ всѣ эти суды показываются въ вѣдомствѣ министерства юстиціи,—и въ этомъ отношеніи замѣтка *Журнала Министерства Юстиціи* открываетъ намъ новость столь неожиданную, что указаніе на статьи закона, которыми всѣ эти разнообразныя учрежденія, подчиненныя специальнымъ властямъ, соединяются въ одномъ вѣдомствѣ, едва ли было бы излишне.

Наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ статьи своей мы указывали на нѣкоторыя противорѣчія, которыя встрѣчаются не рѣдко между тѣмъ, что показывается въ графахъ и цифрахъ, и тѣмъ, что есть на самомъ дѣлѣ. На это возражаютъ намъ... авторитетомъ графы и цифры. Счастливы, кто безусловно вѣруеть въ этотъ авторитетъ,—до поры до времени.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ

О судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ. <i>П. М. Леонтьева.</i>	5
Разказы изъ русской исторіи XVIII столѣтія. <i>С. М. Соловьева.</i>	93
Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета <i>М. И. Сухомлинова.</i>	128
Чужое имя, романъ въ 3-хъ частяхъ, часть первая. <i>Н. Д. Ахшарумова.</i>	166
Робертъ Шуманъ. <i>Н. Ф. Христіановича.</i>	308
Лихой человекъ, разказъ. <i>Марко Вовчка.</i>	361
Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца. <i>М. Н. Лоннинова.</i>	429
Мотивы изъ народной поэзіи нынѣшнихъ Грековъ. <i>А. Н. Майкова.</i>	463
Нѣсколько словъ вмѣсто <i>Современной Лѣтописи.</i>	478

ФЕВРАЛЬ.

Ядвига и Ягелло. <i>П. К. Щебальскаго.</i>	485
Оксфордскій университетъ. <i>М. М. Вольскаго.</i>	544
Робертъ Шуманъ. (Окончаніе). <i>Н. Ф. Христіановича.</i>	598
Чужое имя. Романъ въ 3-хъ частяхъ, часть вторая, главы I, II, III. <i>Н. Д. Ахшарумова.</i>	637
Нѣсколько словъ объ уголовныхъ слѣдствіяхъ. <i>Н. П. Полозова.</i>	715
Переходное время. I. Физиономіи и силы. <i>А. М. Жемчужникова.</i>	757
Большія ожиданія. Романъ Чарльза Дикенса Гл. I—VII.	778
Два мѣсяца въ Ливорно. <i>Кн. Д. Д—ч—аго.</i>	826
Испытаніе. Драматическія сцены. <i>Ив. М—мъ.</i>	850
На кладбищѣ. Стихотвореніе <i>В. Вердеревскаго.</i>	

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

Старые боги и новые боги	891
Замѣтка о русской журналистикѣ. <i>К. Я. Грота.</i>	905
Сочиненія И. С. Тургенева. <i>М. Н. Лонникова.</i> :	911
Стихотворенія Надежды Тепловой (Терюхиной) <i>М. Н. Лонникова</i>	917
Губернскія памятные книжки въ 1860 году.	920
Карта Самарской губерніи, составленная губернскимъ землеустроителемъ Шахларевымъ въ 1858 году <i>А. А. Самойлова</i>	922
Замѣтка	926

въ приложеніи:

Фремлейскій приходъ. Романъ Треллопа. Переводъ съ англійскаго. I—X.

— Передъ родною матерью, да. Я дала бы ей говорить, что угодно и предоставила бы сэръ-Джорджу самому стоять за себя.

— Такъ; но вѣдь ты другое дѣло. Ты ей дочь, а сэръ-Джорджъ... Она не рѣшилась бы говорить такимъ образомъ о поведеніи сэръ-Джорджа.

— Рѣшилась бы, еслибъ ей только вздумалось, увѣрю тебя. Я жалю, что пустила тебя къ ней.

— Можетъ-быть лучше, что оно такъ вышло, Юстинія. Если уже она такого мнѣнія о мистерѣ Робертсѣ, то намъ слѣдуетъ это знать. Сколько я ей ни обязана, какъ ни люблю тебя, ноги моей не будетъ въ этомъ домѣ, да и ни въ какомъ домѣ, гдѣ такъ оскорбительно отзываются о моемъ мужѣ.

— Милая Фанни, кто не знаетъ, что случается, когда сойдутся два раздраженные человѣка?

— Я не была раздражена, когда пошла къ ней; нисколько.

— Что пользы толковать о прошломъ? Что теперь намъ дѣлать, Фанни?

— Я думаю, мнѣ всего лучше идти домой, сказала мистриссъ Робертсѣ.—Пойду, уложу свои вещи, и потомъ пришлю за ними Джемса.

— Дождись полдника; тогда тебя можно будетъ, уходя, поцѣловать мою мать.

— Нѣтъ, Юстинія, я не могу дожидаться. Я должна отвѣчать мистеру Робертсу съ этою же почтой, а надо еще обдумать, что сказать ему. Здѣсь я не въ состояніи написать письма, а почта отходитъ въ четыре часа.—И мистриссъ Робертсѣ встала съ кресла готовясь уйти окончательно.

— Я приду къ тебѣ передъ обѣдомъ, сказала леди Мередитъ, — и если принесу добрыя вѣсти, надѣюсь, что ты вернешься сюда со мною. Мнѣ не возможно уѣхать изъ Фремлея, оставивъ васъ въ ссорѣ съ маменькою.

Мистриссъ Робертсѣ ничего не отвѣчала; черезъ нѣсколько минутъ она была уже въ своей дѣтской, цѣловала своихъ дѣтей и учила старшаго говорить что-то о папашѣ. Слезы навертывались у ней на глазахъ, и мальчикъ понималъ, что что-то не ладно.

Такъ сидѣла она часовъ до двухъ, готова разныя бездѣлицы для дѣтей и, подъ предлогомъ этого занятія, все не начинала письма. Но тутъ уже ей осталось только два часа; а можетъ-быть написать письмо будетъ трудно, можетъ-быть оно потребуетъ размышленія, поправокъ; нужно будетъ переписать его, пожалуй, не одинъ разъ. Что касается до денегъ, онѣ были у нея въ домѣ, столько по крайней мѣрѣ, сколько было нужно Марку, хотя отославъ эту сумму, она останется почти безъ гроша. Впрочемъ

въ случаѣ крайности, она могла прибѣгнуть къ Девису, какъ было сказано въ письмѣ мужа.

Итакъ, она выдвинула въ гостиной свою конторку, сѣла и написала письмо. Дѣло это было не легкое, хотя и не потребовалось на него столько времени, какъ она думала. Ей было не легко, потому что она считала себя обязанною сказать Марку всю правду; но ей не хотѣлось портить удовольствіе, доставляемое ему обществомъ друзей. Она сказала ему однако, что леди Лофтонъ очень «сердится: сердится безразсудно, надо признаться,» прибавила она, чтобы дать ему понять, что сама она на его сторонѣ. «Мы даже совсѣмъ поссорились, и это меня огорчило, какъ огорчить и тебя, другъ мой, я знаю. Но намъ обоимъ извѣстно, какое доброе у ней сердце, а Юстинія думаетъ, что у нея есть еще другія непріятности. Я надѣюсь, что все это уладится прежде чѣмъ ты возвратишься. Только пожалуста, милый мой, не оставайся долѣе того, какъ ты назначаешь въ своемъ письмѣ.» За тѣмъ слѣдовали нѣкоторыя извѣстія о дѣтяхъ и объ урокахъ въ школѣ, что можно и опустить.

Окончивъ письмо, она бережно вкладывала его въ конвертъ, куда помѣстила неблагоразумнымъ образомъ и двѣ пятифунтовыя бумажки, когда услышала шаги на усыпанной мусоромъ дорожкѣ, которая вела отъ небольшой калитки къ передней двери. Дорожка эта шла мимо оконъ гостиной, и мистриссъ Робартсъ успѣла еще увидать послѣднія складки промелькнувшей мантильи. «Это Юстинія,» подумала она, и сердце ея смутилось при мысли, что придется снова толковать о происшествіи этого утра. «Что мнѣ дѣлать, говорила она себѣ, если она потребуетъ, чтобы я просила у нея прощенія? Я хочу сознаться при ней, что онъ поступаетъ не такъ, какъ бы слѣдовало.»

Тутъ дверь отворилась, ибо гость вошелъ безъ доклада, и вотъ передъ ней стояла сама леди Лофтонъ.

— Фанни, сказала она тотчасъ же,—я пришла просить у васъ прощенія.

— О, леди Лофтонъ!

— Я была очень разстроена, когда вы пришли ко мнѣ, разными обстоятельствами. Но мнѣ все-таки не слѣдовало говорить съ вами о вашемъ мужѣ такъ, какъ я говорила. Вотъ я и пришла просить у васъ прощенія.

Когда было это сказано, мистриссъ Робартсъ была не въ состояніи отвѣчать, по крайней мѣрѣ отвѣчать словами, поэтому она вскочила и, со слезами на глазахъ, бросилась на шею своей старой пріятельницы.—О, леди Лофтонъ! проговорила она, снова рыдая.

— Вы простите меня, не правда ли? сказала леди Лофтонъ,

обнимаю свою любимицу. — Ну, вотъ такъ хорошо! Мнѣ было очень грустно, когда вы ушли отъ меня сегодня утромъ, да я думаю и вамъ также. Но, Фанни, другъ мой, мы такъ любимъ другъ друга и такъ хорошо другъ друга знаемъ, что не можемъ поссориться надолго, не такъ ли?

— О! да, конечно, леди Лофтонъ!

— Разумѣется такъ. Друзей не найдешь каждый день на дорогѣ, такъ и не слѣдуетъ бросать ихъ легкомысленно. Ну, теперь садитесь, душа моя, потолкуемъ немножко. Пойдите, мнѣ надо снять шляпу. Вы такъ затянули ленты, что чуть не задушили меня.

Леди Лофтонъ положила шляпку на столъ, и уютно уѣлась въ углу дивана.

— Другъ мой, сказала она, — у женщины нѣтъ обязанностей, относительно кого бы то ни было, равныхъ ея обязанностямъ относительно мужа; поэтому, вы были совершенно правы, заступившись сегодня утромъ за мистера Робартса.

На это мистриссъ Робартсъ не отвѣчала ничего, но взяла руку леди Лофтонъ и слегка пожала ее.

— Мнѣ и тогда нравился вашъ поступокъ; право, нравился, хотя сознайтесь, вы говорили нѣсколько сильно. Даже Юстинія допускаетъ это, а она нападала на меня все время съ тѣхъ поръ какъ вы ушли. Я прежде и не предполагала, что ваши хорошенькіе глазки могутъ смотрѣть такъ грозно.

— О, леди Лофтонъ!

— Но, вѣроятно, и у меня былъ довольно свирѣпый видъ. Но мы не будемъ больше говорить объ этомъ, такъ ли? А теперь потолкуемте-ка о вашемъ мужѣ.

— Милая леди Лофтонъ, вы должны простить его!

— Хорошо, прошу, коли вы просите. Мы не будемъ говорить о герцогѣ, ни теперь, ни послѣ ни единого слова. Пойдите, когда вамъ мужъ возвратится?

— Кажется, въ среду на будущей недѣлѣ.

— Въ среду. Ну, такъ скажите ему, чтобъ онъ въ среду и пришелъ обѣдать ко мнѣ. Я думаю онъ поспѣетъ. И не будетъ сказано ни слова объ этомъ ужасномъ герцогѣ.

— Я вамъ такъ благодарна, леди Лофтонъ!

— Хорошо, хорошо! Но повѣрьте мнѣ, другъ мой, лучше было бы, еслибъ онъ не заводилъ такихъ друзей.

— О! я вѣдь знаю, что гораздо было бы лучше.

— Я рада, что вы допускаете это; а мнѣ ужъ казалось, что и вы расположены къ герцогу.

— О! нисколько, леди Лофтонъ!

— Ну, хорошо. Мнѣ остается только дать вамъ одинъ совѣтъ:

употребите свое вліяніе, какъ добрал, милая жена, чтобъ онъ уже не ѣздилъ больше туда. Я женщина старая, а онъ человѣкъ молодой; очень естественно, что онъ считаетъ меня отсталюю. Я не сержусь за это. Но онъ убѣдится на дѣлѣ, что для него лучше, во всѣхъ отношеніяхъ, держаться своихъ старыхъ друзей. Лучше для спокойствія его совѣсти; лучше для его репутаціи, какъ священника; лучше для его кармана; лучше для дѣтей его и для васъ; лучше, наконецъ, для спасенія его души. Герцогъ не такой человѣкъ, съ которымъ слѣдовало бы ему искать сближенія; а если будутъ заискивать въ немъ самомъ, то ему не слѣдуетъ поддаваться.

Леди Лофтонъ замолчала. Фанни Робартсъ рыдала у ея ногъ, положивъ голову къ ней на колѣни. Теперь она не находила уже ни слова сказать въ пользу самостоятельности и независимости своего мужа.

— Теперь мнѣ пора идти. Но Юстинія взяла съ меня обѣщаніе самое торжественное, что я приведу васъ сегодня назадъ обѣдать, даже силою, если нужно. Это было для меня единственны мѣ средствомъ помириться съ ней. Такъ не введите же меня въ бѣду.

Фанни, разумѣется, отвѣчала, что непременно придетъ обѣдать въ замокъ.

— И ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ посылать этого письма, сказала леди Лофтонъ въ дверяхъ, указывая зонтикомъ на адресованное къ Марку посланіе, которое лежало на конторкѣ мистриссъ Робертсъ.—Я догадываюсь, каково его содержаніе. Его нужно совершенно измѣнить.—И леди Лофтонъ вышла.

Мистриссъ Робартсъ тотчасъ же бросилась къ конторкѣ и поспѣшно распечатала свое письмо. Она взглянула на часы; былъ уже пятый часъ. Едва начала она писать другое, какъ пришелъ почтальйонъ.—О, Мери! воскликнула она, уговорите его подождать! Если онъ подождетъ четверть часа, я дамъ ему шиллингъ.

— Этого ненужно, сударыня; велите дать ему стаканъ пива.

— Хорошо, Мери; только, чтобъ онъ не слишкомъ много пилъ, а то онъ пожалуй разроняетъ письма. Я кончу черезъ десять минутъ.

И въ пять минутъ она намарала письмо, вовсе не похожее на первое. Она не хотѣла откладывать до слѣдующаго дня, потому что деньги могли быть нужны Марку тотчасъ же.

ГЛАВА VI.

Общество въ Чальдикотсѣ было вообще очень пріятно, и время проходило довольно скоро. Самымъ близкимъ другомъ мистера Робартса, кромѣ мистера Соверби, была тамъ миссъ Данстебль, которая была къ нему очень благосклонна, а къ ухаживанью мистера Саппельгауса была недоступна, и даже въ обращеніи съ хозяиномъ обнаруживала только ту учтивость, какая требовалась хорошимъ тономъ. Но надо вспомнить, что и мистеръ Саппельгаусъ и мистеръ Соверби были люди холостые, а Маркъ Робартсъ былъ женатъ.

Съ мистеромъ Соверби Робартсъ имѣлъ не одинъ разговоръ о лордѣ Лофтонѣ и его положеніи, чего бы онъ охотно избѣгалъ, еслибы только это было возможно. Соверби былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые постоянно мѣшаютъ дѣло съ бездѣльемъ, и у которыхъ въ головѣ почти всегда есть какой-нибудь планъ, требующій хлопотъ. У людей такого рода не бываетъ ежедневной работы и правильныхъ занятій, но едва ли они трудятся не болѣе другихъ, занятыхъ людей.

— Лофтонъ такъ любитъ все откладывать! говорилъ мистеръ Соверби.—Зачѣмъ не устроилъ онъ этого сразу, если уже объщаль? И потомъ онъ такъ боится этой старухи въ Фремле-Кортѣ! Чтѣ ни говорите, а вѣдь все-таки она старуха, и ужь никакъ не помолодѣетъ. Напишите же пожалуста Лофтону, и скажите ему, что эта отсрочка мнѣ неудобна. Я знаю, что для васъ онъ сдѣлаетъ все.

Маркъ отвѣчалъ, что напишетъ и дѣйствительно написалъ. Но ему сначала не нравилась тонъ разговоровъ, въ которые его вовлекали. Ему было очень непріятно слышать, что леди Лофтонъ называютъ старухой, и разсуждать о томъ, что лорду Лофтону слѣдуетъ продать часть своего имѣнія. Все это съ непривычки тяготило его, но мало-по-малу чувство его притупилось, и онъ привыкъ къ способу разсужденія своего друга Соверби.

Потомъ, въ субботу передъ обѣдомъ, они всѣ отправились въ Барчестеръ. Гарольдъ Смитъ въ послѣдніе два дня былъ совершенно заряженъ свѣдѣніями о Саравакѣ, Лабуанѣ, Новой Гвинее и Саломоновыхъ островахъ. Какъ бываетъ со всѣми людьми, которыми овладѣла какая-нибудь временная спеціальность, онъ не вѣрилъ ни во чтѣ другое и не допускалъ, чтобы кто бы то ни

было изъ окружающихъ вѣрнѣе во что-нибудь другое. Его называли графомъ Папуа и барономъ Борнео, и жена его, зачишца всѣхъ этихъ насмѣшекъ, изъясляла непремѣнное притязаніе на эти титулы. Миссъ Данстеблѣ клалась, что выйдетъ замужъ не иначе, какъ за островитянина съ Южнаго Океана, а Марку предлагала должность и доходы епископа Пряныхъ Острововъ. Семейство Проуди не противопоставляло этимъ шуткамъ слишкомъ непреклонной строгости. Сладостно показать снисхожденіе въ благопріятное время, и мистриссъ Проуди находила настоящій случай весьма благовременнымъ для показанія снисхожденія. Ни одинъ смертный не можетъ быть всегда мудро-серьезнымъ, и въ эти счастливыя минуты епископъ, глубокомысленный мужъ, могъ сложить съ себя на время свою мудрую серьезность. — Мы думаемъ обѣдать завтра въ пять часовъ, сказалъ игриво епископъ: — позволить ли это благородный лордъ при своихъ государственныхъ дѣлахъ? Хе, хе, хе! — И добрый прелатъ самъ разсмѣялся своей шуткѣ.

Какъ мило умѣютъ пятидесятилѣтніе молодые мужчины и дамы шутить и кокетничать и хотять до упаду, сыпать намеки и изобрѣтать смѣшныя прозвища, когда нѣтъ при нихъ двадцатипятилѣтнихъ или тридцатилѣтнихъ менторовъ для наблюденія за порядкомъ.

Фремлейскій викарій могъ бы считаться такимъ менторомъ, еслибы не его способность прилаживаться ко всякому окружающему его обществу, которою онъ такъ гордился. Онъ также обращался къ леди Папуа и подшучивалъ надъ барономъ, что впрочемъ не доставляло особеннаго удовольствія мистеру Гарольду Смигу.

Ибо мистеръ Гарольдъ Смитъ принималъ дѣло серьезно, и всѣ эти шутки не совсѣмъ нравились ему. Онъ считалъ себя способнымъ уговорить, мѣсяца въ три, все англійское общество на дѣло цивилизованія Новой Гвиней, а общество Барсетшира надѣялся увлечь въ одинъ вечеръ. Онъ не могъ понять, почему бы и другимъ не смотрѣть на это также серьезно, и нѣсколько сухо отвѣчалъ на любезности нашего пріятеля Марка.

— Не надо заставлять барона ждать, сказалъ Маркъ, когда собирались ѣхать въ Барсетширъ.

— Не знаю, что значить это названіе барона, сказалъ Гарольдъ Смитъ.

— Можеть-быть завтра будетъ моя очередь смѣяться, когда взойдете на кафедру и станете обносить шляпою чальдикотскихъ пѣшекъ.

— Кто живетъ въ стеклянномъ домѣ, тому не слѣдуетъ бросаться камнями; такъ что ли баронъ? сказала миссъ Данстеблѣ. —

Проповѣдь мистера Робартса будетъ имѣть столько общаго съ вашимъ чтеніемъ, что ему не слѣдъ смѣяться.

— Если образованіе можетъ распространиться въ мірѣ не иначе, какъ посредствомъ священниковъ, сказалъ Гарольдъ Смитъ,—долго придется міру ждать.

— Распространять образованіе можетъ только членъ парламента, имѣющій виды на министерство, прошептала мистрисъ Гарольдъ.

Итакъ имъ было очень весело, несмотря на это фехтованье тупымъ оружіемъ; и въ три часа вереница каретъ двинулась къ Барчестеру. Впереди ѣхала, разумѣется, карета епископа; но самъ епископъ въ ней не сидѣлъ.

— Мистрисъ Проуди, надѣюсь, что вы позволите мнѣ ѣхать съ вами, сказала миссъ Данстеблъ, когда всѣ уже сходили по высокимъ каменнымъ ступенямъ.—Мнѣ хочется послушать разказъ о мистерѣ Слопѣ.

Это обстоятельство все разстроило. Предполагалось, что епископъ поѣдетъ съ своею женою, съ мистрисъ Смитъ и Маркомъ Робартсомъ; а мистеръ Соверби устроилъ такъ, чтобы взять миссъ Данстеблъ въ своею фазтонѣ. Но никто не считалъ возможнымъ отказать въ чемъ-нибудь миссъ Данстеблъ. Маркъ, разумѣется, уступилъ ей свое мѣсто; но кончилось тѣмъ, что епископъ объявилъ, что не чувствуетъ особеннаго предпочтенія къ своей каретѣ. Сдѣлавъ же онъ это вслѣдствіе взгляда, брошеннаго на него женою. Затѣмъ послѣдовали, конечно, другія перемѣщенія, и подъ конецъ мистеръ Соверби и Гарольдъ Смитъ оказались владѣльцами фазтона.

Несчастный мистеръ Смитъ, садясь, выразилъ одно изъ тѣхъ мнѣній, которыя проповѣдывалъ уже два дня къ ряду, ибо когда сердце переполнено, уста не остаются нѣмы. Но онъ наткнулся на нетерпѣливаго слушателя. «Чортъ бы взялъ островитянь Южнаго Океана! воскликнулъ мистеръ Соверби. Черезъ нѣсколько минутъ вамъ можно будетъ разгуляться на просторѣ, какъ быку въ фарфоровой лавкѣ, но, Бога ради, пощадите до того времени.» Повидимому маленькій планъ мистера Соверби взять миссъ Данстеблъ себѣ въ спутницы, былъ не лишень нѣкотораго значенія, какъ впрочемъ и большая часть его маленькихъ плановъ. Мистеръ Соверби улегся въ фазтонѣ и приготовился уснуть. Ему нельзя было извлечь никакой пользы изъ *tête-à-tête* съ своимъ спутникомъ, а между тѣмъ мистрисъ Проуди начала свой разказъ о мистерѣ Слопѣ, или, лучше, принялась повторять его сызнова. Она очень любила толковать объ этомъ джентльменѣ, который былъ когда-то ея любимымъ капелланомъ, а теперь сдѣлался ея злѣйшимъ врагомъ. При этомъ разказѣ, ей при-

шлось нѣсколько разъ шепнуть кое-что на ухо миссъ Данстеблѣ, ибо дѣло шло о двухъ-трехъ скабрѣзныхъ анекдотахъ, относившихся къ одной замужней дамѣ, не совсѣмъ годныхъ для ушей молодого мистера Робартса. Но мистриссъ Гарольдъ Смитъ требовала, чтобы все было разказано громко, и миссъ Данстеблѣ исполняла желаніе этой дамы, несмотря на знаки, которые дѣлала ей мистриссъ Проуди.

— Какъ? Онъ поцѣловалъ ея руку! Онъ, священникъ! сказала миссъ Данстеблѣ.—Я не думала, чтобы лица духовнаго званія были способны на такія вещи, мистеръ Робартсъ.

— Въ тихомъ омутѣ черти водятся, замѣтила мистриссъ Гарольдъ Смитъ.

— Те! говорила мистриссъ Проуди болѣе глазами нежели устами.—Горе, которое причинилъ мнѣ этотъ дурной человѣкъ, едва не сразило меня. И, вѣдь знаете, онъ все время ухаживалъ за...—Тутъ мистриссъ Проуди шепнула имя.

— За женою декана, воскликнула миссъ Данстеблѣ такимъ голосомъ, что кучеръ слѣдующей кареты услышалъ, и хлопнулъ по своимъ лошадямъ.

— За невѣсткой архидіакона! закричала мистриссъ Гарольдъ Смитъ.

— Да послѣ этого отъ него все станется, сказала миссъ Данстеблѣ.

— Она тогда не была еще женою декана, сказала мистриссъ Проуди въ объясненіе.

— Нечего сказать, у васъ веселый причетъ, замѣтила миссъ Данстеблѣ.—Вотъ бы вамъ, мистеръ Робартсъ, переселиться къ намъ въ Барчестеръ.

— Только мистриссъ Робартсъ пожалуй не согласилась бы, сказала мистриссъ Гарольдъ Смитъ.

— И какія интриги затѣвалъ онъ противъ епископа, сказала мистриссъ Проуди.

— Вѣдь въ любви и войнѣ все допускается, сказала миссъ Данстеблѣ.

— Но онъ не зналъ, что за человѣкъ епископъ, сказала мистриссъ Проуди.

— Епископъ побѣдилъ его, добавила мистриссъ Гарольдъ съ нѣкоторою извѣтельностью.

— Епископъ ли, или кто другой, но онъ былъ обличенъ и принужденъ уѣхать изъ Барчестера. Послѣ того онъ женился на женѣ какого-то торговца сальными свѣчами.

— На женѣ! воскликнула миссъ Данстеблѣ:—что за человѣкъ!

— То-есть на вдовѣ; но ему все равно.

— Этотъ джентльменъ, очевидно, родился во время восхожде-

нѣ планеты Венеры, сказала мистриссъ Смитъ. — Это, впрочемъ, можно сказать обо многихъ изъ васъ, мистеръ Робартсъ.

Итакъ, въ каретѣ мистриссъ Проуди было далеко не скучно Мало-по-малу пріятель нашъ Маркъ свылся съ своими собесѣдниками, и, подъѣзжая къ епископскому дворцу, онъ сознался, что миссъ Данстеблъ очень забавна.

Мы не можемъ останавливаться на обѣдѣ у епископа, хотя онъ былъ очень хорошъ въ своемъ родѣ. Мистеру Соверби удалось помѣститься подлѣ миссъ Данстеблъ и, разрушивъ такимъ образомъ замыселъ мистера Саппельгауса, онъ снова засіялъ безоблачною веселостью. Но мистеръ Гарольдъ Смитъ началъ показывать признаки нетерпѣнія, какъ только сняли скатерть: чтеніе должно было начаться въ семь часовъ и, по его часамъ, время уже наступило. Онъ утверждалъ, что Соверби и Саппельгаусъ стараются произвести замедленіе для того чтобы раздражить и вывести изъ терпѣнія жителей Барчестера. Такимъ образомъ, епископу не дали раскрыть вполнѣ истинно-епископское гостепрѣимство.

— Вы забываете, Соверби, сказалъ Саппельгаусъ, — что здѣсь уже двѣ недѣли всѣ только и ждутъ, что этого чтенія.

— Всѣ будутъ удовлетворены сію же минуту, сказала мистриссъ Гарольдъ, повинувшись знаку отъ мистриссъ Проуди. — Пойдемте, душа моя, продолжала она, взявъ подъ руку миссъ Данстеблъ, — не надо заставлять ждать Барчестеръ. Мы будемъ готовы черезъ четверть часа, не такъ ли, мистриссъ Проуди? — И онѣ величественно удалились.

— А мы успѣемъ выпить еще по стакану клерету, сказалъ епископъ.

— Слышите! Вотъ семь бьетъ на соборѣ, воскликнулъ Гарольдъ Смитъ, вскакивая съ мѣста. — Можетъ-быть всѣ уже собрались; мнѣ не прилично опаздывать; я пойду.

— Только одинъ стаканъ, мистеръ Смитъ; мы всѣ идемъ, сказалъ епископъ.

— Эти дамы задержатъ меня на цѣлый часъ, сказалъ Гарольдъ, наливая себѣ стаканъ, и выпивая его стоя. — Онѣ это дѣлаютъ нарочно.

Онъ думалъ о своей женѣ, но епископу показалось, что онъ говорилъ о мистриссъ Проуди.

Было уже довольно поздно, когда всѣ они собрались въ большой залъ Механическаго Института. Бóльшая часть слушателей мистера Смита, заключеніемъ общества епископа, состояла изъ барчестерскихъ торговцевъ съ ихъ семействами, и они довольно терпѣливо дожидались важныхъ господъ. Сверхъ того, чтеніе было даровое, а

это Англичанинъ всегда принимаетъ въ соображеніе. Когда онъ платитъ деньги, то дѣйствуетъ уже по своему: обнаруживаетъ нетерпѣніе, или дожидается смирно, какъ ему вздумается. У него есть природное чувство справедливости, и онъ поступаетъ обыкновенно согласно съ этимъ чувствомъ.

Итакъ публика учтиво встала со скамеекъ, когда общество епископа вошло въ залу. Имъ были приготовлены мѣста въ переднемъ ряду. Тутъ были три кресла, на которыя помѣстились, послѣ нѣкотораго колебанія, епископъ, мистриссъ Проуди и миссъ Данстемблъ. Мистриссъ Смитъ положительно отказалась отъ кресла, хотя допускала, что санъ папуасской графини давалъ ей право на такое мѣсто. Это замѣчаніе, сдѣланное вслухъ, достигло ушей мистера Смита, стоявшаго у маленькаго стола на небольшомъ возвышеніи, съ бѣлыми перчатками въ рукахъ, и раздражило и разстроило его. Ему не нравился этотъ шуточный титулъ папуасской графини. Остальное общество сѣло на переднюю скамью, покрытую краснымъ сукномъ.

— Черезъ часъ это сидѣніе покажется намъ весьма жесткимъ и узкимъ, сказалъ мистеръ Соверби.

Мистеръ Смитъ услышалъ и это съ своего возвышенія, и бросилъ перчатки на столъ. Ему казалось, что вся зала слышала эти слова.

Затѣмъ два-три джентльмена на второй скамьѣ стали здороваться съ нѣкоторыми изъ нашихъ пріятелей. Тутъ былъ мистеръ Торнъ Оллаторнскій, добродушный старый холостякъ, живущій такъ близко отъ Барчестера, что могъ пріѣхать безъ большихъ неудобствъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ мистеръ Гардингъ старый священникъ барчестерскаго капитула; мистриссъ Проуди поздоровалась съ нимъ очень дружески и предложила ему мѣсто тотчасъ позади ея, если ему угодно, но мистеру Гардингу это было не угодно. Поклонившись епископу, онъ преспокойно возвратился къ своему старому другу, мистеру Торну, и тѣмъ сильно раздражилъ мистриссъ Проуди, какъ можно было видѣть по ея лицу. Тутъ былъ и мистеръ Чадвикъ, правитель дѣлъ епископства, но и онъ придерживался двухъ вышепоименованныхъ джентльменовъ.

И вотъ, когда епископъ и дамы размѣстились, мистеръ Гарольдъ Смитъ снова поднялъ со стола свои перчатки, положилъ ихъ опять, три раза громко откашлянулся, и началъ. «Характеристическою чертой настоящаго времени, сказалъ онъ, является на Британскихъ островахъ готовность людей, занимающихся въ свѣтѣ высокое мѣсто по сану, богатству и образованію, выступать впередъ и посвящать свое время и свои познанія безъ всякой мзды на пользу и развитіе людей, сто-

ящихъ на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы.» Тутъ онъ остановился на минуту, и мистриссъ Смитъ замѣтила, обращаясь къ миссъ Данстеблѣ, что это не дурно для начала; а миссъ Данстеблѣ отвѣчала, что она съ своей стороны чувствуетъ великую благодарность къ людямъ высоко-стоящимъ по сану, богатству и образованію. Мистеръ Соверби мигнулъ мистеру Сапшелягаусу, который вытаращилъ глаза и пожалъ плечами. Но жители Барчестера приняли все какъ незьява лучше, и зъявили говорящему свое одобреніе руками и ногами.

Обрадованный, онъ началъ снова: «Я говорю не о себѣ...»

— Надѣюсь, что онъ не примется скромничать, сказала миссъ Данстеблѣ.

— Это было бы совершенно ново, отвѣчала мистриссъ Смитъ.

«... а обо многихъ благородныхъ и даровитыхъ лордахъ и членахъ нижней палаты, которые въ послѣднее время не рѣдко посвящали себя этому доброду дѣлу...» Тутъ онъ представилъ длинный перечень перовъ и членовъ парламента, начиная, разумѣется, съ лорда Бонерджеса, и кончая мистеромъ Гриномъ Уокеромъ, молодымъ джентльменомъ, который недавно, по вліянію отца, былъ выбранъ въ представители мѣстечка Кру Джанкшонъ, и началъ свою публичную дѣятельность рѣчью о способѣ преподаванія латинской грамматики въ Итонской школѣ.

«Въ настоящемъ случаѣ, продолжалъ мистеръ Смитъ, мы хотимъ узнать что-нибудь объ обширныхъ и великолѣпныхъ островахъ, лежащихъ далеко отъ насъ, за предѣлами Индіи, въ Южномъ Океанѣ, о тѣхъ островахъ, гдѣ земля производитъ чудные ароматы, и роскошные плоды, гдѣ море имѣетъ своимъ моремъ жемчугъ и кораллы. Друзья мои, вы знакомы съ картою, вы знаете черту, проводимую экваторомъ по этимъ отдаленнымъ морямъ....» Многія головы наклонились и послышался шорохъ бумаги, ибо многіе изъ тѣхъ, которые стояли не такъ высоко на общественной лѣстницѣ, принесли съ собою географическія карты, чтобы возобновить въ своей памяти мѣстоположеніе этихъ чудныхъ острововъ.

Затѣмъ мистеръ Смитъ, также съ картою въ рукахъ, и указывая по временамъ на другую большую карту, повѣшенную на стѣнѣ, углубился въ географическую часть своего предмета.

— Это мы, я думаю, могли узнать изъ нашихъ атласовъ, не совершая путешествія въ Барчестеръ, сказала несочувствующая оратору его подруга, мистриссъ Гарольдъ: слово весьма жестокое, да и весьма нелогическое, ибо есть множество вещей, которыя мы могли бы, конечно, сами узнать, еслибы постарались, но никогда не узнаемъ, покуда намъ ихъ не скажутъ. Почему же

бы широтѣ и долготѣ Лебуана не принадлежать къ числу такихъ вещей? Прослѣдивъ линію экватора по Борнео, Целебесу, Гилоло, чрезъ Макассарскій проливъ и Молукскій архипелагъ, мистеръ Гарольдъ Смитъ вознесся къ боде высокимъ вопросамъ. «Но что пользы, воскликнулъ онъ, что пользы во всѣхъ дарахъ, расточаемыхъ Богомъ человѣку, если человѣкъ не раскрываетъ руки, чтобы принять ихъ? А раскрытіе руки не есть ли это процессъ цивилизаціи? Да, друзья мои, процессъ цивилизаціи! У этихъ островитянъ Южнаго Океана есть все, что можетъ даровать щедрое Провидѣніе, но все это ничто безъ образованія. Дать имъ образованіе, дать имъ цивилизацію, это зависитъ отъ васъ друзья мои, да, отъ васъ, граждане Барчестера!» Тутъ онъ снова умолялъ, чтобы руки и ноги слушателей сдѣлали свое дѣло; и руки и ноги сдѣлали свое дѣло. Въ это время мистеръ Смитъ выпилъ нѣсколько глотковъ воды.

Теперь онъ былъ совершенно въ своемъ элементѣ, и уловилъ настоящей способъ ударить по столу кулакомъ. Отъ времени до времени, нѣкоторыя слова, срывавшіяся съ устъ мистера Соверби, долетали до его ушей; но собственный его голосъ оказывалъ свою обычную чарующую силу, и онъ переходилъ отъ плоскости къ общему мѣсту, и отъ общаго мѣста снова къ плоскости, съ очаровательнымъ для него самого краснорѣчіемъ.

«Цивилизація воскликнулъ онъ, поднимая глаза и руки къ потолку:—о! цивилизація...»

— Теперь пойдетъ часа на полтора, по крайней мѣрѣ, проstonалъ мистеръ Саппельгаусъ.

Одинъ глазъ Гарольда Смита опустился на него, но мгновенно снова устремился къ потолку.

«О цивилизація! ты облагораживаешь человѣчество, и уподобляешь его божеству! Что можетъ сравниться съ тобою?» Тутъ мистриссъ Проуди обнаружила явные признаки неодобренія, которымъ, безъ сомнѣнія, вторилъ бы епископъ, еслибъ этотъ достойный прелатъ не былъ погруженъ въ усыпленіе. Но мистеръ Смитъ продолжалъ, ничего не замѣчая, или по крайней мѣрѣ ни на что не обращая вниманія.

«Что можетъ сравниться съ тобою? Ты благотворный источникъ, оплодотворяющій бесплодную пустыню. Пока тебя нѣтъ, все темно и уныло, но при твоёмъ появленіи восходитъ яркое солнце, изъ земли поднимаются обильныя жатвы, и недра скалъ выдаютъ свои сокровища. Образы нѣкогда грубые и отвратительные облакаются красотой и изяществомъ, и растительное существованіе возмываетъ до божественной жизни. Тогда являетъ ся гений въ сіяющемъ всеоружіи, охватываетъ земную поверхность и покоряетъ своимъ цѣлямъ каждый клочокъ земли; гений,

днѣ развитія, отецъ искусствъ!» Последняя статья генеалогіи прогресса имѣла большой успѣхъ, и весь Барчестеръ принялся работать руками и ногами, весь Барчестеръ, за исключеніемъ неблагодушной аристократической передней скамьи, съ тремя креслами на углу. Аристократическая скамья чувствовала себя въ полномъ обладаніи цивилизаціей и не очень о ней заботилась, а по мнѣнію трехъ креселъ, или по крайней мѣрѣ того, которое занимала мистриссъ Проуди, въ словахъ оратора заключалось что-то языческое, какая-то нехристіанская сентиментальность, доходящая почти до невѣрія, чего эта дама, столбъ и утвержденіе церкви, не могла снести передъ цѣлымъ собраніемъ.

«Отъ цивилизаціи, продолжалъ мистеръ Гарольдъ Смитъ, исходя отъ поэзіи къ прозѣ, какъ умѣютъ это дѣлать ораторы, чтобы выставить на видъ цѣнность и поэзіи и прозы: отъ цивилизаціи должны мы ожидать улучшеній въ матеріальномъ бытѣ этихъ острововъ, и...»

— И отъ христіанства! воскликнула мистриссъ Проуди.

Изумленіе овладѣло присутствующими, и епископъ, совершенно проснувшись, вскочилъ съ своего кресла при звукѣ знакомаго голоса и вскричалъ:—Конечно! конечно!

— Слушайте, слушайте! проговорили тѣ изъ присутствующихъ, которые по преимуществу принадлежали къ богословской школѣ мистриссъ Проуди; и между этими голосами слышался внятно голосъ новаго причетника, объ опредѣленіи котораго она очень хлопотала.

— О, да, отъ христіанства, разумѣется! проговорилъ Гарольдъ Смитъ, на котораго этотъ перерывъ, казалось, неблагопріятно подѣйствовалъ.

— Отъ христіанства и соблюденія воскресныхъ дней! провозгласила мистриссъ Проуди, которая, разъ обративъ на себя вниманіе публики, хотѣла, повидимому, удержать его за собою.— Не забудемъ никогда, что эти островитяне не могутъ благоденствовать, если не будутъ уважать воскресныхъ дней.

Бѣдный мистеръ Смитъ, такъ нещадно совлеченный съ своего конька, не былъ уже въ состояніи снова взобраться на него, и окончилъ свою рѣчь весьма неудовлетворительно для себя самого. На столѣ передъ нимъ лежала куча статистическихъ извѣстій, которыми онъ намѣревался убѣдить разсудокъ слушателей, когда уже совершенно овладѣетъ ихъ чувствомъ. Теперь все вышло вѣло и блѣдно. Въ ту минуту, какъ его прервали, онъ собирался объяснить, что улучшеній матеріальнаго быта нельзя достигнуть безъ денегъ, и что имъ, гражданамъ Барчестера, прилично выступить впередъ съ своими кошельками, какъ людямъ и братьямъ. Онъ попытался это сдѣлать, но послѣ ро-

коваго нападенія со стороны кресель всѣмъ присутствующимъ стало очевидно, что героиня дня—мистриссъ Проуди. Время мистера Смита миновало, и жители Барчестера уже ни въ грошь не ставили его призыва.

По этимъ причинамъ рѣчь кончилась цѣлыми двадцатью минутами раньше нежели всѣ ожидали, къ великому удовольствію господъ Соверби и Саппельгауса, которые въ этотъ вечеръ предложили и провели благодарственный адресъ мистриссъ Проуди. И еще много забавнаго совершили они въ этотъ вечеръ.

— Робартсъ, два слова, сказалъ мистеръ Соверби въ дверяхъ Механическаго Института.— Не уѣзжайте вы съ епископомъ и его супругой. Мы устроимъ маленькій ужинъ въ гостинницѣ Англійскаго Дракона; послѣ всего, что мы претерпѣли, это право будетъ не лишнее. Вы можете предупредить одного изъ слугъ, чтобъ онъ впустилъ васъ, когда вы воротитесь во дворецъ.

Маркъ задумался было надъ этимъ приглашеніемъ. Онъ бы съ радостью примкнулъ къ ихъ обществу, еслибы достало духу. Но и его, какъ многихъ его собратій, не покидалъ страхъ передъ мистриссъ Проуди.

Веселый былъ у нихъ ужинъ; но бѣдный мистеръ Гарольдъ Смитъ не принадлежалъ къ самымъ веселымъ изъ собесѣдниковъ.

ГЛАВА VII.

Маркъ Робартсъ хорошо сдѣлалъ, отказавшись отъ этого ужина. Общество сѣло за столъ уже послѣ одиннадцати часовъ, и разошлось не прежде двухъ. Нужно вспомнить, что на другой день, въ воскресенье, онъ долженъ былъ сказать проповѣдь въ пользу миссіи, собиравшейся просвѣщать островитянъ мистера Гарольда Смита, и нужно признаться, что обязанность эта казалась ему теперь не очень привлекательною.

Когда онъ взялъ на себя это дѣло, то, по своему обыкновенію, онъ занялся имъ и смотрѣлъ на него серьезно; но съ тѣхъ поръ, не разъ, поднимали при немъ на смѣхъ все это предпріятіе, и онъ самъ, забывъ о своей проповѣди, шутилъ и смѣялся съ другими; все это заставляло его теперь отъ души желать, чтобъ онъ могъ выбрать другую тему для проповѣди.

Онъ зналъ, что въ проповѣди онъ особенно долженъ распространяться о тѣхъ именно сторонахъ вопроса, которыя чаще всего вызывали смѣхъ и колкія замѣчанія мистриссъ Смитъ и миссъ Данстеблъ, и даже самага его не разъ заставляли хохотать вмѣстѣ

съ ними. Какъ же могъ онъ теперь прочесть ее въ должномъ настроеніи, зная напередъ, что обѣ эти дамы будутъ смотрѣть на него, будутъ стараться поймать его взглядъ и не преминуть и его поднять на смѣхъ?

Предполагая это, онъ былъ несправедливъ къ одной изъ этихъ дамъ. Миссъ Данстебль, не смотря на свою страсть ко всякимъ шуткамъ—мы можемъ сказать даже ко всякому дурачеству— не имѣла ни малѣйшаго пополюзованія смѣяться надъ религіей или надъ тѣмъ, что находилось въ какомъ-либо отношеніи къ религіи. Можно себѣ представить, что она не причисляла къ религіознымъ предметомъ мистриссъ Проуди, и всегда была готова поднять ее на смѣхъ; но еслибы Маркъ зналъ ее лучше, онъ не усомнился бы въ томъ, что она будетъ держаться какъ нельзя приличнѣе во все время его проповѣди.

Какъ бы то ни было, онъ былъ въ большомъ безпокойствѣ, и всталъ рано по утру съ намѣреніемъ нѣсколько передѣлать свою проповѣдь. Онъ выпустилъ мѣста, слишкомъ прямо относившіяся до острововъ, вычеркнулъ всѣ имена, подававшія поводъ къ шуткамъ и смѣху, и замѣнилъ все это общими разсужденіями, безъ всякаго сомнѣнія, весьма полезными, которыя, надѣялся онъ, лишатъ его проповѣдь всякаго сходства съ лекціей Гарольда Смита. Пока онъ писалъ ее, онъ быть-можетъ надѣялся, что она произведетъ нѣкоторое впечатлѣніе; но теперь онъ могъ желать только того, чтобы никто не обратилъ на нее вниманія.

Но ему суждено было пройти черезъ много тревогъ въ это воскресенье. Было рѣшено, что все общество въ гостинницѣ позавтракаетъ въ восемь часовъ и пустится въ путь ровно въ половинѣ девятого, чтобы вовремя пріѣхать въ Чальдикотсъ и успѣть, до начала богослуженія, привести въ порядокъ свои туалеты. Церковь находилась въ самомъ паркѣ, близъ длинной липовой аллеи. Дойти до нея изъ дому мистера Соверби не могло быть утомительно.

Мистриссъ Проуди, встававшая сама всегда рано, и слышать не хотѣла о томъ, чтобы гость ея, пасторъ, въ утро воскреснаго дня изъ ея дома отправился завтракать въ гостинницу. Что касается воскресной поѣздки въ Чальдикотсъ, она, скрѣпя сердцемъ, допустила ее, но выразила надежду, что день этотъ по крайней мѣрѣ ничѣмъ другимъ не будетъ оскверненъ. Было рѣшено, поэтому, что Маркъ Робартсъ поѣдетъ съ своими друзьями; но нельзя было допустить, чтобы онъ выѣхалъ изъ ихъ дома, принявъ участія въ ихъ утренней трапезѣ и молитвѣ. Мистриссъ Проуди, отправляясь на покой, сдѣлала нужныя для этого распоряженія, къ великому неудовольствію своихъ домочадцевъ.

Самъ епископъ вышелъ гораздо позднѣе изъ своихъ комнатъ.

Онъ во всемъ покорялся теперь волѣ своей жены; теперь, говорю я, ибо была одна минута, когда, возгордившись своею епископскою властью, онъ осмѣлился помышлять о совершенно иномъ. Теперь же онъ давно пересталъ противиться доброй женщинѣ, которою благословило его Провидѣніе, и въ награду за то добрая женщина взяла на себя заправлять всеми дѣлами мужа къ облегченію его бремени и къ его спокойствію. Съ какими должно-быть удивленіемъ епископъ вспоминалъ о той нечестивой женщинѣ, которую онъ осмѣлился было когда-то предпринять противъ подруги своего сердца.

Дочери мистриссъ Проуди также не явились въ этотъ ранній часъ, но онѣ, быть-можетъ, по другой причинѣ. Съ ними мистриссъ Проуди не имѣла такого блистательнаго успѣха какъ съ епископомъ. Каждая изъ нихъ имѣла свою собственную волю, и воля эта становилась сильнѣе съ каждымъ днемъ. Одна изъ нихъ уже имѣла право законнымъ образомъ давать чувствовать эту волю свою одному весьма почтенному молодому пастору того округа, преподобному Оптимусу Грею; но остальные двѣ, передъ которыми еще не открылось такое широкое поле дѣятельности, можетъ-быть немножко болѣе чѣмъ сколько слѣдовало, практиковали свою волю въ родительскомъ домѣ.

Но ровно въ половинѣ восьмага, мистриссъ Проуди и домашній капелланъ, и Маркъ Робартсъ, и вся прислуга, за исключеніемъ одного лѣниваго грѣшника, уже были въ столовой.—Гдѣ Томасъ? сказала жена съ очами Аргуса, вставъ съ своего мѣста и держа молитвенникъ въ рукахъ.—У него, сударыня, съ позволенія сказать, болятъ зубы.—Болятъ зубы! воскликнула мистриссъ Проуди съ многозначительнымъ взглядомъ:—скажите ему, чтобъ онъ зашелъ ко мнѣ передъ обѣдней.—И затѣмъ она приступила къ молитвамъ. Читалъ ихъ, какъ и подобаетъ, капелланъ; но мнѣ кажется, что мистриссъ Проуди увлеклась и преступила границы своей власти, взявъ на себя произнести благословеніе по окончаніи молитвъ; сдѣлала она это, впрочемъ, очень звонкимъ голосомъ, съ большимъ достоинствомъ, большою увѣренностью въ себѣ чѣмъ быть-можетъ сумѣлъ бы показать капелланъ.

Лицо мистриссъ Проуди, пока она разливала чай, было такъ строго, что фремлейскій викарій чувствовалъ непреодолимое желаніе выбраться поскорѣе изъ ея дома. Къ тому же, она не была одѣта съ обычнымъ строгимъ вниманіемъ ко всему тому, чего, по ея понятіямъ, требовалъ высокій ея санъ. Было очевидно, что, до торжественнаго ея появленія въ соборъ, надлежало быть второму туалету. На ней былъ большой широкий чепецъ, не украшенный другими лентами, кромѣ тѣхъ, ко-

торыми онъ былъ подвязанъ подъ ея подбородкомъ, — чепецъ хорошо извѣстный ея семейству, прислугѣ и капеллану, но который неприятно поразилъ глаза мистера Робартса послѣ нарядовъ, смѣнявшихся на ней въ продолженіи послѣдней недѣли. Одѣта она была въ широкую темную утреннюю блузу, не поддержанную снизу хитрымъ механизмомъ юпокъ. Блуза плотно обольнула вокругъ ея корпуса, и усиливала характеръ непреклонности и строгости, которымъ была запечатлѣна вся ея наружность. Сверхъ того, на ногахъ у нея были неуклюжія ковровыя туфли, вѣроятно очень удобныя, но вовсе не изящныя на видъ.

— Трудно бываетъ вамъ собирать вашу прислугу къ утреннимъ молитвамъ? спросила она, насыпая чай въ чайникъ.

— Не могу сказать, отвѣчалъ Маркъ. — Впрочемъ мы рѣдко встаемъ такъ рано, какъ встали мы сегодня.

— По моему, приходскимъ священникамъ слѣдуетъ вставать рано, сказала она. — Подобно подавать добрый примѣръ для прихода.

— Я думаю завести утреннія молитвы въ церкви, сказалъ мистеръ Робартсъ.

— Напрасно, отвѣчала мистриссъ Проуди. — Я знаю къ чему это клонится. Если у васъ по воскресеньямъ будутъ три службы и утреннія молитвы на дому, такъ это совершенно достаточно. — И говоря это, она передала ему чашку.

— Но у меня по воскресеньямъ не бываетъ трехъ службъ, мистриссъ Проуди.

— Должны бы быть. Бѣднымъ людямъ, по воскресеньямъ, не слѣдуетъ нигдѣ быть кромѣ церкви. Епископъ собирается выразить свое мнѣніе объ этомъ въ первой публичной рѣчи, которую онъ произнесетъ, и я надѣюсь, что вы войдете въ его виды.

На это Маркъ ничего не отвѣчалъ, и все вниманіе свое сосредоточилъ на своемъ яйцѣ.

— Я полагаю, что вы въ Фремлеѣ не держите очень много прислуги? сказала мистриссъ Проуди.

— Кто мы?

— Да вы.

— Конечно, не очень много. Ровно сколько нужно, чтобы домъ содержать въ порядкѣ и смотрѣть за дѣтьми.

— Это очень хорошій приходъ, сказала она, — очень хорошій. У насъ въ округѣ врядъ ли найдется другой такой, за исключеніемъ конечно Пломстеда, прихода архидіакона. Онъ сумѣлъ припасти себѣ тепленькое мѣстечко.

— Отецъ его былъ епископъ Барчестерскій.

— Знаю, знаю. Не будь этого, я сомнѣваюсь, чтобы его сдѣлали архидіакономъ. Сколько вы получаете мистеръ Робартсъ?

Кажется восемьсотъ фунтовъ? А вы еще такъ молоды! Я полагаю, что вы застраховали свою жизнь довольно дорого.

— Такъ себѣ, мистриссъ Проуди.

— Къ тому же у вашей жены было свое маленькое состояніе, не такъ ли? Не вѣсьмъ такое счастье, не правда ли, мистеръ Уайтъ? обратилась она къ капеллану нѣсколько шутивымъ тономъ.

Мистриссъ Проуди была повелительная дама, но такова же была и леди Лофтонъ, и поэтому можно было бы подумать, что Маркъ Робартсъ уже успѣлъ привыкнуть къ женскому владычеству; но пока онъ сидѣлъ теперь за завтракомъ, онъ невольно сравнилъ въ умѣ своемъ этихъ двухъ женщинъ. Леди Лофтонъ, конечно, иногда сердила его своими маленькими попытками забрать его въ руки, — но какъ пріятнѣе и легче было ей это въ сравненіи съ игрою этого духовнаго сановника въ юпкиахъ! Къ тому же, леди Лофтонъ дала ему и жену, и мѣсто, а мистриссъ Проуди ровно ничего не дала ему.

Тотчасъ же послѣ завтрака, онъ поспѣшилъ въ гостиницу, отчасти потому что желалъ поскорѣе избавиться отъ нравоученій мистриссъ Проуди, а отчасти для того, чтобы поторопить своихъ друзей. Нетерпѣніе начинало овладѣвать имъ, и онъ не вѣрнулъ въ аккуратность мистриссъ Смитъ. Первымъ его словомъ въ гостиницѣ было спросить, конченъ ли завтракъ; но ему на это отвѣчали, что никто еще не сходилъ внизъ. Была половина девятаго, и имъ слѣдовало бы уже быть въ пути.

Онъ тотчасъ же пошелъ въ комнату мистера Соверби и засталъ его за бритьемъ.—Не тревожьтесь, сказалъ мистеръ Соверби.—Вы съ Смитомъ можете сѣсть въ мой фазтонъ, и вы не проѣдете долѣе часа. Да и мы всѣ поспѣемъ вовремя. Я сейчасъ всѣхъ ихъ пугну изъ ихъ норъ. — Мистеръ Соверби принялся дѣйствовать колокольчикомъ, и посланцы, мужскаго и женскаго пола, по его повелѣнію полетѣли во всѣ комнаты, занятыя ихъ обществомъ.

— Я думаю, что лучше мнѣ будетъ нанять кабріолетъ и ѣхать немедленно, сказалъ Маркъ.—Мнѣ не приходится опаздывать.

— Никому изъ насъ не приходится опаздывать, и не зачѣмъ, вамъ нанимать кабріолетъ. Вы только даромъ бросите гинееу, и мы васъ обгонимъ. Ступайте внизъ и прикажите готовить чай, это будетъ гораздо лучше; спросите также счетъ, Робартсъ, вы можете заплатить его, если на это у васъ есть охота. Впрочемъ, я полагаю, что можно представить это барону острова Борнео;—не такъ ли?

И Маркъ пошелъ внизъ, распорядился чаемъ и велѣлъ себѣ принести счетъ; потомъ онъ сталъ ходить по комнатамъ, по-

Сматривая на часы и тревожно ожидая услышать шаги своих друзей. Пока онъ былъ занятъ такимъ образомъ, ему пришло въ голову, прилично ли ему дѣлать все это въ воскресное утро, хорошо ли, что онъ долженъ ждать здѣсь въ волненіи и безпокойствѣ и потомъ скакать двѣнадцать миль, чтобы не опоздать къ проповѣди, не лучше ли и не полезнѣе ли были бы теперь его уютная комната, присутствіе Фанни и малютокъ, спокойныя приготовленія къ службѣ, и крѣпкое пожатіе руки леди Лофтонъ по окончаніи ея?

Онъ сказалъ себѣ, что не имѣетъ возможности отказываться отъ знакомства съ такими людьми, какъ Гарольдъ Смитъ, мистеръ Соверби, герцогъ Омнiумъ. Ему, какъ и всякому другому человѣку, нужно думать о карьерѣ. Однако какія, до сихъ поръ, выгоды и удовольствія доставили ему эти новые его знакомые? Однимъ словомъ, онъ былъ не слишкомъ доволенъ собою, пока дѣлалъ чай для мистриссъ Смитъ и заказывалъ бараньи котлеты для мистера Соверби.

Скоро послѣ того какъ пробило девять часовъ всѣ наконецъ собрались; но и тутъ дамы никакъ не хотѣли понять, что подобно поспѣшить; — по крайней мѣрѣ не хотѣла этого понять мистриссъ Смитъ, главное лицо общества. Когда мистеръ Робартсъ опять заговорилъ о томъ, чтобы нанять кабриолетъ, миссъ Данстебль объявила, что присоединится къ нему, и сказала это такъ рѣшительно, что мистеръ Соверби былъ побужденъ наскоро проглотить свое второе яйцо, чтобъ отвлечь эту катастрофу. Но Маркъ рѣшительно велѣлъ закладывать себѣ кабриолетъ; мистриссъ Смитъ замѣтила при этомъ, что въ такомъ случаѣ ей нечего торопиться; но слуга вернулся съ докладомъ, что всѣ гостиницы лошади разобраны, кромѣ двухъ, которыя не привыкли ходить въ одиночку. Дѣйствительно, большая часть лошадей уже заранѣе были наняты ихъ же обществомъ.

— Такъ дайте же мнѣ эту пару, сказалъ Маркъ, не помня себя отъ нетерпѣнія.

— Пустяки, Робартсъ; мы всѣ готовы теперь. Лошади эти не будутъ ему нужны, Джемсъ. Ну Саппельгаусъ, кончили ли вы вашъ завтракъ?

— Но вы позволите мнѣ, однако, выпить еще полчашки чаю, мистеръ Робартсъ? сказала мистриссъ Смитъ.

Маркъ, разсерженный теперь не на шутку, отошелъ къ окну. Онъ говорилъ себѣ, что люди эти жестоки. Они видѣли его безпокойство и только смѣялись надъ нимъ. Ему не пришло въ голову, что наканунѣ вечеромъ, онъ вмѣстѣ съ другими подшучивалъ надъ Гарольдомъ Смитомъ.

— Джемсъ, сказалъ онъ, обращаясь къ слугѣ, велите немедленно закладывать этихъ лошадей, прошу васъ.

— Будьте покойны, сэръ, черезъ четверть часа онъ будутъ поданы: дѣло стало только за Недомъ-кучеромъ, сэръ; онъ, кажется, завтракаетъ, сэръ; но мы его сейчасъ същемъ, сэръ.

Но прежде чѣмъ сыскались лошади и Недъ, мистриссъ Смитъ, наконецъ, надѣла шляпу, и въ десять часовъ все общество пустилось въ путь. Маркъ сидѣлъ въ фаэтонѣ мистера Смита, но подвигались они не быстрѣе другихъ; конечно, они ѣхали впереди, но это и все; и когда, посмотрѣвъ на часы, онъ увидѣлъ, что уже одиннадцать часовъ, они еще были въ милѣ отъ Чальдикотса, хотя лошади были всѣ въ мылѣ. Съ послѣдними ударами колокола они вѣхали въ селеніе.

— Вотъ видите, вы успѣли вовремя, сказалъ Гарольдъ Смитъ, — не то что я вчера вечеромъ.

Робартсъ не могъ ему объяснить, что пастору, особенно если онъ долженъ принять участіе въ службѣ, не слѣдуетъ входить въ церковь въ послѣднюю минуту, въ торопяхъ и въ попыхахъ.

— Прикажете остановиться здѣсь, сэръ? сказалъ кучеръ, круто осаживая лошадей у самыхъ дверей церкви, посреди народа, собравшагося здѣсь въ ожиданіи службы. Но Маркъ не ожидалъ, что пріѣдетъ такъ поздно, и сказалъ, что ему нужно сперва заѣхать въ домъ мистера Соверби; потомъ, когда лошади двинулись, онъ вспомнилъ, что можетъ послать за своимъ стихаремъ и вышелъ изъ экипажа, давъ нужныя для того приказанія. Къ тому времени подѣхали другіе два экипажа, и послѣдовавшіе за этимъ шумъ и суматоха въ дверяхъ церкви, были, какъ это чувствовалъ Маркъ, очень непріятны; мушцины заговорили громко, а мистриссъ Смитъ объявила, что забыла молитвенникъ, и слишкомъ устала; что она хочетъ прежде отдохнуть въ домѣ. Двѣ другія дамы послѣдовали ея примѣру, и миссъ Данстемблъ должна была войти одна, что впрочемъ ей совершенно было ни по чемъ. Затѣмъ одинъ изъ джентльменовъ общества, имѣвшій дурную привычку пересыпать свою рѣчь проклятіями, произнесъ какую-то очень неблагозвучную божбу у самаго уха Марка. Такимъ образомъ они вошли въ церковь, когда уже началась служба, и Марку Робартсу было какъ нельзя больше стыдно за себя. Если для успѣховъ въ свѣтѣ ему придется часто претерпѣвать такія злоключенія, такъ не лучше ли бѣ ему заранѣе отказать отъ этихъ успѣховъ?

Проповѣдь его не обратила на себя особеннаго вниманія. Къ великой его радости, мистриссъ Смитъ не было въ церкви; а остальные его спутники слушали его, казалось, очень разсѣянно. Предметъ проповѣди не имѣлъ уже прелести новизны ни для кого,

кромѣ обычныхъ посѣтителей церкви, фермеровъ и земледѣльцевъ прихода; а джентльмены, на особенныхъ скамьяхъ, удовольствовались тѣмъ, что выразили свое участіе весьма умѣренными пожертвованіями. Миссъ Данстеблъ впрочемъ подписалась на десять фунтовъ, благодаря чему въ общемъ итогѣ составилась сумма очень порядочная для такого мѣста какъ Чальдикотъ.

— Надѣюсь, что я никогда ни слова больше не услышу о Новой Гвинее, сказалъ мистеръ Соверби, когда по возвращеніи изъ церкви всѣ собрались въ гостиной, вокругъ камина.— Можно смотрѣть на все это какъ на дѣло поконченное и предать его забвенію. Не такъ ли Гарольдъ?

— Да, его совершенно покончила вчера мистриссъ Проуди, эта ужасная женщина, сказала мистриссъ Гарольдъ.

— Я удивляюсь, какъ вы стерпѣли и не сдѣлали на нее нападенія, чтобы вытѣснить ее изъ ея кресла, сказала миссъ Данстеблъ.—Я ожидала этого, и собиралась, не щадя живота своего, участвовать въ схваткѣ.

— Я никогда не воображала, чтобы женщина могла дойти до такой наглости, сказала миссъ Керриджи, всегдашняя спутница миссъ Данстеблъ.

— И я также. Позволить себѣ такую вещь, и гдѣ же! сказалъ докторъ Измень, медикъ, также не рѣдко сопутствующій ей.

— Да, сказалъ мистеръ Саппельгаусъ,—чего другаго, а наглости у нея довольно. Не завидую я бѣдному епископу.

— Я почти ничего не разслыхалъ изъ того, что она лепетала вчера вечеромъ, сказалъ Гарольдъ Смитъ,—по этому я и не могъ отвѣчать ей.

— Помнится мнѣ, она что-то говорила о воскресномъ днѣ, сказалъ Соверби.—Она выразила надежду, что вы не допустите, чтобы ваши островитяне отяравлялись въ дорогу по воскресеньямъ.

— И просила васъ завести воскресныя школы, прибавила мистриссъ Смитъ.

За тѣмъ всѣ принялись раздирать мистриссъ Проуди на мелкіе кусочки, начиная съ верхняго банта ея чепца до кончика ея башмака.

— И сверхъ всего этого, она требуетъ, чтобъ бѣдные пасторы влюблялись въ ея дочерей. Это кажется всего труднѣе, сказала миссъ Данстеблъ.

Но, не смотря на все это, когда вечеромъ другъ нашъ Маркъ легъ въ постель, онъ было очень недоволенъ тѣмъ, какъ онъ провелъ это воскресенье.

ГЛАВА VIII.

Во вторникъ утромъ, Маркъ получалъ письмо жены со вложеніемъ десяти фунтовъ. Это письмо, набросанное второпяхъ, пока почтальионъ Робинъ допивалъ свою кружку пива, дышало однако любовью и радостнымъ торжествомъ.

«Мнѣ всего остаются двѣ минуты, чтобы выслать тебѣ деньги,» писала она, «почтальионъ ждетъ у дверей. При свиданіи объясню, отчего я такъ тороплюсь. Дай мнѣ знать, что получилъ это письмо. Теперь все улажено, и леди Лоутонъ была здѣсь, съ минуту назадъ. Ей не слишкомъ понравилась твоя поѣздка въ Гадромъ-Кассль; но ты ни слова объ этомъ не услыжишь. Помни только, что ты *долженъ* обѣдать въ Фремле-Кортъ въ будущую среду. Я обѣщала за тебя. Ты пріѣдешь, не правда ли, милый мой? Право, я сама за тобой пріѣду и увезу тебя насильно, если ты еще долѣе задержишься. Но я увѣрена, что ты этого не сдѣлаешь. Да хранить тебя Господь, безцѣнный мой другъ! Мистеръ Джонсъ угостилъ насъ тою же проповѣдью, которую прочелъ на Святой недѣлѣ. Два раза въ одинъ годъ, это ужъ частенько. Господь съ тобою! Дѣти всѣ здоровы. Маркъ тебя крѣпко цѣлуетъ. Твоя Фанни.»

Робартсъ, прочитавъ это письмо и засунувъ деньги въ карманъ, почувствовалъ, что оно гораздо утѣшительнѣе чѣмъ онъ заслуживаетъ. Онъ видѣлъ, что *была* схватка, и что жена, храбро отстаивая его, одержала побѣду; онъ зналъ также, что этою побѣдой она обязана вовсе не правотѣ своего дѣла. Онъ часто повторялъ себѣ, что нечего ему пугаться леди Лоутонъ; тѣмъ не менѣе, извѣстіе, что не будетъ никакихъ упрековъ значительно облегчило его сердце.

Въ пятницу всѣ они отправились къ герцогу, и застали тамъ епископа и мистриссъ Проуди; были тутъ также разные другіе гости, большею частію лица важныя, или по крайней мѣрѣ почитавшіяся такими въ Барсетширѣ. Былъ тутъ лордъ Бонерджесъ, сгарикъ, любившій во всемъ поставить на своемъ. Все общество, не исключая и герцога, казалось, смотрѣло на него какъ на какого-то властелина мысли, и на властелина, вовсе не связаннаго конституціей, а напротивъ рѣшавшаго всѣ вопросы безъ малѣйшаго содѣйствія со стороны своихъ министровъ. Въ числѣ гостей находился и баронъ Броуль, одинъ изъ младшихъ судей

палаты казначейства, самый приятный гость, но тѣмъ не менѣе господинъ довольно извѣтельнаго свойства. Тутъ былъ и мистеръ Уокеръ Гринъ — человекъ молодой, подающій большіе надежды, тотъ самый, который недавно сказалъ рѣчь о латинской грамматикѣ передъ избирателями мѣстечка Кру-Джонкшона. Мистеръ Гринъ изъ Гартльтона былъ племянникъ маркизы Гартльтонъ, а маркиза Гартльтонъ была въ дружбѣ съ герцогомъ Омнiумъ. Мистеру Марку Робартсу конечно приятно было видѣть себя въ такомъ избранномъ кругу, особенно послѣ такихъ настоятельныхъ приглашеній. Не глупо ли было бы отказаться отъ такого общества изъ-за предубѣжденій леди Лоттонъ?

По случаю столь многочисленныхъ и важныхъ посѣтителей, запахнулся парадный портикъ въ Гадромъ-Кассль; обширная зала, украшенная разными трофеями, мраморными бюстами изъ Италіи и стариннымъ оружіемъ изъ Уардоръ-Стрита, оглашалась непривычнымъ шумомъ шаговъ. Самъ герцогъ находился въ гостиной, когда вошелъ Маркъ вмѣстѣ съ Соверби и миссъ Данстеблъ (на этотъ разъ миссъ Данстеблъ пріѣхала въ фаэтонѣ, а Маркъ помѣстился на козлахъ). Его милость былъ привѣтливъ до-нельзя.

— Миссъ Данстеблъ! проговорилъ онъ, взявъ ея руку и подводя ее къ камину:—теперь только я чувствую, что Гадромъ Кассль былъ выстроенъ не даромъ.

— Никто этого не могъ бы допустить, милордъ, отвѣчала миссъ Данстеблъ:—я увѣрена, что архитекторъ былъ совершенно другого мнѣнія, когда ему было заплачено по его счету.

И миссъ Данстеблъ, усѣвшись у каминна, протянула ноги къ огню также непринужденно какъ будто бы ея отецъ самъ былъ герцогъ, а не разбогатѣвшій лѣкарь.

— Отданы самые точныя приказанія на счетъ попугая, сказалъ герцогъ.

— А! Но я передумала и не привезла его, сказала миссъ Данстеблъ.

— А я-то нарочно для него велѣлъ устроить птичникъ, такой, къ какимъ привыкли попугаи у себя на родинѣ. Право, это не любовно съ вашей стороны, миссъ Данстеблъ: нельзя ли за нимъ послать?

— Онъ путешествуетъ вмѣстѣ съ докторомъ Изименомъ. Правду сказать, я не рѣшилась лишитъ доктора такого приятнаго сотоварища.

— Я могъ бы для доктора устроить другую кѣтку. Право, миссъ Данстеблъ, вы меня серьезно обидѣли. Но пудель... я надѣюсь по крайней мѣрѣ на пуделя.

— И вы, милордъ, не будете обмануты въ своей надеждѣ. Да гдѣ же онъ однако?

Миссъ Данстеблъ оглянулась, какъ бы вполне увѣренная, что кто-нибудь непременно несъ за нею собачонку.— Не пойдти ли мнѣ освѣдниться о немъ? Когда подумаю, что можетъ-быть его помѣстили съ вашими собаками, милордъ,—какой ему дурной примѣръ!

— Миссъ Данстеблъ, это личный намекъ?

Но миссъ Данстеблъ уже отошла отъ камня, и герцогъ могъ привѣтствовать другихъ своихъ гостей. Онъ это дѣлалъ самымъ любезнымъ образомъ.

— Соверби, сказалъ онъ, я—радъ что вы остались здѣсь послѣ лекціи. Я, признаться, боялся за васъ.

— Я былъ возвращенъ къ жизни и то не скоро, укрѣпляющими средствами въ гостиницѣ Дракона. Позвольте мнѣ вамъ представить мистера Робартса, который въ этомъ случаѣ не былъ такъ счастливъ. Его увезли въ епископскій дворецъ, гдѣ онъ подвергся самому сильному курсу лѣченія.

Тутъ герцогъ пожалъ руку мистеру Робартсу, увѣряя его, что онъ крайне радъ съ нимъ познакомиться: онъ часто слышалъ о немъ съ тѣхъ поръ какъ онъ поселился въ графствѣ; потомъ, онъ освѣдомился о лордѣ Лофтонѣ, изъявляя сожалѣніе, что не могъ уговорить его пріѣхать къ нему въ Гадромъ-Касслѣ.

— Но вы были вознаграждены за скуку первой лекціи? продолжалъ герцогъ.—Была, говорятъ, вторая, которая совсѣмъ затмила бѣднаго Гарольда Смита?

Тутъ мистеръ Соверби самымъ забавнымъ образомъ разказалъ маленькій эпизодъ о выходкѣ мистриссъ Проуди.

— Конечно, это на вѣки погубило репутацію вашего зятя въ дѣлѣ публичныхъ чтеній, сказалъ герцогъ смѣясь.

— Если такъ, то мы всѣ должны благодарить за это мистриссъ Проуди, отвѣчалъ Соверби.

Тутъ подошелъ самъ Гарольдъ Смитъ. Герцогъ радушно поздравилъ его съ успѣхомъ его предпріятія въ Барчестерѣ.

Маркъ Робартсъ отошелъ отъ нихъ, и вниманіе его было внезапно привлечено громкимъ голосомъ миссъ Данстеблъ, которая, проходя по комнатамъ, наткнулась на какихъ-то близкихъ друзей, и вовсе не думала скрывать своего удовольствія отъ окружающаго общества.

— А-а-а! воскликнула она, ухватившись за очень красивую, скромную, щегольски-одѣтую молодую женщину, которая только что вошла подъ руку съ молодымъ джентльменомъ, повидимому ея мужемъ.—А-а-а! Вотъ неожиданная радость!

И она принялась осыпать поцѣлуями молодую женщину, а потомъ, схвативъ обѣ руки джентльмена, крѣпко ихъ пожимала.

— И сколько всякой всячины я имѣю вамъ сказать! продолжала она.—Вы перевернете всѣ мои планы. Но, Мери, милая моя, долго ли вы думаете остаться здѣсь? Я ѣду.. погодите.... право, забыла когда... У меня все это записано въ книжкѣ. Я отсюда къ мистриссъ Проуди. Васъ я вѣроятно не встрѣчу тамъ... Ну что, Франкъ, какъ поживаетъ вашъ старикъ?

Молодой человѣкъ, котораго она назвала Франкомъ, отвѣчалъ, что *старикъ* здоровъ.—Бредитъ гончими, по обыкновенію, прибавилъ онъ.

— Да, кстати о гончихъ. Какъ дурно распоряжаются этимъ дѣломъ въ Чальджкотъ! Я тамъ ѣздила на охоту....

— Какъ, вы ѣздили на охоту? прервала дама, которую миссъ Данстебль назвала Мери.

— А почему же мнѣ не ѣздить на охоту? Мистриссъ Проуди сама съ нами ѣздила. Но не затравили ни одной лисицы; да, признаться, все какъ-то вяло шло.

— Вы охотились въ самой дурной части графства, сказалъ Франкъ.

— Конечно; когда я вздумую въ самомъ дѣлѣ заняться охотой, я поѣду въ Грешемсбери, это дѣло рѣшеное.

— Или въ Боксалъ-Гиллъ, сказала дама:—тамъ охотятся такъ же ревностно, какъ и въ Грешемсбери.

— Да, и съ толкомъ, слѣдовало бы прибавить, сказалъ молодой человѣкъ.

— Ха! ха! ха! смѣясь воскликнула миссъ Данстебль:—знаю я вашъ толкъ! Но вы мнѣ еще ничего не сказали о леди Арабеллѣ.

— Магушка здорова.

— А докторъ? Кстати, моя милая, я *такое* получила письмо отъ доктора, два дня тому назадъ.... я вамъ покажу его сегодня вечеромъ; но только, пусть это останется между нами. Если онъ такъ будетъ продолжать, то непременно попадетъ въ Тауэръ, или въ Ковентри, или вообще въ какое-нибудь не хорошее мѣсто.

— Да, что же онъ пишетъ?

— Не ваше дѣло, мастеръ Франкъ; вамъ я вовсе не намѣрена показывать письма. Но если ваша жена поклонится трижды не измѣнять мнѣ, я, такъ и быть, повѣрю ей тайну. Итакъ, вы устроились окончательно въ Боксалъ-Гиллъ, не правда ли?

— Лошади имѣютъ помѣщеніе, и собаки почти совсѣмъ устроены, сказала жена Франка:— не могу сказать того же объ остальномъ.

— Ну, время не ушло. Но пора мнѣ пойдти переодеться. Мери, милая моя, не забудьте състь подлѣ меня за обѣдомъ: мнѣ нужно съ вами поговорить.

И миссъ Данстеблъ вышла изъ комнаты.

Благодаря громкому голосу миссъ Данстеблъ, Маркъ не могъ не подслушать всего этого разговора.

Онъ узналъ потомъ, что этотъ молодой человекъ Франкъ Грешемъ, сынъ стараго мистера Грешема изъ Грешемсбери. Франкъ недавно женился на богатой наслѣдницѣ, богаче даже, какъ говорили, самой миссъ Данстеблъ; и такъ какъ не прошло и восьми мѣсяцевъ послѣ этой свадьбы, то въ барсетширскомъ обществѣ только и было рѣчи о ней.

— Эти двѣ наслѣдницы, кажется, очень дружны между собой, сказалъ мистеръ Сапфельгаусъ:— между богачами есть какая-то врожденная симпатія. Но недавно ходили слухи, что молодой Грешемъ женится на миссъ Данстеблъ.

— Миссъ Данстеблъ! повторилъ Маркъ:— да она бы ему годилась въ матери.

— Велика важность! Ему нужно было составить богатую партію, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ когда-то сватался за миссъ Данстеблъ.

— Я получилъ письмо отъ Лофтона, сказалъ мистеръ Соверби Марку на другое утро:— онъ говоритъ, что вы одни виноваты въ промедленіи; вамъ слѣдовало предупредить леди Лофтонъ, и онъ ждалъ извѣстія отъ васъ, прежде чѣмъ рѣшился самъ писать къ ней. Но вы, кажется, ни слова не сказали ей объ этомъ дѣлѣ.

— Конечно нѣтъ; мнѣ было поручено поговорить съ нею когда она будетъ въ такомъ расположеніи, чтобы хорошо принять эту вѣсть. Еслибы вы знали леди Лофтонъ такъ же коротко какъ я, васъ бы не удивило, что я не нашелъ еще удобной минуты.

— Вотъ прекрасно! Такъ мнѣ пришлось ждать потому только, что вы оба трусите передъ этою старухой! Впрочемъ, я ни слова не могу сказать; противъ нея теперь все улажено.

— Такъ ферму продали?

— Ничуть. Достойная леди не могла потерпѣть такого нарушенія фремлейской святыни: она продала акцій на пять тысячъ фунтовъ и выслала деньги сыну безъ малѣйшаго объясненія, изъявляя только надежду, что этой суммы будетъ достаточно для теперешнихъ его нуждъ. Признаюсь, желалъ бы я, чтобъ у меня была матушка.

Маркъ не былъ въ состояніи что-либо отвѣчать; его вдругъ упрекнула совѣсть, ему стало жаль, что онъ не въ Фремлей въ настоящую минуту. Онъ хорошо зналъ и доходы леди Лофтонъ, и то какимъ образомъ она ихъ издерживала. Состояніе у ней было порядочное для одинокой, пожилой женщины, но жила она открыто и славилась своею щедростію; ей не было надобности откладывать деньги, и весь ея доходъ обыкновенно издерживался въ теченіи года. Маркъ зналъ это, и зналъ также, что одна

положительная невозможность заставить ее прервать или уменьшить благодѣянія, которыя она привыкла расточать. А вотъ теперь она отдала часть своего капитала, чтобы спасти имѣніе сына—сына, который безъ сравненія былъ богаче ея и не имѣлъ такихъ обязанностей передъ обществомъ.

Маркъ догадывался также, на какое употребленіе пошли эти деньги. Между Соверби и лордомъ Лофтономъ были какіе-то денежные счеты вслѣдствіе проигрыша на скачкахъ. Долгъ этотъ тянулся уже года четыре, съ самаго почти совершеннолѣтія лорда Лофтона, который когда-то разказывалъ все дѣло Марку Робартсу, и съ горечью говорилъ, что мистеръ Соверби съ нимъ поступаетъ безсовѣстно и безчестно, что онъ требуетъ денегъ, на которыя не имѣетъ никакого права; онъ объявилъ даже, что хочетъ отдать это дѣло на рѣшеніе Джокей-Клуба. Но Маркъ, зная, что Лофтонъ не очень опытенъ въ подобныхъ дѣлахъ, и считая невозможнымъ, чтобы мистеръ Соверби былъ способенъ къ обману, старался успокоить его и всячески уговаривалъ его обратиться къ посредничеству какого-нибудь третьяго лица. Маркъ долженъ былъ обо всемъ этомъ переговорить съ самимъ мистеромъ Соверби, и этимъ началось ихъ сближеніе. Положили дѣло рѣшить третейскимъ судомъ. Самъ мистеръ Соверби назначилъ посредника. Лордъ Лофтонъ не пришелъ въ негодованіе, когда дѣло было рѣшено въ пользу Соверби; гнѣвъ его успѣлъ остыть.— Они меня совсѣмъ обобрали, сказалъ онъ Марку, смѣясь:—но что жъ дѣлать! Надобно же чѣмъ-нибудь заплатить за опытность. Соверби говоритъ, что дѣло чистое; и я не имѣю права въ томъ сомнѣваться.

Потомъ случилось еще какое-то замедленіе въ уплатѣ; часть денегъ была выдана третьему лицу, былъ данъ вексель, и одинъ Господь да жида-ростовщикъ вѣдаютъ, сколько пришлось переплатить лорду Лофтону! Кончилось тѣмъ, что онъ долженъ былъ заплатить за мистера Соверби какому-то подлецу маклеру всѣ эти пять тысячъ фунтовъ, которыми пожертвовала его мать, леди Лофтонъ!

Припоминая все это, Маркъ не могъ не почувствовать нѣкоторой злобы противъ мистера Соверби, не могъ не возымѣть подозрѣнія, что онъ дурной человекъ; лучше сказать, онъ не могъ не убѣдиться въ этомъ вполне. А между тѣмъ, онъ продолжалъ съ нимъ прогуливаться по герцогскому парку, разсуждая о дѣлахъ лорда Лофтона и съ участіемъ выслушивая то, что Соверби говорилъ про свои собственыя.

— Меня кругомъ обобрали, говорилъ онъ,—но я кой-какъ выдерусь имъ всѣмъ на зло. Но эти жида, Маркъ (въ послѣдніе дни они стали на очень короткую ногу), что бы съ вами ни случилось,

не связывайтесь съ жидами. Я могъ бы оклеить цѣлую комнату векселями за ихъ подписью, а между тѣмъ я никогда съ нихъ не получалъ ни шиллинга, а они все съ меня дерутъ!

Я сказалъ выше, что дѣло лорда Лофтона было покончено; оказалось однако, что оно покончено не *совсѣмъ*.

— Скажите Лофтону, сказалъ Соверби Марку, что я выручилъ всѣ бумаги съ его подписью, за исключеніемъ того, что захватилъ подлець Тозеръ. У него, кажется, остался одинъ какой-то вексель: что-то такое тамъ не было вычтено при возобновленіи. Но я попрошу своего адвоката добыть эту бумагу. Можетъ-быть придется заплатить фунтовъ десять или двадцать, но никакъ не болѣе; вы не забудете передать это Лофтону?

— Вы Лофтону, вѣроятно, увидите прежде меня.

— Какъ, развѣ я вамъ не говорилъ? Онъ ѣдетъ прямо въ Фремлей; вы тамъ его застанете.

— Застану его въ Фремлей?

— Да, этотъ маленькій подарокъ, который онъ получилъ отъ матери, растрогалъ его сыновнее сердце. Онъ теперь летитъ домой, въ Фремлей, чтобы заплатить своими нѣжными ласками за звонкую монету, высланную ему старухой. Право жаль, что у меня нѣтъ матери.

Маркъ опять почувствовалъ, что онъ боится мистера Соверби, и все-таки не былъ въ силахъ оторваться отъ него.

Въ замкѣ много толковали о политикѣ. Не то, чтобы герцогъ принималъ въ ней черезчуръ живое участіе. Онъ былъ вигъ,— вигъ самыхъ колоссальныхъ размѣровъ, весь свѣтъ это зналъ. Ни одному противнику не могло бы придти въ голову подшутить надъ его вигизмомъ; никакой собратъ-вигъ не могъ бы въ немъ усомниться. Но онъ былъ такой вигъ, который мало оказывалъ практической поддержки одной партіи, и мало практическаго сопротивленія другой. Онъ не снисходилъ до этихъ земныхъ дразгъ. На выборахъ онъ постоянно поддерживалъ и постоянно вывозилъ кандидата со стороны виговъ; за то одинъ изъ министровъ этой партіи назначилъ его лордомъ-намѣстникомъ графства, а другой наградилъ его орденомъ Подвязки. Но эти почести не могли быть въ диковинку герцогу Омніуму. Онъ съ тѣмъ и родился, чтобы быть лордомъ-намѣстникомъ и получить Подвязку.

Но, несмотря на это равнодушіе, или, лучше сказать, хладнокровіе, Гадромъ-Кассль считался мѣстомъ, гдѣ могли собираться политики, чтобы сообщать другъ другу свои надежды и планы, и полу-шутливо, полу-серіозно составлять маленькіе заговоры. Шли слухи, что мистеръ Саппельгаусъ, Гарольдъ Смитъ и нѣкоторые другіе прибыли въ Гадромъ-Кассль именно для этой цѣли. Мистеръ Фодергиллъ также былъ извѣстный политикъ, и считался

самымъ близкимъ повѣреннымъ герцога; а мистеръ Гримъ Уокеръ, племянникъ маркиза, былъ молодой человекъ, котораго герцогъ желалъ вывести впередъ; мистеръ Соверби былъ членъ парламента, рекомендованный самимъ герцогомъ; однимъ словомъ, составъ общества способствовалъ обмѣну политическихъ мнѣній.

Тогдашній первый министръ, хотя противъ него возставали многіе, оказался довольно счастливъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Онъ привелъ къ концу войну съ Россіей; и этотъ конецъ, если и не вполне удовлетворительный, былъ гораздо благополучнѣе чѣмъ одно время надѣялись въ Англии. Потомъ, онъ былъ особенно счастливъ въ дѣлѣ индѣйскаго возстанія. Правда, многіе даже изъ тѣхъ, которые подавали голосъ въ его пользу, говорили, что успѣхъ въ этомъ дѣлѣ нельзя приписывать ему. Въ Индіи явились великіе люди и сдѣлали все. Даже его губернаторъ, назначенный имъ, не пользовался въ то время особымъ почетомъ въ общественномъ мнѣніи несмотря на всѣ подвиги, совершенные подъ его начальствомъ. Мало питали довѣрія къ главному распорядителю; но тѣмъ не менѣе все ему удавалось, а въ публичномъ лицѣ нѣтъ большаго достоинства какъ удача.

Но теперь, когда прошли трудные дни, являлся вопросъ: не слишкомъ ли много онъ имѣлъ успѣха? Когда человекъ приковалъ фортуны къ своей колесницѣ, онъ обыкновенно разѣзжаетъ съ довольно-гордою осанкой. Есть слуги, которые думаютъ, что ихъ господа не могутъ безъ нихъ обойтись; и у общества бываютъ такіе слуги. Что если этотъ счастливый министръ принадлежитъ къ ихъ числу?

Притомъ, какой-нибудь ревностный, дѣльный, но туповатый членъ нижней палаты не любить, чтобъ ему отвѣчали насмѣшками, когда, исполняя свой долгъ передъ избирателями, онъ позволяетъ себѣ предложить нѣсколько скромныхъ вопросовъ. Не лучше ли на время предать остракизму такого черезчуръ счастливаго министра, который не имѣетъ осторожности скрыть своего торжества, а позволяетъ себѣ расхаживать съ гордою осанкой, подсмѣиваясь надъ ревностными и тупоумными членами, а подчасъ и надъ членами вовсе не тупоумными, что уже совершенно неизвинительно?

— Не лучше ли намъ закидать его раковинами? говорить мистеръ Гарольдъ Смитъ.

— Да, закидаемъ, повторяетъ мистеръ Сапельгаусъ, готовый, какъ Юнона, отомстить за отверженные свои прелести, а всѣ знаютъ что значатъ такія слова въ устахъ мистера Сапельгауса; знаютъ, что злосчастному министру теперь не уйдти отъ страшнаго удара, готоваго разразиться надъ его головою.

— Да, набросаемъ раковинъ, — и мистеръ Саппельгаусъ встаетъ съ своего мѣста, сверкая взоромъ.—Развѣ нѣтъ у Греци не менѣе его благородныхъ сыновъ? да, и поблагороднѣй его, измѣнника! Мы должны судить о человѣкѣ по его друзьямъ, говоритъ мистеръ Саппельгаусъ, указывая на востокъ, гдѣ, какъ извѣстно, живутъ наши любезные союзники, Французы, съ которыми, какъ тоже извѣстно, глава нашего правительства находится въ дружбѣ.

Всѣ это понимаютъ, даже мистеръ Гринъ Уокеръ.

— Право, теперь онъ намъ вовсе не нуженъ, говоритъ даровитый членъ за Кру-Джонкшонъ:—онъ уже сталъ черезчуръ заносчивъ; я знаю, что многіе думаютъ точно то же. Вотъ мой дядя...

— Онъ человѣкъ славный, прервалъ мистеръ Фодергиллъ, предчувствуя можетъ-быть, что ожидаемая ссылка на дядю мистера Грима Уокера не слишкомъ-то подвинетъ вопросъ:—но дѣло въ томъ, что наконецъ надобѣтъ все одно и то же лицо. Неприятно же каждый день ѣсть всекуропатоку да куропатоку. Миѣ, конечно, до этого нѣтъ никакого личнаго дѣла, но я бы не прочь переѣхать кушанье.

— Если мы постоянно должны дѣйствовать съ чужаго голоса и не имѣть своего, то къ чему же намъ и браться за дѣло? сказалъ мистеръ Соверби.

— Ни къ чему рѣшительно, возразилъ Саппельгаусъ:—мы измѣняемъ своимъ избирателямъ, подчиняясь такому владычеству.

— Такъ рѣшимся на переѣзду, сказалъ мастеръ Соверби:—дѣло, кажется, въ нашихъ рукахъ.

— Именно, подтвердилъ мистеръ Гримъ Уокеръ.—Это самое говоритъ и мой дядя.

— Манчестерцы будутъ до смерти рады этому случаю, сказалъ Гарольдъ Смитъ.

— А что касается до поджарыхъ джентльменовъ, сказалъ мистеръ Соверби,—то они, конечно, не откажутся поднять плодъ, когда мы тряхнемъ дерево.

— Ну, это мы еще увидимъ кому достанется плодъ, сказалъ мистеръ Саппельгаусъ.

И точно, почему бы этому плоду не пасть на его долю? Развѣ онъ не именно такой человѣкъ, какой нуженъ, чтобы спасти націю? Что за бѣда, что нація въ настоящую минуту совсѣмъ не нуждается въ спасеніи—вѣдь могутъ же настать и другія времена. Развѣ не было рѣчи о возможности новыхъ войнъ, еслибы настоящая и окончилась безъ его содѣйствія по какой-нибудь особой милости Провидѣнія? Мистеръ Саппельгаусъ вспомнилъ о странѣ, на которую онъ указалъ, о другѣ нашихъ недавнихъ враговъ, и почувствовалъ, что отечество все еще нуждается въ спаси-

тебѣ. Общественное мнѣніе проснулось наконецъ, и знаетъ чего требовать.

Когда человѣкъ разъ вообразить себѣ, что его призываетъ голосъ народа, онъ получаетъ удивительное довѣріе къ этому голосу.

— *Vox populi vox Dei*, не такъ ли было всегда? говорилъ онъ себѣ, ложась спать и вставая. И мистеру Саппельгаусу казалось, что онъ руководящая голова въ Гадромъ-Касслѣ, а что всѣ остальные гости марионетки, которыми онъ распоряжается. Приятно чувствовать, что ваши ближніе и друзья не болѣе какъ марионетки, и что вы можете заставить ихъ плясать по своей прихоти! Но что если мистеръ Саппельгаусъ самъ былъ марионеткой?

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда глава правленія, осажденный со всѣхъ сторонъ, точно слетѣлъ, когда точно его отовсюду закидали недружелюбными раковинами, когда ему пришлось восклицать: *Et tu Brute!* пока эти слова не стереотипировались на его устахъ, вездѣ стали толковать о знаменитомъ конгрессѣ въ Гадромъ-Касслѣ. Герцогъ Омніумъ, говорилъ свѣтъ, глубоко обдумалъ положеніе дѣлъ; его орлиному оку не трудно было замѣтить, что благо отечества требуетъ какого-нибудь рѣшительнаго шага; вслѣдствіе этого, онъ пригласилъ въ свой замокъ многихъ членовъ нижней палаты, и нѣкоторыхъ изъ палаты лордовъ—особенно упоминалось о досточтимомъ и многомудромъ лордѣ Бонерджесѣ; здѣсь, такъ шла молва, въ глубокомъ совѣщаніи, герцогъ изложилъ свои виды. Тутъ было рѣшено, что глава правительства долженъ пасть, несмотря на то, что онъ вигъ. Отечество этого требовало, и герцогъ исполнялъ свой долгъ. Таково, по словамъ свѣта, было начало знаменитаго союза, который вскорѣ ниспровергъ министерство, и, какъ прибавляла газета *Goody Twoshoes*, спасъ Англію отъ неминуемой гибели. Но газета *Юниверъ* всю заслугу приписывала себѣ, и точно, всю заслугу можно было приписать *Юниверу* какъ въ этомъ, такъ и во всемъ остальномъ.

Между тѣмъ, герцогъ Омніумъ съ обычнымъ великолѣпіемъ угощалъ своихъ посѣтителей, но онъ не слишкомъ много изволилъ толковать съ мистеромъ Гарольдомъ Смитомъ или съ мистеромъ Саппельгаусомъ о политическихъ предметахъ. Что до лорда Бонерджеса, то онъ провелъ все то утро, когда происходилъ вышеупомянутый разговоръ съ миссъ Данстеблѣ, уча ее пускать мыльные пузыри по строгимъ правиламъ науки.

Всѣ замѣтили, что герцогъ особенно внимателенъ къ Франку Грешему, молодому человѣку, которому такъ шумно обрадовалась миссъ Данстеблѣ. Этотъ мистеръ Грешемъ былъ одинъ

изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ во всемъ графствѣ, и слухи шли, что при будущихъ выборахъ онъ будетъ однимъ изъ членовъ за Остъ-Райдингъ. Конечно, герцогъ не имѣлъ ничего общаго съ Остъ-Райдингомъ, да притомъ хорошо было извѣстно, что молодой Грешемъ явится строгимъ консерваторомъ; однако помѣстья его были такъ обширны и денежные капиталы такъ значительны, что онъ стоилъ вниманія любого герцога. Мистеръ Соверби также былъ болѣе чѣмъ любезенъ съ нимъ, и не мудрено: подпись этого молдага человека могла превратить каждый клочокъ бумаги въ банковый билетъ почти баснословной цѣнности.

— Такъ остъ-барсетширскія гончія теперь у васъ въ Бокзалль-Гилль, не такъ ли? сказалъ герцогъ.

— Гончія тамъ, сказалъ Франкъ,—но не я ими распоряжаюсь.

— Да? А я полагалъ....

— Онъ собственно у отца; но онъ находитъ, что Бокзалль-Гилль центральнѣе чѣмъ Грешемсбери. Не такъ длинны перѣзды для лошадей и собакъ.

— Да, точно, Бокзалль-Иллъ въ самомъ центрѣ графства.

— Именно.

— А хорошо разрастается вашъ молодой верескъ?

— Порядочно; верескъ не вездѣ можетъ расти, къ сожалѣнію.

— Вотъ именно это говорю я Фодергиллу; къ тому же, тамъ гдѣ много лѣсовъ, дичи никакъ не выманишь изъ нихъ.

— Да у насъ ни одного дерева нѣтъ въ Бокзалль-Гилль, сказала мисгриссъ Грешемъ.

— Ахъ, да; конечно, вы недавно тамъ поселились; за то ихъ у васъ за глаза въ Грешемсбери. Тамъ даже больше лѣса чѣмъ у насъ, не такъ ли, Фодергилль?

Мистеръ Фодергилль сказалъ, что, конечно, грешемсберійскіе лѣса очень обширны, однако ему кажется....

— Да! да! знаю, прервалъ герцогъ:—въ глазахъ Фодергилла самъ Черный Лѣсъ, во дни своего величія ничего не значитъ въ сравненіи съ гадромскими лѣсами. Да притомъ, ничто въ восточномъ Барсетширѣ не можетъ быть лучше чего-либо въ западномъ Барсетширѣ? Не такъ ли Фодергилль?

Мистеръ Фодергилль объявилъ, что онъ воспитанъ въ такихъ убѣжденіяхъ и надѣется съ ними лечь въ гробъ.

— Ваши теплицы въ Бокзалль-Гилль великолѣпны, сказалъ мистеръ Соверби.

— Я бы отдалъ всѣ теплицы за какой-нибудь одинъ хорошій, рослый дубъ, сказалъ молодой Грешемъ.

— Это придетъ въ свое время, сказалъ герцогъ.

— Да, въ свое время, но ужь никакъ не въ мое. Я слышалъ, мистеръ Соверби, что собираются вырубить Чальдикотскій лѣсъ.

— Да, его не только вырубають, а выкареживаютъ.

— Какая жалость! воскликнулъ Франкъ.—Одни виги способны на такія дѣла.

— Ха! ха! ха! засмѣлся герцогъ. — Знаю только, что еслибъ эта мѣра была предписана правительствомъ торійскимъ, виги пришли бы точно въ такое же негодование какъ вы теперь.

— Знаете ли, что вамъ слѣдовало бы сдѣлать, мистеръ Грешемъ? сказалъ Соверби:—вамъ бы слѣдовало скупить всѣ казенныя земли въ Остъ-Барсетширѣ; правительство было бы радо продать ихъ.

— А намъ было бы крайне пріятно имѣть васъ сосѣдомъ, добавилъ герцогъ.

Все это не могло не польстить молодому Грешему. Онъ зналъ, что не многимъ лицамъ въ графствѣ можно было безъ неглупости сдѣлать подобное предложеніе. Можно было усомниться, въ состояніи ли самъ герцогъ скупить весь Чальдикотскій лѣсъ; но никто не сомнѣвался, что у него, Грешема, на это хватитъ денегъ. Потомъ, мистеру Грешему припомнилось прежнее посѣщеніе его Гаромъ де-Кассля. Тогда онъ былъ далеко не богатъ, и герцогъ обошелся съ нимъ вовсе не черезчуръ пріятливо. Трудно богатому человѣку не опираться на свое богатство, труднѣе чѣмъ верблюду пройти сквозь иллыныя уши.

Всему Барсетширу было извѣстно (или по крайней мѣрѣ всему Вестъ-Барсетширу), что миссъ Данстемблъ пригласила сюда съ тѣмъ чтобы мистеръ Соверби могъ на ней жениться. Не имѣли причины думать, чтобы сама миссъ Данстемблъ знала объ этомъ планѣ, но предполагали, что по веѣмъ вѣроятіямъ онъ долѣнъ осуществиться. Мистеръ Соверби состояніи не имѣлъ, но онъ былъ уменъ, остеръ, не дурень собою, и членъ парламента. Онъ жилъ въ самомъ лучшемъ кругу; былъ вездѣ принятъ какъ представитель древняго рода; былъ у него гдѣ-то старинный, родовой замокъ. Чего же лучше для миссъ Данстемблъ? Она уже не молода; пора ей подумать о томъ, какъ бы пристроиться.

Слухи эти были совершенно справедливы въ отношеніи къ мистеру Соверби и нѣкоторымъ изъ его приближенныхъ. Его сестра, мистриссъ Гарольдъ Смитъ, горячо принялась за дѣло, и заведя самую тѣсную дружбу съ миссъ Данстемблъ. Епископъ, значительно подмигнувъ и кивнувъ головою, замѣтилъ, что партія была бы отличная. Мистриссъ Проуди изъявила полное согласіе; самъ герцогъ поручилъ Фодергиллу устроить это дѣло.

— Онъ мнѣ долженъ бездну денегъ, сказалъ герцогъ, имѣвшій въ рукахъ закладныя на помѣстье Соверби, — и я сомнѣваюсь, чтобы залого были достаточно вѣрны.

— Ваша милость можете быть спокойны на этотъ счетъ, отвѣчалъ Фодергиллъ: — впрочемъ, партія въ самомъ дѣлѣ хорошая.

— Отличная, сказалъ герцогъ.

И такимъ образомъ стало обязанностью мистера Фодергилла какъ можно скорѣе женить мистера Соверби на миссъ Данстеблѣ.

Нѣкоторые изъ членовъ общества, гордившіеся своею пронизательностью, увѣрили, что онъ уже сдѣлалъ предложеніе, другіе, что онъ на дняхъ посватается, а одна особенно догадливая дама утверждала даже, что онъ сватается именно въ эту минуту. Шли пари о томъ, каковъ будетъ отвѣтъ миссъ Данстеблѣ, какъ устроить денежные дѣла, когда будетъ назначена свадьба; сама миссъ Данстеблѣ, конечно, и не подозрѣвала ничего.

Мистеръ Соверби, несмотря на эту неприятную огласку, велъ свое дѣло очень хорошо. Онъ почти ничего не отвѣчалъ на шутки и намеки постороннихъ, а между тѣмъ, по силамъ, добивался своей цѣли. Достоверно только то, что онъ еще не посватался наканунѣ утра, назначеннаго для отъѣзда Марка Робарта.

Въ послѣдніе дни, мистеръ Соверби еще больше сблизился съ Маркомъ. Онъ говорилъ съ нимъ обо всѣхъ присутствующихъ тузахъ такимъ откровеннымъ тономъ, какъ будто бы только съ нимъ однимъ и могъ отвести душу. Казалось, онъ пыталъ гораздо болѣе довѣрія къ Марку чѣмъ къ зятю своему, Гарольду Смитту, или къ кому-либо изъ своихъ собратьевъ по парламенту; онъ даже повѣрилъ видарію свое намѣреніе жениться. Мистеръ Соверби игралъ довольно видную роль въ обществѣ, и вниманіе его очень льстило молодому священнику.

Въ послѣдній вечеръ передъ отъездомъ Марка, когда все общество уже разошлось, Соверби попросилъ его зайти къ нему въ спальню. Тамъ онъ усадилъ его въ покойное кресло, а самъ принялся расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вы не можете себѣ представить, проговорилъ онъ, — въ какой я теперь тревогѣ.

— Да отчего вы прямо съ нею не объяснитесь? Мнѣ кажется, что она очень любезна съ вами.

— Ахъ да не это одно! Еще разная есть запутанность.

И онъ опять молча прошелся раза два по комнатѣ; Маркъ хотѣлъ было съ нимъ проститься и уйти спать.

— Да я могу вамъ откровенно сказать въ чемъ дѣло, началъ опять Соверби. — Мнѣ теперь дозрѣеу нужно хоть не много

денегъ. Не мудрено, даже очень вѣроятно, что изъ-за этого пропадетъ все дѣло.

— Не можете ли вы занять у Гарольда Смита?

— Ха! ха! ха! Вы Гарольда Смита не знаете. Онъ и шиллинга займа не дастъ.

— Или у Саппельгауса?

— Господь съ вами! Вы тутъ насъ видите вмѣстѣ, онъ и у меня гостилъ иногда, но мы съ Саппельгаусомъ вовсе не друзья. Вотъ видите, Маркъ, я больше дамъ за вашъ мизинецъ, чѣмъ за всю его руку, вмѣстѣ съ его хваленнымъ перомъ. Вотъ, Фодергиллъ.... но и у Фодергилла, я знаю, дѣла плохо идутъ въ настоящую минуту. А вѣдь чертовски досадно, не правда ли? Я долженъ бросить всё дѣло, если мнѣ не удастся достать четырехъ сотъ фунтовъ не позже какъ дня черезъ два.

— Такъ попросите у ней самой.

— Какъ, у женщины, на которой я хочу жениться! Нѣтъ, Маркъ, я до этого еще не дошелъ; я скорѣе соглашусь потерять ее.

Маркъ сидѣлъ молча, глядя на огонь, и внутренно сожалѣя, что онъ не у себя въ комнатѣ. Онъ видѣлъ, что мистеръ Соверби желаетъ, чтобъ онъ ему предложилъ эту сумму; онъ зналъ также, что ея не имѣетъ, и что еслибъ имѣлъ, сдѣлалъ бы большую глупость, отдавъ ее мистеру Соверби. А между тѣмъ, онъ невольно поддавался влиянію этого человѣка, хотя и боялся его.

— Лофтонъ не можетъ мнѣ отказать въ этой услугѣ, продолжалъ Соверби.— Онъ въ долгу передо мной. Но его здѣсь нѣтъ теперь.

— Да вѣдь онъ только что заплатилъ вамъ пять тысячъ фунтовъ.

— Заплатилъ мнѣ! Ни единого шиллинга не досталось мнѣ изъ всей этой суммы. Повѣрьте мнѣ, Маркъ, вы не знаете всего. Конечно, я ни слова не хочу сказать противъ Лофтона; онъ чистѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, хотя страшно медлителенъ въ денежныхъ разчетахъ. Онъ убѣжденъ, что совершенно былъ правъ въ этомъ дѣлѣ, а между тѣмъ онъ былъ виноватъ кругомъ. Да помните ли? вы сами это говорили прежде.

— Я говорилъ только, что онъ, какъ мнѣ казалось, ошибался.

— Конечно, онъ ошибался, и мнѣ дорого стоила его ошибка. Мнѣ пришлось отвѣчать за эту сумму въ продолженіи двухъ-трехъ лѣтъ. А состояніе у меня не такое какъ у него.

— Женитесь на миссъ Данстеблѣ; это разомъ устроитъ ваши дѣла.

— Да я бы такъ и сдѣлалъ, еслибъ имѣлъ въ рукахъ эти деньги; по крайней мѣрѣ, я бы дѣло довелъ до развязки. Послушайте,

Маркъ, если вы мнѣ поможете выпутаться изъ этого затрудненія, я вамъ навѣки останусь благодаренъ. А можетъ-быть придетъ время, когда и мнѣ удастся что-нибудь для васъ сдѣлать.

— Да у меня нѣтъ и ста фунтовъ; врядъ ли есть и пятьдесятъ.

— Разумѣется, нѣтъ; я знаю, что люди не расхаживаютъ съ четырьмястами фунтовъ стерлинговъ въ карманѣ. Изъ всѣхъ здѣсь присутствующихъ, можетъ-быть, одинъ герцогъ имѣетъ такую сумму наготовѣ у своего банкира.

— Такъ чего же вы отъ меня хотите?

— Мнѣ нужно ваше имя, больше ничего. Неужели я бы сталъ такимъ образомъ требовать отъ васъ наличныхъ денегъ? Позвольте мнѣ только выдать на васъ вексель, срокомъ на три мѣсяца. За долго до того моя дѣла должны поправиться совсѣмъ.

И прежде чѣмъ Маркъ успѣлъ что-либо отвѣчать, Соверби уже вынулъ изъ бюро, бумагу, чернилицу съ перомъ и вексельныя марки, и сталъ писать вексель, какъ будто бы пріятель его уже изъявилъ согласіе.

— Право, Соверби, мнѣ бы не хотѣлось этого дѣлать.

— Почему? Чего же вы боитесь? спросилъ мистеръ Соверби довольно рѣзко.—Слыхали ль вы когда-нибудь, чтобъ я отказывался заплатить по векселю, когда выходилъ ему срокъ?

Робартсъ подумалъ про себя, что до него доходили подобныя слухи; но, отъ смущенія, онъ смолчалъ.

— Нѣтъ, другъ мой, я до этого еще не дошелъ. Вотъ, только подпишите здѣсь: *принять къ уплатѣ*, и вы никогда больше не услышите объ этой бумагѣ, а между тѣмъ навѣки обяжете меня.

— Право, мнѣ, какъ священнику, не слѣдуетъ...

— Какъ священнику! Полно, Маркъ! Вы скажите прямо, что не хотите сдѣлать для друга эту бездѣлицу, но избавьте меня отъ этихъ пустыхъ фразъ. Кажется, въ провинціальныхъ банкахъ довольно векселей за подписью священниковъ. Ну, что жъ, другъ, неужели вы не захотите выручить меня изъ бѣды?

Маркъ Робартсъ взялъ перо и подписалъ вексель. Съ нимъ случилось это въ первый разъ въ жизни. Соверби радостно пожалъ ему руку, и Маркъ ушелъ къ себѣ въ самый печальный расположеніи духа.

ГЛАВА IX.

На слѣдующее утро, мистеръ Робартсъ распростился съ своими знатными друзьями. Не весело было у него на душѣ. Половину ночи провелъ онъ безъ сна, раздумывая о томъ, что онъ сдѣлалъ, и стараясь успокоить самого себя. Едва успѣлъ онъ

выйти изъ комнаты мистера Соверби, какъ уже видѣлъ ясно, что, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, ему опять придется хлопотать съ этимъ векселемъ. Когда онъ вернулся въ свою комнату, ему припомнилось все, что онъ слышалъ про мистера Соверби, съ гораздо-большою ясностью нежели пять минутъ тому назадъ, когда онъ сидѣлъ въ его креслѣ, съ перомъ въ рукахъ, готовый подписать бумагу. Онъ вспомнилъ жалобы лорда Лофтона на Соверби; припомнилъ слухи, которые ходили по всему графству, о невозможности получить денегъ изъ Чальдикотса, припомнилъ общую репутацію мистера Соверби, и наконецъ не могъ скрыть отъ себя, что ему, Марку Робартсу, придется выплатить, если не весь этотъ долгъ то по крайней мѣрѣ значительную часть его.

Зачѣмъ онъ заѣхалъ сюда? Или дома, въ ФреMLEй, онъ не имѣлъ всего, чего только могло пожелать сердце человеческое? Нѣтъ, сердце человеческое, то-есть сердце викарія можетъ желать деканства, а сердце декана можетъ желать епископства, а передъ глазами епископа не сіяетъ ли безпрестанно архипастырское величіе Ламбета? Онъ самъ себя признался, что онъ честолюбивъ; но теперь ему приходилось сознаться также, что до сихъ поръ онъ избиралъ жалкій путь къ цѣли своего честолюбія

На слѣдующее утро, пока Маркъ поджидалъ лошадь съ джиггомъ, никто на свѣтѣ не могъ быть веселѣе его пріятеля Соверби.

— Итакъ, вы ѣдете? сказалъ онъ, здороваясь съ Маркомъ.

— Да, я ѣду сегодня утромъ.

— Передайте дружескій поклонъ Лофтону. Мы можетъ-быть съ нимъ встрѣтимся на охотѣ, а то мы не увидимся до весны. Въ ФреMLEй нѣтъ конечно лвиться нельзя. Миледи стала бы отыскивать у меня хвостъ и рога, и увѣрять, что отъ меня пахнетъ жупеломъ. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы!

Извѣстно, что Фаустъ, когда впервые связался съ чортомъ, почувствовалъ удивительное влеченіе къ своему новому пріятелю; то же самое было и съ Маркомъ Робартсомъ. Онъ дружески пожалъ руку Соверби, сказалъ, что надѣется въ скоромъ времени встрѣтиться съ нимъ гдѣ-нибудь, выказалъ самое теплое участіе насчетъ исхода его сватовства. Такъ какъ онъ уже связался съ чортомъ, такъ какъ онъ обязался заплатить за своего любезнаго друга около половины годоваго своего дохода, то нужно же было чѣмъ-нибудь себя вознаградить за денежный убытокъ. А въ чемъ же найдти это вознагражденіе какъ не въ дружбѣ этого изящнаго члена парламента? Но онъ замѣтилъ, или ему показалось, что мистеръ Соверби уже на такъ нѣженъ къ нему какъ наканунѣ. «Будьте здоровы!» сказалъ мистеръ Соверби, но

ни единымъ словомъ не упомянулъ о будущихъ свиданіяхъ, не обѣщался даже написать. Вѣроятно, мистеръ Соверби имѣлъ много заботъ въ головѣ; чего же естественнѣе, если, окончивъ одно дѣло, онъ тотчасъ же обращалъ свои мысли къ другому?

Сумма, за которую поручился Робартсъ, и которую, онъ опасался, рано или поздно придется ему уплачивать, составляла почти половину его ежегоднаго дохода, а съ тѣхъ поръ какъ онъ женился, ему не удалось отложить ни одного шиллинга. Когда онъ получилъ мѣсто викарія, онъ тотчасъ же замѣтилъ, что всѣ окружающіе смотрятъ на него какъ на человѣка съ состояніемъ. Онъ самъ повѣрилъ этому общественному приговору, и принялся устраивать себѣ комфортабельное житіе. Онъ собственно не нуждался въ куратѣ; но могъ же онъ позволить себѣ ежегодно жертвовать семьдесятю фунтами, какъ довольно неосторожно замѣтила леди Лотонъ; и, оставляя при себѣ Джонса, онъ оказывалъ услугу бѣдному собрату-священнику, а вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ себя въ болѣе-независимое положеніе. Леди Лотонъ сама пожелала, чтобъ ея любимецъ-пасторъ какъ можно удобнѣе и пріятнѣе устроилъ свою жизнь, но теперь она очень расказывалась въ томъ, что посоветовала ему удержать при себѣ курата. Не разъ она говорила себѣ, что нужно какъ-нибудь удалить изъ Фремлея мистера Джонса.

Онъ завелъ для жены кабриолетикъ, въ который запрягался пони, а для себя верховую лошадь, и другую для джига. Все это было необходимо для человѣка въ его положеніи, съ его состояніемъ. У него также былъ лакей, и садовникъ, и грумъ. Два послѣдніе были совершенно необходимы, но о первомъ нѣкоторое время шелъ споръ. Фанни положительно возставала противъ лакея; но, въ такихъ дѣлахъ, одно уже сомнѣніе обыкновенно рѣшаетъ вопросъ: послѣ того какъ цѣлую недѣлю толковали и спорили о лакеѣ, хозяину стало очевидно, что безъ лакея онъ не можетъ обойтись.

Въ это же утро, на возвратномъ пути домой, онъ внутренно произнесъ приговоръ надъ этимъ лакеемъ и надъ верховою лошадью; съ ними онъ долженъ непремѣнно разстаться.

Потомъ, онъ не станетъ больше тратить денегъ на поѣздки въ Шотландію, а главное, постарается не заходить комнаты обѣдѣвшихъ членовъ парламента въ заманчивый часъ полуночи. Вотъ что онъ обѣщалъ самъ себѣ по дорогѣ домой, тоскливо раздумывая о томъ, какъ бы набрать четыреста фунтовъ; что касается до содѣйствія самого Соверби, онъ очень хорошо зналъ, что на него надежда плохая.

Но ему опять стало весело на душѣ, когда жена вышла къ

нему на встрѣчу, накинувши на голову шелковый платокъ и какъ будто дрожа отъ холода.

— Милый мой старичокъ, воскликнула она, вводя его въ теплую гостиную, не давай ему сбросить съ себя и шарфъ.— Ты должно-быть умираешь съ голоду и холоду.

Но Маркъ былъ такъ озабоченъ во всю дорогу, что не могъ замѣтить до какой степени холоденъ воздухъ. Теперь онъ держалъ въ объятіяхъ свою милую Фанни; но долженъ ли онъ ей разказать о векселяхъ? Во всякомъ случаѣ не въ эту минуту, когда оба мальчика сидѣли у него на колѣняхъ и поцѣлуями стирали нней съ его бакенбардъ. Есть ли на свѣтѣ что-нибудь лучше возвращенія домой?

— Такъ Лофтонъ здѣсь? Тише Франкъ, тише (Франкъ былъ старшій его сынъ), ты столкнешь малютку въ каминъ.

— Дай мнѣ малютку, сказала мать,—тебѣ трудно держать ихъ обокъ, они такъ сильны. Да, онъ пріѣхалъ вчера утромъ.

— Видѣла ты его?

— Онъ былъ у насъ вчера, вѣстѣ съ матерью; а я у нихъ завтракала сегодня. Его письмо пришло вовремя, чтобъ остано-вить Мередитовъ. Они остаются еще на два дня, такъ что ты ихъ непременно увидишь. Сэръ-Джорджъ и не радъ задержать, но леди Лофтонъ настояла на своемъ. Я никогда не видала ея въ такомъ расположеніи духа.

— Въ хорошемъ расположеніи, не такъ ли?

— Еще бы! Лордъ Лофтонъ переводитъ сюда всѣхъ своихъ лошадей, и остается здѣсь до самаго марта.

— До марта!

— Да, мнѣ это шепнула миледи;—она не въ силахъ скрыть своей радости. Онъ даже на этотъ годъ отказался отъ поѣздки въ Лестерширъ. Желала бы я знать, какая причина всему этому?

Маркъ очень хорошо зналъ эту причину; онъ зналъ также, какъ дорого леди Лофтонъ заплатила за посѣщеніе сына. Но мистриссъ Робертсъ ничего не слыхала о пяти тысячахъ фунтахъ, подаренныхъ лорду Лофтону.

— Она теперь на все готова смотрѣть благосклонно, продолжала Фанни:—тебѣ нечего ей и упоминать о Гадеромъ-Каслѣ.

— Но она очень разсердилась, когда узнала, что я тамъ, не правда ли?

— Да, Маркъ, правду сказать она разсердилась не на шутку. Мы съ Юстиніей имѣли съ ней страшный споръ; она въ то время получила и другое какое-то неприятное извѣстіе, и потому... а ты знаешь ее. Она ужасно разгорячилась.

— И вѣрно наговорила страшныхъ вещей обо мнѣ?

— Больше о герцогѣ. Ты знаешь, что она никогда его не

любила, да и я точно также, откровенно скажу тебѣ, мастеръ Маркъ!

— Право, онъ не такой извергъ, какимъ его описываютъ.

— Во всякомъ случаѣ, онъ здѣсь намъ ничего не можетъ сдѣлать. Ну, потомъ я ушла отъ нея, не въ самомъ лучшемъ расположеніи духа; вѣдь и я также погорячилась...

— Да, могу себѣ представить, сказалъ Маркъ, обвивая рукой ея станъ.

— Я думала, что пойдетъ страшный раздоръ между нами, и вернувшись домой, написала тебѣ самое грустное письмо. Но не успѣла я запечатать его, какъ вдругъ ко мнѣ вошла млада,— одна совершенно, и... Да я не могу передать тебѣ, что именно она сказала или сдѣлала—только она поступила такъ хорошо, такъ благородно, говорила такъ искренно и честно, и съ такою любовью... она одна на это способна. На свѣтѣ мало подобныхъ ей, Маркъ; она лучше всѣхъ герцоговъ, съ ихъ....

— Рогамъ и хвостомъ, вѣроятно хочешь ты сказать: вѣдь это ихъ отличительная особенность, по мнѣнію леди Лоутонъ, сказалъ Маркъ, припомнивъ что Соверби сказалъ про самого себя.

— Ты обо мнѣ можешь говорить что хочешь, Маркъ, но я тебѣ не позволю нападать на леди Лоутонъ. Если рога и хвостъ должны означать распутство и безсовѣстность, то можетъ-быть ты болѣе правъ чѣмъ думаешь. Но сними же свое толстое пальто, и обогрѣйся хорошенько.

Вотъ всѣ упреки, которые Маркъ услышалъ отъ жены, послѣ непростительнаго своего поступка.

«Я непременно скажу ей про вексель,» подумалъ онъ: «но не сегодня; мнѣ прежде нужно повидаться съ Лоутономъ.»

Въ этотъ день они обѣдали во Фремле-Кортъ и тамъ видѣли молодого лорда; леди Лоутонъ они застали въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Лордъ Лоутонъ былъ красивый, статный молодой человѣкъ, пониже ростомъ Марка и не съ такимъ, можетъ-быть, умнымъ выраженіемъ въ глазахъ; но черты его были правильнѣе и все лицо дышало добротой и веселостью. Пріятно было смотрѣть на такое лицо, и какъ засматривалась на него леди Лоутонъ!

— Что жъ, Маркъ, побывали вы у Филистимлянъ? были первыя слова молодого лорда.

Маркъ засмѣялся, пожимая ему руку, а между тѣмъ не могъ не сознаться про себя, что точно онъ уже попалъ подъ иго филистимское. Увы, увy! трудно освободиться отъ оковъ, налагаемыхъ современными Филистимлянами! Если какой-нибудь Сампсонъ рѣшится разрушить храмъ надъ ихъ глазами, не долженъ ли онъ и самъ погибнуть вмѣстѣ съ ними?

Никакая пивка такъ упорно не вливается въ чловѣка какъ современный Филестимлянинъ.

— Вотъ вы все-таки застали сэръ-Джорджа, сказала ему миледи, и больше почти не намекала на его отсутствіе. Поговорили о чтеніяхъ; изъ замѣчаній леди Лофтонъ конечно было очевидно, что ей не нравятся люди, у которыхъ недавно гостилъ викарій, но она не позволила себѣ ни малѣйшаго личнаго намека, ни малѣйшаго упрека. До Фремле-Корта уже дошли слухи о рѣчи, произнесенной супругой епископа, въ заключеніи лекціи, и леди Лофтонъ не могла не посмѣяться надъ этимъ: она увѣрала, что главная часть лекціи была прочтена почтенною мистриссъ Пруди; а потомъ, когда Маркъ описалъ ея утренній костюмъ за завтракомъ въ воскресенье, миледи стала утверждать, что мистриссъ Пруди именно въ такомъ одѣяніи выказывала передъ публикой свое краснорѣчіе.

— Я бы дорого далъ, чтобы присутствовать на лекціи, сказалъ сэръ-Джорджъ.

— А я напротивъ, возразила леди Лофтонъ.—Невозможно не смѣяться при одномъ разказѣ объ этомъ. Но мнѣ было бы очень больно видѣть жену одного изъ нашихъ епископовъ, выставляющую себя въ такомъ смѣшномъ видѣ. Вѣдь все же онъ епископъ.

— А я, миледи, согласенъ съ Мередитомъ, сказалъ лордъ Лофтонъ.—Должно-быть это было уморительно. Но коль скоро этому суждено было случиться, коль скоро достоинство нашей церкви должно было подвергнуться такой напасти; признаюсь, я бы не отказался тамъ присутствовать.

— А я знаю, что тебѣ бы это было тягостно, Лудовикъ.

— Ничего, матушка, я бы кой-какъ оправился отъ тяжкаго впечатлѣнія; мнѣ кажется, что это было нѣчто въ родѣ боя быковъ: и страшно смотрѣть, и очень занимательно. А Гарольдъ Смитъ, Маркъ, что же онъ-то дѣлалъ въ это время?

— Да вѣдь это было не долго, отвѣчалъ Робертъ.

— Ну, а бѣдный епископъ? Онъ вѣрно былъ на иголкахъ? спросила леди Лофтонъ.—Мнѣ такъ его жаль!

— Онъ, кажется, преспокойно спалъ.

— Какъ, во всю лекцію? спросилъ сэръ-Джорджъ.

— Голосъ жены пробудилъ его, онъ вскочилъ, и также сказалъ что-то.

— Какъ, во всеуслышаніе?

— Всего слова два.

— Чтò за унижительная сцена! сказала леди Лофтонъ.—Какъ тяжело для тѣхъ, кто помнитъ добрейшаго старика, его пред-

шественника! Онъ подтверждалъ тебя, Лудовикъ; помнишь, мы послѣ завтракали у него?

— Какже, очень помню; въ особенности то, что никогда въ жизни мнѣ не случилось ѣсть такихъ отличныхъ пирожковъ. Старикъ самъ на нихъ обратилъ мое вниманіе, и, казалось, очень былъ радъ, что нашелъ во мнѣ сочувствіе. Теперь ужъ вѣрно не дѣлаютъ такихъ пирожковъ въ епископскомъ дворцѣ.

— Вы можете быть увѣрены, что мистриссъ Проуди постарается васъ всячески угостить, если вы явитесь къ ней, сказала сэръ-Джорджъ.

— Надѣюсь, что ему и въ голову не придетъ поѣхать къ ней, возразила леди Лофтонъ довольно рѣзко; впрочемъ, это было ея единственное рѣзкое слово, намекавшее на поѣздку Марка.

Такъ какъ тутъ былъ сэръ-Джорджъ Мередитъ, то Робартсъ не могъ поговорить съ лордомъ Лофтономъ о мистерѣ Соверби и его денежныхъ дѣлахъ; но онъ спросилъ его, когда можетъ съ нимъ повидаться наединѣ.

— Приходите завтра утромъ взглянуть на моихъ лошадей; ихъ только что сегодня привели. Мередиты уѣдутъ часовъ въ двѣнадцать, а тамъ мы съ вами останемся вдвоемъ.

Маркъ согласился, и отправился домой подъ руку съ женою.

— Не правда ли, что она добра? спросила Фанни, лишь только они вышли на дорогу.

— Да, она добра, добрѣе даже нежели я могъ ожидать. Но замѣтила ты, какъ она ожесточена противъ епископа? А правъ въ епископѣ нѣтъ ничего такого дурнаго.

— Она еще гораздо больше ожесточена противъ его жены. Но согласись, Маркъ, вѣдь точно не совсѣмъ прилично такъ выставаться на показъ. Чтѣ должны были подумать всѣ Барчестерцы?

— Имъ это, кажется, понравилось.

— Пустяки, Маркъ, это совершенно невозможно. Но впрочемъ мнѣ теперь не до того. Я хочу только, чтобы ты сознался, что она добра какъ ангелъ.

Мистриссъ Робартсъ продолжала восторженно расхваливать старую леди; послѣ описаннаго нами примиренія она не знала, какъ ее превозносить. А теперь, послѣ угрожающей бури, все такъ отлично устроилось, ея мужа такъ хорошо приняли, несмотря на всѣ его ошибки, все такъ, казалось, улыбалось имъ. Но какъ бы все измѣнилось въ ея глазахъ, еслибы только она узнала о злополучномъ векселѣ!

На другое утро, часовъ въ двѣнадцать, викарій вмѣстѣ съ молодымъ лордомъ расхаживался по фремлейскимъ конюшнямъ. Въ нихъ происходила страшная суета, потому что бѣльшая часть

этихъ строеній не была употребляема въ послѣдніе года. Но теперь все наполнилось и оживилось. Лорду Лофтону привели изъ Лестершира семь или восемь отличныхъ лошадей, и каждая изъ нихъ требовала такого просторнаго помѣщенія, что старый фремлейскій конюхъ только покачивалъ головой. Впрочемъ у лорда Лофтона былъ свой собственный надсмотрщикъ, который распорядился всѣмъ.

Маркъ, несмотря на свой священныи санъ, былъ большой охотникъ до хорошихъ лошадей, и онъ не безъ участія слушалъ лорда Лофтона, объяснявшаго ему достоинства, вотъ этого четырехлѣтняго жеребца, и той великолѣпной роттельбонской кобылы; но много другихъ заботъ тяготѣло на его душѣ, и послѣ получаса, проведеннаго въ конюшнѣ, ему удалось вывести пріятеля въ садъ.

— Итакъ ты разчитался съ Соверби? началъ Робартсъ.

— Расчитался съ нимъ! да; но знаешь ли ты цѣну?

— Тебя, кажется, пришлось заплатить пять тысячъ фунтовъ.

— Да. Но около трехъ тысячъ я заплатилъ еще прежде. А все это изъ-за такого дѣла, гдѣ я собственно не долженъ былъ платить ни шиллинга. Какихъ бы ни довелось мнѣ сдѣлать глупостей впередъ, я во всякомъ случаѣ не стану связываться съ Соверби.

— Но ты не думаешь, чтобъ онъ съ тобой поступилъ безчестно?

— Маркъ, сказать тебѣ по правдѣ, я пересталъ думать объ этомъ дѣлѣ, и не хочу больше припоминать его. Матушка заплатила за меня эти деньги, чтобы спасти помѣстья, и, конечно, я долженъ ей возвратить ихъ. Но я далъ себѣ слово не имѣть никакихъ денежныхъ дѣлъ съ Соверби. Можетъ-быть онъ и не безчестный человѣкъ, но ужъ черезчуръ изворотливый...

— Хорошо, Лофтонтъ; что же ты скажешь, когда узнаешь, что я за него подписалъ вексель въ четыреста фунтовъ?

— Да я бы сказалъ... но вы шутите; человѣкъ въ твоёмъ положеніи не сталъ бы этого дѣлать.

— Однакожъ я это сдѣлалъ.

Лордъ Лофтонтъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Онъ меня упресилъ въ послѣдній вечеръ, который я провѣлъ тамъ; говорилъ, что я его выручу изъ бѣды, и что никогда еще онъ не отказывался отъ уплаты своихъ долговъ.

— Никогда не отказывался! воскликнулъ лордъ Лофтонтъ:— да у ростовщиковъ цѣлѣны кипы его просроченныхъ векселей! И ты точно поручился за него въ четырехъ-стахъ фунтахъ?

— Точно.

— На какой срокъ?

— На три мѣсяца.

— И подумалъ ты о томъ, гдѣ достать эти деньги?

— Я очень хорошо знаю, что не могу ихъ достать, по крайней мѣрѣ въ такое короткое время. Придется возобновить вексель и уплачивать его мало-по-малу, то-есть въ такомъ случаѣ, если Соверби не возьметъ уплаты на себя.

— Это почти такъ же вѣроятно, какъ и то, что онъ возьмется уплатить государственный долгъ.

Робартсъ разказалъ ему о предполагаемой женитьбѣ Соверби, прибавивъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ миссъ Данстеблз приметъ его предложеніе.

— И не мудро, сказалъ Ло-тонъ:— Соверби человѣкъ очень пріятный; въ такомъ случаѣ, онъ будетъ обезпеченъ на всю жизнь. Но кредиторы его ровно ничего не выиграютъ. Герцогъ имѣетъ въ рукахъ закладныя на его помѣстья, и ужь конечно вытребуетъ свои деньги, такъ что имѣніе перейдетъ на имя жены. Мелкіе же кредиторы, какъ напримѣръ ты, не получатъ ни шиллинга.

Бѣдный Маркъ! Онъ и прежде отчасти подозрѣвалъ все это, но не такъ ясно выговаривалъ себѣ горькую истину. Итакъ, не было сомнѣнія, что въ наказаніе за его слабость ему придется заплатить не только четыреста фунтовъ, но и проценты, пошлины, издержки за возобновленіе векселя, за штемпельныя марки, и т. д. Да, точно, онъ попалъ въ руки къ Филлстимлианамъ во время своего пребыванія у герцога. Теперь ему стало достаточно ясно, что лучше бы онъ сдѣлалъ, еслибы напередъ отказался отъ всѣхъ великолѣпій Чальдикотса и Гадеромъ-Кассля.

Но какъ объявить это женѣ?

ГЛАВА X.

Маркъ Робартсъ долго обсуживалъ этотъ вопросъ въ своемъ умѣ, колебался, и не могъ ни на что рѣшиться. Наконецъ онъ остановился на одномъ планѣ, и нельзя сказать, чтобы планъ этотъ былъ очень дуренъ, еслибъ онъ только могъ привести его въ исполненіе.

Онъ разузнаетъ, у какого банкира вексель его былъ дисконтированъ. Онъ обратится къ Соверби, и если не узнаетъ отъ него, побываетъ у трехъ барчестерскихъ банкировъ. Онъ почти не сомнѣвался, что онъ былъ представленъ одному изъ нихъ. Онъ передастъ банкиру свое убѣжденіе, что уплата векселя вся падетъ на него, объяснитъ ему, что сдѣлать это черезъ три мѣ-

сяца ему будетъ невозможно, разкажетъ ему въ какомъ положеніи его дѣла; банкиръ объяснитъ ему тогда, какимъ образомъ дѣло это могло бы быть улажено. Онъ надѣлся, что ему можно будетъ каждыя три мѣсяца уплачивать пятьдесятъ фунтовъ съ процентами. Какъ только онъ условится съ банкиромъ, жена его все узнаетъ. Она могла бы заболѣть отъ испуга и безпокойства, еслибъ онъ разказалъ ей объ этомъ дѣлѣ теперь, когда оно еще было не улажено.

Но на другое утро онъ изъ рукъ почтальюна Робина получилъ извѣстіе, которое надолго перевернуло всѣ его планы. Письмо было изъ Экзетера. Отецъ его заболѣлъ, и доктора объявили, что онъ въ опасности. Въ тотъ вечеръ, когда писала его сестра, старикъ чувствовалъ себя очень дурно, и Марка просили какъ можно скорѣе ѣхать въ Экзетеръ. Разумѣется, онъ отправился въ Экзетеръ, опять оставивъ души фремлейскихъ своихъ прихожанъ на попеченіе валлійскаго пастора который по своимъ церковнымъ понятіямъ принадлежалъ не къ верхней, а къ нижней церкви. Отъ Фремлея до Сильвербриджа всего четыре мили, а черезъ Сильвербриджъ проходитъ западная желѣзная дорога. Поэтому онъ къ вечеру того же дня былъ уже въ Экзетеръ.

Но онъ не засталъ уже отца своего въ живыхъ. Болѣзнь старика развилась быстро, и онъ умеръ не простившись съ старшимъ сыномъ. Маркъ прибылъ къ своимъ именно въ то время, когда они начинали сознавать, какъ много измѣнилось ихъ положеніе.

Доктору посчастливилось на избранномъ имъ поприщѣ, но тѣмъ не менѣе онъ не оставилъ послѣ себя столько денегъ, сколько, по общей молвѣ, должно было находиться въ его карманахъ. Да и какъ иначе? Докторъ Робартсъ воспиталъ большое семейство, онъ всегда жилъ хорошо, и никогда не имѣлъ въ рукахъ шиллинга, не заработаннаго имъ самимъ. Конечно, деньги съ пріятною быстротой сыплются въ руки доктора, пользующагося довѣріемъ богатыхъ стариковъ и дамъ среднихъ лѣтъ; но онъ почти съ такою же быстротой и исчезаютъ изъ нихъ, когда жену и семь человѣкъ дѣтей хочется окружить всѣмъ, что свѣтъ почитаетъ пріятнымъ и полезнымъ. Маркъ, какъ мы уже видѣли, воспитывался въ Гароу и Оксфордѣ, и поэтому какъ бы уже получилъ свою часть отцовскаго наслѣдія. Для Джеральда Робартса, втораго брата, было куплено мѣсто въ полку. Ему также посчастливилось: онъ былъ въ Крыму, остался живъ и получилъ капитанскій чинъ. Младшій же братъ, Джонъ Робартсъ, служилъ клеркомъ въ одномъ департаментѣ, и уже былъ помощникомъ секретаря у начальника. На его воспитаніе не жалѣли

денегъ: въ тѣ дни молодой человекъ не могъ получить такого мѣста, не зная по крайней мѣрѣ трехъ иностранныхъ языковъ; а отъ него требовались еще основательныя свѣдѣнія въ тригонометріи, въ библейскомъ богословіи или одномъ изъ мертвыхъ языковъ, по собственному его выбору.

Сверхъ того, у доктора были четыре дочери. Изъ нихъ двѣ были замужемъ, въ томъ числѣ та Бленчъ, въ которую лордъ Лотонъ обязанъ былъ влюбиться на свадьбѣ друга. Одинъ девонширскій помѣщикъ взялъ на себя въ этомъ случаѣ обязанность лорда; но женившись на ней, онъ для перваго обзаведенія имѣлъ надобность въ двухъ-трехъ тысячахъ фунтовъ, и докторъ выдалъ ихъ ему. Старшая дочь также покинула родительскій домъ не съ пустыми руками, и поэтому, когда докторъ умеръ, въ домѣ его оставались только двѣ меньшія его дочери, изъ которыхъ только одна младшая, Люси, будетъ часто встрѣчаться намъ въ продолженіе этого разказа.

Марку пришлось провести десять дней въ Экзетерѣ: душеприкащиками были назначены онъ и девонширскій помѣщикъ. Въ завѣщаніи своемъ докторъ объяснялъ, что старался устроить судьбу каждаго изъ своихъ дѣтей. Что касается милаго его сына Марка, то за него беспокоиться ему было нечего. Услышавъ это при чтеніи завѣщанія, Маркъ принялъ весьма довольный видъ; но тѣмъ не менѣе сердце его сжалось: онъ было надѣялся, что ему достанется маленькое, самое маленькое наслѣдство, которое поможетъ ему разомъ развязаться съ этимъ мучительнымъ векселемъ. Затѣмъ, въ завѣщаніи было сказано, что Мери, Геральдъ и Бленчъ также, благодаря Бога, имѣютъ вѣрный кусокъ хлѣба. Кто бы взглянулъ на девонширскаго помѣщика, тотъ могъ бы подумать, что и его сердце нѣсколько сжалось: онъ не умѣлъ такъ хорошо владѣть собой и скрывать свои чувства, какъ болѣе хитрый и свѣтскій его дѣверъ. Джону, помощнику секретаря, была оставлена тысяча фунтовъ; а на долю Дженъ и Люси—кругленькіе капиталы которые въ глазахъ осторожныхъ жениховъ могли придать много прелести этимъ молодымъ дѣвушкамъ. Оставалась еще движимость, и докторъ просилъ продать ее, а деньги раздѣлить между всѣми. Каждому отъ этой продажи могло достаться отъ шестидесяти до семидесяти фунтовъ, чѣмъ могли быть покрыты издержки, причиненныя его смертію.

Всѣ сосѣди и знакомые единогласно рѣшили, что старый докторъ распорядился отлично. Онъ и въ завѣщаніи своемъ не отступилъ отъ обычной своей справедливости. Маркъ твердилъ это вмѣстѣ съ другими, да и дѣйствительно былъ убѣжденъ въ этомъ, несмотря на то, что онъ немного обманулся въ своемъ ожиданіи. На третье утро по прочтеніи завѣщанія мистеръ

Крауди изъ Кримлотидъ-Галла наконецъ утѣшился въ своемъ горѣ, и нашелъ, что все совершенно справедливо. Затѣмъ было рѣшено, что Дженъ побѣдетъ погостить къ нему (у него былъ сосѣдь помѣщикъ, который, по его расчетамъ, долженъ былъ посвататься за Дженъ), а что Люси, младшая сестра, будетъ жить у Марка. Двѣ недѣли по полученіи извѣстнаго намъ письма, Маркъ прибылъ къ себѣ домой, съ сестрой Люси подъ своимъ крыломъ.

Все это помѣшало Марку привести въ исполненіе мудрое свое рѣшеніе насчетъ этого кошмара, этого векселя, даннаго мистеру Соверби. Вопервыхъ онъ не могъ побывать въ Барчестерѣ такъ скоро, какъ располагалъ, а потомъ въ немъ мелькнула мысль, что быть-можетъ лучше бы ему было занять эти деньги у брата Джона, и выплачивать ему должные проценты. Но онъ не захотѣлъ переговорить съ нимъ объ этомъ въ Экзетерѣ, гдѣ они еще какъ бы стояли надъ могилой отца, и онъ отложилъ дѣло до другаго времени. Срокъ векселю выходилъ еще не скоро, и онъ успѣетъ еще все устроить, а Фанни нечего было и говорить объ этомъ, пока онъ окончателно не рѣшится на что-нибудь. Онъ повторялъ себѣ, что этимъ можетъ убить ее, если онъ скажетъ ей объ этомъ долгѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не скажетъ ей, какія онъ имѣетъ средства уплатить его.

Теперь нужно сказать нѣсколько словъ о Люси Робартсъ. Какъ пріятно было бы, еслибы можно было обойтись безъ всѣхъ этихъ описаній! Но Люси Робартсъ будетъ играть не послѣднюю роль въ этой маленькой драмѣ, и я долженъ дать нѣкоторое понятіе о ея наружности тѣмъ, которыхъ интересуютъ эти подробности. Когда мы въ послѣдній разъ видѣли ее скромною дѣвочкой на свадьбѣ брата, ей было шестнадцать лѣтъ; съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ два года, и когда умеръ ея отецъ, ей было почти девятнадцать лѣтъ: она была ребенкомъ на свадьбѣ брата, но теперь она была женщина.

Ничто, кажется, такъ быстро не развиваетъ ребенка, не дѣлаетъ изъ него женщину, какъ эти минуты, когда приходится видѣть смерть вблизи. До тѣхъ поръ на долю Люси выпадало мало женскихъ обязанностей. О денежныхъ дѣлахъ она не знала ничего, кромѣ шутилой попытки отца назначить ей двадцать пять фунтовъ въ годъ на всѣ ея издержки; но попытка эта осталась шуточной вслѣдствіе нѣжной щедрости ея отца. Сестра ея, которая была старше ея тремя годами (Джонъ былъ моложе ея и старше Люси), завѣдывала домою, то-есть разливала чай и совѣщалась съ экономкой объ обѣдахъ. Мѣсто же Люси было около отца; она читала ему вслухъ по вечерамъ, придвигала ему мягкое кресло, приносила ему туфли. Все это она дѣлала какъ ребенокъ;

но когда она стояла у изголовья умирающаго отца, молилась у его гроба, тогда она была женщина.

Она была меньше ростомъ своихъ сестеръ, признанныхъ въ Экзетеръ видными красавицами, чего о Люси сказать было невозможно.—Какъ жаль! говорили о ней:—бѣдная Люси вовсе не похожа на Робертсовъ; не такъ ли, мистрисъ Поль?

И мистрисъ Поль отвѣчала:

— Во все не похожа. Вспомните, какова была Бленчъ въ ея лѣта. Глаза у ней впрочемъ хороши; говорятъ, что она всѣхъ ихъ умѣе.

Описаніе это такъ вѣрно, что я не знаю право, что къ нему прибавить. Она не была похожа на Бленчъ: у Бленчи былъ чудный цвѣтъ лица и прекрасныя плечи, и сложена она была великолѣпно, *et vera incessu patuit Dea*—настоящая богиня, по крайней мѣрѣ на взглядъ. Кромѣ того, она съ любовью заправляла яблочные пуддинги, и въ свое недолгое царствованіе въ Кримклотидъ-Галлѣ уже успѣла постигнуть всѣ таинства по части поросатъ и масла, и почти всѣ по части сидра и зеленого сыра. Плечики Люси небыли такогорода, чтобы можно было потратить на нихъ много краснорѣчія; она была смугла; она не достаточно вникла въ кухонныя тайны. Что касается плечъ и цвѣта лица, она, бѣдняжка, не была виновата; но относительно послѣдняго пункта мы должны признаться, что она вовсе не воспользовалась представлявшимися ей возможностями просвѣтиться.

Но за то, что за глаза были у неа! Мистрисъ Поль и въ этомъ отношеніи была права. Они такъ и сверкнутъ, когда она глянетъ на васъ: блескъ ихъ конечно не всегда былъ мягокъ, онъ даже рѣдко былъ мягокъ, если вы ей были не знакомы; но блескъ этотъ, кротко ли, сердито ли она взглянетъ на васъ, былъ ослѣпительнъ. И кто скажетъ, какого цвѣта были эти глаза? Должно-быть зеленоватые, потому что глаза по большей части бьвають этого цвѣта, зеленоватые,—или пожалуй сѣрые, если читатель найдетъ, что зеленоватый цвѣтъ глазъ непріятенъ. Глаза Люси поражали не цвѣтомъ своимъ, но огнемъ, горѣвшимъ въ нихъ.

Она была совершенная брюнетка. Ея смуглая щеки иногда покрывались очаровательнымъ румянцемъ, темныя ея рѣсницы были длинны и мягки; ея маленькіе зубы, которые рѣдко выставались на показъ, были бѣлы какъ жемчугъ; ея волосы, хотя не длинныя, были необыкновенно мягки: они не совсемъ были черныя, но самаго темнаго каштановаго оттѣнка. У Бленчи были также замѣчательно-бѣлые зубы. Но когда она смѣялась, то она какъ будто вся была только зубы, точно такъ же когда она сидѣла за фортепіано, то она какъ будто вся было только плечи да шея. Нозубы Люси! Эти два ряда бѣлаго, равнаго жемчуга являлись, мель-

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ

Старые боги и новые боги.

Замѣтка о русской журналистикѣ. Я. К. ГРОТА.

Сочиненія И. С. Тургенева. М. Н. ЛОНГИНОВА.

Стихотворенія Надежды Тепловой (Терюхиной). М. Н. ЛОНГИНОВА.

Губернскія памятные книжки въ 1860 году.

Карта Самарской губерніи, составленная губернскимъ землеѣмъ Шахларевымъ въ 1858 году. А. А. САМОЙЛОВА.

Замѣтка.

КНИЖКИ РУССКАГО ВѢСТНИКА выходятъ ежемѣсячно; СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ ежедѣльно, по четвергамъ.

ПОДПИСКА НА *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* ПРИНИМАЕТСЯ
НА 1861 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и Въ книжной лавкѣ г. Базунова, въ К^о, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*,
въ Москву.

Цѣна за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ и СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ, съ пересылкою и доставкою на домъ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ СЕРЕБРОМЪ.

Заграничные обращаются въ берлинскій почтамтъ. Цѣна съ пересылкою въ мѣста Нѣмецкаго Таможеннаго и Почтоваго Союза 22 талера 5 грошей 3 пфеннига.

Печатать дозволяется.

Марта 7-го. Цензоръ А. Петровъ.

Н. Гиллровъ-Платоновъ.

MAY 18 1956

